

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

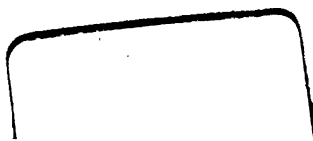
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191438 8

1711

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ.

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о)
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1910 L

КУРСКІЕ ПОРУБЕЖНИКИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему
За тридесать замками булатными;
А и буйные вихри — не вихнуть на нее
А красное солнце — не печеть лицо.

Какъ уѣхалъ курскій голова, стала задумываться боярышня, и досадио ей становилось каждый разъ какъ старая мамка замѣчала ея тоску.

Ранняя весна пришла непогодливая и тоскливая, словно все плакала о комъ-то частыми дождиками. Залертая погодой въ теремѣ, боярышня раздумывала о своемъ новомъ чувствѣ, и старалась побѣдить его молитвой. „Я забыла Бога, укоряла она себя: — дьяволъ смущаетъ меня. Христовой невѣстѣ не подобаетъ помышлять о суетныхъ прелестяхъ міра сего.“

Ночь, а Наталья не спитъ, засмеивалась на огонь ярко пылавшій въ печи. Мамушка въ черномъ шушунѣ и въ низко-

---

* Окончаніе. См. *Руск. Вѣстн.* № 5 и 6.

повязанномъ ковровомъ платкѣ, съ жадностью и недоумѣніемъ глядитъ на свою литомицу, вздыхая и отрываясь отъ мѣдныхъ спицъ и безконечнаго вязанья.

— Съ глазу тебѣ это, свѣтикъ; испорчена, прости Господи! начала старуха, перекрестивъ ее и трижды дунувъ ей въ лицо, какъ бы что отгоняя отъ нее:—взбрызну-ка тебя на ночь крещенскою водой. Коли съ глазу, какъ рукой сыметь. Ну, отчего не въ луговой постелькѣ ночь коротаешь?

Боярышня усадила старуху подлѣ себя и положила головку на ея плечо.

— Не скучай, дитятко, скука грѣхъ, скука гордости сестра, тихо говорила старуха, лаская Наталью:—гордость человѣку лагуба; черезъ гордость свою человѣкъ царствія Божія рѣшился, вотъ что. Можетъ зазнобушка ретивое цемить, младу кровь сушить, что жь? Законъ прими, по закону должна мужевой женой жить. Облегчись ты своей глупой старухѣ, сударка.

Голосъ мамки вздрогнулъ, и она утерла слезинки. Боярышня молча припала ко груди старухи.

— И-и, дитятко, глядѣть-то мнѣ, старому человѣку, на тебя чудно, сквозь слезы бормотала мамка. — Ну, что жь ты, зорька лѣтняя, логожая, молчишь, таишься отъ глупой своей мамки? Она вѣдь тебя вылестовала, баба глухая. На колѣнки ладу, со слезами молить стану: „Не круши ты себя, умница бѣлая!“ Не спроста тебя закликаю, Натальюшка, свѣтъ Иововна.—Старуха вздохнула и шепотомъ докончила: — видѣла я твою мать, Стеланиду Юрьевну, покойницу!

— Мою мать? воскликнула боярышня, поднявъ голову и съ тревогой глядя на старуху.

Мамушка помолчала и тихо сказала:

— Покойница ходитъ. Видѣла ее, старые слуги видѣли, имъ однимъ открывається. Видѣлъ ее Логинъ Иванычъ, истопникъ, за три дня до своей смерти. Явилась ему среди дня, при народѣ, а никто окромѣ его не видѣлъ. Въ бѣломъ саванѣ являється, съ вѣнцомъ, и руки крестомъ, какъ во гробъ положена. Показала истопнику на небо и туманомъ взялась.... Сказалъ это онъ народушкѣ, даже плакалъ: „Смерть моя, говорить, близка; любезная моя, говорить, боярыня за мной съ того свѣта приходила“. Черезъ три дня померъ. Являлась она....—голосъ мамки задрожалъ—и

мнѣ, недостойной грѣшницѣ. Вспомнить жутко. Наперво давно, въ Москвѣ было дѣло. Этакая явилась свѣтлая какъ парь; ужь и не помню я ли то была, или не я. Дрожу, алыни окоченѣла со страстей. У-у, жутко, съ нами крестная сила!—Старуха зажмурилась: — Держу тебя на рукахъ, утѣшаюсь тобой такъ-то, а она не надлюбуется, сердечная, на тебя, алыни посвѣтало въ комнатѣ; подняла руку, погрозила такъ-то мнѣ ручкой, и паромъ взялась.... Упокой Господи праведную душу!... Ну, только я никому объ этомъ не говорила, потому она мнѣ погрозила ручкой не сказывать....

— Мать мою бралъ отецъ уже старый? спросила Наталья.

— Годовъ за пятьдесятъ ему было, сударка. Твоя мать не какого-нибудь роду, а княжескаго, Телелневыхъ князей. Да и христіанская душа у ней была, и разумъ. Бѣдовый родитель твой былъ, и гульбу любилвалъ. Охоту кречетинуую и на медвѣдей держалъ по Москвѣ первую. Самъ царь, бывало, забавлялся его охотой въ подмосковныхъ лѣсахъ и въ Тульской Засѣкѣ, въ боярской вотчинѣ. Любилъ чтобы народъ развеселый былъ, коли ему весело. Ину пору, подгуляють въ хоромахъ, въ самую глухую полночь, а то, глядишь, въ метель, кричить Ферязю: „сгоняй ко крыльцу народъ; водки давай! Пей и ляжи, христіанская душа!“ Ну, тутъ живую рукой бочки, бабы, плясуны, скоморохи; всею бывало! А онъ, кормилецъ, потѣшается: „люблю, говорить. какъ дымъ, говорить, коромысломъ идетъ!“ Во хмѣлю, родитель твой съ гостями, тоже боярами, доводилось, съ бабами залѣвали; старика старосту любилъ за что же? Что тотъ на престольный праздникъ, на Успеньевъ день, завсегда такъ съ бабами водилъ. И что жь бы ты думала, сударка? Вѣдь наряженный по бабью плясалъ такъ староста какъ есть баба; въ кичкѣ, въ паневѣ, въ башмакахъ. Животики всѣ на него надрывали: по бабы пляшетъ-вертитъ, а бородача здоровенная, окладистая, сѣдая. За это за самое любилъ родитель твой старосту и по немъ руку держалъ. А горячъ допрежде бояринъ былъ, и сказать того нельзя какъ горячъ, дитятко. Одно слово, съ сердцовъ готовъ былъ человѣкъ убить; чѣмъ ни попади билъ. Однова такъ-то прогнѣвался на кузнеца: лошадь заковалъ; распалился, сбилъ съ ногъ и давай толгать. Что жь, сударка, убилъ вѣдь кузнеца: мертваго подъяли. Однимъ хорошъ былъ: коли человѣкъ обидѣлъ нарасно, отдарить безпремѣнно. Кузнецовой вдовѣ милость свою

боярскую показалъ: замужь отдавъ, свадьбу на свой счетъ сыгралъ, дворъ новый далъ.... На это хорошъ былъ твой родитель. Вѣстимо, дитяtko, человекъ именитый, въ силѣ, думный бояринъ; кто ему велитъ укрощать себя, кого ему бояться? За свою нравность да за правду, слышь, и въ опалѣ отъ царя Бориса; покориться ему не хочетъ. Домъ-то у нашего на Москвѣ стоялъ каменный съ хитрымъ узорочьемъ, Нѣмецъ строилъ; противъ Кремля какъ разъ стоялъ. Вдѣтъ бывало въ царскую думу, народъ останавливается: „бояринъ де Иона ѣдетъ“. Кланяются ему въ поясъ и на колымагу дивуются. Колымага знатная, со слоновою костью, съ бронзовыми шинами; ручки, даже головки отъ винтовъ—бронзовыя, а сама какъ дѣтская люлька качается. Кони вороные, чудесные, своего-таки Одоевскаго завода. Впереди вершники, съ боку скороходы. Самъ-то нашъ изъ себя былъ саповитый, въ бархатномъ кафтанѣ съ золотыми застежками, въ высокой собольей шалкѣ.... Куды те, половины его противъ прежняго не осталось! Показанъ былъ. Бороду разчесеть пальмовою гребенкой, голову смаслить, альни блестятъ; было на что посмотрѣть, на родителя твоего, сударка; было, нечего сказать! Ну, въ свое удовольствіе поживши изрядно и душевнѣкку свою боярскую потѣша, скучать зачалъ нашъ-то. „Старѣюсь, говорить, какъ бы не умереть безъ наслѣдника“. А вотчины за нимъ были богатыя: жалованныя и покулныя. Сталъ нашъ думу думать, слохватися что родъ именитый съ нимъ покончится, надумалъ жениться. Добрые люди присватали ему родительницу твою, дѣвицу княжескую, изъ себя красавицу. Молодая вышла смиренная такая: все бывало молчить да молитву шепчетъ. А какъ вошла въ домъ, стала великая перемѣна; словно благодать Божію внесла. Не токмо въ домѣ, въ бояринѣ перемѣну сдѣлала. Полно дурить. Прежде бывало, придетъ ему, прости Господи, блажь, угаръ хмѣльный пристулитъ въ голову, ну и вопить благимъ матомъ: „не звонить! Не хочу слышать нынче воскреснаго звона!“ Ну, и не звонятъ: въ приходѣ ли, въ вотчинѣ ли своей, попы нашего баивались и подражали ему. А боярыня какъ словно волю его дикую сломила; боялся ли онъ ее что ли, или уважалъ, а только ее слушался, дитяtko. Чтò ни Божій день—Божью у нея люди: черные монахи, черные попы, странники; сама изъ чернаго не выходила: въ родѣ ря-

ски суконной носила и кожанымъ поясомъ стягивалась; голову монашескою шалочкой покрывала, глаза въ землю смотрѣли да на четки; четки же у нея изъ Иерусалима были, киларисныя, таковы-то духовитыя, юродивый принесъ. Съ четками и похоронили, по обѣщанію. Забунтоваль - было нашъ-то: порядки ему эти не понравились. „Я, говоритъ, не монашку за себя бралъ; ты, говоритъ, увынье на мой боярскій домъ напустила“. Загудѣли у нея прялки въ дѣвичьей, а въ челядинской охотники или со скуки слять безъ отъѣзжаго поля, или невода вяжутъ. А своему-то проловѣди читаетъ, поклоны бить заставляеть. „Я, кричить, бралъ тебя не затѣмъ чтобы самому въ чернецы идти; ты, кричить, хоромы мои боярскія омерзила мнѣ.“ — „Смирись, Иона Агѣвичъ, родительница твоя увѣщаетъ: — великій ты грѣшникъ, шала за тебя, бояринъ Иона, потому только что слышана была что ты вправомъ звѣрь, не человекъ, и во хмѣлю даже воскресный звонъ воспрещаетъ и хололей своихъ до смерти убиваетъ во гнѣвѣ; стало, думала я, дьяволъ въ него вселился. Похотѣлось мнѣ обратить тебя отъ дьявола къ Богу, за душу твою, говоритъ, убоялась, Агѣвичъ.“ Ну, вѣстимо, обѣсится бояринъ, кричить: „я не разбойникъ“. — „Тотъ же ты разбойникъ, она ему говоритъ, да все тихо, тихо: Смирись, говоритъ, предъ небеснымъ Судьей; оставь, говоритъ, рыканіе, звѣрю лютому подобное; за твою гордость, Богу противную, не дастъ тебѣ Богъ дѣтища кровнаго и умретъ, говоритъ, съ тобой родъ твой; нечестіемъ своимъ, говоритъ, погубилъ ты его, Иона Агѣвичъ.“ — Убоялся нашъ-то, покорился женѣ. А годовъ шесть дѣтей не было, ужъ и не ждалъ онъ дѣтей. Радъ былъ радехонекъ какъ Богъ далъ ему тебя, мое дитятко милое; лоскорбѣлъ что родилась дочь, а не сынъ, а все привязался къ своему „позднушкѣ“; позднушкой, слышь, называлъ тебя, Натальюшка. А боярыня, родивши тебя, какъ только встала послѣ шести недѣль, юродивою стала. Ушла ночью, отъ всѣхъ тайно, въ монастырь. Тамъ родитель твой видѣлъ ее и предсказала она ему и царскій гнѣвъ, и что на новыя мѣста пойдетъ жить, и свою смерть предсказала.... Прозорливицей была, и послѣ своей смерти стала домашнимъ являться. Скончаніе свое приняла въ черничкахъ, всякой хвалы достойно. Какъ царевича Дмитрія Годуновскіе извели, предсказала прозорливица что лютый гладъ на Руси будетъ и бой великій.... Гляжу

на тебя, Натальюшка-свѣтъ, какъ двѣ капли воды съ матерью ты своею. Хороша была: что ростомъ, что лицомъ, что рѣчьми, ея ты подобіе. Тоже, не хуже твоего, занималась божественными книгами, зналась съ мудрыми чернецами, милостыню подавала на монастыри и нищей братіи. Однова, слышь, на ярмаркѣ, кольцо свое обручальное каликѣ подала, какъ все раздала. А когда бояринъ засудился на Москвѣ въ боярской думѣ за мѣста, вышла царевъ указъ повиненъ де Иона уплатить безчестье Морозу боярину. Ну, и не было у родителя твоего казны: приходилось тульскія вотчины продавать, даже покупатель обыскался; завтра бы продать, а нынче, ввечеру, приносить родителю твоему, якобы монахъ видомъ, ящикъ съ ключомъ: „отъ прозорливицы“, сказалъ и скрылся. Отперъ родитель твой ящикъ—золото, отъ кого—неизвѣстно. И выкупилъ такъ-то свою вину по цареву указу. Старуха вздохнула и перевела духъ: — Видѣла я ее намедни олять... А прозорливица является не къ добру, съ нами крестная сила!... о-охъ-охоноушки, не къ добру, сударка!... Чу, лѣтужи пропѣли.... Стало полночь, а ты не ложила, болѣзала! Слышь, лѣтужи...

Наталья услышала лѣтушій крикъ.

— Все проходить, мамушка, сказала она, вздохнувъ,—и мы пройдемъ...

Наталья вскрикнула въ ужасѣ и, дрожащая, поднялась съ лавки, всматриваясь въ темную горницу, гдѣ въ дверяхъ чудился ей бѣлый женскій образъ, со сложенными накрестъ руками.

Указывая рукою, Наталья виѣ себя бросилась на грудь старухи.

— Она! прозорливица! вскричала мамка, не владея собой:— Господи помилуй!

Боярышня безъ чувствъ упала на мягкій войлокъ покрывавшій полъ терема.

II.

Мое личико разговорчивое,
Ретиво сердце завнобчивое.

Съ наступленіемъ весны, въ Курскомъ городѣ попрежнему шла сторожевая служба, даже строже и дѣятельнѣе, согласно съ царскимъ наказомъ и характеромъ молодого стрѣлецкаго головы, Глѣба Верещагина. По Курской линіи жили „съ великимъ береженіемъ“.

„Осторожная осель низка у меня“, думалъ вѣрный слуга царскій, каждое раннее утро осматривая рвы и стѣны дѣтница Курскаго и съ безлокойствомъ поглядывая въ сторону Путивля и Рыльска и въ степи: оттуда, съ Литовскаго рубежа, ждалъ онъ гостя чьи „прелести“ доходили до Курска и смущали стрѣльцовъ. „Щаелей у моихъ два ста только, зелья мало ручнаго и пушечнаго, сокрушался онъ при мысли о недостаткахъ своей обороны: — у бродяги, слышно, все лядское оружіе, бьетъ далече, и дѣлу они военному приобычные.“

Озабоченный опаснымъ положеніемъ Курска, не забывалъ Глѣбъ и о боярышнѣ Натальѣ. Помнилъ онъ о пріютившихъ его хоромахъ, о тихой красавицѣ, даже о гнѣвномъ бояринѣ. Первое время онъ спрашивалъ себя: „неужели никогда не увидитъ Наталья, не вернется къ нимъ?“ Въ минуты горячаго желанія побывать на Думныхъ Курганахъ, въ строгомъ рачителѣ служебнаго долга сказывалось сознанье не покидать Курска. Все, кажется, сдѣлалъ бы онъ для Натальи, только не въ ущербъ своей обязанности. Честное сердце и умная голова стрѣлецкаго сотника готовы были ради государевыхъ нуждъ принести въ жертву и свое счастье, и самого себя.

Наканунѣ Троицына дня пришла вѣсть что „Татаръ перелѣзъ Псель-рѣку“. Привезъ ее изъ степей въ Курскъ не кто иной какъ пріятель нашъ Ера. Разчитавъ, на основаніи показаній Еры, что Татары не раньше какъ дня черезъ три

могутъ быть подъ Курскомъ, Глѣбъ рѣшился тотчасъ же дая знать о набѣгѣ коренскому игумену. Глѣбъ думалъ при этомъ о безопасности Натальи: онъ былъ увѣренъ что игумень немедля пошлетъ гонца къ старому боярину на Думныхъ Курганахъ. До свѣту, съ мрачнымъ Сычомъ, поскакалъ Глѣбъ въ пустынь, оставивъ дѣтинецъ Курскій на поличіе боярскаго сына Алехи Митюшина: онъ разчитывалъ вернуться ночью.

Игумена Манасію Глѣбъ нашелъ на пчельникѣ, въ монастырскомъ лѣсу. Пчеловодство было любимѣйшимъ занятіемъ достопочтеннаго игумена на досугѣ, какимъ онъ впрочемъ не былъ богатъ. За пчелами онъ ухаживалъ еще на своемъ Авонѣ; чистый образъ пчельной дѣятельности онъ постоянно ставилъ коренской братіи въ примѣръ и назиданіе. Множество деревянныхъ ульевъ, безъ порядка, какъ удобнѣе, разставлены были подъ деревьями или привязаны къ высокому тыну и кольямъ. Старыя дупла, покрытыя соломой, казались какими-то сѣдыми стариками съ растрепанными волосами. Пасѣку монастырскую игумень довелъ до нѣсколькихъ тысячъ ульевъ, приносившихъ по тому времени большой доходъ воскомъ и медомъ. Накрытый сѣткой, въ дубкѣ, игумень суетливо огребалъ молодой рой съ густыхъ, бѣлыхъ, какъ молоко, душистыхъ вѣтвѣкъ черемухи. Очутившись на уединенной пасѣкѣ, гдѣ тишина нарушалась лишь жужжаньемъ безлокойныхъ медоносныхъ пчелъ, Глѣбъ всею грудью вдыхалъ ароматъ меда, въ полномъ цвѣту липы, черемухи и яблонь. Во мшистомъ ложѣ серебрилась глубокая сажалка, ископанная монахами, и въ ней рѣзво ласкалась на солнцѣ золотая тяжелая карпія. Изъ огромнаго дикаго камня, выстулавшаго сѣрымъ утесомъ изъ холмистого, растрескавшагося и словно отсѣченнаго богатырскимъ мечомъ сказочнаго витязя, выбѣгалъ сильный холодный ключъ и звонко падалъ съ высоты въ сажалку. Вода стояла въ сажалкѣ по самымъ края, и тонкими нитками, съ веселымъ журчаньемъ, сбѣгала черезъ край въ узкій ручей который обѣдли лушистыя вербы. Надъ водопадомъ, въ ветхой тесовой часовенькѣ, стоялъ образъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ угодниковъ, покровителей пчелъ. Восхищенный безмятежнымъ миромъ лѣснаго уединенія, молодой голова не торопился отрывать почтеннаго игумена отъ занятій; онъ самъ задумался и заглядѣлся. Очнув-

нись, онъ увидѣлъ что игумень уже безъ свѣтки сидитъ на пустой колодѣ и внимательно глядитъ на него своими большими черными глазами.

— Миръ тебѣ, чадо Христова воинства! привѣтствовалъ его всегда кроткій и неизмѣнно-серіозный голосъ. Обнаживъ голову, Габъ подошелъ подь благословеніе. Медленно вставъ, игумень осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ. Потомъ, снова сѣвъ на колоду, спросилъ:

— Вижу, не попусту пришелъ ты въ сей вертоградъ, младъ сотникъ. Но что бы ни пришлось тебѣ сказать, говори.

— Татаръ перелѣзъ Пселъ-рѣку, отче.

Игумень перекрестился и глянулъ на небо. Послѣ тяжелаго молчанія, онъ сказалъ: — За радѣніе твое, сотникъ, спаси тебя Боже.

По истари заведенному въ домѣ обычаю, старый бояринъ Иона встрѣчалъ Троицынъ день въ Коренской пустыни. Для этого, еще наканунѣ, онъ прїѣзжалъ въ подмонастырскую слободку Служню, въ широкой тяжелой колымагѣ въ семь лошадей, четыре у дышла и три на выносѣ, съ дочкой и мамкой. Онъ ихъ постоянно бралъ въ пустынь, и тѣмъ доставлялъ и той и другой ни съ чѣмъ не сравнимое удовольствіе. Старуха находила тутъ неисчерпаемый запасъ разказовъ вплоть до новаго посвѣщенія монастыря. Для боярышнн поѣздка въ пустынь бывала чистымъ праздникомъ: монастырь всегда благотворно дѣйствовалъ на нее. Прекрасное весеннее утро и лѣсная мѣстность, пріютившая обитель, неотразимо вліяли на молодую душу. Дѣвушка съ восторгомъ глядѣла на необозримый, сплошной разливъ темныхъ макушекъ дубоваго Богородицкаго лѣса, спускающагося къ тихимъ водамъ Тускари. Въ этомъ столѣтнемъ лѣсу, въ лещерѣ, пустынножительствовалъ отшельникъ Власій. Узкую дорогу осѣняли высокіе курчавые убы, развѣсистыя березы и сѣрстовабыя осины; солнце жарко золотило молодую зелень шумящихъ вершинъ; квозъ нихъ оно пробивалось мѣстами, и его свѣтащяя свѣтка, перебѣгая согласно съ движеніемъ листьевъ, то звѣтитъ голубой колокольчикъ, то замигаетъ бриллиантало высокой травѣ, только-что вспрыснутой нашедшею чужой. Слева и справа темнѣлись чащи, глухія убѣжища

медвѣдя, волка и лоси. Въ то время, въ благословенныхъ курскихъ краяхъ еще водились дикіе кабаны и свиньи, достигшіе огромныхъ размѣровъ; копченая ветчина изъ ихъ окороковъ была однимъ изъ любимыхъ блюдъ боярина Ионы. Всмотриваясь въ таинственную жизнь природы, развернувшуюся въ торжественномъ, но дѣятельномъ покоѣ, Наталья глубоко уходила внутрь себя; какъ бы окрилялась и просвѣтлялась душа ея при видѣ „пустыннаго монастырька“ съ его святою легендой, предъ которою она благоговѣла. Доносившійся благовѣсть возбуждалъ въ ней уваженіе къ тѣмъ кто далъ обѣты вѣчнаго забвенія міра, кто въ непрестанномъ трудѣ богослуженія молится здѣсь, въ этомъ лѣсу, о страждущихъ, путешествующихъ, недужныхъ, лѣнненыхъ и о всемъ мірѣ православномъ. Строгое чувство связывало чистую дѣвушку съ мѣстомъ которое прославлено чудеснымъ явленіемъ иконы Матери Божіей на Корени.

— Пустынь, отецъ! съ радостнымъ увлеченіемъ воскликнула Наталья, крестясь, вмѣстѣ съ бояриномъ и мамкой, на крестъ скромно блестящій въ лѣсу. лодъ лѣсистого горой.

— Пустынь! набожно заговорили вершники: — слава Ти Господи, удостоилъ святыню увидѣть! — Шалки поснимали съ руки и руки закрестили лбы.

Дорога спустилась къ рѣкѣ. Обильные ключи, выбиваясь изъ нагорья, пробирались къ Тускари, то осторожно обходя лны поросшіе семьями грибовъ, то сливаясь въ быстрый потокъ прихотливо пропадавшій въ кустахъ. Лѣсныя птицы, какъ бы ослабивая звенящее журчанье ручьевъ, заливались мелодическимъ, успокоивающимъ душу хоромъ.

Едва колымага вѣхала на обширный постоялый дворъ, челядинцы принялись выгружать ее лодъ руководствомъ мамки, Наталья же слѣшила прибрать не отличавшуюся особою чистотой и удобствомъ горницу чтобъ усталому съ дороги старику приготовить постель. Благодаря проворству дочери, изучившей вполнѣ характеръ и привычки строптиваго старика, онъ не замедлил поужинать запасами взятыми изъ дома въ складняхъ, боченкахъ, ллетушкахъ и бутылкахъ. Путешествіе, какъ извѣстно, изощряетъ даже старый аллетитъ, а потому бояринъ Иона приваляетъ на свое любимое „кура безкостное“ и „пирогъ пряженые кислые съ сыромъ“. Заливъ крѣпкимъ десятилѣтнимъ медомъ, старикъ не смогъ, какъ было хотѣлъ, идти ко всеобщей и захрапѣлъ, накрывъ

лицо отъ мухъ Натальинымъ платкомъ, и съ наслажде-
ніемъ вытягиваясь на мягкой постели. Приказавъ челядин-
цамъ, усѣвшимся въ сѣняхъ за ужинъ, не шумѣть, „бо-
яринъ де олочивать изволить“, Наталья закуталась въ
черный платокъ, такъ что только глаза могли видѣть ку-
да идти, и въ сопровожденіи мамки, нарочно постившейся со
вчерашняго вечера, отправилась ко всеобщей. Съ восковою
свѣчой, заткнутою за головной платокъ, и съ мѣдными день-
гами въ карманѣ, Азарьевна тяжело переваливалась за лег-
кою боярышней, набожно бормоча молитвы и громко взды-
хая. Мамка ни въ чемъ не умѣла „перечить“ Натальѣ, и по-
тому старикъ прозвалъ ее „потворицей“. Полный мѣсяцъ
блестѣлъ на зарѣчныхъ дугахъ, и на струяхъ рѣки перели-
вался миллиономъ глазъ. Толпы богомольцевъ, пришедшихъ
къ Троицыну дню, лежали на землѣ, вокругъ монастырскаго
частокола. Наталья огорчилась узнавъ что опоздала ко все-
общей, только-что отошедшей. Словно сѣдая отъ дряхлости
блѣвлась на мѣсяцѣ деревянная соборная церковь, въ откры-
тыя двери которой была видна еще освѣщенная внутрен-
ность храма.

Подъ невысокимъ сводомъ полуосвѣщенной церкви, почти
безлюдной, долго молилась Наталья предъ чудотворною ико-
ной. Благочестивое преданіе, не разъ пересказанное имъ игу-
меномъ ожило въ ея памяти. Вспомнила она какъ въ са-
мый день празднованія святой иконы, напали на пустынь
Крымцы, сожгли часовню, при которой служилъ священникъ
Боголюбъ, разбѣкли икону на двѣ части и бросили въ разныя
стороны. Но проявилось великое чудо. Пѣвальный Боголюбъ,
въ послѣдствіи выкуленный московскими послами, воротясь
въ пустынь, нашелъ обѣ половинки иконы, и лишь сложилъ ихъ
вместѣ, какъ онѣ срослись, а изъ рубца вышла роса. Боголюбъ
поставилъ икону въ хижинѣ, у истока при корнѣ и воротясь въ
Рыльскъ извѣстилъ о ней Рыльчанѣ. Тѣ возобновили старую
Шемякинскую церковь и торжественно перевесли св. икону изъ
пустыни въ Рыльскъ. Но на другой день икона воротилась
въ пустынь. Двукратно переносили икону въ Рыльскъ, и оба
раза напрасно. Тогда Рыльчане построили здѣсь новую ча-
совню и поставили священника. Вмѣсто этой-то часовни, по
указу царя Феодора Иоанновича, построена церковь во имя
Рождества Богородицы, а пока строился монастырь, икону, изъ
олашенія Татаръ, перевесли въ Курскъ, гдѣ она помѣщалась

въ придѣлѣ Воскресенской соборной церкви (что нынѣ Илиіи Пророка).

Вокругъ иконы толпа дальнихъ богомольцевъ стояла на колѣняхъ, во глубокомъ молчаніи, крестясь и съ набожнымъ шепотомъ кладя земные поклоны. Въ этомъ позднемъ моленіи было что-то особенное, напоминавшее храмы первыхъ христіанъ. Въ этомъ мягкомъ и отрадномъ мѣсячномъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь небольшія окна съ желѣзными рѣшетками, внутрь небольшой церкви,—въ этомъ соединеніи голубоватаго мѣсячнаго сіянія съ красноватымъ свѣтомъ еще горѣвшихъ восковыхъ свѣчъ, молодыя березки и липки, украшавшія иконостасъ, клиросы и стѣны церковныя, казались Натальѣ какими-то невиданными, чудными деревьями. Воздухъ былъ полонъ чуднымъ запахомъ травы и цвѣтовъ только-что окошенныхъ на раздольныхъ тускарскихъ лугахъ.

Оглянувшись, она вздрогнула и едва не вскрикнула. Глаза ея встрѣтились съ Глѣбовыми; онъ глядѣлъ на нее изъ темноты.... Все было сказано безъ словъ этимъ взглядомъ. Женщина встрепенулась въ Натальѣ; въ ней сказалась невѣдомая ей сила, и эта сила заставила ее не только встрѣтиться съ любящими глазами, но всмотрѣться въ нихъ, провѣрить по нимъ: такъ ли поняла она ихъ выраженіе? не призракъ ли это? не навожденіе ли это, смущающее ее за грѣхонные помыслы? Нѣтъ, онъ. И также глядятъ на нее, тѣми же добрыми, ласковыми глазами. Дрожь пробѣжала по ней, духъ захватило отъ прилива сильныхъ ощущеній. Она не въ силахъ была бороться съ ними; они словно сталкивались и кружились въ ея горѣвшей головкѣ, и Наталья чувствовала какъ все вокругъ начинаетъ толкаться и кружиться. Какъ стояла на колѣняхъ, она безъ чувствъ упала на помость.

Очнувшись, она почувствовала себя на свѣжемъ ночномъ воздухѣ, на палерти. Осторожныя, но сильныя руки, будто замершія, держали ее. Какъ бы во снѣ, слышала она знакомый голосъ, шептавшій какія-то хорошія слова; ихъ смыслъ былъ ей по сердцу и между ними она слышала свое имя; никто еще не произносилъ ея имени такъ хорошо; какъ бы новый смыслъ сообщалъ ему этотъ мягкій голосъ. Она начала узнавать его....

— Не бойся, моя королева, шепталъ ей голосъ.—Дай взглянуть на тебя.

Охваченный порывомъ молодой страсти, чувствуя близость

любимой дѣвухи, Глѣбъ не сводилъ глазъ съ чуднаго, гладкаго лба Натальи, съ ея неподвижныхъ глазъ и блѣдныхъ щекъ. Нагнувшись такъ что кудри касались ея тяжело-дышавшей груди, онъ какъ бы старался уловить и навсегда залечатлѣть въ себѣ образъ красавицы. Черная фата свалилась и обнажила молочную шейку и прекрасныя руки. Глубоко вздохнувъ и открывъ глаза, чернѣвшіеся отъ тѣни рѣсницъ, она доврчиво взглянула на Глѣба, вслушиваясь въ его слова и голосъ.

— Милый, желанный! вырвалось у нея какъ бы въ забытій.

Голова закружилась у Глѣба отъ счастья, и онъ невольно покачнулся съ своею дорогою ношей.

— Жизнь ты моя, нѣжно шелталъ онъ.—Какъ подхватилъ тебя съ пола обморочную, какъ вынесъ на воздухъ, спроси меня—не отвѣчу, Наталья Іоновна; ты не у меня о томъ спроси, у моей къ тебѣ любви спроси.

И онъ вдругъ прильнулъ къ ея шейкѣ распаленными устами. Поцѣлуй, какъ искра, обжогъ ее, она вся вздрогнула и быстро поднялась на ноги.

— Гдѣ мамушка? спросила она, придерживаясь чтобы не упасть рукою за лапертный столбъ и отклонивъ помощь Глѣба.

— Мамку послали за водой, тебя взбрызнуть, Наталья Іоновна.

Глѣбъ вздохнулъ.

— Оставь меня, Глѣбъ, сказала она тихо, но твердо:—забудь меня. Не наше счастье, коли Богъ не даетъ.... Мамушка идетъ.... Ради Бога, уйди.... Прощай, Глѣбъ.

Глѣбъ молча повиновался. Онъ скрылся въ древесной тѣни, но не ушелъ; онъ рѣшился, слѣдуя издали, проводить ее до постоялаго.

— Гдѣ ты, свѣтиль? Чтѣ съ тобой прилучилось, красотка? причитывала, по привычкѣ, Азарьевна, разжившаяся у монаха-привратника глиняною кружкой воды.—Сглазили тебя, мою ягодку. Очнулась? Ну, слава Ты Господи. Налужала меня, старуху глупую. На-тко, дитятко, испей: водица изъ святаго ключа; а я тя взбрызну.

Наталья, перекрестясь, глотнула воды и освѣжилась.

— Гдѣ жь тотъ-то чтѣ, спасибо, поднялъ, говорятъ, тебя

въ церкви, дитятко? спросила мамка, оглядываясь:—хотѣла
подать деньгу: ему на пропитаніе, своей душѣ на поминъ, а
тебѣ, сударкѣ, во здравіе.... А онъ-ать ушелъ, стало не корыст-
ный, стало не изъ нищей братіи: тѣ готовы за корку [ло-
драться....

— Пойдемъ, мамушка, скорѣе, не хватился бы отецъ, пре-
рвала Наталья болтовню старухи.

И закутавшись въ покрывало, боярышня прижалась къ
старухѣ и повлекла ее за собой.

III.

Калену съ маликой вода пошла.
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
На чуждаальную на сторонущку.
Чужая сторонущка безъ вѣтру сушить:
Чужой отецъ съ матерью безвизно крушить.
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка;
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкой кукушечкой.
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ иссушу.
Слезами горячими весь садъ потопаю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.

Пѣсня.

Едва Наталья и ея спутница, хранимая невидимымъ стра-
жемъ, миновали сляція толпы богомольцевъ какъ встрѣтилъ
ихъ Дулѣбъ, высланный старикомъ; съ нимъ черезъ гору до-
шли онѣ до постоялаго, гдѣ богомолкамъ пришлось выдер-
жать порядочную грозу отъ стараго боярина; онъ былъ не
въ духъ и радъ былъ случаю сорвать на мамкѣ свой бояр-
скій гнѣвъ, а дочь обозвать „полуночицей“. Не до того бы-
ло Натальѣ. Успокоивъ старика, она легла въ постель, но
заснуть не могла. Волнуемая различными ощущеніями и ола-
сеніями, Наталья чутко прислушивалась къ упрекамъ своей
совѣсти. „Господи, что со мной? пытала она себя:—какая
сила влечетъ меня и куда?“ Она вздрогнула при мысли что
сама любитъ Глѣба, считая любовь свою грѣховною. „Я не
должна его видѣть, рѣшила она:—постомъ и молитвой загла-

жу, если не поздно, нынѣшній грѣхъ.“ Но тутъ же милый и тихій образъ Глѣба слуталъ строгую нить ея мысли, и она помнила только что онъ ее любитъ. Воспоминаніе о немъ и пугало, и грѣло ее, и больно ей было остановиться на необходимости изгладить изъ своего дѣвичьяго сердца милый образъ. „Нѣтъ, покончила она со своими колебаніями, услыша полночный монастырскій колоколъ:—я останусь невѣстою Христовой и не буду ничьею женой.“

Когда боярышня вмѣстѣ съ мамкой скрылась въ просторной горницѣ постоялаго двора, Глѣбу показалось что онъ оспротѣлъ и кругомъ него потемнѣло, несмотря на то что мѣсячный свѣтъ ярко обливалъ лѣсистые овраги по которымъ была разбросана монастырская слободка Служня. Какая-то невидимая, но крѣпкая дѣль приковывала его къ тому мѣсту гдѣ была Наталья. Онъ безотчетно очутился на огородѣ. Темная зелень молодой конопли мѣшалась со свѣтлыми стволами подсолныха; его бѣлые налившіеся круги при мѣсяцѣ казались серебряными. Расползшійся ометъ прошлогодней соломы бросалъ отъ себя широкую тѣнь; чернѣлся токъ. Сзади его глухой оврагъ, залопоненный дубнякомъ, углублялся, развѣтвляясь на яры и разбрасываясь во всѣ стороны. Эти лѣсистые *отвертки* заканчивались синєю, дрожавшею въ мѣсячномъ освѣщеніи полоской.... Глѣбъ спустился нѣсколько въ оврагъ. Дальше идти было некуда: дубнякъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ. Глухо и тихо.... Вѣтки съ темными зубчатыми листьями вырѣзаются, и съ боку, и подъ ногами и надъ головой. Гдѣ-то внизу вода, казалось Глѣбу, лелетала робко, неувѣренно, словно крадучись и прислушиваясь къ своему робкому лепету. Но онъ ее не видѣлъ, и можетъ-быть ея вовсе не было. Какъ бы плавая въ какомъ-то мягкомъ голубомъ зѣврѣ, подернутомъ серебристою дымкой, царила ночь, освѣщая овраги яркимъ мѣсяцемъ. Тонкій серебряный лучъ скользилъ по молодой листьѣ и таялъ.... Въ кустахъ слышался шорохъ; ясно было: кто-то продирался, осторожно разводя вѣтки, но онъ все-таки хлесталъ. Глѣбъ неволью подался назадъ и сталъ въ тѣни кустовъ. Оттуда онъ могъ все видѣть. Послѣдній кустъ закачался, и недалеко отъ него вылѣзъ широкоплечій человекъ въ низенькой бараньей шалкѣ; его темное скуластое лицо съ узкими разкосыми глазами, клочки черныхъ усовъ, височія уши, также кривой атаганъ въ рукѣ, сразу метнулись въ

глаза Глѣбу. „Татаринъ“, прошепталъ онъ. Степанъ посмотрѣлъ, какъ гончая идущая по сабдѣ, приподнялъ голову и обернулся. Изъ кустовъ лѣвъ еще Татаринъ съ гибкимъ кольемъ на плечѣ, а за нимъ еще, тоже съ кольемъ... Всѣ трое переглянулись, и по блеснувшимъ бываимъ зубамъ Глѣбъ догадался что они обмѣнялись усмѣшкой. Широкоплечій черезъ кусты глядѣлъ на заднія ворота постоялаго двора, и вдругъ взмахнулъ саблей. По этому знаку кругомъ зашумѣли кусты, и токѣ налолдилса вооруженными Татарами, безмолвными, какъ тѣни.

— Орда! передовые! прошепталъ внѣ себя Глѣбъ. Ясно было Глѣбу что недаромъ Татары съ такими предосторожностями и въ такомъ числѣ окружили постоялый. Татары накрыли его тихо и внезапно; и не для забавы, не попусту стояла здѣсь, на задахъ, воровская шайка. Безоружный Глѣбъ не бросился на Татаръ. Мысль что если онъ обнаружитъ себя, то это послужитъ только къ гибели не только его, но и Натальи, что никто уже не найдетъ ея, не спасетъ изъ коша если его не будетъ — образумила Глѣба. Въ ту же минуту онъ услышалъ рѣзкое воронье карканье за постоялымъ въ двухъ мѣстахъ; къ удивленію его, широкій Татаринъ, приложивъ ладонь ко рту, точно такъ же каркнулъ по-вороньи. На дворѣ слышалса свирѣлый лай собаки, видно услышавшей чужаго и отчаянно заметавшейся то къ воротамъ на улицу, то къ заднимъ. „Слава Богу, она ихъ разбудитъ!“ радостно подумалъ Глѣбъ, нетерпѣливо прислушиваясь къ тому что дѣлалось на дворѣ. Но, къ ужасу его, человѣкъ не откликался на зовъ своего вѣрнаго, выбившагося изъ силъ сторожа. А между тѣмъ широкоплечій Татаринъ въ алой курткѣ послѣшно высѣкъ огня, и зажженный трутъ передалъ товарищу. Тотъ обернулъ его сухой соломой и сталъ махать ею пока она не вслыхнула; тогда Татаринъ подложилъ огонь въ пелену сухой соломенной крыши; пламя не замедлило пробить соломѣ и подрало по пеленѣ, посылая вверхъ столбы краснаго дыма и жадно хватаясь за соломѣ.... А на дворѣ остервенѣлая собака, захлебываясь со злости, какъ бы насадила на чловѣка... Наконецъ-то голоса заговорили и закричали на дворѣ, какъ обыкновенно кричатъ услуганные съ просонку люди, всѣ разомъ и безъ толку. Явственно услышалъ Глѣбъ скрипъ отпираемыхъ съ улицы воротъ, шумъ бѣгущихъ людей, звонъ

сабель, отчаянный визгъ собаки, вдругъ смолкшей, видно убитой на повалъ.

— Разбой, братцы! разбой! рѣжутъ! Грохкіе, отчаянные мужскіе крики перемѣшивались съ татарскою бранью, женскимъ визгомъ и рыданьями.

— Боже, что со мной, помоги мнѣ! крикнулъ въ себя Глѣбъ, и легче козы очутился на дворѣ. Схвативъ полавшуюся подъ сараемъ савану оглоблю, по счастью дубовую, онъ, не долго думая, съ такою силой и отвагой принялся ею работать что Татары ладали направо и налево.

— Бейте нехрестя, бейте злодѣевъ! Сюда, православные! за мной! покрывалъ его молодой голосъ крики и шумъ драки, ожесточенно завязавшейся между Татарами и малочисленною стражей боярина, съ богатыремъ Дулѣбомъ впереди. Огромный Дулѣбъ, при мѣсячномъ свѣтѣ, казался еще выше, и длинная тѣнь его двигалась вмѣстѣ съ нимъ, словно сказочная. Захваченные врасплохъ, боярскіе дружинники, какъ слали, въ рубахахъ и портахъ, бились тѣмъ что подъ руку попало; Дулѣбъ обѣими руками, съ плеча, билъ необдѣланною осью, сокрушая татарскія кольца и отгоняя отъ себя хищниковъ.

Помощь такъ кстати оказанная Глѣбомъ освободила изъ рукъ татарскихъ двухъ молодыхъ хозяйскихъ ребятъ, не замедлившихъ къ нему присоединиться, и бросившихся на враговъ съ одними кулаками, пока, подъ защитой Глѣбовой оглобли, не вооружились кольями убитыхъ Татаръ. Изъ сѣней избы выбѣжала толпа хищниковъ, унося добычу и женщинъ, рыдавшихъ и визжавшихъ. Къ ужасу Глѣба, въ одной изъ лѣваницъ онъ узналъ Наталью.

— Наталья! помогите! вскричалъ онъ, пробиваясь къ ней. Но тутъ налетѣлъ на него молодой мурза и сбилъ его съ ногъ сильнымъ ударомъ.

Когда Глѣбъ пришелъ въ себя, Татаръ не было на постояломъ дворѣ. Азарьевна отчаянно голосила, рвала сѣдые волосы и билась о землю. Старая хозяйка постоялаго, баба на видъ совершенно четырехугольная, сидя на жалкихъ остаткахъ имущества, подголашивала мамки; у нея Татары украли всѣхъ молодокъ: четырехъ невѣстокъ и единственную дочь дѣвушку. Старый бояринъ, сплснѣйся тѣмъ что ночевалъ на сѣняхъ, гдѣ его не услѣди найти Татары, грозно волилъ, совсѣмъ одѣтый и вооруженный, тороля стражу сдѣлать коней и вестись въ погоню.

— Скачите по моимъ боярскимъ волостямъ, сбивайте волостелей, дабы шли къ моему боярскому дѣтищу конно, людво и немѣшкотно. Головами отвѣтятъ мнѣ „дѣти“! приказывалъ онъ четыремъ хозяйскимъ сыновьямъ, сидѣвшимъ верхами и плакавшимъ по уведеннымъ женамъ.—Помните только: скоро соберемъ силу, скоро и своихъ отобьемъ! продолжалъ бояринъ:—живо, духомъ, братцы!

Верховые лоскакали; на крышѣ сарая съ безтолковымъ крикомъ и ругней толклись набѣжавшіе сельчане; благодаря имъ пожаръ утихалъ. Въ монастырѣ колоколъ частилъ набать, сбивавшій народъ къ постоялому съ дрекольемъ и криками ужаса: „Гдѣ Татары!“

Глѣбъ бросился въ монастырь. По дорогѣ онъ наткнулся на Сыча, верхомъ и въ полномъ вооруженіи, съ конемъ Глѣба на поводу; съ нимъ былъ курскій стрѣлецъ, чья взмыленная лошадь и усталый видъ ясно говорили что онъ скакалъ всю ночь.

— Налугалъ ты насъ, голова, теперь ли тебя ищемъ! обратился къ нему Сычъ:—Ну какъ, думаемъ, Татарва тебя скрала? Остались руки-ноги безъ головы: что тогда съ нами грѣшными, московскими стрѣльцами въ Курскомъ городкѣ становится?

— Что ты, Балай? обратился Глѣбъ къ прибывшему стрѣльцу, перебивая Сыча:—съ вѣстями?

— Татарва, въ обѣды, перелѣзла Сеймъ-рѣчку, голова честный! Въ то жь число Митюшинъ логналъ меня къ тебѣ съ вѣстями. Обманули клятые: на два дни обочались мы, голова.

Глѣбъ простоялъ безмолвный и неподвижный прежде чѣмъ ва что рѣшился.

— Вхалъ сюда, по лѣсамъ хоронился отъ стелной саранчи, сказалъ гонецъ Сычу.—Не далеко луть до Курскова, а пожалуй не доберешься, свать: тамъ Татарва валма валить, знай подваливаетъ. Съ дуба высокаго, въ дубровѣ, я ихъ кошъ видѣлъ: тѣмъ что твои муравьи; подходы и подлазы всѣ, слышь, къ Коренной перевалъ; теперь отъ него въ лору въ осадѣ отсидѣться, благо конемъ дѣтища не пересигнетъ и стрѣлой саблухъ за тыномъ не достанетъ.

Ударъ въ монастырскій колоколъ, уныло призывавшій православныхъ къ ранней обѣдѣ, заставилъ Глѣба оломниться. Онъ снялъ шалку и перекрестился. Въ церковныхъ окнахъ уже мелькали огни зажженныхъ свѣчъ, красные при зажига-

шевса свѣтъ зари. Глѣбъ мрачно глядѣлъ на народъ тѣснѣйшійся къ небольшой церкви.

„Развѣ ему легче моего, этому бѣдному народу?“ спросилъ Глѣба внутренней голосъ.

Онъ вздохнулъ и вскочилъ на коня.

Толпы разномастныхъ лошадей блестя подъ ослѣпительными молніями, бороздившими раскаленное небо. Страшный трескъ и оглушительный ударъ грома перелопотилъ Крымскій кошъ. Стелные скакуны хралѣли и дрожали. Ни одинъ не олустилъ морды, не хваталъ изъ набросанныхъ подъ ногами кучь сѣна. Кони безлокойно водили стоячими ушами, косились на угрожавшія и слѣдившія ихъ огненные стрѣлы небесныя и трусливо жмурились. Вороной конь бея Селямета, съ бѣлою звѣздой во лбу и красивымъ, въ яблокахъ, круломъ, обыкновенно не терпѣвшій сѣдла, теперь, казалось, не обращалъ вниманія на перетяжку своего поджарого живота тонкими, но крѣпкими подругами; ихъ затыгивалъ, обливаясь потокомъ, широкій Ногаецъ Асанъ. Онъ зубами затыгивалъ подругу, хватаясь за концы ремней, а руками только помогая зубамъ. Дрожалъ горячій скакунъ, услуганный грозой, переминаясь съ копыта на копыто; а то вдругъ опрокидывался на заднія ноги, отгоняя передними докучнаго Асана. Изъ-за него, высоко приподнявъ умную морду со свѣтлыми удилами, конь Юсуфа-мурзы, благоразумный какъ его хозяинъ, внимательно прислушивался къ громовымъ ударамъ и присматривался къ блеску молній.

— На конь, Ногаи! молодцомъ крикнулъ бей, вспрыгивая на заторолѣвшаго жеребца; онъ сейчасъ же присмирѣлъ подъ нимъ.

Кошъ сидѣлъ на коняхъ. Тысячники, сотенные и десятники были на мѣстахъ, и ихъ горловой, рѣзкій крикъ мѣшался съ конскимъ ржаніемъ, стукомъ копытъ, звономъ оружія и фырканиемъ. Весь этотъ нестройный шумъ и гулъ — были минуты — безслѣдно пропадали въ страшныхъ раскатахъ грома. Порой суевѣрнымъ стелнякамъ казалось что громовыя стрѣлы, слѣдя глаза, направляются съ небесъ прямо въ ихъ толпы. Старый нашъ знакомецъ мурза-Юсуфъ счелъ долгомъ возбудить мусульманскій духъ коша.

— Правовѣрные! воскликнулъ онъ выхвѣвъ на середину:— Небесный духъ Азраилъ съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ

скачетъ на свѣтлой колесницѣ; ваши уши слышатъ громъ золотокованныхъ его колесъ!.. Смотрите и слушайте!.. Аллахъ являетъ правовѣрнымъ знаменіе. Повинуйтесь же гласу его, призывающему васъ на невѣрныхъ!

Раздались восторженные крики, заблестали сабли, задрожали гибкія, длинныя колья изъ узловатаго бамбука и крѣпкой палымы, привозившихся въ Крымъ изъ Сиріи, густою толпой, безъ порядка, хвостъ за хвостомъ, тронулся кошъ къ Коренской обители, надъ которою, какъ надъ обреченною гибелю, бушевала гроза. Казалось, ничто не могло остановить движенія орды къ беззащитному монастырю. Бей, мурза-Юсуфъ и главные предводители уже выѣзжали изъ Уколовскаго лѣса, по просьбѣ котораго густо вадили ордынцы. Вдругъ голосъ, покойный и повелительный, крикнулъ по-татарски:

— Остановись!

Конь взвился на дыбы. Онъ увидалъ предъ собой старца, вышедшаго изъ лѣсу. Высокій, но согбенный глубокою старостью старъ закрывался бѣлою серебристою бородою почти до коленъ; длинное полотняное рубище, чрезъ которое сквозила пожелтѣвшая кожа, присохшая къ костямъ, придавало ему видъ выходца съ того свѣта; совсемъ обнаженный черепъ, строгое, величавое исхудалое лицо съ рѣзкими чертами, и взоръ сила котораго исходитъ отъ внутренней чистоты и сообщаетъ выраженію строгую прямогу, соответствовали босымъ, худымъ, какъ палки, ногамъ. Большой мѣдный крестъ висѣлъ у него на груди. Сухую рукой, простертою къ коню, онъ какъ бы остановилъ его.

— Стадо! произнесъ по-татарски пустынножитель Власій строго, при чемъ изнуренное лицо его сохраняло непоколебимую кротость, какъ бы устами его говорила святая правда.— Сыны тьмы! Зачѣмъ пришли въ чужую землю не какъ гости, а какъ враги? Москва и Юртъ въ мирѣ, царь и ханъ обсылаются дружескими грамотами, зачѣмъ же пришли вы сюда, татарскіе вои? Неужели благодарить царя благаго за то что отъ него и ханъ и мурзы получили золото, мѣха и дары? Не дерзайте, вравы, касаться святой обители! Не дерзайте расхитить достояніе церкви и волчьимъ зубомъ своимъ не рвите плоти чернецовъ, служителей Божиихъ! Или мало вамъ сѣвды вашей, трула человѣчьяго и конины? Мало вамъ наруганій надъ душами и посрамленія дѣвичьей непорочности?

— Не будь я хаджи-Юсуфъ, воскликнулъ первый оламятованнійся мурза-Юсуфъ.— Безумныя слова московскаго дервиша не останавятъ правотѣрныхъ; наши лотные кови измѣрили ногами больше верстѣ чѣмъ волосъ въ бородѣ этого стараго безумца!... Ты не Татаринъ, а говоришь ло-нашему?

— Говорю, потому что долгіе годы томилася въ крымской неволѣ; изъ этого вѣдай что я знаю и вѣру твою поганую и твою воровской обычай!

— Повѣсить собаку глаура! воскликнуло множество дикихъ голосовъ:— повѣсить московскаго дервиша! Дюжіи знакомецъ нашъ, мурза-Галиль, подскочилъ на конѣ къ старцу, готовясь набросить ему на шею петлю волосянаго аркана.

Въ ту же минуту молнія ослабила татарскій кошъ, а громъ разразился страшнымъ ударомъ. Зрѣлище представившееся газамъ Татаръ слособно было поразить ихъ суевѣрныя души: молодой мурза-Галиль, вмѣстѣ съ конемъ, валялись на дорогѣ бездыханны, на смерть пораженные ударомъ грома, какъ бы въ наказаніе за дерзкій поступокъ противъ старца. Его простертая къ кошу рука, строгій взглядъ и полный вдохновенія образъ, въ виду совершившагося небеснаго наказанія, наводили на присмирѣвшую орду невольный ужасъ. Изъ множества головорѣзовъ не нашлось ни одного послѣдовать примѣру погибшаго мурзы. Старый русскій дервишъ оказался толпѣ могучимъ колдуномъ, кому помогаетъ самый громъ небесный. Даже молчалъ языкъ мурзы-Юсуфа, всегда готовый проповѣдывать Татарамъ „джихадъ“, и бездѣйствовала сабля Селяметъ-бей, всегда готовая поддержать проповѣдь своего стараго совѣтника. Грозная числомъ и хищническимъ духомъ орда, въ эту минуту, представлялась робкимъ овечьимъ стадомъ, безъ пастуховъ, вожаковъ и собакъ.

— Кто ты, старикъ? спросилъ его бей, съ робкимъ уваженіемъ, не трогаясь съ мѣста.

— Я тотъ кому на семь свѣтъ ничего не надо, кромѣ надежды умереть праведно и воскреснуть воскресеніемъ жизни вѣчной!

Спокойствіе старца поражало дикарей:

— Зачѣмъ приходишь проливать кровь неповинную? Знаю: волка лѣснаго и гіену степную не укормишь; сожреть волкъ овцу, а зубами клацаеть. Золота надо тебѣ, и я дамъ тебѣ золота: много, больше чѣмъ ты могъ бы взять пробѣдя своимъ

воровскимъ изгономъ до Москвы. Оставь Русь и Коренскую обитель: видишь громаы небесныя за нее заступники. Выходи изъ Руси, не лютуй, не полоня; отдай полонъ...

— Ты золота дашь? переспросилъ бей, недоувѣрчиво оглядывая убогое рубище пустынника:—гдѣ-жь ты возьмешь его?

— Тамъ гдѣ оно лежитъ, Татаръ, гдѣ зарылъ его такой же разбойникъ какъ ты, если не хуже, потому что былъ онъ православный. Уходя на свое разбойное дѣло, онъ у меня исповѣдался, чуя что не вернется; указалъ мнѣ свой великій кладъ, съ тѣмъ что сокровища его, если не вернется, раздалъ бы я, грѣшный рабъ Божій, на храмы, за улокой его души и на выкупъ православнаго полона изъ Татаръ. Онъ убить. Я готовъ передать тебѣ, начальникъ, казну несчетную, съ тѣмъ чтобы ты выходилъ изъ Руси безобидно и не лютуй; да еще чтобы весь полонъ что взять твоимъ кошемъ возвратилъ честно, безъ утайки и безъ окула. И въ томъ дашь ты за себя и за кошъ свой клятву; поклянись пророкомъ своимъ и цѣлуй мать сыру землю, изъ нея же всѣ чловѣчки сотворены.

— За золото, дервишь, готовы мы выйти изъ Руси со всѣми князьями, мурзами и кошемъ безобидно, честно и немедля. Безъ окула и утайки возвращу весь полонъ, согласился Селяметъ-бей, обдумавъ предложеніе старца.

— Повадно, если только твоего золота будетъ довольно на всѣхъ. Ты долженъ вознаграить правовѣрныхъ за джихадъ, предпринятый во славу пророка въ невѣрную Русь! добавилъ старый сребролюбецъ Юсуфъ-мурза, считавшій своимъ долгомъ внушительно взглянуть на бей, какъ бы предостерегая его не даваться въ обманъ русскому кудеснику.

Старецъ Власій отвѣтилъ ему взглядомъ полнымъ презрѣнія.

— Клянись же, начальникъ, что исполнишь уговоръ, сказалъ онъ Селямету.

— Клянусь Аллахомъ, который одинъ и у Татаръ и у Руси, потому что другаго быть не можетъ! воскликнулъ бей, прижимая по восточному обычаю ладонь руки къ своей груди:—Клянусь бородой пророка Могамеда и его кобылицей: немедля по полученіи отъ тебя казны выйду изъ Руси и выдамъ полонъ русскій безъ окула и утайки. Клянусь на томъ предками моихъ предковъ! Цѣлую землю, изъ нея же Аллахъ создалъ меня и всѣхъ чловѣковъ. Преступившій эту клятву пусть не увидитъ рай пророка Могамеда!

Сказавъ это, бей слѣзъ съ жеребца и, ставъ на колѣно, припалъ лицомъ къ землѣ.

— Да будетъ! произнесъ старецъ.

— Слѣдуй за мною, Татаръ, съ мурзами; кошъ же останется здѣсь.

И старецъ углубился въ лѣсъ.

IV.

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
 Ты раздольное мое широкое!
 Ахъ, и всѣмъ ты, поле, изукрашено:
 Ты травушкой и муравушкой,
 Ты цвѣточками, василечками,—
 Ты однимъ, поле, обезпечено
 Что посреди тебя, поля чистаго,
 Вырастаеъ тутъ часть ракитовъ кустъ.
 Что на кустикъ на ракитовомъ
 Какъ сидитъ тутъ младъ-сивъ орелъ,
 Въ когтахъ держитъ черна ворона,
 Онъ точитъ кровь на сыру-землю.
 Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ
 Что лежитъ убитъ добрый молодець,
 Избитъ, израненъ, исколотъ весь....

Курскій стоялый голова Глѣбъ Верещигинъ съ *вожсей* (дозоромъ) неутомимо двигался отъ Курска къ югу, придерживаясь Бѣлогородской черты и имѣя Бѣлгородъ вправо. „Разливные степя“ тогдашняго Посемья и Поосколья къ Сѣверному Донцу — царство ораа, травъ, одичалой лошади и гайдамаковъ. Широколечій Ера, въ качествѣ вожака, шелъ впереди всѣхъ на Полканѣ, съ неуклюжимъ кольемъ, издѣлемъ пріятеля кума Маркела; свитый въ кольцо волосаной арканъ висѣлъ на лукъ. Широкою сливу его смурой однорядки облегалъ широкій ремень, вырѣзанный изъ невыдѣланной бычьей кожи, съ желѣзною пражкой, издѣлемъ того же кузнеца-кума; на желѣзныхъ кольцахъ висѣла сабля, украденная у одного свирѣлаго казацкаго ватажка; нетонкій станъ Еры препоясывалъ тотъ же сыромятный ремень съ кистенемъ, скромно притаившимся до времени въ кожаномъ мѣшечкѣ. Уходившійся и усмирившійся Полканъ ходко работалъ прочными ногами. Тканая изъ конскаго

волоса торба была туго набита лшеничными лепешками, саломъ и толокномъ; большая тыквяная бутылъ, заткнутая сухою рагоздой, хранила литейное продовольствіе Еры. Видно было что *станишники*, или иначе, *стражники*—сборные, что вслѣкъ выставленъ своимъ дымомъ и вооруженъ на свой счетъ, потому что вооруженіе состояло изъ луковъ, сулицъ, буздыхановъ и сабель; пищаей было всего двѣ: одна у Глѣба, другая у Сыча; да и стрѣльцовъ конныхъ шло съ вожей всего два десятка, тогда какъ станичниковъ съ полсотни. Глѣбъ не рѣшился ослабить немногочисленный отрядъ курскихъ стрѣльцовъ и, оставляя Курскъ на попеченіе боярскаго сына Алехи Митюшина, строго наказалъ ему: „По городу и острогу Курскому стоять крѣпко и усторожливо чтобы Татаровья ихъ сонныхъ не скрали“. Самъ же голова вышелъ „дозирать стель и всѣ сакмы до-пряма чтобы воинскіе люди къ городу и въ уѣздѣ безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили“. Глѣбъ съ особенною горячкой схватился за исполненіе обязанности осматривать ввѣренную ему часть Бѣлгородской черты, отъ Курска до Бѣлгорода, и наблюдать за цѣлостію укрѣпленій, застѣкъ и надолбъ. Она давала ему возможность наслѣдить кошъ, уходящій въ глубь стелей, чтобы попытаться силою или хитростію сласти Наталью; разсудительный голова вполнѣ понималъ весь рискъ подобнаго предпріятія, но сердцу нѣтъ заказа.

Для быстрого и неутомимаго поиска въ невѣдомыхъ стеляхъ не годны были тяжелые московскіе стрѣльцы, не знашіе ни стелей, ни стельнаго врага—коварнаго и безлощаднаго; за то полста курскихъ станишниковъ, высланныхъ въ вожу бояриномъ Іоной съ Ерой, были молодцы сызмала привычные къ стельной войнѣ. Въ описываемое время Куряне жили ничѣмъ не обезпеченные отъ всевозможныхъ опасностей. Порубежники Русскаго государства и татарскаго юрта, Куряне могли разчитывать только на самихъ себя, на непроходимость бодотъ, да на свои дубовые лѣса и глубокіе извилистые лѣсные овраги, гдѣ можно было спрятаться въ случаѣ крайности. Одинокія боярскія вотчины, прикрытыя дѣтинцами, да казацкія слободы были скорѣе лакомою приманкой стельнякамъ чѣмъ надежнымъ оплотомъ страны при ихъ вторженіи; какъ слободы, такъ и вотчины насельниковъ еще не осмѣливались переходить за Сеймъ. Суровые нравы людей печальною необходимостію поставлен-

ныхъ въ ожиданіе постоянной оласности воспитали Куряиъ быть-можетъ лучшими воинами тогдашней Россіи; насельникъ, строя себѣ дворъ и занимаясь земледѣліемъ, въ то же время былъ „станшникомъ“ и *сеумъ* боярина, воеводы или игумена *сбивалъ* его или въ *вожу* въ поле, или въ *осаду* въ городъ; а то чаще ратоборствовалъ онъ одинъ на одинъ съ Татаринномъ ли, съ воромъ ли, своимъ же братомъ православнымъ. Вѣрный глазъ и крѣпкая рука Курянина одинаково мѣтко доставали и дикаго гуся подъ облаками, и бритаго узкоглазаго Ногайца. Подъ названіемъ Дикаго Поля известна была почти до Петра Великаго эта прекрасная страна, начинавшаяся за рѣкой Сосной. Названіе *поля* сообщилось и племени обитавшему когда-то въ этихъ обширныхъ краяхъ, Половцамъ. Если олустошеннымъ послѣ битвы на Калкѣ Татарамъ Посемью и Потускарью было прилично зваться Дикимъ Полемъ, то въ описываемую эпоху, благодаря Грозному и Борису Годунову, плодородныя и часто картинныя мѣста между Сосной и Тускарью начинали уже принимать тотъ характеръ русской житницы который окончательно сообщился имъ со времени Петра, когда русская гражданственность, вслѣдъ за его побѣдами, двинулась глубоко въ южныя степи.

Вѣрный стрѣлецъ казался угрюмѣ обыкновеннаго въ своемъ *байдакѣ* — родъ панцыря изъ сѣченыхъ колець, нашитыхъ на суровый кафтанъ; по груди, на спинѣ и по плечамъ *байдакѣ* укрѣплялся мѣдными бляхами на ремняхъ. Его неуклюжій меринъ постоянно подавалъ веселому Ерѣ поводъ къ обиднымъ и, по правдѣ сказать, мѣткимъ насмѣшкамъ. Степелный московскій конь рѣзко отличался отъ рѣзвыхъ, сухихъ и выносливыхъ курскихъ лошадей; какъ различны были ихъ стати, такъ различись и ихъ характеры. Сначала, какъ человекъ общительный, Ера держался Сыча, пытаясь идти съ нимъ рядомъ бесѣды ради, но скоро убѣдился что и то и другое невозможно, по той простой причинѣ что московскій меринъ подавался туло и отставалъ отъ Подкана, а московскій верхникъ только молчалъ да солгалъ, косясь единственнымъ глазомъ. „Конь свинья не товарищъ, братъ!“ не стѣняясь замѣтилъ Ера, и пошелъ себѣ впередъ. Сычъ, вопреки желанію, очутился назади всѣхъ. Къ досадѣ своей, онъ убѣдился что совершенно зависитъ отъ своего мерина, а потому и покорился наконецъ необходимости, возбуждая всеобщія остроты и смѣхъ. Даже нерасположенный телерькъ веселости

Глазъ не могъ удержаться отъ смѣха, когда отъ неотвязчивой лети Сыча меринъ вдругъ, какъ бы разсердясь, подпрыгивалъ насколько позволяли ему почтенныя лѣта и лѣнивыя привычки. Скачка вовсе не шла къ его толстой мордѣ, толстой шеѣ и толстымъ волосатымъ ногамъ; даже когда онъ расходился во всю прыть, со стороны казалось что меринъ не скачетъ, а упирается. „Птица не конь!“ острилъ тогда Ера.

Несмотря на свое плохое вооруженіе, станишники состояшіе въ *вожъ* были народъ бывалый, лихой; они такъ же ловко сидѣли на вышкоченныхъ скакунахъ какъ мѣтко стрѣляли изъ луковъ. *Вожъ*, или дозоръ, тянулась какъ лопало, какъ хотѣлось станишникамъ и стрѣльцамъ. Объемистые колчаны изъ невыдѣланной свиной кожи, съ слѣдами щетины, туго набитые оперенными стрѣлами, висѣли у переднихъ тороковъ слѣва и свидѣтельствовали что конники намѣрены порыскать по степи не день и не два. Безъ малѣйшаго слѣда дороги, Ера съ безпечною самоувѣренностью напрямикъ пролагалъ луть. Привычный глазъ и степная споровка смѣло опредѣляли направленіе луты въ этомъ морѣ травъ. Однообразно во всѣ стороны разстилалась степь, чуть-чуть отгнѣваемая по краямъ легкими очертаніями далекихъ кургановъ и лиловыми полосками; въ этихъ легкихъ полоскахъ привычный глазъ гуляки узнавалъ дремучіе лѣса Сѣвернаго Донца. Памятники языческой старины Украйны, огромныя зеленыя *могили* или курганы, насыпанныя неизвестно когда, неизвестно какимъ народомъ, невольно пробуждали въ душахъ станишниковъ суевѣрныя преданія о степныхъ герояхъ, о кладахъ и степныхъ колдунахъ, передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Выше и выше вслывало горячее солнце на ясномъ небѣ; цвѣты яркими лятнами виднѣлись въ высокой травѣ. Порой маленькій *бабакъ*, сѣро-желтый и съ краснымъ брюшкомъ, вскакивалъ на *могилу* и исчезалъ съ пронзительнымъ свистомъ; коники (безкрылая саранча), медомъ пахучія пчелы и разноцвѣтныя яркія бабочки сверкали на солнцѣ. Чуть не изъ-подъ конскихъ ногъ взлетали чибизы и со своими степными жалобами, полными отчаянія, низко кружились надъ травой. Ихъ раздирающій крикъ привлекалъ откуда-то изъ воздушнаго пространства хищника беркута. Разрѣзая воздухъ ллавными и округленными взмахами рыжихъ крылъ, блестящихъ какъ серебро, голодный

беркутъ стремглавъ ладааъ на лтицу въ гущу травы, не стѣсняясь близостью лошадей и людей.

Подаваясь въ стель, курскій голова провѣрялъ подначальныя ему сторожи, тянувшіяся съ небольшими перерывами отъ Курска до Бѣлгорода. Ему оставалась послѣдняя сторожа (лостъ), гаубоко вдавшаяся въ стель, на лодѣ, и потому называвшаяся Отлетною. Сторожа эта считалась самою оласною, и потому укрѣплена была лучше другихъ. Въ описываемое время, въ началѣ XVII столѣтія, отъ Бѣлгорода къ Окѣ и къ Дону шла не прерывающаяся цѣль засѣкъ, городковъ, то-есть укрѣпленій и острожковъ. Эта такъ-называемая Бѣлгородская черта, плодъ мудрости близкаго боярина царя Федора Ивановича, Бориса Годунова, ограждала Московское государство отъ крымскихъ и ногайскихъ набѣговъ. По этой *сторожесвой чертѣ*, отъ сторожи къ сторожѣ, разѣзжали съ Благовѣщенія (25го марта) до Филиппова заговѣнья (15го ноября) ставишники и служилые люди. При вѣсти объ оласности гонцы перевозили воеводскія отписки отъ сторожи къ сторожѣ, а уѣздные жители „по оласнымъ вѣстямъ, безъ мотчанья (не мѣшкая), съ женами и дѣтьми бѣжали въ города, и потому заласы и всякіе животы держали въ городѣ, а достальной хлѣбъ устраивали въ ямы“. Обыкновенно, въ набѣгахъ, Крымцы съ заласными лошадьми становились *кошемъ* между рѣками Кшеневою и Ольховою, а наѣздники ихъ, черезъ рѣку Сосну, вривались *изгономъ* въ Тульскую сторону. Ограбивъ селенія и захвативъ полонъ, хищники *утекали* къ своему кошу. Поэтому, въ наказѣ курскому головѣ ливенскій воевода Нелюбъ напоминалъ: „провѣдывати кошъ гдѣ покинуть, и идти на кошъ, и взявъ кошъ, и отступя съ людьми къ Путивлю или въ который городъ, самому пробратъся съ лучшими Черкасы на лучшихъ конѣхъ идти за Татары. Къ которой украинѣ ближе, сзади на нихъ приходить“. И Бѣлгородская черта сторожила и доzirала Татаръ и прочихъ воровскихъ людей на всѣхъ сакмахъ и перелазяхъ, милостью Божьею и государевымъ счастьемъ успѣшно отражая грабителей.

Когда солнце стало на полудни, долекая *возду*, Ера глотнулъ изъ тыквяной бутылки; затѣмъ лепешка съ коволянымъ сѣменемъ, произведеніе толстыхъ Арининыхъ рукъ, не замедлила отправиться въ объемистый Еринъ ротъ.

— Тутъ не до жиру, быть бы живу, проговорилъ Ера. Откашлянувшись и приложивъ руку ко рту, онъ затянулъ было себѣ подъ носъ пѣсню, но вдругъ остановился и смолкъ, пристально вглядываясь въ траву.

Вожжа остановилась. Живое безлокоитство охватало ее, и всѣ глаза станшниковъ и стрѣльцовъ заслѣдили за Ерой. Опытный вожакъ слѣзъ съ коня и съ чумбуромъ въ рукѣ припалъ ухомъ къ землѣ. Съ минуту, дюжее тѣло его лежало на землѣ, какъ бы спрашивая ее о томъ что его безлокоило. Тихо стояла стель. Эту стихшую жизнь горячаго полудня, казалось, можно было подслушать только ухомъ. Для глазъ все было неподвижно въ томъ полномъ безмолвіи что такъ близко человеческой душѣ въ свѣтломъ и горячемъ блескѣ лѣтняго полудня. Ера поднялся. Глѣбъ и *вожжа* тревожно ждали что онъ скажетъ.

— Орда! произнесъ наконецъ вожакъ, увѣренно показывая рукою прямо на югъ.—Передовой татарскій загонъ близко.

— Гдѣ жъ ты ихъ видишь? спросилъ голова.

— Тамъ я вижу собаку Татара гдѣ тебѣ не увидѣть, честной голова, сказалъ Ера, съ самохвальствомъ:—днемъ не ищи Татара на землѣ—не увидишь; а ищи Татара днемъ подъ землею—услышишь. Хитра бритая собака! Подползетъ какъ гадина, живьемъ скрадетъ!

Незнакомый съ условіями степной войны, Глѣбъ смотрѣлъ туда гдѣ Ера указалъ врага. Между тѣмъ вожакъ не терялъ напрасну времени. Сдѣлавъ нѣсколько широкихъ круговъ, онъ указалъ Глѣбу на листы конскаго щавеля, чуть замѣтно примятые, и на свѣжій конскій лометь. Глѣбъ пересталъ сомнѣваться въ близости Татаръ. Съ минуту вожакъ простоялъ на мѣстѣ, какъ щейка расширивъ носъ и нюхая. Повернувшись по направленію легкаго вѣтерка, онъ пошелъ въ сторону, махнувъ рукою слѣдовать за собой.

— Куда ты свернулъ? спросилъ Глѣбъ.

— Ко Пселу-рѣкѣ, голова.

Скоро засвѣжѣвшій воздухъ указалъ *вожжѣ* близость рѣки. Потные кони и усталые станшники жадно пили чистую воду Псела. Пологіе берега, почти въ ровень съ водою; песчаное дно желтѣлось подъ мелкою водою, обѣщая надежный бродъ. Съ незаламятныхъ временъ бродъ этотъ служилъ татарскимъ перелазомъ, то-есть переходомъ, при набѣгахъ на

Курскъ, Рыльскъ, Ливны и Тульскую сторону. Ера неутомимо разглядывалъ слѣды конскихъ копытъ выдавленныхъ въ сырость песокъ.

— Крымская подкова, увѣренно сказалъ жоакъ, указавъ на гладкій круглый слѣдъ безъ шиповъ, явственнѣе другихъ отпечатавшійся на береговомъ песокъ.—Прошли вчера, послѣ дождя, стало вечеромъ; дождевая туча тутъ-то стояла. Ну, голова, береги вожу. Отошли мы отъ своихъ далече; надо Татарву злую на вѣтру держать, а самимъ подъ вѣтромъ; для того я свернулъ вожу ко Пселу-рѣкѣ.

— Дѣлай какъ знаешь, на то жоакъ ты взять, перечить тебѣ не буду, отвѣчалъ Глѣбъ:—только не мѣшкай.

— А ты не торопись, голова, какъ разъ дѣльцо обдѣлаемъ:—вѣдъ бродъ-то затрудненъ.

Ера указавъ рукой на рядъ заостренныхъ дубовыхъ палъ, высовывавшихся изъ воды, по серединѣ рѣки; вода плескалась, дробясь о пали въ мелкія брызги; глухо шумѣла и сердито лѣвилась рѣка сталкиваясь съ огромными лѣнями, навалежными съ явною цѣлью сдѣлать бродъ непроходимъ.

— Вонъ тамъ, братцы, гляди, не зѣвай, глубокія бучаны покопаны, обратилъ Ера вниманіе вожи на легкую зыбь, себевившуюся и отражавшую голубое небо.

Ера спокойно далъ добрую плеть Полкану, хралѣвшему и заторолившемуся въ водѣ, и закружился межъ затопленныхъ колодъ и глубокихъ копаней, какъ бы насквозь видя воду. Храля и настороживъ уши, Полканъ весь ушелъ въ воду, высоко подымая изъ нея свою голову. Въ одномъ мѣстѣ Ера поплылъ. Слѣдя за малѣйшими движеніями его, станишники благополучно выбрались на другой берегъ; Глѣбъ послѣдній. Предчувствіе его, основанное на томъ что вожу не встрѣтилъ, по обычаю, дневальный станишникъ изъ Отлетной сторожи, говорило ему о печальной ея участи. Онъ не ошибся.

— Никакъ въ Отлетной-то нашей скверно, голова! замѣтилъ ему жоакъ:—станишниковъ не видать.

— Сюда, сюда! кричали испуганные севрюки изъ густаго лозника, обѣвшаго берегъ.

Продравшись сквозь лозникъ, вслѣдъ за Ерой, Глѣбъ очутился предъ высокимъ бугромъ, на вершинѣ котораго чернѣлся валъ и на немъ крѣпкій частоколъ. Сильный залахъ гаря и лустая смотрильня, попросту камышевый навѣсъ на четырехъ высокихъ дубахъ, стоймя врытыхъ въ землю съ

досчатую площадку для караульнаго, вмѣстѣ со сгорѣвшими воротами и верями, сразу сказали вождь о случившемся. Нѣсколько убитыхъ горбоносыхъ ногайскихъ коней валялось близъ воротъ.... Внутренность разоренной сторожи убѣдила вожу что защитники ея легли въ жестокой сѣчѣ. Двѣнадцать голыхъ труповъ валялись, тамъ и сямъ, вокругъ сожженной избы. Слишкомъ тридцать бритоголовыхъ, усатыхъ, изжелта-темныхъ труповъ окружали погибшихъ станишниковъ; однѣ и тѣ же хищническія руки раздѣли и эти бѣлыя, и эти темныя тѣла.

Глубокимъ вздохомъ облегчилъ Глѣбъ свою грудь при такомъ тяжеломъ зрѣлищѣ.

— Стоя у кладбища всѣхъ не оплачешь, голова, замѣтилъ Ера:—веди вожу. Гайда, ребята!

Вожакъ не замедлилъ привести отрядъ въ темный сосновый боръ.

— Время ночное, голова, сказалъ Ера:—иной часъ ищешь куму, а попалъ на дядю Кузьму. Заночевать бы.

— Какъ знаешь.

— Ну-ка, кривой свать, корми тутъ съ вожей коней; только чуръ не разсѣдывать, огня не зажигать, лѣсень не лѣтъ, голосу не подавать. Кто къ жонкѣ али къ дѣвкѣ своей вернуться хочетъ—не зѣвай, братцы: Татаръ скрадетъ. Слышь, ни гу-гу, ни цыцъ! Словно померли всѣ; рты набейте толочкомъ, водкой залейте, только ни-ни! А коней, разнуздавши, на чумбурахъ держите; и, слышь, какъ выстрѣлъ услышите, въ то жь число на конь всѣ и ждите въ готовности. Гляди жь мнѣ, кривой глазъ, а то я тѣ другой вышибу.... Ну, голова, не солоно хлебавши, прокоротаемъ ночку на конѣ самъ-третей съ Богомъ! Вдемъ-ка до бѣла-свѣта сосны считать, оказываютъ много ихъ во сыромъ бору стоять!

— Куда жь поѣдемъ? спросилъ Глѣбъ, не рѣшаясь покинуть безъ себя вожу въ такомъ оласномъ мѣстѣ и ночью.

Ера обидѣлся.

— Не перечь Ивашкѣ, голова, коли меньше его знаешь; сказалъ онъ:—а коли самъ больше Ивашкинова знаешь, такъ Ивашка прочь поѣдетъ, а ты оставайся и самъ себѣ помогай....

— Полно врать, Ера! воскликнулъ Глѣбъ. —Время ли попусту языкъ чесать? Я готовъ за тобой.

— Куда голова туда и руки! Ера засмѣялся.

Строго подтвердивъ Сычу и вождь исполнять распоряженіе

вожака, Глѣбъ послѣдовалъ за нимъ, неволью положивъ руку на саблю когда они очутились въ сумракѣ нависшихъ сосенъ.

— Буди благонадеженъ, голова, хвастливо сказалъ вожакъ;— воръ Ивашка скрадетъ самого мурзу - Саламата, не только что дѣвку.

— Господи! Глѣбъ вздохнулъ:—помоги мнѣ освободить изъ плена боярышню, отдамъ тебѣ Ера все что имѣю.

— Толкачь муку покажетъ, голова.—Ера засмѣялся:—Аль я не всѣмъ ворамъ воръ?

Самоувѣренность вожака воскрешала надежды Глѣба. Мысль что она можетъ быть освобождена подкрѣпляла юншу лучше лица, лучше освѣжительнаго сна. Быстро смеркалось и скоро стемнѣло совсѣмъ.

— Эва, заголосили! замѣтилъ Ера, прислушиваясь къ завыванію волковъ:—должно *муровъятникъ* близко.

Вдругъ огонекъ, брызнувшій изъ-за вѣтвей, остановилъ путниковъ. То былъ не тотъ радостный, яркій огонекъ что веселитъ прилоздавшихъ людей надеждой на ночлегъ и ужинъ; замѣтивъ огонь, въ такую пору и при такихъ обстоятельствахъ, путники наши неволью насторожились. То не былъ тотъ огонь увидя который усталые кони, чуя отдыхъ и кормъ, прибавляютъ шагу; напротивъ, оба коня остановились какъ вкопанные, точно поняли опасенія своихъ вершниковъ. Недоумѣвая и схватясь за саблю, Глѣбъ обратился къ Ерѣ, но тотъ спокойно продолжалъ путь.

— Гдѣ жь огонь? шелотомъ спросилъ Глѣбъ Еру, не мало удивленный тѣмъ что лутеводная звѣзда ихъ, ярко блеснувшая въ темномъ борѣ, скрылась именно въ ту минуту когда они ее достигли.

— А вотъ!—Ера указалъ на багровый въ темнотѣ дымъ, который клубился высоко, озаряя сосны, какъ словно руками хватавшія эти переливающиеся дымные клубы своими черными вѣтвями. На небольшой олушкѣ полулежалъ старый человекъ, казакъ, по виду изъ тѣхъ безлокошныхъ Южно-русовъ что въ то время назывались *Черкасани*. Въ грязной холщевой рубашкѣ, грязныхъ полосатыхъ штанахъ на очкурѣ, въ высокой бараньей шапкѣ, совсѣмъ на затылкѣ, съ бритою головой и подбородкомъ и длинными, сѣдыми висячими усами, лѣсной обитатель наслаждался тепломъ погасавшаго костра. Сѣдые нависшія брови придавали его сухому лицу,

съ рѣзко осунувшимися скулами, мрачное выраженіе. Ноги, въ длинныхъ гайдамацкихъ сапогахъ, привольно разбросались себѣ по травѣ. Въ черномъ отъ копоти котелкѣ, соблазнительно для слуха путниковъ, урчалъ бѣлый кипель; котелокъ висѣлъ надъ огнемъ на желѣзномъ крючкѣ, привязанномъ къ суку. Вспыхнувшій съ новою силой огонь, пожирая валежникъ, озарилъ огромную и важную фигуру гайдамака Шутки, и торбанъ на его колѣняхъ. Огромная черная тѣнь дожилась по всей олушкѣ и всползала на сплошную стѣну желтѣвшихъ сосновыхъ стволовъ. Задремавъ, старый гайдамакъ, казалось, не слышалъ приближенія путниковъ, быть-можетъ заслушавшись шумнаго лѣснаго говора. Но чуткое ухо его не замедлило обнаружить ихъ въ ту минуту когда они, освѣщенные костромъ, появились на олушкѣ. Первымъ движеніемъ его было, не подымаясь, схватить лежавшую возлѣ саблю и осмотрѣться чтобъ увѣриться не окруженъ ли онъ? въ чемъ опасность? Убѣдясь что ихъ только двое, гайдамакъ успокоился, и лѣниво бросивъ саблю, не далъ себѣ труда ни встать ни всмотрѣться въ тѣхъ кто потревожилъ его лѣсной покой.

— Коли въ лѣсу дымъ, стало люди! весело сказалъ Ера:— Дѣдъ лѣшій! Слышь, дѣдъ лѣшій! Куда ты нелегкая занесла! крикнулъ ему Ера, не замедлившій признать въ немъ торбаниста-гайдамака Ваську-Шутку, полу-хохла, полу-Цыгана, но цѣлаго разбойника, съ кѣмъ столкнулся въ Теребужскомъ лѣсу, въ шаткѣ Косолала.

При такомъ неестномъ прозвищѣ, гайдамакъ угрюмо покосился черезъ плечо на дерзкаго вершника и, съ своей стороны, призналъ въ немъ льянаго бродягу когда-то добросовѣстно осушившаго его баклагу. Онъ было приподнял свои нависшія брови и сверкнули было бѣлки его черныхъ глазъ; но сейчасъ же, какъ только онъ убѣдился въ чемъ дѣло, брови олустились и бѣлки закрылись. Отвѣчать бродягѣ онъ, повидимому, не намѣревался.

Привязавъ чумбуры разнузданныхъ коней къ соснѣ, Ера, а за нимъ Глѣбъ, подошли къ костру и расположились возлѣ какъ люди имѣющіе равныя права съ хозяиномъ. Не изъ пустаго любопытства испробовавъ есть ли что въ знакомой ему баклагѣ гайдамака, заткнутой травой, Ера съ удовольствіемъ убѣдился что она полна.

— Въ твоёмъ лѣсу, будь онъ меладень, окромѣ тебя, лѣшаго, только травы, да сосны, да волки! укорялъ онъ его:— Какъ ты сюда лопалъ? а, старый чортъ?

— Какъ и ты: ноги принесли.

— А что? небойсь, Годуновскіе-то васъ пробрали до живаго! смѣялся Ера.— На Москву поднялись, слышь, Бориса царя моля за ноги сводочимъ! Ну, и перевѣшалъ онъ васъ, чертей, по всѣмъ московскимъ осинамъ. И Косолала вашего, и всю вашу воровскую братью. Какъ только ты удралъ, старый чортъ! Жаль, ей Богу жаль, что не повѣсиди тебя за чулрыну. Давно по тебѣ осина плачетъ. Ей Богу! Ну, а все же приятели мы. Здорово, дѣдъ, нечистая сила! Пображничалъ я съ вами въ Теребужскомъ лѣсу, когда васъ туда налетѣла туча сорокъ и воронъ. Глядь сюда, голова, ей Богу, та самая баклажка! И баклажку, стало, унесъ съ московскаго погрома, старый чортъ! И зубы всѣ цѣлы, ей Богу, всѣ цѣлы! Ай приятель! подлинно Шутка. Небойсь, вино-то у тебя не простое! Знаю, братуха, знаю, ты плохаго не любишь. Что жъ ты это баню чертямъ толпшь?

— Самъ ты истонникъ дьявольскій. По чужимъ котламъ языкомъ лижешь, лесь борзой.— Гайдамакъ мрачно поставил баклагу къ себѣ ближе.

— Полюбилась ты мнѣ, чортъ, да порадоваться мнѣ съ тобой въ лѣсу нечѣмъ, ей Богу!

— Ера грустно глянулъ на баклагу. Гайдамакъ только соглѣлъ, нахмутивъ щетинистыя брови и вздергивая длиннымъ висачимъ усомъ.

— Не сорвался ли ты, чортъ, съ самой что ни на есть высокой московской сосны, чулрына хохлацкая, да и онѣмѣлъ оттого? сострилъ Ера надъ упорнымъ молчаньемъ торбаниста.— Ну, коли ты на слова скулъ, я на вино не скулъ.

Ера крикнулъ, приложилъ губы къ своей тыквѣ и послѣ добрыхъ глотковъ передалъ ее гайдамаку.

— Погреба вѣтъ, а безъ вина не живу, замѣтилъ гулящій человекъ Глѣбу.— Ишь ты, хохлацкая образина, лучокъ себѣ отлустилъ людямъ на посмѣяніе, себѣ на посрамленіе! указалъ онъ на пукъ длинныхъ волосъ висѣвшихъ съ выбритой макушки гайдамака, когда тотъ снялъ шалку чтобы хлебнуть изъ Ериной бутылки.

— Знатный слотыкачъ! пробормоталъ онъ, кракнувъ съ удовольствіемъ, и сплюнулъ далеко межъ переднихъ зубовъ.

Тыквянная бутылъ въ другой разъ обошла кружокъ пріютившійся у огня и не замедлила оказать свое благотворное вліяніе даже на мрачнаго гайдамака.

— Близокъ Татаръ, дѣдъ? спросилъ его Ера.

— Въ Дуванной балкѣ, коли слыхаль.

— Дуванную-то балку! Ера усмѣхнулся:—Ты спрости чего не слыхаль Ивашка; а чего, случилось, не слыхаль, то видалъ. А балка степовая за Бѣлымъ городомъ; Татаръ, въ той балкѣ, какъ набѣжитъ, *дуванъ дуванитъ*.

— Татаръ въ Дуванной балкѣ, повторилъ гайдамакъ, мѣшая ладкой огонь и снова надѣвая на затылокъ шапку:—А въ томъ кошѣ полонянка, боярская дочь. Саламать-ханъ себѣ въ жены ведетъ....

— А скрасть часомъ можно ту полонянку, дочь боярскую, чупрына? спросилъ Ера.

Гайдамакъ подумалъ, снова хлебнулъ изъ тыквянной бутылъ и сплюнулъ далеко, межъ переднихъ зубовъ.

— Скрасть ту полонянку дѣло не шуточное, сказалъ онъ, глядя на огонь.

При этихъ словахъ Глѣбъ бросилъ ему тяжелую кожаную кису, со звономъ брякнувшую у его ногъ. Схвативъ кису съ быстротой, не шедшею къ его суровому виду, гайдамакъ развязалъ мѣшокъ и жадно глянулъ на сверкашіе при огнѣ золотые кораблевики и серебряные рубли.

— Доставешь полонянку, дочь боярскую, ровно столько же залаачу тебѣ, старикъ! воскликнулъ Глѣбъ.

— Гм! пробормоталъ гайдамакъ, хмурясь.—Хочу ту боярскую дочь достать, съ рѣшимостію сказалъ онъ помолчавъ и бережно пряча кису въ карманъ набойчатыхъ въ дегтю штановъ.

— У вора Татара лерекрасть худаго мало, а чести много, добавилъ Ера. — Помогай намъ какъ знаешь, чортъ; учить тебя нечего, ну а боярскую дочь скрадь безпремѣнно, голова казны своей не пожалѣетъ.

— Гм! снова крикнулъ гайдамакъ, взявшись за свою баклагу, къ несказанной радости гулящаго челоуѣка. Приподнявъ сѣдыя брови, гайдамакъ отлилъ изъ баклаги и передалъ ее Глѣбу, вылившему ради хорошаго оборота дѣла.

— Такихъ ворищъ какъ мы съ тобой, чупрына, хватить и не на такое дѣло, хвалился Ера, послѣ баклаги:—кажись мѣ-

сацъ съ неба скрадемъ, не токмо дѣвкѣ! А ужь, слышь, красавица писанная; голова, слышь, обсыплетъ насъ золотомъ царскимъ. Богъ меня убей!

— Освободите мнѣ боярышню, и залачу каждому изъ васъ по такой кистъ, сказалъ Глѣбъ:—только на что надѣешься ты старикъ? У бея вокругъ шатра сторожа, да вдобавокъ кошъ, а ты одинъ.

— Одинъ въ полѣ не воинъ, глубокомысленно замѣтилъ гайдамакъ, прикладываясь къ баклагѣ и передавая ее Ерѣ.

— Одинъ гусь поля не вытолчетъ, добавилъ гуляка, хватаясь за баклагу.

— У меня въ кошѣ Татаръ есть пріятель, пояснилъ Глѣбу гайдамакъ:—онъ гайдамачить съ нами по здѣшнимъ по всѣмъ мѣстамъ и всякъ буеракъ знаетъ. Онъ у нихъ поводыремъ, эти Татары больше перволѣтченки, впервой набѣжали со степовъ.

— Ладно, чупрына, понимаю! одобрялъ гайдамака Ера.— Ты только подумалъ о Татарѣ своемъ, а я все полагалъ, какъ и что....

— Золота-серебра мѣшокъ возьметъ Чичакъ и полонянку тебѣ скрадетъ: не даромъ же шайтаномъ прозванъ, сказалъ гайдамакъ.—А возьметъ мѣшокъ золота-серебра Чичакъ за полоняницу, а тебѣ дать ему надо.

— Не горюй, голова, доставуть тебѣ твою красавицу писаную добрые люди, успокоивалъ Глѣба гулящій человекъ.— Мы съ нимъ на это просты, голова: кто кулитъ, тому слуги. Свой своему поневолѣ братъ.

V.

Не отъ пламечка, не отъ огничка
 Загаралася въ чистомъ полѣ ковыль трава,
 Добиралася огонь до бѣлаго камешка.
 Что на камушкѣ сидѣлъ маадъ ясенъ соколъ,
 Подпадало-то у яснаго сокола крылья быстрыя,
 Ужь какъ лѣтъ ходитъ маадъ ясенъ соколъ,
 Маадъ ясенъ соколъ, по чисту полю.
 Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
 Они граjali, смѣялись ясну соколу;
 Называли они ясна сокола вороною:
 „Ахъ, ворона ты, ворона, маадъ ясенъ соколъ!
 Ты зачѣмъ, зачѣмъ ворона заметѣла здѣсь?“
 Отвѣтъ держитъ маадъ ясенъ соколъ,
 Маадъ ясенъ соколъ чернымъ ворогамъ:
 „Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны;
 Какъ отрацу я свои крылья соколиныя,
 Поднимусь-то я, маадъ ясенъ соколъ,
 Маадъ ясенъ соколъ, высокошенько,
 Высокошенько поднимуся я, маадъ ясенъ соколъ,
 Полечу, маадъ ясенъ соколъ, по поднебесью,
 Олущуся я, маадъ ясенъ соколъ, къ сырой землѣ,
 Разобью я ваше стадо, черны вороны,
 Что на всѣхъ ли на четыре стороны;
 Вашу кровь пролью я въ синее море,
 Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
 Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
 Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
 Что леталъ-то маадъ ясенъ соколъ по поднебесью;
 Убивалъ-то маадъ ясенъ соколъ гусей лебедей,
 Убивалъ-то маадъ ясенъ соколъ стѣрыхъ утокъ.“

Памяти. Великор. Народа.

Кошъ слѣшно уходилъ въ степи. Селяметъ-бей выполнилъ свои обязательства предъ старцемъ Власіемъ: освободилъ московскій полонъ и въ тотъ же день пошелъ назадъ. Только боярышню не выдалъ противъ уговора.

— Лучше возвращу русскому дервишу его золото, сознался бей мурзѣ Юсуфу когда надо было выполнить клятву данную старцу Власію.

— А по-моему, бей, и золото бы русское взять, и русскую красавицу увезть въ свой гаремъ, расудилъ мурза Юсуфъ.

— А клятва!

— Разрѣшаю тебя отъ клятвы невѣрному гауру, сказалъ Юсуфъ.— Не даромъ мурза Юсуфъ хаджи; не даромъ три-краты поклонился онъ Каабѣ. Я пойду впередъ съ лѣвницей; на требованіе выдачи отвѣчай что полонилъ красавицу мурза Юсуфъ и любѣжалъ себѣ въ улусъ съ радости что на старости добылъ такую жонку лучше которой не найдется гуріи въ садахъ пророка. Веди кошъ къ Дуванной балкѣ; тамъ найдешь меня.

Безконечно разбрасывалась стель между рѣками Обвернымъ Донцомъ и Днѣлпромъ, съ его лѣвыми притоками: Ворокаой и Псломъ. Косой лучъ ослаблительно садящагося солнца золотить разношерстныя толпы стелныхъ лошадей, а стелные хищники расположились въ глубокой балкѣ, названной *Дуванною* потому что съ незапамятныхъ временъ въ этой балкѣ Татары *дуванили дуванъ*, то-есть дѣлили добычу и русскій полонъ, считая себя здѣсь вполнѣ внѣ опасности быть настигнутыми Русскими. Ихъ здѣсь отдѣляло нѣсколько многотрудныхъ переходовъ по тѣмъ пустынямъ которыхъ избѣгали непривычныя къ нимъ по своему осѣдлому характеру земскія войска, составлявшія силу московскую и призывавшіяся, по военнымъ обстоятельствамъ, отъ поля и двора. Разчеты Татаръ имѣли основанія. По преданіямъ, достигнувъ Дуванной балки Татары считали себя какъ бы въ предѣлахъ своего юрта; до сихъ поръ еще не проникала сюда сторожевая русская рать или русская погоня: неподалеку начинали уже встрѣчаться кочевья Ногаевъ Казыева улуса.

Селяметъ-бей, при помощи неизмѣннаго своего совѣтника Юсуфа, раздѣлил русскія деньги между карачами, мурзами, и всѣми Татарами, сообразно роду и заслугамъ каждаго, по приговору коша; попятно, онъ не обдѣлил ни себя, ни совѣтника. Веселые клубы дыма видись по низменнымъ берегамъ узкой стелной рѣчки; быки и бараны, захваченные вопреки клятвѣ бей Юсуфомъ, распространяли въ воздухѣ пріятный запахъ шашлыка. Конскіе косяки, дымъ костровъ, толпы Татаръ, валявшихся въ тѣни изломивъ балки въ разноцвѣтныхъ бешметахъ; Ногайцы въ однообразно-пыльныхъ верблюжьихъ штанахъ, нагольныхъ овчяныхъ курткахъ и наземныхъ

овчинныхъ шалкахъ на затылкѣ, все это, перемежаясь живыми луговыми цвѣтами, исчезало въ изворотахъ балки, обступавшей тихую, голубѣвшую степную рѣчку. На мѣловыхъ бокахъ балки догоралъ знойный день. Лошади паслись съ сѣдлами на спинахъ, не сходявшими съ нихъ во все продолженіе набѣга, другой мѣсяць. Строптивые и безпокойные жеребцы были стреножены ременными чумбурами. Подобравшія животы, какъ борзые, но не потерявшія своей выносливости, горбоносые высокозадая ногайскія лошади жадно щипали мягкую траву. Копь представляя оживленный видъ; слышалась заунывная татарская *жалейка*, ей вторили горловые звуки степной лѣсни. Татары возвращались къ своимъ *ланама* веселые: удачный набѣгъ далъ имъ золото вмѣсто пороха, обременительнаго въ пути и трудно сываемого. Бей Селяметъ и мурза Юсуфъ наслаждались вечернимъ кейфомъ у походнаго шатра. По обыкновенію, Селяметъ лежалъ на коврѣ, подложивъ подъ голову сафьянную подушку; старый мурза сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги, закрывъ глаза и олутивъ голову, какъ правотѣрный совершавшій вечернее омовеніе. Орлиный носъ его уперся въ длинные усы, бѣлые какъ блестящій шелкъ, сливавшіеся съ бѣлою бородой; длинный стамбульскій чубукъ, стиснутый въ зубахъ, словно забыть и не дымитъ; залывшее жаромъ лицо стараго мурзы было красно отъ жара, и его пробили крупныя капли пота. Не тяжелыя думы сомкнули глаза мурзы и надвинули сѣдые брови, а то слоконствіе которое вкушаетъ чувственный, вѣрующій въ рокъ человекъ, окончивъ съ трудами и оласностями. Старый сластолюбецъ видѣлъ уже „окомъ своихъ пожеланій“ нѣгу гарема.

Далеко и нестройно бродятъ думы и Селяметъ-бей. Неукротимый степной наѣздникъ, сынъ воли и войны, вспомнилъ такой же день, догоравшій на скалахъ Айдора, столпившихся кругомъ глубоко вѣзавшагося въ берегъ зеленоватаго моря. Расплавленнымъ золотомъ, миллиономъ ослѣпительныхъ огней и драгоценныхъ камней дробится прощальный лучъ въ густомъ, маслянистомъ, лазоревомъ лонѣ моря. Оно дышетъ и игриво-волнистою зыбью лижетъ звонкія, зелено-мшистыя снизу, скалы. Эти сѣрыя съ черными узорами скалы своими вершинами, какъ подираваннымъ зеркаломъ, отражаютъ горячее, будто утожившееся солнце. Стаи дельфиновъ играютъ на слоконной поверхности моря, а въ него опрокинулось все небо,

всю своею глубиной, ширью и синевой. Музыкальный ропотъ морскаго прибоя, съ тѣмъ звономъ что издаетъ вѣтеръ прикасаясь ко скважинамъ огромныхъ раковинъ, или разбиваясь о сухой тростникъ, широкими, мягкими аккордами нарушаетъ жаркую тишину; какъ бы изъ множества согласно подобранныхъ струнъ невидимый Эоль добываетъ эти ноты, удивительныя и неотразимо дѣйствующія на человѣческую душу. Разливая красоту и счастье, прощальный лучъ золотитъ кулы стройныхъ чинаръ и тополей, широковетвистыхъ орѣховъ. Благоуханія цвѣтущаго миндаля и роскошныхъ розъ вдыхаетъ Селяметъ, и кажется ему что эти чудные зеленые, блестящія и дышащія чинары, тополи, миндали и орѣхи неподвижно устались въ синее небо каждою своею вѣткой и листомъ; устались всякимъ благоуханнымъ бѣлымъ лепесткомъ и какъ бы въ нѣмомъ изумленіи созерцаютъ красоту сянга неба, и не въ силахъ выйти изъ-подъ обаянія его жаркой нѣги. Въ тѣни покоится роскошное, съ бронзовымъ оттѣнкомъ, тѣло молодой женщины. Только-что проснувшееся сладострастіе ясно и опредѣленно выражается на прекрасныхъ, правильныхъ чертахъ круглаго лица съ жаркими, какъ персикъ, ланитами, оттѣненными шелкомъ черныхъ косъ. Ея горячія малиновыя губы ждуть поцѣлуя... Но отчего же не радуешь его теперь воспоминаніе о страстной любвищѣ его гарема, красавицѣ Зюлейкѣ? Отчего полюбившій оны отъ бессонницы? Оттого полюбившій оны что русская лѣтница недоступна ни его мольбамъ, ни ласкамъ, ни угрозамъ. Всю прошлую ночь Селяметъ-бей напрасно старался овладѣть „блѣдною христіанкой“, только горькія слезы и солпотивленіе глубокаго отчаянія были отвѣтомъ на всѣ его домогательства. Ласки, угрозы, дары, все было напрасно. Твердая рѣшимость молодой христіанки сохранить свое дѣломудріе поселила въ душѣ бей непонятное для него новое смущеніе. Образъ блѣдной христіанки все глубже и глубже проникалъ въ сердце князя, и мечтанія овладѣть ею не покидали его ни на конѣ, ни въ шатрѣ.

Старый Юсуфъ, конечно, понималъ въ чемъ дѣло.

— Пятый разъ закатывается солнце, бей, сказалъ оны. — Пятую ночь христіанская красавица раздѣляетъ кровь твой: отчего жь, зажмчуютъ мои старые глаза, не весель бей? Развѣ все что добыто священнымъ джихадомъ, во имя Аллаха, не твоя собственность? Не суши сердца печалью; возлеж

на коврѣ отдохновенія, подкрѣпляетъ тѣло, витязь пророка, и по слову Корана приведи гурію земли невѣрныхъ въ свои меджлисъ рабыней и наложницей.

Появленіе новаго лица прервало разговоръ. По его щегольской бараньей шалкѣ, длинной коричневой курткѣ обшитой лозументами и коричневымъ широкимъ шальварамъ изъ тонкаго сукна съ широкимъ пестрымъ поясомъ изъ свернутой турецкой шали, за которымъ былъ заткнутъ дорогой дамасскій канджаръ, можно было безошибочно узнать въ немъ бахчисарайскаго Караима. Смуглое, почти черное съ зеленымъ отливомъ лицо, худощавое и съ узкимъ лбомъ, блестяло отъ лота. Большіе бѣлки черныхъ лукавыхъ глазъ, раздѣленные длиннымъ горбатымъ носомъ, сверкали, какъ бы отражая затаенный до времени злой смѣхъ. Чуть не отъ глазъ худыя щеки пробивала черная, какъ уголь, борода. Подстриженные ради опрятности усы придавали ему видъ хитрой кошки. Кошачья ухватливость вообще рѣзко бросалась въ глаза. Караимы были странствующими кулцами Крымскаго юрта. Они или сопровождали кошь въ набѣгѣ, или встрѣчали его далеко въ стеляхъ, чтобы захватить товаръ получше изъ лервыхъ рукъ. Дуванная балка была мѣстомъ откуда начинались степные базары; тутъ продавались русскія лошади и русское добро вмѣстѣ съ русскими людьми. Бахчисарайскій Караимъ Ясіи, въ стеляхъ странствующій кулець, а въ Бахчисараѣ *sarrafs*, то-есть ростовщикъ, всегда лервый встрѣчалъ возвращеніе коша изъ Руси. На этотъ разъ чутье Караима обмануло его: кошь возвращался безъ полона; онъ объ этомъ узналъ тотчасъ какъ кошь расположился на ночлегъ, а равно и о томъ что Селяметъ-бей везетъ красавицу знатнаго рода.

— Рабъ твой Ясіи лобызаетъ твои бабуши, побѣдоносный бей Селяметъ-Гази, обратился къ нему Караимъ, низко кланяясь, дотрогиваясь рукою до земли, до своего лба и груди.— Да славится мудрость аги-Юсуфа! продолжалъ онъ извиваться предъ мурзою.—Ясіи кланяется бородѣ его!

Взглядъ холоднаго равнодушія былъ отвѣтомъ Караиму.

— Пожаловалъ ты вовремя, Ясіи, помолчавъ сказалъ Юсуфъ,—только дувана дуванить кошь не будетъ; полоня русскаго не взяли—продать нечего; а русское золото любите не вы одни саррафы; золота Татары не продають.

Караимъ невесело оглянулъ кошь.

— Такъ купить нечего? переспросилъ онъ.

— Во имя Аллаха, сказалъ мурза не охотно: — перестань вколачивать свои слова въ воздухъ, Ясіи. Сказано тебѣ: лопата нѣтъ, окуль взять. Ничего не выведено, какъ видишь, кромѣ этихъ косяковъ, подвернувшихся подъ руку Ногайцамъ.

— А молодая христіанка? спросилъ, не утерпѣвъ, Караимъ, покосившись бѣлками своихъ черныхъ глазъ на бѣя, при чемъ узкое зеленоватое лицо его исказилось скверною улыбкой, открывшею рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Селяметъ-бей—сахибъ (повелитель) головы и распорядитель жизни этой лѣвницы, сказалъ мурза тономъ по которому Караимъ могъ бы догадаться что лѣвница товаръ не продажный. Но адчность вѣрнаго барыша помѣшала Караиму понять слова мурзы.

— За красавицу-христіанку Ясіи далъ бы много цехиновъ и въ придачу къ нимъ темную невольницу на выборъ, произнесъ онъ, впрочемъ не совѣтъ рѣшительно и ни къ кому не обращаясь.

— Нагаекъ! воскликнулъ вдругъ бей, приподнимаясь на локоть и бросивъ на купца огненный взглядъ.

Десятокъ полунагихъ мускулистыхъ Татаръ, овчинныя куртки которыхъ, мѣхомъ вверхъ, просыхали на солнцѣ, обсылали шатеръ съ нагайками въ рукахъ, и съ раболѣпнымъ безмолвіемъ ожидали указанія на кого понадобятся ихъ нагайки.

— Нагаекъ! повторилъ бей, указавъ движеніемъ головы на Ясію, трелетавшаго какъ осиновый листъ въ бурю.

Въ мигъ здоровенный Татаринъ взвалилъ къ себѣ на широкую спину Ясію, какъ мясникъ взваливаетъ барана, и десять нагаекъ рѣзво зашлепали по коричневой курткѣ и шальварамъ несчастнаго, заоравшаго не своимъ голосомъ и корчившагося отъ нестерпимыхъ ударовъ...

— Ясіи на этотъ разъ промѣнялъ свои обрѣзанные цехины на нагайки, сострилъ Юсуфъ къ удовольствію засмѣявшагося Селямета, махнувшаго Татарамъ рукой.

Нагайки опустились, крики смолкли: освобожденный Караимъ, не оглядываясь, слотыкаясь и ничего не видя за слезами, любѣжалъ, какъ угорѣлый, возбуждая хохотъ и насмѣшки Татаръ.

Забившись въ темный уголъ шатра, обезсиленная продолжительною вѣдой на конѣ въ жаркіе дни, и еще болѣе страдавіями духа, бѣдная дѣвушка находилась въ страшномъ забытіи.

Снилась ей морозная ночь съ высокими Стожарами. * Глѣбъ посадилъ ее въ сани. Молчить она и не шевелится словно себѣ не вѣря; она приняла было его за одного изъ тѣхъ безплотныхъ духовъ что являются порой людямъ предъ смертію; но нѣтъ, то живой Глѣбъ сидитъ съ ней рядомъ, живой Глѣбъ держитъ ее крѣпко чтобы не упала. Лихая тройка мчитъ ихъ. Куда? Въ церковь, вѣнчаться. Онъ любитъ ее. Иначе не могъ бы онъ такъ нѣжно говорить ей такія хорошія слова, не могъ бы такъ нѣжно вынимать ея зазябшія руки изъ мѣховыхъ рукавовъ чтобы согрѣть своимъ горячимъ дыханіемъ. До того хорошо съ нимъ Наталья что она забылась на плечѣ Глѣба, и не приходила ей въ голову мысль что значитъ этотъ увозъ. Давно не слышитъ она лая собакъ, не видитъ освѣщенныхъ отцовскихъ хоромъ. Въ невѣрномъ свѣтѣ морозной ночи прыгали предъ ней кони, качалась дуга... Мало-малу спокойствіе Натальи замѣняется страхомъ погони, и этотъ страхъ все растетъ и растетъ. Страшный татарскій князь, Селяметъ, скачетъ за санями такъ близко что разгоряченный скакумъ его обдаетъ ее своимъ горячимъ и прерывистымъ дыханіемъ. Вотъ-вотъ схватитъ ее Татаринъ, и она, противъ воли, повинувшись страху, прижалась къ Глѣбу. А татарскій князь настигаетъ. Она чувствуетъ это по волненію съ какимъ Глѣбъ то оглянется назадъ, то логонитъ коней. Боже, какъ быстро они несутся! Наталья боится оглянуться; мерещится ей блестящій клинокъ которымъ Татаринъ замахнулся на ея милаго. Казалось ей, еще мигъ, и Глѣба нѣтъ, и она во власти Татарина. Неужели, Боже, Ты оставилъ бѣдную Наталью! „Татаринъ сѣчетъ тебя, Глѣбъ!“ восклицаетъ она, забывая дѣвичій стыдъ, себя, и страшась лишь за него. „Брось меня Татарину и спасайся. Ты ему не нуженъ, онъ за мной гонится. Я нужна ему. Брось же меня, или будетъ поздно.“ Молча глянулъ на нее Глѣбъ и обнажилъ саблю. Боже, сабельные удары! Удары за нее, Наталью! Она собой прикрыла Глѣба, съ рѣшимостью хочетъ принять на себя удары Татарина. Что она, зачѣмъ ей жизнь?

На этомъ мѣстѣ боярышня опомнилась и возвратилась къ дѣйствительности. Дѣйствительность гнала ее своимъ страшнымъ смысломъ. Дѣйствительность эта представилась ей, прежде всего, въ видѣ толстогубаго, жирнаго Калмыка, съ большими серебряными кольцами въ ушахъ и отвратитель-

* Соезвѣдіе Большой Медвѣдицы.

вою, сплюснутою рожею съ кровавыми глазами, напоми-
навшею морду меделянской собаки. Его голая грудь, кон-
скимъ лѣтомъ вонявшіе верблюжьи штаны и спина иско-
лосованная старыми и новыми ударами нагаекъ произ-
водили на боярышню непреодолимое отвращеніе. Со сво-
ими толстыми, голыми икрами и толстыми, голыми ру-
ками въ серебряныхъ кобцахъ, съ непомятою жирною, ко-
роткою шеею, съ жирными грудьми, онъ казался ей адскимъ
прислужникомъ. Боже, олять онъ! Высунулъ свою безобразную
курчавую рожу изъ-подъ бѣлой кошмы отдѣляющей уголъ
лѣвницы отъ другой половины шатра; кровавые глаза
устремлены на нее, бѣлые зубы оскалились и изъ губастаго
рта съ кошачьими усами вылетаютъ хриплые, дикіе горло-
вые звуки, безъ словъ и смысла. Нѣтъ сомнѣнія, онъ нѣмой,
и нѣмой, конечно, по волѣ своего господина. Нѣтъ сомнѣ-
нія, своими дикими звуками онъ приглашаетъ лѣвницу под-
крѣпить себя горячимъ, только-что изжареннымъ шашлыкомъ,
который, мелко изрѣзанный, вмѣстѣ съ горячими *ловаша-
ми*, принесъ онъ на серебряномъ блюдѣ. Онъ киваетъ голо-
вой на блюдо, тѣлодвиженіями своими желая пояснить
лѣвницѣ значеніе нѣмыхъ звуковъ. На всѣ предложенія
раба лѣвствъ, Наталья отвѣчала отрицательнымъ качаньемъ
головы. Появивъ безысходность своего положенія, христіанка
рѣшилась погибнуть голодною смертію; уже два дня она
улырно отказывалась отъ пищи. На сплюснутомъ черномъ
лицѣ, выражавшемъ тулое безстрастіе и сонливую лѣтосла-
дность, выступала равнодушная насмѣшка и ни малѣйшаго къ
ней участія! Звуки протяжной лѣвни раздавшіеся не подалеку
шатра обратили на себя вниманіе лѣвницы и ея сторожа. По-
ставивъ блюдо съ кушаньемъ на землю, Калмыкъ припод-
нялъ задній уголъ кошмы и такимъ образомъ далъ Натальѣ
возможность не только слушать лѣвню, но и видѣть лѣвца.
Наталья слушала и, вдругъ, перестала плакать, насторожи-
лась. Она услышала что-то родное, знакомое въ этой лѣвнѣ;
мало того, она услышала русскія слова, произносимыя степ-
нымъ, украинскимъ выговоромъ. Сладкое и сильное чувство
потерянной родины охватило Наталью... Старый голосъ лѣвцъ:

Сторона-ль ты моя, сторонушка,
Сторона-ль ты родимая,
Родимая, прохладливая!
Знать-то мнѣ на тебѣ не бывати,
Отца съ матерью не видати!

VI.

Знакомый нашъ гайдамакъ Шутка рѣзкимъ, старымъ голосомъ выводилъ унылую стелную думу, оттѣняя звуками торбана выразительныя мѣста ея. Свѣся голыя, потемнѣвшія на солнцѣ ноги, онъ сидѣлъ на выдавшемся уступѣ такъ высоко что казался висѣвшимъ надъ татарскимъ кошемъ. Любители всякой музыки, безлечные сыны стелей притихли и ближе столпились къ подошвѣ обрыва. Лежа, сидя и стоя, они лѣниво слушали унылые звуки, не понимая словъ лѣсни. Сердцемъ вострепелувшимся и ожившимъ слушала Наталья лѣснию торбаниста, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше забирала ее лѣсня. Пѣвецъ придаживалъ къ старой лѣснѣ новыя слова. Онъ сказывалъ какъ томится въ неволѣ красна-дѣвица, дочь боярская; онъ утѣшалъ заключенницу: налетитъ де добрый молодецъ яснымъ соколомъ, унесетъ де онъ лебедушку въ свое гнѣздо соколиное. Наталья раздумывала надъ смысломъ лѣсни. Ясно, она для нея лѣта. Но кто подослалъ торбаниста? Кто надоумилъ его пролѣтъ такую лѣсню? Некому, кромѣ Глѣба. Наталья не сомнѣвалась въ этомъ. Пѣсня затихла.

Освѣженная ночью прохладою, съ надеждой возбужденною лѣсней гайдамака, Наталья прижалась въ углу шатра. Съ ужасомъ, холодившимъ и знобившимъ ее, вспоминала она прошлую ночь.

— Господи! воскликнула она, вѣя себя, вновь увидѣвъ предъ собой Селямета-бея. И, улавъ на колѣна, горячо молилась о заступничествѣ Коренской Богородицѣ.

Не трогаясь съ мѣста, со скрещенными руками, татарскій князь любовался русскою красавицею на колѣняхъ. Бей всматривался въ блѣдное лицо своей жертвы, на которомъ ясны были для него и ея душевныя муки, и тѣлесное изнеможение. Въ эту минуту спокойствіе молящейся христіанки остановило бей; онъ подумалъ что лучше дать прекрасной плѣнницѣ время привыкнутьъ къ новому своему положенію. И съ этою мыслью онъ вышелъ изъ шатра.

Долго молилась Наталья. Давно наступила ночь, давно она слышала отвратительное хралѣнье отвратительнаго Калмыка. Спокойно было въ кошѣ. Только фыркали освѣженныя

ночью лошади; иногда ржали тамъ и сямъ жеребцы и схватывались кусаться другъ съ другомъ, лягаясь задомъ, пока лалочные удары и крики не разгоняли ихъ. Тихая, однообразная лѣсня сторожа-Татарина, сзади беева шатра, отнимала у нея надежду на спасеніе. „И кто, кромѣ Бога, можетъ меня спасти?“ думала она, если неуспокоенная, то укрьпленная молитвой. Татаринъ-сторожъ вдругъ пересталъ бормотать лѣсню и легонько просунулъ голову подъ кошму шатра.

— Марушка! прошепталъ онъ, коверкая русскія слова:—иди за мной, голова курскій прислалъ, кони ждутъ.

И слова Татарина, и возможность побѣга до того сильно подѣйствовали на Наталью что казалось ей она видитъ все это во снѣ. Безотчетно послѣдовала она за сторожемъ; онъ крѣпко схватилъ ее за руку и смѣло обходилъ спящихъ Татаръ, лошадей и воткнутыя въ землю копья.

Темная звѣздная ночь какъ нельзя лучше пособляла побѣгу. Проводникъ велъ ее берегомъ ручья съ послѣшностью, которую Наталья объяснила себѣ его боязнію дожидаться мѣсяца. Скоро они оставили за собою кошъ, съ его звуками, мало-по-малу совсѣмъ затихшими въ отдаленіи.

— Ну, Марушка, не отставай! тихо обратился провожатый къ Натальѣ, нарушая такимъ образомъ въ первый еще разъ молчаніе и ускоряя шаги:—Татаръ далече, кони близко, молодецъ Марушка!

Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, боярышня думала только о томъ какъ бы не отстать отъ проворнаго проводника. Это было для нея тѣмъ труднѣе что она замѣтно подымалась въ гору, на верху которой, показалось Натальѣ, темнѣлась человѣческая фигура. Проводникъ шелъ прямо на эту фигуру, съ каждымъ шагомъ лутниковъ принимавшую большую опредѣленность. Наталья догадалась что они выбрались изъ глубокой балки. Проводникъ обмѣнялся съ тѣнью легкимъ свистомъ, и вслѣдъ затѣмъ тѣнь выросла въ высокаго чело-вѣка.

— Есть? спросилъ онъ Татарина кратко и рѣзко.

— Есть, коли не видишь.

Затѣмъ, не теряя полусту дорогаго времени, Татаринъ и встрѣтившій его незнакомецъ подхватили Наталью на руки, какъ перо, и побѣжали съ нею, какъ могли скоро. По ихъ

учащенному дыханью, становившемуся все тяжеле, она понимала что спасители ея устали, значить пробѣжали порядочное пространство. За сильнымъ волненіемъ, овладѣвшимъ ею при сознаніи что она уже не лѣвница, дѣвушка не спрашивала себя: что съ нею будетъ теперь, и кто эти смѣльчаки украшіе ее изъ многолюднаго коша? Правда, она убѣждена была что смѣльчаки эти посланы Глѣбомъ, но вѣдь это убѣжденіе основано только на словахъ Татарина.... Однако почему же знать этому Татарину объ участиіи принимаемомъ курскимъ головой въ судьбѣ лѣвницы? Нѣтъ, тутъ не можетъ быть сомнѣнія. Глѣбъ, непременно онъ ждетъ ее гдѣ-нибудь близко; кому же, кромѣ Глѣба, освободить ее изъ злой татарской неволи? Отецъ старъ, прошло его время. Не оглядываясь, какъ бы боясь увидѣть погоню, утомленная долгою бессонницей и непомернымъ напряженіемъ силъ, боярышня влала въ совершенное безчувствіе. Не видѣла и не слыхала Наталья какъ въ маленькой степной балкѣ приняла ее на свои руки Глѣбъ, какъ привязывалъ онъ дорогую лѣвницу длиннымъ шелковымъ кушакомъ къ себѣ чтобы не упала она какъ-нибудь съ сѣдла во время скачки. Предосторожность эту посоветовалъ ему Ера, совершенно отрезвѣвшій; въ его холщевой торбѣ нашелся кстати и шелковый кушакъ, по его словамъ, будто бы найденный „намедни“; но свое „намедни“ гуляка пробормоталъ столь неохотно что Глѣбу не нужно было быть знатокомъ человѣческой натуры чтобы догадаться что Ера укралъ кушакъ по своей любимой пословицѣ: „не клади плохо“.

— Кабы не нагнали! угрюмо пробормоталъ Шутка, поправляя торбанъ, висѣвшій у него за спиной на тесмѣ вмѣстѣ съ неразлучною баклагой.

— Нагоняте, щетину-то тебѣ, должно, юпалаяте, старый кабанщике! ободрилъ его Ера: — Ну, да видно магарычъ поставишь, чортъ; лѣзь на коня, небойсь увезеть, подъ нимъ столбы подведены вишь какіе. Видано ли то чтобы пьяница пьяницу бросилъ?

И лишь только гайдамакъ, при помощи Еры, усѣлся за нимъ на широкое крутѣ Полкана, три коня съ лѣтью всадниками помчались по степи, направляясь, по звѣздамъ, на сѣверъ.

Долго ли скакали они, Наталья не знала находясь въ

безламятствѣ. Ера съ гайдакомъ былъ постоянно впереди, а Чичакъ слѣдовалъ за хвостомъ Глѣбова коня, чутко прислушиваясь назадъ. Привычные глаза Еры не только видѣли то чего не видѣли глаза другихъ, но даже угадывали чтò по его соображенію должно быть направо или налѣво.

— Эхъ, старый лысый дѣдъ! подождать бы маленько! воскликнулъ Ера, не охотно примѣтя впереди золото-багряную точку на горизонтѣ, какъ бы очень далекій пожаръ. — То худо что мѣсяцъ намъ въ лицо встанеть: Татару насъ покажетъ.

Огненная точка не замедлила разойтись въ багровое зарево, все усиливавшееся, какъ бы переливавшееся живымъ свѣтомъ, и вдругъ засіялъ золотой край мѣсяца, а съ нимъ, словно обрадованная, заблестѣла стель и засинѣло небо. Чѣмъ выше подымался мѣсяцъ, тѣмъ ярче становился его свѣтъ, тѣмъ глубже казалась небесная синеза, со стыдливо потухающими хороводами звѣздъ; тѣмъ дальше открывалась необозримая стель и опредѣленнѣе ложились тѣни не только отъ несущихся всадниковъ, но отъ всякаго куста, отъ всякой ложбины.

Вдругъ Ера и Чичакъ, скакавшіе нѣкоторое время вмѣстѣ, остановились, повернувъ коней назадъ и всматриваясь въ стелную даль: сердце Глѣба сильно забилось оласеніемъ за ту кто была для него дороже жизни.

— Погоня? не утерпѣвъ спросилъ онъ живо.

— Ногай бѣжить! утвердилъ Чичакъ, мотнувъ бритую головой въ бараньей шалкѣ на стель и передернувъ широкими плечами въ аломъ бешметѣ, отчего кривая сабля его звякнула.

— Должно бѣжить его много! раздумывалъ вслухъ Ера, соображая дальнѣйшія свои дѣйствія.

— Гдѣ жъ вы ихъ видите? спросилъ Глѣбъ, нетерпѣливо, нарасно вглядываясь въ стель. Ера только разсмѣялся, а Татаринъ снова мотнулъ бараньею шалкою и передернулъ широкими плечами.

— Далекое его видать, сказалъ Ера:— потому мѣсяцъ и друга и недруга выдаетъ; вонъ они какъ словно темные кусты маячатся въ полѣ врознь! Да спасибо передоу мы взяли. Ну, стоять нечего, голова, съ Богомъ!

Вожакъ, а за нимъ его слутники, снова поскакали. Скоро они очутились на берегу неширокой рѣки.

— Ну-тко, батюшка Песель-рѣка, переправь-ка ты насъ на русскую сторонушку, сказалъ Ера, отдавъ Полкана гайдамаку и помогая Глѣбу снять Наталью. — Дай съ вожей встрѣтиться да мало-мальски изъ степовъ выбраться, мы въ поводу заводимъ Ногая, даромъ что прытокъ. Ну, Чичакъ, что бѣлымы вылучилъ: бери голова коня.

Глѣбъ понесъ безчувственную Наталью; гайдамакъ и Чичакъ вели коней. Ера спрыгнулъ съ невысокаго берега, безшумно скрылся въ тростникѣ, густо обѣвшемъ оба берега, логіе, въ заводинахъ и плесахъ. Вожакъ не замедлил появиться на лодкѣ. Стоя онъ быстро гналъ ее по свѣтлой водѣ весломъ, попираясь въ мелководье.

— Садись, голова честной! пригласилъ онъ Глѣба, помогая ему положить боярышню на сухой тростникъ брошенный на дно лодки, который юноша прикрывъ своей корзой. Глѣбъ сѣлъ возлѣ боярышни, положи ея голову къ себѣ на колѣна, а Ера расположился на кормѣ, перекинувъ весло для гребли.

— Гоните коней вплавь! приказалъ онъ гайдамаку и Чичаку:—а тамъ, скачите въ боръ что на Кучугурахъ у Отлетной. Вожа тамъ. Велѣлъ де голова готовой быть. Гайда!

Вершники полплыли черезъ рѣку въ то же время какъ легкая лодка скользнула по слящей водѣ, ходко гонимая сильными, но безшумными взмахами весла, только сверкаваго на мѣсячномъ свѣтѣ брызгами въ ловкихъ рукахъ кормчаго.

Прохлада ночи и покойное движеніе по водѣ мало-по-малу возвратили сознаніе боярышнѣ. Она подняла голову и полулежа медленно осмотрѣлась. При видѣ Глѣба она чуть не вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было встать чтобы не быть такъ близко къ тому къ кому сердце влекло быть еще ближе. Попытка ея пересѣсть едва не опрокинула узкую лодку, и она снова опустилась на свое мѣсто, боясь качнуть челнъ выдолбленный изъ огромной липы. Густая краска покрыла ея лицо, а въ то же время все выраженіе боярышни просвѣтлѣло и улыбалось тою-же мягкою и кроткою улыбкою какою улыбалась весенняя ночь....

— Ночь свѣжа, боярышня, прикройся, замѣтилъ ея участливо Глѣбъ.

— Спасибо, голова, отвѣтила Наталья:—не холодно мнѣ. Но, Б огаради, скажи мнѣ: далеко ли мы отъ Татарь?

Какъ бы въ отвѣтъ на ея вопросъ изъ степи донеслось конское ржаніе сопровождаемое толлотою быстро приближавшимся. Не услѣвъ Ера сообразить что дѣлать, и едва услѣвъ Глѣбъ схватить свою нѣмецкую пицаль, съ твердою рѣшимостью умереть защищая Наталью, какъ на самый берегъ выскакала съ поль-дожины Нагайцевъ, съ длинными кольчугами за плечами и большими луками въ рукахъ. Увидѣвъ бѣглецовъ на лодкѣ вблизи берега, степняки осылали ихъ дикими непонятными ругательствами и стрѣлами. Но только одна изъ нихъ впила въ плечо Еры, который нѣсколькими ударами весла перерѣзалъ не широкую, но глубокую рѣчку, и вогналъ ходкій челнъ въ гущу высокихъ тростниковъ, ломая ихъ и прячась въ мелководной плесѣ закрытой глухою лозовою порослью.

— Ужалила ехидна! сказалъ Ера, вынимая стрѣлу изъ плеча которое она только задѣла, и бросая ее въ лодку.—Ори сколько душевнѣкъ угодно, да этимъ насъ тебѣ не достать. Ишь разсерчалъ!

Дѣйствительно, судя по частымъ стрѣламъ, теперь безвредно летавшимъ то въ тростникъ, то надъ тростникомъ, судя по неистовымъ завываніямъ дикихъ голосовъ, холодившихъ Наталью, и по попыткамъ Нагайцевъ броситься на коняхъ вплавь, можно было догадаться что они готовы рѣшиться на самую отчаянную мѣру для овладѣнія бѣглецами.

— Господи! молилась про себя Наталья: — не выдай людей Твоихъ исполнившихъ завѣтъ Твой; да не погибнуть христіане за то что спасли христіанку.

Въ эту минуту услышшіеся крики и шумъ воды, какъ бы разсѣваемой конскими ногами, стѣснилъ дыханіе бѣдной боярышни ожиданіемъ близкой и большой опасности. Налуганная, она слишкомъ хорошо понимала чѣмъ можетъ кончиться для нея и для ея спасителей до сихъ поръ счастливое бѣгство изъ коша.

— Ползлыъ, собака! пробормоталъ Ера, зорко саѣдившій сквозь тростникъ за движеніемъ враговъ:—Ну-ка, голова, дай сюда ружьецо нѣмецкое; сказываютъ, Ивашка кой-когда стрѣливалъ.

Ера привсталъ, приложился въ лывшаго на конѣ Татарина, но не стрѣлялъ пока не успокоился челнъ, закачавшійся отъ его движенія. Между тѣмъ смѣлый Татаринъ переплывалъ глубину рѣчки, схвативъ блестящую на мѣсяцѣ саблю въ

зубы, съ желѣзнымъ копьемъ, утвержденнымъ на гибкомъ древкѣ, въ правой рукѣ. Погрузясь въ воду вмѣстѣ съ конемъ, онъ торопилъ его ударами ногъ, и то всплывалъ, то уходилъ въ глубь, часто по шею. Наталья уже слышала учащенное усталое дыханіе коня, не видя ни его, ни всадника; ломышля только о жизни боярышни, Глѣбъ напрасно разсматривалъ низменный берегъ, доступъ къ которому былъ невозможенъ, потому что онъ отдѣлялся отъ бѣглецовъ широкою заводной, мелководною, но илистою и до того поросшею густо-сплетшимся лозникомъ и камышемъ что нельзя было думать продаться сквозь нихъ.

— Стрѣляй! торопилъ онъ Еру.

— Стрѣлять опять же надо съ расчетомъ, голова, прошептала Ера:—на глуби убьемъ его, въ томъ мало толку.

Въ ту минуту какъ задохавшійся отъ напряженія стелной конь, приподымаясь передомъ, выносилъ своего всадника на мелководье, изъ тростника раздался выстрѣлъ, и далеко, и звонко прокатился по рѣкѣ, перелопотивъ водяную плещу, заматавшуюся съ жалобнымъ крикомъ и озадачивъ Татаръ на берегу. Смѣльчакъ подпрыгнулъ въ сѣдлѣ и отчаянно завывалъ; конь его сдѣлалъ еще шагъ и вскочилъ въ тростники безъ сѣдока, тяжело шлепнувшись навзничь въ воду. Дикіе воли на берегу усилились, и стрѣлы запрыгали по тростнику.

Наталья набожно перекрестилась.

— Заряди, голова! передалъ ему Ера лищаль.—Никакъ другой назадъ лопалъ, не понравилось.

Пока Глѣбъ заряжалъ лищаль, гуляка проворно соскочилъ съ лодки. Пошаривъ вокругъ убитаго Ногая, онъ привелъ за чумбуръ его коня, принявшагося было жевать сочный камышъ.

— Ну, настрашали Ногаю, сказалъ онъ, по своему обыкновенію шуточно, — только оставаться намъ на рѣкѣ нельзя: выстрѣлъ-то нашъ куда тѣ далече въ стель вѣсть подалъ; того гляди Ногаю обсылитъ берегъ. Ужь онъ, смѣлкаю, шарить насъ по всѣмъ мѣстамъ. Хотѣлъ водой къ вождь подойти, много ближе, да не придется. Садись, голова, въ сѣдло, а я подсажу къ тебѣ боярышню, и гайда за мной.

— А если Татары переправятся черезъ рѣку и ударятъ за нами? спросилъ Глѣбъ, нервѣшительно исполняя приказаніе Еры.

Вождь только засвисталъ межъ переднихъ зубовъ.

— Переправятся! усмѣхнулся онъ:— какъ не переправиться! Должно до утра ладсаютъ по плесамъ; тутъ не только что конному, ужъ не проползти, голова; и такая-то самая переправа, слышь, вилоть до *перемаза* у Отлетной.

— Какъ же мы выберемся отсюда? спросилъ его Глѣбъ, недоумѣвая.

— Какъ-нибудь выбираться надо, голова, Ера подсадилъ къ нему на сѣдло боярышню.— Гайда!

Наши бѣглецы тронулись по вязкой грязи заводины въ ту самую минуту какъ конскій толотъ и дикіе крики на другомъ берегу извѣстили ихъ о прибытіи новыхъ Татаръ.

VII.

Ужь какъ что у насъ, дѣвица, выше аѣсу?
 Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту?
 Еще что у насъ, дѣвица, чаще аѣсу?
 Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку?
 Еще что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?
 Отгадаю, сынъ гостинный, отгадаю;
 Шесть мудревыхъ загадокъ отгадаю.
 Выше аѣсу, сынъ гостинный, свѣтелъ мѣсацъ;
 Краше свѣта, сынъ гостинный, красно солнце;
 Чаще аѣсу, сынъ гостинный, бѣлый камень;
 Безъ умолку, сынъ гостинный, сине-море;
 Безызвѣстна, сынъ гостинный, Божья воля.

Боярышня очнулась отъ сна при блескѣ прекраснаго утра. Первый взглядъ ея упалъ на молодую, стройную женщину, задумчиво на нее глядѣвшую; первая мысль ея была о томъ гдѣ она. Сознаніе что она наконецъ въ чистомъ жильѣ, возлѣ хозяйки, такой же какъ и она женщины, несказанно ее обрадовало. И было чему радоваться послѣ всего что она только-что пережила, только-что вытерпѣла! Но гдѣ же Глѣбъ? что съ нимъ? живъ ли?

Безпокойство за Глѣба до того живо высказывалось въ глазахъ Натальи, въ выраженіи ея прекраснаго лица, въ быстромъ движеніи съ какимъ она поднялась съ постели что молодая хозяйка безъ труда поняла душевное состояніе бѣдной боярышнии. И могла ли не понять ее черноокая Маруся, все забывшая голоса ради сердца?

— Тѣ-то что тебя привезли изъ плена въ садку спятъ, сказала Маруся боярышнѣ съ добрымъ желаньемъ успокоить ее:— Молодой голова больно усталъ.

— Онъ не раненъ? вырвалось у Натальи, и горячая краска простулила по бѣлому лицу и бѣлой, нѣсколько загорѣлой шеѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала казачка, любуясь смущеніемъ боярыш-ни, многое ей объяснившимъ.— Должно онъ поднялся, слышала словно съ бояриномъ разговаривалъ.

— Съ бояриномъ? Съ какимъ?

— Съ твоимъ родителемъ, боярышня.

— Развѣ отецъ здѣсь? радостно вскричала Наталья, съ рѣшимостью сейчасъ же бѣжать къ отцу.

— Родитель твой встрѣтилъ курскаго голову въ стелѣ, недалеко отъ хутора. Сюда привезли тебя, боярышня: была ты на сѣдлѣ у головы, какъ словно обмороченная, звать уходилась. Ужь голова-то тебя бережно, бережно мнѣ подаль; а самъ, вижу, того гляди съ сѣбла упадетъ; какъ смерть блѣдный, умалялся. Дешель до садка, тутъ же на травѣ заснулъ.... А съ коней, слышь, мыло валить.... Должно шибко бѣжали и долго, сердечные. Пока встануть, покушай, боярышня.

Маруся поставила предъ Натальей миску горячихъ варениковъ и жареную утку. Наталья не заставила себя просить и съ удовольствіемъ позавтракала.

Маруся все время завтрака сидѣла на лавкѣ, напротивъ боярышнѣ, пригорюнясь и съ грустною улыбкой, не сводя съ нея глазъ. Настоящее положеніе боярышнѣ напоминало Марусѣ то время когда и она была счастлива, потому что любила и была любимой. Серіозные, иногда какъ бы загоравшіеся страстью, большіе черные глаза казачки съ длинными рѣсницами смѣщали боярышню своимъ упорнымъ взглядомъ; въ этомъ пристальномъ зорѣ боярышня чувствовала сердечное участіе хозяйки, но, помимо участія, чувствовала въ немъ еще что-то чего не умѣла себѣ назвать и что касалось не ея, боярышнѣ, а самой казачки.

— Спасибо, хозяйшка, обратилась къ Марусѣ Наталья позавтракавъ.

— Не за что, красавица, ѣла мало. Маруся вздохнула.

— А гдѣ твой мужъ? спросила боярышня.

При этомъ вопросѣ Маруся чуть не вздрогнула и выпрямилась; грустная улыбка безслѣдно стерлась выраженіемъ

какой-то серьезной рѣшимости, сжавшей губы и засвѣтившейся во глубинѣ глазъ.

— Мой мужъ померъ, сказала она глухо и не глядя на Наталью.

— Ты любила его? наивно спросила Наталья.

Она спросила не столько потому что участь красивой женщины занимала ее сколько по какому-то собственному внутреннему запросу имѣвшему отношеніе къ ея собственной судьбѣ.

— Я не любила мужа, глухо проговорила Маруся, видимо блѣднѣя и потуливъ къ полу глаза.

— Почему же? вырвалось у Натальи, недоумѣвавшей какъ женщина можетъ не любить человека кого выбрала себѣ въ мужья.

— Потому что я любовника любила! отвѣчала казачка, снова выпрямлясь и остановя на боярышнѣ свои выразительные глаза.

Такое признаніе молодой женщины удивило Наталью столько же сколько увѣренность съ какою оно было сдѣлано. Только женщина умѣвшая любить могла такъ покойно и гордо сказать что она не любила мужа потому что любила любовника. Тѣмъ не менѣе признаніе казачки тяжело подѣйствовало на религіозную боярышню.

— Суди меня Богъ, грѣшницу, продолжала Маруся въ волненіи, — только не хочу скрываться предъ людьми что любила моего Василья Васильича. Мой-то былъ не какой-нибудь, словно хвалилась Маруся: — мой-то былъ соколъ межъ соколовъ! Моего всякая полюбила бы! Разбойникомъ слылъ, а совѣсть чище воску была! Москва моего знала, царь моего боялся; да кто не боялся Васеньки Косодала!

— Косодала! Атаманъ! воскликнула Наталья.

— Самый онъ! Маруся вся трепетала силой вызванныхъ воспоминаній.—Одна нынче Маруся ночи коротаетъ, одна стель слышитъ Марусино рыданье, да вѣтры его разносятъ. Не услышитъ свою лубу вольный атаманъ, далеко сложилъ свою буйную голову казацкой волюшки добываючи, правду русскую защищаючи; одну меня покинулъ на бѣломъ свѣтѣ, безталанную; одну утѣху мнѣ оставилъ, полюбивикъ, дитя малое. И то дитя малое мнѣ замѣсто самого Васеньки:

съ нимъ, какъ двѣ капли схожъ. Грѣшница я, то правда, закону я измѣнница, только не сквернила я свое тѣло женское; отдала я его моему любовнику вмѣстѣ съ душой Божіей. Не жилища я безъ него. Боярышня! обратилась она вдругъ къ Натальѣ, глядя ей прямо въ глаза: — любишь ты того-то молодца, голову курскаго, что тебя изъ коша, сказываютъ, увезъ?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ для Натальи, заключалъ въ себѣ такой для нея щекотливый смыслъ, что при всемъ расположеніи отвѣтить такъ же доврчиво какъ ее спросили Наталья только покраснѣла.

— Любовь не пожаръ, а загорится не потушишь, продолжала Маруся, повидимому не нуждаясь болѣе въ отвѣтѣ боярышни: — любить онъ тебя вотъ-какъ, боярышня! Какъ сдавалъ тебя, такъ-то тебя слокоилъ, аль-ни меня слеза прошибла; а самъ чуть ползеть, избился. Родитель твой—крутенекъ должно старикъ—слова ему лутно не скажетъ, какъ словно онъ не сласть его дѣтище кровное, а ему и роду его боярскому супротивникъ есть. И все же онъ ничего старику твоему; отмалчивается, шутки съ нимъ шутить; должно угождаетъ ему ради тебя. Любить, вижу, тебя вотъ какъ, какъ свѣча горитъ предъ тобой.

Наталья вздохнула, и прекрасное лицо ея выражало въ эту минуту глубокое чувство.

— А коли два любятся—пара, къ вѣнцу идти надо! измыслила Маруся, успокоиваясь:—не бойсь, не прочь, боярышня?

— Не все то случается чего хочется, сказала Наталья, грустно качнувъ головой.

Голосъ отца, послышавшійся вмѣстѣ съ приближеніемъ тяжелыхъ шаговъ, прервалъ разговоръ. Наталья почти повисла на толстой шеѣ отца, обливая ее слезами.

— Ну, полно, перестань, довольно хныкать! замѣтилъ онъ ей ласково, разглаживая широкою ладонью ея спутавшіеся волосы и ими же вытирая ея дѣвичьи слезы:—что случилось того слезами не воротишь, матушка, то отъ Бога наслано. И то сказать, не до конца прогнѣвался на насъ Господь, милость Свою намъ показалъ, тебя возвратилъ. Я это самое и курскому головѣ сказываю;— да, обратился онъ ко Глѣбу, — Господь-вседержитель сласть мою дочь, Наталью-боярышню, изъ полона поганаго, твоими руками, а не ты. Мы съ тобой, голова, черви земные; точно, кто говоритъ? услужилъ ты мнѣ,

голова курскій, вотъ какъ услужилъ что послугу эту твою долженъ вѣкъ помнить бояринъ Иона. А все же это дѣло Божьяго промысла, ибо нами Овъ промышляетъ по Своему хотѣнію и благодати.... такъ-то, другъ.

Говоря такъ, старый бояринъ усадилъ возлѣ себя дочь на почетномъ мѣстѣ въ красномъ углѣ и, словно хозяинъ, по привычкѣ повелѣвать, указалъ пониже себя на лавкѣ мѣсто Глѣбу. Вѣрный дворецкой Ферязъ стоялъ у двери, какъ пригвожденный къ притолкѣ, внимательный и безстрастный. За отпертою дверью, въ сѣняхъ, толпились: весельчакъ Бра, мрачный стрѣлецъ Сычъ, огромный Шутка; по ихъ лицамъ не трудно было угадать что бояринъ щедро наградилъ каждого изъ нихъ по заслугамъ. Какаѣ же награды главному виновнику возвращенія Натальи изъ позорнаго плѣна? Неужели только эти холодныя, чуть не грубыя разсужденія стараго боярина, чѣмъ онъ старался умалять дѣйствительную заслугу юноши въ дѣлѣ столь отчаянномъ и трудномъ?

VIII.

Грустно простился голова съ бояриномъ и Натальей выѣзжая въ Курскъ. Слезы градомъ покатались изъ голубыхъ глазъ боярышни. Сумрачно глядѣлъ бояринъ на слезы дочери.

Погруженный въ невеселыя думы, Глѣбъ молча слѣдовалъ за своимъ путеводителемъ, Ерой, ловидимому нисколько не раздѣлявшимъ его мрачнаго настроенія, и коротавшимъ дорогу въ пріятельскомъ сообществѣ Сыча, гайдамака и его полной баклаги.

Въ истомѣ, больной, добрался онъ до Курска.

Тогдашній Курскій городъ занималъ нынѣшнюю Красную Площадь и былъ укрѣпленъ „превеликимъ ровомъ“; за ровомъ по высокой насыпи, то-есть по „валу“, городъ опоясывалъ крѣпкій дубовый ланисадъ, защищенный, на случай нападенія, неуклюжими рубленными башнями, четырехугольными, подъ шатровыми дубовыми крышами. Три ряда круглыхъ бойницъ, въ каждой башнѣ, могли при надобности *осыпать* непріятеля стрѣлами и пулями даже и въ томъ случаѣ есаубъ ему удалось взять валъ. Путники наши слѣдовали Коренскою дорогою, пролежавшею лѣвымъ берегомъ Тускари, почти по тѣмъ же мѣстамъ гдѣ идетъ нынѣшняя дорога изъ Коренной, а потому имъ пришлось ѣхать берегомъ Тускари

подъ крутою горой, на заворотѣ которой „сидѣлъ“ Курскъ, уже и тогда весь въ садахъ. Миновавъ широкую улицу Ямской слободы, привольно рассылавшейся по заливнымъ Тускарскимъ дугамъ, путники были только въ трехъ верстахъ отъ Курска. Они захватили конецъ Стрѣлецкой слободы, вытягивавшейся по Тускари, на возвышенности, насупротивъ Курскаго острога. Перебрали Тускаръ по длинному мосту и стали подыматься, не безъ труда для лошадей, по чрезвычайно крутой дорогѣ въ гору, съ обѣихъ сторонъ стѣсненную отвѣсными выступами. Въ то время то былъ единственный доступъ къ Курску со стороны Коренной; моста въ Ямской не было. Если и въ наше время крутъ подъемъ отъ Тускари въ гору на Красную Площадь, то можно себѣ представить удобство этого пути въ старину. Добрые кони, въ иныхъ мѣстахъ, едва держались на крутомъ подъемѣ какъ бы извѣченномъ въ мѣловомъ ребрѣ горы. Нѣкоторое время отъ глазъ путниковъ, за отвѣсною горой, скрылись башни острога и церкви съ крестами, словно ихъ не было, словно не Курскъ еще издадека радовалъ ихъ взоры, а лишь призракъ Курска показало имъ марево. Запертыя изнутри деревянныя ворота дубовой башни, почернѣвшей отъ времени, остановили путниковъ когда они взобрались на самый верхъ горы, на площадку выложенную большими булыжниками, издававшими подъ колытами страшный шумъ.

— Гей, стрѣльцы-молодцы, куда подѣвались, отворяйте ворота! загорланилъ Ера, сопровождая слова тяжелымъ ударомъ въ воротный щитъ.

Надъ зубцами башни показалась когда-то зеленая плюсовая шалка, въ родѣ коллака, съ бердышемъ блеснувшимъ на солнечномъ закатѣ.

— Заразъ! подалъ голосъ караульный, исчезая съ верху. Путники не замедлили услышать скрилъ башенной лѣстницы; не трудно было догадаться что караульный сходилъ внизъ. Скоро загремѣла тяжелая дѣлья запора, который караульный не безъ труда вытащилъ изъ желѣзныхъ скобъ, и одна половинка воротъ нехотя отворилась впуская прѣвжихъ внутрь острога.

Прежде чѣмъ тронуться, голова гнѣвно спросилъ караульнаго стрѣльца, Ваську Бурдастаго:—Гдѣ воротникъ? гдѣ приказный? и почему охъ, Васька, въ противность его, головы, приказа, слѣзъ съ караульной вышки?

Стрѣлецъ Васька Бурдастый, съ шалкой въ рукѣ, въ желтомъ нанковомъ кафтанѣ, басой и взъерошенный, видимо замаяся отвѣтомъ, почесываясь въ затылкѣ и не рѣшаясь взглянуть на строгаго начальника.

— Они здѣсь были, воротникъ и приказный, бормоталь онъ:—Должно побѣгли на посадь, туда народъ бѣжалъ давеча....

— Зачѣмъ?

Стрѣлецъ снова замаяся, поглядывая въ городъ.

— Сказываютъ какой-то чернецъ пришелъ съ грамоткой, голова.

— Съ какою грамоткой?

Сердце Глѣба болѣзненно сжалось тяжелымъ предчувствіемъ.

— Болтаютъ якобы съ царскою грамоткой... читаль, вишь, ту-царскую грамотку... Народушка много собралось.

Не теряя времени, Глѣбъ тронулся далѣе, послѣдуемый своими слугниками, приказавъ Васькѣ Бурдастому залереть ворота.

Въ описываемое время, Курскъ былъ расплодженъ такимъ образомъ: большой старый острогъ куда вступили наши путники, то-есть высокій валъ съ частоколомъ и башнями, за глубокимъ ровомъ, занималъ мѣстность нынѣшней Красной Площади, съ монастыремъ, присутственными мѣстами, гимназіей и прочими зданіями; словомъ, всю высоту мѣловой горы, омываемой съ двухъ сторонъ Тускарью. Съ южной стороны, острогъ укрѣплялся ровомъ шедшимъ отъ Тускари до верха „Буерака“; эту сторону обороняла надежно сложенная изъ мѣлу большая наугольная башня, называвшаяся Мѣловою и стоявшая подъ горой, у владенія Куры въ Тускаръ. Съ запада острогъ былъ обрѣтъ тоже ровомъ съ валомъ, по которому стояли башни. Ровъ этотъ шелъ такимъ образомъ что нынѣшніе дома Полторацкаго и Городской Думы были уже на посадѣ; на ихъ мѣстахъ стояли на посадѣ постоялые и нынѣшняя Московская улица; большая дорога въ Орель и Москву, черезъ Обмяцкой станъ, какъ и Дѣвичій монастырь съ деревянною церковью Св. Троицы, были уже на посадѣ и вокругъ монастыря тѣснилась слобода „нелашенныхъ ремесленниковъ и бобылей“. По Московской дорогѣ, на посадѣ, стояла часовня Св. Николая и Ильи, предъ огромными иконами которыхъ, освѣщенными лампадой и свѣчами, набожный бѣлецъ, Корнилій Брагинъ, день и

ночь вызванивалъ у проезжихъ и прохожихъ милостыню. Помимо сбора, Брагинъ далъ вкладъ по записи въ храмъ Богоматери Курской, и въ 1619 году на мѣстѣ часовни построилъ Божедомскій монастырь; тамъ нынѣ Воскресенскій соборъ и церковь Ильи Пророка. Въ большомъ острогѣ, въ концѣ Городоваго моста и ряда, стоялъ монастырь Общій съ деревянными церквами Рождества Пресвятыя Богородицы и Прелодобнаго Михаила Малеина, съ придѣлами Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. Въ монастырѣ этомъ кромѣ „строителя“ считалось 40 черноризцевъ. Противъ Общаго монастыря, на другой горѣ, отдѣленной рѣчкою Куромъ, среди слободы посадской, возвышалась деревянная церковь Живоначальной Троицы; на томъ мѣстѣ теперь Троицкая приходская церковь. При возраставшемъ населеніи Курска, оказалось необходимымъ увеличить острогъ, на случай осаднаго сидѣнья; кстати, они то и дѣло выпадали на долю Курчанъ. Вслѣдствіе этого, къ большому Старому острогу прирѣзанъ былъ съ сѣвера отъ Тускари „Малый острожекъ“; въ немъ былъ, между прочимъ, осадный дворъ, что купила игуменья Сундулея на убѣжище въ осадныя времена у казака Аѳанасія Солина. Такимъ образомъ Курскъ того времени состоялъ изъ частей: Городской, Закурной, Стрѣлцкой и Пушкарной или Казачьей слободы.

Противъ церкви Рождества Богородицы тянулось нѣсколько рядовъ стрѣлцкихъ избъ, подъ соломой и съ лузырями вмѣсто стеколъ. Обыкновенно онѣ стояли пустыми: стрѣлцы жили семьями своею слободой за Тускарью, и съ семьями и имуществомъ бѣжали въ городскія избы только при приближеніи непріятеля. Ближе къ церкви возвышалась „сѣзжая изба“; рядомъ съ ней воеводская изба, въ которой жилъ Глѣбъ, такъ какъ Борисъ Годуновъ, по смерти курскаго воеводы Андрея Нагова въ 1603 году, не назначилъ въ Курокъ отдѣльнаго воеводу, а уполномочилъ воеводскою властью своего любимаго столлага голову Глѣба Верецагина. Событія послѣдняго времени начали убѣждать царя Бориса въ возможности потерять Курскъ и съ нимъ весь отдаленный Курскій край, и необходимость удержать его за собой вызвала съ его стороны крайнія мѣры соединенія гражданской и военной власти въ лицѣ довѣреннаго человѣка. Съ другаго бока воеводскаго дома стояла приказная изба, гдѣ жилъ при-

казный дьякъ съ подьячими и писцами, которые описывали „сѣленія и дачи чтѣ за кѣмъ состояло“.

Слѣдуя улицей безпорядочно разбросанныхъ избъ, плетней и „огородовъ“, то-есть садовъ, Глѣбъ могъ убѣдиться что она опустѣла. Скоро онъ увидѣлъ большую толпу на площади предъ воеводскою избой, откуда неслись крики и шумъ. Глѣбъ и его слутники не замедлили очутиться предъ толпой стрѣльцовъ, курскихъ казаковъ и монастырскихъ смердовъ, среди которыхъ чернѣлись монашескіе подрясники и колаки. Общее вниманіе, повидимому, было обращено на человѣка жалкой наружности, въ дырявомъ балахонѣ и старомъ замасляномъ колакѣ, со связанными назадъ руками и, кромѣ того, на веревкѣ, конецъ которой держалъ вооруженный стрѣлецкій десятской. Боярскій сынъ Митюшинъ, съ обнаженною саблей въ рукѣ, горячо приказывалъ толгѣ разойтись, но она не трогалась и шумѣла.

— Голова! голова! закричали стрѣльцы, снимая шалки и разстулаясь предъ Глѣбомъ.

— Чтѣ у васъ тутъ? обратился Глѣбъ къ Митюшину, хотя впередъ зналъ въ чемъ дѣло.

Толпа стихла.

— Уйми ты ихъ разбойниковъ, голова, бросился Митюшинъ къ Глѣбу, хватая подвернувшагося подъ руку стрѣльца за бороду и такъ его толкнувъ что тотъ повалился въ толпу:— Обыскался на посадѣ вотъ проходимецъ, чернецомъ себя чудовскимъ называетъ, грамотку читалъ народу, якобы отъ царя Дмитрія, Грознаго сына, на Литвѣ сласеннаго. И прочими прелестыми прелукаво совращаетъ тотъ чернецъ народъ противу царя Бориса Федоровича. А какъ Борисъ Федоровичъ нашъ царь законный, и крестъ ему цѣловали люди служилые, въ то жъ число взялъ я на посадѣ того чернеца подъ стражу, до твоего, головы, приказу. Народу же подлому велѣлъ царевымъ именемъ разойтись и за измѣнника не вступаться. Куда тебѣ! Галдятъ одно: „не тронь, сотникъ, царскаго посланца, онъ намъ грамотку и царскую милость привезъ. Дмитрій де, Грознаго сынъ, законный нашъ государь, изродовый“.

Глѣбъ молча и внимательно обвелъ глазами притихшую толпу.

— Абрашка! Глуздырь! Ковваловъ! крикнулъ онъ тремъ стрѣльцамъ при сабляхъ:—изъ караула ушли?

— Въ томъ виноваты, голова! Три стрѣльца пали предъ нимъ на колѣни.

— Подымись! въ голосъ Глѣба была начальническая строгость, которой до сихъ поръ еще не послушались его подчиненные. Стрѣльцы поднялись на ноги. — Отведите, вчетверомъ съ Еролкою, того проходимца что съ воровскимъ умысломъ пришелъ въ Курскъ; въ застѣнокъ его посадите, въ Мѣловую башню. Глядите мнѣ ужъ! Головами своими за него отвѣтите!

Три стрѣльца подошли къ Еролкѣ, державшему бродячаго чернеца Григорія на веревкѣ, и всѣ четверо повели его къ наугольной Мѣловой башнѣ, внизъ къ Тускари.

— По мѣстамъ, ребята! прикрикнулъ Глѣбъ на толпу, молча, но съ явною неохотою расходившуюся. — Митюшинъ, возьми полста конныхъ, обойди острогъ, посадъ и слободы; кому встрѣтишь сборище, разгоняй, ослушныхъ вяжи и бери ко мнѣ, покажу на нихъ примѣръ въ угрозу прочимъ.

Лишь только стихло волненіе народа и смерклось, Глѣбъ Верецагинъ распорядился о приводѣ бродячаго чернеца въ приказную избу. Приведенный „за приставы“ на розыскъ, старый нашъ знакомый, братъ Григорій, нисколько не смущался своимъ положеніемъ. Правда, онъ былъ хмѣлень, по своей неизмѣнной привычкѣ. Фандѣико Покаяноватый, дякъ приказной избы, сине-багровая рожа, въ видѣ складней, покрытая желтыми угрями съ синимъ набалдашникомъ на широкомъ носу, приказалъ караульнымъ ярыжкамъ обыскать бродягу, что и было ими немедленно исполнено. Когда дякъ Покаяноватый отдавалъ свои приказанія, то изъ беззубаго его рта брызгали и сочились слюны, при чемъ садило чеснокомъ и сивухой; онъ лочмокивалъ на „колодника“ весьма аллетитно, какъ обжора причмокиваетъ при видѣ вкуснаго пирога. Медленно и не безъ нѣкотораго торжества, какъ бы священнодѣйствуя, старый приказный приладилъ на носу огромные, обшитые кожей, очки, отчего ущемленный носъ, налившійся и созрѣвшій какъ синяя слива, потемнѣлъ еще болѣе; затѣмъ поправилъ на ногтѣ гусиное перо, при чемъ низко остриженная голова его высоко приподнялася и красные залужшіе глаза глядѣли на кончикъ пера съ высоты; потомъ присѣлъ за большую книгу, озаглавленную „заѣздная память“, гдѣ противъ числа и дня, круглыми полуцерковными

буквами отмѣтили: „взять на посадѣ Курскомъ человекъ именующійся чудовскимъ черноризцемъ Гришкой изъ рода Отрепьевыхъ. А принявъ того колодника азъ, дьякъ курской Фандѣйко. А приводного принять и разспросить съ пристрастіемъ. А сего числа приводной человекъ черноризецъ Гришка приведенъ къ пыткамъ и подыманъ на стряску, сжевъ клеццами; съ перваго подыму винился.“ Здѣсь дьякъ положилъ перо и перевелъ свои запухшіе красные глаза съ книги на молодого голову, задумчиво глядѣвшаго на бродягу. Въ приказной избѣ, кромѣ Глѣба, дьяка и колодника съ караульнымъ Сычомъ, никого не было; подъячихъ и караульныхъ стрѣльцовъ выслали вонъ. Глиняный свѣтецъ съ масломъ не весело озарялъ избу, главнымъ образомъ освѣщая носъ, руки, очки и перо дьяка.

— Гдѣ тотъ что послалъ тебя сюда для смущенія народнаго? строго спросилъ бродягу Глѣбъ.

— Государь мой и твой, Дмитрій Ивановичъ всея Русіи грядетъ по столамъ моимъ, голова! смѣло и даже дерзко отвѣтилъ ему хмѣльный братъ Григорій. — За утро, мню, притечетъ ко Курскому граду со многими вои, дабы поразить воровское жало мечомъ праведнымъ. Повѣситъ онъ тебя, голова, за ребро, яко Господь повѣсилъ за власы мятѣжнаго Авессалома; покорись отцу твоему, Давиду, яко отъ Господа власть его.

Оборванный бродяга, багровый отъ хмѣлю, скорѣе прокричалъ чѣмъ проговорилъ свою рѣчь, и заключилъ ее розмашистымъ ударомъ кулака по столу, отъ чего дьякъ вздрогнулъ и отшатнулся, а Глѣбъ едва удержался отъ сильнѣйшаго желанія проучить дерзкаго бродягу. Какъ бы появлявъ желаніе своего начальника, Сычъ мрачно скрутилъ колоднику назадъ руки, и еще мрачнѣе сталъ устанавливать толстые козлы; при видѣ встряски, клецей, тяжелой трехвостой лети, пьяный бродяга пришелъ въ крайнее раздраженіе и разразился страшными ругательствами Глѣбу, Годунову, и всѣмъ измѣнникамъ законному царю Дмитрію Іоанновичу.

— Пилать, Пилатикъ! вопилъ онъ, наступая на Глѣба, — тирань плоть и лей кровь мою! Азъ, Григорій, готовъ пострадать за всеруссійскаго государя, даже до смертнаго своего часа! на, рѣжь, жри русское мясо, человекъ, предатель!

Пока Глѣбъ соображалъ что ему дѣлать съ бродягой, мрачный Агей Сычъ повалилъ его на дробину, лицомъ книзу, и проворно замкнулъ ему шею въ желѣзный обручъ на петлѣ.

— Изверги естества, наругатели! вопилъ бродяга, съ силою разъяреннаго звѣря выбиваясь изъ рукъ стрѣльца, мрачно привязывавшаго ремнемъ ноги его къ концу дробины.

— Не надо! сказалъ Глѣбъ Сычу въ ту минуту какъ тотъ началъ было рвать балахонъ бродяги, съ цѣлюю обнажить ему спину.—Мерзавецъ льянъ; отведи его, Сычъ, въ Мѣловую. Завтра допрошу его!

Агей Сычъ развязалъ бродягу, снялъ съ дробины и повелъ въ Мѣловую башню, подъ карауломъ трехъ стрѣльцовъ. Бродяга пошелъ съ неистовымъ воплемъ, бранью и угрозой. Не успѣвъ Глѣбъ выйти изъ приказной избы, занятый распоряженіями по городу и волости по случаю приближенія самозванца, какъ къ нему вбѣжалъ боярскій сынъ Митюшинъ, зальхавшійся и внѣ себя отъ волненія.

— Ушелъ, ушелъ! кричалъ онъ, падая отъ усталости на лавку.—Бунтъ!

— Кто ушелъ, какой бунтъ? переспросилъ его Глѣбъ.

— Бродяга ушелъ! Караульные стрѣльцы разбѣжались, подходя къ Мѣловой башнѣ, а на Сыча напала толпа бунтовщиковъ, избива его до полусмерти, и утащили бродягу. Подъячій Онциферко всеѣмъ этимъ дѣломъ заправляетъ... Бросился я съ десяткомъ конныхъ за стѣну, такъ они съ нами въ камыши, на Тускаръ, и слѣдъ простыли!.. Измѣна, голова! Вору обыскались въ самомъ Курскѣ, въ острогѣ! Берегись эту ночь, какъ бы не затѣяли они тутъ чего!.. Кричатъ: „только до завтра де Годуновцы, а за утро ихъ перевѣшаетъ Дмитрій царь; съ польскою де ратью и казаками идетъ!..“ Не спать намъ нынче ночь!

Крики „Коренская Матюшка пришла! Коренская Матюшка!“ и бѣгущій отовсюду народъ прервали тревожное совѣщаніе двухъ курскихъ начальниковъ. Слѣдуя за бѣгущими къ Орловскимъ воротамъ, Глѣбъ и Митюшинъ увидѣли огни, двигавшіеся въ темнотѣ по направленію къ церкви „Общаго монастыря“, которой освѣщенные окна яркими пятнами разрѣжали мракъ. Согласное пѣніе коренскихъ монаховъ отчетливо доносилось въ тихомъ вечерѣ, и въ избыткѣ религіозной

потребности прибѣгнуть къ защитѣ небесной силы въ ту минуту когда измѣняла ему земная, Глѣбъ упалъ на колѣни и молился на палерти противъ освѣщенныхъ церковныхъ дверей, откуда несло торжественное молебное глѣніе. Это стройное сочетаніе молодыхъ и старыхъ голосовъ, казалось Глѣбу, возносилось къ безконечному небесному своду, усвятому тысячами тысячъ звѣздъ, къ тому самому безконечно-высокому небесному своду что въ таинственномъ и молчаливомъ величій прикрылъ въ эту минуту и Глѣба съ его скорбію, и Курскъ съ его судьбой, и далекую боярышню, и все человечество, землю и воды....

Ночная прохлада уже сказывалась въ тепломъ оставшемся воздухѣ когда Глѣбъ пришелъ домой и крѣпко заснулъ.

Съ высокихъ зеленѣвшихъ травой валовъ Курскаго города глядѣло тридцать лять чугуныхъ пушекъ; пушечный нарядъ и достаточный запасъ зелья хранились въ глубокомъ погребѣ подъ земляною крышей. Четыреста стрѣльцовъ состояло въ его приказѣ, но послѣ волнений, по случаю появленія въ городѣ бродяги съ грамотой самозванца и послѣ бѣгства его при помощи измѣнчившихъ стрѣльцовъ, Глѣбъ имѣлъ основаніе бояться за судьбу Курска. Понятно что ни съ кѣмъ кромѣ игумена, пришедшаго съ Коренскою иконой, онъ не дѣлился своими опасеніями. Глѣбъ понималъ какъ было опасно въ его положеніи чтобъ измѣнчивые стрѣльцы замѣтили неувѣренность въ себѣ молодаго начальника; малѣйшее колебаніе въ раслорядкахъ головы не замедлило бы отразиться въ мятежномъ духѣ стрѣлцаго войска, которому „перелеты“ изъ самозванцева стана сулили свободу, жалованье и бочки вина. Еще гораздо раньше, съ самаго прибытія своего въ Курскую сторону, Глѣбъ уразумѣлъ что населеніе и служилые люди нисколько не расположены оплотиться за дѣло Бориса, а дѣло самозванца считаютъ дѣломъ законнымъ. Съ каждымъ днемъ для Глѣба осложнялась трудность удержать за Борисомъ и Москвой Курскій городъ и край, между тѣмъ какъ самозванцу очищался путь до самой Москвы; тѣмъ не менѣе курскій стоялый голова горячо и до послѣдней возможности исполнялъ свою обязанность. Узнавъ о близости самозванца, онъ въ ту же ночь разослалъ сеунчей въ разныя стороны. Обославшись опасными грамотами

съ Бѣлгородомъ, Осколомъ, Валуйками, Воронежемъ и Ливнами, Глѣбъ сѣлъ въ осаду; но осадные дворы въ Курскомъ острогѣ, биткомъ наполнявшіеся не только окрестными, но и отдаленными жителями при первой вѣсти о вражескомъ нашествіи, теперь стояли лусты—явный признакъ что населеніе въ приближеніи самозванца не видѣло никакой для себя опасности. Мало того, даже семьи курскихъ стрѣльцовъ не покинули, какъ всегда дѣлывали, своихъ избъ въ слободѣ, и безлокойно, толпами, поглядывали въ сторону Путивля и Рыльска. Въ одинъ день такъ измѣнился духъ курскихъ стрѣльцовъ! Они, правда, пока еще сдерживались въ границахъ вѣшняго ловиновенія, но приказанія Глѣба и его сотника исполняли съ явнымъ злорадствомъ и принужденно. Голова изъ цѣлаго стрѣлцаго приказа могъ разчитывать едва на сотню вѣрныхъ защитниковъ. Тѣмъ не менѣе, по его приказу, всѣ городскія ворота были къ свѣту засыпаны лескомъ; каждому стрѣльцу указано мѣсто на стѣнѣ; пушкарямъ внушено когда стрѣлять, куда наводить пушки. Утромъ Глѣбъ получилъ присланную ему, чрезъ коренскаго игумена, грамоту боярскаго думы. Она уведомляла о самозванцѣ, указывала жить съ великимъ береженьемъ, денныя и ночныя сторожи держать крѣпкія, и вѣстей про воровскихъ людей провѣдывать всякими обычаями, и во всемъ отъ приходу воинскихъ людей береженье держать. Боярская дума, понявъ Глѣбъ изъ грамоты, больше всего полагалась на защиту новой и самой южной московской крѣпости, Бѣлгорода, обороняемой полтораста пушками и стрѣлцкимъ приказомъ.

— Поляки! подавъ голосъ караульный стрѣлецъ съ башни.—
Пылить.

— Поляки! подхватили визу стрѣльцы и запумѣли на валахъ.

Но то еще не были Поляки. Пылалъ и тихо приближался боярскій сынъ Митюшинъ съ легкою станицей курскихъ казаковъ. За ними немедленно затворили калитку на запоры и замки; распорядились этимъ мрачный Сычъ и огромный служка, братъ Зосима, повидимому вошедшій въ ратный вкусъ со времени осады Татарами боярскаго дѣтвца.

— Гдѣ? Гдѣ? Гдѣ? осылали Митюшина нетерпѣливые голоса.

— У Глишица, перешелъ Сеймъ; сейчасъ будетъ.

— Много съ нимъ силы? Какая у него сила? сыпались вопросы.

— Силы много съ нимъ, только не считали; а должно и Полякъ идти, и наши казаки.

Не услѣвъ Глѣбъ разогнать стрѣльцовъ по мѣстамъ, какъ за посадомъ громко посыпались веселые звуки роговой музыки, и поднялись густые облака быстро приближавшейся пыли.

— Идутъ, идутъ! кричали стрѣльцы по валу.

IX.

Польская дружина ротмистра пана Алоизія Неборскаго приближалась къ Курску. Безлоконый духъ двухсотъ головорѣзовъ, составлявшихъ отрядъ пана Неборскаго, какъ нельзя лучше подходилъ ко взбалмошному характеру всегда подлившаго *доудура*, отчаяннаго рубаки, непобѣдимаго за бутылкой. Осторожный Мнишекъ столько же полагался на него, сколько любилъ назначать куда-нибудь подалеже отъ себя, вслѣдствие чего Неборскій шелъ весь походъ, безъ смѣны, въ передовой стражѣ. Когда панъ Мнишекъ, собравъ *коло* изъ всего бывшаго съ нимъ польскаго войска, объявилъ ему о требованіи короля Сигизмунда немедленно возвратиться въ королевство подъ страхомъ строгаго наказанія, и пригласилъ Поляковъ повиноваться королевской волѣ, панъ ротмистръ Неборскій воскликнулъ:

— Пусть ворочаются въ Польшу тѣ кто любятъ мши * пана Сигизмунда. Я плохой подданный и плохой католикъ! Я вошелъ въ Московію по своей доброй волѣ, и выйду изъ нея, если только выйду, по своей же доброй волѣ, а никакъ не по приказанію короля! Знать его не хочетъ свободный польскій ротмистръ, и нехай мои слова передаетъ ему панъ воевода!

Четыреста колѣвничиковъ пошло за Неборскимъ, который уважалъ самозванца еще менѣе чѣмъ короля. Наскучивъ осадой Новгорода-Сѣверска героически защищаемаго Басмановымъ, ротмистръ повелъ свою хоругвь къ Курску, весьма мало заботясь о томъ что будетъ безъ него съ претендетомъ. Гремя саблями, съ говоромъ и конскимъ ржаньемъ, шашусые колѣвничики въ боевой амуниции и съ походнымъ

* Мессы, обѣды.

выюкомъ; надъ свѣтлыми мѣдными шалками кодыхались красныя лики съ грязными и подиальными значками, весело игравшими по вѣтру; мѣдые нагрудники, мундштучныя бляхи воинственно сверкали. Старые латники выглядывали хищными ястребами. Багрово-рожій лузатый ротмистръ Неборскій съ лихо-нафабранными черными усами и лихою посадкой, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, гордо закинувъ голову, гарцовалъ предъ рядами съ обнаженною саблей, на которой былъ вырѣзанъ девизъ: „Моя честь на концѣ моей сабли“. Въ глаза бросался пунцовый бархатный чапракъ съ серебряною бахромой и длинными пушистыми золотыми кистями; посеребренныя стремяна и шпоры горѣли на солнцѣ. Дожій хорунжій панъ Ромзальдъ Галынскій надменно везъ хоругвь Неборскаго: по желтому атласу чернѣй черепъ, Змбей извивался подъ Неборскимъ свѣрымъ конь, храпѣвшій, прядавшій, грызшій удила; кровнаго скакуна не уходилъ лохотъ; вывороченныя ноздри раздувались и, противъ солнца, какъ огонькомъ алѣли; кровью налившіеся большіе глаза то и дѣло закрывались челкой; хвостъ трясся и шелъ змѣею, когда конь, на ходу, легко приподымался передомъ, красиво садясь назадъ. Своего жеребца, Эмира, Неборскій любилъ болѣе всего послѣ вина; только мускулистыя ноги Эмира выносили эту тушу, на своемъ вѣку заѣздившую не одну крѣпкую лошадь. Не обращая вниманія на капризы жеребца, молодцомъ сидѣлъ Неборскій, уже конечно знатно выпивши, хотя того не было замѣтно ни въ одномъ глазѣ. Красный кувтушъ на лисьемъ мѣху съ широкими откидными рукавами, красныя штаны и желтыя салогі, таковъ былъ нарядъ [лихаго ротмистра съ толстымъ брюхомъ, закрывавшимъ переднюю луку. Спокойный всадникъ, двигавшійся рядомъ съ Неборскимъ, напоминалъ мрачную фигуру пана Твардовскаго. Худощавый, длинноногій, съ носомъ загнутымъ книзу, влывшими щеками; и огромными рыжими усами, грозно торчащими врознь, всадникъ этотъ мѣрно раскачивался въ глубокомъ рейтарскомъ сѣдлѣ. Широкое костью сухощавое тѣло его приобрѣло ту выносливость при которой только и можно заковать человека въ желѣзные дослѣхи. Казалось онъ и думать забылъ о тяжелыхъ испанскихъ латахъ надѣтыхъ поверхъ кожанаго полукафтаныя съ узкими рукавами. Латы состояли изъ стальныхъ досокъ, овальныхъ мѣдными винтами, съ желѣзными нарукавными и

раструбами, закрывавшими ноги отъ колѣнъ. Рѣшетка забрала мѣдной шапки была поднята справа, на лосиной левязи висѣлъ внушительный короткій мушкетъ съ воронкой на концѣ дула. По его нахальнымъ старымъ глазамъ не трудно было понять характеръ этой хищной лтицы съ лалашомъ, исправлявшимъ должность клюва. По наружности ланъ Твардовскій, по характеру—грабитель и скряга, ланъ Януарій Мобичъ на Зарембѣ Зарембскій былъ одинъ изъ странствующихъ рыцарей тогдашней безлокойной Польши, лодымавшихъ свое оружіе за кого угодно или вѣрнѣе за того кто лучше платилъ. Въ Польшѣ начала XVII вѣка не диво было встрѣтить желѣзную фигуру наемнаго воина, въ родѣ лана Зарембскаго, также какъ наватолкнуться на рубаку въ родѣ Неборскаго. Глядя на латника можно было убѣдиться что сѣдло его—домъ, а походъ—естественное состояніе: съ такимъ умѣньемъ воспользовался онъ малѣйшею возможностью приладить къ передней и задней лукъ кожаные мѣшечки, суконный чемоданъ, походныя фляги, доказывавшія что онъ человекъ заласливый. Огромный поджарый конь какъ нельзя лучше подходилъ къ худощавому всаднику. Его огромныя, тщательно подкованныя копыта какъ молотами били по твердой дорогѣ; лѣвая нога высоко вздергивалась въ колѣнѣ; странно глядѣлъ неподвижный глазъ, улорно останавливавшійся на предметахъ. Заслуженный товарищъ лана Зарембскаго, отличавшійся въ молодости горячкой и уносливостью, представляя теперь одну развалину. Несмотря на важность съ какою выступалъ онъ, въ намордникѣ изъ бляхъ, съ покрытыми отъ удара стальною сѣткой крестомъ и шею, наблюдатель смекнулъ бы что этотъ боевой конь годится ломать строй, но не унесетъ латника, придись ему спастись бѣгствомъ: лѣта отяжелили коня; иногда онъ до того задумывался что натыкался передомъ, и лишь остроносые мѣдные башмаки будили его, ускоряя размашистый шагъ.

— Хвалю Москаля! замѣтилъ Неборскій, облизывая языкомъ усы лосѣ добрыхъ глотковъ венгерскаго изъ рога, который онъ передалъ лану Зарембскому: — Москаль глупъ, да не ставить у дорогъ крестовъ и Мадоннъ. Надоѣли мнѣ до смерти эти кресты и Мадонны!

— Потше, ланъ-ротмистръ, сказалъ ему Зарембскій, благоразумный и осторожный на словахъ: — хотя мы не и въ Польшѣ, все же жолнеры ваши добрые католики.

— Хорошо же панъ знаетъ моихъ жолнеровъ.—Эй вы, жолнеры! обратился Неборскій черезъ плечо къ хоругви: — кто вашъ начальникъ?

— Вельможный панъ-ротмистръ, Алоузіи Неломукъ Неборскій съ Винницы! бойко отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Такъ есть, жолнеры! Какой религіи панъ-ротмистръ Неборскій?

— Религіи ясновельможнаго пана Вельзевула! гаркнули смѣясь передніе.

— Такъ есть, жолнеры!—Пунцовая рожа Неборскаго выражала совершенное удовольствіе:—кто первый пьяница въ Польшѣ, жолнеры?

— Вельможный панъ-ротмистръ, Алоузіи Неломукъ Неборскій!

— Кто первый подлецъ въ Польшѣ?

— Панъ-воевода Сендомірскій Юрій Мнишекъ!

— Такъ есть, жолнеры! Чего боится панъ-ротмистръ Неборскій?

— Пить воду!

— Чтò любятъ жолнеры пана Неборскаго?

— Гроши!! грянула хоругвь.

— Молодцы! Неборскій бросилъ въ хоругвь тугой кошелекъ, подхваченный на лету.

Отрядъ былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

— Курскъ, Курскъ! заговорили жолнеры.

Неборскій расположился станомъ, занявъ подъ свое помѣщеніе крайній домъ стрѣлецкаго посада. Домъ выходилъ въ поле, гдѣ въ коновязяхъ толпились рейтарскія лошади, стояли воза сѣна, навезенные фуражирами, и бѣлѣлся высокою кучей насыпанный овесъ; подлившіе жолнеры толкались кругомъ штабъ-квартиры, у крыльца которой колѣбались съ саблей караулил желтую хоругвь, воткнутую въ землю. Шатровъ не полагалось у Неборскаго. Ротмистръ въ шелковой съ разстегнутымъ воротомъ сорочкѣ, цвѣтомъ подходившей къ его красной рожѣ, глубокомысленно возсѣдалъ у стола, моча длинный усъ въ огромной серебряной чашѣ.

Горница посадскаго поля отца Антулія, биткомъ набитая „товарищами“, то-есть военнымъ дворянствомъ, застилалась облаками табачнаго дыма. Попадавшій въ эту духоту со свѣжаго воздуха натыкался на чужіе лбы и затылки,

наступала на шпоры, давилъ охотничьихъ собакъ, этихъ исконныхъ любимцевъ польской шляхты. Алыи цвѣтъ преобладалъ въ льяной фигурѣ лихаго ротмистра; высокій лысый лобъ казался горѣлъ и дымился отъ винныхъ возлияній; непомерно толстая шея была совсѣмъ малиновая; алая сорочка позволяла любоваться высокою, какъ подушка вздувавшеюся багровою грудью, густо поросшею темными волосами. На длинныи усищи надвинулся красный олухшій носъ, когда-то правильный; красными на выкатѣ глазами онъ водилъ съ выраженіемъ разъяренной собаки, готовой броситься на перваго встрѣчнаго. Брюшко подымалось и опускалось подъ красными штанами. Малѣйшее движеніе краковскихъ салога сопровождалось громкимъ звономъ огромныхъ шпоръ. Несмотря на толстоту, Неборскій славился въ цѣлой Польшѣ какъ отчаянный наѣздникъ. Еще помнили страшное пари имъ выигранное. На своемъ Эмирѣ, вооруженный и съ бутылкою любимаго токайскаго, онъ вѣхалъ по подмосткамъ на самый верхъ Святоянскаго костела въ Вильнѣ. Восторженное восклицаніе толпы смѣнилось вдругъ мертвою тишиной, когда Неборскій остановился на самой верхней доскѣ; какъ одинъ человекъ смолкли тысячи людей, словно придавленные ужасомъ зрѣлица; многія женщины попадали въ обморокъ. Неборскому, казалось, не изъ чего выбирать; онъ долженъ былъ или слѣзть съ жеребца, предоставивъ его своей участи, или погибнуть съ нимъ, свалясь на мощеную площадь; самые отважные изъ зрителей не вѣрили въ возможность повернуться четырьмя конскимъ ногамъ на узкой доскѣ. „Долой съ коня, брось коня, ланъ ротмистръ!“ совѣтовали болѣе опытные. Неборскій не шелохнулся. Онъ поднялъ бутылку, выпилъ залпомъ и швырнулъ ее внизъ лустую. Многіе опустили глаза, чтобы не видать болѣе отчаяннаго положенія льянаго смѣльчака. Тѣ же кто имѣлъ мужество до конца глядѣть на Неборскаго просто не вѣрили глазамъ. Повинуясь ловкой рукѣ и желѣзнымъ ногамъ ротмистра, умный Эмиръ собрался кольцомъ, поднялся на дыбы, и прежде чѣмъ задышавшаяся отъ ужаса толпа услѣла перевести духъ, повернулся на задѣ и медленно сползъ на широкія подмостки, откуда благородное животное снесло на себѣ ротмистра на землю, при восторженныхъ крикахъ: „Вивать лану ротмистру Неборскому; вивать его коню!“ — Тысячу червонцевъ, ланъ Неборскій, и мой конь! тутъ же приступилъ къ нему

князь Радзивиль. Неборскій закрутилъ усь, даъ шпоры и поскакалъ въ *карьерю*.

Таковъ былъ панъ Неборскій.

— Янкель Дудель! закричалъ ротмистръ, и высокій, какъ жердь гибкій и сухоларый Жидокъ, выросъ предъ грознымъ паномъ. Проворно, обѣими руками въ желтыхъ веслушкахъ и желтыхъ волосахъ, сорвалъ онъ съ головы ермолку, при чемъ обнаружилась такая смѣшная, совсѣмъ облѣзлая голова, что Неборскій и его товарищи покатались со смѣху. Несмотря на такой оскорбительный приемъ, Янкель нисколько не растерялся; напротивъ, на востренькомъ лаутоватомъ зеленого цвѣта лицѣ, съ зелеными глазками и обциланными клочьями на бородѣ, выступила сладенькая улыбочка и живѣйшая готовность летѣть для исполненій панскихъ прихотей. Согнувшись такъ что голова чуть не доставала колѣна Неборскаго, Янкель трясся въ длиннополомъ оборваномъ кафтанѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись столѣнные пантофли.

— Падамъ до ногъ! шелгалъ Янкель съ робостью, но не безъ лукавства.

— А того не знаешь что жоанерамъ пана Неборскаго надо бочку вина?

— Заразь, панъ ротмистръ, заразь!

Янкель выметѣлъ на улицу.

— Ицька, Ицька! взывалъ Янкель къ Жидку въ халатъ который суетился около неуклюжей и длинной бердичевской фуры съ холстиннымъ верхомъ. Около него толпились жоанеры, хотѣвшіе при всякомъ движеніи хлопотливаго Ицьки: на Ицькѣ былъ старый халатъ, до того потертый что подкладка почти вся улетучилась и казалось будто Жидъ поверхъ кожи обросъ грязною ватой.

— Ицька! взывалъ Янкель.

— Янкель! отозвался наконецъ Ицька, обертываясь, при чемъ клочки ваты полетѣли во всѣ стороны, къ луцему хоту жоанеровъ.

— Бочку вина жоанерамъ, Ицька!

— Заразь, Янкель!

Ицька съ глубокомысліемъ прищурилъ свои израильскіе глаза и лаутовски придерживая локтемъ ручку коловтара, такъ однако чтобы не замѣтили покуатели жоанеры, торопилась отвѣсить имъ нѣкоторые мелочные товары.

— Поворачивайся, лся кровь! Здоровенный колѣбщикъ,

мимоходомъ, вытянулъ плутоватаго Ицку Шлеймова веревкой, съ которою шель за сѣномъ: — Приказано бочку вина жолнерамъ. Слышишь, Гуда!

Веревка снова хлестанула по ваточной сплявѣ Жидка, съ крикомъ побѣждавшаго къ бочкамъ.

Опорожнивъ серебряный съ круглымъ дномъ стаканъ (онъ не стоялъ и его требовалось вылить залломъ), Неборскій жидкою рукою въ темныхъ волосахъ махнулъ въ окно. Въ ту же минуту трубачи, полукругомъ стоявшіе у окна, грянули тушъ.

— Вивать пану ротмистру! подхватили на улицѣ жолнеры, шумно распорядясь винною бочкой.

X.

*. Чръна земля подъ копыты, костыми
была посылана а кровію помяна.*

Слово о полку Игоря.

Оставимъ веселое общество пирующихъ въ квартирѣ стараго ротмистра, оставимъ подлившій польскій лагерь, гдѣ пылаютъ костры и раздаются лѣсны, и обратимся въ Курскъ. Курскъ притаился, закутанный во мракъ и молчаніе. Но польская стража всматривается въ этотъ мракъ, вслушивается въ это молчаніе; она не вѣритъ имъ, зная по опыту коварство Москалей. Полтораста курскихъ стрѣльцовъ, „охочихъ“ какъ тогда говорилось, вразбродъ пробирались болотомъ, поросшимъ густымъ цвнякомъ и олешиникомъ. Это болото отъ Тускари обхватывало стрѣлецкій посадъ, дозволяя охочимъ пробраться къ польскому стану. Глѣбъ рѣшился на вылазку, узнавъ черезъ пройдоху Еру, услѣвшаго поображничать въ польскомъ станѣ, что тамъ много пьяныхъ, начиная съ ротмистра; курскій голова надѣялся разбить ночью олошную польскую хоругвь. Побѣда нужна была ему больше для того чтобъ ободрить стрѣльцовъ остававшихся еще вѣрными, и прилунуть тѣхъ изъ нихъ въ комъ замѣчалъ шатость.

Рядами держаться стрѣльцы не могли. При всемъ знаніи мѣстности то тотъ, то другой завязалъ въ болотистыхъ кочкахъ; иной попадалъ въ разлтый ивовый кустъ, какъ руками охватывавшій его своими хлесткими вѣтвями, и насаду выдирался. Глѣбъ впереди съ Сычомъ, съ саблями наготовѣ.

Чуткая тишина ревниво передаетъ самый легкій звукъ; Глѣбъ выбрался на твердый берегъ. Конское ржанье доносится изъ стана. За Глѣбомъ крадется толпа. Сабля звякнула. „Кто тамъ?“ укоряетъ Глѣбъ. Притихло. Оглянулся на своихъ Глѣбъ—скрывается нечего: красное зарево догоравшихъ костровъ и блѣдный свѣтъ занимавшагося утра выдали „охочихъ“.

— Съ Богомъ, братцы! сказалъ Глѣбъ твердо, но далеко не спокойно.

— Москаль! раздавался перелуганный крикъ колѣвщика, во весь опоръ промчавшагося мимо съ ликой на перевѣсѣ въ станъ, гдѣ подыались тревожные крики и шумъ.

Прежде чѣмъ Поляки опомнились и сообразили въ чемъ дѣло, охочіе съ Глѣбомъ ворвались въ станъ. Глѣбъ рубить направо, рубить налево. Надежда удержать за царемъ Борисомъ Курскъ носить его впереди охочихъ. Вѣрный Сычъ возлѣ него. Его широкая сѣкира блеститъ на заревѣ костровъ и тяжело раскраиваетъ все что подъ нее попадается. Падали подъ ней лѣшіе, скрещивалась она съ саблями и ликами и своимъ крюкомъ сбрасывала услѣвшихъ вскочить въ сѣдло. Крики, выстрѣлы, отчаянный толотъ скачущихъ на тревогу Поляковъ, какъ бы ольявали Глѣба.

Тревога вызвала пана Неборскаго на крыльцо. Распьянелъ-пьянешевскій, какъ былъ въ разстегнутой шелковой сорочкѣ и штанахъ, благородный *довудца* толкалъ каблукомъ и прохрипѣлъ:

— То срамъ, Сарматы, биться съ Москалемъ саблей! Плетъ, Дорошъ, плетъ вмѣсто сабли! Бейте быдло летями, рабы боются лети!

Но постоявъ съ минуту на крыльцѣ, Неборскій отрезвился, какъ бы на него вылили ведро ледяной воды. Пьяный человекъ не замедлил уступить мѣсто опытному начальнику, вмигъ сообразившему что дѣлаютъ враги и что ему дѣлать. Онъ понялъ опасное положеніе своихъ. Въ освѣщенномъ кострами станѣ килѣла страшная суматоха; какъ муравьи предъ грозой взбѣгались колѣвщики, одни безъ шалокъ, но вооруженные, другіе безъ кунтушей; взнуздываютъ лошадей, подтягиваютъ подруги. За коновязью, на выгонѣ, все густѣетъ куча конныхъ; къ ней поминутно бѣжали колѣвщики съ засѣданными лошадьми, казалось раздѣлявшими тревогу людей. Забылъ старый рубака что онъ безъ кунтуша и шалки,

помнилъ только что надо бить Москаля. Дрожавшіе съ переломъ руки не сразу однако пристегнули саблю и на горячившагося Эмира онь съѣлъ съ помощію Дороша. И ввремя: толпа охочихъ съ Глѣбомъ едва не захватила его на крыльцѣ.

— До пана Вельзевула! прохрилъ ротмистръ, расчищая завоемъ съ Дорошемъ широкую дорогу въ стрѣлцкой толпѣ, сторонившейся отъ высокихъ и бѣшеныхъ скачковъ Эмира, мчавшагося несмотря на стрѣлцкіе выстрѣлы.

— Колье долу и на Москаля! заоралъ ротмистръ своимъ.

Появленіе толстаго ротмистра безъ шалки, безъ кунтуша, но со страшною саблей и на килѣвшемъ Эмирѣ, ободрило колѣвщиковъ, услѣвшихъ выстроиться подъ желтою хоругвию.

Неборскій взмахнулъ саблей, и за нимъ, во весь опоръ, развернутый конный строй съ опущенными ликами поскакалъ по улицѣ, гдѣ на срединѣ сдвинулась толпа стрѣльцовъ, болѣе изъ чувства самохраненія, чѣмъ по приказу головы. Глухо загудѣла земля подъ отчаяннымъ скокомъ сотни лошадей; лихіе колѣвщики, наклонивъ лики въ сторону, казались вотъ-вотъ ворвутся въ плотные стрѣлцкіе ряды и растолчатъ ихъ. Не тутъ-то было. Московскіе стрѣльцы славились своею стойкостью и умомъ. Длинные кольца, которыхъ тупые концы придерживались ногами къ землѣ, а острые встрѣчали коняцу — оказались оружіемъ неприятнымъ для лошадиныхъ мордъ и грудей; залль, въ то же время сдѣланный вторымъ рядомъ на близкомъ разстояніи, обратилъ Поляковъ назадъ. Только Неборскій врубился въ стрѣлцкую толпу, отчаянно толча кономъ людей.

— Врешь, собака—душа лядка! подскочилъ къ нему огромный послушникъ въ черномъ колактѣ и черномъ грязномъ балахонѣ, подпоясаннымъ ремнемъ. Уже протазавъ брата Зосимы занесенъ былъ на бѣшенаго наездника, какъ быстрый и крутой поворотъ горячаго скакуна сбилъ его съ ногъ. Изсѣченный концами сѣкирь, окровавленный Неборскій вырвался изъ вражьей толпы, нанеся ей болѣе урона чѣмъ вся атака.

— Лайдаку! бабы! оралъ онь на своихъ, грозясь саблей и забывая раны: — Голову снесу мерзавцу кто не влетитъ въ стадо московскихъ свиней! Будь у меня другой Неборскій, не нужны бы мнѣ двѣсти трусовъ!

Отбивъ нападеніе, стрѣльцы услѣли отступить ближе къ болоту и прикрыть свой тылъ плетнями постоялаго двора.

— Только бы намъ до болота, говорили они:—А тамъ прощай, Макарь, ноги озябли.

Отступая подъ выстрѣлами колѣйщиковъ, Глѣбъ и стрѣльцы увидѣли бѣгущую огромную толлу курскихъ смердовъ, ямщиковъ, посадскихъ, заворовавшихъ стрѣльцовъ, монастырскихъ чернососныхъ и курскихъ казаковъ вооруженныхъ дубьемъ, оглоблями и чѣмъ попало. Толпа направлялась сбоку и, повидимому, имѣла намѣреніе отрѣзать отступление къ болоту. Сбродъ велъ бродячій чернецъ Гришка, верхомъ на крестьянскомъ меринѣ.

Появленіе своихъ видимо смутило стрѣльцовъ.

— Грѣхъ велий, братіе! взывалъ чернецъ гнусливымъ голосомъ:— всѣ мы люди единого Бога и единого законнаго царя, Дмитріемъ нарицаема! Кто не съ нами, погибелью погибнетъ кулю съ курскимъ головой. Бросьте сего вора, слуги Дмитрія!

Глѣбъ понялъ что надвѣяться на вѣрность стрѣльцовъ ему много нечего. Въ рядахъ уже послышались зловіщіе вопросы.

Понимая опасность своего положенія если онъ промедлитъ и позволить сомнѣнію охватить весь отрядъ, Глѣбъ приложился въ бродягу и выстрѣлилъ. Только два, три выстрѣла, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Сычу, поддержали курскаго голову. Бродяга свалился съ мерина здоровъ и невредимъ, къ великой досадѣ Глѣба: онъ убилъ только мерина.

— Зрите, невѣрные! кричалъ чернецъ:— спасень есмь пречудесно, яко за правду стою!

Повинуясь головѣ вяло и неохотно, курскіе стрѣльцы достигали уже Ивовой гущины, какъ вдругъ бѣльшая часть ихъ отдѣлилась отъ отряда и побѣжала къ толпѣ съ крикомъ: „царю Дмитрію служимъ! Годуновъ колдунъ татарскій!“

— Спасайся, голова! вскричалъ Сычъ, хватая его за руку и увлекая въ ближній кустъ. Скоро Глѣбъ былъ внѣ опасности, укрывшись въ ивахъ, куда безъ оглядки бросились удѣльщійе стрѣльцы. Но бѣгство въ темнотѣ, межъ густыхъ кустовъ, отбило Глѣба отъ товарищей по несчастію. Онъ очутился одинъ, безъ дороги, проваливаясь въ толкихъ кочкахъ и не зная куда идти.

XI.

Связали ему руки бѣныя
 Во крѣпки чембуры шелковые.
Пѣсня о Ильѣ Муромцѣ.

Куда шель молодой курскій голова и долго ли, онъ не давалъ себѣ отчета подъ тяжестью переживаемыхъ ощущеній. Побуждаемый нетерпѣніемъ добраться до Курска, гдѣ присутствіе его, зналъ онъ, необходимо, Глѣбъ шель такъ скоро какъ только позволялъ лѣсъ и усталыя ноги, но плохо зная мѣстность, блудалъ и не умѣлъ выбратъся.

Дикій смѣхъ наверху заставилъ Глѣба поднятъ голову и осмотрѣться. Человѣкъ хототалъ въ вышинѣ и хохоту его вторило рѣзкое воронье карканье. Въ то время какъ уши Глѣба внятно слышали хохоть и карканье, глаза его ничего не видѣли кромѣ великана дуба: его курчавая макушка слишкомъ замѣтно возвышалась надъ лѣсомъ. На дубѣ чернѣлся большой воронъ. Усилія Глѣба разсмотрѣть существо неизвѣстна гдѣ хохочущее только усиливали хохоть, исходившій именно изъ курчавой макушки великана дуба. Раздасадованный гулымъ хохотомъ и злымъ карканьемъ Глѣбъ увидѣлъ наконецъ остроконечную мѣховую шалку и темное лицо съ ключьями сѣдой бороды; изъ подъ шалки торчали пожелтѣвшія космы какъ войлокъ сбившихся волосъ. Глядя на Глѣба глубоко ушедшими въ лобъ глазами, казавшимися глазными дырами черепа, старикъ, въ комъ Глѣбъ узналъ Щигра, хототалъ надъ нимъ изъ своего высокаго листовнаго гнѣзда.

— Чтò хохочешь, дѣдъ? съ досадою обратился къ нему Глѣбъ.

— Съ радости что тебя увидѣлъ кобеля, бойко оторвалъ старый ловчій:—Аль поросять по лѣсу скликаешь, ха, ха, ха! да шалишь, искать негдѣ, разбѣжались, Ляха услужались! Свою-то щетину береги! Сумасбродъ какъ есть. Съ сабелькой въ лѣсъ пональ, да, гляди, не достанешь сюда. Есть ли у тебя склаелка-то въ Щигровы лѣса лускаться самъ другъ съ дурью? Не гляди что дѣдъ Щигоръ залезивалъ! Пущай Щигоръ древо карявое, Щигру съ этой вотъ макушки все видать, даже чтò дѣется въ тридесятѣмъ царствѣ за тридѣять земель, не только что въ Курскомъ. А въ старыѣ годы

вольные, какъ Цигоръ съ товарищи своими, съ разбойниками ѣздивалъ въ разбой къ осиновоу дубравѣ и въ Темный, и въ Тербужскій, была у Цигра на томъ-то на самомъ на дубу кровать. Да у Цигра же была верстовая трубка. Какъ съ той-то кровати на томъ-то дубѣ усмотритъ Цигоръ проѣзжихъ людей, и въ то же число въ трубку заиграетъ по-заячьи. А какъ Цигоръ въ разбой со двора съѣзжалъ, и въ то число одѣвалъ на себя тонкій зилунъ съ черевиками; а на разбой былъ въ желтомъ зилунѣ да въ лазоревомъ, да въ нѣмецкихъ сапогахъ, при лукѣ, да при саблѣ. А ко двору ѣхать, Цигоръ разбойное платье помечетъ на воза и прежнимъ станетъ. Такъ-то, голова, чтобы тебѣ ни дна, ни покрывку! Житье было встарину вольное по Курской стороншкѣ, темной дубровушкѣ. Вашего брата, начальнаго человѣка, слухомъ не слыхано, видомъ не видало; не то что нынче, куда ни конь—клинъ: головы да цѣловальники, да старосты, да заставы. Затравили народушко Божій!

Слушая болтовню изъ ума выжившаго старика, Глѣбъ уныло оглядывался по сторонамъ, не зная что дѣлать?

— Старому Цигру сто лѣтъ, а Цигрову ворону два ста лѣтъ, продолжалъ разболтавшійся старикъ:—воронъ тотъ, птица неиздыхайка, дошелъ къ Цигру отъ Цигрова дѣда, и тотъ дѣдъ прожилъ на свѣтѣ долго: сто лѣтъ да еще полста; а приказалъ того ворона, птицу неиздыхайку, внуку своему Цигру; сказывалъ: та де птица неиздыхайка, воронъ, ему, дѣду, ровесница. А коли та птица неиздыхайка, Цигоръ не умирайка. Только Цигру до дѣда далеко! Старинный человѣкъ жилъ, крѣпкій какъ въ лѣсѣ матерый дубъ. Слово такое зналъ. Съ самимъ старшимъ лѣшимъ знался, домовою и озерною его уважалъ, а прочіе боялись. Цигоръ лучшай колдунъ стараго завѣта, да супротивъ дѣда не знаетъ. А лѣчить Цигоръ можетъ; сразу тебя этою дубиною вылѣчить, только ногами дрыгнешь, николи болѣть не будешь. Ха, ха, ха!

Воронъ снова оглушилъ Глѣба карканьемъ.

— Брехать брешу—это одно; другое—кудесничаю по старинѣ, кричалъ Цигоръ:—по даренью цѣлѣнье; излѣчу какъ рукой сниму; помогу жонкѣ въ нелюбви мужниной, на то у меня *обрамилъ* корень. А у кого лихоманка, или сердечвая боль, или нутро болитъ, тѣмъ слова наговорныя наговариваю на вино да на чеснокъ, на громовую стрѣлку наговариваю, да

на медвѣжьей ноготь; жабу во рту даваю, горшки на пузо наметываю, глазъ смываю, грыжу уговариваю.

Звонъ небольшого колокола вблизи, plainly разошедшіяся въ тихомъ воздухѣ, неказанно обрадовалъ Глѣба. Это радостное движеніе уловилъ странный старикашка. Онъ хватилъ дубиной по вѣтвямъ и дико крикнулъ:

— Бѣги къ полу, проклятый! Слышь, мѣднымъ языкомъ въ часовню зоветъ. Ха, ха, ха!

Обрадованный звономъ, Глѣбъ оставилъ вѣковой дубъ, на макушкѣ котораго злобно хохоталъ сумашедшій старикъ и рѣзко каркалъ старый воронъ.

Полавъ на малоторную стежку, извивавшуюся въ чащѣ вѣковаго лѣса, Глѣбъ достигъ ветхой брусняной часовни. Нельзя было выбрать болѣе потаенное мѣсто. Откуда бы ни подходить, ее скрывали столѣтніе дубы, дружно ее обступившіе стѣной, укрывая развѣсистыми вѣтвями залѣсѣнвшую дубочную крышу и позеленѣвшій деревянный крестъ. Небольшой колоколъ висѣлъ на толстомъ суку, веревка качалась на свободѣ. Кромѣ еле намѣченной тропы, ни откуда никакого слѣда. Только глубокое религиозное чувство могло избрать себѣ эту глушь; колючій терновникъ, какъ бы нарочно насаженный природой, съ цѣлю охранить отъ человѣка и звѣря пустынножителя, дѣлалъ доступъ къ ней почти невозможнымъ.

Войдя въ убогую часовню, освѣщенную однимъ окномъ или, вѣрнѣе, прорубомъ въ двухъ бревнахъ, Глѣбъ увидѣлъ старца Власія, молившагося на колѣняхъ предъ большимъ деревяннымъ крестомъ, составлявшимъ единственное украшеніе мрачной часовни. Ветхая Библия и Евангеліе лежали на толстомъ обручкѣ, замѣнявшемъ аналой. Грубо сколоченный открытый гробъ стоялъ у двери. Душевный трепетъ проникъ Глѣба при видѣ убожества часовни и умиленія съ какимъ пустынникъ молился. Саванъ, обвивавшій испостившагося Власія, глухой звукъ желѣзныхъ веригъ на плечахъ и вмѣсто пояса, какъ снѣгъ бѣлая борода касавшаяся пола когда онъ стоялъ на колѣняхъ, совсѣмъ обнаженный черель, все вызывало чувство умиленія въ молодомъ головѣ, настроенномъ въ это утро особенно грустно. Онъ опустился на колѣна. Тихое рыданіе заставило его оглянуться. Въ темномъ углу часовни горько плакала красивая Маруся. Она держала мѣшочекъ съ милостыней что принесла пустыннику.

Пустынникъ положилъ послѣдній земной поклонъ и подъялся медленно, съ большимъ трудомъ, опираясь на деревянный крестъ. Оборотясь ко входу и увидя Глѣба, а въ углу Марусю, онъ благословилъ ихъ. Ни вопроса, ни удивленія не было въ этомъ старомъ, спокойномъ взглядѣ, на все, казалось, глядѣвшемъ съ кротостью всепрощенія.

Глѣбъ, а за нимъ Маруся, подѣловали сухую мозолистую руку.

— Дщерь, обратился онъ къ казачкѣ, медленно, съ большимъ трудомъ опускаясь на уголь своего гроба: — вижу, немощенъ твой женскій умъ и велика тоска, но то человѣческая тоска, Господу негодная; не о грѣшной душѣ раба Василія скорбишь, жонка: потеряннаго любовника оплакиваешь. Богъ отозвалъ къ себѣ своего раба Василья, и то Василью во благо: разбойничалъ Василій Косолапъ, мятежомъ лопелъ и погибъ.

— Разбойникъ Василій... да любила я его лучше себя, шелта-ла казачка, заливаясь слезами.

— Молитва доходитъ до Бога, дщерь, продолжалъ смиренно Власій: — сокровища что добылъ Василій грабежомъ пошли на нищую братію да на выкупъ татарскаго полона, и то милостыня Господу угодная.... Ходишь ты въ сію часовню, трудись во спасеніе своей грѣшной души и Васильевой—трудись, дщерь: ищите и обряцете.... Азъ, недостойный рабъ Божій, ломинаю утромъ и вечеромъ грѣшника Василья; молишь за Васильеву душу великій молитвенникъ о землѣ Русской, святой митрополитъ Петръ. Честныя мощи его лочиваютъ въ Москвѣ, но игуменствовалъ первосвятитель Петръ въ монастырѣ коего останки каменные здѣсь, въ лѣсу.... Сія часовня мною поставлена на мѣстѣ святительской кельи.... Трудись, дщерь, приходи молиться въ сіе святое мѣсто, твори по Господнимъ заповѣдямъ, и Онъ, милосердый, разрешитъ Васильеву грѣшную душу и тебя, грѣшницу, помилуешь.

Старецъ обратился ко Глѣбу.

— Много разъ вставало солнце съ того дня какъ азъ, рабъ Божій, благословилъ твое прибытіе въ Курскую сторону, царскій сотникъ. Много воровства и оласности вокругъ тебя, юноша; вѣренъ ты закону Божию и земному кесарю, и нечего тебѣ бояться, хотя бы даже смерти. Иди съ миромъ и Божьимъ благословеньемъ.

Глѣбъ вышелъ изъ часовни, провожаемый участливымъ взглядомъ лустынника. На порогѣ онъ встрѣтилъ Марусю.

— Ты любила атамана Косолапа, Василья Васильича? вырвался у Глѣба вопросъ, исполненный живаго внутренняго движенія.

Казачка оглянула Глѣба широко раскрывшимися, загорѣвшимися черными глазами, какъ бы спрашивала: „какое ему дѣло до того что она любила атамана Косолапа?“

— Я покойному Василью меньшей братъ, Глѣбъ, хотѣлъ сказать курскій голова.—Повстрѣчался я съ нимъ, по его милости—прости его Господь—въ его стану. Тамъ по ладонкѣ опозналъ меня: одинакія намъ ладонки дала мать, покойница: гляди.

Глѣбъ торопливо растегнулъ воротъ рубашки и показалъ Марусѣ наузъ.

Маруся лобзала, а тамъ вспыхнула.

Съ минуту она простояла предъ Глѣбомъ, всматриваясь въ черты его лица, во всю его молодецкую фигуру, такъ напоминавшую Василья.

-- Какъ поласть въ Курскъ, Маруся? спросилъ Глѣбъ.

— Трудно, сказала Маруся, оглядывая лѣсъ.—Да я провожу тебя, не чужой ты мнѣ, Глѣбъ Васильичъ.

И она пошла такъ скоро что обрадованный Глѣбъ еле поспѣвалъ за легкою путеводительницей.

— То брата Василья сынъ у тебя? спросилъ ее Глѣбъ.

— Его. Какъ двѣ капли отецъ.

— Буду живъ—дадеи ему буду, замѣтилъ Глѣбъ.

— Спаси тебя Богъ! казачка вздохнула. Ея расположеніе ко Глѣбу усиливалось:—За тебя есть молебница.

— Кто такая? нетерпѣливо спросилъ юноша.

— Боларская дочь, Наталья Ионовна.

Глѣбъ вспыхнулъ, хотя ждалъ именно этого имени. Радостное чувство ударило его, онъ подъ собою ногъ не слышалъ несмотря на усталость.

— Крѣпко она тебя любитъ, Васильичъ, сказала Маруся.

— Будто любить? восторженно переспросилъ ее Глѣбъ.

Смѣлая казачка благополучно довела Глѣба до Курска со стороны противоположной польскому стану, именно отъ Ямской. Въ время достигъ голова своего острога. Ротмистръ

Неборскій съ хоругвию и бродяга чернецъ Гришка съ большою толпой простонародья подступали къ Курску отъ рѣчки Куры, которую перешли въ бродъ.

Съ музыкой и громкими криками ползли лѣшіе колѣблицы на стѣну, начинавшуюся съ Мѣловой башни, надъ Тускарью, и кончавшуюся башней надъ „Буеракомъ“; тогда какъ толпы брата Григорія лотянулись въ обходъ, черезъ „Евдовище“, чтобы брать стѣну отъ Орловской дороги. Глѣбъ съ боярскимъ сыномъ Митюшинымъ и сотней стрѣльцовъ далъ дружный отпоръ; но, оглянувшись, Глѣбъ растерялся; дѣтинецъ наполнялся толпами русскихъ измѣнниковъ. Сопротивленіе оказывалось невозможнымъ: враги стѣснили кучу защитниковъ со всѣхъ сторонъ, ворота Мѣловой башни были отворены, и черезъ нихъ въ дѣтинецъ въѣхалъ надменный ротмистръ Неборскій верхомъ, а за нимъ его конная хоругвь. Закихло Глѣбово ретивое при видѣ чернаго черела на желтомъ знамени развѣвавшагося надъ зубцами Мѣловой башни; но онъ былъ обезоруженъ вмѣстѣ съ защитниками Курска.

Предъ своимъ побѣдителемъ Неборскимъ Глѣбъ старался сохранить наружное равнодушіе ко своему положенію, въ то время какъ душу его терзало отчаянье. Ему оставалось только убѣжденіе что онъ исполнилъ все что могъ и долженъ былъ исполнить какъ слуга царскій.

Стоя верхомъ на крѣпостномъ валу, Неборскій грозно поглядывалъ на курскихъ стрѣльцовъ, толпившихся за своимъ побросаннымъ оружіемъ.

— Быдло! обратился онъ къ лѣвнымъ: — На колѣна!

Стрѣльцы упали на колѣна.

— Присягайте Дмитрію, скоты!

Тутъ бродяга-чернецъ снялъ съ шеи мѣдный крестъ, и курскіе стрѣльцы присягнули на немъ царю Дмитрію.

— Отведи ихъ въ мой станъ, Голынский, приказалъ Неборскій: — Пускай ихъ льявыми нальются! Да живетъ Польшка!

— Польшка! гаркнули жолнеры.

— Исполать царю Дмитрію! заорала большая толпа русскихъ людей, и шалки полетѣли вверхъ.

Неборскій обратился ко Глѣбу съ словами:

— Дарю тебѣ жизнь и твою саблю, голова курскій. Служи Дмитрію!

— Не слуга я вору и самозванцу: умеръ въ Угличѣ Дмит-

рій царевичъ! оказалъ Глѣбъ твердо:—Саблю же обнажу лишь на защиту законнаго царя Бориса!

Въ толпѣ Поляковъ звякнуло оружіе и послышался говоръ, цѣгодованія.

Польскіе колѣвѣйчики, по знаку ротмистра, лотачили Глѣба въ Мѣловую башню, гдѣ залерли его въ „каменный мѣшокъ“, ту самую конуру съ низкимъ сводомъ безъ окна въ которую недавно Глѣбъ отправилъ было чернеца Григорія. Глѣбъ упалъ на нары. Отчаянье имъ овладѣло. Онъ упалъ духомъ. Его давило сознанье что Курскъ взятъ, что онъ, голова курскій, послѣдній боецъ за дѣло Бориса царя въ Курскій сторонѣ—плѣнникъ льянаго Неборскаго. Кривда одолѣла правду и издѣвается надъ нею!

Долго ли лежалъ онъ такъ, Глѣбъ не зналъ, такимъ вопросомъ не задавался—не до того было. Слышалъ онъ у двери тяжелые шаги караульнаго колѣвѣйчика, съ обнаженною саблей въ рукахъ, видѣлъ какъ заглядывала его усатая рожа въ конуру черезъ четырехугольное отверстіе прорѣзанное въ двери, слышалъ польскую брань и остроты караульныхъ жолнеровъ, игравшихъ въ ландскнехтъ, азартную игру, пришедшую въ Польшу изъ нѣмецкихъ ротъ. Мысль о смерти, овладѣвшая имъ, до того его усложнила что онъ забылся. Видится ему Наталья. И вдругъ жутко стало ему при мысли что не увидитъ онъ ее больше. Вспомнилась мать, братъ разбойникъ... Нагорѣлый каганецъ льетъ тусклый свѣтъ на закоптѣлыя стѣны; лѣнливо бродитъ взадъ и впередъ караульный, ударяя при каждомъ поворотѣ ножами объ стѣну. Жолнеры стихли, дремаютъ, цывы похрапываютъ, растянулись на кирпичномъ полу и подложили подъ головы торбы съ походнымъ скарбомъ. „Хоть бы свѣтало!“ вздыхаетъ Глѣбъ.

Дверь конуры скрипнула, и лань Бобовскій, старшій жолнеръ въ караулѣ, велѣлъ ему идти за собой.

Фонарь, зажженный надъ башенною дверью, ослѣпая отъ полнотнаго вѣтра, блеснулъ на кольяхъ конвоя; но сейчасъ же фонарь и башня исчезли во мракѣ.

— Живо, лайдакъ! встрѣтилъ плѣнника ротмистръ Неборскій, закутанный въ даинный плащъ. Ротмистръ былъ верхомъ предъ конною хоругвью, выстроенною походною колонной. Курскій ямщикъ шелъ въ проводникахъ. Плѣнникъ съ ланомъ Бобовскимъ помѣстились въ хвостѣ колонны, и хоругвь двинулась.

Едва перевода духъ, Глѣбъ поневолѣ отставалъ отъ лошадей и, наконецъ, очутился только съ паномъ Бобовскимъ. Что-то свистнуло въ воздухъ, какъ бы веревка; вдругъ Бобовскій свалился съ коня, не успѣвъ вскрикнуть; въ ту же минуту Глѣбъ увидѣлъ вершника, лотащившаго за собой въ лѣсъ на арканѣ Бобовскаго. Другой вершникъ, схвативъ за поводъ польскаго коня, участвова крикнуть Глѣбу:

— Въ сѣдло, голова, не мѣшай!

Съ трудомъ сѣлъ въ сѣдло усталый Глѣбъ и последовалъ за спасителями. Они круто свернули съ дороги кторую шла хоругвь и рысали по лѣсу, безъ остановки, добрыхъ полчаса. Дымомъ запахло; гдѣ-то лѣтухъ кукарекалъ. Глѣбъ туда вглядывается. Разсвѣло. Дневной свѣтъ возбудилъ въ немъ желаніе перекинуться словомъ. Передовой вершникъ подѣхалъ къ Глѣбу, и тотъ не замедлилъ узнать въ немъ гулащаго человѣка Еру.

— Поморились изъ-за тебя, голова честной, обратился къ нему Ера.

— Спасибо вамъ, молодцы, благодарилъ Глѣбъ.—До гробовой доски не забуду такой послуги. Да свѣдали-то какъ про мою горькую судьбину?

— А такъ. Слюбился ты мнѣ, голова: человѣкъ ты русскій. Ну, говорю, свать Маркела, какъ ни плохи мы съ тобой, а должно плоше насъ найдутся. Давай курскаго голову выручать—въ бѣдѣ моль голова. Такъ было, кумъ Маркела?

— Ну ты къ чертямъ! зачертыхался, по своей привычкѣ, мрачный кузнецъ.—Изяжь, мочи нѣтъ.

— Соскучился по теткѣ своей по сивухѣ! Ера подмигнулъ на кума:—Словно чернецъ на клиросѣ прилежался. Не тужи, кумъ, голова поднесетъ, коли льешь.

Глѣбъ при этомъ тонкомъ намекѣ щедро отсыпалъ Еру изъ своей калиты, къ удовольствію обоихъ пріятелей.

— Куда жь ведишь меня, Ера? спросилъ Глѣбъ.

— А куда хочешь сведи тебя, голова. Думай самъ куда тебѣ надо; я, признаться, объ этомъ не думалъ. Вишь, мѣстовъ сколько: синимъ небомъ накрыты, бѣлымъ свѣтомъ огорожены.

Ера смолкъ и остановился, прислушиваясь; по утренней зарѣ доносились голоса и конскій топотъ.

Ера припалъ къ землѣ.

— Кони шагомъ идутъ, коней много, замѣтилъ оны. — Алы на гудкомъ гудеть земля.

И обмѣнявшись недоумѣвающими взглядами, три вершника не трогались съ мѣста.

— Спрятался бы, кабы гдѣ спрятаться было, измышлялъ вслухъ Ера, зорко осматриваясь, но только плечами пожалъ: мѣсто вышло открытое. — А то кто ихъ вѣдаетъ что за народъ такой идетъ, нашъ или не нашъ? Времена-то нынче мудренныя, что отъ худыхъ людей погибаетъ и добрый Авдей.

Конскій толотъ и голоса приближались.

Предъ бѣгающими показался старый бояринъ Юна впереди своей оводной вожи на коняхъ. Полудикіе севрюки и казаки боярскихъ вотчинъ въ мѣховыхъ шалкахъ, въ грубыхъ кожаныхъ одеждахъ, а большею частью въ домашнихъ толстыхъ рубахахъ и порткахъ, безъ порядку валчили за бояриномъ съ самодѣльными копьями и топорами, насаженными на дачьяныя ятовья. Богатырь Дулѣба слѣдомъ шелъ за бояриномъ на огромномъ конѣ; оны везъ боярскій прапоръ: по бѣлой тафтѣ красный орелъ въ каемѣхъ (щитѣ). Складка прапора покрывала широкія плеча и толстую шею оруженосца. Рядомъ дворецкій Ферязъ везъ шестоперъ боярина съ шестью прорѣзными перьями, съ серебряною рукоятью и надписью: „Взять на бою подъ Казанью“. Ферязъ везъ также боярскую лищаль „осьмивинтовочную“, скорострѣльную съ серебряною насѣчкой и ольховою ложей, убраною костью. Вооруженный какъ для боя, бояринъ смотрѣлъ празднично и величаво. Свѣжесть ранняго утра нацпиала его розовыя щеки, отбѣнявшія бѣлую окладистую бороду. При видѣ Глѣбы бояринъ не столько удивился сколько обрадовался неожиданной встрѣчѣ, и весело вскричалъ:

— Живъ ты, голова? Въ очю ль тебя вижу? Алы утекъ изъ Курскова?

Глѣбъ только вздохнулъ.

— Веду мою боярскую вожу въ Путивль, къ государю нашему всерусійскому, Димитрію Іоанновичу, продолжалъ бояринъ.

— Государь Всея Русіи царь Борисъ Федорычъ, твердо сказалъ Глѣбъ.

— Борисъ по имени, а прозвищемъ Годуновъ, волею Божіей умре на Москвѣ, сказалъ бояринъ. — Царская сила что

ообрая Годуновъ со всѣхъ концовъ Московской земли противъ Дмитрія вчера, вмѣстѣ съ своимъ воеводой Басмановымъ, присягнула подъ Кромами законному государю Дмитрію Ивановичу.

— Басмановъ присягнувъ самозванцу, воскликнулъ Глѣбъ съ полнымъ ужаса недоверіемъ. — Царская рать присягнула вору!

— Не вору, сотникъ! гнѣвно поправилъ бояринъ. — Царская сила и царскій воевода вору креста не цѣловали. И не дерзай на твоего государя родового. Уходи безъ ссоры. Счастливъ твой Богъ что бояринъ Иона добро помнитъ.

Бояринъ дернулъ поводья и двинулся впередъ, оставя Глѣба. Къ головѣ подскочилъ бродячій чернецъ Григорій, хмѣльный, растрепанный, съ соловыми глазками, малиновымъ носомъ и угреватю, раслушшею отъ пьянства рожей. Бродяга сидѣлъ на этотъ разъ на старомъ конѣ, подаренномъ ему бояриномъ за службу государю Дмитрію, въ новомъ суконномъ подрясникѣ, новомъ колпакѣ и сапогахъ, тоже боярскомъ подаркѣ. Братъ Григорій нагло схватилъ за поводъ Глѣбова коня.

— Чтò ты есть за человѣкъ, откуда и куда грядешь: отвѣтствуй! допрашивалъ онъ.

— Я курскій голова Глѣбъ Верещагинъ, спокойно отвѣчалъ Глѣбъ, — вѣрный слуга государю Борису Федорычу и роду его.

— Годуновъ умеръ, татарскій родъ его конченъ! горячилась бродяга. — Цѣлуй крестъ государю Дмитрію, ему же предалась вся Русь!

Братъ Григорій снялъ съ грязной шеи мѣдный крестъ и поднесъ его ко Глѣбу.

Глѣбъ креста не поцѣловалъ, но громко сказалъ бродягѣ:

— Разстрига черноризецъ не приведетъ царскаго сотника, Глѣба Верещагина, къ присягѣ самозванцу! То воръ, за грѣхи наши насланный на Русь палежскими полями и русскими измѣнниками!

Въ словахъ Глѣба слышались покойное убѣжденіе, сила правды, презрѣнье къ личности бродяги. Тотъ, видъ себя, вырвалъ изъ рукъ Ферязя боярскій шестолеръ и изо всей мочи ударилъ имъ по головѣ Глѣба.

Глѣбъ повалился съ такимъ стономъ.

— Умертвите сего измѣнника! неистово кричалъ толстый бродяга. — Такъ да умереть всякъ противящійся государю Дмитрію!

Въ мигъ одичалые севрюки и казаки накинулись на Глѣба съ остервененіемъ собакъ олущенныхъ на звѣря; сверкнули топоры, сулицы, сабли, колья—всякъ билъ, свѣкъ, кололъ несчастнаго чѣмъ попадало. Голову, руки, ноги—все разнесла толпа, къ великому удовольствію бродяги.

— Прочь, псы! крикнулъ поздно вернувшійся бояринъ Іона, отгоняя севрюковъ конемъ отъ растерзанныхъ остатковъ Глѣба: —Ферязь! прикажи зарыть тѣло!

— А вы что за люди? Расходившійся бродяга обратился не на шутку къ стухнувшему Ерѣ и его мрачно солгавшему пріятелю, услѣвшимъ, однако, свѣсть съ копей: — Стадр вы шшии, переаеты, коли государева измѣнника провожали?

— А на что онъ намъ, измѣнникъ тотъ, весело отвѣтила Ера.—Мы это съ кумомъ Маркелой только что лсвстрѣчались съ нимъ. „Вы, говоритъ, куда?“ На Думные, говорю, потому какъ мы, говорю, холопы боярина Іоны. „Ну, говоритъ, намъ по пути.“ И увязался, прости Господи; вѣстимо дѣло дорожное, всякъ человекъ попадается тебѣ; а мы государю Дмитрію Иванычу холопы вѣрные.

— Зарывайте тѣло! кратко приказалъ Ерѣ дворецкій.

— Отчего не зарыть, живой рукой зароемъ, отозвался Ера: — Топоръ со мной, лопатку вытѣшу, заколаю какъ должно.

Когда жока съ бояриномъ и бродягой скрылись, Ера долго простоялъ въ туломъ раздумьи надъ изувѣченнымъ трупомъ человека кого онъ по-своему любилъ. Слеза его пробила.

— И червяку поклонись на вѣку, пробормоталъ гулящій человекъ, вспомнивъ скверную рожу льянаго бродяги, чуть-чуть не обработавшаго и его съ кумомъ.—Ну, только напрасно они его убили, кумъ; право слово напрасно!

— Ну ты къ чертямъ и съ нимъ! зачертыхался, по привычкѣ, мрачный кузнецъ.—Насилу отдохнулъ со страстей, чортъ бы ихъ взялъ съ тобой.

— Стоя не валяй, а лежа подбирай, другъ, продолжалъ Ера, отыскавъ знакомый денежный кошель Глѣба и припрятывая его на черный день за лазуху:—такъ да не такъ—не перетакивать стать! Ну, кумъ, давай покойника собирать на тотъ свѣтъ. Эхъ ма! жаль человека, пропалъ ни за что!

Э П И Л О Г Ъ.

I.

Прошелъ годъ. Много воды утекло за это время. Наступилъ май 1606 года, когда столичный городъ Москва праздновалъ свадьбу своего молодого государя Димитрія Иоанновича. Народное сознанье казалось успокоилось на законности правъ Димитрія; могъ ли Годуновъ, потомокъ незнатнаго татарскаго мурзы Чети, осларивать права на престолъ у меньшаго сына изродоваго Русскаго царя Ивана? Но что-то мрачное замѣчалось въ весельи московской черни, которой царская щедрость выкатила бочки вина и меда, выставила столы съ жареными быками и баранами. Какъ бы чѣмъ оскорблено народное чувство; какъ бы напугала его эта блестящая, невиданная до сихъ поръ въ Москвѣ царская свадьба съ неправославною молодой, этотъ напавъ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ Поляковъ, гордыхъ и явно презиравшихъ все русское.

Съ разсвѣтомъ 12го мая, безчисленныя толпы народа, какъ застывшія морскія волны, ждали торжественнаго въѣзда царской невѣсты въ столичный городъ. Бояринъ Иона Ферапонтовъ, кого молодой царь, въ шутку, называлъ „дѣдушкой“, въ новомъ парчевомъ кафтанѣ, былъ изъ числа распорядившихся торжествомъ. Дѣла было проласть. Самъ царь равно выѣзжалъ чтобы разставить войско по пути шествія невѣсты и дать наставленія боярину Ionъ и другимъ. Крики: „Ѣдетъ! царская невѣста Ѣдетъ!“ поколебали толпы. Шествіе открывали тысяча дворянъ, провожавшіе панну Марину отъ русской границы. Они щеголяли платьемъ и каждый имѣлъ лукъ и колчанъ стрѣлъ; за ними ѣхали двѣсти нарядныхъ гусаръ пана воеводы Сендомірскаго, съ красными и бѣлыми значками на красныхъ плакахъ; далѣе, дядя невѣсты Янъ Мншекъ, братъ ея, староста Саноцкій, зять, Константинъ Вишневецкій, и знатные паны въ богатыхъ одеждахъ на красивыхъ турецкихъ коняхъ подъ великолѣпною сбруей. Панъ воевода Сендомірскій ѣхалъ возлѣ кареты дочери, обитой зеленою парчой. На немъ былъ кафтанъ изъ пунцовой парчи на до-

рогихъ соболяхъ; лодь нѣмъ шла лошадь съ разрѣзанными воздрями изъ тѣхъ что называютъ „бахматами“, подарокъ царя Дмитрія. Стремена и шпоры изъ литаго золота вѣсили 10.000 червонцевъ. Кучеръ Марини былъ въ зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, а шесть ея лакеевъ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми лозументами. Карету невесты везли восемь турецкихъ свѣрыхъ коней, отъ колыхъ до половины тѣла выкрашенныхъ красною краскою; хвосты и грива были тоже красные. Красныя лошади особенно поразили московскую чернь; упряжь на нихъ была красная же бархатная съ вызолоченными застежками. Далѣе, въ каретѣ шестеркой ѣхала гофмейстерина, панна Казановская; за нею тринадцать каретъ съ женскою свитой невесты. Пяццурныя хоругви въ подномѣ вооруженіи, съ веселою музыкой трубъ, фаготовъ и литавръ, шли развернутыми рядами; конные отряды Татаръ и стрѣльцовъ съ набатами, то-есть громадной величины литаврами, которыя возились на особаго рода дрогахъ и издавали ужасный звукъ, замыкали шествіе. По сторонамъ и впереди невестиной кареты, шли триста гайдуковъ въ голубыхъ платьяхъ съ бѣлыми перьями на венгерскихъ шалкахъ.

Потѣдъ остановился у двухъ богатыхъ шатровъ, раскинутыхъ надъ Москвой-рѣкой. Здѣсь Марину ждала царская колымага, вызолоченная внутри и снаружы, съ царскими гербами, запряженная двѣнадцатью ногайскими лошадьми, бѣлыми съ черными пятнами, имѣвшими видъ леопардовъ; cadaго коня лодь усты вель богато одѣтый конюхъ. Колымага внутри обита красивымъ бархатомъ, съ ларчевыми подушками, прошитыми жемчугомъ. На коняхъ сбруя раззолоченная, въ колымагѣ каждый винтъ горѣлъ золотомъ. Только-что проводивъ въ Кремль пословъ короля Сигизмунда, благородныхъ пановъ Посполитой Рѣчи, Олесницкаго и Гонсевскаго, бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, съ тремястами бояръ, князей и дворянъ въ ларчевыхъ кафтанахъ, встрѣтилъ царскую невесту отъ имени царя и, безъ шалки, ввелъ ее въ шатеръ. Поклонясь въ поясъ, именитый бояринъ объяснилъ ей значеніе и торжественность этой минуты для Русскихъ, а также радость ея царственного жениха, дождавагося ея вступленія въ древнюю столицу его вѣнценосныхъ предковъ. Слова поклонясь въ поясъ, Мстиславскій просилъ ее пересѣсть въ колымагу, подарокъ жениха, и вышелъ изъ шатра. Триста князей и бояръ, безъ шалокъ, ожидали ея

выхода. Какъ только изъ шатра показалась царская невеста, Мстиславскій, Шуйскій, Татищевъ и почетавшіе бояре почтительно подхватили ее подъ руки и посадили въ царскую колымагу. Наблюдатель могъ бы увидѣть какъ трудно было живой и насмѣшливой ланнѣ Маринѣ удержаться въ эту минуту отъ смѣха. Лишь только дверца колымаги захлопнулась, сотня великокняжеской нѣмецкой гвардіи въ щедрыхъ платьяхъ каштановаго цвѣта, съ зеленою бархатною обшивкой, плотно обхватила колымагу, никого къ ней не допуская. По знаку Мстиславскаго, бояре сѣли на коней, и лошади тронулись. Между рядами конныхъ стрѣльцовъ въ красныхъ кафтанахъ, съ лукомъ и стрѣлами на одномъ боку и съ ружьями на другомъ, стояли двѣсти польскихъ гусаръ съ красными ликами и бѣлыми значками, они встрѣтили невесту веселою польскою мазуркой, къ большому удовольствію не столько ея сколько молодыхъ ланнъ ея свиты. Далѣе, до самой триумфальной деревянной арки, по обѣ стороны Смоленской дороги, тянулись ряды стрѣлцкой лѣхоты, тоже въ красныхъ кафтанахъ, съ бѣлыми перевязями на груди, съ длинными ружьями, у которыхъ ложи были красныя. Чѣмъ далѣе подвигалась невеста въ столицу, тѣмъ оглушительнѣе становился колокольный звонъ. На мосту устроенномъ на лашкоутахъ, сто барабанщиковъ и трубачей подымаи такую стукотню и ревъ,—кто во чтѣ гораздъ,—что избалованная прекрасною музыкой своего брата, старосты Санюцкаго, ланна Мишекъ едва не заткнула уши.

Дивился темный русскій людъ такому невиданному и неслышанному зрѣлищу; торжество своего молодого государя этотъ темный людъ раздѣлялъ лишь наружно, насколько каждый боялся застѣвка, палки ярыжки, протазана стрѣльца, алебарды иноземной царской стражи. „Ляхиня, палистка“, услышалъ бы наблюдатель неодобрительный народный говоръ: „Ишь сколько ихъ наѣхало въ Москву, и все съ оружіемъ, на коняхъ; ѣдутъ, конца имъ нѣтъ.“

Среди величественнаго шествія царской невесты, при колокольномъ звонѣ, при оглушительномъ боѣ стрѣлцкихъ набатовъ и тулумбасовъ, при веселыхъ звукахъ польскихъ маршей—не видать и не слышать юродивьяка Христа-ради Тишу, а вокругъ него суевѣрно тѣснится огромная толпа. Чуть не голый, въ лохмотьяхъ когда-то длинной рубахи, уже не прикрывавшей его темнаго, костяваго скелета съ при-

Курскіе порубежники.

сохтею кожей, юродивый горько рыдаетъ, бьетъ себя кулаками въ грудь и посыпаетъ пылью безводосую голову.

— Антихристъ пришелъ! восклицалъ онъ въ неслыханномъ отчаяннѣи, весь въ пыли, похожій на покойника, уже предавшаго тѣлѣнїю и вставшаго изъ могилы.— Антихристъ пришелъ! указывалъ онъ на раззолоченныя кареты, красныхъ коней, густыя толпы вооруженныхъ Поляковъ, съ музыкой и знаменами.

Въ безмолвномъ ужасѣ слушала его толпа, и по живымъ ея волнамъ зловѣщимъ ролотомъ проносилась вѣсть о пришествїи въ Москву антихриста.

— Свѣту преставленье! вопилъ юродивый. — Царь вѣру православную разоряетъ, въ логаную латыню пошелъ и намъ, Русскимъ, велеть!

— Литва бояръ и половъ нашихъ собираетъ рѣзать, братцы! слышалось въ одномъ мѣстѣ толпы.— Въ Успенскомъ соборѣ, на мѣднѣ, на патріаршей службѣ, Литва, Лютора и иныхъ вѣръ люди надъ православными образами ругались и смѣхъ творили, сидя въ церкви!

— Царица Ляхиня, слышно, по-русски говорить не умѣетъ и вѣнчается некрещенная, утверждалъ старый священникъ:— и то великій соблазнъ и православію поруганіе немалое!

— Литва саблями сѣчетъ и конями толчетъ насъ, людей торговыхъ, жаловался толстомордый купецъ.— По торгу похваляются надъ нашимъ братомъ, какъ словно у себя въ лядской сторонѣ, а женскому полу отъ нихъ одинъ срамъ и безчестье!

И далеко, далеко, во всѣ концы Бѣлокаменной разнеслась вѣсть о пришествїи антихриста, о близкомъ свѣтопреставленїи, о наругательствѣ Литвы надъ образами и женскимъ поломъ, о еретичествѣ царицы, о томъ что молодой царь съ иноземцами затѣваетъ избить бояръ и половъ, а чернь обратитъ въ логаную латыню; вся Москва, у себя по домамъ, на площадяхъ, на улицахъ, въ церквахъ, разсуждала объ этомъ втихомолку отъ царскихъ приставовъ и „доводчиковъ“.

Какое дѣло гордому пану воеводѣ Сендомірскому до того что думаетъ о его дочери это „московское быдло“, какими вопросамъ задается московская чернь по поводу кроваваго родства дома Мономаха съ домомъ Мишка съ Великихъ Коняцъ! Хитрый Мишекъ убѣжденъ что повиноваться

судку, а не сердцу, долгъ человѣка въ важныя минуты жизни, что если онъ и презиралъ малодушіе и нерѣшительность до сѣнненіи разъ сознанный цѣли, то наступило время не размышлять, а дѣйствовать. Мнишекъ убѣжденъ что не было бы и иначе, еслибы герои останавливались на полпути или, что еще хуже, въ виду достигнутой цѣли. Впередъ, пане Мнишекъ! Не забываетъ онъ и забыть не можетъ что въ его домѣ съ бѣлорукими Кончицъ возвысилась польская родовая шляхта до высоты примѣра которой нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ въ польской исторіи.

Гордый польскій вельможа, еще не старій, озираетъ древнюю столицу русскихъ царей. Въ правой рукѣ его пунцовая шапка съ собольимъ мѣхомъ и страусовымъ перомъ; онъ снялъ ее желая показать уваженіе къ сплошнымъ, все застилающимъ толпамъ русскаго народа безъ шалокъ. Высокій открытый лобъ сообщалъ достоинство всему выраженію его пріятнаго лица; на головѣ, остриженной подъ гребенку съ ежомъ столчими русыми волосами, въ небольшой криво подстриженной круглой бородѣ, не замѣчалось ни сѣдинки,—быть-можетъ благодаря италянскимъ косметикамъ, распространившимся въ польскомъ обществѣ вмѣстѣ съ италянскимъ костюмомъ и болѣе утонченными нравами со времени королевы Боны. Съ мягкою величавостію движеній, выработанною постоянными сношеніями съ сильными міра, съ благородною самоувѣренностію кланялся народу воевода Сандомірскій, привѣтливый и скромный; но красивые приемы стараго царедворца иногда смѣняло какое-нибудь нетерпѣливое движеніе, обнаруживавшее противъ воли его настоящей характеръ, какъ въ его вкрадчивомъ пріятномъ голосѣ, въ минуту раздраженія, слышались настойчивость и строгость, не терпѣвшія противорѣчій.

Поѣздъ поднялся къ Василью Блаженному на площадь. Она тѣсно была заставлена локсами. Грозная сила неподвижно стояла, спертая бѣлыми кремлевскими стѣнами и торговыми рядами; множество пралоровъ, почти отъ всѣхъ русскихъ царствъ и городовъ, красовались предъ своими локсами; на астраханскомъ пралорѣ змѣя съ короною и крыльями, съ подписью: „царь Остороханской“, на Псковскомъ—барсъ и подпись „государь Псковской“, на Тверскомъ—престоль съ короною, на Пермскомъ—медвѣдь на серебряномъ столѣ; въ большомъ полку величаются два стяга, то-есть большія знамена съ ко-

Курскіе порубежники.

сымю (треугольникомъ); одно знамя по алой тафтѣ шито з лотомъ и серебромъ съ изображеніемъ архангела Михаила и царя Давида, съ бахромою; другое знамя Ивана Грознаго, съ изображеніемъ Господа Вседержителя и надписью: „Царь царемъ и Господь господемъ“.

Ударили въ накры, литавры, тулумбасы и барабаны. Въ ту же минуту откуда ни взялась, поднялась буря со свистомъ и облакамъ льди, несшимся изъ Кремля на Поляковъ. Даже несуетврному Мнишку показалось неприятнымъ такое предзнаменованіе; противорѣчія и оласенія возникли и громко заговорили въ гордомъ вельможѣ, спрашивавшемъ свой добрый геній о неизвѣстномъ будущемъ.

— Шалки долой! кричали Полякамъ караульные стрѣльцы, стоявшіе безъ шалокъ у кремлевскихъ воротъ въ башнѣ; надъ воротами висѣла въ кивотѣ икона, освѣщаемая нѣсколькими лампадами.

Въ раздумьи вѣхалъ Мнишекъ въ Сласскія ворота и проводилъ дочь, царскую невѣсту, до монастыря, гдѣ жила царица-мать и гдѣ ждалъ ее женихъ. Усталый вошелъ онъ въ отведенный ему домъ, гдѣ у крыльца стоялъ стрѣлецкій караулъ, немедленно отлученный воеводой. Къ дому воеводы сталъ караулъ панской надворной глѣхоты. Москва весело засвѣтилась огнями, а Мнишекъ лежалъ, какъ былъ одѣтый, на постели, страдая припадкомъ подагры и погруженный въ мрачныя думы.

— Чтѣ ты, Гроновій? спросилъ онъ стараго слугу съ черною цыганскою рожей, курчавою головою, въ короткомъ казакѣ, перехваченномъ ремнемъ и длинныхъ салогахъ.

— Панъ Зарембскій, по панскому приказу, доложилъ Мнишку его любимый слуга.

— Зови.

Въ локоі воеводы вошла сухоларая и долговязая фигура лана Январія, не ловко задѣвшая за дверь ручкой ладаша.

— Война всюду сопровождаетъ звукъ оружія, любезно встрѣтилъ нашего странствующаго рыцаря не больной уже старикъ, а блестящій Сендомірскій воевода, указывая гостю лавку.

— Благодарю за честь, панъ воевода, сказалъ тощій рыцарь съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не трогаясь съ мѣста:—Признаюсь, привыкъ сидѣть только въ сѣдлѣ да въ обществѣ своего брата, жолнера. Зарембскій знаетъ службу.

Русскій Вѣстникъ.

— Не сомнѣваюсь. Мншекъ двусмысленно улыбулся. — Зная насъ, по слухамъ, за человѣка могущаго оказать мнѣ услугу, желаю знать свободны ли вы отъ служебныхъ обязанностей?

— Совершенно, ясневельможный панъ, моя служба у Непрѣнимаго кончилась.

— Прежде всего считаю нелишнимъ сказать пану Зарембскому, что Юрій Мншекъ привыкъ щедро платить тѣмъ кто ему служить. Довольны ли вы жалованьемъ въ пятьсотъ застыкъ на мѣсяць—деньги впередъ?

Зарембскій осклабился отъ удовольствія и послѣднимъ выразить свое согласіе кивкомъ головы.

— Въ такомъ случаѣ вотъ мѣсячное жалованье пана. — Мншекъ досталъ изъ походнаго кожанаго мѣшка тяжелый свертокъ и подаль его Зарембскому:—Служба пана началась съ этого вечера.

— Въ продолженіи тридцати дней и тридцати ночей мое тѣло, а также мой конь и оружіе принадлежать ясневельможному пану воеводѣ Сендомірскому. — Зарембскій спряталъ деньги въ широкій пиджакъ, подъ плащомъ: — Панъ Януарій привыкъ честно зарабатывать свой хлѣбъ.

— Предупреждаю пана Януарія что имѣю слабость не ограничиваться жалованьемъ, продолжалъ Мншекъ съ улыбкой, располагавшею къ нему людей несмотря на его гордый видъ:—Кромѣ жалованья, я поощряю служащихъ мнѣ подарками, размѣръ которыхъ зависитъ отъ важности порученія и успѣшности исполненія. Понялъ ли меня панъ?

Панъ Януарій утвердительно качнулъ головой.

— Мнѣ нравится привычка пана обходиться безъ помощи словъ. Я люблю точность и быстроту исполненія, особенно если исполнитель молчаливъ. Предупреждаю, мои порученія кратки, ясны и не любятъ повтореній. На первый случай вотъ обращикъ: изъ Кракова въ Москву ѣдетъ мой молодой пріятель съ секретнымъ порученіемъ отъ короля къ королевскому послу. Завтра, къ вечеру, онъ будетъ въ Москвѣ, если только благоразумный панъ Януарій не встрѣтитъ его въ густомъ лѣсу съ своимъ мѣшкомъ мушкетонемъ. Я несколько не удивился бы еслибы панъ Януарій, утромъ послѣзавтра, доложилъ мнѣ что мой пріятель убитъ въ лѣсу; за подобное извѣстіе я дамъ пану двойное его жалованье. Понятно ли?

— Совершенно, панъ воевода:—пріятель пана воеводы красавецъ и щеголь....

— Возьмите двойное жалованье; панъ вполонину ужъ заслужилъ его! весело сказалъ Мнишекъ: — лучшаго исполнителя мнѣ не надо.

Онъ подалъ пану Януарию другой свертокъ, со словами:

— Съ Богомъ!

— Остальное мое дѣло.

Панъ Януарій неловко кивнулъ головою, смѣясь зацѣпилъ за дверь ручкой пальто и вышелъ въ большомъ удовольствіи.

II.

16го мая молодой царь беседовалъ со своею польскою родней, и польскими гостями въ деревянномъ дворцѣ что выстроилъ, по всему вкусу и на польскій образецъ, возлѣ стараго каменнаго. Раскрытыя окна горѣли огнями; громъ веселой польской музыки съ фаготами и литаврами далеко разносился по Москвѣ, собирая ко дворцу праздный народъ. На улицахъ, гдѣ были расположены прибывшіе съ царскою невестой и воеводой Поляки, а также гдѣ жили иноземныя сотни царскихъ тѣлохранителей, на каждомъ шагу обнаруживалось безпокойное и шумное многолюдство праздныхъ всенныхъ сколицъ, пьяныхъ и задорныхъ. Но вотъ польскіе обходы забрали съ улицъ пьяныхъ жолнеровъ, и спокойно заснула старуха Москва, а польская мазурка была въ полкомъ разгарѣ. Разряженныя польскія красавицы, нисколько не скрывавшія своихъ прелестей, ихъ нескромное обращеніе съ ловкою молодежью, позднее ночное веселье съ плясками когда православные спятъ,—все это не соответствовало мрачному настроенію стараго боярина Ионы Агѣича, присутствовавшего на балу въ числѣ не многихъ приближенныхъ боярѣ, по волѣ царя. Было отчего задуматься русскому боярину: Вѣрный древнему царскому роду, Иона окрѣлъ въ представленіи Русскаго царя къ которому совершенно не подходилъ меньшой сынъ Ивана Грознаго. Съ каждымъ днемъ приближавшимъ къ Дмитрію, ему открывались такія стороны

характера молодого царя, такія привычки и убѣжденія, такое безумное пренебреженіе всѣмъ русскимъ, вѣсть съ уваженіемъ всего нерусскаго что Иона растерялся. „Гдѣ жь вѣрные думные бояре?“ спрашивалъ онъ себя: „Бучинскіе да Басмановъ всѣмъ дѣломъ заправляютъ, а не кормчіе опытные?“ Задумался Иона. Все соображалъ его старый умъ: свадебный вѣздъ Марины въ стольный городъ съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ Поляковъ, собравшихся будто на войну, а не на свадьбу; и что невеста Русскаго царя еретичка, не царскаго роду, а дворянскаго; что русская царица говоритъ по-польски, вѣсть стряпню польскую, ходитъ въ польскомъ платьѣ, и служители у ней польскіе; не могъ Иона простить молодому царю отобраніе монастырскихъ вотчинъ на казну, изгнаніе православныхъ священниковъ изъ ихъ домовъ близъ дворца для помѣщенія иноземныхъ тѣлохранителей; глумленье царя надъ родовыми русскими боярами и князьями, защищавшими, по его приказу, ледяную крѣпость которую бралъ онъ своею нерусскою стражею; не могъ простить царю что тотъ ѣлъ телятину, за лоричаніе чего Димитрій послалъ-было Татищева въ ссылку, и много другихъ обстоятельствъ приломиналъ Иона, и всѣ они въ этотъ вечеръ убѣждали его въ неправославіи молодого царя. Только вздыхалъ да пожимался Иона Агвичъ при видѣ сына Грознаго въ богатомъ гусарскомъ платьѣ танцующаго польскую мазурку съ польскими паннами и съ женой Ляхиней. Статочное ли дѣло? Государь православный, а заводитъ въ своихъ палатахъ бѣсовскія игрища на логѣху Ляхинь и самъ скоморошествуетъ: бѣгаетъ изъ угла въ уголъ какъ угорѣлый, въ ладони хлолаетъ, кривляется, Господи! Во снѣ ли все это видитъ Иона, иль ужь свѣтъ перевернулся? Русскій царь упалъ на колѣно предъ своею Ляхиней-царицей и при народѣ поцѣловалъ кончикъ ея атласнаго башмачка; мало того: не сходя съ колѣнъ трижды обернулъ царицу вокругъ себя, подпрыгнулъ съ лихимъ звономъ шпоръ, часто затолпталъ на мѣстѣ среброкованными каблуками, да и понесся вихремъ съ рѣзвою Мариной.

— Чуръ меня, чуръ, стараго человѣка! отплеывался Иона втихомолку.

— Ума помраченье, Иона! шелнулъ ему сидѣвшій съ нимъ рядомъ Метиславскій:—Паны въ шапкахъ словно въ кабакъ,

и не предъ царскими очами, мы, бояре родовые, безъ шалокъ, а Ляхи предъ нами въ шалкахъ величаются. Уйдемъ, Иона, уйдемъ, Аванасій.

Но осторожный царскій казначей Аванасій Власевъ, вѣдвшій посломъ Димитрія въ Краковъ, гдѣ кардиналъ при королѣ обручилъ его, за отсутствующаго царя, съ Мариной Мишкѣ, спокойно объяснилъ Мстиславскому что паны и предъ своимъ королемъ шалокъ не домаютъ.

— Царицына родня, глядите, безъ шалокъ ляшеть, замѣтилъ бояринъ Власевъ:—Въ шалкѣ только посолъ королевскій, каштелянъ Мологоскій ляшеть; да и тотъ, глядите, предъ царемъ проходитъ шалку сымаеть. А съ царемъ паны не равняются, хотя и наглые: предъ танцемъ къ царской рукѣ идутъ.

Эти справедливыя объясненія нѣсколько удовлетворили бояръ, но оба, и Иона и Мстиславскій, поглядывали какъ бы удрать съ бала гдѣ все оскорбляло ихъ русскій умъ и русское чувство. Они понимали что приглашены во дворецъ изъ опасенія неудовольствія народнаго на предпочтеніе оказываемое царемъ Полякамъ предъ Русскими, и что никому они здѣсь не нужны, развѣ на то только, чтобы Поляки посмѣялись надъ ними: „Моль бояре дремлютъ на лавочкѣ, въ уголку, да лотвють въ своихъ длинныхъ парчевыхъ кафтанахъ со стоячимъ воротомъ, только моль отъ нихъ и толку на польскомъ балу.“

— Вотъ такъ парочка! Вотъ такъ мазурка! одобрительно шумѣли подкутившіе паны, гремя кривыми саблями и крутя усы.

Димитрій несся съ Мариной какъ бы на крыльяхъ любви, откинувъ назадъ голову, правымъ плечомъ впередъ.

Димитрій, далеко не красавецъ, былъ молодецъ. Блѣдное, смуглое лицо, темная шея и руки, бородавка на правой сторонѣ крутаго носа, крупныя выдающіяся губы, толстый подбородокъ и короткіе волосы при небольшомъ ростѣ и плечистомъ станѣ теряли при сравненіи со статною польскою молодежью; но когда усталый взглядъ его оживлялся и вонзался въ предметъ остро и быстро, а голова съ короткими волосами подымалась отважно и гордо, тогда это смуглое безъ кровинки лицо выражало избытокъ мужественной силы, которая въ мушкетерахъ конечно выше хороневькаго лица.

За то очаровательная Полька ласкала взоры своимъ изяществомъ. Средняго роста, живая, стройная, общавшая съ лѣтами лотоластвѣтъ, Марина не была красавица. Улыбка красивыхъ сжатыхъ губъ казалась бы даже сухою и строгою, еслибъ ее не смягчалъ свѣтлый, спокойно сосредоточенный взглядъ большихъ черныхъ глазъ. Можно было забыть круглыя щечки, ихъ вѣжную бѣлизну, высокій лобъ, красивый носъ съ характернымъ горбикомъ, богатые черныя волосы съ блескомъ молодости и здоровья; но этого свѣтлаго, умнаго взгляда, открытаго выраженія этого молодаго женскаго лица трудно было не помнить. Строгая судьба въ женскихъ дѣлахъ женщины не находила въ гордой царицѣ ничего кромѣ насмѣшливаго, а потому отталкивающаго ума и правильнаго лица. Драгоценная брилліантовая діадема, подбитая бѣлымъ бархатомъ, ослабительно сверкала въ минуты когда голова дѣлала быстрыя движенія. Огромный круглый воротникъ тончайшаго батиста, туго накрахмаленный и нагофрированный, весь въ мелкихъ складкахъ и обшитый широкими брабантскими кружевами, придавалъ ей спереди такой видъ какъ бы красивая голова царицы лежала на огромномъ кругломъ блюдѣ.

Появленіе молодаго красавца, прибывшаго на балъ въ самый разгаръ, обратило на себя вниманіе всѣхъ, особенно женщинъ.

— Панъ Станиславъ Потоцкій! заговорили кавалеры и дамы, старые и молодые, съ одинаковымъ любопытствомъ глядя на знатнаго красавца. Онъ интересовалъ всѣхъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, Потоцкій, посланный королемъ изъ Кракова въ Москву для передачи важныхъ порученій королевскимъ посламъ, едва было не погибъ на дорогѣ, въ лѣсу подъ Вязьмой, гдѣ выстрѣлъ убійцы, повидимому подкуленного, ранилъ его въ ногу, къ счастью легко; во вторыхъ, знали что Потоцкій не могъ быть желаннымъ гостемъ царя Димитрія, да и самъ не могъ имѣть такого желанія, по известнымъ отношеніямъ его къ Маринѣ.

Дѣйствительно, Димитрій и Потоцкій ненавидѣли другъ друга; только дипломатическія соображенія стараго интригана Мишска склонили царя пригласить на балъ Потоцкаго. Присутствіе на этомъ балѣ Потоцкаго Мишска считалъ необходимымъ, этимъ онъ отклонялъ отъ себя подозрѣніе въ

лѣсномъ выстрѣлѣ и указывалъ королю и общественному мнѣнію Польши на непричастность Дмитрія въ покушеніи на жизнь королевскаго уполномоченнаго. Сдѣланы были разумѣется надлежащія распоряженія о строжайшемъ розыскѣ убійцы, о чемъ уведомили королевскихъ пословъ и Потоцкаго.

— Хотя Потоцкій не посоль, говорилъ Мнишекъ Дмитрію,— тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстна близость его къ королю и его связи съ партіей Замойскаго, Жолкѣвскаго и Острожскаго, самую вліятельною партіей въ королевствѣ. Вы приглашаете, государь, не Потоцкаго, а довѣренное лицо короля; царь долженъ забыть оскорбленія сдѣланныя царевичу; великодушіе возвышаетъ тронъ; не совѣтую вамъ изъ-за вздора ссориться съ Сигизмундомъ.

Дмитрій не ослаблялъ хитраго теста. Разсудокъ соглашался съ этими доводами; къ тому же великодушное сердце молодого царя было возмущено извѣстіемъ о гнусномъ покушеніи на жизнь его врага, покушеніи въ которомъ общественное мнѣніе могло залодозрить его ревность, чего такъ боялся Дмитрій.

Съ своей стороны Потоцкій принялъ приглашеніе на балъ неохотно, повинаясь только условіямъ своего положенія, при которомъ ему, облеченному личнымъ довѣріемъ короля, было бы болѣе чѣмъ не ловко не присутствовать на царскомъ балѣ гдѣ будутъ королевскіе послы и всѣ его соотечественники, знавшіе конечно о его прибытіи въ Москву; къ тому же какъ знать?—быть-можетъ въ эти соображенія Потоцкаго замѣшалось желаніе показать Маринѣ и всѣмъ знавшимъ объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ что онъ закончилъ со своимъ чувствомъ и теперь равнодушенъ къ холодной красавицѣ. „Если же я уклонюсь отъ этого бала, думалъ онъ, то мое отсутствіе будетъ объяснено именно тѣмъ что я еще люблю Марину и избѣгаю ея“. Разчеты ли ума, противорѣчія ли человеческого сердца и его иногда необъяснимые капризы, какъ бы ни было, только блеотящій красавецъ Потоцкій, нѣсколько поблѣднѣвшій отъ раны и слегка хромававшій, очутился предъ измѣнившему ему дѣвушкой, стоявшею съ короной на головѣ рядомъ съ мужемъ, государемъ Русскимъ.

Потоцкій привѣтствовалъ царственную чету почтительнымъ поклономъ и поздравленіемъ.

— Видя вельможнаго пана Станислава Потоцкаго въ нашей столицѣ, я радуюсь что онъ избѣжалъ грозившей ему опасности, обратился къ гостю царь, въ голосѣ котораго Потоцкій услышалъ искренность:— Если Димитрій имѣеть власть, то употребить ее на разысканіе злодѣя посягающаго на жизнь нашихъ сосѣдей, съ чѣмъ королемъ я надѣюсь жить въ братскихъ отношеніяхъ.

— Желаю чтобы пребываніе въ Москвѣ пана Потоцкаго не показалось ему скучнымъ, обратилась къ гостю новобрачная съ любезною улыбкой.

— Я не умю скучать, государыня, отвѣтилъ Потоцкій, съ сильнымъ удареніемъ на словѣ „государыня“:— тѣмъ болѣе среди моихъ прекрасныхъ соотечественницъ, а ихъ къ удовольствію я много вижу въ Москвѣ.

Потоцкій вмѣшался въ толпу знакомыхъ; молодыя панны слѣшкомъ замѣтно ухаживали за такимъ показнымъ кавалеромъ. Хотя боль въ ногѣ вмѣшала ему отличиться въ мазуркѣ, тѣмъ не менѣе онъ какъ всегда былъ украшеніемъ бала. Гордая Марина почувствовала вдругъ какъ трудно женщину въ присутствіи двухъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ ея настоящее, другой—ея прошедшее.

— Онъ тебя любилъ, Марина, и я ненавижу его, говорилъ Димитрій съ ревностью и волненіемъ:— Скажи мнѣ, не мучь меня, что такое Потоцкій въ твоей жизни?

— Пропшое, государь.

— Несравненная Марина! шепталь влюбленный мужъ.

Трубы, фаготы, литавры словно усталости не знали; часто мѣнялись музыканты, мазурка отплясывалась съ несказаннымъ одушевленіемъ, съ разными старо-польскими „фигурами“ и „фарсами“. А въ уголку дворца, на лавкѣ съ бархатною покрѣшкой, клячуть своими бородами дремлющіе со скуки трое именитыхъ родовыхъ русскихъ бояръ въ длиннополыхъ ларчевыхъ кафтанахъ, съ высокими горлатными шалками на колѣняхъ. Но ничего не ускользаетъ отъ наблюдательности стараго Іоны, даромъ что дремлетъ.

— Гордый лезъ! пробормоталь онъ, изумленный свободою и непринужденностію съ какою Потоцкій объяснялся съ царемъ и царицей, у которыхъ и рукъ не поцѣловаль. — Ну молодець же, лезъ! не выдержаль бояринъ, похвалиль красавца-Поляка.—Срамота, шепнулъ онъ Мстиславскому.— Дѣвки и

жонки глазами съѣли того Потоцкаго. Гляди, Федоръ, плясать любѣжала, а сама глазъ съ него не спускаетъ! Ишь ее, бѣлобрысая-то, задуваетъ, словно пристяжная, и голову, гляди, откинула!

— Стало у нихъ не по-нашему, Агѣвичъ, шелнулъ Мстиславскій:—потому называются вольные лавы, и женскому полу у нихъ вольготно.

— Хоть бы тебѣ сквозь земь провалиться, Иродіада-пласавица! напутствовалъ бояринъ хорошенькую ланну Ортаксу Стадміецкую, свѣжую какъ розанъ: ея голубое платье и волоса совершенно миндальнаго цвѣта постоянно мелькали въ его старыхъ глазахъ. Суровому боярину особенно не нравилось постоянство съ какимъ красавица выбирала Потоцкаго.—Безстыжая, хоть бы старыхъ не срамила! бормоталъ онъ, отплевываясь какъ бы отъ навожденія нечистой силы.—Нѣтъ, Федоръ, мочи моей нѣтъ! Старому ли человѣку сіе scomорошество, и гдѣ жь? въ царскихъ палатахъ!

— А что, Агѣвичъ! сказалъ Мстиславскій съ какимъ-то особеннымъ для нихъ обоихъ понятнымъ смысломъ и молча, пристально поглядѣвъ на него.

Иона только головой покачалъ и вздохнулъ въ раздумьи.

Въ эту минуту царь подозвалъ къ себѣ Власьева; бояре остались вдвоемъ.

— Аль ослѣлъ и оглохъ отъ старости, Агѣвичъ? иносказательно сказалъ Мстиславскій, подмигнувъ на царя и на танцующую царицу.

— Вижу, слышу и понимаю, Федоръ.

— А коли понимаешь, за чѣмъ дѣло?

Иона опустилъ голову и думалъ, а Мстиславскій глядѣлъ на него такъ какъ бы ждалъ отвѣта. Не скоро далъ его бояринъ. Вспомнилъ онъ торговую площадь, а на ней народу, народу: яблоку негдѣ упасть; на лобномъ ладачѣ въ красной рубашкѣ съ топоромъ; князь Василій Ивановичъ Шуйскій на колѣняхъ, руки связаны на спинѣ, исполосованной плѣтми; голова на плахѣ. Дьякъ читаетъ его, Василья, вину, якобы злоумышлялъ на государеву жизнь, и за эту его, Василья, вину царь указалъ и бояре приговорили казнить его смертью.

— Я готовъ, Федоръ, прошелталъ Иона Агѣвичъ:—хотя сей-

часть. Мы сажали на царскій столъ сына Грознаго, а это скоморохъ. Не быть-стать Русскому царству подъ польскими ланями!

— Ну и съ Богомъ: дѣло наше налажено, Агѣичъ.

— Много вась?

Мстиславскій засмѣялся, прищуря лѣвый глазъ на боярина.

— Не много, Агѣичъ, прошепталъ онъ:—кромѣ насъ съ тобой только вся Москва.

— А они? бояринъ глазами указаль Мстиславскому на Поляковъ.

— Видишь, лаяшуть.

— А тѣ что не лаяшуть?

— Безъ заднихъ ногъ, расплянешеньки; да и ло всей Москвѣ разставлены; небойсь, не соберутся.

— Стало: каюкъ?

— Каюкъ! А про всякъ случай. Агѣичъ, возьми и влусты восемнадцать полковъ стрѣлцкихъ въ Москву, что послалъ было гудошникъ-то Крымъ воевать; а въ тѣхъ восемнадцати полкахъ всего, слышь, восемнадцать тысячъ; такъ должно съ этими-то управимся. Всѣ двѣнадцать воротъ захватили; Вася Шуйскій молодець, только насъ ждетъ: на чеку все!

Иона Агѣичъ и Мстиславскій поднялись съ лавки. Иона сказалъ подошедшему Власьеву:

— Доложи, Аѳанасій, коли царь спросить, что де у боярина Ионы старая голова отъ польскаго пляса закружилась.—Иона перекрестился на образа и, уходя, добавилъ не безъ ироніи:—Время позднее, тѣшиться богомерзкимъ скаканьемъ не привычны мы, бояре, люди русскіе. Прощай, Аѳанасій.

III.

Новобрачная царица была далеко не такъ весела какъ казалось. Душу ея томило чувство близкое къ унынію. Чуткая и не холодная, какъ о ней думали, Марина можетъ-быть одна изъ всего этого общества понимала истинное настроеніе Потоцкаго,

и оттого понимала что была къ нему равнодушна. Для всѣхъ, начиная съ мужа, молодая царица являлась блистательною свѣтскою женщиной, для которой этотъ балъ—торжество женскаго честолюбія. И кому какое дѣло заглядывать въ сердце женщины, подчинившей свое чувство житейскимъ разчетамъ? Кому какое дѣло, если встрѣча съ человѣкомъ когда-то близкимъ разбудила въ женскомъ сердцѣ нѣжныя воспоминанія? Какъ нарочно, этотъ вечеръ Потоцкій казался ей особенно привлекательнымъ, можетъ-быть потому именно что все между ними кончилось. Глаза ея остапавливались на благородномъ красавцѣ, рѣзко выдѣлявшемся изъ толпы молодежи. Ей досадны были и его оживленье, и эта простота вельможи, и слѣшкомъ замѣтный успѣхъ его у дамъ. Досадно ей что Потоцкій ее избѣгаетъ, что она, не обращающая на него вниманія, среди многихъ мужскихъ голосовъ, непонятно какъ, слышитъ его голосъ. Досадно ей что не можетъ быть весела какъ бы хотѣлось именно въ этотъ вечеръ, именно предъ этимъ Потоцкимъ; досадно что при сравненіи съ нимъ, и конечно не ей одной, а всѣмъ, кажется невзрачною неловкая фигура мужа, съ одною рукой замѣтно короче другой. Досадно ей, наконецъ, что мужъ ея веселится въ ту минуту когда, можетъ-быть, опасность грозитъ и ему, и ей, и общему ихъ дѣлу. Ей хотѣлось вздохнуть на свободѣ, объясниться съ Дмитріемъ наединѣ, и Марина незамѣтно прошла на свою половину. Первая комната, „умывальная“, особенно нравилась ей, потому что, по ея желанію, Дмитрій устроилъ ей италіянскій балконъ, съ котораго открывался чудный видъ на широко раскинувшуюся столицу. Хитро точеныя балясины балкона были позолоченыя, а на столбахъ, рѣзныхъ и лестро раскрашенныхъ, натянуть отъ солнца дорогой персидскій коверъ. Два бархатныя кресла стояли на балконѣ; на одно изъ нихъ улала утомленная царица.

Погруженная въ самое себя, отдаваясь то мысли о Потоцкомъ, то оласенію заговора бояръ, о чемъ во дворецъ доходили тревожные слухи отъ вѣрныхъ людей, Марина задумчиво глядѣла на сонный городъ, бѣлѣвшійся очертаніями своихъ безчисленныхъ церквей, колоколенъ, башенъ и домовыхъ крышъ въ голубомъ туманѣ лѣтней ночи, осеребренной мѣсяцемъ. Глубокое молчаніе столицы, нарушаемое только стукомъ сторожей да окриками караульныхъ стрѣльцовъ, такъ

противорѣчало шумному веселью дворца. Музыка, смѣхъ, голоса, ярко освѣщенные окна, какъ бы упрекнули въ чѣмъ-то Марину.

Появленіе Дмитрія прервало ея думы. Не видя близъ себя Марины, онъ живо почувствовалъ зависимость своего настроенія отъ ея взгляда и улыбки. На колѣняхъ, взявъ обѣ ея руки въ свои и любуясь ею, молодой мужъ съ упрекомъ, полнымъ любви, прошепталъ что отсутствіе ея для него такъ замѣтно что онъ просить прощенья за смѣлость нарушить ея уединеніе.

— Зачѣмъ ты здѣсь, Марина? закончилъ онъ.

— Чтобы сказать вамъ, государь, что мы въ опасности.

Разстройство и тонъ Марины заставили Дмитрія встать.

— Кто смѣетъ грозить опасностью Русскому царю? сказалъ онъ съ нетерпѣливымъ раздраженіемъ:—кто?

— Бояринъ Шуйскій, прощенный вами, государь, вопреки моему совѣту. Онъ распускаетъ слухъ будто вы, государь, не сынъ Ивана мучителя, а самозванецъ, дерзко захватившій престоль.

Марина внимательно слѣдила за впечатлѣніемъ произведеннымъ ея словами на мужа.

Дмитрій вспыхнулъ и затрепеталъ; волненіе мѣшало ему говорить.

— Ты повернула мнѣ ножъ въ сердце, Марина, глухо сказалъ онъ съ выраженіемъ страданія на лицѣ.—Слышать эту гнусную басню, выдуманную моими врагами, изъ устъ любимой женщины, выше моихъ силъ, Марина!

— Но я должна предупредить васъ, государь: звѣзда наша одна. Никто въ цѣломъ свѣтѣ не стоитъ къ вамъ ближе меня, никому не можетъ быть дорога ваша слава такъ какъ мнѣ. Погибель ваша—моя погибель! Марина понимаетъ героя Дмитрія; жена обязана. сказать мужу свои опасенія. Повторяю, государь, будьте осторожны: не довѣряйтесь боярамъ, окружите дворецъ Поляками и иноземными тѣлохранителями, или будетъ поздно.

— Успокойся, Марина! вскричалъ Дмитрій съ убѣжденіемъ.— Я остороженъ, но не преувеличиваю опасности, къ чему такъ расположены прекрасныя женщины. Всѣ эти слухи о мятежѣ, о недовольныхъ боярахъ—сказки. До новаго ли заговора

Шуйскому когда онъ только-что сошелъ съ лобнаго мѣста? Вѣрь, Марина, что наша звѣзда горитъ ярко и не скоро потухнетъ. Великодушень царь Димитрій—все знаютъ, но знаютъ также что остеръ толоръ его палача.

— Если слухи до меня доходящія не основательны, государь, то мнѣ остается усложниться. Я подышу свѣжимъ воздухомъ и возвращусь къ гостямъ.

Марина быстро встала и молча подала мужу руку чтобы идти; павъ воевода Сендомірекій встрѣтилъ ихъ въ слѣдующей комнатѣ. Глаза его до того выражали тревогу что хорошо знавшая его дочь невольно воскликнула:

— Чтò такое, отецъ?

— Меня изумляетъ ваша самонадѣянность, государь, сказалъ зятю Мишкекъ.—Вы отпустили домой роты Маржерета и Кнотсена, оставивъ только пятьдесятъ ливонскихъ албардшиковъ; неужели вы надѣетесь отбиться съ ними отъ вашей столицы? Она болѣе чѣмъ безлокойна, вотъ, вотъ лодыжется! Образуемтесь, государь; вы слѣло отдаетесь звѣрю въ зубы и когти; не надѣйтесь на бояръ, соберите тѣлохранителей.

Димитрій выслушалъ тестя совсѣмъ не такъ какъ тотъ ожидалъ.

— Вижу, благородный воевода, сказалъ онъ весело,—что и васъ успѣлъ налугать Басмановъ. Я только-что выслушалъ донесенія объѣздныхъ головъ: моя столица покойна, караулы усилены на всѣхъ двѣнадцати городскихъ воротахъ; двѣ тысячи нашихъ („нашими“ въ своемъ кругу польскихъ родныхъ Димитрій называлъ Поляковъ) возьмутся за оружіе при первой тревогѣ.

— Наши разставлены по всему городу, государь, ихъ пересчитаютъ чуть не поодиночкѣ, замѣтилъ недовольнымъ тономъ Мишкекъ.

— Предоставьте мнѣ вашу безопасность въ моей столицѣ, воевода, сказалъ Димитрій съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.—Не думаете ли вы что сдѣлавшись мужемъ такой предестной жены я менѣе вашего дорожу жизнью?

Съ Мариной рука объ руку онъ возвратился къ веселому обществу, послѣдуемый недовольнымъ Мишкекомъ.

Утомленная баломъ, дившимся за полночь, царица сладко спала въ своей опочивальнѣ, подъ бѣлымъ атласнымъ пологомъ, обшитымъ широкими кружевами. Опочивальня совершенно наломинала ея дѣвичью опочивальню въ Самборскомъ замкѣ. По желанію ея все убранство и мебель перевезенная изъ Самбора украшали теперь ея брачный покой. Стѣны гладко отянуты французскими тканями-картинами съ изображеніями мѣологическаго похищенія Елены Парисомъ. Гладко оштукатуренные потолки разрисованы яркими букетами цвѣтовъ и фруктами съ позолотой. Полъ, изъ угла въ уголъ, покрывался богатымъ восточнымъ ковромъ съ причудливыми арабесками. Въ углу, на столикѣ, большое Распятіе изъ бѣлаго каррарскаго мрамора художественно вырѣзанное. Тяжелыми складками висѣли бархатныя завѣсы надъ окнами съ расписными стеклами. Бѣлыя кресла на золоченыхъ ногахъ въ видѣ свернувшихся змѣй и бархатная „оттоманка“, широкій низкій диванъ съ круглыми и мягкими подушками вмѣсто спинки, на которомъ обыкновенно читала Марина.

Сладко спитъ молодая царица, оберегаемая толстою гофмейстериной, пани Казановскою, а во дворцѣ смятеніе. Древній столичный городъ пробудился при зловѣщемъ колокольномъ набатѣ, при страшномъ шумѣ народныхъ сколицъ. Грозный день 17го мая 1606 года занимался надъ Бѣлокаменною.

— Вставайте, государыня! будила Марину пани Казановская, трелетавшая отъ испуга.

— Чтò такое? вскричала Марина.

— Сласайтесь, государыня! едва выговорила гофмейстерина, голосъ которой глушили слезы.

— Мятежъ, государыня! кричали за дверью умывальни голоса, изъ которыхъ Марина узнала голосъ своего камердинера, Яна Осмульскаго.—Враги окружили дворецъ.

Ужасный, несмолкаемый ревъ народной толпы, заглушаемый колокольнымъ набатомъ, все объяснилъ Маринѣ. Она со слезами бросилась на колѣни предъ Распятіемъ, ломая руки и судорожно прижимая ихъ къ груди, но скоро Марина овладѣла собой.

— Панъ Осмульскій! вскричала она, одѣваясь такъ проворно какъ только позволятъ сильный испугъ и дрожавшія, не слушавшіяся руки.—Скажите государю что если онъ не

хотѣлъ предупредить оласность какъ благоразумный человекъ, то пусть справится съ ней какъ герой.

Марина прокричала эти слова изо всей силы чтобъ Осмульскій могъ ее слышать за дверью умывальни, гдѣ усиливалась шумная тревога и звонъ оружія.

— Государь убить! отвѣтили вѣрный камердинеръ съ отчаяніемъ.— Слѣшите, государыня: каждая минута можетъ стоить вамъ жизни.

— Гдѣ отецъ? дайте знать нашимъ! вскричала Марина, чувствуя какъ темнѣеть у нея въ глазахъ, какъ подкашиваются ноги.

Народный ревъ у дворца и ружейные выстрѣлы во дворцѣ были ей отвѣтомъ.

Площадь Кремлевская представляла страшную картину. Первые солнечные лучи освѣтили движеніе густыхъ народныхъ массъ, головы которыхъ вливались во все кремлевскія ворота, какъ живыя волны, заливая обширную площадь предъ царскими палатами, а хвосты которой еще не трогались съ своихъ мѣстъ, за нѣсколько верстъ отъ Кремля, во все стороны. При оглушительномъ колокольномъ набатѣ, злобщимъ стономъ стоявшимъ надъ древнею Москвою, этотъ громадный, хвостатый змѣй, плотными кольцами охватилъ улицы и площади, завертываясь кругомъ дворца. „Валомъ валить“ народъ, „все подваливалъ“, по мѣткому обороту народной лѣсни. Пику, толпы, дубины колыхались надъ толпой; окровавленные стриженныя головы съ бритыми подбородками и длинными усами, вздѣтыя на пику, а также гусарскіе доломаны, рейтарскіе ланцыры и костюмы польскихъ женщинъ на лалкахъ, служившіе предметами оскорбленій и насмѣшекъ разъяренной толпы, свидѣтельствовали что она, по пути, добросовѣстно расправляется съ своими недругами.

— Въ Кремль, въ Кремль! вопили толпы.

— Во дворецъ! прокатывалось по переднимъ рядамъ.— Смерть Литвѣ!

— Или имъ лановать, или намъ проладать! или православіе русское, или латыня логаная, братцы! кричалъ бояринъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, котораго конь не столько самъ шелъ, сколько несла его толпа, своимъ неодолимымъ валоромъ. Предводитель народнаго возстанія, Шуйскій, хлалъ вооруженный какъ для боя, но безъ шелома и съ

непокрытою головою, изъ уваженія къ кресту, который высоко держалъ въ рукѣ; въ другой была сабля булатная съ арабскою надписью. Высокій и скорѣе тучный, онъ соединялъ въ своей фигурѣ сановитость, безъ которой, по русскимъ понятіямъ того вѣка, трудно было представить себѣ именитаго боярина. „Зерцало“ боярина, „коноваловское дѣло“, броня, мастерски связанная изъ желобчатыхъ стальныхъ щитковъ съ золотомъ насѣчкой; шлемъ красной мѣди съ наушками и бармицей, сверкавшій жемчугомъ, везъ за нимъ нашъ старый знакомый, кривой стрѣлецкій урядникъ. Агей Сычъ, на своемъ неуклюжемъ Пухтерѣ. Сытое и разумянившееся волненіемъ лицо Шуйскаго, съ русою окладистою бородой, впрочемъ не длинною и вѣсколько курчавою, съ русою скобкой волосъ, пробранныхъ по срединѣ макушки, самодовольно и рѣшительно глядѣло сърыми умными глазами. Все выраженіе Шуйскаго ясно, опредѣлительно говорило о его цѣли: вымести русскою метлою древнюю столицу отъ иноземнаго навоза. Народныя толпы дружною стѣной несли своего любимца, изродоваго русскаго боярина.

На встрѣчу Шуйскому съ народомъ, одновременно съ нимъ, какъ было условлено, подходилъ ко дворцу со своею ратью бояринъ Мстиславскій. Впереди, на рысяхъ, шли касимовскіе Татары со своимъ царевичемъ Арасланомъ. Такая поднялась пыль что скрыла восемнадцать стрѣлцкихъ полковъ, бѣгомъ слѣдившихъ за татарскою конницей; глухо выбивали тысячи лошадиныхъ ногъ по сухой, растрескавшейся отъ жару, землѣ. Татары въ мѣховыхъ шалкахъ и цвѣтныхъ казакнахъ безъ рукавовъ, широкоскулые и широкоплечіе, шли съ шумнымъ говоромъ, съ обнаженными саблями, торолясь ворваться во дворецъ для грабежа и поживы. Ястребовидный, рыжій Арасланъ-царевичъ, въ шелковомъ халатѣ, поверхъ котораго надѣта была безрукавка, а на безрукавку колчуга, въ погайскомъ шшакѣ, съ постоянно раскрытымъ ртомъ и блестящими зубами, съ крошечнымъ придавленнымъ по середкѣ носомъ и кустившимися у уголъ рта усамъ, горячилъ со злостью своего аргамака, не жалѣя плети и татарской брани. Желая предупредить народныя толпы, смѣтливый царевичъ припалъ къ шеѣ аргамака, взмахнулъ ллетью и гикнулъ своимъ. „Ги, ги, ги!“ заикали Татары и лоска-

кади за царевичемъ. У входа во дворецъ выстроилась сотня нѣмецкихъ тѣлохранителей, услѣвшая сбѣжаться на тревогу; въ своихъ короткихъ кафтанахъ, плотно держась другъ друга. Нѣмцы повидимому рѣшились дать отпоръ; раздалась нѣмецкая команда—ружья прицѣлились; но ни Арасланъ, ни Татары не услугались.

— На сабляхъ разнесемъ, Татары! крикнулъ своимъ Арасланъ, и когда грянувшій залль разошелся, нѣмецкая стража была потоптана и совершенно разбита; Татары съ хохотомъ и бранью вязали Нѣмцевъ, шумно дѣля межъ собой не только платье и оружіе, но и ихъ самихъ, полунагихъ, полуживыхъ отъ плетей, крутили къ сѣдельнымъ арчакамъ арканами.

— Куда набралъ Нѣмцевъ? спросилъ Араслана подѣхавшій Мстиславскій.

— А въ Касимовъ, бачка, отвѣтилъ царевичъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Того сдѣлать нельзя, царевичъ!—Мстиславскій нахмурился.—Въ Касимовъ Нѣмцевъ не води, а сдай въ посольскій приказъ.

Арасланъ вспыхнулъ и со злости хватилъ плетью по шеѣ аргамака, взвившагося на дыбы какъ свѣча.

— По-твоему, бунтовщикъ дороже Татара! воскликнулъ онъ, сверкая бѣлыми зубами и бѣлками глазъ:—по-твоему Татары пришли чтобы въ нихъ стрѣляли, а пожива не Татара. Гайда во дворецъ, Касимовцы! приказалъ онъ своимъ, взмахомъ сабли подтверждая приказаніе.

— Арасланъ, замѣтилъ Мстиславскій строго, но дружески:—не время ссориться. Слушай старика: получишь больше чѣмъ самъ возьмешь; дай управимся, дадимъ тебѣ чего попросишь.... Слово боярина Мстиславскаго твердо, Арасланъ.

Царевичъ подумалъ.

— Гляди, бачка, гляди, князь! сказалъ онъ:—чтобы по уговору было.... Назадъ, Татары! Веди Нѣмцевъ!

Въ эту минуту толпы Шуйскаго сильно направили къ самому дворцу, отгнѣсивъ Татаръ и остановивъ стрѣлчкіе полки. Шуйскій, Мстиславскій, бояринъ Иона, окруженный своими полудикими курскими северюками, Татищевъ съ дворянами очутились впереди, притиснутые неодолимою силою

къ самому входу въ нижній корридоръ, подъ каменными сводами котораго выстроилось нѣсколько десятковъ алебардчиковъ.

Давка у крыльца сдѣлалась ужасная; изъ этой нахлынувшей густой толпы, по головамъ которой можно было ходить, вырывались отчаянные крики: „задавили“, „задавили“, пересиливавшіе гулъ и безтолковый говоръ; живая волна готова была прорваться и залить дворецъ.

— Смерть поганой Литвѣ! бушевала толпа.—Давай вора! Самозванца давай!

— Я впередъ! назывался старый бояринъ Іона, снятый съ сѣдла руками народа вмѣстѣ съ Шуйскимъ и Мстиславскимъ.—Пустите меня, бояре: хочу омытъ безчестье моего боярскаго меча, обнажившагося за самозванца, въ его ляцкой крови!

Михайло Татищевъ предупредилъ его, ворвавшись въ сѣни съ дворянами; за ними хлынула толпа.

Въ мигъ тридцать алебардистовъ, Нѣмцевъ, несмотря на отчаянную оборону, уничтожены, какъ прорвавшаяся вода уничтожаетъ слабую плотину; дверь наверхъ, въ царскіе покои, была очищена; наперерывъ, давл другъ друга, бѣжали дворяне съ Татищевымъ, направляясь къ царской олочивальнѣ. Дверь въ нее была растворена: назвавшійся царемъ Дмитріемъ стоялъ у окна со скрещенными на груди руками, съ мрачнымъ видомъ чловѣка приготовившагося ко всякой опасности.

— А! гудошникъ, литовскій оборотень! закричалъ на него Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, тотъ самый кого Дмитрій послалъ было въ ссылку за смѣлое лориданіе не русскаго обычая ѣсть телятину.—Нажрись-ка теперь своей телятины, басурманъ, воръ! Царь изъ мочалы съ ленешной короной!

Дворяне наступали на Дмитрія.

— Назадъ!

Дверь олочивальни загородилъ собою любимецъ молодаго царя, воевода Басмановъ, еще въ рубашкѣ и портахъ, какъ спалъ при государѣ; босой и съ протазаномъ въ сильной рукѣ, поднятомъ у убитаго Нѣмца, Басмановъ остановилъ Татищева и дворянъ не столько взмахомъ протазана, сколько рѣшимостью умереть за царя въ ту минуту когда ополчилась на него вся Москва.

— Спасайся, государь! вскричалъ онъ:—по трулу моему идите въ царскую опочивальню!

— Прочь, измѣнникъ! вышелъ изъ себя Татищевъ. — Ты лотатчикъ иноземной сволочи, мѣняешь ее на родовыхъ русскихъ людей! Пока вы съ самозванцемъ переказните насъ на лобномъ мѣстѣ—издохни самъ!

Татищевъ длиннымъ ножомъ распоролъ Басманову животъ. Падая, Басмановъ оглянулся на царя, какъ бы желая убѣдиться что тотъ спасся; дворяне умертвили вѣрнаго слугу, потомъ сбросили съ высокаго крыльца на потѣху черни.

Смерть Басманова пробудила отважный духъ Лже-Димитрія. Онъ бросился на толпу со стремительнымъ бѣшенствомъ, какъ бы разчитывалъ однимъ взмахомъ сабли обезглавить цѣлую Москву.

Но встрѣтивъ Татищева и подослѣваемаго къ нему боярина Иону, Димитрій какъ бы что-то вспомнилъ и остановился.

— Татищевъ, вскричалъ онъ:—за мою милость къ тебѣ платишь мятежомъ!

— Кайся, скоморохъ, въ самозванствѣ! возразилъ Татищевъ кратко.—Затѣмъ мы здѣсь!

Димитрій въ ужасѣ пожалъ плечами и оглянулся. Никого не увидѣлъ онъ за собою.

— Иди на крыльцо, къ народу, потребовалъ бояринъ Иона, презрительно глядя на Димитрія строгими глазами изъ-подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ бровей.—Выди къ народу, скажись кто ты еси; скажи свой воровской умыселъ, тогда мы, бояре, укажемъ и народъ приговоритъ чему повиненъ ты за свое воровство. Царица-мать, инокиня, сказала намъ что ты не ея сынъ, что тотъ точно убить въ Угличѣ; стало воръ ты, больше ничего. Ступай же на крыльцо! Слышь, народъ требуетъ!

— Ведите меня на лобное мѣсто! вскричалъ Димитрій, хватаясь за послѣднюю блеснувшую ему надежду выиграть время.—Ведите меня на лобное мѣсто, поставьте рядомъ съ царицей-матерью. Если она всенародно отречется отъ меня, своего сына—казните меня тамъ же.

— Прельстивъ, собака! нетерпѣливо вскричалъ Татищевъ:—не даромъ гудожникъ. Да ужъ балы свои кончить: вяжи его, ребята!

Толла тронулась.

Назвавшійся Димитріемъ не сказалъ ни слова и любѣжалъ отъ толпы.

Пробѣгая длиннымъ рядомъ роскошныхъ палатъ, такъ недавно еще оглашавшихся музыкой и весельемъ, Димитрій не хотѣлъ вѣрить въ дѣйствительность ужасной и быстрой перемѣны своей судьбы; каждое окно мимо котораго пробѣгала онъ удостовѣряло его что мятежъ не дѣло однихъ бояръ, что поднялась вся Москва. Ничего кромѣ головъ и оружія не видѣлъ онъ кругомъ дворца. Безъ стражи, безъ друзей, въ полномъ отчаяніи воскликнулъ онъ: „все кончено!“

Царицына половина, чрезъ которую пришлось ему бѣжать, уже разграбленная чернью, съ плачущими фрейлинами, тоже сказала ему: „Все кончено“. У того самаго балкона гдѣ вчера онъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, лежалъ изрубленный камердинеръ Марины, Осмульскій, а шумъ и голоса толпы приближались. Спасенія нѣтъ; Димитрій бросается на верхнюю площадку и, чрезъ узкій переходъ, очутился въ старомъ каменномъ дворцѣ... Слабый лучъ надежды снова освѣтилъ мрачную бездну, казалось готовую поглотить Димитрія, онъ бѣжитъ—и останавливается; Василии Шуйскій, съ разъяренною толпою, бросился ему въ глаза, въ ратныхъ свѣтлыхъ доспѣхахъ, безъ шелома, съ крестомъ въ одной рукѣ и саблею въ другой... Нѣтъ спасенія! Димитрій очутился у раскрытаго окна. Оно выходило на глухой, мощный каменемъ дворъ. Голова закружилась у Димитрія при мысли уласть съ такой высоты; привязанность къ жизни со всею силой сказала въ немъ... Но выбирать не пѣзъ чего; сзади Татищевъ съ Іоною, спереди Шуйскій. Раздумывать некогда, царь бросился пѣзъ окна.

Трулъ самозванца, обезображенный, изрубленный, проколотый, брошенъ на площади, на торгу, нагой, въ крови и пыли, по которой влачила его озлобленная чернь. Чернь ругалась надъ „безвременнымъ царемъ“, всунула ему въ ротъ дуаку, въ насмѣшку надъ его пристрастіемъ къ польской музыкѣ, рвала его внутренности, выколола глаза. Любимца его, Басманова, изуродовали самымъ варварскимъ образомъ. „По господину рабъ!“ кричала толпа.

IV.

Изъ Бѣлокаменной перенесемъ въ далекую и привольную Курскую сторону, на берега Тускари.

Боярышня Наталья Іоновна отъ гуляки Еры узнала о горькой судьбѣ курскаго головы; стараго боярина не было дома—повелъ своихъ севрюковъ на помощь царю Дмитрію, въ Путивль. Извѣстіе о смерти Глѣба передала Наталья, разумѣется, мамушка Азарьевна. Оно, повидимому, не особенно поразило Наталью; словно она его ожидала и готовилась къ нему. Сердобольная Азарьевна вслакнула въ три ручья и пустилась причитывать: „Что де младъ онъ погубленъ безъ времени; безъ времени, безъ причастія; померъ безъ отца, безъ матери, безъ сродственниковъ, не оплаканный; не оплаканный — не обмытый; не обмытый—не обряженный!“ Наталья не плакала, только дрожала вся какъ листъ осиновый, и блѣдная, блѣдная, упала на колѣни предъ образами... Молилась ли она, могла ли молиться въ эту минуту; только долго стояла на колѣняхъ съ безсильно склоненною головою, крестомъ прижавъ руки ко груди. Прекрасное лицо ея выражало глубокое душевное страданье; вздохъ не облегчалъ ея; какъ мертвая она стояла на колѣняхъ. Мамушка взбрызнула ее святою водицей и пошептала надъ ней наговоръ „отъ глазу“; потомъ заставила ее глотнуть воды крещенской.

При помощи мамушки Наталья сѣла на лавку и задумалась.

— Мамушка, сказала она тихо:—позови этого человѣка.

Ера не замедлилъ явиться въ терему.

— Честной боярышнѣ, Наталья Іоновнѣ, во честномъ терему, хололъ Ивашка челомъ бьетъ! привѣтствовалъ Ера послѣ креста на образа и пояснаго поклона.—Буди здрава и съ мамушкой.

— Гдѣ зарылъ тѣло курскаго головы Глѣба?

— А у Уколова мелколѣся, боярышня.

Наталья достала изъ-подъ подушки кожаную кису мѣдныхъ денегъ и подала ее Ерѣ.

— Ступай къ коренскому игумену, сказала она:—разкажи ему о смерти головы, скажи что я прошу предать тѣло его христіанскому погребенію на монастырскомъ кладбищѣ.

Ера низко ей поклонился.

— По твоему приказу исполню, боярышня; на томъ прощенья просимъ.

Когда мамушка повела Еру по теремной лѣстницѣ, боярышня пригорюнилась у окна. Развѣсистыя вѣтви ея любимой плакучей березы грустно и тихо колебались отъ вѣтра; ея бѣлый толстый стволъ показался ей саваномъ; старая береза которую она постоянно видѣла изъ своего окна, которая, какъ ей казалось, всегда сочувственно кивала ей длинными вѣтвями, вдругъ напомнила ей всю исторію ея робкаго дѣвичьяго чувства.

— Мамушка, обратилась къ ней Наталья:—благослови меня!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Аминь!—Боярышня поклонилась старухѣ въ ноги и поцѣловала ея морщинистую руку.

— Чтò ты, свѣтикъ, въ умѣ ли, Ионовна? смугилась старуха.

— Я иду въ монастырь, мамушка.

Старуха всплеснула руками.

— А родитель твой, бояринъ-то? возразила она съ испугомъ.—Безъ его власти?

— У монахинь нѣтъ родителей, сказала Наталья твердо:—я даю обѣтъ и исполню его. Надо мной теперь одна власть—Божья!

Азарьевна, съ рыданьемъ, припала къ ея ногамъ, цѣлуя ихъ и обливая своими любящими слезами.

— Праведница! слышалось среди ея рыданій.—Иду съ тобой! Не брось старуху глуую!.. Похорони!..

Наталья подняла ее, хотѣла успокоить, и не могла: слезы хлынули изъ глубины ея чистой души. Эти двѣ женщины, молодая и старая, долго стояли крѣпко обнявшись и рыдая.

Въ Курскомъ женскомъ монастырѣ прибавились двѣ монахини: молоденькая—сестра Нимфодора, обращавшая на себя вниманіе черницъ красотой и строгостью исполненія обязанностей, и сѣдая—сестра Иларія, старуха, ни на минуту не покидавшая скромной набожной красавицы. Обѣ жили въ одной кельѣ, которую, въ недѣлю, срубили имъ плотники боярина Чераловтова. Старицѣ Иларіи скоро

поручили хлѣбню и огородъ. Молодая, Нимфодора, была мастерица писать иконы, дѣлать фольговья ризы, переписывать церковныя книги, лѣтъ на клиросѣ, читать часы. Только разъ въ годъ сестры Нимфодора и Иларія отпросились на богомолье въ Коренскую пустынь, именно въ день смерти Глѣба. Всѣ двадцать семь верстѣ сестры сдѣлали лѣтникомъ, съ котомками за плечами и лапками въ рукахъ; причемъ сестра Нимфодора, ловерхъ остроконечной черной шапочки, такъ обернулась чернымъ платкомъ что подъ нимъ трудно было открыть ея красивое лицо. Придя въ пустынь, сестры отстояли обѣдню, послѣ которой отслужили лавнахиду на могилѣ воина Глѣба. И всю лѣтнюю ночь молодая монахиня провела на зеленой могилѣ скрывшей въ себѣ человека любившаго ее... Быстро пролетѣла для сестры Нимфодоры эта короткая ночь. Она припала головой къ могилѣ такъ плотно какъ бы хотѣла слышать малѣйшій звукъ; и всю ночь пролежала не шевелясь, словно боясь прервать ту тихую, никому кромѣ нея не слышную бесѣду съ ней великодушнаго Глѣба, умолкшаго для всѣхъ кромѣ ея... Она видитъ его, слышитъ, понимаетъ. Среди этой торжественной ночной тишины, оглашаемой вѣжными соловьиными лѣсными, напояемой благоуканіемъ монастырскихъ лилій, подъ этимъ звѣзднымъ покровомъ, самъ Богъ, во всемъ строгомъ величіи истины, кажется сестрѣ Нимфодорѣ, присутствуетъ при ея свиданіи съ мертвецомъ. Благодарное сердце привело ее къ нему въ эту ночь; не люди, Богъ свидѣтель ея благодарности въ любви къ погибшему рано и на чужой сторонѣ. Она пришла ему сказать что смерть его разорвала ея связи съ жизнью, что съ его смертью и она перестала быть Натальей, что также какъ онъ, она умерла для жизни, что она теперь сестра Нимфодора, и молится за его душу о томъ чтобы тамъ, въ обѣщанной загробной жизни, они не разставались другъ съ другомъ какъ здѣсь разстались неожиданно и ужасно!

Она много говорила ему въ эту ночь; но что услышала въ отвѣтъ, и былъ ли ей отвѣтъ, осталось тайной.

В. МАРКОВЪ.

УЧЕНИЕ ДАРВИНА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ

МИРА ОРГАНИЧЕСКАГО И ЧЕЛОВѢКА

(ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.)

„Ошибочныя воззрѣнія поддерживаемыя извѣстнымъ числомъ фактическихъ даныхъ приносятъ мало вреда, потому что каждый находитъ полезное удовольствіе доказывать ихъ ложность, а когда послѣднее сдѣлано, одна изъ дорогъ къ заблужденію бываетъ закрыта.“

Дарвинъ.

Въ наукѣ создавались и создаются гипотезы въ силу коихъ происхожденіе всего органическаго царства на землѣ, какъ скоро допущено происхожденіе первыхъ низшихъ формъ органическихъ существъ, сводится къ самымъ простымъ законамъ и явленіямъ которые получаютъ въ системахъ естествоиспытателей громкое названіе естественныхъ законовъ и явленій. Съ такими теоріями выступаютъ въ прошломъ столѣтіи естествоиспытатель де-Маллье, въ началѣ нынѣшняго столѣтія Ламаркъ, въ сороковыхъ годахъ онаго авторъ *Естественной исторіи міроздавія*, но всѣхъ затмилъ въ настоящее время свою славою и грандіозностію своей системы англійскій натуралистъ Чарльзъ Дарвинъ. Теорія этого послѣдняго нашла собѣ широкій пріемъ въ средѣ есте-

ствоиспытателей. Въ его сочиненіи *О происхожденіи видовъ*, раскрыта съ полнотою и ученостію теорія прогрессивнаго совершенствованія, по которой, вначалѣ немногосложная жизнь организмовъ, путемъ извѣстныхъ, исключительно естественныхъ дѣятелей, развилась мало-помалу до той степени совершенства на какой мы находимъ ее теперь. Какъ завершение и пополненіе этого труда явилось, въ недавнее время, другое его сочиненіе: *Происхожденіе человека*. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Дарвинъ старается дать прямой и опредѣленный отвѣтъ и о происхожденіи человека, разсматривая его какъ послѣднее звено въ ряду существъ органическихъ развившихся якобы въ силу причинъ матеріальныхъ.

Къ трудамъ Дарвина обращается матеріализмъ чтобы получить подтвержденіе своихъ взглядовъ на исключительно матеріальное происхожденіе всѣхъ органическихъ существъ населяющихъ землю. * На нихъ долженъ остановитъ свое вниманіе и противникъ матеріализма если хочетъ противодѣйствовать идеямъ дающимъ лицу матеріализму.

Впрочемъ, было бы крайне несправедливо причислять самого Дарвина къ открытымъ матеріалистамъ. По своимъ убѣжденіямъ, насколько они высказываются въ его сочиненіяхъ, онъ далекъ отъ того чтобы заявлять себя лоборникомъ матеріализма. Онъ только не согласенъ съ возрѣніями о созданіи видовъ въ органическомъ царствѣ „отдѣльно“ и „намѣренно“, — съ возрѣніями которыхъ вмѣстѣ съ большинствомъ натуралистовъ держится и вѣроученіе. Его теоріи, по его собственнымъ словамъ, „не имѣютъ ничего общаго съ великимъ вопросомъ существуетъ ли, вообще Творецъ и Правитель вселенной,—вопросъ на который отвѣчали утвердительно величайшіе изъ когда-либо жившихъ умовъ“. ** Но не думаетъ допускать чтобы всѣ роды

---

* Такъ извѣстный Бюхнеръ, опираясь между прочимъ на теорію Дарвина, говоритъ что „теперь достаточно объясняется фактъ послѣдовательнаго развитія органическихъ твореній, и такое объясненіе менѣе чудовищно и менѣе удалено отъ нашего пониманія чѣмъ принятіе творящей силы, которой въ каждый отдѣльный періодъ землеобразованія угодно было творить виды растеній и животныхъ.“ *Kraft und Stoff*, 8 Auflage, 1864, 5, 72.

** *Происхожденіе человека и подборъ по отношенію къ полу*. Русскій переводъ Стченова, 1871. (Два тома.) Томъ I, стр. 68.

и виды существъ органическихъ были одолжены своимъ бытіемъ непосредственно Творцу вселенной. Первостепенные натуралисты, говоритъ онъ, повидимому вполнѣ удовлетворены представленіемъ что каждый видъ былъ созданъ отдѣльно (то-есть не развился естественнымъ путемъ одинъ отъ другаго). На мой взглядъ, замѣчаетъ онъ, болѣе согласно съ тѣмъ что намъ извѣстно о законахъ напечатлѣнныхъ Творцомъ на вещественномъ мірѣ, предположить что возникновеніе нынѣшнихъ и прежнихъ жителей земли обусловлено второстепенными причинами, подобными тѣмъ которыя обуславливаютъ рожденіе и смерть каждой особи.“ * По возрѣнію Дарвина, ученіе естествоиспытателей доускающихъ отдѣльные акты творенія, чрезъ кои однажды навсегда нѣкогда созданы существа міра органическаго, возбуждаетъ только недоумѣнія. Онъ говоритъ: Естествоиспытатели доускающіе отдѣльные творенія отдѣльныхъ органическихъ формъ „ловидимому ставятъ на одну доску чудесный актъ творенія и произвольное зарожденіе. Дѣйствительно ли они полагаютъ чтобы въ безчисленныя эпохи земнаго шара элементарнымъ атомамъ повелѣвалось сочетаваться въ живыя ткани? Полагаютъ ли они чтобы при каждомъ изъ такихъ творческихъ актовъ возникли одна или нѣсколько особей? Были ли безчисленные виды животныхъ и растеній созданы въ видѣ яицъ или сѣменъ, или въ видѣ вполнѣ развитыхъ организмовъ?“ **

Нужно замѣтить что ученіе о созданіи Высшею Силою всѣхъ отдѣльныхъ видовъ тварей подчасъ возбуждаетъ у Дарвина недоумѣнія весьма страннаго свойства. Напримѣръ, ему кажется страннымъ почему твари имѣютъ такое, а не другое устройство организаціи, почему замѣчается взаимное сходство въ ихъ организаціяхъ. когда каждая изъ нихъ вышла непосредственно изъ рукъ Творца. „Какъ необъяснимы, утверждаетъ Дарвинъ, эти факты по обиходнымъ понятіямъ о твореніи! Почему мозгу быть заключеннымъ въ ящикъ изъ столь многочисленныхъ костей столь странной формы? Почему бы при сотвореніи лапы и крыла летучей мыши, назначенныхъ

* *О происхожденіи видовъ.* Пер. Рачинскаго. 1864 стр. 386. Во изъясненіе многократнаго повторенія сейчасть выписаннаго заголовка Дарвинова сочиненія, въ статьѣ нашей употребленіе въ цитатахъ цифръ указывающихъ однѣ страницы, безъ обозначенія сочиненія, будетъ указывать именно на сочиненіе Дарвина *О происхожденіи видовъ.*

** Стр. 381.

для столь различных цѣлей, вагаты въ нихъ однѣ и тѣ же кости? Почему бы одному раку имѣющему столь сложный ротъ, составленный изъ многихъ частей, постоянно имѣть мѣнѣе ногъ, и наоборотъ, ракамъ со многими ногами имѣть болѣе простые рты? Почему бы долямъ чашечки, лепесткамъ, тычинкамъ и пестикамъ, приспособленнымъ къ столь различнымъ цѣлямъ, быть всѣмъ построеннымъ по одному образцу.* Словоиъ, Дарвинъ находитъ что твари были бы не такими какими мы видимъ и знаемъ ихъ еслибъ онѣ созданы были такъ какъ утверждаетъ „общераспространенное“ естественнонаучное убѣжденіе; но какими же?... Что касается челоѣка, то довольно уже и того что Дарвинъ напримѣръ съ нескрываемымъ сарказмомъ говорить о той „неорганической лыли лодъ ногами нашими“ ** изъ которой созданъ организмъ челоѣка по вѣроученію религіозному.

Если мы захотимъ обозначить міровоззрѣніе Дарвина какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ, то кажется названіе: „натуралистическій деизмъ“ будетъ наиболѣе выражать это міровоззрѣніе. Оно не хочетъ вовсе чуждаться признанія Бога какъ Высшаго Виновника міроваго бытія, но оно не видитъ надобности допускать близкихъ и непосредственныхъ отношеній Божества къ міру. Богъ есть, но Онъ гдѣ-то вдали отъ міра, равнодушенъ къ происходящему въ мірѣ. Довольно, если Онъ вызвалъ міръ изъ небытія, предоставляя дальнѣйшее устройство его, даже въ высшихъ формахъ, ему самому.

I.

Изложимъ сущность воззрѣній Дарвина. Дарвинъ проходитъ молчаніемъ возникновеніе первоначальныхъ простѣйшихъ формъ органическаго царства; онъ отправляется отъ существованія подобныхъ формъ какъ уже даннаго. „Я полагаю, говорить онъ, что всѣ животныя произошли не болѣе какъ отъ четырехъ или пяти прародителей, а растенія отъ такого же или меньшаго числа предковъ. Аналогія повела бы меня еще шагомъ дальше, а именно къ убѣжденію что всѣ растенія и животныя произошли отъ одного первообраза. Но

* Стр. 345.

** Происхожденіе челоѣка, томъ I, стр. 241.

аналогія подчасъ обманчивый руководитель.“* Такимъ образомъ исходною точкой своей теоріи Дарвинъ беретъ существованіе нѣсколькихъ типовъ органическаго царства и на нихъ строитъ всю свою теорію. Каждый изъ этихъ прародителей долженъ былъ производить потомство, но такъ какъ „никто, говоритъ онъ, не полагаетъ что всѣ особи одного и того же вида были точь въ точь отлиты въ одну форму“, а напротивъ „намъ извѣстно множество легкихъ различій которыя мы можемъ назвать индивидуальными и которыя обнаруживаются въ прямомъ потомствѣ однихъ и тѣхъ же родителей“, то подобныя индивидуальныя различія имѣли мѣсто и въ потомкахъ первыхъ прародителей животныхъ и растений.** „Эти индивидуальныя разности по большей части обнаруживаются въ признакахъ которыя натуралисты считаютъ несущественными“,*** но это не мѣшаетъ имъ быть чрезвычайно важными для Дарвина. Онѣ важны для него какъ „первыя шаги къ тѣмъ легкимъ разновидностямъ которыя едва удостоиваются упоминанія въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ.“ Разновидности же нѣсколько болѣе опредѣленныя и постоянныя, по Дарвину, нужно считать шагами къ разновидностямъ еще болѣе рѣзкимъ и постояннымъ; эти послѣднія зачатками подвидовъ, а наконецъ и видовъ.**** Такимъ образомъ, въ потомствѣ первоначальнаго какого-либо родоначальника, путемъ легкихъ уклоненій отъ него, сохраненія этихъ уклоненій и рядомъ дальнѣйшихъ уклоненій, могли происходить такія же различія какія въ настоящее время отличаютъ между собою, напримѣръ, кошку отъ тигра и пантеры, лошадь отъ осла и зебры. Эти вновь образовавшіеся виды, происшедшіе отъ извѣстнаго родоначальника, въ свою очередь чрезъ нѣсколько поколѣній, путемъ легкихъ уклоненій, производятъ нѣсколько рѣзко обозначенныхъ разновидностей; „эти разновидности будутъ продолжать подвергаться тѣмъ же условіямъ которыя заставляли измѣняться ихъ предковъ“, произойдутъ новыя разновидности, и „намъ стоить только предположить, говоритъ Дарвинъ, болѣе многочисленныя и болѣе значительныя ступени въ этомъ ряду измѣне-

---

* Стр. 382.

** Стр. 37.

*** Тамъ же.

**** Стр. 42.

ній чтобъ эти формы снова превратились въ несомнѣнные виды".* Эти новыя формы, происшедшія отъ извѣстнаго вида, и разнящіяся между собою какъ виды, будутъ еще болѣе развиться отъ потомковъ происшедшихъ отъ другаго вида, съ которыми первый видъ произошелъ отъ одного прародича. Потомки одного вида, разнясь между собою, уже какъ виды, будутъ еще болѣе разниться отъ потомковъ другаго вида, при условіи что онъ въ свою очередь также претерпѣвалъ измѣненія какъ и первый видъ,—они будутъ разниться между собою такъ же какъ разнятся индивидуумы одного рода отъ индивидуумовъ другаго рода. Если теперь эти уже получившіеся роды будутъ продолжать измѣняться, то съ теченіемъ времени они будутъ различаться одна отъ другихъ какъ разнятся между собою полусемейства, семейства, отряды и т. д. Такимъ образомъ, весь органическій міръ, теперь столько разнообразный, могъ произойти, по Дарвину, въ безконечно долгій періодъ времени, отъ немногихъ начальныхъ простѣйшихъ формъ. Эти періоды Дарвинъ считаетъ такъ долгими что „созерцаніе подобныхъ фактовъ“ кажется ему подобнымъ „тщетной попыткѣ представить себѣ вѣчность".** Думаемъ не издѣлине будетъ, для большей наглядности въ представленіи о теоріи Дарвина, привести его гипотетическія сужденія о развитіи, на примѣръ, царства позвоночныхъ. „Самые древніе родоначальники царства позвоночныхъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ хотя не ясное представленіе, — говоритъ онъ, — были очевидно морскими животными, сходными съ личинками живущихъ теперь асцидій. Изъ этихъ животныхъ развилась, по видимому, грулла рыбъ, организованныхъ такъ же низко какъ лавцетникъ; изъ послѣдней же твердо-чешуйная и другія рыбы подобныя чешуйчатнику. Незначительный шагъ впередъ приводитъ насъ отъ этихъ рыбъ къ земноводнымъ. Птицы и пресмыкающіяся были нѣкогда близко соединены между собою, а птицевѣры представляютъ теперь въ слабой степени соединительное звено между млекопитающими съ пресмыкающимися. Въ классѣ млекопитающихъ не трудно представить себѣ ступени ведущія отъ древнихъ птицевѣррей къ древнимъ сумчатымъ и отъ этихъ къ древнимъ предкамъ

* Стр. 93—4.

** Стр. 227.

живородящихъ млекопитающихъ. Мы можемъ подняться такимъ образомъ до лемурныхъ, а отъ послѣднихъ уже не великъ промежутокъ до обезьянъ. Обезьяны раздѣлились съ теченіемъ времени на двѣ большія вѣтви: обезьянъ Стараго и Новаго Свѣта. Отъ послѣднихъ же произошелъ въ отдаленный періодъ времени человѣкъ—чудо и слава міра.* *

II.

Чтобы дѣлать такія широкія обобщенія, выводимыя изъ несомнѣннаго факта легкой индивидуальной измѣнчивости особаго вида, Дарвинъ, какъ строгій эмпирикъ, долженъ выходить изъ какихъ-либо опредѣленныхъ наблюденій которыя бы давали законное право къ такимъ широкимъ аналогіямъ. Такими наблюденіями служатъ для Дарвина наблюденія надъ характеромъ и степенью измѣнчивости и ея результатовъ въ сферѣ домашнихъ животныхъ и растений, въ средѣ животныхъ прирученныхъ и растений культивированныхъ. „Для насъ въ высшей степени важно разъясненіе способовъ которыми производится видоизмѣненіе органическихъ существъ, говоритъ Дарвинъ. Въ началѣ моихъ изслѣдованій мнѣ казалось что тщательное изученіе домашнихъ животныхъ и растений разводимыхъ человѣкомъ всего скорѣе можетъ повести къ разрѣшенію этого темнаго вопроса. И я не ошибся: въ этомъ и во многихъ другихъ затруднительныхъ случаяхъ я постоянно находилъ что наши свѣдѣнія объ измѣненіяхъ органическихъ существъ поработанныхъ человѣкомъ снабжаютъ насъ самою вѣрною путеводною нитью. Тутъ мы видимъ что наследственное измѣненіе въ значительныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, возможно и, что быть-можетъ еще важнѣе, видимъ какъ велика власть человѣка въ накопленіи чрезъ подборъ родичей (то-есть чрезъ сохраненіе и размноженіе извѣстныхъ, опредѣленныхъ породъ организмовъ, отличающихся отъ другихъ какимъ-либо, хотя бы незначительнымъ признакомъ) послѣдовательныхъ, хотя и легкихъ измѣненій.“** „Очень трудно опредѣлить какой мѣрѣ измѣненія подвергались наши домашніе организмы. Но мы смѣло можемъ заключать что мѣра эта значительна, и что видоизмѣненія могутъ передаваться

* *Происхожденіе человека*. Томъ I, стр. 239—41.

** Стр. 3.

насаждаваемо въ теченіе долгихъ періодовъ. Мы можемъ также находить указанія на то что измѣнчивость, однажды пришедши въ дѣйствіе, не можетъ прекратиться вдругъ, ибо даже давно прирученные человѣкомъ организмы до сихъ поръ отъ времени до времени производятъ разновидности. Человѣкъ можетъ подбирать и дѣйствительно подбираетъ видоизмѣненія данныя ему природою, и такимъ образомъ накапливать ихъ въ любой мѣрѣ. Этимъ путемъ онъ приспосабливаетъ животныхъ къ своимъ потребностямъ или прихотямъ. Онъ можетъ производить это методически, или же бессознательно, сохраняя особи наиболее полезныя для него въ данное время, безъ помысла о томъ чтобы видоизмѣнить породу. Несомнѣнно то что онъ можетъ значительно вліять на характеръ породы, подбирая въ каждомъ послѣдовательномъ поколѣніи индивидуальныя особенности, столь легкія что онѣ незамѣтны для неизощреннаго глаза. Процессъ подбора былъ великимъ дѣятелемъ въ произведеніи самыхъ своеобразныхъ и полезныхъ домашнихъ породъ. Если мы всмотримся въ отдѣльныхъ представителей какой-либо разновидности или породы нашихъ давно прирученныхъ растений и животныхъ, то прежде всего насъ поразитъ то обстоятельство что они вообще болѣе разнятся между собою чѣмъ отдѣльные представители какого-либо вида или разновидности развившейся въ условіяхъ природныхъ.“ * Вотъ наблюденія которыя Дарвинъ кладетъ въ основу своей теоріи, а вотъ и тотъ выводъ къ которому приходитъ онъ, основываясь на этихъ наблюденіяхъ, выводъ относящійся вообще къ органическому царству во всѣ времена его существованія и на всѣхъ его ступеняхъ: „Нѣтъ видимой причины почему начала дѣйствующія столь сильно въ состояніи прирученія не дѣйствовали бы также, заключаетъ Дарвинъ, и въ состояніи природномъ.“

Вопросъ объ измѣнчивости животныхъ и растений въ культурномъ состояніи играетъ весьма важную роль по отношенію ко всей теоріи Дарвина. Измѣнчивость организмовъ въ этомъ состояніи служитъ первымъ основаніемъ для его заключеній о всемъ органическомъ царствѣ, со всею его исторіей. Много или мало говоритъ культурное состояніе организмовъ за измѣнчивость формъ, съ рѣшеніемъ этого вопроса стоитъ или

* Стр. 368.

ладаетъ сама теорія. По мнѣнію Дарвина, измѣнчивость формъ культивированныхъ организмовъ слишкомъ значительна, такъ что отъ нея съ полнымъ правомъ можно заключать къ измѣнчивости вообще формъ органическаго царства; измѣнчивость формъ домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений несомнѣнна, но достаточно ли этого чтобы заключать къ измѣнчивости въ средѣ самой природы, съ одной стороны, съ другой, къ измѣнчивости *безусловной*, которой бы не видно было конца, это еще вопросъ.

Отъ культурнаго состоянія организмовъ можно было бы заключать къ природному лишь въ томъ случаѣ еслибы допущено было что и въ природномъ состояніи организмовъ имѣеть мѣсто дѣятель разумный, подобный тому какимъ является самъ человѣкъ по отношенію къ организмамъ домашнимъ. Если же природа, разсматриваемая въ ея сущности, не представляетъ ничего подобнаго, то заключеніе отъ явленій имѣющихъ мѣсто въ сферѣ разумаго дѣятеля къ сферамъ лишеннымъ этого дѣятеля теряетъ свой вѣроятный характеръ. Природа, по ученію естествознанія, не представляетъ ничего аналогическаго съ разумною дѣятельностію человѣка, а потому заключеніе отъ сферы разумной дѣятельности къ природѣ не правильно. Природа чужда условія несомнѣнно влияющаго на измѣнчивость организмовъ въ искусственномъ состояніи ихъ, а потому должна быть чужда и слѣдствія которое самымъ неразрывнымъ образомъ связано съ условіемъ. Что имѣеть мѣсто въ первомъ случаѣ, то не можетъ имѣть мѣста во второмъ, за неимѣніемъ причины условливающей явленіе. На такія противоположныя теоріи Дарвина воззрѣнія наталкиваетъ прежде всего самъ Дарвинъ указанными имъ фактами измѣнчивости культурныхъ организмовъ съ тѣми условіями при которыхъ, по его мнѣнію, совершились видоизмѣненія животныхъ. Повсюду, въ указаніи этихъ фактовъ, роль человѣка, какъ дѣятеля въ этомъ случаѣ, настолько выдвигается впередъ, настолько является мощною что вовсе теряешь изъ виду то къ чему ведутъ эти факты по Дарвину, именно что отъ нихъ надлежитъ заключать къ природѣ вообще, лобораемой человѣкомъ въ искусственномъ разведеніи животныхъ и растений. Здѣсь искусство человѣка положительно властвуетъ надъ природою; природа теряется позади искусства. И однакожь, по Дарвину, искус-

ственное состояніе организмовъ лучше всего можетъ дать понятіе о положеніи ихъ въ природномъ состояніи. Намъ хотять показать условія при которыхъ происходила и происходитъ измѣнчивость организмовъ въ природномъ состояніи, и для этого указываютъ на совершенно противоположное, на искусственное состояніе организмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ основаніемъ для заключеній объ измѣнчивости животныхъ и растеній въ природномъ состояніи служатъ Дарвину наблюденія надъ измѣнчивостію въ особенностяхи голубей въ искусственномъ состояніи. „Полагая, говорить онъ, что, при обсужденіи вопросовъ объ измѣнчивости организмовъ, всего лучше начать съ изученія какой-либо отдельной группы, я, по зрѣломъ разсужденіи, обратился къ домашнимъ голубямъ.“ * Едвали, замѣтимъ на это, можно было выбрать что-либо менѣе соответствующее цѣли чѣмъ именно этотъ родъ явленій. Правда, быть-можетъ голуби дѣйствительно представляютъ наиболѣе отклоненій отъ своего первоначальнаго типа, но отъ чего зависятъ эти отклоненія? Не отъ того ли, вѣроятно, что ни одна порода не пользовалась столько заботами и уходомъ человѣка какъ именно эта порода животныхъ? Именно эта порода стоитъ наиболѣе удаленною отъ вліянія и дѣйствій непосредственно самой природы и слѣдовательно менѣе всего можетъ свидѣтельствовать о способахъ представленной самой себѣ природы. Дарвинъ самъ сознается что „охота до голубей и тщательное разведеніе ихъ необыкновенно распространено. Они приручены въ разныхъ краяхъ свѣта уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Самое древнее извѣстіе о голубяхъ относится ко времени 5й египетской династіи, около 3000 лѣтъ до Рождества Христова, но, Дарвинъ прибавляетъ, есть извѣстія о голубяхъ относящіяся даже ко времени предыдущей династіи. Въ древнемъ Римѣ, по свидѣтельству Плинія, за голубей платились баснословныя цѣны: дѣло дошло до того, пишетъ Плиній, что высчитывается ихъ родословная и родъ“, ** и т. д. Дарвинъ, увлекаемый своею задачею, какъ бы вовсе не видитъ что факты имъ указываемые вмѣсто того чтобы подтвердить его теорію, скорѣе идутъ противъ нея. Голуби, жизнь, свойства и даже исторію которыхъ онъ такъ внимательно

* Стр. 17.

** Стр. 22.

изучилъ, говоря вообще, суть исключеніе изъ общаго ряда остальныхъ породъ животнаго царства. Они, такъ-сказать, ба-ловни челоѣка, по которымъ далеко нельзя составить себѣ понятія о суровой природѣ. Здѣсь все разчитано на получение извѣстныхъ результатовъ, здѣсь довольство въ пищѣ, здѣсь удобство въ помѣщеніи, предупрежденіе вліянія вредныхъ стихій, защита отъ враговъ и т. д. Такъ ли предупредительна и предусмотрительна та природа о которой хотятъ судить по развитію и измѣненіямъ коимъ подлежали столь выгодно во всѣхъ отношеніяхъ поставленные организмы какъ голуби? Равнодушная къ своимъ питомцамъ природа никакъ не можетъ ставиться на одну доску съ челоѣкомъ, столь симпатично и заботливо относящимся къ своимъ культурнымъ организмамъ.

Всѣ разнообразныя уклончивыя формы нашихъ домашнихъ организмовъ обязаны своимъ происхожденіемъ особенному началу которое Дарвинъ обозначаетъ именемъ *подбора родичей* челоѣкомъ. „Мы не можемъ предположить, говоритъ Дарвинъ, чтобы всѣ эти породы (культурныхъ организмовъ) возникли внезапно со всѣми полезными свойствами, со всѣми совершенствами которыми онѣ одарены теперь, да мы во многихъ случаяхъ и знаемъ исторически что не таково ихъ было начало. Ключъ къ этой загадкѣ—накопляющее дѣйствіе подбора родичей челоѣкомъ; природа производитъ послѣдовательныя уклоненія; челоѣкъ слараетъ ихъ въ направленія, для него полезныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать что онъ создаетъ породы. Великая сила начала подбора родичей не есть гипотеза. Положительно извѣстно что многіе изъ нашихъ заводчиковъ видоизмѣнили въ значительной мѣрѣ въ теченіи своей жизни нѣкоторыя породы рогатаго скота и овецъ.“ * Таково понятіе Дарвина о подборѣ родителей въ искусственномъ состояніи организмовъ. Итакъ, изъ этого понятія о подборѣ уже довольно ясно видно что животныя и растенія искусственнаго состоянія „со всѣми своими полезными свойствами, со всѣми своими совершенствами“ одолжены управляющей ихъ развитіемъ волѣ челоѣка. Челоѣкъ придаетъ характеръ устойчивости тому что въ природѣ могло быть дѣломъ случая, игрою нечаянности, которая также могла скоро исчезнуть какъ внезапно и появилась. Челоѣкъ пользуется даже малѣйшимъ чтобы

* Стр. 25.

произвести что-либо великое, на которое природа может быть вовсе неспособна. Подробности въ которыхъ Дарвинъ изображаетъ начало измѣняющее породу культурованныхъ организмовъ,—подборъ родичей,—еще болѣе убѣждаетъ насъ какъ послѣдныя выводы относительно природнаго состоянія животныхъ и растеній изъ состоянія и свойствъ культурнаго бытія. „Великое значеніе этого начала раскрывается главнымъ образомъ въ значительности результатовъ достигаемыхъ накопленіемъ въ одномъ направленіи, въ теченіи многочисленныхъ поколѣній, разностей совершенно незамѣтныхъ неопытному глазу, которыя я, говорить Дарвинъ про себя, тщетно старался уловить. Изъ тысячи человекъ не найдешь и одного одареннаго достаточною вѣрностію взгляда и сужденія чтобы отдѣлаться хорошимъ заводчикомъ. Человекъ одаренный этими качествами, изучающій свой предметъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, посвящающій ему свою жизнь, съ непобѣдимомъ энергіей, можетъ надѣяться на успѣхъ, можетъ значительно усовершенствовать породы которыми онъ занялся. Если одно изъ этихъ условій не исполнено, неудача неминуема. Не всякій повѣритъ сколько природныхъ способностей, сколько терпѣнія нужно хотя бы для того чтобы овладѣть искусствомъ выводить новыя породы голубей.“ * Теперь, если посмѣдуя теоріи Дарвина, по которой отъ культурныхъ организмовъ надлежитъ заключать къ организмамъ въ природномъ состояніи, перенесемъ свой взоръ къ дѣятельности природы въ отношеніи къ организмамъ, то спрашивается: гдѣ найдемъ мы здѣсь тотъ „изоцренный глазъ“ который схватывалъ бы и улавлялъ всякую прокрадывающуюся разность въ организмѣ, гдѣ здѣсь та „непобѣдимая энергія“ которая въ продолженіе многихъ лѣтъ неустанно блюдетъ надъ предметомъ подлежащимъ усовершенію, гдѣ то многолѣтнее терпѣніе чтобы достигать своихъ цѣлей? Да и кто укажетъ природѣ ту цѣль къ которой надлежитъ стремиться, и тѣ средства при помощи которыхъ достигается цѣль? Природа, въ силу извѣстныхъ законовъ, блюдетъ за великимъ, за общимъ, за тиломъ, а кажется остается вовсе равнодушною къ частностямъ и мелочамъ, на которыхъ между тѣмъ строится подборъ искусственный. Если человекъ, при помощи своей разумности, внимательности, непобѣдимой энергіи и терпѣнія, можетъ создавать различныя

* Стр. 26.
т. сѣв.

породы животныхъ и растений, столь уклоняющихся отъ своихъ предковъ, то эта честь и принадлежитъ исключительно человѣку, на долю природы здѣсь почти вовсе не достается ничего. Какъ справедливо въ этомъ отношеніи мнѣніе Флуранса, который говоритъ: „поддержка разновидностей и даже ихъ умноженіе зависитъ отъ руки человѣка, нужно изъ рукъ природы взять недѣлимыхъ болѣе всего похожихъ другъ на друга, отдѣлать ихъ отъ другихъ, соединить вѣвствѣ; нужно то же самое дѣлать съ разновидностями находящимися во многочисленныхъ поколѣніяхъ ихъ потомковъ, и такими послѣдовательными заботами можно со временемъ создать въ глазахъ нашихъ безконечность *новыхъ существъ*, которыхъ одна природа никогда не произвела бы.“ * „Изъ двухъ особенныхъ недѣлимыхъ, говоритъ еще Бюффонъ, которыхъ природа произвела какъ бы случайно, человѣкъ дѣлаетъ постоянную и непрерывную породу, изъ которой онъ извлечетъ нѣсколько другихъ породъ, безъ его старанія никогда бы не появившихся на свѣтъ.“ ** Что подобнаго представляетъ природа, какую мы ее знаемъ? Еслибы хоть сбѣтая доля подобныхъ дѣйствій принадлежала ей, она явилась бы разумнымъ существомъ, она стала бы царицею одушевленныхъ существъ. Но такова ли природа съ которою живутъ дѣло естественная наука? Замѣтимъ еще что и самый характеръ измѣненій претерпѣваемыхъ домашними породами говоритъ далеко не въ пользу теоріи. „Одна изъ самыхъ характеристическихъ особенностей нашихъ домашнихъ породъ, говоритъ Дарвинъ, состоитъ въ томъ что мы въ нихъ видимъ приспособленіе не къ благу самого животного и растенія, *а къ пользѣ или прихоти человека*.“ *** Прекрасно; если наши домашнія породы одолжены своимъ происхожденіемъ преимущественно соображеніямъ пользы или прихоти человѣка, то спрашивается, чѣмъ могутъ быть вызваны подобныя измѣненія организмовъ въ лонѣ самой природы, не знающей ни пользы, ни вреда, ни прихотей, ни страстей? Если измѣненія организмовъ домашнихъ обуславливаются пользами или прихотями человѣка, то что подобнаго представляетъ дѣйствительная природа? И однакожь если нѣтъ стимула, нѣтъ и не можетъ быть и обуславливаемого имъ послѣдствія. Возможное для чело-

* *Объ истинности и уль животныхъ*. Перев. 1859. Стр. 115.

** Тамъ же стр. 117.

*** Стр. 24.

вѣка должно являться невозможнымъ для природы. Самъ Дарвинъ подрываетъ силу заключенія отъ искусственнаго состоянія животныхъ къ природному приводя знаменательные примѣры животныхъ домашнихъ не потерпѣвшихъ перемѣнъ несмотря на ихъ прирученность. „Рѣдкость или отсутствіе отдѣльныхъ породъ: кошки, осла, цецарки, гуся и т. п. можетъ быть, говоритъ Дарвинъ, въ значительной мѣрѣ приписана тому что эти *животныя не подвергались дѣйствию подбора*, кошки по трудности ихъ спариванія; осла потому что ихъ держать въ небольшихъ количествахъ люди бѣдные, не обращающіе вниманія на ихъ разведеніе; цецарки, потому что разводить ихъ не легко, въ особенности въ большомъ количествѣ; гуси, потому что ихъ цѣнятъ только за мясо и перья, и не нашлось охотниковъ до разведенія отдѣльныхъ породъ.“ * На нашъ взглядъ эти факты весьма примѣчательны. На эти породы можно смотрѣть какъ на особенно близкія, по условіямъ своей жизни, къ природному состоянію; потому что находясь въ культурномъ состояніи онѣ почти вовсе не поддаются искусственному подбору челоуѣка. И что же выходитъ отсюда? Гуси остаются неизмѣняемыми, осла тоже, цецарки тоже, кошки тоже. Коснись ихъ вліяніе и забота челоуѣка въ такой же мѣрѣ какъ и другихъ домашнихъ породъ, съ полною вѣроятностію можно полагать что и онѣ произвели бы уклоненія отъ тѣла и породили бы разновидности. Но нѣтъ этого вліянія, или если оно оуказывается, то въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, и разновидностей нѣтъ какъ нѣтъ. Въ примѣрѣ гусей, ословъ и т. д. предъ нами организмы въ ихъ естественномъ состояніи, среди самой искусственной обстановки; отсюда видно что помимо вліянія челоуѣка организмы не терпятъ измѣненій, они остаются вѣрны своимъ тѣламъ. Не ясный ли знакъ что, въ домашнемъ состояніи организмовъ, уклончивости ихъ именно содѣйствуетъ воля челоуѣка, и какъ скоро нѣтъ этой воли, нѣтъ и уклоненій, на возможности которыхъ Дарвинъ строитъ свою теорію. Поэтому заключать отъ легко измѣняющихся въ своихъ формахъ организмовъ лодъ вліяніемъ челоуѣка къ организмамъ ведущимъ жизнь естественную въ некультуривованномъ состояніи было бы очень послѣдно и опрометчиво. Если теперъ, при видѣ тѣхъ

* Стр. 34.

измѣненій которымъ подлежатъ домашнія породы, высчитаемъ что въ этомъ явленіи принадлежитъ человѣку, и что самой природѣ, то большая часть процентовъ этого вычисления окажется на сторонѣ человѣка, а на сторонѣ природы ничего другого не окажется кромѣ пассивности или готовности повиноваться волѣ человѣка.

Разбирая представленія Дарвина о состояніи организмовъ въ прирученномъ видѣ и выводимыя отсюда заключенія относительно природнаго состоянія организмовъ, мы анализовали лишь одинъ элементъ этихъ представленій,— значеніе дѣятельности человѣка. Теперь обратимся къ другой сторонѣ, къ характеру самихъ домашнихъ породъ приручаемыхъ и воздѣлываемыхъ человѣкомъ; здѣсь такъ же встрѣчаются недоумѣнія и затрудненія которыя лишаютъ вѣроятности Дарвиново заключеніе объ абсолютной измѣнчивости органическаго міра во все время и притомъ на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ формахъ.

Прежде всего, нельзя еще сказать чтобы всѣ вообще организмы приручались и культивировались. Опытъ говоритъ что не всѣ организмы, но лишь нѣкоторые переходятъ въ культурное состояніе, а это ведетъ къ выводамъ далеко неблагоприятнымъ для Дарвинова ученія о безусловной измѣнчивости формъ органическаго міра. Кьювье и Дюро-де-ля-Малль замѣтили что еслибы нѣкоторыя животныя не обнаруживали въ дикомъ состояніи наклонности поддаться усиліямъ человѣка, то никогда не слѣдовало бы пытаться приручить ихъ. „Еслибы всѣ они походили на волка, лисицу и гиену, то терпѣніе экспериментатора истощилось бы отъ безчисленныхъ неудачъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы получить какіе-либо несовершенные результаты.“ Какія же именно животныя способны къ прирученію? „Животное въ прирученномъ состояніи, говоритъ Кьювье, не находится въ такомъ положеніи которое по отношенію къ чувству неволи существенно отличалось бы отъ положенія другаго животнаго предоставленнаго самому себѣ. Оно живетъ въ обществѣ не по неволѣ, потому что безъ сомнѣнія было животное общежитное. Наши домашнія виды первоначально имѣли эту склонность къ общежитности, и ни одинъ видъ изъ одиноко живущихъ животныхъ, какъ бы ни легко было приручать его, до сихъ поръ еще не далъ настоящей домашней породы. Посто-

му мы только развиваемъ для нашей собственной пользы тѣ наклонности которыя побуждаютъ особи известнаго вида близко привязываться къ подобнымъ себѣ особямъ.“ * Если вообще съ такимъ именно характеромъ общежитія являються наши прирученныя животныя, и безъ этого характера не приручаются, то очевидно какъ мала степень вѣроятности въ заключеніяхъ отъ этихъ немногочисленныхъ и исключительныхъ по своимъ свойствамъ животныхъ ко всемъ остальнымъ животнымъ того же органическаго царства. Прирученныя животныя составляютъ лишь незначительную долю животнаго царства, спрашивается: какъ же отъ этой малой части животныхъ, притомъ, какъ очевидно, одаренныхъ особеннымъ свойствомъ какого не имѣютъ другія, свойствомъ общежитія, а съ нимъ естественно свойствомъ приспособленія и необходимо соединенныхъ съ этимъ известныхъ измѣненій въ организаци, заключать ко всему остальному царству животныхъ которое чуждо свойствъ общежитія а съ нимъ быть-можетъ, и свойствъ измѣнчивости, какъ необходимаго результата приспособленія при общежитіи? Дѣло другаго рода еслибы въ нашемъ распоряженіи были экземпляры хотя бы не всѣхъ, но большей части животныхъ, и всѣ они были бы въ большей или меньшей мѣрѣ способны къ измѣнчивости, такъ что не было бы исключеній изъ правила; но какимъ образомъ при данномъ порядкѣ вещей заключать отъ прирученныхъ животныхъ ко всемъ остальнымъ, когда известно что не всѣ животныя приручаются, а только часть ихъ, и быть-можетъ не приручающіяся животныя потому и не приручаются что неспособны, такъ-сказать, къ уступкамъ въ своей организаци, къ известной долѣ измѣнчивости, условливаемой прирученіемъ. Чтобы заключать, какъ заключаетъ Дарвинъ, отъ прирученныхъ животныхъ ко всемъ остальнымъ, для этого еще нужно было бы доказать что измѣнчивость не стоитъ въ необходимой связи съ прирученіемъ, что она имѣетъ мѣсто и помимо этого условія. Но какъ скоро не доказано это опытомъ, нѣтъ основаній законъ измѣнчивости прирученныхъ животныхъ прилагать къ неприрученнымъ животнымъ. Поэтому, если Дарвинъ считаетъ себя въ правѣ рассуждать такимъ образомъ: приручающіяся животныя измѣняются,

* Геологія Лабэаа т. II, стр. 294.

слѣдовательно и остальные животныя, не приручающіяся, тоже способны къ измѣнчивости, то мы съ равнымъ правомъ можемъ разсуждать совершенно иначе, а именно: всѣ приручающіяся животныя измѣняются, слѣдовательно измѣнчивость есть условіе прирученія, и всѣ не приручающіяся животныя потому не приручаются что они неспособны къ измѣнчивости. Мы думаемъ что заключеніе Дарвина ничуть не основательнѣе нашего заключенія. Черезъ прирученіе мы выдѣляемъ изъ ряда другихъ животныхъ, находящихся въ естественномъ состояніи, нѣкоторыя породы, чрезъ искусство видоизмѣняемъ ихъ въ тѣхъ именно направленіяхъ какъ намъ нужно. Ничто не мѣшаетъ намъ заключать что такая способность организмовъ поддаваться нашему вліянію есть способность которою быть-можетъ одарены только эти извѣстныя намъ животныя, и которой вовсе чужды животныя не поддающіяся нашему прирученію. Отчасти къ такому именно выводу приходилъ Ляйбаль. „Справедливо, кажется, заключать, говорилъ онъ, что сила дарованная лошади, собацѣ, быку, овцѣ, кошкѣ и многимъ видамъ домашнихъ птицъ, выносить почти всякій климатъ, преднамѣренно дана для того чтобы дать имъ возможность слѣдовать за человѣкомъ по всѣмъ частямъ свѣта, дабы мы могли пользоваться ихъ услугами, а они нашимъ покровительствомъ.“ Но если они выносятъ вмѣстѣ съ человѣкомъ климатъ, приспособляясь къ нему, то почему бы имъ, не въ примѣръ другимъ животнымъ, не имѣть и другихъ способностей приспособляться къ дѣйствіямъ и требованіямъ воли человѣческой, и сообразно съ нею подлежать измѣнчивости? Названныя Ляйбалемъ породы приспособляются ко внѣшнимъ условіямъ жизни человѣка какъ не приспособляются другія, почему же нельзя отсюда, вопреки Дарвину, заключать что животныя эти, измѣняясь сообразно волѣ человѣческой, именно приспособлены къ измѣнчивости, какъ не приспособлены другія? Приспособленные въ одномъ отношеніи къ нуждамъ и пользамъ человѣка какъ не приспособлены другія, они могли быть естественно приспособлены и въ другихъ отношеніяхъ такъ какъ не приспособлены другія. И если домашнія животныя способны къ измѣнчивости, то домашнія могутъ быть не приспособлены къ этой измѣнчивости, какъ не приспособлены вообще къ

* Геологія т. II, стр. 295.

нуждамъ и пользамъ челоѣка. На это, повидимому, указываетъ тотъ фактъ что обыкновенно случается что тѣ виды, какъ изъ животнаго такъ и растительнаго царства, которые одарены особенною гибкостью организма, которые наиболее способны приспособляться ко всемъ разнообразнымъ новымъ условіямъ, оказываются наиболее выгодными для челоѣка. „Мы можемъ думать, говорить Лайблль, что въ прирученіи животныхъ и въ культивированіи растений люди первоначально выбирали тѣ виды которые надѣлены наиболее гибкимъ построениемъ, и потому въ теченіе столѣтій занимались производствомъ ряда опытовъ чтобъ опредѣлить каково могло быть наибольшее возможное отклоненіе отъ обыкновеннаго типа, достижимое въ крайнихъ случаяхъ“. * Такимъ образомъ прирученность животныхъ дѣйствительно находится въ связи съ измѣнчивостію ихъ формъ и строенія. Упругость и негодатливость формъ животнаго могли служить причиною его неприрученности. А съ этимъ видѣтъ заключеніе Дарвина отъ измѣнчивости животныхъ въ прирученномъ состояніи къ измѣнчивости въ неприрученномъ является гипотезою достовѣрности которой весьма сомнительна.

Если послѣ общаго разсмотрѣнія различія между воздѣланными и не воздѣланными организмами, которое повело насъ къ представленіямъ не гармонизирующимъ съ принципами Дарвиновой теоріи, мы всмотримся ближе въ свойства прирученныхъ животныхъ и растений культурныхъ, то и здѣсь найдемъ новое указаніе на недостаточность заключеній дѣлаемыхъ Дарвиномъ отъ измѣнчивости домашнихъ породъ къ породамъ всего остальнаго органическаго міра. Теорія Дарвина, какъ можно видѣть изъ нашего краткаго очерка, предпосланнаго разбору его основннхъ положеній, требуетъ безусловной измѣнчивости органическихъ формъ. Даетъ ли на это право характеръ домашнихъ животныхъ, на изученіи которыхъ строится сама теорія? Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ на свойства и степень измѣнчивости животныхъ домашнихъ, насколько подлелитъ это наблюденію научно.

Наша домашнія породы растений и животныхъ ясно показываютъ какъ мало важны въ большинствѣ случаевъ свойства и явленія измѣнчивости въ прирученномъ и культурномъ

* Геологія Лайблля т. II, стр. 279.

состояніи. Измѣнчивость касается, такъ-сказать, поверхности нашихъ домашнихъ породъ и едва лишь дотрогивается внутренняго, основнаго тѣла организма. Это правило относительно животныхъ лучше всего проверяется тѣми наблюденіями которыя сдѣланы надъ измѣненіемъ строя и формъ собаки. „Измѣненія произведенныя въ различныхъ породахъ собакъ обнаруживаютъ вліаніе чловѣка самымъ поразительнымъ образомъ; онѣ становились слугами, товарищами, сторожами и преданными друзьями чловѣка.“ И что же? При всемъ томъ „различныя породы претерпѣли замѣчательныя измѣненія лишь въ количествѣ и цвѣтѣ своихъ покрововъ“, и еще претерпѣли измѣненія „въ величинѣ, въ длинѣ ихъ морды и въ выпуклости ихъ лба. Но во всѣхъ этихъ разновидностяхъ собаки, говоритъ Кюлье, отношеніе костей между собою остается существенно то же самое, форма зубовъ никогда не измѣняется въ какой-либо замѣтной степени.“* Что касается растительнаго царства, то степень измѣнчивости формъ этого царства значительно выше чѣмъ царства животнаго. Такъ напримѣръ „дикая яблоня превращается въ садовую, тернъ въ черносливъ, цвѣты измѣняютъ свои краски и дѣлаются махровыми“. „Но во всѣхъ этихъ случаяхъ оказывается что мы скоро достигаемъ известныхъ предѣловъ за которыми мы не въ силахъ заставить особей нисходящихъ отъ одной и той же группы измѣняться.“** Эти очевидныя доказательства о болѣе или менѣе опредѣленной степени измѣнчивости животныхъ и растений искусственнаго состоянія подтверждаются еще несомнѣнными данными историческими. Между египетскими муміями найдены муміи домашнихъ животныхъ, и всего болѣе быка, собаки, кошки. Муміи эти дошли до насъ отъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, отдаленныхъ отъ насъ 2.000 или даже 3.000 лѣтъ. Но когда эти намотки формъ домашнихъ животныхъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ случаемъ были съ нынѣ живущими формами тѣхъ же животныхъ, то „сходство всѣхъ этихъ видовъ оказалось таково что между ними не было болѣе той разницы какая существуетъ между чловѣческими муміями и набальзамированными трупами людей настоящаго времени. И однакожь нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ были съ того времени развезены чловѣкомъ по всѣмъ возможнымъ

* Геология Лайола, т. II, стр. 279—80.

** Тамъ же, стр. 284—85.

каиматамъ и принуждены приспособлять свои нравы къ величайшему разнообразію условий". * „Сохранились точно такимъ же образомъ лоды, сѣмена и другія части двадцати растений. Между прочимъ открыта была обыкновенная льняница въ закрытыхъ сосудахъ, оставленныхъ въ гробницахъ царей. Никакой разницы между ними было подмѣтить между этою льняницей и тою которая теперь растетъ на Востоку и въ другихъ мѣстахъ.“ ** Что же касается открытыхъ здѣсь растений, то „доказано что не только собственно такъ-называемые виды, но даже известныя породы не измѣнились съ эпохи первыхъ фараоновъ“. *** Приведенные факты свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, что измѣнчивость касается лишь определенныхъ сторонъ организма, не касаясь остальныхъ, съ другой — что эта измѣнчивость, обуславливаемая культурой, имѣетъ предѣлы, дальше которыхъ и дѣтны тысячелѣтія не въ силахъ ничего сдѣлать. Если таковы дѣйствительно факты, то какъ они могутъ мириться съ воззрѣніями Дарвина на безусловную измѣнчивость, на измѣнчивость которой нѣтъ конца, и которая изъ одного и того же типа способна была бы произвести и летучую мышь съ крыльями, и моржа съ плавниками? Между фактомъ который служить точкою отправления для Дарвина, измѣнчивостію домашнихъ породъ, а заключеніемъ обо измѣнчивости безпредѣльной, безусловной въ органическомъ мѣрѣ, нѣтъ надлежащей пропорціональности. Отъ измѣнчивости въ извѣстныхъ только отношеніяхъ, какъ шерсти и устройства морды у собакъ, и отъ перехода дикой яблони въ садовую, Дарвинъ заключаетъ къ измѣнчивости организмовъ во всѣхъ отношеніяхъ, на что не даетъ даже права самый примѣръ голубей, ибо и ихъ измѣнчивость не есть измѣнчивость во всѣхъ отношеніяхъ. Несмотря на факты устойчивости формъ домашнихъ породъ, какъ показываютъ породы организмовъ открытыхъ въ египетскихъ кладбищахъ, на которыя и тысячелѣтія не производятъ измѣняющаго дѣйствія, Дарвинъ все же заключаетъ что всегда и вездѣ есть измѣнчивость въ организмахъ и измѣнчивость безпредѣльная. Правда, Дарвинъ старается ослабить силу убѣдительности этого послѣдняго

* Геология Лайэла, т. II, стр. 282. *Естественная исторія человека* Катрфажа. Переводъ 1861 стр. 60.

** Лайэла, тамъ же, стр. 283.

*** Катрфажъ, стр. 57.

факти тѣмъ что якобы подобные факты ничего не доказываютъ, кромѣ того что нѣкоторые изъ нашихъ домашнихъ породъ возникли какихъ-нибудь 4.000 или 5.000 лѣтъ тому назадъ.* Пусть такъ. Но если мы, по весьма понятной причинѣ, не имѣемъ фактовъ болѣе древнихъ для доказательства устойчивости типовъ въ домашнихъ животныхъ, то съ другой стороны и Дарвинъ не можетъ указать ни одного факта безусловной измѣнчивости организмовъ изъ той же исторіи воздѣланныхъ растений и прирученныхъ животныхъ. А безъ такихъ фактовъ, на чемъ будетъ основываться его теорія безусловнаго измѣненія животныхъ и растений въ естественномъ состояніи? За насъ, за извѣстную лишь долю измѣнчивости, дальше которой не идетъ эта послѣдняя, говорить по крайней мѣрѣ хотя такіе, по мнѣнію Дарвина незначительные, факты какъ египетскія муміи; за Дарвиновъ же принципъ безусловной измѣнчивости не говорить ни одинъ фактъ изъ исторіи домашнихъ породъ.

Какъ безграничная измѣнчивость, требуемая теоріею Дарвина, не можетъ быть подтверждена наблюденіемъ надъ домашними породами, отъ которыхъ Дарвинъ отправляется въ своихъ заключеніяхъ, точно также не можетъ быть подтверждено подобными наблюденіями его ученіе о прогрессивномъ развитіи животныхъ и растительныхъ формъ условливаемомъ измѣнчивостію. По Дарвиновой теоріи требуется чтобъ измѣнчивость сопровождалась по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ усовершеніемъ породы; безъ такого усовершенія обратилась бы въ ничто его теорія прогрессивнаго развитія организмовъ. Но подтверждается ли такое положеніе Дарвиновой теоріи строгимъ опытомъ? Не совсѣмъ. „Породы быковъ, овецъ и пр., говоритъ Катрфажъ, разводимыя промышленностію человека, въ видахъ улучшенія породы для себя, имѣютъ то качество что быстрота развитія у нихъ увеличивается такъ же какъ въ растительныхъ скороспѣлыхъ породахъ. Но это особое преимущество прибрѣтается не иначе какъ съ потерей въ одномъ отношеніи того что выигрывается въ другомъ. Большая часть этихъ животныхъ бывають менѣе грубы, но и гораздо менѣе сильны. Насильственнымъ образомъ усиливъ въ нихъ нѣкоторыя отправления, мы ослабили въ нихъ другія; плодовитость, на примѣръ, быстро уменьшается, или даже совсѣмъ прекра-

* Стр. 15.

щается у особей черезчуръ усовершенствованныхъ.“ * Такимъ образомъ, измѣнчивость нашихъ домашнихъ породъ не всегда совпадаетъ съ усовершенствованіемъ организма самого по себѣ. Какое-либо преимущество домашнихъ организмовъ пріобрѣтается не иначе какъ съ потерей въ одномъ отношеніи того что выигрывается въ другомъ. При этомъ, такъ-сказать, происходитъ перемѣщеніе достоинствъ съ одного пункта организма на другой пунктъ; гдѣ прежде замѣчалось какое-либо достоинство, тамъ его уже нѣтъ послѣ известнаго измѣненія организма, и его мѣсто занимаетъ другое достоинство, проявляющееся въ другомъ направленіи. Здѣсь слѣдовательно нѣтъ прибыли, или усовершенствованія въ собственномъ смыслѣ, а есть только замѣна одного рода явленій другими. Организму какъ бы отпущена опредѣленная сумма силъ которую онъ можетъ употреблять на то или на другое, но истративъ ихъ на одно, онъ не имѣетъ уже ихъ для другаго. Если теперь отъ этого наблюденія надъ домашними породами перенесемъ къ натуральному состоянію организмовъ, то понятно что, по аналогіи, здѣсь должно происходить нѣчто подобное; полученное чрезъ измѣнчивость преимущество вызвало бы за собою какой-либо недостатокъ въ другомъ отношеніи, и такимъ образомъ вмѣсто прогрессивнаго увеличенія суммы органическихъ силъ, въ результатѣ получалась бы лишь смѣна явленій въ сущности тождественнаго съ самимъ собою организма, выходило бы круговращеніе силъ входящихъ въ составъ организма, а не пропорціональное увеличеніе ихъ, въ чемъ выражается истинный прогрессъ, истинное усовершенствованіе. Притомъ, чтобъ умо-заключать отъ измѣнчивости домашнихъ породъ, сопровождающейся улучшеніемъ, къ измѣнчивости и улучшенію дикихъ, нецивилизованныхъ породъ, нужно имѣть какой-либо масштабъ для опредѣленія насколько эти улучшенія приносили бы пользы организму еслибъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ; могло ли бы это человѣческое улучшеніе породы быть улучшеніемъ для нея въ области вліяній и заботливости самого человѣка. Такъ ли это было бы, или нѣтъ, трудно конечно провѣрить на домашнихъ животныхъ, жизнь которыхъ столь полно отличается отъ жизни въ состояніи естественномъ. Но достовѣрно то что, по словамъ самаго Дарвина, „приспособленіе домашнихъ породъ“ ведетъ „не ко благу

* Катрфажъ, *Естественная исторія человѣка*, стр. 114.

самого животного, а къ пользѣ или прихоти человѣка "... * Къ той же цѣли ведутъ слѣдовательно измѣнчивость и усовершенствованіе животныхъ обуславливающіяся подобнымъ приспособленіемъ. Такимъ образомъ, усовершенствованіе домашнихъ породъ далеко отъ того чтобы дать понятіе о прогрессивномъ развитіи организмовъ въ ихъ естественномъ состояніи для самихъ себя. Мы знаемъ животныхъ усовершенствующихся для человѣка, но не знаемъ животныхъ усовершенствующихся для самихъ себя. И если измѣненія претерпѣваемые животными и растеніями въ культивированномъ состояніи служатъ на благо человѣка, а не на благо самихъ организмовъ, то не въ правѣ ли мы даже заключать вопреки Дарвину что если есть измѣнчивость въ органическихъ существахъ въ естественномъ состояніи, то она также не служитъ ко благу самихъ животныхъ. По крайней мѣрѣ, заключеніе Дарвина отъ наблюденія надъ культурными организмами къ поступательному усовершенствованію организмовъ въ естественномъ состояніи нисколько не върогатнѣе нашего заключенія.

Теорія Дарвина, кромя безусловной измѣнчивости организмовъ, ихъ усовершенствованія чрезъ эту измѣнчивость, какъ условій при которыхъ, по его мнѣнію, совершилось развитіе міра органическаго съ самаго начала его бытія до сего дня, требуетъ еще наконецъ чтобы извѣстная степень измѣнчивости животныхъ и растеній, усовершенствующихся чрезъ нее, не приводила къ какимъ-либо шаткимъ видоизмѣненіямъ животного и растенія, при коихъ организмъ ашился бы завтра того признака какимъ обладаетъ нынче. Итъ, Дарвинова теорія требуетъ чтобы проявляющійся признакъ, утверждаясь въ потомствѣ наследственно, получалъ устойчивость и твердость. Безъ этого условія всякая измѣнчивость видоизмѣняла бы животное и усовершала бы его лишь на время; мигуетъ время, миновалась бы и приобретенная имъ степень измѣненія и усовершенія. Это одно изъ коренныхъ требованій его теоріи. Посмотримъ теперь какія данныя представляетъ для подобныхъ заключеній характеръ прирученныхъ животныхъ и растеній воздѣланныхъ? Такъ ли тверды и устойчивы приобретаемая измѣнчивостію свойства ихъ организациі какъ необходимо для твердости возрѣній Дарвина? Опытъ далеко отъ того чтобы подтвердить возрѣнія

* Стр. 24.

Дарвина. „Всякая растительная и животная порода, освободившись отъ культуры или прирученія, теряетъ извѣстное число признаковъ которыми была обязана имъ и приближается къ тѣлу дикому, говоритъ Катрфажъ. Сдѣлавшись снова дикими, наши кустарники, наши растенія съ махровыми цвѣтами производятъ только простые цвѣты, фрукты нашихъ лучшихъ садоводовъ теряютъ свои качества, и яблокъ, въ особенности груша, вновь покрываются своими шилами. Подобнымъ образомъ и потомки тѣхъ голубей которыхъ охотники лустили на волю, чтобъ они могли, подобно своимъ предкамъ, вить свои гнѣзда въ скалахъ, очень скоро принимаютъ признаки дикаго голубя. Лошади живущія на свободѣ въ пампахъ Южной Америки, равно какъ и въ степяхъ Сибири, отчасти потеряли прежнія красивыя формы которыя имъ придалъ человекъ.“ * Даже такой ревностный поклонникъ Дарвина, какъ Роале, и тотъ, излагая въ популярной формѣ воззрѣнія Дарвина, не могъ умолчать о такомъ поразительномъ и необъяснимомъ съ точки зрѣнія Дарвина фактѣ какъ возвращеніе культурныхъ растеній и цивилизованныхъ животныхъ въ дикое состояніе. „Если культивируемыя растенія, говоритъ онъ, въ продолженіи ряда поколѣній растутъ на скудной почвѣ, и если оставляютъ ихъ расти въ дикомъ состояніи, то они измѣняютъ свой характеръ и совершенно, или почти совершенно возвращаются въ дикую первоначальную форму, въ первоначальное состояніе. Они теряютъ тѣ экономически важныя для насъ черты характера въ которыхъ заключается все достоинство ихъ культуры. Это тѣ черты которыя человекъ навязываетъ растенію культурою, и отъ которыхъ очень быстро, или медленно освобождается оно, подвергаясь снова первоначальнымъ, согласнымъ съ его первобытною природою, жизненнымъ условіямъ.“ ** То же самое говоритъ Роале и о животныхъ прирученныхъ. „О давнихъ поръ у натуралистовъ составилось довольно всеобщее убѣжденіе что расы нашихъ домашнихъ животныхъ, когда дичаютъ, постепенно, но всегда вѣрно снова принимаютъ характеръ своихъ дикихъ первоначальныхъ родителей. О прирученной свиньѣ вообще положительно думаютъ что она при одичаніи возвращается въ форму дикой. Одичавшая свинья,

* *Естественная исторія человека*, стр. 100.

** Роале. *О происхожденіи видовъ Дарвина*. Перев., стр. 61.

встрѣчающаяся мѣстами въ лѣсахъ Южной Америки, олять получилъ черный цвѣтъ щетины, клыкъ и большую голову кабана. Ручные кролики самыхъ разнообразныхъ свойствъ, будучи пущены на свободу, по истеченіи уже немногихъ лѣтъ, родятъ дѣтей одноцвѣтной сѣрой шерсти, которая ничѣмъ не отличается отъ дикой начальной формы.“* Сила подобныхъ фактовъ по отношенію къ теоріи Дарвина неотразима. Природа, та самая природа къ свойствамъ и дѣятельности которой заключаетъ Дарвинъ отъ домашнихъ видоизмѣняющихся породъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться измѣненіями совершившимися въ организмахъ подъ вліяніемъ человѣка, и утверждать эти измѣненія за организмами, на самомъ дѣлѣ лишь разрушаетъ плоды усилій человѣка перерождающаго организмы. Природа тѣмъ самымъ какъ бы даетъ знать что ей самой по себѣ несвойственны, несообразны съ ея сущностію, какія бы то ни было измѣненія въ организмѣ животныхъ и растений; она знаетъ ихъ въ опредѣленной формѣ, съ опредѣленнымъ строеніемъ, всякое отклоненіе отъ этой формы или строенія она старается тотчасъ же уничтожить, возвращая организмъ къ его нормѣ. Она какъ бы знаетъ эту опредѣленную норму органическаго строенія, за предѣлы которой не смѣетъ удалиться ни одинъ организмъ; она является не только силою не содѣйствующею, но даже и не терпящею измѣненій въ организмѣ; она является охранительницею ненаружимаго лорядка, почему она и лишаетъ организмы тѣхъ измѣненій которыя пріобрѣтаются ими внѣ условій ея надзора. Человѣкъ старается измѣнить формы животныхъ и растений; природа, наоборотъ, разрушаетъ эти измѣненія. Таково дѣйствительное отношеніе между культурными организмами подъ вліяніемъ и среди заботъ человѣка и тѣми же культурными организмамъ внѣ вліяній человѣка. Дѣйствія природы, разрушаютъ дѣйствія человѣка. На какомъ же основаніи будетъ держаться заключеніе Дарвина касательно устойчивости измѣняющихся организмовъ въ природномъ состояніи, подобной той какую мы встрѣчаемъ въ организмахъ въ состояніи культуры? Гипотеза Дарвина такъ и остается гипотезою, не оправданною фактами и даже прямо опровергаемою ими. Природа положительно отрицаетъ дѣйствія человѣка въ отношеніи къ животнымъ и расте-

* Родле. Стр. 111—113. Подобные же факты у Лайэлла, т. II, стр. 288—9.

війсь, и однакъ отъ этихъ дѣйствій теорія заключаетъ къ организмамъ въ природномъ состояніи. Можетъ ли что-либо болѣе не соответствовать характеру точной естественной науки, жрецомъ которой является Дарвинъ?

Итакъ, по Дарвиновой теоріи, основывающейся въ своихъ заключеніяхъ относительно исторіи развитія организмовъ на изученіи домашнихъ породъ организмовъ, является необходимымъ допущеніе слѣдующихъ *возможностей*: что природа можетъ такъ же видоизмѣнять организмы какъ ихъ видоизмѣняетъ человекъ, что она видоизмѣняетъ ихъ до безконечности, что это видоизмѣненіе соединено съ усовершенствованіемъ организмовъ, что наконецъ усовершенствующіеся организмы получаютъ опредѣленную устойчивость на той стелени до которой они такъ или иначе достигаютъ. Мы видѣли что всѣ эти возможности и остаются простыми возможностями, для подтвержденія коихъ не даютъ никакихъ твердыхъ фактовъ жизнь и свойства организмовъ домашнихъ. Какимъ же образомъ Дарвинъ могъ власть въ подобное заблужденіе и построить теорію безъ надлежащихъ основъ? На это находимъ отвѣтъ въ слѣдующихъ примѣчательныхъ словахъ Катрфажа: „Мы не меньше всякаго по опыту знаемъ ту горячую пылкость, тѣ пылкіе порывы ума которые заставляють мудреца уноситься далеко за предѣлы времени и пространства“ * строгой эмпириі, прибавимъ мы. Къ такимъ мудрецамъ принадлежитъ и Чарльзъ Дарвинъ.

III.

Какъ ни мало вѣроятнаго имѣють заключенія Дарвина отъ искусственнаго состоянія организмовъ къ естественному,— для укрѣпленія теоріи ему необходимо было допустить что явленія въ органической жизни домашнихъ породъ имѣють параллельныя явленія въ природномъ строѣ органической жизни. Безъ допущенія болѣе или менѣе полного соответствія между явленіями въ организмахъ искусственнаго состоянія и природнаго, его теорія оказалась бы висящею

* *Естественная исторія человека*, стр. 265.

положительно на воздухъ. Поэтому Дарвинъ со смѣлостью крайняго философа-идеалиста презираетъ то несоотвѣтствіе которое естественно примѣчается между двумя названными состояніями организмовъ, и не затрудняется разомъ перешагнуть въ своихъ заключеніяхъ отъ наблюденій въ области домашнихъ породъ къ предполагаемымъ тождественнымъ явленіямъ въ природномъ строѣ организмовъ. Но для того чтобы подобный шагъ имѣлъ видъ основательности естественно-научной, Дарвину нужно указать, такіе факторы въ природномъ строѣ организмовъ которые бы съ удобствомъ замѣняли дѣятельность чловѣка въ отношеніи къ организмамъ домашнимъ. Такими факторами, управляющими развитіемъ органической жизни въ природномъ состояніи отъ самого начала органической жизни на землѣ до нашихъ временъ, и вполне замѣняющими полечительность чловѣка при искусственномъ состояніи организмовъ, являются, по Дарвину, два начала: *борьба за существованіе* и *естественный подборъ родичей*. Въ чемъ состоитъ сущность этихъ началъ? Какъ относятся они одно къ другому? Въ чемъ выражается ихъ дѣятельность? На эти вопросы вотъ отвѣты самого Дарвина:

„Какимъ образомъ разнообразіи наконецъ превращаются въ несомнѣнные, рѣзко разграниченныя виды, какимъ образомъ возникаютъ тѣ группы видовъ, различающіяся между собою болѣе чѣмъ виды одного рода. Всѣ эти результаты необходимо вытекаютъ изъ борьбы за существованіе. Не запечатлѣвъ въ умѣ своемъ всего значенія, всѣхъ размѣровъ этого процесса, мы не можемъ охватить яснымъ взглядомъ, не можемъ вѣрно понять строй природы съ безчисленными фактами распределенія, рѣдкости, обилія, угасанія и измѣненія, изъ которыхъ онъ слагается. Природа представляется намъ ликующею и яскою; всякому живому существу она повидимому даетъ лицу въ изобиліи; мы не видимъ, иди забываемъ что птицы безлечно лющія вокругъ насъ по большей части питаются насѣкомыми и сѣменами, сабдовательно безпрестанно уничтожаютъ жизнь; мы забываемъ въ какомъ количествѣ эти лѣвцы или ихъ яйца и птенцы уничтожаются хищными звѣрьми и птицами; мы не всегда помнимъ что птица, теперь обильная, скудѣетъ въ извѣстные мѣсяцы, въ извѣстные годы. Борьба за существованіе необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи въ которой стремятся размножиться всѣ

органическія существа. Всякій организмъ производящій въ теченіи своей жизни много яицъ, или сѣменъ, долженъ подвергаться истребленію въ извѣстные возрасты или въ извѣстныя времена года; не то, въ силу геометрической прогрессіи, число его потомковъ быстро возрасло бы такъ безмѣрно что никакая страна въ мірѣ не была бы въ силахъ пропитать ихъ. Слѣдовательно такъ какъ родится болѣе особей чѣмъ сколько ихъ можетъ остаться въ живыхъ, во всякомъ случаѣ должна происходить борьба за существованіе либо съ особями того же вида, либо съ особями другаго вида, либо съ физическими условіями жизни. При взглядѣ на явленія органическаго міра, необходимо постоянно удерживать въ памяти эти соображенія,—не забывать что каждое изъ отдѣльныхъ органическихъ существъ, окружающихъ насъ, какъ бы напругаетъ всѣ свои силы чтобы размножиться, что каждое купило свою жизнь борьбою за опредѣленный періодъ своего развитія. Пусть облегчится одно изъ этихъ препятствій, пусть ослабѣетъ, хотя на малѣйшую долю, разрушающая причина, и численность вида почти немедленно станетъ возрастать въ неопредѣленныхъ размѣрахъ. Благодаря этой борьбѣ за существованіе, всякое измѣненіе, какъ бы оно ни было легко и отъ какихъ бы причинъ оно ни зависѣло, если оно сколько-нибудь выгодно для особей какого-либо вида, при его сложныхъ соотношеніяхъ съ другими органическими существами и со вѣншею природою, всякое такое измѣненіе будетъ содѣйствовать сохраненію особи и болѣею частію передается потомству.* Но спрашивается: что это за дѣятель который доставляетъ возможность пользоваться извѣстными уклоненіями въ организаціи особей ко благу ихъ, и который слѣдуетъ за измѣненіями происходящими въ строеніи организмовъ, и полезнымъ для нихъ уклоненіямъ тотчасъ даетъ надлежащее приложеніе въ борьбѣ за существованіе? Таковой дѣятель, по Дарвину, есть естественный подборъ. „Начало подбора родителей, столь сильное въ рукахъ человѣка, дѣйствуетъ ли оно и въ природѣ?“ спрашиваетъ Дарвинъ, и отвѣчаетъ: „Я надѣюсь доказать что оно можетъ дѣйствовать очень сильно. Зная что не разъ обнаруживались—въ куль-

---

* Стр. 50, 51, 52—54.

турномъ состояніи организмовъ — уклоненія полезныя чело-
вѣку, можемъ ли мы найти невѣроятнымъ чтобы другія
уклоненія, сколько-нибудь полезныя самому организму, при
вѣчной и сложной жизненной борьбѣ, въ природномъ состо-
яніи, возникали иногда чрезъ тысячу поколѣній? Если они
возникаютъ, можемъ ли мы сомнѣваться что особи пользу-
ющіяся какимъ-либо, хотя бы легкимъ, преимуществомъ предъ
прочими имѣютъ болѣе шансовъ на жизнь, на потомство?
Съ другой стороны, мы можемъ быть увѣрены что всякое
уклоненіе сколько-нибудь вредное подвергалось бы немину-
емому пресѣченію.“ Это сохраненіе полезныхъ уклоненій,
эту гибель вредныхъ, Дарвинъ называетъ естественнымъ под-
боромъ. „Всякое малѣйшее измѣненіе возникшее случайно
въ теченіе времени и сколько-нибудь полезное особямъ ка-
кого-либо вида, лучше приспособляющее ихъ къ жизненнымъ
условіямъ, имѣетъ шансы на сохраненіе, и естественному под-
бору открывается поле для своего совершенствующаго дѣй-
ствія. Въ природныхъ условіяхъ самая легкая разность въ
строеніи или складѣ можетъ покачнуть тонко уравновѣшен-
ные вѣсы жизненной борьбы, слѣдовательно сохраниться.
Если челоуѣкъ можетъ достигать, и несомнѣнно достигъ, зна-
чительныхъ результатовъ методическимъ и сознательнымъ
подборомъ, то чего не можетъ достигнуть природа? Че-
ловѣкъ можетъ дѣйствовать лишь на наружные признаки,
природѣ дѣла нѣтъ до наружности, развѣ она также заклю-
чаетъ въ себѣ элементъ полезный организму. Она можетъ
дѣйствовать на всякій внутренній органъ, на всякій отѣ-
нокъ строенія и склада, на всю совокупность жизненнаго
механизма. Челоуѣкъ подбираетъ лишь то что ему полезно;
природа лишь то что полезно охраняемому ею организму.
Всякій подобранный ею признакъ тотчасъ находитъ прило-
женіе, и организмъ имъ приспособляется еще болѣе къ жизнен-
нымъ условіямъ. Она, можно сказать, ежедневно, ежечасно,
изслѣдуетъ по всему міру всякое уклоненіе, даже самое ни-
чтожное, отбрасывая все дурное, сохраняя и накопляя все
хорошее, неслышно и незамѣтно работая, гдѣ бы и когда бы
ни представился на то случай, надъ усовершенствованіемъ
всякаго организма относительно органическихъ и неоргани-
ческихъ условій его жизни. Отъ насъ скрытъ медленный ходъ
этого процесса; лишь по простествіи долгихъ временъ насъ

поражаютъ его результаты; наши свѣдѣнія о давно прошедшихъ геологическихъ вѣкахъ такъ скудны что мы видимъ лишь различіе между прежними и современными намъ формами жизни. Естественный подборъ можетъ видоизмѣнять строеніе родителей сообразно потребностямъ дѣтенышей и строеніе дѣтенышей сообразно потребностямъ родителей. Въ животныхъ общественныхъ онъ можетъ приладить строеніе всякой особи къ служенію общинѣ, если всякій членъ ея въ свою очередь выигрываетъ отъ такого приспособленія. Естественный подборъ родичей хотя есть начало дѣйствующее безсознательно, однакожь оно неизмѣримо превышаетъ по энергіи слабыя усилія человѣка, какъ природа вообще превышаетъ искусство. Принявъ въ соображеніе это различіе между процессомъ подбора совершаемымъ природою и человѣкомъ, намъ нечего удивляться различію его результатовъ.“ *

Эти-то два начала органической жизни, борьба за существованіе и естественный подборъ, по Дарвину, и служили съ самыхъ первыхъ временъ существованія организмовъ на землѣ тѣми силами которыя, разнообразя простыя, низшія формы органической жизни первобытныхъ временъ, вели органическую жизнь съ одной ступени совершенства на другую, пока не довели ея до того разнообразія и совершенства въ какихъ находимъ ее нынѣ. Борьба за существованіе, условливаемая быстрымъ размноженіемъ организмовъ, не давала мѣста застою въ положеніи органическихъ существъ; она возбуждала движеніе которое поддерживало постоянную энергію въ организмахъ; естественный подборъ, съ своей стороны, присоединяясь къ этой борьбѣ за существованіе, условливалъ побѣду однихъ организмовъ надъ другими, благодаря такимъ или другимъ уклоненіямъ возникшимъ въ строеніи однихъ организмовъ въ сравненіи съ другими, и чрезъ то усвоивалъ побѣдителямъ тѣ уклоненія которыя имъ дали перевѣсъ надъ другими, а при случаѣ вызывалъ и на болѣе прогрессивное уклоненіе въ строеніи. Такимъ образомъ, по Дарвину, борьбою вызывалась жизненная дѣятельность среди организмовъ, а подборомъ условливалось постепенное усовершенствованіе организмовъ все болѣе и болѣе.

---

* Стр. 65—68, 70, 50, 215.

Можетъ ли подобная теорія быть признана соответствующею той задачѣ рѣшить которую она имѣетъ въ виду? Достаточно ли она для того чтобы объяснить развитие всего органическаго міра отъ самыхъ низшихъ ступеней до самыхъ высшихъ, не исключая быть-можетъ и человѣка? Начала этой теоріи отвѣчаютъ ли своимъ результатамъ?

Что нужно для вѣрности естественнонаучной гипотезы? Вотъ что говорятъ объ этомъ единомышленныя Дарвину натуралисты: „Мы должны быть готовы доказать, говоритъ Гексли, что дѣйствительно существуютъ въ природѣ эти предполагаемые причины явленій, что онѣ представляютъ именно то что въ логикѣ называется *vera causa*, истинныя причины, должны быть готовы доказать что принятыя нами причины явленій, которыя мы хотимъ посредствомъ ихъ объяснить, дѣйствительно способны вызвать означенныя явленія“. Далѣе, „каждая гипотеза должна разъяснить всю совокупность фактовъ о которой она желаетъ дать отчетъ; если же хотя относительно одного изъ фактовъ возможно доказать что онъ не только не объясняется, но даже противорѣчитъ ей, въ такомъ случаѣ гипотеза распадается въ прахъ. Одинъ фактъ съ которымъ она положительно несовмѣстна такъ же важенъ какъ 500 подобныхъ фактовъ, и совершенно достаточно для того чтобы отвергнуть гипотезу.“*

Чтобы не отступать отъ естественнонаучныхъ требований, мы рассмотримъ изложенные нами принципы Дарвиновой теоріи именно съ этихъ двухъ сторонъ, которыя указаны Гексли какъ самыя важныя стороны во всякой естественнонаучной гипотезѣ.

Итакъ, спросимъ: дѣйствительно ли основы Дарвиновой теоріи суть истинныя причины для того рода явленій которыя думаетъ объяснить Дарвинъ. Дѣйствительно ли объясняется ими происхождение всего разнообразія и всѣхъ ступеней совершенствъ органическаго міра?

---

* Наши свѣдѣнія о причинахъ явленій въ органической жизни. Перев., стр. 192, 213.

IV.

Факты борьбы за существованіе несомнѣны, но всегда ли бываетъ такъ что гдѣ есть органическое существо тамъ есть и борьба? Натуралистамъ случается наблюдать факты совершенно противоположнаго свойства: вмѣсто того чтобы существа создавали свое благосостояніе на борьбѣ, они создаютъ его на взаимной услугѣ. Вотъ, напримѣръ, фактъ: „каждое растеніе, по причинамъ непонятнымъ для физиолога, имѣетъ свойство дѣлать почву на которой растетъ менѣе пригодною для поддержанія другихъ особей своего собственнаго вида, или даже другихъ видовъ изъ той же самой семьи. Однакоже одно и то же мѣсто вовсе не истощается, а напротивъ улучшается для *другой* семьи. Дубы, напримѣръ, улучшаютъ почву для елей, а ели готовятъ ее для дубовъ. Каждый агрономъ сознаетъ силу этого закона въ органическомъ мірѣ и сообразно съ нимъ располагаетъ свои сѣвообороты.“* Не видно ли здѣсь вмѣсто борьбы организмовъ какого-то мистическаго содружества между ними, по которому взаимная услуга организмовъ создаетъ общее благосостояніе? Здѣсь нѣтъ надобности въ какой-либо борьбѣ организмовъ, которая бы дѣлала особи даннаго вида на побѣдителей и побѣжденных; здѣсь не видно и возможности борьбы которою бы условливался какой-либо прогрессъ въ организаціи, потому что именно эта, а не какая другая организація растеній извѣстнаго рода даетъ имъ возможность пользоваться условіями почвы которыя созданы другими видами растеній, и измѣниась эта организація, быть-можетъ вмѣсто пользы произошелъ бы вредъ, потому что измѣненная организація можетъ-быть потребовала бы иной почвы, чѣмъ какую для елей готовятъ дубы, а для дубовъ ели. И въ мірѣ одушевленныхъ существъ нѣтъ недостатка въ фактахъ которые плохо гармонируютъ съ господствующимъ у Дарвина закономъ абсолютной борьбы за существованіе. Есть нѣсколько видовъ насекомыхъ которыя „готовы въ

---

* Геологія Лайваля. Т. II, стр. 386.

нѣсколько дней, недѣль или мѣсяцевъ разродить мириады существъ, но вотъ эта гигантская сила засыпаетъ, каждый членъ могущественнаго полчища скоро достигаетъ предѣла своего преходящаго существованія, и наступаетъ время когда весь видъ переходитъ въ состояніе яйца*. Если въ природѣ борьба за существованіе имѣетъ такой всеобщій характеръ какой придаетъ этому закону Дарвинъ, то подобное беззащитное положеніе указанныхъ нами видовъ насѣкомыхъ не должно ли было сдѣлаться источникомъ смерти для нихъ отъ враждебныхъ имъ видовъ? Если же этого не случается, то борьба за существованіе перестаетъ имѣть тотъ грозный характеръ который такъ или иначе вызывалъ бы виды на усовершенствованіе. Да и къ чему послужило бы усовершенствованіе хотя бы указанныхъ насѣкомыхъ, когда съ переходомъ всего вида въ состояніе яйца никакое совершенство не могло бы спасти ихъ отъ гибели? Слѣдовательно и относительно царства одушевленныхъ существъ борьба не имѣетъ полнаго приложенія. Борьба мыслима только тамъ гдѣ вообще мыслимы всегда наготовѣ и средства защиты, то-есть въ организмахъ болѣе совершенныхъ. Гдѣ нѣтъ этихъ средствъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ въ низшихъ организмахъ, тамъ борьба смѣняется пассивностію.

Что есть дѣйствительно борьба за существованіе между существами органическаго царства, это еще само по себѣ ни о чемъ не говоритъ и ничего не можетъ доказывать, и ровно ничего не свидѣтельствуетъ въ пользу великаго факта развитія разнообразныхъ формъ органической жизни. Пусть „птицы, безлечно люющія вокругъ насъ, питаются насѣкомыми и сѣменами“, пусть „эти лѣвцы, или ихъ яйца и птенцы уничтожаются хищными звѣрами и птицами“, что же отсюда можетъ проистечь выгоднаго для развитія органической жизни? Развѣ насѣкомое, вслѣдствіе всегдашней опасности быть проглоченнымъ птицею, усовершитъ себя въ какомъ-либо отношеніи настолько чтобы птица вынуждена была искать для себя другой пищи? Развѣ борьба за существованіе разовьетъ въ насѣкомомъ такія орудія защиты которыя бы, усовершая самый характеръ ихъ организма, поставили бы ихъ въ положеніе болѣе благоприятное сравнительно съ ихъ предка-

* Лайваль, т. II, стр. 389.

ми? И почему насѣкомыя, дѣлаясь постоянно жертвами такихъ враговъ какъ птицы, однакожь съ тѣхъ поръ какъ существуютъ птицы не сдѣлали ничего для своей защиты? И какую пользу можетъ принести птицамъ лѣтчимъ то обстоятельство что онѣ дѣлаются жертвами хищныхъ звѣрей и птицъ? Борьба за существованіе при несомнѣнности факта такъ же мало дѣлаетъ птицъ лѣтчихъ болѣе безопасными какъ и хищниковъ голодными. Какъ прежде, такъ и теперь, лѣтніе птицы можетъ-быть болѣе всего даетъ знать хищнику о мѣстѣ гдѣ находится рукою щедрой природы для него приготовленная пища, а птица какъ прежде, такъ и теперь, не подозреваетъ что ея привычка лѣтъ можетъ-быть самый первый предатель ея? Словомъ: если смотрѣть на борьбу за существованіе между отдѣльными видами, на борьбу изъ того періода когда органическая жизнь оразнообразилась и получила довольно многочисленныя формы, то борьба эта ни мало не могла умудрить или улучшить низшихъ организмовъ, напримеръ насѣкомыхъ, потому что для состязанія съ болѣе совершенными организмами низшіе организмы должны были бы уравниваться въ своихъ силахъ съ своимъ врагомъ; но какъ это невозможно, невозможно и какое-либо цѣлесообразное усовершеніе въ низшихъ организмахъ. Но не дѣйствительны ли для прогрессивнаго развитія организмовъ борьба между особями одного вида? Пусть данный видъ увеличился бы безмѣрно, такъ что не всѣ особи вида могли бы находить условія благопріятныя для ихъ развитія и жизни. Слѣдовало ли бы отсюда что нѣкоторыя изъ особей сохранили себя въ силу какого-либо улучшенія ихъ организаціи, и что оставаясь съ обыкновенною организаціею нѣкоторыя не могли бы быть побѣдителями надъ другими? Едва ли. Этотъ фактъ побѣды однихъ особей надъ другими вовсе не имѣетъ надобности въ какихъ-либо прогрессивныхъ измѣненіяхъ въ организаціи побѣдителей сравнительно съ организаціею побѣжденныхъ. Дѣло въ томъ что уничтоженіе избытка въ особяхъ могло произойти помимо всякаго усовершенствованія строенія однѣхъ особей въ сравненіи съ другими. Это могло совершиться вслѣдствіе другихъ условій, независимо отъ такого или другаго характера самихъ особей; эту побѣду однѣхъ особей надъ другими могли совершить частію самые враги животныхъ даннаго вида, утоляя свой голодъ

болѣе обильною пищей чѣмъ въ другое время, частію преждевременная смерть вслѣдствіе голода и т. д. Словомъ, въ случаѣ безмѣрнаго размноженія особей какого-либо вида, уничтоженіе избытка особей могло совершиться безъ всякой необходимости прибѣгать для объясненія факта къ предположенію усовершенствованія однѣхъ особей сравнительно съ другими. Это могло произойти отъ самихъ обстоятельствъ, такъ что остальные сохранившіяся особи вида, оставаясь такимъ образомъ побѣдителями надъ другими особями, могли по-прежнему оставаться на одной и той же ступени совершенства. Это въ особенности нужно сказать о низшихъ организамахъ, каковы насѣкомыя размножающіяся періодически. Допустимъ что въ извѣстный періодъ года, при какихъ-нибудь обстоятельствахъ, народилось безчисленное множество насѣкомыхъ. Они не могутъ достигать какихъ-либо усовершенствованій въ борьбѣ однѣхъ особей съ другими того же вида: именно краткость ихъ существованія не позволяетъ тѣмъ изъ особей которыя чѣмъ-либо отличаются возобладать надъ другими, ибо прежде чѣмъ подобныя особи могли бы размножиться и утвердиться, срокъ ихъ существованія оканчивается.

Говоря вообще, борьба за существованіе, дѣйствительно имѣющая мѣсто въ природѣ, есть фактъ условливаемый извѣстною долей свободы принадлежащей органическому царству, по крайней мѣрѣ въ средѣ животныхъ. Борьба за существованіе есть фактъ всендневной жизни: организмы борются потому что живутъ, живутъ потому что борются. Одно условливается другимъ. Что же касается того значенія какое придаетъ Дарвинъ факту борьбы за существованіе, то оно есть не выводъ основывающійся на самомъ фактѣ, а лишь внѣшняя прибавка къ факту, который ничѣмъ не оправдываетъ ея съ своей стороны. Борьба за существованіе не есть фактъ изъ котораго, какъ изъ причины, необходимо вытекало бы, какъ хочетъ того Дарвинъ, его ученіе о происхожденіи видовъ. * Самъ по себѣ фактъ по меньшей мѣрѣ не говоритъ ни въ пользу, ни противъ подобнаго вывода, то-есть не находится ни въ какой связи съ выводомъ который дѣлается изъ него.

Но можетъ-быть этотъ принципъ Дарвиновой теоріи, раз-

---

* Стр. 50.

сма­три­вае­мый самъ въ себѣ и являю­щій­ся не пря­мо при­год­нымъ для цѣли, ока­жет­ся со­вер­шен­но для нея при­год­нымъ какъ скоро мы оцѣнимъ досто­ин­ства дру­га­го прин­ци­па той же теоріи, „естественнаго подбора“. Можетъ-быть этотъ послѣдній принципъ прольетъ намъ тотъ свѣтъ на ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ котораго не даетъ принципъ борьбы за существованіе.

V.

Съ пер­ва­го взгля­да дѣй­стви­тель­но этотъ новый принципъ Дарвиновой теоріи кажет­ся го­товъ дать на­де­жа­щія опору для теоріи. Имъ усло­вли­ва­ет­ся, по Дар­ви­ну, со­хра­не­ніе и уна­слѣ­до­ва­ніе осо­бы­ми вся­кихъ уклоненій по­лез­ныхъ въ ка­комъ бы то ни было от­но­ше­ніи осо­бы­мъ. Слѣ­до­ва­тель­но, соб­ствен­но естественный подборъ и есть, въ его воз­зрѣ­ніи, тотъ принципъ который ведетъ раз­ви­тіе и усо­вер­шен­ство­ва­ніе ор­га­низ­мовъ съ одной ступени на дру­гую.

Конечно, еслибы естественный подборъ дѣй­ство­валъ въ са­момъ дѣлѣ такъ какъ пред­по­ла­га­етъ Дар­винъ, то раз­ви­тіе ор­га­ни­че­ска­го міра на­хо­ди­ло бы въ немъ до­ста­точ­ное раз­яс­не­ніе, свою до­ста­точ­ную при­чину. Но при­знать этотъ принципъ во всей его силѣ не­льзя, ча­стію по­то­му что онъ сво­ею дѣ­я­тель­но­стію, при­пи­сы­ва­е­мо­ю ему Дар­ви­номъ, да­етъ при­ро­дѣ сов­сѣмъ не то зна­че­ніе ка­кое она имѣ­етъ для естество­ис­пы­та­те­ля, ча­стію по­то­му что ученіе о немъ не освобождаетъ мысли отъ мно­гихъ недоумѣній ко­то­рыя дѣ­ла­ютъ весьма сомнительною дѣй­стви­тель­ность са­мо­го прин­ци­па.

Между природою какою мы знаемъ ее, и тою ко­то­рая яв­ля­ет­ся дѣй­ст­вую­щею, по пред­по­ло­же­нію Дар­ви­на, въ про­из­ве­де­ніи видовъ, есть непро­хо­ди­мая без­дна. Эта послѣд­няя природа остав­ля­етъ по­за­ди себя даже раз­ум­ность че­ло­вѣ­ка съ ея телео­ло­гіей. Ея пре­дуп­ре­ди­тель­ность от­но­си­тель­но ор­га­низ­мовъ, ея за­бо­т­ли­вость и вни­ма­тель­ность къ хъ бла­го­со­сто­я­нію не имѣ­етъ предѣловъ. Между тѣмъ какъ че­ло­вѣ­къ поль­зу­ет­ся ка­ж­дымъ про­яв­ля­ю­щим­ся из­мѣ­не­ніемъ ор­га­низ­ма для своей соб­ствен­ной поль­зы, слѣ­до­ва­тель­но экс­плу­а­ти­ру­етъ ор­га­низ­мы,

природа „подбираетъ именно то что полезно охраняемому ея организму“. Человѣкъ не можетъ простирать своихъ измѣненій въ организмахъ дальше внѣшности, наружныхъ признаковъ организма; не то дѣлаетъ природа, „она дѣйствуетъ на всякій внутренній органъ, на всю совокулность жизненнаго механизма“. Извѣстно какое невѣроятное терпѣнiе, какая непобѣдимая энергiя, какой изощренный глазъ требуется для того чтобъ удалось человѣку развести такую или другую породу. Но все это ничто въ сравненiи съ тѣмъ что дѣлаетъ природа для улучшенiя организмовъ: „естественный подборъ *ежедневно, ежесечно* изслѣдуетъ по всему мiру всякое уклоненiе, даже *самое ничтожное*, неслышно и незамѣтно работая, гдѣ бы и когда бы ни представлялся на то случай. Всякій подобранный ею признакъ тотчасъ находитъ себѣ приложенiе“. Предъ нами очевидно рѣшительно другая природа, идеальная и разумная, совсѣмъ отличная отъ той какою изучаютъ естествоиспытатели. Конечно, такъ идеализованною природою Дарвинъ въ состоянiи будетъ объяснить многое въ явленiяхъ органической природы; но будетъ ли это дѣйствительное объясненiе? Намъ кажутся представленiя Дарвина о дѣятельности природы въ развитiи органической жизни столь же преувеличенными какъ оказались бы преувеличенными каждымъ предположенiя того кто, смотря на построенiе ячеекъ пчелою, вздумалъ бы утверждать что эта пчела можетъ создать дворець. Дарвинъ видитъ предъ собою великую чудную картину земныхъ организмовъ, ищетъ для нея разгадки въ естественныхъ причинахъ, и только въ этихъ причинахъ: неудивительно если вмѣсто дѣйствительной природы онъ видитъ предъ собою природу неземную, съ божественными совершенствами. И кто бы могъ предположить что къ такимъ возвышеннымъ понятiямъ о природѣ Дарвинъ приходитъ вслѣдствiе не чего-либо, а только изученiя улучшенiй которыя приобрѣтаютъ организмы въ культивированномъ состоянiи! Судя по тому какъ внимательно, предупредительно, разумно обращенiе человѣка съ прирученными и воздѣланными имъ организмами, и зная въ то же время какъ незначительны, говоря вообще, по сравненiю со всѣмъ тѣмъ что представляетъ намъ дѣйствительная, но неразумная природа, услѣхи человѣка относительно усовершенiя организмовъ, едва ли можно было бы сомнѣваться достанетъ ли силъ и возможности у природы

не идеализованной, а дѣйствительной сдѣлать что-нибудь подобное. И однакожь Дарвинъ не только приписываетъ природѣ подборъ родичей въ такихъ размѣрахъ какъ наблюдалось явленіе въ домашнемъ состояніи организмовъ, но переносясь отъ этого послѣдняго состоянія организмовъ къ природному, увеличиваетъ еще понятіе о дѣятельности природы до трансцендентныхъ размѣровъ. Дарвинъ перестаетъ быть жрецомъ эмпирической науки какъ скоро онъ позволяетъ себѣ подобныя умозаключенія, имѣющія такое же значеніе какъ и всякая недоказанная гипотеза. Съ такимъ приѣмомъ, конечно, легко будетъ объяснить все что угодно, но всѣ подобныя объясненія уже не будутъ имѣть никакой научной силы. Мы не знаемъ той природы, внимательной, заботливой, ухаживающей за своими питомцами; мы знаемъ природу въ полномъ смыслѣ слова равнодушную къ своимъ произведеніямъ.

Но идеализованная природа безсильна создать, какъ желаетъ того Дарвинъ, весь многообразный міръ организмовъ. Процессъ естественнаго подбора въ сущности оказывается не только неестественнымъ, но даже прямо противоестественнымъ.

Процессъ естественнаго подбора, на который такъ много возлагаетъ надеждъ Дарвинъ, говоря вообще, состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ что между индивидуумами вида являются такіе которые получаютъ признаки сначала незначительные, отличающіе эти индивидуумы отъ другихъ; эти признаки передаются потомству, упрочиваются, если они полезны особямъ, и такимъ образомъ видъ, измѣняясь, совершенствуется.

Дабы этотъ процессъ былъ понятенъ для мысли и ясно рисовался въ представленіи, нужно чтобы, съ одной стороны, закону измѣчивости и закону наслѣдственности указаны были опредѣленное мѣсто и значеніе въ процессѣ, и съ другой—самый процессъ подбора, условленный ими, представлялся намъ совершенно отчетливо. Но Дарвинова теорія не удовлетворяетъ ни первому, ни второму требованію.

„Въ общемъ итогѣ можно сказать что наслѣдственность—правило, а измѣчивость—исключеніе“, говоритъ Дарвинъ.* Если такъ Дарвинъ опредѣляетъ отношенія измѣчивости,—условія происхожденія уклоненій въ строеніи вида,—и наслѣд-

* *Прирученныя животныя*. Перев., т. II, стр. 404.

ственности,—условія закрѣпленія измѣнчивости въ потомствѣ, — въ такомъ случаѣ очевидно его теорія основывается на случайности, на непрочномъ началѣ, ибо измѣнчивость есть не болѣе какъ исключеніе, и однакожь на ней зиждется вся теорія Дарвина; не будь измѣнчивости, не возможно было бы и происхожденіе видовъ. Кромѣ такого страннаго построенія теоріи на исключеніи, теорія эта, давая господственное значеніе закону наслѣдственности, тѣмъ самымъ разрушаетъ одною рукой то что создаетъ другою. Если наслѣдственность есть правило, а измѣнчивость исключеніе, то не слѣдуетъ ли ожидать что наслѣдственность будетъ брать перевѣсъ надъ измѣнчивостью, какъ исключеніемъ, такъ что, хотя подобныя исключенія и являлись бы во временахъ, но, какъ именно исключенія, рано или поздно должны были бы уступить настоящему правилу наслѣдственности, сущность которой состоитъ въ томъ чтобы послѣдующее поколѣніе было сходно съ предыдущимъ. Если выходить изъ двухъ принциповъ: измѣнчивости и наслѣдственности, и на первый смотрять какъ на исключеніе, а на второй какъ на правило, въ такомъ случаѣ исключеніе не можетъ имѣть другаго значенія, кромѣ того чтобъ оно такъ же скоро исчезало какъ и проявляется. Допустить что явленію измѣнчивости покровительствуетъ законъ наслѣдственности значило бы допустить что наслѣдственность лишается своихъ законныхъ правъ. Притомъ, еслибы наслѣдственность стала въ такое покровительственное отношеніе къ измѣнчивости, то она ужь конечно не стала бы разбирать безполезныхъ и полезныхъ уклоненій; она утверждала бы каждое уклоненіе; а такъ какъ въ случайныхъ явленіяхъ трудно и даже невозможно представить чтобы всѣ уклоненія были полезны для видовъ, то расплодилось бы многое множество особей съ совершенно безполезными уклоненіями, такъ что быть-можетъ въ самомъ благоприятномъ случаѣ полезныя уклоненія уравнивались бы безполезными. Правда, по Дарвину, премудрый естественный подборъ зорко слѣдитъ за каждымъ полезнымъ уклоненіемъ и причиняетъ гибель безполезнымъ, но природа не знаетъ такого естественнаго подбора. Да еслибы измѣнчивость, управляемая наслѣдственностію, и не приводила почему-либо къ тѣмъ результатамъ на которые мы только-что указали, то и тогда едва ли бы можно было надѣяться чтобъ

измѣнчивость вполне благопріятствовала утвержденію полезныхъ уклоненій. Дѣло въ томъ что измѣнчивость есть исключеніе, следовательно случай, и что можетъ ручаться намъ чтобъ уклоненіе, хотя полезное для вида, если не смѣнилось безполезнымъ, то по крайней мѣрѣ не уничтожилось? Наконецъ, самая наследственность не есть такой всеобъемлющій дѣятель какимъ выставляетъ его въ своей теоріи Дарвинъ. Есть, хотя и не многочисленные, примѣры гдѣ явленія стоятъ въ совершенномъ разобщеніи съ наследственностью, гдѣ наследственность перестаетъ быть дѣятелемъ. Эти факты указываетъ самъ Дарвинъ. Таково, на примѣръ, существованіе безполыхъ муравьевъ. Самы они не способны къ продолженію своего вида и производятся отличными отъ нихъ плодovitыми самками и самцами. Что бы ни говорилъ намъ Дарвинъ въ объясненіе этого явленія, * для насъ все же существуетъ фактъ который противорѣчитъ его теоріи. Ибо происхожденіе безполыхъ только тогда понятно было бы для насъ съ точки зрѣнія Дарвина, когда и безполые муравьи могли бы передавать эту особенность своему потомству, то есть когда бы они вовсе не были тѣмъ что они есть.

Если затѣмъ обратимся къ самому процессу естественнаго подбора, какимъ онъ долженъ быть въ началѣ явленія признака отличающаго извѣстную особь вида отъ другихъ, то и здѣсь дѣло не обходится безъ большихъ затрудненій. Дарвинъ восторгается воображаемымъ успѣхомъ естественнаго подбора, но стоить лишь заглянуть въ пристальнѣе на самый актъ зарожденія извѣстнаго признака и на условія его упроченія, чтобъ усомниться въ возможности исполненія подборомъ той роли которую ему приписываютъ. Пусть пробился не одинъ, а нѣсколько признаковъ у различныхъ индивидуумовъ, признаковъ весьма полезныхъ для нихъ: развѣ съ этимъ уже дѣло и кончилось? Совсѣмъ нѣтъ. Это только начало, которое требуетъ продолженія, а это влечетъ за собою такія предположенія съ которыми едва ли кто согласится. Явился признакъ полезный для жизненной борьбы, но явился конечно не вдругъ, а какъ случайность, сталъ признакомъ индивидуума. Для того чтобы потомство унаследовало подобный признакъ, очевидно индивидуумъ долженъ подыскать,

---

* Стр. 190 и далѣе.

какъ это дѣлаетъ человѣкъ при искусственномъ подборѣ, другаго индивидуума съ подобнымъ же признакомъ; безъ такой предосторожности признакъ, хотя бы полезный виду, чрезъ скрещиваніе съ особями не имѣющими этого признака, въ силу наслѣдственности основнаго типа, настолько бы уменьшился насколько второй индивидуумъ безъ опредѣленнаго признака принималъ бы участіе въ образованіи плода, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе самимъ ходомъ жизни стирался бы полезный признакъ. Только тогда извѣстный признакъ могъ бы утверждаться въ потомствѣ когда особь отличенная извѣстнымъ признакомъ скрещивалась бы также съ особью отличенною тѣмъ же признакомъ, и еслибы потомокъ отъ этого скрещиванія снова имѣлъ благоразуміе скрещиваться съ особями отличенными тѣмъ же опредѣленнымъ признакомъ; иначе немыслима передача хотя бы и полезныхъ признаковъ въ потомствѣ. Но возможно ли это? Не есть ли это чистая фантазія? И вопервыхъ, вѣроятно ли чтобъ индивидуумъ отличенный какимъ-либо признакомъ сознавалъ его полезность и стремился передать потомству? Вовторыхъ, вѣроятно ли чтобы, сознавая эту полезность, данный организмъ сталъ искать именно такую особь которая способна была бы послужить цѣли? Втретьихъ, вѣроятно ли чтобы данный организмъ сознавалъ что именно этимъ, а не другимъ способомъ можно упрочить случайно подаренный ему судьбою признакъ? Вчетвертыхъ, вѣроятно ли чтобы такой индивидуумъ отыскалъ требуемое, чтобъ одновременно могли возникнуть хотя два индивидуума отличенные одинаковыми признаками? Впятыхъ, вѣроятно ли чтобы такъ дѣло шло въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній? Вѣроятно ли все это? Отвѣтъ понятенъ; но надобно притомъ взять въ разчетъ что каждое изъ этихъ требованій совершенно необходимо. Приходится разчитывать на счастливый случай; но такихъ счастливыхъ случаевъ должны были быть милліарды, да и самый случай въ существѣ дѣла не изъять отъ тѣхъ же требованій. ибо все же требуется послѣдовательный рядъ особей отличенныхъ одними и тѣми же признаками чтобы могла утвердиться новая органическая форма. Не забудемъ еще что уклоненія явятся можетъ-быть въ формѣ едва замѣтной, а можетъ-быть и не совсѣмъ пригодной на первыхъ порахъ для какой-либо полезной цѣли, такъ что трудно предположить чтобы, благодаря подбору, оно

утвердилось въ потомствѣ и развилось въ надлежащей мѣрѣ. Напримѣръ, пусть появится у особи рогъ въ видѣ едва замѣтной шишки: слѣдуетъ ли отсюда что особь дастъ этотъ признакъ, какъ полезный, своему потомству? А что сказать о внутреннихъ измѣненіяхъ въ организмахъ? Есть ли здѣсь мѣсто для естественнаго подбора? Кто будетъ заглядывать внутрь организмовъ, отдѣлять измѣняющіеся въ этомъ отношеніи организмы отъ прочихъ и черезъ взаимное скрещиваніе ихъ видоизмѣнять породу? Все тотъ же, скажетъ Дарвинъ, естественный подборъ. Если такъ, то конечно нечего удивляться что Дарвинъ ставитъ естественный подборъ выше искусственнаго. Замѣтимъ еще наконецъ: такъ какъ родъ жизни животнаго зависитъ всегда отъ его устройства, то очевидно что въ извѣстномъ видѣ наиболѣе преимуществъ имѣють тѣ коихъ организація всего болѣе соотвѣтствуетъ типу вида. Если предположите въ устройствѣ организма случайное измѣненіе которое могло бы быть преимуществомъ, то въ началѣ оно тѣмъ не менѣе будетъ помѣхою, нанося ущербъ типу вида и дѣлая индивидуумъ менѣе приспособленнымъ къ роду жизни къ которому призываетъ его общая организація. Дарвинъ не хочетъ знать всѣ эти прелестствія, но не хотѣтъ знать не значить еще устранять ихъ.

Мы разобрали принципъ гипотезы Дарвина, удовлетворяя первому естественнонаучному требованію высказанному Гѣкслю, именно чтобы причины явленій указываемыя гипотезою были истинными причинами, имѣли сами по себѣ достаточное основаніе и не имѣли въ себѣ какого-либо противорѣчія которое лишало бы ихъ права считаться истинными причинами. Мы видѣли какъ мало теорія Дарвина удовлетворяетъ этому первому требованію научности.

Въ болѣе новомъ своемъ сочиненіи: *Происхожденіе человека*, Дарвинъ самъ соглашается что прежде онъ слишкомъ можетъ-быть преувеличивалъ значеніе „естественнаго подбора“. Въ этомъ сочиненіи, въ тонѣ уже болѣе скромномъ, онъ говоритъ: „прямымъ и косвеннымъ послѣдствіямъ естественнаго подбора можно смѣло придавать очень широкое, хотя и *неопредѣленное значеніе*. Ранѣе я не обратилъ достаточно вниманія на существованіе многихъ образованій которыя, насколько можно судить, ловидимому, не приносятъ животному ни выгоды, ни вреда, и это, я думаю, есть одно изъ

самыхъ большихъ олушеній найденныхъ до сихъ поръ въ моемъ сочиненіи. Я ошибся... преувеличивая значеніе естественнаго подбора, что въ самомъ дѣлѣ имѣеть вѣроятность“ (томъ I, стр. 169—70). Именно Дарвинъ указываетъ что между прочимъ твердость его теоріи касательно естественнаго подбора не мало поколебала авторитетныя замѣчанія натуралиста Негели. * Негели между прочимъ заявляетъ что „последовательное проведеніе теоріи Дарвина встрѣчается съ нѣкоторыми противорѣчіями и невозможностями“. Положимъ, говорятъ онъ, „въ началѣ явилось только одноклѣточное растеніе, или же нѣсколько видовъ такихъ растеній. Но соперниковъ не было, и внѣшнія условія были одинаковы по всей земной поверхности. По теоріи полезности (Дарвина) не существовало двигателей обуславливавшихъ появленіе полезныхъ измѣненій; какъ развились болѣе сложныя и высоко организованныя существа она тѣмъ болѣе не въ состояніи объяснить что именно одноклѣточные растенія въ такой высокой степени индифферентны ко внѣшней обстановкѣ“ (стр. 33). Конечно, Дарвинъ ничуть не думаетъ признавать безсиліе своего принципа „естественнаго подбора“ и попрежнему защищаетъ его значеніе (*Происс. челв.* томъ I, стр. 170); но сознаніе научной недостаточности „естественнаго подбора“ какъ принципа въ объясненіи происхожденія видовъ и формъ органическаго міра побуждаетъ его кое-чѣмъ поукрѣпить его и задѣлать тѣ бреши которыя сдѣланы противниками въ твердынь его теоріи. Такимъ средствомъ подпереть нѣсколько колеблющуюся, даже въ его собственныхъ глазахъ, теорію, Дарвинъ считаетъ принципъ „половаго подбора“. Этотъ новый принципъ долженъ, по Дарвину, объяснить тѣ явленія какія недостаточно объясняются принципомъ простаго естественнаго подбора, именно тѣ явленія въ органическомъ мірѣ которыя не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ полезности ихъ, а этою чертой, по теоріи его, должны отличаться непремѣнно продукты естественнаго подбора. Сюда относятся въ особенности „музыкальныя органы, какъ голосовые, такъ и инструментальныя, яркіе цвѣта, лянна, украшающіе придатки“ и пр. встрѣчаемыя въ органическихъ формахъ. Если естественный подборъ подбиралъ, то-есть условливалъ, происхожденіе только полезныхъ измѣненій въ

* *Происхожденіе естественно-историческаго вида.* Перев., 1886.

организмъ, то половой подборъ напротивъ содѣйствовалъ происхожденію и такимъ особенностямъ организма которыя не могли быть прямо полезны особямъ. Дарвинъ говоритъ о послѣднихъ продуктахъ полового подбора такъ: „Видоизмѣненія пріобрѣтенныя путемъ полового подбора въ нѣкоторыхъ случаяхъ были пріобрѣтены цѣной не только неудобствъ, но и положительныхъ опасностей.“ (Сводъ взглядовъ Дарвина на этотъ вопросъ см. *Происхожденіе человека*, томъ II, стр. 442 и д.). Мы не можемъ входить въ разборъ Дарвинова принципа полового подбора не выходя изъ предѣловъ статьи назначенной для популярнаго чтенія. Одинъ англійскій критикъ въ журналѣ *Athenaeum* по весьма понятной причинѣ затрудняется войти въ серьезное разсмотрѣніе Дарвинова полового подбора; онъ говоритъ: „мы право не знаемъ какъ приступить къ половому подбору.... предметъ деликатный и затруднительный“ (*Русскій Вѣстникъ* 1871 года, май, стр. 377). То же самое должны сказать и мы, строго держась своей задачи. И притомъ, мы глубоко убѣждены что нисколько не вредимъ цѣлости, полнотѣ и объективной правдивости своего изслѣдованія если оставимъ въ сторонѣ разборъ принципа „полового подбора“. Самъ Дарвинъ, благодаря своему научному безпристрастію, при изложеніи фактовъ имѣющихъ доказать этотъ принципъ, не умалчиваетъ и о тѣхъ фактахъ которые, повидимому, должны были бы подходить подъ этотъ принципъ, однако же далеко не подходятъ подъ него; и читатель безъ посторонняго указанія научается по достоинству оцѣнивать значеніе полового подбора и въ системѣ Дарвина, и въ сферѣ явленій міра органическаго. Серіозная оцѣнка со стороны была бы въ данномъ случаѣ ребяческою указкой, которая вовсе не нужна. Факты изложенные Дарвиномъ говорятъ сами за себя. Онъ собралъ главнымъ образомъ данныя въ подтвержденіе важности своего принципа „полового подбора“ изъ естественной исторіи птицъ; но изъ этихъ данныхъ еще далеко нельзя заключать ко всѣмъ остальнымъ классамъ животнаго міра. Критикъ Дарвиновой теоріи въ англійскомъ изданіи *Quarterly Review* говоритъ: „нельзя утверждать что есть какія-либо данныя для полового подбора кромѣ какъ въ классѣ птицъ. Дарвинъ доказываетъ что птицы выбираютъ и утверждаетъ что ихъ половыя отличія произведены подобнымъ подборомъ, и изъ этого заключаетъ что слѣдовательно и

половые особенности звѣрей развились подобнымъ же образомъ. Но мы можемъ сдѣлать обратный аргументъ и сказать что не менѣе рѣзко обозначенныя половыя особенности существуютъ у многихъ звѣрей, пресмыкающихся и насекомыхъ, и эти особенности не могутъ зависѣть отъ полового подбора, и слѣдовательно, вѣроятно, половыя особенности птицъ также не зависятъ отъ полового подбора, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково дѣйствовала какая-либо неизвѣстная внутренняя причина. Вопросъ, слѣдовательно, стоитъ такимъ образомъ: изъ животныхъ обладающихъ половыми особенностями есть такія у которыхъ половой подборъ не могъ дѣйствовать, есть другія у которыхъ онъ можетъ-быть и дѣйствовалъ; есть наконецъ и такія у которыхъ онъ, по словамъ Дарвина, навѣрное дѣйствовалъ. Нѣсколько странно выводить изъ сего заключеніе что половой подборъ есть единственно всеобщая причина половыхъ особенностей, когда и въ отсутствіи ея происходятъ явленія подобныя тѣмъ какія ей приписываются“ (*Русск. Вѣстн.* 1871, ноябрь, стр. 330).

VI.

Переходимъ ко второму требованію высказанному Гэкслю,— требованію которымъ опредѣляется достоинство естественнаго научной гипотезы: она должна обхватывать всю совокупность явленій для объясненія которыхъ она составлена, ни одинъ фактъ не долженъ оставаться не объясненнымъ ею.

Неудовлетворительная сама по себѣ гипотеза запутывается въ противорѣчійхъ, какъ скоро мы обратимся къ фактамъ которые она имѣетъ объяснить.

Теорія Дарвина имѣетъ своимъ назначеніемъ доказать постепенное развитіе міра органическаго, со всѣми его развитіями въ обоихъ его важнѣйшихъ моментахъ: со стороны *физической и психической*, доказать, отправляясь отъ своихъ принциповъ. Посмотримъ насколько такой простой гипотезѣ какъ Дарвинова удастся разрѣшить эту безконечно сложную задачу развитія органическихъ существъ отъ низшихъ ступеней до высшихъ, какъ со стороны физической, или внѣшней формы, такъ и со стороны психической, или внутренней жизни.

Начало органической жизни на землѣ для Дарвина покрыто мракомъ неизвѣстности. При какихъ условіяхъ возникла первоначальная жизнь на землѣ, чѣмъ опредѣлялся прогрессъ ея развитія на этой ступени, и въ чемъ онъ состоялъ, Дарвинъ отказывается показать. „Можно было бы спросить, обращаясь къ началу жизни на землѣ, когда всѣ живыя существа, можно полагать, имѣли строеніе очень простое, говорить Дарвинъ, какимъ образомъ могли возникнуть первыя степени прогресса или обособленія и спеціализаціи органовъ? Я не могу дать удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.“* И однакожь отъ разрѣшенія вопроса зависитъ правильный взглядъ на дальнѣйшее развитіе органической жизни. Ибо безъ рѣшенія этого вопроса мы не можемъ опредѣлить что въ дальнѣйшемъ развитіи организмовъ зависитъ отъ самихъ организмовъ, что отъ внѣшнихъ условій и такихъ причинъ какъ борьба за существованіе и естественный подборъ. Правда, Дарвинъ все развитіе органической жизни приписываетъ этимъ послѣднимъ причинамъ, но, при неизвѣстности организаціи первоначальныхъ существъ, всегда остается мѣсто для вопроса: въ существѣ самихъ организмовъ не было ли условій которыя сами изъ себя и произвели то что Дарвинъ приписываетъ своимъ началамъ? Словомъ, темнота начала органической жизни на землѣ переносится и на развитіе всего органическаго царства на послѣдующихъ ступеняхъ. Все знаніе точной науки Дарвина о первоначальномъ состояніи организмовъ исчерпывается *предположеніемъ* что „животныя произошли не болѣе какъ отъ четырехъ или пяти прародителей, а растенія отъ такого же или еще меньшаго числа предковъ“. ** На это предположеніе справедливо замѣчаетъ Бэръ: „если мы можемъ допустить восемь или десять первоначальныхъ формъ которыя произошли непонятнымъ для насъ образомъ, то отчего мы не можемъ допустить что многія тысячи формъ произошли непонятнымъ для насъ образомъ, то-есть естественно-исторически непонятнымъ для насъ образомъ? Можемъ ли мы сказать что понимаемъ совершенно какъ восемь или десять формъ организованныхъ существъ должны или могли произойти по естественнымъ законамъ; потомъ, имѣемъ ли мы право утверждать

* Стр. 105.

** Стр. 382.

что остальные развились отъ преобразованія первыхъ? А такъ какъ мы не понимаемъ происхожденія восьми или десяти первоначальныхъ формъ, то мы не имѣемъ никакого права допускать что другія формы произошли отъ преобразованія этихъ основныхъ формъ.“* Наконецъ эти первоначальныя творенія могли быть чѣмъ-либо въ родѣ инфузорій, и въ такомъ случаѣ прежде всякаго приложенія закона борьбы за существованіе и естественнаго подбора уже имѣлись бы главныя характеристическія отличія органическихъ формъ растительнаго и животнаго царства.** Или они были ниже инфузорій и приближались къ безжизненной неорганической природѣ, и въ такомъ случаѣ столь же мало могли воспользоваться естественнымъ подборомъ въ жизненной борьбѣ сколько неорганическая природа: какъ могло являться какое-либо внутреннее движеніе сохранять извѣстныя, выгодныя организмы измѣненія, когда міръ органической находился на невообразимо низкой ступени бытія? Всего этого еще мало. Для большей точности теоріи, по словамъ италіанскаго натуралиста Омбони, Дарвину „слѣдуетъ опредѣлить число и форму первообразныхъ типовъ, а также и всѣ уклоненія чрезъ которыя прошли эти формы для-того чтобы произвести всѣ послѣдующіе виды. Но по всей вѣроятности этого никогда не узнаютъ, а если въ послѣдствіи и узнаютъ, то весьма поверхностно и не полно; все это будутъ лишь одни предположенія и гипотезы“***

Слѣдить за всѣмъ ходомъ развитія органическаго царства со стороны физической, становясь при этомъ на точку зрѣнія Дарвина, мы не имѣемъ возможности: это завлекло бы насъ саишкомъ далеко и чрезвычайно усложнило бы нашу задачу; поэтому мы ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями о достоинствѣ гипотезы Дарвина въ объясненіи лишь нѣкоторыхъ фактовъ изъ развитія органической жизни на землѣ. И прежде всего, какъ могло случиться чтобы водяныя животныя, какими были первоначальныя организмы, по свидѣтельству геологіи, перешли въ организмы наземныя

Журн. *Натуралистъ* 1865, стр. 362.

** О сложности микроскопическихъ животныхъ можно читать интересные свидѣнія напримѣръ у Пуше *Земля и небо*, перев. 1866, стр. 15, 16.

*** Омбони. *Дарвинизмъ*. Переводъ 1867, стр. 53, 56.

чтобы явилось два царства животных: наземныхъ и водяныхъ? Какъ изъ одного какого-либо природителя позвоночныхъ могли развиться всѣ остальные виды позвоночныхъ, этого высшаго звѣта царства органическаго? Какъ изъ какой-либо первичной обезьяны могли образоваться различные роды обезьянъ, этихъ заключительныхъ звеньевъ неразумнаго царства? И какъ, наконецъ, образовался царь природы, человекъ? Мы имѣемъ полное право, не входя въ подробный разборъ всѣхъ фактовъ органическаго царства съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, но нѣсколькимъ фактамъ произнести свое сужденіе; на это насъ уполномочиваютъ слова Гэксли: „Одинъ фактъ съ которымъ гипотеза положительно не совмѣстна такъ же важенъ какъ и 500 подобныхъ фактовъ, и совершенно достаточно для того чтобы отвергнуть гипотезу“.

Возможно ли чтобы какое-либо изъ извѣстныхъ намъ въ настоящее время млекопитающихъ, бывъ съ начала водянымъ животнымъ, какъ-нибудь потомъ сдѣлалось наземнымъ? А это необходимо нужно допустить, ибо геологія свидѣтельствуесть что было время когда земля населена была лишь животными водяными. Если нужно представить себѣ родоначальника наземныхъ млекопитающихъ, то самое естественное, по Бэру, было бы дать ему плавники какіе у китообразныхъ, и тѣло во многихъ отношеніяхъ болѣе простое нежели у другихъ млекопитающихъ, такъ что снаружи невозможно отличить голову, шею, брюхо и хвостъ (Бэръ беретъ подобный примѣръ для того чтобы изъ этой формы, какъ изъ простѣйшей, легче было объяснить, по теоріи Дарвина, происхожденіе всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ сухопутныхъ со сложнымъ организмомъ). Если дѣйствительно прародители млекопитающихъ имѣли тѣло не расчлененное, то они могли жить только именно въ водѣ, потому что на сушѣ съ такою короткою шею они не могли бы достать себѣ ни растительной, ни животной пищи, и нужно было по крайней мѣрѣ сто лѣтъ прежде чѣмъ шея у потомковъ сдѣлалась гибкою. Далѣе, какимъ образомъ родоначальники могли двигаться по сушѣ, чтобы достать себѣ пищу, если у нихъ были плавники? Тутъ не помогутъ, говорить Бэръ, никакія гипотезы. „Если допустимъ на примѣръ, что въ отдаленной древности, когда земля еще была молода, суша поднялась внезапно и въ большой массѣ, такъ что тюлени не могли дойти до новаго берега, тогда они остались бы живыми день или два, питаемъ

рыбами, поднятыми сушею, и затѣмъ умерли бы, ибо не могли бы достать себѣ ничего живаго.“ *

Далѣе, возможно ли представить себѣ какого-либо родоначальника всѣхъ позвоночныхъ, и возможно ли хотя бы сколько-нибудь понятнымъ образомъ произвести отъ него всѣ виды позвоночныхъ? Бэръ не видитъ ни малѣйшей вѣроятности ни въ какихъ представленіяхъ подобнаго рода. Если существовалъ общій родоначальникъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ, то его естественно все же нужно, по Бэру, представлять себѣ имѣющимъ въ отношеніи къ органамъ дыханія и жабры, и легкія, какъ у протей. „Но если онъ имѣлъ и тѣ и другія вмѣстѣ, говоритъ Бэръ, то нѣтъ причины почему всѣ потомки не сохранили оба рода дыхательныхъ органовъ. Конечно скажутъ что тотъ органъ который сдѣлался не нужнымъ со временемъ исчезъ: у сухопутныхъ животныхъ жабры, у рыбъ легкія. Однакожь до тѣхъ поръ пока родоначальники позвоночныхъ животныхъ имѣли жабры, они чувствовали бы склонность иногда ходить въ воду, и такъ жабры не оставались бы безъ употребленія, и слѣдовательно не исчезли бы. У китообразныхъ они сохранились бы и до сихъ поръ еслибы у нихъ были кромѣ легкіхъ и жабры.“ **

Не меньше встрѣчаемъ затрудненій въ приложеніи Дарвиновыхъ началъ къ объясненію происхожденія органическихъ формъ, если захотимъ представить себѣ происхожденіе различныхъ видовъ обезьянъ изъ одной какой-либо первообезьяны. Вотъ сущность этихъ затрудненій, по мнѣнію Бэра: „Я, говоритъ Бэръ, считаю за что-либо характеристичное хвостъ обезьянъ, потому что нѣкоторыя изъ обезьянъ его совсѣмъ не имѣютъ, у другихъ онъ развитъ очень сильно. Теперь Дарвинъ полагаетъ что въ теченіе многихъ тысячелѣтій существовали обезьяны у которыхъ не было ни одного изъ отличительныхъ признаковъ нынѣшнихъ обезьянъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили мозолистыя ягодицы и передаютъ ихъ своему потомству, у другихъ развились защечныя мѣшки, у третьихъ цѣлкій хвостъ. Если возьмемъ одну изъ такихъ обезьяннихъ породъ и захотимъ ближе изслѣдовать какъ произошли эти различія, то встрѣчаемъ трудности. Если подумаемъ, напримѣръ, о прародителѣ безхвостой или хвостатой

* *Натурализмъ*, стр. 364—365.

** Тамъ же, стр. 365—366.

обезьяны. Вѣроятно скажутъ: короткохвостый. Но какъ же случилось что у однихъ обезьянъ хвостъ втянуть въ тѣло, у другихъ же необыкновенно длиненъ? Дарвинцы конечно скажутъ что одна часть потомства упражнялась въ томъ что подпирала свое тѣло короткимъ хвостомъ, который отъ этого становился все длиннѣе, другія же не дѣлали этого и у этихъ хвостъ втянулся. Но такимъ образомъ тѣлесныя различія не приводятся ли въ зависимость отъ склонности и побужденій; * тогда какъ собственно не таковы причины этого естественнаго подбора которымъ Дарвинъ объясняетъ развитіе царства органическаго; при такихъ условіяхъ, его нельзя было бы прилагать ко всѣмъ и въ особенности къ самымъ низшимъ ступенямъ развитія органическаго царства.

(До слѣд. №).

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

---

* *Натуралистъ*, стр. 363.

БОЛГАРІЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

С л и в е н ь .

Въ Сливнѣ большое, необыкновенное движеніе. Рано утромъ пришла сотня казаковъ съ арестантами; въ полдень двѣ сотни выступили къ Ключамъ. Мутасарифъ безпрестанно ѣздитъ къ *Ферику*, въ *меджлисъ* ** совѣтуются, а старый муфтіи тяжело вздыхаетъ и думаетъ про себя: „Ну времечко, лихое времечко! гауры куютъ въ кандалы мусульманъ и водятъ ихъ на веревкѣ! О гаурскій танзимать! Бѣда, бѣда Исламу!“

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

** *Ферикъ* — дивизионный генералъ. *Меджлисъ* административный совѣтъ, учрежденіе препятствующее исполнительной власти дѣйствовать скоро и рѣшительно, испорченное взятками и всякими интригами. Турки, одаренные природными способностями къ управленію, могли бы имѣть могущественное и энергическое правительство; но меджлисы окончательно подрываютъ порядокъ и способны возбудить волненіе.

И не громко, а мысленно, проклинаетъ великаго Решиды: „Увы! и послѣ него все то же, какъ было, такъ и будетъ. *Иншаллахъ! Иншаллахъ!*“ * Муфтиѣ началъ перебирать четки и молиться чтобы вернулись прежнія времена.

Въ меджлисъ мусульманскіе беи углубились въ размышленіе, а христіанскіе чорбаджиі ничего не говорятъ и только глухимъ *зветъ*, съ приложеніемъ руки къ устамъ и къ челу, вторятъ молчанію мусульманъ. Уже собирались наливать *мазбату* ** гяурскому и султанскому войску за поимку разбойниковъ мусульманъ, хотя каждый радъ былъ бы узнать здоровъ ли Куцу-Оглу и скоро ли можно будетъ встрѣтить его привѣтомъ „*хошъ гелды, сафа гелды*“, *** когда вошелъ мутасарифъ-наша, самъ не свой, безъ привычной улыбки на лицѣ. Всѣ встали и сложили руки на груди. Мутасарифъ сѣлъ и пригласилъ садиться. Ему подали трубку; онъ долго курилъ, вытягивалъ и выпускалъ дымъ, наконецъ вымолвилъ:

— Сегодня погода испортилась.

Всѣ отвѣчали привѣтомъ руки: — Да, господинъ!

— Но не очень холодно.

Новый поклонъ и опять:—Да, господинъ!

Разговоръ прервался и наступило молчаніе: таковъ приступъ къ разсмотрѣнію даже наиважнѣйшихъ дѣлъ. Наконецъ мутасарифъ затянулся дымомъ, приложилъ чубукъ къ ручкѣ кресель и развернулъ бумагу которую держалъ въ рукахъ.

— Посмотрите-ка, Итъ-Оглу, этотъ собачій сынъ изъ Ени-коя лишеть чорбаджиамъ приказъ именемъ *комитета*.

Онъ тревожно обвелъ глазами вокругъ себя. При словѣ *комитетъ* всѣ повторили его услуганнымъ голосомъ и переглянулись услуганными взглядами.

— Я былъ у ферикъ-лаши; онъ тотчасъ выслалъ сотни и сказалъ: ничего, будьте спокойны. Сотни уже выступили, у нихъ все дѣлается мигомъ.

— Слава Богу! Это хорошее войско, отозвались всѣ и при-

* *Иншаллахъ*—дай Богъ!

** *Мазбата*—свидѣтельство въ обвиненіе или въ изъявленіе благодарности, къ которому прикадываютъ печати члены меджауса. Иногда мазбата бываетъ народная, за печатами всего населенія. *Мазбаты* служатъ поводомъ великихъ злоупотребленій; онѣ освобождаютъ отъ отвѣтственности виновныхъ и губятъ невинныхъ. Въ рукахъ всякихъ проходимцевъ онѣ могущественное оружіе.

*** *Хошъ гелды*—милости просить; *сафа гелды*—добро пожаловать.

совокулили:—Подъ крыломъ султана и твоею защитою мы не знаемъ страха.

Старый муфтіи бормоталъ про себя:—Пускай гяуры лобиваютъ гяуровъ для нашей пользы, это по закону.

Вошелъ казакскій офицеръ съ донесеніемъ что уже приняты всѣ мѣры предосторожности. Муфтіи первый обратился къ нему съ турецкимъ привѣтомъ; хотя казакъ былъ Мазуръ, да еще слѣпой Мазуръ и гяуръ, мутасарифъ сказалъ:

— Садись, товарищъ; подайте чубукъ и кофе.

Казакъ чванился и тѣшился приемомъ въ меджлисъ. Въ бѣдѣ всланиаютъ Бога, и слѣпой Мазуръ сталъ барашкомъ—самое ласковое названіе невѣрному христіанину изъ устъ правовѣрнаго мусульманина, потому что при этомъ ему мерещится барашекъ святаго Егорія, барашекъ хорошо зажаренный, любимое кушанье мусульманина. Муфтіи можетъ-быть хотѣлъ сжевать мазовецкаго ягненка, но взглянулъ на него и отвернулся: такой онъ показался ему твердый, усатый, неудобоваримый. Въ меджлисъ величали казака душой, ягненоккомъ. „Ферику наше глубочайшее уваженіе, цѣлуемъ подошвы его платья; подъ его защитой мы будемъ сидѣть спокойно и хвалить Бога, какъ подъ крыломъ ангела.“ Страхъ комитета, да еще такого какъ комитетъ Панайота Ичтъ-Оглу, извѣстнаго въ санджакѣ, расположилъ къ изліяніямъ такой сердечной любви къ казакамъ что собирались написать *мазбату* ферику, котораго охотно бы утопили въ ложкѣ воды, за то что онъ набралъ такое славное молодецкое войско изъ гяуровъ, раевъ, да еще изъ буйволовъ Болгаровъ. Страхъ открываетъ не только глаза, но даже уста и сердце—для правды ли, для лжи ли—все равно. При этомъ случаѣ меджлисъ вышелъ изъ надменнаго молчанія какимъ онъ привыкъ выражать свое достоинство.

По выходѣ слѣплаго Мазура начали курить сигары и трубки, лить кофе, балагурить и подшучивать надъ совѣтниками чорбаджіями и совѣтникомъ Евреемъ. Кафеджи, котораго толкнулъ взадъ чубукчи, припрыгнулъ, но не выронилъ изъ рукъ чашки. Чорбаджи, въ угоду беямъ и губернатору, тащили за собою то кафеджи, то чубукчи, сами же, какъ медвѣжата, выбѣгали на средину комнаты, снова садились на софы и подкуривали Жіда не кошернымъ, а трэфнымъ дымомъ; всѣ смѣялись и веселились, у всѣхъ отлегло отъ сердца. Ферику

взялъ на свои плеча весь *комитетъ*, пусть же онъ охраняеть весь Сливенскій санджакъ, горы и долины, это его забота. Подъ крыломъ падишаха все будетъ ладно. Иншаллахъ!

То были не старые мусульмане, не прежніе Турки, власти-тели обширныхъ завоеванныхъ странъ, которые покуривая трубку управляли государствомъ и народами нѣмыми знаками, которые утверждали что для всей дипломатіи довольно двухъ словъ: *бакалунъ* (посмотримъ) если нужно выиграть время, и *истемелъ* (не хочу); послѣ чего вынимали сабли и рубили на обѣ стороны. Послѣднимъ представителемъ такой дипломатіи и политики былъ славный визирь сераскиръ Мегмедъ-Решидъ-паша, Грузинъ, сынъ священника. Въ 1828 году, по взятіи Силистріи, предъ Андрианопольскимъ трактатомъ, онъ защищалъ Шумну. * Уже было заключено перемиріе и шли переговоры о мирѣ, а онъ на всѣ повелѣнія своего начальства прекратить войну отвѣчалъ: *бакалунъ*. Онъ приводилъ въ порядокъ войска, и устроивъ ихъ прокричалъ: *истемелъ!* и съ саблей наголо ударилъ на Русскихъ. При Коніи онъ не хотѣлъ сказать *бакалунъ* войску бѣжавшему предъ Арабами Ибрагимъ-паше, но произнесъ *истемелъ* отступать, бросился съ обнаженною саблею въ толпы преслѣдовавшихъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Въ плѣну онъ своимъ *истемелъ* уморилъ себя голодомъ и умеръ кончая собою длинный рядъ султанскихъ беглербеевъ, которые при реченіи *бакалунъ* готовляли войско, а при реченіи *истемелъ* побуждали враговъ вѣры и клали къ ногамъ султановъ многія завоеванія. Теперь обо всемъ судятъ и рядятъ меджлисы; безъ мазбаты съ ихъ разрѣшеніемъ, даже военные начальники не могутъ употреблять султанскаго войска для усмиренія бунта и для защиты жителей отъ разбойниковъ. Удивительна власть меджлисовъ въ завоеванной странѣ: это узда налагаемая неспособными и невѣждами на людей ловящихъ дѣло чтобы лѣмѣвать ихъ дѣятельности. Они существуютъ, кажется, въ подтвержденіе поговорки: „всего лучше ловить зайца сидя на возу запряженномъ волами“.

Позабавившись, въ меджлисѣ снова принялись читать бумаги.

Въ такой-то и такой деревнѣ испортился водоемъ и недостаетъ воды для проѣзжающихъ: разрѣшить ли меджлисъ починку?

* Шумла.

Подъ Черкесли какой-то воръ стащилъ съ моста двѣ доски, и осталась такая большая дыра что скотина сломаётъ себѣ ноги, а рѣчка такая болотистая что перѣѣзжая чрезъ нее нельзя не залапкаться въ грязи: не лошадей ли меджлисъ инженера провести черезъ рѣчку шоссе изъ гравія, не прикажетъ ли жандармамъ разыскать вора и не позволить ли, на мѣсто украденныхъ, положить двѣ другія доски, которыя валяются не вдалекѣ отъ моста и которыми не оказывается владѣльца?

Перебравъ десятка три подобныхъ административныхъ дѣлъ, собраніе снова обратилось къ *комитету*.

Кади, человекъ пожилой, съ просьбою, нѣкогда имамъ великаго Решидъ-паши, совѣтовалъ быть снисходительными, хорошо обращаться съ христіанами, искренно и усердно содѣйствовать мѣрамъ военнаго начальства.

Мутасарифъ говорилъ много и на всякій ладъ; изъ его словъ можно было только понять что это французскія продукты, потому что онъ когда-то имѣлъ столкновение съ французскимъ консуломъ, потому его и уволили отъ должности, какъ всегда бываетъ въ Турціи, по милости калитуляцій съ христіанскими державами.

Одинъ изъ совѣтниковъ, племянникъ Гирея, пролѣлъ на голосъ крымскихъ Татаръ польскую лѣсенку, что всему виною Бѣлый Царь, Москва, что они наслали *комитаты*, также какъ насылають градъ, снѣгъ, засуху, неурожай, чуму и всякія язвы; но при этомъ онъ умолчалъ о сборщикахъ десятины и Армянахъ.

Чорбаджіямъ и Еврею приказано удалиться; остались одни мусульмане.

Старый муфтіи, опираясь на арабскія изреченія, во имя Бога и Пророка, справедливо замѣтилъ что сѣтованія и сложеніе вины на другихъ ничему не помогутъ; нужно приискать средства къ истребленію *комитатовъ* одного за другимъ и избавиться отъ нихъ, такъ чтобъ они не могли вернуться въ край. Онъ продолжалъ:

— Пусть войско исполняетъ свою службу: на то воля падишаха. Сохрани его Богъ на многія лѣта, и да будетъ славно его царствованіе! Но не ставемъ и мы сидѣть сложа руки, этого не дозволяетъ законъ Ислама. Правовѣрный долженъ бороться со врагомъ всякимъ оружіемъ и какъ умѣетъ. У насъ есть Куцу-Оглу, онъ мусульманинъ, человекъ слы-

тавной отваги; вызовемъ его лотиховьку, отдадимъ ему узниковъ изъ его пайки которыхъ схватили и привели глауры, и пусть его идетъ воевать съ *кожитатами*.

Всѣ душой и сердцемъ согласились съ предложеніемъ; но старый кади, блюститель справедливости и танзимата, по убѣжденію и по совѣсти, возсталъ и наотрѣвъ объявилъ что не согласится. Тогда и мутасарифъ присоединился къ его мѣтвю.

— Что же сказалъ бы на то ферикъ? Написалъ бы къ саразаму, и провѣдали бы консулы въ Адрианополь. Меня духомъ уволить; я разъ уже обварился кипяткомъ, теперь боюсь и холодной воды.

Этимъ кончилось засѣданіе. Старый муфтіи вышелъ не покидая своей мысли и пошелъ не домой, а въ недалекую *теки* то-есть мусульманскій монастырь. Тамъ множество дервишей монаховъ, въ высокихъ бѣлыхъ бараньихъ шалкахъ, сидя на шкурахъ дикихъ козъ, справляли *намазъ-икинди*. Это одна изъ пяти ежедневныхъ молитвъ, которая читается черезъ два часа послѣ молитвы полуденной, *эйленъ-намазъ*; за нею слѣдуетъ вечерняя молитва при заходѣ солнца, и день оканчивается намазомъ спустя два часа по вечерней молитвѣ. Всѣ намазы начинаются главнымъ намазомъ при восходѣ солнца.

Дервиши клали поклоны и воздухъ оглашался мольбами къ Аллаху всемогущему, Аллаху всевышнему, Аллаху грозному. Дервиши молились предъ своими кельями, подъ крытою галереей, окружавшею дворъ *теки*.

На дворѣ толпа старыхъ и малыхъ дервишей окружала вновь прибывшаго гостя или гостей. Гость также былъ дервишъ, только другаго закона; на головѣ его красовалась не бѣлая баранья, а татарская шалка съ зеленымъ верхомъ и чернымъ бараньимъ околышемъ, одѣтъ онъ былъ въ шелковый красивый съ желтыми полосами *антаръ*, * а за богатымъ поясомъ торчали дорогіе пистолеты и ятаганъ. Это былъ дервишъ военный, которому дозволяется распѣвать молитвы съ обнаженною саблей въ знакъ того что вѣру Пророка должно распространять мечомъ. Около него стояла женщина; она была одѣта въ свѣтлозеленую *фереджъ* и была закрыта

* *Антаръ*—дачное платье надѣваемое подъ шубу; Турки въ немъ ложатся спать.

грубымъ *яммакомъ*, * сквозь который были видны только глаза, блестящіе какъ брилліанты и робко озиравшіеся при дневномъ свѣтѣ. Около нихъ стоялъ осель навьюченный одѣялами и коврами; сбоку висѣли кувшинчики изъ желтой мѣди для варенія кофе и коробочки съ четками и святыми благовопіями и мастями изъ Мекки и Медины. Дервишъ вѣрно издалека, потому что прибылъ съ гаремомъ и ложитками.

Старый муфтіи посмотрѣлъ на странниковъ и приказалъ своему слугѣ проводить женщину въ свой гаремъ, чтобъ ее тамъ угостили какъ дальнюю милую гостью, а дервиша пригласилъ въ гостиный покой теки. Тамъ они усѣлись и послѣ взаимныхъ привѣтствій, налившись благовоннаго шербета, обыкновенно приготовляемаго дервишами, вступили въ разговоръ, а дервиши, готовые исполнить каждое приказаніе муфтія, стояли сложивъ руки на груди и наклонивъ къ землѣ бараньи шалки.

— Давно ли прибылъ въ наши края, въ землю ладшаха?

— Земли ладшаха и наши и ваши, все онѣ принадлежатъ мусульманамъ; онѣ калифъ Ислама.

— Когда же вступилъ въ Румелійскую страну?

— Десятое солнце какъ я покинулъ море и странствую по сушѣ.

— Гдѣ твоя родина?

— Далекъ, за морями, за горами. въ великой степи.

— А какъ она называется?

— Бухара.

— Святое мѣсто, святыя тамъ живутъ люди.

— Правовѣрные и вѣрные Пророку. Солнце Аллаха свѣтитъ надъ Бухарою.

Муфтіи всталъ и хотѣлъ поцѣловать руку дервиша, но дервишъ предупредилъ его, и прежде чѣмъ онѣ дошелъ до половины комнаты схватилъ и поцѣловалъ руку старца.

— Ты свѣтило вѣры въ землѣ Руми, и въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ; богомольцы изъ Руми это разказывали и молили за тебя Бога. Я пришелъ сюда, странствовалъ десять мѣсяцевъ чтобы поцѣловать полы одежды и ноги Божьяго человека, который стоитъ на стражѣ въ окраинахъ земли добытой саблею Ислама.

Муфтіи посмотрѣлъ на лица дервишей и увѣрившись ста-

* *Фереджъ*—женское платье; *яммакъ*—покрывало.

рымъ опытнымъ глазомъ что впечатлѣніе произведено, подалъ имъ знакъ рукой чтобъ они вышли и оставили ихъ однихъ. Они вышли, опустили занавѣсъ и даже затворили двери, потому что такъ приказалъ старый муфтіи.

Муфтіи озирался во всѣ стороны, а бухарскій дервишъ бросился къ его ногамъ, цѣловалъ ихъ и приговаривалъ:

— О мой защитникъ, мой избавитель, благодарю тебя!

Муфтіи улыбнулся: Встань, святой повѣса, вѣчно несправимый! Изъ Бухары досталъ гурію? Хороша и разумна! Толково мнѣ все разказала и умно тебѣ все передала.—Онъ отдалъ ему перстень:—Возьми, тебѣ не разъ еще пригодится. Что же мы станемъ дѣлать съ гуріей? гяурка?

У Куцу (то былъ онъ) засверкали глаза.

— Она мой ангелъ, мое небо! Она меня спасла для услугъ вамъ. Она сдѣлается мусульманкою и будетъ моею женой.

— Ладно, пускай будетъ по-твоему, да иначе и нельзя сохрѣнить тайну. Она обучится въ моемъ гаремѣ, приметъ Исламъ; можетъ-быть наступитъ лучшее время, и ты женишься въ моемъ домѣ, а я справлю твою свадьбу.

— Лишь бы не такъ она выучилась какъ моя первая жена въ гаремѣ Гирея. Та наука изъ смирнаго ловца птицъ и звѣрей сдѣлала ловца людей, разбойника, гайдука. Если надо мною олять стрясется такая бѣда, я пожалуй стану гяуромъ, страшнымъ для Ислама, болѣе страшнымъ чѣмъ всѣ гяурскіе гайдуки вмѣстѣ, потому что я ее люблю и любить умю.

— Не безпокойся, я не Гирей и сохрѣню ее вѣрною тебѣ. Это послужитъ тебѣ наградой за труды къ которымъ ты долженъ теперь приступить.

Муфтіи началъ разказывать Куцу о *комитетахъ*, или, какъ обыкновенно произносится здѣсь это слово, *комитатахъ*, но говорилъ о нихъ на турецкій ладъ. Въ глазахъ Турокъ это было названіе какихъ-то политическихъ бунтующихъ дервишей, посылаемыхъ для нарушенія мира въ государствѣ. Губернаторы и чиновники по большей части называли болгарскихъ бунтовщиковъ *комитетами*; они писали въ своихъ донесеніяхъ: тридцать комитатовъ показали въ окрестностяхъ монастыря Шибки; одного *комитата*, по имени Эскизара, схватили; одного *комитата* ранили, въ послѣдствіи нашли его трулу и узнали что то былъ Георгій изъ Градеча. Такъ они понимали слово *комитатъ*.

Куцу признался что видѣлъ самаго опаснаго *комитета*

Ить-Оглу, и зная что его нѣтъ уже въ Балканахъ, брался его оттуда вылугнуть. Муфтіи покачалъ головой.

— Я зналъ что ты это сдѣлаешь. Да зачѣмъ же его не взяли казаки? Вѣдь они пошли на Бунаръ?

— Прежде чѣмъ казаки добрались до Бунара, онъ уже былъ далеко. У насъ чуткіе глаза и уши; у насъ свои гуріи и свои колдуны, они все вѣдаютъ и обо всемъ намъ нащелтываютъ.

— Съ кѣмъ же былъ этотъ собачій сынъ?

— Въ одной парѣ съ вѣтромъ; съ нимъ пришелъ, съ нимъ и ушелъ.

— Говорилъ съ нимъ?

— Какъ съ тобою, муфтіи; мы давнишніе добрые товарищи.

— Такъ ты его не поймаешь и не убьешь?

— Не дастъ онъ себя ни поймать, ни убить; но я его удалю.

— Какъ?

— Не ходи на мои гряды, и я не пойду на твои; у насъ есть свои права, свои договоры, и мы соблюдаемъ ихъ можетъ-быть лучше чѣмъ вы.

— Ну а если появятся другіе *комитаты*?

— Другихъ я буду убивать и губить какъ приказываешь; твое повелѣніе не выйдетъ изъ моей головы.

Они начали совѣщаться какъ съ гайдамаками и разбойниками воевать противъ бунтовщиковъ.

Въ тотъ же день докторъ Нѣмецъ, стало-быть иностранецъ, давалъ пышный вечеръ, вечеръ европейскій, если не парижскій, то немного смахивавшій на нѣмецкій. Были тамъ большія барыни. Госпожа Биби знаменита въ *Ставропольѣ*, потому что бѣжала по улицамъ для свиданій съ любовникомъ. Вѣрталая и большая болтушка, она, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожитія, вышла замужъ за человѣка домогавшагося чести принадлежать къ знаменитой фамиліи. Не имѣя геральдическихъ доказательствъ своихъ правъ, онъ отправился съ просьбою къ лалѣ. Святой отецъ не призналъ его дворянства, но обѣщался молиться о спасеніи его души, равно какъ и о спасеніи душъ всѣхъ христіанъ.

Отвѣтъ лалы сочли за патентъ, и супругъ сдѣлался нигу-да не годнымъ графомъ.

Штубенмедхенъ съ пархода, увезенная однимъ Жидкомъ-

маркеромъ чтобы научить стрелять нѣмецкихъ штурдлей и потомъ вышедшая за него замужъ, называется теперь молодою дамою; дочерью полковника адскихъ кирасиръ великаго Наполеона. Полковникъ, разказывали, погибъ подъ Ватерло, во главѣ адскихъ кирасиръ, при адской атакѣ. Наканунѣ оный проигралъ въ карты десять милліоновъ талеровъ, а потому родившейся по смерти его дочери ничего не оставилъ кромѣ дома съ зелеными окнами въ Майнцѣ. Мужъ дамы сбѣгался въ Африкѣ братомъ по оружію Макъ-Магона, потому что присматривалъ за его верховыми лошадьми. Супруга, предчувствуя славу дипломата *Емцераза*, причлась ему въ родню, потому что на какомъ-то нѣмецкомъ пароходѣ, въ какой-то нѣмецкій праздникъ, графъ *Емцеразъ*, молодой кирасиръ, привудилъ штубмедхенъ къ калитуляціи и получилъ охоту къ новымъ любѣдамъ. Болгары считали супруговъ важными господами, потому что они происходили отъ жидовскаго старозаконнаго племени.

Были тамъ двѣ дочери именитаго католика, портнаго, звонаря и костельнаго пѣвчаго, консула, на основаніи Авиныйонскаго преданія, по которому, въ предѣлахъ лалскихъ владѣній, изъ пренебреженія къ языческому Риму, называли звонарей консулами. Обѣ дочери консула были одна другой безобразнѣе, настоящія Готтентотки. Однимъ изъ любителей женскаго пола, хотя бы и непрекраснаго, когда его спросили: „можно ли прельститься на такихъ Еввъ?“ отвѣчалъ: „на безрыбѣ и ракъ рыба; стоить только имъ срѣзать головы, онѣ будутъ совсѣмъ похожи на женщинъ“. Мужъ одной изъ нихъ, надутый, со вздернутыми кверху носомъ, точно облюхивалъ свою дражайшую половину; у мужа другой обвисли уши какъ бы отъ омерзѣнія.

Была тамъ еще калмыковатая плосколицая Гречанка, должно-быть отпрыскъ Ксерксова нашествія, потому что телерешіе Калмыки, кажется, не заходятъ въ Аѳины и не женятся на поджарыхъ Гречанкахъ. Жирная, какъ откормленная лупляка, она была тяжела какъ крѣпостная лупляка. Рядомъ съ нею сидѣла рыжая гражданка, худая какъ цыпля, въ фальшивыхъ брилліантахъ, близко знакомая съ военнымъ начальствомъ: бѣдная спускалась сверху внизъ, а не восходила снизу вверхъ.

Дамы въ фустанахъ, въ шалочкахъ съ цвѣтами и перьями, и такая на нихъ пестрота о какой никому не снилось и не

грѣзилось, — разноцвѣтныя радуги предъ ними ничто, даже яркіе цвѣта императрицы Евгени и ея двора не могли явить человѣческому взгляду ничего столь блистательнаго.

Хозяинъ докторъ, потирая руки, повторялъ то же, то дочери:

— *Kleine société, aber honnête!* что значило: общество небольшое, но избранное.

Столы заставлены колбасами, чинеными свиными кишками, жареными свиными ребрами, ветчиною, варениками съ солониной, сухариками обжаренными въ свиномъ салѣ; много и много свинины, и при всемъ хрѣвъ, горчица, соусъ изъ краснаго перца, штофы съ водкой и плетенныя бутылки съ разными винами. Для такихъ важныхъ господъ необходимо Лукулловское угощеніе. При видѣ закусокъ и чудныхъ яствъ, у дамъ текутъ слюнки изо рта, а кавалеры побрякиваютъ и покручиваютъ усы.

Старый полковой докторъ, Полякъ, громко фыркаетъ какъ кабанъ и поглядываетъ на бывшую дѣвицу Биби. Онъ вспомнилъ давнишнюю привязанность, потому что первая любовь всегда тянетъ къ себѣ. Онъ поглядываетъ на нее, и когда видитъ что она беретъ въ руки рюмку или принимается за свинину, бормочетъ себѣ подъ носъ: „бѣдняжка подвержена истерикъ, спазмамъ; намедни когда гости объѣлись оденевой и начали отливаться, она чуть было не померла; всѣ кричали что она отравилась; нужно предупредить, не вышло бы опять бѣды.“

Стоявшій подлѣ него молодой докторъ замѣтилъ:

— Никакой бѣды не было; и теперь тоже обойдется благополучно.

Музыканты были готовы: одинъ съ дудкой, другой съ бубномъ; но прежде пошли въ буфетъ чтобы подкѣпиться до прихода Болгарокъ и Болгаръ, и показать имъ, порядкомъ закусивъ и выливъ, что значить европейская цивилизація. Заиграли не танцы и симфоніи, а застучали стаканы, ножи, вилки и тарелки, слышались мелодичныя лыхтѣнья объѣвшихся дамъ, воздыханія и говоръ льющихъ мушкетъ. Избранное общество наполняло свои желудки свининой, потягивало водку и вино и готовилось исполнить свое призваніе цивилизовать Болгарію.

Начали собираться чорбаджи и чорбаджійки. Всѣ чорбаджи одѣты à la franka, въ открытые на груди сюртуки изъ

грубаго славенскаго сукна, или *шаака*, ткани известной всему Востоку. Цвѣтъ ихъ платья былъ такъ-называемый гарибальдскій, только не такой красный какъ на блузахъ воиновъ Гарибальди, а фиолетовый съ краснымъ отливомъ. По этому цвѣту демократы заключили что Болгары расположены къ республикѣ, а католики разохотились обращать ихъ въ латинство и не сомнѣвались въ успѣхѣ, потому что фиолетовую одежду носятъ католическіе епископы, и потому что Болгары не имѣли самостоятельной церкви. И тѣ и другіе основывали свои сужденія на поговоркѣ: „птицу узнаешь по полету, а человѣка по платью“. Нижняя часть платья, названія которой не могутъ произнести стыдливыя Англичанки и которую штубенмедхенъ опредѣлительно называла портками, а жакъ-двѣцца Биби портчками, была полосатая или клетчатая, во свѣтлая и также славенскаго издѣлія, а жилетки красныя и ярко-желтыя изъ славенскаго шелка. Только шейныя платки, свѣтло-зеленые, лалевые, кирпичные и блѣдно-розовые, привезены изъ Вѣны. Двое или трое кавалеровъ имѣли на ногахъ сапоги, но не лаковые; остальные ходили въ туфляхъ и черевикахъ. На рукахъ они носили бѣлыя нитяныя перчатки, вязаныя чорбаджійками, и у всѣхъ на головѣ были красныя фески.

Чорбаджійки и ихъ дочери были красивыя Еввы, точь-въ-точь такія какъ давнишнія Еввы Славенскаго рая, во времена дьявольскихъ нарожденій. Красивенькія и миленькія онѣ наряжены въ шелковые пріятнаго цвѣта фустаны, а посверхъ надѣты бархатныя или атласныя доломанчики или кофточки, расшитыя широкими узорами золотомъ и серебромъ и подобранные дорогими мѣхами. На волосахъ у нихъ брилліанты и драгоценныя камни, на ножкахъ красивыя ботинки, на ручкахъ выскія перчатки.

Вошли чорбаджіи нажно и усѣлись на диванахъ, закурили сигары и начали спеленно разговаривать. Чорбаджійки сидѣли скромно, ни одна не детрогивалась до рюмки, до ракіи и до вина; имъ подали сласти; онѣ кушали конфеты и пили воду, какъ подобаетъ Еввамъ.

Цивилизаторыни совѣмъ олѣшили, не то отъ гусарскихъ гостей—у нихъ покраснѣли не только лица, но и носы—не то отъ удивленія которымъ поразили ихъ богатство, вкусъ и красота Болгарокъ. Онѣ едва держались на ногахъ. О достоинствѣ женщины эти маркитантки не имѣли ни малѣйшаго

понятія: глупцы и невѣжды всегда имѣютъ о себѣ хорошее мнѣніе и считаютъ себя выше другихъ. Онѣ не размѣнялись съ Болгарками ни единымъ словомъ, и поступали благородно.

Цивилизаторы, по ежедневному своему обычаю, сильно подгулявшіе, почти полупьяные, горлавили, и предавались демократическимъ казарменнымъ шуткамъ; дошло бы и до битья стекла и фаянса, а можетъ-быть и лбовъ собесѣдниковъ и собутельниковъ, еслибы не пришли мутасарифъ и нѣскольکو беевъ. Важность Турокъ ихъ устрасила, ибо Турокъ господи́нь. Они олустили руки по швамъ, вытянулись и были готовы ко всякимъ услугамъ. Даже знатныя дамы присѣли. Пиршество снова сдѣлалось приличнымъ: Турокъ просвѣтилъ цивилизаторовъ.

Въ это время вошла мать Ганки съ Еленой и съ сыномъ. Она думала не найдетъ ли между гостями своей Ганки. Мать и дѣти кланяются въ ноги мутасарифу, беямъ и чорбаджіямъ, говорятъ одинъ за другимъ, но никто ихъ не понимаетъ. Они просятъ о Ганкѣ, а всѣ словно радугою лобуются Еленой. Она смотритъ на чорбаджіекъ, на ихъ брилліанты, на ихъ бархаты, на ихъ атласы. Какъ бы эти убранства были ей къ лицу! Она улыбается при видѣ богатыхъ нарядовъ; женское чувство заиграло въ сердцѣ и брызжетъ изъ глазъ. Глядя на то европейскія и неевропейскія мартышки и разбираетъ ихъ смѣхъ.

Мутасарифъ погладилъ подбородокъ дѣвушки.

— Чтò Ганка такая же хорошенькая какъ ты?

Дѣвушка покраснѣла.

— Она хорошенькая, очень хорошенькая, а я такъ себѣ.

— Пощемъ ее; нужно сыскать. Я тотчасъ пойду къ ферику

Жидъ эксъ-маркеръ, замѣтивъ что мутасарифъ не слускаетъ глазъ съ Елены, подумалъ: „вотъ славный случай“, и жгнулъ глазомъ своей дражайшей половинѣ. Штубебмедхенъ бросилась къ Еленѣ и стала подлѣ нея.

— Какъ зовутъ тебя, милая дѣвушка?

— Еленой.

Гелка счастливое имя! Она вспомнила свою ученицу Гелку и удачную спекуляцію, которая можетъ еще выгоднѣ повториться съ мутасарифомъ. Она взяла мамизу за руку и, съ позволенія мутасарифа, силою посадила мать съ дочерью ереди цивилизаторшъ и начала ласкать дѣвушку. Старая

насъдка эта штубенмеджемъ! Мужины одобрили демократическую выходку дочери погибшаго подъ Ватерло барона и полковника, которая сдалась на капитуляцію юному Нѣмцу и возбудила въ немъ охоту къ дальнѣйшимъ побѣдамъ.

Начались разспросы. Мужъ дамы въ брилліантахъ, покручивая усы, съ усмѣшкою замѣтилъ:—Что было того не вернешь. Не безлокойтесь, казакамъ нельзя возиться съ такимъ товаромъ; они, какъ дѣти, потѣшутся и бросятъ игрушку. Наши казаки добрые ребята, любятъ водку, трубку и дѣвушекъ.

Розысковъ сдѣлать нельзя, потому что ферика нѣтъ въ горѣ; онъ вмѣстѣ съ неженатыми офицерами и казаками въ горахъ и буеракахъ на службѣ султанской.

Эти турецкіе казаки походятъ на гусаровъ поэта Давыдова. Поженившись они раздѣлились на двѣ части; женатые сдѣлались собутыльниками пьяныхъ бесѣдъ и пили вмѣстѣ съ женами пока допились до красносизыхъ носовъ. Ежедневно сваливались они какъ мертвые при своихъ дражайшихъ половинкахъ и спали непробудно до утра, а на службу ни ногой. Болѣзни, золотуха, ревматизмъ, лихорадка и воспаленіе, засвидѣтельствованныя докторами, позволяли имъ только ходить въ гости и прогуливаться съ женами. Стали они не христоролюбивымъ, а винолюбивымъ воинствомъ. Казаки подсаживались надъ ними въ своихъ лѣснахъ:

„Пожились сотники и нарядились въ юлки; пожились бандуры и сунали ружья въ борщъ.

„Пожились майоры и окутались въ кожухи; алтекаръ пишетъ рецепты, душитъ и таяетъ съ нихъ безъ проку.

„Подполковникъ поймалъ пташку, да не сумѣлъ запереть кѣтку; кто хочеть тотъ ею любится, а Турчинъ медокъ подлизываетъ.

„Эхъ вы, висоукіе ротозей! на что вамъ жены? Ой цимбаа! Ой цимбаа! задать бы вамъ добрую трепку“.

Холостые хотъ и гуляютъ по-своему, по-казачьему, но съ зарею они уже на конѣ, шалки на бекрень, сабаи бренчатъ и лошади ржутъ подъ всадниками. Они гарцуютъ по горамъ и по ярамъ, и въ глухую ночь готовы сѣсть на коня и летѣть въ свѣчу. У нихъ, какъ поется въ казачьей лѣснѣ, сто любовницъ и ни одной жены, и хотъ они вальсируютъ на паркетѣ и толкуютъ о Жомини, но нельзя ихъ спросить: гдѣ вы казаки минувшихъ лѣтъ? потому что они такіе же какъ молодцы Сагайдачнаго: гдѣ ударять, тамъ все въ лухъ и въ прахъ, какъ опляхтенные казаки Яна Выговскаго, по удали и по

наукѣ, владѣють саблею и перомъ, какъ казаки Брюховецкаго—на что бросятся съ огнемъ и мечомъ, все спалать, все по-сѣкутъ. Сами о себѣ они говорили: кто хочетъ казаковать, тотъ оставайся холостымъ, кто хочетъ постыдно жить, тотъ женись.

Вотъ и казакovali въ Балканахъ казаки съ ферикомъ. Дунайскій *вали* изъ Руцука шлетъ изъ Великаго Тырнова телеграмму за телеграммой: „пять, десять тысячъ *комитетовъ* пробрались въ Казанскіе Балканы“, ферикъ отвѣчаетъ: „нѣтъ ни одного, ни одинъ не пробрался. Мои казаки тамъ все видятъ, все слышатъ, все знаютъ“. Муширъ тоже шлетъ изъ Шумны телеграмму за телеграммой: „въ Казанскихъ горахъ льютъ пушки, куютъ сабли, нарѣзываютъ карабины“. Ферикъ отвѣчаетъ: „развѣ черти, я не люди; мои казаки знаютъ все что дѣлаютъ люди, не скрылось бы отъ нихъ и то что дѣлаютъ черти“. Вали и муширъ снова посылаютъ телеграммы: „вооружай мусульманъ“. Ферикъ отвѣчаетъ: „еслибъ было нужно, я вооружилъ бы столько же мусульманъ сколько и христіанъ, потому что они подданные одного государя, граждане одной страны, одного государства. Теперь же нѣтъ въ томъ надобности, моихъ казаковъ доставить на все; ни человекъ, ни птица, ни звѣрь забѣглый еще не возмутили тишины въ Балканахъ порученныхъ охранѣ казаковъ. Они вѣрно служили султану, Высокой Портѣ и народу, мусульманскому и христіанскому, и никто кромѣ народа не сказалъ имъ: воздай вамъ Богъ.“

Такъ шли дѣла въ Восточныхъ и Южныхъ Балканахъ, отъ Варны до ихъ южнаго склона. Пять сотенъ казаковъ и два эскадрона драгунъ должны были охранять спокойствіе въ горахъ и въ долинахъ. Въ Дунайскомъ вилаетѣ, отъ Добруджи до сербской границы, были въ сборѣ восемнадцать баталіоновъ пѣхоты, тридцать эскадроновъ кавалеріи и артиллерія другаго корпуса. Они стояли наготовѣ въ пунктахъ обороны и нападенія, потому что дѣйствія *комитетовъ* уже начинали проявляться. Эти признаки необыкновеннаго волненія, какъ тучи предъ грозой, шли изъ Валахіи, съ Дуная и съ Моравы.

Изъ трехъ неікіотскихъ дѣвицъ, изъ трехъ дочерей Еввы изъ сатанинскаго пристанища, двѣ уже ползали въ Сливенскій рай:

Ганка сидитъ за рѣшетками гарема, уже не Евва, а пригожая Фатъма, поетъ азаны и кладетъ поклоны намаза. Она

вкусила яблоко змѣя, счастлива и довольна, хоть и смотритъ на свѣтъ Божій сквозь рѣшетку. Ея сердце, увоенное любовью, живетъ только этимъ чувствомъ; она испытала доказательства любви и любитъ сама, ей открылся новый мiръ, она живетъ въ раю и изъ полной чаши упивается нектаромъ блаженства.

Елена ползала подъ олеку матроны которая летала высоко и низко, и простившись съ милліонами и славой своего отца, не осталась въ майнцкомъ домикъ съ зелеными окнами, но скрылась подъ палубою парохода. Такая полечительница, такая мать для молодой дѣвушки хуже змѣя. Она сумѣетъ досыта накормить ее яблоками; она сама ѣла покуда могла, а теперь славно разкажетъ какой у нихъ вкусъ. Елена уже не прежняя; хоть и мечтаетъ иногда о казакѣ-юнакѣ, хотя предъ очами ея иногда рисуется Петро, красивый и статный, съ черными усиками и карими глазами, но въ сердце ея залали двѣ искорки изъ глазъ мутасарифа. Заботливая штубенмедхенъ раздуваетъ пламя словами змѣя о нарядахъ, о богатствѣ и значеніи, и какъ неопытное сердечко ни отворачивается отъ роскоши, но ради роскоши оно готово отвѣдать яблочка.

Марія чистая дѣвица, дѣвица Болгаріи, странствуетъ по горамъ, рядомъ съ воеводой, витяземъ Болгаріи. Она знаетъ что онъ женатъ, что она не для него, но онъ для Болгаріи и она для Болгаріи. Ея сердце счастливо на землѣ тѣмъ что она ведетъ защитника болгарской свободы, душа ея паритъ въ небо и молить Бога объ освобожденіи Болгаріи.

Д о б р у д ж а .

Добруджа страна жизни и смерти, жизни—потому что тамъ живые и мертвые льютъ вмѣстѣ изъ одного ключа жизни и живутъ прилѣваяючи, смерти—потому что на этомъ сходбищѣ народовъ, стремившихся изъ одной части свѣта въ другую, войны, пожары, наводненія, заразы, изъ вѣка въ вѣкъ шли объ руку чтобъ удержать наплывъ народовъ. Но народы все прибывали и прибывали, умирали, гибли и снова прибывали, и жили и живутъ. И теперь на это сходбище племенъ и вѣроисповѣданій идутъ съ востока на западъ Черкесы, Татары, Негаи и всѣ туранскія колѣна, съ запада же на востокъ идутъ

Славяне различныхъ племенъ и названій, а за ними Нѣмцы. Эта обитованная земля омывается славянскимъ Дунаемъ и Чернымъ Моремъ и ограждена Трояковымъ валомъ. Старый Римъ защищался отъ наплыва народовъ окопами. Юные Италияцы строили здѣсь замки, а юные Славяне высылали на эти воды ладьи съ казаками. Злая судьба разрушила замки одинъ за другимъ; остались отъ нихъ только развалины и пожарища, и торчатъ онѣ на землѣ какъ валяются въ степяхъ казаки, въ память того что тамъ жили и бились люди. По Черному Морю казачьи ладьи не гоняются за судами; оно тихо дремлетъ, или вздымается и волнуется только само собою и для себя, а казачьи ладьи снуютъ по Дунаю за рыбой. Въ селахъ разноплеменные люди, въ разной одеждѣ, пахутъ землю, сажаютъ капусту и картофель и гоняютъ стада въ поле. Всюду церкви, костелы, божицы, молитвенные дома, и въ нихъ отправляютъ богослуженіе всякія исповѣданія, отъ персидскихъ *кизыбашей* * до англуканскихъ реформатовъ, отъ старофривъ и духоборцевъ до іезуитовъ и раввиновъ. Въ степяхъ корчмы какого-нибудь Димитракибея или Рассима-паша, арендованныя Евреями, такимъ же племенемъ и такими же Жидками какъ и въ казачьей Украинѣ. Корчма какая-нибудь Задрыпанка, а Жидъ-арендаторъ или корчмарь какой-нибудь Ицекъ, Гершко или Труль. При рѣкѣ *керуфганъ* ** и *шлахтузы* *** для соленія рыбы, только не казачьи, а Арлана Армянина или Расимъ-паша, арендованныя Жидомъ Гершкой или Моткой. Пьяницы и работники тѣ же что и на казачьей Украинѣ—Иваны, Стеланы, Кирилы, Гаврилы; они пьютъ и работаютъ, бѣдствуютъ и пляшутъ.

Въ этомъ Содомѣ и Гоморрѣ, среди казачьей общины, виднѣются хуторы Моканъ, Болгаръ, Каракачанъ и Куцовлаховъ. **** Тамъ тысячи овецъ съ золотымъ руномъ и сере-

* *Кизилбашы* — мусульманская секта, презираемая правосѣрными какъ азыческая. Кизилбашы поселены въ Деуи-Орманъ и въ Добруджѣ.

** *Керуфганъ*—амбаръ для соленія рыбы.

*** *Шлахтузы*—мѣсто гдѣ пластаютъ крупную рыбу.

**** Моканы — Румыны изъ Семиграда. Они надологъ пригоняютъ стада своихъ овецъ и лошадей на пастбища Добруджи и женятся предъ отправленіемъ на промыселъ. Накопивъ порядочно денегъ, они возвращаются на старости домой и находятъ большія семьи взрослыхъ дѣтей. Каракачане, Куцовлахи также румынскаго

брыстымъ молокомъ, стада рогатаго скота и табуны не очень отатныхъ, но бойкихъ, быстроногихъ и обвѣняныхъ степнымъ вѣтромъ лошадей, тамъ наваранскія ослицы, любимицы пастуховъ, тамъ довольство, достатокъ и порядокъ, а не нищета.

По странному обычаю, словно издревле тянутся съ сѣвера на югъ, и ежегодно собираются въ Добруджу бѣглецы-кочевники, всякій обродъ, люди живущіе не въ ладу съ правдою и божествомъ, люди мечтательные, необузданные. Одни приходятъ въ отчизну, изъ которой было удалены, подышать роднымъ воздухомъ, потому что за охотою къ странствіямъ наступаетъ тоска по родинѣ, какъ ясная погода послѣ дождя; другіе приходятъ сюда прятаться и скрыть въ этомъ разноцвѣтномъ мѣстѣ лежація на нихъ пятна предъ людскимъ и Божьимъ окомъ, предъ закономъ и обществомъ, и всѣ питаютъ надежду что эта страна снова заживетъ давнею жизнію и огласится прежнимъ весельемъ.

По указанію Высокой Порты, мѣстныя власти, танзимать и полиція не обращаютъ вниманія на снованія изъ края въ край бродягъ и странниковъ цѣлаго свѣта. Султанское правительство патріархально; оно ни надъ кѣмъ не произнеситъ окончательнаго приговора, но каждому даетъ время и возможность исправиться, время для сердечнаго сокрушенія и покаянія, чтобы потомъ приняться съ новою за трудъ и начать новую борьбу съ жизнію. Если этихъ кающихся и грѣшниковъ, этотъ людъ славянскій, чиновники отдають въ наемъ Жидамъ, Армянамъ и Грекамъ какъ дѣлала польская шляхта въ блаженное время своей силы, то виновать въ томъ не султанъ, какъ и тамъ не былъ виноватъ король; виною тому завоеваніе и необходимость переносить самыя несправедливыя посылки и притѣсненія чиновниковъ обязанныхъ охранять и блюсти завоеваніе. Одинъ изъ великихъ визирей, и теперь еще живой, дальновидный какъ Маккиавель и иезуитъ въ своихъ взглядахъ на администрацію, въ отвѣтъ одному чиновнику въ Добруджѣ, почтенному

происхожденія, потомки римскихъ легионовъ, которые были разсеяны отъ Адриатики до Ахейскаго моря; въ нихъ больше римской крови чѣмъ въ Румулахъ семиградскихъ, молдавскихъ и валахскихъ. Они владѣютъ большими стадами свиней и лошадей и производятъ многія шерстяныя издѣлія. Въ Оттоманской имперіи нѣтъ племенъ болѣе трудолюбиваго и промышленнаго.

Славянину, честному и добродушному человѣку, когда тотъ показалъ ему *набзату* съ тысячами печатей жителей, выразившихъ ему свою благодарность за его управленіе и свое сожалѣніе объ его увольненіи, отдавая ему съ усмѣшкою бумагу, сказалъ: „ты справедливо уволенъ, потому что правительство не хочетъ чтобы чиновники пользовались довѣріемъ и расположеніемъ народа; но желаетъ чтобъ они заслуживали довѣріе и расположеніе правительства. Угнетай и грабь народъ, но охраняй спокойствіе и силу правительства.“ Система благоразумная, если только не найдется такой государь который скажетъ, какъ нѣкогда польскій король Владиславъ Четвертый, осушивъ кубокъ, отъ котораго кружилась голова и подкашивались ноги, сказалъ казаку Богдану: „у васъ есть сабли, не позволяйте же плевать въ свою кашу“. Такъ недавно Вѣнскій кайзеръ шелнулъ славянскимъ граничарскимъ полкамъ: „въ силу конституціи я позволилъ Маджарамъ васъ обезоружить, но у васъ есть оружіе данное вашимъ праотцамъ моими предками; не отдавайте его, и оно останется при васъ“.

Дай-то Богъ чтобы не услышалъ когда-нибудь такихъ словъ сборный людъ въ Добруджѣ! Пошла бы тогда потѣха, да какаал!

Караванъ изъ Нейкіоя миновалъ Пасарджикъ-Оглу, городокъ съ глиняными, крытыми соломой домами, и направляется къ Мангалии. Кругомъ степи, бурьяны и курганы, а по степямъ гуляетъ скоть. За стадомъ овецъ идетъ воевода Итъ-Оглу, а рядомъ съ нимъ Марья. Онъ о ней заботится, бережетъ ее и разговариваетъ съ нею какъ съ сестрою о Еникофѣ, о своей хатѣ, о старушкѣ-матери и о своей молодой женѣ Ярынѣ со златоволосымъ ребенкомъ; онъ повидался съ ними, обнялъ ихъ и снова покинулъ, Богъ вѣдаетъ на сколько времени. Такова жизнь гайдука, юнака.

Она вторитъ ему на тотъ же голосъ о черноглазой Ярынѣ, о гяурскомъ ребенкѣ, о хоромахъ въ Еникофѣ, и не сводитъ съ него взгляда любви, но любви къ Болгаріи. Странная она дѣвушка—какъ Польша, любила она свое отечество, и только то ей дорого и мило что полезно родинѣ, только тотъ для нея богатырь кто живетъ для отчизны. Она была счастлива, хоть и не разъ одолевало ее горе. Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ я не родилась на свѣтъ момакомъ! Какъ бы я правца конемъ, какъ бы я махала блестящимъ булатомъ за освобожденіе Болгаріи!—Она опустила голову, и слезы выступили у

ней изъ глазъ; но взглянувъ на воеводу, она подумала: «стому служить ему потому что онъ служить болгарской свободѣ».

По Мангальской дорогѣ ѣдутъ до Мангальской пристани возы за возами, нагруженные лшеницей и яменемъ; при возахъ ѣдутъ на пшходцахъ охраняющіе ихъ Турки въ тулупахъ и въ обрмягахъ, неповоротливые, но вооруженные и съ ружьями за плечами. По степи, словно волки, рыщутъ черкесскіе выходцы за пропитаніемъ и добычей, и не одинъ залтій несетя по полю. Чѣмъ ближе къ Мангалии, тѣмъ болѣе движенія, и вотъ по сторонамъ уже показались хуторы балканскихъ Болгаръ.

Итъ-Оглу осматрѣлся кругомъ; онъ старая лиса, знаетъ примѣты, и увидалъ что-то выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей. Онъ тотчасъ своротилъ съ дороги, загналъ стадо въ бурьянъ, потомъ спустился въ оврагъ и остановился тамъ отдохнуть. Не прошло полчаса какъ раздался вдали глухой выстрѣлъ, точно изъ-подъ земли, внезапный, но мѣткій, и вслѣдъ за тѣмъ застучали конскія копыта. Двѣ лошади, одна черная, другая буланая, мчались по степи; буланая убѣгала и брыкалась, а черная ее нагоняла и хватала за шею; обѣ были осѣдланы и взнузданы, а *гейбы** подмялись надъ ихъ хребтами, словно вороны, птицы смерти, надъ ладалью. Лошади кружились вправо и влево; буланая не могла уйти, а черной не удавалось удержать бѣгунью. Обѣ истомились въ погоню.

Воевода разглядѣлъ что буланая лошадь принадлежала залтію, а черная киседжію.

Онъ прибѣжали въ стадо и остановились. Воевода ухватился за черную, а дѣвушка за буланую.

Взглянувъ на лошадь, воевода тотчасъ узналъ ее.

— Это конь Къючукъ-Стефана; вѣрно приключилась бѣда!

Онъ вскочилъ на вороного, дѣвушка вспрыгнула на буланого. Лошади, почувявъ что натягиваютъ удила, захрапѣли, повернулись и пошли откуда пришли; вороная впереди показывала дорогу. Изъ оврага они выѣхали въ бурьянъ и снова спустились въ оврагъ, а за оврагомъ прогребѣли нѣсколько выстрѣловъ, одинъ за другимъ. Воевода схватилъ ятаганъ въ зубы; въ обѣихъ рукахъ у него револьверы, а за

* *Гейбы*—чемоданчики для поклажи, которые привѣшиваются къ турецкимъ сѣдамъ.

плечами подпрыгиваетъ двустволка. Воротом приободрился и побѣжалъ прямо на выстрѣлы. Безоружная дѣвушка погоняетъ лошадь и скачетъ слѣдомъ за воеводой. Прѣехали.

Трое людей, ставъ другъ къ другу плечами, а ятаганами въ поле, защищаются противъ нѣсколькихъ нападающихъ на нихъ всадаиковъ и лѣшихъ. Выстрѣловъ не слышать потому что всѣ они уже разстрѣланы, а заряжать некогда. Обороняющіеся тянутъ ятаганами въ конскія морды, и лошади отскакиваютъ; пыряютъ ими въ глаза людямъ, и люди пьются назадъ.

Воевода узналъ своихъ и чужихъ, подскакалъ и началъ ладить изъ револьверовъ вправо и влѣво, а дѣвушка при каждомъ выстрѣлѣ повторяла военный крикъ: святой Георгій! святой Георгій!

Нападавшіе разбѣжались, скрылись въ бурьянѣ и припали къ землѣ, остались только оборонявшіеся и мертвыя тѣла. Убитыхъ лежало восемь: три Черкеса, одинъ Татаринъ, одинъ залтїа и три болгарскіе киседжіа. Изъ уцѣлѣвшихъ двое были легко ранены, а третій остался невредимъ. Воевода соскочилъ съ лошади.

— Здорово, Кьючукъ-Стефанъ*.

— Богъ тебѣ воздастъ, воевода! Здоровъ-то я здоровъ, да дѣло дрянъ. Трехъ лучшихъ юнаковъ взяли черти, двое ранены и захвораютъ, коней отняли Черкесы, и остался я одинъ. Дели-Орманъ далеко, Турокъ въ немъ тьма, и все слагию. ** Какъ добратъся до Базанскихъ Балканъ? А комитетъ приказалъ.

---

* Кьючукъ-Стефанъ—малый Стефанъ—личность не вымышленная; все сказанное о немъ истинно. Молодымъ парнемъ онъ пошелъ въ казаки въ 1854 году и сталъ такимъ ловкимъ и храбрымъ воиномъ что мусульманскіе башбузуки, Курды и Арабы, когда ихъ посылали въ развѣзды и въ экспедиціи, приходили просить себѣ въ начальнику Кьючукъ-Стефана. Онъ всегда командовалъ въ такихъ экспедиціяхъ, и башбузуки, въ знакъ военного уваженія, цѣловали полы его мундира. Послѣ войны онъ попалъ въ сотню капитана Клета Дверницкаго, котораго солдаты за его притѣсненія прозвали Колотухой. Привязчивость капитана наконецъ надѣла Кьючукъ-Стефану, онъ бѣжалъ и до конца жизни былъ гайдукомъ.

** Весь Дели-Орманъ былъ заселенъ слагиами сутановъ Мурата и Сумеймана. Они до сихъ поръ отацуются своимъ благородствомъ и гостеприимствомъ, и ѣздятъ на буданыхъ, черногривыхъ

— Развѣ и ты за комитетъ?

— Я Болгаринъ, хоть и киседжія.

— Въ Балканахъ ничего не подѣлаешь, тамъ казаки-юнаки, и весь народъ за казаковъ, нашихъ юнаковъ.

— Ой казаки, казаки! настоящіе юнаки! Я самъ когда-то, здѣсь въ Дели-Орманѣ, былъ такой же казакъ. Проклятый Колотушка! Жаль!...—Онъ хотѣлъ что-то разказать, но воевода не даъ ему говорить.

— Не время балагурить; здѣсь нельзя оставаться, надо бѣжать.

Между тѣмъ дѣвушка осмотрѣла раненыхъ; одному она перевязала разрубленную голову, другому проколотое плечо.

Воевода продолжалъ.

— Вотъ этимъ лугомъ мы со стадомъ проберемся въ казанскіе хутора. Да какъ попасть въ Мангалію? Вѣдь нужно лодать вѣсточку Дышлю Дмитрію; онъ тоже воевода и ждетъ тамъ. Если послать нашего *пеллиана*, * онъ пожалуй попадется въ лалы. Силою его никто не одолѣетъ, но по разуму онъ ребенокъ; ему, какъ птицѣ козодою, нужна лташка-вожатка.

Марья слушала и покачала своею маленькою головкой.

— Я пойду и дойду, воевода. Приказывай!

— Какъ можно! Не твое дѣло, сестрица.

— Столько же мое сколько твое; вѣдь это для свободы Болгаріи?

— Ты дѣвушка, красавица; какъ же пустить тебя къ Турчиамъ?

— Богъ меня доведетъ, какъ Онъ велъ слабую Далилу за Самсономъ.

Архіепископъ Иларіонъ Ловчанскій однажды говорилъ при дѣвущкѣ проповѣдь о Далилѣ и Самсонѣ. Никто изъ мущинъ не слыхалъ о Далилѣ. Гайдукъ Велько, киседжія Кыучукъ Мустафа и Матвѣй Рапо ** были для нихъ то же что

лошадахъ, короткихъ и длинноногихъ какъ олени. Между тамошными Турками они самые храбрые солдаты и знаменитые гайдуки.

* Пелливанъ—солдцъ, качество высоко чтимое на Востокѣ.

** Матвѣй Рапо, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ гайдуковъ во всей Румелии, записался въ казаки въ 1854 году и былъ храбрымъ солдатомъ, любимцемъ Адама Мицкевича, когда тотъ казаконвалъ съ казаками подъ Бургасъ-Ахиорли. Послѣ десятилѣтней службы онъ

святой Георгіи и святой Димитріи. Кыючукъ-Стефанъ махнулъ рукою.

— Иди, дѣвица; самъ Богъ наставилъ тебя Своимъ духомъ, а кто съ Богомъ, съ тѣмъ и Богъ. Помню какъ я двѣнадцати лѣтъ былъ въ Дели-Орманѣ казакомъ, царскимъ юнакомъ. Чуть доставалъ рукою до конской гривы. Паша и офицеры меня полюбали. Стефанъ проворный, Стефанъ ловкій, садись на коня, и Стефанъ велъ въ Дели-Орманъ, черезъ обозы Бѣлаго Царя, усатыхъ казаковъ и бородатыхъ башибузуковъ, и всегда проводилъ. Хорошее было времечко! Жаль его! Еслибы не чортъ Колотунка...

Воевода не слушалъ; онъ въ сторонѣ разказывалъ Марѣ гдѣ отыскать Дышлию, * какъ его узнать, какъ дать ему признать себя и какъ увѣдомить воеводу.

Дѣвушка закуталась въ переджъ, вышла на дорогу и отправилась въ путь. Богъ оберегалъ ее: мимо ея, въ двухъ шагахъ, промчались какъ бѣшеные Черкесы, и ни одинъ не взглянулъ на нее, а было ихъ человекъ двѣнадцать. За ними гнались четыре запѣта, и тѣ не остановились и ничего не спросили. Сердце у ней трепетало какъ крылушки у воробья. Она закрывалась переджіей и шла далѣе.

Около корчмы Выгнавки она встрѣтила лѣвшихъ бурлаковъ; они увидавъ ее заглѣли: „идеть Жидовочка, гайка! гдѣ моя нагайка! Вадай Жида собачьяго сына“—и начали таскать за волосы Жида-шинкаря, но дѣвущкѣ не сказали ни слова и пропустиди ея. Она догнала обозъ телѣтъ и прямо обратилась къ старому Турку конвоя: низко ему поклонилась, коснулась лбомъ его стремяни.

— Господинъ! Я бѣдная дѣвушка, запоздала въ дорогѣ, иду до Мангалии и прошу защиты.

Турокъ, поглядѣвъ на нее, отвѣчалъ:—Принимаю подъ защи-

умерь въ Прилѣплѣ, столицѣ королевича Марко, гдѣ его и похоронили съ военными почестями.

Кыючукъ-Мустафа, по настоящему имени Георгіи Христо, Сербъ съ Границы, бывъ славный гайдукъ, извѣстный въ Фессалии, въ Эпирѣ и даже въ Моревѣ. Въ 1854 году онъ вступилъ въ казаки. Умеръ въ Фарсалии, на греческой границѣ. О немъ жалѣлъ весь полкъ.

* Дышлиа Димитріи—личность не вымышленная, родомъ изъ Славна, теперь онъ живетъ въ Брацаванѣ-Валахскомъ и правитъ обязанность воеводы комитета.

ту, ручаюсь головою!—Онъ приказалъ ей сѣсть на возъ и прикрыться кошмами и шубами, но не спросилъ ни кто она, ни откуда идетъ. Это былъ старый Турокъ, потомокъ дели-орманскихъ спягивъ, самъ спягивъ душою и сердцемъ, готовый голоднаго накормить и напоить, дать убѣжище окривающемуся и принять его на свое попеченіе, защитить слабого и сражаться только противъ врага. Словъ онъ говорилъ мало: „благодареніе Богу! хвала Богу! клянусь головою!“ былъ щедръ и расположенъ къ добру. Такихъ людей между Турками довольно во всей Румелии. Не удивительно что они покоряли области и безъ шаріата и танзимата умѣли привязать къ себѣ сердца любящихъ. Что дѣлаетъ сердце, того не сдѣлаютъ ни ирады ни фирманы.

До Мангалии доѣхали благополучно. Марья соскочила съ воза и низко поклонилась во изъявленіе благодарности. Турокъ благословилъ ее.

— Да хранить тебя Богъ! Дай Богъ тебѣ счастья!

Онъ опять не спросилъ куда и къ кому она идетъ, даже не посмотрѣлъ на нее. Перебирая пальцами четки, онъ полезъ возы ко хлѣбному окладу.

Марья прямо пошла въ монастырь калугеровъ * и спросила тамъ игумена Паисія. Ее проводили въ комнату гдѣ на разостланныхъ балканскихъ кошмахъ сидѣлъ исповинскаго роста игумень. Лицо его обросло черными волосами, глаза у него маленькіе, полусонные, ручища такая огромная что Марья могла бы на ней водить хорату. Монашеская одежда распахнулась спереди и видна косматая какъ у медвѣдя грудь. Предъ нимъ лежатъ молитвенникъ и четки, а кувшинъ съ виномъ и кисеть съ табакомъ. Онъ куритъ трубку и поливаетъ вино, а около него, на полу, сидитъ, на корточкахъ, сухоларый калугерь, съ блестящими глазами и пергаменнымъ лицомъ; онъ все лижетъ и откладываетъ листочки въ сторону.

Вошла Марья. Она была прекрасна какъ всегда и еще похорошѣла отъ усталости и увѣренности что служить свободѣ Болгаріи. Вѣсь чувства знамени души отразились на ея лицѣ. Калугерь пересталъ писать, перо выпало изъ его рукъ, а игумень Паисій выпучилъ глаза и улыбался отъ всего сердца.

— Тебя только не доставало при винѣ и табакѣ, сахарная мочичка! Поди сюда душечка.—Онъ хотѣлъ пригласить двашку свою ручищею, но она ловко увернулась.

* Калугеры—монахи восточной церкви.

— Воевода Добруджи! Меня послалъ къ тебѣ воевода Казани.

— А гдѣ знаку?

Марья подала ему бляху съ орломъ и надписями. Онъ осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Такъ, такъ, это онъ. Чего же онъ хочетъ? чтобъ я шелъ въ Балканы? У меня нѣтъ ни людей, ни денегъ. У комитетовъ все на бумагѣ, а на дѣлѣ ничего. Пропадай такая работа!

— Онъ хочетъ переговорить съ тобою.

— Пусть приходитъ. Слава Богу, есть у насъ и вино и табакъ. Пускай приходитъ переговорить о чемъ ему нужно.

— Но онъ желаетъ знать нѣтъ ли опасности; онъ вмѣстѣ съ Кьючукъ-Стефаномъ.

— А банда Стефана?

Разбита; трое убиты, двое легко ранены, самъ же Стефанъ цѣлъ и невредимъ.

— Вотъ то-то! Ангель, что ты писалъ комитату? сказалъ онъ, обращаясь къ калугеру.

— Какъ ты приказалъ воевода, что Кьючукъ-Стефанъ съ тремястами киседжіями выступилъ въ Дели-Орманъ, что собираются другія банды, но что нужно, какъ можно скорѣе, прислать денегъ.

— Да, я такъ говорилъ; деньги нужны, деньги. Письмо отправлено?

— Два дня.

— Подождемъ, можетъ-быть пришлютъ денегъ, тогда дѣло уладится. Ну а какъ быть съ воеводой? Посовѣтуйся съ калугерами. Момица проводить въ какую-нибудь болгарскую семью; намъ ее держать здѣсь не приходится; не долго до бѣды отъ воеводы, если она его, собачьяго сына. Пожалуй запоесть онъ намъ по-своему, или ятаганомъ по лбу, или кинжаломъ въ сердце. Онъ чортовъ сынъ, а не собачій. Чего стоишь, момица? Стулай съ Богомъ, дьяволъ не дремлетъ—я не отвѣчаю за себя. Иди за калугеромъ.

— Я не пойду, вельможный воевода, пока не получу отвѣта воеводѣ.

— Такъ стой, или садись, какъ тебѣ угодно. Онъ выпилъ одинъ за другимъ два стакана вина и потомъ, до возвращенія калугера Ангела, курилъ трубку.

— Къ полуночи все будетъ готово, пусть приходятъ, приедемъ ихъ какъ желанныхъ гостей. А ты, момица, отдохни пока придетъ воевода, услѣшь.

Дѣвушка поклонилась и вышла. Калугеръ Ангелъ ей не понравился: подозрѣніе залало ей въ душу. Она уже развѣдала что калугеры не Болгары, а Греки, что воевода перерядился игуменомъ, что калугеры не охотно его терпятъ, исполняя приказанія высшей власти извлекаютъ изъ того разныя выгоды, но были бы рады отъ него отдѣлаться.

Выходя, она натолкнулась на двухъ калугеровъ которые подслушивали у дверей игумена. Они вошли въ другой покой, гдѣ, когда растворили дверь, Марья увидала старца калугера. Она смекнула что это былъ настоятель монастыря. Она скоро вышла изъ комнаты и потомъ тихонько, украдкою, въ нее вернулась.

Марья начиталась и наслушалась въ лѣсныхъ Вуки Караджича что подслушиванія дѣвицы спасали такихъ витязей какъ царевичъ Марко, босанскій Муто и арнаутскій Скандербегъ. Она подкралась къ дверямъ и принялись слушать.

Въ покоѣ разговаривали нѣсколько людей, и она узнала голосъ калугера Ангела. Марья умѣла читать и писать и, какъ всѣ Болгарки, понимала немного по-гречески. Она на лету ловила слова и выраженія.

— Нужно покончить; съ этими варварами ничего не подѣлаешь, а деньги немалыя. Къ полуночи сойдутся, пускай полируютъ, а къ разсвѣту имъ карачунъ; самъ чортъ ничего не узнаетъ и не разкажетъ. Случай: вчера была схватка, погоня, искали и нашли. Дѣло само собою пришло къ пагубному концу. Намъ тоже грозить бѣда; предъ *комитатомъ* мы оправдаемся: и денегъ дадутъ, и за нами, пока наступитъ лучшее время, останется заслуга въ вѣрности. Ты, Фотій, ночью сбѣгай къ каймакану, а вы приготовьте угощеніе такое же обильное какъ и послѣднее. Момицу въ монастырь не пускать, это зазорно.

Дѣвушка вышла печальная и въ раздумьи какъ пособить бѣдѣ. Мысли терзаютъ ее, и она обращается къ Богу съ горячею молитвой: „Боже, услышь меня! Боже, спаси насъ!“ Она идетъ по улицѣ сама не зная куда.

Вдругъ кто-то схватилъ ее за руку.

— Здравствуй, Марьюшка! Чтѣ ты тутъ дѣлаешь? Мы пригнали изъ Кишлы барановъ, которыхъ завтра сдадимъ султанскому *кассану*. * А ты зачѣмъ здѣсь?

* *Кассанъ* — мясникъ. Зовутъ ихъ также *дубельнъ*. Изъ нихъ правительстве выбираетъ палачей.

— Я тоже пришла въ Кишлу съ матерью, съ отцомъ и съ баранами, а сюда въ городъ меня послали за калачами. Завтра вернусь.

— Пойдемъ съ нами, переночуешь у насъ; поужинаемъ, а придетъ охота такъ и хорату пропляшемъ.

— Гдѣ жъ ваша хата?

— Мы стоимъ съ баранами въ чистомъ полѣ у кургана; есть у насъ теплый шатеръ, теплыя кошмы и жаркій огонь, есть у насъ волюшка, а у Ильи свирѣль—натѣшимся въ волю, а чабанскія собаки ни волка, ни Турка не подлустятъ. Иди, Маша, Марьюшка, иди, красная дѣвица.

— Пойду съ вами, съ чабанами и съ чабанками, хоть разбранить мать и раскричится отецъ. Погуляю на лугу.

Удалая молодежь весело и подпрыгивая пошла къ курганамъ. Тамъ пожилые и старики привѣтствовали ихъ и радушно приняли милую гостью.

Уже стемнѣло. Марья, для новой потѣхи, подговорила чабановъ и чабанокъ зажечь на курганахъ три большіе костра.

Костры пылаютъ и огненными столбами поднимаются къ небу. Дудка жалобно плачетъ, а момаки и момицы, ухватившись за руки, водятъ хорату. Передовой или передовая кружить по разнымъ завиткамъ, а остальные за нимъ или за нею вслѣдъ гуськомъ; потомъ всѣ становятся въ кругъ, весело припрыгиваютъ и снова гуськомъ. Такъ плясали хорату за хоратой. Маша развеселилась. Правнука жены стараго Стефана говоритъ Ильѣ:

— Дай мнѣ свои потуры, челкинъ и гувию—буду момакомъ, а ты возьми мой фустанъ и мою фереджъ—будешь момицей. Посмотримъ узнаютъ ли насъ?

Илья тотчасъ согласился.

Они перерядились, поклонились старшимъ и повели хорату, хохочутъ и тѣшатся. Вдругъ собаки залаяли и смолкли—знать почуяли своихъ—и два всадника подѣхали къ кургану. Момакъ Марія уже при нихъ; она рассказала все что слышала и видѣла. Никому это не показалось страннымъ, потому что подѣхали свои чабаны изъ Нейкіоя, давнишніе знакомые стараго Стефана. Они оставили лошадей у кургана и вмѣстѣ съ момакомъ Марьей пошли въ городъ.

Кьючукъ-Стефанъ смѣтавъ и разомъ понявъ въ чемъ дѣло. Дорогой онъ забѣжалъ къ рыбаку казаку, старому дели-

орманскому товарищу, и сказалъ ему чтобы на морѣ, предъ монастыремъ калугеровъ, была наготовѣ лодка. Казакъ договорилъ:—и боченокъ съ водкой!—Тотъ сунулъ ему въ руку нѣсколько меджидіе. Казакъ отвѣчалъ:

— Все будетъ готово въ пору, не будь я казакъ Копійка. Я повезу васъ по Черному Морю, какъ водилъ по Дели-Орману; не собьюсь съ дороги.

Копійка былъ извѣстный во всей Добруджѣ разбойникъ на морѣ и на сушѣ, прозванный Ночнымъ за умѣнье видѣть въ потемкахъ. Заручившись его словомъ можно было спать спокойно на оба глаза.

Въ монастырѣ пиръ горой—мясныя и рыбныя кушанья и сласти. Калугеры чествуютъ воеводу, угощаютъ ихъ, подливаютъ имъ вина. Воевода Казани и Кьючукъ-Стефанъ подносятъ кубки къ губамъ и передаютъ ихъ момаку Марьѣ, а та выливаетъ вино за дверь; только воевода Добруджи, пехливанъ Дышайя, льетъ какъ саѣдутъ и щуритъ глаза.

Настоящій игумень разказываетъ о *комитетахъ*, что въ нихъ все устроено какъ въ послѣднее польское возстаніе, только не Поляками, потому что Поляки католики римскаго папы, служатъ бусурману, Турку. Каждый инженеръ Полякъ—шпіонъ, каждый телеграфистъ Полякъ—тоже шпіонъ. Игумень бесѣдуетъ и проситъ пить.

Вдругъ залаескали на морѣ весла; момакъ Марья услышала ихъ шумъ, потому что вся обратилась въ слухъ. Она сказала: „пора!“ Въ ту же минуту слышались шаги съ улицы.

Итъ-Оглу и Стефанъ вскочили на ноги и заставили подниматься Дышайю. Калугеры заходятъ отъ дверей, просятъ садиться и продолжать бесѣду, но момакъ Марья закричала:

— Измѣна! измѣна! У воротъ залтіи.

Пехливанъ очнулся и протрезвился, распахалъ кулугеровъ вправо и влѣво, словно куколъ, выбилъ ворота и вышелъ на берегъ, а въ монастырь кинулись залтіи съ каймаканомъ и игуменомъ во главѣ: „Хватай! держи!“ но воевода уже въ лодкѣ, съ Кьючукъ-Стефаномъ и съ момакомъ-Марьей. Залтіи выстрѣлили на удачу изъ пистолетовъ, съ лодки раздались два выстрѣла, одинъ за другимъ, и въ отвѣтъ имъ слышались на берегу два стога. Стрѣлялъ Собачій Сынъ, *

* Итъ—собака, Оглу—сынъ. Такъ называется патриотъ воевода, служившій прежде майоромъ сербской полиціи въ Бѣградѣ, а теперь

простонали залтіи или калугеры, въ темнотѣ не распознаешь. Утромъ вѣрно не досчитаются двоихъ.

Лодка исчезла въ ночномъ мракѣ, а каймаканъ приказалъ стащить всѣхъ калугеровъ въ тюрьму.

— Собаки гяуры! Оборванные полы! Вызвали насъ въ поле и шамьвали! Дадимъ мы вамъ! Чаушъ отбиваетъ замки, перетрясаетъ сундуки, ищетъ комитетскихъ бумагъ, а калугерское золото и серебро складываетъ въ кучу. Эта комитетская добыча лучше труловъ, лучше даже живыхъ гайдуковъ и воеводъ. Разгромъ вышелъ вполнѣ удачный!

Обрадованный каймаканъ на другой день шлетъ валя телеграмму: „Мы захватили всѣхъ до одного *комитатовъ* калугеровъ, а вчера въ стычкѣ убито тридцать гайдуковъ. Страна очищена, спокойствіе обезпечено“. Онъ приказалъ заковать калугеровъ въ кандалы, приговаривая: „пускай разорвутъ желѣзо золотомъ, если желѣзомъ не сумѣли отстоять золота“.

Чолняъ скользить по синему морю. Вѣтеръ дуетъ съ юга къ сѣверу; парусъ распустился широкимъ крыломъ, кругомъ тишь и гладь. Всѣ усѣлись около мачты и болтаютъ между собою. Момакъ Марья смотритъ на море и мысленно благодаритъ Бога за спасеніе болгарскихъ воеводъ.

Кьючукъ-Стефанъ разказалъ какъ онъ залисался въ казаки, желая служить султану-падишаху, какъ воевалъ противъ войска Бѣлаго Царя, и какъ послѣ войны онъ хотѣлъ, со скуки, пошутить надъ старою бабой. У бабы были подъ поломъ закопаны деньги, у него былъ ножъ острый какъ бритва. Вотъ и захотѣлъ онъ подыснуть бабу ножомъ по горлу чтобы посмотреть испугается ли она. Онъ уже взялся за дѣло когда вошелъ чаушъ съ желѣзною ручищей и схватилъ его за шею. Онъ отговаривался что шутитъ, но упрямый чаушъ потащилъ его къ сотнику Колотушкѣ и донесъ ему на словахъ. Ничего не лѣдѣлаешь: Колотушка взялъ бумагу, перо, да и черкнулъ ралортъ Киркаръ-Бею-Мирлаю. Бей не любилъ забавляться сѣдствіями и возней. „Ага, чортовъ сынъ Стефанъ! Чтѣ баба жива?“—Жива.—„Такъ дать триста лалокъ, да горячихъ чтобы не рѣзалъ людей.“ Сказано, сдѣлано; отсчитали ему

предсѣдающій въ Бѣлградѣ, или Букурештѣ, въ качествѣ воеводы комитета. Онъ родомъ изъ Славна, изъ предмѣстія Еникаюя, тамъ у него жена и семья. Все разказанное о немъ совершенно истинно.

триста, и пошелъ онъ въ лазаретъ, а изъ лазарета удралъ въ горы и лѣса, изъ казака сталъ киседемъ. „Жаль! всему горю причиною лезъ Колотушка. Еслибъ онъ меня оттаскалъ за волосы и не написалъ донесенія, такъ самъ чортъ бы ничего не узналъ, и былъ бы я теперь юнакомъ казакомъ, а не паршивымъ воеводою. Жаль! жаль!“ и проклиналъ онъ сотника Колотушку по отцу и по матери. Зачѣмъ не пожурилъ, не наказалъ, а прямо погубилъ? Это не по-христіански, не по-славянски.

Кьючукъ-Стефану жаль казачьяго житья-бытья.

Такъ-то бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Человѣкъ сталъ служить Богу и царю, да разомъ все и потерялъ. Теперь онъ служить *комитету* и чорту.

Съ разсвѣтомъ лодка причалила къ берегу, подъ самымъ кіоскомъ Кустенджи. Пехливанъ, не успѣвъ еще выбраться изъ-подъ утеса, свистнулъ три раза молодецкимъ посвистомъ. Изъ Англійской гостиницы тотчасъ выбѣжалъ дородный малый, слуга, въ копаки и въ бѣломъ фартукѣ. Парень тоже былъ *комитатъ*, ибо обмѣнялся съ воеводою знаками; онъ немедленно провелъ всѣхъ, заднею стороною строения, въ большую комнату.

Оттуда они, въ каракачанскихъ кафтанахъ, отправились на желѣзную дорогу. На Марѣ былъ фустанъ и сюртукъ, такая одежда какую носить румынскіе обыватели которыхъ еще не совратили дамы Букурешта и Яссы, и какую можно еще видѣть въ Гушѣ и въ Браиловскомъ предмѣстьи. Болгарскіе *комитеты*, подобно польскимъ *комитетамъ* послѣдняго повстанья, обзавелись въ каждомъ городѣ множествомъ агентовъ, условными знаками, платьемъ для переряживанья, лошадьми и экипажами чтобы возить летающихъ съ мѣста на мѣсто агентовъ, даже буфетамъ и канцеляріями: всюду комиссары, агенты, комитеты, словомъ, было богатство и обиліе во всякихъ революціонныхъ и повстанскихъ штукахъ, даже въ оружіи и въ амуниціи, для провоза и сбереженія которыхъ были нужны комиссары. Были у нихъ и деньги, какъ въ Польшѣ, потому что со всѣми они расплачивались звонкою монетою. Забыли только что нужны солдаты, офицеры, полководцы, генералы, а не *комитетскіе* воеводы и комиссары незримаго народнаго правительства.

Въ Браилѣ большой и важный съѣздъ. Старо-болгарскій *комитетъ* помышляетъ о соглашеніи съ молодымъ болгарскимъ

комитетомъ. Молодые Болгары—адвокаты, медики, учителя, купцы, торгаша, хотѣтъ добиться освобожденія Болгаріи законнымъ путемъ, публицистикою. Они привезли много документовъ и доказательствъ давнишней независимости Болгаріи, различные историческіе памятники и политическіе доводы. Въ числѣ ихъ было преданіе о томъ какъ Аттила, бичъ Божій, съ Болгарами, Волгарами или греческими кентаврами, завоевавъ дунайскія земли, принималъ въ Тырновѣ или Сивотовѣ пословъ императора Греческаго и угощалъ ихъ праниками, смѣсью изъ свѣжаго меда и поджареной муки. Царь Болгарскій принималъ пословъ Греческаго императора, сдѣлательно былъ государь и существовало государство Болгарское. Ссылались на хроники монастырей Рыльскаго и Хиландарскаго о Іованѣ Шимманѣ, о Симеонѣ, о рядѣ другихъ королей болгарскихъ и о Никопольской битвѣ, гдѣ погибъ цвѣтъ латинскихъ рыцарей, изъ коихъ одинъ, со шрамомъ на лицѣ, спрятанный болгарскою бабой, сдѣлался, по преданію, родоначальникомъ знаменитой фамиліи Чалыки, до сегодня стоящей во главѣ *комитета* въ Филипполѣ. Приводили наконецъ ученныя изысканія Чеховъ, Гапки, Шафарика и Палацкаго, подтверждающія независимое политическое существованіе Болгаръ или Волгаръ, гунскаго племени, вышедшаго съ береговъ Волги и поселившагося на Дунаѣ, гдѣ оно ославилось отъ сосѣдства и напора Сербовъ. Въ заключеніе указывали на одесскія и московскія изслѣдованія Палаузова, Априлова и №№ дунайскаго *Лебедя*, агитатора Раковскаго, родственника Богровъ или Богоридесовъ изъ Ботла. Съ такими доказательствами собирались ѣхать въ Стамбулъ, иначе Царьградъ, начать процессъ съ султаномъ и Высокою Портою, вызвать въ судъ великаго визира и рейсъ-эффенди, взять адвокатами экзарха Александра и предателя Македонія, представить дѣло на обсужденіе всей Европы, подписавшей трактатъ 1856 года, и выиграть такую тяжбой независимость Болгаріи.

Старо-болгарскій комитетъ былъ составленъ изъ банкировъ и богатыхъ кулцовъ которымъ румынскіе бояре кланялись, пожимали руки и слали лальчикомъ ларижское bon jour. Самъ князь Куза имъ также кланялся и пожималъ руки. Тутъ же были арендаторы боярскихъ имѣній, настоящіе господа деревень, гайдуки, работники и мошенники, словомъ, всякій людъ желающій ѣсть, пить, одѣваться и веселиться, чего безъ де-

негъ нельзя. Они нуждались въ деньгахъ, и за плату были готовы подставить свой лобъ.

Старый *комитетъ* посмѣивался надъ бреднями молодого *комитета*: „запрутъ васъ въ тюрьму, отхлещутъ розгами и пошлютъ въ ссылку. Не такъ поступалъ Георгій Черный и дорогой нашъ Милошъ, дорогой потому что онъ владѣлъ въ Румыніи огромными деревнями и щедро локровительствовавалъ Болгарамъ, которые зарабатывали себѣ деньги въ Румынской землѣ отъ румынскихъ богатствъ. Не такъ Сербы отдѣлались отъ Турка. Турокъ-гайдукъ набѣгами локорилъ нашу землю, гайдуками и набѣгами слѣдуетъ у него отобрать ее. Нужно нападать пока онъ не уберется, клинъ клиномъ выбивай.“

Старики упрямы, словами ихъ не убѣдишь. На всѣ угрозы и заискиванія молодого *комитета* они отвѣчали: „не дадимъ денегъ и баста“ — аргументъ рѣшительный. Совѣщались, совѣщались: услѣдуетъ тотъ у кого сила. Уступили, только подъ условіемъ что, по примѣру польскаго революціоннаго комитета или незримаго правительства, напишутъ воеводамъ такія же инструкціи какія ржондъ писалъ для диктаторовъ, и сохранятъ диктаторскій санъ. Но слово это латинское, они же хотятъ общины славянской, а потому лучше быть воеводами. Вотъ и написали грозно, высокопарно; завели все кромѣ войска. Назначили четырехъ воеводъ: Филиппа Тотуя, Панайота Итъ-Оглу, Дышлія Дмитрія, Пехливана и хаджи Дмитрія Кавгаджія. Старый *комитетъ* далъ воеводамъ лышныя одежды, богатое оружіе, румынскихъ лошадей и кошельки съ золотомъ, а молодой *комитетъ* сказалъ имъ: „Во имя свободной и независимой Болгаріи, идите и громите врага Турка! Истребите и уничтожьте нечистивое племя Агари; Изгоните его въ Азію! Идите во имя Божіе, во имя Болгаріи!“

Воеводы приняли дары стараго *комитета*, но не уразумѣли словъ молодого *комитета*. На этомъ кончился съѣздъ.

Сливенъ.

II.

Въ Сливенѣ было казино (такъ называли на языкѣ образованной лублики помѣщеніе гдѣ были соединены кабинетъ для чтенія, кофейня, кондитерская и шивокъ).

Тамъ предлагали лицу для души и тѣла. Обширная храмина могла бы служить манежемъ для полуэскадрона. Снаружи зданіе было выкрашено желтою краской, а оконныя рамы свѣтлозеленою, щелотки петрушки на большущемъ блюдѣ ячницы. Надъ крышей куполь, а подъ куполомъ виситъ колокольчикъ, и прилаженъ онъ такъ что каждый разъ когда отворяется дверь и входитъ гость онъ отзывается *динь*. Внутри стѣны оклеены обоями съ ярко-желтыми разводами по лунцовому полю. Во всѣхъ четырехъ углахъ залы стоятъ часы съ кукушками, которыя то и дѣло кричатъ *куку, куку!* На стѣнѣ противъ оконъ виситъ, на свѣтло-зеленыхъ шнурахъ, въ золотой рамѣ, портретъ султана Абдуль-Азисъ-Хана; по сторонамъ его два зеркала въ черныхъ рамахъ; за зеркалами, съ правой стороны, святой Георгій, попирающій ногами дракона, похожаго на барашка. Это *гедренезъ*, * майскій праздникъ, съ котораго разрѣшается вѣсть ягнать. Съ лѣвой—Св. Дмитрій одѣляющій рабовъ Божиихъ хлѣбомъ и виномъ, въ воздаяніе за служеніе Богу. Это *кассимъ*, ** осенній праздникъ, въ который хозяева расплачиваются съ работниками. На двухъ другихъ примыкающихъ стѣнахъ, Іованъ Шимманъ въ стальной бронѣ, на черномъ конѣ; вокругъ него наѣллены портреты императоровъ и королей, произведенія искусства разносимыя по славянскимъ землямъ Словаками. Противъ Іована Шиммана виситъ королевичъ Марко, въ золотыхъ доспѣхахъ, на бѣломъ конѣ, а около него развѣшаны портреты славянскихъ богатырей, работы тѣхъ же артистовъ, одни съ надписями, другіе безъ надписей. Іосифъ

---

* *Гедренезъ* — праздникъ Св. Георгія или Юрія, въ который всѣ проживающіе въ Оттоманскомъ царствѣ, отъ мусульманина до послѣдняго Жида, рѣжутъ и ѣдятъ молодого барашка. Съ этого дня правительство дозволяетъ пользоваться этимъ даромъ Божиимъ, и сводится счетъ всѣмъ баранамъ для уплаты десятинной подати. Со дня Св. Георгія начинаютъ продавать молоко, приготовить овечій сыръ и собирать шерсть. Это важный день въ хозяйствѣ.

** *Кассимъ*—октябрьскій праздникъ Св. Дмитрія. Съ этого дня заключаются всѣ договоры съ работниками на годъ и лишутся условія съ арендаторами. Работники получаютъ плату и гуляютъ три дня и три ночи, а хозяева должны сами присматривать за своимъ добромъ, или нанимать для того особыхъ людей. Затѣмъ все приходитъ въ обычный порядокъ.

Понятовскій бросается въ Эльстеръ:—„Не можетъ со славою сластись, со славою погибаетъ.“ Суворовъ подпрыгиваетъ съ лѣтучомъ подъ мышкой:—„Слава Богу, слава вамъ, Измаилъ взять и я тамъ.“ Радецкій играетъ Итальянцамъ на дудкѣ, а Итальянцы кричатъ: „Грубые Кроаты!“ и бѣгутъ. Паскевичъ съ императорскимъ войскомъ переходитъ черезъ Вислу, а Поляки порозѣвали рты и смотрятъ: „Стулай ты, я не пойду, пусть онъ идетъ“, и никто не трогается. Босанское дворянство на ослахъ дефилируетъ предъ Омерь-лашой, лицомъ они обращены ко хвосту, а плечи подняли къ головѣ: это новая эволюція. Гайдукъ Велько спасаетъ людъ христіанскій и славянскій. Милошъ хлещетъ своихъ министровъ, за то что они онѣмечились. Сынъ Георгія Чернаго покидаетъ княжество, беретъ ружье и отправляется на охоту. Съ ними красуются другіе славянскіе герои. На всѣхъ стѣнахъ, словно мушки на лицѣ стародавней кокетки, налѣплены фотографіи лашей и не лашей, эфендіевъ, людей всѣхъ странъ и цѣлаго свѣта, вся исторія въ лицахъ. Посреди стоитъ большой столъ покрытый грубымъ славянскимъ фіолетовымъ сукномъ, на столѣ два глобуса, земной и небесный, между ними лежитъ географическій атласъ, а кругомъ разбросано много славянскихъ газетъ и все нужное для изученія географіи и политики. Вокругъ стола разставлены плетеные соломенные стулья.

Въ одномъ углу большой прилавокъ уставленный разными водками—ракіей, амберіей, мастикой,* туземными винами и всякими заграничными напитками, отъ портера до джина, отъ шампанскаго до абсента, привезенными для чествованія и угощенія казѣковъ.

У того же угла, далѣе къ срединѣ, стоитъ билліардъ: Поставъ выливки пріятно помахать кіемъ, а помахавъ кіемъ пріятно подкрѣпиться; такъ сообразили въ казино.

Въ другомъ углу, разные печенья, крендельки, шербеты, сухіе плоды въ сахарѣ, рахатлукумъ, солонина, колбасы,—кто чего захочетъ, тотъ того и спросить.

Въ третьемъ углу кофе, чай и столики для игры въ карты, въ кости и въ пахматы.

Въ четвертомъ, табакъ, трубки, готовые папирсы, книжечки

* Разныя славянскія водки.

съ палиросною бумагой, спички и свѣчи, а вдоль стѣнъ мягкіе диваны, крытые пунцовою съ кудрявыми узорами матеріею мѣстнаго издѣлія.

Словомъ, всякія удобства для любой прихоти. Заведеніе поэтому и зовется казино. Такъ оно пришлось по вкусу жителямъ что къ каждому пріѣзжему всѣ отъ мутасарифъ-паши до послѣдняго *гамала*, * прежде всего обращаются съ вопросомъ: видѣли ли вы наше казино? были ли вы въ нашемъ казино?

Цѣлый день дѣти, бабы и простой народъ глазѣютъ на зданіе казино и не могутъ надивиться этой яичницѣ съ петрушкой. Внутри всегда полно гостей: каждый чорбаджія, каждый обыватель, каждый чиновникъ, вмѣняетъ себя во священную обязанность сходить въ казино почитать газеты. Оно сдѣлалось любимымъ предметомъ Сливенцевъ. За то нельзя не согласиться что сливенскіе Болгары далеко превзошли всѣхъ другихъ своихъ соплеменниковъ въ образованіи, въ политикѣ, въ обращеніи съ людьми, во взглядѣ на вещи; Сливенъ, безъ сомнѣнія, останется Парижемъ Болгаріи, пока не обратится въ славянско-болгарскій, ново-завоеванный Берлинъ; но для этого недостаточно комитетовъ и претендентовъ на Дакекую корону, а нужны Бисмаркъ и Мольтке.

Мутасарифъ-паша посѣщаетъ казино и всѣ тамъ сходятся; люди видятся, знакомятся между собою и сближаются. Это можетъ-быть самое практичное и удобное средство для развитія восточной общественной жизни до той высоты на какой она стоитъ на Заладѣ.

Казино полно и шумно: два важныя событія занимаютъ публику.

Воеводы Филиппъ Тотуй и хаджи Дмитрій Кавгаджія перешли на правый берегъ Дуная въ сопровожденіи многихъ *комитатовъ*.

Драгунскій майоръ, открывшій такое средство управлять воздушными шарами и картечицами что въ двѣ секунды

* *Гамалъ*—носильщикъ. Этимъ ремесломъ занимаются Армяне, которые берутъ все на откулъ, цивилизуютъ и обираютъ Турокъ. Теперь они уже забрали въ свои руки банки, почты, дороги и телеграфы. Для послѣднихъ двухъ промысловъ они пользовались сначала Полаками, но потомъ прогнали ихъ.

можно перебить цѣлый баталіонъ пѣхоты, а въ три шести-эскадронный полкъ кавалеріи; по два эскадрона въ секунду, задумываетъ примѣнить оба изобрѣтенія отдѣльно къ каждому наезднику.

Жидокъ-майоръ, бывший кельнеръ, объясняетъ свою выдумку:—Какое страшное изобрѣненіе! Дѣлается это такъ: всадникъ крѣпко привязывается къ лошади, подошвами къ стременамъ; въ правой рукѣ у него шаръ съ аппаратомъ, а въ лѣвой поводья, и долженъ онъ держаться на стременахъ такъ чтобъ быть выше сѣдла на цѣлый шагъ. Картечницу, похожую на спринцовку, всадникъ долженъ ухватить и держать крѣпко. Въ такомъ порядкѣ кавалерія строится фронтомъ къ непріятелю, и когда онъ подойдетъ на такое разстояніе что не можетъ насъ достать, тогда командуютъ: назадъ! Всѣ трогаются; движеніе дѣйствуетъ на внутренніе фосфорные составы и начинается смертоносная пальба изъ картечницъ снарядами и удушливымъ дымомъ, а между тѣмъ шары съ аппаратомъ тащутъ всадниковъ и лошадей назадъ въ отступленіе. Если же непріятель, зажавъ носъ, станетъ горячо преслѣдовать, то можно улѣтѣть на воздухъ.

Казаки начали смѣяться.—Жаль нѣтъ Петро! Онъ бы намъ тотчасъ это нарисовалъ!

Осильный Жидокъ горячился доказывать и сердился.—Увидите что мое изобрѣненіе хорошо; турецкое правительство произведетъ меня за него въ подполковники. Клянусь Макъ-Магономъ и моими африканскими походами! Когда я тамъ командовалъ, то задрожалъ Атласъ, а Макъ-Магонъ потерялъ меня за ухо.

Не такъ-то весело толковали о другомъ событіи. Чорбаджиі смутились; хотя они и не договаривались съ *комитетами* и не привяли на себя никакихъ обязательствъ, но они Болгары, тѣ тоже Болгары и ратуютъ за болгарскую свободу. Одолѣютъ ли они? Не лучше ли держаться султана и Турокъ? Въ султанѣ, по женскому колѣну, по сербскимъ князьямъ, славянская кровь. Онъ завелъ болгарское войско, казаковъ и драгуновъ, и оставилъ имъ ихъ вѣру, языкъ и обычаи. Болгаръ онъ возвышаетъ, Армянамъ онъ довѣрилъ казну, Грекамъ перо, а намъ Славянамъ онъ далъ сабли; хорошо намъ при сабляхъ и хорошо намъ съ Турками; съ той поры какъ завелись казаки, живемъ мы съ Турками какъ братья и

не слышно ругательствъ на гяура. Мы другъ друга знаемъ, а каково будетъ безъ нихъ, того мы не вѣдаемъ. Лучше остаться при старомъ чѣмъ искать неизвѣстнаго. Такъ думали въ душѣ болгарскіе чорбаджи, бодрились, но были печальны. Одинъ изъ нихъ громко читаетъ газету и залинается, не находя въ ней того чего бы хотѣлось. Другаго тянетъ покалякать съ казаками, но онъ не знаетъ съ чего начать, на что отвѣчать, какая-то несвязная сумятица въ мысляхъ и въ словахъ.

Осиплый Жидокъ пощелкиваетъ на билліардѣ, а чорбаджи приступили къ ракии и амберіи. Колченогій дѣтина, по прозванію „италіянская корючка“, за рюмкой приговариваетъ:

— Кто льетъ, тотъ не хнычетъ, а кто не хнычетъ, тотъ держитъ языкъ за зубами. Это великая добродѣтель. Для нашего брата солдата казака каляканье плохая приманка. Лучше ѣсть, пить и здорово биться, а не хочешь лускаться въ передраги, такъ сиди съ женой, да лущи раковъ.

На улицѣ предъ казино разговаривали двое казаковъ, а вокругъ нихъ сновали взадъ и впередъ толпы людей разнаго рода и племени.

— Богъ помощь, векиль-онбаша.

Векиль-онбаша Петро Катарджія усмѣхнулся.

— Въ чемъ же Богу помогать мнѣ?

— Скоро ли мы поздороваемся съ тобой косматою рукою?

— Не знаю; какъ-нибудь дѣло устроится. Попрошу чауша въ сваты.

— Въ сваты пойду, ты казакъ славный, только смотри чтобъ они твою богданку не просватали до поры до времени.

— Какъ такъ?

— Отдали вы ее, дружище, подъ охрану волчицамъ, хуже чѣмъ волчицамъ, тѣ бы съѣли, и дѣлу конецъ, а эти чертовки свернутъ и голову и сердце, какъ сами себя посвернули.

— Что же ты, чаушъ, серчаешь, вѣдь онѣ офицерши.

— Хороши куклы-мартышки! Развѣ такимъ надо быть офицершамъ? Нешто такія у насъ офицерши? Посмотрѣлъ бы ты какія у насъ офицерши, такія степенныя что любо глядѣть на нихъ. Виданое ли дѣло чтобъ онѣ объѣдались, съ позволенія сказать, какъ хлѣвная скотина, или напивались какъ бурлаки? Рѣчи у нихъ сладкія, любезныя,—изъ кожи полѣзетъ человекъ чтобъ имъ услужить; если же по благодарствуютъ улыбкой, такъ что твоя куча золота. А тѣ

что? Тфу! Орутъ, пьютъ, бранятся между собою, словно варшавскія торговки, колбасницы; а когда разрядятся, такъ ни дать, ни взять италянскія обезьяны.

— Онъ не виноваты что не смазливы. Богъ не каждому даетъ красу.

— Тфу! Не далъ Богъ, такъ и нечего дѣлать; зачѣмъ же голостолузыя, рябыя какъ нѣмецкія картошки и сухія какъ соленые судаки, лѣзутъ въ офицерши? Просто клопы! Мокрые глаза и мокрые носы—чортъ ихъ лобери! Да не въ нихъ дѣло! Говорю тебѣ какъ доброму товарищу, какъ старый хрычъ молокососу, который видитъ только то что у него подъ носомъ: эй выхвати дѣвку изъ рукъ, если хочешь ѣсть хлѣбъ изъ ея печи, а нѣтъ такъ стануть ѣсть другіе, тебя же голоднаго пошлютъ за хлѣбомъ къ чорту.

Векиль-онбаша почесалъ свои усы.

— Какъ же дѣлу помочь? Вы насъ полячите въ залуски. Она сама пожелала остаться съ офицершами и поосмотрѣться, а мать согласилась.

— Да вешто это Польки, милліонъ двѣсти тысячъ дьяволовъ! Это отребье не Гречанки, не Армянки, не Славянки, какіе-то нехристи, полусобаки и полукозы. Опоганились съ ними офицеры—не наше то дѣло; какъ себѣ постаали, лускай такъ и спячь. А ты человекъ Божій подумалъ что это Польки! Польки! Да видѣлъ ли Полекъ? Знаешь ты Полекъ?

— Не сердись, панъ чаушь; вѣдь онъ жены Поляковъ, такъ я и признамалъ ихъ за Полекъ.

— Учился ты въ школѣ грамотѣ, а не дочитался что такое Польки. Повѣжай ко второму капитану первой сотни; человекъ онъ самый разумный, душою и сердцемъ чистый какъ янтарь; онъ прочтетъ тебѣ, какъ бывало читывалъ намъ изъ какой-то науки, и заломнишь я все слово въ слово, потому что рѣчь была о Польшахъ. Когда-то въ очень давнее время, до Рождества Христова или тотчасъ по Его рожденію, при королѣ не то Саксонцѣ, не то Сабкѣ, Бобкѣ или Шастѣ, не уломню, надъ рѣкою Эльбою, которая течетъ въ нѣмецкомъ краю, какъ у насъ Камчикъ, жили на одной сторонѣ рѣки Славяне Поляки, — и мы вѣдь Славяне, — а на другой Нѣмцы, повашему Швабы. Какъ увидитъ Нѣмецъ Польку, такъ бухъ въ воду и записывается Полькѣ въ кабаду, крестится въ польскую вѣру, женится, и дѣти у него вырастають Поляками. Отъ нихъ пошли Поляки Шмиды, Шлицы, Штейны

и такихъ народилось безъ числа. Нѣмецкіе короли, а можетъ быть и самъ Вѣнскій кайзеръ, изъ страха чтобы Польшки не ославили Нѣмцевъ, всѣхъ до послѣдняго, обнародовали, какъ читалъ капитанъ, эдиктъ, сирѣчь указъ, по-вашему фирманъ или ираде—что всѣ Польшки волшебницы, колдуньи, что нужно остерегаться ихъ какъ дьявола, потому что гибнуть отъ нихъ Нѣмцы тѣломъ и душою. Поваля какковы Польшки?

— У насъ, чаушъ, не хорошо быть колдуньей; у насъ колдуній жгутъ и толятъ.

— Ничего ты не разумѣешь! Нѣмецъ по-своему называлъ ихъ колдуньями, онъ же волшебницы. Такъ сказывалъ капитанъ, а онъ человѣкъ умный, не только читаетъ, но и пишетъ книжки. Волшебница привлекаетъ къ себѣ очами, тянетъ и поломить душу, и изъ человѣка, какой онъ ни будь лентяухъ, дѣлаетъ удалаго храбреца, казака. Когда человѣкъ смотритъ на такіа прелести, ему такъ пріятно и сладко словно онъ летитъ съ неба; если же попадетъ ему на глаза колдунья, то человѣку противно, какъ послѣ рюмки недокуреной водки. Какъ бы тамъ ни было, Польшки волшебницы, а эти шляхи колдуньи, дѣлай какъ знаешь; лучше тебѣ послушать меня старика: я человѣкъ бывалый, много видѣлъ и слышалъ, потому что по выходѣ изъ Варшавы, я шлялся по Европѣ и Азіи прежде чѣмъ забрелъ въ вашъ Сливень. Эй, возьми ларенекъ дѣвицу, да спрячь ее подальше и никому не показывай. Она лакомый кусочекъ.

Когда онъ договаривалъ эти слова, къ нимъ прогуливаясь подошла полковья дама. Чаушъ, увидавъ ихъ, плюнулъ.

— Тфу! рѣчь о волкѣ, а волкъ тутъ, колдуньи поганья! сказалъ и скрылся въ народной толпѣ.

Векиль-онбаши высматривалъ между ними свою волшебницу и скоро отыскалъ ее, потому что она красовалась между ними какъ роза въ кустѣ лопуха. Она уже была наряжена въ фустанъ франческаго покроя, съ оборками, въ тальму съ косынкой и въ шляпку съ бѣлымъ перомъ. Дѣвушка никогда не носила такого наряда, но онъ шелъ къ ней, потому что хорошенькой все къ лицу. Векиль-онбаши любитъ Еленушку, по его мнѣнію олопяченною, и не жалѣетъ золотыхъ которые далъ напросившейся въ мамаша олекунишъ на покунку нарядовъ. Мамаша при этомъ сумѣла наблюдать въ расходахъ такую экономію что справила славную вечеринку;

угощала индѣйками, бараниной, сахарнымъ тортомъ, ракіей, виномъ и аладьями съ гогольмогелемъ, чтобъ осилый муженекъ могъ командовать въ Балканахъ такъ же громко какъ и при подошвѣ Атласа. Всякіе офицеры и не офицеры, и Болгары и Татары, пришли въ гости и лили, и Векиль-онбаша, за свои червонды, смотрѣлъ черезъ окошко; и было то ему не по вкусу, потому что по усамъ текло, а въ ротъ не подало. Впрочемъ онъ этимъ не смутился; онъ забылъ весь разговоръ со старымъ чаушомъ и смотрѣлъ на Еленушку.

Дамы усѣлись за столиками предъ кофейной, а молодежь съ ними забавлялась. Имъ подали графинчики съ вермутомъ и абсентомъ, а въ заласъ онъ приберегъ ракію и мастику. Пьютъ онъ не то чтобы губами, а пощелкиваютъ языкомъ да присмакиваютъ. Калитанши и майорши разгулялись и угвариваютъ Елену: „пейте, не стыдитесь, это вкусно“. Она подноситъ къ устамъ, но не пьетъ, не принимаетъ душа; за то она пострѣливаетъ глазками на молодыхъ людей и на усатыхъ казаковъ, офицеры ей нравятся; они такіе молодые, красивые, статные; пріятно посмотрѣть на ихъ мундиры, шлоры и сабли. И стамбульскіе эфендіи ничего—они локуриваютъ себѣ трубки и сигары, да прислуживаютъ ей. Всѣ любятъ на бѣдную дѣвушку изъ Нейѣкія и вѣжливо ей кланяются. Прельстилась она, и сама не понимаетъ что съ нею дѣлается; сердце забилось живѣе, его тѣшитъ какая-то радость, какое-то невѣдомое счастье. Изъ благодарности она всѣмъ улыбается. Въ это время прошелъ мимо мутасарифъ-лаша, за нимъ слѣдовала большая свита нарядныхъ слугъ и оборванныхъ кавасовъ и залтѣевъ, кругомъ вертѣлась полицейскіе офицеры, эфендіи. Бей, заискивая милости лолоболытствовали узнать куда онъ изволитъ идти и на какое дѣло. Мутасарифъ подвигался медленно, важно переваливаясь съ ноги на ногу, тою тяжелою степенною поступью какою обыкновенно ходятъ великіе эфендіи. Эту поступь можно бы ввести въ хореографію и присоединить къ тѣмъ многимъ шажкамъ и прыжкамъ которые человѣкъ перенялъ у животныхъ и включилъ въ танцы.

Когда проходилъ мимо мутасарифъ, всѣ дамы встали, а мамаша прижала къ себѣ какъ бы преднамѣренно залученную Елену и выставила ее впередъ. Мутасарифъ, человѣкъ вѣжливый, по-франкски приложилъ два пальца къ губамъ, и ласково, какъ бы кланяясь, посылая ими поцѣлуи дамамъ;

онъ цѣловаль свои пальцы и отрясалъ въ воздухъ потѣлуи. Онъ дѣлалъ это очень ловко, и дамы такъ были довольны что когда усѣлись снова за столики, то не захотѣли ракіи, а принялись снова за вермутъ и абсентъ.

Векиль-онбаша все замѣтилъ и сталъ не свой. Въ ушахъ у него раздались слова стараго чауша. Онъ хотѣлъ схватить дѣвушку за руку и увести ее, но побоялся, потому что тамъ была капитанша, которая подгулявши колотила метлою и кулакомъ несчастныхъ казаковъ, чаушей и онбашей, а векилей и подавно.

Въ тотъ же день черзый служитель принесъ мамашѣ олекуншѣ изъ гарема мутасарифа высокопарно выраженное приглашеніе на *зѣбетъ*. Такъ называется продолжительная бесѣда, во время которой кушаютъ, пьютъ шербетъ, танцуютъ и даже почиваютъ; кофе и сигары въ избыткѣ; при этомъ играютъ на *шездаракъ*, а гдѣ введены франкскіе обычаи, такъ бренчатъ на фортельянахъ. Такъ веселятся бѣдныя гаремныя затворницы, или потѣшаютъ своего господина. Если онъ соизволитъ войти въ гаремъ, то убирается въ нубу или *антарію*,* садится на мягкій диванъ, поливаетъ кофе и шербеты, или хюссекую мастику, развлекается дымомъ трубки и посматриваетъ на забавы.

Для каждаго правовѣрнаго мусульманина, это время сладкаго отдыха, райскаго наслажденія. Цѣлый день онъ или на службѣ или занятъ какимъ-нибудь дѣломъ; если же онъ не служить и нѣтъ у него работы, то онъ обязанъ сидѣть въ *салемиликѣ*,** на половинѣ мушнѣ, и ждать пока сжалются надъ нимъ гости и избавятъ его отъ скуки и одиночества. Здѣсь онъ долженъ вкушать утреннюю и вечернюю трапезу, потому что можетъ придти гость, а Исламъ предписываетъ накормить, напоить и рздушно принять гостя: это религіозная обязанность. Исполнивъ свой долгъ въ *салемиликѣ*, онъ можетъ удалиться на отдыхъ въ гаремъ. У правовѣрныхъ *салемилики* всегда бѣдны, хоть и опрятны; было бы на что присѣсть и окно чтобы выглянуть на свѣтъ, по обычаю

* *Антарія*—длинная изъ бумажной или другой ткани одежда, которая надѣвается подъ шубу. Антарія бывають денныя и ночныя, потому что Турокъ ложится спать тепло одѣтый, и это ему здорово.

** *Салемиликъ*—покой для приема гостей и гдѣ живутъ мушны, какъ въ гаремѣ женщины.

людей военныхъ, кочевыхъ. Но у самаго бѣднаго человѣка въ гаремѣ видна нѣкоторая роскошь: мягкія софы, яркоцвѣтные ковры, подсвѣчники съ горящими свѣчами, серебряныя кубки, часы съ музыкой, и разныя блестящія игрушки—это трудомъ приобрѣтенный уголокъ для отдохновенія.

Что за прелести въ гаремѣ мутасарифъ-паши. На полу смирянскіе ковры, съ разноцвѣтными арабесками по зеленому полю, съ длинною шерстью, такою мягкой подъ ногою какъ вѣшняя мурава; на стѣнахъ двѣнадцать серебряныхъ жирандолей, въ каждомъ горять три свѣчи, а надъ свѣчами хрустальные гирлянды которыя преломляютъ и отражаютъ свѣтъ семью цвѣтами радуги; вокругъ стѣнъ софы крытыя алымъ атласомъ съ серебряными и золотыми цвѣтами; два большія зеркала, одно противъ другаго, отъ софы до потолка; потолокъ въ золотыхъ цвѣтахъ по бѣлому полю, а на срединѣ его виситъ люстра съ двадцатью четырьмя пылающими свѣчами, надъ которыми разстилается, въ видѣ зонтика, свѣтка изъ разноцвѣтныхъ хрусталей; на столѣ изъ краснаго дерева, покрытаго доскою изъ зеленоватаго мрамора, стоятъ двое, въ видѣ башень, часовъ съ музыкою, лежатъ альбомы съ фотографіями и разныя бездѣлушки, одна другой красивѣе. Въ двухъ золоченыхъ *мангалахъ* рдѣетъ уголь; надъ окнами висятъ алыя штофныя гардины, подхваченныя золотыми шнурами, а двери закрыты занавѣсью, тоже алою и вышитою золотомъ.

Въ углу софы, поджавъ подъ себя, по-турецки, ноги, сидѣлъ мутасарифъ-паша, въ собольей шубѣ, крытой свѣтлозеленою шелковою матеріей, и курилъ табакъ изъ длиннаго ясминоваго чубука, съ янтаремъ цвѣта калусты, оправленнымъ въ брилліантовый обручкъ.

Противъ него сидѣла жена—ханума, въ европейскомъ платьѣ и въ европейскихъ ботинкахъ, а рядомъ съ ней сидѣла пожилая дочь ватерлоскаго полковника. Шея у ней была такъ окутана что она походила на мордашку въ ошейникѣ. Она такъ затянулась что глаза у ней осовѣли и налились кровью. Корсетъ на ней былъ твердый какъ кирасъ адскаго ватерлоскаго кирасира. Рядомъ съ нею сидѣла Еленушка. Она любовалась чуднымъ убранствомъ комнаты и не знала какъ ей сидѣть на мягкой алой сафѣ предъ такою важною ханумою и такимъ могущественнымъ пашей. Смущеніе удвоило ея красоту. Она походила на дѣвushку Грѣза, которая пошла

на первое любовное свиданіе, не вѣдая зачѣмъ она идетъ. Она не понимала что съ нею дѣлается.

Гаайки (невольницы) и одалиски, въ турецкомъ нарядѣ, въ широкихъ шароварахъ и *минтангахъ** шитыхъ золотомъ, и въ шитыхъ золотомъ платочкахъ, въ желтыхъ тупелькахъ, подавали на серебряныхъ подносахъ конфеты и подносили кофе на серебряныхъ филиграновыхъ *зарфахъ***.

Еленушка не знаетъ какъ ей держаться. Она привстаетъ съ софы предъ угощающими ее Турчанками; вмѣсто того чтобы класть конфеты въ ротъ, роняетъ ихъ на коверъ, пролила кофе, и неловкость ея вызываетъ на всѣхъ лицахъ улыбку. Глаза мутасарифа любятъ ея прекраснымъ дѣвичьимъ личикомъ и ея тальей, еще не развившеюся, но статною.

На вопросы она отвѣчаетъ не громко, а какимъ-то приятнымъ для уха шепотомъ, и краснѣетъ какъ рубинъ.

Заиграли на шездарахъ и раздалось гнѣие въ ность, оглашаемое громкими *аманъ! аманъ!* а подъ конецъ началась хората. Мало-по-малу Елена оправилась и въ хоратѣ сдѣлалась живою и развязною. Она танцовала, такъ ловко шла впереди вожаткой, такъ мило кланялась что ханума погладила ее по подбородку, а паша полотчивалъ ее шербетомъ изъ своего бокала.

Звуки шездаровъ смѣнялись гнѣсами, плясали хораты, лакомились разными турецкими сладостями и такъ забавлялись до самаго разсвѣта, смѣялись и рѣзвились, потомъ все утихло и веселье кончилось грезами.

Рано утромъ, по главной улицѣ, мимо казеннаго дома въ которомъ жилъ паша, векиль-онбаши велъ казачій дозоръ и столкнулся носомъ къ носу со штубенмеджевъ, выходявшею изъ дома съ Еленой. Елена опустила глаза въ землю и не подняла ихъ кверху когда услышала какъ гремѣла сабля по мостовой. На ея щекахъ выступилъ румянецъ не свѣжей красоты, а какой-то истомы. Она походила на дѣвушку того же Грэза, но возвращающуюся со свиданія. Ея лицо и вся ея фи-

* Минтанъ—курточка или шпесеръ съ разрѣванными рукавами; надѣваютъ его поверхъ платья.

** Зарфа—подставка для маленькихъ чашекъ съ кофе. Старые Турки любили роскошь въ зарфахъ, ихъ дѣлали изъ золота или серебра и украшали драгоценными камнями.

гура не дышала, какъ прежде, невинностію, но носила на себѣ слѣды познанія.

Старый чаушъ, идучи къ ферику на ординарцы, встрѣтилъ и мамашу съ Еленой и патруль векиль-онбаши. Бывающій дока посматрѣвалъ на нихъ:

— Ого! ужь карачуль. Недолго порхала. Еслибъ не жаль было моего дурня, посмѣялся бы я отъ всей души надъ этими Жидами, Рыткой и Ицкой, какъ они дшкантомъ и басомъ нагѣвали бѣдной дѣвушкѣ! Ой Юзя, не больно дорожись своимъ личикомъ, они не привыкли долго просить. Не захочешь ты ихъ, Юзя, они найдутъ другую. Теперь они станутъ утирать ея слезы, пожалуй и похнычуть вмѣстѣ съ нею. Ну Жида, Жида! ловкія бестіи! всякій товаръ добудутъ опречь птичьего молока. По ихъ-то милости и есть въ Бердичевѣ все кромя птичьего молока.

Тянулись по дорогѣ три арбы: высокія повозки, съ наметомъ изъ толстой ткани съ красными полосами, обшитой каймами, къ которымъ привязаны маленькіе колокольчики. Повозки украшены деревянною рѣзбою, окрашенною бѣлою краскою и испещренною золотыми обводками и узорами. Въ нихъ, на разостланныхъ тюфякахъ, подушкахъ и разноцвѣтныхъ разнаго рода коврахъ, сидѣли Турчанки, въ *ялмакалѣ* и *фереджаслѣ*, и куча дѣтей. Въ каждую повозку запряжены въ ярмо съ колокольцами два высоконогіе египетскіе вола. Бѣдно-рыжіе какъ голандскія коровы вола подкованы и взнузданы мундштуками. Пѣшкомъ около нихъ шли повозчики держа въ рукахъ длинныя палки съ желѣзными остріями на концѣ. Гаремы муфтія эфенди и Алишъ-бея, совѣтника меджлиса, родомъ изъ Гарайки, ѣхали на *зѣбетѣ* въ Али-Бей-Кіюй, прекрасный *чифликъ** Алишъ-бея, въ разстояніи четверти часа отъ болгарской Тунджи.

За ними, на полчаса назади, ѣхалъ въ фэтонѣ самъ Алишъ-бей. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ дервишъ. Оба держали въ рукахъ четки и нанизывали молитвы одну за другою; за тридцатью тремя *субгане Аллаха!* слѣдовали тридцать три *эганъ дуллахили!* и заключались тридцатью тремя *Аллахъ экберъ!*** Ови люди

* Чифликъ—вольваркъ, хуторъ.

** Субгане Аллаха—подъ твоею защитой, Боже; эганъ дуллахили—слава тебѣ, Боже; Аллаха экберъ—Боже всемогущій. Каждая молитва повторяется тридцать три раза, почему и четки дѣлаются е тридцати зернами.

рабочные, но не дай Богъ встрѣтиться съ ними иновѣрному торговцу; они побили бы его молитвами какъ каменьями и отправили бы его въ рай воспѣвать хваленія Господу Богу, вмѣсто ада, куда онъ желалъ бы пойти къ чорту за деньгами и надуть дьявола, какъ Кара-Дмитрій, чорбаджій славенскій. Разказываютъ что онъ за большія деньги продалъ себя чорту, подъ условіемъ отдать ему душу когда листья сладутъ съ деревьевъ. За эти деньги онъ купилъ себѣ чифликъ засаженный соснами, а когда чортъ приходилъ за нимъ сперва осенью, а потомъ зимою, онъ показывалъ ему на сосны, и чортъ удиралъ во свояси. Чортъ должно-быть не учился у Ливнея, если не возражалъ что хвоя не листь. Онъ совсѣмъ растерялся и болѣе не показывался, а Кара-Дмитрій остался на дачѣ и хозяйничалъ попрежнему. Алишъ-бей, правовѣрный поклонникъ Ислама, боится дервиша какъ чорта; славная оми парочка, и еслибы припречь къ нимъ сатаву, то вышла бы чудная тройка.

Два дня спустя, приближался пѣшкомъ къ Ени-Заарской Баяѣ дервишъ, а за нимъ, на ослѣ навьюченномъ кошмами, ѣхала его ханума, окутанная ятмакомъ и одѣтая въ шубу и фереджъ. Сухой свѣгъ порошилъ въ воздухъ и легкій какъ высланныя съ неба перья не падалъ на землю. Вдали бѣлѣлъ на горизонтѣ Балканъ-Шибка. Бодрый дервишъ встреленулся и разомъ согрѣлся. Обращаясь къ своему гарему, онъ сказалъ:

— Дылберъ ханума, моя золотая рыбка, не озябла ли ты? Укутывая ее еще плотяѣе, онъ приговаривалъ:—Звѣздочка ты моя, свѣти мнѣ въ моей судьбѣ.

Она ему улыбнулась.

— Эфенди, мой господинъ, мнѣ не холодно; твои глаза меня грѣютъ какъ солнце. Куда же мы идемъ?

— Мы скоро остановимся, окончивъ сегодняшній луть; только пожалуста никого не узнавай, даже изъ давнишнихъ знакомыхъ, потому что теперь, сказываютъ, въ Балканахъ народу гибель, и для насъ всего хуже попасть на глаза знакомымъ. Можетъ-быть мы встрѣтимъ момаковъ изъ Нейкію и изъ Вечери, и, что всего хуже, казаковъ. По порошокъ всѣ трогаются. Мы идемъ своею дорогой, ни на кого не смотримъ, мы богомольцы, рабы Божіи.

Показались куполъ Бани и окружающіе ее строенія. Въ это время къ путникамъ подскакалъ всадникъ на залыхзв-

шемя конѣ. Это былъ залгій вооруженный съ головы до ногъ.

— Эй ты, пгцеловъ, убирайся скорѣе, идутъ ловцы. На силу обогналъ ихъ на полчаса.

Дервишъ узналъ Омеръ-агу, приближеннаго каваса муфтия-эффендія.

Онъ ускорилъ шагъ; пришли къ строеніямъ Бани и укрылись въ маленькой хатѣ, изъ трубы которой шелъ дымъ. Это было жилище сторожа и его семейства, состоявшаго изъ старой жены и трехъ другихъ женщинъ: жены сына, дочери и внуки. Изъ мужчинъ, кромѣ стараго сторожа, никого не было дома. Омеръ-ага занялся сторожемъ. Наѣздница и даже осель вошли въ хату; у дверей осталась только лошадь Омера-аги; она, какъ лошадь киседжи, привыкшая обходиться безъ конюха, гуляла на волѣ и отдыхала послѣ бѣга.

Въ Баню привѣзжаютъ толпы больныхъ лѣчиться знаменитыми тамошними сѣрными водами; но въ это время тамъ проживали нѣсколько *каракачанъ*, которыхъ стада паслись въ окрестности, и казачій поручикъ который желалъ исцѣлить минеральною водою свои омертвѣвшія кости, доказательство тому что онъ не даромъ жилъ на землѣ и что на томъ свѣтѣ черти не будутъ давать ему пощечинъ за то что онъ не вкушалъ райскихъ наслажденій запрещенныхъ Богомъ, но дозволенныхъ сатаню. Бывалый поручикъ въ своихъ странствіяхъ обошелъ всѣ земли и испробовалъ всякія вѣры, былъ раввиномъ, чернецомъ, калуциномъ, дервишемъ. Прежде чѣмъ попалъ въ казаки, поручикъ побывалъ въ Эчміадзинѣ и въ Іерусалимѣ; былъ онъ настоящій Странствующій Жидъ. Въ казацкомъ чекменѣ сидѣлъ онъ съ каракачанами и пускалъ дымъ изъ чубука словно изъ трубы.

Когда вошелъ дервишъ съ Омеръ-агой, послѣ взаимнаго привѣтствія, поручикъ сталъ погукивать: гу, гу! а дервишъ ему вторилъ тѣмъ же: гу, гу! и оба они другъ къ другу подскакивали, словно лѣтучи, только не дрались. Они обозначались; оба одного ремесла—грабители. Они сѣли рядышкомъ, поливали кофе, курили трубки и все между собой погукивали, съ разными вариациями и на разные голоса. Всѣ были увѣрены что они разговариваютъ на давнишнемъ, забытомъ языкѣ своей вѣры, имъ однимъ извѣстномъ. Таково расположеніе человѣческой природы къ мистификаціи, что такіе дервиши, также какъ и образованные сектаторы, поютъ на ту

же тему—обманывать себя и пускать людямъ пыль въ глаза, понимая очень хорошо что они дѣлаютъ. Когда-то дьяволъ шепнулъ какому-то философу: запиши, нѣтъ правды на Божьемъ свѣтѣ, не любятъ истину люди!

И сдѣлались эти слова дьявола правиломъ въ жизни людей.

Оба дервиша продолжали между собою разговаривать когда Омеръ-ага вскрикнулъ:

— Казаки пришли!

Идутъ казаки, на нихъ красныя шалки, а на шалкахъ, вмѣсто султана, конскіе хвосты, и подъ каждымъ изъ нихъ рѣзво и бодро шагаетъ вороная лошадка. Остановились и спѣшились. Ихъ офицеръ, свѣтлосусый, сѣроглазый, высокій Ляхъ, видно по лицу что молодецъ и не позволитъ плюнуть себѣ въ кашу; онъ вошелъ въ комнату и тотчасъ поздоровался съ поручикомъ.

Онъ началъ разказывать какъ замучилъ казаковъ проклятый Куцу-Оглу: кружить двумя, тремя дорогами, со слѣду пропадаетъ, въ трубу вылетаетъ. Ни одинъ удалецъ украинскіихъ степей не умѣетъ такъ вывернуться какъ онъ. Какъ лисица спрячется въ нору; мы, казаки, старыя собаки, стоимъ разинувъ ротъ надъ норой, а онъ другимъ выходомъ шмыгъ въ поле и удралъ.

— Представь себѣ, мы пересхватили всю шайку, а его въ ней не было, но остался слѣдъ. Мы за нимъ, въ засаду—нѣтъ какъ нѣтъ. Черезъ два дня мы нашли яму и признаки вокругъ нея что Куцу былъ тутъ, спустились въ яму и пошли подземельемъ подъ горой, словно кроты. У выхода увидали на пескѣ слѣды большіе, малые и ослиные. Казаки по слѣдамъ. Въ городъ пришелъ только мальчикъ—старикъ ничего не говорятъ. Вспомнятъ имя Куцу и молчатъ какъ камень. „Нѣтъ его, нѣтъ!“ Мальчикъ сказалъ: „онъ сейчасъ вошелъ въ домъ“, а самъ и шмыгъ на задворокъ; люди же схвати его съ лошади! Казаки окружили городъ—нигдѣ не вышелъ, стало-быть въ городѣ. Залгнѣ обыскали дома—нѣтъ какъ нѣтъ. Старая мусульманская баба у которой Куцу соблазнилъ двухъ дочерей, а двухъ сыновей готовить къ виселицѣ, пришла къ ферику и говоритъ: „Вышелъ изъ города—лови его, лови!“ Казаки на коней, и вотъ мы гоняемся за нимъ какъ вѣтеръ въ полѣ. Посмотрѣвъ на дервиша, Ляхъ спросилъ:

— Это что за чучело?

Поручикъ отвѣчалъ:

— Это мой давнишній хозяинъ съ Кавказа; не одинъ фунтъ соли мы съѣли вмѣстѣ. Послушай какъ мы растабарываемъ.

И начали: гу, гу!

Ляхъ локрутилъ усы.

— Правда, да чортъ васъ уразумѣть. Чтò онъ Полякъ?

— Нѣтъ, Татаринъ.

— Ну а коли такъ, то у казаковъ три дороги, а у Татаръ четыре; когда-то мы ходили вмѣстѣ, дай Богъ чтобъ и олять довелось.—Ляхъ вынулъ плетеную флагу и сказалъ:—Твое здоровье, братъ Татаринъ, началъ изъ нея пить:—Этотъ уродъ все гу, да гу! Съ горя хорошо вылить, много намъ лечали отъ дьявола Куцу!

Вошелъ чаушъ.

— Мы вездѣ перешарили, нѣтъ его нигдѣ.

— Ну и здѣсь его нѣтъ; намъ пора въ дорогу. Садись на конь, казаки!

Всѣ сѣли на лошадей. Ляхъ послалъ дервишамъ на прощанье гу, гу, и пошли казаки въ горы и лѣса, затянувъ лѣсно:

Взвалъ казакъ за Дунай!

(До слѣд. №.)

МАХОНИНЫ*

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

II.

Какъ сказано, Николай Стелановичъ уважалъ въ сестрѣ своей ея религіозныя и нравственныя правила, и какъ онъ поступкомъ своимъ оскорбилъ одно изъ таковыхъ, то и признавалъ за нею полное право считать себя оскорбленною, и сдѣлай она ему то же замѣчаніе, пожалуй даже въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, наединѣ, онъ не только не обидѣлся бы имъ, но и счелъ бы себя обязаннымъ извиниться предъ нею. Вся вина ея, *et c'était pire qu'un crime, c'était une faute*, состояла въ томъ что она сдѣлала ему замѣчаніе при постороннихъ, а что хуже всего,—при домашней прислугѣ, чѣмъ нарушенъ былъ принципъ ихъ домашняго быта, потрясенъ былъ весь патріархальный строй его. „Еслибъ она теперь, рассуждалъ Николай Стелановичъ, и пришла просить у него прощенія, то этимъ все же не изгладилось бы впечатлѣніе произведенное этимъ скандаломъ на присутствовавшихъ. А тутъ еще какъ нарочно подвернулась эта проклятая Солодкина! Скандалъ уже выйдетъ не домашній, а на цѣлый увѣздъ. Какъ до Курнакова дойдетъ, отъ него мнѣ ни-

---

* Окончаніе. См. № 6 *Русск. Вѣстн.*

гдѣ прохода не будетъ.“ И онъ съ досады даже подпрыгнулъ лежа на диванѣ, и сталъ такъ выворачивать во всѣ стороны правую ногу что могъ счесть на каблукѣ всѣ гвозди; но ни каблукъ, ни гвозди не дали отвѣта на возобновшіе его волпросы. „И это все бы еще туда-сюда, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою:—Когда еще съ кѣмъ изъ этихъ господъ придется увидѣться, а съ какими глазами покажусь я завтра же хоть бы этимъ дѣвкамъ? Въдъ пересмѣшницы, чортъ бы ихъ побралъ! Въ глаза ничего не скажутъ, а такъ взглянуть что понимай какъ знаешь. Чтѣ скажетъ Тихонъ Ѳедоровъ, какъ узнаетъ? Онъ и безъ того уже не разъ намекалъ мнѣ что хозяинъ въ домѣ не я. Срамота да и только! И какое уваженіе послѣ этого будутъ имѣть ко мнѣ староста и Власьева? Не только они: и Васька скоро меня въ грошъ ставить не будетъ.“

Долго лежалъ онъ на диванѣ, придумывая какъ бы ему вернуться изъ этого щекотливаго положенія; онъ даже нѣсколько разъ принимался крутить себѣ усы, но и это ни къ чему не повело. Куда ни кинь, все выходило клинъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было крайне затруднительно. Вся жизнь его протекла какъ бы помимо его, мыкая имъ по своему произволу; никогда и ничего онъ заранѣе не обдумывалъ, ничего самъ собою не предпринималъ, по крайней мѣрѣ избѣгалъ этого напраснаго труда, зная по опыту что изъ него никогда ничего лутнаго не выходило: какіе бы онъ ни составлялъ планы, жизнь все гнула по-своему. Результатомъ всего этого было то что онъ отрекся отъ своего я и безусловно подчинился силѣ обстоятельствъ. И вдругъ вышелъ такой случай что ему приходилось составить дѣльный планъ дѣйствій, быть вмѣстѣ и судьей, и исполнителемъ, и притомъ не въ чужомъ дѣлѣ (это все еще было бы легче), а въ своемъ собственномъ. Было отъ чего съ ума сойти.

Прошло уже болѣе двухъ часовъ какъ онъ лежалъ погруженный въ эти размысленія, и все еще не могъ придти ни къ какому рѣшенію. Онъ не замѣтилъ какъ вывалилась у него изъ рукъ докуренная трубка, какъ нагорѣла и оплыла стоявшая на столѣ свѣча (у Махониныхъ во всемъ домѣ горѣли салныя свѣчи), не помнилъ какъ онъ прогналъ и Ваську, приходившаго просить его къ Варварѣ Степановнѣ кушать чай.

— Конечно, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно:—ѣду, и вскочивъ съ дивана сталъ скорыми шагами ходить по комнатѣ.

Николай Степановичъ рѣшился уѣхать изъ дому и пришелъ къ этому рѣшенію не вслѣдствіе какихъ-либо соображеній или зрѣло обдуманнаго плана, а единственно для того чтобъ отдалить неприятную минуту первой встрѣчи съ сестрою и домашними. Можетъ-быть внезапнымъ отъѣздомъ онъ еще хотѣлъ заявить Варварѣ Степановнѣ глубину своего оскорбленія; о томъ же какія могла демонстрація эта имѣть послѣдствія, онъ и не думалъ. Равнымъ образомъ мало думалъ онъ и о томъ что долженъ же онъ будетъ когда-нибудь возвратиться, и слѣдовательно должна неминуемо рано или поздно состояться встрѣча. Николай Степановичъ былъ человѣкъ минуты, жилъ лишь настоящимъ днемъ, какъ евангельская лилія или птица небесная, предоставляя дальнѣйшее поведеніе о себѣ своей судьбѣ или тому кто хотѣлъ взять на себя этотъ трудъ. „Поѣду къ Курнакову, думалъ онъ, отъ него проѣду къ Степкинымъ, а тамъ махну къ Трунинымъ. У нихъ пробуду недѣлю-другую; тѣмъ временемъ пройдетъ первое впечатлѣніе произведенное скандаломъ, а тамъ что Богъ дастъ.“ Да и эта несложная комбинація промелькнула у него въ головѣ какъ-то смутно. Остановясь на этомъ рѣшеніи, онъ какъ бы успокоился, и дождавшись пока все въ домѣ улеглось и Варвара Степановна залерлась въ своей спальнѣ, приказалъ Васкѣ уложить въ чемоданъ нужное бѣлье и платье, и рано утромъ уѣхалъ изъ Круглаго. Дорогою онъ, какъ и всѣ безхарактерные люди, нѣ разъ раскаивался въ своемъ поступкѣ, не разъ готовъ былъ вернуться назадъ, но сдѣлать это было уже какъ-то неловко.

Курнакова Николай Степановичъ засталъ одного, и тотъ былъ ему отъ души радъ.

— Здорово, дружище, говорилъ онъ, обнимая его.—На силу-то вздумалъ провѣдать старыхъ друзей. Охота же, право, тебѣ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ у себя въ Кругломъ. Хоть бы иногда давалъ взглянуть на себя. Ты никакъ у меня ужъ лѣтъ пять какъ не былъ, а живемъ всего въ сорока верстахъ. Видно Варвара Степановна тебя ужъ вовсе въ олеку забрала. Ну, что ея чернички да странницы? А вѣдь между ними полагаются прехорошенькія! Ты хоть бы изъ нихъ какую увезъ что ли куда-нибудь. Ха, ха, ха! А вѣдь славная бы штука

была! Тутъ-то бы взъялась на тебя Варвара Степановна. И на томъ свѣтѣ поминовения не было бы. Ха, ха, ха! Мы еще когда-нибудь съ тобою объ этомъ поговоримъ.

И онъ снова закатился своимъ громкимъ меудержимымъ смѣхомъ.

Курнаковъ былъ средняго роста, стройнаго и крѣпкаго сложенія. Развязность его пріемовъ, непринужденность въ обращеніи, открытое лицо и постоянно хорошее расположеніе духа, съ перваго же раза располагали въ его пользу. Казалось, у него не могло быть ничего скрытаго; душа его была на распашку, и вы казалось могли читать въ ней какъ въ собственной. Онъ говорилъ громко, смѣялся не концами губъ, а отъ искренняго сердца, его неподдѣльная веселость электрическимъ токомъ сообщалась и вамъ, а его звонкій, прямо изъ души вырывавшійся хохотъ невольно вызывалъ и васъ вторить ему. Въ наружности его было что-то цыганское: черные какъ смоль волосы, такіе же слегка закрученные къ концамъ усы, быстрые темно-каріе глаза, бѣлые какъ снѣгъ зубы, смуглость лица съ легкимъ на щекахъ румянцемъ, придавали ему этотъ отбѣнокъ, который, впрочемъ, далеко не переходилъ въ отталкивающую цыганское племя типичную рѣзкость. Есть счастливыя натуры такъ щедро надѣленные при рожденіи силами что залась ихъ кажется неустошимымъ. Ни буйно проведенная молодость, ни пережитыя разочарованія, ни понесенныя въ жизни потери и утраты, не кладутъ на нихъ клейма. Даже неумолимая, ничего не щадящая рука времени кажется безвластною надъ ними. Къ числу такихъ натуръ принадлежалъ и Курнаковъ. Ему было уже около пятидесяти лѣтъ; но на лицо ему никто далеко не далъ бы и сорока; ни одна предательская морщинка еще не обозначилась; едва пробивавшіеся кое-гдѣ сѣдые волосы, слегка серебра его зачесанные назадъ виски, лишь придавали ему видъ какой-то мужественной зрѣлости; глаза его блестяди юношескимъ огнемъ; голосъ былъ звученъ и свѣжъ, и въ движеніяхъ была видна молодая бодрость. Въ молодость свою слылъ онъ лихимъ малымъ и добрымъ товарищемъ, готовымъ для пріятели въ огонь и въ воду; да и теперь, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, не прочь онъ былъ, по первому зову, прискакать сломя голову на перекладныхъ хотя бы за сто верстъ, сыграть лихую штуку, или просто, какъ онъ говорилъ, задать трелку.

И теперь не отказывался онъ ни отъ одного кутежа или попойки, устраивалъ на пари садки и скачки, и проводилъ по нѣскольку бессонныхъ ночей сряду за картами.

Когда-то типъ людей подобныхъ Курнакову былъ у насъ очень распространенъ; особенно же было ихъ много между ремонтерами. Вы встрѣчали ихъ и на ярмаркахъ, особенно на конныхъ, разгуливавшихъ съ хлыстомъ въ рукѣ въ венгеркахъ и всѣхъ возможныхъ покроевъ поддевакахъ, и въ трактирѣ пускавшихъ пробку въ потолокъ, либо клавшихъ съ трескомъ въ лузу шара и приводившихъ въ изумленіе самого маркера эффектностію своихъ клалштосовъ. Вездѣ отличались они какою-то особаго рода шикозностію и нетерпимостію къ лѣхотинцамъ и штафиркамъ, къ которымъ относились всегда съ пренебреженіемъ, даже съ дерзкими насмѣшками, слѣдствіемъ чего бывали скандалы со вмѣшательствомъ полиціи. Всякій богатый человѣкъ считалъ обязанностію содержать сына въ кавалеріи и давать ему средства безпутно сорить деньгами. Это было своего рода *noblesse oblige*.

Курнаковъ служилъ нѣкогда въ гусарахъ, лѣтъ пять сряду ремонтировалъ, былъ коноводомъ всѣхъ оргій и кутежей, два раза дрался на дуэли, разъ пять былъ секундантомъ, и наконецъ, по непріятности съ полковымъ командиромъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Поселившись въ деревнѣ, онъ женился на очень хорошенькой и богатой дѣвушкѣ; но вынесенныя имъ изъ буйно проведенной молодости привычки не могли согласоваться съ требованіями семейной жизни, и молодые супруги, послѣ трехъ лѣтъ сожительства, должны были разъѣхаться. Курнаковъ, конечно, не задумался, и тотчасъ же устроилъ себѣ семейную жизнь по-своему. Онъ получилъ отъ отца хорошее состояніе; но, служа въ гусарахъ, жилъ что-называется на распашку, бросалъ деньги безъ расчета, любилъ при случаѣ задать шутку, любилъ иногда и пустить брагдера, отъ котораго у банкмета манжетки дрожали и душа уходила въ лятки, а потому обременилъ имѣніе свое бездною долговъ. Но онъ и объ этомъ мало заботился. „На вѣкъ мой хватить“, говоритъ онъ.

Въ жизни его видна была какая-то смѣсь роскоши съ грязью. У него былъ прекрасный поваръ, вина выпесывалъ онъ отъ Рауля, держалъ большую дворню и барскую лсовую охоту, домъ его меблированъ былъ богато и со вку-

сомъ, но на дорогой, изящной мебели постоянно валялись собаки, обратившія разумъея ея шелковую обивку въ грязныя лохмотья; стѣны и потолки были увѣшаны слапшною паутиной; столъ былъ вкусный и подъ часъ даже изысканный, но скатерть иногда накрывалась до того грязная что смотрѣть на нее было тошно. Случалось зачастую что въ одну какую-нибудь оргію весь запасъ выписныхъ винъ выходилъ и изъ уѣзднаго города привозилась какая-то бурда мѣстной фабрикаціи. Но все это вполнѣ выкупалось неприторнымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ хозяина, жившаго, казалось, не столько для себя сколько для посѣщавшихъ его друзей и пріятелей.

— Однако съ дороги хорошо теперь и закусить. Ей вы, шевелись! кричалъ Курнаковъ, хлопая въ ладоши и вводя гостя своего въ залъ.—Какою я, братъ, тебя залеканкой угощу; такой и у Варвары Степановны никогда не было.

За столомъ говорили мало: Николай Степановичъ наканунѣ не ужиналъ, да и въ этотъ день выѣхалъ изъ дому натощакъ, а потому чувствовалъ волчій аппетитъ; не отставалъ отъ него и хозяинъ. Залеканка же оказалась такъ хороша что ея выпито было по бутылкѣ на брата. Вечеромъ занялись осмотромъ собакъ: борзыхъ вводили въ залъ поларно на сворахъ, гончихъ на смычкахъ. Курнаковъ объяснялъ породу каждой, восходя до четвертаго и пятаго колѣна. Иногда, желая похвастать голосомъ какого-нибудь выжлеца или выжловки, онъ сдавливалъ ухо выхваляемой собакѣ, и та издавала такой пронзительный визгъ или, лучше сказать, вошь что мурашки пробѣгали по тѣлу. Не довольствуясь этимъ подробнымъ осмотромъ, на другой день Курнаковъ повелъ своего гостя еще на лсарный дворъ, гдѣ произведена была инспекція всего, начиная съ охотничьихъ лошадей, сбруи и собачьихъ фургоновъ, до корытъ въ которыхъ собаки кормились. Со лсарнаго двора перешли на конный: переосмотрѣли всѣхъ лошадей; нѣкоторыхъ гоняли на кордѣ, другихъ даже запрягали въ бѣговыя дрожки и повѣряли по часамъ. Домой возвратились уже довольно поздно, и послѣ сытнаго обѣда легли отдохнуть. Вечеромъ осматривали ружья. Осмотрѣли какъ слѣдуетъ и легашей; даже приводили лягавую суку съ только-что рожденными щенятами, которыхъ несли впереди въ лукошкѣ. Одинъ изъ нихъ очень понравился Николаю Степановичу и тутъ же былъ ему подаренъ. На третій день отправилась

стрѣлять куролатокъ, которыхъ на гумнѣ и въ саду оказалось много, и охота была очень удачна. За обѣдомъ Николай Степановичъ объявилъ было Курнакову что онъ на другой день ѣдетъ отъ него къ Стешкинымъ съ тѣмъ чтобъ отъ нихъ пробраться къ Трунинымъ; но тотъ и договорить ему не далъ.

— Ты никакъ съ послѣдняго спятилъ! сказалъ онъ ему: по такой дорогѣ ѣхать почти за двѣсти верстъ! Ты посмотри колоть какая! Вчера на проѣздкѣ у Полкана двѣ подковы отлетѣли. Ты и тарантасъ сломаешь и лошадей перекалѣчишь, да и самому придется пожалуй гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ въ чистомъ полѣ ночевать. Ты ужь лучше пережди денекъ какой; авось снѣжокъ подладеть. Вишь какой повалилъ! Установится санный луть, тогда и съ Богомъ. А нѣтъ, такъ ужь лучше домой стулай, коли тебѣ у меня скучно, шуть ты этакой!

Николай Степановичъ сначала упирался, говоря что въ ожиданіи санный дороги ему пожалуй придется прожить у него цѣлый мѣсяцъ; но Курнаковъ и слушать не хотѣлъ и объявилъ наотрѣзъ что онъ его отъ себя завтра не отпуститъ. Дѣлать было нечего, да и дѣйствительно порошилъ снѣгъ и ѣхать въ тарантасѣ въ дальній луть было неудобно.

Слѣдующіе два дня прошли въ тѣхъ же занятіяхъ: стрѣляли куролатокъ, осматривали собакъ, сажали волка; на третій же день выпала пороша, и пріятели отправились въ поле. Русака было много, собаки скакали рѣзко, погода стояла превосходная, и они проохотились до самыхъ оумерекъ. Нечего и говорить что пообедали съ такимъ аппетитомъ съ какимъ конечно не обѣдаетъ ни одинъ петербургскій чиновникъ послѣ своихъ скучныхъ труженическихъ занятій.

— Давно бы такъ, дружище, говорилъ Курнаковъ, положи въ руку на плечо Николаю Степановичу, когда убрано было со стола и они остались вдвоемъ допивать не доконченную бутылку.—А то сидитъ сиднемъ у себя въ Кругломъ, да около странниковъ и юродивыхъ благодати набирается. Вотъ ложиви съ мамеи ведѣлку, другую, такъ домой и ѣхать не захочешь.

— Хорошо, братъ, у тебя, слова нѣтъ, а все завтра ѣхать надо.

— Какъ? Куда? Зачѣмъ? перебилъ его Курнаковъ.

— Надо. Я ужь тебѣ говорилъ что отъ тебя лоѣду къ Степкинымъ, а отъ нихъ къ Трунинымъ.

— А на чемъ это изволите вы въ такую дальнюю дорогу ѣхать, желалъ бы я знать.

— Какъ на чемъ?

— Да-съ. На какомъ бы это такомъ инструментѣ?

Тутъ только Николай Степановичъ вспомнилъ что онъ приѣхалъ въ тарантасѣ, и что по случаю выпавшаго въ послѣдніе дни снѣга ѣхать на колесахъ почти за двѣсти верстъ и думать было нечего.

— То-то братъ, я вижу ты ужь привыкъ чтобы другіе за тебя думали, такъ ты вотъ и послушайся моего глупаго совѣта. Завтра отправь ты свой тарантасъ домой, да прикажи оттуда сани привезть. Тамъ до 24го останется всего три дня, а 24го Степкина именинница. Она мнѣ кстати кузина; мы съ тобою вмѣстѣ къ нимъ и поѣдемъ. А отъ нихъ куда хочешь, хоть на всѣ четыре стороны.

Насчетъ посылки за санями Николай Степановичъ тутъ же согласился, но оставаться еще три дня никакъ не хотѣлъ; впрочемъ Курнаковъ и уговаривать его не сталъ.

— Это дѣло впереди, сказалъ онъ,—тогда видно будетъ. А ты теперь мнѣ вотъ что скажи, продолжалъ онъ, смотря прямо ему въ глаза.—Что ты ѣдешь къ Степкинымъ, я это ловимаю: она бабенка славная, приволокнуться за ней не мѣшаетъ. Но кой чортъ несетъ тебя къ Трунинымъ?

— Вопервыхъ, она моя племянница, а вовторыхъ дѣльце есть.

— Вотъ вовторыхъ-то и врешь. Ну какое можетъ быть такое дѣльце чтобъ изъ-за него скакать что-называется сломя голову за двѣсти верстъ по такой адской дорогѣ въ тарантасѣ? Кабы у тебя тамъ умиралъ отецъ, либо жена рожала—ну такъ. Олять-таки будь у тебя тамъ такое слѣшное дѣло, развѣ сталъ бы ты у меня дѣлую недѣлю проклажаться да куролатокъ стрѣлять?

Этотъ послѣдній аргументъ былъ дѣйствительно до того неопровержимъ что Николай Степановичъ не нашелся что сказать.

— Я, братъ, вѣдь старый воробей; меня не проведешь, продолжалъ Курнаковъ, не сводя съ него глазъ. — Что у тебя есть на душѣ что-то такое, это вѣрно. Я всѣ эти дни поджидалъ за тобою: то сидишь ты по цѣлому часу словно въ воду олуцѣнный, слова отъ тебя не добьешься, а если и

отвѣтишь, то все какъ-то не въ поладь; то примешься разсматривать свой салогъ, будто отъ него совѣта какого дожидешься, либо ни съ того, ни съ сего пустишься говорить такъ что удержи никакой нѣтъ. Груня моя, и та замѣтила. Вчера лежалъ ты здѣсь одинъ на диванѣ, куришь трубку, да какъ вдругъ вскочешь, щелкнулъ въ воздухъ пальцами будто вспомнилъ что-то не доброе, махнулъ рукою, да и пошелъ споватъ по комнатѣ какъ помѣшанный. Что есть, есть у тебя дѣльце, слова нѣтъ; да дѣльце-то это не у Труниныхъ, а должно дома что-нибудь не ладится.

Николай Степановичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

„Видно что-нибудь знаетъ“, подумалъ онъ.

— Да и изъ дому-то ты уѣхалъ либо на перекоръ Варварѣ Степановнѣ, либо тайкомъ отъ нея. Иначе, я знаю, она тебя въ такое время не отпустила бы.

„Знаетъ, какъ есть знаетъ; вѣрно этотъ подлець Васька разболталъ.“ И онъ перенесъ съ Курнакова недоумѣвающей взглядъ свой на салогъ.

— Ну что ты салогъ-то свой разглядываешь? приставалъ къ нему Курнаковъ.—А откроемся-ка лучше другъ другу. Авось вмѣстѣ и придумаемъ какъ горю помочь.

— Есть, братъ, дѣльце у Труниныхъ, произнесъ уже какъ-то нервнительно Николай Степановичъ. Онъ въ эту минуту похожъ былъ на пойманнаго въ шалости школьника, который, несмотря на неопровержимость уликъ, все еще продолжаетъ заператься, не рѣшаясь прямо сознаться въ винѣ своей.

— Эй, братъ, врешь, Николай! По глазамъ вижу что врешь. Никакихъ у тебя тамъ дѣлъ нѣтъ. Смотри: заставляютъ тебя на томъ свѣтѣ горячую сковороду лизать. Ну скажи правду, продолжалъ Курнаковъ, цѣлуя его въ обѣ щеки,—вѣдь врешь?

Добродушіе съ какимъ Курнаковъ допрашивалъ его, надежда что въ самомъ дѣлѣ не дастъ ли онъ добраго совѣта, можетъ-быть отчасти и дѣйствіе винныхъ паровъ и прочей обстановки, а вѣрнѣе все это вмѣстѣ вызвало наконецъ Николая Степановича на откровенность, и онъ въ короткихъ словахъ разказалъ безъ утайки все случившееся.

— Такъ вотъ оно дѣльце-то какое! закатился Курнаковъ своимъ звонкимъ, залиvistымъ смѣхомъ когда тотъ окончилъ разказъ.—Дѣльце хорошее, нечего сказать! Не смѣй, говоритъ, трогать моихъ дѣвокъ, а ты сразу и олъщилъ.

Ха, ха, ха! Ну, а Саша эта хороша? спрашивалъ онъ полуконфиденціальнымъ тономъ.—Вѣдь я твой вкусъ знаю, у тебя губа не дура. Небось обморозъ, а не дѣвка! Изъ себя видная, да ладная; румянецъ во всю щеку, глаза съ поволокой, поступь лебединая.

И глаза его засверкали какъ раскаленный уголь.

— Не твое здѣсь мѣсто, продолжалъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою и слегка покручивая усъ.—Какова! Пошелъ бы, говорить, лучше поговорить съ галкой, а та крокъ дурака ничего сказать не умѣетъ. Ха, ха, ха!

И онъ снова залудся такимъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ что Николаю Степановичу одѣлалось даже не дошко; но онъ молча далъ пройти этому необузданному взрыву веселья.

— Ну что жъ ты теперь хочешь дѣлать? Для чего уѣхалъ ты изъ дому? спросилъ тотъ наконецъ, угомонясь и утирая наперевушшіяся на глазахъ слезы.

— А для того чтобы дать ей почувствовать, доказать....

— Что ты колпакъ, перебилъ его Курнаковъ. — Доказалъ, да такъ доказалъ что теперь и галку спрашивать нечего. Ну ты подумай самъ: вѣдь не на вѣкъ же ты уѣхалъ, долженъ же будешь когда-нибудь домой вернуться. Ну что жъ тогда? Нѣтъ, братъ, по-нашему не такъ.

— А какъ же? какъ бы противъ воли вырвалось у Николая Степановича.

— Не такъ, повторилъ Курнаковъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ.—Поручи это дѣло мнѣ, сказалъ онъ вдругъ останавливаясь прямо предъ нимъ:—я такъ его обработаю что ты мнѣ и послѣ не разъ спасибо скажешь.

— Что ты дѣлаешь? вопросительно посмотрѣлъ на него Николай Степановичъ.

— Ужь это дѣло мое. Ты знаешь меня: я тебѣ зла не желаю. Ты только положиись на меня. Дай мнѣ полную волю.

— Право не знаю, верьшительно пробормоталъ Николай Степановичъ.

Онъ былъ очень радъ взвалить по привычкѣ заботу свою на другаго; но зная Курнакова и давнишнее недоброжелательство его къ Варварѣ Степановнѣ, боялся поручить ему такое щекотливое дѣло. „Пожалуй еще что-нибудь такое накуралесить что послѣ и не радъ будешь.“

— Да ты по крайней мѣрѣ хоть скажи мнѣ что бы ты думалъ такое сдѣлать? спросилъ онъ его.

— Ну нѣтъ, братъ; ни съ кѣмъ въ жизни ни о чемъ не совѣтовался, да и не люблю этихъ бабьихъ пріемовъ, а что задумалъ, тотчасъ же и сдѣлалъ. Ну да впрочемъ что объ этомъ теперь говорить, сказалъ онъ вдругъ какъ бы остановясь на какой-то проблеснувшей у него въ головѣ мысли.— Дѣло это еще впереди, потолкуемъ и послѣ. А теперь я вотъ что тебѣ сказать хотѣлъ: вѣдь ты лошадей своихъ въ Круглое за саями посылаешь?

— Посылаю.

— Такъ послужи ты мнѣ службу.

— Какую хочешь?

— Курдюмовскаго управляющаго знаешь?

— Кто же этого мошенника не знаетъ; а мы съ нимъ ужъ и вовсе сосѣди, въ одномъ селѣ живемъ.

— Стало-быть и собакъ его знаешь?

— Какъ не знать, собаки славныя. Противъ его Лютой здѣсь ни у кого собаки нѣтъ.

— Такъ вотъ отъ этой самой Лютой торговалъ я у него пару щенятъ: по сту рублей за каждыя давалъ.

— Что жъ, не отдалъ?

— Не только что не отдалъ, а еще, подлецъ, обидѣлся и вздумалъ мнѣ чрезъ людей какія-то наставленія давать. Ну, да я за это еще ему морду поколочу, отъ меня не отвертится. Пока же дѣло вотъ въ чемъ: Петрушка мой снюхался съ Курдюмовскимъ поваромъ, и тотъ обѣщалъ за лятьдесять рублей ему этихъ щенятъ сдать и приказывалъ на дняхъ прѣвзжать за ними.

— Молодца! оказалъ Николай Степановичъ, и отъ непритворнаго удовольствія даже подпрыгнулъ на стулѣ.

По его понятіямъ, украсть собаку не значило сдѣлать воровство. Это было скорѣе молодецкій подвигъ которому онъ вполне сочувствовалъ; въ настоящемъ же случаѣ, онъ находилъ что Курнаковъ поступалъ съ Курдюмовскимъ управляющимъ именно такъ какъ и слѣдовало благородному человѣку поступить со злодѣемъ, то-есть проучить негодяя по-своему, да при случаѣ еще и морду ему поколотить.

— Вотъ мнѣ сейчасъ и пришло въ голову, продолжалъ Курнаковъ,—чѣмъ лошадей гонять лонакрасну, Петрушка на твоихъ и съвздитъ. Оно и подозрѣнія меньше. Если кто твоихъ

лошадей и увидеть, подумаетъ: привезь-можь кучеръ барина, поѣхалъ проѣзжать лошадей, да и завернулъ къ пріятелю ляссы поточить, какъ они, подацы, всегда дѣлають.

— Дѣло понятное. Изволь, братъ, изволь.

И Николай Степановичъ въ свою очередь раскохотался, представляя себѣ рожу какую сдѣлаетъ на другой день управляющій узнавъ что у него въ ночь увезли собакъ.

— Такъ я сейчасъ же дамъ Панкраткѣ приказаніе какъ это дѣло поумише оборудовать. Онь у меня тоже малый не промахъ: въ свое время видалъ виды.

— Ну вѣтъ, любезный другъ; ему объ этомъ пока ни слова, чтобы дѣло не лускаться въ огласку. А то если оно теперь почему-либо не удастся, такъ къ нему послѣ и подступать ужъ нельзя будетъ. — Скажи ему просто что съ нимъ ѣдетъ Петрушка съ особымъ приказаніемъ, и веди ему строго-на-строго чтобы онъ изъ его повиновенія не выходилъ и исполнялъ бы все что тотъ ему прикажетъ. Понимаешь?

— И то дѣло, согласился Николай Степановичъ.

— Такъ ты сейчасъ же отдай приказаніе Панкратію, да и ложись себѣ отдыхать; а то я вижу у тебя ужъ глаза слипаются. Я тѣмъ временемъ науськаю Петрушку, потому лозовую шкѣ къ себѣ обонь вмѣстѣ, да и отлуцу.

Такъ и было сдѣлано.

— Водку пьешь? спросилъ Курваковъ Панкратія, когда тотъ вышелъ къ нему въ кабинетъ.

— Кто Богу не грѣшешь, царю не виновать, отвѣчалъ тотъ осклабясь.

— Такъ вотъ поздравь меня съ полемъ, сказалъ онъ, наливая ему стаканъ;—а вотъ этотъ вылей за мое здорovie, продолжалъ онъ, наливая другой.—А теперь слушай. Ты отъ барина своего приказаніе получилъ?

— Получилъ-сь, Петръ Михайловичъ.

— Вхоть въ Круглое съ Петрушкой и исполнять все что онъ тебѣ скажетъ. Такъ что ли?

— Точно такъ-сь.

— Такъ отправляйтесь же сейчасъ и привезите сюда Сашку; горничную Варвары Степановны. Ты Сашку знаешь?

— Какъ не знать, отвѣчалъ переминаясь озадаченный кучеръ:—у однихъ господъ живемъ. Опять-таки она моей женѣ родною являющейся доводится.

— Ну вотъ и прекрасно. Стало-быть ты и барину сдѣлаешь

удобное, и Сашѣ счастье предоставишь, да и тебѣ съ женою не дурно будетъ. Понялъ?

Кучеръ былъ человекъ не глупый, слышалъ и о размолокѣ происшедшей между господами изъ-за Саши, и потому съ разу смекнулъ что дѣло точно могло выйти не дурное.

— Слушаю-сь, отвѣчалъ онъ.

— Ну такъ ступайте же. Да чтобъ у меня все было шито да крыто. Вѣдь ты никакъ съ баринкомъ еще въ лоуку мальчишкой былъ. Я чай у васъ тамъ и не такое случалось.

Этимъ послѣднимъ, брошеннымъ какъ бы векомъ, замѣчаніемъ, Курнаковъ какъ нельзя болѣе польстилъ самолюбію кучера. Тотъ хотя и приподчалъ, но скорчилъ такую рожу которая ясно говорила: видали мы дескать и не такіе виды. Разумѣется что состроенная имъ рожа была глупа, потому что ничего подобнаго съ Николаемъ Степановичемъ въ лоуку никогда не случалось; но не можетъ же русскій человекъ сознаться, а тѣмъ болѣе сознаться при постороннихъ что онъ чего-нибудь не видалъ, или не знаетъ, или что съ нимъ не случилось того что случалось съ другимъ, особенно по части удачества и ухорства.

Уладивъ это дѣло, Курнаковъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и велѣлъ собрать хоръ Цыганъ. Еще Николай Степановичъ не выходилъ изъ своей комнаты, какъ хоръ уже стоялъ въ залѣ въ полномъ составѣ. Мушкетеры были въ синихъ казакинахъ, перетянутыхъ черными ремнями, съ красными лампасами на широкихъ шароварахъ; дѣвушки съ лентами въ волосахъ. Въ хорѣ этомъ собственно Цыганъ не было ни одной души; онъ составленъ былъ изъ дворовыхъ людей и дѣвушекъ обученныхъ цыганскому пѣнію и пляскѣ выписаннымъ когла-то Курнаковымъ изъ Москвы Цыганомъ. Доморощенные Цыгане плясали довольно сносно, а пѣли даже очень порядочно. Едва показался Николай Степановичъ въ дверяхъ, какъ хоръ грянулъ. Онъ вообще любилъ пѣніе, особенно же цыганское, и, пораженный этою неожиданностью, пришелъ въ неописанный восторгъ; въ глазахъ его видно было даже какое-то умиленіе. Курнаковъ приказалъ подать *одовушку*,—такъ называлъ онъ Колю,—и началъ стаканы при звукахъ пѣсни: „Ей вы, уланы“, провозгласилъ тостъ: за здоровье того кто любитъ кого. Послѣ „улановъ“, экономка Курнакова, Груня, пропѣла бывшій тогда въ большомъ ходу романсъ: „На зарѣ ты ее не буди“. Груня была, какъ вырази-

ся Курнаковъ, дѣвка видная и ладная, съ румянцемъ во всю щеку и звонкимъ голосомъ, почему и прозвана была имъ курскимъ соловьемъ. Она всего года три какъ взята была въ домъ изъ дворовыхъ и не успѣла еще усвоить себѣ манеръ барской барыни. Съ тѣхъ поръ какъ Курнаковъ раздѣкался съ женою своею, это была уже лятая. „Дѣвка всегда должна оставаться дѣвкой и помнить что она не больше какъ дѣвка, говорилъ онъ; а барынь мнѣ не надо: я и свою прогналъ“. И дѣйствительно, чуть замѣчалъ онъ что экономка его имѣла поползновеніе стать на барскую ногу, онъ тотчасъ же выдавалъ ее замужъ. Послѣ Груши небольшимъ, но мелодичнымъ голосомъ пропѣла Феня: „Я пойду, пойду косить“. Это была молоденькая, черноглазая, очень симпатичной наружности дѣвушка, за которую увивался и селадонничалъ съ самаго пріѣзда своего Николай Степановичъ, что каждый разъ вызывало неудержимый хохотъ со стороны Курнакова.

— А ты ужь и растаялъ, сказалъ онъ подойдя къ нему.— Привези-ка ты свою Сашу; въ недѣлю берусь выдрессировать: будетъ пѣть и плясать не хуже Фени. А что, продолжалъ онъ,—еслибы потихоньку отъ Варвары Степановны выучить пѣть и плясать всѣхъ дѣвушекъ, да эдакъ въ сочельникъ учивить у нея въ гостиной вотъ такое же плясобиѣ; да и червичекъ тутъ же пустить. Что бы тутъ такое было?

Мысль эта до того поразила Николая Степановича своею эксцентричностью что все тучное туловище его заходило отъ смѣха.

Хоръ пѣлъ цѣлый вечеръ и казалось истощилъ уже весь свой репертуаръ.

— А ну-тка гряньте финальную, крикнулъ наконецъ Курнаковъ, и хоръ запѣлъ „зеленую рощу“.

Вышелъ на середину стремянной Левка, молодой и красивый парень съ темнорусыми, остриженными въ кружокъ волосами и едва пробивавшимися усами; противъ него стала Феня. Она перекинула и перевязала черезъ плечо большой красный платокъ и, подлержись лѣвою рукой въ бокъ, а правую держа на отлетѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и говоря плечами, плавно и легко повеселась по залѣ.

— Ловко, ловко! кричалъ ей вслѣдъ, ободряя ее, Курнаковъ; Николай Степановичъ мѣшалъ, не сводя съ нея глазъ и боясь проронить хотя одно ея движеніе.

Когда она стала приближаться къ Левкѣ, тотъ выпрямился,

молодецки подперся въ бока руками, встряхнулъ волосы и, бойко выбивъ ногами дробь, ловкимъ прыжкомъ эвернулся на воздухъ и сталъ предъ нею на каблукахъ какъ вкопанный. Дойдя до него, перевернулась и Оня, и кружась возвратилась на свое мѣсто. Очередь была за Левкой, и тотъ уже готовился удивить публику ухорскимъ трепакомъ.

— Стой! закричалъ Курнаковъ и, взявъ въ руки гитару, сталъ на его мѣсто.

Онъ закинулъ нѣсколько голову назадъ и командовалъ хору „живѣй“, отчетливо выбивъ каблуками дробь и ударивъ рукой по струнамъ, гикая и вскрикивая, легко и бойко, какъ бы не касаясь пола ногами, понесся къ Оней. Въ эту минуту онъ былъ въ полной формѣ Цыганъ; красная канаусовая съ косымъ воротомъ рубашка, синяя бархатная поддевка съ такими же широкими шароварами, довершали сходство. Подскочивъ къ Оней, онъ вдругъ остановился, глянулъ ей прямо въ глаза и гаркнувъ: „ай не любишь?“ не оборачиваясь, дробнымъ ходомъ возвратился назадъ.

— Молодца! крикнулъ Николай Степановичъ и не выдержавъ расходившейся въ немъ молодецкой удали, засучилъ рукава, и переступая подъ тактъ плясовой лѣски съ ноги на ногу вышелъ на середину.

— Вотъ такъ одолжилъ, залезъ звонкимъ смѣхомъ своимъ Курнаковъ и бросился обнимать его.—Ну, Оня, за это поцѣлуй его.

Въ этотъ вечеръ разошлись спать уже далеко за полночь.

На другой день, по возвращеніи съ охоты, Николай Степановичъ только-что пошелъ было къ себѣ въ комнату чтобы снять дубленую поддевку, какъ догналъ его Курнаковъ.

— Пойдемъ скорѣе, сказалъ онъ ему въ полголоса, какъ бы опасаясь чтобы кто не услышалъ.—Такую тебѣ картину покажу какой ты еще отродясь не видывалъ.

— Какую такую? спросилъ Николай Степановичъ.

— А вотъ самъ сейчасъ увидишь. И взявъ за руку, Курнаковъ повелъ его въ гостиную. Здѣсь онъ на минуту остановился.—Тихе, сказалъ онъ шепотомъ, и приятели на цыпочкахъ направились къ двери которая вела въ комнату Груши.

— Ну телерь смотри, сказалъ онъ, дойдя до затворенной двери и указавъ на замочную скважину.

Николай Степановичъ, едва переводя духъ отъ волненія,

увернулся обѣими руками въ колѣни, присѣвъ сколько было нужно чтобы глазъ его пришелся противъ скважины; но, глянувъ въ нее, онъ такъ и обомлѣвъ, ноги его подкосились, и, еслибы не поддержалъ его Курнаковъ, онъ какъ стоялъ, такъ и присѣвъ бы на полъ. Прямо противъ двери на диванѣ, рядомъ съ Грушей, сидѣла Саша.

— Что же это такое? могъ лишь онъ проговорить, ошеломленный неожиданнымъ зрѣищемъ.

— Щенка отъ Лотой привезли, отвѣтилъ Курнаковъ, съ трудомъ сдерживая готовый разразиться хохотъ.

Николай Степановичъ сначала не понялъ и въ недоумѣнн тупо посмотрѣлъ на него; но тутъ же, вспомнивъ вчерашнй разговоръ, сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Что ты сдѣлалъ со мной? сказалъ онъ ему совершенно растерянный.

— А то что ты давно долженъ былъ бы сдѣлать самъ если только хотѣлъ доказать сестрицѣ своей что ты не коллакъ и не тряпка.

— Все это прекрасно; но что же я теперь буду дѣлать съ Сашей?

Курнаковъ вмѣсто отвѣта разразился такимъ гомерическимъ хохотомъ что лежавшая на диванѣ Змѣйка въ испугѣ соскочила съ него и, поджавъ хвостъ, мелкимъ тротомъ убѣжала въ залъ.

— Но согласись же наконецъ, говорилъ окончательно смущенный и озадаченный Николай Степановичъ,—что не могу же я въ самомъ дѣлѣ оставить ее здѣсь при себѣ.

— А почему бы и не такъ?

— Потому что всему есть свои границы. Какъ я ни сердить на сестру за ея поступокъ, все же я не могу не уважать ея правилъ...

— Да полно тебѣ, любезный другъ, ахиною-то городить. Въ семинариіи кажется не обучался, а чортъ знаетъ какую чушь несетъ. Тебѣ будутъ въ глаза ллывать, а ты будешь обтираться да кланяться. Выходить ударили въ лавиту,—подставь другую. Нѣтъ, это братъ въ наше время не модель: всю рожу изобьютъ.

Долго спорили, и наконецъ Николай Степановичъ настоялъ таки на своемъ: рѣшено было Сашу въ тотъ же день обратно отправить въ Круглое, такъ какъ на первый разъ достаточно было и сдѣланной демонстраціи чтобы образумить, и,

какъ выражался Курнаковъ, привести въ чувство Варвару Степановну. Николай Степановичъ хотѣлъ было написать ей объяснительное письмо, но Курнаковъ рѣшительно этому воспротивился, доказывая что тѣмъ было бы испорчено все дѣло.

— Ну люди по крайней мѣрѣ хоть повидайся съ ней, при- ставалъ Курнаковъ, когда Сама уже совсѣмъ снаряжена была въ луть;—а то что же она въ самомъ дѣлѣ за сорокъ верстъ киселя ѣсть прѣзжала.

— Ни за что на свѣтѣ, улюрию отвѣчалъ Николай Степановичъ.

— Да вѣдъ ты послѣ этого хуже всякой бабы. Чего же ты боишься?

— Ничего не боюсь; правила свои есть.

Курнаковъ и настаивать больше не сталъ; только лягунулъ, да и пошелъ самъ провожать Сашу.

Ссылаясь на правила, Николай Степановичъ очень хорошо сознавалъ что онъ говорилъ не совсѣмъ то что чувствовалъ. Онъ не соглашался оставить при себѣ Сашу не потому что бы считалъ поступокъ этотъ безнравственнымъ, даже не изъ уваженія къ принципамъ сестры своей, а потому что поступкомъ этимъ онъ разомъ разгромилъ свой и безъ того уже потрясенный домашній бытъ, собственными руками разрушалъ ту теплую лежанку на которой онъ, какъ раскормленный котъ, мурлыча и жмуря глаза, такъ беззаботно потягивался и вѣжился въ продолженіи столькихъ лѣтъ,—словомъ, отрѣзывалъ себя отъ своего прошлаго, отрекался навсегда отъ дорогихъ привычекъ своихъ, которыя составляли не только прелесть, но и весь смыслъ его жизни.

Пока отвезли въ Круглое Сашу и лошади возвратились, прошелъ еще день, и когда на слѣдующій Николай Степановичъ сталъ собираться ѣхать къ Степкинѣмъ, Курнаковъ объявилъ ему очень резонно что было бы крайне не ловко прѣхать къ нимъ за два дня до именинъ хозяйки дома и не дождавшись ихъ уѣхать, и что лучше было, выждавъ эти два дня, ѣхать вмѣстѣ въ день самыхъ именинъ, и Николай Степановичъ, уважавшій всевозможныя приличія, а тѣмъ болѣе свѣтскія, не могъ съ нимъ не согласиться.

Наконецъ насталъ и день именинъ Степкиной. Николай Степановичъ, какъ дамскій кавалеръ, разумѣется озаботился о своемъ туалетѣ и о приданіи своей особѣ возможно пріят-

наго и привлекательнаго вида. Онъ занялся этимъ дѣломъ съ ранняго утра: гладко выбрился, отеръ подбородокъ одеколономъ съ водою, подкрасилъ и нафабрилъ усы и симметрически подстригъ и подровнял бакенбарды, обвязавъ ихъ въ заключеніе платкомъ, чтобы дать имъ платывѣ привлечь къ щекамъ. И дѣйствительно когда онъ потомъ снялъ повязку, то онъ похожи были не столько на бакенбарды сколько на ровно обрѣзанные скрабкою газоны, симметрически разбитые, по обѣ стороны тщательно усыпанной мелкимъ пескомъ площадки. Подбородокъ же былъ до того гладокъ что такъ и хотѣлось провести по нему рукою.

Окончивъ туалетъ, Николай Степановичъ повязалъ шею высокимъ, доходившимъ почти до ушей галстукомъ, — привычка оставшаяся у него еще отъ военной службы, — надѣлъ новый мундирный сюртукъ съ продѣтымъ въ петлицу крестикомъ, обрызнулся духами и, оглядѣвъ себя со всѣхъ сторонъ въ зеркало, вышелъ въ залъ. Въ особѣ его произошло то же преобразование какое ежегодно происходило въ Махонинскомъ домѣ въ день Свѣтлаго Праздника. Самая походка его какъ бы измѣнилась: и стулалъ онъ легче, и движенія его были развязнѣе и какъ-то деликатнѣе. Когда Курнаковъ увидалъ его, то обомлѣлъ отъ удивленія.

— Тебя узнать, братъ, нельзя! воскрикнулъ онъ, разводя руками. — Другой человекъ сталъ; двадцать лѣтъ съ костей долой. Ужъ полно вѣхать ли мнѣ съ тобой? На меня барыни и смотрѣть теперь не стануть.

Пріятели прѣхали къ Степкинѣмъ какъ разъ къ именинному пирогу. Съѣздъ былъ огромный, какъ и всѣ тогдашняго времени помѣщичьи съезды: всякій ставилъ себя въ непремѣнную обязанность помнить дни именинъ и рожденія соседей, такъ какъ дни эти представляли удобнѣйшій способъ скоротать оставшаеся отъ хозяйственныхъ занятій время, а времени этого было не мало. Праздникъ былъ очень оживленъ: много ѣли, пили, танцовали, въ карты играли чуть ли не на десяти столахъ. Курнаковъ познакомилъ Николая Степановича съ двумя молоденькими жорощенькими дамами, съ которыми и усадилъ его за преферансъ. Играя съ ними, онъ разказывалъ имъ про небывалые свои походы и похождения; тѣ разумѣется волею-неволею слушали его, и онъ былъ въ полномъ улоеніи. Вечеромъ Николай Степановичъ даже ангажировалъ одну изъ нихъ

на кадрили, и танцуя слегка прихрамывалъ, тутъ же объявивъ что хромалъ отъ полученной при штурмѣ Варшавы контузіи. Пиръ продолжался трое сутокъ; на четвертыя гости хотѣли было уже разъѣзжаться по домамъ; но какъ нарочно поднялась такая страшная метель что по степнымъ проселочнымъ дорогамъ, особенно по первозимью, когда еще снѣжное полатно ихъ какъ слѣдуетъ не осѣло и не убилося и вдоль ихъ не разставлены спасительныя вѣшки, пуститься въ путь было не безопасно. Радужные хозяева отъ души рады были этой благодати и объявили гостямъ что ихъ въ такую погоду ни за что не отпустятъ. Дѣлать нечего, надо было оставаться; а какъ метель продолжалась двое сутокъ, то и гости могли разъѣзжаться лишь прогостивъ у Степкиныхъ цѣлыхъ пять дней.

Но тутъ приключилось новое обстоятельство. Черезъ день, то-есть 30го ноября, былъ именинникъ одинъ изъ пировавшихъ у Степкиныхъ гостей, владѣлецъ пятисотъ душъ и мужъ очень хорошенькой жены, любившей полаясать и повеселиться. День именинъ такого сосѣда конечно не забывается, и къ нему еще заранѣ собиралась большая половина бражничавшихъ у Степкиныхъ помѣщиковъ, остальную же пригласилъ къ себѣ онъ самъ, а въ томъ числѣ и Николая Степановича. Тотъ сталъ было отговариваться неимѣніемъ времени.

— Вреть, перебилъ его Курнаковъ, успѣвшій уже приобрести надъ нимъ неотразимый авторитетъ;—никакихъ у него дѣлъ нѣтъ, летли мечеть. Мы съ нимъ вмѣстѣ прійдемъ.

Николай Степановичъ отговаривался впрочемъ такъ, по свойственной ему деликатности: нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, не поломавшись, сразу согласиться, точно больно ужъ обрадовался именинному пирогу; надо себѣ цѣну звать, и дать другимъ ее почувствовать. Въ сущности же онъ былъ очень радъ сдѣланному ему приглашенію, тѣмъ болѣе что это совершенно согласовалось съ его планами. Для два, пожалуй три, пробуду у Шумилиныхъ, думалъ онъ, и какъ разъ вернуться въ Круглое къ именинамъ сестрицы. Его мучило оскорбленіе нанесенное имъ сестрѣ увозомъ Саши, и ему хотѣлось скорѣе загладить вину свою.

У Шумилиныхъ пролировалъ ровно трое сутокъ, и Николай Степановичъ совсѣмъ уже было собрался ѣхать къ себѣ въ Круглое, какъ Курнаковъ объявилъ ему что онъ далъ за него слово прійхать съ нимъ на другой день къ Маклаковой,

очень богатой и всеми уважаемой старушкѣ, быть у которой считали за особую честь не только урядные, но и губерскіе тузы. Самъ аркіерей, объѣзжая епархію, считалъ обязанностію посѣтить ее, при чемъ даже служивалъ въ ея церкви обѣдомъ. 4го декабря она была именинница, и отъ Шумляцкихъ всѣ огромнымъ походомъ отправлялись къ ней; но Николай Степановичъ отъ этой новой поѣздки отказался маотрѣвъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ Курнакову рѣшительно;—ты поѣзжай куда знаешь, а я ѣду въ Круглое: у меня дома завтра своя именинница.

— Да ты никакъ вовсе сбрендилъ! перебилъ его тотъ.—Тебя сестра изъ дома выгнала, а ты къ ней съ поклономъ на именины. Зачѣмъ же ты послѣ этого и уважаешь?

— Чтѣ жь, довольно помучилъ; пора и честь звать.

— Жаль стало. Эхъ ты, Федотьевна! А еще военный мундиръ носить, Варшаву приотуномъ бралъ! На тебя не военный мундиръ, а ланеву надѣть надо, да за пряжку посадить.

— Какъ знаешь. А я рѣшилася, сейчасъ ѣду.

— Рѣшительно ѣдешь?

— Рѣшительно; а ужъ велѣлъ и лошадей закладывать.

— Ну ужъ если такъ, братъ, такъ нѣтъ же, шалоудры: не бывать тебѣ въ Кругломъ ни на своихъ именинахъ, ни на сестриныхъ.

— Какъ это такъ?

— Да такъ же! не бывать, да и только.

Сказавъ это, Курнаковъ залустилъ руки въ карманы, и оставаясь прямо противъ Николая Степановича, глядѣлъ ему въ упоръ въ самые глаза. Слова эти сказаны были такъ положительно что Николай Степановичъ совершенно оглѣшилъ, и минутная рѣшимость его исчезла.

„Чортъ его знаетъ“, обдумывалъ онъ; „вѣдь полоумный. Если ужъ чтѣ захотѣлъ, ни предъ чѣмъ не остановится: отца роднаго подворожью промѣять заставить. И кучеръ съ нимъ такой же сорви-голова. Еще пожалуй такую штуку сыграетъ что и жизни не радъ будешь.“

Николай Степановичъ сталъ представлять Курнакову резоны почему ему слѣдовало ѣхать въ Круглое; тотъ доказывалъ ему что напротивъ ему туда ни подъ какимъ видомъ ѣхать не слѣдовало. Пренія продолжались болѣе получаса, и наконецъ рѣшено было ѣхать вмѣстѣ къ

Маклаковой, а отъ нея въ городъ, гдѣ вто былъ назначенъ балъ въ дворянскомъ каубѣ.

— А тамъ ступай себѣ хоть на всѣ четыре стороны, шалашь ты этакой! заключилъ Курнаковъ.

У Маклаковой Николай Степановичъ проскучалъ весь день. За обѣдомъ играла музыка, кругомъ его все были веселыя лица; но онъ не раздѣляя общаго веселья: ему тяжело было лить на праздникъ чужомъ. Когда провозгласили было тостъ за здоровье хозяйки, онъ выстои съ другими поднял бокалъ, но выпить его не могъ: ему казалось что онъ тѣмъ нанесъ бы сестрѣ своей кровную обиду, порвалъ бы съ нею посабвную связь. Долго держалъ онъ его предъ собою въ нервности. „За здоровье ваше, сестрица“, сказалъ онъ наконецъ шелотомъ, поднеся бокалъ къ губамъ и сразу опорожнилъ его. Послѣ этого, сдѣланнаго имъ хотя и заочно, шага къ примиренію, у него и на сердцѣ стало какъ будто легче, и на душѣ покойнѣе.

Отъ Маклаковой отправились въ городъ. Были и на дворянскомъ балѣ. Балъ, несмотря на торжественность дня, прошелъ безъ всякаго скандала и съ подобающимъ благочиніемъ: дворяне были въ мундирахъ или въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ и галстукахъ, и примѣрнымъ поведеніемъ своимъ привели бы въ удивленіе самого благонамѣреннаго чиновника. Даже между прислугою и полицейскими солдатами не было ни одного льянаго; по крайней мѣрѣ не украдено было ни одной шубы. Самый городничій, имѣвшій обыкновеніе въ табельные дни, въ изъявленіе преданности своей къ престолу и отечеству, совершать приличныя возсіянія, лишавшія его почему-то употребленія ногъ, на этотъ разъ держался на нихъ твердо и бодро, и лишь не въ мѣру раскраснѣвшійся носъ свидѣтельствовалъ о неизмѣнности его лобильныхъ чувствъ.

Такимъ мирнымъ исходомъ бала Курнаковъ остался даже недоволенъ.

— Куда какъ все измелъчало, говорилъ онъ Николаю Степановичу, возвращаясь домой.—Въ наше время такъ бы не кончилось: этому уязвдному франтику со стеклышкомъ въ глазаъ ужъ навѣрное гусары наши всю морду исколотили бы.

III.

Но мы, слѣдуя за Николаемъ Степановичемъ въ его безцѣльныхъ поѣздкахъ и странствованiяхъ съ Курнаковымъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, совсѣмъ забыли Варвару Степановну.

Мы знаемъ что встревоженная неожиданнымъ отъѣздомъ и долгимъ невозвращенiемъ брата, она было успокоилась предположенiемъ что Николай Степановичъ поѣхалъ провѣдать Труниныхъ, отъ которыхъ вѣроятно и возвратится ко дню ея именинъ, какъ вдругъ снова озадачена была неожиданнымъ происшествiемъ. Ночью неизвестно куда пропала Саша и какъ разъ въ ту же самую ночь прiѣзжалъ кучеръ Николай Степановича за троичными санями. Его видѣлъ караульный, говорилъ съ нимъ, спрашивалъ откуда онъ прiѣхалъ, но ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ не могъ добиться путнаго отвѣта. Съ нимъ прiѣзжалъ еще какой-то неизвестный человѣкъ. Кучеръ былъ по женѣ родной дядя Сашѣ, человѣкъ пьяный и подъ пьяную руку готовый на все; жена его была также у Варвары Степановны на дурномъ счету, и не было никакого сомнѣнiя что Сашу увезъ онъ.

Происшествiе это поставило весь домъ вверхъ дномъ. Власьева допрашивала кучеру жену и караульнаго, но отъ нихъ положительно ничего узнать не могла, и пришла наконецъ къ тому убѣжденiю что Сашу увезъ самъ нечистый обернувшись въ кучера, для того чтобы наказать ее за то что она была причиною раздора между господами. Варвара Степановна конечно не раздѣляла этого мнѣнiя: она была убѣждена что за Сашей присылалъ Николай Степановичъ, но съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, было для нея рѣшительно загадкой. Она терлась во всевозможныхъ предположенiяхъ, изъ которыхъ одни были тревожныя и возмутительныя другяя.

„Ужь не хочетъ ли онъ въ шуку мнѣ жениться на ней, думала она, и прiѣхать сюда съ молодою хозяйкой? Или можетъ-быть“... И деркiй румянецъ дѣтственной стыдливости выступилъ на ея желтыхъ морщинистыхъ щекахъ, и губы принявъ такое выраженiе какого еще никогда не принимали. Ей стыдно было предъ самой собою, что подобная

предположенія могли придти ей въ голову, и она осмѣла лобъ свой крестнымъ знаменьемъ. „Но нѣтъ, не можетъ быть чтобъ онъ рѣшился на что-нибудь такое. Что сказали бы сосѣди? Что сказали бы свои собственные люди? Вѣдь это значило бы опозорить себя на цѣлый вѣкъ для того только чтобы мнѣ досадить. Нѣтъ, этого быть не можетъ!“ И Варвара Степановна нѣсколько успокоивалась. „А впрочемъ Богъ его знаетъ, передумывала она черезъ минуту, онъ щекотливъ, вслышчивъ и изъ самолюбія рѣшится пожалуй на все, особенно если онъ у Курнакова. Для этого изверга нѣтъ на свѣтѣ ничего святаго: законную жену прогналъ и завелъ у себя въ домѣ развратъ; нѣтъ ничего мудренаго что и его подобьетъ. А досаднѣе всего то что я сама во всемъ виновата. Послушайся я перваго своего намѣренія, пойди тогда же къ нему въ кабинетъ, попроси у него прощенія, и все было бы кончено. Можетъ-быть онъ потому весь вечеръ въ гостиную и не выходилъ что поджидалъ меня къ себѣ, зная что у меня сидитъ Солодкина.“ И Варвара Степановна ломала себѣ руки съ досады.

Весь этотъ день Варвара Степановна провела въ страшномъ волненіи. „Вотъ-вотъ, думала она, подвѣдутъ къ крыльцу сани, и выйдетъ изъ нихъ Николай Степановичъ рука объ руку съ Сашей.“ Она даже отъ времени до времени прислушивалась не зазвезитъ ли знакомый колокольчикъ, и ни одинъ разъ казалось ей что дѣйствительно звезитъ. Но день прошелъ благополучно, и ложась спать она нѣсколько успокоилась и ободрилась.

Утромъ встала она рано. Былъ ясный день: солнце играло въ узорахъ расписанныхъ морозомъ стеколъ; сверкалъ и искрился свѣже вылавшій снѣгъ. Въ домѣ было и свѣтло, и тепло. Беззаботно перелархивая съ жерди на жердь, то весело щebetали, то заливались оглушительнымъ лѣтніемъ канарейки. Будто легче и отраднѣе стало и на душѣ у Варвары Степановны. Вскорѣ съ веселымъ лицомъ показалась въ дверяхъ Власьева.

— Я къ вамъ, сударыня, съ радостью, сказала она, поклонившись. — Сашка нашлаась. Ее ночью подвезъ къ двѣичьему крыльцу Панкратій; спустилъ съ собой, а самъ уѣхалъ. Должно-быть такое было господское приказаніе.

— Ну что жъ она? ветерпѣливо спросила Варвара Степановна.

— Ничего-съ. Какая была, такая и есть: она даже Николая Степановича не видала. Увезъ ее отсюда все тотъ же Панкратій. Вызвала ее изъ дѣвичьей тетка и привела къ себѣ домой. Тамъ ихъ дожидался какой-то человекъ и сталъ Оширку почти силой сажать въ сани. Она сначала не соглашалась, хотѣла даже, говорить, кричать; да Панкратій угрозилъ: баринъ, молъ, приказалъ; хуже будетъ. Ну, выходить, дѣлать было нечего; посадили ее, да и увезли.

— Куда же ее возили?

— Къ Курнакову въ домъ.

— Ну такъ и есть. Чтò же она тамъ дѣлала?

— Привезли меня, говорить, прямо въ домъ. Вышла ко мнѣ экономка, такая молодая, да изъ себя видная; обошла съ мною ласково таково; напоила меня чаемъ; спрашивала какъ ты молъ дома у себя живешь, какіе у васъ порядки? Спрашивается, говорить, а сама все смѣется, хохотунья такая. Выходилъ, говорить, взглянуть на нее и самъ Курнаковъ. Теже такой веселый, да ласковый. „Не наливавай ей, говорить, въ чай сливокъ: вонче постъ. Не бери тажкого грѣха на душу.“ Такъ просидѣла она въ дѣвичьей весь день; а къ вечеру вышелъ къ ней Васыка съ приказомъ опять собираться домой. И тутъ-таки опять вышелъ баринъ, то-есть выходить Курнаковъ, провожать ее. Отвези, говорить, отъ меня поклонъ своей баринѣ; окажи ей что молъ Петръ Михайловичъ Курнаковъ ей усердно кланяется.

Власевна думала принесенною вѣстью обрадовать Варвару Степановну, никакъ не подозревая что каждое слово врѣзывалось ей острымъ ножомъ въ сердцѣ.

„Такъ стало-быть онъ присылалъ за ней, соображала сама съ собою Варвара Степановна,—только для того чтобы лоднять меня на смѣхъ, поглумиться надо мной старухой съ Курнаковыми и его экономкой, сдѣлать меня посмѣшищемъ не только всѣхъ сосѣдей, но и двора. Ужь лучше бы онъ оставилъ ее гдѣ-нибудь тамъ у себя. По крайней мѣрѣ тажкого позора для дома не было бы.“

Конечно вельзя было нанести самолюбію ея болѣе чувствительнаго удара. Еслибы Николай Степановичъ женился на Сашѣ, то и тогда Варвара Степановна считала бы себя менѣе оскорбленною, менѣе униженною. Тогда онъ поступилъ бы въ отношеніи къ ней лишь эгоистомъ, не обращающимъ никакого вниманія на положеніе въ какое онъ ставилъ ее

поступкомъ своимъ; теперь же вся цѣль поступка состояла лишь въ томъ чтобы навѣсть ей оскорбленіе. Не мнѣ оскорбленія, Варвару Степановну мучило сознаніе что она ничѣмъ не можетъ отвѣтить на него, и не потому чтобы она въ самомъ дѣлѣ желала чѣмъ-либо отвѣтить, а потому что имѣла на то возможность и не воспользовавшись ею, она показала бы что пренебрегаетъ имъ и стоитъ выше этихъ мелочныхъ дразгъ. Сознаніе этого безсилія очень мучило ее и не давало ей покоя.

Весь день провела она въ возбужденномъ состояніи, и къ ночи съ ней сдѣлался жаръ и бредъ. Ей чудились попеременно то Николай Степановичъ, то Сапа, то Куряковъ, то его экономка. То представлялось ей какъ Николай Степановичъ посылаетъ кучера за Сашей; то какъ Куряковъ провожаетъ ее на крыльцо и приказываетъ отвезти барынѣ своей покловъ, „усердный,“ прибавляетъ онъ, присѣдая и хохоча во все горло. То видѣла она какъ экономка его, разумѣется съ полуобнаженными плечами и распущенными по нимъ волосами (иначе она ее себя почему-то и представить не могла), сидитъ съ Сашей за столомъ, поитъ ее чаемъ, разспрашиваетъ про заведенные въ домъ порядки, и при каждомъ ея словѣ, покатываясь со смѣху, издѣвается надъ нею. Васька, и тотъ изъ темнаго угла строилъ ей рожи, высовывалъ языкъ, и разставивъ пальцы обѣихъ рукъ дѣлалъ ей носъ.

Три дня пролежала она въ постели; наконецъ не совѣмъ еще истощенныя силы взяли верхъ, и на четвертый она почувствовала себя лучше и могла выйти въ гостиную. Она тутъ же послала за священникомъ и отслужила молебенъ Божіей Матери „Утоли моя печали“. Она излила въ теллой молитвѣ печаль свою, и послѣ молебна на сердцѣ у нея тотчасъ же сдѣлалось и легче и спокойнѣе; самый складъ мыслей ея совершенно измѣнился.

„О чѣмъ я такъ скорблю и чѣмъ такъ смущаюсь?“ думала она. „Видно Господу Богу угодно было испытать меня и наказать за грѣхи мои. Да будетъ же Его святая воля! И въ самомъ дѣлѣ какое я имѣла право такъ жестоко, при постороннихъ, оскорбить Николая Степановича? Повомарь правду говорить: въ наши дѣла слушать наставленія уже поздно. И что я за наставница такая? За дѣвушками я обязана наблюдать: за нихъ Богу отвѣтъ дамъ. А братецъ, слава Богу,

уже не маленькій. Да и что же онъ сдѣлалъ такого? Можетъ-быть онъ съ Сашей говорилъ о лустакахъ какихъ, а я изъ мухи слова сдѣлала, разбранила, оскорбила его. И онъ хоть бы одно слово мнѣ въ отвѣтъ. Мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же отправиться къ нему и въ духѣ смиренія попросить его простить меня; но я этого не сдѣлала, самолюбіе не допустило. Вѣдь не ему же было въ самомъ дѣлѣ идти извиняться предо мной. Онъ подождать, подождать, да чтобы не дѣлать перваго шага и уѣхалъ. А что онъ за Сашей присылалъ, то я знаю что онъ самъ собою никогда бы на это не рѣшился, а поступилъ такъ по наущенію Курнакова, да еще пожалуй и не подъ трезвую руку, а можетъ-быть и въ такомъ положеніи что и самъ не помнилъ что дѣлалъ; а какъ на другой день, проспавшись, обо всемъ узналъ, сейчасъ же, даже не взглянувъ на Сашу, прислалъ ее назадъ. Вина его лишь въ томъ что не объяснилъ мнѣ съ нею же всего письмомъ. Олять-таки какъ и писать, если онъ на меня сердится? Вѣдь это былъ бы тотъ же первый шагъ; уже легче было бы самому прѣхать.

Всѣ эти соображенія и догадки привели наконецъ Варвару Степановну къ тому выводу что она, и притомъ одна она, во всемъ виновата, а потому для очищенія совѣсти предъ Богомъ наложила на себя эпитимію: класть ежедневно до возвращенія Николая Степановича по сорока земныхъ поклоновъ; для очищенія же себя предъ братомъ написала ему письмо такого содержанія:

„Милостивый государь, братецъ Николай Степановичъ,—неожиданный отъѣздъ вашъ повергъ меня въ бездну горести. Слезно прошу васъ простить мнѣ необдуманныя и оскорбительныя для васъ слова, заставившія васъ выѣхать изъ родительскаго дома. Вполнѣ чувствую вину свою; но Господь заповѣдалъ намъ прощать и лютымъ врагамъ нашимъ: простите же и вы меня великодушно. По возвращеніи вашемъ, буду на колѣняхъ просить у васъ прощенія предъ тѣми при которыхъ оскорбила васъ. Любезный братецъ, мы оба съ вами не молоды, а я ужъ и вовсе старуха; не много ужъ можетъ-быть осталось намъ и жить вмѣстѣ. Ужели мы, стоя на краю гроба, вмѣсто того чтобы успокоивать и утѣшать другъ друга, будемъ на соблазнъ добрымъ людямъ питать взаимную вражду и злобу? Да сохранять насъ отъ того Господь Богъ и Царица Небесная!“

Варвара Степановна рѣшилась просить прощенія у брата своего въ присутствіи тѣхъ при которыхъ нанесла ему оскорб-

леніе, то-есть въ присутствіи дѣвушекъ своихъ, она приносила въ жертву примиренія съ нимъ все свое самолюбіе, отрекалась отъ самой себя, словомъ, дѣлала такую уступку одна мысль о которой нѣсколькими часами раньше привела бы ее въ ужасъ. Объ увозѣ Саша она не говорила ни слова, такъ какъ это былъ пунктъ въ которомъ она при всемъ добромъ желаніи своемъ не могла признать Николая Степановича совершенно предъ собою правымъ, а потому и сочла лучшимъ не упоминать о немъ. Письмо это она сначала написала начерно, раза два переправила и наконецъ старательно переписавъ на листѣ золотообрѣзной почтовой бумаги, вручила Тихону Ѳедорову.

Отправивъ пономаря, Варвара Степановна ждала его возвращенія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Впрочемъ онъ не заставилъ себя долго ждать и на другой же день утромъ явился, отдать отчетъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія.

— Ну, что? спросила она его дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, не давъ ему окончить молитву и сдѣлать обычный поклонъ.

— Да что, отвѣчалъ протяжно Тихонъ Ѳедоровъ, вынимая изъ-за пазухи и подавая Варварѣ Степановнѣ привезенное имъ обратно письмо.—Съѣздилъ ни по что, привезъ ничего.

— Что жъ такъ? едва могла проговорить она.

— Пріѣзжаю къ Курнакову, а ихъ ужъ и слѣдъ простылъ. Говорятъ третій день какъ уѣхали къ Стешкинымъ, а отъ нихъ Николай Степановичъ хотѣлъ проѣхать еще куда-то за полтораста верстъ; стало-быть къ Трунинымъ. Хотѣлъ было и я слѣдомъ ѣхать къ Стешкинымъ. Да потомъ подумалъ, подумалъ: что жъ, проѣду я еще тридцать верстъ и опять его не застану. Вѣдь весь свѣтъ не объѣдешь, да и не къ чему. Стало-быть, выходить, непременно закатился соколъ нашъ къ Трунинымъ, больше ему въ ту сторону и ѣхать некуда. Погостить онъ у нихъ недѣлку, да вмѣстѣ съ Вѣрою Семеновою какъ разъ къ Варварину дню, ко дню вашего ангела, сюда и припожалуютъ. Такъ вы и готовьтесь.

Извѣстіе это и опечалило, и вмѣстѣ успокоило Варвару Степановну. Въ самомъ дѣлѣ, предположеніе Тихона Ѳедорова было очень правдоподобно. Она даже нѣсколько ободрилась, хотя и чувствовала что силы ея ей измѣняли, и стала ожидать дня именинъ своихъ съ нетерпѣніемъ. До него оставалось ровно недѣля, и она съ другаго же дня стала приготовляться къ

приему дорожки гостей. Весь домъ былъ вымытъ и убранъ какъ къ Свѣтлому празднику, особенно же кабинетъ, который постоянно былъ грязнѣе прочихъ комнатъ, какъ по множеству находившихся въ немъ птицъ, такъ и потому что Николай Степановичъ, хотя и любилъ чистоту, терпѣть не могъ самаго процесса мытья и чищенія. Нитяную, мѣстами уже изорванную, свѣтку на оконномъ садкѣ Варвара Степановна замѣнила жѣдной, которую купила было для своего канареснаго садка, диванъ обила новымъ ситцемъ, пережѣвала засаженное сукно на лисьменномъ столѣ, пересмотрѣла и перечистила кавѣтки; словомъ, убрала кабинетъ такъ что его узнать было нельзя. Перебила мебель и въ гостиной, причемъ особенно наблюдала за прочностью обойки дивана, на которомъ постоянно сидѣлъ Николай Степановичъ, такъ какъ то мѣсто гдѣ онъ обыкновенно возсѣдалъ до того вдавилось что образовалась впадина, гдѣ свободно можно было уложить цѣлый каравай ржаного хлѣба. Даже себѣ сдѣлала новый чепецъ, съ лиловыми лентами.

Въ этихъ занятіяхъ незамѣтно прошла недѣля, и настала наконецъ кануны Варварина дня, на который, по расчету Варвары Степановны, должны были пріѣхать Николай Степановичъ съ Трувиной. Утро прошло въ разныхъ приготовленияхъ ко встрѣчѣ гостей; но наступилъ и обѣденный часъ, а ихъ все еще не было. Впрочемъ она къ обѣду и ждала ихъ, и вѣтъ, такъ какъ Трувина, соображаясь съ удобствами ночлеговъ, выѣзжала изъ дому всегда такъ чтобы пріѣхать въ Круглое къ самой всеобщей. Но вотъ и свечерѣло, подали отцу; оставался всего часъ и до всеобщей, а они все еще не пріѣзжали. Варвара Степановна начинала серьезно безлюбопытстваться. „Неужели они не пріѣдутъ?“ спрашивала она себя. „Нѣтъ, этого быть не можетъ. Ихъ могло что-нибудь задержать дорогой: вчера цѣлый день несла лоземка, дорога тяжелая. Можетъ-быть и теперь идетъ еще снѣгъ.“ И она посмотрѣла въ окно, но погода была превосходная: полный мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ, и чистое небо усыяно было яркими звѣздами. Когда наконецъ ей доложили что пришелъ священникъ съ причтомъ, она совсѣмъ улала духомъ: силы какъ бы разомъ оставили ее, и она едва могла выйти въ залъ. Началась служба. Среди общей тишины, она съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему шороху

въ передней, съ замираніемъ сердца поджидая не услышать ли звука знакомаго ей колокольчика; „авось еще подѣдутъ“, утѣшала она себя. Она такъ была увѣрена въ пріѣздѣ Никомая Степановича, такъ въ послѣдніе дни сроднилась съ этою мыслию, что и вѣрить не хотѣла чтобы могло случиться иначе. Вотъ пошелъ и священникъ съ кадиломъ въ рукѣ совершать свой обычный кругомъ дома обходъ, пошла за нимъ и она. Когда они вступили въ кабинетъ, его обновленный, какъ бы праздничный видъ болѣзненно и грустно подѣйствовалъ на нее. „Не къ добру я все это затѣяла“, подумала она, и будто что-то тяжелымъ гнетомъ легло у ней на сердцѣ. Остальную половину всеобщей простояла она въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Видѣла она какъ по окончаніи ея священникъ и діаконъ сняли съ себя облаченія, какъ потушили горѣвшія предъ образами свѣчи, какъ потомъ пошли вслѣдъ за нею въ гостиную, какъ размыслились и пили разлитый ею чай; но о чемъ шелъ разговоръ, о чемъ ее спрашивали, и что она отвѣчала, рѣшительно не помнила. Когда, наконецъ, всѣ разошлись, она ушла къ себѣ въ комнату, и улавъ ницъ предъ иконою Скорбящей Божіей Матери, почти всю ночь провела въ молитвѣ.

На другой день она до того ослабѣла что съ трудомъ могла отстоять обѣдню; принимать же явившихся къ ней съ поздравленіями уже не могла. Но надежда все еще не оставяла ея. „Можетъ-быть, думала она, онъ еще пріѣдетъ завтра“. Эта хотя и слабая надежда поддерживала ее; но когда и слѣдующій день прошелъ въ томъ же напрасномъ ожиданіи, она пришла въ совершенное уныніе; и нравственныя и физическія силы окончательно оставили ее.

На Николаинъ день она собрала остатокъ силъ чтобы быть у обѣдни и помолиться за здоровье покинуваго ее брата, но изъ церкви ее уже почти донесли на рукахъ, и къ вечеру она окончательно слегла въ постель. Ея слабое, нервное сложеніе не могло вынести этого длиннаго ряда пытокъ, и потеряемыя силы съ каждымъ днемъ быстро упали. О медицинской помощи она и слышать не хотѣла. „Господь меня наказуетъ, говорила она; пусть же Онъ и проститъ и исцѣлитъ меня“. На пятый день она наконецъ до того изнемогла что Власьевна держала совѣтъ съ Тихомъ Федоровымъ и Мироничемъ, и рѣшено было въ тотъ же день послать гонца къ Николаю Степановичу. Черезъ день Варвара Степа-

новна исповѣдалась и приобщалась Святыхъ Таинъ. Священника просила она передать Николаю Степановичу письмо написанное ею назадъ тому три недѣли и оказать ему на словахъ что она чувствуетъ себя предъ нимъ виноватою и просить его простить ее, что она съ своей стороны ничего противъ него не имѣетъ; если же онъ находитъ себя въ чемъ-нибудь противъ нея виновнымъ, она охотно прощаетъ его. Власьевну и Мироныча она просила продолжать служить Николаю Степановичу вѣрою и правдой, даже сдѣлала нѣкоторыя распоряженія насчетъ своихъ похоронъ и поминокъ, и утѣшала плакавшихъ около нея старухъ тѣмъ что онъ разстанется не на долго, и скоро снова свидятся тамъ гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій.

IV.

Николай Степановичъ отправился съ Курнаковымъ въ городъ на одинъ день; но видно выѣхалъ онъ изъ дому не въ часъ; по крайней мѣрѣ, ни одному изъ предположеній и плановъ его не суждено было осуществиться. Случилось такъ что городничій оказался не только одволочаниномъ Николаю Степановичу, но и одноклассникомъ его по кадетскому корпусу; Курнаковъ же встрѣтился со старымъ товарищемъ своимъ по ремонтерству, помѣщикомъ Лалшинымъ, съ которымъ не видался болѣе двадцати лѣтъ. Понятно что обѣ встрѣчи эти не обошлись безъ подобающихъ полоекъ, и приятели наши вмѣсто одного дня пробыли въ городѣ цѣлыхъ лѣтъ; на шестой же Лалшинъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Имѣнiе его было въ тридцати верстахъ отъ города въ лѣсной части уѣзда; онъ устроилъ у себя охоту на тетеревовъ, и къ нему собиралось изъ города большое общество. Николай Степановичъ очень любилъ эту охоту, но безалаберная жизнь, которую онъ велъ въ продолженіи трехъ недѣль, до того ему надоѣла и утомила его что онъ только и думалъ о томъ какъ бы вернуться скорѣе въ Круглое.

— Ну куда ты ѣдешь, чортова голова? отговаривалъ его Курнаковъ.—Еще успеешь у себя въ Кругломъ насидѣться. Не домай компаніи; для компаніи и полтъ, говорятъ, протрезвился. Опять таки отъ города до Круглага семьдесятъ верстъ,

а отъ Лалшина и лятадесяти не будетъ; въ одну улажку шута дождешь.

Последнее обстоятельство заставило Николая Степановича призадуматься. „Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, та же будетъ кормежка, а между тѣмъ честь ему сдѣлаю. Человѣкъ онъ свѣтскій и порядочный, не какой-нибудь степной бирюкъ, оцѣнить это. И живетъ, говорятъ, баринкомъ; у такихъ людей и быть въ домѣ пріятно.“

— Извольте, сказалъ онъ Лалшину, — ѣду; но не для тетеревоѣ, а собственно только для васъ. Повѣрьте, добавилъ онъ, — что и въ нашей степной глуши есть люди умѣющіе ловить и оцѣнить истинно достойнаго человѣка.

Сказавъ это, Николай Степановичъ очень любезно потрясъ Лалшину руку и, самодовольно обведя глазами окружающихъ, не безъ удовольствія замѣтилъ что сказанныя имъ слова произвели на нихъ не малую сенсацію.

— Талейранъ, кричалъ во все горло Курнаковъ, — какъ есть Талейранъ! Тебѣ-бъ, шуту, дипломатомъ быть, а не въ Кругломъ сидѣть, да съ галкой разговаривать.

Изъ города отправились на нѣсколькихъ тройкахъ. Лалшинъ принялъ и угостилъ гостей своихъ по-царски. Шампанское, разумется, лилось рѣкой. Мѣсто для стрѣльбы глухарей было выбрано очень удачно, на самомъ ихъ перелетѣ: подгоняемые загонщиками, они летѣли прямо на охотниковъ и садились противъ ихъ шалашей рядомъ съ посаженными на вѣжахъ чучелами. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ по просьбѣ шла не умолкавшая перестрѣлка; промаховъ почти не было, и тетеревоѣ было набито, что-называется, хоть прудъ пруди. Охотились два дня сряду; на третій же обошли выводокъ волковъ, и назначена была облава.

До разсвѣта всѣ уже были на ногахъ чтобы до восхода солнца послѣтъ на мѣсто; но Николай Степановичъ отъ этой новой охоты положительно отказался. Онъ въ ночь видѣлъ дурной сонъ и упалъ духомъ. Онъ до того былъ разстроены что не только Лалшинъ, но и самъ Курнаковъ не сталъ его удерживать.

— Ну чортъ съ тобой, дрянъ ты эдакая! сказалъ онъ, прощаясь съ нимъ. — Коли дома соскучишься, пріѣзжай олять въ Курнаки, я тебѣ всегда буду радъ. Да Сашу разцѣлуй, продолжалъ онъ, провожая его на крыльцо. — А галку сестрѣ подари; лускай она телерь съ ней на досугъ разговариваетъ.

Ха, ха, ха!—И звонкій хохоть его слился съ зазвенѣвшимъ подъ дугою колокольчикомъ.

„Уфъ! Насилу вырвался!“ вздохнулъ Николай Степановичъ, выѣзжая изъ села. „До Кругаго пятьдесятъ верстѣ, авось къ обѣду дома буду. Ну ужъ жизнь!“ думалъ онъ самъ съ собою. „Недѣлю какую, да и то изрѣдка, еще вынести можно, а что-бы вѣкъ свой такъ жить—избави Богъ! И года не проживешь. И какъ это Курнаковъ такую цыганскую жизнь выносить? Охъ, правда, и самъ Цыганъ. Нѣтъ, мнѣ не вынести; меня о сию пору всего разломилло: и голова тяжела, и въ поясницу вступило. Какъ прѣйду домой, сейчасъ же въ баню, разотрусь краснымъ спиртомъ, да и пошелъ отлаживаться. Нѣтъ, хорошо въ гостяхъ, а дома лучше. Какъ можно! У себя живу я баринкомъ: всѣ меня покоютъ, всякій мнѣ въ глаза смотритъ, о томъ лишь и думаетъ какъ бы угодить мнѣ. Обѣдаешь во время, ужинаешь тоже; когда захотѣлъ, тогда и спать легъ; задумалъ что,—тотчасъ же предъ тобою какъ по щучьему велѣнію и является. Полеживаешь лишь себѣ, да словно въ банѣ на полку съ боку на бокъ переворачиваешься: вотъ здѣсь молъ лопарь, вотъ тутъ горячимъ вѣшникомъ приложи, лятка зачесалась, почеши и лятку. Словно сыръ въ маслѣ катаешься. Умирать не надо!“ И Николай Степановичъ, завернувшись плащѣ въ шубу, сталъ уминать подъ собою подушки и усаживаться, какъ бы предвкушая тѣ удобства и тотъ покой которые ожидали его въ Кругомъ. „Жаль лишь что время теперь зимнее; сиди себѣ на мѣстѣ до самой весны какъ сурокъ какой безъ всякаго мотіона. Поневолѣ геморрой насидишь. Какъ прѣйду, сейчасъ же примусь за токарный станокъ: и кровь располлируетъ, и на аппетитъ позоветъ. Въ послѣднее время отъ этой безалаберной жизни вовсе какъ-то разладился: ѣшь кажется и много, а все аппетиту нѣтъ настоящаго, и слышь, казалось бы, не мало, а толку нѣтъ. Непремѣнно за токарный станокъ. И дернуло же меня изъ дому уѣхать! А какъ подумаешь, не дурно сдѣлалъ что и выѣхалъ. По крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь освѣжился: словно изъ душной избы на свѣжій воздухъ выбрался. Какъ около живыхъ людей потрешься, и самъ будто переродишься: и мысль другая, и съ глазъ будто кора какая спадетъ. А главное барыни, хоть кого развеселятъ. И зачѣмъ это человекъ старѣеть? Лучше бы вѣкъ свой оставался какимъ былъ, а пришелъ срокъ, такъ бы и легъ себѣ молодымъ въ могилу. Впрочемъ, какъ посмотришь

на нынѣшнюю молодежь, такъ право и не позавидуеть. Ходятъ себѣ какъ тѣни какія, нѣтъ въ нихъ ни жизни ни разгула. Вотъ Лалшинъ такъ сейчасъ видно что человѣкъ воспитанный и образованный; служилъ въ гвардіи, весь вѣкъ свой терся въ лучшемъ обществѣ... А желалъ бы я знать что онъ обо мнѣ думаетъ. Вѣдь эти петербургскіе господа полагаютъ что въ деревняхъ живутъ лишь одни бюрокъ да медвѣди, что между нами порядочнаго человѣка и не встрѣтишь. Такъ вотъ же тебѣ и бюрокъ! Надко-ся, — видѣлъ?" И Николай Степановичъ отъ избытка чувства состроилъ даже какую-то рожу. „А правду сказалъ Курнаковъ, продолжалъ онъ, закутываясь въ свою шубу, что нынѣшній народъ измелчалъ и переродился. Нѣтъ, въ наше время люди не тѣ. Хорошо было время! Эхъ ты молодость, моя молодость, куда прошла, прокатилась!"

Погода была пасмурная: въ воздухѣ стоялъ не то туманъ, не то иней, низко нависнувъ надъ самою землею, словно свѣжныя сугробы медленно двигались тяжелыя облака. Дорога шла по олушкѣ лѣса; недавняя метель прибила къ нему страшные сугробы свѣга, мѣстами же занесла дорогу свѣжными переносами, и, наѣзжая на нихъ, лошади съ трудомъ въ улюрь вывозили тяжелыя трючныя сани. Дико и пустынно смотрѣлъ занесенный свѣгомъ лѣсъ: нѣмыми исполинами высились голыя стволы громадныхъ сосенъ, заглохшими пустырями выглядывали изъ-за забитыхъ свѣгомъ кустовъ игривыя поляны, самая зелень развѣсистыхъ елей не оживляла его скучнаго однообразія. Всюду царилъ мертвая тишина, нигдѣ ни признака жизни; лишь надрываясь каркнула на покачнувшемся верстовомъ столбѣ ворона, да испуганныя колокольчикомъ торопливо улетали въ лѣсъ нелюдимыя сороки.

„Экая дичь! думалъ, зѣвая и глядя по сторонамъ, Николай Степановичъ. Не то что наша матушка стель. А сорокъ-то, сорокъ-то! сейчасъ видно лѣсная сторона: у насъ рѣдко какую увидишь. А вѣдь красивая птица и, говорятъ, прелюбятливая; не то что галка. Я вотъ свою цѣлый годъ учу, а чему выучилъ?" И онъ вдругъ вспомнилъ разговоръ свой съ Курнаковымъ.—„Малый казалось бы и не больно хитрый, а сейчасъ смекнулъ. Послала, говорить, тебя потолковать съ галкой; а та кромѣ дурака ничего сказать не умѣетъ. А я признаться тогда этого и не сообразилъ. Выходитъ: она меня просто-на-просто въ глаза дуракомъ назвала. Небось и двѣ-

ка сразу смекнули.—При одной этой мысли его всего покоробило.—„Ну да ладно; теперь ужь будетъ не то. А за все спасибо Курнакову; самъ я никогда бы этого не сдѣлалъ. Любопытно бы знать что онъ теперь тамъ обо всемъ этомъ думаютъ. А вотъ увидимъ.“

Долго блуждалъ такимъ образомъ мыслями своими Николай Степановичъ, бессознательно, хотя и не безъ нѣкоторой послѣдовательности, переходя отъ одного предмета къ другому.

Думалъ онъ о томъ что ожидало его дома и какъ произойдетъ у него встрѣча съ Варварой Степановной, станетъ ли она дуться на него за увозъ Сашу или будетъ просить прощенья за сдѣланное ему оскорбленіе. Въ первомъ случаѣ онъ твердо рѣшился выдержать характеръ и прямо объявить ей чтобъ она и напередъ знала что онъ въ дѣйствіяхъ своихъ никому кромѣ Бога и государя отчета давать не намѣренъ, и если до сихъ поръ сносилъ ея капризы, то единственно по добродушію своему, котораго она къ сожалѣнію оцѣнить не умѣла. Во второмъ же онъ готовъ былъ не только забыть все, но даже извиниться предъ нею что вынудилъ ее на такой, не свойственный ея характеру, поступокъ. Онъ даже приискивалъ въ головѣ своей выраженія въ которыя облечь это объясненіе, и избралъ мѣстомъ для него свой кабинетъ, чтобъ оно могло произойти безъ свидѣтелей; словомъ, обдумалъ все до малѣйшихъ подробностей. Мало того: зная безхарактерность свою и боясь что въ нужную минуту у него не достанетъ силы воли и необходимой энергіи чтобы высказать все обдуманное, онъ положилъ себѣ въ этотъ критическій моментъ припомнить исторію о галкѣ. Возобновленіе въ памяти этого возмутительнаго факта должно было возбудить въ немъ чувство оскорбленнаго самолюбія, а этотъ мощный стимулъ долженствовалъ замѣнить недостатокъ нужной энергіи. Окончивъ всѣ эти соображенія, Николай Степановичъ остался вполне собою доволенъ. „Если ужь и этотъ планъ не удастся, думалъ онъ, даю себѣ слово никакихъ плановъ въ жизнь свою не дѣлать.“ Боясь чтобъ ему не измѣнилось и это минутное настроеніе духа, онъ слѣдилъ привести планъ свой въ исполненіе и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поминутно всматривался въ окрестность, отыскивая признаки по которымъ могъ бы опредѣлять еще отдѣлявшее его отъ дому разстояніе; но кругомъ разстилалась ровною скатертью однообразная свѣтлая гладь, грязною лентой извивалась по ней

дорога, да кое-гдѣ торчали полузанесенныя снѣгомъ соломенныя вѣшки. Наконецъ мелькнуло что-то вдаль.

— Круглое? спросилъ Николай Степановичъ.

— Оно-съ, не шевелась, отвѣтилъ кучеръ.

Сначала какъ бы выросла изъ земли Курдюмовская липовая роща, потомъ блеснулъ крестъ колокольни, тамъ немного поодаль словно всплыли поверхъ гладкой снѣжной равнины садъ и высокая крыша барскаго дома, еще немного и замелькали между ними то тамъ, то сямъ, какъ бы выскакивая изъ земли, ветла, журавцы и соломенные крыши крестьянскихъ избъ, пока все наконецъ не слилось въ одну длинную, сплошную полосу. Лошади, чуя приближеніе двора, весело фыркая, надали хода; повеселѣлъ и кучеръ: онъ оправилъ на себѣ армякъ; надвинулъ на руки кожаныя рукавицы и, подобравъ возжи, казалось ждалъ лишь барскаго приказанія чтобы затянуть удалую ямскую лѣвню, даже Васыка поправилъ нѣсколько на бекрень обившуюся на затылокъ шапку и, утеревъ рукавомъ чуйки носъ, переставалъ клевать имъ предъ собою и смотрѣлъ бодро и весело. Одинъ Николай Степановичъ казалось не раздѣлялъ общей радости; не то пугала его близость такъ нетерпѣливо ожидаемаго съ оострою свиданія, не то щемило ему сердце грустное предчувствіе. Молча смотрѣлъ онъ на пронесившіеся мимо и убѣгавшіе въ задъ кусты и овраги.... Но вотъ все ближе и ближе подвигается, какъ бы несясь на встрѣчу, Круглое. Согнувшись въ кольца рвутся и скачутъ рыанья пристяжныя, стойкою рысью бѣжитъ коренной Космачъ, лѣвучею трелью заливается подъ дугою колокольчикъ. Словно не по землѣ и не по снѣжной равнинѣ, а по бѣгущимъ по небу снѣговымъ облакамъ птицею летитъ тройка.

Вотъ въ сторонѣ и сельскій погостъ съ пошатнувшимися крестами и занесенными снѣгомъ могилами; вотъ потянулись и мужицкія гумна; пронеслись и они, а за ними вслѣдъ промелькнулъ крестьянскій поселокъ, и сани, юркнувъ въ воротахъ между высокими сугробами свѣже-разметаннаго снѣга, въѣхали на господскій дворъ.

Замерло сердце у Николая Степановича.

„Смѣлѣ!“ ободрялъ онъ самъ себя, и съ несвойственною ему легкостію выпрыгнулъ изъ саней. На крыльцѣ встрѣтилъ его Миронъ.

— Ну что Варвара Степановна? спросилъ онъ проходя мимо.

— Приказали долго жить, всхлиывая и утирая кулакомъ слезы, едва внятно отвѣчалъ Миронычъ.

— Какъ? могъ только проговорить Николай Степановичъ, и остановился на мѣстѣ какъ ошеломянный.

— Вчера землѣ предали, продолжалъ, рыдая, старику.

— Какъ предали? машинально повторилъ за нимъ Николай Степановичъ, и не дожидаясь отвѣта, скорыми шагами направился ко входной двери. Въ передней онъ на ходу сбросилъ съ себя шубу и вошелъ въ залъ. Въ залѣ никого не было; лишь въ концѣ корридора видны были головы всполошенныхъ прѣздомъ его дѣвокъ. Онъ пошелъ дальше, но на порогѣ гостиной остановился пораженный неожиданностію зрѣлища. Черезъ растворенную въ образную дверь виденъ былъ кивотъ съ горѣвшею предъ нимъ лампадою, и противъ, за аналоемъ, стояла черничка и протяжно на распѣвъ читала Псалтирь. „Улокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей, боярыни Варвары“ были первыя слова долетѣвшія до его слуха, и онъ молча опустился на колѣна. „Неужели это правда?“ спрашивалъ онъ себя, не довѣря еще ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Долго стоялъ онъ въ этомъ положеніи, не имѣя силъ ни перекреститься, ни сотворить молитву, неподвижно устремивъ свой недоумѣвающий взглядъ на стоявшую предъ нимъ псаломщицу. Наконецъ онъ очнулся; грустная дѣйствительность была слишкомъ очевидна, и положивъ три земные поклона, съ трудомъ поднялся онъ на ноги. Сзади его послышался шорохъ платья, онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: предъ нимъ стояла Власьева.

— Батюшка, Николай Степановичъ, отецъ ты нашъ родной, бросилась она къ нему, заливаясь горькими слезами и стараясь поймать и поцѣловать его руку.—Нѣтъ нашей матушки Варвары Степановны, покинула насъ; вчера только въ могилу опустили. И ждала ужъ она васъ, матушка, да не дождалась! И сколько она въ это время горя вынесла, сердечная!

Власьева, рыдая и всхлиывая, рассказала уже извѣстную намъ грустную исторію, добавивъ что посланный къ Николаю Степановичу нарочный, не найдя его у Трулиныхъ, только-что наканунѣ вернулся въ Круглое. Какъ раскаленное желѣзо жегъ его этотъ простодушный и правдивый разказъ: онъ ясно видѣлъ что былъ причиною смерти сестры. Болѣе ужасной пытки конечно нельзя было придумать. Онъ,

молча, выслушалъ его до конца, и пославъ за священникомъ, въ тяжело́мъ раздумьѣ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь только, оставшись наединѣ, могъ онъ сколько-нибудь сосредоточить свои мысли. Впрочемъ надо ему отдать справедливость: первая мысль его была не о себѣ; онъ исключительно думалъ о сестрѣ. Онъ живо представилъ себѣ то положеніе въ которое онъ поставилъ ее своимъ неожиданнымъ отъѣздомъ, присылкою за Сашей и наконецъ долгимъ невозвращеніемъ своимъ; онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми перилетіями тѣхъ мученій чрезъ которыя она должна была пройти; онъ прожилъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ ея мучительною жизнью, и сто разъ проклиналъ Курнакова и себя за то что послушался его безлутнаго совѣта.

Когда пришелъ священникъ и подалъ Николаю Степановичу письмо Варвары Степановны, онъ дрожавшею отъ волненія рукой сорвалъ печать, сначала наскоро пробѣжалъ его, потомъ перечелъ, и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ его. Въ этомъ не хитросплетенномъ письмѣ она выразилась вся съ ея заботами и поличеніями о немъ, съ ея теплою, преданною любовью. Она не только не упрекала его за нанесенную ей обиду; она даже не упоминала о ней, и лишь просила его простить ей.

Николай Степановичъ пожелалъ отслужить на могилѣ ланнихиду и отправился къ церкви. Тамъ за оградю, противъ алтаря, чернѣлась еще свѣжая, не занесенная свѣгомъ могила; въ ней лежали безжизненные остатки той которую онъ еще такъ недавно готовился поразить громовымъ, заранѣе приготовленнымъ случемъ, и которая вмѣсто всѣхъ возраженій и оправданій слала ему одни благословенія. Онъ лалъ ницъ предъ ея прахомъ.

Возвратясь домой, Николай Степановичъ погрузился въ нѣкое созерцаніе развертывавшейся предъ нимъ безотрадной картины будущаго. На первомъ планѣ стояла одуревающая скука ничѣмъ не занятой, безцѣльной жизни; затѣмъ слѣдовали сопряженные съ этою жизнью неудобства и лишенія; дальѣе необходимость знакомства съ совершенно новыми для него и крайне тягостными по характеру его заботами, и наконецъ, на заднемъ планѣ, мрачными красками рисовалась грустная картина немощной, безпомощной старости и одинокой кончины на рукахъ безучастной прислуги. И чѣмъ безутѣшнѣе представлялось ему его положеніе, тѣмъ яснѣе

вознавалъ онъ безсиліе свое самимъ собою выйти изъ него и устроитъ для себя новый домашній бытъ. Какъ хрупкое стекло разлетѣлось въ дребезги и его щелетальное самолюбіе, и онъ сразу понялъ все безличіе свое; онъ понялъ что онъ могъ жить и безлечно наслаждаться благами жизни лишь до тѣхъ поръ пока около него было существо которое думало за него и руководило имъ, и что безъ этого существа онъ не болѣе какъ подкладка безъ верха, какой-то ни на что не годный спорокъ.

„Что же я теперь стану дѣлать?“ спрашивалъ онъ себя, „Заняться хозяйствомъ—пробовалъ, не могу; вступитъ въ службу, куда? да ужъ и поздно; жениться—также время ушло: взять экономку, но держать ее по Курнаковски не въ моемъ характерѣ, дать ей волю, на какую нападешь, пожалуй еще самого со двора сгонить; шататься вѣкъ по чужимъ угламъ какъ прошатался этотъ мѣсяцъ, силъ не станетъ, да и шатанье это хорошо когда дома остался хозяинъ и когда знаешь что по возвращеніи домой тебя ожидаетъ теплый насыженный уголъ, заботы о тебѣ и попеченія. Передѣлать же самого себя сообразно съ обстоятельствами и думать нечего.“

Въ такомъ раздумьи провелъ онъ весь первый вечеръ, и не смотря на утомленіе заснулъ лишь уже далеко за полночь. „Утро вечера мудренѣе“, думалъ онъ. Настало и утро, и дѣйствительно оказалось еще мудренѣе вечера. Сколько ни ломалъ онъ себѣ голову, ничего придумать не могъ, и наконецъ, убѣдясь что чѣмъ больше думать тѣмъ было хуже, предоставилъ, какъ и всегда, разрѣшеніе волновавшихъ его вопросовъ теченію обстоятельствъ.

Къ девятому дню пріѣхала Трушина. Она, казалось, принимала живое участіе въ постигшемъ Николая Степановича горѣ, утѣшала его и даже предлагала ему ѣхать съ нею чтобы хотя сколько-нибудь развлечься; но онъ сказалъ ей что раньше сороковаго дня изъ дому не выѣдетъ, на что та и возражать не стала. По отѣздѣ ея, въ домѣ сдѣлалось еще скучнѣе: Николай Степановичъ короталъ время какъ могъ: ходилъ по нѣскольку разъ въ день въ образную слушать Псалтирь, прохаживался отъ нечего-дѣлать по хозяйству, но больше лежалъ у себя на диванѣ. Самое сообщество Тихона Федорова уже не развлекало его, и онъ тутъ лишь понималъ что подобные ему собесѣдники и скоморохи хороши лишь для того чтобы тѣшить праздную лѣнь; для человѣка же

занятаго, хотя бы только горемъ своимъ, они ни на что не нужная, обременительная челядь. Пріѣзжали къ нему въ эти скорбные дни и сосѣди, но соболѣзнованіями своими лишь наговяли на него еще болышую тоску. Онъ скучалъ пассивно и сидѣлъ у себя дома какъ бы въ карантинѣ, выжидая пока минетъ установленный санитарными законами срокъ.

— А вѣдь баринъ жить въ Кругломъ не станетъ, говорила пригорюнившись Власьевна Мировичу.

— Ну, не станетъ, отвѣчалъ Мировичъ.—Куда же ему дѣваться? Зимніе мѣсяцы какъ-нибудь промаячить; а какъ придетъ весна, да прилетитъ дичь, пошелъ себѣ полпрежнему съ Тихомъ Федоровымъ по степи бродить. Пожалуй и я на старости дѣтъ съ ними поллечусь.

Власьевна ничего не отвѣчала, но какъ-то недовѣрчиво качала головой.

Насталъ наконецъ и сороковой день. Отслужена была соборнѣ обѣдня съ панихидой. Послѣ обѣдни было въ домѣ какъ слѣдуетъ угощеніе для духовенства; выпита была и традиціонная чаша. Церковный причетъ по обыкновенію лодгулялъ: выпилъ съ нимъ съ горя и Николай Степановичъ. Когда же всѣ разошлись и въ домѣ настала мертвая тишина, „ну теперь шабашъ“, сказалъ онъ: „сколько ни мучиться, послѣзавтра же вѣду“.

На другой день, съ раняго утра, Мировичъ съ Васькой укладывали все нужное въ большой дорожный чемоданъ; пожогала имъ и Власьевна; Николай же Степановичъ занялся переборкою старыхъ бумагъ, откладывая изъ нихъ тѣ которыя считалъ болѣе серіозными.

— Куда же это вы, боярушка, отъ насъ опять уѣзжаете? спрашивалъ его Тихонъ Федоровъ.

— Горѣ мыкать, отрывисто отвѣчалъ Николай Степановичъ.

— И надоело?

— А вотъ когда пріѣду назадъ, тогда и скажу.

Видно было что разпросы эти были ему не поутру, можетъ-быть и потому что онъ самъ не зналъ что на нихъ отвѣтить. Онъ какъ и въ первый разъ уѣзжалъ безо всякой цѣли, лишь бы не оставаться дома.

Со смертію Варвары Степановны домашній бытъ его рушился, создать для себя новый онъ не былъ въ силахъ, и потому бѣжалъ куда глаза глядятъ лишь бы развлечься и хотя

на сколько-нибудь времени отдѣлаться отъ осаждавшихъ его думъ; онъ такъ-сказать бѣжалъ отъ самого себя. „Поѣду къ Трупинымъ, думалъ онъ;—а тамъ что Богъ дастъ“.

Весь этотъ день провелъ онъ въ лихорадочномъ волненіи. Вечеромъ когда пришли староста съ ключникомъ за приказаніями, онъ сказалъ имъ что на другой день уѣзжаетъ, можетъ-быть надолго, и строго-на-строго приказалъ имъ чтобы они неусыпно за всѣмъ надсматривали и чтобы все по хозяйству было въ порядкѣ. Подобныя же строгія, но въ сущности ничего не говорящія, приказанія отданы были и Мироньчу съ Власьевной; послѣдней кромѣ того приказано было горничныхъ дѣвушекъ распустить по домамъ.

На слѣдующее утро подѣхали къ крыльцу троечныя сани; Мироньчу съ Васькой вынесли и уложили въ нихъ чемоданъ, подушки, какіе-то узлы и кулечки. Тихонъ Ѳедоровъ молча слѣдилъ за всею этою операціей. Когда наконецъ всѣ сборы были окончены, Николай Степановичъ одѣтый по дорожному зашелъ въ послѣдній разъ помолиться въ образную, и надѣвъ шубу вышелъ на крыльцо.

На дворѣ ожидала его въ полномъ сборѣ вся дворня; съ заднего крыльца высыпали горничныя дѣвушки. Вышелъ за нимъ провожать его и Тихонъ Ѳедоровъ. Николай Степановичъ простился со всѣми по очереди, какъ бы предчувствуя что больше уже съ ними не увидится.

Власьева долго переминалась, желая, но не рѣшаясь что-то сказать.

— Надолго, батюшка, вы насъ покидаете? наконецъ, осмѣлившись, спросила она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Я и самъ не знаю, отвѣтилъ Николай Степановичъ и сѣлъ въ сани.

Лошади тронулись, звякнувъ и загремѣвъ колокольчикъ. „Ей вы, съ Богомъ!“ крикнулъ Кондратій, и сани, подпрыгнувъ два раза на ухабахъ, выѣхали за ворота.

Долго еще Мироньчу съ Власьевной стояли на крыльцѣ, провожая ихъ глазами. Но вотъ они заѣхали за поселокъ,—вскорѣ смолокъ и колокольчикъ, и лишь минутъ черезъ десять вдаль по дорогѣ показалась удалявшаяся черная точка.

Молча переглянулись бездомные старики.

V.

Лѣтъ пять спустя пришлось мнѣ проѣзжать черезъ Круглое. Я уже давно зналъ о смерти Варвары Степановны; зналъ и о томъ что Николай Степановичъ продалъ имѣніе какому-то купцу, переселилъ крестьянъ куда-то за Волгу; но мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на такъ хорошо знакомый мнѣ домъ, съ которымъ связано было столько всегда дорогихъ сердцу воспоминаній дѣтства. Когда еще издали увидалъ я покачнувшуюся на бокъ колокольную и почернѣлую крышу старой приходской церкви, сердце мое сжалось; но что стало со мной, когда, подѣхавъ ближе, я увидалъ, вмѣсто знакомой мнѣ господской усадьбы, окруженной дворовыми службами, голый лустырь; самые валы и каналы, окружавшіе ее, осыпались и почти сравнялись съ землею. Лишь груды мусора, да заросшія крапивою и татарникомъ ямы, указывали на мѣсто гдѣ нѣкогда стояли домъ и прочія строенія; кое-гдѣ еще торчали забытыя, ни на что негодныя, корявыя ветлы, да мѣстами возвышались зелеными холмиками отпырнувшіе отъ старыхъ корней молодые побѣги сирени. Не пощадилъ кулець и сада: всѣ деревья были выколаны или вырублены, и удѣлавшіе еще мѣстами они придавали ему какой-то особенно грустный видъ.

Желая узнать что-нибудь подробнѣе о бывшихъ обитателяхъ этого лустыря, я велѣлъ ямщику подѣхать къ дому Тихона Федорова. Старикъ сидѣлъ на своемъ любимомъ мѣстѣ на крыльцѣ; я еще издали узналъ его, хотя онъ, съ того времени какъ я его видѣлъ, страшно измѣнился: борода его была совершенно сѣдая, сидѣлъ онъ какъ-то сторбившись и во взглядѣ его уже не было прежней бодрости и самоуверенности. Онъ сначала не узналъ меня и долго всматривался. „О! да это вы, господушко“, сказалъ онъ наконецъ, назвавъ меня по имени. Послѣ нѣсколькихъ словъ обычныхъ пріѣтствій я просилъ его удовлетворить моему любопытству.

— Варвара Степановна Богу душу отдала, сказалъ онъ своею неизмѣнною октавою, — а о Николаѣ Степановичѣ вѣрнаго ничего сказать вамъ не умѣю. Теплое гнѣздышко свое продалъ, и теперь скитается по чужимъ угламъ. Прошлою

осенью о Казанской видѣли его наши православные въ городѣ на ярмаркѣ: ходитъ, говорятъ, по конной съ какимъ-то барышникомъ; лошадь вишь себя покупаетъ. Да больно ужъ, говорятъ, зашибать сталь.

— Какъ! лить началъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Чтò жъ, онъ и прежде былъ не прочь, да при покойницѣ воздерживался; а теперь съ горя, да на свободѣ...—И Тихонъ Федоровъ махнулъ рукою.

— Чтò же вы его не провѣдаете? Вѣдь вы были когда-то приятели.

— Ну какіе мы могли быть приятели: лѣтшій конному не товарищъ. Свели насъ ястреба да перепела, а лучше всего безюдье; а теперь тамъ и безъ меня найдеть себя компанію. А вотъ на томъ свѣтѣ всѣ свидимся, добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— А Власьева жива?

— Жива, и Миронычъ живъ. Власьева въ нянькахъ у Курдюмовскаго управляющаго, а Миронычъ ковыряетъ сапоги, да третъ табакъ; тѣмъ себя пока есть силы да глаза пропитываетъ. Разбрелцъ всѣ по разнымъ угламъ, словно тараканы. Мы таки кое-когда сталкиваемся; нѣтъ, нѣтъ, да и на старую усадьбу сходимъ.

— Чтò же вы тамъ дѣлаете?

— А чтò тамъ дѣлать? Придемъ, посидимъ, посидимъ да и разоидемся. Да; кабы покойница была жива, жить бы имъ вмѣстѣ по гробъ жизни и леги бы оба рядомъ у храма Божія, гдѣ и отцы и дѣды ихъ упокоиваются.

Тихонъ Федоровъ предложилъ мнѣ сходить поклониться праху Варвары Степановны. Церковь была въ нѣсколькихъ шагахъ, и я охотно согласился. Когда мы переступили за церковную ограду, меня поразилъ видъ всеобщаго запустѣнія. Колокольня, какъ я уже сказалъ, покачнулася на бокъ, лапоть обвалилася, крыша надъ тралезою повисла и грозила разрушеніемъ, самая церковь казалось вросла въ землю. Молодые, посаженныя Варварой Степановной березки, оставленныя безъ ухода, зачахли и высохли; дорожка шедшая вдоль ограды, нѣкогда тщательно расчищаемая и усыпаяемая пескомъ, заросла травой и бурьяномъ. Мы съ трудомъ пробрались между сплошною крапивою и татарникомъ.

— Ну гдѣ же ему о насъ помнитъ, когда прахъ сестры своей забылъ, сказалъ Тихонъ Федоровъ, остановясь предъ

обложенною дерномъ могилой со стоявшимъ надъ ней простымъ деревяннымъ крестомъ.—О сию пору ламятника никакого не поставитъ. Улокой Господи душу усопшей рабы Твоей Варвары, произнесъ онъ въ полголоса, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.—Ну вотъ вамъ и все тутъ, заключилъ онъ послѣ недолгаго молчанія. И въ этихъ нѣсколькихъ глубоко прочувствованныхъ словахъ было больше богословія и философіи, а пожалуй и риторики, нежели въ витиеватыхъ надгробныхъ рѣчахъ произносимыхъ академическими риторамъ и проповѣдниками. — А вотъ и для него было бы здѣсь покойное мѣстечко, добавилъ онъ, указывая на оставшееся рядомъ съ могилой Варвары Степановны пустое мѣсто. — Ну да коли ужъ родительскій прахъ продакъ, такъ стало-быть ему все равно гдѣ ни лежать. Я ужъ просилъ отца Стефана чтобы меня здѣсь положили. Вмѣстѣ вѣкъ свѣковали, вмѣстѣ дождемся и Суда Страшнаго.

Голосъ его дрожалъ и изъ глазъ готовы были брызнуть слезы.

Грустно было мнѣ разстаться съ добрымъ старикомъ....

Н. Ч.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВОЕННАГО ВРАЧА ВЪ КРЫМСКУЮ КАМПАНИЮ

Почти семнадцать лѣтъ прошло со времени присволамятной Крымской эпохи; собираются факты, колятся матеріалы, чтобы дать исторіи возможность сказать о великомъ событіи правдивое слово. Выросло уже новое поколѣніе, въ глазахъ котораго эпизоды поучительной эпохи представляются въ видѣ лѣтописныхъ фактовъ, подлежащихъ хладнокровному обсужденію, допускающихъ такой или иной выводъ. Но въ памяти современниковъ соприкасавшихся съ событіями до сихъ поръ еще живы картины скорбныхъ событій словно вчера только они сошли со сцены. Для тѣхъ свидѣтелей которые не записывали своихъ наблюденій могли исчезнуть изъ памяти имена, названія, числа и вообще точныя подробности; но лица, мѣстности, сцены, вѣзались неизгладимыми чертами и навсегда оставили по себѣ цѣльное, живучее впечатлѣніе.

На мою долю пришлось видѣть, да и то въ немногихъ эпизодахъ, самую непривлекательную сторону кампаніи, такъ сказать домашнюю, будничную, закулисную иди, по мѣткому слову *Военнаго Сборника* 1858 года, изнанку войны—и господствующимъ тономъ вынесеннаго мною впечатлѣнія была и есть глубокая подавляющая скорбь. Двадцатидвухлѣтній юноша, еще не знакомый съ практическою жизнью, я выступилъ

на житейское поприще со свѣтлыми вѣрованіями и стремленіями къ добру и общественной пользѣ. Мнѣ казалось что на каждомъ шагѣ я встрѣчу такихъ же людей какимъ я самъ себя казался, то-есть людей для которыхъ не существуютъ личные интересы, готовыхъ каждую минуту для общественнаго блага на беззапятное самопожертвованіе. Я вынесъ съ университетской скамейки крѣпкую вѣру въ безусловную гражданскую доблесть русскаго человѣка и несокрушимость русскаго оружія. Но многое изъ того что я на первыхъ же порахъ увидѣлъ представляло въ совокупности такія печальныя явленія которыя діаметрально становились въ разрѣзъ моему тогдашнему розовому настроенію, и безплодно козобали ясное, юношески-чистое міровоззрѣніе. вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ возможность наглядно убѣдиться что если русскій человѣкъ, повинувся долгу и присягѣ, умѣлъ безстрашно умирать осылаемый на редутахъ и бастионахъ Севастополя градомъ смертоносныхъ снарядовъ, то онъ умѣлъ также безропотно и сточически-терпѣливо выносить самыя ужасныя страданія, когда судьба перебрасывала его съ боевой линіи въ госпиталь.

Живо представляется мнѣ тотъ Симферополь какой я наблюдалъ лѣтомъ 1855 года. На немъ лежалъ типичный госпитальный отпечатокъ; даже въ воздухѣ ощущался запахъ госпиталя. Рѣдкій домъ не былъ занятъ больными и ранеными. Идешь бывало по улицѣ и безпрестанно натыкаешься на сцены напоминающія госпиталь: то тянется похоронная процессія, то медленно движется транспортъ съ сѣрыми, страдальческими фizioноміями раненыхъ солдатъ, ввозимыхъ въ городъ по тракту отъ Севастополя, или вывозимыхъ изъ города, то по тротуару плетутся ковалесценты-офицеры, въ формѣ всевозможныхъ полковъ и командъ, и моряки—кто съ обитованною головою, кто на деревяшкѣ, кто съ подвязанною рукой. Два обширные офицерскіе госпиталя, въ домѣ Мейера и въ такъ-называемомъ Благородномъ Пансіонѣ, а также офицерское отдѣленіе въ постоянномъ или, какъ его называли, главномъ госпиталѣ,—были постоянно переполнены офицерами. Тогда ходила въ Симферополь молва что въ числѣ дѣйствительно больныхъ и раненыхъ офицеровъ скопившихся въ городѣ будто бы отсиживались на госпитальномъ хлѣбѣ и нѣкоторые такіе господа, преимущественно польскаго происхожденія, которые могли бы безъ малѣйшаго ущерба

своему здоровью отправиться въ свои дѣйствующія части; но они, по словамъ молвы, не ощущали въ себѣ внутренняго побужденія рисковать для русскаго отечества своею жизнію и всякими неправдами держались подалеже отъ театра войны. И дѣйствительно, польскій говоръ тогда не въ рѣдкость было слышать по городу. Я не могу забыть того негодовація которымъ заводилось мое юное сердце, когда одинъ разъ, закусивъ вечеромъ въ одномъ изъ трактировъ, я заглянул случайно въ боковую комнату и увидѣлъ горячую игру въ штоссъ. Усталыя физиономіи игроковъ, густо накуренная атмосфера, множество разорванныхъ картъ валявшихся по-полу, все это показывало что забава идетъ уже давно. Банкометъ, комиссаріатскій чиновникъ, возбужденный несчастливою игрой, красный какъ испеченный ракъ, получавшій бытъ-можетъ какихъ-нибудь рублей триста жалованья въ годъ, вынималъ толстыя пачки ассигнацій одну за другою и судорожнымъ движеніемъ пальцевъ, украшенныхъ драгоценными камнями, металъ банкъ, а человекъ десять понтѣровъ, между которыми на половину были съ подвязанными руками, последовательно срывали крульные куши. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ банкомету со слѣдующею польскою фразой: „Ну, братъ, бьютъ же тебя какъ нашихъ подъ Севастополемъ!“ Тонъ какимъ произнесены были эти слова не оставлялъ во мнѣ никакого сомнѣнія въ очевидномъ злорадствѣ этого Поляка неуслѣху нашего оружія. Я зналъ въ госпиталѣ одного набожнаго офицера-католика, который, имѣя правую руку на перевязи, каждый вечеръ становился въ уголъ и нащелтывая молитвы ударялъ себя въ грудь и крестился лѣвою рукой; но, будучи вспыльчиваго характера, приходилъ въ ярость отъ каждой неловкости своего деньщика, и въ такой моментъ, въ полной забывчивости, мгновенно выхватывалъ правую руку изъ чернаго платка и вѣлпалъ такую здоровую затрепину несчастному солдату что тотъ едва удерживался на ногахъ.

Конечно, принимались различныя мѣры къ тому чтобы отлынивающихъ господъ обращать къ дѣлу; наѣзжали флигель-адъютанты и разные ревизоры, осматривали госпитали, спрашивали пациентовъ. Однимъ, страдальцамъ и бѣднякамъ, оказывали вспоможенія и поощренія; другихъ, притворявшихся немощными, вытѣсняли, сообщая съ госпитальнымъ начальствомъ, въ свои полки. Но люди задавшіеся мыслию

сохранить себя въ цѣлости отъ непріятельскихъ пуль и бомбъ легко находили случаи снова пріютиться подъ госпитальнымъ кровомъ; для этого нужно было только подождать и упорнѣе осылаться на лихорадку, кишечное разстройство, боль въ зажившей ранѣ и т. п., и плачь отгваливанья осуществлялся. Врачамъ, заваленнымъ въ то время неустанною работою, было не до того чтобъ обращать особенное вниманіе на отдѣльныхъ лицъ и для изобличенія притворства подвергать ихъ продолжительному и тщательному наблюденію и изслѣдованію. Да это и не всегда было удобно для врачей по многимъ причинамъ. Мнѣ самому случалось быть очевидцемъ тѣхъ оборотовъ при помощи которыхъ люди безъ самолюбія и чести, какъ прискорбныя и, къ счастью, рѣдкія исключенія изъ общаго доблестнаго цѣлаго, — уклонялись отъ службы. По распоряженію бывшего генералъ-штабъ-доктора Крымской арміи Шрейбера, я былъ командированъ въ ноябрѣ 1855 года въ 7ю лѣхотную резервную дивизію, расположенную, по словамъ полученнаго мною предписанія, на Бельбекѣ. Съ большимъ трудомъ добравшись, по недостатку лошадей, до Бельбекской станціи, я застрялъ здѣсь на цѣлыя сутки, въ томительномъ ожиданіи очередныхъ лошадей которыя свезли бы меня къ мѣсту расположенія дивизіи. По станціонной комнатѣ задумчиво шагала молодой лѣхотный офицеръ, очевидно поглощенный какою-то неотвязною мыслию. Слово за словомъ я узналъ что офицеръ этотъ тоже ѣдетъ на Бельбекъ, „на позицію“, по техническому выраженію; но отъ предложенія моего ѣхать вмѣстѣ онъ рѣшительно отказался, подѣ тѣмъ предлогомъ что его удерживаютъ еще здѣсь на станціи нѣкоторыя дѣла. Когда по порядку подошла моя очередь на почтовую тележку съ парой лошадей, я отправился на позицію одинъ; но тамъ уже не засталъ своей дивизіи. Сказывали что для четыре назадъ она съехала съ мѣста и ушла, но куда—неизвѣстно. Нечего дѣлать, пришлось ѣхать для наведенія справокъ дальше въ главную квартиру, расположенную въ то время въ Орто-Каралесѣ, татарской деревушкѣ. Тамъ узналъ я что 7я резервная дивизія направлена чрезъ Симферополь въ восточную часть Крыма, на позицію при селеніи Братскомъ, между Керчью и Феодосіей и, слѣдовательно, подвигалась ко мнѣ встрѣчнымъ путемъ. При этомъ, въ главнѣйшей квартирѣ дали мнѣ порядочный вагонякъ: зачѣмъ я молъ

не встрѣтилъ на пути искомую дивизію и не присоединился къ ней,—хотя произошло это безъ всякой вины съ моей стороны, такъ какъ дивизія двигалась къ Симферополю не почтовымъ, но проселочнымъ трактомъ, вслѣдствіе чего я и разминулся съ нею. Когда я возвратился на Бельбекскую станцію, лѣхотный офицеръ былъ еще тамъ; онъ очень обрадовался узнавъ что я ѣду назадъ въ Симферополь, въ догонку за дивизіей.

— Видите ли, любезный докторъ, сказалъ онъ,—мнѣ необходимо добраться до Симферополя, а денегъ у меня нѣтъ ни копѣйки. Окажите мнѣ товарищескую услугу, доведите до мѣста, а я вамъ, тотчасъ по пріѣздѣ, возвращу все что вы на меня издержите.

— Да почему же вы не ѣдете въ полкъ? полюбопытствовалъ я.—Онъ отсюда такъ близко; тамъ легко вамъ будетъ разжиться деньгами, а я могу ссудить васъ нѣсколькими рублями чтобы заллатить прогоны.

— Не могу ѣхать въ полкъ, я боленъ, отвѣтилъ офицеръ рѣшительно.—Четвертаго дня меня выписали изъ Симферопольскаго госпитала, а теперь я опять чувствую что у меня болѣзнь открылась въ горлѣ.

На мое предложеніе осмотрѣть горло, офицеръ наотрѣзъ отказался и продолжалъ настаивать чтобы я взялъ его съ собою, увѣряя что у полковаго товарища, находящагося въ госпиталѣ, хранятся 200 рублей его собственныхъ денегъ, изъ которыхъ онъ немедленно возвратитъ долгъ; а въ противномъ случаѣ, онъ пойдетъ пѣшкомъ въ Симферополь. Хотя у меня самого денегъ было въ обрѣзъ, всего съ десятокъ рублей, но я взялъ на свое полеченіе офицера, возбуждавшаго мое участіе, довелъ его до мѣста и, кромѣ того, продовольствовалъ въ теченіе двухъ дней нашей медленной поѣздки. Въ Симферополѣ полутчикъ мой тотчасъ исчезъ изъ квартиры моего товарища, у котораго я остановился, и съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ. Въ надеждѣ возвратитъ свои пять рублей—единственный фондъ на который я могъ пуститься въ дальнѣйшій путь, я лобывалъ во всѣхъ офицерскихъ госпиталяхъ, но должника моего тамъ не оказалось. Я узналъ только отъ главнаго доктора одного изъ офицерскихъ госпиталей что мой должникъ, съ недѣлю назадъ, противъ воли, былъ выписанъ въ полкъ совершенно здоровый, что онъ, подъ разными

предлогами, постоянно возвращается въ госпиталь, и что госпитальное начальство ума не приложить какъ ему на будущее время отдѣлываться отъ неотвязнаго лаціента, въ виду вѣроятнаго возвращенія его вновь подъ сѣнь госпитальныхъ ланатовъ. Таковы-то были печальныя исключенія въ корпорации нашихъ офицеровъ, самоотверженно шедшихъ на смерть вездѣ гдѣ того требовали служебная дисциплина и воинская честь. Тѣмъ рѣзче бросались въ глаза подобныя исключенія что большинство офицеровъ рвалось изъ госпиталей въ бой прежде чѣмъ успѣвали зажить ихъ раны, такъ что врачамъ, по долгу совѣсти, приходилось удерживать нетерпѣливыхъ героевъ настоятельными убѣжденіями до восстановленія ихъ физическихъ силъ.

Ходили слухи что офицеровъ польскаго происхожденія избывавшихъ боевыхъ случайностей очень часто можно было встрѣчать на разныхъ телленкихъ мѣстахъ, напримѣръ въ должностяхъ смотрителей или комиссаровъ госпиталей, комиссаріатскихъ поставщиковъ, транспортныхъ начальниковъ и т. п., гдѣ можно было, при тогдашнихъ порядкахъ, быстро и жирно разжиться на счетъ многострадальной казны. Вообще, противъ Поляковъ замѣчалось въ симферопольскихъ толкахъ какое-то раздраженіе. Ихъ обвиняли даже въ изменѣ, и ей-то приписывали многія наши неудачи; разказывали, напримѣръ, что планъ нашего наступленія чрезъ Черную Рѣчку 4го августа будто бы заблаговременно былъ сообщенъ Полякомъ въ непріятельскій лагерь и будто бы только вслѣдствіе того Англо-Французы встрѣтили насъ на разсвѣтѣ этого дня совершенно готовые и съ громадными силами. Что это намѣреніе наше было заранѣе извѣстно непріятелю, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но врядъ ли можно обвинять какого-нибудь единичнаго переметчика въ передачу этого плана, такъ какъ онъ, почему-то, ни для кого не составлялъ тайны, и о немъ даже въ Симферополѣ всѣ говорили недѣли за двѣ до 4го августа. Весьма возможно что этими толками воспользовались, во вредъ намъ даже Татары, враждебно тогда настроенные противъ насъ. Во всякомъ случаѣ, передавая тогдашніе слухи о Полякахъ, считаю долгомъ оговориться что я самъ, въ качествѣ врача, чрезъ руки котораго прошли тысячи раненыхъ, видѣлъ множество офицеровъ-Поляковъ, израненныхъ и изувѣченныхъ, которые своими страданіями краснорѣчиво свидѣтельствовали

что тѣмъ тогдашнихъ нареканій не могла ложиться по крайней мѣрѣ огуломъ на воиновъ офицеровъ польскаго происхожденія а безпристрастная исторія внесла на свои страницы не мало героевъ изъ числа офицеровъ-Поляковъ, покрывшихъ себя въ Севастополѣ безсмертною славой.

Въ то же время, какъ очевидецъ симферопольскихъ госпитальныхъ порядковъ, не могу не заявить что тогдашній говоръ о Полякахъ имѣлъ свою долю правды по отношенію къ хозяйственной госпитальной администраціи. Инспекторъ госпиталей въ Симферополѣ былъ генералъ Остроградскій (нынѣ умершій), человекъ энергическій, дѣятельный и въ высшей степени честный. Онъ поставилъ себѣ задачей наблюсти чтобы самая послѣдняя кроха назначенная больному или раненому солдату непременно доходила по назначенію. Онъ хвалился что всякое дѣло поступившее въ его канцелярію послѣ восхода солнца неупустительно рѣшается у него до солнечнаго захода. И дѣйствительно, генералъ Остроградскій, по своей неутомимой дѣятельности и высокой нравственности, былъ феноменъ въ Крымскую эпоху, при тогдашнемъ упадкѣ общественной чести. Къ сожалѣнію, этотъ благонамѣренный начальникъ ничего не могъ одѣлать существенно-хорошаго, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ тою сложною госпитальною машиною которая была вѣрена его надзору. Пріѣдетъ бывало въ какой-нибудь госпиталь, шумить, кого посадить подъ арестъ, кого распечатать на обѣ корки и увидеть дальше, а въ хозяйствѣ госпиталя все идетъ по-старому. Такимъ образомъ, этотъ честный и энергическій дѣятель дальше благихъ желаній не пошелъ. На бѣду, къ нему вошелъ въ довѣріе одинъ комиссаріатскій чиновникъ изъ Поляковъ, состоявшій при немъ по его званію инспектора госпиталей. Это былъ весьма тонкій и опытный дѣлецъ, искусившійся по части госпитальной махинаціи и привыкшій выжимать въ свою пользу сокъ изъ всего что только подлежало его манипуляціи. Хотя назначеніе чиновъ на хозяйственно-госпитальныя должности въ Симферополѣ принадлежало de jure усмотрѣнію Остроградскаго, но зависѣло вполнѣ отъ этого чиновника, который отдавалъ эти доходы въ то время мѣста тому кто больше платилъ. При одинаковыхъ же денежныхъ шансахъ, предпочтеніе всегда отдавалось Поляку. Какимъ образомъ этотъ господинъ умѣлъ отводить глаза своему начальнику и пользоваться имъ для

своихъ цѣлей, это для меня совершенно неслостижимо; во всякомъ случаѣ, самъ-то Остроградскій, эта прямая русская душа, былъ тутъ не при чемъ и служилъ только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкаго совѣтника. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, никогда не воображалъ что его именемъ дѣлаются разныя злоупотребленія, противъ которыхъ онъ горячо и чисточеречно ратовалъ на словахъ, и совѣсть его, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, оставалась чистою. Смотритель одного изъ военно-временныхъ госпиталей, бѣжавшій въ 1856 году съ крушною суммою казенныхъ денегъ за границу, былъ такой отвѣренный плутъ и такой нерадивый и неспособный служака что даже самъ Остроградскій не могъ не замѣтить въ немъ его отрицательныхъ качествъ и жестоко преслѣдовалъ его. Но тѣмъ не менѣе, смотритель продолжалъ крѣпко сидѣть на своемъ мѣстѣ потому, во первыхъ, что платилъ крупную дань своему патрону, а во вторыхъ потому что, какъ Полякъ, пользовался особеннымъ его покровительствомъ. Смотритель былъ женатъ на Француженкѣ, и въ то время когда крошечная конурка въ Симферополѣ была почти недоступна для бѣднаго офицера или врача, по необыкновенно высокимъ цѣнамъ на квартиры, онъ занималъ для своей жены хорошенькую загородную дачу и держалъ лошадей. Когда бывало Остроградскій во время осмотра госпиталя накричитъ по поводу какого-либо мелкаго безпорядка въ лабатахъ, на примѣръ, если замѣтитъ что трудному больному, вмѣсто назначеннаго сула, принесли щей, если у кого-нибудь не окажется вооы въ кружкѣ или ладата не подметена, то первымъ дѣломъ бывало требуетъ къ себѣ смотрителя, а когда скажутъ что смотрителя нѣтъ дома, то посылаетъ казака прямо къ нему на дачу и приказываетъ тащить къ себѣ, а самъ толкается по обширному госпиталю, пока не представитъ предъ нимъ виновный. Тутъ обыкновенно поднималась цѣлая буря, оканчивавшаяся иногда арестомъ смотрителя, а одинъ разъ, въ моемъ присутствіи, Остроградскій рѣшительно объявилъ что завтра же выгнать его изъ госпитальной службы. А смотритель и ухомъ не ведетъ. „Экъ расплѣтушился, словно и впрямь дѣло дѣлаеть“, говоритъ ему вслѣдъ смотритель, да еще въ насмѣшку свистнеть по направленію отъѣзжающихъ генеральскихъ дрожекъ. Не откладывая долго бѣжитъ онъ бывало къ своему покровителю, и уже всѣ мы напередъ знали что ничего особеннаго со смотрителемъ не случится. Дѣйствитель-

но, даже и послѣ категорическаго приговора „арміи поручикъ“ оставался цѣлъ и невредимъ на своемъ мѣстѣ.

Изъ всѣхъ дѣятелей Крымской кампаніи, подвизавшихся такъ-сказать на заднемъ планѣ кровавой сцены, самая тяжелая участь выпала на долю военныхъ врачей, которые выносили на своихъ плечахъ чрезмѣрные физическіе труды и претерпѣвали мучительныя нравственныя пытки, будучи поставлены въ полную невозможность какъ управляться съ громадною массою раненыхъ, такъ и успѣшно бороться съ усиленною болѣзненностію въ арміи, вслѣдствіе крайне невыгодныхъ гигиеническихъ условій въ которыхъ находились тогда наши войска и госпитали. По крайней мѣрѣ я лично, при моеѣ юношеской воспріимчивости и врачебной необстрѣленности, положительно изнывалъ подъ гнетомъ болѣзненныхъ впечатлѣній ежеминутно испытываемыхъ въ виду раздирающихъ картинъ сверхъестественныхъ человѣческихъ страданій, съ которыми приходилось вѣдаться съ утра до ночи, безъ перерыва, безъ облегченія. Неоднократно мнѣ приходилось слышать отъ людей закаленныхъ въ бою, много разъ встрѣчавшихся лицомъ къ лицу со смертію, что, на ихъ глаза, ужасы войны бѣдѣють предъ тѣми которые начинаются за линіей боя, тамъ гдѣ скопляются массы изувѣченныхъ людей, гдѣ струится кровь и слышатся предсмертные стоны. Дѣйствительно, нужно имѣть крѣпкіе нервы или искусственно притупить свои чувства продолжительною привычкою чтобы хладнокровно выносить подобныя зрѣлища. Въ эту минуту на врача переносятся единственныя, послѣднія улованія страдальцевъ, и какъ часто я былъ подаваемъ тяжелымъ сознаніемъ своего безсилія не только сласти жизнь, но и облегчить страданія тѣмъ несчастнымъ раны которыхъ, по своей обширности и важности, исключали всякую возможность успѣшной помощи, оставляя человѣческому искусству пассивную роль у постели умирающихъ. Боже мой, какъ много желалось и какъ мало приходилось дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ!

Въ числѣ причинъ усугублявшихъ страданія нашихъ солдатъ остававшихся позади боеваго полприща за ранами и болѣзнями, едва ли не первое мѣсто занимало то улущеніе что средства какими располагало военное вѣдомство для успокоенія и врачеванія страждущихъ воиновъ далеко не соответствовали громадности требованій. Недоставало помѣщеній,

бѣлья, корпіи и бивтовъ, прислуги, врачей и даже дѣкарствъ. Отъ этого, въ ограниченныхъ пространствахъ, скопилось громадное число пациентовъ, которые зачастую оставались по вѣскольку дней одѣтыми въ шинеляхъ и бѣльѣ въ которомъ они находились въ бою; одежда эта, присыхая къ не перевязаннымъ или только кое-какъ и кое-чѣмъ перевязаннымъ ранамъ, впитывала въ себя гнойныя выдѣленія, губительно вліявшія на людей своими испареніями; кромѣ того, вслѣдствіе ежедневной прибыли раненыхъ, этимъ несчастнымъ не было успокоенія, потому что, для очищенія мѣстъ, ихъ безпрерывно нужно было тащить изъ одного города въ другой, причемъ ивогда уже не приходилось разбираться кто можетъ и кто не можетъ перенести транспортровку. Такимъ образомъ, не рѣдко были отправляемы изъ Симферополя и такіе кругомъ израненные и истощенные пациенты для которыхъ ѣзда была гибельна и которымъ малѣйшее движеніе было невыносимо болѣзненно. Человеку не испытывавшему ничего подобнаго невозможно и приблизительно представить себѣ какія муки долженъ былъ испытывать такой страдалецъ во время дорожной тряски въ простой телѣгѣ, по грунтовымъ дорогамъ, да кромѣ того при переноскахъ, во время ночлеговъ, изъ телѣги въ избу и обратно въ телѣгу. Однакожь и при частыхъ и неразборчивыхъ транспортировкахъ людей въ дальнѣйшіе пункты отъ театра войны, были моменты, обыкновенно вслѣдъ за усиленными бомбардировками Севастополя, когда въ одномъ Симферополѣ набиралось до 50.000 раненыхъ. Подвозы сюда больныхъ и раненыхъ изъ Севастополя и Бахчисарая, въ большемъ или меньшемъ числѣ, производились безостановочно, обыкновенно два два въ недѣлю и чаще. Такіе транспорты всегда приходили въ Симферополь въ вечеру, и тогда въ госпитальномъ мѣрѣ поднималась возня и суета, а для врачей, фельдшеровъ и служителей наступала тяжкая ночная работа. Прежде всего представлялся капитальный вопросъ: куда дѣвать пациентовъ, какъ разместить ихъ? Иной госпиталь, открытый примѣрно на 1.000 человекъ и слабѣнный соответственнымъ количествомъ постелей, бѣлья и прочихъ вещей, весь наподвѣвъ пациентами, при чемъ на каждого приходится воздуха менѣе чѣмъ $\frac{1}{2}$ квадратной сажени; а изъ привезеннаго транспорта требуется помѣстить въ томъ же госпиталѣ еще 1.000 человекъ. Тогда бѣдныхъ солдатиковъ

тѣснѣе на нарахъ столь плотно что они лежатъ вытянутые какъ бревна, не имѣя возможности даже согнуть ногу; а ночью, во снѣ, непроизвольно толкаютъ другъ друга въ раненыя мѣста, отъ чего въ теченіе ночи очень часто вырываются изъ разныхъ угловъ глухіе стоны; остальныхъ же, не умѣотившихся на нарахъ, клали просто на полу, такъ что во время визитацій трудно было пробираться по палатамъ, и затѣмъ, въ сараяхъ, даже подъ какимъ-нибудь навѣсомъ, если таковой отыскивался на дворѣ при госпиталѣ. Постелью въ такихъ случаяхъ служила солома, да и то въ орудномъ количествѣ. Были такія отдѣленія военно-временныхъ госпиталей гдѣ ни кроватей, ни наръ вовсе не было и въ заводѣ, а больные и раненые располагались всѣ на полу густыми рядами.

Обыкновенно переноска прибывшихъ гостей изъ тѣлѣтъ въ госпиталь продолжалась часа три-четыре, за неимѣніемъ достаточнаго числа прислуги. Тѣ раненые которымъ служили ноги и хоть одна рука сами помогали своимъ слабѣющимъ товарищамъ; за то къ иному изувѣченному нужно было отражать человѣка по четыре прислуги, и когда носильщики принимались за него, то лишь раздавался слабый страдальческій голосъ: „Ой, братцы, полегче, пожалуста полегче“. И каждый немоцной не только терпѣливо и безропотно, но большею частію безмолвно подчинялся своему скорбному положенію.

Бывало, когда уляжется первая суматоха,—обыкновенно уже съ наступленіемъ сумерекъ,—начинается осмотръ и перевязка ранъ. Зажигаются саевныя свѣчки, приносятся нѣсколько ведеръ воды, для отмачиванія повязокъ и промыванія ранъ, мѣдные тазы, для собиранія снятыхъ и пропитанныхъ выдѣленіями перевязокъ, куча корпіи и компресовъ, бинты, употребительнѣйшія примочки, и начинается работа. Въ послѣдствіи, когда мои чувства нѣсколько притупились къ зрѣлищу истерзаныхъ человѣческихъ тѣлъ, я сдѣлался выносливѣе въ подобныхъ занятіяхъ. Но первое время моей врачебной дѣятельности я положительно изнемогалъ не столько отъ физическаго напряженія, сколько отъ подавляющихъ впечатлѣній производимыхъ на меня массой изрѣзанныхъ, изстрѣляемыхъ, поломанныхъ, изуродованныхъ людей, и положеніе мое представлялось мнѣ тѣмъ невыносимѣе что, казалось, веренищъ скорбныхъ картинъ не было конца. Къ этому же первому

времени моей службы относятся самыя живыя воспоминанія, неизгладимо вѣзавшіяся въ мою память. Нѣкоторыхъ пациентовъ моей первоначальной практики я такъ отчетливо вижу моими умственными очами какъ будто они въ действительности находятся теперь предо мной. Живо помню одного страшно изувѣченнаго солдата прибывшаго съ транспортомъ изъ Севастополя и отданнаго, въ числѣ прочихъ, на мое попеченіе. Когда я, еще новичокъ въ своей профессіи, приступилъ къ его осмотру, меня прояла нервическая дрожь, и я дрожащими руками сталъ разбинтовывать его голову. Фельдшеръ держалъ наготовѣ перевязочныя припасы, а служитель, съ равнодушною физиономіей и отупѣвшимъ взоромъ, освѣщалъ салвынымъ огаркомъ страдальца, который сидѣлъ на нарѣ, поддерживаясь правою рукою и не выпуская ни одного стона, ни вздоха. Физиономія у него была красная, глаза на выкатѣ, голова обожжена, щеки прострѣлены, вслѣдствіе чего нижняя челюсть была парализована и, безъ поддержки бинта, отвисла по физической тяжести, лѣвая нога была раздроблена, лѣвая рука переломлена, да еще на различныхъ частяхъ тѣла оказалось до десяти штыковыхъ и ружейныхъ ранъ. Перевязавъ раны и наложивъ на разбитыя конечности неподвижныя повязки, я напоилъ его, посредствомъ трубочки, виномъ, послѣ чего онъ успокоился и притихъ, словно въ тѣлѣ его не было нервовъ и онъ словно не ощущалъ жгучихъ страданій. Въ послѣдствіи я видѣлъ еще большія уродованія человеческихъ тѣлъ, но при этомъ испытывалъ уже менѣ потрясеній чѣмъ въ этотъ первый разъ. Въ описываемую роковую ночь я провозился въ госпиталѣ далеко за полночь, да еще на другой день, чтобы не упустить благопріятнаго для раненыхъ перваго періода, долженъ былъ сдѣлать до восьми большихъ операцій. Кровь лилась по моему ножу, а самъ я страдалъ не менѣ чѣмъ мои жертвы. Изувѣченный же солдатъ о которомъ я разказалъ выше прожилъ всего двое сутокъ, находясь въ бреду, изъ котораго по временамъ только моментально просыпался. Предвидя неизбежную смерть этого мученика, я воспользовался минутой самосознанія и спросилъ, не поручить ли онъ мнѣ что-либо сдѣлать для него или его родныхъ? Потерявъ способность произносить членораздѣльные звуки, онъ промычалъ что-то, показывая рукою на свое дѣлое колѣно, подъ которымъ оказалась перевязь съ кредитными билетами рублей

въ десять. „Нѣтъ ли у тебя, мой милый, писемъ отъ родныхъ?“ спросилъ я, желая такимъ образомъ узнать адресъ для отсылки денегъ его роднымъ. Онъ отрицательно замоталъ головой и подозвавъ меня пальцемъ поближе, отыскавъ мой карманъ, и положилъ туда свои деньги. Не ожидавъ ничего подобнаго, я въ первый моментъ растерялся. Мнѣ стало какъ будто чего-то совѣстно и въ то же время я не могъ подавить въ себѣ слезъ, стремительно пробивавшихся изъ глубины на мои вѣки. Добродушный солдатикъ, очевидно, хотѣлъ выразить мнѣ свою признательность за ту посильную заботливость какая была оказана ему по долгу и службѣ. Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось дѣлать какъ принявъ деньги обѣщать что они будутъ употреблены въ пользу его самого или его родныхъ. На слѣдующій день страдалецъ умеръ. Небольшую часть оставленныхъ имъ денегъ я употребилъ на похороны и лавникиды, а остальные деньги представилъ при рапортѣ въ госпиталь, прося отправить ихъ въ полкъ, для отсылки роднымъ о которыхъ полкъ имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія на основаніи послужнаго списка локобывка.

Я замѣтилъ что ко мнѣ особенно привязывались тѣ солдаты которымъ я собственноручно производилъ какія-либо операціи. Такіе пациенты смотрѣли на меня какъ на своего близкаго роднаго, и при всякомъ удобномъ случаѣ старались, въ простотѣ своего безыскусственнаго сердца, высказать мнѣ свою любовь и преданность. Я не могъ сдѣлать подобныхъ наблюденій въ моей дальнѣйшей практикѣ, потому что, будучи крайне впечатлительнымъ, избѣгалъ дѣлать операціи тамъ гдѣ меня не принуждала къ тому настоятельная необходимость, какъ это было въ Крымскую войну, а въ послѣдствіи совершенно отказался отъ хирургической профессіи; но во мнѣ осталось съ тѣхъ поръ убѣжденіе что между операторомъ и оперированнымъ неизбѣжно устанавливается близкая нравственная связь. Помню также двухъ солдатиковъ, салера и лѣхотинца, изъ коихъ первому я отнялъ голень, а второму руку по плечо. Лежали они рядомъ и очень подружались, постоянно оказывая другъ другу взаимную помощь. Безногій салеръ помогалъ своему сосѣду въ тѣхъ случаяхъ гдѣ требовались обѣ руки, а безрукій лѣхотинецъ дѣлалъ то къ чему надобились ноги. Одинъ, напримѣръ, завяжетъ, зашьетъ, набьетъ трубочку и пр., другой принесетъ,

отнесеть, сходить къ товарищу за табакомъ, позоветъ кого нужно и т. д. Эти лаціенты относились ко мнѣ съ особенною задушевностію и такъ ко мнѣ привязались что когда мнѣ приходилось выѣзжать изъ Симферополя съ транспортомъ больныхъ и раненыхъ, то неотступно умоляли меня, въ теченіе двухъ дней, чтобъ я взялъ ихъ съ собою. „Безъ васъ мы здѣсь пропадемъ“, постоянно твердили они, и имъ чистосердечно казалось что если меня не будетъ то съ ними непременно сдѣлается что-либо нехорошее. Хотя раны обоихъ были еще довольно обширны и въ пути могли принять неблагоприятное теченіе, но я уступилъ наконецъ ихъ просьбамъ и записалъ обоихъ въ транспортъ. Къ счастью, я доставилъ ихъ совершенно благополучно въ Николаевъ и сдалъ въ одинъ изъ тамошнихъ госпиталей. Когда же подошла минута окончательнаго разставанія съ ними, то мои лаціенты, при всей ихъ сдержанности, вообще свойственной русскому солдату, не могли совладать съ охватившимъ ихъ водненіемъ,—и по ихъ заколѣваемымъ лицамъ заструились невольныя слезы.... Здѣсь-то, такъ-сказать за кулисами военной сцены, имѣя ближайшее соотношеніе съ солдатомъ, я впервые позналъ тѣ прекрасныя качества сердца солдата которыя вообще присущи простому русскому народу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на первыхъ порахъ, я рѣшительно становился въ туликъ предъ изумительною, геройскою терпѣливостію, граничащею съ одеревененіемъ, какую обнаруживалъ русскій солдатъ очутившись въ самомъ невыгодномъ положеніи послѣ выбитія изъ строя за ранами. Въ особенности эта выносливость рѣзко обрисовывалась по сравненію съ французскими ранеными, которые, по привозѣ изъ Севастополя, иногда по нѣсколькимъ днямъ лежали въ моихъ палатахъ, въ перемежку съ нашими солдатами, пока этихъ военнопленныхъ не устраивали особо. Вслѣдствіе природной нервозности, раненый Французъ постоянно и громко изливалъ наружу всякую боль какую чувствовалъ. Перевязывать Француза—это была чистая мука. Кричить бывало благимъ матомъ все время пока снимаешь съ него повязку, очищаешь рану и вновь накладываешь корпію, компрессъ и бинты. При этихъ крикахъ, солдаты бывало молвятъ межъ собою: „Ишь ты, на штурмъ лѣзетъ съ льяна какъ дьяволъ, а чуть поранили, сейчасъ и хвостъ поджалъ.“ Какъ-то разъ

едва я ступилъ на порогъ палаты какъ изъ противоположнаго конца обширной залы губернскаго правленія, занятаго госпиталемъ, услышалъ рѣзкій и безлокойный крикъ: „mon-sieur le docteur, voyez les vers!“—крикъ повторявшійся до тѣхъ поръ пока я проходилъ по залѣ между лежавшими на полу солдатами и пока не очутился предъ Французомъ, снявшимъ съ раненой ноги повязку и съ ужасомъ указывавшимъ на головку сидѣвшаго въ ранѣ большого червя. Когда я залилъ рану скилидарною жидкостью чтобъ умертвить червей и тѣмъ облегчить ихъ извлеченіе, то все госпитальное зданіе огласилось неистовымъ крикомъ, и не скоро послѣ того уговорился Французъ. Русскій солдатъ держалъ себя совсѣмъ иначе. Подъ вліяніемъ жаркаго лѣта и смраднаго воздуха въ палатахъ, иногда невозможно было предупредить зарожденіе червей въ гнилостныхъ ранахъ; но наши солдаты, не обращавшіе особеннаго вниманія на свои раны, никогда сами не замѣчали этихъ неприятныхъ насѣкомыхъ, а при очищеніи ранъ, смотрѣли на нихъ совершенно хладнокровнымъ взоромъ. Вообще, при перевязкѣ нашихъ солдатъ, никакихъ криковъ не было. Иного перевернешь на всѣ стороны, обрѣжешь ломертвѣлая части въ ранѣ, вытиснешь кусокъ кости, извлечешь изъ раны какой-нибудь осколокъ, или кусокъ шнела, вырѣжешь пулю, — все это переносилось съ необыкновеннымъ стоицизмомъ; изрѣдка только, если ужь не въ терпѣжъ, иной тихо застонетъ подавленнымъ вздохомъ, а кто по словоохотливѣе, тотъ послѣ перевязки еще проговоритъ: „Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе“. Поэтому, хлороформированіе употреблялось только при большихъ и трудныхъ операціяхъ, чтобы произвольныя движенія оперированныхъ не мѣшали техникѣ дѣла; малыя же операціи переносились солдатами безъ хлороформированія терпѣливо и спокойно, хотя бы и сопровождалось сильными страданіями. Французъ, бывало, ежедневно, послѣ каждой перевязки, непременно спроситъ: „comment ça va?“ У нашихъ раненыхъ я никогда не замѣчалъ подобнаго, совершенно впрочемъ естественнаго любопытства. Они считали излишнимъ справляться о состояніи своихъ ранъ и безропотно и покорно подчинялись тому что Богъ дастъ.

За всѣмъ тѣмъ, наши солдаты признательно относились къ тѣмъ врачамъ, сестрамъ милосердія и начальственнымъ лицамъ которые обнаруживали особенную заботливость о

нихъ. Сестры милосердія оказывали страдальцамъ безцѣнные услуги, ухаживая за ними съ самымъ предупредительнымъ вниманіемъ и родственною нѣжностью. Женскія руки особенно бережно перемѣняли бѣлье на пациентахъ, поправляли подушки, ложили и кормили тѣхъ немощныхъ которые постоянно нуждались въ посторонней помощи, аккуратно раздавали лѣкарства, приготовляли и раздавали чай; иная подсадетъ къ пациенту, поговорить о родинѣ, о надеждахъ сопряженныхъ съ выздоровленіемъ, и отъ того уже больнымъ было легче. Были у насъ въ Симферополѣ и добровольныя служительницы страждущихъ, не состоявшія официально въ штатѣ сестеръ милосердія. Помню, лѣтомъ 1855 года, появилась въ симферопольскихъ госпиталяхъ, въ качествѣ сестры милосердія, образованная, стройная, довольно красивая дама среднихъ лѣтъ, удивлявшая всѣхъ насъ своимъ самопожертвованіемъ. Она называлась псевдонимомъ Колыловой, но говорили что это петербургская актриса О — ва, взявшая отлукъ у дирекціи театровъ на лѣтніе каникулы и посвятившая себя служенію больнымъ и раненымъ. Войдетъ бывало въ палату, — такъ и лахнетъ отъ нея освѣжительнымъ ароматомъ изысканныхъ духовъ, такъ и льются ея веселья, остроумныя рѣчи, невольны сообщавшія всѣмъ ясное настроеніе духа; самые хмурые и мрачные пациенты, и тѣ бывало начинали улыбаться глядя на эту оживленную и ласковую барыню. Для врача она была самою умною и ловкою помощницей при перевязкѣ, такъ что самый опытный фельдшеръ ласовалъ предъ нею. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта свѣтская дама не только безъ малѣйшей брезгливости, но съ полнымъ самоотверженіемъ и любовью, исполняла при больныхъ все то что входило въ обязанность сестры милосердія. Такъ какъ госпожа Колылова свободно изъяснялась по-нѣмецки и по-французски, то, благодаря ея посредству, можно было приставить къ занятіямъ и кое-кого изъ иностранныхъ врачей, вызванныхъ тогда въ Крымъ и безъ участія переводчиковъ оказавшихся совершенно непримѣнимыми къ дѣлу по совершенному незнанію русскаго языка. Поэтому, г-жа Колылова большею частію и работала въ палатахъ съ кѣмъ-либо изъ этихъ врачей. Къ слову сказать, правительство наше, вызвавъ иностранныхъ врачей изъ Пруссіи и Америки, мало получило отъ нихъ пользы, хотя конечно было вынуждено къ тому крайностію и хотя руководилось при этомъ благими разче-

тами. Бывало, когда пришлютъ такого врача въ иной госпиталь, то главный докторъ почесываетъ у себя за ухомъ, не зная что съ нимъ дѣлать; а между тѣмъ иностранный врачъ увеличивалъ собою счетъ ординаторовъ и ставилъ главнаго доктора въ невозможность просить себѣ подкрѣпленія во врачебномъ персоналѣ, въ случаѣ напыла пациентовъ. Не говоря уже о томъ что такихъ врачей нельзя было приставлять къ больнымъ съ которыми необходимо было обшляться, имъ нельзя было поручать и раненыхъ, потому что при перевязкахъ все же надо было приказать: то подать, другое устроить, такъ держать перевязываемый членъ, этакъ повернуться, а всѣ эти иностранцы не могли сказать ни слова по-русски. При такой безполезности заморскихъ господъ, казна наша несла на нихъ порядочные расходы, платя каждому по 100 р. въ мѣсяцъ, что въ тогдашнее время, когда мы, младшіе врачи, получали жалованья въ мѣсяцъ по 20 р. съ колѣбками, или по 83 рубля съ небольшимъ въ треть года, было громадною привилегіей. Но продолжаю вѣтъ своихъ воспоминаній.

Навсегда осталась въ моей памяти еще одна личность, истинно благотѣльная и глубоко симпатичная, появлявшаяся въ госпиталяхъ какъ ангель-утѣшитель страждущаго человечества. Это графъ Вьельгорскій - Матюшкинъ, посланный въ Крымъ, по волѣ покойной государыни императрицы, для призрѣнія больныхъ и раненыхъ и оказыванія имъ вспоможенія во всевозможныхъ видахъ. Уже одна его штатская внѣшность, какъ рѣдкость въ военномъ госпиталѣ, обращала на себя общее вниманіе. Молодой человѣкъ, съ кроткою, меланхолическою фізіономіей, графъ Вьельгорскій, тихою поступью входилъ въ палату и поочередно обходилъ всѣхъ страдальцевъ, вливая въ сердце каждаго своимъ задушевнымъ словомъ и теплымъ участіемъ миръ, надежду и утѣшеніе. Иному дастъ денегъ, другому навѣситъ благословенный образокъ или крестикъ, объясняя каждому что это ему прислала государыня императрица. Последнее особенно трогало до глубины души нашихъ солдатъ, и они благоговѣнно цѣнили этотъ высокій знакъ царской милости. Подлѣ нѣкоторыхъ больныхъ и раненыхъ, возбуждавшихъ особенное участіе, графъ засиживался по полчаса и болѣе, терпѣливо выслушивая какую-нибудь просьбу, какое-либо завѣщаніе, и все это записывалъ въ свою лампадную

книжку чтобы въ послѣдствіи, при участіи высокой благодѣтельницы, привести въ исполненіе. Вообще слышно было что графъ много дѣлаетъ добра страждущимъ воинамъ, какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ. Къ величайшему сожалѣнію, этотъ благодѣтельный человѣкъ палъ жертвой своего христіанскаго подвижничества. Онъ заразился въ симферопольскихъ госпиталяхъ тифомъ и умеръ.

Выше я уже сказалъ что на долю военныхъ врачей досталась въ Крымскую кампанію тяжкая, напряженная, чрезмѣрная работа. Были періоды когда я завѣдывалъ отдѣленіемъ въ 800 человѣкъ больныхъ внутренними болѣзнями, между которыми господствовали тяжкія формы тифа, злокачественныя крымскія лихорадки и поносы. На первыхъ порахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ университетскихъ пріемовъ, я изслѣдовалъ каждаго пациента клинически, то-есть самымъ подробнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, начавъ свою визитацію раннимъ утромъ, я оканчивалъ ее только къ вечеру, причеиъ отъ изнеможенія я самъ иногда падалъ въ обморокъ и былъ отводимъ домой фельдшеромъ. Но медицинское начальство справедливо замѣтило мнѣ что моя ревность неумѣстна и даже вредна для моихъ пациентовъ, потому что общій рецелтъ назначаемыхъ лѣкарствъ обыкновенно подписывался и отправлялся въ аптеку уже по окончаніи всей визитаціи, а въ такомъ случаѣ лѣкарства требующія не мало времени на ихъ приготовленіе приносились въ отдѣленіе и раздавались только къ ночи и, слѣдовательно, больнымъ не оставалось времени принимать ихъ. Тогда я измѣнилъ способъ отбыванія своей службы. Не останавливаясь долго надъ каждымъ пациентомъ, я внимательно занимался только труднѣйшими больными и оканчивалъ утреннюю визитацію къ часу полудни; затѣмъ отдохнувъ часа два отъ трудовъ, приходилъ снова въ госпиталь и производилъ вечернюю визитацію, которая, уже не будучи стѣсняема никакими регламентами, тянулась большею частію до ночи. Когда мнѣ приходилось завѣдывать такъ-называемыми наружными или хирургическими отдѣлами, то раненыхъ на меня одного доставалось иногда по 500 человѣкъ. Чтобы наглядно показать какъ чрезмѣрно тяжелъ былъ въ эту кампанію трудъ врача, не мѣшаетъ въ параллель къ приведеннымъ цифрамъ прибавить что по установленной нормѣ на одного ординатора въ обыкновенное время полагается до 75 пациентовъ со внутренними и до 40 съ наружными болѣз-

нями. Но и при такомъ относительно маломъ числѣ пациентовъ уходить на визитациі поддня. Мнѣ съ моими лятьюстами раненыхъ было возни и трудовъ не меньше чѣмъ съ восьмьюстами обыкновенныхъ больныхъ, если еще не болѣе, потому что перевязать 500 человекъ вовсе не значило перевязать 500 ранъ, но въ четыре и пять разъ больше. На иномъ была одна рана, а на иномъ ихъ насчитывалось по 8, 12 и даже 14. Изъ разспросовъ моихъ о причинѣ этого послѣдняго явленія, сами солдаты разказывали что они находясь въ дѣлѣ до послѣдней возможности оставались въ рядахъ, „выручая товарищей“, по ихъ техническому выраженію. Только тѣхъ выносили за линію боя которые получали важныя раненія и теряли силы; люди же которымъ доставались послѣдовательно нѣсколько легкихъ ранъ не отставали отъ товарищей до тѣхъ поръ пока держались на ногахъ и владѣли руками; затѣмъ случалось что уже свалившійся солдатъ лежа на мѣстѣ или переносимый на носилкахъ получалъ еще нѣсколько ранъ отъ пуля, бомбъ, камней и пр. Людямъ такъ-сказать не посвященнымъ не возможно составить и приблизительное понятіе о томъ какая требовалась колотливая и трудная работа при уходѣ за ранеными. На иного при всемъ послѣхъ приходилось употреблять во время визитациі около часу времени, потому что каждую повязку на ранѣ нужно предварительно отмочить, рану очистить отъ гноя, иногда обрѣзать, прижечь лалисомъ, изслѣдовать зондомъ и пр., и тогда только можно приступить къ накладыванію повязки. Такимъ образомъ, оставаясь большую часть дня въ больничныхъ палатахъ, приходилось дышать густымъ, убійственно-тяжелымъ воздухомъ, переполненнымъ госпитальными миазмами, противъ которыхъ при тѣсной скученности больныхъ и раненыхъ не помогала никакая вентиляція, а эта послѣдняя, къ слову сказать, производилась только при помощи оконныхъ форточекъ, такъ какъ никакихъ специальныхъ приспособленій для очищенія воздуха не было. Въ особенности невыносимо было дышать госпитальнымъ воздухомъ когда я завѣдывалъ одно время отдѣленіемъ гангренозныхъ въ военно-временномъ № 14 госпиталѣ. Во дворѣ при губернскомъ правленіи, въ которомъ помѣщался этотъ госпиталь, находилось отдѣльное маленькое зданіе куда перенесены были изъ госпиталя всѣ раненые пораженные антоновымъ огнемъ. Этихъ несчастныхъ набралось до 80 человекъ. Можно

вообразить какая тамъ господствовала атмосфера. Смрадъ отъ ранъ былъ такъ тяжелъ и удушливъ что непривычные люди не могли выносить его уже шагахъ въ десяти отъ зданія на открытомъ мѣстѣ. А мнѣ приходилось ежедневно часовъ по восьми оставаться въ подобной атмосферѣ.

Въ виду этихъ нескончаемыхъ сценъ человѣческаго страданія, при самой ужасной обстановкѣ и подъ вліяніемъ физическаго изнуренія, мое положеніе съ непривычки казалось мнѣ невыносимымъ, и я по временамъ владалъ въ отчаяніе. Я похудѣлъ, сдѣлался нервнымъ до крайности, упалъ духомъ и вообще былъ близокъ къ меланхоліи. За все время моей службы въ Симферополѣ я ни разу не могъ выгадать времени чтобы лобызать у обѣдни и только изрѣдка умудрялся послѣдовать ко всенощному богослуженію. Здѣсь я впервые испыталъ усложнительное вліяніе молитвы. Алтарь и иконостасъ тускло озарены нѣсколькими свѣчами; въ глубинѣ церкви тамъ и сямъ рисуются въ темнотѣ силуэты хромыхъ и безрукихъ офицеровъ и солдатъ; тихо и благоговѣйно совершается служба Божія, а я забьюсь себѣ куда-нибудь въ уголокъ, и неудержимымъ потокомъ льются по горячему лицу моему слезы. Всѣ богомольцы, кому не прелятствовало увѣче, движимые однимъ чувствомъ и одною мыслию, падали ницъ въ земныхъ поклонахъ какъ только заслышится: „и покорити подъ нозѣ Его всякаго врага и супостата“. Горяча и задушевно была въ ту пору наша общая молитва, и я выходилъ изъ церкви нѣсколько облегченный и усложненный чтобы на другой день снова совершать свое безотрадное дѣло.

Какъ я завидовалъ въ то время всякому прапорщику и какъ пламенно желалъ быть на его мѣстѣ чтобы служить отечеству не въ госпитальныхъ палатахъ, а на бастіонахъ, въ передовой линіи, и жертвовать своею кровью и жизнью! Не въ примѣръ отрады мнѣ представлялась доля офицера сравнительно съ моею участью. Тамъ, въ бою, есть энтузіазмъ, увлеченіе патріотизмомъ, оласностью, местью. Тамъ, въ пылу борьбы, мысль о смерти заглушается другими ощущеніями, и самая смерть приходитъ поэтому внезапно. Наэлектризованный воинъ въ первый моментъ раненія большею частью не ощущаетъ даже своей раны, которая унесетъ его на тотъ свѣтъ или сдѣлаетъ на всю жизнь калѣжкой. Тамъ, наконецъ, послѣ боевой работы, возможны минуты отдыха,

когда нервное напряженіе ослабѣваетъ и человѣческой организмъ почерпаетъ новыя силы въ физическомъ услокоеніи. А здѣсь госпитальная обстановка давить душу, безъ конца, безъ отдыха, безъ свѣтлаго промежутка. Правда, я находилъ вознагражденіе за свой трудъ и нравственную пытку въ томъ что имѣлъ утѣшеніе слѣдить за услѣживымъ выздоровленіемъ нѣкоторыхъ своихъ пациентовъ; но при тогдашней громадной смертности отъ ранъ и болѣзней, случаи выздоровленія вообще составляли незначительный процентъ, и свѣтлыя явленія эти въ госпитальной жизни омрачались массой неблагоприятныхъ исходовъ. Наконецъ, самое существованіе врача, почти безвыходно колоштившагося въ госпитальныхъ палатахъ, подвергалось почти такой же опасности отъ заразы какъ и жизнь офицера отъ пули. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, окончившихъ вмѣстѣ со мною университетскій курсъ, въ первый же годъ службы въ Симферополѣ пали жертвами различныхъ болѣзней которыми они заразились дыша госпитальными миазмами. Я самъ, въ теченіе времени отъ весны до осени, перенесъ тифъ, потомъ холеру и наконецъ крымскую лихорадку, и если счастливо и даже быстро выздоравливалъ отъ каждаго изъ этихъ недуговъ, то обязанъ этимъ, кромѣ воли Провидѣнія, своей молодости и своему крѣпкому въ то время организму. Силы мои особенно быстро восстанавливались тогда когда, послѣ болѣзни, меня откомандировали сопровождать транспорты больныхъ и раненыхъ въ Херсонъ и Николаевъ. Эти транспортировки составляютъ существенную черту въ общей картинѣ тогдашней госпитальной неурядицы; поэтому я разкажу нѣсколько подробностей относящихся къ моей первой подобной командировкѣ, которая, по своей новостности, особенно ярко запечатлѣлась въ моей памяти.

Передвиженіе больныхъ и раненыхъ изъ Симферополя въ дальнѣйшіе пункты обыкновенно предпринималось послѣ каждаго горячаго дѣла въ Севастополѣ или послѣ усиленныхъ бомбардировокъ со стороны непріятеля, когда требовалось очистить мѣста въ госпиталяхъ для новыхъ многочисленныхъ жертвъ войны. Постоянныхъ и удобно приспособленныхъ средствъ для перевозки солдатъ тогда еще не было, а употреблялись такія подводы какія попадались подъ руку. Большею частію пользовались для этого обыкновенными русскими телѣгами или чумацкими возами, на которыхъ

доставлялись въ Крымъ какія-либо тяжести. Только въ случаѣ ствiи перевозили солдатъ съ большимъ удобствомъ, когда нѣмецкіе колонисты предложили для этого свои покойные и помѣстительные фургоны. Я былъ два раза командированъ съ транспортами которые совершались на волахъ. Первый транспортъ къ которому я былъ назначенъ долженъ былъ доставить пациентовъ въ Херсонъ послѣ жестокой бомбардировки предшествовавшей штурму 6го іюня 1855 года на Малаховъ Курганъ и передовые наши бастионы, лѣвобокосно отбитому нашими героями. Въ этомъ транспортѣ было до 600 людей, въ томъ числѣ болѣе 400 раненыхъ. Хотя ординаторамъ предлагивалось назначать для подобнаго путешествія людей могущихъ вынести транспортировку безъ вреда своему здоровью, но такъ какъ въ извѣстные періоды въ госпиталахъ мало было людей одержимыхъ легкими болѣзнями и ранами, то приходилось назначать и трудныхъ пациентовъ чтобы составить требуемую цифру людей для предположеннаго транспорта. Изъ такихъ именно ненадежныхъ пациентовъ состояла большая половина моего перваго транспорта. Въ назначенный день предъ госпиталемъ съ ранняго утра устанавливался таборъ изъ повозокъ, смотритель и комиссаръ переключали въ каждомъ отдѣленіи людей назначенныхъ въ поѣздку, и послѣ ранняго обѣда начиналась „нагрузка транспорта“. Трудныхъ выносили на рукахъ и носилкахъ, а кто владелъ ногами и былъ въ силахъ, тѣ усаживались на повозкахъ сами. При этомъ не обходилось безъ замѣшательствъ. По недоразумѣнію или преднамѣренно, нѣкоторые солдаты назначенные въ транспортъ оставались въ палатахъ, а другіе, вовсе не внесенные въ списокъ, расаживались по возамъ и ѣхали. Обыкновенно назначали начальникомъ транспорта армейскаго офицера изъ числа выздоровѣвшихъ отъ ранъ и состоявшихъ для этой цѣли въ распоряженіи инспектора госпиталей. Чтобы получить подобную командировку, изъ которой въ первое время умудрялись извлекать доходъ, необходимо было предварительно забѣжать къ правителю канцеляріи инспектора госпиталей или же постараться чрезъ третье лицо чтобы заручиться всемогущимъ покровительствомъ. Начальнику транспорта вѣрялась вся распорядительная и продовольственная часть. Ему выдавалась на руки, большею частію, крупная сумма и шнуровая книга въ которую онъ вписывалъ расходование денегъ, согласно такъ-

называемымъ справочнымъ цѣнамъ, а эти цѣны почти всегда обозначались вдвойнѣ противъ дѣйствительныхъ, тоже неизменно высокихъ. Такимъ образомъ, при самомъ удовлетворительномъ продовольствіи солдатъ, у транспортнаго офицера могъ составиться довольно круглый остатокъ, который еще болѣе увеличивался если въ приварокъ не попадало соответственное количество фунтовъ мяса, крупы и пр., если иной день не выдавалась выздоравливающимъ положенная чарка водки или вообще допускалась какая-либо плутня. Мнѣ, напримеръ, транспортный начальникъ предлагалъ подписать нѣсколько заготовленныхъ имъ требованій, въ которыхъ значилось необходимымъ купить столько-то лѣвоекъ, по случаю де развившейся между транспортными лѣвками глазной болѣзни, которой въ дѣйствительности вовсе не было. Въ общей сложности лѣвоекъ выходило до 100 штукъ. Чтобы понять всю безцеремонность проектированной продѣлки, необходимо имѣть въ виду что лѣвки требовались, по плану автора продѣлки, въ голой и безводной татарской степи, во время слѣдованія, когда транспортъ болѣе чѣмъ на 100 верстъ отстоялъ отъ города, гдѣ ихъ тоже нельзя было достать въ то время ни за какія деньги, не говоря уже о татарскихъ аулахъ, гдѣ не только лѣвоекъ, но и хлѣба невозможно было добыть. Эти соображенія теперь только пришли мнѣ въ голову, а въ то время я возмущался противъ искусителя единственно по принципу и отвергъ слѣланное мнѣ предложеніе рѣшительно и рѣзко. „Смотрите же, прошу на меня не претендовать“, сказалъ мнѣ офицеръ въ отвѣтъ на мой протестъ, и эта непонятная для меня фраза объяснилась только по окончаніи всего похода.

Въ послѣдствіи способъ продовольствія перевозимыхъ людей былъ устроенъ на другихъ началахъ. Транспортнымъ начальникамъ уже не выдавались на этотъ предметъ деньги, а по линіи слѣдованія транспортовъ были назначены дистанціонные офицеры, обязанные имѣть наготовѣ всѣ припасы, и ко времени прибытія транспортовъ на вѣрченныя имъ станціи заготовлять, по числу людей, теллую пищу. Хотя дистанціонные офицеры наживались своимъ порядкомъ, но этотъ новый способъ продовольствія оказался все-таки гораздо практичнѣе и удовлетворительнѣе. Вообще въ Крымскую

злоху мнѣ часто приходилось замѣчать что гдѣ только можно было что-нибудь урвать съ казны, тамъ рвали безъ милосердія и зазрѣнія совѣсти. Въ противоположность этимъ печальнымъ наблюденіямъ, болѣзненно коробившимъ мою нравственную натуру, позволяю себѣ привести, какъ психологическую черту, слѣдующій фактъ изъ моей тогдашней службы. По военному времени мнѣ слѣдовало, какъ объясняли старые служаки, подать рапортъ о выдачѣ мнѣ подъемныхъ денегъ, на заведеніе верховыхъ и вьючныхъ лошадей. Но застѣчивость моя была такъ велика что я никакъ не рѣшался заявить такое, какъ мнѣ казалось, корыстолюбивое притязаніе на казну. И вотъ въ то время какъ я, въ виду громадныхъ расходовъ государства на войну, жертвовалъ своихъ какихъ-нибудь 120 р., въ это время на моихъ глазахъ совершалось обираніе казны не считавшееся даже порокомъ! Скорбно болѣла моя молодая душа въ виду такихъ уродливыхъ общественныхъ симптомовъ. Я увѣренъ что и въ то время бѣлая часть юношей выстулала въ жизнь съ самыми чистыми намереніями и возвышенными понятіями о долгѣ предъ отечествомъ, но, полавъ въ развращенную среду, многіе изъ нихъ, подъ вліяніемъ заразительныхъ примѣровъ, постепенно притуплялись въ своемъ нравственномъ чутьѣ и затѣмъ сами начинали плыть по установившемуся теченію. Общественная атмосфера портила въ то время самые благородные задатки въ отдѣльныхъ личностяхъ. Но возвращаюсь къ своему транспорту.

Соображаясь съ числомъ пациентовъ, я заблаговременно подавалъ въ контору госпитала требованіе на медикаменты и перевязочные припасы въ такомъ количествѣ чтобы, по возможности, хватило на весь луть. Когда люди уже были размѣщены на возахъ и транспортъ готовъ былъ двинуться въ дорогу, мнѣ вынесли такую скудную дозу медикаментовъ и перевязочныхъ вещей которая могла составлять едва лишь десятую часть всего требуемаго мною количества. Протестовать было уже некогда, да это было и бесполезно, потому что случившійся тутъ главный докторъ объяснилъ дѣло коротко и ясно тѣмъ что въ госпиталѣ въ тотъ моментъ истощились всѣ запасы. Здѣсь, дѣйствительно, не было злоупотребленія, потому что въ то время подобные казусы случались въ госпиталахъ не рѣдко. Благодаря тому что чумацкіе воны нѣсколько отдохнули въ Симферополѣ, послѣ

недавно совершеннаго ими пути, мы сдѣлали первый перевѣздъ безъ остановокъ и расположились на станціи, въ аулѣ Сарабузахъ, еще засвѣтло. Фельдшера при мнѣ не было, а командировали съ транспортомъ только одного мало опытнаго фельдшерскаго ученика, съ которымъ я и приступилъ къ вечерней перевязкѣ. Вслѣдствіе безпорядочной разбросанности саклей въ татарскихъ аулахъ, я никакъ не могъ установить, во все время ночлеговъ въ нихъ, какого-либо порядка при отыскиваніи по этимъ саклямъ раненыхъ во время перевозокъ. Толкаешься по безтолковому аулу безъ усталы, и вотъ въ одну саклю забредешь разъ десять, а въ другую, гдѣ раненые ждутъ перевязки, никакъ не попадешь. На первый разъ перевязка была къ полуночи кончена; но къ ужасу моему оказалось что въ этотъ первый день похода, при всей экономіи, была издержана половина имѣвшагося у меня запаса бинтовъ и корпіи. Что тутъ дѣлать? До Перекопа, гдѣ можно бы пополнить этотъ запасъ, оставалось еще шесть дней; посылать лѣшаго въ Симферополь было бесполезно, потому что посыльный, по всей вѣроятности, возвратился бы оттуда ни съ чѣмъ; послать въ Перекопъ — тоже не было расчета, потому что пока посыльный добредетъ туда, пока доберется до начальства и пока подучить что-нибудь, транспортъ все-таки останется безъ перевязочныхъ средствъ и самъ прибудетъ въ Перекопъ быть-можетъ только двумя днями позже. А между тѣмъ, нельзя же оставлять раненыхъ въ жертву гангренѣ или на съѣденіе червямъ. Положеніе мое было поистинѣ трагическое, въ виду лежавшей на мнѣ служебной и нравственной отвѣтственности за санитарное благосостояніе вѣрныхъ мнѣ людей. Рѣшившись сдѣлать все возможное для спасенія транспорта, я искулилъ, на свои послѣдніе рубли, всѣ запасныя рубахи сколько ихъ нашлось у обносившихся и обидѣвшихъ солдатъ, присоединилъ къ нимъ часть изъ своего небогатаго запаса бѣлья и, вмѣстѣ съ пациентами, занялся шиваніемъ бинтовъ и щипаньемъ корпіи. Конечно, всего этого было недостаточно, но солдатики у кого раны были поменьше и почище снимали съ себя перевязку, сами прополаскивали ее въ водѣ, — если на цыныхъ станціяхъ не встрѣчалось въ ней недостатка, — просушивали на солнцѣ и снова накладывали на свои раны. Такая мѣра могла быть употребляема безнаказанно только потому что раненые пребывали не въ госпитальной атмосферѣ, а на чистомъ воздухѣ, и мнѣ дѣйствительно удалось

перебиться такимъ манеромъ до самаго Перекола безъ особеннаго вреда для здоровья моихъ пациентовъ.

Когда транспортный начальникъ вздумалъ, во время слѣдованія, повѣрить людей по списку, выданному ему изъ госпиталя за подписью смотрителя, то обнаружилась невообразимая лутаница. Многія фамиліи были перемѣнены, названія командъ перемѣшаны, нѣкоторыхъ солдатъ вовсе не оказалось, а были налицо такіе которые совсѣмъ не значились въ спискѣ. Между тѣмъ, требовалось сдать людей, по прибытіи на мѣсто, именно по этому списку. Такимъ образомъ, оказавшееся несоотвѣтствіе между списочнымъ и наличнымъ состояніемъ людей могло послужить поводомъ къ серьезнымъ служебнымъ непріятностямъ, особенно есli начальство тамъ на мѣстѣ очень ужъ придирчиво. Въ довершеніе неурядицы съ этимъ спискомъ, въ нашемъ транспортѣ умерло, въ началѣ пути, челоуѣка четыре трудныхъ пациентовъ, и фамиліи ихъ остались неизвѣстными. Умеръ челоуѣкъ да и баста, а кто онъ, какой команды — никто не зналъ. Не оказалось, слѣдовательно, возможнымъ не только отмѣтить покойниковъ въ спискѣ, но даже сообщить имена въ церковь для заочнаго отпѣванія умершихъ. Грустно было передавать тѣла этихъ несчастныхъ, испившихъ чашу страданій до дна, старшинѣ аула, Татарину, для зарытія въ землю, словно тѣла нехристей. Впрочемъ, столь печальныя явленія случались только на первыхъ порахъ слѣдованія; въ послѣдствіи принимались предварительныя мѣры, состоявшія въ томъ что каждаго захирѣвшаго солдата, про всякій случай, разспрашивали объ имени, фамиліи и командѣ.

Наши транспортныя волю, недавно совершившіе длинный путь съ тяжестями изъ Полтавской губерніи въ Крымъ и сильно изнуренные продолжительною безкормицей, со второй станціи совсѣмъ подбились и еле-еле тащили обозъ. Быстрому ослабленію силъ этихъ животныхъ способствовало еще то обстоятельство что во весь путь, по голой степи Таврической губерніи, ощущался недостатокъ въ водѣ. На станціи, въ аулѣ, больше одного колодца не бывало, да и въ этомъ единственномъ источникѣ вода была находима, на глубинѣ 8—10 саж., въ такомъ скудномъ запасѣ что ея хватало только для варки пищи, небольшой же остатокъ, смѣшанный съ грязью, не могъ удовлетворить водопоемъ всѣхъ воловъ транспорта. А извѣстно что эти четвероногія не въ состояніи

долго выдерживать жажды и, лишеныя воды, быстро опускаются въ сплахъ. Бывало тоска беретъ смотрѣть какъ флегматически-медленно они передвигаютъ свои ноги. По положенію, врачъ долженъ былъ слѣдовать позади транспорта. Чтобы разсвѣять алатію навѣваемую тихимъ и однообразнымъ качаньемъ повозки, бывало слѣзешь съ нея и пойдешь сторожкой, подлѣ дороги, самымъ умѣреннымъ шагомъ, погрузившись въ думу, а если, часа черезъ два такой прогулки, оглянешься назадъ, то видишь далеко позади отставшій транспортъ, чуть-чуть движущійся черепашнымъ ходомъ. И зашагаешь бывало обратно къ своей задней повозкѣ, потому что дожидаться, стоя на мѣстѣ, пока подойдетъ лѣтливый караванъ, нѣтъ терпѣнія. Не бѣда еслибъ эта воловьѣ ѣзда только ограничивалась тоской и скукой; она вскорѣ оказала парализующее вліяніе и на мою врачебную дѣятельность и даже отчасти на состояніе моихъ раненыхъ. Такъ какъ нужно было употреблять весь день на перевѣзды въ 20—25 верстъ, то транспортъ обыкновенно двигался съ мѣста раннимъ утромъ, послѣ раздачи людямъ горячей пищи, и допалзалъ на слѣдующую станцію совсѣмъ уже ночью, такъ что мнѣ совсѣмъ не оставалось времени перевязывать раненыхъ. При томъ же, въ ночной темнотѣ, при слабомъ мерцаніи лучины (свѣчъ у насъ не было въ заласѣ), эта работа была крайне неудобна, да и сами раненые не охотно давались перевязываться, чувствуя себя послѣ дороги усталыми и разбитыми. Чтобы какъ-нибудь приладиться къ такому затруднительному положенію, я завелъ слѣдующій порядокъ. Поднявъ чуть свѣтъ, часовъ въ 5 утра, прислугу на ноги, я приступалъ къ перевязкѣ, и ко времени выступленія транспорта, то-есть часамъ къ девяти, успѣвалъ перевязывать бѣольшую половину раненыхъ; остальныхъ же, еще не перевязанныхъ, размѣщалъ на переднихъ повозкахъ, съ тѣмъ расчетомъ чтобы вечеромъ, какъ только голова транспорта прибудетъ въ аулъ на станцію, устроить этихъ людей въ особыхъ сакляхъ и, не дожидаясь лока выгрузится весь транспортъ и все придетъ въ порядокъ, для чего нужно было по крайней мѣрѣ часть времени, немедленно заняться перевязкою этихъ остальныхъ людей и такимъ образомъ докончить свою обычную ординацію. При такомъ порядкѣ я успѣвалъ, несмотря на всѣ затрудненія, осматривать одинъ разъ въ день самымъ аккуратнымъ образомъ каждаго лаціента, а особенно

трудныхъ раненыхъ перевязывалъ даже два разъ въ день. Дѣлалъ я, слѣдовательно, все что только было возможно въ моемъ положеніи.

И вотъ одинъ разъ подь вечеръ, когда мы уже приближались къ станціи, встрѣтилась намъ почтовая тройка съ сѣдокомъ осанистой наружности, и транспортъ былъ остановленъ. Проѣзжій, судя по формѣ, флигель-адъютантъ, всталъ съ телеги и началъ разспрашивать транспортнаго начальника, откуда молъ и куда; затѣмъ поаболытствовалъ взглянуть и на раненыхъ. Ты гдѣ раненъ, какого полка, хорошо ли кормятъ, вѣсятъ ли, братцы, довольны?“ Солдаты дають удовлетворительные отвѣты. „Ты сегодня перевязываешь?“ спросилъ онъ наконецъ одного изъ раненыхъ, оставленныхъ для вечерней перевязки и находившихся, поѣтому, на переднихъ возахъ. „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, протануль солдатикъ, сегодня еще не перевязывались“. Флигель-адъютантъ къ другому, третьему, четвертому, вездѣ отвѣтъ отрицательный. „Доктора, заволилъ онъ, гдѣ докторъ? Подайте мнѣ доктора!“ А я сидѣлъ въ задней повозкѣ и недоумѣвалъ зачѣмъ это остановился транспортъ. „Доктора впередъ, къ генералу“, крикнулъ кто-то впереди транспорта, и эти слова, мигомъ переданныя отъ одной повозки къ другой, долетѣли до моихъ ушей. Я живо любѣжалъ къ головѣ транспорта и, не дошедши шаговъ десяти до флигель-адъютанта, былъ внезапно осыланъ градомъ самыхъ рѣзкихъ укоризнъ.

— У васъ, милостивый государь, люди остаются безъ перевязки! Какъ вы могли, какъ осмѣлились вы допустить такой ужасный безпорядокъ? закричалъ на меня грознымъ голосомъ флигель-адъютантъ, весь багровый отъ негодованія.

Я совершенно оторопѣлъ отъ такой неожиданности, тѣмъ болѣе что, будучи новичкомъ въ службѣ, первый разъ слытывалъ на себѣ столь обычную въ тогдашней военной службѣ, но совершенно непривычную для меня рѣзкость.

— Знаете ли вы всю важность вашей служебной небрежности? продолжалъ мой обличитель. — Это преступленіе, это.... это убійство! кричалъ онъ, жестикулируя предъ моимъ лицомъ. — Для чего же вы тутъ ѣдете при раненыхъ, а? А если ужъ не по обязанности, хотя бы вы изъ человеколюбія удѣлили нѣсколько вниманія этимъ несчастнымъ.

— Позвольте, господинъ полковникъ, додожить вамъ, на-

Впечатлѣнія военнаго врача въ Крымскую кампанію. 287
чалъ было я. Но голосъ мой, казалось, еще больше ожесто-
чилъ ревизора.

— Никакихъ тутъ объясненій быть не можетъ, еще съ боль-
шимъ азартомъ заговорилъ онъ; — весь фактъ налицо. Вы
оставили раненыхъ безъ перевязки и будете отвѣчать за это
по полемому закону.

— Но вы сами, полковникъ, можете убѣдиться виновать
ли я....

— Такъ вы даже не видите въ этомъ вины? перебилъ онъ
меня. — Прошу васъ замолчать! прикрикнулъ онъ, забывъ
что я вновь локушаюсь говорить. — Знайте что теперь время
военное, за такія вещи мало сослать, а разстрѣлять!

— Помилосердуйте, полковникъ, завопилъ я, окончательно
перелуганный; — выслушайте только, спросите транспортнаго
офицера.

— Ничего не хочу знать, отрѣзалъ онъ. — Завтра же обо
всемъ будетъ знать главнокомандующій.

Съ этими словами сѣлъ онъ въ бричку, и пылъ взвилась
вслѣдъ за укатившею курьерскою тройкой, а я окаменѣлъ на
мѣстѣ и первое время никакъ не могъ придти въ себя, не
понимая что такое стало со мною. Только мало-по-малу,
когда тронулся транспортъ, я сталъ приходить въ чувство,
и ѣдая тоska моего и безъ того наболѣвшее сердце.
Долго ли въ самомъ дѣлѣ на за что на про что погубить
человѣка? Вотъ каковы наши ревизоры, думалось мнѣ. Вме-
сто того чтобы толкомъ разспросить и выслушать, принять
участіе въ моемъ затруднительномъ положеніи, лосодѣйстви-
вать, если ужъ ему дана власть, въ доставленіи перевязоч-
ныхъ вещей, въ командированіи къ транспорту нѣсколькихъ
помощниковъ-фельдшеровъ и тѣмъ привести дѣйствительную
помощь страждущимъ, этотъ ревизоръ накричалъ, наругался
и былъ таковъ; а тамъ быть-можетъ еще поведутъ меня къ
позорному столбу! Когда я полпрекнулъ транспортнаго офице-
ра почему онъ не объяснилъ флигель-адъютанту дѣла прежде
чѣмъ я предсталъ предъ его очи, тотъ возразилъ мнѣ что
онъ въ теченіе своей службы въ Севастополѣ уже отвыкъ
отъ подобныхъ дерзостей какія говорилъ „этотъ адъютан-
тиска“, и нарочно держался въ сторонѣ, иначе де онъ не ру-
чался за себя, далъ бы сдачи, и тогда могло бы быть для
всѣхъ насъ гораздо хуже. „Гдѣ ужъ говорить съ такими фран-
таками по-человѣчески!“ прибавилъ онъ. Такъ и видно что

сейчасъ съ Невского проспекта. Обрадовался что наѣхалъ на случай отвести душу, и давай кричать безъ толку. Вѣдь онъ вполнѣ убѣжденъ что, еще не доѣзжая до Севастополя, уже оказалъ отечеству великую услугу. Нѣтъ, еслибы приставить его на бастіонъ къ настоящему дѣлу или пусть бы онъ этакъ съ недѣлку побылъ хоть въ вашей шкурѣ, при этомъ самомъ транспортѣ, тогда бы сталъ выше травы, тише воды, узнавши что почемъ.“ Чѣмъ эта встрѣча кончилась, объ этомъ будетъ сказано ниже, а теперь продолжаю мнѣ воспоминаній.

Случилась съ нами во время пути еще другая оказія. Во время переѣзда отъ станціи Ишуни до Перекопа пошелъ такой крупный и обильный дождь что черноземно-глинистый грунтъ дороги вскорѣ превратился въ вязкій кисель, лудами цѣлявшійся къ колесамъ нашихъ чумацкихъ воевъ. Предстояло сдѣлать всего 25 верстъ; но ѣзда на изнуренныхъ волахъ оказалась столь трудною что за цѣлый день, съ разными остановками и отдыхами, мы проѣхали лишь верстъ 15, и насъ захватила въ открытомъ полѣ сырая и темная почва. Повозки были безъ будокъ, дождь лилъ какъ изъ ведра, и мои больные и раненые, дрожа въ своихъ потертыхъ шинелишкахъ, сильно страдали. Какъ ни усердствовали логонщики, какъ ни напирали въ тылъ повозокъ своими дюжими плечами, волаи положительно застряли въ грязи и не могли сдвинуться съ мѣста. Перспектива предстояла не веселая—всю ночь промокнуть на дождѣ безъ всякой надежды тронуться и на другой день съ мѣста до тѣхъ поръ пока не подсохнетъ дорога. Хорошо еще что это случилось предъ Переколомъ, откуда возможно было чаять кое-какой помощи. Посоветовавшись съ транспортнымъ начальникомъ, мы отправили въ городъ къ коменданту расторопнаго унтеръ-офицера изъ числа выздоравливающихъ раненыхъ, поручивъ ему ходатайствовать о высылкѣ къ намъ свѣжихъ подводъ, а людямъ присоветовали улечься лодотнѣе на повозкахъ, прикрывшись сверху тѣмъ что нашлось подъ руками. Наступила мертвая тишина, изрѣдка лишь прерываемая наѣзжавшими почтовыми бричками, которыя съ великимъ трудомъ объѣзжали нашъ таборъ полемъ, увязая въ клейкомъ мѣсивѣ по ступицу. И ужъ досталось отъ сѣдоковъ и ямщиковъ разной ругани нашимъ бѣднымъ подводчикамъ за ихъ несчастныхъ воловъ, хотя разумѣется безответные хохла были тутъ ни при чемъ. Они разказывали что съ трудомъ дотащившись съ провіантомъ

до Бахчисарая, изнурили своихъ кормильцевъ-воловъ до такой степени что всякій новый грузъ былъ для ихъ скотины не подъ силу, и Христомъ-Богомъ отпрашивались отъ транспортировки людей; но начальство, не внявъ слезнымъ мольбамъ, насильно принудило ихъ взять эту непосильную тяготу.

Наконецъ, по прошествіи восьми часовъ ожиданія, предъ разсвѣтомъ, къ намъ были присланы пароконныя подводы, и моя немощная команда ожила духомъ. Тотчасъ поднялся говоръ, приправляемый шутками и смѣхомъ, словно высылались солдатики мои въ хоромахъ, на роскошныхъ постеляхъ. Такъ, при всѣхъ самыхъ тяжкихъ невзгодахъ жизни, твердъ и непреклоненъ духъ русскаго солдата, начиная отъ кровавой бойни на бастіонахъ до мучительнаго голода и холода. Пароконныя подводы живо домчали насъ до Перекола, гдѣ, благодаря гуманной заботливости коменданта, генерала Богумевскаго, пациенты мои были призрѣны и успокоены съ истиннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Больныхъ и раненыхъ разлѣстали въ свѣтлыхъ и чистыхъ казармахъ, дали имъ сухое бѣлье на время пока просушивалась ихъ измокшая одежда, напоили горячимъ чаемъ, отпустили ворохъ корпіи и бивтовъ и отрядили двухъ сестеръ милосердія въ помощь мнѣ при перевязкѣ. Всѣ мы ободрились, повеселѣли. Къ несчастію, проведенная на дождѣ ночь отразилась на моей командѣ неблагоприятно. Многія раны, имѣвшія хорошее теченіе, были поражены рожистымъ воспаленіемъ, у нѣкоторыхъ людей обнаружилась жестокая лихорадка. По представленію моему, съ которымъ комендантъ тотчасъ согласился, такіе люди были выключены изъ транспорта и оставлены подъ кританцію въ Переколскомъ госпиталѣ, хотя и здѣсь былъ большой недостатокъ въ мѣстахъ.

И теперь еще, по прошествіи семнадцати лѣтъ, я вспоминаю о переколскомъ комендантѣ съ теплою признательностію и любовью. Въ моей начинавшейся службѣ я встрѣтилъ въ немъ перваго воинскаго сановника въ которомъ генералъ оставался позади человѣка, который не возвышалъ голоса, не грозилъ, но относился ко всѣмъ и ко всему мягко, гуманно, съ участіемъ. Тѣмъ благотворнѣе подѣйствовала на меня эта прекрасная личность что я, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ флигель-адъютантскихъ громовъ, заурядъ ожидалъ

себѣ распеканціи даже и за то что чумацкіе волы отказались доставить транспортъ въ Переколтѣ на срокъ, по маршруту. Ободренный доступностью и привѣтливостью почтеннаго генерала Богушевскаго, я рѣшился объяснить ему то критическое положеніе въ которомъ я находился. Разказавъ ему что транспортъ, при отправленіи изъ Симферополя, почти вовсе не былъ снабженъ перевязочными припасами, вслѣдствіе чего раненые уже со второй станціи перевязываются кое-какимъ тряпьемъ, что при несоизмѣрно-большомъ числѣ вѣбренныхъ мнѣ лаціентовъ, мнѣ не дали въ помощь ни одного фельдшера, что при крайней медленности воловѣй ѣзды, у меня совершенно нѣтъ времени для перевязки, которая совершается по ночамъ, что наконецъ встрѣтившійся неизвѣстный флигель-адъютантъ, не принявъ отъ меня никакихъ объясненій, грозилъ жаловаться на врачесбыма улущенія, отъ меня не зависѣвшія, главнокомандующему, — разказавъ все это, я просилъ у добраго генерала помощи и заступничества. И онъ сдѣлалъ все что было возможно: къ транспорту былъ прикомандированъ опытный фельдшеръ съ хорошимъ заласомъ стараго холста, корпіи, бинтовъ и акарствова, а относительно моея роковой встрѣчи генералъ далъ слово написать въ главную квартиру, съ самымъ подробнымъ разъясненіемъ дѣла, вполнѣ успокоивъ меня увѣреніемъ что всякія послѣдствія флигель-адъютантской жалобы будутъ предупреджены. И въ самомъ дѣлѣ эта грозная передрага кончилась довольно благополучно, именно: когда по возвращеніи моемъ въ Симферополь, госпиталь потребовалъ для меня суточные деньги, такъ какъ каждому транспортному врачу полагалось за время командировки по рублю въ день вспоможенія, то штабъ главнокомандующаго отказалъ мнѣ въ этихъ деньгахъ, „по дошедшимъ на этого врача жалобамъ“, какъ значилось въ официальной бумагѣ, — и хотя такое лишеніе, послѣ перенесенныхъ мною сверхъестественныхъ трудовъ, при моея бѣдности было весьма чувствительно, но я былъ очень радъ что отдался такъ дешево, потому что безъ участія генерала Богушевскаго, со мной могло приключиться что-нибудь гораздо худшее.

Сдѣлавъ вопреки маршрута дневку въ Переколтѣ и подкрѣпивъ отдыхомъ утомленныхъ воловъ, мы двинулись въ дальнѣйшій путь, въ Херсовъ, гдѣ мнѣ слѣдовало сдать людей въ госпиталь. Эту часть путешествія, сравнительно съ

Впечатлѣнія военнаго врача въ Крымскую кампанію. 291

первою, мы совершили благополучно. Даже чумацкіе воли по-шли какъ будто живѣе, благодаря тому что здѣсь уже по-шелъ подножный кормъ и не было затрудненія въ водо-ловѣ. Когда мы подползали своимъ черепашинымъ ходомъ къ Херсону, мною овладѣло ясное, благодушное настроеніе при мысли что это лутешествіе, со всѣми его тягостными условіями, оканчивается, что мнѣ предстоитъ хоть на нѣсколь-ко дней успокоиться отъ того болѣзненно-нервнаго напряже-нія въ которомъ я находился въ теченіе шестнадцати дней, съ момента выѣзда изъ Симферополя. Это же настроеніе раз-дѣляло и вся моя немощая команда, утомленная медленнымъ и монотонно-скучнымъ лутешествіемъ, совершеннымъ подъ жгучимъ стелымъ солнцелекомъ. Оказалось что общая на-ша радость была преждевременна. Транспортъ нашъ, при выѣздѣ въ городъ, былъ встрѣченъ какимъ-то офицеромъ, который объявилъ что въ херсонскихъ госпиталяхъ положи-тельно нѣтъ мѣстъ для принятія новыхъ больныхъ, и что намъ, по всей вѣроятности, придется слѣдовать дальше, а тѣмъ вре-менемъ указавъ помѣстити людей въ деревянныхъ баракахъ находившихся предъ городомъ, гдѣ я расположилъ своихъ пациентовъ, за неимѣніемъ нарѣ, на полу устланномъ со-ломой.

На другой день, въ самомъ дѣлѣ было приказано мнѣ и транспортному офицеру везти людей въ Николаевъ, причемъ офицеру данъ былъ дополнительный маршрутъ и новая сум-ма денегъ для продовольствія людей. „подавай карету!“ шу-тливо кричали на поворухъ подводчиковъ наши транспорт-ные весельчаки, когда я вновь разсаживалъ свою команду на тѣ же злополучныя подводы. „Вишь, братцы, дворець-то здѣсь для насъ построилъ, да луху лебяжяго для постелей еще не заласал, балагурили другіе; такъ ужъ покатымъ лучше въ Николаевъ: тамъ, слышь, царскія хоромы совсѣмъ для насъ готовы.“ И „покатали“, дѣлая 15—20 верстъ въ теченіе двѣ-надцати дневныхъ часовъ, то-есть съ утра до ночи. Но эта часть пути была не въ примѣръ веселѣ той которую мы дѣлали по однообразной, олаленной и безжизненной татар-ской степи. Здѣсь дорога разнообразилась спусками и при-горками, лахатными полями, встрѣчами съ христіанскимъ лю-домъ и, наконецъ, русскими деревнями. Словомъ, пошли виды знакомые и близкіе русскому взору, и люди мои дѣлали это

дополнительное путешествіе не только безъ нареканій, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Въ Николаевѣ я сдалъ наконецъ свою команду, съ которою тѣсно сблизила меня общность житья-бытья въ продолженіе трехнедѣльнаго странствованія и съ которою я дѣлилъ всѣ невзгоды и минуты веселья. И много я выслушалъ отъ этихъ простыхъ людей братскихъ заявленій признательности и молитвеннаго желанія мнѣ всякаго счастья, когда, послѣ сдачи транспорта, я прошелъ по госпитальнымъ палатамъ куда помѣщены были мои пациенты и, прощаясь съ ними, просилъ не поминать лихомъ. Такъ умѣетъ цѣнить нашъ многострадаальный солдатъ простыя человѣческія отношенія къ нему со стороны тѣхъ кого служба поставила выше солдатской ламки.

Не могу при этомъ не разказать нѣсколькихъ случаевъ встрѣтившихся при первыхъ шагахъ на полрищѣ моей служебной дѣятельности, случаевъ въ сущности маловажныхъ, но произведшихъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Въ Николаевѣ мнѣ и транспортному офицеру отвели общую квартиру, на которой мы прожили вмѣстѣ дня три. Я собрался уже ѣхать обратно въ Симферополь, а товарищъ мой еще оставался въ Николаевѣ для окончанія расчетовъ по транспорту. Когда я уже прощался съ моимъ бывшимъ спутникомъ, онъ порывисто вынулъ изъ портъ-моне пятидесятирублевую бумажку и, протягивая мнѣ, сказалъ:

— Вотъ, докторъ, возьмите то что слѣдуетъ на вашу долю. Еслибы вы не жеманились и дали нѣсколько экстренныхъ требованій, какъ я вамъ предлагалъ (тутъ вспомнились мнѣ лѣявки), тогда конечно доходъ могъ бы быть значительнѣе, а теперь больше 50 рублей вамъ не выходитъ, да и это въ ущербъ мнѣ самому.

Озадаченный этою неожиданностью, я вытаращилъ глаза.

— Помилуйте.... Я и не ожидалъ и не претендую, сказала я покраснѣвъ до ушей.—Я даже хорошенько не понимаю откуда могутъ слѣдовать мнѣ эти деньги?

— Эхъ вы, красная дѣвушка, какъ я вижу! попрекнулъ меня мой товарищъ, самъ нѣсколько сконфуженный.—Ну, извѣстно откуда: справочныя цѣны, маленькая экономія; вы, сказать правду, меня не прижимали, вотъ по долгу и чести это и есть вамъ благодарность.

— Извините, я не могу взять этихъ денегъ, потому что не считаю это согласнымъ.... съ моими принципами.

Офицеръ, не ожидавшій такого финала, растерялся въ свою очередь. Сцена вышла щекотливая для насъ обоихъ. Чтобы положить конецъ обоюдному конфузу, я поспѣшилъ проститься и какъ ошаренный выскочилъ на улицу. Мнѣ было стыдно до боли, какъ будто я самъ только - что совершилъ преступленіе противъ святаго долга, какъ будто на мою честь легло густое ятяно. Всю обратную дорогу я находился подъ вліяніемъ тяжелаго чувства, въ которомъ не могъ дать себѣ сознательнаго отчета. Только теперь, пройдя длинное сдѣланіе житейскихъ разочарованій, мнѣ ясно что то былъ бессильный протестъ молодой души возмущавшейся противъ разрушенія юношескихъ идеаловъ. Другой подобный казусъ, еще болѣе омрачившій мои розовыя возрѣнія, встрѣтился мнѣ въ Симферополѣ. Коммиссаръ одного госпиталя къ которому я былъ прикомандированъ пригласилъ меня однажды къ себѣ на чай. Между разговоромъ онъ положилъ предо мной связку ординаторскихъ требованій, за моею подписью, въ которыхъ требовались ванны, а для трудныхъ больныхъ вино.

— Хотите сейчасъ же положить въ карманъ рублей двадцать пять? спросилъ онъ, пріятельски треля меня по плечу.

Не зная въ чемъ дѣло, и подозревая что коммиссаръ хочетъ мнѣ предложить какую-нибудь сдѣлку, я отвѣчалъ неопредѣленно.

— Вотъ извольте видѣть: штука весьма простая, объяснилъ онъ.—Всѣ эти требованія вы вновь перепишите тѣмъ же числомъ. Но тамъ гдѣ значится, положимъ, три ванны, вы поставьте восемь; гдѣ шесть порцій вина (тогда вино отлускалось не изъ аптеки, какъ теперь, а по коммиссаріатскому каталогу), вы пропишите десять. А я вамъ отсчитаю за всякую ванну по 15 коп. и за винную порцію по 40 коп. Вотъ и составитса кое-что для васъ на чай, на сахаръ.

Когда я отказался, коммиссаръ сдѣлалъ изумленную мину и отозвался обо мнѣ въ такихъ выраженіяхъ что выходило просто-на-просто „дуракъ“. Въ послѣдствіи, мнѣ не разъ приходилось слышать какъ обзывали дураками тѣхъ людей которые завѣдывая какимъ-либо казеннымъ добромъ не умѣли или не хотѣли наживаться на общественный счетъ. Но то было время всеобщаго неурейства, когда никто не считалъ порокомъ грабить казну, съ соблюденіемъ только узаконенныхъ формальностей, когда военный

разгромъ захватилъ насъ совершенно неприготовленными въ нашемъ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего государственная казна расходовала деньги сверхъ дѣйствительныхъ потребностей, а русскому солдату пришлось выносить двойныя невзгоды. Мы надѣемся, мы убѣждены что если нашему отечеству суждено когда-либо перевести новую войну, то у насъ окажется и лучше воспитанная общественная совѣсть, рядомъ съ беззаветнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, искони присущимъ боевому русскому человѣку,—и правильно организованное и обильно снабженное военное хозяйство вообще и госпитальное въ частности. Независимо отъ другихъ надеждъ и сообщеній, одно уже наше Общество Попеченія о Больныхъ и Раненыхъ Воинахъ, покровительствуемое высокимъ авторитетомъ Государыни Императрицы, служить ручательствомъ въ томъ что нашъ раненый солдатъ не встрѣтитъ болѣе такой неурядицы въ военныхъ госпиталяхъ какая имѣла мѣсто въ Крымскую кампанію. Рядомъ съ этимъ ручательствомъ, у насъ въ настоящее время уже выработана организація военно-временныхъ госпиталей и подвижныхъ лазаретовъ, при готовыхъ кадрахъ, для быстрого формированія, во время войны, этихъ учрежденій въ широкихъ размѣрахъ и на рациональныхъ основахъ; въ войскахъ заведены въ достаточномъ количествѣ усовершенствованныя носилки и лазаретный рессорный обозъ, для удобнѣйшаго доставленія раненыхъ съ боя на перевязочные пункты и для перевозки ихъ въ лазареты и госпитали; учреждены спеціальныя такъ-называемыя санитарныя команды, приучаемыя къ подаванію перваго пособія раненымъ на полѣ сраженія и надлежащимъ приемамъ при ихъ укладкѣ на носилки и при переноскѣ; наконецъ, выработывается проектъ учрежденія резерва врачей на военное время, чтобы, въ случаѣ надобности, не терпѣть недостатка въ спеціально-врачебныхъ силахъ, и если Военному Министерству удастся разработать это послѣднее предположеніе такъ чтобы въ военное время оно не осталось безплодною теоріей, но при первой надобности могло бы быть реализовано во всей практической полнотѣ, тогда задача призрѣнія раненыхъ будетъ заблаговременно исполнена удовлетворительнымъ образомъ. Нельзя умолчать о томъ что недостатокъ врачебныхъ силъ и до сихъ поръ есть большое мѣсто въ организаціи нашей санитарной части. Даже теперь, при кадровомъ составѣ большей части нашихъ войскъ, ощущается такой

недостатокъ во врачахъ что только съ особенною натяжкой и не безъ нѣкоторыхъ пробѣловъ удовлетворяются всендневныя требованія санитарной службы въ войскахъ. Гдѣ правительство найдетъ потребное число врачей въ военное время, когда понадобится ихъ въ десять разъ больше чѣмъ сколько имѣется ихъ теперь налицо, или чѣмъ привлечетъ оно ихъ какъ въ дѣйствительную службу, такъ и въ резервъ? Вотъ важный и трудный вопросъ, услышное разрѣшеніе коего не мало придаетъ бодрости и самоувѣренности арміи идущей въ бой,—вопросъ ожидающій законодательнаго и практическаго разрѣшенія въ будущемъ.

Въ ноябрѣ 1855 года я былъ командированъ „на позицію“, и такъ какъ дальнѣйшая моя служба не соприкасалась со скорбнымъ міромъ крымскихъ госпиталей, то и послѣдующія впечатлѣнія уже не входятъ въ предположенную для этого разказа рамку.

И. Л.—СКІЙ.

20го февраля, 1873.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА X.

Первое свиданіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней леди Анна не вставала съ постели. Она просила не приглашать доктора, увѣряя что ея болѣзнь только головная боль и ничего болѣе. Но выйти замужъ за графа Ловеля было рѣшительно невозможно: она повторяла это каждый разъ какъ мать заговаривала о предложеніи. „Я не видала его, мама. Я не знаю его, но я увѣрена что это невозможно.“ Вынужденная наконецъ встать, она продолжала отговариваться отъ свиданія которое сама признавала неизбѣжнымъ. Нѣсколько дней спустя она согласилась сѣздить на день въ Бедфордъ-Скверъ, обѣдать тамъ и провести вечеръ. Графиня, уже не вполнѣ довѣрявшая въ это время сержанту закона, какъ противнику новаго плана соглашенія, тѣмъ не менѣе обрадовалась когда дочь рѣшилась сѣздить къ его семейству, такъ какъ послѣ этого выѣзда дѣвушка

---

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 6.

сама лишила себя предлога отсрочить свиданіе съ графомъ. Побывавъ у мистрисъ Блюстоуъ, она уже не могла отвѣриться болѣзненною слабостью.

Въ теченіе этого времени придумывалось какъ устроить предстоящую встрѣчу. Генераль-соллициторъ, разговаривая объ этомъ съ молодымъ графомъ, совѣтовалъ ему пригласить леди Анну немедленно въ Йоксамъ, признавъ ее леди Анной, и графъ былъ доволенъ такимъ планомъ. Ему было бы легче исполнить свое вынужденное сватовство среди своихъ родныхъ и въ домѣ къ которому онъ привыкъ, чѣмъ въ лондонской гостиницѣ. Но его дядя, совѣтовавшійся на этотъ счетъ съ мистеромъ Гарди, продолжалъ протавиться. „Мы окончательно погубимъ свое дѣло назвавъ ее хоть разъ леди Анной“, говорилъ онъ. „Что будетъ съ нами если молодые люди не сойдутся? Я никогда не вѣрилъ и не повѣрю что она дѣйствительно леди Анна Ловель.“ Генераль-соллициторъ, услышавъ объ этомъ возраженіи, вышелъ изъ терпѣнія. Что за ослы эти люди, считающіе себя дальновиднѣе его и не видящіе что всего благоразумнѣе было бы протянуть чистосердечно руку законной наслѣдницѣ! Они испортятъ все дѣло своимъ упрямствомъ.

Послѣ этого генераль-соллициторъ возымѣлъ намѣреніе пригласить леди Анну къ себѣ и уже получилъ на это согласіе жены. Но онъ былъ слишкомъ остороженъ чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ. Онъ искренно и горячо старался уладить семейный споръ къ общему удовольствію, предполагая, даже вполнѣ увѣренный что всѣ причастныя къ дѣлу лица люди честные; но онъ боялся зайти далеко чтобы какая-нибудь ошибка въ его предположеніяхъ не повредила его репутациі.

Въ концѣ концовъ графу не осталось другаго выбора какъ ѣхать самому къ леди Аннѣ. Но предварительно было устроено свиданіе между нимъ и графиней въ конторѣ мистера Флика. Что графъ заѣхалъ къ своему повѣренному было въ порядкѣ вещей, но что графиня явилась туда же вслѣдъ за нимъ было далеко не въ порядкѣ вещей, и когда сержантъ Блюстоуъ узналъ объ этомъ, онъ объявилъ что принужденъ будетъ отказаться отъ дѣла графини.

— Очень рада познакомиться съ вами, мимордъ, и надѣюсь что мы будемъ друзьями, сказала графиня.

Молодой человекъ не умѣлъ такъ владѣть собою какъ она, но пробормоталъ нѣсколько учтивыхъ словъ.

— Жаль что васъ раздѣляетъ столкновение интересовъ, сказала стряпчій.

— Надѣюсь что это не будетъ продолжаться, отвѣчала графиня.— Я вѣснъ сердцемъ предана благосостоянію нашей фамиліи, лордъ Ловель, но я не могу сдѣлать вамъ никакой уступки если вы не признаете нашихъ правъ на имя которое мы носимъ и безъ котораго мы не могли бы смотрѣть смѣло въ глаза свѣту.

Графъ пробормоталъ опять нѣсколько словъ и далъ обѣщаніе пріѣхать въ Видгамъ-Стритъ на слѣдующій день. Въ этотъ разъ не было рѣчи о бракѣ. Даже графиня, при всей своей рѣшимости и смѣлости, не была въ состояніи предложить молодому человекъ жениться на ея дочери.

— Какая красивая женщина! сказалъ графъ стряпчему когда графиня уѣхала.

— Да, очень красивая.

— И совершенная леди.

— Она изъ хорошей фамиліи.

— Правда ли что она была женой покойнаго графа, мистеръ Фликъ?

— Не знаю, милордъ. Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ. Генераль-соллициторъ полагаетъ что она могла бы доказать законность своего брака, а я не знаю случая чтобы генераль-соллициторъ ошибся.

— Въ такомъ случаѣ почему мы не уступимъ ей прямо?

— Для чего же намъ уступать ей, милордъ? Спорное состояніе очень велико. Я никогда не посоветовалъ бы вамъ уступить.

— Я не хочу пользоваться чужою собственностью, мистеръ Фликъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, но можно ли поручиться что это состояніе принадлежитъ не вамъ? Мы въ этомъ никогда не будемъ вполнѣ увѣрены, и женитьба есть конечно лучший исходъ изъ затрудненія. Намъ придется отказаться отъ лучшихъ притязаній, но мы обезлечимъ себя брачнымъ контрактомъ.

Молодому графу все это не нравилось. Онъ предпочелъ бы начать сватовство уже послѣ того какъ дѣвушка была бы утверждена въ своихъ правахъ и когда никакіе расчеты

не побуждали бы ее уступить ему. Но онъ уже далъ согласіе, и теперь было поздно отступать. На слѣдующій день въ полдень онъ долженъ былъ явиться къ графинѣ чтобы быть представлену ея дочери.

Въ этотъ вечеръ графиня и леди Анна просидѣли вдвоемъ до поздней ночи. Графиня рѣшила было сначала не говорить дочери о томъ что ее ожидало на слѣдующій день, но не выдержала и много говорила о своихъ планахъ сидя съ ней у отвореннаго окна въ душную июльскую ночь.

— Тебѣ предстоитъ теперь увѣнчать успѣхомъ или уничтожить все что я сдѣлала съ самаго того дня какъ ты родилась.

— О, мама, какъ ужасны ваши слова!

— Но что же дѣлать если это правда? Тебѣ предстоитъ рѣшить восторжествоемъ мы или погибнемъ навсегда.

— Какъ мы можемъ погибнуть? Я васъ не понимаю. Графу не пришло бы въ голову жениться на мнѣ еслибы это состояніе не принадлежало мнѣ. Вѣдь не могъ же онъ полюбить меня не зная меня.

— Ты можешь такъ разсуждать потому что ничего не понимаешь. Неужели ты думаешь что ваши права будутъ признаны безпрекословно если ты откажешь графу? Очень ошибаешься. Борьба возобновится, и такъ какъ у насъ нѣтъ денегъ, то рано или поздно мы будемъ побѣждены. Почему тебѣ не любить его? Никого другаго ты не любишь?

— Нѣтъ, мама.

— Такъ чего же лучшаго можешь ты желать?

— Я не знаю его, мама.

— Узнаешь. Разсуждая по-твоему ни одна дѣвушка никогда не выходила бы замужъ. Развѣ тебѣ не было бы пріятно заявлять въ обществѣ такое же высокое положеніе на какое имѣла право и мать твоя, хотя имъ не пользовалась?

— Высокое положеніе не имѣеть для меня особой привлекательности, мама.

— Анна! воскликнула съ ужасомъ графиня. Слова дочери заставили ее вспомнить о сынѣ портнаго. Неужели такое ужасное несчастіе ожидаетъ ее послѣ всего что она сдѣлала?

— Я хочу сказать что не слишкомъ дорожу знатностью, мама. Нашъ титулъ не принесъ намъ никакого добра.

— Но если судьба дала намъ его, мы должны покориться и дорожить имъ, выгодемъ ли онъ намъ или нѣтъ, приноситъ ли онъ намъ счастье или несчастіе. Ты не имѣешь права

отказаться отъ него. Ты можешь обезчестить его, но онъ все-таки останется при тебѣ. Хотя бы ты вышла замужъ за трубочиста, ты останешься леди Анной, дочерью графа Ловела.

— Я не стала бы называться леди Анной.

— Другіе стали бы называть тебя такъ. Это твое имя, и ты не можешь освободиться отъ него. Оно принадлежитъ тебѣ неотъемлемо какъ мое принадлежитъ мнѣ, и не дорожить имъ, не положить всей своей жизни за право пользоваться имъ, было бы непростительною низостью. *Noblesse oblige*. Ты понимаешь значеніе этого выраженія. И неужели ты способна разрушить ради какой-нибудь дѣтской фантазіи все для чего я боролась и страдала столько лѣтъ? Думала ли ты когда-нибудь о моей жизни, Анна?

— Думала, мама.

— Неужели у тебя достанетъ духа разочаровать меня теперь, когда любовь такъ возможна, когда она зависитъ отъ одной тебя? И чего я прошу у тебя? Еслибъ этотъ человѣкъ былъ дурень, еслибъ онъ былъ похожъ на твоего отца, — льяница, злой, или человѣкъ глупый, тяжелый или уродъ, еслибы ты знала о немъ что-нибудь дурное, напимѣръ что онъ обманывалъ другихъ женщинъ, я повила бы тебя. Но о графѣ мы не слышали ничего кромѣ хорошаго, всѣ знающіе его говорятъ что его нельзя не любить, что онъ такой человѣкъ за кого охотно вышла бы всякая дѣвушка.

— Такъ пусть и выходитъ за него та дѣвушка которая любить его.

— Но онъ хочетъ чтобы ты вышла за него.

— Не потому что любить меня. Онъ не можетъ любить меня, потому что не знаетъ меня, и я не могу любить его потому что не знаю его.

— Онъ хочетъ жениться на тебѣ потому что слышалъ какова ты и знаетъ что этимъ бракомъ можно положить конецъ всѣмъ нашимъ раздорамъ.

— Да, потому что хочетъ чтобы ему досталось большое состояніе.

— Оно достанется вамъ обоимъ. У него нѣтъ никакихъ безчестныхъ намѣреній. Онъ даетъ тебѣ столько же столько возьметъ отъ тебя. Развѣ тебѣ нѣтъ дѣла до того будутъ ли въ состояніи будущіе графы Ловела стоять на равной ногѣ съ другими англійскими перами? Развѣ ты не желала бы чтобы

твой сынъ былъ графомъ Ловелемъ и имѣлъ возможность съ честью носить свой титулъ?

— Не думаю чтобъ это принесло ему счастье, мама.

— Въ твоихъ словахъ кроется что-то нелоятное для меня, Анна. Ты никогда не была такою. Въ былое время, когда мы говорили о томъ же самомъ, ты не была такъ равнодушна какъ теперь.

— Потому что тогда отъ меня не требовали чтобъ я вышла замужъ за человѣка котораго не люблю.

— Есть какая-нибудь другая причина, Анна.

— Никакой другой причины нѣтъ, мама.

— Если нѣтъ ничего другаго, то ты полюбишь его. Ты увидишь его завтра. Я посижу съ вами нѣсколько времени, а потомъ оставлю васъ вдвоемъ. Я прошу тебя только объ одномъ: встрѣть его безъ предубѣжденія. Ты должна помнить какъ многое зависитъ отъ тебя и что ты не въ такомъ положеніи какъ другія дѣвушки.

Послѣ этого наставленія леди Анна получила разрѣшеніе уйти въ свою комнату, гдѣ она могла поплакать на свободѣ надъ своимъ печальнымъ положеніемъ. Она не только любила Давіела всѣмъ сердцемъ, любила любовью росшею съ каждымъ годомъ ея жизни, но она и боялась его. Этотъ человѣкъ сдѣлался ея властителемъ, и еслибъ она могла принудить себя измѣнить ему, у нея никогда не достало бы духа сознаться ему въ этомъ.

На слѣдующее утро она не сошла къ завтраку, и графиня начала опасаться что дочь не одѣнется вовремя и не выйдетъ къ гостю. Но бѣдная дѣвушка уже рѣшилась выйти къ нему и не искала предлоговъ избавиться отъ этого. Въ одиннадцать часовъ она начала медленно одѣваться, и къ двѣнадцати сошла въ гостиную. Графиня съ безпокойствомъ оглянула ее, заботясь о впечатлѣннн которае она произведетъ на графа. Она уже дала ей нѣсколько наставленій на счетъ платья, лентъ и прически. Всѣ они были покорно исполнены, но въ лицѣ дѣвушки было такое твердое, жесткое выраженіе что графиня начала сомнѣваться оправдаетъ ли она ожиданія графа. Она знала что Анна никогда не смотрѣла такъ прежде.

Ровно въ двѣнадцать было возвѣщено о пріѣздѣ графа. Графиня встрѣтила его очень любезно и съ величайшимъ самообладаніемъ. Она пожала ему руку какъ старому другу и съ кроткою улыбкой представила его дочери.

— Надѣюсь что вы признаете ее своею родственницей, милордъ. Кровь, говорятъ, гуще воды, и если это правда, вы должны быть друзьями.

— Я надѣюсь что мы будемъ друзьями, сказалъ графъ.

— Я тоже надѣюсь, милордъ, сказала дѣвушка покорно оставивъ свою руку въ его рукѣ.

— Мы слышали о васъ въ Комберландѣ, продолжала графиня.—Я давно не видала Ловель-Гринджа, но хорошо его помню. Нѣтъ ни одного куста въ этомъ мѣстѣ который бы я забыла или могла забыть не только въ этомъ мѣрѣ, но и въ будущемъ, если только память не оставитъ насъ со смертию.

— Я люблю горы, но домъ очень мраченъ.

— Да, это правда, но если онъ вамъ показался мрачнымъ, какимъ долженъ онъ былъ показаться мнѣ? Можетъ-быть когда-нибудь я буду въ состоянiи разказать вамъ все что я тамъ выстрадала. Бѣтъ вещи которыхъ еще не знаетъ ни одинъ смертный. Дочь моя еще слѣшкомъ молода и нѣжна чтобы смущать ее такими разказами. Мнѣ иногда приходится въ голову что ли въ одной трагедiи, ни въ одномъ фантастическомъ разказѣ не найти столько ужасовъ сколько я вынесла въ одинъ этотъ годъ.

И она описала общими чертами, не входя въ подробности, свою жизнь съ покойнымъ графомъ.

— Я никогда не удивлялась, милордъ, сказала она въ заключенiе,—что вы и ваши ближайшіе родственники сомнѣвались въ моихъ правахъ. Этотъ безбожный человекъ опуталъ меня такъ искусно что я сама едва поняла свое положенiе.

Все это графиня придумала заранѣе, рѣшивъ коснуться сущности дѣла въ первое же свиданiе, и съ самаго начала заластисъ симпатiей молодаго графа.

— Надѣюсь что скоро настанетъ конецъ всѣмъ вашимъ неприятностямъ, сказалъ онъ.

— Дай Богъ, отвѣчала она медленно поднимаясь съ мѣста. Эта минута была самою трудною для нея. Она не могла оставить молодыхъ людей вдвоемъ не приискавъ какого-нибудь извиненiя.—Да, я надѣюсь что теперь настанетъ конецъ какъ нашимъ, такъ и вашимъ неприятностямъ. Покойный графъ былъ такъ же несправедливъ къ вамъ, какъ и къ намъ. Молю Бога чтобы вы и моя дочь поняли и полюбили другъ друга, для того чтобы быть въ состоянiи исправить зло сдѣланное вашимъ предшественникомъ. Если это случится, то нѣ-

сколько будущих поколѣній Ловелей будутъ произносить ваши имена съ благодарностью.

Послѣ этого она медленно вышла изъ комнаты.

До сихъ поръ леди Анна сказала только одно слово. И теперь не ея дѣломъ, конечно, было начать разговоръ. Она сидѣла облокотясь на столъ, опутивъ голову и не смѣя взглянуть на человѣка представленнаго ей въ качествѣ искателя ея руки. Бросивъ на него только одинъ взглядъ въ ту минуту когда онъ входилъ, она успѣла замѣтить что онъ красивъ и привлекателенъ и что въ лицѣ его еще сохранилось то юношеское выраженіе при видѣ котораго дѣвушка перестаетъ бояться мушкетера, предполагивъ въ немъ долю своей собственной слабости, освобождающую ее отъ необходимости смотрѣть на него какъ на существо высшее въ сравненіи съ ней. Тотъ же взглядъ показалъ ей какъ молодой графъ былъ не похожъ на Даниѣла Твейта, на человѣка которому она отдавала свое сердце, и она поняла въ эту минуту всю прелесть аристократическаго изящества. Даниѣль былъ чловѣкъ смуглый, съ черною бородой, съ жесткими руками, съ благороднымъ огнемъ въ глазахъ, но со врожденною суровостью въ выраженіи рта, свидѣтельствовавшемъ какъ о силѣ характера, такъ и о грубости. Еслибъ она не знала Даниѣла Твейта, она могла бы, казалось ей, полюбить молодаго графа. Теперь же ей оставалось только ждать и отвѣчать ему какъ сумѣетъ.

— Леди Анна, сказалъ онъ.

— Милордъ.

— Не правда ли что было бы хорошо еслибы мы сдѣлались друзьями?

— Друзьями? Конечно, милордъ.

— Я разкажу вамъ все, то-есть все о себѣ. Я выросъ въ убѣжденіи что вы и ваша мать не что иное какъ обманщицы.

— Милордъ, мы не обманщицы.

— Да, теперь я этому вѣрю. Это было заблужденіе въ которомъ я ничѣмъ не виноватъ. Я былъ мальчикъ, и могъ ли я не вѣрить тому что мнѣ говорили? Я знаю теперь что вы имѣете и всегда имѣли право на имя которое носите. Состояніе оставленное вашимъ отцомъ принадлежитъ безспорно вамъ. Еслибы мнѣ удалось опровергнуть ваши права, это было бы величайшимъ беззаконіемъ.

— Благодарю васъ, милордъ.

— Ваша матушка сказала что она выстрадала много. Я этому вѣрю и надѣюсь что теперь настала конецъ всемъ ея неприятностямъ. Я пріѣхалъ сегодня сюда болѣе для того чтобы сказать это вамъ чѣмъ для чего другаго.

Тѣмъ разочарованія, слабое подобіе сожалѣнія мелькнуло въ ея сердцѣ при послѣднихъ словахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была довольна. Она не могла бы выйти за него еслибъ онъ желалъ этого, а онъ повидимому даже не желалъ этого. Ея мать и правовѣды ошиблись, и онъ хорошо дѣлаетъ что говорить это ей прямо.

— Это благородно съ вашей стороны, милордъ.

— Я не хочу чтобы вы считали меня способнымъ явиться къ вамъ съ предложеніемъ любви пока вы не убѣдились люблю я васъ, или нѣтъ.

— Конечно, милордъ.

Она едва ловимала его теперь. Намѣревъ онъ или нѣтъ искать ея руки?

— Вы леди Анна и наследница вашего отца. Я графъ Ловель, вашъ родственникъ и бѣднѣйшій изъ всехъ графовъ Англіи. Мнѣ говорятъ что намъ слѣдуетъ вступить въ бракъ, потому что вы богаты, а я графъ.

— Мнѣ говорятъ то же самое, но этимъ способомъ нельзя поправить положенія дѣлъ.

— Я не согласился бы на это еслибы даже смѣлъ думать что вы согласитесь.

— О, нѣтъ, милордъ, я не согласна.

— Но еслибы вы могли полюбить меня....

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ.

— Подождите отвѣчать мнѣ, леди Анна. Еслибъ я сталъ увѣрять васъ теперь что люблю васъ, люблю едва увидавъ васъ и притомъ зная что вы богатая наследница....

— Не говорите объ этомъ, милордъ.

— Хорошо, я не буду говорить объ этомъ. Итакъ еслибъ я сказалъ теперь что люблю васъ, вы не повѣрили бы мнѣ.

— Это было бы не правдой, милордъ.

— Но я знаю что люблю васъ. Вы обладаете прекрасною наружностью и, какъ я слышалъ, прекраснымъ характеромъ. Я этому вѣрю. Вы позволите мнѣ попробовать могу ли я любить васъ, Анна?

— Нѣтъ, милордъ.

— Такъ скоро и такой рѣшительный отвѣтъ?

— Да, милордъ.

— Почему? Не потому ли что мы не знаемъ другъ друга? Но этой бѣдѣ можно помочь, если не такъ скоро какъ я бы этого желалъ, то постепенно, мало-по-малу. Позвольте мнѣ только бывать у васъ. Вы сказали что мы можемъ быть друзьями.

— О, да; друзьями, надѣюсь, мы будемъ.

— Такъ будемъ по крайней мѣрѣ друзьями. Но мы и родственники.

— И родственники, милордъ.

— Не можете ли вы называть меня по имени? Родственникамъ это позволено. И вспомните что у васъ нѣтъ родственника ближе меня. Я обязанъ быть для васъ по крайней мѣрѣ братомъ.

— О, да, будьте мнѣ братомъ!

— Или чѣмъ-нибудь болѣе. Я желалъ бы быть для васъ болѣе чѣмъ братомъ. Когда я шелъ къ вамъ не зная васъ, я уже чувствовалъ что я долженъ быть для васъ не менѣе какъ братомъ, или лучшимъ изъ друзей, потому что, хотя я и бѣденъ, но я глава фамиліи. Ловели должны жить дружно, и мы съ вами можемъ любить другъ друга какъ родственники если не будемъ въ состояніи полюбить другъ другъ такъ чтобы сдѣлаться мужемъ и женой.

— Я всегда буду любить васъ.

— Такъ чтобы сдѣлаться моею женой?

— Такъ чтобы быть вашей преданною сестрой.

— Пусть будетъ по-вашему, если больше невозможно. Я самъ не желалъ бы чтобы вы обѣщали мнѣ теперь большее. Но подумайте обо мнѣ и спросите себя можете ли вы рѣшиться соединить свою жизнь съ моею.

— Не могу, милордъ.

— Не называйте вашего брата лордомъ. Мое имя Фредерикъ. Но Анна, милая Анна,—съ этими словами онъ взялъ ея руку, — большаго я теперь не прошу у васъ, но родственники, родственники только-что узнавшіе другъ друга и готовые сдѣлаться друзьями, могутъ конечно поцѣловаться братскимъ поцѣлуемъ. Вы не откажете мнѣ въ поцѣлуѣ?

Она подставила ему щеку, онъ поцѣловалъ ее.

— Теперь я уйду отъ васъ, сказалъ онъ не выпуская ея руку. — Передайте вашей матушкѣ что ее не будутъ болѣе беспокоить юристы ея родственника, Фредерика Ловеля.

Для меня она съ этихъ поръ графиня Ловель, и я буду относиться къ ней съ почтеніемъ приличнымъ ея положенію.

И онъ ушелъ не простившись съ графиней.

ГЛАВА XI.

Поздно.

Графиня сама рѣшила не выходить опять къ своему гостю. Какъ бы ни былъ результатъ его свиданія съ Анной, разговоры не полравили бы дѣла. Сближеніе началось, и теперь главнымъ желаніемъ графини было чтобы дочь ея получила поскорѣе приглашеніе въ Іоксамъ. Если друзья графа, думала она, начнутъ содѣйствовать такъ же горячо какъ она его женитьбѣ на ея дочери, то бракъ устроится. Для себя самой она не ждала приглашеній, родственной симпатіи и родственнаго сближенія. Она терпѣла до сихъ поръ и готова была терпѣть до конца. И какъ ни интересовалъ ее результатъ свиданія графа съ Анной, она почти не спрашивала дочь. Но еслибы она слышала весь ихъ разговоръ, она была бы увѣрена въ успѣхѣ. Еслибы Даніель Твейтъ слышалъ этотъ разговоръ, онъ подумалъ бы что Анна расположена измѣнить ему. Но сама Анна не считала себя расположенною къ измѣнѣ. Графъ былъ такъ ласковъ, такъ нѣженъ, такъ чисто-сердеченъ съ своими родственными предложеніями дружбы и любви, что она не могла думать о немъ дурно. Онъ былъ въ ея глазахъ прекрасенъ, благороденъ, почти божественъ. Она знала что ей нельзя выйти за него, что она не имѣетъ права выйти за него потому что уже отдала свое сердце сыну портнаго. Когда графъ прикоснулся губами къ ея щекѣ, она вспомнила что позволяла цѣловать себя чедовѣку съ которыми ея благородный родственникъ не могъ имѣть ничего общаго, и она почувствовала себя униженною, какъ будто встрѣча съ нимъ внезапно объяснила ей все къ чему ее обязывало имя. Когда мать старалась объяснить это ей, Анна думала только о долгой преданности и безчисленныхъ услугахъ стараго Твейта и его сына. Но когда лордъ Ловель сказалъ ей кто она и что онъ будетъ всегда смотрѣть на нее какъ на дорогую родственницу, что ея мать будетъ признана графиней и можетъ ожидать отъ него почтенія подобающаго

ея положенію, она поняла какъ странно быль бы бракъ между леди Анной Ловель и Даниелемъ Твейтомъ, подмастерьемъ портнаго. До сихъ поръ лицо Даниеля казалось ей благороднымъ лицомъ чловѣка мужественнаго, великодушнаго и сильнаго. Но когда она увидѣла графа, взглянула въ его глаза, замѣтила какъ нѣженъ былъ лухъ надъ его губами и румянецъ его щекъ, какъ красивъ былъ его ротъ съ бѣлыми какъ жемчугъ зубами, какъ благороденъ очеркъ его ноздрей, какъ нѣжны его руки, когда она почувствовала его дыханіе на своемъ лицѣ, она поняла какъ пріятно было бы быть любимою такимъ чловѣкомъ.

Но все это не могло побудить ее измѣнить Даниелю. Она была подъ его вліяніемъ уже нѣсколько лѣтъ. Изыщныя прелести молодаго графа прельстили ее только на минуту. Еслибъ она была настолько безчестна чтобъ измѣнить Даниелю, у нея не достало бы смѣлости на это. Но она и не была настолько безчестна. Встрѣча съ графомъ произвела на нее такое же впечатлѣніе какое производитъ музыка на юношу проводящаго жизнь въ тяжеломъ трудѣ и въ бѣдности когда онъ услышитъ ее бродя безцѣльно по улицѣ въ тихую лѣтнюю ночь въ отворенныя окна великолѣпнаго дома. Сердце его сжимается отъ смутнаго ощущенія незнакомаго наслажденія и раздражающаго чувства зависти къ счастливцу имѣющему возможность стоять за стуломъ гѣвницы которую онъ едва смѣетъ слушать съ тротуара, и онъ отходить съ сожалѣніемъ и съ минуту проклинаетъ свою судьбу, не подозревая какъ скучаетъ юноша стоящій за стуломъ гѣвницы и какъ живо сердце этой дѣвушки. Но онъ не мечтаетъ что въ жизни его произойдетъ какая-нибудь перемѣна вслѣдствіе того что онъ слышалъ въ окно гѣвнїе дочери герцога. Нѣчто подобное было и съ Анной. Молодой графъ ей очень нравился, нравился въ особенности въ ту минуту когда общалъ ей быть ея братомъ и просилъ ее не отказать ему въ подѣлу. Но она знала что она ему не лара, что она лишила себя возможности жить его жизнью, лить изъ его чаши, прижиматься къ его груди. И она прошла мимо какъ юноша на улицѣ, и старалась утѣшиться мыслью что въ мушкетѣ сила привлекательнѣе нѣжности.

И она была дѣвушка честная, правдивая, съ большимъ запасомъ здраваго смысла, котораго графиня не подозрѣвала въ ней. Имѣла ли право ея мать, воспитавъ ее въ обществѣ

мелкихъ кумберландскихъ ремесленниковъ, считать ее личною женой для графа Ловеля? Она никогда не осуждала матери. Она знала что еслибы не мелкій ремесленникъ, они остались бы можетъ-быть безъ всякаго убѣжища. Но фактъ тѣмъ не менѣ существовалъ, и она понимала его значеніе. Она была такова какимъ сдѣлало ее воспитаніе, а перевоспитывать себя было уже поздно. О, да, безъ сомнѣнія поздно. Правовѣды смотрѣли на нее какъ на орудіе, какъ на имущество пріобрѣтеніе котораго могло быть очень выгодно для Ловелей. Стоило только графу жениться на ней чтобы всѣ затрудненія разрѣшились къ общему удовольствію. Легко было правовѣдамъ разсуждать такъ, но у нея какъ и у другихъ дѣвушекъ было сердце которое могло быть покорено и отдано или разбито. Человѣкъ сдѣлавшій для нихъ такъ много имѣлъ право ожидать вознагражденія, и онъ добился его, и теперь было уже поздно лишать его обѣщаннаго. Она не была ни настолько безчестна, ни настолько смѣла чтобы обмануть его.

— Понравился тебѣ графъ? спросила мать вечеромъ въ день свиданія.

— О, да, можетъ ли онъ не понравиться?

— Твоя правда. Такого красиваго и благороднаго молодаго человѣка я еще никогда не видала. И какъ онъ похожъ на графовъ Ловелей.

— Мой отецъ былъ такой же?

— Да, окладъ лица, тонъ голоса, выраженіе глазъ были такіе же, но мягкость манеръ была утрачена въ безпутной жизни которую онъ велъ. Ты тоже похожа на него, но смуглѣе и съ болѣе широкимъ окладомъ лица Мурреевъ. Я помню фамилные портреты въ Ловель-Гренджѣ. Всѣ Ловели были на одно лицо и всѣ красивы. Ты увидишь эти портреты и будешь счастлива тамъ гдѣ я была такъ несчастна.

— Я никогда не увижу ихъ, мама.

— Почему же?

— Потому что не желаю.

— Ты говоришь что онъ нравится тебѣ?

— Да, онъ мнѣ нравится.

— Почему же тебѣ не полюбить его настолько чтобы выйти за него замужъ?

— Я не гоюсь ему въ жены.

— Очень годишься, годишься болѣе чѣмъ всякая другая

дѣвушка. По происхожденію ты ему равная, по богатству ты выше его, потому что ты будешь очень богата если онъ дѣйствительно, какъ ты говоришь, намѣренъ отказаться отъ своихъ притязаній. О твоей годности не можетъ-быть и рѣчи.

— Развѣ деньги все что нужно, мама?

— Воспитана ты какъ леди, и ты безспорно леди. Божусь тебѣ, я не понимаю тебя. Можетъ быть онъ самъ не желаетъ жениться на тебѣ?

— Не знаю. Онъ сначала сказалъ что не желаетъ, потомъ кажется говорилъ что желаетъ.

— Не это ли смущаетъ тебя?

— Нѣтъ, не это, не одно это. Дѣло въ томъ что теперь уже поздно.

— Поздно! Какъ поздно? Анна, я требую чтобы ты сказала мнѣ что это значитъ. Почему поздно?

Но леди Анна не имѣла никакого намѣренія сказать матери о своихъ отношеніяхъ съ Томасомъ Твейтомъ. Молодые люди условились хранить въ тайнѣ свою любовь пока не кончится дѣло о наслѣдствѣ. Даніель поклялся ей что ему все равно, будетъ ли она признана леди Анной Ловель, обладательницей громаднаго состоянія, или останется Анной Муррей, дѣвушкой безъ гроша въ карманѣ, ничтожествомъ въ общественномъ мнѣніи. Будущность ихъ сложилась бы конечно соответственно тому или другому изъ этихъ рѣшеній. Даніель зналъ что его ожидало еслибы состояніе досталось графу, въ чемъ онъ былъ почти увѣренъ когда сдѣлалъ предложеніе Аннѣ. Онъ пошелъ бы по пути своего отца, но безъ сомнѣнія достигъ бы лучшихъ результатовъ. Но что сталъ бы онъ дѣлать еслибы состояніе досталось его будущей женѣ, какъ вынесъ бы онъ обвиненіе свѣта въ томъ что онъ женился на ней изъ-за денегъ, онъ еще не зналъ. У него были мечты раздѣлить большую часть состоянія между Ловелями и графиней, а себѣ и женѣ оставить треть и переселиться въ Новый Свѣтъ, гдѣ никто не зналъ бы о титулѣ леди Анны и гдѣ самъ онъ былъ бы не ниже любого графа. Но какъ бы то ни было, Анна должна была хранить до времени любовь ихъ въ тайнѣ. Въ послѣднее время Даніель, какъ и всѣ другіе, началъ думать что дѣло близится къ концу. Слухи что генераль-соллиситоръ сдался и что семейная тяжба кончается къ общему удовольствію семейнымъ бракомъ уже начали распространяться въ свѣтѣ. Генераль-соллиситоръ не уступилъ

бы безъ основательной причины, говорили люди хорошо его знавшіе. Сержантъ закона Бьюстонъ продолжалъ негодовать, а мистеръ Гарди молчалъ и дулся. Между тѣмъ леди Анна хранила свою тайну. Будетъ ли она когда-нибудь въ состояніи открыть ее матери, она не знала, но во всякомъ случаѣ она не откроетъ ее часомъ раньше условеннаго времени.

— Почему поздно? повторила графиня свой вопросъ строгимъ голосомъ.

— Я хотѣла сказать что до сихъ поръ я жила не такою жизнью какою слѣдовало бы жить его женѣ.

— Что за вздоръ! Развѣ въ твоей жизни было что-нибудь такое что могло обезчестить тебя? Мы были бѣдны и жили какъ бѣдные люди, но мы ничѣмъ не обезчестили себя.

— Конечно, мама.

— Я не могу слышать такого вздора. Ты упрекаешь меня.

— О, мама, что вы говорите! Я знаю какъ вы были добры со мной, какъ вы всегда заботились обо мнѣ. Пожалуйста не говорите что я упрекаю васъ.

Она подошла къ матери и олустилась на колѣна предъ нею.

— Хорошо, другъ мой, я не повторю этого, но и ты не должна говорить что ты не годна быть женою графа. Не имѣешь ли ты чего-нибудь другаго противъ этого брака?

— Нѣтъ, мама, отвѣчала дочь, сдѣлавъ надъ собою усиліе чтобы заставить себя произнести эту ложь.

— Я надѣюсь что ты получишь приглашеніе въ Іоксамъ. Родственники графа начинаютъ убѣждаться въ нашей правотѣ и готовы уступить намъ. Графъ, котораго я уже люблю за его откровенность и доброту, объявилъ прямо что не будетъ продолжать тяжбу. Мистеръ Гоффе говорилъ мнѣ что они очень желаютъ чтобы ты пріѣхала къ нимъ, и ты должна съѣздить къ нимъ и поѣдешь въ качествѣ ихъ родственницы, леди Анны Ловель. Мистеръ Гоффе говоритъ что мы можемъ телерь получить кое-что изъ доходовъ съ имѣнія, и ты будешь въ состояніи ѣхать какъ прилично дочери графа Ловеля навѣщающей своихъ родственниковъ. Тамъ ты увидишь этого молодого человѣка. Если онъ намѣренъ полюбить тебя и жениться на тебѣ, онъ воспользуется этимъ случаемъ сойтись съ тобою, и я увѣрена что онъ понравится тебѣ еще болѣе когда ты узнаешь его ближе. И помни, Анна, что хотя бы твои права были признаны официально и состояніе отда-

но тебѣ какъ твоя собственность, хотя бы судьи со скамьи назвали меня вдовствующею графиней Ловель, все это можетъ быть въ послѣдствіи опровергнуто если ты не выйдешь за графа. Если ты ему откажешь, Ловелю уговорять Италіянку начать тяжбу. Но если ты сдѣлаешься женою графа, никто не будетъ въ силахъ повредить намъ. Тогда уже невозможенъ будетъ возвратъ къ старому.

Все это было сказано для того чтобы побудить леди Анну согласиться на бракъ, а не потому чтобы графиня дѣйствительно страшилась послѣдствій которыми угрожала дочери. Даниель Твейтъ былъ теперь непріятель котораго она боялась, а не Италіянки и не Ловели.

Леди Анна могла только отвѣтить согласіемъ ѣхать въ Іоксамъ если мистрисъ Ловель пригласить ее.

Г Л А В А XII.

Уступили ли они?

Такъ какъ весь свѣтъ зналъ о томъ чѣмъ происходило у Ловелей, то между прочимъ зналъ и Даниель Твейтъ. Онъ былъ человѣкъ трудолюбивый, добросовѣстный, молчаливый между своими товарищами по ремеслу, человѣкъ съ очень серіознымъ взглядомъ на жизнь и не счастливый, несмотря на то что будущность которую онъ видѣлъ предъ собою могла бы удовлетворить большинство молодыхъ людей. Онъ былъ очень добръ и привязчивъ, и способенъ пожертвовать собою для счастья любимаго существа. Узнавъ о предложенномъ планѣ соглашенія, онъ много думалъ о своемъ долгѣ относительно леди Анны и объ ея счастьи. Онъ любилъ ее всѣмъ сердцемъ и былъ увѣренъ что она платитъ ему тѣмъ же. Она не дала ему еще никакого повода подозрѣвать ее въ измѣнѣ, но онъ понималъ какъ соблазнительнъ графскій титулъ для дѣвушки въ ея положеніи. Были минуты когда онъ считалъ своимъ долгомъ отказаться отъ нея и посоветовать ей искать счастья среди людей ей равныхъ. Но онъ не вѣрилъ въ превосходство аристократіи и во глубинѣ души былъ убѣжденъ что дѣвушка могла бы быть счастливѣе съ нимъ чѣмъ съ графомъ, при тѣхъ соблазнахъ которыми окружены графы. Онъ переселился бы съ ней въ лучшую страну.

въ страну не зараженную сословными предразсудками и глулою гордостью наслѣдственнымъ, незаслуженнымъ достоинствомъ. И если дѣвушка любить его, какъ поклалась ему, какое право имѣеть онъ бросить ее? Какое право имѣеть онъ подозрѣвать ее въ желаніи промѣнять его, человѣка который былъ ея другомъ съ тѣхъ поръ какъ она себя помнитъ, на лустаго, корыстолюбиваго графа? Если она сама попроситъ освободить ее, онъ конечно освободитъ ее, но при этомъ объяснить ей, со всѣмъ краснорѣчіемъ къ какому слободенъ, отъ чего она отказывается и на что обрекаетъ себя. Онъ былъ самонадѣянъ и считалъ себя лучше графа Ловеля.

Принявъ такое рѣшеніе, онъ не подозрѣвалъ о своемъ честолюбіи. Бываютъ люди которые по врожденной склонности властвуютъ всю жизнь, начиная съ дѣтства и не подозрѣвая о томъ до преклонныхъ лѣтъ. Наши доводы кажутся намъ очень убѣдительными и неопровержимыми когда мы съ жаромъ разсуждаемъ съ людьми которые не могутъ возразить намъ. Такъ было и съ Даніелемъ когда онъ обдумывалъ въ уединеніи свое намѣреніе отказаться отъ титулованной наслѣдницы. На аргументы, угрозы и просьбы другихъ онъ не обратитъ никакого вниманія. Графиня можетъ распространяться о своей знатности, онъ не будетъ слушать ее. Если леди Анна попроситъ его возвратитъ ей свободу, онъ освободитъ ее, но при этомъ заставитъ ее выслушать его мнѣніе. Пасколько убѣдительны были бы его слова, могли ли бы они заставить дѣвушку перемѣнить свое рѣшеніе, онъ самъ не зналъ.

Несмотря на то что они жили въ одномъ домѣ, онъ видалъ ее рѣдко, и когда заходилъ къ нимъ время отъ времени по вечерамъ, то говорилъ больше съ ея матерью чѣмъ съ ней. Послѣ послѣдняго пріѣзда Томаса Твейта въ Лондонъ, графиня сдѣлалась замѣтно холоднѣе съ молодымъ человѣкомъ. Она начала бояться Даніеля и не могла принудить себя обращаться съ нимъ дружески. Онъ замѣтилъ это и самъ сталъ холоденъ и сдержанъ.

Онъ видѣлся съ Анной только разъ въ промежутокъ времени между днемъ когда она узнала о предложеніи правовѣдовъ и днемъ ея свиданія съ графомъ. Анна встрѣтила его на лѣстницѣ когда мать ея была у стряпчаго.

— Что значитъ что ты дома въ такое время, Даніель? спро-

сила она возвращаясь въ гостиную, куда и онъ послѣдовалъ за нею.

— Мнѣ нужно повидаться съ тобою и я выбралъ такое время когда твоей матери нѣтъ дома. Я не люблю ничего тайнаго, хотя бы то было свиданіе съ любимою дѣвушкой.

— Я это знаю. Мы видаемся не часто въ послѣднее время.

— А развѣ вамъ это не все равно, леди Анна?

— Леди Анна!

— Вамъ извѣстно что я подучилъ предписаніе не называть васъ иначе.

— Не отъ меня, Даніель.

— Нѣтъ, пока еще не отъ тебя. Обращеніе твоей матери со мной очень измѣнилось съ нѣкоторыхъ поръ. Не правда ли?

— Не знаю. Мое не измѣнилось.

— Между нами не можетъ быть и рѣчи объ этомъ, дорогая моя. До этого еще не дошло, надѣюсь. Можетъ-быть ты желаешь какой-нибудь перемѣны съ моей стороны?

— О, нѣтъ.

— Что касается моей любви, она не можетъ измѣниться. Если твоя мать считаетъ нужнымъ обращаться со мной съ пренебреженіемъ, я могу это вынести. Я знаю что это случится рано или поздно.

Этимъ почти ограничился ихъ разговоръ въ этотъ разъ. Онъ не предлагалъ ей никакихъ вопросовъ на которые ей трудно было бы отвѣтить, и скоро ушелъ. Онъ былъ болѣе страстный чѣмъ нѣжный влюбленный, и послѣ того какъ онъ уже разъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ ее въ губы и заставилъ ее отвѣтить на его ласки, онъ могъ ждать теперь терпѣливо. По два дня спустя послѣ свиданія леди Анны съ лордомъ Ловелемъ, онъ вторично нашелъ случай повидаться съ нею наединѣ.

— Я пришелъ опять въ такое время когда твоей матери нѣтъ дома, сказалъ онъ. — Я не сталъ бы затруднять тебя тайными свиданіями еслибы мнѣ не нужно было поговорить съ тобою о многомъ. Притомъ ты можешь ухватить отсюда такъ что я и не узнаю объ этомъ.

— Я всегда рада видѣть тебя, Даніель.

— Правда ли это, возлюбленная моя?

— Правда.

— Я былъ бы негодяй еслибы сомнѣвался въ тебѣ, и я не

сомнѣваюсь и никогда не буду сомнѣваться если ты скажешь что любишь меня.

— Ты знаешь что я люблю тебя.

— Скажи мнѣ, Анна.... или прикажете называть васъ леди Анной?

— Если хочешь насмѣхаться надо мной.

— Такъ я никогда не буду называть тебя леди Анной если только не дойдетъ до того что мнѣ вздумается посмѣяться надъ тобой. Но скажи мнѣ правда ли что у васъ былъ на дняхъ лордъ Ловель?

— Да, онъ былъ третьяго дня.

— Для чего онъ былъ у васъ?

— Для чего?

— Да, для чего? Тебѣ извѣстно такъ же хорошо какъ и мнѣ что онъ все еще вамъ недругъ, старающійся опровергнуть ваши права. Онъ прѣзжалъ какъ другъ?

— О, да, какъ другъ.

— Но онъ все еще не отказался отъ своихъ притязаній?

— Онъ говоритъ что откажется, что онъ признаетъ мама вдовой моего отца, а меня его законною дочерью и наследницей.

— Это великодушно если дѣлается безъ заднихъ мыслей.

— Очень великодушно.

— И онъ дѣлаетъ это безъ всякаго условія? Онъ не требуетъ ничего въ вознагражденіе за свою уступку?

— Никакаго вознагражденія быть не можетъ, сказала она такимъ тихимъ голосомъ какимъ всегда говорила о себѣ.

— Я знаю что ты неспособна обманывать меня, но вознагражденіе быть можетъ, и я слышала что онъ его требовалъ, или намѣренъ потребовать. И дѣйствительно невѣроятно чтобы графъ, знатный, но бѣдный, способенъ былъ уступить такое состояніе не сдѣлавъ условія которое возвратитъ ему все что онъ уступаетъ. Ты понимаешь, Анна, что я хочу сказать?

— Да, я понимаю.

— Онъ не дѣлалъ такого условія?

— Не знаю.

— Ты не знаешь предлагалъ онъ тебѣ или нѣтъ быть его женой?

— Не знаю. Не смотри на меня такъ, Даніель. Онъ былъ здѣсь, и мама оставила насъ вдвоемъ, и онъ былъ добръ со

мною, очень добръ. Онъ говорилъ что будетъ мнѣ родственникомъ и братомъ.

— Братомъ?

— Да, онъ это сказалъ.

— Не подразумѣвая ничего другаго?

— Нѣтъ, онъ кажется подразумѣвалъ другое. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать что надѣется полюбить меня настолько чтобы сдѣлаться моимъ мужемъ.

— Что же ты отвѣчала ему?

— Я сказала что это невозможно.

— А онъ?

— Онъ олять сказалъ что мы родственники, что у меня вѣтъ родственника ближе его и что онъ будетъ любить меня и помогать мнѣ и прекратить тяжбу. О, Даніель, онъ былъ такъ добръ!

— И это все?

— Онъ поцѣловалъ меня, говоря что родственники могутъ цѣловаться.

— Нѣтъ, Анна, такіе родственники какъ вы съ нимъ не могутъ цѣловаться. Слушаешь ты меня?

— Слушаю.

— Этого не должно быть, если только ты не намѣрена измѣнить мнѣ. Развѣ все это не показываетъ что онъ намѣренъ жениться на тебѣ? Развѣ не эта цѣль привела его къ тебѣ?

— Кажется что эта, Даніель.

— Я самъ такъ думаю, милая моя. Уступка! Я говорю тебѣ что значитъ эта уступка. Они убѣждаются наконецъ что на ихъ сторонѣ нѣтъ тѣни правды и никакой надежды выиграть дѣло, что со всѣми денежными средствами которыми они располагаютъ и которыя берутъ изъ твоего же состоянія нельзя ничего сдѣлать, что ихъ подкупленная свидѣтельница не явится на помощь, и что никакой другой точки опоры у нихъ нѣтъ. Сэръ-Вильямъ Патерсонъ не можетъ рѣшиться явиться въ судъ съ такимъ неправымъ дѣломъ. Словомъ, приходится признать твои права, и вотъ они придумываютъ какимъ бы другимъ образомъ овладѣть твоимъ состояніемъ. Способенъ ли благородный лордъ отказаться добровольно отъ такой добычи? Ему дали понять что онъ не можетъ получить богатство не взявъ въ придачу жену, что его благосостояніе зависитъ отъ тебя, и вотъ онъ немедленно

прѣзжаетъ къ тебѣ чтобы предложить тебѣ быть его женой.

— Даниель, я не считаю его человѣкомъ способнымъ на это.

— А я говорю тебѣ что онъ именно такой человѣкъ. Развѣ это не ясно какъ день? Онъ прѣзжаетъ къ тебѣ и говорить съ тобою о любви видя тебя въ первый разъ въ жизни. Развѣ такъ любятъ?

— Но онъ не говорилъ о такой любви, Даниель.

— Удивляюсь что у него достало настолько смѣтливости, потому что онъ долженъ быть глупъ. Онъ говорилъ съ тобою о родствѣ и о братской любви и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ тебѣ понять что хочетъ жениться на тебѣ. Не такъ ли?

— Да.

— Конечно. Но развѣ братья женятся на сестрахъ? Если бы онъ не зналъ что состояніе принадлежитъ тебѣ, развѣ онъ прѣзжалъ бы къ тебѣ съ своимъ братствомъ и родствомъ и съ своей невозможною любовью? Скажите мнѣ, леди Анна, возможна ли любовь между людьми не знающими другъ друга?

— Мнѣ кажется что нѣтъ.

— И развѣ это не любовь къ твоимъ деньгамъ? Для такой любви, дѣйствительно, не нужно предварительнаго знакомства. Онъ смотритъ очень веселымъ малымъ, не правда ли?

— Не знаю смотритъ ли онъ веселымъ, но онъ красивъ.

— Вѣрю, душа моя. Съ нѣжными руками, съ завитыми волосами, румяный, надушенный и со живымъ сердцемъ. Я никогда не видалъ его, но что сердце его живо я ручаюсь.

— Я не считаю его живымъ.

— Не считаешь! Онъ прѣзжаетъ къ тебѣ съ предложеніемъ быть его женой лишь только убѣждается что ты должна получить все что онъ тщетно старался оттягать у тебя, и ты не считаешь его живымъ!

— Онъ обязанъ заботиться о поддержаніи фамильнаго достоинства.

— О поддержаніи фамильнаго достоинства! О поддержаніи репутаціи твоего отца, который прожилъ жизнь какъ дьяволъ вылученный изъ ада на гибель человѣчеству! Фамильное достоинство! Какъ же онъ будетъ поддерживать его? На скачкахъ, въ скаковыхъ клубахъ, въ обществѣ погибшихъ женщинъ, истребляя дорогія вина, поставивъ себѣ за правило не ударить палецъ о палецъ ни для Бога, ни для ближнихъ, проводя жизнь въ полной праздности, или угождая дьяволу. Вотъ что называется поддерживать фамильное достоинство. И ты,

Анна Ловель, ты дашь ему средства на это. (Онъ замочалъ на минуту, потомъ взялъ ея руку.) Спроси его что предпочтетъ онъ взять, — эту руку и ничего болѣе, или состояніе Ловелей? Я разрѣшаю это тебѣ.

— А если онъ предпочтетъ эту руку состоянію Ловелей?

— Нѣтъ, моя милая, но не дѣлай этого. Хотя противъ меня одинъ шансъ изъ тысячи, я не рѣшусь и на такой рискъ. Я предоставляю тебѣ самой, твоему здравому смыслу, судить объ его побужденіяхъ. Честны они, или нѣтъ? Что же касается тебя, ты вольна въ своемъ выборѣ.

— Нѣтъ, Даніель, я не могу выбирать.

— А я говорю что можешь. Если ты скажешь мнѣ что графскій титулъ такъ дорогъ тебѣ что ты способна принести для него въ жертву правду, честь и любовь, я не буду удерживать тебя ни однимъ словомъ. Ты свободна.

— Развѣ я прошу свободы?

— Нѣтъ, конечно. Если ты выразиши желаніе быть свободною, нашъ разговоръ былъ бы конченъ.

— Для чего же ты заговорилъ объ этомъ?

— Это долгъ мой. Могу ли я, зная что онъ пріѣзжалъ сюда съ намѣреніемъ жениться на тебѣ, слыша со всѣхъ сторонъ что ваша тяжба кончается счастливымъ фамильнымъ бракомъ, видя что ты сама готова полюбить его какъ родственника и брата, могу ли я не сказать что ты свободна? У тебя два претендента на твою руку. Одинъ изъ нихъ можетъ сдѣлать тебя графиней, другой только женой честнаго человѣка, лишивъ тебя и того титула которымъ ты уже обладаешь. Если ты попрежнему предпочитаешь меня, дай мнѣ свою руку. (Само собою разумѣется что рука была протянута.) Да будетъ такъ. Теперь я ничего не боюсь.

Она сказала ему что ей придется съѣздить въ Іоксамъ, но онъ объявилъ олять что ничего не боятся.

На слѣдующій день рано утромъ онъ зашелъ къ мистеру Гоффу чтобъ узнать о положеніи дѣлъ. Мистеръ Гоффъ не любилъ Твейтовъ, въ особенности младшаго. Онъ не могъ быть неучтивъ съ ними, зная сколько они сдѣлали для его клиентки, но онъ избѣгалъ ихъ по возможности и скупо надѣлалъ ихъ свѣдѣніями о ходѣ дѣла. Въ этотъ разъ Даніель спросилъ правда ли что противники отказались отъ своихъ притязаній.

— Нѣтъ, мистеръ Твейтъ, нельзя сказать что они отказались.

— Можете вы сказать что они не отказались?

— Нѣтъ, и этого не могу сказать.

— Еслибъ было уже рѣшено что-нибудь на этотъ счетъ, мистеръ Гоффъ, вамъ это было бы вѣроятно извѣстно?

— Право не знаю, сэръ. Бываютъ такіе вопросы на которые правовѣдъ не можетъ дать отвѣта даже такимъ друзьямъ своего клиента какими вы и вашъ отецъ были для графини Довель. Когда состоится какое-нибудь рѣшеніе, графиня будетъ увѣдомлена.

— Она имѣетъ право знать весь ходъ дѣла, и не только она, но и всѣ кого оно касается, сказалъ Даніель угрюмо.

— Я знаю что графиня должна вамъ много.

— Она должна моему отцу, который никогда не потревожить ее этимъ долгомъ, но онъ имѣетъ право знать въ какомъ положеніи находится дѣло, что повидимому неизвѣстно и самой графинѣ, хотя ее и заставили думать что противники уступили.

Мистеръ Гоффъ въ отвѣтъ на это выразилъ только крайнее сожалѣніе что не можетъ сказать ничего болѣе.

(До слѣд. №)

КАЗАНСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ

ПО ОТНОШЕНИЮ

КЪ МѢСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ

„Просвѣщать цвродцевъ (привоаж-
скаго края), сбавжать ихъ съ рус-
скимъ духовъ и съ Россією состав-
ляетъ задачу величайшей политиче-
ской важности.“ *

26го октября 1872 года открыта въ Казани учительская семинарія съ назначеніемъ *не общимъ* всемъ русскимъ учительскимъ семинаріямъ, но съ исключительнымъ, мѣстнымъ и крайне важнымъ въ государственномъ отношеніи. „Идея и цѣль Казанской учительской семинаріи состоитъ въ прочномъ соединеніи цвродческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ (христіанскаго) просвѣщенія.“ **

* Слова министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи Казанскаго учебнаго округа. См. *Актъ открытія Казанской учительской семинаріи*, стр. 13, перепеч. изъ *Казан. Губ. Вѣдом.* 1872 года.

** *О закладкѣ дома Казан. учител. семинаріи*, Н. И. Ильминскаго стр. 6, перепеч. изъ № 47 *Казан. Губ. вѣдом.* 1872 года; *Актъ открытія Казан. учит. семин.*, стр. 16, перепеч. изъ *Казан. Губ. Вѣд.* 1872 года.

„Обрусеніе всѣхъ инородцевъ и совершенное сліяніе ихъ и по вѣрѣ и по языку — вотъ окончательная цѣль къ которой „стремится (настоящая, выразившаяся въ учрежденіи Казанской учительской семинаріи) система образованія инородцевъ.“ * Цѣль и мысли эти прекрасны, но для практической осуществимости цѣли самаго превосходнаго государственнаго учрежденія весьма важно знать отчетливо и вѣрно на какой почвѣ и среди какихъ мѣстныхъ историческихъ условій оно возникаетъ. Обрусеніе, сліяніе съ Русскими здѣшнихъ инородцевъ путемъ просвѣщенія православно-христіанскою вѣрою, было издавна предметомъ заботы правительства. Самое возсоединеніе съ Русью царства Казанскаго, „прародительскойъ князей русскихъ отчины“, единодушно признавалось современниками дѣломъ *религиозно-народнымъ*. Съ перваго шага къ завоеванію Казани, съ основанія Свияжска, до покоренія Казани, вся эта война запечатлѣна религіознымъ характеромъ. ** И въ рѣчи своей при вѣздѣ въ Москву, по взятіи Казани, царь Іоаннъ IV говорилъ что цѣлю покоренія Казанскаго царства было: „уничтоженіе прелести Магмедовой и водруженіе на ея мѣстѣ святаго креста, да познають Бога истиннаго невѣрные (Казанцы) и вмѣстѣ съ нами да славятъ Св. Троицу во вѣки вѣковъ.“ *** Затѣмъ приняты были разныя мѣры къ обрусенію Казанскаго края путемъ христіанскаго просвѣщенія. Главное руководство въ обрусеніи ввѣрено святителю Гурію архіепископу казанскому, который, „находя обращеніе къ Богу магометанъ и язычниковъ зрѣлаго и старческаго возраста весьма неудобнымъ“, **** немедленно же „самъ завелъ школы для

---

* Соображенія о системѣ образованія инородцевъ Казанскаго учебнаго округа въ представленіи полечит. Казан. учеб. окр. г. Шестакова министру народнаго просвѣщенія въ декабрѣ 1860 года, за № 379, стр. 28.

** *Руководство къ Русск. Церк. Исторіи* П. Знаменскаго, изд. 1870 года, стр. 129.

*** *Исторія Государства Россійскаго*, Карамзина, изд. 1819 года, томъ VIII стр. 191—193 и пр.

**** *Житія св. святителей Гурія, Ворсанобія и Герлана Казанскихъ чудотворцевъ, Евлампія Тобольскаго и Григорія Казанскаго*. Изд. 1871 года стр. 43—44.

татарскихъ дѣтей, многихъ изъ нихъ окрестивъ, содержалъ на своемъ отчетѣ“ и сталъ устроить „*училищныя монастыри*“ съ тою особенною цѣлю чтобы монашествующимъ въ нихъ „старцамъ *дѣти обучати* и поганые въ вѣру обращати; учители же младенцы не только читати и писати, но *читаемое разумѣвати право, и да могутъ иныя научати и бусурманъ обращати*“. * Неоднократно еще, и потомъ, напримѣръ „въ самомъ началѣ XVIII вѣка, при большемъ развитіи миссіонерской дѣятельности въ Казанскомъ краѣ, развивается и усиливается *обученіе дѣтей иноподчешскихъ* при митрополитѣ казанскомъ Тихонѣ“. ** Потомъ по докладу просвѣщеннаго архіепископа казанскаго Иларіона Роголевскаго, Сенатъ распорядился устроить въ Казанской епархіи четыре *иноподчешскія школы*“, *** съ цѣлю же образованія изъ самихъ иноподчешъ дѣятелей для *распространенія христіанскаго просвѣщенія*, чтобы чрезъ это *слить* массы приволжскихъ иноподчешъ съ русскимъ населеніемъ. Затѣмъ незабвенный на поприщѣ христіанскаго просвѣщенія епископъ казанскій Лука Кошаревичъ „построилъ въ Татарской слободѣ (Казани у озера Кабана) каменную церковь во имя праведныхъ Захаріи и Елисаветы, и чтобы сосредоточить подъ своимъ ближайшимъ попеченіемъ образованіе крещеныхъ иноподчешъ, въ половинѣ XVIII вѣка, соединилъ всѣ иноподчешскія школы (устроенныя сначала въ Казани, въ Елабугѣ, въ Царевококшайскѣ и въ Свияжскѣ), въ одну, построенную при этой церкви деревянную школу, которая стала такимъ образомъ центральнымъ заведеніемъ для христіанскаго образованія разныхъ иноподчешскихъ племенъ края: крещеныхъ Татаръ, Чувашъ, Черемисъ и т. д., даже Башкиръ и Киргизовъ“. ****

* *Казанская исторія*, Н. Важенова 1847, стр. 18, 21; *Краткая исторія города Казани*, М. Рыбушкина, 1848, стр. 40; *О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ*, Е. Малова, стр. 93—94, перепеч. изъ *Правосл. Обзор.* 1868 года.

** *О новокрещенскихъ школахъ*, Е. Малова, стр. 94 и слѣд., перепеч. изъ *Правосл. Обзор.* 1868, *Руков. къ Рус. церк. исторіи*, П. Знаменскаго, стр. 356.

*** *Руководство къ Русской церк. исторіи*, П. Знаменскаго, 1870, стр. 412.

**** *О закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи*, Ильминскаго, стр. 1—2, перепеч. изъ № 47 *Казан. Губ. Вѣд.* 1872; *Руководство*

Не ново въ исторіи Казани и стремленіе дѣйствовать на инородцевъ путемъ школъ съ преподаваніемъ на ихъ природныхъ языкахъ. Казанскій архіепископъ Амвросій Подобѣдовъ признавалъ необходимость *родныхъ* языковъ для христіанскаго образованія инородцевъ. Эта мысль положительно и настойчиво высказана имъ въ донесеніи Св. Синоду. * Эти стремленія ко христіанскому просвѣщенію и обрусенію казанскихъ инородцевъ временно не остались безуспѣшными. Современникъ преосвященнаго Амвросія, Д. Зиновьевъ, свидѣтельствуетъ что казанская инородческая школа „примѣчанія заслуживаетъ особенно потому что обучающіеся въ оной дѣти инородцевъ не только сами познаютъ совершенно законъ и вѣру христіанскую, но будучи производимы въ священно-служительскіе чины могутъ полезными быть въ толкованіи закона старокрещеннымъ (инородцамъ) пребывающимъ въ невѣдѣніи, также лучше могутъ ихъ отвратить отъ прежнихъ обычаевъ, обрядовъ и суевѣрства. Притомъ наблюденіе имѣется чтобъ они и своихъ природныхъ языковъ не забывали.“ **

Но вотъ ученіе въ инородческихъ школахъ уже три четверти вѣка какъ прекратилось, зданія ихъ расхищены и самая Захаріе-Елисаветинская церковь, заброшенная и запустѣлая, уничтожена. *** „Какъ ни прекрасно повидимому по своей цѣли было созданное и насажденное, однако оказалось что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ все созданное разрушилось, не исключая и самаго храма Господня, отъ коего не осталось

къ Русской церк. исторіи, П. Знаменскаго изд. 1870 года, стр. 415. Краткая исторія города Казани, М. Рыбушкина, изд. 1848 года, стр. 120—121.

* *О новокрещ. школахъ, Е. Маалова, стр. 98, перепеч. изъ Правосл. Обзор. 1868 года.*

О закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи. Ильминскаго, стр. 3, перепечат. № 47, Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, 1872 года.

** *О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ, Е. Маалова, стр. 111—112, перепечат. изъ Православнаго Обзорнія 1868 года.*

*** *О закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи. Ильминскаго, стр. 4, перепечатано изъ № 47 Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1872 года.*

даже разваливъ, *все* насажденное исторгнулось, такъ что и *сладъ* всего бывшаго *изглажеться*.“*

Какая же участь ожидаетъ новую по названію, но древнюю по цѣли, только-что учрежденную, Казанскую учительскую семинарію? 1го іюня 1872 года, при закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи на мѣстѣ бывшихъ въ Казани вышеозначенныхъ инородческихъ школъ, достойный директоръ - руководитель Казанской учительской семинаріи въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сказалъ: „*Все* повидимому обѣщаетъ Казанской учительской семинаріи самую *лучшую* будущность и *полный* успѣхъ.“** И дѣйствительно въ тѣ торжественныя минуты, въ душѣ этого почтеннаго лица, котораго, по словамъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, „безпримѣрную, полную искренней любви, одушевленія и самоотверженія дѣятельность по христіанскому просвѣщенію (казанскихъ инородцевъ) Богъ благословилъ“*** полнымъ успѣхомъ“, — и не могло быть иныхъ ожиданій, иныхъ надеждъ. Но необходимо замѣтить что самая успѣшность просвѣтительной дѣятельности почтеннаго Н. И. Ильминскаго, — да сохранить и продлить Господь его безцѣнную и незамѣнимую для казанскаго миссіонерства жизнь на многие годы!—сравнительно съ подобными ей попытками, еще очень недолголѣтня, а непосредственное отношеніе къ дѣлу можетъ нѣсколько увлекать ближайшаго сердечно-живаго дѣятеля. Потому во избѣжаніе разочарованія, искренное сочувствіе благой цѣли дѣла побуждаетъ лицъ не относящихся *непосредственно* къ дѣлу искать отвѣта на вышеприведенный вопросъ въ отчетливомъ изученіи историческихъ и современныхъ условій быта казанскихъ инородцевъ.

Составъ населенія Казанской губерніи замѣчательно разно-

* *О закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи.* Ильминскаго, стр. 13, слово высокопреосвященнаго Антонія архіепископа Казанскаго.

** *О закладкѣ дома Казанской учительской семинаріи.* Ильминскаго, стр. 10, перепечатано изъ № 47 *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1872 года.

*** *Актъ открытія Казанской учительской семинаріи*, стр. 10, рѣчь попечителя Казанскаго учебнаго округа, перепечатана изъ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 1872 гсда.

роденъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣнiямъ, изъ полтора милліона ея жителей въ ней по племенамъ: *

Тюркскаго племени	844.415	} Татарь. . . 483.843 Чувашь. . . 360.572 Черемись. . 102.004 Мордвы. . . 18.406 Вотакъвъ. . 7.717
Финскаго.	128.126	
Иностранцевъ разныхъ.	1.259	
Русскихъ только.	697.491	

или то же въ процентахъ:

Иностранцевъ.	58,17%
Иностранцевъ	0,07%
Русскихъ только	41,76%.

Такъ по племенному составу въ Казанской губерніи значительно преобладающими оказываются инородцы. Инородцы, какъ видно будетъ далѣе, и теперь еще враждебно относящіеся ко всему русскому, именно тѣ инородцы предкамъ коихъ 400 лѣтъ тому назадъ Русское государство само покорно платило дань,—прапрадѣды которыхъ, образовавъ почти подъ бокомъ Москвы крѣпкое, кичливое и фанатичное магометанское ханство Казанское, постоянно вторгались въ наше отечество, проникали до самой Москвы, долго владѣли Нижнимъ-Новгородомъ (напримѣръ Улу-Махметъ, отецъ Махмутека), жгли деревни и села, опустошали города, избивали множество людей, безчестили женъ и дочерей, полонили, лишали престола великихъ князей русскихъ, „всегда враждебно относясь „и упорно причиняя много зла Русскому народу.“ **

Далѣе, по статистической таблицѣ, изъ всего Казанскаго населенія теперь считается по вѣроисповѣданіямъ: ***

Христіанъ.	1.205.024
Магометанъ.	451.786
Язычниковъ.	13.376

* *Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія.* А. Риттиха, 1870.

** *Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи*, составлено и издано въ 1866 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. *Казанская губернія; Общія свѣдѣнія о Казанской губерніи*; стр. XL; *Казанская Исторія*, Н. Баженова, 1847 часть I; *Краткая Исторія Казани*, Москва, Рыбушкина, 1848, часть I, и проч.

*** *Матеріалы для этнографіи Россіи*, А. Риттиха.

или въ процентахъ:

Христіанъ. . . .	72,06%
Иновѣрцевъ. . .	27,85%.

Но въ дѣйствительности христіанъ весьма не много болѣе 697 тысячъ или 41%, то-есть именно одного только русскаго населенія Казанской губерніи, потому что изъ 31% инородцевъ числящихся христіанами огромное большинство въ дѣйствительности, почти всегда держась магометанства съ язычествомъ, тайно и явно отступили уже отъ христіанства, или „по вѣдомостямъ отцовъ благочинныхъ значатся раздѣляющими заблужденія магометанъ, или же живущими во всемъ совершенно по-татарски“ * и донинѣ. По большей части только ради наградъ и льготъ „изъ-за материальныхъ выгодъ переходившіе въ христіанство, магометане и язычники возвращались къ вѣрѣ отцовъ какъ скоро успѣвали воспользоваться этими льготами.“ **

Явленія этого рода не новость. Вотъ чтѣ читаемъ, напримѣръ, въ грамотѣ царя Феодора Иоанновича въ 1593 году, на основаніи донесенія казанскаго митрополита Гермогена: „Въ Казани и въ уѣздахъ живутъ новокрещены съ Татарами, и съ Чувашию, и съ Черемисою, и съ Вотяки вмѣстѣ... и къ церквамъ Божиимъ не ходятъ, и крестовъ на себѣ не носятъ, и въ домѣхъ своихъ Божіихъ образовъ, и крестовъ не держатъ, и половъ въ дома свои не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ... и дѣтей своихъ не крестятъ, только полъ не облачаютъ ихъ; и умершихъ къ церкви хоронити не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а женихи къ невѣстамъ по татарскому своему обычаю приходятъ, а вѣнчався у церкви и снова вѣнчаются въ своихъ домѣхъ полы татарскими... живутъ мимо своихъ женъ съ нѣмецкими лѣвницами, да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно, а христіанской вѣры не держатся и не навѣщаютъ; и оны, Гермогенъ митрополитъ, со всего Казанскаго уѣзда призывалъ новокрещеновъ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы и поучалъ ихъ отъ Божественнаго

* Статист. свѣдѣнія о крещеніяхъ Татарамъ Казанской и другихъ старшій, Е. Малова, стр. 37, Учен. Зап. Казанск. Унив. 1866.

** Положеніе инородц. въ сѣверо-восточной Россіи отъ Московск. восточн. вѣд., Н. Фурсова, изд. 1866, стр. 202.

Писанія и наказывалъ, и не по одинъ день, какъ подобаетъ крестьяномъ жити, и новокрещены ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отставаютъ, а живутъ въ великомъ безстрашѣ и конечно отъ христіанской вѣры отстали...“ и пр. * Не лучшимъ представляется религиозное состояніе казанскихъ инородцевъ-христіанъ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Ревностный казанскій святитель Тихонъ въ 1721 году писалъ къ вице-президенту Святѣйшаго Синода, архіепископу Θεодосію, что „изъ крестившихся прежде магометанъ больше 30 тысячъ (кромя Черемисъ) одни еще держались христіанской вѣры, а другіе совсѣмъ уже отпали отъ нея: „Мерзцы суще и нелокорливы, а о таковыхъ исправленіи весьма совѣсть мя грызеть и весьма усердно желаю какъ бы ихъ въ познаніе истины привести.“ „И новокрещены, доносилъ Тихонъ же Св. Синоду въ 1722 году, лаки магометанству уклоняются, христіанскаго закона отчуждались и въ прежнемъ своемъ зловѣрїи замерзѣли.... народъ есть своеравенъ.... не исповѣдываются, въ церковь не приходятъ, и умершихъ своихъ безъ священниковъ же погребаютъ сами въ лѣсахъ и на поляхъ, а не у церквей.... по прежнему своему обыкновенію въ мерзостяхъ своихъ закоснѣли.... по многимъ увѣщаніямъ и духовнымъ исправленіямъ, оныя греческаго исповѣданія вѣру за истину содержать обѣщались; но въ той истинѣ не стоятъ, и на прежніе свои обычаи больше уклоняются.“ ** Далѣе опять и митрополитъ казанскій Сильвестръ, ѣздившій въ 1729—36 годахъ по деревнямъ для изслѣдованія религиознаго состоянія казанскихъ крещеныхъ инородцевъ, въ донесеніяхъ Св. Синоду, прямо говоритъ что онъ видѣлъ ихъ „въ богомерзкихъ жительствахъ весьма закоснѣлыми и упорными.“ *** Такое же печальное указаніе на противухристіанское, дурное религиозное состояніе казанскихъ инородцевъ числящихся христіанами находится и въ концѣ прошлаго вѣка; на примѣръ въ указѣ Казанской консисторїи 1778 года значится: „Духовной консисторїи, отъ нѣкоторыхъ священно-церковно-служи-

* *Акты Археограф. экспед.* т. I, № 358, стр. 436. *Отчетъ о дѣятельности совета братства Св. Гурїя въ Казани, 1870—71, стр. 46—48.*

** *Описаніе документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода, изд. 1868 года, т. I, стр. 367 и СССХII.*

*** *Правосл. Собесѣдн.* 1858, т. III, стр. 235—37.

телей и отъ опредѣляемыхъ по Казанской епархіи проповѣдниковъ, дошло что не только новокрещены, но и старокрещены многіе, а особливо женскій полъ, какъ молитвъ творить и крестнаго на себѣ знаменія изображать не знаютъ, да и къ святымъ образамъ почтенія не имѣютъ, такъ и въ церкви святаыя не ходять, а живутъ вмѣстѣ съ некрещеными иновѣрцы и чинять по прежнимъ своимъ иновѣрческимъ обыкновеніямъ многія непорядки и мольбищи, раждаемыя у нихъ дѣти крещенія, большыя же исповѣди и св. причастія, а умершіе надлежащаго погребенія лишаются; за побужденія же ихъ къ содержанію православныя христіанскія вѣры и обученіе молитвамъ Господнимъ чинять они съ тѣми священниками и церковными служителями не малыя ссоры и драки...“ * и пр. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія тянется длинный рядъ явныхъ отпаденій казанскихъ инопородцевъ, числящихся христіанами, въ магометанство: о нихъ есть указы отъ 1802, 1803, 1810, 1820 годовъ. Въ 1829 года, по собраннымъ казанскимъ преосвященнымъ Филаретомъ свѣдѣніямъ, оказывается что въ Казанской губерніи всѣхъ вообще душъ инопородцевъ считаеваемыхъ христіанами ** 383.920; изъ нихъ придержащихся своихъ магометанскихъ и языческихъ заблужденій 249.501; засимъ оставившихъ свои заблужденія только 134.419.

Новыхъ значительныхъ обращеній въ христіанство иновѣрныхъ инопородцевъ казанскихъ съ тѣхъ поръ не было; такъ напримѣръ въ 1830 годахъ, по учрежденіи въ Казани миссіи, „тремя избранными миссіонерами просвѣщено св. крещеніемъ только 33 человека; *** а въ 1854 году обращено въ христіанство только 17 Татаръ мужескаго и 2 женскаго пола“. **** Отпадать же въ магометанство тайно и явно многими тысячами крещенные инопородцы постоянно продолжали. Напримѣръ, даже по офиціальнымъ церковнымъ документамъ 1862—63 года,

* *Отчетъ о дѣятельности совета братства Св. Гурія въ Казани, за 1870—71 годъ, стр. 49.*

** *Православная противомусульманская миссія въ Казанскомъ краѣ въ связи съ исторіею мусульманства въ первой половинѣ XIX вѣка, Е. Малова, перепечатано изъ Правосл. Собесѣдн. 1868—70 года, стр. 188 и пр.*

*** *Исторія Казани, М. Рыбушкина 1848, ч. I, стр. 66.*

**** *О бытѣ крестьянъ Казанской губерніи, В. Сбоева, изд. 1856, стр. 16.*

въ одномъ изъ двѣнадцати уѣздовъ Казанской губерніи, Чистопольскомъ, однихъ только крещеныхъ Татаръ отпавшихъ отъ православія въ магометанство насчитывается 3.152 чел. обоюго пола, * число же омусульманившихся крещеныхъ Чувашъ въ Казанской епархіи простиралось до 2.000 человекъ. ** А въ 1866—67 годахъ вновь отпавшихъ крещеныхъ инородцевъ считается много болѣе 10.000 по документамъ официальнымъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ было гораздо болѣе. Новыя отпаденія въ магометанство, все еще числящихся по статистической таблицѣ христіанами, крещеныхъ казанскихъ инородцевъ цѣлыми большими деревнями продолжались и въ 1871 году, *** и продолжаютъ въ настоящіе дни, нерѣдко даже въ мѣстностяхъ окруженныхъ русскимъ населеніемъ.

Такимъ образомъ только на бумагѣ, и крайне слабымъ въ дѣйствительности оказывается русское вліяніе съ религіозной стороны на иновѣрныхъ казанскихъ инородцевъ въ продолженіи болѣе трехсотлѣтняго христіанско-русскаго господства надъ ними. И даже, наоборотъ, въ этомъ отношеніи часто вліятельнымъ является иновѣрно-инородческое населеніе. Уже митрополитъ Гермогенъ писалъ въ Москву что „многіе русскіе люди живутъ у Татаръ, Черемисы, Чувашей, женятся у нихъ, многіе живутъ у Нѣмцевъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, и *все эти люди отъ христіанской вѣры отпали, обратились у Татаръ въ татарскую вѣру, а у Нѣмцевъ въ римскую и лютеранскую.*“ **** И новѣйшія казанскія этнографическія изслѣдованія „не могутъ пройти молчаніемъ ту отличительную (зависимую отъ близости магометанства) черту русскаго населенія Казанской губерніи которая его ставитъ ниже своихъ собратьевъ другихъ губерній, это безнравственность и въ особенности женщинъ. Жить не законнымъ

* Статист. свѣд. о крещен. Татаряхъ Казанской и другихъ епархій Е. Малова 1866 стр. 36.

** *Духъ Христіанина*, 1865, февраль. О необход. противомусульманской миссіи, Е. Малова, стр. 76.

*** *Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора Св. Синода*, гр. Д. А. Толстаго за 1871 годъ, стр. 43.

**** *Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ*, Н. Фирсова, 1866, стр. 213—14.

бракомъ, переходить отъ одного къ другому, вовсе не стыдиться такихъ связей, рожать незаконныхъ дѣтей, все это считается дѣломъ обыкновеннымъ. Мало ли бываетъ заблужденій на свѣтъ, но является же раскаяніе, краснѣетъ дѣвушка, скрываетъ свой стыдъ: въ Казанской же губерніи это составляетъ хвастовство и упрекъ тѣмъ которыя не свѣдуютъ такому безнравственному порядку.... Мы полагаемъ, замѣчать г. Риттихъ, что *тому виною Татары* (магометане) *и ихъ обычай* имѣть нѣсколько женъ, разводиться когда угодно и опять жениться на тѣхъ же или другихъ. " "

Таково преобладаніе въ населеніи Казанской губерніи и численностію и вліяніемъ иновѣрно-инородческаго элемента и главнымъ образомъ магометанскаго. За исключеніемъ весьма малочисленныхъ язычествующихъ инородцевъ, чрезвычайно слабыхъ и наивныхъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, почти всѣ казанскіе инородцы, около милліона, то-есть почти двѣ трети всего населенія, исповѣдуютъ магометанство, одно, или съ нѣкоторою примѣсью языческихъ суевѣрій. И хотя по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ не числятся „другихъ магометанъ кромѣ Татаръ, между тѣмъ по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ оказывается что на примѣръ въ Царевokokшайскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, въ трехъ деревняхъ, Алмаметева, Кулли-Кими, Старые Варангуши, исключительно населенныхъ Черемисами, построены мечети ** магометанскія. Да и почти всѣ явныя и тайныя многочисленныя отпаденія Чувашъ, Вотяковъ и Черемисъ, считааемыхъ по статистическимъ свѣдѣніямъ все еще христианами, были и продолжаются все въ магометанство. ***

А нелогичнымъ, безусловнымъ основаніемъ магометанства во всѣхъ понятіяхъ и сферахъ жизни, религіозныхъ и общественно-государственныхъ, служить Коранъ, гдѣ читается между прочимъ: „невѣрный тотъ кто говоритъ что Мессія, Иисусъ, сынъ Маріи, Богъ. Невѣрный тотъ кто говоритъ:

* *Материалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія, Риттиха, изд. 1870 ч. I. стр. 109.*

** *Материалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія Риттиха. Часть I стр. 107.*

*** *Отчетъ о дѣятельности совета братства Св. Гурія 1870—71, стр. 23—22; Доклады. Записка стр. 2.*

Богъ третій изъ Троицы. О вѣрующіе! когда вы встрѣтите невѣрныхъ убивайте ихъ вездѣ, локуда они не сдѣлаются мусульманами. Сражайтесь за Исламъ — религію Бога, и Онъ опуститъ васъ благодѣніями, вы будете счастливы. А убиваете ихъ не вы, Богъ; когда бросаешь колю, не ты бросаешь, это Богъ. Составляйте союзы только между собою. О вѣрующіе! не избирайте друзьями Жидовъ и христіанъ. Тотъ кто приметъ ихъ за друзей, кончитъ сходствомъ съ ними, а Богъ не будетъ путеводителемъ нечестивыхъ.“*

Таковы исконныя, магометанами за божественныя почитаемыя заповѣди, долженствующія руководить отношеніями и казанскаго милліона магометанствующихъ инородцевъ ко христіанской вѣрѣ, Русскому государству и народу. И дѣйствительно, это не только терлимое, но покровительствуемое, какъ бы распространяемое государственною властію, фанатичное магометанское суевѣріе никогда не переставало ревностно стремиться къ рѣзкому отдѣленію и отчужденію казанскихъ инородцевъ отъ христіанства и всего русскаго. Обильное мечетями и школами, сильное, стойкое фанатичнымъ единодушіемъ своихъ послѣдователей и многочисленностію своего духовенства, „магометанство казанское является не столько въ качествѣ религіи терпимой, которой подобаешь смиреніе, сколько въ качествѣ религіи воинствующей и постоянно стремящейся къ новымъ завоеваніямъ“; ** и „сидитъ оно чрезвычайно жѣлрко въ Казанской губерніи“. *** Интересно сопоставленіе числа православно-христіанскихъ церквей въ Казанской губерніи съ числомъ магометанскихъ мечетей. По списку населенныхъ мѣстъ, во всей губерніи насчитывается 491 церковь, то-есть по одной на 1.420 христіанъ обоого пола, изъ этого числа въ пяти заводныхъ уѣздахъ съ наименьшимъ русскимъ населеніемъ всего только 118 церквей на 560.152 христіанина, то-есть по одной церкви на 3.899 душъ. **** А мечетей „въ 1868 году было 729,

* *Коранъ Магомета*, переводъ на русскій К. Николаевымъ, 2е изд., 1865, главы V, стр. 19, 76, 77; II, 187, 189; VIII, 17; V, 39; III, 17, 114, 164; XLVII, 4; XLVIII, 16; V, 56.

** *Журналъ Мин. Народ. Просв.*, 1872, № 4 стр. 76, часть 184.

*** *Матеріалы для этногр. Россіи. Казанская губернія*. А. Риттиха. 1870, часть II, стр. 6.

**** *Матер. для этногр. Россіи. Казанская губ.* А. Риттиха. Часть I, стр. 108 и пр.; *Списки населен. мѣстъ*, 1866, Каз. губ.

то-есть на каждыя 619 душъ обоего пола магометанъ приходится по одной мечети. И такъ какъ при каждой состоить школа и не менѣ двухъ наставниковъ, мулла и его помощникъ, то высчитывая женскій полъ, который не играетъ пока никакой роли (у магометанъ) и не ходитъ въ мечети, приходится на каждыя 310 душъ мужскаго пола по одной мечети и на каждые 155 человекъ по одному наставнику. А это число достаточно объясняетъ удержаніе магометанства, свращеніе изъ православія и прелатствія къ распространенію христіанства и просвѣщенія... Кромѣ мечетей построено еще огромное число молитвенныхъ домовъ, а при тѣхъ и другихъ находится двойное противъ положенія число муллъ, ахуновъ (благочинныхъ), мухтасиновъ (надзирателей нравственности), мюдаррисовъ (учителей), имамовъ (начальниковъ прихода), муэззиновъ (пономарей) и пр. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ однообразно - крѣпкое звено, а каждый изъ нихъ управляетъ извѣстнымъ числомъ Татаръ-магометанъ (и вообще инородцевъ-магометанъ), знаетъ ихъ всѣхъ наперечетъ, со всѣми ихъ помышленіями, удерживая ихъ постоянно въ тѣхъ границахъ какія нужны магометанскому духовенству и богатымъ Татарамъ для собственной выгоды и легчайшаго существованія.“* „При недавнихъ попыткахъ крещеныхъ Татаръ къ отпаденію въ магометанство оказалось что соблазнъ происходитъ между прочимъ отъ подстрекательства муллъ“. ** Грустный фактъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, потому что онъ часто повторяется, всегда сильно тревожа Россію. По свидѣтельству мѣстной исторіи, казанскіе муллы совокупными усиліями съ инородческими князьями и мурзами часто возбуждали „противъ Русскихъ простой народъ какъ татарскаго, такъ и финскаго происхожденія, призывая его къ возстанію, которому мусульманское духовенство не медлило давать религіозное освященіе.“*** И призывы эти не оставались безъ

* *Матеріалы для этногр. Россіи. Казанская губернія. А. Ритига. 1870, часть II, стр. 6, 14.*

** *Сображ. объ образованіи инород. Казан. учебн. округа, представ. по печат. Каз. учебн. округа мн. нар. просв. въ декабрь 1869 года за № 379, стр. 47. Бывшій мулла Максюмъ Хаитовъ, 24го марта 1872 года, Каз. окруж. судомъ съ присяжными признанъ виновнымъ въ свращеніи крещеныхъ.*

*** *Положен. инород., Фирсова, стр. 121 и мн. др.*

послѣдствій: въ Поволжьи или вслыхивалъ инородческій мятежъ или водненіе насильно требовавшее отъ правительства извѣстныхъ противорусско-христіанскихъ распоряженій, напримѣръ удаленія достойныхъ, только магометанству ненавистныхъ христіанскою ревностію архиластырей казанскихъ. * „И нынѣ“, утверждаетъ въ 1870 году казанскій этнографъ, „магометанская религія составляетъ главное звено посредствомъ котораго инородческо-магометанское населеніе въ Россіи составляетъ въ государствѣ религиозное (враждебное Россіи) государство, которому подчиняется вся жизнь этихъ инородцевъ, ихъ дѣятельность и направленіе; на пользу же Россіи остается одно наружное и все то что можетъ послужить въ пользу самому магометанину“.

Далѣе извѣстно что племенемъ господствующимъ, руководительнымъ, чрезвычайно вліятельнымъ на всѣхъ разноплеменныхъ казанскихъ инородцевъ суть многочисленные Татары-магометане. „Это фанатизируемое многочисленнымъ духовенствомъ, богатое мечетями и школами и крѣпкое въ вѣрѣ племя... улорно и намѣренно отвергающее всякое образованіе выходящее изъ круга дозволеннаго Кораномъ ученія“, *** постоянно всѣми силами и средствами старается „удержаться при своихъ началахъ, и донынѣ въ немъ нѣтъ признаковъ къ сближенію ни съ русскою народностію, ни съ просвѣщеніемъ“, **** тогда какъ всѣ „казанскіе инородцы: Черемисы, Вотяки, а еще болѣе Чуваши, сильно подчиняются вліянію Татаръ, такъ что, по свидѣтельству специалистовъ, въ инородческомъ вопросѣ не миновала еще, но предстоитъ опасность всѣмъ инородцамъ Казанскаго края отатариться, превратиться въ Татаръ-магометанъ. † Татарство и Исламъ,

* *Истор. Казан., Рыбушкина, стр. 55.*

** *Матеріалы для этногр. Россіи. Казанская губернія. А. Риттиха. Часть II стр. 5.*

*** *Сображѣ. объ образованіи инородцевъ Казан. учебн. округа, представ. попечит. Каз. учебнаго округа мѣст. нар. пр. въ декабрѣ 1869. года, за № 379, стр. 25 и 20.*

**** *Матеріалы для этногр. Россіи—Казанская губернія, А. Риттиха, 1870, часть II стр. 6.*

† *Отчетъ о дѣятельн. совета братства Св. Гурія въ Каз. за 1870—71 годъ, стр. 22, 24; Правосл. Мисс. Общества за 1871 годъ, стр. 81.*

какъ доказываетъ исторія, и даже въ настоящее время имѣютъ въ себѣ свойство трясухаго болота которое втягиваетъ въ себя всякаго неопытнаго. А въ особенности для нашихъ инородцевъ восточной окраины татарство и Исламъ имѣютъ болѣе притягательной силы уже и по сложившейся вѣками привычкѣ, манящей дикаго и пылкаго человѣка лоблажкою его страстямъ... Магометанская пропаганда дѣйствуетъ энергично.“ * „Крещенныхъ инородцевъ казанскихъ магометане всѣми силами стараются привязать къ себѣ, привлечь ихъ къ магометанству, а чрезъ это отвлечь отъ христіанства и всего русскаго“. **

По всему этому-то, несмотря на болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее формальное подданство русскому господству и на сосѣдство съ такими глубоко-русскими губерніями, какъ Нижегородская, Костромская, Владимірская, инородцы казанскіе до сихъ поръ еще „сохраняютъ въ своемъ быту домашнемъ и общественномъ прежніе свои порядки“, *** много восточнаго, непригоднаго, нетерпимаго въ христіанско-европейскомъ государствѣ, „издѣваются, публично срамятъ и осифиваютъ христіанскую вѣру“, **** и чрезвычайно мало участвуютъ въ общественной жизни Русскихъ: ихъ не занимаютъ вопросы дорогіе каждому Русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ Татаръ проглядываетъ та же обособленность ихъ отъ интересовъ русскихъ..... богатые, по торговымъ своимъ дѣламъ и связямъ, держатся большае среднеазіатскихъ государствъ и вообще Востока. Не говоря уже о Корахъ, который такъ рѣзко отгвѣляетъ Татаръ (и всѣхъ вообще инородцевъ) магометанъ отъ Русскихъ христіанъ какъ въ семейномъ, такъ и гражданскомъ бытѣ, и историческія воспоминанія Татаръ не могли исчезнуть въ три вѣка. Эти воспоминанія какъ ни слабы, какъ ни безсильны, но въ критическихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ свое дѣйствіе. Напримѣръ, въ войну 1854—1856 годовъ,

** *Соображ. объ образованіи инородцевъ Казан. учебн. округа*, представленіе полеч. Каз. учебн. округа министру народнаго просвѣщенія въ декабрь 1869 года, за № 379, стр. 29.

** *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1872 года, ч. CLXI, отд. 4, стр. 95.

*** *Списки населен. мѣстъ Россіи. Казанская губернія*. 1866 стр. LIX.

**** *Извѣстія по Казан. епархіи на 1872 годѣ*, стр. 313. 26го января 1872 года Казан. окруж. судомъ съ присяжн. магометанинъ Абдрашитовъ, на основаніи 178 ст. Улож., осужденъ и сосланъ въ Сибирь.

въ татарскомъ народѣ ходилъ говоръ что вотъ явится Турецкій султанъ къ нимъ на помощь и возстановитъ Казанское царство. Малая привязанность Татаръ-магометанъ къ державѣ Русской высказалась въ это время въ равнодушіи и холодности ихъ къ призыву правительства. Укажемъ въ этомъ случаѣ, на примѣръ, слѣдующій фактъ: въ наборѣ 1855 года въ одномъ Мамадышскомъ уѣздѣ (Казанской губерніи), изъ принятыхъ рекрутъ бѣжало до 200 человекъ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ были покровительствуемы казанскими богачами Татарами, которые на свой счетъ старались отправлять ихъ въ Бухару. Бѣглецы-рекруты на вопросъ о причинѣ побѣга обыкновенно отвѣчали что сражаться съ *единоотрцами* противно ихъ совѣсти. * „При заключеніи мира, читаемъ въ официальномъ изданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1866), когда двинулись въ Турцію крымскіе Татары, нѣсколько семействъ изъ казанскихъ Татаръ также изъявили желаніе выселиться изъ Россіи“.. Въ нихъ оказалась увѣренность что пора уже Казанскому царству возстановить свою самостоятельность. ** Новѣйшій казанскій этнографъ, Риттихъ, подтверждаетъ эти факты. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводитъ слѣдующее сравненіе числа преступленій между русскимъ и татарскимъ населеніями Казанской губерніи: за 1867 годъ у Русскихъ какъ 1:370, а у Татаръ какъ 1:219, 1868 года у Русскихъ какъ 1:446, а у Татаръ какъ 1:154. „Это уменьшеніе числа преступленій у Русскихъ и увеличеніе у Татаръ доказываетъ, продолжаетъ этнографъ, какъ благотворно подѣйствовали реформы настоящаго времени на прежнихъ крѣпостныхъ, и какъ мало имѣли онѣ вліянія на магометанъ, которые никогда не находились въ крѣпостномъ состояніи, и видимо набожны, грамотны, хотя эта грамотность и не приноситъ имъ ни малѣйшей нравственной пользы, развивая лишь въ нихъ среднеазіятскія уловки и лгуновство. Имъ трудно повѣрить что-нибудь въ долгъ, такъ какъ они не только лукавы, увертливы и сутяги во всѣхъ случаяхъ

* *Матеріалъ для географіи и статистики Россіи* собранныя офицерами генеральнаго штаба, — *Казанская губернія*, состав. М. Далтевъ, изд. 1861 года, стр. 231—232.

** *Списки населен. мѣстъ Росс. Импер.* составлена и издана въ 1866 году центр. статист. комит. Мин. Вн. Дѣлъ — *Казанская губернія*. (Общія свѣдѣнія, стр. LXI.

и въ судахъ, но нерѣдко, предвидя дурной конецъ, исчезаютъ, отправляясь въ степи за Уралъ, либо въ Бухару. Разумѣется это небольшая потеря, еслибъ ихъ и больше отправлялось изъ Казанской губерніи, но дѣло въ томъ что такими поступками доказывается несостоятельность убѣжденія въ преданности этого народа государству Русскому, правительству и землѣ. Все это подтверждается еще до настоящаго времени рекрутскими наборами. Русскіе уже давно перестали себя уродовать и свыклись съ этою (неизбѣжною государственною) повинностью, тогда какъ не проходитъ ни одного рекрутскаго набора безъ умышленнаго уродованія Татаръ. Выпаденіе прямой кишки, разные опасные порѣзы и т. л. свидѣлствуютъ какъ они мало склонны исполнять общую народную повинность. Въ продолженіи же службы, наибольшее число преступленій и побѣговъ всегда падаютъ на Татаръ... потому что у магометанъ не считается за преступленіе нарушать существующіе законы, не мало не заботясь объ общихъ выгодахъ страны, которой учрежденія они по убѣжденію не признаютъ, но повинуются имъ какъ слабѣйшіе, увертываясь и лукавя вмѣстѣ съ тѣмъ. ** Фанатичные инородцы магометане весь Казанскій край и понынѣ еще не признаютъ русскимъ, а „до сихъ поръ считаютъ своимъ Татарскимъ“. ** И „въ настоящее время существуетъ упорная рознь или отчужденность инородцевъ отъ Русскаго народа, замѣченная г. министромъ народнаго просвѣщенія и очевидная для всякаго жителя Казанской губерніи“. ***

Такова почва которую приходится воздѣлывать между прочимъ и Казанской учительской семинаріи. Такъ *сильно неприязненными* благой цѣли образованія и обрусенія инородцевъ оказываются условія среди которыхъ Казанской учительской семинаріи приходится насаждать и лививать христіанско-русское просвѣщеніе. Но трудность еще не есть невозможность. Для того чтобы благія стремленія Казанской учительской семинаріи не остались безъ послѣдствій, ей необходимо выяснить главную причину выше представленной стойкости

* *Матеріалы для этногр. Россіи. Казанская губерніа. А. Риттиха. 1870. Часть II, стр. 9, 10, 15.*

** *Соображенія объ образованіи инородцевъ Казан. учебн. окр., представл. казан. попеч. мѣст. нар. просв. въ декабрь 1869 года, за № 379, стр. 48.*

*** *Актъ открытія Казанск. учит. семин. стр. 16, 17.*

противорусскихъ стремленій казанскихъ ичородцевъ. Причина эта покажетъ и дѣйствительныя средства къ сокрушенію упорной отчужденности ихъ отъ христіанско-русскаго элемента. Для этого нужно обратиться къ свидѣтельствамъ прошлаго, и посмотрѣть *какъ* и *какія* нравственныя русскія силы просвѣщали, возвращали къ русской народности, покоренную Иоанномъ IV Московскому царству, „прародительскую князей русскихъ отчину“.

„Въ дѣлѣ устроенія быта ичородцевъ, говоритъ г. Ойрсовъ, московское свѣтское правительство стремилось *чтобы казнь какъ можно было прибавлять*, никогда не прикрывая, не маскируя этихъ своихъ стремленій красивыми фразами о народномъ благѣ, которыя многіе властители, обиравшіе народъ, пускали въ ходъ для изображенія своего безкорыстія. Даже и въ тѣхъ случаяхъ когда вводились въ жизнь ичородцевъ учрежденія дѣйствительно гуманныя и когда съ большимъ удобствомъ можно бы было похвастаться своимъ безкорыстіемъ, великодушіемъ и пр., и тогда московская власть не прибѣгала къ уверткамъ, не скрывала дѣйствительныхъ побужденій вызывавшихъ эти мѣры, и говорила прямо что это нужно для сохраненія и увеличенія дохода.“ * За то въ XVIII вѣкѣ началось подъ видомъ гуманности явное покровительство ичовѣрнымъ, противорусскимъ стремленіямъ казанскихъ ичородцевъ-магометанъ. „Русское правительство въ XVIII вѣкѣ, особенно во вторую половину его, говоритъ г. Маловъ, не мало содѣйствовало усиленію магометанства, заводя школы и устроая на государственныи счетъ мечети, обезпечивая муллами и полагая разнымъ чинамъ магометанскаго духовенства значительныя оклады жалованья.... Въ довершеніе своихъ милостей къ магометанамъ русское правительство въ 1797 году отпечатало для мусульманъ на арабскомъ языкѣ 3.600 экземпляровъ Алкорана, ** и разослало для продажи въ тѣ губерніи которыя населены народами магометанскаго исповѣданія... Въ началѣ XIX вѣка самыя станки азіятской типографіи изъ Петербурга были перенесены въ центръ самого мусульманства—въ Казань.... Татары полагали грѣхомъ употреблять печатный

* *Положеніе ичородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ.* Н. Ойрсова, 1866 года, стр. 170.

** *О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи,* Е. Малова, въ *Правосл. Собес.* 1868 года январь, стр. 22—23.

Коранъ: ихъ убѣдили совершить этотъ грѣхъ. На вопросы академика Френа почему, вопреки своему убѣжденію, употребляютъ они печатный Коранъ, они отвѣчали: „Такова царская воля“. И едвали въ какомъ либо европейскомъ государствѣ,—лишетъ академикъ Дорнъ,—могло бы, соответственно числу населенія, разойтись столько экземпляровъ книгъ религіознаго содержанія, напримѣръ Библии или христіанскаго катехизиса, какъ здѣсь въ теченіе семи лѣтъ (напримѣръ 1853—1859) разошлось въ роучительныхъ магометанскихъ (выше было показано сколь враждебныхъ всему православно-русскому) книгъ: 82.300 экземпляровъ Корана; 165.900 экземпляровъ Гафтіека (извлеченія Корана) и 77.500 Шераитъ-Эльмана (мусульманскаго катехизиса). Эта послѣдняя книжка продается по *двѣ* копѣйки за экземпляръ. Есть книги которыя продаются даже по *четверти* коп. за экземпляръ, и это посреди христіанскихъ населеній безграмотныхъ и темныхъ. Духъ магометанской пропаганды не замедлил развиться; появились во множествѣ и учителя и школы; образовались татарско-магометанскіе писатели.“ * И замѣчательно что разъ возбужденная правительствомъ, эта религіозно-литературная пропаганда магометанства не ослабѣваетъ; такъ напримѣръ „въ 1869 году напечатано одного Эфтіака съ января по сентябрь до сорока тысячъ экземпляровъ“. **

Обращаясь къ дѣятельности духовенства, мы должны признать что оно не бездѣйствовало, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его главныхъ представителей. Отраднo вспомнить и послѣ первыхъ чудотворцевъ казанскихъ Свв. Гурія, Варсанофія и Германа, ревностную дѣятельность такихъ подвижниковъ какъ святители казанскіе Гермогенъ, бывшій потомъ патріархомъ всероссійскимъ; Ефремъ, вѣнчавшійся царство перваго Романова; Лаврентій, Адрианъ, въ послѣдствіи патріархъ; Тихонъ, Лука, Веніаминъ, Дмитрій Свеченовъ, Серапіонъ, Амвросій, Филаретъ, въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій; Григорій, въ послѣдствіи митрополитъ Петербургскій, и прочіе. Искренняя, живая преданность и самоотверженное служеніе

* *Московскія Вѣдомости* 1867 № 101й.

** *Матеріалы для этногр. Росс. Казанск. губ. А. Риттха.* 1870. Часть II, стр. 13.

Христовымъ истинамъ, благу Русскаго народа и отечественнымъ интересамъ этихъ и другихъ имъ подобныхъ дѣятелей извѣстны не одному казанскому населенію. Но ревностныя отреченія ихъ не могли принести обильныхъ плодовъ. Ихъ дѣятельность, встрѣчая сильнѣйшій отпоръ со стороны мѣстныхъ, особенно магометанскихъ элементовъ, въ то же время парализовалась бѣдственнымъ положеніемъ большинства служителей церкви, при недостаткѣ крѣпкаго внутренняго единства, между обезпеченнымъ, управлявшимъ монашествующимъ и бѣднымъ и зависимымъ сельскимъ духовенствомъ, вынужденнымъ кормиться тѣмъ что дадутъ прихожане. А постоянная экономическая зависимость отъ прихожанъ, говоритъ г. Ойрсовъ, „конечно, побуждала его снисходить ко многимъ обычаямъ которыхъ никакъ не могла одобрить церковь. Живя въ міру, питаюсь непосредственно отъ него, работая при этомъ въ лотѣ лица для снисканія пропитанія своимъ семействамъ, приходское духовенство отличалось отъ мірянъ только священническою одеждой, и то въ церкви, а во всемъ остальномъ оно оставалось такимъ же какъ прочіе міряне“.

Слабость русскаго элемента объясняется отчасти историческимъ происхожденіемъ дѣйствующаго русскаго населенія. Въ Московскомъ періодѣ „служилые люди русскіе за свою часто не легкую службу плохо вознаграждаемые правительствомъ, дѣйствовали по отношенію къ инородцамъ съ забвеніемъ всякой справедливости и умѣренности, допуская всевозможный произволъ и беззаконіе; грабили, утѣсняли, выжимали сокъ изъ инородцевъ, не по племенной неприязни или религіозной нетерпимости, а только вслѣдствіе стремленія своего къ поживѣ, къ корысти, ради прибытка.“^{**} Составъ служилыхъ людей былъ самый разнообразный. Кромѣ бояръ, окольниковъ, стольниковъ, посылавшихся только въ качествѣ воеводъ и ихъ товарищей, кромѣ приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ, тутъ были люди самые различные по своему происхожденію и общественному положенію. „Тутъ были охотники изъ Русскихъ; тутъ были лѣнные разныхъ націй; тутъ были новокрещенные изъ самихъ инородцевъ; наконецъ служи-

* *Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ.* Н. Ойрсова, 1866. стр. 222, 225—227.

** Тамъ же, стр. 237, 230, 233.

дый классъ поподался ссыльными преступниками... Многіе изъ нихъ; прежде чѣмъ явиться въ инородческихъ земляхъ, видали на свѣтѣ не мало видовъ, прошли, что-называется, огонь и воду; они боялись только дьявольской силы, и съ такою же охотою и вѣрою принимали слова вѣдуновъ съ какою язычникъ инородецъ обращался къ шаману, но ничего остальнаго эти саужилые люди не боялись^{*}. * Разоря инородцевъ, они сильно ожесточали ихъ противъ всего русскаго котораго были официальными представителями. Но еще чаще инородческое казанское населеніе во вселенной жизни приходило въ соприкосновеніе съ поселившимися среди него мірскими русскими людьми, такъ-называемаго простонародья. Русское простонародье, собственно волей переселившееся на инородческія земли, во весь „Московскій періодъ не получало еще прочной осѣлости. Люди этого разряда передвигаются съ мѣста на мѣсто изъ одной области въ другую“.^{**} Правительство, при заселеніи инородческихъ земель „гулящими людьми простонародья, руководилось фискальными разчетами и административными соображеніями“, не пренебрегая даже и *преступниками*. Подобныхъ поселенцевъ презирали сами русскіе „добрые тяглые люди, несмотря на леню въ пять рублей“.^{***} Жизнь тяглаго русскаго простонародья, крестьянъ и посадскихъ, среди инородцевъ представляется со слѣдующими чертами: Господство міроѣдовъ, умственный застой, экономическая несостоятельность, шатанье съ земли на землю, насильственное присвоеніе чужой собственности и явнымъ, и маскированнымъ разбоемъ. Въ религіозно-нравственномъ отношеніи... неуваженіе къ служителямъ религіи и предметамъ чтимымъ церковію, равнодушіе къ богослуженію, вѣра въ колдуновъ, льянство и страсть къ азартнымъ играмъ, и благодаря имъ кровавыя ссоры, развратъ иногда въ отвратительныхъ формахъ, въ торговлѣ обманъ, въ бесѣдахъ сквернословіе.“^{****} Такіе нравы, населенія естественно не могли поддержать въ зависимомъ отъ него сель-

* *Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ*. Н. Ойрсова, стр. 229, 238—240, 189.

** Тамъ же, стр. 253, 243.

*** Тамъ же, стр. 248—249.

**** Тамъ же, стр. 254—258, 224.

скомъ духовенствѣ просвѣтительную религиозную ревность и тотъ высокій истинно-христіанскій духъ и дѣятельность къ которымъ призывали ихъ казанскіе святители и которые привлекаютъ иновѣрцевъ къ служителю истинной вѣры. Не привлекали казанскихъ инородцевъ такіе нравы, но отвращали, возстановляя противъ всего русскаго. Уже митрополитъ Макарій говорилъ что въ Свияжскѣ, уѣздномъ городѣ казанскомъ, безнравственное поведеніе русскихъ людей было причиною того что Казанцы и подвластные Казанскому царю народы, изъявившіе было готовность якориться Московскому государю, отложились отъ него, видя нечестивую жизнь его людей, пьянствовавшихъ, развратничавшихъ, не оказывавшихъ уваженія ко христіанской церкви, не повиновавшихся закону Божию. *

Перехода къ настоящимъ днямъ, съ глубокою грустью переходимъ въ состояніи Казанско-русскаго инородческаго вопроса чрезвычайно мало измѣненій къ лучшему. Правительство сознаетъ важность этого дѣла. Высшее духовенство попрежнему дѣятельно заботится о христіанскомъ просвѣщеніи Казанскаго населенія. „Разнообразныя прелютствія и затрудненія встрѣчаемыя къ утвержденію св. вѣры между инородцами въ Поволжскомъ краѣ не ослабляли энергіи ея служителей, и они съ неутомимомъ ревностію продолжаютъ свое просвѣтительное дѣйствованіе,“ — свидѣтельствуетъ оберъ-прокуроръ Святейшаго Синода во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по православному исповѣданію за 1871 годъ (стр. 44). Ревностно лучаетъ крещеныхъ инородцевъ казанскихъ и высокопреосвященный Антоній. Подобно митрополиту Сильвестру, онъ самъ постоянно посѣщаетъ по деревнямъ избы крещеныхъ инородцевъ и увѣщаетъ озлобленныхъ отступниковъ; болитъ его христіански-ревностная душа отъ постоянныхъ отпаденій въ магометанство крещеныхъ инородцевъ. Но въ общихъ чертахъ всѣ тѣ же условія, какъ и прежде, парализуютъ и нынѣ просвѣтительныя стремленія духовныхъ и свѣтскихъ властей. Въ религиозно-нравственномъ состояніи православно-русскаго міра усматриваются еще много прежнихъ темныхъ чертъ. Часто ложно направленное образованіе въ высшихъ классахъ общества порождаетъ и нынѣ мертвую холодность къ церкви

* *Акты истор.*, I, 159; *Положеніе инородц.*, Н. Фурсова, стр. 225.

и ея установленіямъ. Въ простомъ народѣ недостатокъ образованія попрежнему развиваетъ склонность къ пьянству и прочимъ порокамъ. Попрежнему дурно, если еще не хуже, относится большинство мірскихъ людей къ приходскимъ сельскимъ священникамъ. Православно-русскій казанскій міръ продолжаетъ попрежнему дремать въ общемъ святомъ дѣлѣ. Въ мѣстностяхъ окруженныхъ русскимъ населеніемъ, гдѣ въ послѣдніе годы отпадали и продолжаютъ отпадать крещеныя инородцы, священники жалуются на крайне алатичное отношеніе ко христіанству большинства русскихъ мірскихъ людей, при дѣятельной, повсемѣстно сильной пропагандѣ дружной магометанской общины. Русскіе многихъ мѣстностей, живя между инородцами, должны бы и „могли бы имѣть вліяніе на обрусеніе крещеныхъ инородцевъ и ознакомленіе ихъ практическимъ путемъ и собственнымъ примѣромъ съ истинами и правилами православной вѣры. Но русскіе крестьяне, свидѣтельствуетъ современный мѣстный этнографъ, * не расположены, да и мало способны къ подобному миссіонерству; большинство ихъ заражено древне-русскими суевѣрїями и предрасудками, а нерѣдко жетолкованїями раскола; идеаломъ же образованія считаютъ сельскаго дьячка, умѣющаго безъ запинки читать церковныя книги.“ Вотъ, на примѣръ, фактъ краснорѣчиво свидѣтельствующій о религіозно-нравственномъ состоянїи Русскихъ въ инородческихъ приходахъ. Недавно въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, „русскій грамотный солдатъ, которому землякъ солдатъ Чувашинъ отъ чистаго сердца подарилъ, прїобрѣтенное имъ съ большими хлопотами, *Св. Евангеліе на русскому языкѣ*, вскорѣ *сбылъ* его другому грамотному русскому человѣку за *сапоги*, а этотъ послѣдній вскорѣ же *протыкнулъ* его на *Столкователь*.“ **

Правда что съ 60 годовъ возникаетъ частная русско-христіанская просвѣтительная дѣятельность въ мірскомъ казанскомъ обществѣ, въ кругу впрочемъ не многихъ лицъ, все-таки дѣятельность поистинѣ святая, но слабая средствами, принужденная среди ледящей безучастности большинства

* *Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. А. Раттха. Часть II. 34—35.*

** *Докладъ братству Св. Гурія. Н. Золотницкаго въ 1868 году, стр. 3—4, и Казан. Губер. Вѣд. № 34.*

и разныхъ несправедливыхъ нареканій * тяжкими усилиями завоевывать себѣ и своему дѣлу каждый шагъ существованія даже въ русско-христианскомъ мірѣ. Ревностію этихъ дѣателей, въствѣ со святителемъ Казанскимъ и еще нѣсколькими свѣтскими людьми, возникло, въ концѣ 1867 года, Казанское братство во имя Святителя Гурія, съ цѣлю, „содѣйствовать утвержденію и распространенію святой Христовой вѣры между инородцами казанскими“. ** И это братство Святителя Гурія, встрѣчая пока сочувствіе и поддержку нѣкоторыхъ лицъ, далеко еще не упрочено, шатко, и благая дѣятельность его, сравнительно съ магометанскою, еще очень слаба, какъ по недостаточности средствъ такъ и по безучастію большинства казанскаго и вообще русскаго общества. Неприкосновенный капиталъ Братства съ 1867 по 1871 годъ едва достигъ еще *одной съ половиною* тысячи рублей; *** а изъ записавшихся въ число его братчиковъ, уже въ 1869 году, изъ всѣхъ 700, почти 200 не внесли своихъ годовыхъ взносовъ. **** На бывающемъ одинъ только разъ въ году общемъ собраніи членовъ братства, опредѣляющемъ направленіе всѣхъ дѣйствій братства, въ 1867 году изъ всѣхъ 334 его членовъ было 112, а въ 1871 году изъ всѣхъ 1.024 членовъ было уже только 52 человѣка. †

Безспорно что благотворная миссіонерская дѣятельность Казанской крещено-татарской частной школы Н. И. Ильминскаго, съ помощію ея деревенскихъ школъ - отраслей и братства во имя Святителя Гурія, пока уже довольно успѣшно начала пролагать въ крещено-инородческомъ казанскомъ населеніи тропинки христианскаго просвѣщенія и обрусенія, но, какъ ясно видно изъ всего выше-

* Нареканія такіа проявлялись даже и въ официальной печати. Опровергнуть ихъ съчелъ долгомъ официально же полечитель Казанскаго учебнаго округа въ журналѣ *Минист. Народ. Просв.*, часть 134, стр. 75 и 135, ст. 253.

** *Открытіе православной церкви Братства во имя Св. Гурія въ Казани въ 1867 году*, стр. 16; *Каз. Эн. Изв.* № 21.

*** *Отчетъ о дѣятельности совета Братства Св. Гурія за 1870—71* стр. 80.

**** *Отчетъ по хозяйству Братства Св. Гурія за 1868—69* стр. 5.

† *Открытіе Братства Св. Гурія и первое общее собраніе 1867 года*, стр. 30, 38—40; *Протоколъ общаго собранія Братства Св. Гурія 1871 года*, стр. 11. *Отчетъ за 1870—71* стр. 100, 103.

представленнаго и изъ всѣхъ отчетовъ объ этихъ школахъ и братствѣ, ихъ дѣятельность еще далеко недостаточно сильна. Не нужно забывать что даже одно только „утвержденіе въ дѣрѣ православнои и удержаніе въ нѣдрахъ церкви широдцевъ обратившихся къ христіанству изъ магометанъ составляетъ особый трудъ“, по словамъ и всеподданнѣйшаго отчета. * Не нужно забывать что, какъ подробно показано выше, „магометане, оказываясь сами косными и упорными въ заблужденіяхъ своей религіи, сверхъ того стараются совратить въ нее своихъ одноплеменниковъ принявшихъ христіанство, и употребляютъ для этого всѣ средства систематической пропаганды“, ** „весьма сильно развитой не только въ муллахъ, но и въ каждомъ послѣдователѣ Ислама“.*** Подстрекаемые множествомъ праздныхъ фанатичныхъ муллъ и въ единодушно находясь „до сихъ поръ въ наступательномъ положеніи, магометане стремятся подорвать въ самомъ корнѣ новый ходъ крещенской жизни какъ невыгодный для себя и опасный. Поэтому школа глубоко лукаетъ свои корни пока лишь тамъ гдѣ нѣтъ сорныхъ травъ, гдѣ ея вліяніе не заглушается магометанскимъ презедитизмомъ. Но гдѣ сильно магометанское вліяніе, тамъ или совсѣмъ нѣтъ школы, или же дѣтей своихъ, уже отданныхъ, ворочаютъ назадъ и стремятся заглушить въ нихъ добрыя сѣмена вынесенныя ими изъ школы. Даже тамъ гдѣ есть (христіанскія) школы, магометане ходятъ и ѣздятъ нарочно къ *надежтымъ* крещенымъ, встрѣчаются съ ними случайно, напримѣръ, на базарѣ, и вездѣ одна рѣчь: держать ли крещенные Магометовъ законъ? *Надежтме* крещенные въ свою очередь также не заставляютъ ждать себя и отплачиваютъ визитомъ. Втягиваются одинъ за другимъ нѣсколько человекъ въ эту компанію. Составляютъ подробную программу дѣйствій своей пропаганды, и коноводы, уже изъ крещенныхъ, разными угрозами сбиваютъ съ толку цѣлое общество, и наконецъ, условившись даже въ словахъ какія нужно

* Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Д. Толстаго по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія за 1871 годѣ, стр. 43, изд. 1872 года.

** Тамъ же, стр. 43.

*** Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора святѣйшаго Синода за 1866 годѣ, стр. 26.

будеть отвѣчать начальству, цѣлый приходъ заявляетъ о своемъ отступленіи отъ христіанства.“ * Отказавшись отъ христіанства и отъ православнаго духовенства отступники съ самодовольствомъ хвалятся своею независимостью въ дѣлѣ религіи. Жематые слѣшаютъ воспользоваться магометанскимъ разводомъ и многоженствомъ. И между тѣмъ какъ къ магометанству и его симпатіямъ, кромѣ чувственности, тянетъ казанскихъ инородцевъ единодушно и весь окружающій магометанскій міръ, все магометанское общество, огромное большинство православно-русскаго общества остается совершенно безучастнымъ къ дѣлу христіанской пропаганды.

Эта безучастность всегда была и есть главная причина безуспѣшности всѣхъ попытокъ къ обрусенію и христіанскому просвѣщенію здѣшнихъ инородцевъ. Для успѣшности и прочности этого великаго дѣла безусловно необходима дружная, энергичная дѣятельность всѣхъ русско-христіанскихъ силъ. Эта-то дѣятельность требуется и для успѣха Казанской учительской семинаріи. Безъ живаго участія и содѣйствія дѣлу христіанскаго просвѣщенія со стороны *всего* русско-христіанскаго міра вообще и мѣстнаго казанскаго преимущественно, учрежденія, распоряженія и старанія духовнаго и свѣтскаго правительства *будутъ* неэффективны, и фальшивая жизненность казанскаго магометанства останется чернымъ клеймомъ нашей общественной совѣсти.

Е. ВОРОНЕЦЪ.

Казань.

Декабрь 1872 года.

* Замѣтка объ отношеніи магометанства къ образованію крещеныхъ Татаръ. Н. Остроумова, стр. 103, перепечатано изъ Журнала Министертва Народнаго Просвѣщенія 1872 года, часть CLXI, отд. 4.

СЛОВЕНЦЫ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Никогда не забуду первой ночи проведенной мною въ Люблявѣ!

Я прибылъ изъ Венеціи въ Люблянѣ (Лайбахѣ) наканунѣ Петрова дня. Былъ уже часъ по полуночи. Мнѣ совѣтовали переночевать на станціи желѣзной дороги, увѣряя что по случаю ярмарки всѣ гостиницы заняты. Я не повѣрилъ и приказалъ извозчику ѣхать къ *Слону*; но ни въ этой, ни въ другихъ гостиницахъ номеровъ свободныхъ не оказалось. Уже съ часъ я ѣздилъ по слабоосвѣщеннымъ, пустыннымъ улицамъ Любляны, и начиналъ приходить въ отчаяніе. Мой извозчикъ рѣшился попытаться въ послѣдній разъ счастья. Мы ѣхали довольно долго темными переулками и наконецъ остановились въ небольшой улицѣ предъ маленькимъ двухэтажнымъ домомъ. Извозчикъ сталъ стучать въ ворота и звать по имени хозяина. Черезъ нѣсколько минутъ въ форточкѣ одного изъ немногихъ оконъ въ нижнемъ этажѣ показалось толстое заспанное лицо въ ночномъ колпакѣ. Но номеровъ свободныхъ и здѣсь не оказалось. Мнѣ было предложено пожить въ комнатѣ гдѣ уже трое спали, но гдѣ оставались еще не занятыми двѣ постели. Я не согласился на

такое предложеніе и сталъ просить хозяина чтобъ онъ позволилъ мнѣ провести ночь въ столовой.

Вскорѣ ворота отворились и хозяинъ ввелъ меня въ просторную горницу въ нижнемъ этажѣ. Вдоль стѣнъ стояли длинныя деревенскіе столы. На лавкахъ спало нѣсколько женщинъ. Въ углу противоположномъ окнамъ была кухня.

Хозяинъ принесъ мнѣ кружку пива и просилъ обождать пока онъ приготовитъ мнѣ постель. Съ ночникомъ въ рукахъ онъ отправился въ сосѣднюю съ кухней горницу. Вскорѣ послышались женскіе голоса и въ дверяхъ показались двѣ заспавныя женщины. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся съ тюфякомъ и подушками, и на узенькомъ диванѣ съ помощью приставленныхъ къ нему стульевъ было устроено мнѣ ложе. Два большіе круглые стола, диванъ, нѣсколько лапчатыхъ стульевъ и комодъ уставленный чашками съ разными изображеніями и надписями, составляли всю обстановку этой горницы, повидимому хозяйскаго покоя. Два окна выходили на дворъ. На одномъ изъ нихъ стояла клетка съ канарейкою. Предъ самымъ окномъ былъ колодезь. На дворѣ подъ навѣсомъ стояли телеги. Изъ растворенныхъ конюшень несся сильный запахъ навоза.

Былъ уже четвертый часъ когда я легъ на приготовленное мнѣ ложе; но лишь только заснулъ, былъ разбуженъ стукотнею и громкимъ женскимъ говоромъ въ кухнѣ. Спать было невозможно, и я всталъ, одѣлся и вышелъ въ кухню. На лавшемъ огнѣ варилась въ большомъ котлѣ похлебка. Столы были заняты рослыми круглолицыми поселянами въ темныхъ суконныхъ курткахъ, въ разноцвѣтныхъ камзолахъ съ багрящими металлическими пуговицами, въ темныхъ узкихъ штанахъ и въ салогахъ до коленъ. У каждаго была круглая, низкая черная шляпа съ широкими полями. Предъ ними стояли большія кружки пива. Статная, румяная дѣвушка разносила похлебку въ небольшихъ мискахъ. Въ ея нарядѣ, отличавшемся простотою, не было ничего народнаго; но двѣ ея длинныя косы, переплетенныя лентами, напомидали мнѣ нашу деревню.

Осмотрѣвъ общество, въ среду котораго я попалъ благодаря ярмаркѣ, я вышелъ на улицу. Надъ растворенными воротами красовалась надпись „Zum Weingarten“ съ подобающимъ изображеніемъ пьянаго Словенца. Я повернулъ направо

отъ воротъ и отдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я очутилася на углу большой улицы, гдѣ прочелъ надпись: Altmarkt.

Быль шестой часъ въ началѣ. Мнѣ оставалось ждать еще часа два, пока встанетъ хозяинъ „Вейдгартена“, и потому я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ чтобы познакомиться съ городомъ. Повернувъ направо, я вскорѣ пришелъ къ мосту чрезъ рѣчку Градашцу, притокъ Любляны, отдѣляющей Трънавское предмѣстье (гдѣ находилась моя гостиница) отъ Краковскаго. Оба эти предмѣстья составляютъ древнѣйшую часть города. Здѣсь еще удѣлѣли остатки стѣнъ римской Эмоны (Аемопа или Наемопа), разрушенной Аттиаю. На ея развалинахъ возникла въ VII вѣкѣ славянская „бѣлая“ Любляна. Въ концѣ VIII вѣка здѣсь жилъ епископъ Маврикій. Сюда перенесъ свою резиденцію изъ Крайбурга Ульрихъ III, воевода краинско-каринтійскій (1260), призвавшій надъ собою верховенство сначала Оттокара II (1270), короля Чешскаго, а потомъ (1275) Габсбурговъ. Еще видны развалины построеннаго имъ замка. Въ этой части города находится церковь нѣмецкихъ рыцарей первоначально построенная въ 1292 году темляерами поселившимися въ Люблянѣ въ половинѣ XII вѣка, а въ 1313 году, по упраздненіи этого ордена, перешедшая во владѣніе нѣмецкихъ рыцарей. Въ началѣ XVIII вѣка эта церковь была разрушена, и на мѣстѣ ея построена нынѣшняя въ формѣ креста.

Минувавъ Краковское предмѣстье, я перешелъ по мосту черезъ Любляну въ новый городъ, начавшій застраиваться, какъ кажется, не раньше половины XIII вѣка. На горѣ надъ городомъ возвышается четырехугольный Градъ съ башнею и бастионами, построенный въ 1416—1520 годахъ для защиты отъ Турокъ и Венеянцевъ, дѣлавшихъ безпрестанные набѣги на Любляну. Повернувъ направо, я пришелъ вскорѣ на Большую Площадь (Hauptplatz) и чрезъ нѣсколько минутъ былъ предъ соборомъ Св. Николая, построеннымъ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка въ римскомъ стилѣ, на мѣстѣ старинной церкви существовавшей уже въ половинѣ XIII столѣтія. Вслѣдъ за соборомъ начинается обширная Ярмарочная площадь (Jahrmakrtplatz). Вся она была уставлена столами съ навѣсомъ; около нихъ толпились поселяне и поселянки въ праздничныхъ одеждахъ. Мужской нарядъ довольно разнообразенъ. Сивія куртка и красные камзолы господствуютъ. У нѣкоторыхъ не было камзоловъ, а только бѣлая рубаха

на распашку. У другихъ шляпа была украшена золотымъ шнуркомъ съ длинною кистью, а изъ-подъ шляпы спускался на бокъ конецъ шерстянаго славянскихъ цвѣтовъ коллака. Женскій нарядъ гораздо разнообразѣе. Можно было подмѣтить нѣсколько переходовъ отъ русскаго сарафана къ нѣмецкому платью. Голову покрываютъ бѣлымъ платкомъ съ узорами по краямъ; у другихъ были челцы; попался даже русскій кокошникъ съ бѣлыми перьями. Здѣсь были представители изъ разныхъ словенскихъ краевъ — изъ Краины, Каринтии и Штирии. Они пришли заластись красивымъ товаромъ, металлическими издѣліями, посудой и другими необходимыми для деревенской жизни вещами, а къ числу такихъ принадлежить и коротенькая нѣмецкая трубка, безъ которой Словенецъ не можетъ обойтись. Для молодежи устроенъ въ концѣ площади балаганъ, привлекающій звѣкъ обычнымъ коверканьемъ и грубыми шутками паяцовъ. Ярмарка продолжается цѣлую недѣлю.

Я вернулся въ „Вейнгартенъ“ тою же дорогой. Было уже восемь часовъ, а хозяинъ еще не показывался. Я просилъ разбудить его и напомнить ему объ обѣщанной комнатѣ; но она была еще занята, и мнѣ пришлось ждать цѣлый часъ пока повели меня наконецъ по узенькой, крутой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ. Отведенная мнѣ комната имѣла три окна—два на галерею и одно, насупротивъ, въ сосѣдную комнату. Шторъ не было, а потому не только проходящіе по галереѣ, но и мои сосѣди могли наблюдать за всѣми моими движеніями. Къ тому же ни окна, ни двери не запирались. Въ комнатѣ были три постели такія высокія что взбираться на нихъ нужно было по лѣстницѣ. Между окнами былъ грязный диванъ, полный насквомахъ, а предъ нимъ круглый хромой столъ. Два деревянные стула, комодъ съ испорченными замками и полуразвалившійся умывальникъ дополняли обстановку этой кѣлци, въ которую я былъ посаженъ какъ бы на показъ. Было грустно, а приходилось довольствоваться и такимъ помѣщеніемъ.

Хозяинъ принесъ мнѣ на завтракъ похлебку изъ рубцовъ, столь твердыхъ и грязныхъ что я не могъ ѣсть. На вопросъ мой знаетъ ли онъ Блейвейса, онъ отвѣчалъ утвердительно; но не могъ указать мнѣ его адреса. Я рѣшился отправиться къ какому-нибудь книгопродавцу чтобъ узнать отъ него гдѣ живетъ знаменитый словенскій патриотъ. Хозяинъ предложилъ мнѣ свои дрожки, и я поѣхалъ на Главную Площадь

къ Giontini: лучший люблянскій книгопродавецъ съ италянскою фамиліей. Книжная торговля идетъ въ Люблянѣ такъ вало что Джонтини принужденъ продавать въ своей лавкѣ письменные и рисовальные матеріалы, картины, фотографіи, музыкальные инструменты и ноты. Купивъ у него нѣсколько словенскихъ книгъ, я спросилъ его не знаетъ ли онъ адреса Блейвейса. „Онъ сейчасъ здѣсь былъ, отвѣчалъ Джонтини.—Жаль что вы прежде мнѣ не сказали. Живетъ онъ въ двухъ шагахъ отсюда; но теперь вы не застанете его дома. Онъ возвратится послѣ полудня.“ Итакъ пришлось отложить визитъ. Я разказалъ Джонтини свои ночныя похождения и жаловался на свое положеніе. Онъ мнѣ посоветовалъ навѣдаться въ *Hôtel d'Europe*, и я тотчасъ же послѣдовалъ туда. Номеровъ свободныхъ и здѣсь не было; но хозяйка гостиницы оказалась моею знакомою: она меня узнала и спросила объ одномъ венеціанскомъ семействѣ у котораго я жилъ долго на квартирѣ. Тамъ она познакомилась со мною. Я не могъ ее припомнить (въ послѣдствіи она мнѣ разказала обстоятельства нашего знакомства: преслѣдованія ею претерпѣнныя отъ тещи и бѣгство ея изъ Венеціи на родину—въ Люблянѣ), но я обрадовался этому знакомству, надѣясь что оно доставитъ мнѣ комнату въ Европейской гостиницѣ. И я не ошибся: хозяйка предложила мнѣ маленькій номеръ пока очистится большій. Я мигомъ былъ въ „Вейнгартенѣ“, забралъ вещи и поселился въ этой гостиницѣ.

Послѣ полудня я отправился къ Блейвейсу и черезъ нѣсколько минутъ былъ въ его скромномъ жилищѣ.

Преодо мною стоялъ еще свѣжій, полный силы старикъ (ему 64 года), высокаго роста, худощавый, пріятной наружности. Прося у него извиненія за безлокойство причиняемое ему моимъ посѣщеніемъ, я сказалъ: „Уже давно я желалъ побывать въ Люблянѣ и поклониться тому чье имя сталъ уважать еще на студентской скамьѣ. Около пятнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ услышалъ отъ вашего друга и моего учителя, И. И. Срезневскаго, о заслугахъ оказанныхъ вами Словенскому народу. Ставъ самостоятельнымъ труженникомъ на полрицѣ славянской науки, я еще болѣе укрѣпился въ чувствахъ вынесенныхъ мною изъ университетской аудиторіи. Доселѣ обстоятельства мѣшали мнѣ засвидѣтельствовать вамъ лично такія чувства. Нынѣ исполняю свое давнишнее желаніе.“

Скромный старецъ очевидно былъ тронуть такимъ заявленіемъ. Крѣпко пожалвъ мнѣ руку, онъ ввелъ меня въ гостиную. Зная что въ обѣденную пору непристойно задерживать хозяина своимъ посѣщеніемъ, я послѣ краткой бесѣды всталъ и простился съ нимъ. Онъ просилъ меня зайти къ нему въ четыре часа и на прощаньи показалъ мнѣ серебряные червильницу и кубокъ, подаренные ему его земляками въ 1868 году, въ двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности.

Заслуги Блейвейса громадны. Онъ виновникъ народнаго возрожденія Словенцевъ. Цѣлью его жизни было, по собственнымъ его словамъ, „вступить въ душевный союзъ съ народомъ и помогать ему во всестороннемъ развитіи и преемственности“. И съ этою цѣлью онъ сталъ издавать съ 1843 года еженедѣльные вѣдомости сельско-хозяйственныя, промышленныя и народныя. Онъ замѣнили народу школу, по нимъ онъ перестроилъ свое хозяйство и развилъ свое народное самосознаніе. Имъ Блейвейсъ прочно установилъ правописаніе и очистилъ языкъ отъ чужой примѣси. Въ нихъ соединились всѣ литературныя силы Словенцевъ, разбросанныя по Крайнѣ, Корошкѣ (Хорутаніи) и Штиріи. Съ нихъ начинаютъ Словенцы новый періодъ въ своей литературѣ—народный.

До Блейвейса словенскіе писатели имѣли въ виду только образованное общество, для котораго издавали на нѣмецкомъ языкѣ труды историческіе (Вальваторъ † 1693, Ливгартъ † 1795) и лингвистическіе (Колитаръ 1808, Метелко 1825, Ярникъ 1832 и др.); на словенскомъ же языкѣ, считавшемся *Dienstbotensprache*, печатались только для народа молитвенники и правоучительныя книжки. Мысль о бѣдности и неразвитости словенскаго языка господствовала не только въ концѣ прошлаго вѣка, но даже и въ нашъ. Противъ такой мысли первый возсталъ Валентинъ Водникъ (1775—1819): онъ доказывалъ что словенскій языкъ кажется бѣднымъ только потому что находится въ небреженіи; онъ сталъ изучать народный говоръ и старо-словенскія книги и на основаніи ихъ старался создавать литературный языкъ, обращаясь въ крайнемъ случаѣ къ родственнымъ нарѣчіямъ и въ особенности къ русскому языку, который онъ считалъ самымъ близкимъ къ словенскому. „Русскіе, говоритъ онъ, сохранили много словъ пришедшихъ у насъ въ забвеніе.“ Путемъ такого изученія Водникъ старался очистить словенскій языкъ отъ

германизмовъ и поднятъ его изъ того унижительнаго положенія, въ которомъ онъ находился. Съ этою цѣлю онъ сталъ издавать газету *Люблянскія Новины* (1797—1800). Въ нихъ между прочимъ онъ знакомилъ своихъ земляковъ съ исторіей, нравами и обычаями, и языкомъ другихъ славянскихъ племенъ, указывая на раздоры Славянъ какъ на причину несчастій. Любопытно что онъ пишетъ о насъ, Русскихъ: „Вотъ новое для насъ, Краинцевъ, явленіе: *Русскіе, наши старые братья*, пришли къ намъ, но не грабить насъ, а защищать отъ враговъ (Французовъ). Дней восемнадцать тому назадъ пришли въ наши края первые Славяне (Slovensi): они были изъ рода Руссовъ и другихъ Славянъ. Вотъ причина почему мы легко понимаемъ русскій языкъ: они Славяне и *корень отъ коего родились наши предки*. Они жили далеко на Дунаѣ, откуда шли лѣсомъ, пока *наѣкрайній* родъ дошелъ до италіанскихъ предѣловъ и поселился тутъ, и назвалъ землю *крайною*. Нынѣ мы видимъ собственными очами какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ,—братьевъ сохранившихъ въ совершенной чистотѣ нашъ славянскій языкъ. Съ ними мы должны сблизиться, если хотимъ очистить нашъ языкъ, и отъ нихъ учиться оборонять отечество отъ враговъ (*Novice*, 1799, № 26).“ Такъ поучалъ Водникъ своихъ земляковъ о родствѣ ихъ съ другими славянскими племенами въ концѣ прошлаго вѣка. Столь же ясно высказывается эта мысль и въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, особенно же въ одѣ: *Илирія величана*, написанной по изгнаніи Французовъ изъ Любляны, тѣхъ самыхъ Французовъ которыхъ за четыре года предъ тѣмъ (1808) онъ привѣтствовалъ одою: *Илирія оживлена*, гдѣ предсказывалъ что Илирія, оживленная духомъ Наполеона, перерожденная и обновленная, будетъ перстнемъ Европы. Но Илирское королевство существовало не долго: Нѣмцы вскорѣ (1812) раздробили его на восемь частей и изъ школы изгнали народный языкъ введенный Французами. Настало тяжелое господство нѣмецчины, такъ хорошо изображенное поэтомъ въ стихотвореніи *Нѣмецкій и краинскій конь*:

„Нѣмецкій конь говорить словенскому: братъ, что медлишь въ луть? Твоя ль нога или голова не хочетъ? Иль тебѣ не любо ѣсть?

„Меня въ добромъ порядкѣ держать, овса даютъ три раза, чистыя мои ноги играютъ, ношу шею по лебядиному.

„Краинская кляча мило молвить: тогда бѣ и я легко была такою же, но меня бьютъ по головѣ, не дають вѣсть и держатъ въ нечистотѣ.“

Нѣметчина до такой степени овладѣла литературою что даже даровитѣйшій поэтъ Премернъ († 1849) писалъ по-нѣмецки или переводилъ на нѣмецкій языкъ свои превосходныя словенскія лѣсны, печатавшіяся въ *Краинской пчелкѣ*, въ которой Кастелигъ старался соединить всѣ поэтическія силы Краины. Словенцы другихъ областей не принимали участія въ этомъ изданіи, и такимъ образомъ, вслѣдствіе политическаго сепаратизма, въ словенской литературѣ господствовалъ узкій провинціализмъ. Въ первый разъ, какъ я уже замѣтилъ, всѣ литературныя силы Словенцевъ сосредоточились въ *Новицахъ*, непрерывно издававшихся съ 1843 по 1870 годъ подъ редакціей Блейвейса. Первое десятилѣтіе онѣ выходили подъ заглавіемъ *Сельско-Промышленныя Вѣдомости (Kmetijske in rokodelske Novice)* и имѣли въ виду просвѣщеніе простаго народа необходимыми въ его бытѣ знаніями и установленіе литературнаго языка.

До 1844 года у Словенцевъ господствовало правописаніе придуманное въ концѣ XVI вѣка Богоричемъ. Недостатки этого правописанія уже давно сознавались; но измѣненія предложенныя Данькомъ и Метелкомъ (1824) были до такой степени неудобны что всякій предпочиталъ оставаться при старой богоричицѣ чѣмъ мѣшать латиницу съ кириллицею дополненною новыми знаками. Споръ объ азбукѣ и правописаніи былъ легко рѣшенъ Блейвейсомъ: оставивъ богоричицу, онъ принялъ упрощенное правописаніе заимствованное Гаемъ у Чеховъ и введенное имъ въ хорватскую литературу, и такимъ правописаніемъ сталъ печатать съ 1844 года *Новицы*. Съ тѣхъ поръ оно вошло во всеобщее употребленіе у Словенцевъ.

Гораздо труднѣе было очистить словенскій языкъ отъ германизмовъ, страшно его исказившихъ, и установить прочныя правила для общаго всѣмъ Словенцамъ литературнаго языка, но и этого достигъ Блейвейсъ упорнымъ трудомъ и путемъ чисто-практическимъ. Насколько онъ успѣлъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, легко увидитъ всякій кто сравнитъ, напримѣръ, *Новицы* Водника съ *Новицами* Блейвейса или обратитъ вниманіе на общенныя имъ образцы *краинской шпраты*, на которой говорили Нѣмшкутары въ Люблянѣ еще лѣтъ десять тому

назадъ: у Блейвейса онъ не найдетъ ни не нужныхъ нѣмецкихъ словъ, ни чуждыхъ оборотовъ. Потому не удивительно что *нѣмцуктары* говорили что онъ *хорватуетъ*. Мало того: они увѣряли что выраженія *Словенецъ*, *Словенскій языкъ*, выдуманы Блейвейсомъ и его кружкомъ, и что до 1848 года они не существовали, какъ не существуютъ лопытѣ въ народѣ называющемъ свой языкъ *краинскимъ*. Блейвейсу не трудно было защитить себя отъ подобныхъ нареканій, указавъ своимъ невѣжественнымъ врагамъ что не только писатели нашего и прошлаго вѣка (Лингорть, Добровскій, Колитаръ, Шафарикъ и др.) называютъ его земляковъ *Словенцами* и ихъ языкъ *словенскимъ*, но что эти выраженія встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ словенскихъ печатныхъ книгахъ половины XVI столѣтїя.

Что Блейвейсъ писалъ на чисто словенскомъ языкѣ безъ всякой примѣси хорватчины, лучше всего доказывается тѣмъ что простой народъ съ жадностью читалъ его *Новицы* и что онъ приобрѣлъ ими такую популярность какой никто еще изъ его земляковъ не имѣлъ и не имѣеть. Блейвейсъ сталъ настоящимъ главою народа: Словенецъ слушаетъ его какъ своего отца, и прибѣгаетъ къ нему за совѣтомъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ. Разказываютъ что поселане приглашали Блейвейса посмотреть на ихъ хозяйство устроенное по правиламъ изложеннымъ въ его *Новицахъ* и въ книгахъ изданныхъ имъ для народа.

Кромѣ *Новицъ*, Блейвейсъ издавалъ (1852—6) *Словенскій Календарь*, лучшія статьи изъ коего, и въ числѣ ихъ нѣсколько биографій словенскихъ писателей, были перепечатаны въ особомъ сборникѣ *Золотые Колосья*. Онъ составилъ также *Словенскую хрестоматію* для гимназій, а въ прошломъ году Краинское сельско-хозяйственное общество издало его ученую книгу *Объ угодѣ за домашнимъ скотомъ*.

Но изданіемъ газеты, календарей, альманаховъ, народныхъ, учебныхъ и ученыхъ книгъ (по сельскому хозяйству и медицинѣ: онъ докторъ медицины и профессоръ ветеринаріи) не ограничилась дѣятельность Блейвейса: онъ принималъ участіе во всемъ что касалось блага его родины: въ учрежденіи ученыхъ и патріотическихъ обществъ, въ улучшеніи старыхъ школъ и въ открытіи новыхъ (ветеринарное училище въ Люблянѣ основано въ 1850 году по его мысли), въ распространеніи періодическихъ изданій и т. п.; наконецъ, въ

1861 году, онъ выступилъ въ качествѣ защитника народныхъ правъ и интересовъ на Краинскомъ сеймѣ.

Когда въ 1860 году Словенцы, подобно другимъ западнымъ Славянамъ, повѣрили обѣщаніямъ Австріи и горячо принялись защищать свою народность, Блейвейсъ первый сталъ доказывать въ своихъ *Новицахъ* необходимость для Словенцевъ особой политической газеты; но не было возможно найти требуемаго правительствомъ обезличенія (10.000 гульденовъ): тогда Блейвейсъ сдѣлалъ *Новицы* народнымъ органомъ, печатая въ нихъ не только акты и протоколы сейма, рѣчи народныхъ депутатовъ, но также статьи посвященныя разработкѣ важныхъ для Словенцевъ вопросовъ. Его передовую статью въ первомъ номерѣ *Новицъ* за 1861 годъ можно считать программю народной партіи на Краинскомъ сеймѣ. „Въ 1848 году засіяла первая заря конституціонной свободы. Словенцы пробудились, и уваженіе къ попоранному отечественному языку было первое ихъ заботою. Какой успѣхъ они имѣли, не будемъ описывать, это всемъ хорошо извѣстно. Хотя съ тѣхъ поръ всѣ министерства провозглашали равноправность всѣхъ народовъ, — равноправность Словенской народности оставалась *prim desiderium*. Не будемъ описывать сколько разъ раздавался голосъ равноправности; и всякій разъ мы думали что уже достигли того на что всякій народъ имѣетъ право предъ Богомъ и свѣтомъ; но бюрократія прелятствовала осуществленію нашихъ законныхъ стремленій, ибо *Berichte* были постоянно таковы что *словенскій языкъ не годится для канцелярій*,—хотя ни одной попытки къ тому еще не было сдѣлано; и что простой народъ не понималъ бы господъ если бы ему писали и на родномъ языкѣ. Но какимъ образомъ языкъ годный для разговора не былъ бы годенъ для *письма*? Вотъ вопросъ обходить который возбраняетъ нашъ здравый разумъ. Въ школѣ былъ допущенъ словенскій языкъ, но насколько? Ни одна наука на немъ не преподается, а въ гимназіяхъ и реалкахъ цѣлыя 8 лѣтъ словенская грамматика читается на нѣмецкомъ языкѣ. Поэтому не удивительно что мы, Словенцы, смотримъ на императорскій указъ отъ 8го августа 1859 года какъ святыя три царя на звѣзду,—или те-перь, или никогда! Дай Богъ чтобъ эта звѣзда привела насъ къ яслямъ такого закона который не дѣлаетъ различія между народами, но предъ которымъ всѣ народы одинаковы, ибо

всѣ народы несутъ равное бремя податей и другихъ повинностей.

„Императорскій дипломъ отъ 20го августа открылъ новую эпоху. Изъ министерства удалился человекъ (Бахъ) который до такой степени хотѣлъ уменьшить силу для насъ императорскаго указа что весь свѣтъ удивился когда онъ началъ издавать уставы для областныхъ сеймовъ. Въмѣсто того чтобы проложить всѣмъ путь на одинаковыхъ правахъ, онъ принялъ въ основаніе привилегіи, а не равноправность. Какой бы былъ государственный совѣтъ по его предназначеніямъ, всякій легко пойметъ. Славу Богу что человекъ который ни кому не нравился уступилъ свое мѣсто мужу (Шмерлингу) который общаетъ нѣмецко-славянскимъ Австрийцамъ даровать тѣ же самыя права которыя предоставлены Мадыарамъ и соединеннымъ съ ними областямъ.

„Свободное управленіе *жупаній, областные сеймы и государственный советъ*—вотъ та важная троица которая общаетъ намъ лучшія, новыя времена.“

Когда враги Блейвейса и его друзей стали обвинять ихъ въ желаніи изгнать нѣмецкій языкъ изъ словенскихъ школъ и изъ Словенской земли и въ стремленіи отложиться отъ Австріи и основать новое, самостоятельное юго-славянское королевство, Блейвейсъ отвѣчалъ имъ въ № 45 *Новицъ* статью: *Наша программа*. Онъ откровенно говоритъ имъ что народная партія борется за народность и политическія права своего народа, что она домогается введенія словенскаго языка въ школы и канцеляріи и сколь возможно болѣе обширной и дѣйствительной автономіи; но что она не помышляетъ объ изгнаніи нѣмецкаго языка изъ Словенской земли и объ отторженіи отъ Австріи, которую напротивъ желаетъ видѣть „единою и могущественною“ на основаніяхъ конституціонныхъ.

Далѣе онъ объясняетъ что народная партія желаетъ чтобы въ народныхъ училищахъ преподавались всѣ науки по-словенски, а въ среднихъ и высшихъ словенскій языкъ пользовался бы равноправностью съ нѣмецкимъ, и чтобы такую же равноправностью пользовался народный языкъ и въ канцеляріяхъ, то-есть чтобы въ перепискѣ со Словенцами употреблялся словенскій языкъ.

Таковы были въ дѣйствительности желанія и стремленія Словенцевъ, какъ видно изъ рѣчей произнесенныхъ словенскими депутатами въ Люблинѣ и Вѣнѣ, изъ летици

поданной имъ Шмерлингу, и изъ множества статей напечатанныхъ въ *Новицахъ*.

Введеніе народнаго языка въ школы было для Словенцевъ самымъ жизненнымъ вопросомъ. Ихъ школы были нѣмецкими *Pflanzanstalten*: въ нихъ вырабатывались изъ словенскихъ *halbwilde Barbaren*—*нѣмичутары*, или какъ они сами себя величаютъ, *Deutschslovenen*. Словенскій языкъ не только не преподавался въ школахъ, но даже воспрещался: кто случайно проговорился по-словенски, тому надѣвали ослиную шкуру—*den wendischen Esel*. Съ 1848 года стали вводить словенскій языкъ въ народныя школы, но весьма вяло и небрежно: крестьянинъ былъ счастливъ если сынъ его выучивался читать молитвенникъ; за то онъ зналъ кое-что по-нѣмецки. Обыкновенно же случалось что онъ забывалъ родной языкъ и не научался чужому: у него вырабатывался свой языкъ, нѣмецко-словенскій, понятный ему одному и подобнымъ ему. На такомъ языкѣ говорили и писали даже люди считавшіеся образованными.

Въ 1848 году было обѣщано ввести преподаваніе на народномъ языкѣ въ среднія учебныя заведенія; но это обѣщаніе не было исполнено. Австрійскіе Нѣмцы въ 1861 году выставили государственными измѣнниками словенскихъ патриотовъ требовавшихъ введенія въ школы народнаго языка и не постыдились укорять даже такихъ людей какъ Блейвейсъ въ томъ что они дѣйствуютъ не по убѣжденію, а по внушенію Россіи и за *русскіе рубли*.

Но клевета, само собою разумѣется, не могла быть достаточнымъ доводомъ для недопущенія словенскаго языка въ школы, и *нѣмичутары* придумали иной: они говорили что словенскій языкъ не достаточно развитъ для того чтобы стать органомъ науки, и что у Словенцевъ нѣтъ учебниковъ. На первое возраженіе легко отвѣтить указаніемъ на существованіе у Словенцевъ до 1861 года нѣсколькихъ учено-литературныхъ журналовъ, каковы: *Згодня Даница* (богословскій журналъ 1848), *Ведехъ* (Знаніе, ред. Навратичъ), *Словенска бчела* и *Школски пріятель* (оба издавалъ съ 1850 г. Ейншплеръ) и особенно *Словенски гласникъ*, издававшійся съ 1858 г. Янежичемъ. Что же касается учебниковъ, то и въ нихъ не было большаго недостатка. Кромѣ вышеупомянутыхъ книгъ Блейвейса, можно указать на слѣдующія: словенскія грамматики Мурка, Майера, Муршца, словари Янежича, Вольфа,

христоматию Миклошича, Янежича, Мацуна, всеобщую географию Гицингера, всеобщую историю Врьтовца, историю словенской литературы Янежича, физику Робида, книги Врьтовца по естественнымъ наукамъ и по закону Божию—Сломшека, Ерана, Муршца и др. Такимъ образомъ враги Словенцевъ употребляли въ дѣло не только клевету, но и очевидную ложь. Для характеристики ихъ не мало важно слѣдующее обстоятельство, разказанное Блейвейсомъ въ *Новицахъ*: Словенское общество въ Люблянѣ поручило Гицингеру написать географию, и онъ представилъ прекрасный учебникъ; тогда общество просило Министерство Народнаго Просвѣщенія чтобъ этотъ учебникъ былъ принятъ въ реалку или гимназю; самъ Блейвейсъ лично ходатайствовалъ объ этомъ предъ министромъ Туномъ, но напрасно: учебникъ не былъ принятъ.

Еще большую бурю подняли *нѣмцуктары* по поводу требованія Словенцевъ чтобъ ихъ языкъ былъ введенъ въ канцелярію, хотя краинскіе чины еще въ 1786 и 1787 постановили чтобы чиновники выбирались изъ *туземцевъ, хорошо знающихъ родной языкъ*, и чтобы въ сношеніяхъ съ простымъ народомъ употреблялся *словенскій языкъ*. На словенскихъ патриотовъ сыпалась брань въ родѣ слѣдующей: „Die Krainer werden doch nicht so verflucht dumm sein, die krainerische Sprache in der Kanzlei zu verlangen!“

На первомъ же засѣданіи Краинскаго сейма, Блейвейсъ высказалъ сожалѣніе что не видитъ на немъ представителей Словенцевъ изъ Штиріи, Каринтіи, Истрии и Горинки, соблазновалъ что они обязаны ходить на два нѣмецкіе и на два италянскіе сейма, и представляя такое раздробленіе Словенцевъ несправедливымъ, противоестественнымъ и убыточнымъ для государства, просилъ чтобы сеймъ ходатайствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ объ *объединеніи Словенцевъ* въ административномъ отношеніи. * Его предложеніе было принято съ восторгомъ, но отложено до болѣе удобнаго времени.

* По послѣднимъ официальнымъ даннымъ, обнародованнымъ Фикеромъ (Dr. Adolf Ficker, *Die Völkervämme der Oesterreichisch-ungarischen Monarchie*. Wien 1869), Словенцевъ считалось: въ Штиріи 410.000 (на 707.000 Нѣмцевъ), въ Каринтѣ (Kärnten) 109.000 (Нѣмцевъ 240.000), въ Крайнѣ 450.000 (Нѣмцевъ 32.000), въ Приморьѣ (Küstenland) съ Истриею и Горинкомъ (Görz) 359.000 (Италянцевъ 180.000, Нѣмцевъ 24.000); слѣдовательно всего 1.328.000, изъ коихъ только третья часть (Краинцы) имѣютъ свой сеймъ въ Люблянѣ, а остальные отданы на произволъ Нѣмцевъ и Италянцевъ.

Вмѣстѣ съ Блейвейсомъ защищалъ права Словенскаго народа сначала на Краинскомъ сеймѣ, а потомъ и въ рейхсратѣ даровитый поэтъ и замѣчательный ораторъ Томанъ. Зная что защитниковъ народныхъ правъ ожидаютъ, по собственнымъ его словамъ, *насмѣшки, сарказмы, застраиваніе, гоненія* и наконецъ *терновый отънецъ*, онъ смѣло требовалъ въ рейхсратѣ примѣненія къ Словенцамъ закона о *равноправности*, особенно въ школахъ.

Др. Лаврентій Томанъ (1827 — 1870), основатель и первый председатель Словенской Матицы, получилъ извѣстность съ 1848 года, когда онъ принималъ дѣятельное участіе въ славянскомъ движеніи въ Австріи и издалъ сборникъ патріотическихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Гласи домородни*. Цѣлью этихъ патріотическихъ голосовъ было — „облегчить тяжелое бремя братьевъ, пробудить окаменѣвшія сердца“. Въ утѣшеніи братьевъ-Хорватовъ Мадьярами поэтъ видитъ опасность для всѣхъ западныхъ Славянъ и призываетъ ихъ соединиться противъ чужеземцевъ. Припоминая славное прошлое, оплакивая настоящее, описывая нравственные силы Славянъ, онъ призываетъ ихъ къ единенію въ надеждѣ на блестящее будущее: „за ночью день прійдетъ, въ единеніи станетъ сила, сила доселѣ невѣдомая“. Поэтъ тѣсно соединяетъ судьбу своей родины съ судьбою другихъ Славянъ и даетъ клятву—*съ братьями жить и умереть*. „Кто прольетъ свою кровь за нее (славянскую мать), будетъ жить въ вѣчной славѣ“. „Она (славянская мать) созываетъ сыновъ славы, созываетъ ихъ изъ дальней родины для своего освобожденія. Созываетъ всѣхъ насъ, кто чтитъ мать своего народа,—своего древа широкія вѣтви, распростершіяся по всему свѣту дальнему.—Мать наша не такъ бѣдна, она богата всѣми залогами; но она унижена, она придушена, и это причина ея бѣдствій.—Наша мать, славная мать, имѣетъ вокругъ себя столько сыновъ, сколько песку на днѣ моря, сколько звѣздъ на небѣ. Они стойки какъ твердая ель, они быстры какъ громовая стрѣла, мимы какъ вѣтерокъ прохладный, сильны какъ злой вихорь, тверды какъ городскія стѣны, горячи какъ солнечные лучи... Но слымы въ оковахъ, дочери въ горѣ, и бездомной матери рѣдко слышенъ голосъ.—Надъ нею господствуетъ гордый иноплемяникъ, и въ служеніи ему гибнетъ чистота яснаго духа. Иноплемяникъ гордо держитъ себя на ея родинѣ, а собственные сыны ходятъ къ иноплемянику за кускомъ хлѣба. Все

хорошо и законно что намъ въ посрамленіе; негодно, беззаконно что наше по праву. Такъ не можетъ долго быть, мать уже измучена, хочетъ очистить свой домъ отъ иноплемениковъ, а симвовей своихъ отъ чужаго духа. Слѣшите, слѣшите по зову мужественной матери въ праведный бой; отважно будемъ всѣ битися, пока не рѣшится ея судьба... Богъ даруетъ славную побѣду въ этомъ праведномъ боѣ... онъ защититъ славу своею силою и освободитъ отъ чужаго яра“...

Въ томъ же духѣ писалъ другой словенскій поэтъ, Иванъ Весель-Касескій († 1852), ревностный сотрудникъ Блейвейсовыхъ *Новицъ*. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ земляковъ, и его величественныя произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя (изъ Гёте, Шиллера, Бергера, Байрона, Державина, Пушкина и др.), оставляяютъ далеко за собою все что было написано по-словенски какъ до него такъ и послѣ него. Его лира отличается объективностью и патриотическимъ настроеніемъ: его личность совершенно ступшевывается предъ величественными образами изъ славянской исторіи, въ его душѣ находитъ отголосокъ все что волновало цѣлое Славянство, хотя къ ней ближе всего его земляки и ихъ южные братья. Предвѣщая великое будущее Славянамъ, оплакивая ихъ раздоры, причину всѣхъ ихъ несчастій, онъ, подобно Томану, призываетъ ихъ къ единенію и проповѣдуетъ походъ противъ Мадыаръ, этого „дракона похитившаго славянскую корону, разсѣкшаго на двое славянскій міръ и вонзившаго свои ядовитыя зубы въ самое сердце святой Славы.“

Было бы здѣсь неумѣстно распространяться о всѣхъ словенскихъ писателяхъ сотрудничавшихъ въ *Новицахъ* или поддерживавшихъ Блейвейса отдѣльными изданіями. Упомяну только о нѣкоторыхъ, и сначала о поэтахъ. Мирославъ Вильхаръ пріобрѣлъ популярность своими лирическими и драматическими произведеніями. Матвій Кричмановъ Валявецъ переложилъ весьма удачно нѣсколько псалмовъ, переводилъ Гёте, писалъ советы и баллады. Францъ Цегнаръ переводилъ сербскія, чешскія и русскія народныя лиричи и издалъ сборникъ сонетовъ, балладъ и одъ. Въ послѣднее время пріобрѣли извѣстность лирическіе поэты-патріоты: Симонъ Іенко и Іосифъ Циммерманъ. Въ числѣ наиболее ревностныхъ сотрудниковъ *Новицъ* были: даровитый поэтъ и ученый Свѣтецъ (Подсорскій), новеллистъ Милавашичъ, недавно скончавшійся патріотъ, знатокъ славянскихъ нарѣчій, Майаръ, историкъ Туинчеръ

и археологъ Даворинъ Тростенякъ. Какъ эти, такъ и многіе другіе писатели помогали Блейвейсу въ установленіи литературнаго языка и очищеніи его отъ германизмовъ, въ распространеніи знаній, въ ознакомленіи со славянскимъ міромъ и въ борьбѣ за народность: поэтому ихъ дѣятельность нельзя отдѣлать отъ дѣятельности Блейвейса, бывшаго ихъ вожакомъ.

Говоря о Блейвейсѣ, нельзя забыть епископа левантскаго, Антона Мартина Сломшека (1800—62), дѣйствовавшаго въ томъ же самомъ направленіи какъ и онъ, хотя независимо отъ него. Задачею всей его жизни было распространеніе между Словенцами просвѣщенія, основаннаго на религіи и народности. Съ этою цѣлью онъ издалъ множество книгъ пользующихся заслуженною извѣстностью какъ по содержанию такъ и по языку, и ставшихъ любимымъ чтеніемъ народа, покровительствовалъ и помогалъ учрежденному съ тою же цѣлью въ Цѣловцѣ въ 1851 году Обществу Св. Гермагора, ревностно сотрудничалъ въ журналѣ *Дробтинице* (Крошки) и особенно заботился о преобразованіи народныхъ школъ. До 1848 года народныя школы были средствомъ германизаціи. Сломшекъ, которому тогда было поручено Туномъ ихъ преобразование, сдѣлалъ ихъ тѣмъ чѣмъ онъ должны быть, то-есть разсадникомъ просвѣщенія. Онъ ввелъ преподаваніе на родномъ языкѣ, составилъ программы, издалъ хорошіе учебники, или имъ самимъ написанные или же имъ исправленные, удалилъ невѣжественныхъ и не знавшихъ народнаго языка учителей и на мѣсто ихъ назначилъ способныхъ, знающихъ и преданныхъ дѣлу, и самъ слѣдилъ за преподаваніемъ. Его заслуги въ этомъ отношеніи громадны. *Нѣмцуктары* видя что онъ вырвалъ у нихъ изъ рукъ орудіе овѣмеченія Словенскаго народа, роптали на него, клеветали и обвиняли въ государственной измѣнѣ; но онъ непреклонно и тихо продолжалъ свое дѣло до самой смерти. Его политическія и національныя убѣжденія ясно высказаны имъ въ циркулярѣ къ подвѣдомственному ему духовенству: „Въ нашей католической борьбѣ будемъ полагаться на нашего императора Франца-Иосифа... Не будемъ слишкомъ послѣшно произносить приговора о настоящихъ событіяхъ чтобы не подвергнуться жалобамъ и обвиненіямъ отъ нашихъ враговъ. Вошедшая нынѣ въ законъ конституція даруетъ всѣмъ гражданамъ, а въ ихъ числѣ и намъ священни-

камъ, право и свободу, на основаніи коихъ будемъ защищать словомъ и дѣломъ священнѣйшіе интересы католической вѣры и церкви. *Hic Rhodus, hic salta.* Мы имѣемъ теперь въ Австріи конституціонную почву, на которой можемъ подвизаться. Кромѣ этой общецѣ боръбы, въ нашей епархіи развита болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь другая болѣе несчастная боръба — на полприщѣ языка и національности. Съ незапамятныхъ временъ нѣмецкая кровь килить въ жилахъ нѣкоторыхъ *exaltados* нѣмечины въ Штирии, Нѣмцевъ не по происхожденію, а по ренегатству; они не могутъ болѣе выносить народнаго возрожденія Словенцевъ и стараются подавить его всеми орудіями лжи и клеветы. Я гнушаюсь идоломъ языческой народности которому нынѣ въ Италіи, Венгріи и нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ приносятъ въ жертву священнѣйшіе интересы; но я чту природныя черты характера каждаго народа, какъ даръ Божій, родной языкъ каждаго народа какъ первое средство его образованія. Основаніе каждаго сообразнаго съ природою народнаго просвѣщенія есть обработка народнаго языка; безъ нея народъ остается въ колыбели своего образованія. Очевиднымъ доказательствомъ тому служить исторія нашихъ народныхъ школъ за послѣднія пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ. Поэтому всякій здраво разсуждающій человекъ, а тѣмъ болѣе католическій священникъ, привѣтствуетъ съ радостью расцвѣтъ нашего народнаго языка и народнаго образованія. Кто можетъ насъ въ этомъ укорять? *Sed ne quid nimis!* Всякая крайность—врагъ добраго, а таково у насъ слишкомъ большое предпочтеніе нашего народнаго языка и неуваженіе или презрѣніе къ другому необходимому у насъ языку — нѣмецкому. Поэтому будемъ удерживаться въ границахъ предписываемыхъ мудростью, пользою или относительною необходимостію. Вотъ онѣ. 1) *Родной языкъ* пусть будетъ нашею *правою рукою* при образованіи нашего Словенскаго народа. Пусть будетъ нашимъ стремленіемъ обрабатывать его родной языкъ, и до такой степени возвысить его чтобы даже чужеземецъ почиталъ его и охотно ему учился. Въ нашихъ народныхъ школахъ, равно какъ и въ церкви, пусть будетъ родной языкъ орудіемъ преподаванія... Будемъ цѣнить прелесть роднаго языка какъ прелесть невѣсты. 2) Но какъ для лучшаго успѣха если не всегда крайне необходима, то *полезна также левая рука*, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ *conditio sine*

qua pop,—точно также въ нашей странѣ необходимъ второй мѣстный нѣмецкій—языкъ. Столкновение со столькими народами по столькимъ пересѣкающимся въ нашей епархіи желѣзнымъ дорогамъ, множество лѣчебныхъ заведеній, фабрикъ и горныхъ заводовъ въ Нижней Штиріи, гдѣ столько Словенцевъ находятъ благобыть, дѣлають знаніе нѣмецкаго языка жизненною потребностію; изгнать его изъ народныхъ школъ было бы то же что нашему юношеству отрубить лѣвую руку. Quod absit! 3) Жители Нижней Штиріи на язычной межѣ чувствуютъ, по собственному опыту, крайнюю нужду въ нѣмецкомъ языкѣ. Изгнать его изъ школъ значило бы лишиться сочувствія народа и предать его въ руки новѣйшихъ демократовъ которые обѣими руками ухватились бы за этотъ случай чтобъ отнять у духовенства завѣдываніе народными школами. Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem. Пусть словенскій языкъ будетъ нашею правою рукой, а нѣмецкій—лѣвою; оба будемъ по возможности уважать и изучать. (Anton Martin Slomšek, dargest. von Fr. Kosar. Marburg 1863; 261—263).“

Такъ разумно разсуждалъ Сломшекъ объ отношеніи нѣмецкаго языка къ словенскому. Либералы были недовольны тѣмъ что онъ подчинялъ идею народности идеѣ государства и религіи; но иначе онъ не могъ мыслить какъ католическій епископъ. Его патриотизмъ обнаружился со всею силою въ 1848 году, когда ни насмѣшки, ни застрачиванія не могли отклонить его отъ избраннаго имъ пути.

Такъ дѣйствовали Блейвейсъ и его кружокъ; такъ дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать словенскіе патриоты: не увлекаясь несбыточными мечтаніями, они, подъ руководствомъ опытнаго и практическаго Блейвейса, постоянно идутъ впередъ, безъ задержки, осторожно, не раздражая безъ пользы своихъ враговъ, и въ народномъ дѣлѣ достигли такихъ результатовъ какимъ могутъ позавидовать остальные австрійскіе Славяне.

Въ назначенный часъ я пришелъ къ Блейвейсу. Показавъ мнѣ свою библіотеку и подаривъ на память нѣсколько своихъ трудовъ и изданій, онъ повелъ меня къ профессорамъ Марну и Лесару.

Профессоръ богословія и словенскаго языка въ Люблянскомъ лицѣ, Марнъ, еще во цвѣтѣ лѣтъ. Привѣтливый, умный, осторожный въ словахъ и поступкахъ, онъ нѣсколько

не похожъ на знакомыхъ мнѣ хорватскихъ католическихъ священниковъ, отталкивающихъ отъ себя своимъ иезуитскимъ направлениемъ, всезнайствомъ, подъ которымъ скрывается невѣжество, и хвастовствомъ избочающимъ умственную ограниченность. Марнъ чрезвычайно скромнъ, хорошо образованъ и искренно преданъ народному дѣлу. Онъ знакомъ съ исторіею славянства, читаетъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и свободно объясняется по-сербски. Послѣдователь земляка своего Маяра, онъ ревностный защитникъ и распространитель славянской взаимности и славянскаго объединенія путемъ кириллицы и общаго литературнаго языка: читатель славянскихъ апостоловъ, онъ не навязываетъ имъ, подобно загребскимъ иезуитамъ, глаголицы, а усердно обучаетъ юношество нашей славянской азбукѣ, зная что основательное изученіе роднаго нарѣчія не мыслимо безъ знанія старославянщины, и понимая что путемъ основательнаго знакомства съ нею легче можно прійти къ образованію общеславянскаго литературнаго языка, онъ включилъ въ свой курсъ старославянскую грамматику. Какъ пріятно слышать что въ Люблянскомъ лицѣ, среди маленькаго и бѣднаго Словенскаго племени, преподается старославянщина и изучается кириллица! Для облегченія учениковъ Марнъ издалъ въ 1863 году краткую старославянскую грамматику. Съ того же года онъ сталъ издавать филологическое прибавленіе къ *Учительскому Товарищу*, въ которомъ между прочимъ высказалъ свой взглядъ на общеславянскій языкъ и общеславянскую азбуку. Тогда же, по случаю тысячелѣтнаго празднованія памяти славянскихъ апостоловъ, онъ издалъ сборникъ: *Zlati vek*; въ немъ помѣщенъ рядъ статей о Свв. Кириллѣ и Меѳодіи, о христіанствѣ у Словенцевъ, о кириллицѣ и глаголицѣ, о старославянскомъ языкѣ и старославянской литературѣ.

Отъ Марна я зашелъ къ Лесару. Это уже пожилой человекъ; въ немъ нѣтъ той живости и привѣтливости которыя отличаютъ Марна. Со славянствомъ, насколько мнѣ показалось, знакомъ мало и не слѣдитъ за славянскою наукой. Законоучитель и преподаватель словенскаго языка въ Люблянской реалкѣ, онъ издалъ учебникъ по священной исторіи и краткую словенскую грамматику. Въ 1864 году онъ напечаталъ монографію о *Рыбницкой долине въ Краинѣ*, при которой приложилъ образцы мѣстнаго говора.

Съ 1866 года, со смерти извѣстнаго словенскаго лингвиста ..

Левстика, Лесаръ занимаетъ мѣсто секретаря *Словенской Матицы* въ Люблянѣ, учрежденной въ 1860 году, по мысли покойнаго Томана, бывшаго первымъ ея предсѣдателемъ (по его смерти въ 1870 году избранъ на его мѣсто Др. Коста). Это патриотическое учрежденіе пользуется такимъ сочувствіемъ Словенцевъ что насчитываетъ нынѣ до 2.000 членовъ и имѣетъ ежегоднаго дохода до 25.000 гульденовъ. Оно успѣло уже издать нѣсколько книгъ по исторіи и этнографіи Словенцевъ, нѣсколько учебниковъ по географіи и естественнымъ наукамъ, нравоучительную книжку для народа, стихотворенія Водника и Весела-Касельскаго. Кромѣ того, съ 1867 года Матица издаетъ *Народный календарь*, въ которомъ помѣщаются разныя полезныя для народа статьи (а въ 1867 и 1868 годахъ отчеты Матицы), а съ 1869 года журналъ, подъ заглавіемъ: *Letopis matice slovenske*: кромѣ историческихъ и этнографическихъ статей о Словенцахъ, въ немъ печатаются повѣсти и стихотворенія, а также словенская бібліографія.

Предсѣдателя словенской Матицы, доктора философіи и правъ, Косту, я не засталъ, къ сожалѣнію, въ Люблянѣ: онъ выходилъ по дѣламъ службы въ Вѣнѣ. Коста принадлежитъ къ передовымъ людямъ своего племени и пользуется славою отличнаго оратора и основательнаго ученаго. Его юридическія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ доставили ему извѣстность въ Германіи. Изъ его словенскихъ изданій мнѣ извѣстны: *Водниковъ альбомъ* — сборникъ статей касающихся жизни и литературной дѣятельности словенскаго поэта Водника (1859), описаніе знаменитой Постойнской пещеры (1863) и словенская бібліографія (съ 1869). Коста пользуется довѣріемъ и любовью своихъ согражданъ: въ 1864 году они избрали его жуланомъ (городскимъ головою) Люблянъ, а въ 1870 году депутатомъ въ рейхсратъ.

Этими лицами ограничился кругъ моего знакомства въ Люблянѣ: съ другими Блейвейсъ не считалъ нужнымъ знакомить меня. Притомъ же, не располагая остаться въ Люблянѣ болѣе пяти дней, я не старался искать новыхъ знакомствъ, удовольствовавшись любезностію Блейвейса, Марна и Лесара, жертвовавшихъ своимъ свободнымъ временемъ на ознакомленіе меня съ Люблянью и ея жизнію.

Любляна—центръ политической и умственной жизни Словенцевъ.

венцевъ: здѣсь собирается ихъ народный сеймъ, здѣсь находится наибольшее число ихъ ученыхъ и патріотическихъ учреждений, здѣсь наиболѣе оживлена литературная дѣятельность.

Старѣйшее изъ словенскихъ ученыхъ обществъ, *Сельскохозяйственное*, существуетъ въ Люблянѣ уже болѣе ста лѣтъ; оно было основано въ 1767 году съ тройкою цѣлю: 1) теоретическаго изученія сельскаго хозяйства; 2) распространенія теоретическихъ о немъ познаній посредствомъ школъ, и 3) примѣненія теоріи къ практикѣ. Члены собирались два раза въ мѣсяцъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, находились въ перепискѣ съ иностранными обществами и учеными специалистами, раздавали преміи за разсужденія по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, совершали путешествія по Крайнѣ. Общество имѣло свой органъ, посредствомъ котораго распространяло сельско-хозяйственныя познанія; учредило еще въ прошломъ вѣкѣ въ Люблянѣ школы: земледѣльческую, механическую, химическую, рисовальную, прядильную. На кулаевнѣ съ этою цѣлю близъ Любляны землѣ око устроило практическую школу земледѣлія, выписывало изъ иностранныхъ земель сѣмена и растенія, которыя старалось акклиматизовать въ Крайнѣ: въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть картофель, прежде почти неизвѣстный въ странѣ, а нынѣ повсюду распространенный, даже въ бесплодныхъ краяхъ, гдѣ составляетъ единственный источникъ пропитанія. Съ начала нынѣшняго столѣтія дѣятельность общества усилилась: въ 1821 году оно учредило сельско-хозяйственный музей, въ 1848 году завело школу скотоводства, назначало преміи хорошей прислугѣ (*Dienstboten-Prämien*, съ 1826), развело ботаническій садъ (1810), распространяло страховыя общества, съ 1843 года издавало сельско-хозяйственныя вѣдомости (*Novice*) и сельско-хозяйственный календарь, учредило ветеринарную школу, первую сельско-хозяйственную выставку въ Крайнѣ (1857) и сельско-хозяйственный банкъ (1862) и т. п.

Кромѣ этого общества, существуютъ въ Люблянѣ слѣдующія „Словенская матица“, занимающаяся изданіемъ ученыхъ, учебныхъ и народныхъ книгъ, а также замѣчательныхъ литературныхъ произведеній; „Драматическое общество“ (съ 1867 года, 303 члена) устроило театральную школу и издаетъ драматическій сборникъ *Slovenska Talija*; „Учительское

общество“, издающее педагогическій журналъ; гимнастическое общество „Sokol“ (съ 1862 года), наконецъ патриотическій клубъ „Národna cítalnica (1862), съ 327 членами.

Самое распространенное и наиболѣе полезное изъ обществъ находящихся въ Любляны „Društvo svetega Mohoga“ въ Целовцѣ (17.417 членовъ), учрежденное епископомъ Сломшкомъ и издавшее множество народныхъ книгъ. Въ томъ же Целовцѣ существуетъ политическое общество „Trdnjava“, а въ Идрии общество вспоможенія народнымъ школамъ въ Крайнѣ. Кромѣ того, есть католическія общества въ Люблянѣ и Мариборѣ.

Всякому слависту извѣстна бібліотека Люблянскаго лиція, въ которой въ числѣ другихъ рукописей хранится знаменитая супрасельская рукопись. Есть старыя рукописи (XIV—XVII вв.) въ бібліотекѣ князя Ауэрсперга. Семинарія, гимназія и особенно Францисканскій монастырь имѣютъ хорошія бібліотеки.

Изъ учебныхъ заведеній въ Люблянѣ находятся: гимназія (въ ней считалось въ 1870 году 474 ученика), реалка (244 ученика), духовная семинарія, сельско-хозяйственная школа, ветеринарное училище и нѣсколько низшихъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Въ Любляны, въ Краинской области, есть еще двѣ реальныя школы и сельско-хозяйственная школа. Народныхъ же школъ 248, а въ нихъ было въ 1868 году 32.315 учениковъ (изъ этого числа нѣмецкихъ школъ 21, словенскихъ 167 и смѣшанныхъ 60). А во всѣхъ школахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, было около 35.000 учениковъ, что при народонаселеніи въ 482.000 человекъ даетъ одного ученика на 130 жителей; но если обратимъ вниманіе на отношеніе нѣмецкаго населенія къ славянскому (32.000 Нѣмцевъ и 450.000 Словенцевъ), то увидимъ что одна народная школа приходится на 2.000 Словенцевъ и 1.500 Нѣмцевъ. Результатъ значительный, такъ какъ до 1848 года всѣ школы были нѣмецкія. Прибавимъ что съ начала шестидесятыхъ годовъ словенскій языкъ проникъ и въ среднія учебныя заведенія, въ которыхъ нынѣ уже многіе предметы преподаются на родномъ языкѣ.

Но не одними школами овладѣлъ словенскій языкъ: онъ вытѣснилъ нѣмецкій также изъ церкви и литературы. Проловѣди по всей Крайнѣ говорятся на словенскомъ языкѣ, кромѣ одного только Люблянскаго собора, въ которомъ

бываетъ разъ въ недѣлю нѣмецкая проловѣдь. Во всей Край-нѣ есть одна только нѣмецкая газета, и то офиціальная: *Lai-bacher-Zeitung*; а между тѣмъ въ одной Люблянѣ выходитъ двѣнадцать періодическихъ изданій на словенскомъ языкѣ: изъ нихъ одна политическая газета (*Novice*), а всѣ остальные посвящены наукѣ и литературѣ; во всѣхъ же трехъ словенскихъ областяхъ насчитывается до тридцати періодическихъ изданій, изъ коихъ политическихъ газетъ три (*Novice, Slo-venski Narod, Soča*). Въ теченіе десяти лѣтъ (1861—1871) учреждено 58 словенскихъ народныхъ читальницъ.

Въ кратковременное пребываніе мое въ Люблянѣ, я еще разъ убѣдился сколько правды въ затверженныхъ мною съ юности словахъ незабвеннаго Коллари:

Часто тиха пастухова хижка
Вице про вааст може дѣлати,
Нежаи тѣборъ, з негож вѣачиа Жижка.

(Часто тихая пастушья хижина можетъ больше принести пользы отечеству, чѣмъ лагерь изъ котораго воевалъ Жижка.)

Я убѣдился что Австрійцамъ не удастся овѣмечить край-скихъ Словенцевъ, и что это маленькое славянское племя, руководимое умнымъ, практическимъ и безкорыстнымъ Блей-вейсомъ, достигнетъ въ близкомъ будущемъ болѣе полного признанія своихъ народныхъ правъ, и я разстался съ Люб-лянью, благословляя имя престарѣлаго словенскаго патріота....

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Два міра. Лирическая драма А. Н. Майкова.*

I.

Въ ряду историческихъ моментовъ жизни человѣчества переходная эпоха отъ античнаго римскаго міра къ христіанскому представляетъ собою едва ли не самый интересный предметъ для историческихъ наблюденій, какъ событіе положившее начало нашему нравственному и общественному строю, какъ событіе тѣсно связанное съ высшими интересами нашего существованія. Если смыслъ этого переворота, особенно по его послѣдствіямъ, и можетъ быть ясенъ для всякаго углубившагося въ исторію, то картина его далеко не представляется намъ ясною. Несмотря на множество историческихъ трудовъ, на воспроизведенія кисти и поэзіи, мы все еще спрашиваемъ себя: Какъ же все это совершилось? Какимъ образомъ твердое государственное устройство Рима, образованное греко-римское общество, могли уступить новому, едва зародившемуся началу и уступить притомъ въ столь короткое время? Какимъ

---

* Помѣщена въ сборникѣ *Гражданина* за 1872 годъ и въ третьемъ томѣ только-что вышедшаго новаго изданія стихотвореній А. Майкова. С.-Петербургъ. Изданіе князя В. П. Мещерскаго.

образомъ происходило столкновение двухъ противоположныхъ обществъ, христіанскаго и языческаго? Что давало перевѣсъ представителямъ христіанства надъ представителями язычества? Неужели всѣ лучшіе представители языческой цивилизаціи, воспитанные филосогами, художниками и государственною жизнію древняго міра, перешли на сторону жизненнаго принципа вновь слагавшагося общества, и этимъ дали ему быстрый перевѣсъ? Или если этого не было, если образованнѣйшіе люди оставались вѣрны своему міру, то неужели они были такъ слабы что не могли противодѣйствовать валору и развитію идей лоборниками которыхъ были люди бѣднѣйшихъ и наименѣе образованныхъ слоевъ общества? На такіе и подобные имъ вопросы и соображенія наука отвѣчаетъ сотнями трактатовъ, разъясненій, изысканій, соображеній. А между тѣмъ дать намъ полную картину этой достопамятной эпохи можетъ только искусство. Только искусство съ его творческимъ смысломъ проникаетъ въ закрытую для насъ даль и рисуетъ намъ зданіе для котораго люди науки, не щадя трудовъ и лѣтъ, мало-по-малу приносятъ необходимый матеріалъ. Отчего такъ?

„Иль художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги
И читаю мысль его
Видать въ вѣчныхъ идеалахъ
То что смертнымъ въ доляхъ малыхъ
Открываетъ Божество.“

Но и художникамъ не легко дается эта возможность воскрешать въ своихъ произведеніяхъ душу и физиономію прошлой жизни. Одного таланта недостаточно. Требуется внимательное изученіе того что разбросано въ разныхъ учено-историческихъ сочиненіяхъ, и не сразу посчастливится удовлетворительное изображеніе предмета. Въ литературахъ новыхъ европейскихъ народовъ можно насчитать нѣсколько попытокъ наглядно представить эпоху паденія римскаго общества и зарожденіе христіанскаго міра.* Но всѣ они неудачны,

* Еще недавно русская публика имѣла случай ознакомиться съ попыткою нѣмецкаго поэта Гаммерлинга. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* прошлаго года былъ напечатанъ переводъ его *Агасера*. Эпическое стихотвореніе это довольно неудачно, хотя и содержитъ нѣсколько яркихъ картикъ.

и въ мыслящемъ читателѣ только все болѣе возбуждаютъ желаніе услышать наконецъ нѣчто болѣе совершенное.

Новое произведеніе А. Н. Майкова представляетъ намъ римское общество въ царствованіе Нерона, въ самое характерное время эпохи о которой мы говоримъ. Поэтъ давно уже интересовался этимъ временемъ. „Первоначальная идея поэмы, сказано въ примѣчаніи къ ней, * относится къ самому началу поэтической дѣятельности автора. Идея эта живеть въ немъ уже три десятилѣтія, найдя себѣ выраженіе въ нѣсколькихъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ опытахъ.“ Уже въ первомъ изданіи стихотвореній А. Майкова (1841) напечатана молодая попытка подъ названіемъ *Олимпъ и Эсфирь*, римскія сцены времени лятаго вѣка христіанства.

Попытка эта не была удачна, и самъ авторъ исключилъ ее изъ втораго изданія своихъ стихотвореній. ** Въ свое время Бѣлинскій, подробно разбиравшій стихотворенія Майкова и предрекавшій будущность молодому таланту, посвятилъ разборъ этой попытки нѣсколько страницъ (томъ VI, стр. 123—125). Интересно замѣчаніе критика въ которомъ онъ говорить что поэтъ, изображая эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима, все же „въ противоположность христіанству долженъ былъ бы избрать послѣдняго Римлянина, который независимо отъ всего окружающаго, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы сколько стоическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но *Олимпъ* г. Майкова только эпикуреецъ и больше ничего.“ Желаніе критика исполнилось. Превосходное созданіе поэта поставило теперь предъ нами лицомъ къ лицу чудную, глубоко-трагическую фигуру „послѣдняго Римлянина“.

Но не будемъ забывать впередъ. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ *Олимпа* и *Эсфири*, была написана поэтомъ, въ 1852 году, всѣмъ извѣстная и много читавшаяся лирическая драма *Три Смерти*. Здѣсь, правда, христіанскій міръ не намелъ своихъ представителей, и изображены только лица языческаго Рима, но вторая часть *Трехъ Смертей* (*Смерть Луція*), явившаяся

* Примѣчаніе это напечатано въ *Гражданинѣ*, въ третьемъ томѣ стихотвореній А. Майкова его нѣтъ.

** Въ изданіи 1858 года напечатанъ лишь отрывокъ изъ *Олимпа* и *Эсфири* (т. I, стр. 142).

опять чрезъ десять лѣтъ, въ 1863 году, вновь представляетъ попытку выставить тѣлы двухъ противоположныхъ міровъ и столкновеніе руководящихъ идей ихъ. Эта вторая часть *Трехъ Смертей*, сравнительно гораздо менѣе первой извѣстная публикація, несмотря на отдѣльныя красоты и превосходные стихи, опять не можетъ считаться удовлетворительною. Войти въ разборъ ея мы здѣсь не станемъ. Самъ авторъ остался ею недоволенъ,* и опять черезъ десять лѣтъ, по случаю новаго изданія своихъ сочиненій, принялся перерабатывать поему. Эта переработка, три раза повторявшаяся въ истекшіи годъ, дала наконецъ полную ясность богатству поэтическихъ идей, и имѣла результатомъ совершенно новое, самобытное созданіе какого давно не видала европейская литература. Съ блѣднымъ очеркомъ, со второю частью *Трехъ Смертей*, послужившею новому созданію такъ-сказать вышнимъ поводомъ, оно имѣетъ общаго лишь главную ситуацію да около сотни стиховъ.** Вкратцѣ прослѣдивъ какъ въ продолженіи тридцати лѣтъ идея эта постоянно занимала поэта, мы посмотримъ теперь насколько она созрѣла и удачно вылилась въ послѣднемъ его произведеніи.

II.

Самое названіе поэмы: *Два Міра* указываютъ на то что мы встрѣтимся въ ней съ типами совершенно противоположными. Языческій міръ разлагался. „Не одни отдѣльные императоры, какъ Неронъ и Домиціанъ, испорченность которыхъ общеизвѣстна, а все вообще образованное общество императорскаго Рима утонуло въ грязи Нероновскаго разврата. По счастью, у насъ даже нѣтъ и понятія о такихъ размѣрахъ наглаго распутства, о полнѣйшемъ уничтоженіи всякаго стыда и человѣческаго чувства. Ни полъ, ни воз-

* Вторая часть *Трехъ Смертей* появилась въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863 года, а потомъ вмѣстѣ съ первою частью напечатана въ *Новыхъ стихотвореніяхъ* А. Н. Майкова. Москва 1864 года. Изъ выходящаго теперь изданія стихотвореній Майкова (изданіе кн. Мещерскаго) она совсѣмъ исключена.

** Всѣхъ стиховъ перешедшихъ изъ второй части *Трехъ Смертей* въ *Два Міра* 123, но и они произносятся разными лицами не всегда соотвѣтственными въ обѣихъ поэмахъ.

расть, ни имущественныя различія не оставляли изъятія изъ этой проказы; нигдѣ и никогда не падала такъ женщина въ своемъ положеніи, нигдѣ и никогда не была подорвана такъ семейная жизнь; величайшимъ нарушеніемъ хорошаго тона въ хорошемъ обществѣ считалось то что мужчина женился, или что женщина имѣетъ дѣтей. Строгія государственныя постановленія противъ безбрачія не вели ни къ чему; напротивъ того, каждое животное поползновеніе и желаніе давало себѣ полный просторъ на улицахъ и на рынкахъ, въ чертогахъ и храмахъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь. У этихъ लोकальныхъ гниль съѣла мозгъ въ костяхъ, задушила всякое чувство чести, физическія и духовныя силы захирѣли въ нихъ съ одинаковою скоростью. Ядовитыя язвы нравственнаго паденія пошли изъ Рима по провинціямъ и заразили все населеніе. * Общаго, связующаго не было ничего. Патриотизмъ давно погасъ. Оставалась только жажда наслажденій, изъ желанія заглушить чѣмъ-нибудь внутреннюю лустоту. Идеалы исчезли. Люди жаждали богатства для удовлетворенія своихъ прихотей: это было единственнымъ стимуломъ заставлявшимъ ихъ жить, хотя бы жизнью интригъ и преступленій. Отдѣльные люди того времени чувствовали это, но ни въ комъ изъ нихъ нельзя было встрѣтить юношеской свѣжести, творческой фантазіи, живительной надежды. И вотъ внезапно по обширному пространству римскихъ земель прошелъ и сталъ раздаваться все громче и громче слухъ что спасеніе явилось и возвѣщено міру самимъ Сыномъ Божиимъ сходящимъ на землю.

Прежде всего, къ новому ученію, къ новой жизни обратились люди увяленные которымъ отказано было въ мѣстѣ за пиршественнымъ столомъ римской жизни. Это были большею частью рабы и вообще люди тяжко удрученные судьбою.

Тиломъ такого челоуѣка является у г. Маткова старикъ-христіанинъ, рабъ Деція, богатаго римскаго патриція, монологомъ котораго открывается драма. Прикованный, какъ цѣпная собака, у входа ** во дворецъ Деція, онъ разказываетъ

* Эта выписка взята изъ превосходной статьи боннскаго профессора Зибеля *Переме христіане*. Историческая и къ тому столь занятная эпоха рѣдко изображается въ столь ясной, популярно-научной формѣ какъ въ этой статьѣ.

** Рабы привратники бывали на цѣпи. На нихъ смотрѣли какъ на принадлежность къ дому и нерѣдко ихъ продавали вмѣстѣ со зданіемъ, какъ въ наше время цѣпныхъ собакъ.

своему сотоварищу юношѣ, тоже христіанину, свое видѣніе. Юноша съ благоговѣніемъ слушаетъ разказъ. Видно старецъ пользуется большимъ значеніемъ въ христіанской общинѣ; такую, смиренною святостью мерцаетъ фигура его. Нелюко-лебимая вѣра, простая, безъ мудрствованій, даетъ ему огром-ный нравственный вѣсъ. На земную жизнь онъ смотритъ какъ на существованіе переходное, временное. Но въ дѣт-скомъ смиреніи предъ премудростію божественною, онъ не позволяетъ себѣ судить о дѣлахъ земныхъ и о людяхъ. Толь-ко Богу принадлежить это право.

. Не упрещай
Господень судъ! "

говоритъ онъ юношѣ когда тотъ предается предположеніямъ какъ господня ихъ изъ огненной геены будетъ глядѣть во свѣтлый рай, къ рабамъ своимъ. Съ полнымъ смиреніемъ несетъ старикъ тяжкое ярмо своего положенія, очевидно поль-зуясь огромнымъ вліяніемъ среди рабовъ-христіанъ многочис-ленной дворни Деція.

А христіанство пустило между ними глубокіе корни; дво-рецкій Деція Давусъ говоритъ:

Не знаю все что мой народъ?...
Ужъ смиренъ очень — терпѣливы —
Нѣтъ воровства совѣсть — идетъ
Все въ струнку.... Только молчаливы,
И что-то шепчутся.... и къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ....
Охъ, на вокаанъ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

Давусу конечно эта тишина, эта сдержанность въ рабахъ долж-на была казаться чѣмъ-то грознымъ, тишиною предъ бурей. Не для него одного, для всѣхъ Римлянъ-язычниковъ, христіа-не должны были казаться опасными бунтовщиками, врагами существующаго государственнаго устройства, то-есть того что одно еще сохраняло римскій міръ отъ окончательнаго разложе-нія. Несмотря на все свое миролюбіе, христіане все же были живы протестомъ существующему порядку вещей. Государ-ство принимало на себя множество дѣйствій прямо проти-ворѣчившихъ ученію Христову. Послѣдователи его не могли согласовать многихъ требованій закона со своею совѣстью. Хотя христіане и исполняли долгъ возлагавшійся на нихъ какъ на рабовъ или членовъ общества, но все же ежеминутно

встрѣчались обстоятельства и требованія которымъ они не могли подчиняться. Невозможность для нихъ исполненія казней, разныхъ обрядовъ установленныхъ гражданскими порядками или языческою религіей; невозможность подчиниться, напримѣръ, обычаямъ празднествъ большею частью сопряженныхъ или съ языческими обрядами, или сопровождаемыхъ кровавыми зрѣлищами; все это должно было возбуждать Римлянъ язычниковъ, и хотя христіане явно и не противодѣйствовали, но протестъ тѣмъ не менѣе чувствовался. Люди и поразвитѣе и поглубже Давуса не понимали что означало смиреніе христіанъ на ряду съ ихъ непокорностью. Чѣмъ больше росло количество этихъ новыхъ людей, тѣмъ опаснѣе становился нѣмой протестъ ихъ.

Противоположность двухъ міровъ составляетъ широкое основаніе для драмы. Съ одной стороны Давусъ съ приготовленіемъ предсмертнаго лира язычника, съ другой старикъ-христіанинъ, къ которому только-что пришла женщина повѣстить что на завтра имъ всѣмъ, послѣдователямъ Христа, надо готовиться идти на смерть. По прихоти цезаря, да и по собственной доброй волѣ, рѣшается умереть благородный римскій патрицій, представитель лучшихъ людей языческаго міра. По приказанію и прихоти того же цезаря, и также по доброй своей волѣ, идетъ на смерть толпа представителей новаго міра.

Женщина пришедшая повѣстить о рѣшеніи принятомъ „старцами“ узнаетъ что Децій готовится умереть. Она поражена извѣстіемъ. Видно что она, кромѣ желанія сласти его душу, связана съ нимъ и личнымъ интересомъ, воспоминаніемъ, нѣжнымъ чувствомъ. Уходя, она еще разъ оглядывается на дворецъ Деція и говорить:

Боже мой!

Ужель и въ мигъ когда надъ бездною

Теперь стоитъ онъ,—Ты ему

Не бросаешь лучъ Свой съ тверди звѣздной

Во всю имъ пройденную тьму.

Прекрасные стихи, хотя быть-можетъ слишкомъ разчитанные на эффектъ. Подъ гнетомъ того чувства которое охватило эту женщину-христіанку, она едва ли могла такъ выражаться. Она выразилась бы проще. Но слова такъ красивы что мы не можемъ не домирииться съ ними....

Кстати, позволяемъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Женщина-христіанка спрашиваетъ юношу:

„О господи!
Ты что сказалъ?

ЮНОША.

А хочешь нынѣ
Онъ умирать....

ЖЕНЩИНА.

Онъ боленъ?

ЮНОША.

Нѣтъ.

Сказалъ тутъ Давусъ, умираемъ
Сегодня....

ЖЕНЩИНА (*про себя*).

Боже! И его
Я не спасу!.....

Странно немного взгляде женщины когда юноша объявляетъ что господи въ его умираетъ. Какимъ образомъ она хочетъ его сласти? Вѣдь она не знаетъ какою смертию умираетъ Децій. Тутъ необходимъ былъ бы намекъ на причину или родъ смерти имъ избранной. Мы слышали разъ эту поэму прочтенную намъ въ рукописи. Тамъ на вопросъ женщины: „онъ боленъ?“ юноша отвѣчаетъ:

„Нѣтъ.

Икъ вдругъ вѣдь ослышались свѣтъ—
Вдругъ задумаетъ и умираетъ
Мечомъ или ядомъ.

ЖЕНЩИНА (*про себя*).

Боже! И его я не спасу!

Тутъ въ словахъ юноши поясняется родъ смерти Деція, и конечно это должно привести христіанку въ ужасъ, а страхъ за душу Деція внушить ей тутъ же мысль попытаться сласти его. Эти слова юноши еще тѣмъ хороши что въ то же время рисуютъ и тогдашнее римское общество, въ которомъ самоубійство было явленіемъ обыкновеннымъ. Правда, въ словахъ этихъ слышится горечь не идущая христіанину, и въ устахъ старика она была бы неумѣстная, но горячему юношѣ она идетъ. Вѣдь заставляетъ же авторъ юношу

говорить объ огненной гееннѣ въ которую попадетъ его господинъ, за что и подвергся выговору отъ старика.

Во второй сценѣ, изъ бесѣды Деція съ Ювеналомъ мы узнаемъ что внѣшняя причина предстоящаго самоубійства Деція есть приказаніе Нерона. Ему, говоритъ Децій:

На чтецы, три лица
Своимъ присутствіемъ ужъ въ залѣ—
Помпій, Руфъ и я—иъшли,
И крикнулъ оны: „три мертвца!“

Но это лишь внѣшняя причина вызвавшая приближеніе катастрофы. Децій давно уже собирался лишить себя жизни. Не въ могоу ему было современное общество и весь порядокъ вещей. Гордость древняго Римлянина возмущалась при видѣ общаго растлѣнія и безсилія, и оны рѣшился самъ прекратить тяготившую его жизнь, протестуя тѣмъ противъ всего существующаго и бросая этимъ вызовъ Нерону. Вотъ почему оны пригласилъ все собраніе бывшее на чтецы къ себѣ на предсмертный пиръ. Обидно Децію лишь то что Неронъ своимъ повелѣніемъ предупредилъ его собственную волю.

Жаль одно:

Задумалъ я уже давно,
отстагаю все исполненъе, Да
И кесарю доставляю честь
Напомнить! Вотъ что мнѣ обидно!

Несмотря на желаніе, одумавшагося кесаря избѣжать излишней смерти, гордый Римлянинъ стоитъ на своемъ:

Децій представитель старыхъ Римлянъ, „фамилій

Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами, и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ и т. д.

Когда мало-по-малу Римское государство расширилось далеко за предѣлы Рима, когда весь почти извѣстный тогда міръ вошелъ въ него, когда мало-по-малу право римскаго гражданина перешло и къ другимъ народамъ, значеніе древнихъ римскихъ родовъ умалилось Сначала они боролись съ требованіями пришельцевъ, потомъ, когда сила и число ихъ

ослабли, они дѣйствовали заговоромъ. Наконецъ, въ послѣднее время существованія Рима, ихъ оставалось такъ мало что протестовать могли они только самоубійствомъ. Ихъ вѣкъ прошелъ. Для нихъ не было мѣста въ новомъ государственномъ строе. А между тѣмъ въ этой гордости древняго гражданина заключалась вся нравственная сила языческаго общества, и гдѣ она слабѣла, тамъ распатывались всѣ его основы.

Сознаніе величія Рима еще такъ сильно въ душѣ Деція что не позволяетъ ему сомнѣваться въ силахъ и вѣчности Рима.

Юный другъ и собесѣдникъ его, Ювеналь, уже не имѣетъ той нравственной силы. О, Децій, восклицаетъ онъ,—

Итъ! съ собой самимъ,
Съ тобой, къ чему мнѣ лицемерить?
Но я—почти не вѣрю въ Римъ!

На что Децій отвѣчаетъ ему:

Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣритъ
Не можетъ въ Римъ!

Римъ все собой объединилъ.
Какъ въ человѣкѣ разумъ, міру
Законы далъ и все скрѣпилъ.
Находить временныя тучи—
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не вникнетъ духъ....

„Сатира“, продолжаетъ Децій, „дочь разума“. Бичуя ея, онъ убѣжденъ, удастся разсѣять тучи. И потому онъ призываетъ Ювенала, воспроизвестись своимъ сатирическимъ дарованіемъ. Но для успеха онъ требуетъ отъ сатирика нравственной высоты:

Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко
Когда здорова тетива.

Этого убѣжденія не разделяетъ Ювеналь: „Ужасное сознанье“, говоритъ онъ въ раздумьи,

Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодознанье,
Подъ нимъ же.... боги!.. пустота.

Вѣры нѣтъ у Ювенала, потому какъ нравственное лицо онъ далеко уступаетъ Децію. И Децій негодуетъ, но онъ подомъ убѣжденія что выходъ изъ бѣды есть, хотя путей онъ и не знаетъ.

Еще ярче выдѣляется Децій среди общества людей посѣтившихъ его предсмертный лиръ. Мастерскою кистью нарисовалъ поэтъ различные типы времени паденія имперіи. И молодежь, и старики одинаково носятъ на себѣ печать отживающаго, до мозга костей испорченнаго общества, такъ что грубый лодульяный циникъ, затесавшійся на лиръ, производитъ оовѣжающее впечатлѣніе, открыто выставя свое безобразіе и оставаясь вѣреть самому себѣ, тогда какъ другіе прикрываются личинами, тотчасъ же слаждающими какъ только что-нибудь коснется ихъ выгоды или слишкомъ затронетъ страсти ихъ. Поэтому, безплощадная провля съ какою относится къ нимъ циникъ отчасти подкупаетъ насъ въ его пользу. Когда, напримѣръ, все общество вострепенулось по поводу предстоящаго боя гладиаторовъ, онъ ледразнивая кричитъ имъ:

А! Крови, крови!

Скажамся звѣрь. А не хотать

По Діогену жить!

Онъ издѣвается надъ мѣтующими отъ удовольствія слушателями внуха Миртила, любимца Нерона, разказывающаго о проектѣ новаго дворца:

Сегодня Кесарю представяень
Проектъ дворца. Позоачемъ
Весь корпусъ—на горѣ поставяень,
И цѣлый лѣсъ кругомъ коломъ,
Все бѣлый мраморъ—заглядѣнье!
Внутри жь, что шагъ, то изумленье!
Хотя бы—пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропаться
Духами. Стѣны—изъ зеркалъ;
Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ, средь лара, съ высоты
На васъ посылаются цвѣты!

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ это жиао: вдругъ цвѣты!

ЦИНИКЪ.

А если вдругъ весь замъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическiй копецъ!
Шелли-ка кесарю, лѣвецъ!

Трудно рѣшить кто болѣе грязень, этотъ ли циникъ или эти изящныя патриции, молодые и старыя, изъ которыхъ одинъ молодой Клавдiй, замѣчаетъ что шелъ сюда на обонянье, что

Одни ужъ залахи кричатъ
Тебѣ за мишу: „Здѣсь прохожiй“.

Другой, Лелiй, прибавляетъ:

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи
Все съѣшь за одного!

На это Клавдiй отвѣчаетъ:

Ну, да!
Два пальца въ ротъ и вся бѣда! и т. п.

Характеренъ и разказъ проконсула Публiя о томъ какъ знатная гетера римская, принимала его и еще двухъ старичковъ сидя въ ваннѣ. На вопросъ сенатора Аспуция: „А дорого за посмотринье?“ Онъ простодушно отвѣчалъ:

Да что ужъ! думаю просить
Провинцию на поправенье!
Она жъ поможетъ!....

Впрочемъ на пиру, и кромѣ Дециа, были люди изъ старыхъ фамилiй, которые, повидимому, не позабыли своего значенiя. Такъ престарѣлый Фабiй говоритъ своему сосѣду:

Пойми: я Фабiй, и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!... Кто жъ тамъ сидитъ?
Иберецъ, Грекъ, Сардiецъ, Бритъ?
И что же сталъ сенатъ? Въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ
Что значать Кесаревы сны!
Ну что въ нихъ слово „Римъ“ пробудитъ!
Имъ лишь погрѣться бѣ отъ казны.

Но Фабiй говоритъ это главнымъ образомъ потому что лично онъ чувствуетъ себя обиженнымъ тѣмъ что ему въ

сенатѣ мѣста нѣтъ. Въ сущности онъ самъ бы не прочь погрѣться отъ казны, и когда въ концѣ пира Децій съ преобреженіемъ отдастъ присутствующимъ домъ свой на разграбленіе, Фабій не отстаётъ отъ другихъ и также забираетъ цѣнныя вещи, замѣчая лишь что все равно, „рабы растащутъ же!“

Тѣмъ не менѣе въ словахъ его есть правда. То чувство которое имѣли къ Риму древніе природные Римляне, стекшіеся въ него чужеземцы не могли питать. Они являлись сюда лишь изъ жажды почестей и денегъ. На мѣсто прежняго патриотизма появился растлвующій индифферентизмъ, за которымъ таилась алчность, продажность, ничтожество новыхъ сановниковъ, всего образованнаго сословія. Сопоставьте съ тѣмъ что сказалъ Фабій слова Галлуса и Гилларха, двухъ не римскихъ уроженцевъ, и переживна происшедшая въ умахъ и чувствахъ римскихъ гражданъ становится осязательною.

ГАЛЛУСЪ (*адвокатъ къ адвокату Гилларху*)

Вы посмотрите сколько насъ:
 Я—Галлъ, воль—Свевъ, ты—Фессалиецъ,
 Онъ изъ Египта, тотъ Сиріецъ,
 А что же общаго у насъ
 Съ Египтомъ, съ Галліей, странами
 Гдѣ и выросли бѣ мы дикарами
 Когда бѣ не Римъ.... Въ одно насъ сдвигъ
 Его языкъ, законъ, свобода!
 Мнръ онъ въ жилище обратилъ
 Для человѣческаго рода;
 На общій мы сошлись пиръ,
 И хоть мы всѣ разкоплемены,
 Но, всѣ, какъ граждае вселенной,
 Чтумъ за отечество весь мнръ!

ГИППАРХЪ.

Единство въ мнръ водворилось.
 Центръ—Кесарь. Отъ него прощай,
 Лучи во всѣ концы земли....

Многихъ волнуетъ то что разказывается о новой появившейся сектѣ христіанъ. Особенно поражаетъ что

У рабовъ
 Свой даже Богъ освободитель

Отъ всякой власти и оковъ—
Христось, всемірный, вишь, Спаситель!

И также что

Они работают во мгаѣ
Повсюду, что каючи въ землѣ;
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ....

Всѣхъ, какъ Давуса, пугаетъ главнымъ образомъ участіе которое въ этомъ религіозномъ движеніи принимаютъ рабы. Сенаторъ Асплцій, честиѣннѣйшій изъ лирующихъ гостей, говорить про христіанъ что

Ихъ

Нельзя терпѣть!... Весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти....

Поэтому общимъ одобреніемъ встрѣчено извѣстіе что на завтра, по приказанію Кесаря, всѣ христіане которые не откажутся отъ своихъ убѣжденій будутъ посланы на смерть. Только Децій называетъ ихъ „жителями небесъ, никому не опасными мечтателями“.

Появляется Лезбія, гетера о которой разказывалъ проконсулъ Публій. Блестящая ослѣпительною красой, женщина эта обладаетъ властолюбивою, алчною душой. Холодная, разчетливая, она поставила себѣ цѣлью достигнуть власти и начала съ того что покорила себѣ Кесаря. Съ этою вѣстью она явилась на лиру, громогласно объявляя:

Къ вамъ прямо я отъ Кесара.

Вѣсть эта производитъ сильное впечатлѣніе. Въ Лезбіи видятъ восходящую силу. Власть такихъ женщинъ обходится обществу не дешево. Квесторъ Теренцій обращается къ соуду:

....Какъ сказала тутъ
Что къ намъ отъ Кесаря—такъ сжалось,
Другъ, сердце! такъ и показалось
Что змиѣ всюду ужъ лозавутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упертымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

Сама Лезбія пришла на пиръ съ опредѣленною цѣлью. Во-первыхъ, она хочетъ воспользоваться первыми плодами побѣды своей надъ Кесаремъ, и предлагаетъ Децію сласти его, конечно не даромъ, а взявъ у него за это „милліона три“. Вторыхъ, и это главное, она мечтаетъ сдѣлать изъ Деція своего союзника. Предполагая и въ немъ такой же какъ въ себѣ самой честолюбивый характеръ, она убѣждена что открывая ему возможность достигнуть власти она увлечетъ его. Знатности, богатства, ума, для достиженія разъ поставленной цѣли, у Деція болѣе чѣмъ достаточно; съ его помощью и она поднимется на высоту и сама поможетъ ему, поможетъ всѣми средствами, и предъ выборомъ ихъ конечно не останутся. „И, мой милый“, обращается она къ Децію,—

Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его появши, человекъ
Всего добьется, только бѣ силы
Достало и ума. А ты —
Такой достигнуть высоты
И славы можешь—я вѣдь знаю
Людей, и въ будущемъ читаю,
Какъ любя!—Ты долженъ жить!...

„И въ жизни лишь тебя любить“, насмѣшливо отвѣчаетъ Децій. Лезбія такъ убѣждена въ своемъ превосходствѣ и въ безошибочности своихъ расчетовъ что не понимаетъ сначала его насмѣшливаго тона и принимаетъ его за упрямство, пока наконецъ выведенный изъ терпѣнія Децій рѣзко показываетъ ей что она ошибается:

Довольно! Все что я имѣю,
Твое,—но съ тѣмъ чтобъ не мѣшать
Мнѣ умереть.

ЛЕЗБІЯ.

Какъ понимать?

ДЕЦІЙ (*въ полномъ разгарѣ снѣга*).

Да! не мѣшать!... И передать
Нерону что, собравши силы,
Я—издыхая, изъ могилы —
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ
Что съ легіонами работа
Не сломить въ насъ онъ духъ отцовъ.

Децій уже взялся за чашу съ ядомъ, предоставляя богатство свое гостямъ. Гости слѣдуютъ воспользоваться случаемъ и бросаются грабить его сокровища. Только мрачный и честный сенаторъ Аспицій не принимаетъ участія въ этомъ общемъ движеніи. Онъ не настолько далекъ умственно чтобы понять время, но ему не по себѣ. Онъ недоумѣваетъ что творится вокругъ него, и когда начинается грабежъ, онъ уходитъ. Такъ кончается у г. Майкова изображеніе языческаго общества, и Децій, пославшій ему свое проклятiе, готовится выпить ядъ. Его останавливаетъ Ляда, пришедшая съ Марцелломъ образумить и сласти друга.

III.

Въ противоположность языческому міру, блестящему разнообразіемъ красокъ и характеровъ, первые христіане сравнительно представляютъ меньше различія между собою. Они все проникнуты одною идеей, все живутъ одною внутреннею жизнью. Только позже, когда число христіанъ увеличилось, когда ученіе Христово проникало во все слои общества, въ жизни христіанъ проявляется больше разнообразія. Однако и съ самаго начала, при болѣе пристальномъ наблюденіи замѣчается разница подхода къ новой вѣрѣ.

Г. Майковъ представилъ намъ нѣсколько типовъ первыхъ христіанъ. Въ старикѣ христіанинѣ, въ первой сценѣ, мы встрѣчаемся съ типомъ самымъ распространеннымъ. Онъ безъ внутреннихъ битвъ, весь сразу, и сердцемъ и умомъ своимъ, принялъ ученіе какъ рыбаки ближайшіе ученики Христовы. Иное видимъ въ Лидѣ и Марцеллѣ. Ляда, какъ видно изъ разказовъ о ней, провела жизнь бурную и не лишнюю страданій. Она

Какъ безпріютная звѣзда
 Весь вѣкъ металась средь хаоса.
 Не разъ съ Левкадскаго утеса
 Хотѣла броситься....

То же, какъ и Лезбія, римская гетера, она представляетъ совершенную ей противоположность. Холодная, эгоистическая Лезбія не имѣетъ ничего общаго съ искреннею, любящею,

страстною душою Лиды. Въ Лидѣ никогда не было расчета и потому не было грязи. Она металась не находя исхода. Христіанство указало ей путь. Ея перерожденіе совершилось подъ сильнымъ впечатлѣніемъ которое произвела на нее гибель христіанки въ цркѣ.

Я все нашла чего искала, —
Я поняла кто былъ Христосъ.

Иного характера спутникъ ея Марцеллъ. Если старикъ христіанинъ представляетъ собою тиль какими были ближайшіе ученики Христа, то Марцеллъ ближе подходит къ Апостолу Павлу. Римлянинъ, „строгій патрицій“ (стр. 142), какъ его называетъ Децій, не такъ просто и легко обратился ко христіанству. Онъ весь былъ преданъ языческому міровоззрѣнію. Его обращеніе произошло не отъ внезапно охватившаго его внѣшняго впечатлѣнія, не чувство прежде всего было потрясено въ немъ, не оно отдалось новому ученію увлекая умъ, нѣтъ, надъ нимъ одержалъ побѣду Апостоль Павелъ *бесѣдою единой ночи* (стр. 143).

Образованіемъ уступая можетъ-быть Децію, и не столь изящный какъ онъ, даже не такого блестящаго ума, Марцеллъ человекъ строгихъ правилъ и глубокаго разума. И его, какъ Деція, томила мысль о необходимости обновить Римъ, и онъ видѣлъ ближайшее средство къ тому въ низверженіи Нерона, въ перемѣнѣ правленія (стр. 142). Децій и Марцеллъ были друзьями, потому перваго поражаетъ что этотъ строгій Римлянинъ сталъ собратомъ рабовъ.

Какъ прежде Марцеллъ былъ строгимъ Римляниномъ, такъ теперь сталъ онъ строгимъ христіаниномъ. Во глубинѣ души своей онъ обственно остался тѣмъ же Римляниномъ, но только умъ свой и душу свою, уваженіе къ долгу и обязанностямъ, онъ перенесъ на новое міровоззрѣніе. Разъ понявъ что Риму нѣтъ обновленія, что все что онъ строитъ

Онъ строить на пескѣ морскомъ:
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ,—
И всѣхъ кто жизни чаеъ въ немъ —

Марцеллъ отвернулся отъ него на всегда. Съ мечомъ въ рукахъ онъ стерегъ честь Рима бывъ еще язычникомъ. Теперь онъ также неутомимо стоитъ стражемъ новаго міровоззрѣнія, которое должно обновить человека.

Разговоръ, споръ, если можно такъ выразиться—впрочемъ не совсѣмъ точно—между Марцелломъ и Деціемъ, кромѣ достоинствъ поэтическихъ, полонъ глубокаго смысла, который не легко схватить при поверхностномъ чтеніи поэмы. Серіозная простая рѣчь Марцелла удивительно скрашивается сіяющею, восторженною рѣчью Лиды, а слова Деція поражаютъ насъ своимъ трагизмомъ. Децій, инстинктивно чувствуя что въ виду возрастающей силы новаго міровоззрѣнія римская цивилизація должна пасть, плачетъ надъ великими памятниками славнаго прошлаго.

Марцелла! Вѣдь строя Римъ твой новый,
 Пойми, ты губишь Римъ отцовъ,
 Созданье дѣла ихъ! трудъ вѣковъ!
 Римъ — словно небо, крѣпкимъ сводомъ
 Облещій землю, и народамъ,
 Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
 Или отжившимъ, или привычнымъ
 Лпшь къ грабегамъ, разноязычнымъ,
 Языкъ свой давшій и законъ!
 И этотъ Римъ, и это зданье
 Ты отдаешь на растерзанье....
 Кому же?... Тѣмъ кто годенъ былъ,
 Какъ выючный скотъ, въ цѣляхъ, лишь къ носкѣ
 Земли и камня, къ перевозкѣ
 Того что мнѣ бѣ и мулъ свозилъ!
 Рабы!... Марцелла, да гдѣ мы? гдѣ мы?
 Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
 Что намъ позоръ — имъ не позоръ!
 Они (*указывая на статуи*) предъ этими мужами
 Не заливался слезами,
 Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
 И вдругъ, безъ всякаго преданья,
 Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
 Звѣрей, которымъ пропитанье —
 Всеі жизни цѣль,—придутъ сюда!
 И гдѣ жь узда для дикой воли?
 Что ихъ удержитъ? Все падеть!
 И Пантеонъ и Капитолій
 Травкою сорной заростеть!

А прежде, въ началѣ бесѣды, еще полный вѣры въ Римъ, Децій излагаетъ свою profession de foi:

О, Римъ гетеръ, шута и мима, —
 Онъ мерзокъ, онъ падеть!... Но нѣтъ,

Вѣдь въ томъ что носить имя Рима
 Есть нѣчто высшее!... Завѣтъ
 Всего что прожито вѣками!
 Въ немъ — мысль, вознесшая меня
 И надъ людьми, и надъ богами!
 Въ немъ — Прометеева огня
 Неугасающее пламя!
 Въ символъ побѣды это мной
 Въ предѣлахъ вѣчности самой
 На вѣкъ поставленное знамя,
 Мой разумъ предъ которымъ вся
 Раскрыта тайна бытія!
 И этотъ Римъ не уничтожить
 Никто! никто меня не можетъ
 Низвергнуть съ этой высоты!...

Горькою, строгою рѣчью отвѣчаетъ Марцеллъ Децію, ясно выставляя всю суетность его горячаго заступничества за отжившее, всю несостоятельность защищаемыхъ имъ принциповъ.

МАРЦЕЛЛЪ (*горько; потомъ строго*).

И что же?... Все порвавъ съ толпою,
 На высотѣ всѣмъ чуждый, ты —
 Лишь самъ любуешься собою,
 И съ чашей яду лишь глядишь
 Въ красивой позѣ а ты стоишь!...
 Твой разумъ, значитъ, злая сила,
 Когда, чтобъ въ высотѣ стоять, —
 Милліоны бацкихъ надо было
 Ему себѣ въ подножье взять —

И далѣе:

Такъ это разумъ! онъ, который
 Самъ о себѣ намъ говоритъ:
 „Я—истина“, и безъ опоры
 На мечъ, — блѣднѣетъ и дрожитъ!
 Нероль — онъ убѣжденъ что тоже
 Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
 И циникъ — также... Отчего же
 Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

Но эта строгая и горькая рѣчь Марцелла смѣняется удивительно сильными и восторженными словами Лиды, испугавшейся той безотрадной гордости которою преисполнена душа Деція, какъ истаго Римлянина:

ЛИДА.

Какъ ночь мрачна твоя душа —
Ты — никого не любишь!...

.... Боже! Боже!

Христось былъ распять на крестъ —
И за враговъ своихъ молился!
Кругомъ народъ надъ нимъ глумился —
Онъ все простилъ ихъ саблотъ....
Не зналъ ни варвара, ни Грека,
Кто господинъ, кто рабъ — не зналъ!
Во всѣхъ Онъ видѣлъ человека,
Одну всемъ заповѣдь Онъ далъ!
Простеръ ко всемъ Свои объятя,
Для всѣхъ раскрылъ Онъ небеса,
И говорить намъ: „всѣ мы братья!
За всѣхъ на казнь я отдался!...“
Вашъ гордый разумъ не выносить
Что могъ Онъ съ вами всѣхъ равнять!
И Римъ, какъ зрѣлище, жадно просить
Чтобъ въ насъ опять Его распять!
О, распинайте! разбивайте
Темницу духа моего —
Плоть эту жалкую — но знайте
Что въ этомъ наше торжество!
Что Римъ пускай вопить и заится,—
Христось любовью побѣдитъ,
Все побѣдитъ и воцарится,
Какъ свѣтъ не меркнуцій въ сердцахъ,
И царство Божье водворится
Что на землѣ, что въ небесахъ!...

Въ словахъ этихъ все торжество христіанства. Своею теплотой и восторженностью они поразили Деція, и не тотчасъ можетъ онъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія произведеннаго на него Лидою. Появленіе рабовъ христіанъ пробуждаетъ въ Деціи гордость, ту гордость патриція которая была главною силой и добродѣтелью доблестныхъ древнихъ римскихъ родовъ. Какъ послѣднему Римлянину, Децію подобало сохранить эту гордость до конца, и онъ сохранилъ ее до послѣдняго вздоха. Еслибъ онъ поколебался, онъ не былъ бы послѣднимъ Римляниномъ. Желаніе Лиды не осуществилось, не удалось обратить Деція въ христіанство.

Боже! Я

Имѣла вѣры недовольно!

восклицаетъ она. Любя Деція, видя въ немъ любящаго человека, готоваго жертвовать собой во имя того во что онъ вѣрилъ, она хотѣла сберечь эту силу и, направить ее на дѣло новое и святое. Хотя личныя отношенія между Лидой и Деціемъ и составляютъ въ нѣкоторой степени *сюжетъ* поэмы, онъ однако уходитъ далеко на задній планъ предъ главною идеей торжества христіанства. Поэтому, какъ и слѣдовало, поэма оканчивается словами относящимися прямо къ великому историческому событію, не къ частному случаю или чувству.

Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ,

поютъ христіане продолжая шествіе. И съ этимъ заваявъ опускается. Все личное исчезаетъ здѣсь: и Деція, и Марцеллъ, и Лидя. Намъ представляются только еще христіане какъ они идутъ на муку и смерть всѣ, во имя одной любви, одной правды.

Творять дѣла здѣсь ужь не люди!
 Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
 Сокрыты цѣли. . . . .
 . . . . . то свыше воззвугъ данъ,
 То Божій духъ по всей вселенной
 Летитъ, какъ вѣкій ураганъ....
 Чтò было свѣтомъ—въ мракъ отходить!
 Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
 И солнце новое восходить.

П. ВИСКОВАТОВЪ.

ПРАКТИЧЕСКІЙ НИГИЛИЗМЪ

Въ водворотъ, романъ въ трехъ частяхъ, А. Писемскаго. Москва 1872.

Подкомъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, А. Писемскаго. (*Грузданинъ*. 1873.)

Ваалъ, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, А. Писемскаго. (*Русскій Вѣстникъ*. 1873.)

Художественная литература наша постоянно почерпала свое содержаніе въ наблюденіяхъ надъ общественною жизнью. Въ противоположность французскому роману, доктринерствующему надъ жизнью и ищущему въ ея явленіяхъ необыкновенныхъ положеній и искаженныхъ характеровъ, русскій романъ еще со временъ Пушкина постоянно стремился войти въ самую тѣсную связь съ ежедневною дѣйствительностью; творчество русскихъ художниковъ весьма въ слабой степени прибѣгаетъ къ содѣйствію воображенія, и обыкновенно литается анализомъ и наблюдательностью, предметомъ которыхъ всего чаще служатъ черты и явленія заурядной будничной жизни. Въмѣсто того чтобъ увлечь фантазію читателя богатствомъ вымысла, сложностью романической интриги, дѣльностью героическихъ характеровъ и яркостью драматическихъ положеній, талантливые русскіе писатели ставили себѣ задачею заинтересовать вниманіе читателя неподкрашеннымъ воспроизведеніемъ ежедневной

дѣйствительности, тонкостью психологическаго анализа, обращеннаго на характеры по большей части заурядные, мягкостью красокъ, въ которыхъ постоянно преобладаетъ сѣроватый тонъ будничной жизни.

Общепринятое въ печати и въ обществѣ мнѣніе обыкновенно навязываетъ нашему роману англійское происхожденіе. Это не совсѣмъ справедливо, хотя родство нашей художественной литературы съ англійскою не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вліяніе Вальтеръ-Скотта, Диккенса и Таккера на нашихъ писателей вполнѣ очевидно. Но это явленіе никогда не управляло судьбами нашей литературы и никогда не было источникомъ вдохновенія нашихъ писателей, что неизбѣжно случилось бы при подражательномъ характерѣ литературы. Наши романисты не заимствовали у англійскихъ своихъ критическихъ и художественныхъ понятій, и только сошлись съ ними въ воззрѣніяхъ на задачи. Задачи эти были сознаны и указаны у насъ вполнѣ самостоятельно еще Пушкинымъ. Творецъ *Евгенія Онегина* и *Капитанской дочки* самъ заблуждался до известной степени полагая что онъ подражаетъ то Байрону, то Вальтеръ-Скотту; въ сущности, онъ творилъ совершенно самостоятельно, заимствуя вдохновеніе изъ тонкой художественной наблюдательности, обращенной исключительно на русскую жизнь, русскіе характеры и русскую общественность. Сближеніе произошло лишь въ общихъ понятіяхъ объ искусствѣ и его приемахъ — сближеніе которое можно найти между художниками всѣхъ временъ и народовъ стоящими на одномъ и томъ же уровнѣ художественнаго пониманія. Сходясь съ англійскими романистами въ воззрѣніяхъ на литературныя задачи, наши писатели тѣмъ не менѣе шли по слѣдамъ Пушкина, и трудились надъ разработкой нашей собственной, чисто - русской общественности. Они задаются разработкой такихъ явленій мимо которыхъ равнодушно проходить человекъ не одаренный тонко-развитымъ пониманіемъ жизни и души человѣческой, но въ которыхъ художникъ силою своего таланта провидитъ цѣлый міръ страстей, горя и радостей, великодушія и визости, драматической борьбы съ силою вещей или трагической безвыходности подъ гнетомъ исторически сложившихся условій. Не пытаясь дѣйствовать на массы блестящими парадоксами социальныхъ ученій или яркими красками сказочной, искусственно-драматизованной жиз-

ни, русскіе писатели предпочитаютъ имѣть дѣло съ болѣе развитымъ кругомъ читателей и воспитательно дѣйствовать на общество художественною правдой изображеній. Согласно воззрѣніямъ перешедшимъ у насъ въ традицію, отъ беллетристики мы требуемъ прежде всего строгой жизненной правды, природы, требуемъ чтобы писатель не выходилъ изъ сферы непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью, не подгибалъ бы ее подъ социальную доктрину, не олицетворялъ бы въ образахъ отвлеченной идеи, но въ самыхъ условіяхъ жизни, наблюдаемой художественно, искалъ бы естественной постановки общественныхъ вопросовъ. Наши писатели не стремятся, подобно Жоржъ-Санду или Гюго, разрѣшать социальныя проблемы; они только изучаютъ эти проблемы параллельно съ тѣмъ какъ создаетъ ихъ сама жизнь, и потому-то видимъ мы что въ большинствѣ русскихъ романовъ, не чуждыхъ тенденціозности, общественный вопросъ обыкновенно только *ставится*, и почти никогда не *разрѣшается*. Еслибы сама жизнь была скорѣе на разрѣшеніе возникающихъ въ ней вопросовъ, эти вопросы сошли бы съ очереди вслѣдъ за ихъ постановкой; но жизнь слишкомъ медленно вырабатываетъ свои рѣшенія, а предупреждать ее въ этомъ органическомъ процессѣ значитъ придумывать, дѣлать жизнь. Такое придумываніе, дѣланье жизни всегда было чуждо преданіямъ и направленію русской литературы, постоянно преслѣдовавшей близость къ дѣйствительности и гораздо болѣе цѣнившей непосредственный талантъ въ изображеніи того что есть чѣмъ самая блестящія заключенія о томъ что можетъ и какъ должно быть. Отступленія отъ этихъ традиціонныхъ началъ русской беллетристики, представлявшія попытки къ доктринерскому построенію жизни и общественныхъ идеаловъ (въ родѣ пресловутаго въ свое время романа *Что дѣлать*), всегда были случайными явленіями въ русской литературѣ и бывали обязаны своимъ успѣхомъ постороннимъ и преходящимъ обстоятельствамъ.

Наша литература не богата положительными типами. Наши романисты не создаютъ героическихъ характеровъ какими богата европейская литература. Они ищутъ положительныхъ типовъ въ средѣ скромной и низменной, относясь болѣею частью отрицательно къ верхушкамъ жизни, къ ея блестящимъ представителямъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе историческихъ и общественныхъ причинъ

создавшихъ у насъ отрицательное отношеніе къ той жизни которую живутъ наши образованные классы. Довольно замѣтить что идеалъ добра и правды присущій нашимъ художникамъ и безъ котораго не можетъ обойтись ни одна литература, присутствуетъ въ ихъ произведеніяхъ какъ незримое отвлеченіе, какъ идея около которой группируется отрицательное наблюдаемая жизнь. У насъ не мало произведеній дѣйствительнымъ героемъ которыхъ является именно эта отвлеченная идея добра и правды, не одицетворенная въ живомъ образѣ.... Таково именно свойство большей части русскихъ художественныхъ талантовъ что они восходятъ къ идеалу путемъ отрицанія, понимая драматизмъ жизни именно въ этомъ соотношеніи дѣйствительности съ отсутствующимъ идеаломъ, стоящимъ внѣ сцены дѣйствія.

Въ такомъ отрицательномъ отношеніи къ большинству русскихъ типовъ и къ большей части явленій русской жизни быть-можетъ лежитъ причина той тонкой, умной наблюдательности которою такъ обильно проiakнуты талантливыя произведенія русской беллетристики. Жизнь наблюдаемая умнымъ человекомъ съ отрицательной точки зрѣнія должна представлять обильный матеріалъ для общественной сатиры и психологическаго анализа; художественное впечатлѣніе производимое творческимъ воссозданіемъ характеровъ и положеній усиливается тою здоровою лицей какою доставляетъ уму наблюдательность автора-сатирика, подмѣчающая въ людяхъ и явленіяхъ всякое уклоненіе отъ нормы указанной здравымъ смысломъ и чувствомъ правды и добра. Въ большинствѣ случаевъ, произведенія нашей художественной литературы заключаютъ въ себѣ весьма много

Умъ холодныхъ наблюденій

И сердца горестныхъ замѣтъ —

и въ этомъ конечно состоитъ тайна ихъ воспитательнаго вліянія на общество, постоянно черпающаго изъ литературы значительную часть своего самопознанія.

Со временъ *Евгенія Онегина*, русскій романъ постоянно стремился отразить въ себѣ внутреннюю жизнь нашего общества, со всѣми волнующими его нравственными интересами. Вопреки распространенному въ современной печати мнѣнію будто художественная литература наша, занятая исключительно безлечальными жертвоприношеніями

Аполлону, оставалась постоянно чуждою этимъ нравственнымъ интересамъ, ближайшее знакомство съ литературою послѣдняго двадцатилѣтїя должно показать что нашъ романъ, при строго-художественной формѣ, всегда весьма близко подходитъ къ общественнымъ задачамъ времени и можетъ быть названъ *общественнымъ* романомъ по преимуществу. Соціальныя задачи возникавшія изъ нашего общественнаго положенія постоянно служили темою романамъ и повѣстямъ гг. Тургенева, Гончарова, Писемскаго, Достоевскаго. Общественныя темы разработанныя въ *Обыкновенной Исторіи*, въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, въ *Тысячѣ Душъ*, были конечно ближе къ нашей дѣйствительности и сильнѣе дѣйствовали на общество въ воспитательномъ смыслѣ, чѣмъ теоретическія и часто безсодержательныя варіаціи на современныя темы въ тогдашнемъ журнализмѣ.

Художественныя произведенія являющіяся въ послѣднее время свидѣтельствуютъ что беллетристика наша далеко еще не исчерпала своего общественнаго содержанія. Наблюденія надъ образованнымъ обществомъ, анализъ его движеній и стремленій, оцѣнка его нравственныхъ интересовъ, составляютъ тему наиболѣе замѣчательныхъ и талантливыхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени. Между прочимъ, этой благодарной задачѣ обязаны своимъ содержаніемъ новѣйшія произведенія г. Писемскаго, которымъ мы намѣрены посвятить настоящую статью.

Талантъ г. Писемскаго давно уже направленъ на изученіе русскаго общества въ его современномъ положеніи; нѣсколько фазисовъ этого положенія уже отразились въ его романахъ съ замѣчательною яркостью изображенія и тонкою наблюдательностью умнаго художника-сатирика. Въ *Тысячѣ Душъ* Россія увидѣла полную и тщательную картину своей жизни наканунѣ великихъ преобразованій къ которымъ она готовилась. Внутренній смыслъ этой жизни былъ раскрытъ авторомъ съ силою таланта поразившею не только нашу, но и европейскую публику, когда она ознакомилась съ этимъ произведеніемъ по нѣмецкому переводу. Затѣмъ во *Взбаломученномъ Морѣ* г. Писемскій представилъ намъ оборотную сторону движенія охватившаго Россію въ періодъ реформъ—внезапное пониженіе общественнаго уровня, уладокъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, необузданное господство фразы, деспотизмъ лжи, прикрываю-

щейся тѣмъ мишурнымъ декорумомъ который въ современной quasi-прогрессивной печати принято называть „освободительными идеями“. Все это круло и ярко отразилось въ романѣ г. Писемскаго, образовавъ дѣйствительно картину какого-то взбаламутившагося общественнаго океана, въ которомъ вся нечистота, поднятая волненіемъ съ глубокаго дна, всплыла на поверхность и замутила прежде тихія воды. Картина вышла безотрадная и отчасти односторонняя; авторъ далъ полную волю своему сатирическому направленію, которое въ этомъ произведеніи рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми прочими сторонами художественнаго творчества. Но г. Писемскій и не обманывалъ себя насчетъ нѣкоторой односторонности данныхъ имъ изображеній; заканчивая свой романъ, онъ прощался съ читателемъ такими словами: „Пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась *вся* Россія, за то тщательно собрана *вся ея* ложь.“ „Не мы виноваты, говоритъ онъ ранѣе, что въ быту нашемъ много грубаго и чувственнаго; что такъ-называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать или дѣлать вздоръ; что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, *здравому смыслу*, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда бы ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣрить что въ немъ вся сила и спасеніе!“

Отнесясь съ этимъ строгимъ приговоромъ къ общественному движенію шестидесятыхъ годовъ,—приговоромъ оскорбившимъ такъ много самолюбіи и возбудившимъ такъ много ненависти и желчи,—г. Писемскій какъ бы утратилъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ современнымъ обществомъ, и въ слѣдующемъ своемъ романѣ: *Люди сороковыхъ годовъ* обратился къ предыдущей эпохѣ. Въ публикѣ, привыкшей находить въ беллетристикѣ отзывъ къ страстямъ и интересамъ *доплывающихъ дней*, эта талантливая эпопея отошедшаго въ исторію періода не произвела большого впечатлѣнія: читатели сожалѣли что авторъ обнаружившій такъ много ума и наблюдательности въ пониманіи интересовъ текущей минуты какъ бы отворачивается отъ лывущей на него жизни и становится въ сторонѣ отъ совершающагося предъ его глазами общественнаго движенія. Но уединеніе г. Писем-

скаго продолжалось не долго: вслѣдъ за *Людьми сороковыхъ годовъ* онъ печатаетъ новый романъ, *Въ Водоворотъ*, въ которомъ снова выступаетъ въ роли наблюдателя современной жизни, и въ которомъ ярко отраженъ послѣдній фазисъ нашего общественнаго положенія.

Этотъ новый фазисъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ только дальнѣйшее развитіе того движенія которое дало содержаніе *Взбаломученному Морю*. Волненіе стихло, поднятая изъ нечистой глубины грязь нѣсколько осѣла на дно, но быстрота и беспорядочность недавняго теченія образовала водоворотъ, въ которомъ сплываются, кружатся и тонуть выброшенные на поверхность осадки взбаломученнаго моря. Въ сущности, оба романа изображаютъ, одинаково отрицательно, одно и то же явленіе, за которымъ усвоено наименованіе *нигилизма*; но разница въ обѣихъ картинахъ, раздѣленныхъ восьмилѣтнимъ промежуткомъ времени, весьма ощутительна, и самое явленіе представляется въ совершенно иномъ періодѣ развитія.

Нѣтъ сомнѣнія что нигилизмъ, какъ бы глубоко ни искали мы его корни въ русской жизни, вышелъ изъ литературныхъ кружковъ и изъ тѣхъ слоевъ нашего общества которые наиболѣе близки къ журнальнымъ движеніямъ. Общество весьма пассивно и лишь въ самой незначительной степени принимало участіе въ разработкѣ нигилистической доктрины; его роль была по преимуществу роль воспринимаящая, между тѣмъ какъ лабораторія доктрины устроилась въ томъ подвижномъ наслоеніи литературнаго пролетаріата и полубразованнаго мѣщанства которое никогда не имѣло живой связи съ болѣе глубокими общественными слоями. Въ первую эпоху нигилизма, существовали такъ-сказать специалисты нигилистическаго дѣла, не имѣвшие никакой другой задачи и иного занятія кромѣ разработки и проведенія въ собственную жизнь нигилистической доктрины. Образовался цѣлый классъ людей для которыхъ нигилизмъ получилъ значеніе профессіи. Они писали для журналовъ статьи исполненныя „отрицанія“ и „освободительныхъ идей“, устраивали фаланстеры и коммуны, вступали въ сношенія съ эмиграціей и сами пополняли ряды ея, заключали „гражданскіе браки“, и все это не ради чего другаго какъ во имя и во славу нигилизма. Если они имѣли при этомъ какія-либо житейскія, практическія профессіи, если они учились или учили

въ заведеніяхъ, состояли въ военной или гражданской службѣ, то на все такое они взирали какъ на нѣчто побочное и неважное, дѣйствительнымъ же призваніемъ своимъ считали нигилистическую проповѣдь словомъ и дѣломъ. Эта категорія специалистовъ нигилистическаго дѣла, нигилистовъ по профессіи, прежде всего обратила на себя вниманіе нашихъ художниковъ-беллетристовъ, и тиль теоретическаго нигилиста весьма рельефно отразился въ извѣстныхъ романахъ первой половины шестидесятыхъ годовъ.

Затѣмъ наступила другая эпоха. Разработка нигилистической доктрины приведена была къ концу, и вмѣстѣ съ тѣмъ тиль нигилиста *rig-sang*, нигилиста по профессіи, утратилъ свою привлекательность и мало-по-малу сдѣлался довольно рѣдкимъ явленіемъ. Движеніе вступило во второй періодъ: отъ образовавшагося водоворота пошли круги, все шире и глубже захватывающіе воды нѣкогда взбаломученнаго, а нынѣ въ значительной степени улегшагося моря. Нигилистическія идеи стали проникать въ самое общество, причемъ естественно должны были утратить характеръ пропагандируемаго культа, столкнуться и смѣшаться съ другими обиходными идеями и понятіями. Если въ обществѣ стали рѣдко встрѣчаться нигилисты сдѣлавшіе изъ своей доктрины задачу жизни, профессію, религію, за то на каждомъ шагѣ начали попадаться люди совершенно безсознательно усвоившіе себѣ нѣкоторую часть нигилистическихъ воззрѣній и въ то же время не только не причисляющіе себя къ нигилистамъ, но даже искренно лугающіеся нигилизма въ его первоначальной, сконцентрированной формѣ. Въ смыслѣ послѣдовательности доктрины, эти люди конечно не выдерживаютъ ни малѣйшей критики; они случайно усваиваютъ себѣ кое-что изъ нигилистическаго міровоззрѣнія, обыкновенно наиболее подходящее ихъ личнымъ вкусамъ и обстоятельствамъ жизни, но это *кое-что* нисколько не мѣшаетъ имъ сохранять нѣкоторыя другія воззрѣнія, совершенно чуждыя нигилизму и могущія привести въ ужасъ чистаго нигилиста-теоретика. Послѣдніе сближаясь съ ними, обыкновенно кончаютъ тѣмъ что разрываютъ съ ними съ полнымъ презрѣніемъ къ ихъ непоследовательности и отсталости въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Безсознательные, практическіе нигилисты чаще всего усваиваютъ себѣ только нигилистическую безпринципность, свободу отъ исторически сложившихся общественныхъ и нравственныхъ узъ, и затѣмъ отъ

обстоятельствъ жизни и отъ условій личнаго характера зависятъ направить эту безпринципность въ ту или другую сторону. Чаще всего бессознательный нигилизмъ вырабатывается въ практической жизни въ обыкновенное мошенничество и умѣнье обдѣлывать дѣлашки внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо принциповъ; это самая многочисленная категория людей среди которой нигилизмъ находитъ всегда обильнѣйшую жатву и наилучшимъ образомъ приготовленную почву. Здѣсь нѣтъ мѣста никакой борьбѣ возрѣвнѣй, никакому сопротивленію со стороны человѣческой природы; мошенникъ принимаетъ нигилистическую безпринципность какъ нѣчто приходящееся ему совершенно по мѣрѣ, и въ душѣ даже презираетъ нигилиста теоретика какъ идеалиста. Но есть другія натуры, не лишенные нравъ на общественную симпатію, и для которыхъ усвоеніе нигилистическихъ возрѣвнѣй имѣетъ часто вполнѣ трагическое значеніе. Эти люди, не настолько сильные смысломъ чтобы понять съ самаго начала всю ложь нигилистической доктрины, и для которыхъ нигилизмъ имѣетъ обаяніе новизны, съ ревностью прозелитовъ стремятся провести въ жизнь послѣднюю принятыя идеи, но жизнь могущественно протавится насилью, и изъ этого сопротивленія возникаетъ внутренняя борьба, нерѣдко окончивающаяся катастрофой. Нигилистическій прозелитъ этой категоріи слѣдуетъ разорвать съ исторически-сложившеюся вокругъ него жизнью, насилуетъ преданія и условія общества къ которому принадлежитъ по рожденію и воспитанію, насилуетъ собственныя привычки и привязанности—но жизнь и человѣческая природа на каждомъ шагѣ ставятъ ему препятствія; отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, онъ безпомощно бьется въ водоворотѣ, пока ходъ вещей не привнеситъ насильственной развязки этой противоположной борьбы съ самимъ собою.

Отраженіе нигилизма въ обществѣ, борьба исторически сложившихся основъ жизни и естественныхъ свойствъ человѣческой природы съ нигилизмомъ въ его прямомъ значеніи, вотъ содержаніе послѣдняго романа г. Писемскаго. Въ этомъ смыслѣ мы и назвали его изображеніемъ нигилизма въ новомъ, сегодняшнемъ фазисѣ его развитія, и въ этомъ его главныя права на полное вниманіе общества и литературной критики.

Въ Москвѣ живетъ богатый князь Григоровъ, представи-

тель старой родовитой фамиліи. Романъ застаеъ его уже во второмъ періодѣ жизни, когда онъ успѣлъ уже не только жениться, но и охладѣть къ женѣ, и когда онъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе чувствуетъ потребность явить въ себѣ человѣка нравственно возмужалого и установившагося въ принципахъ и симпатіяхъ. Но внутренняя работа саморазвитія и самоопредѣленія у него постоянно отстаеъ отъ внѣшней торолливости жизни, остаеъ позади черты нравственного совершенствованія. Онъ, такъ-сказать, *избралъ* для себя извѣстное міровоззрѣніе, но оно далеко еще не вошло ему въ плоть и въ кровь, не сжилось съ его натурою. Нигилизмъ прѣвратилъ его новизною формъ, и онъ искренно, съ увлеченіемъ считаеъ себя его аделтомъ, но въ этихъ новыхъ формахъ онъ постоянно чувствуетъ себя неловко, и самыя рѣшительныя поступки его носятъ на себѣ характеръ нравственного насилія совершаемаго ради послѣдовательности принципа, внѣ природныхъ, непосредственныхъ побужденій, внѣ внутренней потребности. Нравственно, онъ еще стоить на раслутіи жизни, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, въ состояніи двойственности, которую самъ мучительно сознаеъ въ себѣ стараясь оправдать ее условіями времени и воспитанія: „Суть-то тутъ въ томъ, говоритъ онъ однажды своему пріятелю, Макакову, что мы двойственны: намъ и старой дороги жаль, и по новой смертельно идти хочется, и это явленіе чисто продуктъ нашего времени и нашего воспитанія.“ Самое обращеніе къ либеральнымъ и нигилистическимъ идеямъ совершилось въ немъ болѣе отрицательнымъ порядкомъ чѣмъ положительнымъ, болѣе вслѣдствіе сознанія несовершенствъ существующей дѣйствительности чѣмъ вслѣдствіе вѣры въ нелогичность нигилистической доктрины и совершенство новаго міросозерцанія. Онъ настолько выше и развитѣ людей своего круга что чувствуетъ неправду и ложь укоренившіяся въ окружающей его средѣ, и ищетъ уйти отъ нея, не сознавая что внутренно онъ органически связанъ съ этою средою, и что такая связь могущественно заявитъ себя при болѣе рѣшительной попыткѣ отторгнуться отъ воспитавшей его жизни. Обстановка московскаго житья-бытья особенно давить его; онъ не находитъ въ Москвѣ съ кѣмъ бы подѣлиться накопившимися въ немъ идеями и сомнѣніями, и уѣзжаетъ въ Петербургъ на мѣсяць, на два, освѣжиться въ шумномъ движеніи столицы,

въ которой онъ видитъ умственный центръ. „Впечатлительный и памятливыи по натурѣ—объясняетъ эту повѣдку авторъ—онъ всѣ явленія жизни, всѣ впечатлѣнія изъ книгъ, воспринималъ довольно живо, и разъ что усвоивъ, никогда уже не забывалъ того вполне. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени у него накопилась въ душѣ масса идей, чувствований; разъяснить все это и найти какую-нибудь путеводную нить для своихъ воззрѣній онъ жаждалъ неимоვნю. Потолковать обо всемъ этомъ въ Москвѣ было рѣшительно не съ кѣмъ. Москва, какъ убѣдился князь по опыту, была въ этомъ отношеніи болото стоячее. Петербургъ казался ему гораздо болѣе подвижнымъ и развитымъ, и онъ стремился туда, знакомился съ разными литераторами, учеными, съ высшимъ и низшимъ чиновничествомъ, слушалъ ихъ, самъ имъ говорилъ, спорилъ съ ними, но увы! просвѣта яредъ жадными очами его послѣ этихъ бесѣдъ нисколько не прибывало, и почти каждый разъ князь увѣжалъ изъ Петербурга въ какомъ-то трагически-раздраженномъ состояніи; но черезъ полгода снова ѣхалъ туда.“ Последнее паломничество въ нигилистическую Мекку, на которомъ романъ застаеъ князя Григорова, окончательно разочаровало его: онъ увидѣлъ Петербургъ въ его дѣйствительномъ свѣтѣ, съ заѣдающимъ чиновничествомъ, канцелярскимъ либерализмомъ, пустотой и мелочностью характеровъ, сосредоточившихся на стяжаніи матеріальныхъ благъ и кичливости полупросвѣщенія. Оттуда пишетъ онъ къ героинѣ романа, Еленѣ Жиглянской, грустное письмо, изъ котораго мы позволимъ себѣ привести здѣсь существенную часть, такъ какъ оно очень ясно обрисовываетъ характеръ князя и то состояніе постоянныхъ колебаній и полусознательныхъ порываній въ какомъ онъ пребываетъ во все продолженіе романа:

„Никогда еще такъ не возмущалъ и не истерзывалъ меня офиціальныи и чиновничій Петербургъ, какъ въ нынѣшній пріѣздъ мой. Какая огромная привычка выработана у всѣхъ этихъ господъ важничать, и какая подъ всѣмъ этимъ лежитъ дустота и даже мелочность и ничтожность характеровъ!... Миѣ больше всѣхъ изъ нихъ противны ихъ лучшіе люди, ихъ передовые; и для этого-то сорта людей (кровью сердце обливается при этой мысли) отецъ готовилъ меня, а между тѣмъ онъ былъ, сколько я помню, человѣкъ не глупый, любилъ меня и конечно желалъ миѣ добра. Понимая вѣроятно что въ Лицеѣ меня ничему порядочному не научать, онъ въ то же

время зная что мнѣ оттуда дадутъ хорошій чинъ и хорошее мѣсто, а въ Россіи чиновничество до такой степени все завло, въ такой мѣрѣ покойнѣе, прочнѣе всего что родители обыкновенно лучше предпочитаютъ убить, недоразвить въ дѣтяхъ своихъ человѣка, но только чтобы сдѣлать изъ нихъ чиновника. Въ университетахъ нашихъ очень плохо учатъ, но тамъ есть какой-то научный залахъ; тамъ человѣкъ по крайней мѣрѣ можетъ усвоить нѣкоторые приемы какъ потомъ образовать самого себя, но у насъ и того не было. Свѣтскія манеры, немножко музыки, немножко разврата на петербургскій ладъ и наконецъ бессмысленное либеральничанье, что впрочемъ есть еще самое лучшее что преподавано намъ тамъ. Грустнѣй всего что съ такимъ небогатымъ умственнымъ и нравственнымъ запасомъ пришлось жить и дѣйствовать въ очень трудное и переходное время. Вы совершенно справедливо какъ-то разъ говорили что нынче не только у насъ, но и въ европейскомъ обществѣ человѣку для того чтобы онъ былъ не совершеннѣйшій пошлякъ и поступалъ хоть сколько-нибудь честно и цѣлесообразно приходится многое самому изучить и узнать. То что вошло въ насъ посредствомъ уха и указки изъ воспитывающей насъ среды видимо нигуда не годится. Но чѣмъ замѣнить все это, что поставить вмѣсто этого? Естественное, мнѣ кажется, лучше всего можетъ дать отвѣтъ въ этомъ случаѣ, потому что лучше всего можетъ познакомить человѣка съ самимъ собою; ибо онъ, что бы тамъ ни говорили, прежде всего *животное*. Высшія его потребности, смѣю думать, роскошь безъ которой онъ можетъ и обойтись; доказательствомъ служатъ дикари, у которыхъ духовнаго только и есть что религія да кой-какія пѣсни.“

Уже изъ этого письма читатель видитъ что князь Григорьевъ вовсе не убѣжденный нигилистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ умный человѣкъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы искать въ естествознаніи отвѣта на вопросъ чисто нравственнаго и соціальнаго характера, не сталъ бы искать доказательства преобладанія животнаго элемента въ человѣческой природѣ въ томъ состояніи дикости которое даже по нигилистической теоріи есть лишь точка отправления для прогресса человѣческихъ обществъ. Сомнѣніе и неуверенность слышатся даже въ этомъ авторитетномъ увѣреніи что человѣкъ есть прежде всего животное, и что высшія потребности его только роскошь безъ которой можно и обойтись: читатель чувствуетъ что князь въ этомъ случаѣ только модничаетъ, и что подъ матеріалистическою маскою въ немъ скрывается едва ли не идеалистъ, для котораго рѣшительно невозможно обойтись безъ презираемыхъ „высшихъ

потребностей“. И действительно, авторъ нѣкоторыми замѣчаніями своими вполне подтверждаетъ сомнѣнія возникающія въ читателѣ при чтеніи вышеприведеннаго письма. Онъ объясняетъ что князь не хотѣлъ являться предъ Еленой „какимъ-то неопредѣленнымъ человекомъ, и желалъ лучше чтобъ она видѣла въ немъ окончательно сформировавшагося материалиста“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще яснѣе опредѣляетъ эту черту въ натурѣ князя, подмѣчая ее въ отношеніяхъ его къ любимой имъ дѣвушкѣ. „Исторія любви подвигалась весьма медленно, говоритъ г. Писемскій. Дѣло въ томъ что какъ князь ни старался представить изъ себя материалиста, но въ сущности онъ былъ больше идеалистъ, и хоть по своимъ убѣжденіямъ твердо былъ увѣренъ что однихъ только нравственныхъ отношеній между двумя любящимися людьми *не можетъ и не должно* существовать, и хоть вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ даже что и Елена точно такъ же это понимаетъ, но сказать ей о томъ прямо у него никакъ не хватало духу, и ему казалось что онъ все-таки оскорбитъ и унизитъ ее этимъ.“ Такимъ образомъ даже изъ первоначальной постановки этого весьма не рѣдкаго въ наше время характера совершенно ясно что нигилизмъ и материализмъ князя есть результатъ нѣкотораго нравственнаго насилія, что новые принципы приходятся князю попережъ прирожденнымъ ему чувствамъ и понятіямъ. Въ отношеніяхъ къ двумъ женщинамъ, между которыми поставила князя судьба, эта черта его характера должна была сдѣлаться роковою — завязать и развязать драму его жизни.

Романъ застаётъ князя, какъ мы уже сказали, женатымъ. Женился онъ по страсти, въ очень молодые годы, на хорошенькой дочери „нѣкоего изъ Нѣмцевъ горнаго генерала“, плѣтившей его своею превосходною игрою на фортепіано, голубыми какъ небо глазами и льно-подобными волосами. Никакой дальнѣйшей разумной причины къ этому сближенію не было, и полное несходство характеровъ брачной четы не замедлило обнаружиться. Княгиня была женщина о которой развязная кузина князя Анна Юрьевна, одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ въ романѣ, иначе не выражается какъ называя ее une personne très apathique. Воспитанная въ скромномъ и добродѣтельномъ нѣмецкомъ семействѣ, она вся находится подъ тяготѣніемъ тѣхъ семейныхъ и общественныхъ преданій которыя князю кажутся пошлыми и предразсудочными.

Она невинна какъ голубица, преисполнена къ личности и положенію мужа безпредѣльнаго благоговѣнія, и совершенно равнодушна къ его умственнымъ и политическимъ интересамъ. На другой день послѣ свадьбы, мужъ сталъ читать ей оду Пушкина о свободѣ; „потомъ сталъ ей толковать о русскомъ мужикѣ, его высокихъ достоинствахъ; объясняя, наконецъ, что мѣръ ждетъ социальныхъ переворотовъ, что такъ жить нельзя, что всѣ порядочные люди задыхаются въ современныхъ формахъ общества; изъ всего этого княгиня почти ничего не понимала настоящимъ образомъ и полагала что князь просто фантазируетъ по молодости своихъ лѣтъ (она была почти ровесница съ нимъ). Будь князь понастойчивѣе, онъ можетъ-быть услывалъ бы втолковать ей и привить свои убѣжденія, или по крайней мѣрѣ она стала бы притворяться что раздѣляетъ ихъ; но князь, какъ и съ большею частью молодыхъ людей это бываетъ, сразу же разочаровался въ своей супругѣ, отвернулся отъ нея умственно и не сталъ ни слова говорить съ ней о томъ что составляло его суть, такъ что съ этой стороны княгиня почти не знала его, и видѣла только что онъ знакомится съ какими-то странными людьми и Богъ знаетъ какія иногда странныя вещи говоритъ.“ Князь, замѣтивъ что нравственная и умственная связь его съ княгиней порвалась въ первые же дни ихъ совместной жизни, „со своею молодою женою уѣхалъ въ деревню и хлопоталъ единственно о томъ чтобы взять съ собою превосходящую рояль“. Музыка однако не наполнила всей образовавшейся внутри его пустоты: онъ сдѣлался мировымъ посредникомъ и принялся искреннѣйшимъ образомъ хлопотать о народѣ. „Въ концѣ концовъ однако, заключаешь авторъ, музыка, народъ и деревня принаскучили ему, и онъ уѣхалъ съ женою за границу, гдѣ прямо направился въ Лондонъ, сошелся, говорятъ, тамъ очень близко съ русскими эмигрантами; но потомъ вдругъ почему-то уѣхалъ изъ Лондона, вернулся въ Россію и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ на первыхъ порахъ замѣтно старался сблизиться съ учеными и литераторами, но послѣднее время и того не сталъ дѣлать, и нѣкоторые изъ родныхъ князя, поспѣвавшіе иногда княгиню, говорили что князь *все читаетъ теперь*.“

Неудавшійся романъ съ княгиней вѣроятно и былъ бы единственнымъ романомъ въ жизни князя Григорова еслибы судьба не столкнула его съ женщиной представлявшею со-

вершенную противоположность его женѣ. Въ томъ кругѣ къ которому князь принадлежалъ по своему происхожденію, онъ встрѣчалъ въ женщинахъ постоянное равнодушіе къ волнованіямъ его умственнымъ и социальнымъ интересамъ, то есть къ тому чѣмъ наиболее дорожилъ онъ въ своемъ усердіи прозелита и съ чѣмъ онъ былъ связанъ самыми чуткими струнами своей организаціи. Чтобы могущественно затронуть эти струны, надо было встрѣтиться съ нимъ женщиной которая подавила бы его напряженіемъ своей политической экзальтаціи, которая раздѣлила бы съ нимъ его общественныя симпатіи и антипатіи, которая полюбила бы въ немъ не князя и не человѣка, а свободно-мыслящее существо.

Такую женщину князь нашелъ въ Еленѣ. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ и опредѣленныхъ, хотя далеко не симпатичныхъ типовъ въ романѣ г. Писемскаго, и для изученія того общественнаго *водворота* который изображенъ въ романѣ, намъ необходимо тщательно въ него всмотрѣться.

Елена Жиглинская является читателю съ характеромъ вполне сформировавшимся и съ самымъ опредѣленнымъ воззрѣніемъ на міръ. Въ противоположность князю, который только воспринимаетъ нигилистическія вѣянія заносимыя въ его среду извнѣ, Елена стоитъ у самаго источника нигилизма, представляетъ собою такъ-сказать нигилизмъ активный, пролагандирующий, нигилизмъ шестидесятыхъ годовъ. Условія самаго рожденія и воспитанія ея сложились такимъ образомъ что скорѣе всего могли выработать изъ нея нигилистку *rig sang*. Полу-Полька по происхожденію, она въ самой крови своей носить ненависть къ Русскому государству. Мать ея авантюристка дурнаго тона, не только не могла привить ей никакихъ нравственныхъ началъ, но умѣла внушить ей полное недовѣріе къ семейнымъ узамъ. Послѣ неудачнаго исхода различныхъ авантюръ наполнившихъ жизнь Мме Жиглинской, Елена была отдана въ одно благотворительное учебное заведеніе, откуда приходила домой только по праздникамъ.

„Чѣмъ дальше дѣвочка училась тамъ, чѣмъ дальше и дальше шло ея воспитаніе, тѣмъ какъ-то суше и непривѣтливѣй становилась она къ матери, и почти съ гнѣвомъ, который едва доставало у нея силъ скрывать, относилась къ образу ея жизни и вообще ко всемъ ея понятіямъ. По мнѣнію матери, напримѣръ, ничего не стоило поголодать дня два, посидѣть въ холодѣ, лишь бы только жить въ нарядной, просторной квартирѣ, и имѣть потомъ возможность выѣхать въ

театръ или на гулянье. Дочь же говорила что человѣку нужна только небольшая комната, съ потребнымъ количествомъ чистаго воздуха (и тутъ она даже съ точностью опредѣляла это количество), нуженъ кусокъ здоровой пищи (и тутъ она опять-таки назначала съ точностью сколько именно пищи) и наконецъ умная книга. По выходѣ изъ училища, дочь объявила матери что она ничѣмъ не будетъ ее стѣснять и пойдетъ въ гувернантку, и дѣйствительно ушла; но черезъ мѣсяць же возвратилась къ ней говоря что частныхъ мѣстъ она больше брать не будетъ, потому что въ этомъ положеніи надобно сдѣлаться или рабою, служанкою какой-либо госпожи, или предметомъ страсти какого-нибудь господина, а что она прищеть себѣ лучше казенное или общественное мѣсто и будетъ на немъ работать. Во всѣхъ этихъ планахъ дочери питаться своими трудами мать очень мало понимала и гораздо больше бы желала чтобъ она вышла замужъ за человѣка съ обезпеченнымъ состояніемъ, или, если этого не случится, она, пожалуй, не прочь бы была согласиться и на другое, зная по многимъ примѣрамъ что въ этомъ положеніи живутъ иногда гораздо лучше, чѣмъ замужемъ.... Жизнь исполненная разнаго рода авантюръ немножко черезчуръ низко снизвела нравственный уровень госпожи Жиглинской!"

Среди этой безрадостной обстановки, Елена, подобно многимъ мечтательнымъ и экзальтированнымъ натурамъ, почти съ наслажденіемъ питала въ себѣ горечь и раздраженіе. Малѣйшая неудача въ жизни, иногда просто калпривное нерасположеніе духа, разжигали въ ней всякій разъ озлобленное и мстительное чувство. „Ей мечтались заговоры, сходки въ подземельи, клятвы на кинжалахъ, и наконецъ даже позорная смерть на площади, посреди благословляющей втайнѣ толпы. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ котораго она жаждала и рисовала въ своемъ воображеніи, Елена невольно припоминала стихотвореніе Лермонтова: *Парусъ*, и часто, ходя по огромнымъ и пустымъ комнатамъ княжескаго дома, она повторяла вслухъ и какимъ-то восторженнымъ голосомъ:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, щить буря,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Въ подобномъ состояніи духа она начинала враждовать даже съ книгами, съ тѣми самими книгами изъ которыхъ она почерпнула свое міровозрѣніе. „Читать, на примѣръ, она совсѣмъ

перестала — рассказываетъ о ней въ одномъ мѣстѣ авторъ — потому что читать какія-нибудь, очень можетъ-быть умныя вещи, но ничего не говорящія ея сердцу, она не хотѣла, а такого чтѣ бы прямо затрогивало ее не было подъ руками; кромѣ того, она думала: зачѣмъ читать? съ какою цѣлю? Чтобы только еще больше раздражать и волновать себя?... Въ жизни Елена миллионной доли не видѣла осуществленія тому чтѣ говорили и чтѣ проповѣдывали ея любимыя книги....“ А между тѣмъ, эта проповѣдь глубоко залезла въ ея молодое, но рано озлобившееся сердце. „Я, еще бывши маленькимъ ребенкомъ, говорить она о себѣ, —

Чувствовала что этотъ порядокъ вещей который шелъ около меня невозможенъ, возмутителенъ! Всюду — ложь, обманъ, господство какихъ-то почти дикихъ преданій!... Торжество всюду глупости, бездарности! Школа все это во мнѣ еще больше поддерживала; тутъ я узнала, между прочимъ, разныя социалистическія надежды и чаянія, и конечно всею душой устремилась къ нимъ какъ къ единственному просвѣту; но когда вышла изъ школы, я въ жизни намека даже не стала замѣчать къ осуществленію чего-нибудь подобнаго; старый порядокъ, я видѣла, стоитъ очень прочно и очень твердо, а бойцы бравшіеся разбивать его были такіе слабыя, малочисленные, такъ что я начинала приходить въ отчаяніе. Это постоянное пребываніе въ очень неясномъ, но все-таки чего-то ожидающемъ состояніи мнѣ сдѣлалось наконецъ невыносимо: я почти готова была думать что разныя хорошія мысли и идеи — сами по себѣ, а жизнь человѣческая — сама по себѣ, въ которой только пошлость и гадость могутъ реализоваться, но встрѣча съ вами — вотъ видите, какъ я откровенна — согнала этотъ туманъ съ моихъ желаній и стремленій! Я во очію увидала мой идеалъ, къ которому должна была идти — словомъ, я поняла что я — Полька, и что прежде чѣмъ хлопотать мнѣ объ устройствѣ всего человѣчества, я должна отдать себя на службу моей несчастной родинѣ.“

Когда Еленѣ отказали отъ мѣста начальницы школы, мстительное и озлобленное чувство ея выразилось съ такою необузданностью что князь усомнился даже не помѣшалась ли она. Онъ долженъ былъ выслушать отъ нея такія рѣчи:

„Если я умру теперь, чтѣ весьма возможно, то знайте что я унесла съ собою одно неудовлетворенное чувство, про которое еще Кочубей у Пушкина сказалъ: „есть третій кладъ — святая мечь, ее готовлюсь къ Богу снести!“ Меня вотъ въ этомъ письмѣ укоряютъ во вредномъ направленіи; но каково бы ни было мое направленіе, худо ли, хорошо ли оно, я

говорила о немъ всегда только съ людьми которые и безъ меня такъ же думали какъ я думаю; значить, я не пропагандировала моихъ убѣжденій!... Напротивъ того, въ этой дурацкой школѣ глухихъ дѣвчонокъ заставляла всегда твердымъ образомъ учить катихизисъ и разныя священныя исторіи, внушала имъ страхъ и уваженіе ко всевозможнымъ начальническимъ фizioноміямъ; но меня все-таки выгнали, вышвырнули изъ службы, а потому теперь ужъ извините: никакого другаго чувства у меня не будетъ къ моей родицѣ, кромѣ ненависти. Впрочемъ, я и по рожденію больше Полька чѣмъ Русская, и за все что теперь будетъ клониться къ погибели и злу вашей дорогой Россіи я буду хвататься какъ за драгоценность, какъ за аромать какой-нибудь!"

Мы нѣсколько опередили ходъ романа, показавъ въ Еленѣ такія окончательныя черты которыя вполнѣ опредѣляютъ ея характеръ и выразились въ ней лишь послѣ цѣлаго ряда перипетій сопровождавшихъ ея сближеніе съ княземъ. Еслибъ она имѣла случай заявить эти черты въ самомъ началѣ своихъ отношеній къ князю, по всей вѣроятности этого сближенія вовсе не послѣдовало бы: до такой степени рѣзкости въ ея натурѣ и въ ея образѣ мыслей были враждебны всей природѣ князя. Встрѣтивъ въ первый разъ Елену, когда она, по совѣту одного изъ своихъ знакомыхъ, пришла къ нему просить какого-нибудь мѣста, князь увидѣлъ въ ней просто энергическую и умную дѣвушку съ новыми, сочувственными ему понятіями, желающую трудиться и быть независимою. Встрѣтить такую дѣвушку для князя, привыкшаго въ своемъ кругу находить въ женщинахъ укоренившіяся привязанности къ старому складу жизни и понятій, было пріятною неожиданностью. Онъ заинтересовался Еленой, познакомилъ ее съ своею женою и самъ сталъ посѣщать ее въ домѣ ея матери. Ближайшее знакомство съ нею, умныя и рѣзкія рѣчи ея, отгнѣенныя тою нигилистическою ликантною которая должна была особенно нравиться несовѣмъ умному князю, скоро сдѣлали то что отношенія его къ Еленѣ перешли въ страстное увлеченіе. Старуха Жиглинская была въ восторгѣ отъ частыхъ посѣщеній князя, въ которомъ она цѣнила очень богатаго человѣка. Елену до глубины души возмущали прозрачныя намеки матери на возможность попользоваться матеріальными щедротами влюбленнаго князя.... По этому предмету между ними часто происходили сцены, заставляющія читателя отчасти примириться съ несимпатичнымъ вообще

характеромъ Елены. Исторія любви подвигалась однако медленно, вслѣдствіе сдержанности князя, который, какъ мы уже видѣли, исповѣдовалъ нигилистическую доктрину только умомъ, въ душѣ же сохранялъ много идеалистическаго. Особенный случай, разказанный авторомъ не безъ примѣса нѣкоторой, не совсѣмъ идущей къ дѣлу, циничности, бросилъ наконецъ Елену въ объятія князя, и она сдѣлалась его любовницей.

Почти съ самой этой минуты, въ существованіи князя начинается та роковая борьба усвоенныхъ внѣшнимъ образомъ идей съ неодолимою силой внутреннихъ потребностей натуры которая въ концѣ концовъ приводитъ его къ трагическому исходу. Создавъ, своими отношеніями къ Еленѣ, ненормальное положеніе, въ которомъ внезапно очутились и онъ, и Елена, и жена его, онъ ежеминутно чувствуетъ на себѣ непосильную тяжесть этого положенія, и хотя по образу мыслей своихъ (впрочемъ, можно ли говорить серьезно объ его образѣ мыслей?) старается не видѣть въ отношеніяхъ всѣхъ трехъ лицъ ничего неестественнаго и незаконнаго, но ненормальность этихъ отношеній сказывается на всякомъ шагу и создаетъ ежеминутныя затрудненія. Противорѣче усвоенныхъ идей съ естественными движеніями сердца и съ условіями жизни образуетъ въ существованіи всѣхъ трехъ заинтересованныхъ лицъ водоворотъ, къ которому они безпомощно кружатся, теряя всякую путеводную нить и переходя отъ одного неразчитаннаго шага къ другому, отъ противорѣчія къ противорѣчью, отъ неестественнаго постулка къ еще болѣе неестественному. Князь доходитъ до того что самъ перестаетъ почитать свое положеніе и обращается за разъясненіями даже къ лицамъ къ уму и нравственности которыхъ не имѣетъ никакого довѣрія. Онъ дѣлаетъ повѣренными своей тайны нѣкоего летербургскаго барона Мингера, котораго самъ же почти признаетъ, и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, который не лишнимъ будетъ привести здѣсь:

„— У меня тутъ въ нѣкоторомъ родѣ романъ затѣялся! началъ онъ (князь) какъ-то не вдругъ и постукивая нервно ногою.

„— Романъ? съ кѣмъ же это? спросилъ баронъ.

„— Съ дѣвушкой одной и очень хорошей.... отвѣчалъ князь, окончательно краснѣя въ лицѣ.

„— Съ дѣвушкой даже? повторилъ баронъ;—но какъ же княгиня на это смотритъ? прибавилъ онъ.

„— Княгиня пока ничего, отвѣчалъ князь, держа годовую потупленную, и хотъ не смотрѣлъ въ это время пріятелю въ лицо, но очень хорошо чувствовалъ что оно имѣеть не очень одобрительное выраженіе для него.

„— Вы лучше другихъ знаете, продолжалъ князь, какъ бы желая оправдаться предъ барономъ,—что женитрба моя была рѣшительно лостулокъ сумашедшаго мальчишки, который не знаетъ зачѣмъ онъ женится и на комъ женится.

„Баронъ молчалъ.

„— Къ счастью, какъ и вы вѣроятно согласитесь, разъяснялъ князь,—изъ княгини вышла женщина превосходная; я признаю въ ней самыя высокія нравственныя качества; ея счастье, ея спокойствіе, ея здоровье дороже для меня собственнаго; но въ то же время какъ жену, какъ женщину, я не люблю ее больше...

„Баронъ при этомъ гордо поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на пріятеля.

„— Но за что же именно вы разлюбили ее? спросилъ онъ его.

„— И самъ не знаю, отвѣчалъ князь.

„О причинахъ побудившихъ его разлюбить жену онъ не хотѣлъ открывать барону, опасаясь этимъ скомпрометтировать нѣкоторымъ образомъ княгиню.

„— Ну, такъ какъ вы, мой милый Эдуардъ Федоровичъ, заключилъ онъ,—полагаете: виновать я или нѣтъ разлюбя, совершенно противъ моей воли, жену мою?

„— Конечно виноваты, потому что зачѣмъ вы женились не узнавъ хорошенько дѣвушки, отвѣчалъ баронъ.

„— Совершенно согласенъ, но въ таковой мѣрѣ виновата и княгиня: зачѣмъ она шла замужъ не узнавъ хорошенько чело-вѣка?

„— Но княгиня, однако, не разлюбила васъ?

„— А я-то чѣмъ виноватъ что разлюбилъ ее? спросилъ князь.

„— Тѣмъ что *позволили* себѣ разлюбить ее, отвѣчалъ баронъ, сдѣлавъ замѣтное удареніе на словѣ *позволили*.

„Князь усмѣхнулся при этомъ.

„— Вы, мой милый Эдуардъ, отвѣчалъ онъ,—вѣроятно не знаете что существуетъ довольно распространенное мнѣніе по которому полагають что даже уголовныя преступленія,—поймите вы, уголовныя!—не должны быть вмѣняемы въ вину, а ужъ въ дѣлѣ любви всякій французскій романъ вамъ докажетъ что чело-вѣкъ ничего съ собою не подѣляетъ.

„— Но, однако, почему же вы спрашиваете меня: виноваты ли вы или нѣтъ? возразилъ ему съ усмѣшкою баронъ.“

На это возраженіе князь, разумѣется, ничего не могъ отвѣтить: онъ внутренно почувствовалъ что попалъ въ дживый кругъ идей изъ котораго нѣтъ выхода. Отказаться отъ этой лжи, которой онъ уже привыкъ поклоняться какъ открове-

нью новыхъ истинъ, возвратиться къ той исторической и нравственной правдѣ отъ которой отправляется человѣческое общество и человѣческая мораль, было свыше силъ его; ему оставалось только еще ниже подогнуть себя подъ эту ложь и дать еще большую напряженность тому нравственному насилію которое онъ уже сдѣлалъ надъ собою вступая въ кругъ идей органически чуждыхъ его природѣ. И въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени ложь окончательно овладѣваетъ существованіемъ цѣлаго кружка людей составляющихъ дѣйствующій персоналъ романа, опутываетъ ихъ взаимныя отношенія и создаетъ самыя неестественныя положенія. Отдавшись однажды во власть этой доктринерствующей ажи, князь начинаетъ *умственно* желать чтобы жена его воспользовалась правомъ въ свою очередь полюбить кого-нибудь; говоримъ *умственно*, потому что каждый разъ когда въ душѣ князя загоралось подозрѣніе что симпатіи жены его обращаются на постороннее лицо, вся природа его возставала противъ проповѣдуемой имъ доктрины и въ крови загоралось ревнивое чувство. Измученная натянутыми отношеніями съ мужемъ и испуганная какъ бы онъ въ самомъ дѣлѣ не повѣрилъ слухамъ о ея близости къ барону, княгиня пишетъ къ мужу письмо, въ которомъ объясняетъ что баронъ для нея рѣшительно противенъ, и что если она позволила себѣ кокетничать съ нимъ, то потому что думала этимъ путемъ возвратитъ себѣ любовь мужа, „которая была, есть и будетъ всегда для меня дороже всего, и если вы дадите мнѣ ее снова, я сочту себя счастливейшимъ существомъ въ мірѣ“. Письмо это разсѣяло ревнивыя подозрѣнія князя, но вѣсть съ тѣмъ убѣдило его что жена все-таки любитъ его. Съ точки зрѣнія теоріи свободныхъ отношеній, такое обстоятельство сильно смутило князя, и онъ, какъ школьникъ не знающій какъ ему быть и не сознающій некрасивой стороны своего поступка, показалъ письмо жены нѣкому Миклакову, съ которымъ даже не находилась въ близкихъ отношеніяхъ, прося его объясниться за него съ княгиней и внушить ей разлюбить его, потому что онъ измѣнилъ ей. Князю при этомъ въ голову даже не приходило въ какое положеніе ставить онъ жену дѣлая совершенно постороннее лицо посредникомъ самыхъ интимныхъ семейныхъ отношеній. Миклаковъ возражаетъ что измѣна князя не заставитъ княгиню разлюбить его: чтобы женщина разлюбила мушкетера, лучше всего ей доказать что онъ дуракъ!

„— Ну, докажите княгинѣ что я дуракъ; можно, полагаю, это?

„— Можно, отвѣчалъ совершенно серьезно тономъ Миклаковъ,—хорошо также ее увѣрить что вы и подлецъ!

„— Увѣрьте ее что я и подлецъ! подхватилъ князь.“

Происходитъ тягостная сцена, въ которой княгиня выслушиваетъ отъ посторонняго лица что мужъ ее не любитъ, и что ей тоже не слѣдуетъ и не за что любить его. „Съ настоящей минуты она начала серьезно подумывать что въ самомъ дѣлѣ не лучше ли ей будетъ и не легче ли жить на свѣтѣ, если она разоидется съ княземъ и уѣдетъ навсегда въ Петербургъ къ своимъ роднымъ.“ Но такой исходъ былъ бы слишкомъ благоразуменъ для той атмосферы жи которая образовалась вокругъ несчастной женщины. Князь, поджигаемый постоянными вспышками ревности со стороны Елены, которой присутствіе княгини не даетъ покою, замышляетъ выпроводить жену за границу, и для того чтобы разрывъ съ нею получилъ больше прочности, онъ опять не прочь подсунуть ей какой-нибудь сюжетъ для интриги. Атмосфера жи начинаетъ оказывать свое вліяніе и на княгиню, и тутъ происходитъ очень странное и на первый разъ какъ бы нескладное, но весьма возможное и тонко подмѣненное явленіе. Наталкиваемая со всѣхъ сторонъ на интригу, оскорбляемая мужемъ, лишенная въ себѣ и внѣ себя всякой точки опоры, княгиня начинаетъ думать что упомянутый выше Миклаковъ въ самомъ дѣлѣ ей нравится, и что въ ея настоящемъ положеніи ей въ самомъ дѣлѣ ничего болѣе не остается какъ помѣстить свои привязанности внѣ брака. Сдѣленіе безусловныхъ, но ежедневныхъ случайностей и обстоятельствъ приводитъ къ тому что эта честнѣйшая и добродѣтельнѣйшая женщина, все еще беззавѣтно любящая мужа и рѣшительно неспособная принадлежать кому-нибудь кромя его, соглашается ѣхать за границу съ Миклаковымъ, красяся и почти не сознавая что она дѣлаетъ, рѣшается принять на себя двусмысленную роль развлекающейся въ сторонѣ отъ мужа авантюристки. Князь до такой степени отдается во власть оуптавшихъ его ложныхъ отношеній что въ послѣдствіи поручаетъ попавшемуся ему подъ руку, лично ненавистному ему Жуквичу, проходивцу изъ польскихъ Жидковъ, сноситься съ какимъ-то парижскимъ пріателемъ чтобъ узнать какъ пожи-

васть за границей княгиня и все ли она продолжаетъ быть съ Миклаковымъ.

Въ этомъ дикомъ водоворотѣ, среди этой путаницы и тьмы фальшивыхъ отношеній навѣянныхъ съ вѣтру идей только одно лицо остается искренно и неизмѣнно вѣрнымъ себѣ. Это лицо—Елена. Она чувствуетъ себя гос-пожею созданнаго ею ненормальнаго положенія; она не знаетъ никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакой борьбы, никакого насилія надъ своимъ чувствомъ, своею природою. Въ этомъ воздухѣ, насквозь насыщенномъ ложью, она ощущаетъ себя совершенно привольно и ни на минуту не сомнѣвается въ своей безусловной правотѣ. То что затрудняетъ и смущаетъ другихъ, что бременить, напримѣръ, совѣсть князя и точить его сердце—для нея не болѣе какъ предразсудокъ. Ей кажется совершенно естественнымъ что князь, полюбивъ ее, бросилъ жену; для нея существуетъ только вопросъ: какъ бы окончательно сбросить эту женщину съ дороги? Сама безусловно вѣрующая въ непогрѣшимость своей нигилистической догмы, она на каждомъ шагѣ ощущаетъ свое превосходство надъ окружающими ее людьми, еще не окаменѣвшими въ нигилистическихъ вѣрованіяхъ: это учитель распоряджающій учениками, специалистъ нигилистическаго дѣла между дилеттантами. Она почти съ гордостью несетъ свой свободомысленный вздоръ предъ внимательными слушателями, въ числѣ которыхъ есть даже ея непосредственное начальство. „Я буду держаться, проповѣдуетъ она въ княжеской гостиной,—

„моего опредѣленія что законы суть договоры, и вообразите, я родилась въ извѣстномъ государствѣ когда договоры эти уже были написаны и утверждены, но почему же я, вовсе не подписавшаяся къ нимъ, должна исполнять ихъ? Договоры обязательны только для тѣхъ кто лично ихъ призналъ. Даже и знать-то всѣхъ законовъ нельзя.

„— Я согласенъ что нельзя знать всѣхъ законовъ въ подробности, сказалъ баронъ,—но главные, я думаю, всѣ вообще знаютъ: кто же не знаетъ что воровство, убійство, есть преступленіе?

„— Положимъ даже что это преступленіе; но наказывать-то за него не слѣдуетъ! возразила Елена.

„— Какъ не слѣдуетъ? спросилъ баронъ, откинувшись даже въ недоумѣніи на задокъ стула.

„Анна Юрьевна тоже взглянула на Елену не безъ удивленія.

„— Не слѣдуетъ-съ! повторила она рѣшительно.

„— Но какъ же однако, моя милая, дѣлать съ разными негодьями и преступниками? вмѣшалась въ разговоръ Анна Юрьевна, далеко не все понимавшая въ словахъ Елены и въ то же время весьма заинтересовавшаяся всѣмъ этимъ разговоромъ.

„— Да никакъ, потому что въ сущности преступниковъ нѣтъ! Они суть только видимое проявленіе дурно-устроеннаго общественнаго порядка, а измѣните вы этотъ порядокъ, и ихъ не будетъ!... Но положимъ даже что порядокъ этотъ очень хорошъ, и что все-таки находятся люди которые не хотятъ подчиняться этому порядку и стремятся выскочить изъ него, но и въ такомъ случаѣ они не виноваты, потому что, значить, у нихъ не нашлось въ головѣ рефлексовъ которые могли бы остановить ихъ въ томъ.“

Въ другой разъ рѣчь зашла о княгинѣ Натальѣ Долгоруковой.

„— По-моему, она очень, должно-быть, не далека была, проговорила Елена.

„Анна Юрьевна взглянула на нее вопросительно.

„— Потому что, продолжаетъ Елена,—какимъ же образомъ можно было до такой степени полюбить господина Долгорукова, человѣка весьма дурныхъ качествъ и свойствъ, какъ говорить намъ исторія, да и вообще кого изъ русскихъ князей стоить такъ любить?“

Уже изъ этихъ выдержекъ читатель можетъ заключить что такая прожженная нигилистка, какъ Елена, не задастъ себѣ труда задуматься надъ колоссальною фальшью и опутавшею весь сгруппировавшійся около нея кружокъ, и ни на минуту не усомнится въ себѣ. Напротивъ, чѣмъ болѣе въ окружающей ее обстановкѣ все становится вверхъ дномъ, тѣмъ привольнѣе чувствуетъ она себя. Развѣ призваніе ее не въ томъ именно заключается чтобы стремительнѣе замутить обуйавшій русское общество водоворотъ, и развѣ внутренний міръ ея не пришелъ въ то усовершенствованное состояніе въ которомъ никакое естественное движеніе души, никакая потребность природы не могутъ заслонить торжествующей доктрины? Авторъ указываетъ одну второстепенную, но знаменательную черту. „Ребенка своего, говоритъ онъ, Елена страстно любила, но въ то же время посвящать ему всѣ дни и часы свои она не хотѣла, и находила это недостойнымъ всякой неглупой женщины.“ Разумѣется, обязанности матери должны были представляться ей чѣмъ-то очень

буржуазнымъ и не соответствующимъ высотѣ развитія на которой она стояла. Самое рожденіе ребенка казалось ей только удобнымъ поводомъ къ экспериментамъ въ духѣ ея доктрины. Она, напримѣръ, сильно сопротивлялась убѣжденіямъ князя и Муклакова крестить его. По ея мнѣнію, не слѣдовало навязывать человѣку извѣстную религію въ томъ возрастѣ когда онъ не можетъ сдѣлать свободнаго выбора между исповѣданіями. Муклаковъ возражаетъ ей что по здравому смыслу слѣдуетъ окрестить ребенка въ религію той страны въ которой предназначено ему жить и дѣйствовать, и пусть онъ самъ мнѣяетъ ее послѣ если ему этого пожелается. Елена замѣчаетъ что такъ было бы можетъ-быть и *умнее, но никакъ не либеральнее*, выдавая этимъ характеристическимъ возраженіемъ настоящую подкладку своей доктрины и своей пропаганды.

Въ самомъ дѣлѣ: *умнее, но не либеральнее*—развѣ не выражается этимъ квинтэссенція всей лжи выработанной въ нигилистической лабораторіи и заражающей лапургово стадо? Развѣ это не то самое что проповѣдуетъ, чѣмъ руководствуется тенденціозная печать, давно разорвавшаяся со здравымъ смысломъ и объявившая что для нея тенденція гораздо важнѣе ума и таланта? Развѣ не этимъ самымъ аргументируется всякая ложь, всякое искаженіе, всякая ложка человѣческаго смысла во имя тенденціи?

Умнее, но не либеральнее—въ этомъ выразился и безпощадный приговоръ нигилистической доктрины надъ самою собою, и вмѣстѣ тупое упорство съ какимъ адепты этой доктрины будутъ продолжать свое дѣло вопреки всѣмъ убѣжденіямъ здраваго смысла. Когда говорятъ что поступать извѣстнымъ образомъ, хотя сознаютъ что это не будетъ умно, развѣ не выражаютъ этимъ что организмъ партіи пришелъ въ особаго рода окостенѣніе, противъ котораго никакіе разумные медикаменты не будутъ дѣйствительны?

Въ той сравнительно-ограниченной средѣ какую представляетъ содержаніе романа *Въ водоворотѣ*, ложь создавшая вышесприведенную формулу служить основою всей драмы и всѣхъ положеній. Князь Григоровъ очевидно едва ли не о каждомъ своемъ поступкѣ во глубинѣ своего сознанія долженъ сказать что онъ рѣшился на него потому что поступить иначе было бы „умнѣе, но не либеральное“. Княгиня владаетъ въ фальшивое положеніе конечно потому что въ

умъ ея наконецъ возникаетъ сомнѣніе въ превосходствѣ стараго здраваго смысла надъ модною безпринципностью. Люди живутъ и дѣйствуютъ какъ бы потерявъ всякую мѣру вещей, всякій критерій, подъ вліяніемъ роковаго убѣжденія что умъ и смыслъ сами по себѣ, а либеральная доктрина сама по себѣ, что руководиться умомъ опасно, потому что онъ можетъ разойтись съ либеральной идеей, а руководиться послѣднею безопасно, такъ какъ она приведетъ ко спасенію самаго глупаго человѣка... Вотъ въ чемъ самый тяжкій недугъ нашего времени и общества, заставляющій насъ безпомощно кружиться въ роковомъ водоворотѣ...

Обратимся однако къ роману.

Натянутыя отношенія въ какихъ находились князь, княгиня и Елена, постоянно угрожали взрывомъ. Какъ ни старался князь войти въ новый кругъ идей, въ крови и въ мозгу его еще жила чувства которыя самъ онъ охотно относилъ къ предрасудкамъ своего воспитанія, но которыя тѣмъ не менѣе обнаруживали свою естественную власть надъ нимъ. Онъ не могъ примириться съ мыслию что жена его воспользуется свободой такъ великодушно и либерально предоставляемою ей. Получивъ анонимное письмо извѣщавшее его о мнѣшій короткости княгини съ Микааковымъ, онъ не въ силахъ былъ скрыть отъ Елены причинныхъ ему этимъ письмомъ страданій. Но Елена относилась къ такимъ движеніямъ князя какъ къ жалкой двойственности недоразвившагося субъекта, а на княгиню смотрѣла очень просто—какъ на существо совершенно пожертвованное ея личности и ея доктринѣ.

„— Ты имѣешь любовницу и жену, объясняла она князю:— обвѣхъ ихъ понемножку любишь и очень не желаешь чтобы которая-нибудь изъ нихъ измѣнила тебѣ!.. Словомъ, себя считаешь въ правѣ дѣлать все что тебѣ угодно, и крайне бываешь недоволенъ когда другіе вздумаютъ поступать тоже по своему усмотрѣнію.

„Князь, при такого рода опредѣленіи ему самого себя, покраснѣлъ въ лицѣ.

„— Очень странно что ты такого человѣка позволила себѣ полюбить, сказалъ онъ.

„— Ошиблась, больше ничего! пояснила ему Елена.—Никакъ не ожидала чтобы люди олуטанные самыми мелкими чувствами и предрасудками вздумали прикидываться людьми свободными отъ всего этого!... Свободными людьми—легко

сказать! воскликнула она,—а надобно спросить вообще: много ли на свѣтѣ свободныхъ людей? Ихъ нужно считать единицами посреди сотней тысячъ—это герои: они не только что не боятся измѣнъ жень, но даже каторгъ и гильйотинъ, и мы съ вами, ваше сіятельство, никакъ ужъ въ этотъ сортъ людей не годимся!”

Князь напоминаетъ ей что нельзя такъ легко разрывать отношенія между людьми связанными обязанностями къ ребенку.

— Въ отношеніи воспитанія вашего сына, возразила ему Елена, вы можете быть совершенно покойны и не трудиться наблюдать нисколько надъ его воспитаніемъ; потому что я убила бы сына моего изъ собственныхъ рукъ моихъ еслибъ увидѣла что онъ наследовалъ нѣкоторыя ваши милыя убѣжденія!

— И ты искренно это говоришь? спросилъ ее князь, блѣднѣя весь въ лицѣ.

— Совершенно искренно, *совершенно!* отвѣчала Елена съ удареніемъ, и повидимому въ самомъ дѣлѣ искреннимъ голосомъ.

Съ этой первой серьезной размовки Елена совершенно усомнилась въ либерализмъ князя, и каждое новое обстоятельство только все болѣе убѣждало ее что она приняла его податливость къ воспріятію новыхъ идей за установившееся свободомысліе. Встрѣча съ Жуквичемъ, проходившемъ самаго дурнаго сорта, выдававшимъ себя за политическаго дѣятеля и агента польской эмиграціи, только подлила масла въ огонь пожиравшій Елену. Столкновения съ княземъ стали случаться чаще и принимали все болѣе рѣзкій характеръ, пока Елена не убѣдилась окончателно что *по натурѣ своей она женщины не любви, а политики*. Такимъ образомъ, мало-по-малу подготавливавшейся между ними разрывъ вслыхнулъ на политическомъ слорѣ, въ которомъ въ князѣ проснулось русское чувство.

Жуквичъ еще прежде встрѣчался съ княземъ, именно во время заграничнаго путешествія, когда князь въ Лондонѣ посѣщалъ польско-русскіе эмиграціонныя кружки. Они тогда еще рѣзко разошлись между собою, вслѣдствіе патріотической вслѣшки которую князь не могъ сдержать въ себѣ и о которой Жуквичъ такимъ образомъ передалъ Еленѣ:

„Я же самъ, къ сожалѣнію, былъ виновникомъ тому что произошло... Былъ митингъ въ пользу Поляковъ въ одной

тавернѣ. Восстаніе польское тѣмъ временемъ лишь началось... Я только прибылъ изъ Польши, и какъ живой свидѣтель, подъ влияніемъ не остывшихъ впечатлѣній, сталъ разказывать о томъ какъ наши польскія дамы не совѣмъ, можетъ, вѣжливо относятся къ русскимъ офицерамъ... какъ потомъ были захвачены въ казармахъ солдаты и всѣ уничтожены... Другъ князь, который былъ тутъ же, вскакиваетъ... Я передаю жь вамъ, нисколько не преувеличивая и не прикрашивая это событіе: онъ былъ блѣденъ какъ листъ бумаги! Голосъ его былъ голосъ звѣря разъяреннаго. „Если жь, говоритъ, вы такъ поступаете съ нашими ни въ чемъ невиноватыми солдатами, то кланусь вамъ честию что я самъ съ перваго жь изъ васъ сдеру съ живаго шкуру!“ Всѣхъ это удивило: друзья князя стали было его уговаривать чтобъ онъ попросилъ извиненія у всѣхъ; онъ же и слушать не хочетъ и кричитъ: „пусть, говоритъ, падутъ со мною жь на дуэль кто обижетъ мною!“

Эпизодъ этотъ рѣшительно уронилъ князя во мнѣніи Елены.—Я требую сказать мнѣ, что ты за человѣкъ? обращается она къ нему.“

„— Ну, это, кажется, не тебѣ судить что я за человѣкъ! произнесъ князь не менѣе ея взбѣшенный:—и хоть ты и говоришь что я притворный социалистъ и демократъ, но въ этомъ совѣсть моя чиста: я сдѣлалъ гораздо больше чѣмъ всѣ твои другіе безштанные новаторы..“

„— Но что ты такое сдѣлалъ? что?... скажи!.. не унималась Елена.“

„— А вотъ что я сдѣлалъ! сказалъ сурово князь:—хоть про себя говорить нельзя, но есть оскорбленія и униженія которыя заставляютъ человѣка забывать все.... Я родился на свѣтъ благодѣтельствованный настоящимъ порядкомъ вещей, но я изъ этого порядка не извлекъ для себя никакой личной выгоды: я не служилъ, я крестовъ и чиновъ никакихъ отъ правительства не получилъ, состояніе себѣ не скалывалъ, а напротивъ дѣлилъ его и буду еще дѣлить между многими какъ умѣю; семейное гнѣздо мое разрушилъ, и какъ ни тяжело мнѣ это было, сгубилъ и извратилъ судьбу добройшей и преданнѣйшей мнѣ женщины... Но чтобы космополитомъ окончательно сдѣлаться и восторгаться тѣмъ какъ разныя западные господа придутъ и будутъ душиить и губить мое отечество, это.... извините!... Я не стыжусь и не скрываюсь говорю: я—русскій человѣкъ съ головы до ногъ, и никто не смѣй во мнѣ тронуть этого чувства моего: я его не принесу въ жертву ни для какихъ высшихъ благъ человѣчества!“

Благородныя слова, къ сожалѣнію, скорѣе исходившія въ князѣ отъ движенія разбудораженной крови чѣмъ изъ

сознательнаго убѣжденія. Воспитай въ себѣ князь это чувство въ болѣе зрѣлой формѣ, его прошедшее вѣроятно не стояло бы въ такомъ печальномъ противорѣчii съ приведенными словами, и ему не понадобилось бы ни разрушать своего семейнаго гнѣзда, ни губить добрѣйшей и преданнѣйшей ему женщины.... Но въ томъ-то и несчастье людей подобныхъ князю что имъ приходится, по собственному его выраженію, „жить и дѣйствовать въ очень трудное переходное время“ со скуднымъ запасомъ установившихся убѣжденій и нравственныхъ ресурсовъ. Трудность переживаемаго нами времени въ томъ именно и заключается что при утраченной вѣрѣ въ старые пути, при господствѣ тенденціозныхъ идей, возвеличиваемыхъ на мѣсто ума, дарованія и даже здраваго смысла, ординарные, средніе люди, рожденные идти въ табунѣ позади руководящихъ личностей, получаютъ страстную склонность пролагать себѣ новые пути вовсе не имѣя къ тому достаточно нравственнаго запаса. Они утрачиваютъ то инстинктивное чувство скромности и сознанія своей ординарности которое при прежнихъ поколѣніяхъ сдерживало ихъ въ предѣлахъ исторически установившихся нормъ жизни. Прогрессивная формалистика, либеральничанье въ тенденціозномъ смыслѣ дерзко и открыто противопоставляются уму, таланту, знанію, здравому смыслу и рекомендуются какъ главнѣйшее и едва ли не единственное требованіе вѣка; но что же можетъ быть легче приобрѣтено и усвоено какъ не тенденція? Для этого не только не требуется никакой умственной и нравственной мѣрки, но напротивъ, чѣмъ эта мѣрка меньше, короче, тѣмъ легче человекъ подчиняется извѣстной тенденціи, потому что ничто такъ не враждебно тенденціи какъ индивидуальность и самостоятельность въ какой бы то ни было формѣ.

Князь Григоровъ есть одна изъ безчисленныхъ жертвъ этого роковаго недуга нашего больнаго вѣка. Духъ времени говоритъ что для того чтобы стать выше своей среды не надо быть умнѣ другихъ, совершенно достаточно быть либеральнѣ другихъ. И вотъ разщекоченное этою приманкой самолюбіе начинаетъ безлокойно и стремительно дѣйствовать въ человекѣ, нисколько не справляясь о томъ имѣетъ ли такое положеніе подняться надъ уровнемъ среды какое-нибудь оправданіе въ умственныхъ ресурсахъ субъекта. Освѣдомившись что новая доктрина признаетъ совершеннаго

человѣка только въ матеріалистѣ, князь всячески старается отрѣшиться отъ естественныхъ свойствъ своей натуры чтобы не показаться любимой имъ женщиной „какимъ-то неопредѣлившимся человѣкомъ“. Онъ разрываетъ съ женою потому что не находитъ въ ней сочувствія своему образу мыслей, и старается увѣрить себя будто бы разлюбилъ ее какъ женщину, причемъ постоянныя вслѣдствія ревности обличаютъ фальшивость этого увѣренія и свидѣлствуютъ что охлажденіе его къ княгинѣ есть явленіе чисто головное. Онъ ѣдетъ въ Лондонъ на поклонъ русско-польской эмиграціи, жертвуетъ 400 тысячъ франковъ въ пользу угнетенныхъ Поляковъ,—и грозитъ содрать съ нихъ шкуру какъ скоро они оскорбляютъ его національное чувство. Онъ сознаетъ свою вину предъ княгиней и ничѣмъ не умѣетъ ее загладить; предлагаетъ женѣ свободу полюбить другаго, и терзается при мысли что она можетъ въ самомъ дѣлѣ воспользоваться этимъ правомъ. Какая жалкая жизнь, какая скудость индивидуальнаго содержанія! Читатель почти становится на сторону Елены когда та разгадываетъ двойственность этой ординарной натуры, и признаетъ что она *ошиблась*. Она дѣйствительно *ошиблась*, и не въ князѣ только, а и въ себѣ самой, въ своемъ міросозерцаніи, въ своихъ поступкахъ, во всей этой жизни такъ нескладно сложившейся кругомъ нея.

Давно подготовлявшійся разрывъ происходитъ почти внезапно. Елена проситъ князя дать ей лятнадцать тысячъ для пособія польскимъ эмигрантамъ; князь рѣшительно отказываетъ ей въ томъ. У нея остается послѣдній рискованный ресурсъ:

„— Хоть тебѣ и тяжело оказать помощь Полякамъ, что я отчасти понимаю, начала она,—но ты долженъ перссилить себя, и сдѣлать это для меня, изъ любви своей ко мнѣ, и я въ этомъ случаѣ прямо ставлю испытаніе твоему чувству ко мнѣ: признаешь ты въ немъ силу и вліяніе надъ собою,—я буду вѣрить ему; нѣтъ—такъ ты и не говори мнѣ больше о немъ.

„— Даже изъ любви къ тебѣ не могу этого сдѣлать! отвѣчалъ князь.

„— Даже! ну смотри, не раскаивайся послѣ!... произнесла Елена.“

На этотъ разъ ни одной искры человѣческаго чувства не прорвалось въ Еленѣ.

Мы не будемъ разказывать содержаніе послѣднихъ главъ

романа; оно безъ сомнѣнія извѣстно читателямъ. Да для нашей задачи оно уже и исчерпано: лутаница отношеній, водоворотъ нанесенныхъ съ вѣтру идей, доктринерство и безпринципность, составляющія физиологическій недугъ современнаго общества, выразились въ романѣ настолько что дальнейшая судьба дѣйствующихъ лицъ его не имѣетъ для нашей темы непосредственнаго значенія. Обратимъ вниманіе только на то что героиня романа, какъ бы въ насмѣшку надъ своимъ прошлымъ, надъ нравственною личностью своею, надъ всѣмъ кругомъ своихъ идей и убѣжденій, выходитъ замужъ за богатаго балбеса, самаго шутовскаго представителя той чуждой нравственныхъ и подитическихъ интересовъ жизни къ которой Елена постоянно выражала полное презрѣніе и отвращеніе. Черта не лишняя знаменательности, потому что до извѣстной степени указываетъ отрицательную точку зрѣнія автора-сатирика на самое полное олицетвореніе такъ называемыхъ „новыхъ“ стремленій.

Мы задались въ этой статьѣ не литературнымъ разборомъ послѣднихъ произведеній г. Писемскаго, талантъ котораго не нуждается въ новой оцѣнкѣ, а наблюденіями надъ нашею современною общественностью, для которыхъ эти произведенія представляютъ весьма обильный матеріалъ. Наблюденія эти не привели насъ къ какому-нибудь утѣшительному заключенію. Романъ отразившій въ себѣ внутреннюю жизнь современнаго общества, со всею суммою его нравственныхъ и соціальныхъ интересовъ, представилъ это общество въ состояніи продолжающагося броженія, не обещающаго въ ближайшемъ будущемъ счастительнаго исхода.

Но мы видѣли покаместъ только одну сторону картины. Въ романѣ *Въ водоворотѣ*, несмотря на отрицательное, сатирическое отношеніе автора къ героямъ разказа, на этихъ герояхъ все-таки лежитъ ореолъ извѣстной честиности побужденій и порядочности личныхъ характеровъ. Это все-таки лучшіе представители той безразличной массы которая лоломъ движенія шестидесятыхъ годовъ оказалась подъ пассивнымъ воздѣйствіемъ виглаистической доктрины. При антилатичныхъ сторонахъ въ характерѣ Елены, при безалаберности и нѣкоторомъ шутовствѣ князя Григорова, въ этихъ лицахъ все-таки присутствуетъ извѣстная нравственная цельность, заставляющая ихъ по крайней мѣрѣ предпочитать вопросы нравственнаго лорядка чисто матеріальнымъ

интересамъ. Но позади этихъ нигилистическихъ идеологовъ стоитъ большая общественная масса, уже окончательно чуждая всякихъ нравственныхъ задачъ, и въ которой внесенная движеніемъ шестидесятихъ годовъ безпринципность выразилась въ совершенно иной формѣ, въ иныхъ примѣненіяхъ. Насколько извѣстное человѣческое дѣйствіе можетъ быть *умнѣе*, но не либеральнѣе настолько другое можетъ быть *честнѣе*, но не либеральнѣе. Если разъ либеральная идея поставлена какъ нѣчто абсолютное, не обязанное сообразоваться съ другими сторонами человѣческаго духа и морали—рядъ практическихъ примѣненій вытекающихъ изъ такой постановки уже ничѣмъ не можетъ быть ограниченъ. Извѣстные нравственные принципы, даже вся сумма человѣческой морали, суть результатъ исторической жизни, историческихъ преданій; разъ отрицая эти преданія, эту исторически-сложившуюся жизнь, мы неизбежно приходимъ къ тому опасному смѣшенію понятій при которомъ провести твердую черту между моралью и предразсудкомъ становится очень затруднительно. Безпринципность имѣетъ то роковое свойство что она прежде всего и легче всего направляется къ устраненію нравственныхъ стѣсненій, при которыхъ человѣку неудобно проявлять свои низшіе инстинкты и вождѣнія.

Что исподніе слои современнаго общества заражены въ опасной степени недугомъ безпринципности, почувствовалъ не одинъ г. Писемскій. Художественная литература, наиболѣе чуткая по всемъ общественнымъ явленіямъ и постоянно преслѣдующая свою цѣль: путемъ наблюденій и воспроизведенія содѣйствовать самосознанію общества — въ послѣдніе годы дѣятельно разрабатываетъ этотъ соціально-нравственный мотивъ. Во всякомъ талантливомъ и содержательномъ беллетристическомъ произведеніи послѣдняго времени мы непременно найдемъ это исполненное грусти и опасеній указаніе на отсутствіе въ жизни современнаго общества нравственныхъ идеаловъ, на пониженіе интеллектуальнаго уровня, на печальное преобладаніе матеріальныхъ интересовъ. Послѣднія комедіи г. Писемскаго: *Подковы* и *Ваалъ* представляютъ только новыя черты въ грустной картинѣ современнаго общественнаго паденія.

Въ комедіи *Подковы* выведена на сцену та многочисленная петербургская среда существованіе которой тѣсно связано

съ административными порядками и закулисными канцелярскими интригами. Это дѣлый замкнувшійся міръ, въ своей обособленности не чуждый самаго рѣшительнаго давленія на всѣ стороны нашего современнаго быта. Казалось бы что общаго между своеобразною, какъ бы специфическою жизнью этого міра и безпорядочными броженіями вошедшими въ нашу общественность изъ движенія шестидесятыхъ годовъ? А между тѣмъ, внимательный читатель очень осязательно чувствуетъ что та особаго рода безпринципность которая руководитъ дѣйствующими лицами комедіи тѣсно связана съ общею безпринципностью нашего времени, что она до извѣстной степени есть такой же результатъ явленій впервые отмѣченныхъ въ романѣ *Взбаломученное море* въ какой результатомъ этихъ явленій представляется фальшь и путаница отношеній изображенная въ *Водоворотѣ*. Отсутствие нравственной узды, быстро усвоенная привычка отнестись чрезвычайно легко къ нравственнымъ началамъ, которыхъ наше несовершеннѣе сознаніе не умѣетъ отличать отъ предразсудковъ и въ особенности общее, почти инстинктивное сознаніе понизившагося уровня, общая увѣренность что въ наше время люди и принципы такъ шатки что церемониться съ ними нечего,—вотъ незримая, но чувствуемая черта приводящая внутреннее содержаніе *Подконовъ* въ связь съ общими явленіями времени. Въ воздухѣ носится чувство распущенности какое испытываетъ человѣкъ полавшій въ двусмысленное общество: все кругомъ какъ будто стоитъ ниже того уровня къ которому мы привыкли, поэтому нечѣмъ стѣсняться, нечего церемониться... Она какъ бы посторонняя, но весьма знаменательная черта очень ясно обрисовываетъ измѣнившееся отношеніе стяжательныхъ и матеріальныхъ инстинктовъ въ обществѣ къ тому что въ этомъ самомъ обществѣ должно бы представлять высшіе нравственные интересы: въ *Подконовѣ* канцелярская интрига пользуется, какъ орудіемъ, журналистикой. Чиновникъ-фельетонистъ Шуберскій, тиль весьма не чуждый петербургской жизни, принимаетъ самое дѣятельное и неблагоприятное участіе въ интригѣ составляющей содержаніе пьесы. Присутствіе въ комедіи этого лица вовсе не случайное: оно отчасти объясняетъ ту наглость съ которою канцелярская интрига развивается почти на глазахъ у общества. Въ самомъ дѣлѣ: если печать, на половину свободная печать, эта представительница общественнаго

мянія и общественной совѣсти, залупана вмѣстѣ съ нами въ нашихъ эгоистическихъ дѣлшкахъ, можетъ ли страхъ общественнаго суда служить въ нашей дѣятельности задерживающимъ рефлексомъ? Неуваженіе къ печати, равняющееся неуваженію къ живымъ общественнымъ силамъ, есть конечно одинъ изъ самыхъ дурныхъ показателей нашего времени... Припомнимъ что въ *Ревизорѣ* Гоголя уѣздные взяточники и самоуправцы исполнены къ *целкоперамъ* самой искренней ненависти, но эта ненависть происходитъ изъ сознанія своей неправды предъ лицомъ людей которыхъ общественное положеніе не высоко, но которые стоятъ въ сторонѣ отъ нашихъ грязныхъ дѣлъ, и свою скромную долю не промѣняють на почетъ и благосостояніе чиновнаго лихонимца. Пусть читатель уяснитъ себѣ что для господъ Андашевскихъ, Мямлиныхъ, Янтарныхъ (дѣйствующія лица въ комедіи *Подкопъ*), Шуберскій есть ближайшій и можетъ-быть единственно извѣстный представитель литературы и журналистики, что по его умственному и нравственному уровню они заключаютъ о принципахъ господствующихъ въ интеллигентныхъ кругахъ; какую же мѣрку вещей должны усвоить себѣ эти люди, съ какой стороны должно придти къ нимъ чужае идеаловъ добра, правды, человѣчности?

Въ комедіи *Ваалъ* авторъ даетъ намъ сознать то же господство безпринципности въ другой части современнаго общества, въ мірѣ коммерсантовъ и такъ-называемыхъ „новыхъ“ дѣятелей, земцевъ, адвокатовъ и пр. Одно изъ лицъ этой комедіи, вольнопрактикующій адвокатъ Куницынъ, какъ бы съ намѣреніемъ выведенъ авторомъ въ роли показателя современной общественной совѣсти. Это человѣкъ рѣшительно не сознающій хорошо или дурно, честно или безчестно поступаетъ онъ во всякомъ данномъ случаѣ. Онъ самымъ наивнымъ образомъ рассказываетъ какія гадости намѣренъ сдѣлать, и когда пріятель укоряетъ его зачѣмъ онъ взводитъ на себя всякія мерзости которыхъ даже и сдѣлать не способенъ, Куницынъ съ удивленіемъ возражаетъ ему: „Отчего не слособенъ?... Непремѣнно сдѣлаю. Нынче, братъ, только тѣмъ людямъ и житье которые любятъ лазить въ чужіе карманы, а не пускать никого въ свой... Тутъ, смотришь, мошенникъ, тамъ лутъ, въ третьемъ мѣстѣ каналья, а живя посреди розъ, невольно примешь ихъ аромать.“ Эти слова не произвольно вложены авторомъ въ его уста: когда обще-

ство не видитъ впереди себя, надъ собою, никакого руководящаго начала, никакихъ идеаловъ, оно начинаетъ соразмѣряться съ своимъ собственнымъ среднимъ уровнемъ, стремится дѣлать то что дѣлаютъ другіе, искать руководства въ общепринятомъ. Мѣрка вещей укорачивается, и съ нею укорачивается уровень личности; является обиходная мораль, заимствуемая изъ ежедневной практики, въ силу того что „живя среди розъ, полеволь примешь ихъ аромать“. Этотъ самый Куницынъ является къ нѣкому капиталисту Бургмейеру выдать тайну женщины съ которой тотъ живетъ, и когда Бургмейеръ обѣщаетъ поблагодарить его за это нѣкоторою суммою денегъ, Куницынъ радостно восклицаетъ: „Хорошо-съ, не душно это!“— Но тутъ же имъ овладѣваетъ сомнѣніе: „Только, знаете, не будетъ ли это похоже на то что какъ будто бы я продалъ вамъ эту госпожу вашу?“ Бургмейеръ вскользь возражаетъ ему: „Гдѣ жъ вы ее продали? Вы, какъ сами это хорошо назвали, по чувству справедливости поступили такъ.“ — „Конечно-съ... конечно!—Восклицаетъ обрадованный такимъ объясненіемъ Куницынъ:—говоря откровенно, я идучи къ вамъ смутно подумывалъ что не слѣдуетъ ли г. Бургмейеру заллатить мнѣ тысячку, другую, потому что, какъ тамъ ни придумывай, а я спасаю ему 600 тысячъ. Всякій человѣкъ, а скажу, такая мерзость и скверность!“ Получивъ эти тысячку-другую, онъ изъ мгновеннаго великодушнаго побужденія употребляетъ ихъ чтобы сласти своего пріятеля Мировича, который живетъ съ женою Бургмейера и котораго Бургмейеръ собирается засадить въ тюрьму по векселю. Какое изъ всего этого выходитъ нравственное безобразіе, Куницынъ рѣшительно не сознаетъ, такъ что Мировичъ принужденъ объяснить ему: „Послушай, Куницынъ, у тебя дѣйствительно, видно, нѣтъ въ головѣ никакого различія между честнымъ и безчестнымъ. Какъ тебѣ самому-то не совѣстно было прилять эти деньги отъ Бургмейера, потому что ты этимъ телерь явно показалъ что продалъ ему любившую тебя женщину, а ты еще платишь этими деньгами за меня, любовника жены Бургмейера. Понимаешь-ли ты какое тутъ слетеніе всевозможныхъ гадостей и мерзостей?“ — „Понимаю я! Извини братъ! говоритъ на это почти сквозь слезы Куницынъ.—Что дѣлать, братецъ, очень ужъ я наюхался розъ-то російскихъ. Тамъ-самъ, нюхнешь мошенниковъ-то, смотришь и самъ сбредилъ!“

Авторъ заключаетъ эту піесу, съ содержаніемъ которой знакомы читатели *Русскаго Вѣстника*, слѣдующими горькими словами: „Прими, Вааль, еще двѣ новыя жертвы! мучь и терзай ихъ сердца и души, кровожадный богъ, въ своихъ огненныхъ когтяхъ! Скоро тебѣ всѣ поклонятся въ этотъ вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ, вѣкъ мѣдныхъ рублей и фальшивыхъ бумагъ!“

„Вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній и надеждъ“—таковъ суровый приговоръ произнесенный авторомъ-сатирикомъ нашему времени. И это не случайная фраза, не одиночное, личное чувствованіе. Общая печаль людей сохранившихъ отъ предшествовавшей эпохи болѣе развитыя и глубокія, болѣе нравственныя требованія, заключается въ нестерпимомъ сознаніи безъидеальности нашего вѣка. Въ этомъ сознаніи задыхаются люди нѣсколько высшей организаціи, тогда какъ умы ординарные, средніе, пришедшіеся какъ разъ по мѣркѣ современному утилитаризму и безпринципности, видятъ въ нынѣшнемъ низкомъ уровнѣ идей и стремленій торжество раціонализма, будто бы составляющаго силу и славу дѣйствующаго поколения. Если этимъ среднимъ умамъ случается подмѣчать въ интеллектуальномъ быту современнаго общества признаки улады, пониженія уровня, они стараются объяснить это преходящее, по ихъ мнѣнію, явленіе случайными причинами, тщательно избѣгая сознаться что только присутствіе въ обществѣ извѣстныхъ идеаловъ можетъ поддерживать его.

Намъ случилось въ предыдущихъ очеркахъ нашихъ оставаться на тѣхъ господствующихъ воззрѣніяхъ современнаго журнализма которыя съ особенною послѣдовательною проводятся г. Пылинымъ въ его литературно-историческихъ статьяхъ въ *Вѣстникѣ Европы*. И на этотъ разъ также мы позволимъ себѣ небольшую ссылку на заключительную главу г. Пылина къ его „характеристикамъ литературныхъ мнѣній“, такъ какъ въ той главѣ авторъ вскользь касается вопроса относящагося къ предмету настоящей статьи.

„Если отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, (говоритъ г. Пылинъ) мы обратимся къ нашему собственному времени,—черезъ промежутокъ въ тридцать и сорокъ лѣтъ, мы увидимъ какъ преждевременны были относительно большинства надежды на литературную и научную самобытность русскаго общества. Не только масса общества, но можно сказать боль-

шинство самой литературы слишкомъ далеки отъ сколько-нибудь серьезнаго пониманія вещей, напротивъ,—не говоря о той низменной литературѣ у которой нѣтъ никакого интереса кромѣ мелкаго прислужничества и денежной аферы, даже въ такихъ кружкахъ которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную рациональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ лонятіямъ и ходячему разчету что смѣшно было бы говорить о присутствіи въ нихъ истинно-критическаго начала. Освѣжающія явленія возникаютъ изрѣдка въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудахъ, иногда приходятъ изъ иностранной литературы,—но большинство национальной литературы относится къ нимъ съ тулымъ непониманіемъ и наглымъ гдерствомъ. Правда, не останавливается рядъ разнообразныхъ изученій историческихъ, экономическихъ и пр., продолжаетъ и возникаетъ вновь дѣятельная фактическая разработка общественной исторіи народнаго быта, — и все это обѣщаетъ нѣкогда полезныя результаты, но въ данную минуту еще мало оказываетъ дѣйствія на общественное мнѣніе массы. Современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ. Правда многіе относятъ его причину только ко вѣвшимъ репрессивнымъ мѣрамъ, — и ихъ вліянія невозможно не признать, — но быстрое обвднѣніе литературы въ общественно-критическомъ направленіи все-таки показываетъ какъ мало въ самомъ обществѣ тѣхъ живыхъ интересовъ сила и слабость которыхъ всегда отражается въ литературѣ..“

Со стороны г. Пылина конечно очень смѣло высказать такое отрицательное мнѣніе о современной литературѣ послѣ того какъ воѣ предыдущія статьи его были направлены къ прославленію и возвеличенію журнализма нашихъ дней надъ литературой Пушкина и Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, если современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ, если къ серьезнымъ литературнымъ явленіямъ большинство выѣшней печати относится съ тулымъ непониманіемъ и наглымъ гдерствомъ, то въ чемъ же заключается великое значеніе „освободительныхъ идей“ развитіе которыхъ послѣ Пушкина и Гоголя г. Пылинъ такъ радостно привѣтствовалъ? Сравнивая просвѣтительное движеніе сороковыхъ годовъ съ журнальными требованіями нашего времени, г. Пылинъ замѣчаетъ:

„Есть пункты различія, гдѣ люди сороковыхъ годовъ (то-есть люди тогдашнихъ просвѣтительныхъ лонятій) уже не сходились съ новыми локотвнями, гдѣ взгляды первыхъ могли не удовлетворять, могли казаться ошибочными и узкими даже и въ томъ случаѣ еслибы нисколько не отступили отъ своего первоначальнаго типа. Первые были больше идеалисты

и отвлеченные либералы, когда вторые больше чувствовали реальные стороны жизни, науки и искусства. Эта существенная разница весьма помята. Первые начинали то дѣло которое продолжали вторые, и продолженіе естественно встрѣчало новыя стороны предмета, ближе опредѣляло прѣдмѣтъ, отъ вещей общихъ приходило къ частностямъ, отъ отвлеченныхъ, къ практическимъ. Съ другой стороны, измѣнилось направленіе европейской мысли, которая продолжала оказывать сильное вліяніе на содержаніе нашей образованности. Первые больше были подъ вліяніемъ отвлеченно-философскихъ, обще-историческихъ изученій, или встрѣчались съ ученіями социальными въ ихъ самой крайней идеалистической формѣ у французскихъ социалистовъ, которые могли дать только самыя общія черты своего отдаленнаго идеала. Вторые уже не видѣли безусловнаго господства отвлеченной философіи, и болѣе знакомы были уже съ ея послѣдними развитіями у лѣвой стороны гегелианства, или съ новыми изслѣдованіями въ области естественной философіи; изученія историческія приняла болѣе широкій и положительный характеръ который представляла теперь сама европейская литература и который обнаруживался также и въ нашихъ собственныхъ изученіяхъ своего прошедшаго; политико-экономическія ученія новѣйшаго времени оставили почву отвлеченнаго социализма, и говорили о достиженіи лучшаго устройства экономическихъ отношеній, уже не фантастическими, но въ дѣйствительности возможными средствами, напримѣръ извѣстными учрежденіями, развитіемъ по операціи въ государственной инициативы или подъ его прямымъ вѣдѣніемъ, и т. д.“

Итакъ, весь прогрессъ новаго времени, новыхъ поколѣній заключается; по сознанію самого г. Пылева, въ томъ что литература и наука спустились съ вершинъ общихъ идей, отвлеченной философіи и идеалистическаго социализма къ разработкѣ частныхъ, реальныхъ практическихъ сторонъ жизни, науки и искусства. Но вѣдь это и есть безоцѣнный приговоръ надъ нашимъ временемъ, это и есть самый рѣшительный показатель того жалкаго уладка къ которому пришли нравственные и интеллектуальные интересы современнаго общества. Мы смѣемся надъ отвлеченностью, надъ идеализмомъ предшествовавшихъ поколѣній, забывая что въ этой идеалистической отвлеченности жилъ дѣйствующій и творящій философскій духъ, создавшій европейскую культуру, европейскій гуманизмъ, европейское превосходство надъ всѣми частями свѣта. Если мы еще не перестали толковать о значеніи идеи, если мы еще притворяемся поклоняющимися великимъ двигателямъ человѣческаго про-

гресса, людямъ *идеи*, то должны же мы признать что есть нѣчто высшее въ этомъ творящемъ философскомъ духѣ уладокъ котораго такъ зловѣще ощущается въ современномъ обществѣ. Ни Кантъ, ни Шеллингъ, ни Гете, ни Байронъ не выдумали ни одной машины, ни устроили ни одной рабочей ассоціаціи на кооперативномъ началѣ; но они возбуждали человѣческой умъ, указывали ему высшія и благороднѣйшія области, напоминали обществу о его духовныхъ интересахъ, озаряли жизнь присутствіемъ идеаловъ. И въ результатѣ *они* творили исторію образованнаго человѣчества....

Напрасно думаютъ средніе умы нашего времени будто для поднятія упавшаго литературнаго и общественнаго уровня совершенно достаточно дать печати большую независимость, удалить отъ нея внѣшнія стѣсненія. Сила печатнаго слова заключается не въ одной внѣшней независимости, но также и въ плодотворности внутренняго содержанія.

„Вѣкъ безъ идеаловъ“, таковъ приговоръ нашему времени. Но въ этомъ отсутствіи идеаловъ прежде всего виновата конечно литература. Напрасно г. Пыпинъ сѣтуетъ будто „быстрое обѣднѣніе литературы въ общественно-критическомъ направленіи показываетъ какъ мало въ самомъ обществѣ тѣхъ живыхъ интересовъ сила и слабость которыхъ всегда отражается въ литературѣ“. Говорить такимъ образомъ значитъ заставить литературу и общество помѣняться мѣстами, поставить последнее впереди первой. Общество вездѣ и во все времена заимствовало свои идеалы изъ литературы; плохо если оно начинаетъ вырабатывать ихъ само изъ себя, изъ своего средняго уровня. Разработка практическихъ вопросовъ жизни никогда не уйдетъ отъ насъ, но для того чтобы въ самомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ чувствовалась гуманная, животворящая идея, необходимо имѣть впереди себя извѣстные идеалы, творимые свободнымъ философскимъ духомъ. Вѣкъ безъ идеаловъ, вѣкъ безъ будущности, безъ имени, какое-то тусклое пятно въ исторіи.

А.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ пересылкою 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТ-ΘЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 60 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

УЧЕНІЕ ДАРВИНА

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

МІРА ОРГАНИЧЕСКАГО И ЧЕЛОВѢКА *

(ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.)

VII.

Обратимся наконецъ къ человѣку и посмотримъ съ какимъ успѣхомъ Дарвинъ прилагаетъ свою теорію къ объясненію происхожденія его физической организаціи, столь отлично отъ организаціи другихъ тварей. Здѣсь затрудненіе для теоріи Дарвина, по нашему мнѣнію, достигаетъ высшей степени. Онъ не могъ рѣшиться приложить свою теорію къ происхожденію человѣка. Издавая свое сочиненіе *О происхожденіи видовъ*, онъ отказывался отъ изслѣдованія этого вопроса, и видѣлъ въ немъ задачу для будущаго времени. Онъ говорилъ: „въ отдаленномъ будущемъ, предвижу я, откроются еще новыя, еще болѣе важныя области. Прольется свѣтъ и на происхожденіе человѣка, и на его исторію“. ** Очевидно, Дарвинъ въ это время еще глубоко сознавалъ безсиліе науки

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

** Стр. 386.

пролить свѣтъ на происхожденіе человѣка. Но онъ не удержался на этомъ осторожномъ пути. Теперь уже ему кажется что только невѣжество можетъ утверждать что о происхожденіи человѣка нельзя ничего узнать и сказать определеннаго съ точки зрѣнія естествознанія. Въ своемъ сочиненіи: *Происхожденіе человѣка*, Дарвинъ уже съ самоувѣреніемъ замѣчаетъ: „много разъ съ увѣренностію высказывалось голословное мнѣніе что происхожденіе человѣка никогда не будетъ узнано. Невѣжеству удастся внушить довѣріе чаще чѣмъ знанію, и обыкновенно не тѣ которые знаютъ много, а тѣ которые знаютъ мало, всего громче кричатъ что та или другая задача никогда не будетъ рѣшена наукой“. * Весьма замѣчательно что Дарвинъ въ послѣднемъ сочиненіи еще разъ заявляетъ что хотя „онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ собираетъ замѣтки о происхожденіи человѣка, но безъ всякаго намѣренія печатать что-либо объ этомъ предметѣ, скорѣе съ положительнымъ намѣреніемъ не выпустить своихъ замѣтокъ въ свѣтъ“, и только лестный отзывъ какого-то ученаго теорія Дарвина отъ „такого естествоиспытателя какъ Карлъ Фогтъ“ побуждаетъ его издать сочиненіе о происхожденіи человѣка. ** Намъ кажется весьма замѣчательнымъ въ этомъ признаніи самого Дарвина то что онъ рѣшается издать свое сочиненіе не потому что обладаетъ какими-нибудь серьезными данными для рѣшенія вопроса, не потому что уже настало время бросить свѣтъ на происхожденіе человѣка, что самъ Дарвинъ такъ недавно предоставлялъ отдаленному будущему, но единственно потому что самолюбіе его было польщено пріемомъ оказаннымъ его теоріи въ средѣ естествоиспытателей. И вотъ онъ пишетъ о происхожденіи человѣка, хотя наука и ея данныя не уполномочиваютъ его на то. Спрашивается: это ли серьезное отношеніе ученаго къ наукѣ?

Отъ кого произошелъ человѣкъ по Дарвину, если разсматривать по его физическому строенію? Для нашего естествоиспытателя этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно: человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, о чемъ онъ и говоритъ какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ. Но видовъ обезьяны не мало: отъ какой же именно извѣстной намъ обезьяны происходитъ чело-

* Томъ I, стр. XI. Введеніе.

** Тамъ же, стр. 7—8.

вѣкъ? Къ удивленію, оказывается что ни одну изъ современныхъ намъ обезьянъ нельзя признавать за родоначальницу человѣка. „Не должно впадать въ ошибку, предполагая что древній родоначальникъ человѣка былъ тождественъ или близко сходенъ съ какою-либо изъ существующихъ нынѣ обезьянъ“. * Отъ какой же обезьяны произошелъ человѣкъ если онъ не происходитъ ни отъ одной изъ извѣстныхъ намъ обезьянъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Дарвинъ увѣряетъ что человѣкъ произошелъ отъ нѣкоей не существующей въ настоящее время обезьяны, но лишь предполагаемой имъ. Другими словами, Дарвинъ силою своего воображенія создаетъ обезьяну которая нужна для его теоріи о происхожденіи человѣка, — и этотъ фактъ воображенія выдаетъ какъ фактъ естествознанія. Ознакомимся же покороче съ этою неизвѣстною намъ обезьяною. „Что касается величины тѣла, то мы не знаемъ (?) произошелъ ли человѣкъ отъ какого-нибудь сравнительно малаго вида обезьянъ въ родѣ Шимпанзе или такого мощнаго какъ Горилла; поэтому не можемъ сказать сталъ ли человѣкъ мощнѣе и сильнѣе, или, наоборотъ, меньше и слабѣе своихъ прародителей. При этомъ однакожь надобно имѣть въ виду что животное обладающее большимъ ростомъ, силою и дикостію, и способное подобно Гориллѣ защищаться отъ всѣхъ враговъ, едва ли сдѣлается общественнымъ; это обстоятельство всего болѣе помѣшало бы развитію у него его высшихъ духовныхъ способностей, какъ напримѣръ симпатіи и любви къ ближнимъ. Поэтому для человѣка было безконечно выгоднѣе (въ особенности для Дарвиновой теоріи!?) происходить отъ сравнительно слабой формы.“ ** Не находя ни одинъ видъ изъ нынѣ существующихъ обезьянъ тождественнымъ или даже близко схожимъ съ нашимъ прародителемъ-обезьяною, Дарвинъ однакожь не хочетъ оставаться, объясняя происхожденіе человѣка естественнымъ путемъ, при х; онъ хочетъ увѣрить что эта искомая обезьяна, по всей вѣроятности, принадлежала къ той группѣ обезьянъ которая нынѣ извѣстна съ именемъ узконосыхъ. „Человѣкъ, говоритъ Дарвинъ, по строенію своихъ зубовъ, ноздрей и нѣкоторыхъ другихъ особенностей принадлежитъ безспорно къ узконосымъ обезьянамъ Старога Свѣта; онъ не представляетъ ни въ чемъ близкаго сходства,

* Происхожденіе человѣка. Томъ I, стр. 224.

** Тамъ же, стр. 174.

съ обезьянами Новаго Свѣта. Слѣдовательно, заключаетъ Дарвинъ, едва ли можно сомнѣваться что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны Стараго Свѣта и что съ генеалогической точки зрѣнія онъ долженъ быть отнесенъ къ отряду узконосыхъ.“ * Дарвинъ не ограничивается тѣмъ что указываетъ въ какомъ видѣ вообще должно представлять себѣ родоначальника человѣка, онъ обязательно разъясняетъ намъ и частности организациі предполагаемаго родоначальника человѣческаго. Вотъ этотъ портретъ прародителя человѣческаго: „Древніе родоначальники человѣка были безъ сомнѣнія покрыты нѣкогда волосами, и оба пола имѣли бороды; ихъ уши были заострены и подвижны, а тѣло снабжено хвостомъ съ принадлежащими къ нему мышцами, которыя появляются лишь случайно у тепершняго человѣка. Главная артерія и нервъ плеча проходили чрезъ надмышечное отверстіе. Въ этотъ или еще болѣе ранній періодъ кишки образовывали еще большій слѣпой мѣшокъ чѣмъ существующій теперь у человѣка. Нога, судя по формѣ большаго пальца у зародыша, была въ это время хватательнымъ орудіемъ; наши предки были безъ всякаго сомнѣнія древесными животными и населяли какую-нибудь теплую лѣсистую страну. Самцы имѣли большіе клыки, которые служили имъ грознымъ оружіемъ.“ „Еще раньше предки человѣка должны были быть водяными животными“.**

Съ перваго взгляда можетъ показаться не совсѣмъ яснымъ почему Дарвинъ такъ настойчиво говоритъ о нетождественности нынѣ существующихъ видовъ обезьянъ съ предполагаемымъ родоначальникомъ человѣка. Дѣло становится яснымъ если возьмемъ во вниманіе фактъ засвидѣтельствованный естествознаніемъ что ни одинъ изъ существующихъ видовъ обезьянъ ни мало не сходенъ съ человѣкомъ. Производить человѣка отъ этихъ видовъ обезьяны значитъ идти на встрѣчу такимъ трудностямъ съ которыми не въ состояніи справиться и самъ остроумный и смѣлый въ гипотезахъ Дарвинъ еслибъ онъ захотѣлъ произвести человѣка отъ обезьянъ дѣйствительно существующихъ. Въ этомъ случаѣ пришлось бы утверждать что человѣкъ произошелъ отъ всѣхъ обезьянъ въ совокупности и ни отъ одной въ част-

* Происхожденіе человека, стр. 221.

** Тамъ же, стр. 233.

ности. Вотъ знаменательныя слова Фогта въ которыхъ высказывается отчаяніе естествоиспытателя еслибъ онъ захотѣлъ производить человѣка отъ какой-нибудь нынѣ существующей формы обезьянъ: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію что каждая изъ человѣкоподобныхъ обезьянъ имѣетъ свои характеристическія особенности, которыми и приближается къ человѣку болѣе своихъ соперницъ: шимпанзе, напримѣръ, формою черепа и устройствомъ зубовъ, орангъ—образованіями мозга, а горилла—строеніемъ конечностей. Ни одна изъ нихъ не стоитъ къ человѣку безусловно ближе всѣхъ другихъ, съ различныхъ сторонъ стремятся онѣ къ типу человѣка, не будучи впрочемъ въ состояніи вполнѣ достигнуть его. Я говорю съ различныхъ сторонъ стремятся къ типу человѣка, потому что и въ самомъ дѣлѣ человѣко-подобныя обезьяны не представляютъ собою высшихъ членовъ одной и той же основной формы, а напротивъ того происходятъ отъ трехъ различныхъ семействъ, которыя въ свою очередь мы можемъ представить себѣ стоящими не одно за другимъ, но параллельно другъ другу.“ * Чтѣ же отсюда слѣдуетъ? То чтѣ высказываютъ естествоиспытатели Шредеръ фонъ-деръ-Колькъ и Броликъ, цитуемые Фогтомъ. „Мы не знаемъ, говорятъ они, ни одного вида обезьянъ который бы составлялъ прямой переходъ къ человѣку, и еслибы кто-нибудь захотѣлъ насильственно производить этого послѣдняго отъ обезьянъ, то ему пришлось бы для этого взять голову у тѣхъ небольшихъ животныхъ которыя группируются вокругъ ревуновъ, руку у шимпанзе, скелетъ у сіаманга, и мозгъ у оранга. Человѣческія черты пришлось бы собирать отъ пяти различныхъ обезьянъ, изъ которыхъ одна водится въ Америкѣ, двѣ въ Африкѣ, одна въ Борнео и одна въ Суматрѣ. Другими словами, прародители человѣка оказались бы до того разсѣянными по землѣ что лишь съ трудомъ можно было бы допустить подобное происхожденіе.“ ** Если въ такомъ отношеніи стоятъ къ человѣку по своему физическому устройству обезьяны, то понятно становится почему Дарвинъ не хочетъ признавать ни тождества, ни близкаго сродства нынѣ существующихъ обезьянъ съ первобытнымъ человѣкомъ.

* *Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.* Переводъ, т. II, 1865 стр. 291—292.

** См. у Фогта. *Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.* Т. II, стр. 294.

Дарвинъ очевидно боялся этихъ трудностей съ которыми ему пришлось бы бороться допустивъ сродство человека съ указанными обезьянами. Чтобы выдти изъ этихъ именно трудностей Дарвинъ и рѣшается на чрезвычайно смѣлый шагъ: производить человека отъ такой обезьяны какая когда-то существовала, но какой въ настоящее время не существуетъ. Нужно имѣть много смѣлости чтобы выступить съ такою вполнѣ невѣроятною гипотезой, но Дарвинъ не изъ робкихъ. Для него уже то представляло неоцѣнимыя выгоды въ данномъ случаѣ что никто не въ состояніи противить: правъ ли онъ, вѣрны ли его данныя; притомъ онъ могъ дать своей воображаемой обезьянѣ такой видъ, такую организацію и структуру какія лучше всего могли служить цѣлямъ произведенія человека отъ обезьяны. Выгоды какія извлекаетъ Дарвинъ изъ своихъ представлений о прародителяхъ человека для своей теоріи суть только фиктивные. Подобныя представленія могутъ удовлетворять развѣ только беззащитныхъ приверженцевъ Дарвина. Вѣдь онъ указалъ не какіе-нибудь научные факты которымъ не вѣрить нельзя, а предлагаетъ фантастическіе образы которые не имѣютъ оправданія въ строгой эмпириі. Его представленія не могутъ имѣть значенія пока не оправдаются геологіей и палеонтологіей; но сколько извѣстно, эти науки не даютъ никакихъ подтвержденій для Дарвиновыхъ идей, какъ заявляетъ и самъ этотъ натуралистъ. * Намъ кажется съ такою же основательностію съ какою толкуетъ Дарвинъ о происхожденіи человека можно писать и трактаты о жителяхъ Нелгуна, ихъ религіозномъ и общественномъ устройствѣ и пр. Но что выиграетъ отъ этого наука? Не сдѣлается ли она игрушкой въ рукахъ фантазеровъ? Да, мы думаемъ что Дарвинъ положительно проигрываетъ когда берется доказать то что удаляется отъ анализа эмпирическаго. Слышать такія страшныя вещи отъ ученаго какъ Дарвинъ значитъ убѣждаться въ полномъ безсиліи науки приподнять таинственную завѣсу скрывающую актъ происхожденія человека отъ естественнаго взора. Только отказавшись отъ служенія строгой наукѣ можно поступать какъ поступаетъ Дарвинъ: открыто признавать что мы „не знаемъ“ отъ кого именно могъ бы произойти че-

* *Происхожденіе человека*. Т. I. стр. 226.

ловѣкъ если его разсматривать какъ продуктъ натурального развитія міра органическаго, и въ то же время расписывать опредѣленными красками этого неизвѣстнаго наукѣ прародителя челоуѣка, приводя въ подтвержденіе своихъ представлений единственно такой аргументъ что челоуѣка „безконечно выгодноѣ“ производить отъ такой, а не отъ другой формы обезьяньей породы. Все это мы говоримъ не съ тѣмъ чтобъ отражать нападки дѣлаемые Дарвиномъ на общераспространенное ученіе о созданіи видовъ, мы думаемъ что самая фантастичность теоріи Дарвина есть лучшее опроверженіе оной, а затѣмъ чтобъ указать въ безсиліи подобныхъ теорій вообще некомпетентность современнаго естествознанія въ вопросѣ о происхожденіи челоуѣка. „Мы должны откровенно сознаться, говоритъ антропологъ Вагнеръ, что опытное естествознаніе не имѣетъ никакихъ аналогій въ пользу преобразованія обезьяны въ челоуѣка. Чтѣ вынуждаетъ изслѣдователя составлять извѣстные взгляды, для подтвержденія которыхъ нѣтъ никакихъ фактовъ? Ровно ничего; напротивъ, любовь къ истинѣ должна запрещать это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Правда, для многихъ трудно, или даже вовсе невозможно дойти до сознанія что они ничего не могутъ сдѣлать для какого-либо вопроса, но логика и чисто научные интересы требуютъ остановиться тамъ гдѣ оканчиваются выводы на основаніи фактовъ. Если какой-либо взглядъ имѣетъ за себя не положительныя доказательства, а только то что онъ вообще соотвѣтствуетъ извѣстному взгляду на природу, то въ такомъ случаѣ его нельзя не признать въ высшей степени слабымъ; противъ себя онъ будетъ имѣть огромное количество противоположныхъ возможностей.“ * Вотъ, по нашему мнѣнію, единственно правильное сужденіе какое можно вывести изъ знакомства съ теоріями о происхожденіи челоуѣка подобными Дарвиновой. Не даромъ съ такимъ недоумѣніемъ и пренебреженіемъ встрѣтили англійскіе натуралисты, даже отверженныя къ Дарвину, его теорію о происхожденіи челоуѣка. ** Дарвинъ называетъ „невѣжествомъ“ утвержденіе что происхожденіе челоуѣка недоступно для знанія, но намъ

* *Антропология первобытныхъ народовъ*. Переводъ 1867. Томъ 1, стр. 190.

** См. *Русскій Вѣстникъ* 1871 года, № 5, статью: „Англійскіе критики о новой книгѣ Дарвина“.

кажется гораздо благоразумнѣе сознавать свое невѣднiе въ неизвѣстномъ вопросѣ, чѣмъ безосновательную притязательность ставить на мѣсто дѣйствительнаго знанiя.

Какъ ни мало естественно-научныхъ данныхъ для сужденiя о происхожденiи человѣка въ физическомъ отношенiи, тѣмъ не менѣе Дарвинъ не останавливается на простомъ предположенiи о происхожденiи человѣка отъ обезьяны, но беретъ на себя задачу прослѣдить и самый процессъ какимъ совершилась метаморфоза человѣкообразной обезьяны въ настоящаго человѣка, при чемъ воображаемый имъ прародитель человѣка служитъ исходною точкой.

Намъ кажется что не мало должно возбуждать недоумѣнiй и то обстоятельство что въ данномъ случаѣ Дарвинъ отступаетъ отъ простоты своей теорiи, усложняя ее элементами дающими ей совсѣмъ иной видъ. Для объясненiя вообще развитiя мiра органическаго ему прежде казалось достаточно принциповъ „борьбы за существованiе“ и „естественнаго подбора“, въ объясненiи же происхожденiя особенностей устройства человѣка этихъ принциповъ оказывается уже мало, понадобились другiе принципы; теорiя измѣняетъ себя. Думаемъ что всякiй согласится съ этимъ кто прочтетъ слѣдующiя объясненiя Дарвина касательно принциповъ которымъ подчинялось физическое развитiе человѣка. „У человѣка постоянно проявляются индивидуальныя различiя во всѣхъ частяхъ тѣла. Эти различiя обуславливаются *повидимому* тѣми же общими причинами и слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же законамъ какъ и у низшихъ животныхъ. Человѣкъ стремится размножиться съ большею быстротой чѣмъ позволяютъ его средства къ существованiю; вслѣдствiе этого по временамъ онъ подвергается жестокой борьбѣ за существованiе, и естественный подборъ вступаетъ въ свои права во всемъ что входитъ въ кругъ его дѣйствованiя; легко колеблющiяся измѣненiя въ недѣлимомъ достаточны для дѣйствiя естественнаго подбора. Мы можемъ быть увѣрены что наследственныя результаты продолжительнаго *употребленiя* или *неупотребленiя* частей тѣла дѣлали весьма много въ томъ же направленiи какъ и естественный подборъ. Когда измѣнена какая-нибудь одна часть, другiя измѣняются въ силу *принципа* соотношенiя. *Нѣкоторыя* черты *могутъ* быть приписаны прямому и опредѣленному влиянiю окружающихъ жизненныхъ условiй, каковы напримѣръ обильная лица, жаръ или

сырость. Наконецъ, многія черты *маловажныя* по своему фізіологическому значенію, а *нѣкоторыя и очень важныя* были пріобрѣтены путемъ *половаго подбора*.^{*} Изъ этихъ объясненій Дарвина легко видѣть что его претензіи на простоту своихъ принциповъ, о которой онъ заявлялъ въ своемъ сочиненіи *О происхожденіи видовъ*, не имѣютъ уже мѣста какъ скоро ему пришлось говорить о происхожденіи человѣка. Происхожденіе человѣка, по этому объясненію Дарвина, является результатомъ слишкомъ многихъ принциповъ. Но замѣчательно, Дарвинъ однако жъ сознаетъ что и всего того чѣмъ онъ хочетъ объяснить происхожденіе человѣка въ сущности еще не достаточно для цѣли. Онъ находитъ что быть-можетъ и еще дѣйствовали въ этомъ случаѣ какіе-нибудь законы, о которыхъ мы ничего не знаемъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ перечисливъ сейчасъ указанные принципы дѣйствовавшіе въ происхожденіи человѣка: „путемъ перечисленныхъ способовъ и *можетъ-быть съ помощью другихъ еще не открытыхъ въ настоящее время* человѣкъ поднялся наконецъ до своего теперешняго состоянія.“^{**} Вообще сужденія Дарвина о принципахъ условливавшихъ происхожденіе частныхъ организацій человѣка имѣютъ такую форму: такая-то и другая особенность тѣлесная произошла или отъ того, или отъ другаго, или отъ третьяго, если же не отъ этого, то отъ какой-нибудь неизвѣстной причины, не открытой въ настоящее время. Вотъ языкъ Дарвиновой точной науки.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній касательно разъясненія происхожденія той или другой особенности человѣческой организаціи. Дарвинъ придаетъ большое значеніе способности человѣка оставаться въ вертикальномъ положеніи и обладанію двумя свободными руками. „Человѣкъ, говоритъ Дарвинъ, одинъ сталъ двуногимъ, и мы можемъ, я думаю, *отчасти понять* какимъ образомъ онъ дошелъ до вертикальнаго положенія, составляющаго одно изъ наиболѣе рѣзкихъ отличій его отъ ближайшихъ родственниковъ (то-есть обезьянъ). Человѣкъ не могъ достигнуть своего настоящаго *преобладающаго положенія въ степѣ* безъ рукъ, которыя такъ удивительно приспособлены къ дѣйствіямъ по указанію воли. Однако руки едва ли бы могли усовершенствоваться настолько

* *Происхожденіе человека*, томъ II, стр. 431.

** Тамъ же, стр. 432.

чтобы выдѣлывать оружіе, чтобы метать камни въ цѣль, пока ими пользовались для передвиженій и для поддержанія всего вѣса тѣла или пока онѣ специально были приспособлены къ лазанью по деревьямъ. Такое грубое употребленіе притупило бы въ то же время чувство осязанія, отъ котораго очень много зависитъ ловкое владѣніе руками. *Уже по этому одному челотку выгодно было стать двуногимъ; кромѣ того при многихъ дѣйствіяхъ почти необходимо чтобъ обѣ руки и вся верхняя часть туловища были свободны, а для этого онъ долженъ твердо стоять на ногахъ. Чтобы достигнуть этой значительной выгоды, ноги должны были сдѣлаться плоскими и большіе пальцы на ногахъ видоизмѣниться особеннымъ образомъ, что вело за собою потерю хватательной способности.* ** Совершенно согласны что способность человѣка держаться вертикально и обладаніе двумя свободными руками даютъ ему „преобладающее положеніе въ свѣтѣ“. Интересно знать: *какъ же, при какихъ условіяхъ, одинъ или многіе изъ нашихъ „ближайшихъ родственниковъ“—обезьянъ пришли къ этимъ особенностямъ организаціи? Мы кажется не вправѣ ожидать отъ Дарвина точнаго и обстоятельнаго разясненія вопроса, потому что онъ самъ находитъ что только „отчасти можно понять“ какъ случилась такая метаморфоза. Пусть такъ; удовольствуемся неполнымъ объясненіемъ, объясненіемъ отчасти. Въ чемъ же состоитъ это объясненіе? Но Дарвинъ въ сущности не объясняетъ дѣла, хотя бы и отчасти. Въмѣсто всякихъ объясненій, или пожалуй въ видѣ объясненія, онъ говоритъ только: „Если челотку выгодно имѣть руки свободными и стоять твердо на ногахъ, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія при его выдающихся успѣхахъ въ жизненной борьбѣ, то я не вижу почему бы не было выгодно для прародителей челотка принимать болѣе и болѣе вертикальное положеніе и дѣлаться двурукими.* ** Вотъ и все чѣмъ объясняетъ Дарвинъ переходъ человѣка изъ положенія горизонтальнаго, которое было свойственно его прародителю, къ вертикальному, которое сдѣлалось особеннымъ его отличіемъ. Говоримъ: вотъ и все чѣмъ объясняетъ Дарвинъ сказанный переходъ, если не считать заслуживающимъ какого-нибудь вниманія слѣдующее замѣчаніе брошенное мимохо-

* Тамъ же, томъ I, стр. 156—157.

** Тамъ же стр. 158.

домъ: „какъ скоро какой-либо древній членъ длиннаго ряда приматовъ, * вслѣдствіе ли перемѣнъ въ способѣ добыванія средствъ къ жизни или по причинѣ перемѣнъ въ условіяхъ родной страны, сталъ жить нѣсколько меньше на деревьяхъ и больше на землѣ, измѣнялся и его способъ хожденія и онъ долженъ былъ сдѣлаться двуногимъ животнымъ“. ** Быть-можетъ для кого-нибудь ясны подобныя сужденія, для насъ же нѣсколько. Неотвязчивый вопросъ: какъ совершилась данная метаморфоза остается ни мало не разрѣшеннымъ. Въ какомъ положеніи находился напримѣръ нашъ ближайшій родственникъ когда онъ, переставъ употреблять верхнія конечности для хожденія, не приучилъ еще ихъ и къ цѣлесообразной дѣятельности въ смыслѣ рукъ, потому что вѣдь конечно это совершилось постепенно? Было ли такое неопредѣленное положеніе выгодно въ борьбѣ за существованіе, когда онъ, безъ сомнѣнія, въ началѣ отучаясь лазить по деревьямъ, не могъ еще привыкнуть бѣгать на заднихъ конечностяхъ? Не былъ ли онъ въ этомъ случаѣ подобенъ спутанной лошади по удобству въ передвиженіи и защитѣ отъ враговъ? Этотъ переходный моментъ весьма интересно было бы изучить (если только онъ возможенъ), и однакожъ Дарвинъ не хочетъ брать на себя трудъ всесторонняго объясненія факта постепеннаго перехода обезьяны лазающей въ человѣка ходящаго.

Но удивленіе наше увеличивается когда не доказанный фактъ перехода родоначальника человѣческаго обезьяны изъ положенія горизонтальнаго въ вертикально естановится однакожъ существеннѣйшимъ и важнѣйшимъ пунктомъ откуда, по Дарвину, объясняются уже будто бы сами собою всѣ другія особенности человѣческой организаціи. Вертикальное положеніе человѣка есть ключъ, по Дарвину, къ разгадкѣ сложнаго и достопримѣчательнаго устройства человѣческаго тѣла. „Когда прародители человѣка, поучаетъ онъ, приняли болѣе и болѣе вертикальное положеніе и руки ихъ все сильнѣе видоизмѣнялись ради хватанія и другихъ цѣлей, а ступени и ноги въ то же время измѣнялись для твердой поддержки тѣла и передвиженія, множество другихъ измѣненій въ строеніи сдѣлалось необходимымъ. Тазъ долженъ былъ сдѣлаться

* Такъ Линней называетъ высшія породы обезьянъ.

** Томъ I, стр. 156.

шире, позвоночникъ изогнулся особеннымъ образомъ и голова установилась въ другомъ положеніи. *Человѣкъ прошелъ всѣ эти измѣненія.* * Положимъ что человѣкъ прошелъ всѣ эти измѣненія, но дайте же объясненіе факта: какимъ образомъ такое простое явленіе какъ вертикальное положеніе человѣка вело за собою такое замѣчательное слѣдствіе—полное измѣненіе всей структуры человѣческаго тѣла? Дарвинъ, для уясненія дѣла, хотя и прибѣгаетъ къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ объясненіямъ, вообще же не можетъ не заявлять что и онъ также затрудняется наглядно представить дѣло; „очень трудно рѣшить, говоритъ онъ, насколько эти соотносительныя измѣненія суть послѣдствія естественнаго подбора и насколько они обусловлены унаслѣдованнымъ влияніемъ, усиленнымъ улаженіемъ извѣстныхъ частей или дѣйствіемъ одной части на другую.“ ** Спрашивается: если это такъ трудно объяснить, то на чемъ же строится его теорія? Неужели трудность пониманія должна быть доказательствомъ несомнѣнности факта? Какъ ни много придаетъ значенія Дарвинъ въ вопросѣ о происхожденіи физической организаціи человѣка предполагаемому имъ переходу прародителя человѣческаго изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное, тѣмъ не менѣе ему однакожь не удается вывести изъ этого факта всѣхъ особенностей человѣческой организаціи. Непреодолимая трудность представляется для него въ особенности при объясненіи происхожденія даннаго объема мозга человѣческаго и обнаженія человѣка, то-есть факта потери человѣкомъ волосныхъ покрововъ какія встрѣчаемъ у обезьянъ. Въ доказательство происхожденія этихъ особенностей человѣческой организаціи, Дарвинъ прибѣгаетъ къ объясненіямъ которыя способны возбудить только возраженія. Такъ все объясненіе, сравнительно съ обезьяньимъ, большаго объема мозга человѣческаго заключается въ такихъ сужденіяхъ: „Съ постеленнымъ развитіемъ умственныхъ способностей мозгъ почти навѣрное увеличился. Никто, я думаю, не сомнѣвается что относительно большій объемъ мозга у человѣка въ сравненіи съ мозгами гориллы тѣсно связанъ съ его болѣе высокими умственными способностями. Мы встрѣчаемъ совершенно аналогическіе примѣ-

* *Происхожденіе человека*, т. I. стр. 159.

** Тамъ же.

ры въ насѣкомыхъ.“ * Совершенно справедливо; но отвѣчаютъ ли объясненія на вопросъ: какъ мозгъ обезьяны превратился въ мозгъ человѣка? Едвали. Въ самомъ дѣлѣ, Дарвинъ въ этомъ случаѣ вовсе забываетъ что онъ говоритъ о развитіи мозга человѣка на ступени животнаго міра: онъ отправляется отъ „высшихъ умственныхъ способностей“ какъ факта уже существующаго въ породѣ человѣкообразной обезьяны, тогда какъ ему слѣдовало бы говорить о различіи мозга какъ явленію условливающемъ появленіе высшихъ умственныхъ способностей; иначе выйдетъ что душа человѣческая или разумъ человѣческій, или специфическія способности умственныя отличающія человѣка, будутъ существовать помимо, независимо, ранѣ физической организаціи какою они для своихъ цѣлей пользуются. То-есть человѣкъ какъ сумма извѣстныхъ способностей будетъ предварять въ своемъ бытіи того прародителя человѣческаго какаго отыскиваетъ Дарвинъ. Но будетъ ли это объяснять происхожденіе человѣка? Не думаемъ. Такъ же неудачно объясняетъ Дарвинъ и фактъ лишенія прародителемъ человѣка волосныхъ покрововъ. „Рѣзкое отличіе человѣка отъ животныхъ низшихъ состоитъ въ томъ что кожа у него голая“, говоритъ Дарвинъ. ** Отъ чего же это случилось? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Дарвинъ замѣчаетъ: „Такъ какъ у женщинъ на тѣлѣ меньше волосъ чѣмъ у мужчинъ, то мы въ правѣ заключать что наши получеловѣческіе родоначальники были въ началѣ до нѣкоторой степени бѣдны волосами. По мѣрѣ того какъ наши родоначальницы постепенно приобрѣтали этотъ новый признакъ, онъ должны были передавать его въ равной мѣрѣ молодымъ потомкамъ обоихъ половъ. Нѣтъ ничего удивительнаго что частная утрата волосъ считалась украшеніемъ у обезьяноподобныхъ родоначальниковъ человека. Мы видимъ что у животныхъ всѣхъ родовъ странныя особенности имѣли подобное же значеніе.“ *** Такое объясненіе нельзя считать удовлетворительнымъ: во-первыхъ, оно допускаетъ ничего не объясняющій фактъ что человѣкъ потому обнаженъ что его обезьяноподобные прародители были лишены до извѣстной степени волосныхъ покрововъ; рождается

* *Происхожденіе человека*. Т. I. стр. 161.

** Тамъ же, стр. 164.

*** Тамъ же. Т. II, стр. 420.

вопросъ: а они почему были обнажены? Вотторыхъ, если и допустить что обнаженіе унаслѣдовалось при естественномъ или точнѣе половомъ подборѣ, какъ пріятное украшеніе въ женскихъ особяхъ обезьяноподобныхъ прародителей человѣка, то противъ подобнаго допущенія будетъ говорить борода мужчины, которая также унаслѣдовалась, по толкованію Дарвина, какъ пріятное украшеніе въ мужескихъ особяхъ. * Становится непонятнымъ почему мужескій и женскій полъ человѣческихъ прародителей приобрѣли такіе вкусы: мужчинѣ нравилось оголеніе, а женщинѣ напротивъ волосистость? Во всякомъ случаѣ подобныя объясненія предполагаютъ извѣстныя эстетическія наклонности, притомъ, довольно причудливаго свойства, а съ этимъ, какъ и въ вопросѣ о мозгѣ человѣческомъ—духъ человѣческой допущается какъ напередъ данное, откуда и объясняются особенности человѣка физическія; иначе говоря, при подобномъ толкованіи становятся совершенно напрасными самыя усилія Дарвина открыть происхожденіе человѣка. Онъ уже существуетъ прежде чѣмъ Дарвинъ отыщетъ перваго человѣка въ животномъ мірѣ. Втретьихъ, по словамъ самого Дарвина, оголеніе человѣка есть не болѣе какъ „странность“, и этимъ сказано что эта особенность, какъ и всякая странность, не поддается объясненію. Мы уже не говоримъ о томъ какъ не выгодно было терять человѣку свои волосяные покровы, если на дѣло смотрѣть съ естественной точки зрѣнія по отношенію къ защитѣ отъ дѣйствія вредныхъ вліяній климатическихъ, въ чемъ согласенъ и Дарвинъ. **

Вообще нужно сказать что главныя затрудненія съ которыми необходимо встрѣчается Дарвинъ при изображеніи самаго процесса какимъ произошла эта предполагаемая метаморфоза обезьяны въ человѣка еще остаются скрытыми отъ глазъ нашихъ, когда пытаются лишь болѣе или менѣе отвлеченно утверждать происхожденіе человѣка отъ обезьяны. Но стоитъ только коснуться возможныхъ въ этомъ случаѣ фактическихъ подробностей процесса, какъ парадоксальность гипотезы о происхожденіи человѣка отъ обезьяны выступаетъ со всею ясностію, роняя невозвратно кредитъ гипотезы. Такое разоблаченіе пріятельно для матеріализма, но въ

* Тамъ же, стр. 422.

** Т. I. стр. 165, 166.

сущности неосновательной гипотезы беретъ на себя Бэръ, и тѣмъ самымъ наноситъ рѣшительный ударъ Дарвинизму, поскольку онъ касается вопроса о происхожденіи человѣка. Бэръ дѣлаетъ попытку, по принципамъ установленнымъ Дарвиномъ, произвести человѣка отъ гориллы, одной изъ самыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ. И что же? Что ни шагъ, то затрудненіе, что ни шагъ, то препятствіе. „Какъ достигла, спрашиваетъ онъ, родоначальница горилла что получила человѣческую ногу? Должны ли мы принять что такая родоначальница бросила деревья и начала упражняться въ хожденіи по ровной землѣ? что отъ этого нога постепенно улучшилась, большой палецъ сталъ мало-помалу менѣе отставать отъ другихъ, философская горилла приучилась держаться и стоять отвѣсно?—что когти могутъ выправиться съ теченіемъ времени, въ теченіе тысячелѣтій по крайней мѣрѣ, ноги сдѣлаются длиннѣе, руки и челюсти короче, и наконецъ волосы вылазутъ, кромѣ какъ на головѣ и на нѣкоторыхъ другихъ частяхъ тѣла, гдѣ они, кажется, наименѣе необходимы? Но куда же дѣвается борьба за существованіе? Плоды, которыми обезьяна прежде литалась, растутъ на деревьяхъ, отчего же она не вернется за ними назадъ на деревья, по крайней мѣрѣ въ первое время, если она въ послѣдствіи научилась разводить арбузы, а можетъ-быть и рисъ? И отчего она не останется на деревьяхъ, такъ какъ каждый видъ животныхъ заботится о своемъ сохраненіи. Должно ли принять что всѣ деревья были вдругъ истреблены, или ни одно изъ нихъ не стало приносить плодовъ? Но тогда необходимо должны были бы погибнуть всѣ обезьяны. Или надобно допустить что обезьяны въ теченіи тысячелѣтій упражнялись въ хожденіи по ровной землѣ, и съ земли доставали плоды, чтобы только отвязаться отъ роковой формы руки, и не сохранить ее упражненіемъ въ лазаніи? По это не будетъ борьба за существованіе, а борьба за цивилизацію, которой онѣ должны были предаваться въ продолженіе столѣтій.“ * Съ такими неопредѣленными трудностями должна, по Бэру, бороться гипотеза Дарвина приложенная къ происхожденію человѣка. Человѣкообразная обезьяна скорѣе бы умерла чѣмъ достигла бы преобразованія въ человѣка. Намъ кажется гипотеза Дарвина тѣмъ особенно выигрышаетъ въ

* *Натурализмъ*, стр. 433.

привлекательности что она, витая въ области идеальной, слишкомъ мало обращается къ суровой дѣйствительности; она излагается въ видѣ обольстительныхъ для мысли обобщеній и избѣгаетъ объясненія подробностей происхожденія органическаго царства путемъ такихъ началъ какъ борьба за существованіе и естественный подборъ. Но эмпирическая наука только тогда и будетъ точною когда ею разъяснены всѣ мелочи и частности вопроса. Если же эти научныя требованія поставимъ въ отношеніи къ происхожденію человѣка, то оказывается что Дарвинова гипотеза не только не можетъ разъяснить подробностей процесса происхожденія человѣка,—она чужда какихъ бы то ни было фактовъ разъясняющихъ вопросъ. Бурмейстеръ, напримѣръ, прямо сознается что „напрасно стали бы ожидать отъ нея разъясненія какъ произошелъ человѣкъ, ожидать истинной исторіи возникновенія его, потому что наука для разъясненія этой темы не имѣетъ никакихъ достовѣрныхъ фактовъ“.*

VIII.

Дарвинова гипотеза не ограничивается попыткою разъяснить происхожденіе органическихъ существъ населяющихъ и населявшихъ землю лишь съ одной внѣшней, физической стороны, со всѣмъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ. Она идетъ далѣе, она хочетъ подчинить своимъ принципамъ и развитіе самой внутренней жизни организмовъ, ихъ психическихъ особенностей, она хочетъ сорвать покровъ таинственности облакающей эту сокровенную область.

Какъ ни разнообразны инстинкты животныхъ, какъ ни трудно объяснить ихъ происхожденіе какими-либо внѣшними дѣятелями, Дарвинъ тѣмъ не менѣе сводитъ происхожденіе ихъ къ своему принципу естественнаго подбора. Онъ приписываетъ ему въ этомъ случаѣ точно такую же роль какъ и при образованіи физическаго разнообразія и совершенства организмовъ. „При измѣненныхъ условіяхъ жизни, говоритъ Дарвинъ, излагая сущность своего воззрѣнія на вопросъ, по крайней мѣрѣ возможно чтобы легкія видоизмѣненія въ инстинктѣ принесли пользу виду; и если можно доказать что

* *Geschichte der Schöpfung.*

инстинкты хоть сколько-нибудь измѣнчивы, то я не вижу ничего невѣроятнаго въ томъ чтобъ естественный подборъ охранялъ и накоплялъ уклоненія въ инстинктѣ въ той мѣрѣ какъ они полезны. Такимъ путемъ, по моему мнѣнію, возникли всѣ самыя сложныя и дивныя инстинкты, точно такъ же какъ и черты тѣлеснаго строенія возникаютъ или усиливаются вслѣдствіе изощренія или извѣстнаго образа жизни. Но я думаю что дѣйствіе образа жизни ничтожно въ сравненіи съ дѣйствіемъ естественнаго подбора уклоненій въ инстинктѣ, такъ-сказать, случайныхъ, то-есть обусловленныхъ тѣми же неизвѣстными причинами которыя вызываютъ легкія уклоненія въ тѣлесномъ строеніи.“ *

Очевидно, Дарвиново ученіе о развитіи умственныхъ способностей животныхъ организмовъ не иначе можетъ быть мыслимо какъ при предположеніи какихъ-либо первоначальныхъ простыхъ инстинктовъ, отъ которыхъ и отиравается Дарвинъ, какъ уже отъ давнаго. Не будь чего-либо первоначально въ этомъ родѣ, не было бы и уклоненій, ибо уклоняться можно только отъ чего-нибудь. Какъ же, спрашивается, возникли первые инстинкты, въ чемъ бы они ни состояли? На этотъ вопросъ Дарвинъ отвѣчаетъ отказомъ объяснить фактъ первоначальнаго происхожденія умственныхъ способностей одушевленныхъ организмовъ. „Я долженъ замѣтить, говоритъ онъ, что я не думаю касаться вопроса о первичномъ происхожденіи умственныхъ способностей, какъ не касаюсь вопроса о происхожденіи самой жизни“. ** Но несомнѣннымъ, конечно, должно оставаться для Дарвина то что какіе-либо зачатки инстинктовъ даны животнымъ вмѣстѣ съ бытіемъ. Если такъ, то не будетъ, кажется, ничего страннаго въ предположеніи что сила создавшая первые инстинкты вмѣстѣ съ тѣмъ дала имъ и возможность равнваться все далѣе и далѣе по мѣрѣ надобности, или даже болѣе, сила создавшая первые простые инстинкты могла сообразно съ извѣстными жизненными условіями живыхъ организмовъ разнообразить ихъ и увеличивать качественное ихъ содержаніе. И это не простое предположеніе, котораго хотя и можетъ, на примѣръ, держаться религіозное представленіе, во которое съ полнымъ удобствомъ для натуралиста

* Стр. 170.

** Стр. 168.

можетъ замѣняться предположеніемъ лишь Дарвиновскихъ началъ. Нѣтъ, къ нему необходимо приходимъ, потому что есть факты которые положительно идутъ противъ воззрѣній Дарвина на происхожденіе инстинктовъ чрезъ постепенное усовершенствованіе ихъ естественнымъ подборомъ, съ другой стороны, къ нему же приводитъ обсужденіе самыхъ началъ Дарвина, становящихся здѣсь въ неразрывное противорѣчіе съ собою.

Дарвинъ основываетъ свое ученіе о постепенномъ усовершеніи инстинктовъ на предположеніяхъ двоякаго рода: на томъ что возникновеніе такого или другаго инстинкта есть простой случай, такъ что отъ неизвестной причины возникшій инстинктъ, становясь наследственнымъ, переходитъ на потомство и упрочивается,—а на томъ что инстинкты измѣнимы и усовершенны до безконечности.

Не то свидѣтельствуютъ живые факты. Опытомъ дознаемо что хотя въ домашнемъ состояніи животныхъ измѣняются относительно инстинкта, но эти измѣненія должны стоять въ тѣсной связи съ инстинктами принадлежавшими особямъ въ дикомъ состояніи; какъ скоро эти измѣненія инстинкта не имѣютъ той неразрывной связи съ дикимъ инстинктомъ животного, они не держатся у него даже того индивидуума которому они принадлежатъ, измѣняемые инстинкты не передаются потомству. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Лайбала, что въ новѣйшее время извѣстная породы собакъ приобрѣли не только множество новыхъ свойствъ и качествъ, но и передали ихъ потомству. Но въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ замѣтить что такія новыя особенности имѣютъ близкое отношеніе къ нравамъ животного въ дикомъ состояніи. Какъ въ общемъ правилѣ, замѣчаетъ онъ, я вполнѣ согласенъ съ Кювье что при изученіи нравовъ животныхъ мы должны приписывать ихъ домашнія свойства видоизмѣненію инстинктовъ вложенныхъ въ нихъ отъ природы.“ * И ничто такъ не доказываетъ вѣрности этого предположенія какъ тотъ фактъ что нѣкоторыя привычки усвоенныя животными не становятся наследственными, слѣдовательно не дѣлаются инстинктами въ собственномъ смыслѣ слова. „Свинья была приучена къ охотѣ и стояла надъ дичью съ величайшимъ рвеніемъ и твердостью, но такое случайное приобретеніе не обратилось въ

* Геологія Лайбала, т. II, стр. 291—2.

наследственность". * Известны также примѣры что птицы выучиваются выговаривать какія-либо слова, но эта привычка также не удерживается въ потомствѣ. Еслибы инстинкты были случайнымъ явленіемъ, какъ представляетъ дѣло Дарвинъ, въ такомъ случаѣ подобные факты были бы необъяснимы съ его точки зрѣнія. Если разнообразіе инстинктовъ, по Дарвину, есть унаслѣдованіе случайныхъ явленій въ инстинктахъ животныхъ, то нѣтъ видимой причины почему бы не удерживаться всякому инстинкту. Нельзя утверждать ни того что извѣстный инстинктъ не удерживается потому что онъ не сообразенъ съ природою животного, — это бы значило допускать что инстинкты животныхъ въ своемъ развитіи имѣютъ предѣлы, чего не допускаетъ теорія Дарвина. Нельзя утверждать и того чтобъ извѣстные инстинкты не удерживались въ потомствѣ лишь потому что они бесполезны особямъ; это возраженіе устраняется легко тѣмъ что сохраняются же многіе другіе инстинкты въ животныхъ которые также бесполезны для вида, напримѣръ способность подавать убитую дичь охотнику и т. д. Слѣдовательно указанные факты ненаслѣдованія нѣкоторыхъ инстинктовъ могутъ быть объясняемы именно тѣмъ чѣмъ они и должны быть объясняемы съ точки зрѣнія Кювье и Ляйбля: они не были въ связи съ дикими инстинктами животныхъ. А это значитъ что не всякое случайное измѣненіе въ привычкахъ животного можетъ быть унаслѣдовано, какъ инстинктъ, потомствомъ, а только то что гармонируетъ съ природою животного, и слѣдовательно въ самой природѣ напередъ положены задатки извѣстнаго рода инстинктовъ, слѣдовательно инстинкты суть нѣчто строго условленное природою животного, и Дарвинова теорія случайныхъ измѣненій можетъ имѣть лишь ограниченный характеръ.

Какъ мы сказали, теорія Дарвина въ ученіи о постепенномъ образованіи инстинктовъ основывается между прочимъ на предположеніи безконечной усовершенности инстинктовъ. Конечно, Дарвинъ не можетъ доказать этого положенія фактически; безконечность не подлежитъ удостовѣренію фактами. Тщетно даже мы стали бы искать фактовъ по крайней мѣрѣ постоянно продолжающагося усовершенія инстинкта подъ вліяніемъ человѣка. Строгая эмпірія разрушаетъ подобныя

* Тамъ же, стр. 293.

иллюзии. Примеръ психическаго развитія олововъ служить явнѣйшимъ примеромъ того въ какія строго опредѣляемыя границы заключена возможность развитія психическаго у животныхъ. Нѣтъ животнаго смышленіе слона, и однакожь что представляютъ наблюденія надъ его развитіемъ? Мы знаемъ, говоритъ Лайелль, что достаточно нѣсколькихъ лѣтъ чтобы произвести самое удивительное измѣненіе въ нравѣ животнаго, и хотя бы ту же самую особь продолжали обучать въ теченіе цѣлаго столѣтія, однакоже она не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ общемъ развитіи своихъ способностей. * Чѣмъ объяснить Дарвина подобный фактъ? Отчего бы животному не развиваться все дальѣе и дальѣе при благоприятныхъ обстоятельствахъ? Отчего инстинктъ, по Дарвинову предположенію, столь пластичный въ естественномъ состояніи, сдѣлался столь упрямъ въ искусственномъ состояніи? Отчего въ началѣ дѣло развитія слона идетъ совершенно успѣшно, а потомъ чѣмъ дальѣе тѣмъ хуже? Почему въ естественномъ состояніи природа всегда готова пользоваться отклоненіями въ инстинктѣ, какъ предполагаетъ Дарвинъ, а въ искусственномъ состояніи этого не видимъ? Почему бы слону путемъ постепеннаго развитія не дойти до разумности человѣка? Не очевидно ли что безкомечное усовершеніе психическихъ особенностей, признаваемое Дарвиномъ, существуетъ лишь въ его теоріи и опровергается дѣйствительностію?

Но еслибы даже и не существовало подобныхъ фактовъ, опровергающихъ основы Дарвиновой теоріи, твердость ея оставалась бы все еще подъ сомнѣніемъ. Когда зараждается инстинктъ новый? Тогда ли когда животное еще находится въ утробѣ матери, такъ что животное появляется на свѣтъ уже съ готовымъ инстинктомъ, или же онъ возникаетъ уже въ послѣдствіи, когда индивидуумъ уже нѣсколько времени пользовался какимъ-либо инстинктомъ? Но ни перваго, ни втораго случая допустить нельзя. Допустивъ первое происхожденіе инстинкта отъ чрева матери, Дарвину невозможно было бы такое явленіе помирить съ его ученіемъ о наследственности, притомъ происхожденіе его было бы чѣмъ-то таинственнымъ, загадочнымъ, такъ что для подобнаго происхожденія инстинкта могло бы быть

* Геологія Лайелля. Т. II, стр. 297.

пригодно какое угодно объясненіе, а не Дарвиново. Наконецъ, животное здѣсь уже прежде своего появленія на свѣтъ, являлось бы приспособленнымъ къ извѣстнымъ цѣлямъ, чего не можетъ допустить Дарвинова теорія случайности. Остается допустить что инстинктъ образуется у особи въ то время когда она пользовалась болѣе или менѣе продолжительное время прежнимъ инстинктомъ, такъ что она уже отъ одного инстинкта переходитъ къ пользованію другимъ. Но возможно ли это? Гдѣ болѣе вѣроятности, въ томъ ли чтобы животное оставалось при прежнемъ инстинктѣ, съ которымъ оно уже сжилося, или въ томъ чтобы оно усвоило новый инстинктъ который только - что проявился въ немъ? Не долженъ ли былъ перевѣсъ оставаться на сторонѣ прежняго инстинкта? Извѣстно какъ сильна традиція даже въ жизни человѣческой, а что сказать о животномъ, которое рождается съ извѣстнымъ инстинктомъ? Да притомъ положимъ, животное отъ неизвѣстной причины проявило какое-либо свойство, почему это новое свойство получаетъ перевѣсъ предъ старымъ, почему это новое свойство предпочитается прежнему? Пусть, какъ предполагаетъ Дарвинъ, кукушка какъ-нибудь случайно положила свое яйцо въ чужое гнѣздо, замѣтила выгоду проистекающую отсюда, стала дѣлать такъ чаще и чаще, и вышелъ инстинктъ новый. * Но откуда, спросимъ у Дарвина, взялась въ кукушкѣ способность быть такою разсудительною? Дарвинъ сошлется для объясненія на борьбу за существованіе, но борьба эта не можетъ дѣлать того что несвойственно животному, что превышаетъ его способности. Какъ ни трудно представить себѣ возникновеніе новаго инстинкта, допустимъ однакожь что это дѣйствительно какъ-нибудь случилось. Но этимъ вопросъ объ инстинктѣ съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи не исчерпывается. Нужно чтобы инстинктъ упрочился въ потомствѣ. Что такое Дарвиново случайное измѣненіе въ инстинктѣ какого-либо индивидуума? Это рядъ дѣйствій повторенныхъ какою-либо особью во время ея жизни,—дѣйствій которыхъ не знаютъ другія особи того же вида. Если такъ, то почему же то что составляетъ такъ-сказать *исключительную принадлежность* одной или нѣсколькихъ особей дѣлается *особымъ достояніемъ* всѣхъ потомковъ. Почему же послѣ

* Стр. 176.

этого не наследуются и такія дѣйствія какъ собираніе пчелами меда именно съ такого-то дерева, даже съ такой-то вѣтки и т. д., словомъ, почему же послѣ этого не наследуется вся совокупность дѣйствій предковъ въ потомкахъ? Почему послѣ этого потомокъ въ своей дѣятельности не есть полное повтореніе дѣйствій предка? Этому слѣдовало бы ожидать, еслибы частныя случайныя измѣненія инстинкта пчелы, напримѣръ, въ строеніи ячейки,—измѣненія служація чѣмъ-то постороннимъ и прибавочнымъ въ сравненіи съ тѣмъ инстинктомъ который наследуетъ особь отъ родителей,—переходили, согласно Дарвину, отъ одного поколѣнія къ другому. Случайность какихъ-либо дѣйствій пчелы въ устроеніи ячейки ничѣмъ не отличается отъ случайности всѣхъ другихъ индивидуальныхъ дѣйствій особи. Если не наследуются послѣднія, не должны наследоваться и первыя. Если мы знаемъ что есть нѣчто наследственное и есть нѣчто не наследственное у животныхъ, то мы, вида что къ не наследственному относятся всѣ частныя, индивидуальные дѣйствія животнаго, должны сюда относить и частныя дѣйствія въ строеніи ячейки, если такое когда-либо случилось, а къ наследственному относить все то что повторяется неизмѣнно изъ рода въ родъ. Слѣдовательно частное измѣненіе инстинкта, какъ простое проявленіе индивидуальности, не могло и не должно дѣлаться наследственнымъ. При допущеніи наследственности частныхъ измѣненій въ инстинктъ, остается непонятнымъ еще какимъ образомъ это чисто внѣшнее дѣйствіе переходитъ во внутреннее содержаніе организма. Куда, далѣе, дѣлса прежній инстинктъ, напримѣръ, кукушки, замѣнившись новымъ? Почему первый уступилъ послѣднему? Почему новый именно слѣдлся наследственнымъ, а прежній не наследственнымъ?

IX.

Дарвинова теорія имѣетъ своею задачею объяснить происхожденіе психическихъ особенностей у всѣхъ одушевленныхъ существъ органическаго міра; Дарвинъ не знаетъ предѣловъ для приложенія своей теоріи. Поэтому естественно что его сужденія объ инстинктѣ должны имѣть полное свое приложеніе и къ происхожденію интеллектуальныхъ способностей человека. Если такъ, то, по Дарвину, выходитъ, скажемъ сло-

вами Фромгаммера, что „разумъ, память, воображеніе, воля человѣческаго духа и вся нравственно-историческая жизнь человѣка произошли мало-по-малу при помощи естественнаго подбора, произошли такъ же какъ хвостъ жираффы, или хоботъ слона.“ * Но мыслимо ли это? На это отрицательный отвѣтъ даютъ уже представленія самихъ натуралистовъ о характерѣ психической жизни человѣка, поставляющія человѣка съ полнымъ правомъ выше всего животнаго міра, со всеми его инстинктами. Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ отпачительною особенностію человѣка въ сравненіи со всеми животными поставляетъ мыслительную способность его. Онъ говоритъ: Животное отличается отъ растенія свойственными ему способностями, которыя исчезаютъ тамъ гдѣ кончается животный міръ, только вслѣдствіе обладанія этими способностями (ощущенія и движенія), животный міръ возвышается до особеннаго царства. Равнымъ образомъ и человѣкъ въ свою очередь отдѣляется отъ животныхъ своими несравненно высшими качествами и способностями интеллектуальными, которыя присоединяются къ ощущенію и движенію (животныхъ), и такимъ образомъ возвышаясь надъ животнымъ царствомъ, человѣкъ составляетъ высшій отдѣлъ природы: *царство* человѣка... „Растеніе живетъ, животное живетъ и чувствуетъ, человѣкъ живетъ, чувствуетъ и мыслить“ ** Флурансъ, точнѣе обозначая въ чемъ состоитъ эта мыслительная способность человѣка въ сравненіи съ животнымъ, опредѣляетъ ее какъ способность размышлять о самомъ себѣ и обсуждать свои дѣянія. „Животныя, говоритъ этотъ натуралистъ, своими чувствами получаютъ впечатлѣніе, подобныя тѣмъ какія мы получаемъ, они сохраняютъ, какъ и мы, слѣды этихъ впечатлѣній; сохраненныя впечатлѣнія образуютъ разнообразныя представленія; но въ нихъ нѣтъ способности размышлять, наблюдать надъ самими собою и изучать умъ. Мысль которая сама себя созерцаетъ, разумъ который видитъ себя и изучаетъ, знаніе которое само себя знаетъ, составляетъ рядъ явленій не доступныхъ ни для какого животнаго; только одному человѣку изъ всѣхъ живыхъ существъ дана

* Изъ нѣмецкаго философскаго журнала *Athenäum*.

** См. *Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ*. Фогта. Перев. 1864, т. I, стр. 276.

возможность чувствовать что онъ чувствуетъ, знать что онъ знаетъ, мыслить что онъ мыслить. *

Ляйбаль находитъ самую существенную черту различія чело-
вѣка отъ животныхъ въ разумъ. „Первенство чело-
вѣка заключается, говоритъ онъ, не въ тѣхъ способностяхъ и каче-
ствахъ которыя онъ раздѣляетъ вмѣстѣ съ низшими живот-
ными, но въ его разумъ которымъ онъ отличается отъ нихъ.
Организмъ его вовсе не таковъ чтобы дать ему рѣшительный
перевѣсъ, едабы вмѣсто своихъ мыслительныхъ способностей
онъ былъ надѣленъ такими же инстинктами какими облада-
ютъ низшія животныя.“ ** Самъ Дарвинъ изъясняетъ высокое
уваженіе къ разумности чело-
вѣка. „Сомнѣваться, говоритъ
онъ, въ великомъ значеніи умственныхъ способностей чело-
вѣка невозможно, потому что чело-
вѣкъ преимущественно
имъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ въ мірѣ.“ ***
По Ляйбалу, исключительно одному чело-
вѣку принадле-
жить способность развивающагося и усовершенствующагося раз-
ума. „Животныя рождаются тѣмъ чѣмъ имъ предназначено оста-
ваться вѣчно. Природа назначила имъ извѣстное мѣсто и
ограничила размѣры ихъ способностей непреходимою пре-
градой. Чело-
вѣку же она дала возможность самому опредѣ-
лять свое положеніе, надѣливъ его способнымъ къ усовершен-
ствованію разумомъ.“ **** Въ томъ же смыслѣ отзываются о
свойствѣ чело-
вѣческихъ способностей и антропологи Вайцъ и
Кабанисъ. Первый говоритъ: „Весь образъ жизни и вообще
внѣшнія условія при которыхъ жило одно и то же чело-
вѣческое племя могутъ измѣняться самымъ рѣшительнымъ об-
разомъ и часто дѣйствительно измѣнялись, но этого не
бываетъ у животныхъ. Одно и то же чело-
вѣческое племя
можетъ проходить и дѣйствительно проходить весьма
различныя ступени умственнаго развитія, чего не бы-
ваетъ у животныхъ.“ † Второй говоритъ: „Чело-
вѣкъ услѣлъ
извлечь изъ своего разума многія средства которыя на вѣч-
ныя времена останутся недоступны прочимъ самымъ умнымъ

* *Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ.* Перев. 1859, стр. 36—7.

** *Геологія Ляйбала.* Томъ I, стр. 169.

*** *Происхожденіе чело-
вѣка,* томъ I, стр. 177.

**** *Древность рода чело-
вѣческаго.* Перев. 1864, стр. 477—8.

† *Антропология первобытныхъ народовъ.* Перев. т. I, стр. 176.

животнымъ.“ * Въ связи съ его умственнымъ превосходствомъ, съ его способностію прогрессивнаго усовершенствованія, стоитъ даръ слова; онъ служитъ лучшимъ выраженіемъ разумности человѣка. Въ этомъ отношеніи справедливо считаютъ даръ слова особеннымъ отличіемъ человѣка въ сравненіи съ животнымъ. Приводимъ замѣчательное изреченіе Вильгельма Гумбольдта: „Человѣкъ есть человѣкъ только по своей способности говорить, но для того чтобъ изобрѣсти рѣчь онъ уже долженъ быть человѣкомъ“. ** Катрфажъ, рассматривая человѣка какъ особое царство въ ряду другихъ живыхъ существъ, основаніе для этого находитъ въ томъ что человѣкъ существо нравственное и религіозное. „У самыхъ дикихъ народовъ, даже у тѣхъ племенъ которыхъ обыкновенно единогласно ставятъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ въ челоѣчествѣ, общественныя и частныя дѣйствія заставляютъ принять что человѣкъ воегда умѣлъ различать и ставить выше добра и зла физическаго еще нѣчто болѣе возвышенное: у людей же самыхъ передовыхъ цѣлыя учрежденія опираются на это основаніе,—на отвлеченное понятіе о добрѣ и злѣ нравственномъ, которое находится во всѣхъ группахъ челоѣческихъ. Но нѣтъ рѣшительно никакого повода или основанія предполагать чтобъ оно существовало у животныхъ. Итакъ оно есть первый отличительный признакъ челоѣческаго царства.“ *** Съ этимъ мнѣніемъ Катрфажа согласенъ и Дарвинъ. Онъ говоритъ: „Нравственнымъ существомъ мы называемъ такое которое способно сравнивать свои прошлыя и будущіе поступки и побужденія, одобрять одни и осуждать другіе. То обстоятельство что человѣкъ есть единственное существо которое съ полною увѣренностію можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ, вотъ самое большое изъ всѣхъ различій между нимъ и низшими животными“****. При другомъ случаѣ тотъ же Дарвинъ говоритъ еще: „Почему человѣкъ жалѣеть, несмотря на усилія уничтожить въ себѣ это сожалѣніе, что онъ послѣдовалъ тому, а не другому изъ своихъ естественныхъ побужденій, и

* *Отношеніе между физическою и нравственною природою челоѣка.* Перев. 1866, т. II, стр. 260.

** См. *Древность рода челоѣческаго*, Лайэля. Стр. 450.

*** Тамъ же, стр. 31.

**** *Приспособленіе челоѣка*, томъ II, стр. 436.

дальше, почему онъ чувствуетъ что *долженъ* сожалѣть о своемъ поступкѣ? Въ этомъ отношеніи человекъ далеко отличается отъ низшихъ животныхъ.“ * Другой отличительный признакъ человеческого царства есть, по Катрфажу, религіозность. „Понятіе о божествѣ и понятіе о другой жизни точно такъ же распространены какъ понятіе о добрѣ и злѣ. Какъ бы ни были они иногда неопредѣляемы, тѣмъ не менѣе они всегда производятъ извѣстное число весьма значительныхъ фактовъ. Они служатъ очень скромными эквивалентами великихъ проявленій того же свойства у народовъ цивилизованныхъ. Никогда ни у какого животного не должно ничего подобнаго этому.“ ** Такъ, по представленію натуралистовъ, человекъ въ духовномъ отношеніи, по справедливости называемый царемъ природы.

Послѣ этихъ признаваемыхъ самими естествоиспытателями различій человека отъ животныхъ въ психическомъ отношеніи, казалось бы не должно быть мѣста въ сочиненіяхъ серьезныхъ естествоиспытателей попыткамъ производить разумнаго человека отъ низшихъ животныхъ. Между тѣмъ находимъ совершенно обратное. Даже Дарвинъ, который такъ хорошо сознаетъ различіе человека отъ низшихъ животныхъ въ психическомъ отношеніи и который сначала такъ осторожно уклонялся отъ открытаго заявленія своихъ мнѣній о происхожденіи человека въ духѣ своихъ теорій, — и тотъ не могъ удержаться въ предѣлахъ осторожности и благоразумія.

Только закрывая глаза на тѣ грани которыя отдѣляютъ духовный міръ человека отъ психическаго міра животныхъ можно отваживаться на безплодную попытку производить разумность человеческую отъ малоразумія животного. *** Въ самомъ дѣлѣ, обращая свой взоръ отъ человека къ дру-

* Тамъ же, томъ 1, стр. 96.

** *Естественная исторія человека*, стр. 31.

*** Въ вопросѣ объ умственно-нравственныхъ отличіяхъ человека отъ животныхъ, по требованію нашей задачи, мы ограничимся немногими замѣчаніями. Для любознательнаго читателя можемъ рекомендовать въ посланіе къ свѣдѣніямъ какія мы сообщимъ по вопросу, остроумную и во многихъ отношеніяхъ интересную статью: „Человекъ въ его отличіи отъ животныхъ“ (критическія замѣчанія на вторую и третью главу сочиненія Дарвина *Происхожденіе человека* г. Гусева, въ сборникѣ изданномъ при журналѣ *Гражданинъ*, 1872, часть 2).

гимъ тварямъ, мы тщетно стали бы искать что бы хотя сколько-нибудь напоминало намъ о человѣкѣ съ его разумностию. Кто укажетъ намъ тотъ посредствующій членъ въ животномъ мірѣ, членъ который связывалъ бы неразумную тварь съ разумнымъ человѣкомъ, какъ того необходимо требуетъ Дарвинова теорія прогрессивнаго развитія міра одушевленныхъ существъ, заключительное звено коихъ есть человѣкъ. Конечно естествоиспытатели подобные Фоггу и Гэксли и самъ Дарвинъ посоветуютъ намъ обратиться для разъясненія вопроса къ человѣкообразнымъ обезьянамъ наиболее приближающимся къ человѣку. Но если при взглядѣ на эти существа мы и найдемъ физическое сходство съ человѣкомъ, развѣ одного этого достаточно для разъясненія вопроса? Гдѣ здѣсь то умственное развитіе котораго достигаетъ человѣкъ, и даже гдѣ возможность подобнаго развитія, гдѣ здѣсь даръ слова, въ которомъ человѣкъ выражаетъ свои внутреннія движенія мысли и сердца, гдѣ здѣсь хотя тѣнь той общественности которую создаютъ нравственные и религіозныя начала человѣка? Тщетно взоръ человѣка ищетъ того чего хочетъ. Въмѣсто существъ имѣющихъ зачатки умственнаго развитія, мы видимъ въ обезьянахъ, по свидѣтельству Бэра, такихъ неразумныхъ тварей которыя способны развѣ только на то чтобы „погрѣться у огня разведеннаго людьми, но неспособны даже на то чтобы прибавить туда дровъ для поддержанія огня, хотя онѣ и видали какъ дѣлаютъ это люди, не говоря уже о самостоятельномъ добываніи огня, которое имъ вовсе неизвѣстно. Ихъ умственные способности такъ ничтожны что собака въ прирученномъ состояніи превосходитъ ихъ смышленостью: обезьяну можно научить развѣ ношенію корзины, но и здѣсь малѣйшій переломъ заставляетъ ее бросить свою ношу“, она теряетъ при этомъ всякую разсудительность, въ чемъ превосходитъ ее столь далекая отъ человѣка по своему тилу собака. Напрасно мы стали бы искать у этихъ предполагаемыхъ прародителей человѣка хотя слабыхъ задатковъ языка. „Ни одна обезьяна, по Бэру, не имѣетъ языка болѣе выработаннаго нежели у всякаго другаго животнаго; онѣ лишь издаютъ одинъ звукъ для предостереженія отъ опасности, другой для простаго времяпрепровожденія, „опять иной звукъ для выраженія боли“,* и

* *Натурализмъ* 1865, стр. 434.

только. Никакая фантазія еще не создавала наконецъ предположенія о какихъ-либо нравственныхъ, религіозныхъ связяхъ у этихъ высшихъ тварей между неразумными существами. Общественность обезьянъ ничѣмъ не выше общности дикихъ лошаковъ и черепахъ. Прекрасно разсуждаетъ объ умѣ обезьянъ натуралистъ Карусъ, имѣя въ виду теорію подобныя Дарвиновой. „Обезьяна, говоритъ онъ, съ одной стороны конечно стоитъ выше животныхъ, но такъ какъ ей при этомъ не дается высшаго разума, то эта высота обращается ей во вредъ, и тѣмъ болѣе удаляетъ ее отъ человѣческой разумности. Прежде всего ей недостаетъ въ особенноти *сужденія*, и хотя она имѣетъ довольно смысленности для яснаго усвоенія многихъ внѣшнихъ процессовъ и даже находитъ средства подражать этимъ процессамъ, но у нея нѣтъ способности вникать въ сущность этихъ внѣшнихъ процессовъ и ихъ значенія для своего собственнаго бытія, и потому такія подраженія обращаются ей во вредъ; на примѣръ она видитъ что человѣкъ обрѣзаетъ себѣ бороду, у нея является желаніе подражать ему, но вмѣсто того она обрѣзываетъ себѣ шею; или на примѣръ она видитъ что человѣкъ моется, и хватается съ умысломъ оставленную для нея клейкую воду, склеиваетъ себѣ ею глаза и попадаетъ въ руки человѣка; или наконецъ обезьяна ясно видитъ что человѣкъ надѣваетъ салюги, и натягиваетъ себѣ на ноги салюги вымазанные омолою и вслѣдствіе того не въ состояніи бываетъ убѣжать отъ преслѣдованія. За то обезьяны очень скоро, а часто и легко, научаются чисто механическимъ вещамъ, для которыхъ не требуется высшаго сужденія. На примѣръ она хорошо научается вертѣть вертѣль (пока около нея есть человѣкъ который можетъ судить когда жаркое можетъ быть готово), научается черпать и носить воду, разбивать орѣхи, чтобы достать ихъ ядро, но понятіе слова или числа, которое легко усвоить даже маленькое дитя, недоступно даже для самыхъ старыхъ обезьянъ. „Здѣсь, замѣчаетъ Карусъ, намъ представляется конечно весьма замѣчательный психологическій фактъ указывающій на твердую границу между человѣкомъ и животнымъ.“ * Да и самъ Дарвинъ не можетъ не сознаться что между человѣкомъ и самою высшею обезьяною теперь намъ извѣстною нѣтъ ничего общаго въ психическомъ отношеніи. Это признаніе очень замѣчательно въ устахъ такого естество-

* *Сравнительная Психологія*. Переводъ 1867 года, стр. 188.

испытателя какъ Дарвинъ! Вотъ его слова: „Нѣтъ сомнѣнія что существуетъ огромная разница между умомъ самаго низкаго человѣка и самаго высшаго животнаго. Еслибы человѣкообразная обезьяна могла имѣть безпристрастный взглядъ на себя, она бы допустила что хотя она умѣетъ составить планъ грабежа сада, знаетъ употребленіе камней для драки, или разбиванія орѣховъ, мысль объ устройствѣ изъ камня инструмента далеко выше ея силъ. Она бы допустила что она еще меньше могла бы слѣдить за ходомъ метафизическихъ разсужденій или разрѣшить математическую задачу, или размышлять о Богѣ, или восхищаться величавою красотой природы. Она бы допустила что, хотя она способна дать другимъ обезьянамъ понять нѣкоторыя изъ своихъ ощущеній и простыхъ нуждъ посредствомъ криковъ, ей никогда не приходила въ голову мысль о выраженіи опредѣленныхъ понятій опредѣленными словами. Она могла бы утверждать что готова помогать другимъ обезьянамъ одного съ нею племени, но должна была бы признаться что безкорыстная любовь ко всему другимъ существамъ, благороднѣйшее свойство человѣка, далеко выше ея понятія“. * Вообще нужно замѣтить, только тогда достигаютъ хоть какой-нибудь степени вѣроятности сближенія человѣка съ обезьянами въ умственномъ отношеніи когда настолько преувеличиваютъ умственныя способности обезьянъ что мы уже встречаемся не съ действительными, а фантастическими, сказочными. А такое преувеличеніе возможно и бываетъ. Вундтъ говоритъ: „мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ обезьянъ обыкновенно бываютъ *слишкомъ преувеличенны*. Дѣлающіе такіе отзывы *увлекаются*, кромѣ наружнаго сходства обезьянъ съ человѣкомъ, ихъ необыкновеннымъ подражательнымъ талантомъ.“ **

Но обратимся къ разсмотрѣнію того какъ именно принципы Дарвина прилагаются къ вопросу о происхожденіи человѣка съ психической его стороны. Первую попытку приложенія этихъ принциповъ къ данному вопросу дѣлаетъ не самъ Дарвинъ,—мы уже сказали выше что онъ долгое время благоразумно удерживался отъ подобнаго шага, — а его услужливые друзья по наукѣ. Считаемо не безынтереснымъ привести и раз-
обратъ одну изъ такихъ попытокъ сдѣланную Лайвелемъ, чтобы

* *Происхожденіе человека*, т. I, стр. 114—115.

** *Душа человека и животныхъ*. Перев. 1865. Томъ I, стр. 560.

видѣть тотъ историческій путь какимъ Дарвинъ приведенъ къ смѣльному шагу—подведенія и человѣка подъ начала своей теоріи. Такимъ образомъ мы опредѣлимъ много ли самъ Дарвинъ сдѣлаетъ для рѣшенія вопроса въ сравненіи съ его предшественниками на томъ же полприцѣ. Мы выбираемъ именно Ляйэлла, старающагося въ своемъ сочиненіи „о древности рода человѣческаго“ подладиться къ воззрѣніямъ Дарвина, прежде имъ не раздѣляемымъ, частію потому что онъ одинъ изъ ученыхъ естествоиспытателей нашего времени, частію потому что по этому образцу талантливѣйшаго естествоиспытателя можно судить о другихъ попыткахъ въ томъ же родѣ менѣе талантливыхъ. Вотъ какимъ образомъ, слѣдуя Ляйэлли, изъ низшаго животнаго, по мнѣнію большинства матеріалистовъ естествоиспытателей изъ обезьяны, образовался человѣкъ. „Рожденіе необыкновеннаго генія отъ родителей не выказывающихъ особенныхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе которое не слѣдуетъ ѱлускать изъ виду.... Если согласно теоріи постепеннаго развитія мы допустимъ что человѣкъ постепенно развился съ весьма низкой степени, то подобныя скачки не только могли повести къ болѣе и болѣе высшимъ формамъ и степенямъ развитія, но въ гораздо болѣе отдаленные періоды могли однимъ прыжкомъ перескочить пространства раздѣляющія неразвитый разумъ низшихъ животныхъ отъ первой самой слабой формы совершенствующагося ума, проявляемаго человѣкомъ.“ * Кто бы могъ подумать что это слово естествоиспытателя стоящаго во главѣ другихъ естествоиспытателей? Многимъ ли отличаются подобныя неясныя, неопредѣленныя, загадочныя, темныя объясненія отъ простаго: не знаю? Развѣ только тѣмъ что послѣднее объясненіе есть плодъ невѣдѣнія сознающаго себя какъ невѣдѣніе, что дѣлаетъ ему честь. При этомъ Ляйэлла хочетъ объяснить дѣло по теоріи Дарвина, по теоріи прогрессивнаго развитія, и однакожь поражаемый безконечнымъ различіемъ человѣка отъ животнаго, не можетъ иначе представить себѣ происхожденія человѣка какъ путемъ скачковъ, слѣдовательно вопреки теоріи. Онъ говоритъ далѣе что въ гораздо болѣе отдаленные періоды *однимъ прыжкомъ* можно было перейти отъ животнаго къ человѣку; но спрашивается, почему отдаленные періоды сло-

* *Древность рода человеческого*, стр. 481.

собыи были на то на что неспособны вынѣшнія эпохи міра, отчего только на долю ихъ выпадали такіа счастливыя случайности? Наконецъ, аналогія происхожденія перваго человѣка отъ животнаго съ происхожденіемъ генія отъ обыкновенныхъ родителей не выдерживаетъ критики: вѣтъ примѣра чтобъ отъ генія произошло цѣлое гениальное племя; почему же отъ исключенія въ животномъ мірѣ, отъ случайно явившагося существа одареннаго проблескомъ разсудка произошелъ цѣлый родъ разумныхъ существъ?

Такимъ образомъ попытка показать происхожденіе человѣка съ духовной стороны отъ животнаго въ родѣ обезьяны, на основаніи принциповъ Дарвиновой теоріи, окончилась полною неудачей. Но эта неудача не побудила Дарвина къ осторожности въ такомъ трудномъ вопросѣ. Онъ самъ съ своей стороны дѣлаетъ попытку произвести человѣка съ его духовной стороны отъ ближайшаго „родственника человѣческаго“, обезьяны. Что это былъ за ближайшій родственникъ человѣка въ физическомъ отношеніи, объ этомъ мы уже говорили, и слѣдовательно уже знакомы съ нимъ. Теперь, при какихъ условіяхъ этому прародителю человѣка, обезьянѣ, удалось перейти въ человѣка съ интеллектуальными и нравственными дарами его духа? Нужно замѣтить, самъ Дарвинъ приступаетъ къ рѣшенію подобной задачи съ большою неуверенностію, о которой онъ добродушно и заявляетъ, какъ будто отъ такого заявленія умствования его стануть убѣдительною и сильною. Онъ хорошо понимаетъ что недостаточно сослаться на какой-нибудь „скачекъ“, какъ дѣлаетъ Ляйблль, чтобы доказать какъ именно произошелъ человѣкъ, одаренный умственными и нравственными способностями, но нужно съ отчетливостію и наглядностію раскрыть какъ естественнымъ путемъ возникла каждая изъ высшихъ способностей человѣка. Но можно ли сдѣлать это? Дарвинъ говоритъ что нельзя, и однакъ дѣлаетъ. „Безъ сомнѣнія было бы важно, говорить онъ, прослѣдить развитіе каждой способности въ отдѣльности, начиная отъ состоянія въ какомъ она находится у низшихъ животныхъ, и кончая состояніемъ ея у человѣка; но у меня, замѣчаетъ Дарвинъ, не достаетъ ни умѣнья, ни знанія, чтобы взяться за это“, * и потому ему ничего не остается какъ

* Происхожденіе человека. Т. I. стр. 179.

прослѣдить происхожденіе умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, по его сознанію, лишь „очень несовершенно и отрывочно“.*

Послѣ такого признанія намъ ничего не остается сдѣлать какъ показать насколько „несовершенно“ Дарвиново раскрытіе данного предмета, чтобы съ своей стороны вполне подтвердить собственное сужденіе Дарвина объ этой части его изслѣдованій.

Какъ ни различны между собою по своей сущности умственные и нравственные способности человѣка, для Дарвина такого различія не существуетъ. Онъ разсматриваетъ ихъ какъ два близко сходныя качества одной и той же вещи. Поэтому въ его изслѣдованіяхъ о происхожденіи человѣка съ этой стороны замѣчается чрезвычайная запутанность. Трудно опредѣлить у него: нравственныя ли способности, развившись ранѣе, обусловили умственное развитіе человѣка, или наоборотъ? Эта неопредѣленность даетъ Дарвину большія выгоды для развитія его теоріи; говоря о нравственныхъ способностяхъ и ихъ происхожденіи, онъ уже предполагаетъ умственныя способности человѣка, а говоря объ умственныхъ, онъ опирается на существованіе нравственныхъ способностей какъ на нѣчто данное, отчего общій характеръ объясненій приобретаетъ мнимую вѣроятность.

Исходною точкой откуда отправляется Дарвинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи нравственныхъ и умственныхъ способностей человѣка служатъ общественныя инстинкты человѣка. Какъ скоро Дарвинъ открываетъ какимъ путемъ произошли общественныя инстинкты прародителей человѣка—обезьянъ, ему кажется остальные способности духа человѣческаго уже не трудно вывести изъ этихъ инстинктовъ. О зависимости умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка отъ его общественныхъ инстинктовъ Дарвинъ говоритъ такъ: „всякое животное одаренное ясно выраженными общественными инстинктами должно роковымъ образомъ приобрести нравственное чувство“,** или: „какъ только родоначальники человѣка сдѣлались общественными, а это случилось вѣроятно очень рано, умственныя способности должны были развиваться“.**

* *Происхожденіе человека*. Т. I, стр. 176.

** Тамъ же, стр. 74

*** Тамъ же, стр. 179.

Такимъ образомъ несомнѣнно что принципъ какимъ условилось духовное развитіе человѣка — есть его инстинктъ общественности, въ немъ какъ зачаткѣ положено основаніе духовнаго совершенствованія человѣка.

Прежде чѣмъ спросить какъ совершилось это, попросимъ объясненія какъ возникъ въ прародителѣ человѣка такой, благодѣтельный инстинктъ какъ инстинктъ общественности? Вотъ объясненія Дарвина: „Для того чтобы первичные люди, или обезьянообразные родоначальники человѣка сдѣлались общественными, они должны были пріобрѣсти тѣ же инстинктивные чувства которыя побуждаютъ другихъ животныхъ жить какъ одно цѣлое и безъ сомнѣнія обладать тѣми же самыми наклонностями. Они должны были чувствовать скуку вдали отъ своихъ товарищей, къ которымъ имѣли известную долю любви (?), должны были предупреждать другъ друга объ опасности и помогать одинъ другому при нападеніи и оборонѣ. Все это предполагаетъ известную степень сочувствія, вѣрности и храбрости (!). Такія общественныя качества, громадную важность которыхъ никто не ослабляетъ для низшихъ животныхъ, были безъ сомнѣнія пріобрѣтены родоначальникомъ человѣка путемъ естественнаго подбора. Когда два племени первобытныхъ людей живущія въ одной странѣ сталкивались между собою, то племя которое заключало въ себѣ большее число храбрыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ членовъ должно было имѣть большіе успѣхи.“* Читая эти объясненія о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ у родоначальниковъ человѣка, предполагаемъ что авторомъ доказано происхожденіе общественныхъ инстинктовъ у низшихъ животныхъ, и что въ настоящемъ случаѣ по отношенію къ человѣку сужденія его суть простая передача данныхъ уже ранѣ добытыхъ, но предположеніе это оказывается ошибкой. Дарвинъ ничуть не доказалъ того какъ произошли общественныя инстинкты у низшихъ животныхъ, и хотя онъ и говоритъ о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ у человѣка какъ о вопросѣ напередъ рѣшенномъ, однакожь вопросъ этотъ остается не разъясненнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать рѣшеніемъ вопроса такого рода замѣчанія о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ у животныхъ: „наслажденіе доставляемое обществомъ (въ классѣ

* *Происхожденіе человека*. Томъ I, стр. 180.
т. сѣ.

животныхъ) проистекаетъ вѣроятно отъ расширенія родительской или дѣтской любви. Что касается источника родительской или дѣтской любви, лежащей очевидно въ основѣ общественныхъ привязанностей, то *все* наши *умозрѣнія* *безплодны* въ подобномъ случаѣ. „Не возможно рѣшить были ли извѣстные общественные инстинкты приобрѣтены путемъ естественнаго подбора, или же они представляютъ косвенный продуктъ другихъ инстинктовъ и способностей, напимѣръ, участія, разсудка, опыта (?), или на нихъ наконецъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на простой результатъ долговременной привычки“. * Итакъ, было бы ошибочно думать будто алодиктическій тонъ сужденія Дарвина о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ у человѣка основывается на рѣшеніи вопроса объ общественныхъ инстинктахъ у низшихъ животныхъ.

Не споримъ что появленіе между родоначальниками человѣка особей храбрыхъ, преданныхъ обществу, сочувствующихъ остальнымъ членамъ онаго, должно вести къ преобладанію и торжеству общества обладавшаго подобными особями надъ другими обществами. Но вѣдь это уже результатъ развитыхъ общественныхъ инстинктовъ. Въ чемъ же истинная причина ихъ происхожденія? Дарвинъ говорить что развитіе общественныхъ инстинктовъ у человѣка предполагаетъ въ особяхъ у которыхъ они являются „извѣстную степень сочувствія, вѣрности и храбрости“. Но мыслимы ли такія качества въ особяхъ которыя еще *должны* развить въ себѣ нравственныя и умственныя качества изъ своихъ общественныхъ инстинктовъ, и которыя не могутъ тѣхъ качествъ имѣть до приобрѣтенія инстинктовъ общественныхъ? Въ противномъ случаѣ, пришлось бы не изъ общественныхъ инстинктовъ объяснять умственныя и нравственныя способности человѣка, а наоборотъ умственными и нравственными качествами условливалось бы происхожденіе общественныхъ инстинктовъ. Такимъ образомъ происхожденіе духовныхъ качествъ человѣка выйдетъ за предѣлы Дарвиновыхъ объясненій, будетъ чѣмъ-то первоначальнымъ, не имѣющимъ нужды въ Дарвиновскихъ гипотезахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже встрѣчаемся съ храбрыми, преданными и облада-

---

* Тамъ же, стр. 85—87.

ющими долею нравственной любви людьми прежде чѣмъ Дарвинъ указываетъ намъ происхожденіе перваго человѣка.

Въ такомъ же ошибочномъ логическомъ кругу вращаются объясненія Дарвиновы и тогда когда онъ хочетъ изъ будто бы объясняемыхъ имъ общественныхъ инстинктовъ прародителя человѣческаго вывести нравственныя особенности человѣка. Знакомясь съ этою новою попыткой его, мы вынуждаемся совсѣмъ позабыть что имѣемъ дѣло съ серьезнымъ натуралистомъ: такъ малоцѣнна представляется она на нашъ не притязательный взглядъ. Приступая къ этому дѣлу, Дарвинъ, по обыкновенію, заявляетъ о трудности своей задачи. „Развитіе нравственныхъ качествъ (человѣка) составляетъ, говорить онъ, трудную задачу“. * Совершенно согласны; но какъ же онъ побуждаетъ эту трудность? Разрѣшеніе вопроса авторъ даетъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ: „Слѣдующее положеніе мнѣ кажется въ высшей степени вѣроятнымъ, именно что всякое животное одаренное ясно выраженными общественными инстинктами должно роковымъ образомъ приобрести нравственное чувство или совѣсть, какъ только его умственные способности достигнутъ такого же или почти такого же высокаго развитія какъ у человѣка (!). Въ пользу этого, вопервыхъ, говорить то что общественные инстинкты побуждаютъ животное чувствовать удовольствіе въ обществѣ своихъ товарищей, сочувствовать имъ до извѣстной степени и оказывать имъ различныя услуги. Вторыхъ, какъ скоро умственные способности достигли высокаго развитія (!), образы прежнихъ дѣйствій и побужденій должны были постоянно носиться въ мозгу cadaго недѣлимаго, и чувство недовольства должно было возникать во всѣхъ случаяхъ когда животное видѣло что сильныя и присущіе ему общественныя инстинкты уступали какому-либо другому инстинкту. Третьихъ, послѣ того какъ развились способность рѣчи, и желанія членовъ одной общины могли быть ясно выражаемы (!), общественное мнѣніе должно было сдѣлаться въ значительной степени руководителемъ поступковъ и опредѣлять дѣйствія cadaго изъ членовъ для общаго блага. Наконецъ привычка особей должна была современемъ играть важную роль въ управленіи поступками cadaго изъ членовъ, потому что общественныя инстинкты и побужденія

* *Происхожденіе человека*, томъ II, стр. 436.

значительно подкрѣпляются, напримѣръ, привычкой повиноваться желаніямъ и суду общины (!).“* „Но можно спросить, разсуждаетъ далѣе Дарвинъ, какимъ образомъ въ предѣлахъ одного племени извѣстное число членовъ было *первы* надѣлено подобными общественными и нравственными качествами и какъ *первы* поднялся уровень развитія?“ Оказывается, по сознанію самого Дарвина, что его могущественный принципъ естественнаго подбора ни къ чему тутъ не служить. „Весьма сомнительно чтобы потомки людей добрыхъ и самоотверженныхъ были многочисленнѣе потомковъ себялюбивыхъ и предательскихъ людей одного и того же племени. Тотъ кто готовъ скорѣе жертвовать жизнію чѣмъ выдать товарищей часто не оставляетъ потомковъ которые могли бы наследовать его благородную натуру. Поэтому окажется едва ли вѣроятнымъ чтобы число людей одаренныхъ такими благородными качествами могло быть поднято путемъ естественнаго подбора, то-есть переживаніемъ наиболѣе способныхъ.“ Очень жаль! При трудности объяснить фактъ основными принципами своей теоріи, Дарвинъ долженъ прибѣгнуть для объясненія его къ другимъ дѣятелямъ? Посмотримъ. „Хотя обстоятельства ведущія къ увеличенію одаренныхъ такимъ образомъ людей въ одномъ и томъ же племени слишкомъ сложны чтобы ихъ возможно было прослѣдить вполне, тѣмъ не менѣе мы можемъ указать на нѣкоторыя вѣроятныя ступени этого развитія. Можно принять, вопервыхъ, что по мѣрѣ того какъ разсуждающая способность и предусмотрительность членовъ развивались (!), каждый изъ нихъ легко могъ убѣдиться изъ опыта что помогая другимъ онъ обыкновенно получалъ помощь въ свою очередь. Изъ этого низкаго побужденія онъ могъ приобрести привычку помогать своимъ ближнимъ.“ „Но существуетъ, продолжаетъ Дарвинъ, еще болѣе сильное побужденіе къ развитію общественныхъ добродѣтелей, именно одобреніе и порицаніе нашихъ ближнихъ. Члены одного племени одобряли поступки которые по ихъ мнѣнію служили къ общей пользѣ и порицали тѣ которые казались вредными. Насколько рано въ теченіи своего развитія родоначальники человѣка стали способными дѣлать похвалы и порицанія товарищей и руководиться ими, мы конечно не можемъ сказать.“ Развитію этой способно-

* Томъ I, стр. 74—6. Случи томъ II, стр. 436—7.

сти дѣйствовать подъ вліяніемъ похвалъ или порицаній могли въ особенности содѣйствовать индивидуумы показавшіе себя преданными общинѣ до самопожертвованія. „Человѣкъ жертвующій жизнью для блага другихъ изъ любви къ славѣ побуждаетъ своимъ *примеромъ* то же желаніе славы въ другихъ и вслѣдствіе частаго повторенія усиливаетъ благородное чувство удивленія. Такимъ образомъ онъ можетъ принести своему племени гораздо болѣе пользы чѣмъ въ томъ случаѣ еслибъ онъ оставилъ потомковъ со врожденнымъ стремленіемъ наследовать его благородный характеръ.“ „Такимъ образомъ, заключаетъ Дарвинъ, развивается мало-помалу то чрезвычайно сложное чувство которое имѣетъ первымъ источникомъ общественныя инстинкты.“*

Мы нарочно съ особенною подробностію раскрыли теорію Дарвина о происхожденіи нравственныхъ особенностей человѣка чтобы нагляднѣе видѣть какъ всѣ усилія его въ данномъ вопросѣ остаются тщетными.

Первая странность: объясняя происхожденіе общественныхъ инстинктовъ у родоначальниковъ человѣка, Дарвинъ уже предполагаетъ существованіе у нихъ нравственныхъ качествъ, неизвѣстно откуда взявшихся; такъ точно, объясняя происхожденіе нравственныхъ инстинктовъ у родоначальниковъ человѣка, Дарвинъ предполагаетъ уже у нихъ существованіе болѣе или менѣе развитыхъ умственныхъ способностей, не показавъ *какъ* развились эти способности. По Дарвинову воззрѣнію вообще выходитъ что родоначальникъ человѣка сдѣлался нравственнымъ существомъ потому что его „умственныя способности достигли высокаго развитія“, потому что у него „развилась способность рѣчи, и желанія членовъ одной общины могли быть ясно выражаемы“, потому что у него „явилась привычка повиноваться желаніямъ и суду общины“. Говоря такъ, Дарвинъ забываетъ главное: онъ долженъ былъ, по своей теоріи, путемъ естественныхъ причинъ вывести нравственныя качества изъ общественныхъ инстинктовъ, а не изъ умственнаго развитія человѣка, да притомъ высокаго. Какъ скоро родоначальникъ человѣка дѣйствительно обладалъ такими умственными способностями какими надвѣляетъ его Дарвинъ, онъ уже перестаетъ быть „родоначальникомъ“ человѣка, онъ становится настоящимъ

* *Происхожденіе человѣка.* Томъ I, стр. 181—5.

человѣкомъ. Дарвинъ долженъ былъ показать какъ общественные инстинкты, поняты въ самомъ непосредственномъ смыслѣ, въ смыслѣ привычки жить стадами,—какъ эти инстинкты сами по себѣ, „роковымъ образомъ“, породили нравственное чувство. Не то видимъ у автора: онъ до такой степени идеализуетъ быть прародителей при ихъ общественныхъ инстинктахъ что въ стадѣ человѣкообразныхъ обезьянъ онъ находитъ просто не начатки нравственныхъ качествъ, но развитыя основы гражданственности. Какъ въ самомъ дѣлѣ назвать иначе то что фиктивные прародители „взаимно оказываютъ различныя услуги“, сознательно руководятся „образами прошлыхъ дѣйствій и побужденій“, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „общественнаго мнѣнія“ (какъ это интересно: гласность у обезьян!), воспитываютъ въ себѣ привычку повиноваться „суду общины“ (Не было ли у нихъ ужъ и суда присяжныхъ?). Словомъ, можно только тогда подтвердить теорію Дарвина о происхожденіи нравственнаго чувства у прародителей человѣка когда онъ докажетъ отъ какихъ причинъ и по какимъ побужденіямъ неразумная обезьяна сдѣлалась напередъ разумною, изъ животнаго эгоистическаго сдѣлалась способною къ самопожертвованію и преданности, другими словами, когда Дарвинъ, не приписывая и не предполагая въ обезьянообразномъ прародителѣ человѣка духовныхъ качествъ человѣка, отправится въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ дѣйствительнаго типа животнаго и укажетъ какъ эта животная жизнь на извѣстной ступени перешла въ неживотную, человѣческую, а дотолѣ вѣрить его теорію можетъ одно ослѣпленіе.

Естественный подборъ, на который съ такимъ упованіемъ смотритъ Дарвинъ въ вопросѣ о происхожденіи видовъ въ физическомъ и психическомъ отношеніи, оказывается безсильнымъ и недостаточнымъ при объясненіи происхожденія духовныхъ силъ человѣка. Здѣсь невольно припоминаются слова Гѣксли: „настоящая естественная причина только въ томъ случаѣ признается за таковую когда она можетъ удовлетворительно объяснить всѣ явленія входящія въ кругъ ея дѣйствій. Если она не совмѣстна съ какимъ-нибудь явленіемъ, то слѣдуетъ отвергнуть ее: если она не въ состояніи объяснить то или другое явленіе, то значитъ она слаба и подлежитъ сомнѣнію.“ * На происхожденіи человѣка, Дарвинова

* Гѣксли: *О положеніи человека въ ряду органическихъ существъ*. Перев. 1864. Стр. 121.

теорія, зиждущаяся на естественномъ подборѣ, разбивается въ прахъ теряя всякую силу и значеніе. А между тѣмъ естественный подборъ долженъ бы въ сущности имѣть болѣе всего силы въ приложеніи къ человѣку, такъ какъ извѣстная степенъ сознательности прародителей облегчала бы имъ пользованіе этимъ принципомъ для своего развитія. Но чѣмъ же замѣняетъ Дарвинъ дѣйствіе естественнаго подбора въ вопросѣ о происхожденіи нравственныхъ свойствъ человѣка? Собственно говоря ничѣмъ; потому что его усилія подыскать въ данномъ случаѣ дѣятели естественныхъ которые бы вознаграждали недѣятельность естественнаго подбора не увѣнчиваются успѣхомъ. Его „вѣроятная ступеня развитія“ нравственныхъ инстинктовъ у человекообразныхъ прародителей человѣка вовсе не вѣроятны. Лишаясь услугъ своего принципа „естественнаго подбора“, Дарвинъ вынуждается къ размышленіямъ которыя мы и хотимъ оцѣнить. Онъ говоритъ: „каждый (изъ прародителей человѣка) легко могъ убѣдиться изъ опыта что помогая другимъ онъ обыкновенно получалъ помощь въ свою очередь“. Положимъ; но вѣдь по сужденію самого Дарвина это можетъ случиться только тогда когда „развились разсуждающая способность и предусмотрительность членовъ“ общины прародителей человѣка. Слѣдовательно вопросъ: при какихъ условіяхъ начали развиваться и утверждаться нравственные инстинкты первоначально когда еще не развились ни разсуждающая способность, ни предупредительность, остается внѣ объясненія, а между тѣмъ на немъ-то должно было бы сосредоточить вниманіе. Другую причину утвержденія нравственныхъ началъ въ общинѣ прародителей человѣка Дарвинъ полагаетъ въ существованіи „лоризанія и одобренія“ членами первобытной общины лоступковъ хорошихъ или дурныхъ допускаемыхъ какимъ-либо членомъ ея. Но происхожденіе такихъ явленій необъяснимо съ точки зрѣнія Дарвина. Онъ предполагаетъ для сего появленіе какого-нибудь героя въ средѣ прародителей который поражаетъ всѣхъ мужественностію, отвагой, самопожертвованіемъ. Его доблестный примѣръ увлекаетъ остальныхъ членовъ и такимъ образомъ „онъ много приноситъ пользы своему племени“, воспитывая тоже героевъ. Но, во первыхъ, явленіе такого героя среди общества съ единственно животными инстинктами невѣроятно; какимъ образомъ возникнутъ и разовьются такіа

способности въ томъ или другомъ индивидуумѣ какихъ не встрѣчалось еще во всемъ безконечномъ протяженіи времени (по Дарвинову воззрѣнію) доселѣ? Вѣдь это будетъ не меньшимъ чудомъ какъ и сотвореніе человѣка Богомъ. Во вторыхъ, почему примѣръ подобнаго индивидуума можетъ быть увлекателемъ: даже въ развитыхъ обществахъ герои остаются большею частію безъ подражателей, а что же должно было быть на ступени на какой стояли тогда, по Дарвину, родоначальники человѣка? Естественное чувство самосохраненія всегда должно было брать перевѣсъ надъ „благороднымъ чувствомъ удивленія“, которое, по фантазіи Дарвина, порождалось у животныхъ прародителей человѣка при видѣ геройства одного изъ нихъ. Подражать геройству другаго можетъ только субъектъ со вполне развитыми умственными способностями.

Намъ остается въ вопросѣ о происхожденіи человѣка съ психической стороны рассмотреть еще какъ Дарвинъ объясняетъ происхожденіе собственно умственныхъ способностей человѣка, если считать ихъ за продуктъ естественнаго развитія животныхъ инстинктовъ.*

Дарвинъ самаго высокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ человѣка. Онъ говоритъ на примѣръ: „сомнѣваться въ великомъ значеніи умственныхъ способностей (человѣка) невозможно, потому что человѣкъ имъ преимущественно обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ въ мѣрѣ“; ** тѣмъ интереснѣе знать какъ возникли такія высокія способности въ

* Мы въ правѣ уволить себя какъ отъ разбора Дарвиновыхъ воззрѣній о происхожденіи человѣческаго дара слова, такъ и разбора его сужденій о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ, потому что первую особенность человѣка онъ поставляетъ въ зависимость отъ умственныхъ свойствъ человѣка („умственные способности, говоритъ онъ, у родоначальниковъ человѣка были уже высоки, прежде чѣмъ самая несовершенная форма рѣчи могла войти въ употребленіе“, или: „благодаря умственнымъ способностямъ развились у человѣка членораздѣльная рѣчь“, томъ I, стр. 59, 152), и слѣдовательно разсмотрѣніе Дарвиновыхъ сужденій о происхожденіи ума человѣческаго уже будетъ разсмотрѣніемъ и его сужденій о происхожденіи дара слова у человѣка, а вторую особенность человѣческую—религіозность Дарвинъ такъ не серьезно разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи (т. I, стр. 68—72) что мы не видимъ никакой надобности разбирать его сужденія въ данномъ случаѣ.

** Томъ I, стр. 177.

крайнемъ членѣ органическаго міра—человѣкъ. И что же? Тщательно прочтя сочиненіе Дарвина *Происхожденіе человека* съ его многообъяснующими рубриками въ родѣ слѣдующихъ: „о развитіи умственныхъ и нравственныхъ способностей въ первобытныя времена“, мы не нашли не только серьезнаго разсмотрѣнія вопроса, но даже никакого. Авторъ ограничивается бѣглыми замѣчаніями, избитыми афоризмами. Вотъ самая замѣчательная страница въ его сочиненіи разсуждающая о происхожденіи умственныхъ способностей человѣка. „Очень вѣроятно что у людей умственныя способности постепенно совершенствовались путемъ естественнаго подбора; этого заключенія достаточно для нашихъ цѣлей (sic!). Необходимо замѣтить что какъ только родоначальники человѣка сдѣлались общественными, умственныя способности должны были въ силу закона подражанія, въ соединеніи съ разсудкомъ и опытомъ, развиваться. Еслибы, на примѣръ—говорить Дарвинъ, желая сколько-нибудь объяснить дѣло—какой-нибудь одинъ человѣкъ наиболѣе одаренный чѣмъ другіе члены его племени изобрѣлъ новую хитрость, оружіе или какой-либо новый способъ нападенія или защиты, то прямая личная выгода, безъ особеннаго внимательства разсуждающей способности, заставила бы другихъ членовъ подражать ему. Если новое изобрѣтеніе важно, то племя должно увеличиться въ числѣ, распространиться и вытѣснить другія племена. Въ племени которое стало многочисленнѣе вслѣдствіе такихъ причинъ будетъ всегда болѣе шансовъ для рожденія другихъ одаренныхъ и изобрѣтательныхъ членовъ. Если такіе люди оставляютъ дѣтей которыя могли бы наследовать ихъ умственное развитіе, то шансовъ для рожденія еще болѣе одаренныхъ членовъ будетъ нѣсколько больше.“ * Не угодно ли будетъ послѣ этихъ и подобныхъ разсужденій Дарвина понять и ясно представить себѣ процессъ происхожденія умственныхъ способностей человѣка? Авторъ ничуть не беретъ на себя труда показать первоначальное происхожденіе этихъ способностей человѣка. Онъ повсюду въ своихъ разсужденіяхъ о человѣкѣ отправляется отъ существованія умственныхъ способностей у прародителей человѣка какъ уже напередъ данныхъ. На примѣръ онъ говоритъ: „первыя прародители человѣка стояли по уму безъ сомнѣнія ниже самыхъ низкихъ изъ существующихъ теперь

* Томъ I, стр. 179—80.

дикарей; рядомъ съ тѣмъ какъ постепенно утрачивались ихъ звѣринныя способности, какъ напримѣръ лазанье по деревьямъ, они развивались въ умственномъ отношеніи* . Но какъ возникли эти умственные способности прародителя человѣка, отвлекавшія его отъ „звѣринныхъ способностей“, отвѣта на этотъ вопросъ мы тщетно стали бы искать у Дарвина. Нужно думать что для Дарвина вопросъ о происхожденіи человѣческихъ умственныхъ способностей такой же „безотрадный“ какъ и вопросъ „какимъ образомъ развились впервые умственные способности у низшихъ организмовъ“. ** Хотя онъ и увѣряетъ что для разъясненія вопроса достаточно сказать вообще: „умственные способности совершенствовались постепенно путемъ естественнаго подбора“, но такое голословное утвержденіе совершенно недостаточно для цѣли. Пусть естественный подборъ и будетъ дѣйствовать какъ желательнo Дарвину, но для насъ непонятно, почему если „какой-либо одинъ человѣкъ изобрѣтетъ новую хитрость и оружіе, всѣ другіе члены общества прародителей станутъ подражать ему?“ Гипотеза появленія такого человѣка между прародителями тождественна съ гипотезой Ляйбля о появленіи *genia* между обезьяноподобными прародителями человѣка. Ляйбль такой фактъ считаетъ не иначе какъ за „скачокъ“ въ обыкновенномъ ходѣ жизни прародителей; точно такъ же должно смотрѣть и на предполагаемое Дарвиномъ появленіе между прародителями индивидуума отличнаго отъ нихъ по своему умственному строю. Но скачокъ въ природѣ есть то же что и случай, то-есть такая причина которой понять нельзя. Итакъ, много ли усовершилъ свою теорію о происхожденіи человѣка въ психическомъ отношеніи Дарвинъ въ сравненіи съ тѣмъ какъ она для пробы раскрыта была Ляйблемъ?

Утверждать согласно съ Дарвиновою теоріей возможность преобразованія человѣка изъ низшаго животнаго, при содѣйствіи естественнаго подбора, мѣшаетъ уже то обстоятельство что психическая жизнь человѣка существенно отлична отъ психической жизни животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, психическая жизнь животныхъ выражается въ инстинктѣ. Еслибы человѣкъ развился изъ низшаго животнаго, то характеръ его разумности долженъ представлять нѣчто аналогическое съ

* Томъ I, стр. 175.

** Тамъ же, стр. 33.

инстинктомъ животныхъ. Умственное достояніе его, точно такъ же какъ у животныхъ, инстинктъ, передавалось бы изъ рода въ родъ. Человѣческая разумность была бы также инстинктомъ лишь на высшей степени развитія. Если же, какъ намъ извѣстно, разумность человѣка передается только потенциально, а не матеріально какъ у животныхъ, то нельзя не признать что умственный характеръ человѣка существенно отличенъ отъ подобія умственныхъ качествъ представляемыхъ животными; разумность человѣка стоитъ какъ исключеніе въ мірѣ одушевленныхъ существъ. Сравнимъ на примѣръ инстинктъ насѣкомыхъ и умственныя способности человѣка. Для этой цѣли мы воспользуемся *Сравнительною Психологіей* Каруса, въ которой мы находимъ весьма поразительную параллель показывающую какъ генетически инстинктъ отличенъ отъ ума человѣка. „Познаваніе и воспоминаніе насѣкомыхъ, говоритъ Карусъ, вообще стоятъ очень низко сравнительно съ познаніемъ и воспоминаніемъ человѣка, съ другой же стороны они опережаютъ его, въ особенности своею большою *непогрѣшимостію*. Такъ на примѣръ, короѣдъ типографъ, одно изъ насѣкомыхъ наиболѣе олустошающихъ наши лѣса и принадлежащихъ къ семейству точильщиковыхъ, никогда не ошибается въ отыскиваніи нужной ему и его дѣтенышамъ сосны. Но большая часть важнѣйшихъ примѣровъ приходится на долю насѣкомыхъ соединяющихся въ одно цѣлое для большихъ общихъ построекъ, каковы муравьи и пчелы... Между тѣмъ какъ человѣкъ усволяетъ себѣ каждое познаніе только посредствомъ *наученія*, такъ что безъ пособія и указанія себѣ подобныхъ остается даже неискуснѣе и бѣднѣе познаніями чѣмъ большая часть животныхъ, животное напротивъ, и въ особенности такое какъ насѣкомое, которое далеко отстоитъ по организаціи отъ человѣка, уже обладаетъ всѣми познаніями и всѣмъ умѣньемъ какъ *только появится* изъ яйца на свѣтъ.“ * Еслибы теорія Дарвина была дѣйствительно справедлива и въ отношеніи къ человѣку, то человѣкъ родился бы не съ *tabula rasa*, а уже съ готовымъ содержаніемъ знанія, какъ это бываетъ у животныхъ, и притомъ знаніе его въ такой мѣрѣ превосходило бы отъ природы инстинктивное знаніе всѣхъ другихъ животныхъ въ какой онъ удаляется отъ того или другаго животнаго въ своемъ

* *Сравнительная Психологія*, пер. 1867, стр. 91—93.

физическомъ строеніи. Еслибы происхожденіе разумности чело-
вѣка объяснялось естественнымъ подборомъ, то не понят-
но почему чело-вѣкъ лишился того легкаго средства приобрѣ-
тать познаніе какими обладаютъ животныя въ инстинктѣ; не-
понятно почему естественный подборъ измѣнилъ свой обык-
новенный методъ въ развитіи психическихъ особенностей
какъ скоро дѣло дошло до чело-вѣка, почему лишилъ чело-вѣ-
ка наследственныхъ познаній, и далъ ему вза-мѣнъ лишь спо-
собность приобрѣтать познанія. Можно указать и другія осо-
бенности инстинкта животны-хъ отличающія оный отъ раз-
умности чело-вѣка. Чело-вѣкъ можетъ проявлять и не прояв-
лять свою разумность, по крайней мѣрѣ проявлять болѣе или
менѣе. Проявленіе умственныхъ силъ у чело-вѣка зависитъ
отъ его воли. То ли видимъ у животны-хъ? „То что мы назы-
ваемъ инстинктомъ, говоритъ Карусъ, есть не что иное какъ
дѣйствіе только болѣе сложное и совершаемое всѣмъ организ-
момъ, но всегда, подобно простымъ отправленіямъ органиче-
скимъ, дыханію и пищева-ренію, обуславливаемое безсознатель-
нымъ бытіемъ и требованіемъ цѣлаго. Напримѣръ образованіе
и несеніе яицъ есть простой органической актъ, между тѣмъ
какъ пригото-вленіе мѣста вывода для этихъ же яицъ должно
быть названо дѣйствіемъ инстинкта которое основано на без-
сознательномъ бытіи, но совершается всѣмъ существомъ жи-
вотнаго. Поэтому дѣйствіе инстинкта относится къ просто
физиологической или органической функціи не какъ новое
и разнородное, но только какъ высшее и болѣе сложное; оно
зависитъ отъ цѣльности цѣлаго, является періодически, и
каждый разъ возбуждается особыми настроеніями цѣла-
го.“ * Другое отличіе инстинкта животны-хъ отъ ума че-
ловѣка состоитъ въ томъ что инстинктъ животны-хъ не
подлежитъ развитію. То ли о-пять видимъ у чело-вѣка? „Со-
знаніе и представленіе животны-хъ очевидно вращается въ
одномъ и томъ же кругу, не давая большаго простора пси-
хическому развитію индивидуумовъ и не обнаруживая ника-
кого замѣтнаго прогресса въ исторіи цѣлой породы. Живот-
ныя, сколько показываетъ наше наблюденіе, остановились со-
вершенно на одной точкѣ развитія. Отрицать этого нельзя.“ **
Раждается вопросъ: почему естественный подборъ произвелъ

* *Сравнительная Психологія*, стр. 60.

** *Душа чело-вѣка и животны-хъ*. Т. I. Пер. 1865, стр. 391.

человѣка съ такими умственными особенностями какихъ не видно въ мірѣ животныхъ? Почему инстинктъ животныхъ безсознательный, тождественный въ своихъ свойствахъ съ физиологическими процессами, перешелъ въ разумъ свободно проявляющій себя въ такихъ или другихъ дѣйствіяхъ? Почему развивающійся инстинктъ животныхъ переходитъ въ разумъ со способностію къ самому широкому развитію? Въ разумности человѣка, что очень важно, Дарвиновъ законъ наследственности оказался бы недѣятельнымъ въ противность всепроизводящей дѣятельности его среди животныхъ.

Не много яснаго и опредѣленнаго, не говоримъ: серьезнаго, высказываетъ Дарвинъ о происхожденіи умственныхъ способностей человѣка. Онъ говоритъ объ этомъ, по его собственнымъ словамъ, „отрывчато и несовершенно“, да и могло ли быть иначе? Онъ самъ находитъ что „прогрессъ (умственный) зависитъ ловидимому отъ стеченія многихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, а этотъ комплексъ слишкомъ сложенъ чтобы можно было прослѣдить составныя его части въ отдѣльности“. И во всякомъ случаѣ, продолжаетъ онъ, вопросъ о *первомъ движеніи* дикарей (прародителей) къ цивилизаціи слишкомъ запутанъ чтобы его можно было рѣшить въ настоящее время.“ * Этимъ признаемъ Дарвина и закончимъ нашъ разборъ теоріи его о происхожденіи человѣка по его психической сторонѣ.

Что же отсюда слѣдуетъ? Въ состояніи ли естествознаніе дать рѣшительный отвѣтъ о происхожденіи человѣка? „Родъ человѣческой, скажемъ на это словами Кабануса, не можетъ получить никакого точнаго свѣдѣнія о первоначальномъ своемъ происхожденіи; ему не дано способности имѣть правильныя понятія объ условіяхъ сопровождавшихъ его возникновеніе, какъ каждому человѣку не дано въ частности способности сохранить воспоминаніе объ обстоятельствахъ его рожденія.“ **

Х.

Разбирая доселѣ теорію прогрессивнаго развитія организмовъ, мы блуждали съ Дарвиномъ лишь въ туманныхъ сферахъ вѣроятностей и возможностей. Мы изслѣдовали выѣсть

* Т. I. стр. 186—7.

** *Отношеніе между физическою и нравственною природою человѣка.* Пер. 1866 года, т. II, стр. 11.

съ нимъ свойства и характеръ культурныхъ организмовъ, и по нимъ обсуживали *возможность* заключать отсюда къ состоянію организмовъ въ естественномъ состояніи; мы рассмотрѣли *теоретическія* начала развитія организмовъ въ этомъ послѣднемъ состояніи; мы видѣли *теоретическіе* результаты дѣятельности этихъ началъ для животнаго и растительнаго царства въ физическомъ и умственномъ отношеніи. Словомъ, доселѣ мы видѣли лишь теоретическіе взгляды Дарвина, но мы не касались еще фактическихъ основъ его теоріи. Есть ли такія основанія у Дарвина? Какъ представитель точной науки, онъ долженъ имѣть такія основанія, и дѣйствительно, Дарвинъ представляетъ намъ такія основанія. Какія же это основанія? Въ чемъ состоятъ они?

Фактическое подтвержденіе своихъ воззрѣній о прогрессивномъ развитіи организмовъ изъ низшихъ въ высшіе, путемъ нечувствительныхъ измѣненій организаціи, Дарвинъ хочетъ найти въ трехъ различныхъ моментахъ органическаго царства: въ развитіи недѣлимыхъ данной организаціи, именно въ предполагаемомъ прохожденіи ихъ въ зародышевомъ состояніи по низшимъ ступенямъ животнаго міра — въ эмбриологіи, или наукѣ о зачаточномъ состояніи животныхъ организмовъ; въ характерѣ животныхъ формъ представляемыхъ рядомъ нынѣ существующихъ созданій — въ морфологіи, или наукѣ о строеніи животныхъ; и наконецъ, въ развитіи организмовъ въ теченіе геологическихъ періодовъ — въ палеонтологіи, наукѣ объ ископаемыхъ остаткахъ прежде существовавшихъ органическихъ формъ. Первые два момента берутся изъ фактовъ современнаго намъ органическаго міра, послѣдній изъ міра временъ прошедшихъ. При обзорѣ этихъ трехъ моментовъ, Дарвинъ говоритъ уже не какъ теоретикъ, но какъ эмпирикъ по преимуществу, притомъ не какъ эмпирикъ наблюдающій органическую жизнь лишь только въ культурномъ состояніи, но и въ лонѣ самой природы съ ея прошедшимъ и настоящимъ.

Разборъ теоретическихъ воззрѣній Дарвина оказался говорящимъ не въ пользу Дарвина; посмотримъ что скажутъ факты, что скажетъ неподкупная эмпірія.

Что положительнаго извлекаетъ Дарвинъ для своей теоріи изъ ученія о зачаточномъ состояніи организмовъ? Ему кажется что здѣсь онъ наладилъ на слѣдъ того хода развитія организмовъ который допускаетъ его теорія. Вотъ соб-

ственное его мнѣніе объ этомъ: „Зародышъ, говоритъ Дарвинъ, указываетъ намъ на строеніе своихъ прародителей. Если въ двухъ группахъ животныхъ, сколько бы они ни развидись теперь между собою по строенію и образу жизни, зародышевыя стадіи тождественны или схожи, мы можемъ быть увѣрены что они произошли отъ однихъ или отъ близко сходныхъ родителей, и слѣдовательно близко сродны между собою. Такимъ образомъ тождественность въ строеніи зародышей обнаруживаетъ тождественность происхожденія. Интересъ эмбриологіи значительно возвышается если мы станемъ смотрѣть такимъ образомъ на зародышъ какъ на снимокъ, болѣе или менѣе затемненный, съ общаго прародителя каждаго великаго класса животныхъ.“* То-есть проще: въ переходѣ отъ зародыша къ совершенному животному, по Дарвину, существуетъ типическое изображеніе всѣхъ тѣхъ превращеній которымъ, по его теоріи, подвергались всѣ первичныя виды во время длиннаго ряда поколѣній между настоящимъ періодомъ и отдаленнѣйшею первобытною геологическою эпохой.

Намъ кажется, въ этомъ случаѣ Дарвинъ походитъ на утопающаго который хватается за соломинку. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли гдѣ-либо могъ онъ заимствовать такъ мало свѣта для своей теоріи какъ именно въ темной области эмбриологіи. Здѣсь, при темнотѣ предмета, каждый воленъ извлекать какіе угодно выводы.

Дарвинъ въ своихъ воззрѣніяхъ на эмбриологію, какъ кажется, пользуется не столько трудами новѣйшихъ ученыхъ, сколько мнѣніями авторитетовъ уже отшедшихъ въ область исторіи.** Чѣмъ далѣе идетъ наука, тѣмъ болѣе открывается какъ шатки и преждевременны были заключенія дѣлаемые на основаніи эмбриологическихъ изысканій прежними учеными.

Состояніе науки въ настоящее время весьма мало благоприятствуетъ иллюзіямъ которымъ предавались ученые прежде, а за ними и Дарвинъ. По изслѣдованію Катрфажа, знаменитаго спеціалиста въ вопросѣ, сходство въ зародышевомъ состояніи организмовъ ограничивается лишь тѣмъ временемъ когда зародыши находятся на первой ступени развитія; лишь только зародыши переступаютъ эту

* *О происхожденіи видовъ*, стр. 354—355. Сл. *Происхожденіе человека*, т. I, стр. 29—30.

** *Геологія Лайэля*, т. II, стр. 311—312.

первую ступень бытія, сходство невозвратно исчезаетъ. „Нѣсколько зернышекъ, говоритъ Катрфажъ, едва замѣтныхъ подъ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ или же одна ячеика менѣе острія тончайшей иголки, вотъ въ какомъ видѣ представляется въ началѣ зародышъ растенія и животнаго: зерно, почка, луковка, или яичко. Ими одинаково начинаются существованія какъ дуба и слона, такъ равно и мха, и червяка, въ такомъ же первоначальномъ видѣ является и человѣкъ.“ * „Но какъ скоро обозначатся первые признаки организациі, подобіе прекращается; съ появленіемъ отличительныхъ свойствъ зачатокъ становится зародышемъ, получающимъ съ самаго начала основныя черты той группы къ которой со временемъ онъ будетъ принадлежать. До сихъ поръ развитіе какъ позвоночныхъ, такъ и беспозвоночныхъ животныхъ было совершенно одинаково; теперь, съ первымъ началомъ организациі, они навсегда раздѣляются; съ этихъ поръ уже видно къ какому изъ этихъ двухъ отдѣленій животнаго царства принадлежитъ зародышъ.“ ** Отсюда для Катрфажа „зародышъ есть миниатюра существа вполне образованнаго.“ *** „Только изъ пристрастія къ идеѣ, говоритъ Фогтъ, не хотѣть замѣтить что съ самаго начала уже въ зародышахъ являются типическія основныя различія кладущія свою неизмѣнную печать на всю организацию и никогда не уничтожающіяся. Не хотѣли замѣтить того что достаточно нѣсколькихъ общихъ признаковъ чтобъ отличить во всякомъ случаѣ зародышъ позвоночнаго отъ зародыша суставчатаго или моллюска самымъ положительнымъ образомъ.“ **** Таковы мнѣнія ученыхъ о первыхъ порахъ организациі животныхъ, ученыхъ которые говорили въ этомъ случаѣ безъ предзанятой идеи прогрессивнаго развитія организмовъ въ смыслѣ Дарвина. Желающій найти различіе между организмами въ зародышевомъ состояніи находить это различіе, не желающій всегда можетъ отрицать его пользуясь темнотою предмета.

Если съ самаго начала развитія организациі организмъ уже носить черты строго опредѣляющія будущее строеніе животнаго, то конятно какія бы онъ ни принималъ формы въ

* *Метаморфозы челоѣка и животныхъ.* Перев. 1859, стр. 4.

** Тамъ же стр. 14.

*** Тамъ же, стр. 25.

**** *Зоологическія письма.* Перев., стр. 288—289.

теченіе своего зародышнаго развитія, онъ будутъ имѣть лишь случайное сходство съ другими формами животныхъ, а никогда не будутъ имѣть характера одинаковости. Этого именно мнѣнія и держится Фогтъ: „Совершенно справедливо, говорить онъ, что зародыши высшихъ животныхъ во время своего развитія проходятъ фазы аналогичныя съ постоянными формами низшихъ животныхъ. Однако эта аналогія *никогда и ни въ какомъ случаѣ* не заходитъ такъ далеко чтобы за нею совершенно исчезалъ частный планъ организаціи животнаго. Эта аналогія ограничивается въ отдѣльныхъ случаяхъ только известными опредѣленными органами: какъ, напримѣръ, человѣческой зародышъ по жаберной щели, бывающей у него на шеѣ въ первое время, имѣетъ нѣкоторое сходство съ рыбою, хотя у него нѣтъ настоящихъ жабръ и хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ нисколько не походитъ на рыбу. Организація каждаго животнаго въ частности есть какъ бы результатъ двухъ силъ: 1) *общаго плана* лежащаго въ основаніи обширнаго класса животныхъ и обуславливающаго тѣ особенности въ силу которыхъ животное относится къ позвоночнымъ членистымъ, и 2) *частнаго плана*, сообщающаго животному болѣе опредѣленный характеръ; въ силу этого частнаго плана оно заявляетъ свои исключительныя особенности, напримѣръ какъ рыба, земноводное или птица. Вотъ этотъ-то первый планъ и даетъ возможность возникнуть уломянутымъ сходствамъ, которыя однакожь далѣе этого плана не заходятъ. У каждаго тела, у каждой вѣтви есть свой особый планъ развитія, который съ планомъ другой вѣтви не имѣетъ ничего общаго.“ * Много ли Дарвинъ извлечетъ отсюда выгоды для своей теоріи? Прежде всего онъ желаетъ найти тождественность между зародышевымъ состояніемъ высшихъ животныхъ и развитыми формами низшихъ животныхъ, но такому заключенію прелятствуетъ частный планъ организаціи зародыша; такой планъ съ самаго начала бытія зародыша и во все продолженіе его развитія придаетъ ему строго опредѣленный характеръ именно того животнаго до котораго долженъ развиться зародышъ. А безъ этого тождества подобное сходство ничѣмъ не отличается отъ того какое имѣетъ всякое высшее животное со ородными ему формами по роду и даже классу. Возьмемъ, напримѣръ,

* *Естественная исторія мѣрозданія*. Пер. Замѣтки къ стр. 182, 192. т. сѣт.

человѣка: и тотъ въ полномъ своемъ развитіи имѣть сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ рыбою въ устройствѣ глаза, спиннаго хребта и т. д., и еще болѣе съ млекопитающими. Но что отсюда слѣдуетъ кромѣ того что человѣкъ назначенъ для жизни въ природѣ, есть звено природы? Если отъ того сходства которое проявляютъ высшія животныя съ низшими въ развитомъ состояніи обратимся къ сходству формъ высшихъ животныхъ въ зародышевомъ состояніи съ низшими формами развитаго состояніа обоихъ родовъ животныхъ, то и это сходство, говоря вообще, не говорить болѣе чѣмъ сходство формъ въ развитомъ состояніи. Человѣкъ въ зародышевомъ состояніи походитъ на рыбу, но въдѣ и въ развитомъ состояніи имѣеть нѣкоторое отдаленное сходство съ нею. Онъ также и въ развитомъ состояніи носитъ черты и общаго плана какъ позвоночное, и частнаго плана какъ человѣкъ. Эмбриологія ничего не прибавляетъ къ этому наблюдаемому нами вседневно факту.

Но даетъ ли подобное сходство зародышей высшихъ животныхъ основаніе для ученія о прогрессивномъ развитіи организмовъ по Дарвиновой теоріи? Ни мало. Основываясь на сходствѣ высшихъ формъ животныхъ на низшей ступени зачаточнаго развитія съ формами низшихъ животныхъ, Бэръ говоритъ: „можно принять, сообразно съ Дарвиномъ, что постоляныя различія животныхъ образовались съ теченіемъ времени, чрезъ многія поколѣнія. „Но именно это, замѣчаетъ онъ, повидимому естественное предположеніе и ложно. Почему же? Потому, говоритъ знаменитый натуралистъ, что „сходство встрѣчается только въ зародышахъ которымъ еще нечего заботиться о себѣ, и которые еще не могутъ заботиться. Такъ какъ равніе зародыши не могутъ принимать никакой пищи своимъ ртомъ, который еще не образовался, то они не имѣють надобности и въ дыханіи ни жабрами, ни легкими, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому что кровь изымается безъ ихъ содѣйствія или воздухомъ, который проникаетъ въ яща лтищъ, или кровію матери у млекопитающихъ.“* Проще: зародышъ вышшаго животного походитъ въ первомъ періодѣ своего развитія на низшихъ животныхъ только потому что не имѣеть органовъ которые отличаютъ его въ развитомъ состояніи и въ которыхъ онъ въ періодѣ своего эмбриональнаго состояніа не

* Журналъ *Натуралистъ* 1865, стр. 366.

имѣть никакой нужды. Человѣкъ въ извѣстный періодъ своего эмбриональнаго состоянія не имѣетъ легкихъ, какъ рыба, не потому чтобы онъ проходилъ ступень рыбы въ своемъ развитіи, но только потому что природа, скулая на излишества, не дала зародышу того въ чемъ онъ не имѣетъ никакой надобности. Объясненіе Бэромъ эмбриональнаго состоянія высшихъ животныхъ разбиваетъ иллюзіи на которыхъ строится теорія Дарвина.

Наконецъ, если ближе всмотримся въ научныя данныя эмбриологіи относительно порядка въ которомъ слагаются части организма въ различныхъ классахъ животныхъ, то здѣсь Дарвинова теорія встрѣчается съ такими затрудненіями которыя должны лишить ее всякихъ надеждъ. Вотъ что говоритъ Катрфажъ: „У млекопитающихъ прежде всего появляется сердце, вскорѣ затѣмъ артеріи и вены; спустя немного нервная система, и гораздо позднѣе пищеварительный каналъ. У безпозвоночныхъ порядокъ совершенно измѣняется. Пищеварительный аппаратъ производится прежде органовъ кровообращенія. Иногда случается что ихъ вовсе не бываетъ въ теченіе долгаго времени независимой жизни молодого животнаго внѣ яйца.“* Что отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ то отъ чего Дарвинова теорія окончательно залуцается въ противорѣчіяхъ на почвѣ эмбриологіи. Эмбриологія показываетъ что развитіе позвоночныхъ идетъ такъ, а безпозвоночныхъ идетъ иначе. Спрашивается: въ какомъ же порядкѣ шло развитіе животной жизни на землѣ, въ томъ ли какъ показываетъ эмбриональное состояніе позвоночныхъ, или въ томъ какъ показываетъ то же состояніе безпозвоночныхъ? Если въ первомъ порядкѣ, то противъ теоріи будетъ свидѣтельствовать развитіе безпозвоночныхъ; если во второмъ, то противъ предположенія заговоритъ развитіе позвоночныхъ. Дѣло въ томъ что если сообразно съ теоріею Дарвина эмбриональное состояніе есть образъ первоначальнаго состоянія животныхъ, то, судя по развитію позвоночныхъ, міръ животныхъ долженъ начаться организмами съ легкими, слѣдовательно дышащими воздухомъ, а судя по развитію безпозвоночныхъ, міръ животныхъ начался животными имѣющими лишь пищеварительный каналъ. Итакъ эмбриологія не только не говоритъ въ пользу Дарвиновой теоріи, но самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ противъ ея идей.

* *Метаморфозы члвчска и животныхъ*, стр. 19.

XI.

Повидимому болѣе надеждъ для теоріи Дарвина подаетъ морфологія. „Что можетъ быть любопытнѣе того обстоятельства, говоритъ Дарвинъ, что рука человѣка, назначенная для хватанья, лапа крота, назначенная для рытья, нога лошади, лапа моржа и крыло летучей мыши — всѣ построены по одному образцу и содержатъ однѣ и тѣ же кости въ одинаковыхъ положеніяхъ?“ Какое же Дарвинъ даетъ объясненіе этому и подобнымъ фактамъ сходства въ строеніи? Вотъ оно. „Тождественность остоновъ человѣческой руки, крыла летучей мыши, лавника моржа и лошадиной ноги, равенство числа позвонковъ составляющихъ шею жираффы и слона и безчисленные другіе подобные факты сразу объясняются по теоріи постепеннаго, потомственнаго видоизмѣненія. Сходство плана въ крылѣ и лалѣ летучей мыши, хотя и служащихъ къ столь различнымъ цѣлямъ, въ челюстяхъ и ногахъ раковъ, въ лепесткахъ, тычинкахъ и лепесткахъ цвѣтовъ, также понятно при предположеніи что части и органы, тождественные у ранняго предка класса, постепенно видоизмѣнились.“*

Что есть сходство въ извѣстныхъ органахъ у организмовъ извѣстныхъ классовъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но для того чтобы видѣть вытекаетъ ли отсюда то что вытекаетъ для Дарвина, необходимо не закрывать глаза и на тѣ различія которыя остаются при всемъ сходствѣ организмовъ извѣстныхъ классовъ и полагаютъ между ними непроходимую бездну. Выводъ Дарвина только тогда бы былъ вѣренъ еслибъ имъ безпристрастно взвѣшены были вмѣстѣ со сходствомъ и различія организмовъ, еслибъ имъ такъ-оказать положены были на одну чашку вѣсовъ сумма сходствъ организмовъ, на другую сумма различій организмовъ, и еслибы первая чашка очевидно для всѣхъ перетягивала вторую чашку. Но Дарвинъ не дѣлаетъ такого безпристрастнаго взвѣшивания. Онъ упираетъ на одни сходства, но оставляетъ различія безъ вниманія. Между тѣмъ эти различія, по свидѣтельству Бэра, такъ перевѣшиваютъ сходства что натуралистъ этотъ не затрудняется заявить слѣдующее: „кто серьезно

* Тамъ же, стр. 344, 378.

замыкая исторіей развитія и различіемъ въ строеніи животныхъ, тотъ искренно сомнѣвается въ возможности развитія всѣхъ животныхъ изъ одной или очень немногихъ начальныхъ формъ. Животныя устроены, утверждаетъ Бэръ, по совершенно различнымъ типамъ, такъ что невозможно допустить чтобъ они могли переходить другъ въ друга.* И это увѣреніе онъ подтверждаетъ рядомъ всѣхъ фактовъ, которые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ что не то что сходство преобладаетъ надъ различіемъ въ строеніи организмовъ, но наоборотъ, различіе преобладаетъ въ нихъ надъ сходствомъ.

Это различіе поразительно, какъ между организмами принадлежащими къ цѣлымъ различнымъ отдѣламъ, такъ и животными принадлежащими къ различнымъ классамъ въ одномъ и томъ же отдѣлѣ, такъ наконецъ и между животными принадлежащими къ одному и тому же семейству въ классѣ.

Сравнивая позвоночныхъ съ другими отдѣлами животныхъ, Бэръ находитъ между ними различія которыя ставятъ ихъ въ рѣшительную противоположность другимъ. „Позвоночныя животныя содержатъ внутри себя рядъ костей которыя мы называемъ позвонками, имѣющими кверху, то-есть на спинѣ и по бокамъ, отростки; къ поперечнымъ отросткамъ прикрѣпляются ребра. Съ наружной стороны позвонковъ, ихъ отростковъ и реберъ, прикрѣпляются всѣ мускулы движущіе туловищемъ. Вдоль спины у нихъ лежитъ хребетный мозгъ; окруженный кольцеобразными частями позвонковъ; въ черепной полости онъ переходитъ въ головной мозгъ. Все это устроено совершенно иначе и по большей части въ обратномъ положеніи у суставчатого (членистаго) животнаго. Твердые части здѣсь не костяныя, а роговыя, онѣ лежатъ снаружи и даютъ отростки внутрь для прикрѣпленія мускуловъ. Слѣдовательно послѣдніе лежатъ внутри роговаго скелета. Рядъ нервныхъ узелковъ, замѣняющихъ хребетный мозгъ позвоночныхъ, лежитъ у жуковъ и сходныхъ съ ними животныхъ совершенно внизу, на брюшной сторонѣ, а сердце, напротивъ того, вверху, на спинной сторонѣ. Отсюда видно что важнѣйшіе органы имѣютъ обратное положеніе. У слизняковъ и ракушекъ организація олять иная; у морскихъ звѣздъ, у морскихъ ежей и подиловъ олять иная.“**

Какое различіе, далѣе, между различными классами одного

* Журналъ *Натуралистъ*, стр. 361—2.

** Тамъ же, стр. 361—2.

и того же отѣла! Какое разнообразіе между классами животныхъ принадлежащихъ къ одному и тому же отѣлу позвоночныхъ. „Въ глазахъ зоолога всѣ животныя позвоночныя составляютъ, говоритъ Бэръ, одно большое и главное отѣленіе животнаго царства, потому что всѣ они устроены по одному общему тѣлу. Но въ нѣкоторомъ отношеніи они однакожь весьма различны. Одни классы принимаютъ воздухъ посредствомъ дыханія въ легкія, и сердце гонитъ или всю кровь черезъ легкія, прежде чѣмъ послѣдняя будетъ распределена по всему тѣлу, какъ у млекопитающихъ и птицъ, или только часть крови, какъ у пресмыкающихся. У рыбъ, напротивъ того, нѣтъ легкихъ, а есть жабры, то-есть длинные ряды нѣжныхъ листочковъ, въ которыхъ распределяется кровь; при этомъ распределеніи кровь принимаетъ тотъ воздухъ который растворенъ въ водѣ.“* „Головной мозгъ у рыбъ необыкновенно малъ, не только въ отношеніи къ тѣлу, но и въ отношеніи ко хребетному мозгу; головной мозгъ ихъ не имѣетъ ни одной преобладающей части, и состоитъ изъ нѣсколькихъ бугорковъ, лежащихъ другъ за другомъ; у сихъ животныхъ этотъ мало развитый мозгъ лежитъ совершенно спереди хребтнаго, и голова не можетъ нисколько возвышаться надъ туловищемъ, даже шея здѣсь нѣтъ. У пресмыкающихся головной мозгъ нѣсколько больше въ отношеніи ко хребетному мозгу и къ тѣлу. У нихъ передняя часть головного мозга нѣсколько больше развита чѣмъ другія; она нѣсколько закрываетъ сзади слѣдующую часть. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они могутъ нѣсколько возвышать голову надъ туловищемъ. У птицъ головной мозгъ по вѣсу, а слѣдовательно и по объему, гораздо болѣе нежели у пресмыкающихся, а потому голова не только носится выше туловища, но и все тѣло имѣетъ подутвѣсное положеніе. Въ этомъ отношеніи птицы гораздо ближе къ человѣку нежели большая часть млекопитающихъ. Но мозгъ птицъ имѣетъ внутреннія несовершенства, ихъ большой мозгъ показываетъ малое развитіе въ томъ что кора его очень тонка, а напротивъ того внутрення части очень велики. У млекопитающихъ начинается новый рядъ развитія мозга. Кора большаго мозга толще и становится тѣмъ толще и больше чѣмъ больше мы приближаемся къ человѣку.“**

* *Натуралистъ*, стр. 365.

** Тамъ же, стр. 82—3.

Если еще болѣе сузимъ нашъ кругозоръ и ограничимъ его однимъ классомъ млекопитающихъ, то и здѣсь встрѣтимся съ тѣми же незначительными различіями которыми, при сходствѣ различаются порядки одного и того же класса. Мы обратимъ вниманіе лишь на различіе въ ихъ конечностяхъ, на которыя съ такимъ улованіемъ смотритъ Дарвинъ. „Ихъ конечности, говоритъ Бэръ, очень различны. Китообразныя имѣютъ только одну пару конечностей, именно на груди, и тѣ превращены въ ллавники только съ однимъ сочлененіемъ, между тѣмъ какъ тюлени имѣютъ короткія конечности со многими сочлененіями; у нихъ двѣ пары конечностей, и пальцы ихъ соединены широкою ллавательною перепонкою. Большая часть млекопитающихъ имѣетъ болѣе длинныя ноги, которыя поддерживаютъ туловище надъ землею, и пальцы у однихъ съ узкими когтями, у другихъ же съ широкими копытами. Иныя оляты имѣютъ четыре руки, какъ обезьяны, и наконецъ у человѣка двѣ руки и двѣ ноги.“*

При взглядѣ на классъ млекопитающихъ мы не можемъ обойти молчаніемъ тѣхъ различій которыя полагаютъ цѣлую бездну между двумя высшими представителями млекопитающихъ, обезьяною и человѣкомъ, сходство которыхъ въ строеніи органовъ даетъ пищу для гипотезъ Дарвина.**

Прежде всего приведемъ слѣдующія примѣчательныя въ настоящемъ случаѣ слова натуралиста Гэксли, опредѣляющія вообще точку зрѣнія на морфологическое сходство человѣка съ обезьянами, которое подастъ такія несбыточныя надежды Дарвину. Онъ говоритъ: „Я нашелъ что люди старающіеся передать въ общее свѣдѣніе то что природа ясно показываетъ намъ для ея пониманія весьма часто подвергаются всякаго рода нападкамъ, мнѣнія ихъ перетолковываются, способъ изложенія разбирается вкось и кривь, и выходитъ наконецъ какъ будто бы они утверждаютъ что анатомическое различіе между человѣкомъ и даже высшею обезьяною ничтожно и незначительно. Пользуюсь этимъ случаемъ чтобы ясно показать напротивъ того что различіе это велико и что каждая кость гориллы (одной изъ самыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, специально изученной Гэксли) носить какую-нибудь особенную примѣту по которой легко отличить ее отъ соответствующей человѣческой кости, и что по крайней мѣрѣ въ

* Тамъ же, стр. 364.

** Происхожденіе человѣка. Томъ I, стр. 29—30.

настоящій міровой періодъ между Номо (человѣкъ) и Troglodytes (обезьяна) *не существуетъ никакой связующей нити*, никакого перехода черезъ эту громадную разсѣдину. Отрицать существованіе такой разсѣдины было бы ошибочно и неагло. " * Въ виду такого положенія вещей, Фогтъ готовъ призвать науку къ осторожности въ рѣшеніи вопросовъ о человѣкѣ на основаніи изученія морфологическихъ особенностей обезьянъ. Онъ говоритъ: „всего нѣсколько лѣтъ какъ открыли въ лѣсахъ западной Африки гориллу, о существованіи которой и не предполагалъ никто до сихъ поръ. Изъ трехъ большихъ безхвостыхъ обезьянъ она самая близкая къ человѣку, по образованію своихъ ручныхъ кистей и столь, но стоитъ ниже оранга и шимпанзе по развитію черепа и мозга. Нельзя конечно считать невозможнымъ что когда-нибудь и гдѣ-нибудь найдется обезьяна которая по черепу и мозгу будетъ такъ же близка къ человѣку какъ близка горилла по формамъ своихъ конечностей, но *пока факта нѣтъ*, было бы *нелѣпо выводить* какія-либо заключенія изъ его возможности.“ **

И дѣйствительно морфологія человѣка и обезьянъ, на которую не безъ улованія смотритъ Дарвинъ, весьма мало даетъ ясныхъ фактовъ для заключеній о родствѣ человѣка съ міромъ животныхъ—съ обезьянами. То что бросается прежде всего въ глаза при сравненіи человѣка съ обезьяною это вертикальное стояніе человѣка. Самъ Фогтъ это вертикальное положеніе человѣка ставитъ какъ отличный признакъ человѣка въ сравненіи съ обезьяною. „Человѣкъ *безусловно*, говоритъ онъ, отличается отъ обезьяны своимъ вертикальнымъ положеніемъ, которое обезьяна принимаетъ только случайно или вслѣдствіе дрессировки, но которое не составляетъ ея естественной принадлежности.“ *** Вертикальное стояніе человѣка принимаетъ Бэръ какъ признакъ существенно отличающій человѣка отъ обезьяны. **** Весьма интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Гэксли объ отношеніи въ какомъ стоитъ скелетъ и его части у гориллы къ скелету и его частямъ у человѣка. „Я нашель, говоритъ онъ, что по-

* О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ. Переводъ 1864, стр. 117.

** Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Перев. 1863, томъ I, стр. 233.

*** Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Перев. 1864, стр. 157.

**** Натурализмъ, стр. 29—30, 49—50.

звоночный столбъ взрослой гориллы имѣеть 27 дюймовъ, что рука до кисти имѣеть $31\frac{1}{2}$ дюйма, нога до ступни $26\frac{1}{2}$ дюймовъ, кисть руки $9\frac{1}{4}$ дюймовъ, ступня $11\frac{1}{4}$ дюймовъ въ длину. Другими словами, если принять длину позвоночнаго столба во 100, руки будутъ относиться къ нему какъ 115, ноги 96, кисть руки 36, и ступня 41. Беремъ, говоритъ Гэксли,—скелетъ Бушмена (онъ беретъ Бушмена потому что эти дикари африканскіе стоятъ на самой низшей стелени человѣческой цивилизаціи) мужескаго пола, измѣряемъ его точно такимъ же образомъ и получаемъ слѣдующія относительные размѣры: принимая позвоночный столбъ за 100, рука 78, ноги 110, кисть руки 26, ступня 32. У еврейскаго скелета находимъ что рука равняется 80, нога 117, кисть руки 26, ступня 35.* Если отъ этихъ признаковъ, нагляднымъ образомъ отдѣляющихъ человѣка отъ обезьяны, обратимся въ частности къ отдѣльнымъ органамъ человѣка и обезьяны, то и здѣсь находимъ какая бездна раздѣляетъ морфологическую сторону обезьяны отъ той же стороны человѣка. Посмотримъ на руки человѣка и руки обезьяны, тождественны ли онѣ по устройству? Далеко нѣтъ. „Отъ того именно что человѣкъ можетъ твердо стоять и ходить на двухъ ногахъ, говоритъ Бэръ, другая пара конечностей совершенно свободна отъ назначенія служить для движенія. Природа превратила послѣднюю часть этой конечности въ многосуставчатое, искусное и ко всему способное орудіе, которое мы называемъ рукою. Это орудіе способно своею нижнею поверхностію узнавать самыя малыя различія въ поверхности другихъ тѣлъ: ихъ твердость и мягкость, и въ то же время обхватывать другія тѣла весьма крѣпко и съ большою силою. Обезьяны имѣють также руки на переднихъ или верхнихъ конечностяхъ, но эти руки не такъ хорошо организованы для разнообразнаго употребленія. Ихъ руки суть собственно четырехъ-палые багры, весьма удобные для захватыванія древесныхъ сучьевъ и вѣтвей, чтобы поднимать на нихъ тѣло, а не для того чтобы брать орудіе и управлять имъ съ вѣрностію. Напротивъ, человѣческая рука приспособлена къ разнообразнымъ употребленіямъ: чтобы махать съ силою топоромъ, чтобы дѣйствовать тонкою иглою или перомъ, чтобы чувствовать въ мукѣ самую мелкую песчинку когда она лежитъ на гладкой

* О показаніи челоѣка и пр., стр. 80.

поверхности.“ * Если бросимъ взглядъ на спинной хребетъ человѣка, то и здѣсь откроемъ такія же и еще большія различія въ строеніи съ обезьянами. „Только у одного человѣка, говоритъ тотъ же Бэръ, есть четверной изгибъ хребетнаго столба, на шеѣ впередъ, на спинѣ назадъ, на поясищѣ олятъ впередъ и на крестцѣ еще разъ назадъ. Тогда какъ у всѣхъ обезьянъ, даже и самыхъ сходныхъ съ человѣкомъ, хребетный столбъ изогнуть слабо въ одну дугу.“ * Въ этомъ отношеніи Гэкслю указываетъ и другія отличія. Напримѣръ онъ говоритъ: „у гориллы замѣчается присутствіе одной пары реберъ при первомъ поясномъ позвонкѣ, которое у человѣка встрѣчается лишь изрѣдка въ видѣ исключеній (т.-е. какъ уродливости); семнадцать спинно-поясныхъ позвонковъ у гориллы дѣлятся на 13 спинныхъ и 4 поясныхъ, между тѣмъ какъ у человѣка спинныхъ 12, а поясныхъ 5.“ *** Человѣкъ преимущественно предъ прочими животными одаренъ даромъ слова и разумомъ; сообразно съ этими дарами и тѣ органы которые условливаютъ ихъ устроены иначе чѣмъ у обезьяны. „Что дѣлаетъ человѣка такимъ какимъ онъ есть?“ Спрашиваетъ Гэкслю, и отвѣчаетъ: „что другое какъ не способность рѣчи даетъ людямъ способность сдѣлаться людьми? Я утверждаю, продолжаетъ онъ, что это различіе по своимъ послѣдствіямъ необъятно, неслостижимо, и поистинѣ бесконечно. Но что такое эта способность рѣчи? Голосъ можетъ существовать только до тѣхъ поръ пока голосовыя связки, колебанія которыхъ производятъ звукъ, параллельны; а эти связки до тѣхъ поръ параллельны пока извѣстные мускулы вполнѣ равномерно сокращаются, что въ свою очередь зависитъ отъ соразмѣрности въ дѣятельности обоихъ нервовъ оказывающихъ свое вліяніе на мускулы голосовой щели. **** Какую громадную разницу представляютъ въ этомъ отношеніи обезьяны! Обезьяны вмѣсто такихъ голосовыхъ связокъ, колеблющихся вслѣдствіе даже весьма слабого движенія, какъ это находимъ у человѣка, имѣютъ гортань и дыхательное горло переполненные всякаго рода при-

* *Нату алисть*, стр. 80.

** Тамъ же, стр. 415.

*** *О положеніи челоька и пр.*, стр. 83.

**** Наши свидѣнія объ органической природѣ. Перев. Стр. 224—5. См. *Натуралисть*, стр. 415.

бавочными мышками, почему проникающий въ ихъ гортани воздухъ производитъ лишь глухой резонансъ. „Довольно странно, замѣчаетъ Бэръ, сообщающій эти свѣдѣнія объ устройствѣ гортани у обезьянъ, что именно тѣ большія обезьяны которыя по устройству скелета всего болѣе похожи на человѣка: горилла, шимпанзе и орангутангъ, имѣютъ большіе прибавочные мышкы на гортани, какъ будто бы природа хотѣла ихъ сдѣлать неспособными къ произношенію членороздѣльныхъ звуковъ.“ * „Обратимся, говоритъ Гексли — къ благороднѣйшему и наиболѣе характерному органу который такъ рѣзко отмѣчаетъ форму человѣка отъ всѣхъ другихъ формъ — черепу?“ Что же показываетъ разсмотрѣніе черепа человѣческаго и черепа обезьяны? Оно показываетъ что „разница между черепами человѣка и гориалы поистинѣ громадна“. Именно: „у послѣдней лицо широко раздавленное отъ массивныхъ частей челюстей перевѣшиваетъ мозговое вмѣстилище или собственно черепъ, у перваго же все это наоборотъ. У человѣка затылочное отверстіе черезъ которое проходитъ большой нервный каналь (посредствомъ котораго головной мозгъ входитъ въ общеніе съ нервами туловища) помѣщается непосредственно за центральною точкою основанія черепа и такимъ образомъ черепъ въ вертикальномъ положеніи находится въ полномъ равновѣсіи. У гориаллы же затылочная часть находится въ задней трети этого основанія. У человѣка поверхность черепа сравнительно гладкая и бровныя дуги весьма выдаются впередъ, тогда какъ у гориаллы на черепѣ развиваются огромныя костяныя гребни, а бровныя дуги нагибаются надъ глазами на подобіе карнизовъ или навѣсовъ.“ Весьма поучительныя данныя представляетъ тотъ же Гексли относительно емкости черепа гориаллы и человѣческаго. „Сколько мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, ни въ одномъ изъ доселѣ измѣренныхъ человѣческихъ череповъ у взрослыхъ мужчинъ кубическая емкость не оказывалась менѣе 62 кубическихъ дюймовъ, самый узкій изъ череповъ измѣренныхъ Мортонемъ у различныхъ племенъ имѣлъ 63 кубическихъ дюйма; напротивъ того, полость самаго объема черепа гориаллы не превосходила еще емкости 34½ кубическихъ дюймовъ. Для большаго удобства можно, замѣчаетъ Гексли, принять что самый плоскій

изъ человѣческихъ череповъ *двое* *обезьянъ* самого высшего черепа гориллы. * Столь же разительны различія и важнѣйшаго органа человѣческаго, служащаго условіемъ его высшаго интеллектуальнаго развитія,—мозга, отъ соответствующаго органа у обезьянъ. „Отношенія мозга ко всему тѣлу у человѣка совершенно другія, по Бэру, нежели у обезьяны“. „Среднимъ числомъ можно положить что у взрослага человѣка вѣсъ мозга равенъ $\frac{1}{30}$ всего тѣла человѣка, а у гориллы $\frac{1}{120}$. У шимпанзе это отношеніе должно быть нѣсколько больше, но не много. Слѣдовательно, отношеніе мозга ко всему тѣлу у взрослага человѣка въ четыре раза больше чѣмъ у обезьяны.“ Особенно велико отношеніе головного мозга ко хребетному и нервамъ. Слѣдовательно у человѣка преобладаетъ центральная часть нервной системы въ отношеніи къ периферическимъ частямъ гораздо больше нежели у другихъ животныхъ. Въ самомъ мозгу, большой мозгъ у человѣка развитъ въ отношеніи къ малому болѣе нежели у животныхъ. Далѣе, внутри большаго мозга у человѣка развита сильнѣе олять верхняя часть или собственно полушарія чѣмъ внутренняя и нижняя часть. Поэтому на полушаріяхъ гораздо болѣе извилинъ и глубже борозды чѣмъ на мозгу какого-либо другаго животнаго, какъ будто бы у человѣка не достало въ черепѣ мѣста для мозгу.“ ** На великомъ различіи мозга человѣка и обезьяны настаиваетъ и Гексли. Онъ призываетъ: „существуетъ огромная разница въ абсолютной величинѣ и вѣсѣ между низшимъ человѣческимъ мозгомъ и высшимъ обезьяньимъ. Разница эта тѣмъ поразительнѣе что, какъ известно, напримѣръ взрослая горилла должна быть сама по себѣ почти вдвое тяжелѣе какого-нибудь Бушмена или многихъ изъ европейскихъ женщинъ. Сомнительно, заключаетъ онъ, чтобы здоровый человѣческій мозгъ когда-либо вѣсилъ менѣе 31 или 32 унцій, а мозгъ гориллы болѣе двадцати.“ ***

Въ заключеніе характеристики различій человѣка и обезьяны въ морфологическомъ отношеніи, мы должны еще указать на различіе человѣка отъ обезьяны въ строеніи лица, измѣреніе котораго достигается при помощи такъ-называемаго лицеваго угла. Вотъ результаты подобнаго измѣре-

* О положеніи челоька и пр., стр. 86 и 87.

** *Натуралистъ*, стр. 82, 403.

*** О положеніи челоька и пр., стр. 115.

нія, по Лайблаху. „Одна изъ породъ четырехрукихъ шимпанзе, по его словамъ, лицевой уголъ въ 42° , а другая, по фигурѣ наиболее приближающаяся къ человѣку, 50° , между тѣмъ какъ лицевой уголъ человѣка отъ 70° восходитъ до 80° * и даже далѣе. Имѣя въ виду указанная нами различія человѣка отъ обезьяны въ строеніи тѣла, нельзя не повторить многозначительныхъ словъ Демулена: „говоря анатомически, предѣлъ организациі отдѣляющій самую совершенную изъ обезьянъ отъ самаго несовершеннаго изъ людей безконеченъ“.**

Всѣ эти данныя говорятъ ту истину что сходство не есть преобладающій признакъ характеризующій болѣе или менѣе сродные организмы, но что это сходство сопровождается всегда болѣе или менѣе важными различіями въ организмахъ. Поэтому если Дарвинъ, наирая на сходство съ презрѣніемъ къ фактамъ различія, хочеть въ морфологіи находить подтвержденіе своей гипотезы, то тѣмъ кто не раздѣляетъ увлеченія этою гипотезою всегда можно для укрѣпленія своихъ возрѣній сослаться на факты различія. Въ вопросахъ морфологическихъ, говоря безпристрастно, дарвинисты и антидарвинисты уравниваются въ своихъ доказательствахъ. Каждый можетъ быть правъ по-своему. Сами по себѣ факты не говорятъ ни за, ни противъ Дарвина. Притомъ нельзя не замѣтить что факты эти говорили бы за Дарвина только тогда если бы твердо стояли самые принципы Дарвина, но какъ скоро эти принципы не столь тверды какъ выдаетъ ихъ Дарвинъ, то факты могутъ и не получать того объясненія которое даетъ имъ Дарвинъ. А главное, самые факты только тогда становились бы на сторонѣ Дарвиновой теоріи еслибы сходство въ формахъ организмовъ было такого рода что переходъ отъ одной формы въ другую совершался бы нечувствительно, такъ что трудно было бы сказать гдѣ кончается область одной формы и начинается предѣлъ другой. Еслибы формы, переходя отъ одной въ другую, своею постепенностью въ совершенствѣ организациі, давали съ ясностью помять о той предполагаемой Дарвиномъ безпредѣльной постепенности въ образованіи организмовъ по которой одинъ организмъ переходитъ въ другой путемъ самыхъ легкихъ, едва замѣтныхъ измѣненій въ строеніи, тогда сходство

* Лайблахъ. *Геология*. Томъ II, переводъ 1868 года, стр. 309—310.

** *Естественная исторія человека* Катрфажа, стр. 139.

въ организамахъ было бы доказательствомъ для теоріи Дарвина, но когда факты не говорятъ о подобной постепенности въ переходѣ отъ однихъ формъ къ другимъ, то явленіе сходства въ организамахъ теряетъ Дарвиновскій смыслъ. Правда, Дарвинъ, понимая важность этого возраженія, старается устранить его предположеніемъ что подобныя посредствующія звенья, нѣкогда существовавшія, уничтожились вслѣдствіе борьбы за существованіе съ организмами высшей организаціи.* Но во первыхъ, это не больше какъ предположеніе; во вторыхъ, остается непонятнымъ, почему же не погибли въ борьбѣ за существованіе еще болѣе низшіе организмы, почему напримѣръ не сохранилось посредствующаго звена между кротомъ съ его лапою и летучею мышью съ ея крыломъ, если одна изъ этихъ двухъ животныхъ формъ, хотя по своей организаціи и ниже того животного которое служило для нихъ связующимъ звеномъ, однакожь сохранилась? И почему именно исчезновеніе посредствующихъ звеньевъ замѣчается въ большей части случаевъ? Конечно здѣсь возможны предположенія; но предположеніе основанное на предположеніи, по нашему мнѣнію, равно бездоказательности.

ХП.

Переходимъ къ даннымъ палеонтологіи. Насколько данныя этой науки говорятъ въ пользу Дарвина? Намъ кажется, въ этой области Дарвину особенно надлежало искать и находить самыя твердыя основанія для своей теоріи. Если развитіе организмовъ шло именно такимъ путемъ какой предполагаетъ Дарвинъ, — если сначала существовали организмы невообразимо простые, приближавшіеся къ простой органической кѣточкѣ, то геологія должна бы сохранивъ слѣды этихъ организмовъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ какихъ-нибудь органическихъ остатковъ; затѣмъ данныя съ очевидностію должны были свидѣтельствовать о постепенномъ, невообразимо медленномъ, исчисляемомъ милліонами милліондовъ лѣтъ, преобразованіи этихъ простыхъ организмовъ въ болѣе совершенныя, причѣмъ должно было бы открыться какъ

* Стр. 143—5.

каждая форма нечувствительно переходила въ другую высшую, такъ что не было бы ни перерывовъ, ни внезапнаго появленія новыхъ существъ, пока наконецъ рядъ такихъ преобразованій не дошелъ бы до того времени съ какого существуютъ нынѣ живущія формы организмовъ. Повторяемъ, намъ кажется что ни эмбриологія, ни морфологія никогда не могли бы оказать той важной услуги для теоріи Дарвина какъ палеонтологія. Ибо, еслибы первая изъ этихъ наукъ и указывала своими данными постепенное прохожденіе зародышемъ тѣхъ или другихъ низшихъ степеней организаціи, прежде чѣмъ онъ достигаетъ той формы высшаго животнаго въ которую ему надлежитъ развиться, то это развитіе было бы еще не болѣе какъ простою аналогіей съ дѣйствительнымъ фактомъ, а самый фактъ все же ускользалъ бы отъ нашего вниманія. Что касается морфологіи, то факты этой науки въ крайнемъ случаѣ указывали бы на возможность, но никакъ не на дѣйствительность факта. Иное дѣло палеонтологія; здѣсь теорія можетъ заручиться твердыми фактами; здѣсь теорія могла бы находить повтореніе самой себя въ фактахъ былого; здѣсь теорія могла бы доказывать свою несомнѣнность по еще не исчезнувшимъ слѣдамъ творенія. Если теорія Дарвина дѣйствительно вѣрна, то между ею и данными геологіи должно быть полное совпаденіе. Отъ этихъ данныхъ зависитъ ея судьба. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ данныя палеонтологіи благоприятны для теоріи Дарвина какъ это необходимо требуется самимъ предметомъ? Данныя палеонтологіи благоприятны для Дарвиновой теоріи столько же какъ и для всякой другой теоріи которая признаетъ что ходъ творенія организмовъ начался низшими и закончился высшими. Но такъ ли именно шло это развитіе какъ предполагаетъ Дарвинъ, этого палеонтологія не подтверждаетъ. И вотъ причина почему Дарвинъ, вмѣсто того чтобы прямо сосылаться на данныя палеонтологіи для доказательства своей теоріи, ограничивается въ большинствѣ случаевъ лишь тѣмъ что старается такъ или иначе данныя этой науки объяснить въ свою пользу, подвести ихъ подъ свою теорію, перетолковываетъ факты, придавая имъ такой смыслъ какой должны они имѣть по теоріи. А для всего этого онъ прибѣгаетъ къ предположеніямъ которыя увеличиваютъ собою до безконечности сумму другихъ гипотезъ его

теоріи и дѣлають его теорію часто фантастическою. Это зависитъ отъ того несомнѣннаго факта что данныя палеонтологіи, взятые сами по себѣ, въ ихъ неподдѣльномъ видѣ, не только не могутъ подтверждать Дарвиновыхъ воззрѣній, но прямо и рѣшительно опровергаютъ ихъ. Такимъ образомъ Дарвинъ находитъ для своей теоріи гибель тамъ гдѣ она единственно и могла найти себѣ спасеніе, и съ этимъ она лишается своего единственнаго фактическаго основанія. Палеонтологія, вмѣсто того чтобы предлагать Дарвину готовые уже данныя для его теоріи, представляетъ одну лишь затрудненія съ которыми онъ долженъ безуспѣшно бороться.

Данныя этой науки противорѣчатъ теоріи Дарвина какъ своими свѣдѣніями о начальномъ состояніи органической жизни на землѣ, такъ и свѣдѣніями о всемъ послѣдующемъ развитіи органическихъ существъ на землѣ.

Выходя отъ предположенія о первоначальныхъ, въ высшей степени простыхъ, однообразныхъ органическихъ формахъ на нашей планетѣ, * теорія Дарвина, если она справедлива, должна была дѣйствительно между древнѣйшими ископаемыми остатками органическихъ существъ впервые населявшихъ землю указать слѣды именно этихъ простыхъ организмовъ. Но далеко не то говоритъ палеонтологія. Теорія разбивается отъ самаго перваго соприкосновенія съ несомнѣнною дѣйствительностію. Органическая жизнь въ самомъ началѣ, по свидѣтельству палеонтологіи, появляется въ такомъ обиліи и разнообразіи формъ что теорія и дѣйствительность становятся положительно во враждебныя одна къ другой отношенія. Силурійская формація, съ началомъ которой занялась заря органической жизни, оказывается гораздо сложнее по содержанію ископаемыхъ остатковъ чѣмъ требуетъ теорія. Здѣсь находимъ представителей изъ трехъ великихъ отдѣловъ органической жизни: изъ отдѣла лучистыхъ, членистыхъ и мягкотѣлыхъ, потомки коихъ живутъ на землѣ и до сего дня. А въ болѣе верхнихъ слояхъ той же формаціи находимъ представителей и четвертаго, послѣдняго и главнѣйшаго отдѣла животныхъ, именно позвоночныхъ, этого высшаго цвѣта органической жизни на землѣ. Всѣ отдѣлы телерь извѣстной намъ органической жизни находятъ своихъ представителей на самыхъ первыхъ порахъ развитія

* Стр. 381.

органической жизни на землѣ. „Изъ обширнаго отдѣла лучистыхъ въ силурийской формациі, говоритъ Ляйбаль, мы находимъ звѣздчатые и анемоновые зоофиты, кромѣ морскихъ лилій и иглокожихъ. Изъ моллюсковъ (то-есть мягкотѣлыхъ) насчитывается отъ 200 до 300 видовъ головоногихъ. Изъ числа членистыхъ мы имѣемъ болѣе 200 видовъ трилобитовъ, которые служатъ представителями ракообразныхъ. Остатки рыбъ, слѣдовательно позвоночныхъ, до сихъ поръ встрѣчаются только въ верхней силурийской формациі; но нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ плакоиднымъ рыбамъ, стоящимъ на высокой степени въ лѣстницѣ животныхъ по организаціи.“ * Въ томъ же родѣ свѣдѣнія объ органической жизни изъ періода силурийской формациі находимъ и у Гумбольдта и Гартинга. ** Сопоставляя эти данныя съ теоретическими предположеніями на которыхъ строится Дарвинова теорія, безъ преувеличенія можно сказать что теорія застаегъ развитіе органическихъ существъ въ силурийскую эпоху на землѣ уже какъ бы на срединѣ того процесса чрезъ который должны проходить, по теоріи, всѣ извѣстныя формы органическихъ существъ. Всего важнѣе для теоріи начало органической жизни на землѣ, существованіе организмовъ низшихъ до періода раздѣленія ихъ на существенные четыре класса: лучистыхъ, мягкотѣлыхъ, членистыхъ и позвоночныхъ; объ этомъ однакожъ ничего не говоритъ палеонтологія, а вотъ Дарвинова теорія лишается своей главнѣйшей опоры.

Дарвинъ хорошо понимаетъ какой сильный ударъ его теоріи наноситъ тотъ неотразимый фактъ что органическая жизнь на землѣ, какъ свидѣтельствуегъ палеонтологія, началась не столь простыми организмами какъ выходитъ по его теоріи. Извѣстное намъ начало органической жизни на землѣ идетъ рѣшительно въ разрѣзъ съ возрѣніями Дарвина. И ему ничего не остается сдѣлать какъ вопреки фактамъ и очевидности допустить что хотя палеонтологія и не даетъ данныхъ для его теоріи, тѣмъ не менѣе поверхность земнаго шара и до силурийскихъ пластовъ кульва жизнью. „Если, говоритъ Дарвинъ, ставовясь съ своею теоріей выше опыта, моя теорія основательна, мы должны допустить что до

* Геологія Ляйбала, т. I, стр. 153—4.

** Космосъ, т. I, стр. 191. *Первобытннй міръ*, стр. 110. Переводъ.
т. сѣт.

осажденія древнѣйшихъ силурійскихъ пластовъ прошли длинныя періоды времени, столь же, и вѣроятно еще болѣе долгіе, чѣмъ весь промежутокъ между силурійскимъ періодомъ и нашимъ временемъ, и что во время этихъ безмѣрныхъ вовсе неизвѣстныхъ намъ періодовъ поверхность земнаго шара кипѣла жизнью.“ Спрашивается: если Дарвинъ для подтвержденія своей теоріи ссылается на предположенія, ни на чемъ не основанныя, опровергаемыя очевидностію фактовъ, то не болѣе ли силы и значенія и согласія съ фактами будетъ имѣть отрицаніе Дарвиновыхъ воззрѣній? И не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ ближе къ эмпиріи противоположное Дарвину воззрѣніе, которое всегда съ полнымъ правомъ можетъ для своего доказательства опираться на несуществованіе фактовъ подтверждающихъ теорію Дарвина, чѣмъ сама эта теорія, утверждающаяся на предполагаемомъ фактѣ? Между тѣмъ какъ Дарвинъ для подтвержденія своей гипотезы ссылается на гипотезы же, противоположное воззрѣніе съ полнымъ правомъ и основательностію можетъ утверждаться не на гипотезѣ, а на несомнѣнномъ фактѣ несуществованія первоначальныхъ звеньевъ органическаго міра которыя столь нужны для самого Дарвина.

Правда, Дарвинъ усиливается хотя какъ-нибудь поставить свою теорію въ согласіе съ фактами палеонтологіи, старается всячески устранить затрудненія возникающія изъ несуществованія фактовъ указывающихъ на органическую жизнь до силурійской эпохи, на которые могла бы опираться гипотеза, но всѣ эти усилія и старанія, громоздя гипотезу на гипотезѣ, ни мало не усиливаютъ самой теоріи. Для защиты своихъ взглядовъ Дарвинъ то ссылается на предполагаемыя имъ причины такого печальнаго для его теоріи явленія, то указываетъ на мелочные факты ловидимому свидѣтельствующіе объ органической жизни прежде силурійскихъ пластовъ, но всѣ попытки доказать недоказуемое тщетны.

Вотъ тѣ предположенія которыми Дарвинъ хочетъ замѣнить недостатокъ дѣйствительныхъ фактовъ: „Не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ, что намъ извѣстна съ нѣкоторою точностію лишь малая частица земной поверхности.“ Кроме того, не нужно де упускать изъ виду что „въ періодъ неизмѣримо древнѣйшій силурійскаго, материки могли существовать тамъ гдѣ нынѣ разстилаются океаны, а на мѣстѣ нашихъ нынѣшнихъ материковъ могли разстилаться открытыя моря;

поэтому быть-можетъ, думаетъ Дарвинъ, пласты осѣвшіе на нѣсколько миль ближе къ центру земли и подлежавшіе огромному давленію отъ накопленной надъ ними воды, подверглись метаморфизму въ несравненно большей мѣрѣ чѣмъ пласты постоянно находившіеся ближе къ земной поверхности. И если бы эти древнѣйшіе осадки цѣликомъ подверглись метаморфическимъ процессамъ, мы должны были бы найти лишь малые остатки отъ нихъ, и эти остатки по большей части должны были бы подвергнуться метаморфизму.* Вотъ основаніе почему не сохранилось драгоценныхъ для теоріи остатковъ организмовъ. Но вотъ вопросъ: чѣмъ докажетъ Дарвинъ что дѣйствительно существовали такого рода передвиженія суши какія допускаетъ Дарвинъ и что они дѣйствительно сопровождалась такими именно послѣдствіями о какихъ предполагаетъ онъ? А если не можетъ быть для этого никакого эмпирическаго доказательства, то какую силу будутъ имѣть и тысячи подобныхъ бездоказательныхъ предположеній? Теорія Дарвина есть какое-то царство гипотезъ, гдѣ и начала и выводы, и основанія и слѣдствія — все гипотезы и гипотезы....

Не странно ли видѣть, съ другой стороны, чтобъ отъ первой предполагаемой Дарвиномъ половины исторіи органической жизни на землѣ остались такіе незначительные слѣды какіе онъ указываетъ, и на которые онъ съ такою силою напираетъ? Вся до-силурійская флора и фауна исчезла, на нее указываетъ лишь какое-то „присутствіе сростковъ фосфорнокислой извести и смолстыхъ веществъ въ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ азоеческихъ формаций“, ** Вотъ все, или почти все, въ чемъ долженъ искать и дѣйствительно ищеть Дарвинъ спасенія своей теоріи. Но при этомъ, кажется, весьма мало будетъ сказать что зданіе Дарвиновой теоріи строится на пескѣ. Что можетъ быть болѣе несоответственнаго между предположеніемъ Дарвина о цѣлой половинѣ исторіи органической жизни на землѣ протекшей отъ начала этой исторіи до силурійскихъ пластовъ, и такимъ въ полномъ смыслѣ слова ничтожнымъ фактомъ которымъ думаютъ подтверждать дѣйствительность этой исторіи—какъ фактъ нахождения въ азоеческихъ слояхъ какой-нибудь „фосфорнокислой извести и смолстыхъ веществъ“?

* Стр. 243—5.

** Стр. 243.

Такимъ образомъ отсутствіе слѣдовъ органической жизни на нашей планетѣ до силурійскихъ пластовъ, при всѣхъ усиліяхъ Дарвина устранить значеніе факта, подрываетъ его теорію въ основаніи. Но затрудненія не оканчиваются на этомъ. Самые ископаемые организмы силурійскихъ и девонскихъ пластовъ, вмѣсто того чтобы подтверждать теорію, ло крайней мѣрѣ въ ея второй половинѣ, прямо и рѣшительно идутъ противъ теоріи. По теоріи Дарвина, жизнь органическая развивалась постепенно; чѣмъ далѣе шло дѣло, тѣмъ болѣе увеличивалось количество видовъ въ сравненіи со временами предшествующими, такъ что силурійская формация необходима должна быть бѣднѣе, по Дарвину, въ количествѣ видовъ, чѣмъ на примѣръ теперешняя эпоха. Все развитіе видовъ органической жизни на землѣ, по его предположенію, улодобляется дерезу, которое сначала имѣетъ небольшое количество сучьевъ, и чѣмъ больше растеть оно, тѣмъ болѣе и болѣе увеличивается количество сучьевъ. * Далекю не то представляютъ данныя извлеченныя наукою изъ изученія силурійской и девонской органической жизни. Оказывается что количество видовъ жившихъ въ ту эпоху на извѣстномъ пространствѣ было ничуть не меньше числа видовъ живущихъ на подобномъ же пространствѣ и въ настоящее время. „Попробуемъ, говоритъ Агассисъ, сравнить между собою данное пространство силурійскаго или девонскаго берега съ одинаковымъ пространствомъ современнаго морскаго, — и мы тотчасъ же убѣдимся что одинъ и другой населены одинаково густо. По берегамъ Новой Англіи встрѣчается теперь около 150 различныхъ видовъ рыбъ, въ Мексиканскомъ заливѣ 250 видовъ, въ Красномъ Морѣ около того же количества. Мы можемъ допустить что на морское пространство покрывающее около 400 миль приходится среднимъ числомъ отъ 200 до 250 видовъ рыбъ. Я специально изучалъ девонскія образованія сѣверной Европы, близъ Балтійскаго и ло берегамъ Нѣмецкаго моря, и нашелъ въ однихъ только этихъ отложеніяхъ 110 видовъ ископаемыхъ рыбъ. Судить о всемъ количествѣ видовъ относящихся къ этимъ древнимъ періодамъ ло числу которое извѣстно намъ въ настоящее время такъ же неосновательно какъ предполагать что такъ какъ Аристотель, знакомый только съ водами Греціи, приводитъ всего 300 видовъ рыбъ на

* Стр. 107—7.

этомъ ограниченномъ пространствѣ, то будто бы этимъ числомъ и ограничивалось все количество видовъ жившихъ въ его время. Между тѣмъ область изслѣдованія геолога въ силлурійскій и девонскій періодъ еще ограниченнѣе области Аристотеля, и относится кромѣ того не къ живущему, а къ мертвому міру, ловятъ и изслѣдовать который гораздо труднѣе.* Силлурійскія и девонскія органическія формы показываютъ жизнь органическую въ такомъ обиліи и разнообразіи что теорія Дарвина, вмѣсто того чтобы находить въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія органической жизни усложненіе видовъ, должна ограничиваться показаніемъ лишь того какъ видоизмѣнялись формы въ предѣлахъ того количества видовъ которое уже существовало во времена самыхъ древнѣйшихъ формаций. Ея задача значительно сокращается въ сравненіи съ щиротою программы. И этотъ фактъ весьма неблагопріятенъ для теоріи Дарвина, потому что онъ вовсе упраздняетъ вопросъ о происхожденіи разнообразія организмовъ на основаніи Дарвиновой теоріи, оставляя ей изощраять себя только на попыткѣ объяснить усовершенствованіе ихъ. Число фактовъ которые желалъ бы объяснить Дарвинъ по своей теоріи ускользаетъ отъ этого объясненія; разнообразіе организмовъ достигнуто прежде чѣмъ теорія могла бы найти какіе-либо слѣды которые подтверждали бы ея предположенія.

Но удастся ли Дарвину по крайней мѣрѣ прослѣдить шагъ за шагомъ усовершеніе формъ, указать какъ менѣе совершенныя формы, лутемъ медленнаго накопленія легкихъ измѣненій, переходили въ болѣе совершенныя, удастся ли, словомъ, отыскать слѣды дѣятельности того дѣятеля который называется у него естественнымъ подборомъ? Къ несчастію Дарвина, нѣтъ. Для вѣрности его гипотезы съ этой стороны ему необходимо было бы имѣть въ своемъ распоряженіи такія данныя палеонтологіи которыя съ большею или меньшею ясностію подтверждали бы что каждая новая формація геологическая, заключаая въ себѣ организмы высшей организаціи въ сравненіи съ тѣми какіе мы видимъ въ предшествующей формаціи, въ то же время представляетъ несомнѣнные слѣды что эти организмы суть прямое продолженіе организмовъ предшествующей формаціи. Словомъ, каждый новый періодъ въ развитіи организмовъ, говоря словами Дарвина, долженъ былъ бы съ

* *Геологическіе очерки*. Перев. 1867. Стр. 60—61.

одной стороны носить слѣды наслѣдственности отъ органической формы прежняго времени, съ другой стороны признаки извѣстной доли измѣнчивости которую потеряли организмы съ теченіемъ времени и которая къ наслѣдственному тѣлу организмовъ присоединила несомнѣнные признаки уклончивости тѣла. Но то ли говорятъ свидѣтельства палеонтологіи? Эти свидѣтельства ясно и рѣшительно утверждаютъ что хотя каждая новая формація, по крайней мѣрѣ каждая наиболѣе рѣзко разграниченная съ предыдущею, и представляетъ слѣды усовершенія и прогресса въ организмахъ, но эти организмы никакъ нельзя считать за формы выродившіяся путемъ постепенной естественной измѣнчивости отъ прежнихъ организмовъ, такъ мало ихъ строй при извѣстной степени отличія отъ прежнихъ организмовъ имѣетъ общаго съ организмами предшествующихъ эпохъ. Эту именно мысль, неблагопріятную для Дарвиновыхъ предположеній объ естественной измѣнчивости въ тѣхъ самыхъ организмахъ которые потомственно переходятъ изъ одной эпохи въ другую эпоху міровой жизни нашей планеты, высказываетъ Агассисъ, который нисколько не колеблясь, съ полною увѣренностію утверждаетъ: „теперь это доказанная истина для меня что совокупность органической жизни обновляется не только въ промежуткахъ каждаго изъ великихъ отдѣленій которыя называются формаціями, но также съ отложеніемъ каждаго частнаго отдѣла всѣхъ формацій, такъ что я не могу принять преобразования видовъ изъ одной формаціи въ другую.“ За ту же истину стоитъ и другой ученый, А. Вагнеръ. „То неоспоримо, говоритъ этотъ послѣдній, что каждая формація по своимъ органическимъ образованіямъ совершенно самостоятельна (eigenthümlich), и что такія самостоятельныя формы составляютъ въ нихъ преобладающее большинство. Равно также вѣрно и то что смѣшеніе видовъ (то-есть случаи въ которыхъ встрѣчаются организмы равно принадлежащіе къ двумъ различнымъ формаціямъ) не всегда имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ когда двѣ горныя породы бываютъ сопредѣльны одна съ другою, но что намъ извѣстны доселѣ только немногія отдѣльныя явленія въ этомъ отношеніи. Сверхъ того нужно имѣть въ виду то обстоятельство что при кажущемся сходствѣ во внѣшнихъ формахъ еще отнюдь нельзя съ вѣрностію заключать къ тождеству вида, такъ какъ въ цвѣтѣ которымъ было окрашено животное, или въ свойствѣ собственно животныхъ составныхъ частей, могутъ лежать

различія которыхъ не замѣтишь въ ископаемыхъ остаткахъ. По крайней мѣрѣ, при опредѣленіи нынѣ живущихъ видовъ мы владали бы въ большія заблужденія еслибы не принимали въ расчетъ всѣ такого рода характеристическіе, часто совершенно необходимые признаки.“ И такія увѣренія естествоиспытателей, противоположныя ученію о генетическомъ усовершеніи видовъ, и состояція въ признаніи специфическаго различія принадлежащихъ къ каждой данной формации, не суть какія-либо догадки, а основываются на положительныхъ данныхъ. „Доказано, говоритъ одинъ изъ подобныхъ ученыхъ, что нынѣ совершенно вымерла бѣльшая часть растений покрывавшихъ землю до и во время каменно-угольнаго періода. Но эти именно вымершіе типы растений того времени (каламиты, лепидодендры) стоятъ въ исторіи развитія растительнаго царства такъ отдѣльно и уединенно что отъ нихъ до сихъ поръ неизвѣстно никакихъ переходовъ къ болѣе совершеннымъ растеніямъ изъ нынѣ живущихъ и изъ принадлежащихъ къ прежнимъ періодамъ.“* Другой ученый палеонтологъ, Броннъ, бралъ органическія формы заключающіяся въ такъ-называемыхъ отложеніяхъ *Св. Кассіана* и сравнивая эти виды съ видами заключающимися въ угольномъ известнякѣ (изъ каменно-угольнаго періода) и цехштейнѣ (изъ пермскаго періода), онъ нашелъ лишь 7 тождественныхъ и 5 аналогическихъ видовъ; сравнивая съ триасомъ, нашелъ еще менѣе сходныхъ видовъ, именно 4 тождественныхъ и 6 аналогическихъ; въ лиасѣ нашелъ 4 тождественныхъ и 7 аналогическихъ видовъ, а въ юрѣ 1 тождественный и 2 аналогическихъ вида.** Не опровергая факта что организмы совершенствовались чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, эти данныя въ то же время не даютъ основанія для предположенія чтобъ это усовершенствованіе произошло путемъ постепеннаго измѣненія однихъ и тѣхъ же организмовъ изъ низшихъ въ высшіе. Еслибы такое усовершенствованіе дѣйствительно имѣло мѣсто, измѣненныхъ организмовъ въ первоначальныхъ формаціяхъ было бы меньше, чѣмъ неизмѣненныхъ, въ дальнѣйшихъ измѣненные и неизмѣненные, лодожимъ, уравнивались бы, наконецъ въ еще болѣе позднѣйшихъ формаціяхъ измѣненные стали бы перевѣшивать неизмѣненныхъ. Все это можно было бы прослѣдить въ

* Статя Э. Регеля въ Журн. *Натуралистъ*. 1866 стр. 86.

** Броннъ. *Руководство къ Зоологіи*. Переводъ. См. Таблицы.

развитіи органической жизни на землѣ, но то ли показывают факты палеонтологіи когда она свидѣтельствуетъ о *периодическомъ* измѣненіи организмовъ, то-есть такомъ измѣненіи которое полагаетъ въ характерѣ организмовъ рѣзкую грань между извѣстными двумя одна за другою послѣдующими эпохами? Но мы не привели еще результатовъ изслѣдованій Агассиса, который еще болѣе подкапываетъ теорію Дарвина, результатовъ которые, по словамъ Агассиса, не суть какія-либо индукціи, полученныя изъ изученія отдѣльныхъ классовъ животныхъ (напримѣръ рыбъ) и перенесенныя на всѣ другіе классы, но суть результаты сравненія очень значительныхъ собраній ископаемыхъ остатковъ различныхъ формаций и различныхъ классовъ животныхъ. Эти результаты ставятъ выше всякаго сомнѣнія фактъ столь неблагоприятный для Дарвиновой теоріи, фактъ отсутствія переходныхъ звеньевъ отъ органическихъ существъ одной формации къ другой сосѣдней, хотя организмы этихъ формаций весьма различны между собою. Существованіе подобныхъ переходныхъ звеньевъ могло бы послужить основаніемъ для теоріи медленнаго и постепеннаго усовершенія организмовъ; за то отсутствіе таковыхъ подрываетъ теорію въ самой ея основѣ. Вотъ тѣ данныя на которыхъ Агассисъ утверждаетъ свои воззрѣнія объ отсутствіи звеньевъ посредствующихъ между организмами различныхъ формаций: „Отношенія юрской и мѣловой эпохъ въ Швейцаріи, говоритъ этотъ авторитетный зоологъ, даютъ намъ факты имѣющіе чрезвычайно важное значеніе для нѣкоторыхъ вопросовъ о коихъ толкуютъ въ наше время не только люди науки, но и всѣ сколько-нибудь заинтересованные изученіемъ вопроса о самыхъ способахъ появленія животныхъ. Здѣсь мы можемъ прослѣдить на одномъ и томъ же пространствѣ не только различные ряды отложеній относящихся къ этимъ двумъ послѣдовательнымъ періодамъ, въ непосредственномъ соприкосновеніи, но и отложенія относящіяся ко всѣмъ частнымъ періодамъ заключающимся въ границахъ этихъ эпохъ, съ органическими остатками заключающимися въ каждомъ. Въ такихъ-то мѣстностяхъ намъ конечно слѣдовало найти слѣды тѣхъ переходныхъ типовъ при помощи коихъ одинъ рядъ животныхъ, какъ принимаютъ нѣкоторые, развился изъ предыдущаго ряда. Намъ толкуютъ очень много о перевороткахъ въ геологическихъ отложеніяхъ, о длинныхъ промежуткахъ

времени лѣтописи которыхъ совершенно исчезли и которые могли бы задержать эти промежуточные звенья коихъ мы ищемъ такъ усердно. Но здѣсь нѣтъ подобнаго перерыва въ лѣтописи. Въ тѣхъ же самыхъ водныхъ пространствахъ, покрывающихъ ограниченныя мѣстности, мы имѣемъ послѣдовательные ряды отложеній содержащіе остатки животныхъ оставшихся безъ измѣненія въ долгій промежутокъ времени. Непосредственно надъ ними, рядомъ со слѣдами болѣе или менѣе сильныхъ переворотовъ поверхности, появляется совершенно новый рядъ животныхъ, отличающійся отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ какъ и животныя современнаго періода отъ древнихъ животныхъ прослѣженныхъ Кювье въ третичныхъ отложеніяхъ, лежащихъ ниже отложеній нашего собственнаго геологическаго времени. * Но мѣловыя отложенія извѣстны не только въ этомъ внутреннемъ морѣ древней Швейцаріи, а также въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ бассейнахъ, во Франціи въ Пиренеяхъ, по берегамъ Средиземнаго моря, въ Сиріи, Египтѣ, Индіи и Америкѣ. Если теорія постепеннаго развитія въ самомъ дѣлѣ справедлива, то животныя юрскихъ позднѣйшихъ слоевъ должны быть отцами животныхъ раннихъ мѣловыхъ отложеній. Посмотримъ же насколько это подтверждается. Обратимся къ рыбамъ. Мы знаемъ что въ юрскомъ періодѣ вовсе не существовало нашихъ обыкновенныхъ рыбъ, ни одной соотвѣтствовавшей нашимъ современнымъ сельдямъ, макрелямъ и т. д. Словомъ, ни одной рыбы съ тонкою перепончатою чешуею, но что этотъ классъ былъ представленъ исключительно рыбами съ твердокремнистою чешуею. Въ мѣловой періодъ мы вдругъ наталкиваемся на цѣлую толпу рыбъ соотвѣтствующихъ нашимъ современнымъ сельдямъ и макрелямъ. Рыбы юрской эпохи, соотвѣтствующія нашимъ акуламъ и скатамъ, еще существуютъ, но въ гораздо меньшемъ количествѣ, тогда какъ болѣе новые роды многочисленны. Въ самомъ дѣлѣ, классификація мѣловыхъ рыбъ подходит очень близко къ классификаціи нынѣ живущихъ; имѣемъ ли мы право вслѣдствіе этого предположить что большія, похожія на пресмыкающихся, рыбы юрской эпохи вдругъ стали производить многочисленное поколѣніе этихъ меньшихъ, болѣе совершенныхъ рыбъ? Или съ тѣмъ чтобъ объяснить уменьшеніе прежнихъ формъ,

---

* *Геологическіе Очерки*. Пер., стр. 148—9.

имѣемъ ли мы право предположить что старыя рыбы съ тѣмъ чтобъ уступить поле новымъ стали производить ихъ въ огромномъ количествѣ, ограничивая воспроизведеніе своего собственнаго рода? Принявъ этотъ взглядъ, окажется, по весьма точнымъ вычисленіямъ, что поколѣніе юрскихъ рыбъ должно было произвести около 90% на 100 совершенно новыхъ типовъ, и только 10% похожихъ на родителей. Юрскіе слои, не содержащіе ни одной современной чешуйчатой рыбы, находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ мѣловыми слоями, въ которыхъ рыбы этого рода почти такъ же часты какъ и въ наши дни, и между этими двумя рядами слоевъ не существуетъ никакихъ слѣдовъ переходной или промежуточной формы отъ похожихъ на пресмыкающихся рыбъ юрской эпохи къ обыкновеннымъ рыбамъ мѣловаго времени. Новый типъ встрѣчается вдругъ, у самой раздѣльной линіи между двумя періодами, безъ всякихъ подготовительныхъ или переходныхъ формъ. Предполагая, хотя бы на минуту, что позднѣйшія произошли отъ прежнихъ формъ, я поневолѣ долженъ утверждать что еслибы это было такъ, то перемѣна произошла внезапно, безъ всякихъ постепенныхъ переходовъ, и слѣдовательно вовсе не согласуется съ теорією постепеннаго превращенія. При разсмотрѣніи третичнаго времени, я могу повторить то же самое, а именно что большія четвероногія, характеризующія эту эпоху, появляются вдругъ, и отложенія содержащія ихъ слѣдуютъ такъ же непосредственно за отложеніями мѣловой эпохи, въ которыхъ не замѣчается и слѣда ихъ, какъ и самыя эти мѣловыя отложенія слѣдуютъ за юрскою эпохою. Въ центральномъ бассейнѣ Франціи, который оказался густо населеннымъ древними млекопитающими, отложенія юрской, мѣловой и третичной эпохи слѣдуютъ другъ за другомъ въ непосредственной, прямой послѣдовательности. То же самое относится къ другимъ мѣстностямъ въ Германіи, въ южной Европѣ и Англии, гдѣ собраны самыя полныя коллекціи изъ всѣхъ этихъ отложеній. А между тѣмъ нѣтъ рѣшительно ни одного факта который бы далъ намъ право полагать что существовали какія-либо промежуточныя формы при посредствѣ коихъ эти новѣйшіе типы развились изъ древнѣйшихъ *". Палеонтологическіе факты приведенные нами и ука-

* *Геологическіе очерки.* Стр. 189—191, 182—4, 223—4.

зываютъ, съ одной стороны, на непонятное съ точки зрѣнія разбираемой нами теоріи внезапное появленіе совершенно новыхъ органическихъ формъ въ данное время развитія нашей планеты, съ другой—на очевидный недостатокъ переходныхъ звеньевъ отъ одной группы организмовъ къ другой высшей группѣ столь поразительны и сильны что Дарвинъ не можетъ оставить ихъ безъ вниманія. „Если многочисленныя виды принадлежащія къ однимъ и тѣмъ же родамъ и семействамъ дѣйствительно разомъ появлялись на землѣ, то такой фактъ совершенно подрывалъ бы теорію потомственного происхожденія видовъ чрезъ медленное видоизмѣненіе путемъ естественнаго подбора. Ибо развитіе группы видовъ которые всѣ произошли отъ одного общаго родоначальника должно было быть процессомъ чрезвычайно медленнымъ, и прородители должны были появиться на землѣ весьма за долго до появленія своихъ видоизмѣненныхъ потомковъ.“ *

Такимъ образомъ оказывается что указанные нами факты, идущіе въ разрѣзъ съ теоріею Дарвина, остаются несомнѣнными и для самого Дарвина. Какъ же теперь подобныя факты мирятся съ воззрѣніями Дарвина? Не низвергаютъ ли они самыя основы теоріи? Щедрый на гипотезы Дарвинъ не скупился на нихъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ старается и здѣсь подладиться подъ несомнѣнные факты, но всѣ его объясненія таковы что невозможно принять ихъ.

Дарвинъ старается увѣрить что по его теоріи и должно быть именно такъ чтобъ опредѣленныя группы преобладающихъ видовъ появлялись въ непродолжительное время въ широкихъ размѣрахъ, какіе дѣйствительно могли бы наводить на мысль о внезапности ихъ появленія, хотя оно въ сущности и не таково. „Какъ мнѣ кажется, говоритъ онъ, параллельная и въ геологическомъ смыслѣ одновременная тѣмъ однородныхъ жизненныхъ формъ на всей поверхности земнаго шара совершенно согласна съ теоріею возникновенія видовъ чрезъ обширное распространеніе и видоизмѣненіе видовъ преобладающихъ; ибо виды возникшіе такимъ образомъ становились сами преобладающими въ силу наследственности и потому что уже одержали верхъ надъ своими родителями или надъ другими видами, и въ свою очередь распространились, видоизмѣнились, произвели новыя виды. Формы побѣжденныя

* О происхожденіи видовъ. Стр. 239.

уступающія свои мѣста новымъ, побѣдоноснымъ формамъ по большей части должны составлять естественныя группы унаслѣдовавшія какое-либо общее несовершенство, и *поэтому по мѣрѣ распространенія* по земному шару группъ новыхъ, должны исчезать формы старыя. "Напримѣръ: „безъ сомнѣнія должно понадобится *безмѣрно долгое время* чтобы приспособить организмъ къ совершенно новымъ жизненнымъ приемамъ, каково хотя бы летаніе. Но по достиженіи подобнаго результата, увѣряетъ Дарвинъ, тѣ немногіе виды которыя такимъ образомъ приобрѣли значительное преимущество предъ другими организмами могли въ сравнительно *короткое время* произвести множество расходящихся формъ, способныхъ распространиться быстро и далеко по земному шару.“ *

Но, вопервыхъ, всѣмъ этимъ сужденіямъ можно вѣрить и не вѣрить, потому что все это одна предположенія, потому что все это только *такъ кажется* самому Дарвину, а ему конечно все должно казаться съ тѣми красками какихъ требуетъ его теорія. Вторыхъ, самъ Дарвинъ, слѣдуя строго принципамъ своей теоріи медленнаго утвержденія измѣняющихся признаковъ, дающихъ какое-либо преимущество извѣстнымъ видамъ насчетъ другихъ видовъ, не можетъ отрицать того что побѣжденные виды сходятъ со сцены лишь *по мѣрѣ распространенія группъ новыхъ*. Поэтому слѣдовало бы ожидать что группы новыя, отличенныя какимъ-либо преимуществомъ, вытѣсняли бы группы старыя лишь по частямъ, такъ что перевѣсъ первыхъ видовъ надъ вторыми возрасталъ бы медленно, по мѣрѣ возрастанія самыхъ преимуществъ усвоенныхъ первыми. При чемъ можно было бы видѣть какъ одна группа видовъ вытѣсняла другую; еслибы напримѣръ группа усвоившая какое-либо преимущество въ началѣ относилась къ другой не усвоившей подобное преимущество какъ 1:10, то въ дальнѣйшемъ ходѣ жизненной борьбы должны были бы быть и такіе періоды въ которые новыя формы должны относиться къ старымъ какъ 2:10 или 3:10 и т. д., пока преобладающій видъ въ силу медленнаго усовершенія не вытѣснилъ бы вовсе своихъ предшественниковъ. Но ничего подобнаго не показываетъ палеонтологія; она указываетъ фактъ внезапнаго появленія группъ новыхъ, который никакъ не мирится съ Дарвиновыми воз-

* Стр. 258, 240.

зрѣніями. Втретью, предположеніе Дарвина что для распространенія отличенной какимъ-либо выгоднымъ признакомъ группы нужно лишь *короткое время* стоить въ противорѣчій съ принципами его теоріи. Естественный подборъ, медленный въ началѣ, такимъ же конечно остается и все время развитія даннаго вида; легкія измѣненія накопляются постепенно, постепенно должны происходить и замѣщенія одними видами мѣстъ прежде занятыхъ другими. „Безмѣрно долгое приспособленіе организмовъ къ новымъ жизненнымъ приѣмамъ“ предполагаетъ и безмѣрно долгое время потребное для вытѣсненія такими организмами организмовъ низшихъ. Какъ нельзя съ точки зрѣнія Дарвина допустить чтобы какой-либо видъ въ данный моментъ его развитія сдѣлался *вдругъ* безмѣрно-совершенномъ другаго вида, такъ нельзя допустить и явленія *внезапнаго* вытѣсненія одними формами другихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ палеонтологія и что возбуждаетъ Дарвина, забывая основы своей теоріи, допускать странныя вещи: *внезапныя появленія* новыхъ группъ организмовъ при *медленномъ* процессѣ дѣйствія естественнаго подбора, процессѣ совершающемся „въ безмѣрно-долгія времена“.

Что касается объясненій которыя даетъ Дарвинъ по поводу отсутствія посредствующихъ звеньевъ между данными видами организмовъ извѣстными изъ палеонтологіи, то объясненія эти еще менѣе представляютъ утѣшительнаго для его теоріи. Дарвинъ частію еще и еще ссылается на „неполноту геологической лѣтописи“, частію старается подыскать основанія для факта въ самой своей теоріи.

„Мы постоянно забываемъ, говоритъ онъ, для объясненія факта отсутствія посредствующихъ членовъ въ геологической системѣ прогрессивнаго развитія организмовъ,—какъ обширна поверхность земнаго шара въ сравненіи съ тѣмъ протяженіемъ на которомъ были тщательно изучены наши геологическія формаціи. По нашему незнанію геологіи иныхъ странъ кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ... мнѣ кажется, говоритъ онъ, что *мы имѣемъ столько же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ сколько имѣли бы натуралисты посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи права разсуждать о количествѣ и свойствахъ ея естественныхъ произведеній. Я считаю, разсуждаетъ онъ, нашу геологическую лѣтопись за исторію міра веденную непостоянно и написанную*

на измѣнчивомъ нарѣчїи. Изъ этой исторїи намъ доступно лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ, тремъ странамъ.“ * Пусть такъ; что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ можно на неизвѣстномъ, невѣдомомъ строить какую-либо разумную теорїю? Изъ того что мы плохо изучили землю съ ея ископаемыми остатками можетъ ли слѣдовать что теорїя Дарвина права и что совершенно не правы тѣ кто не раздѣляетъ ея воззрѣній? Дождется ли Дарвинъ когда-либо открытїя желанныхъ для него фактовъ, отъ науки совершенно закрыто, но напротивъ то совершенно достовѣрно что переходныхъ звеньевъ какихъ требуетъ Дарвинъ отъ палеонтологїи нѣтъ и нѣтъ. И пока эти факты не открыты, эмпирическая наука, оставаясь вѣрною своимъ началамъ, всегда будетъ противъ Дарвина. Это для нея законная необходимость, неизбѣжный рокъ.

Впрочемъ, какъ мы сказали, остроумный и изобрѣтательный на предположенїа Дарвинъ не прочь дать нѣкоторыя болѣе положительныя объясненїа почему въ самомъ дѣлѣ такое несчастїе рушится на искомые имъ промежуточныя звенья, почему такой печальный жребїй выпадаетъ на ихъ долю что о существованїи ихъ не заявляютъ вовсе факты палеонтологїи? Находчивый Дарвинъ къ кучѣ своихъ гипотезъ присоединяетъ еще одну. „Если, разсуждаетъ онъ, моя теорїя основательна, *безчисленныя* переходныя разновидности тѣсно связывающїя между собою всѣ виды одной группы должны были когда-то существовать, но самый процессъ *естественнаго* подбора постоянно ведетъ къ *истребленїю* формъ родителя и промежуточныхъ звеньевъ. Слѣдовательно, доказательства ихъ прежняго существованїа могли бы найтись лишь между ископаемыми остатками сохранившимися лишь въ чрезвычайно-отрывочной послѣдовательности.“ Дѣло въ томъ, по мнѣнїю Дарвина, „что разновидности связывающїя двѣ другїя разновидности вообще существовали въ меньшей численности чѣмъ связываемыя ими формы; тогда, я думаю, говоритъ Дарвинъ, мы можемъ понять почему среднїя разновидности должны быть недолговѣчными, почему онѣ должны истребляться и исчезать прежде формъ связуемыхъ ими.“ ** Едва ли можемъ понять.

* Стр. 239, 242 и 246.

** Стр. 145, 143.

Когда утверждается что болѣе малочисленная разновидность, какова именно по Дарвину разновидность явившаяся вслѣдствіе накопленія какихъ-либо измѣненій, должна исчезнуть какъ скоро она стоитъ между двумя разновидностями болѣе многочисленными, то такой взглядъ, какъ кажется, грозитъ опасностію самому существованію тѣхъ результатовъ въ которыхъ заявляется всемогущій естественный подборъ Дарвина. Если многочисленная разновидность одолеваетъ и вытѣсняетъ разновидность малочисленную, то и вообще начинающимся разновидностямъ нельзя будетъ развиваться отъ упрочившихся видовъ; если дѣло по преимуществу состоитъ въ численности, то отъ незначительныхъ видоизмѣненій никогда не можетъ произойти видъ; потому что такія видоизмѣненія сначала будутъ принадлежать только немногимъ особямъ, которымъ невозможно будетъ держаться и продолжаться при состязаніи съ многочисленнымъ видомъ уже упрочившимся. Вотъ плачевный результатъ для теоріи къ которому совершенно непонятнымъ образомъ приходитъ ея авторъ въ своей ревности сколько-нибудь благовидно представить дѣло исчезновенія переходныхъ формъ. Таковъ ли характеръ дѣйствительной истины? Объясненіе факта исчезновенія переходныхъ формъ локуруется цѣною цѣлости самой теоріи.

Вопросъ объ отсутствіи посредствующихъ звеньевъ получаетъ свой роковой смыслъ для Дарвина въ особенности по отношенію къ человѣку. Можно было бы, кажется, ожидать что палеонтологія доставитъ данныя Дарвину для рѣшенія вопроса о происхожденіи человѣка, такъ какъ происхожденіе человѣка, если разсматривать его даже строго съ точки зрѣнія этого естествоиспытателя, все-таки сравнительно близко къ нашимъ временамъ, и слѣдовательно должны быть шансы отыскать животныя звенья связующія человѣка съ его родоначальниками. Опытъ однако говоритъ противное. И самъ Дарвинъ не думаетъ скрывать печальной для него истины. Онъ знаетъ что существуетъ „значительный пробѣлъ въ органической цѣли между человѣкомъ и его ближайшими родоначальниками, пробѣлъ который не можетъ быть пополненъ ни однимъ изъ вымершихъ видовъ“.* Фактъ замѣчательный. И всѣ старанія Дарвина маскировать дѣло, объяснить его какъ-

* *Происх. челов.*, томъ ІІ, стр. 226.

нибудь благовидно для своей теоріи удаются не болѣе какъ и, всѣ другія объясненія его въ томъ же родѣ, такъ напримѣръ онъ весьма наивно замѣчаетъ что это—дѣло вообще не особенно важное, и вѣрующіе въ его теорію должны вѣровать и въ существованіе переходныхъ звеньевъ,—„этотъ фактъ—замѣчаетъ Дарвинъ—не будетъ имѣть особеннаго значенія для тѣхъ кто убѣжденъ въ общихъ принципахъ и *открытъ* въ начало постепеннаго развитія“; * но спрашивается: чѣмъ же онъ убѣдитъ въ вѣрности своей теоріи тѣхъ кто *не открытъ* въ его теорію? Или же для успокоенія своихъ приверженцевъ Дарвинъ говоритъ что на это не слѣдуетъ обращать особеннаго вниманія, потому что подобные пробѣлы повсюду можно встрѣчать въ палеонтологіи; когда вопросъ идетъ о постепенномъ возникновеніи формъ царства органическаго, „пробѣлы постоянно встрѣчаются во всѣхъ рядахъ животныхъ“, ** разрѣшаетъ Дарвинъ Гордіевъ узелъ; но повято при этомъ каждый не дарвинистъ долженъ сказать: „тѣмъ хуже для Дарвина“. Наконецъ онъ въ видахъ устраненія нареканій на свою теорію, какъ не прочную, при видѣ подобнаго факта—не считаетъ чѣмъ-нибудь бездоказательнымъ сослаться и вообще на неразработанность науки палеонтологіи. „Не слѣдуетъ забывать—утѣшаетъ онъ себя и своихъ друзей—что тѣ области въ которыхъ всего скорѣе должны находиться остатки соединяющіе человека съ какимъ-либо вымершимъ обезьянообразнымъ животнымъ до сихъ поръ еще не были исследованы геологами“ ***. Что же отсюда слѣдуетъ? Для Дарвина слѣдуетъ что его теорія вѣрна, а для насъ слѣдуетъ что его теорія не доказана, и ее должно доказывать будущее время, о которомъ мы можемъ судить съ вѣроятностію равною нулю. Дарвинъ находитъ что знакомые съ сочиненіемъ Ляйблала *Древность человека* убѣждаются что рассматриваемый фактъ не имѣетъ будто бы особеннаго значенія. Мы же напротивъ находимъ что ничто такъ не выставляетъ въ невыгодномъ свѣтѣ теоріи подобная Дарвиновой какъ это высоко талантливое сочиненіе, изъ котораго съ несомнѣвностію можно убѣдиться что пора судить о происхожденіи человека съ точки зрѣнія естествознанія не наступила.

* Тамъ же.

** *Происх. чел.*, стр. 226.

*** Тамъ же, стр. 227.

Вообще когда смотришь на то какъ мало палеонтологическія изысканія подтверждаютъ теорію Дарвина, невольно припоминаешь слѣдующія слова К. Фогта: „по ключкамъ декораций уцѣлѣвшихъ отъ сгорѣвшаго театра намъ приходится догадываться о тѣхъ пьесахъ которыя когда-то разыгрывались на этомъ театрѣ, по немногимъ остаткамъ несчастныхъ погибшихъ во время пожара мы должны рѣшить: кто были эти несчастные,—главные ли актеры или простые статисты. Куда бы мы ни оглянулись, повсюду насъ ждетъ неопредѣленность и сомнѣніе, и лишь съ крайнею осторожностію можно отыскать въ этомъ лабиринтѣ такую нить которая вела бы къ цѣли или къ какой-нибудь исходной точкѣ. Каждая ошибка въ наблюденіи, какъ бы мала она ни была, можетъ породить рядъ безчисленныхъ заблужденій, каждый не логическій и не основанный на фактѣ выводъ можетъ увлечь безвозвратно съ большой дороги на проселочную.“ * Да, кто смотритъ на теорію Дарвина прямыми глазами, тотъ согласится и съ тѣмъ какъ мало Дарвинъ имѣетъ палеонтологическихъ фактовъ въ своемъ распоряженіи которые бы подтверждали его теорію, и потому и съ тѣмъ какъ часто ему приходится въ своихъ выводахъ блуждать сходя съ торной дороги истинной науки на проселочную дорогу чуждую науку.

Мы окончили разборъ теоріи Дарвина съ ея главнѣйшихъ сторонъ. Задачею нашею было опредѣлить въ какой мѣрѣ ея выводы могутъ считаться приобритеніемъ науки и претендовать, во имя ея, на общественное довѣріе. Мы рассматривали эту теорію не съ точки зрѣнія религиозныхъ вѣрованій или нравственныхъ идеаловъ, а на основаніи простой логики, при слученіи съ несомнѣнными и общепринятыми фактами естествознанія, которые передавали словами спеціалистовъ, не разбирая какого кто мнѣнія и строго отдѣляя факты отъ мнѣній. Въ заключеніе намъ остается сказать о теоріи Дарвина слѣдующими словами Бэра: „вся эта гипотеза о преобразованіи есть фантастическое произведеніе не основанное ни на какомъ реальномъ наблюденіи“.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

* *Человекъ и его мѣсто въ природѣ*. Пер. 1865, томъ II, стр. 3.

Б Ъ Г У Н Ы*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мірская молва—морская вола!

(Поговорка).

I.

Силень и грозень море-океанъ, но сильнѣе и грознѣе его гуляивое, перемѣчливое море житейское!

Бываетъ на морѣ-океанѣ: безпредѣльно и неизблемо стелется живое лоно водъ, облитое золотомъ солнца, или обѣятое звѣздною синевою полуночи, или укрытое мглой; горделиво смотрится оно въ далекія небеса, спокойное, величавое, словно лодное какою-то великою, тайною думой.

Много загадочной жизни въ одушевленномъ, живомъ просторѣ морскомъ.... Сверху тшь да гладь, позлащенная солнцемъ, а лодъ нѣю сокрытаго много...

---

* *Бъзумы* составляютъ имѣющій самостоятельное значеніе и интересъ томъ обширнаго романа, который носитъ общее названіе *Пугачевцы*, и въ которомъ авторъ съ замѣчательнымъ талантомъ воссоздаетъ пугачевскую эпоху. Ред.

Бываетъ и на морѣ житейскомъ: стоитъ оно въ чудномъ затишьи, всюду миръ и покой, также величаво отражаетъ оно и свои далекія небеса, неразгаданныя и непроглядныя разумомъ людскимъ. Порою и надъ житейскимъ моремъ тяготяются душныя темныя ночи и также, кой-гдѣ среди тьмы, мерцаютъ слабо и робко отблески свѣта тѣхъ не извѣданныхъ небесъ. Минутныя лучи вспыхиваютъ и тухнутъ, будто падаютъ съ тѣхъ мгlistыхъ небесъ и будто тонутъ въ темной житейской глубинѣ... Послѣ ночи, и надъ этимъ моремъ занимается заря, и надъ нимъ загорается золотое солнышко, освѣщая и согревая. Это море бываетъ тоже сковано думой глубокою, подчасъ безсильною и дремотною, но придетъ день, надумается оно и скажетъ свое слово.

Бываетъ на морѣ-океанѣ, бываетъ и на морѣ житейскомъ, что пронесется на зарѣ вѣтерокъ, подымется рѣзвая зыбь, и ровно, стройно побѣжитъ, зашумитъ чередовая волна; она рѣзъ заводитъ, ворчитъ и поетъ, и свое слово сказывается...

Бываютъ тоже грозныя поры гнѣва и злобы. Шевельнутся на небосклонѣ черныя тучи, напывуть и нагромоздятся съ грохотомъ и огнемъ; невидимый салачъ могучимъ порывомъ бросится на спокойное лоно, и начнутъ подыматься подъ вихремъ лохматыя головы и побѣгутъ сѣбло послушныя, злые оборвыши волны. И рвутся, сѣблыя, другъ о друга, злобно роютъ и грызутъ оковавшіе ихъ берега, съ маху опрокидываются на утесы, но дробясь во прахъ о недвижный гранитъ, не сокрушаютъ его, а лишь омываютъ временно навѣянную пыль.

И какъ на морѣ-океанѣ, такъ и на морѣ житейскомъ, среди грозной непогоды, всплываетъ со дна, носится и мечется на мутныхъ волнахъ, всякое потаенное изчадье, всякое чудово далекаго дна, а затѣмъ, растерзанное и выброшенное волной, умираетъ на изрытыхъ берегахъ, или послѣ бури погружается снова въ свою невѣдомую лучину. Бываетъ что среди бури шипящимъ змѣемъ взовьется вдругъ высокій смерчъ и злобно клеснетъ къ небу бѣшеною лѣной и грязью.

Но то небо далеко. Стихнетъ непогода, разсѣются тучи, и небо попрежнему чисто, спокойно и, какъ всегда, безучастно.

II.

Въ ту пору о которой рѣчь пойдетъ житье-бытье на Руси святой было ничего. Слава Богу! Времена только были непонятныя, тяжкія времена; безправье да неурядица, грѣхъ да бѣда, просто дымъ коромысломъ по всей землѣ православной. Знать, самый омы, черныи день пришелъ, да заглянулъ на дворъ. За грѣхи чтоль наказалъ Господь? Трудно стало жить, куда трудно! Почитай даже совсѣмъ нельзя жить. Ложись да и помирай.... А то ничего! Слава Богу!...

Въ селѣ Таковскомъ, что вотчина стодичнаго вельможи, жили-были мужикъ Савка да мужикъ Яшка, свойственники и кумовья.

• На краю слободы, по правую руку отъ храма Божьяго, стоитъ изба Савки, по лѣвую Яшки.... Оба мужика жили дружно, въ помощь великую одинъ другому были, хотя сами того не вѣдали.

Съ виду Савка и Яшка совсѣмъ не схожи, а по праву и обычаю своему въ конецъ разнятся.

Савка съ виду рослый, сажанный, крѣпышъ, головаща большая, румянецъ во всю щеку лухлую, носъ вверхъ, ротъ широкій, свѣтлый волосъ лежитъ прядью плоскою, борода и усы густые и окладистые. Лобъ не высокъ и узенекъ, глазъ большой и сѣрый, открытый, добрый и будто стеклянный. Смотритъ прямо, можетъ видеть все, а можетъ ничего не видеть. Ничего не примѣтишь въ немъ изъ чувствъ человѣчьихъ. Глазъ какъ глазъ, на то данъ чтобы смотрѣть, а не затѣмъ чтобы сказывать что-либо о себѣ. Ноги и руки у Савки тяжелыя, а кулакъ лудовикъ. Тудовище крѣпкое и сплошное, словно отрубокъ топорной работы. Человѣкъ Савка добрый и не задорный, работающій, но на подъемъ тяжелъ; силы непомятой, но самъ мухи не тронетъ. А натравятъ—медвѣдя сомнетъ. Примется ѣсть—солить, словно работаетъ. Когда работаетъ, молчитъ какъ нѣмой и не отдыхаетъ.

Весной объ осени, лѣтомъ о зимѣ не помышляетъ. Гадать не привыченъ, на черныи день про запасъ ничего за душой. Что у Савки подъ глазами, то и на умѣ, а что на умѣ, то и на языкѣ. Помышлять одно, а сказывать другое несподруч-

но, мыслями спутаешься. Чтò ни скажутъ Савкѣ—вѣрить. Чтò ни прикажутъ—сдѣлать, лишь бы не мудреное. Старыхъ слушается, хоть бы и не горазды были старики. Молодому, будь хоть семи пядей во лбу, Савка не довѣрится. Молоко де не обсохло учить-то! Въ дѣлѣ какомъ Савка не мудритъ, а какъ батѣйка училъ съ молодю, такъ и онъ свазываетъ. Старымъ порядкамъ, хоть бы тягостнымъ, повинуется охотливо; новыхъ порядковъ, хоть бы и пригодныхъ, смерть не любить.

Коль кругомъ села все тихо и омирно, живи себѣ день за день какъ дѣды жили. Дѣды были не гаулѣе, а свой вѣкъ прожили ничего.

Чтò новости, чтò бѣды, Савкѣ все одно. Новость подаетъ, никогда не скажется, а норозить въ распахъ взять. Коли спросятъ Савку:

— Какъ жаветса-можетса? Новаго чтò?

— Ничего, хорошо.

И на дѣдовъ ладъ живучи, привыкъ Савка не мудрствовать. Случится нужда по-своему поступить, не вѣдая какъ старые люди поступили бы тутъ, ну и мало у Савки на себя надежды, понукать себя приходится.

— Небойсь, говорить.

И какъ тутъ поступить.... не можетъ надумать и идеть стало не на вѣрякъ.

— Авось, говорить.—Какъ-нибудь!

По воскресеньямъ Савка молится, но не Богу, а угодникамъ; больше все Миколѣ, а онъ, чудотворецъ, молить Бога о насъ. Взываетъ Савка къ Богу только когда просить чего или когда въ бѣду лопалъ.

— Подай, Господи! говорить.

— Уласи Боже!...

— Не приведи Богъ.

А чтобы благодарить Бога, слова у Савки нѣтъ; не сказать же: спасибо де Господи. Во храмѣ Божьемъ Савка знай крестится да поклоны кладетъ сколько душа приметъ да поясница вынесетъ. Молитвъ Савка не знаетъ ни единой. Святаго Евангелія чтеніе слушаетъ благоговѣнно, но про чтò оно не вѣдаетъ. Бойтса Савка грѣха, да чтò дѣлать? Одинъ Богъ безъ грѣха. За Савкой его мало, потому что онъ въ церковь ходитъ каждое воскресенье и въ праздники, постится исправно, а исповѣдываться и причащаться даже охотникъ большой;

да къ тѣму же свѣчей въ годъ наставитъ не мало Миколѣ угоднику, да не маленькому въ придѣлѣ, а большому чтѣ у праваго клироса. Нечистаго Савка боится, но знаетъ что на него есть крестная сила. За то начальства всякаго Савка боится страсть! Псчитай гораздо лучше чорта, потому что этого и крестнымъ знаменемъ не возьмешь. Отъ начальства одинъ батюшка царь спасенье. Да вѣдь до царя далеко. Не даромъ ему прозвище: красное солнышко. Тебѣ де его видать, а ты де ему чтѣ мошкара осенняя.

Есть у Савки и баба.... Женился онъ на Аринѣ давно и не просто. Разъ объ лѣто случился на селѣ, какъ завсегда водится, пожаръ большущій. Половина села Таковского сгорѣла, и погорѣльцы усѣлись на рухляди среди дороги глядѣть на головни и гадать какъ горю пособить... Свѣль и Савка съ матерью и стали будто думать.... А тутъ около него дѣвка. Арина со своими сидитъ примостилась на узелкѣ и воетъ.... Арина сидитъ воетъ, а Савка сидитъ глядитъ на дѣвку.... Къ зимѣ кой-какъ отстроились погорѣлые, и Савка тоже. Разъ какъ-то идя по селу наткнулся Савка на Арину и крикнулъ, будто вспомнилъ чтѣ.

— Стой! Чортъ!... Ариша.... А помнишь выла-то.... на пожарщѣ....

— А то нѣтъ.... ослабилась пухлолицая Арина.

— А ты бы дѣвка ко мнѣ пошла хозяйничать.

— Чего врешь-то....

— Вотъ и не вру.

Черезъ мѣсяцъ Савка и Арина пришли изъ церкви домой, и Савка пояснилъ женѣ таинственно:

— Это дѣло, Арина, еще въ пожарѣ мнѣ втемяшилось. Да запоматовалъ я опосля....

Арина вышла баба хозяйка и работницъ.... Только и не работаетъ когда спитъ. И чего только баба въ лѣтній день не передѣлаетъ? Двухъ рукъ мало.... А когда зима придетъ и время бездѣльное, то у Арины одна рука и нога на веретенѣ, другая рука старшаго мальчугана держитъ, а другая нога въ люлькѣ младшаго качаетъ. Глаза въ лечку заглядываютъ, уши къ клѣтѣ прислушиваются. Однимъ развѣ зубамъ дѣла нѣтъ, потому что хлѣба мало.

Савка и бабу свою и парнишекъ любить, но разговаривать съ ними не охотникъ.... Развѣ когда приказать иль обругать надо. Ласкать не ласкаетъ тоже, и ужъ коли лотянется когда

въ близость, то стадо учить! И тутъ ужъ не противничай, поучить не со зла легонько, а будешь увертываться—прощай! Но драться всегда Савка не самъ надумается, всегда другіе надумаютъ.

— Что де ты, дуракъ, волю бабѣ даешь.... Парнишекъ не учишь... Срамота!...

Вотъ и слохватится мужикъ и полѣзетъ, и зная силу свою, норовить легонько. Да по его кулаку и легонько—накладисто, и у Арины отъ одной тукманки его одинъ глазъ давно съ морготой. Моргаетъ зря, будто подмигиваетъ кому.... Поврежденъ чтоль? Арина не пеняетъ, да и некому. Дѣло житейское. Кабы мужъ да не дрался, такъ это чтѣ жъ бы такое было?

Какъ настали времена тяжкія.... да повалили бѣды на голову мужиковъ чтѣ шишки еловыя въ лѣсу, горькую чашу принялъ и Савка.... И долго ли, коротко ли, а не уберется и пропалъ проладомъ. Загубили окажные, Богъ имъ прости!

Чтѣ же такое? Чего ролщеть Савка?

Ничего! Только вотъ непонятные порядки на Руси пошли. Совсѣмъ карачунъ мужику. Нынѣ живъ и здоровъ и все исправно обстоитъ, а на утро гаядь, все верхъ донышкомъ. Кто живъ былъ, безъ болѣзни померъ, а кто богобоязненъ и исправенъ былъ, угодила въ каторгу, либо въ солдаты. Прощальна богатыми вельможей зажилъ, а иной домовитый мужикъ оголѣлъ и по міру пошелъ.... И все безпричинно на голову валится. Совсѣмъ даже не лоятно.

Да съ чего же бѣда-то такая?

Таскаются по Руси всякіе пройдохи, разносятъ и разглашаютъ все такое что помраченье одно. Разбрасываютъ всякія печатки ругательныя, листки съ циферью, манифесты одинъ другаго чудяще....

Ходятъ дьяки, писаря и разный приказный людъ *не у дѣль*, и одно сказываютъ. Ходятъ монахи и офеаи: другое баютъ по шелту. Наѣзжаетъ начальство ряженое, чтѣ не начальство, а таковымъ сказывается. Нынѣ одинъ пріѣдетъ, указъ читаетъ, а завтра другой поретъ за исполненіе указа, а тамъ наѣдетъ третій, деретъ за неповиновеніе, а четвертый наскочетъ и поидетъ поря невѣсть за чтѣ и про чтѣ.... Молчи! И правый виновать, и виноватый правъ.

Тотъ попался за утайку настоящей законной печатки, а другой за поступление какъ наказывала такая же печатка, а

иной олять всѣхъ тѣхъ печатокъ уберегаясь, ряженныхъ и самозванцевъ убѣгая, видишь, истинное начальство царское якобы за самозванное принялъ.

И кто тебѣ другъ, и кто тебѣ врагъ, и гдѣ правда, и гдѣ кривда, и кто дѣло молвить и кто морочить, никому не вѣдомо.

Да и зл. вѣрное сказываютъ умные люди что само начальство, слышь, не знаетъ начальство оно или такъ якобы только для виду. Чудное дѣло! Какъ есть антихристовы времена пришли. Да и сказываютъ ужъ видѣли его: вельможей одѣтъ въ золотѣ да въ бархатѣ, и со свсими разговоръ вель, совсѣмъ не по-русски. Мимо церкви ѣхалъ и отвернулся.

Такъ вить какія бѣды на Руси были, такія и на селѣ Таковскомъ.

Баре-господа оброкъ положили безмѣрный. Какъ ни прикидывай, а ужъ никакъ не угодишь весь улатить. Ну да все еще съ грѣхомъ-то пополамъ улатить бы и можно. Да внезапно приключилась бѣда какъй и не чаяли Таковскіе мужики: вышелъ бунтъ на селѣ, да такъ еще потрафилось что Савка всему бунту вышелъ заводчикъ.

Пришелъ нѣкій дьякъ изъ столицы и роздалъ манифесты царскіе, въ коихъ крѣпко запрещалось платить оброкъ, а въ казну подушной полагалось всего три алтына со двора, тому дьяку за дѣлахъ поиста дѣтъ впередъ. Опречь этого манифеста роздалъ дьякъ всему селу печатки ругательныя гдѣ выходило всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, а ужъ больше всего господамъ не гоже прописано было.

Ушелъ тотъ дьякъ собравъ подушную. Взялъ Савка свою печатку и припряталъ, да навѣдавшись разъ въ городъ, съ дураковъ-то и покажи ее какому-то писарю. Писарь ехида смолчалъ, и вернулся Савка въ Таковское дѣль и невредимъ. А тутъ на селѣ чтѣ Свѣтлое Воскресенье: радуются мужики; скоро, бають, вольность будетъ, да не простая, а совсѣмъ вольная. Прошла недѣля. Вдругъ налетѣло войско, солдаты, при нихъ офицеръ да лапачъ въ красной рубашкѣ.... И писарь тотъ бестія съ ними. Пошла переборка!

Печатки лапачъ обобралъ и сжегъ на улицѣ. Офицеръ обѣщаль сто рублей за поимку того дьяка.... Да поди-ка его сыщи!

За симъ какъ быть должно зачали пороть. Село большое, людное. Трудное, копытное дѣло было, но въ двое сутокъ

кое-какъ съ Божьей помощью всѣхъ перепоролъ. Савка молча тоже легъ подъ розги. Драли, драли его... нѣтъ конца... Чтѣ за притча! думаетъ Савка. А самъ все ни слова, все ждетъ: вотъ перестанутъ!

А вышла бѣда. Сталъ выборъ двѣать офицеръ кого увезти и говорить:

— А гдѣ нѣмой? Тотъ чтѣ заводчикъ да не сознался.

И увезли Савку въ городъ съ другими лятю.

Сидитъ Савка въ острогѣ мѣсяць, другой, третій, и съ нимъ старецъ. Свѣдали они отъ истопника острожнаго что имъ разрѣшенье скоро выйдеть въ ссылку въ Легионъ, а гдѣ то мѣсто не вѣдомо никому подлинно; вѣдомо только что будетъ имъ указано тамъ съ Туркой драться за вѣру... Полагать надо турецкій городъ.

Старикъ и Савка сговорились, имъ помогли согласники стариковы. Бѣжали они изъ острога и махнули версть за сто, въ лѣсъ, гдѣ было много монастырей, и постригся Савка.

Прожилъ мужикъ въ монастырѣ болѣе года, но подъ самый Новый Годъ вдругъ налетѣли команды, многихъ монаховъ пересѣкли и забрали въ городъ, въ томъ числѣ и Савку.

Опять перегнали и засадили его въ тотъ же острогъ, но ужъ тотъ же самый истопникъ сказываетъ что Легионъ тотъ наши рзали и разрушили, и что царица не приказала болѣе драться за вѣру, а что нынѣ Савкѣ за его постриженье должно выдти разрѣшеніе итти въ Сибирь, потому что мужику не показано самовольно стричься, хотя бы и ради Господа Бога иль спасенія души. Потому, что какъ мужикова душа продажная, то отъ ея спасенія помѣщику ущербъ.

Черезъ полгода надѣли Савкѣ колодку, прицѣпили къ канату и погнали по Казанкѣ въ Сибирь.

Савка не горевалъ. И въ Сибири люди живутъ!

III.

Ну, а Яшка?

Мужикъ Яшка—малый не промахъ. Онъ тѣломъ малъ и худъ, тощій, почитай лапогавый, словно съежился весь; лицо изжелта бѣлое, не пухлое отекшее, носъ горбится, скулы роздале, лобъ высокій, въ вискахъ схвачень. Карій глазъ завалился подъ бровь и сверкаетъ оттуда хотъ малый да острый; глазъ этотъ не злой, но ненадежный. Яшка имъ все

видитъ и что на глазахъ, и что не на глазахъ, и обо всемъ сей глазъ своей сударынѣ смѣлкалкѣ докладываетъ. И что не случись въ смѣлкалкѣ Яшкиной, карій глазъ сейчасъ ужъ то провѣдалъ и залпрыгалъ въ щелкѣ своей; прямо тоже не смотритъ, развѣ на мгновение, а больше все бѣгаетъ по сторонамъ, словно боится что уставившись проболтаеть про то что есть тамъ, „себѣ на умѣ“.

Волось у Яшки черный, не густъ, и небольшая голова лохматится кудрями кручеными. Борода свѣтлѣе, но тоже темная; волось рѣдкій, весь клинушекъ волосяной насквозь видно, усъ тоже словно у махонькаго; и сѣданы дождется, и все не выростеть.

На подъемъ Яшка лежокъ, проворень, силы не велики, локоть за то, и гдѣ рукой или кулакомъ взять не можетъ, тамъ приворочится, слѣва глянетъ, справа зайдетъ, и наконецъ возьметъ смѣлкалкой.

Случается зазоръ беретъ его, но чаще на словахъ чѣмъ на дѣлѣ. Мужики сказываютъ что Яшкинъ языкъ что ножъ; молвить что рѣжетъ.

Языкъ Яшкинъ зря не болтаеть что на умѣ. Яшка надумаетъ на рубль, глянетъ на гривну, а молвить на алтынъ. Случается руками одно строить, а на мысляхъ раскладываетъ другое, предбудущее время, либо позашапное судить. Объ лѣто ломышляетъ что зимой испробуетъ, зимой раздумываетъ какъ лѣтомуъ уберется. Въ трудномъ случаѣ Яшка изворотится. Онъ не прочь отъ того что одна голова хороша, а двѣ лучше, а все морочить обойтись безъ другой головы.... Другая-то голова не своя....

Случается Яшкѣ зарваться не вѣсть куда на мысляхъ. Такое иной разъ смѣлкалка у себя на мысляхъ разложить что Яшка глазъ свой отъ начальства косить совсѣмъ въ сторону. Проболтаешь что въ башку лѣзетъ,—„ахъ ти!“ будетъ. Великой вѣры въ дѣдовъ и отцовъ обычай Яшка не имѣетъ. Испробовать удачу любить.... Ладно? И слава Богу! Не ладно? Въ другой разъ, братъ, не поймаетъ, инако распорядимся.

Гдѣ Савка за ухомъ почесываетъ и понукаетъ себя на прасво, Яшка косится и смѣкаетъ. Не мытьемъ, такъ каньемъ, а взять все можно. Яшка не думаетъ что новое что бѣдовое—одно: бываетъ новое не хуже стараго, ей Богу! А набѣжить новость худая, смѣкни живѣе да и дай сдачи.

Спросишь Яшку:

— Какъ живете-можете? Чтò новаго?

Отвѣтствуетъ Яшка, и въ словѣ его насмѣшка не надъ собой однимъ, а надъ всеми:

— Чему у насъ быть?... Живемъ, хлѣбъ жуемъ.

Вѣдомо Яшкѣ что все на свѣтѣ какъ Богу угодно, но Господь милостивъ....

— За Богомъ молитва не пропадаетъ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай!

— Богъ помочь!

Молится Яшка тоже угодникамъ Божиимъ, но все же и о Богѣ помнить, яко есть Онъ на небесахъ, и молится не въ одной бѣдѣ чтобы просить Господа. Иной разъ молвить, и на лицѣ спасибо видно.

— Вишь, Господь-Батюшка какъ солнышко выстроилъ!

— Вишь, Отецъ Небесный како перо птицѣ далъ!

— Слава Тебѣ, Господи, говорить.

Во храмѣ Яшка крестится и поклоны кладетъ не сплошь да рядомъ, а въ надлежащее время, больше при выходахъ, при отворѣ царскихъ вратъ, предъ чтеніемъ святаго Евангелія. А какъ возгласить батюшка.... *И васъ всѣхъ православныхъ христіанъ....* тутъ особенно усердствуетъ Яшка, крестится.... Своя-то рубашка къ тѣлу ближе.... Молитвъ знаетъ наизусть довольно, но чтò въ нихъ сказывается — мудро! Чтò угодно Богу и чтò грѣхъ, Яшка хорошо знаетъ. И олятъ знаетъ тоже чтò грѣхъ малый, а чтò великій грѣхъ....

— Убить человѣка—грѣхъ великій.

— Просвирку бросить лсу—грѣхъ великій.

— Оскоромиться—Господь прѣститъ.

— Угнать гривну, другую изъ оброка, про себя, грѣха тутъ мало!

— Сосѣдову жонку по ягоды въ лѣсъ звать, грѣха тутъ пожалуй нѣтъ.

Впрочемъ Яшка иной разъ самъ себя умиротворяетъ да утѣшается.

— Одишь Богъ безъ грѣха, говорить.

— Кто Богу не грѣшеть, царю не вывезать.

— Эхъ-ма! Дѣло житейское!

И чуешь Яшка что у него на совѣсти и предъ Господомъ Богомъ, и предъ царемъ малую толику не чисто.

У Яшки тоже жена, но Аксюта не чета Ариѣ: она баба красивая, но хвора и ледащая. Нароботать много не можетъ

Ну, а какъ сталъ еще Яшка ее баловать да не бить, то и вышла вся цѣна бабѣ—алтынъ.

Много намааялся и Яшка отъ чудныхъ порядковъ, но когда кумъ Савка угодилъ въ острогъ, его еще Богъ миловалъ. И такъ прожилъ Яшка на селѣ благополучно до весны 1773 года. А тутъ съ половодьемъ дошелъ чередъ и до него. И смѣлка-ка его не помогла.

Пріѣхалъ на село государственный секретарь, съ виду важный, какихъ еще не наѣзжало на село, съ нимъ приказные, дяки, палачъ, капралъ и команда. Прочиталъ онъ Таковскимъ красный манифестъ царскій въ коемъ повелѣвалось: Не дѣвряться зря всякимъ проходимцамъ и по указу императорскаго величества не платить болѣе никакихъ сборовъ, понеже много было полусту уплачено за прошлое время. За симъ оброкъ вносить и работу справлять на барѣ отнюдь не дозволено, ибо господа по новому разрѣшенію нарочитое жалованье отъ царицы получать будутъ. Рекрутовъ оставлять освобождалось всякое село на десять годовъ кое внесетъ за то по сорока алтынъ со двора.

Прежніе манифесты у кого нашли отобрали, и палачъ сжегъ на улицѣ.

Собрали мужики деньги радуясь настоящему начальству, получили отписку въ уплатѣ сей новой рекрутской повинности, и обязуясь по тому манифесту поступать, приложили руку. Яшка какъ грамотный расписался тоже закапючкой.

На грѣхъ наѣзжай въ ту пору сосѣдній помѣщикъ съ полсотней писарей. Капралъ и команда въ разсыпную отъ нихъ. Разузнавъ въ чемъ дѣло, баринъ схватилъ государственнаго секретаря, избилъ по щекамъ и велѣлъ залереть въ кѣбтушку вмѣстѣ съ его писарями, а самъ захватя собранныя деньги уѣхалъ будто въ городъ жаловаться на самозванца. Мужики сначала одурѣли, но прождавъ сутки слохватились какъ возможно съ царскимъ секретаремъ полустить такое обхождение, и розламавъ двери, съ почетомъ вывели его. А тутъ вдругъ и скачутъ олягъ помѣщикъ со писарями, но съ ними вельможа.

— Я губернаторскій товарищъ иль по-вашему, по-дурацкому, государственный секретарь! говоритъ вельможа:—и глады чѣ вамъ учиню за ослушаніе! Подай начальниковъ бунта!

—Ряженные братцы! Ряженные! говорить настоящій секретарь.—Это бесгія помѣщикъ свое хололье перерядилъ. Я ихъ всѣхъ съ рыла знаю. Заступитесь! Не давайте себя морочить. Въ отвѣтъ за меня пойдете.

Ряженныхъ приняли въ дубье. Одни убѣжали, другихъ взяли, отодрали по приказу государственнаго секретаря и пустили, а ряженаго государственнаго секретаря и сосѣдняго помѣщика по его же наказу посадили въ овианъ. Государственный секретарь уѣхалъ много довольный вѣрностью царствъ и обѣщавъ еще многія льготы.

На другое же утро наскакали мушкетеры верхомъ и офицеры. Таковскіе сбѣжались со страха въ кучу. Пошла пальба. Чтò тутъ народу легло, Боже Господи! Чтò ни дворъ, либо увѣчный, либо покойникъ. Тутъ же привезли и государственнаго секретаря, истиннаго-то.... то бишь не истиннаго а ряженаго... Не втораго чтò ряженымъ былъ, а перваго чтò былъ ряженный.... тѣфу, прости Господи!.. того чтò манифестъ краснымъ читалъ! Привезли, разложили и драли. А послѣ того дравья на Таковскомъ кладбищѣ и схоронили. Яшку съ двумя десятками своихъ Таковскихъ же угнали въ городъ, въ острогъ. Сидя въ острогѣ Яшка озлобился безмѣрно. Не тотъ человекъ! Станетъ сказывать какъ было дѣло, трясется весь, блѣдетъ лицомъ. Отъ страху? Какое отъ страху!

Но Яшка не Савка, на третій же день изъ острога бѣжалъ въ Кержинскіа дѣсь, гдѣ великій притонъ былъ бѣгунамъ, ибо старцы тамъ жили въ скитахъ и всякаго принимали. Постригаться Яшка не пожелалъ, хотѣлъ снова жену и дѣтей добыть и съ ними бѣжать вмѣстѣ. Одинъ старецъ, по имени Яковъ, призрѣлъ его и соблазновалъ ему болѣе другихъ.

—Слушай, тезка, тебѣ у насъ дѣлать нечего, коли ты семейный и семью свою бросить желанья не имѣешь. Ступай ты подъ Новгородъ чтò Нижнимъ звать, въ село Прорву. Тамъ спроси моего свояка чтò звать Егоръ Сергѣевымъ. А ему скажи: здорово-молъ дядя Саломоновъ-Хвостъ! Такъ и скажи. Онъ тебѣ твое дѣло справить. Чужимъ же прозвище сіе не болтай по дорогѣ.

Попшелъ Яшка. Не разъ наскакивали душегубцы, да чтò съ него взять, одна новая рубаха, да и ту тезка далъ. Зазывали къ себѣ, да не пошелъ Яшка въ головорѣзы. Сбѣжалка сказываетъ что проку въ томъ не жди,—а вотъ чтò Саломоновъ-Хвостъ скажетъ... Черезъ мѣсяцъ былъ Яшка у Хвоста

— Тебѣ, братъ, одно осталось: иди обѣляться за границу польскую. А тамъ верни опять и на границѣ скажися бѣглымъ ради старой вѣры. Имъ нынѣ ходъ въ Россію свободенъ по царскому указу. Назовись какъ пожелаешь, получишь видъ и съ нимъ дозволеніе на сѣлтибу. Тогда вызовешь жену и дѣтей, и селися гдѣ хощь.

Яшка отказался ийти въ такую даль. И такъ ужъ лѣто все прошлялся безъ толку.

— Ну не можешь, иди подъ Казань. Иди ты по Казанкѣ верстѣ сто, и тамъ придешь въ село Микитское. Тамъ ты найдешь старика Власа, а у него спроси гдѣ живетъ недалеко отъ Казани старецъ что звать Фирсомъ Благоутробнымъ. Онъ знаетъ и укажетъ путь. Старецъ сей тебѣ научить. Чаятельно мнѣ, онъ тебя можетъ на Приволжѣ поселить. Тамъ край добрый, воровской, письменности не требуютъ, и какъ самъ народъ все бѣглый, то для бѣгуновъ страннопріимный.

Пошелъ Яшка по Казанкѣ. Много онъ повстрѣчалъ такихъ же шатуновъ какъ и самъ и много наслушался диковиннаго.

IV.

Шелъ 1773 годъ. Стояла ясная теплынь осенняя. Сентябрское солнце опускалось на небосклонѣ, и догоравшими, чуть теплыми лучами озаряло бѣлокаменную столицу и ея „сорокъ сороковъ“; ярко горѣли золотыя шалки храмовъ православныхъ.

Версты за три отъ Москвы со стороны села Петровскаго, бойкою рысью бѣжалъ шестерикъ ямскихъ лошадей, запряженный въ большой желтый рыдванъ. За нимъ, на трехъ тройкахъ, неслись телѣжки наполненныя молодцами, около десяти человѣкъ. Вхалъ, по всему, важный вельможа и его челядь.

На широкихъ козлахъ сидѣлъ красивый ларень въ мундирѣ, деньщикъ вельможи, съ медалью на груди. Изъ кареты выглядывалъ на Москву молодой человѣкъ, съ виду лѣтъ трицати, военный, въ красивомъ мундирѣ съ красными вылушками видѣвшимся изъ-подъ накинутого плаща.

Солнце уже сѣло когда проѣзжіе вѣхали въ Ямскую слободу, и рыдванъ застучалъ и локатилъ бодрѣе.

Ямщикъ покрикивалъ. Народъ встрѣчалъ и провожалъ проѣзжихъ любопытнымъ глазомъ, кто поближе—шалку домалъ. Оконки въ избахъ подымались и стукали; собаки заливались дружнымъ лаемъ. Скоро появилась застава.

— Тверскія ворота! вымолвилъ ямщикъ, и затѣмъ обратясь назадъ, гдѣ среди полянки, въ зелени деревьевъ и кустовъ, видѣлась бѣленькая церковь обнесенная оградой, снялъ шалку и перекрестился. Деньщикъ послѣдовалъ его примѣру и за нимъ всѣ молодцы во всѣхъ телѣжкахъ.

— Монастырь чтоль? спросилъ кто-то.

— Страстной монастырь! А вотъ тебѣ Дмитрій Солянскій, тамъ икона чудотворная, сказалъ другой.

Карета повернула назадъ вдоль вала. Изрѣдка передній ямщикъ подымалъ руку съ кнутомъ, и указывая на церковь за оградой говорилъ сосѣду:

— Петровъ монастырь!

— Вонъ монастырь Рождественскій.

— Тутъ знать по валу все монастыри.

— Все по валу, вотъ сейчасъ на гору взѣдемъ, будетъ Срѣтенскій монастырь. А во, гляди, вся эта улица на версту будетъ лустая, до Варварки лустая. Всѣ дома заколочены и пропускъ надъесть токмо чинить стали, а то однѣ собаки ходили.

— Отъ чумы! Неужто вся вымерла?

— До чиста! Да ихъ много такихъ-то. Она по всей Москвѣ ходила ходуномъ. Ужь какъ ухитрились ее словить, да нѣтъ, хитра bestя.

— Кто?

— А чума-то.

Деньщикъ поглядѣлъ на ямщика и ухмыльнулся, но промолчалъ.

— Кабы она въ Крымскій бродъ не сунулась, такъ и по сю лору бы шледала по городу. Какъ увидѣли ее въ водѣ по коляно, наскочили бутори на нее и затопили. Имъ за то кресты дадены, вотъ какъ у тебя....

На телѣжкахъ шла рѣчь о томъ же. Наконецъ одинъ изъ молодцовъ перебилъ:

— Полно вамъ все о чумѣ, игда волосъ дыбомъ....

— Далеко ль еще до Покровки-то?

— Недалечко. Вонъ крестъ-то, видишь.

— Хорошо ль кормятъ у Артемія-то Никитича? Аль влажною глиной съ приправой изъ дождевой бочки!

— Вѣстимо! Все свое, изъ вотчинъ. Спасибо скажи: на постояломъ-то дворѣ все за алтыны. Наголодался бы...

Уже стемнѣло совсѣмъ когда рыдванъ подѣхавъ завернулъ къ большому барскому дому, и вѣхалъ на широкій дворъ покрытый пожелтѣлою травой.

— Артемій Никитичъ какъ можетъ? спросилъ молодой офицеръ выльзая изъ экипажа на руки стоалившейся дворни.

— Слава Богу, изволить здравствовать!

— Бѣги, докладывай, ребята: князь Данило Родивонычъ Хвалынскій, прямо изъ-подъ Турки въ гости заѣхалъ.

Половина дворни бросилась въ домъ.

— Здорово, Сидоръ! Моихъ молодцовъ прошу жаловать, продолжалъ князь здороваясь съ дворецкимъ. — Мы не на долго. Завтра закулимъ коней и въ луть къ батюшкѣ въ Азгаръ.

— Чтой-то такъ послѣшно, князенька? баринъ васъ не пустить. Погостите у насъ, батюшка, провожалъ князя дворецкій.

На верху широкой каменной лѣстницы стоялъ старикъ хотя сѣдой, но бодрый, плотный, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ. Онъ поднялъ руки и весело раскрылъ объятъя на встрѣчу князю. Это былъ Артемій Никитичъ Соколы-Уздальскій:

— Дорогому гостю! Милости прошу. Здравствуй, молодець, подѣлаемся. Проводилъ ларнишку, а тутъ, гляди, чуть не генералъ.

Они обнялись, и хозяинъ повелъ гостя въ горницы.

— Спасибо что меня стараго тетерева не забылъ навѣстить. Не гордь, не въ дѣда! Твой дѣдъ, покойный Зосима, прямо на постоялый бы завернулъ. Ты вѣдь нынѣ въ силахъ. Вы понаторѣли при дворѣ. А мы вотъ на дворѣ, а я такъ, почитай, еще на заднемъ, въ Москвѣ. Ну садись, сказывай, а я слушать учу. Къ отцу въ Казань ѣдешь, показаться. Далече. Предъ отъѣздомъ молебствіе закажемъ. Нынѣ на Руси: краткій луть—башка въ шипкахъ, дальній луть нога въ гробу. Какой на тебѣ чинъ? Полковникъ! Эй, Петька, Сидорка! Вы!! Ужинъ скорѣе, романи съ погребца. Разопьемъ, друже, поговоримъ, а тамъ уснешь, а къ заутренѣ вмѣстѣ небось. Въ шесть часовъ! Услѣшь всхралнуть дотоль.

Артемій Никитичъ болталъ безъ умолку вплоть до ужина,

смѣялся, вскрикивалъ и сыпалъ на князя волпросами не давая ему отвѣчать ни на одинъ.

Князь Хвалынскій молчалъ и глядя въ веселое лицо бодраго старика (прежняго литерскаго хлѣбосола времяъ Елизаветы) думалъ про себя:

„И этотъ праздный человекъ подозрѣвается государыней въ изменѣ. Этотъ *тетерева*, какъ онъ сказывается, замѣшался будто въ злоумышленія Хрущевыхъ да Гурьевыхъ. Не можно этому быть. Онъ весь тутъ какъ на ладони.“

Подали ужинъ. Часовъ въ девять князь направился въ отведенный ему покой, приказалъ стащить всѣ перины съ высокой кровати и улегся на доскахъ подостлавъ коверъ.

— Эхъ князьюшка! жаловался дворецкій Сидоръ.—Видь вы тутъ не подъ Туркой; здакъ-то жестко.

Деньщикъ Алеша отвѣчалъ за князя.

— То Сидоръ Егорычъ по литерскому, а подъ Туркой-то мы въ единорогахъ спали. Влѣзешь въ него, ежомъ уместиться на самомъ на зарядѣ и слышь.

— А какъ вывалить?

— Ну тогда перемахнешь къ Туркѣ въ лагерь.

— О-охъ! Страсть! испуганно вздохнулъ Сидоръ Егорычъ.— А что Турка съ рожи страшнѣе Нѣмца?

— А то нѣтъ? Турка, если съ боку глядѣть, совсѣмъ вѣдьма. А сзади зайдешь, будто огурецъ....

— Ахъ ты Господи! воскликнулъ Сидоръ, приложивъ руку къ щецкѣ, какъ бы отъ зубной боли.

Князь разсмѣялся.

— Не слушай его, Сидоръ. Онъ балагуръ. Разбуди-ка меня къ заутрени, а то съ луты какъ бы не проспять.

Въ спальнѣ козяина шла иная бѣсѣда. Артемій Никитичъ сидѣлъ пасмурный въ креслахъ. Предъ нимъ стоялъ, заложивъ руки за спину, по виду лодыжчій, а по говору человекъ приближенный, маленькій, строгаазый, съ нечисто выбритымъ лицомъ и съ большою лѣвшью.

— Не будь я Наумъ Подружкинъ, не будь ваша тварь вѣрная, а будь ракаля, коли я не стараюсь изъ всѣхъ силъ, тихо говоритъ онъ.—Да коли ужъ нельзя справиться? Я радъ бы услужить всячески, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Послѣзавтра всѣ изготовятся. Полтысячи на желтой бумагѣ будутъ.

— А дожидать. Шутать что ль?

— Ваши молодцы духомъ доскачуть. Токмо раскашеливайтесь, а то не ваша забота. Съ вѣтромъ вмѣстѣ прїѣдутъ.

— Сколько тебѣ-то еще нужно?

— Мнѣ-то? Да триста рублей еще. Такъ всѣхъ тыща и будетъ.

Артемій Никитичъ отсчиталъ деньги, Подружкннъ получилъ и поклонился.

— Простите. Завтра ввечеру зайду.

— Ладно. Похлопочи же. Не задерживай.

Оставшись одинъ, старикъ задумался, и наконецъ прїѣля въ себя сказалъ тихо вслухъ:

— Завтра поцулаю, помню, что выльзетъ? Да нѣтъ.... Царедворецъ!... Въ царьки мѣтишь, Данилко.

V.

Артемій Никитичъ былъ изъ древняго рода Соколь-Уздальскихъ, много древнѣе и именитѣе рода Хвалынскихъ, но уже менѣе блестящаго.

Соколь-Уздальскіе княжеской крови. Одинъ изъ нихъ былъ свойственникъ Грознаго, но они не чванятся этимъ, а чванятся тѣмъ что первый родовачальникъ ихъ, Дмитрій, правнукъ Андрея Ярославича Суздальскаго, брата Св. Александра Невскаго. Слѣдовательно не подъ стать Уздальскимъ гордиться тѣмъ что одинъ изъ нихъ свойственникъ царя много разъ женатаго и поэтому богатаго свойствомъ.

Около 1400 года сынъ Дмитрія, Василій, получилъ въ удѣлъ городъ Уздаль въ землѣ Суздальской, и его старшій сынъ Иванъ наследовалъ ему. На одной изъ охотъ Иванъ обогналъ волкъ на конѣ своемъ и первый достигъ краснаго звѣря. Прозвище Сокола присудили ему князь и бояре, и осталось оно на вѣки за нѣмъ и его родомъ.

У Ивана, или, какъ говорилось, у Сокола, князя Уздальскаго, было два сына: Андрей Соколъ (по отцу) и Василій. Обидѣлъ отецъ меньшаго сына ради большаго. Въ нищенскомъ видѣ пришелъ Василій въ Москву и билъ челомъ на отца и брата....

Но всѣ увѣщанья что грѣхъ и стыдъ пускать по міру сына единокровнаго убогимъ и босымъ не подѣйствовали на отца.

На позоръ и посрамленье Сокола-Уздальскаго, взялъ Василія къ себѣ въ хоромы князь, но приказалъ ему ходить босымъ и всякому отвѣтствовать: „Потому де я босъ.... что отецъ у меня родной—ехида и скаредъ.“

Василій Босой сталъ родоначальникомъ Босыхъ, имѣвшихъ видную долю въ Московскомъ государствѣ.... Послѣдній Босой сложилъ голову по повелѣнію Грознаго.

По присоединеніи Суздальскаго княжества къ Москвѣ Уздальскіе превратились въ бояръ, и ужь не назывались князьями. Нѣкоторые изъ Уздальскихъ были стольниками, кравчими, постельничими царей московскихъ. Иные и на воеводство ѣзжали, и въ совѣтъ царевомъ сиживали.

Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, бѣжалъ съ Курбскимъ за предѣлы русскіе, но послѣ двухлѣтнаго отсутствія вернулся по требованію царя и былъ прощенъ, но одинъ изъ сыновей его, уже не молодой, снова бѣжалъ и поселился въ Литвѣ.... Проклятые отца и прозвище Сокола - Ляхолюбца проводили его въ побѣгъ со святой родины. Бѣглець сталъ родоначальникомъ шляхетскаго рода Соколинскихъ. Въ тяжелую годину самозванцевъ и воровъ, безправія и крамола, сыновья Дмитрія, Михаилъ и Андрей, были доблестными слодвижниками Пожарскаго, и Михаилъ погибъ въ битвѣ съ войсками Хоткевича.

При царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ бояринъ Феодоръ Соколъ-Уздальскій былъ другомъ боярина Артамона Матвѣева и женатъ на его родственницѣ.

Никита Соколъ-Уздальскій былъ любимцемъ царевича Алексѣя Петровича, замѣшаяся въ дѣло о побѣгѣ царевича къ Кесарю и былъ затѣванъ.... Вдова его и старшій сынъ Матвѣй съ бабушкой и съ малолѣтнимъ братомъ Артеміемъ скрылись изъ Москвы въ деревню. При Петрѣ II явился изъ вотчины своей ко двору молодого государя красавецъ и молодчина Матвѣй Никитичъ и полюбился Петру Алексѣевичу. Дочь сильнаго при дворѣ вельможи влюбилась въ него, и отецъ согласился на свадьбу, не смотря на бѣдность молодого Матвѣя.

— Воистину Соколъ сей юноша! говорили всѣ.

За недѣлю до сговора Матвѣй заболѣлъ, и черезъ два мѣсяца никто не узнавалъ прежняго Сокола. Слугами его люди лихіе. Оска (которая вскорѣ затѣмъ унесла и молодого

государя) страшно изуродовала Матвѣя. Не было на немъ подобія Божьяго, не только красоты. Названная невѣста любила другаго, а Матвѣй съ горя сбился съ пути доблести и позорилъ по Москвѣ имя Соколъ-Уздальскихъ.

При Аннѣ Иоанновнѣ учинилъ онъ во дворцѣ неприличную дворянину забаву съ Нѣмцемъ изъ Курляндіи и былъ высланъ изъ столицы въ свое Сокольское, гдѣ вскорѣ женился.

Братъ его Артемій остался на службѣ, въ великой силѣ не былъ, но исподоволь дошелъ до чина бригадира и при Елизаветѣ Петровнѣ былъ вдругъ за что-то пожалованъ тысячью душъ и сталъ бояриномъ знатный по своему хлѣбосольству и пирамъ.

Позднѣе прѣѣхалъ къ дядѣ въ Петербургъ и поступилъ въ гвардію молодой Алексѣй Матвѣевичъ Соколъ - Уздальскій. Тѣ кто помнили красавца Матвѣя Уздальскаго при его явленіи въ Москвѣ при Петрѣ II узнавали сына его Алексѣя. Дядя Артемій Никитичъ сталъ за него хлопотать горю:

— Спустилъ Сокола съ руки: невѣдомо далеко ль взлетитъ?

Вскорѣ весельчакъ Алексѣй женился, и сталъ съ огромнымъ приданымъ жены чуть не богаче дяди Артемія.

Уздальскіе были всѣхъ древнѣе родомъ при дворѣ императрицы, и были лервые на балахъ и вечеринкахъ, но не въ дѣлахъ государственныхъ, ибо и дядя и племянникъ отличались особенною лѣнью.

Алексѣй однако былъ еще плоше дяди. Онъ едва писалъ и читалъ русскую грамоту когда нѣкоторые его сверстники и товарищи уже знали разныя иноземныя нарѣчія. Рубли серебряные считалъ до тысячи, а далѣе лутался.

Вида что Алексѣя всѣ обгоняютъ въ почестяхъ, да чтобъ угнать его послѣ внезапной смерти жены его, Артемій Никитичъ выхлопоталъ ему у императрицы посольское званіе ко двору одного изъ нѣмецкихъ государей.

— Я не служу, все обѣдамъ: такъ ты Алѣха нашу фамилію выручай, сказалъ онъ.

Алексѣй собрался, оставивъ у дѣда сынишку Андриюшу. Проводили его друзья до польской границы, надѣясь что обговорить онъ своихъ совмѣстниковъ по службѣ.... Добралъ Алексѣй до Варшавы, пожилъ тамъ, и черезъ четыре мѣсяца снова представился государынѣ въ Питерѣ со словами:

— Уволь, матушка-царица! Не можно мнѣ до Нѣмечины

ѣхать. Страхусь! Чего? Самъ не вѣдаю. Дозволь остаться въ Петербургѣ и служить твоему величеству дома.

Поѣздка Уздальскаго въ Польшу не обошлась даромъ. Влюбился Алексѣй въ молоденькую панну Людовику, дочь шляхтича, увезъ ее и привезъ съ собой въ Москву. Очарованный ея кротостью, Алексѣй женился на ней за мѣсяць до рожденія сына Вячеслава.

По воцареніи Петра III, Алексѣй попалъ вдругъ въ бергъ-коллегію, восхотѣлъ поусердствовать, отаичиться, и заварилъ такую кашу что государь лично стыдилъ его при всѣхъ придворныхъ. Заллакалъ Алексѣй, и изъ жалости оставленъ былъ при мѣстѣ, но когда вступила на престолъ Екатерина Алексѣевна, то многіе называемые Елизаветинцы получили абшидъ.

— Малоумные люди у статскихъ дѣлъ—зло великое государству! сказала царица.

— Новая метла помела! злобно говорили всѣ отставленные.— Паки Нѣмцевъ и бироновщину ждаты надо. Анна третья воцарилась.

А Алексѣю царица, перемолвивши два слова, сказала:

— Гораздо знатъ древень и старъ вашъ родъ что изъ ума выжилъ! Пропустите новыхъ впередъ.

Артемій послѣ похоронъ Петра III словно вздурился и самъ уѣхалъ въ Москву, бросилъ обжорствовать и все кулакомъ грозился неизвѣстно кому. Алексѣй же уѣхалъ въ деревню и, потерявъ Людовику, женился въ третій разъ. Онъ горевалъ и скучалъ. Единственною утѣхой его была крошка-дочь, отъ покойной Людовики, названная по дню рожденія Прасковьей.

Алексѣй не долго прожилъ, и раздѣливъ дѣтей еще при жизни, завѣщалъ дочь полеченьямъ обожавшей ее мачихи, а сыновей дядѣ Артемію.

Марѳа Петровна Уздальская, родомъ Городищева, осталась съ дѣвочкой въ удѣленномъ имѣніи близъ Казани, а молодые люди поѣхали въ Москву къ дядюшкѣ. Андрей сталъ кутить, вскорѣ совсѣмъ сбился съ пути и женился на половой дочери своего прихода; второй—Вячеславъ, робкій, стыдливый, жилъ въ домѣ дѣда и проводилъ время въ большомъ саду или въ церкви Покрова и слѣпо ловиновался дѣду.

Однажды послѣ долгой бесѣды съ Артеміемъ Никитичемъ онъ исчезъ.... Не видя брата, Андрей спросилъ гдѣ Вячеславъ и узналъ отъ дѣда что юноша уѣхалъ въ Польшу погостить къ теткѣ, родной сестрѣ своей матери.

Черезъ полгода старикъ объявилъ что Вячеславъ не хочетъ возвращаться въ Россію и просить все свое имущество продать, а деньги переслать къ нему въ Краковъ. Съ той поры никто ничего не слыхалъ о Вячеславѣ. Былъ слухъ черезъ годъ что Вячеславъ умеръ, а дѣдъ Артемій ничего не объявилъ Андрею, а поводилъ бровями да говорилъ:

— Не вѣдаю.... Не пишутъ! Всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Вскорѣ Андрей забылъ о братѣ и не спрашивалъ ничего. Въ то же время жена его, послѣ родовъ сына, названнаго Артеміемъ въ честь дѣда, сошла съ ума и зарѣзалась. Андрей вдругъ остепенился, пересталъ пить и болтаться по трактирамъ, а занялся усердно какимъ-то дѣломъ, подъ протекціей и наблюденьемъ Артемія Никитича.

Прошелъ годъ. Открылся въ Москвѣ заговоръ противъ царицы; замѣшанъ былъ Андрей.... А Артемій Никитичъ чистъ оказался, хоть и былъ допросъ ему. Государыня простила молодого человѣка, говоря:

— Грѣшно и не приличествуетъ намъ казнить малоумнаго. Начальный измѣнникъ и нашъ персональный оскорбитель не сей юноша, а цной, руководившій его за отца....

Андрею приказано было ѣхать жить въ деревнѣ. Артемій Никитичъ остался въ столицѣ, хотя многіе въявь называли его, со словъ государыни, „начальнымъ всему заводчикомъ и крамольникомъ“.

Однако однажды какой-то петербургскій царедворецъ (человѣкъ въ силѣ) прислалъ ему письменное приглашеніе поступить на службу и обѣщалъ важную должность.

Артемій Никитичъ усмѣхнулся, не двинулся съ Покровки, а вмѣсто отвѣта нарисовалъ что-то негодное на томъ самомъ письмѣ вельможи и отправилъ его назадъ съ припискою: „Не желаешь ли вотъ этого!?“

Съ той поры строптивый старикъ-холостякъ былъ на приѣмѣ.

VI.

Князь Данило хлопоталъ о локулкѣ лошадей. Онъ не хотѣлъ ѣхать на вновь заведенныхъ почтовыхъ. Помимо важныхъ вельможъ, всѣ продолжали ѣздить на своихъ лошадяхъ, останавливаясь и кормя гдѣ случится, даже въ лѣсу и въ полѣ. Лучше всего было дворянину ѣхать съ конвойными

верховыми. Князь везъ съ собой изъ Петербурга десять чело-
вѣкъ, изъ которыхъ шестеро были его крѣпостные; осталь-
ныхъ взялъ онъ у знакомыхъ для доставленія въ ихъ вотчины.

Девычикъ и любимецъ его Алеша ѣхалъ съ нимъ изъ Тур-
ціи. Алеша съ дѣтства былъ при князѣ, съ нимъ игралъ еще
въ Азгарѣ, съ нимъ рядомъ сражался и наконецъ спасъ кня-
зя отъ смерти, вытащивъ его однажды изъ боя раненаго по-
видимому на смерть.

Въ поддевъ лошади были найдены. Шестъ упряжныхъ подѣ
рыдванъ продалъ князю Артемій Никитичъ, верховыя были
кулены въ Ямской слободѣ. Князь и Алеша производили
имъ смотрѣ на большомъ дворѣ.

— Кони на славу.... замѣтилъ главный кучеръ Уздаальска-
го.—Токмо вели князь опробовать не чумные ли. Нынѣ чума
во всякую скотину лѣзеть.

— Какъ же опробовать-то? смѣялся князь.

— Есть у меня такой молодецъ! Обойдетъ три раза кру-
гомъ, пощупаетъ, повожжается на разные лады и скажетъ
чумные ли.

Князь Данило подробно и внимательно оглядывалъ каждую
лошадь, толкуя со своими молодцами. Отобравъ лучшаго же-
ребца, онъ отдалъ его Алешѣ въ подарокъ.

— На вотъ тебѣ. Ты вѣдь будешь командиръ эскадрона-
то! И въ Азгаръ прїѣдемъ, твой конь будетъ, а не мой, ска-
залъ князь.

Артемій Никитичъ сидѣлъ между тѣмъ у себя за письмен-
нымъ столомъ и читалъ письмо отъ одного стараго прїятеля
изъ Костромы, поданное какимъ-то просителемъ.... Прочта-
въ, онъ позвалъ Сидора и велѣлъ вестн подателя письма.
Вошелъ человекъ лѣтъ за тридцать, черноволосый, въ длин-
ной синей поддевкѣ. Умный, выразительный взглядъ его въ
секунду обжалъ кабинетъ и лытливо остановился на хозяинѣ.

— Здорово. Ты вижне-ломовскій купецъ Кафтавниковъ?

— Былъ имъ, а нынѣ голоштаный. По-нѣмецкому звать:
Панкратъ! бойко и развязно вымолвилъ купецъ и тряхнулъ
головой.

— Банкротъ? Да. Генералъ пишетъ что ты богатый купецъ
былъ, да разными затѣями разорился. Веселаго права.... Ну
садись.

— Много чести!... Нынѣ насъ сажать не приходится, раз-

смѣялся этотъ громко.—Посидѣли, будетъ! А теперь по міру походи, да лостой.

— Ну, ну, садись. Не ломайся.

— Покорно благодаримъ.

Кулець, усмѣхаясь, сѣлъ на кончикъ стула, положилъ шалку на колѣни и мялъ ее обѣими руками.

— Ну говори же чѣмъ тебѣ я пособить могу. Генералъ не лишеть ничего.

— Корму засыпьте....

— Денегъ что ль въ займы, на разживу?

— Какія деньги! У меня своихъ тыщи были, да мнѣ никакихъ денегъ не хватить. Я съ локорнѣйшему просьбой: должность мнѣ какую опредѣлите. Въ прикащики что ль поставьте куда въ имѣніе. Воровать не буду. Ей-ей! Да коли милость ваша будетъ, почаще къ себѣ въ Москву вытребывайте. Смерть моя, кататься да шляться охотникъ. Не будь стыдно, въ ямщики бы пошелъ, а то въ офени.... Посижу недѣлю въ одномъ мѣстѣ, зудъ въ ногахъ зудить....

Артемій Никитичъ сталъ внимательно вглядываться въ собесѣдника. Умное лицо купца все ухмылялось, бойко и беззаботно.

— Путешествовать любишь.... Вонъ оно что....

Артемій Никитичъ помолчалъ и выговорилъ тихо и косясь на Кафтанникова.

— Есть у меня дѣло одно.... Нуженъ мнѣ прикащикъ. Да только ужъ больно много ѣзды.... Въ мѣсяцъ одинъ верстъ тысячу наѣздишь....

— Батюшка! воскликнулъ этотъ громко и вспрыгнулъ съ мѣста.—Самое оно по мнѣ.... Заслужу.

— Такъ-то, такъ. Да дѣло-то щекотливое. Поѣздивши-то дводоль пожалуй посидишь потомъ... въ острогѣ.

Кафтанниковъ пересталъ смѣяться, пристально вглядѣлся въ лицо Уздальскаго, словно влился въ него глазами, и наконецъ выговорилъ:

— Артемій Никитичъ! Сама судьбища тебѣ въ руки суеть Кафтанникова. Ты мнѣ дѣло свое не пояснилъ, сказываешь токмо что острогомъ лахнетъ. Такъ вотъ посему-то оно мнѣ и охотливо. Коли что жжется, мнѣ подавай. И ожгусь не затужу. Таковъ уродился.

— Ну, ладно. Приходи завтра послѣ обѣда. Я тебя еще поцулаю каковъ ты есть человекъ. А тамъ и за дѣло...

— Ладно, прости... Да вотъ что... Ты завтра довѣриться намбрень... такъ и я въ долгу не останусь... Я не Нижняго-Ломова кулець, а города Ржева Владимірскаго, и не Кафтанниковъ, а Долгополовъ... А лисьмецо это генеральское подложное, мною писано, чтобы до твоего лица дойти. Теперь, коли охота, можешь меня приказной сволочи выдать, потому мнѣ сыскъ идетъ, почитай вездѣ, за мои долги.

Артемій Никитичъ разинулъ ротъ. Кулець все такъ же ухмылялся, бойко, весело и добродушно.

— Подписался? выговорилъ Уздальскій разглядывая лисьмо.

— Аль не схоже скажешь? Нешто генераль не такъ пишетъ *живете* иль *слово*, и эта олять завитушка у добра какъ у него.

— Ну, молодець! Хорошо что сознался. Я въ тебя и вѣры боля итѣю. Ну, до свиданья. Да! Пстой. Кто тебя надоумилъ ко мнѣ лѣзть?

— Про тебя Артемій Никитичъ слухъ такой... не взыщи... что у тебя дѣловъ много темныхъ и разживныхъ. А это мнѣ бѣгуну да Панкрату и на руку.

— Отъ кого жъ ты слышалъ это?

— Да вотъ хоть отъ моего прежняго ходока по дѣламъ торговымъ, Подружжина...

„Болтаютъ!“ подумалъ про себя Артемій Никитичъ. Отпустивъ Долгополова, старикъ вышелъ на широкій дворъ гдѣ собралась вся дворянскія глазѣть на князя и на проводку коней. Здѣсь онъ велѣлъ снова вывести лошадей проданныхъ князю и хвасталъ ими.

Пока шелъ смотрѣть, выѣхалъ на дворъ въ маленькой одноколке челоуѣкъ съ окладистою бородой и отозвалъ Артемія Никитича въ сторону.

— Преосвященный приказалъ оловѣститъ васъ что съѣзду быть нынѣ ввечеру въ Рогожской у старцевъ.

— Боже! отвѣчалъ Артемій Никитичъ, косясь на князя и словно соображая не примѣчаетъ ли онъ за нимъ, но князь былъ занятъ своимъ дѣломъ.

— Да повелѣлъ еще узнать у васъ, тихо говорилъ прѣзжіи Уздальскому, — какой такой гость у васъ. Въ правду ли сынокъ Родивона Зосимыча Азгарскаго?

— Правда. Вонъ онъ самый! Скажи: не нашего де поля ярода. Я ужъ его пыталъ. А на съездъ буду безпремѣнно. Прости!

Человѣкъ съѣхалъ со двора, а Уздальскій и князь пошли обѣдать.

— Чтѣ жь? Не желаешь еще погостить? спрашивалъ хозяинъ гостя послѣ обѣда.

— Нѣтъ, Артемій Никитичъ! Ужь лусты, отца давненько не видалъ, брата, сестру... Не терпится мнѣ.

— Ну, а съ батькой-то вздорить тебѣ много. Ухъ, будете боевать!

— Почто?

— А по то что оны не твоего поля ягода. За границы государства не ѣзжалъ, а у себя насмотрѣлся всего довольно чтобы не по-твоему судить.

— Полагаю что батюшка и не съ твоего поля, Артемій Никитичъ, усмѣхнулся князь.

— Оны человѣкъ тоже нашего времени, старый... ламатуеть какъ и я великую императрицу, дщерь Петрову.

— Оны въ деревнѣ сидѣла споконъ вѣку! Тотъ кустъ, да не та ягода...

— А какая жь я-то ягода на твой глазъ? Ну-тка князь?... разсмѣялся притворно старикъ.

— Ты, Артемій Никитичъ... Ты Елизаветинецъ, да къ тому же еще...

— Такъ, такъ! а къ тому жь еще чтѣ?

— Масонъ! вдругъ вымолвилъ князь улорно глядя въ лицо хозяина.

Старика покорило, снова засмѣялся оны тѣмъ же неестественнымъ смѣхомъ.

— Глулство! Петербургскія сказки! И въ Москву-то уѣдешь, какъ въ монастырѣ живешь, и то ваша братья локою не дастъ. Масонъ! Елизаветинецъ! съ увлеченьемъ выговорилъ Артемій Никитичъ.—Истинно естъ! Тебѣ того же желаю. Елизаветинецъ означаетъ истиннаго Россіянина глядящаго въ оба, сожалѣющаго прошлое величїе родины и ожидающаго еще горшихъ дней. Вотъ была чума, и еще будетъ, да не такая. Иная будетъ! Свѣтопреставленья грозятъ!

— Спасибо на посулѣ. Ужь больно ты Артемій Никитичъ торовать.

Настулило краткое молчанье. Артемій Никитичъ всталъ и началъ ходить въ волверьи по кабинету. Князь тоже былъ раздосадованъ, и поднявъ съ пола какую-то тесемку, нетерпѣливо вѣтвѣлъ ее въ рукахъ и вязалъ узлы.

— Масонъ! Масонъ! А что такое масонъ? Стали швырять-ся новымъ словомъ, а что оно сказывается? Никому не вѣдомо. Въ Бога не вѣришь: масонъ! Екатерину великою не почитаешь: масонъ! Науками занять иль въ гости мало ѣздишь: олять масонъ. А то и воръ—масонъ!

— Я свое поясненье имѣю масону, выговорилъ князь холодно: недовольный, завидущій, лѣзъ къ дѣламъ государства и не попалъ, обойденъ наградами, забился въ темный уголь чтобъ оттуда вредить всячески правленію государыни.

— Это все я? захохоталъ старикъ, остановясь предъ княземъ.

— Нѣту, не ты. Ты отъ праздности, или такъ, прости за откровенное слово, съ жиру!...

— Съ жиру! Я! Ладно! Ишь быть по-твоему. Пусть будетъ съ жиру. А неурядица, нестройство всего отечества, разбои, смертоубійство, раскольничьи безобразія въ лѣсахъ. Самозванство на Приволжьи, атаманство, душегубство! А войны безконечныя; то на Турокъ лѣземъ зря, то не въ свое дѣло мѣшаемся. Слышь, Поляка дѣлать. Да съ кѣмъ? Съ Нѣмцами! Вѣдь это все одно что роднаго брата Жиду продавать. Вы воюете, кресты да вотчины съ тысячами душъ себѣ загребаете, а православный народъ рекрутчиной да алтынами отбояривайся. А тягости подушныя, поземельныя, да еще тамъ всякія. А волокита приказная, судьи да палачи, да плети, да Сибирь на праваго и виноватаго.

— Полно, прежде-то болѣе правды въ судахъ было, какъ мѣшокъ-то ходилъ и кричалъ на улицахъ. Да Курляндцы Русскихъ судили! молвилъ князь.

— Я про тѣ времена не говорю, я про свои сказываю и равняю съ нынѣшними. Ты въ разныхъ Гирсахъ иль Букарештахъ воевалъ... Вотъ теперь насмотришься на наши Букарешты, какъ у насъ своя Турка приказная нашу же кровь льетъ. Увидишь невиданное сребролюбство да издоимство. Ты вѣдаешь ли какую народъ поговорку сказывается про Господа Бога! Сказываетъ: почто Бога бояться, онъ не приказный: знать одолѣли! Тебѣ хорошо? А ты воззри на государство. Чума! Чума!

Князь разсмѣялся и бросилъ тесемку на столъ.

— Чему ты радуешься?

— И въ чумѣ виновата государыня?

— Я не про эту чуму сказываю. Я про всероссійскую

приказную чуму. А про московскую тоже скажу: охранять края государства правительская забота.

— По-твоему будь телерь императрица Елизавета иль Петръ Федорычъ, не было бы и чумы въ Москвѣ, аль была бы излѣченная.

Князь засмѣялся. Артемій Никитичъ не отвѣчалъ и послѣ минутнаго молчанья выговорилъ насмѣшливо:

— Объявила она тоже Нѣмцамъ изъ Риги что я де молъ....

— Кто она? отчетливо и холодно произнесъ князь.

— Екатерина Алексѣевна; одна у насъ царица. Царьковъ-то много развелось! ехидно процѣдилъ сквозь зубы Артемій Никитичъ. — Сербская принцесса Хламида Угаровна! прибавилъ онъ и захохоталъ.

Князь Данило вслыхнулъ, всталъ и вдругъ выговорилъ громко и повелительно:

— Была Ангальтъ-Сербская принцесса, а нынѣ великая монархиня всей Россіи, императрица Екатерина Вторая, которой я, князь Хвалынской, присягалъ въ долгъ службы и въ вѣрности противу всякаго супостата иноземнаго и отечественнаго, а потому не подобаетъ мнѣ слушать болѣ твои крамольничьи рѣчи....

Наступило молчанье.

— Прости, Артемій Никитичъ, вымолвилъ черезъ минуту князь.—Я у тебя гость. Повиненъ что логорячился, но сказаннаго все же назадъ не возьму. Елизаветинское время мнѣ тоже памятно. Ты охотникъ равнять?.. Равнай въ могилу сошедшихъ... Елизаветино царство и Елизаветинцы свое отбыли, ихъ дѣяльямъ счетъ сведень. А Екатерина Алексѣевна всего еще одиннадцать лѣтъ править, и мудростью своихъ дѣяній уже всю Европу дивить... Да ты не улыбайся лукаво—правду оказываю. Проживемъ еще и многое увидимъ чего и не чаяли.

— Вѣстимо!.. Я то же скажу... Увидимъ подлинно чего не чаяли! разсмѣялся сердито старикъ.

— Ты загадокъ не загадывай! Говорить такъ говори открыто. Не морочь. Я говорю что счастье и величье отечества отъ Екатерины Второй произойдетъ.

— Коли же сіе ждаты? Пора бы! Нынѣ вѣдь царствуютъ не долговѣчно! снова засмѣялся Уздальскій.

— Охъ! Языкъ—врагъ людской!

— Ты что ль наушничать лойдешъ, за хлѣбъ-за-ооль суднымъ дѣломъ отплатишь! Иди. Кресть дадутъ.

— Я воинъ, а не сыщикъ. Государынѣ преданъ, но языкъ мой не ушей холода, а разума моего. Запомни ты токмо, Артемій Никитичъ; проживешь хоть мало, царствованіе узришь славное и побѣдное.

— Исполать вамъ!...

Разговоръ прекратился. Послѣ краткаго и неловкаго молчанья князь всталъ и объявилъ что пора приказать собираться. Хозяинъ не останавливался.

Черезъ два часа большой рыдванъ стоялъ у подѣзда. Молодцы расаживались по лошадямъ; вся дворня Уздальскаго высыпала провожать, въ воротахъ толпились прохожіе, перешелтывались, соображали и дивились.

— Вельможный! Вишь колымага-то!

— Въ ей жить можно.

— Сказываютъ, князь свѣтлѣйшій въ Питеръ ѣдетъ къ царицѣ.

— Чуму-то видали, слышь, у Калужской заставы! Въ задакой тоже колымагѣ вѣхала въ Москву.

— Ври больше!

Князь прощался на лѣстницѣ съ хозяиномъ менѣе дружно, но обнимаясь.

— Прощу прощенья. Не памятуй худаго, говорилъ Уздальскій. — Господь подастъ, свидимся черезъ полгода. Посмѣмся.

— Чему?

— Объ Елизаветинцахъ да объ Екатерининцахъ. Кому смѣхота будетъ, кому горе! Хе-хе! Кто въ дудочку, а кто въ кулакъ...

Князь остановился на лѣстницѣ, обернулся и сказалъ сухо:

— Я темныхъ рѣчей смерть не жалею. Доскажи побасенку.

— Чего тебѣ пояснять? Самъ разумникъ. Не взыщи съ насъ что не горазды. Впредъ милости прошу жаловать. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь. Ну, прости. Отцу поклонъ отъ стараго тетерева.

Князь съ гуломъ съѣхалъ со двора. Всадники поѣхали за рыдваномъ гарцуя и прощаясь съ дворней. Князь Данило разсѣянно смотрѣлъ на проезжаемыя улицы и наконецъ вымолвилъ самъ себѣ:

— Крамольничать, пустовать, вотъ на что пригожа ваша братья. Эхъ, матушка царица, моя бы на то воля, не Турку бъ я давилъ на Дунаѣ, когда своя завелась!

Артемій Никитичъ, проводивъ князя, вернулся въ кабинетъ и приказалъ Сидору:

— Ну теперь вѣхъ пуццай, сбили глазатая... Этотъ изъ-за крестика какого не прочь и судное дѣло на шею мнѣ надѣлать.

Артемій Никитичъ былъ еще золъ. Черезъ минуту вошелъ въ кабинетъ здоровый казакъ и поклонился.

— А Яцкій пріятель. Здорово! Чтѣ...

Артемій Никитичъ всталъ и подошелъ къ казаку.

— Съ Питера, во свояси вду... Зашелъ къ твоей милости.

— Ну? Разсудила великая монархиня.

Казакъ вздохнулъ.

— И не допустили... чуть въ крѣпость не попалъ.

— А Орловъ Григорій, царекъ-то?..

— Общался...

— А все жь общался! живо воскликнулъ Артемій Никитичъ.

— Общался мной пуцку зарядить да выпалить.

— Да. Эва какъ!.. Чтѣ жь? Я тебѣ сказывалъ. Я ихъ знаю...

Ничего не подѣлаете... Бери... Артемій Никитичъ оглянулся кругомъ. — Бери силкомъ. Нешто васъ мало атамановъ на Яикъ-то? Эхъ, вы! Сталъ бы я въ вашей кожѣ терпѣть неправды да пословъ посылать, да тратиться. Созвалъ сходъ! На конетъ! За сабу!..

— А тамъ жди другаго генерала Фреймана да пуцки да лытку... Эхъ, Артемій Никитичъ, у насъ ужь и теперь изъ трехъ атамановъ одинъ въ острогѣ иль въ Сибири, одинъ на кладбищѣ, а третій жметъ да хвостомъ вертитъ, съ налуга бунтомъ не возьмешь. Опробованное дѣло! Не войной же Яику на Имперію идти.

— Да, съ просьбой и отвѣхали...

— Просьбу подалъ генералу. Какъ бишь имя-то ему?.. Замятовалъ. Онъ взялъ и приказалъ за отвѣтомъ быть черезъ трое сутокъ. Ну, пришелъ я въ срокъ. Вотъ эдакъ же въ покойчикъ въ свой позвать велѣлъ, да эдакъ сидя за столикомъ да не глядя молвить: Ты челобитчикъ? — Я-съ! — Посланецъ съ Яика? — Я-съ! — Ну скажи тамотко, атаманью Яцкому: будете де опять просьбы писать, бумагу другую берите. На эдакой-то на каляной негоже!... Ну, ступай съ Богомъ. И выпроводилъ вонъ.

Артемій Никитичъ началъ хохотать.

— Аль веселое чтѣ? угрюмо спросилъ казакъ. — Мнѣ оно не

въ domeкъ. Грамотка стало пропала за даромъ. А дойди я до самой царицы, не то бы было мучителямъ нашимъ. Вѣрно!

— Погоди еще, скрутятъ васъ не такъ... Придется бѣжать на службу въ Туретчину, либо... за умъ хватиться.

— За умъ? Да что жь дѣлать-то! отчаянно сказалъ казакъ.— Вотъ ты умный вельможа. Научи!..

Уздальскій говорилъ долго, лущая казака, и совѣтовалъ ему передать товарищамъ чтобы выжидали *временъ новыхъ, кои не за горами.*

Черезъ часъ людскій казакъ угрюмо выходилъ изъ дома Уздальскаго и сѣвъ на лошадь молча лѣвхалъ по темнымъ улицамъ первопрестольной.

На одномъ изъ угловъ, гдѣ алѣлъ надъ грязною улицей и лужами яркій свѣтъ выбивавшійся изъ растворенной двери кабака, слышались крики, хрипявое лѣнїе и громче всего гремѣлъ и ругался чей-то голосъ.

— Пьянство. Въ столицѣ и нищій при деньгахъ! подумалъ казакъ.

Между красноватымъ свѣтомъ изъ двери и всадникомъ появилась какая-то тѣнь и затмила яркіе лучи свѣтившіеся въ лужахъ и грязи. Предъ глазами казака мелькнула на мгновеніе рисуясь на огнѣ длиннололая фигура съ головой безъ шапки и съ длинною бородой клиномъ, которая торчкомъ толпырилась на груди, гдѣ ярко сверкнуло что-то въ лучахъ огня.

— Чудно! Какъ схоже! подумалъ казакъ.

Фигура мелькнула ближе и шлепая по грязи шибко шла мимо.

— Онь и есть! Отецъ Мисаилъ! вскрикнулъ казакъ и соскочилъ съ лошади.

— Спаси Гослуди! Меня зовешь, раздался голосъ въ темнотѣ.

— Отецъ Мисаилъ, здѣсь, въ Москвѣ! ахалъ казакъ придвигааясь къ монаху, босоному, безъ шапки, съ большимъ образомъ на груди и съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ...

— Мнѣ вездѣ луты! на гонителей воздвигать... Ангеломъ своимъ заловѣсть о мнѣ, сохранить мя во всѣхъ лутѣхъ моихъ! груднымъ сильнымъ голосомъ выговорилъ монахъ.

— Куда жь ты эдакъ ночью-то идешь?

— Спаси Гослуди... въ Кіевъ!... а тамъ на Поволжье... Отъ антихриста человека стеречь... Пришли времена. Блюди себя, человекъ, блюди. Силенъ врагъ Божій... Возсѣлъ онъ на престолъ

и гоненіе поставилъ... Вышелъ Иуда на лобзаніе съ дреколіемъ, искутателя въ Москву волочить. Блюди себя.

Монахъ шагнулъ и исчезъ въ темнотѣ. Казакъ окликнулъ было его снова, но пьяная куча народа съ лѣсями повалила веревницей изъ кабака и заглушила его голосъ.

Казакъ сѣлъ на лошадь и двинулся ворча про себя:

— Да! Не новымъ временамъ быть, а впрямь антихристу!

VII.

Князь Данило ѣхалъ скоро, дѣлая по сту верстъ въ сутки, и былъ уже недалеко отъ Нижняго-Новгорода. Однажды пришлось ему обгонять длинную колонну народа. Рубища, мрачныя лица, сѣрые кафтаны двигались кучей и при совершенномъ безмолвіи, шаркали по дорогѣ. Вся кучка была привязана къ длинному канату. Одни шагали уткнувшись головой и взглядомъ въ грязную дорогу, другіе прихрамывая едва поспѣвали, большая часть тащилась. Во главѣ, позади и по бокамъ шагали человѣкъ двадцать солдатъ. Опередивъ ихъ, Хвалынскій вельѣлъ остановиться и обратился къ капралу.

— Чтò за люди?

— Канатные... ваша милость.

— Куда луть?...

— Изъ Москвы... въ Казань гонимъ...

— А тамъ въ Сибирь, прибавилъ солдатъ.—Далече еще ишъ драть-то...

Кучка стояла молча, большая часть оглядывала ноги или просто переводила духъ, только передніе глядѣли на Хвалынскаго и то какъ-то бессмысленно-каменными глазами.

Хвалынскій вельѣлъ Алешѣ дать на партію пять рублей.

Одинъ изъ канатныхъ, мужикъ съ окладистою русою бородой, принялъ деньги, но не поклонился, не вымолвилъ ни слова.

— Хотъ бы спасибо сказали. Ты! ругнулъ Алеша.—Воистину вы знать канатные! Ты, какъ тебя звать-то?

— Савка! лѣниво вымолвилъ мужикъ.

— Чего жъ спасибо не скажешь. У! дурни!

Рыдванъ двинулся. Партія зашагала, и никто изъ кучки не провожалъ глазами опередившій и удалявшійся рыдванъ. Отупѣнье было въ нихъ или черное безразличное чувство ко всему свѣту Божьему. Жизнь проявлялась въ нихъ однимъ шарканьемъ по грязной дальней дорогѣ...

Въ сумерки князь въѣхалъ въ деревушку; здѣсь приходилось кормить и ночевать. Избы были на перечесть и всѣ курныя и полуразвалившіяся, ни одной просторной.

— Князьничка... какъ прикажешь? Тутъ намъ не можно разложиться... и твоей милости вздохнуть негдѣ, и конямъ мѣста нѣтъ, сказалъ Алеша.

— Опроси люди, много ль до селенья какого?

Алеша долго стучался въ одной избѣ, затѣмъ въ другой: выругался и перешелъ къ третьей. Никто не двинулся и не откликнулся.

— Эй вы!.. Чумой чтоль хватило?... Чаю въ семь краю она не была!..

На краю деревушки показался мужикъ изъ-за угольной избы.

— Эй, молодець, крикнулъ одинъ изъ наѣздниковъ и сталъ махать рукой. Мужикъ остановился и не двигался.—Подойди чтоль... дурной...

Мужикъ повернулъ круто, и во весь духъ прилустился къ опушкѣ лѣса.

— Народецъ!

— Важно!.. Нагови кто изъ васъ и приведи ради потѣхи.

Одинъ молодець поскакалъ и тоже скрылся въ лѣсу.

Между тѣмъ изъ шестой избы гдѣ стучалъ Алеша завывъла молодець.

— Выходи кто ни есть, не то оконники ловышибаю.

Высунулась старуха.

— Хозяина вышли...

— Нѣту, милостивецъ; какъ предъ Господомъ нѣту... Весь посѣлокъ угнали.

— Ну, а ты, бабушка, не укажешь ли далеко ль тутъ гдѣ селенье побольше вашего?

Старуха вышла и стала Алешѣ показывать и объяснять.

— Князьничка! вернулся Алеша:—тутъ недалече большое селенье Никитское, сказываетъ старуха, богатое... Да намъ не по пути.

Старуха подошла, поклонилась и боязно оглядывала всѣхъ.

— Чтѣ у васъ за народъ за чудной? спросилъ князь.

— Боязныя времена, милостивецъ, оборони Богъ, налѣзешь на начальнаго, на кого...

Князь рѣшился ѣхать на ночлегъ въ Никитское; рыдванъ повернулъ въ сторону съ дороги.

Въ эту минуту появился молодецъ догоявннй мужика.

Онъ ѣхалъ верхомъ и велъ на кушакѣ привязаннаго бѣгльца. Мужикъ этотъ былъ Яшка. Блѣдный, со сверкающимъ и злымъ взглядомъ, шелъ бѣглецъ на привязи. Его окружили верховые.

— Чего ты удралъ? спросилъ князь.—Откуда ты? Изъ Никитскаго села?

Яшка поколебался и вымолвилъ:

— Тамошннй.

— Ну кажи дорогу туда. Сажай его на козлы.

Яшка струсилъ и слегка дрожалъ.

— Чего оробѣлъ? Дурень!

Яшкѣ посадили на козлы и двинулись въ село Никитское.

Дорогой онъ перемолвилъ съ кучеромъ пару словъ и тотчасъ же повеселѣлъ. Смѣлка доложила ему:—Небойсь, братъ; то не государственный секретарь.

За версту отъ Никитскаго, Яшка бойко обернулся къ князю:

— Ваше снательнейство! Я васъ прямо приведу къ старику Власу, у его и изба большущая.

Совсѣмъ стемнѣло когда рыдванъ Хвалынскаго остановился у большой избы среди села Никитскаго. Наѣздники слѣпились и стучали въ ворота. Князь вышелъ. Кучка мужиковъ окружила его.

— Позволь, государь, вы сами-то отколь? забасилъ мужикъ обращаясь къ одному изъ наѣздниковъ.

— Изъ столицы, Петербурха.

— А по какому дѣлу пожаловали?

— Переговать.

— Та-акъ....

— Эй вы! хозяйва! крикнулъ одинъ изъ верховыхъ. — Кто тутъ живетъ-то?

— Власть! Старшой.... Ты стучи въ подоконникъ. Слить я чай.... Ночное дѣло....

— А куда ваше снательнейство отбыть изволишь отсыль? обратился Яшка ко Хвалынскому.

— А тебѣ на что? Назавтра съ зарей въ Казань.

— Возьми меня подъ Казань. У тебя дошадь подручная идти.

Ворота между тѣмъ отворились. Князь не слушая что болталъ Яшка, пошелъ въ избу. Молодцы шмырели и ужъ хохотали, шумя на дворѣ.

Хозяинъ, старику лѣтъ семидесяти, заметался и обрѣвѣлъ; фонарь которымъ онъ свѣтилъ князю въ сѣняхъ дрожалъ въ его рукѣ. Бабы закидались, одна заголосила!

— Пресвятая Богородица! Господа прогнѣвали.

— Небойсь, небойсь! Не воры! Все на деньги возьмемъ.

• Князь никого не обидитъ, крикнулъ Алеша.

— Кня-азь! зашептались мужики. ни на шагъ не отходя отъ избы.

— Какъ тутъ быть, молодцы! шепталъ одинъ.

— Обождемъ. Что будетъ, шепталъ другой....

— Може и ничего, а може начальный....

— Эй! Что вы уткнулись? Помогай выкладывать, крикнулъ одинъ изъ наѣздниковъ.

И вся кучка разомъ хлынула къ рыдвану словно съ цѣли, и нотащила узелки, ящечки, погребцы. Всѣ слѣпили, словно грабили.

— А-ахти! Птицей жареной отшибаетъ! шепталъ одинъ таща и облюхивая ящичекъ.—Должно именитый князь, рѣшила его голова натошакъ.

Князь расположился въ холодной, большой и чистой горницѣ и жуная разспрашивалъ хозяина о житьѣ-бытьѣ. Старику переминался и повторялъ на всѣ лады:

— Ничего, государь, слава Богу.

Черезъ часъ все стихло. Мужики разбрелись по избамъ.

Одинъ изъ нихъ спалъ безпокойно, ему пригрезился жареный гусь. Яшка не спалъ тоже и на задахъ дома шептался со старикомъ Власомъ объясняя что его поймали на пути и велѣли вести ко Власу, старшему.

— Ничего. Небожь! Бѣды нѣтъ. Происжатель.

Когда Власъ ушелъ, Яшка свѣлъ на заваленкѣ и задумался. Денегъ-то, серебра-то! Эка жизнь ихняя! Кастриолечка и та изъ серебра. А у тебя за лазухой одинъ блохи.

Старикъ хозяинъ легъ на палату, но вдругъ вскочилъ и разбудилъ сына.

— А гдѣ, сынокъ, та тетрадка что монахъ-то оставилъ? шепталъ онъ.

— Тамо, батька, за образницей.... въ горницѣ.

Старикъ вздрогнулъ и опустился на лавку.

— Сынокъ! Загнѣли мы! тихо всхлинулъ онъ.—Примѣтитъ онъ ихъ, пронадежъ.

VIII.

Около полуночи, среди мертвой тишины и всеобщаго сна, раздался стукъ въ ворота. Смѣлая рука стучала.

— Хозяинъ! А хозяинъ! Живо! Подымайся!

Въ избѣ зашевелились, кто-то вышелъ и отворилъ ворота.

— Чего? снова крикнуть стучавшій.—Князь?! Я самъ князь. Буде врать. Власа старшого давай. Будь. Живо!

— Чего ореть? крикнули люди изъ-подъ навѣса. — Заткни ему глотку. Князя разбудить.

Одинъ изъ наѣздниковъ пошелъ къ воротамъ, а отворившій ихъ бросился въ сторону и скрылся.

— Живо лошадь! Бери эту и давай свѣжую; изъ той деревни получишь.... Я чай не въ первой! По уговору! кричалъ протѣзжій.

— Не слѣши, молодецъ, я тебѣ не холопъ, отозвался парень.

— Ну, олухъ! Живо.... Не то какъ лса убью....

— Вишь пряткій....

— Я царскій гонецъ!

Князь уже прислушивался, и при послѣднемъ словѣ вскочилъ съ сѣна на которомъ спалъ и глянулъ въ окно. Предъ воротами стоялъ приземистый малый въ темномъ кафтанѣ, съ пашкой за поясомъ, а за нимъ дымясь и опустивъ голову солѣла брошенная имъ лошадь.

— Алеша, введи его, сказалъ князь.

Между тѣмъ гонецъ и наѣздникъ дошли до рукопашной. Наѣздникъ отъ сильнаго удара кулакомъ поклатился кубаремъ на землю.

— Убили! Братцы! Разбой! завопилъ оня, и все поднялось кругомъ.

Нѣсколько человекъ выбѣжали изъ-подъ навѣса и изъ избы. Незнакомецъ уже отвязывалъ одну изъ лошадей князя. На него бросидсь. Оня выхватилъ пашку; но увидя человекъ десять, бросился къ воротамъ и вскочилъ на свою лошадь.

— Словить его! крикнулъ князь на крыльцѣ.

Одинъ изъ молодцовъ бросился къ незнакомцу и ухватилъ его лошадь подъ узды. Блеснула пашка, и малый со стономъ поклатился по землѣ.

Незнакомецъ, покакалъ.

— На коней! Въ догону!... Взять его живьемъ! крикнулъ Данило, словно командовать въ битвѣ.

Черезъ минуту человекѣкъ десять наѣздниковъ безъ сѣделъ повскакали на лошадей и съ гиками полетѣли по деревнѣ.... Изъ всѣхъ избѣ вылѣзли мужики и кучей столпились олять предъ воротами Власа съ криками, вопросама и шелтавьемъ.

Подняли наѣздника и положили на солому. Шашка разсѣкла ему шею и вошла въ плечо.

— Чтѣ Гриша? спросилъ князь.

— Отходить, сказалъ Алеша, оглядывая раненаго.—Эхъ, времена тяжкія.... Вѣдь ужъ это третій! Николи мы, Данило Родивоничъ, такъ не ѣзжали.... Время-то какое! Просто военное время!

— Хуже, Алеша.... Чтѣ военное время?! Тамъ вѣдаешь съ кѣмъ дѣло имѣешь.

— Царскій гонецъ вишь.... Ахъ ты лёсъ! покачивалъ головой Алеша.

— Не годно ты сказываешь, молвилъ одинъ изъ подступившихъ мужиковъ.—Какъ такъ сказывать про царскаго гонца.

— Вы чего!... лохмачи!... крикнулъ князь.

— А мы того!... грубо выговорилъ одинъ, выстулая изъ кучки.—Ты вотъ незнамый человекѣкъ съ царскимъ гонцомъ худое учивишь тутъ, и былъ таковъ, а въ отвѣтъ мы будемъ.

На селѣ показались наѣздники вскачь и двое держали подъ уздцы лошадь незнакомца. Онъ сидѣлъ на ней съ закрученными назадъ руками.

— Не годно такъ съ царскими слугами поступать! заговорилъ тотъ же мужикъ.

Едва всадники стали предъ воротами, какъ лошадь незнакомца грянулась объ землю. Его подхватили и подвели къ крыльцу. Мужики тоже обступили.

— Кто ты таковъ человекѣкъ? спросилъ князь, напрасно стараясь разглядѣть въ темнотѣ лицо пойманнаго.

— Я царскій гонецъ, а за оное ваше преступленье закона вы отвѣтъ дадите.... Давайте лошадь другую.

— Откуда ты?

— Изъ Москвы, везу ордеръ въ Казань, и коли вы, какъ сказываютъ ваши молодцы, полковникъ гвардіи и князь, то прикажите дать мнѣ лошадь безъ проволочки времени.

— Я лейбъ-гвардіи гусарскій офицеръ князь Хвалынекій,

поэтому ты можешь мнѣ сказать отъ кого и къ кому у тебя ордеръ.

— Я отъ московскаго генераль-губернатора князя Волконскаго съ ордеромъ къ казанскому губернатору генераль-поручику Брыкалову.

— Вѣстимо! Дай ему, государь, лошадь, не задерживай, заговорили мужики.

— Молчать! крикнулъ князь.—Ты врешь! Генераль-губернаторъ казанскій не Брыкаловъ, а Брантъ.

— Точно такъ-съ... Я смѣшалъ.

— Покажи мнѣ ордеръ! Развяжите ему руки. Сабли наголо и не дремать...

Незнакомца развязали. Онъ повалился въ ноги.

— Помилуй, князь. Пощади! мнѣ не приказано никому ордеръ сей являть. Братцы, заступитесь, обратился онъ къ толгѣ.

Мужики заворчали.

— Вѣстимо! Царскій указъ нельзя всякому въ руки давать.

— Ввести его въ избу! Стать на караулъ въ сѣняхъ. Если кто изъ нихъ ликнетъ или сунется... рубить! крикнулъ князь.

— Робята! За дубье! Разбирай частоколь! раздались голоса, однако никто не тронулся.

Незнакомца ввели въ горницу. Это былъ Долгополовъ. Князь съ любольитствомъ оглядѣлъ его и замѣтилъ его умное лицо и выразительный взглядъ.

— Вяжи руки за спину и обыскивай! сказалъ князь.

Трое наѣздниковъ скрутили незнакомца, повалили на полъ, а Алеша осторожно нагнулся и сталъ ощупывать.

Долгополовъ, баѣдный какъ снѣгъ, дышалъ тяжело и дико озирался.. Алеша разстегнулъ его кафтанъ и понемногу вывалилъ лачки печатныхъ листковъ. Князь взял нѣсколько.

— Всѣ подобные какъ одно, замѣтилъ Алеша.

Князь подошелъ къ свѣчкѣ и прочелъ про себя первый попавшійся. Въ заголовкѣ стояло: „Манифестъ“. Затѣмъ слѣдующее:

„Мы Божіею милостію императрица Екатерина Алексѣевна объявляемъ, кому вѣдать надлежитъ, что весьма желая въ покой пребывать и пріятностями услаждаться, почитаемъ дворянство намъ великимъ стѣсненіемъ и потому всѣмъ нашимъ вѣроподаннымъ указуемъ тѣхъ самыхъ дворянъ...“

Князь вольхнулъ и пересталъ читать далѣе.

— Подай сюда всѣ. Обыщи еще нѣтъ ли.

— Вѣв-съ... Вѣдъ тутъ ихъ съ сотни три.

— А, дай - кось... Отой! Еще есть! радостно воскрикнулъ Алеша и потащилъ съ шею незнакома большую ладовку. — Въ мѣшечкѣ вмѣстѣ съ образами было маленькое письмо и листъ сложенный въ восьмушку. Они были перевязаны синею тесемкой, которая вся была въ узлахъ.

Князь обмеръ при видѣ тесемки что вертѣлъ онъ въ рукахъ во время бесѣды съ Артеміемъ Никитичемъ. Ошибиться было трудно. Князь, почему-то не глядѣвшій тогда въ лицо своего собесѣдника, во все время разговора машинально разсматривалъ тесму и хорошо помнилъ тѣ узлы что навязалъ на ней въ кетерлѣвнѣи, а затѣмъ бросилъ ее на полъ кабинета Артемія Никитича. Князь Данило былъ самъ не свой. Многое стало ему ясно теперь въ Уздальскомъ.

— Ну, старый тетеревъ, добро же! Самъ сатана тебя мнѣ въ руки лихааетъ.

Князь Данило взялъ листочекъ и осмотрѣлъ его. Затѣмъ, выславъ всѣхъ изъ горницы, и оставшись наединѣ съ незнакомцемъ, сказалъ:

— Тебя кто послалъ?

— Московскій генералъ-губернаторъ.

— Артеміи Никитичъ Уздальскій.

Долгополовъ любѣлѣлъ какъ свѣтъ.

— Онъ тебѣ далъ манифесты. Да онъ же тебѣ и тесемочку далъ перевязать вотъ это, медленно проговорилъ князь, уклонно глядя въ глаза оторопѣвшаго купца. Того шелохнуло. Казалось что всѣ чувства его волновавшія перешли въ одно изумленіе, онъ даже ротъ разинулъ. Князь не могъ не улыбнуться.

— Сознаешься ли? Чего и сатана не знаетъ то мнѣ въ домѣ!

Долгополовъ молчалъ какъ убитый и ни слова не могъ князь отъ него добиться.

— Ну, ладно. Поѣдемъ съ тобой до Казани. Тамъ заговоришь какъ на дыбка лодымутъ. Эй, молодцы! Хозяина пошли.

Слова всѣ наладнили горницу. Пришелъ старикъ Власть, тоже блѣдный и дрожащій.

— Есть у тебя чуланъ гдѣ залереть его до утра?

— Нѣтъ, государь. Въ овинѣ можно.

— Ну, въ овинѣ. Ты, Алеша, назначь на овину часовыхъ.

— Я самъ, Данила Родивовичъ, уберегу. Что молодежь морить? Всѣ съ пути заморены... Я самъ...

— Добро. Завтра съ собой его приважемъ на Гришину лошадь... А что Гриша?..

— Скопчался.

— Царство небесное! Князь перекрестился.—Ну ступайте. Да смотрите, не улуститъ...

— Помилуй Богъ, князька! Говорю, самъ до утра не смѣнюся, сказалъ Алеша.

Незнакомца вывели и залерли связаннаго въ овинѣ. Алеша сѣлъ у овина съ саблей и листодедами.

Князь читалъ отобранные листки. Это были фальшивые манифесты, перелопаченные бессмыслицей, грязными словами, вмѣстѣ съ текстами Св. Писанія...

Князь слышалъ еще въ Питерѣ о такихъ манифестахъ, но онъ дивился теперь что дворянинъ и умный старикъ замѣшался въ такомъ дѣлѣ. Листки были гаулы и безграмотны. Въ концѣ манифеста, послѣ воззванія не работать и изводить помѣщиковъ, было обѣщанье что скоро наступятъ благословенные дни, что по всей Руси грянетъ радостная вѣсточка, что нѣкто „возстанетъ лаки изъ гроба, ухищренья вражескія преодолеетъ, и объявитъ вѣчную волю“.

„Саморучно убилъ бы стараго пса, не взирая на его хлѣбъ-соль“, подумалъ князь и сжалъ кулаки. Тутъ онъ вспомнилъ о письмѣ и о бумагѣ перевязанныхъ тесемкой. Письмо было написано церковнымъ языкомъ, и все состояло изъ отрывковъ Посланій апостольскихъ, составленныхъ вмѣстѣ. Смыслъ былъ не ясенъ князю. Много говорилось о предтечѣ, обѣщался миръ, любовь и царство небесное на землѣ. Листъ оказался билетомъ и былъ выданъ въ Москвѣ, помѣченъ сентябремъ 1773 года, то-есть за нѣсколько дней предъ тѣмъ. Показатель его значитъ вольвоотпускной дворовый человекъ сержанта гвардіи Афанасія Ивановича Комарова—Елисей, Онуфриевъ сынъ, Обваловъ. По годамъ и по примѣтамъ это долженъ быть видъ незнакомца-гонца.

Крѣпко спалъ князь. Давно уже занялась заря, давно уже одишь наѣздникъ стоялъ надъ нимъ, повторяя боязливо:

— Князька! А, князька! Данило Родивовичъ!

Трое другихъ стояли за нимъ поодаль.

— Бѣда страхлась... князишка!

Князь поднялся наконецъ и сѣлъ на лавкѣ.

— Бѣда? Какая?

— Да тотъ... гонецъ-то... Никто не виновенъ, опричь Алешки поганца. Вотъ тутъ въ сѣвцахъ нашли мы; тебѣ, сказываютъ, знать все и прописано.

Наѣздникъ боязливо подалъ бужажку сложенную треугольникомъ и исчерченную карандашомъ.

Князь прочелъ.

„Высокоблагородному господину, распрогенералу, князь Данилъ Родивовичу, вашей свѣтлости. Не гнѣвайся, государь мой, что гонецъ царскій васъ обошелъ и благонадежно укрылся съ самовольнаго вашего захвата и въ сохранности въ голенищахъ тридцать червонцевъ и двѣ сотни оныхъ царскихъ манифестовъ при мнѣ отбѣжали. Тебѣ впредь было надежны. А самый тотъ Алеша что часы наряжалъ на мое увѣщеванье склонился и въ помощь мнѣ согласникомъ учинился, а на тебя плевать приказалъ. А кто таковъ есмь, то ваша княжеская свѣтлость по виду моему вѣдаетъ. А за воровское отнятіе трехъ сотенъ таковыхъ манифестовъ я въ надеждѣ имѣю, вашей свѣтлости, тебѣ, гораздо горше мзду воздамъ. И когда придетъ день сей славный, меня стерегиса. Вотъ тебѣ и весь сказъ, чортовъ кумъ! А тебѣ я, чорту, сауга: Елисей Обваловъ.“

Хвалыинскій скомкалъ сѣрую бумагу. Онъ былъ пораженъ не цидулей, не побѣгомъ лерехитившаго лаута, даже не дерзостью его въ виду того что князь зналъ откуда онъ, кто таковъ и къмъ посланъ: измѣной своего человека былъ князь пораженъ. Алешу нельзя было подкупить никакими доньгами, нельзя было и уваечь лустымъ краснобайствомъ... Что же сказалъ ему, что одѣлалъ этотъ Обваловъ? Какая это сила которая только коснулась честнаго Алешки и уже увесла его безъ слѣда?

Наѣздники ждали гнѣвнаго допроса, можетъ-быть и пристрастья, плетей. Князь бывалъ крутъ во гнѣвѣ.

Но Данило Родивовичъ молча расплатился съ хозяиномъ, молча вышелъ на улицу. Лицо его было сумрачно, и сядая въ рыдванъ онъ не поднималъ глазъ на холопей и не пострѣлъ никому въ лицо. Смущенъ онъ былъ. Боялся ли что они прочтутъ его смущенье, боялся ли что на ихъ лицахъ найдетъ новое, небывалое выраженіе....

— Ваше сіятельнейство! Дозволь мнѣ къ вамъ въ службу, заговорилъ кто-то у окна.

Это былъ Яшка.

— Чего? задумчиво отозвался князь.

— Отолужу, говорю. У васъ три подручныхъ. А мнѣ въ Казань нужда.

— Ладно. Садись. Пошелъ живѣе!.. не глядя отвѣчалъ князь. Яшка взмахнулся на свободную лошадь. Рыдванъ и конная свита выѣхала вскачь изъ деревни. Верховые перешелтыгивались, одни угрюмо ворчали, помоложе усмѣхались.

— Да! Алеша не даромъ!.. Не таковъ молодець.

— Знать тотъ человекъ колдунъ. Когда бы цной какой, а то Алеша... Вотъ тѣ дяденька и Алеша! Хи-хи-хи!

— Времена сокровенныя! Какое такое страстется на насъ!.. Алеша! А!..

— Будь воля Твоя! перекрестился наконецъ старшій.

Мужики глядѣли вслѣдъ удаляющагося рыдвана говоря:

— Ай да гонецъ! Споровилъ важно. И сторожа сманилъ.

Исчезли конные за лѣсомъ, и отлегло на душѣ мужиковъ.

— И слава Тебѣ Боже нашъ!..

И всѣ спокойно разошлись до будущаго проѣзжателя. А тамъ опять боязнь, сомнѣнїе, догадки и боязнь. Старикъ Власть тащилъ изъ-за образницы лачки тетрадокъ и листовъ большого формата, съ надписью: *Страды*, ухмылялся радостно и крестился двумя перстами.

— Нѣтъ, отче. Вонъ за сіи печатки бумажныя что бываетъ... да еще гонцамъ... Тебя монашескїй санъ уласеть, а я задаромъ пропаду.

Власть прокрался въ другую горницу къ печкѣ, оглянулся и швырнулъ въ огонь цѣлую стопу. Заклубился черный дымъ, вспыхнулъ одинъ красный язычокъ, другой, прорвался въ срединѣ третїй и запылало большое пламя. Десятки листовъ завертывались, свивались и летѣли въ трубу.

— Что лустовать на старости. Ты, отче, конѣ здѣсь, а завтра на Афонѣ, аль въ Ерусалимѣ, а Власть тутъ, и тащи его въ острогъ! Вѣру истинную я и безъ книжиць этихъ въ себѣ содержать могу нерушимо.

IX.

Пустышевъ и дикъ тотъ край гдѣ сошлось два источника, два потока, гдѣ слалась съ ясною, синею Камой, сѣрая, угрюмая Воага, и развернувшись широкимъ разливомъ, гонитъ свои сердитыя волны по увылымъ, безлюднымъ доламъ, вдоль смлучихъ желтыхъ песковъ и косматыхъ ворчавыхъ камышей.

На крутомъ скатѣ берега взгромоздилась высокая и тяжелая барскія хоромы, среди густой чащи вѣковыхъ деревь. Развѣсистыя липы садовыхъ аллей и бѣлыя березы роши обступили кругомъ и дружно охватили все, и хоромы съ флагедами, и службы, и затѣливые ладьяны, и оранжереи; на верху горы, куда добрались послѣднія березки роши, на гладкой полянѣ, бѣлится и блеститъ какъ свѣтъ златоглавый храмъ съ колокольней и стоитъ свѣтлымъ вѣнцомъ надо всею темною зеленью и угрюмымъ жильемъ боярскимъ. Рядомъ съ богатымъ храмомъ, будто богатырь-сторожъ, вытянулась бѣлая колокольна и ярко сіяя золотою шалкой смотрится въ свѣтлые дни въ колыхающуюся глубь мимоидущихъ волнъ.

Въ далекія времена, на этомъ же мѣстѣ, прильпившись къ отвѣсной крутизнѣ, стояла на обрывѣ, мхомъ одѣтая, сторожевая башня царства Казанскаго, Азгаръ.

Однажды, вѣчно бѣгущія волны видѣли не вдалекѣ отсюда остервенѣлый бой, слышали грохотъ оружія, протащили много воиновъ въ кольчугахъ и бронехъ и унесли къ себѣ на дно, волей-неволей, уливаясь кровью человѣчьею. Волнѣ за воинами, вскорѣ рухнула въ сѣрую глубь и высокая башня Азгарская, лишь развалины свисли надъ обрывомъ и лотихоньку сыпались въ гульливую и безучастныя волны.

Недалеко, въ котловинѣ, гдѣ пріютился большой городъ, пировало войско побѣдное, гремѣла цѣнями лѣтныя, развѣвались на высокіхъ мечетяхъ православныя знамена царя Московскаго. То были дни когда пала ханство Казанское.

Много прошло времени, и гдѣ разбросались послѣдніе камни Азгара, поросшіе бурьяномъ и крапивой, появилась рабочій людъ. Какой-то нежекатый бояринъ воздвигалъ коромы на жалованной царемъ землѣ. Говорили что то былъ русскій бояринъ, родичъ царя; говорили тоже что то былъ казанскій

князь, измѣнившій хану еще до покоренія, и теперь награжденный царемъ.

Хоромы со свѣтлицами и теремами воздвигались надъ развалинами башни, и имя Азгара перешло къ нимъ; въ нихъ зажилъ татарскій княжескій родъ. Прозвище владѣтеля было Хаваль-ымъ, а Русскіе прозвали его Хаваль-Гнѣздо.

Хавалы были выходцы изъ Золотой Орды и затѣмъ родственники и первые приближенные казанскихъ хановъ. Еще въ войну Москвы съ ханствомъ, одинъ казанскій князь, по имени Хаваль-Атръ-Миръ, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву. По паденію ханства, Атръ-Миръ крестился въ православную вѣру, сталъ опричникомъ царскимъ и зывалъ къ царю въ Москву и брата своего оставшагося въ покоренной землѣ. Младшій, Хаваль-ымъ, отказался вѣхать и мѣнять вѣру отцовъ, но исходатайствовалъ чрезъ брата-опричника большое помѣстье на берегу Волги, именно близъ развалинъ башни Азгарской.

При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, здѣсь была уже большая вотчина. Основатель по прозвищу Гнѣздо умеръ, и сыновья его Хвалымъ-Тминъ и Хвалымъ-Шнуръ перешли въ православіе... Младшій изъ нихъ, Хвалымъ-Шнуръ, уѣхалъ и зажилъ въ столицѣ. При смутномъ времени и при избраніи на престолъ Михаила Романова, упоминаются знатные бояре князья Атрапировы и князья Хвалымовы.

Родъ князей Хвалымовыхъ ничѣмъ не прославился, и послѣдній ихъ потомокъ князь Дмитрій Хвалымовъ былъ отправленъ въ дальнюю ссылку еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексеевичѣ, пропалъ безъ вѣсти, и родъ прекратился.

За то старшій сынъ Хавала-Гнѣзда, Хвалымъ-Тминъ, оставшійся въ глуши Азгара, имѣлъ трехъ сыновей и жилъ до четвертаго рода... Сыновья его, въ отличие отъ московскихъ князей Хвалымовыхъ, звались Хвалымскими князьями, а въ послѣдствіи уже князьями Хвалынскими.

Появленіе князей Хвалынскихъ на службѣ и при дворѣ почти совпало съ перенесеньемъ столицы въ новый городъ Петербургъ. Первый изъ вельможъ зѣло больно наказанный царемъ Петромъ Алексѣичемъ за нехотѣнье скидать кафтанъ и брить бороду былъ князь Хвалынскій Зосима. Онъ же былъ одинъ изъ сорви-головъ учинявшихъ умысленные скандалы на вновь-заведенныхъ ассамблеяхъ, и разъ пять приходилось будто бы ему пробовать цареву

дубинку и напиваться насильно цвеземнымъ зѣльемъ. Затѣмъ князь былъ временно въ званіи кардинала „Все-
пльавѣйшей коллегіи“ и за это время отморозилъ себѣ лѣвое
ухо, за что получилъ прозвище корнаухаго кардинала. При
воцареніи императрицы Екатерины Первой, князь Зосима до-
бился того о чемъ мечталъ всю жизнь, получилъ ленту. Не-
медленно бросилъ онъ столицу, пріѣхалъ въ Азгаръ и жилъ
поочередно то въ Азгарѣ, то въ Казани. Здѣсь Зосима вско-
рѣ сталъ извѣстенъ во всѣхъ сосѣднихъ провинціяхъ своимъ
крутымъ нравомъ и дерзостію поступковъ съ воеводами; былъ
прозванъ людоѣдомъ за свирѣпое обращеніе со своими ра-
бами и наконецъ умеръ въ своемъ казанскомъ домѣ, зарѣ-
занный неизвѣстною рукой. Это случилось въ годъ восше-
ствія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Два
сына князя, Петръ и Родивонъ, были въ это время не при-
немъ. Петръ Зосимычъ, будучи другомъ и родственникомъ
Долгорукаго, названнаго зятя молодого царя Петра II, почти
добровольно раздѣлилъ его оладу и ссылку и былъ неизвѣ-
стно гдѣ. Другой сынъ, Родивонъ Зосимычъ, уже желатый, по-
лучивъ извѣстіе о смерти отца, тотчасъ же бросилъ службу
и поѣхалъ домой, съ молодою женой, которая была любочною
дочерью одного сильнаго при дворѣ вельможи; здѣсь, по при-
ѣздѣ въ Казань, родился у него сынъ, названный, въ честь
дѣда княгини, Даниломъ. Князь Родивонъ Зосимычъ остался
безвыѣздно въ вотчинѣ, и только въ концѣ царствованія Ели-
саветы Петровны, чтобы разсѣяться послѣ смерти жены сво-
ей, поѣхалъ въ Петербургъ и повезъ своего восемнадцатилѣтняго сына Данилу къ своему совершенно случайному
другу молодости, нежданно возвысившемуся, съ просьбой
вывести въ люди.

Вернувшись сейчасъ же назадъ, Родивонъ Зосимычъ снова
зажилъ въ Азгарѣ съ остальными дѣтьми, сыновьями Але-
ксандромъ и Иваномъ и съ крошкой, за годъ предъ тѣмъ
родившеюся, дочерью Серафимой.

Старый другъ къ которому отвезенъ былъ юноша князь
Данило былъ Румянцевъ. Князь поступилъ въ службу, разу-
мѣется, военную. Съ протекціей Румянцева онъ могъ бы лег-
ко и скоро пойти въ гору, но гордость его и даже высоко-
мѣріе мѣшали ему. Князь Данило слишкомъ часто вспоми-
налъ (и ошибался) что онъ потомокъ владѣтельныхъ князей
Золотой Орды.

При восшествіи на престолъ императрицы Екатерины, Румянцевъ объявилъ Данилѣ, какъ и многимъ другимъ своимъ любимцамъ, что такъ какъ Русскаго императора не стало, то надо и имъ служить. Князю Данилѣ крайне хотѣлось оставаться на службѣ, но надо повиноваться и слѣдовать примѣру покровителя. Чтобы оттянуть время, князь, не подавая въ отставку, поѣхалъ къ отцу.

Въ Азгарѣ узналъ князь что императрица отказала Румянцеву въ отставкѣ и что всѣ его партизаны остались на своихъ мѣстахъ. Князь Данило, проживъ немного съ отцомъ, вернулся на службу. Турецкая кампанія помогла карьерѣ гордаго Данилы. Онъ былъ постоянно при Румянцевѣ, и отличившись при Ларгѣ и особенно при Кагулѣ, гдѣ былъ раненъ, онъ былъ отпущенъ для излѣченія въ Россію, уже съ чиномъ майора. Легко поправившись въ Петербургѣ, онъ былъ представленъ императрицѣ какъ одинъ изъ кагульскихъ героев. На вопросъ государыни какъ онъ былъ раненъ, князь Данило отвѣчалъ смѣло:

— Не мудро было, ваше величество, быть ранену. Насъ было семнадцать тысячъ, а непріятеля около полутораста тысячъ. Стало-быть на каждаго вашего воина приходилось по восьми враговъ съ дробью.

Монархиня милостиво улыбнулась на остроу, и на утро кагульскій майоръ былъ пожалованъ подпоручикомъ Измайлоскаго полка.

Повидавшись снова съ отцомъ послѣ семилѣтней разлуки, на одинъ мѣсяць, князь Данило обратилъ свое вниманіе на младшаго брата Ивана, котораго отецъ все еще не отпуская отъ себя и воспитывалъ какъ дѣвочку. Неожиданная смерть любимаго его Александра, на пути въ Москву, была причиною того что Родивонъ Зосимычъ не хотѣлъ разстаться съ послѣднимъ сыномъ.

Ивану было уже двадцать лѣтъ, но малый не далекаго ума едва читалъ и писалъ и занимался вмѣстѣ съ сосѣдомъ, уже не молодымъ Андреемъ Уздальскимъ, лсарней, голубятней, лосидѣлками и дѣвчниками по семамъ, и даже увлекался было азартными играми. По настоянію Данилы, недоросля отправили и записали въ Казани въ мѣстный полкъ рядовымъ, для полученія хотя бы перваго чина.

Вернувшись тотчасъ въ Петербургъ, Данило собирался оидать въ армію къ Румянцеву, но предъ выѣздомъ былъ

потребованъ къ императрицѣ и получилъ секретное порученіе въ иной край.

Данилъ было поручено ознакомиться лично на мѣстѣ и собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о планахъ, проектахъ и образѣ дѣйствій трехъ значительнѣйшихъ Поляковъ и одного французскаго выходца, членовъ Барской конфедерации. Порученіе это отличило его въ глазахъ государыни. Здѣсь получилъ онъ чинъ Подполковника. Лучшимъ доказательствомъ начинавшагося возвышенія была куча писемъ и просьбъ полученныхъ имъ изъ столицы о покровительствѣ, заступничествѣ, помощи и т. д. Князь даже самъ дивился.

Окончивъ свое секретное *статское* порученіе, Хвалыньскій отправился въ Варшаву и зачислился въ небольшую армию дѣйствовавшую, противъ враговъ короля Станислава, подъ главнымъ начальствомъ генерала Бибикова. Князь попалъ въ корпусъ Суворова, тщетно осаждавшаго въ это время цитадель Кракова, смѣло и ловко отнятую у Русокихъ горестью конфедератовъ.

Однажды, при неудачномъ штурмѣ цитадели, князь, находясь въ отрядѣ который одинъ изъ всѣхъ пробился за крайнія укрѣпленія, ринулся въ кучку непріятели, искрошилъ чело-вѣкъ шесть, но седьмой повалилъ его ударомъ сабаи въ плечо.

Хорошо запомнилъ князь Данило лицо своего врага и долго жалѣлъ что былъ тогда не въ силахъ дать сдачи. Штурмъ былъ вездѣ отбитъ; солдаты отряда Хвалыньскаго, отступая, захватили чело-вѣкъ десять плѣнныхъ, въ томъ числѣ и офицера ранившаго князя, но за то его самого, найдя среди тѣлъ, по милости его денщика Алеши, вынесли изъ оврага на плащѣ, и по потокамъ крови считали раненымъ на смерть. Крѣпкая натура взяла свое. Пробылъ въ восемь мѣсяцевъ, пролежавъ почти цѣлую зиму въ постели, князь Данило поправился къ веснѣ и дѣтвомъ явился въ Петербургъ. Пріемъ сдѣланный ему при дворѣ смутилъ многихъ.

— Далече пойдеть!

— Быть ему силой!

Князь былъ произведенъ въ полковники; онъ получилъ новый орденъ Св. Георгія, кромѣ того чинъ поручика гвардіи и былъ записанъ во вновь формировавшійся лейбъ-гусарскій эскадронъ, особенно отличавшійся тогда красотой новаго блестящаго мундира.

Проведѣвшій все лѣто въ Петербургѣ и въ Царскомъ

Сель на безконечныхъ придворныхъ и частныхъ празднествахъ и лирахъ, все еще продолжавшихся въ честь повсемѣстныхъ побѣдъ русскаго оружія и пріобрѣтенія Бѣлоруссіи, князь сталъ подумывать о родныхъ, которыхъ снова не видалъ уже два года, и о временномъ отдыхѣ въ тиши деревенской.

Въ іюль князь собрался было совсѣмъ въ Азгаръ, но случай и внезапный случай задержалъ его.

Послѣ одного изъ баловъ, на которомъ всѣ именитые и сильные люди и особенно сама монархия были особенно милостивы къ князю, его вдругъ, на гуляньѣ въ Петергофѣ, безъ всякаго повода, оскорбилъ одинъ офицеръ, изъ небогатыхъ дворянъ, славившійся своимъ искусствомъ владѣть шлагой. Князь, несказанно удивленный, рѣшился было въ тотъ же вечеръ вызвать оскорбителя на поединокъ, но до него дошелъ слухъ и подтвердился что одинъ изъ вельможъ столичныхъ подкупилъ того офицера за тысячу червонцевъ чтобъ оскорбить его и убить. Сказали князю и причину всего.... Да вѣдь чего не сочинять въ столицѣ?!

— Напрасно! отвѣчалъ князь.—Тогда и подавно трогать меня не слѣдѣ!...

И князь тотчасъ же отправившись на квартиру офицера, засталъ его за обѣдомъ, и тутъ же за тарелкой со щамцъ и кашей застрѣлалъ наловаль. Затѣмъ послалъ онъ къ вельможѣ-наемщику простую леть, обѣщая на словахъ въ другой разъ пріѣхать самому съ таковою же....

На другой день князь Данило былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость, гдѣ и высидѣлъ цѣлый мѣсяцъ. Въ началѣ сентября онъ былъ выпущенъ и ему было указано ѣхать въ сымаку къ отцу въ вотчину.... на мѣсяцъ или два, но никакъ не далѣе, и къ тезоименитству великой государыни, 24го ноября, быть безотложно въ столицѣ.

Когда князь Данило выѣзжалъ изъ Петербурга, то до полсотни новыхъ друзей изъ знатнѣйшихъ фамилій провожали его въ луть.

X.

За тысячу верстъ, да еще за тысячу... итого за двѣ тысячи чѣ верстъ отъ столицы...

Отъ дикаго Приволжья до буйной рѣки Яика, отъ Прикамья до моря Каспія, протянулась степь-матушка, простор-

ная, синяя, неоглядная, и тянется безконечно во всё края.... Есть гдѣ разгуляться удали молодецкой, есть гдѣ вздохнуть широко, есть гдѣ раскататься и растерять всё свои печали и тяжести сердечныя, есть гдѣ удаю сложить будущую головушку что не ужилась подъ началомъ и ушла на приволье ложить сама себя хозяйкою.

И гуляетъ по стели вольница-негодница уstraшенная, съ ножемъ за голенищемъ, безъ царя на умѣ, безъ Бога на совѣсти... Сволочились сходцы-молодцы со всей Руси, свои городки настроили и живутъ пробавляючись душегубствомъ и головорѣзью. Горемыка ли оголѣлый и голодный, иль умница да лѣнница, иль правый судомъ ободенный, иль бѣдный милостью людскою, бѣдами богатый; грѣшникъ окаянный и лютой разбойникъ, иль угодникъ Божій, иль мужикъ, бояринъ, монахъ, разлопъ, солдатъ, профось, каторжникъ... Все едино, всёхъ вербуетъ къ себѣ въ службу майоръ Жаворонокъ, что заливается звонко средь синихъ небесъ и стелей. Просимъ милости! поетъ онъ. Рады товарищу! Дорога намъ : оловушка удалая, да кулакъ тяжелый. Законъ одинъ про всёхъ: вольная волюшка! Подначалья нѣтъ, потому что нѣтъ ни судей съ писарями, ни воеводъ съ палачами, ни баръ-господъ съ бурмистрами. Правда, есть атаманы, есаулы, пятидесятники... Да покажи удалъ свою, и самъ станешь есауломъ; заткни за поясъ отвагой и готоворѣзью, и въ три два самъ атаманъ. А въ житьѣ-бытьѣ, на отдыхѣ, подъ небомъ яснымъ и звѣздами, самъ себя набольшій и никого не знай...

— А царицны полки?

— Эхъ, друже, царицны полки далече, далече, и не до-скачешь... Да они тѣ же люди, одного ухаполалъ, съ другимъ лобратался...

— А Господь небесный?

— Эхъ, друже, Господь высоко, высоко, и не вѣсть гдѣ. Да Онъ Батюшка-небесный долготерпѣливъ, да и много-милостивъ. Проститъ грѣшнику раскаянному въ часъ смертный.

— И Бога не бойся и царя не бойся!... Кого жъ бояться? Никого?! Стало живи себя какъ у Христа за пазухой.

— Нѣтъ, братъ, бойся и стерегись гораздо. Таковъ свѣтъ что коли нѣтъ ни Бога, ни царя, то бойся брата роднаго. Не дреми въ ночь темную, стерегися и средь бѣла дня.... И

всякъ чей кулакъ тяжелѣе твоего атаманъ тебѣ, и всякъ кто убожѣ тебя—врагъ тебѣ. А помощи не проси: одинъ ты себѣ охрана и убѣжище. Одинъ у тебя другъ пріятель неизмѣнчивый, ножъ острый за голенищемъ, а судья одинъ про всѣхъ кулакъ заскорузавый, что онъ порѣшитъ, тому и быть.

Пришелъ черныи день на Русь, холодный, голодный, шальной, безправый, и погналъ людъ православный съ села и съ двора. Пошелъ бродить и скитальничать горемыка, полаядая изъ огня да въ лолыма. Набредеть кто на просторъ и приволье степное—начнетъ топить печали свои въ крови челоувѣческой.

Въ сторонѣ той лихой и бѣдовой, среди лустаго бора, близъ небольшой рѣчки, разсыпалось по берегу десятка три домовъ и хатъ. Иные разваливаются; другіе высокіе, бѣлые, со дворами и задворками, на хоромы смахиваютъ. Видно тутъ нищій людъ объ руку съ богачомъ живетъ.

Кому какъ повезетъ. Старое, исконное званье этому мѣсту Разсоша, но больше другое прозвище въ ходу: Каиновъ Гой, за то что Каиново отродье живетъ здѣсь.

На концѣ улицы, отступя отъ нея на сто сажень, прямо надъ рѣчкой бѣлится большущая хата, о двухъ воротахъ, съ дворомъ широкимъ, гдѣ и лошадей и всякой скотины много. Хата эта Батькинъ уметъ. Живетъ тутъ уже года съ полтора бѣглый яицкій казакъ съ дочерью Устиньей. Укрылся онъ тутъ отъ бѣды послѣ бунта, и въ полтора года выстроился на диво всѣмъ, уметъ и кабакъ открылъ, и торговлю завелъ. Батька всякому радъ, только денежку высылай, а дочь, по прозвищу Заноза, чего не высыллешь, сама сумѣетъ раскошелить молодца.

Нѣтъ такой красавицы по всѣмъ узеньямъ, по всему Чергизу и по всѣмъ марчугамъ и сыртамъ. Большая, полная, бѣлая и румяная, съ орлиными очами какъ уголья, и знать приворотъ есть какой у нея, потому что у многихъ молодыхъ занозой засѣла она на сердца и загубила ихъ зря. На двѣсти верстъ кругомъ Занозу знаютъ и слушаются сходцы-молодцы лучше атамановъ своихъ, и на двѣсти верстъ кругомъ душегубство творится ей въ честь и службу. Только подлюби!

Но Заноза вѣдается только съ атаманами, а на другихъ и очами не вскинетъ. Пролѣзай самъ въ атаманы, и милости

просимъ за ея лаской, а любви не проси. Не было еще такого молодца который бы за сердце ее ухитрился взять, гордую душу ея смягчить. Ей всѣ атаманы равны: всѣ и постылы и милы. Десятерыхъ нынѣ всячески ворожить и ласкаеть; завтра, коль ухлопали, у нея десять другихъ. Казака-отца всѣ батькой зовутъ, вездѣ знаютъ, и много добра переходить въ его руки изъ-за дочери красавицы; нѣтъ атамана что не сидѣлъ бы на Батькиномъ уметѣ по цѣлымъ недѣлямъ, глядя, не отрываясь, въ очи Занозы. Куда ни пустится шайка въ набѣгъ, а все Каиновъ Гоѣ на дорогѣ, а въ Батькиномъ уметѣ и роздыхъ и сборъ.

Чаще всѣхъ навѣдывался атаманъ Чумаковъ. Немного слуста послѣ Кузнецова укрылся онъ въ Гоѣ, обѣжавъ изъ своей ставицы; скоро въ атаманы попалъ, и отъ него они больше и разбогатѣли.

Чумакъ атаманъ не простой, у него нынѣ молодцовъ съ лятьсотъ лодъ рукой, а бываетъ и до тысячи дойдетъ; у него кони лихіе есть, повозка есть; ружей и ножей въ одномъ подвалѣ у Батьки куча лежатъ, а въ другомъ пороху куча навалена, а въ третьемъ, говорятъ, денегъ не меньше. А на задворкахъ въ кѣлти стоитъ лущка своя, отаптая съ большой бѣляны, что взялъ онъ на Волгѣ пристуломъ за прошлое лѣто. Товаръ и лущка пріѣхали тогда на десяти повозкахъ къ Занозѣ въ уметъ, а купецъ, хозяинъ бѣляны и весь народъ барочный до единого человѣка къ Господу Богу въ рай пошли.

Въ Каиновомъ Гоѣ все притихло. Смеркается и темнота все болѣе одолеваетъ стель. На небѣ виситъ черная и грозная туча, укрывая мѣсяцъ; крулный дождь ладаеть и зачастую молнія бѣгаетъ по стели краснымъ змѣемъ, а громъ гремитъ раскатываясь во всѣ края. Еще страшнѣе кажется въ непогоду слобода у рѣчки. Не по виду страшна она, а всякому вѣдомо какія дѣла творятся зачастую въ Каиновомъ Гоѣ.

Въ уметѣ Батьки, кыкъ и завсегда, гости проѣзжіе и проходимцы. Свѣтло во всѣхъ окнахъ и внизу и на чердакѣ. Въ одной горницѣ верхней устланной чудною и богатою матеріей, всякаго чуднаго добра много... Сидитъ на подушкахъ лодулежа Заноза; на ней рубаха вся расшитая цвѣтными снурками и серебромъ, заластья дорогія; на рукахъ и въ

ушахъ тоже сіяетъ золото, на шеѣ нацѣплены богатая ожерелья. Черная коса свисла вдоль спины до подушки и свернулась на полу кольцами какъ змѣя; рубаха свалилась съ праваго плеча, и не подымаетъ ее гордая красавица.... Глянешь на плечо это бѣлоснѣжное, на руку еще бѣлѣе снѣга, что оперлась въ подушку алую, глянешь на лицо ея несказанной красоты, съ черными большими очами, и поймешь за что прозванье ей Заноза, почему добра всякаго у нея много, почему лихіе молодцы загибали отъ нея и мѣтя ради нея въ атаманы покладали свои буйныя головы на Поволжьи и ло цныи мѣстамъ. Не многимъ посчастливилось побывать у Занозы въ горницѣ и улегшись у ногъ ея государскихъ, смотрѣть не насмотрѣться на ея очи темныя, что темнѣ волжской ночи, на ея плечи бѣлыя, что бѣлѣ льдовъ поволжскихъ.

Атаманъ Чумакъ валяется въ ногахъ у Занозы и задумчиво смотритъ на нее. Синій кафтанъ его, кушакъ красный, ножъ польскій и пара пистолетовъ турецкихъ сложены въ углу. Утромъ пріѣхалъ онъ отдохнуть въ уметъ послѣ ночи бурной, что просидѣлъ въ камышахъ поджидая съ молодцами судно купеческое, да надули знать развѣдчики, даромъ наглядѣлись молодцы на тѣму рѣчную не смыкая очей, даромъ продозорили волны лустыя. Одни вѣтры степныя нагулялись вдоволь около нихъ, лосцистывая, да смѣясь имъ въ уши про ихъ незадачу.

— И въ кого ты уродилась, Заноза? выговорилъ наконецъ атаманъ.—Правда что мать у тебя краденая изъ Царьграда, да все жь, я чаю, не такая была видомъ. Тебѣ бы хотъ и не въ Гоѣ жить, а въ столицѣ Москвѣ. Хороша ты, дѣвка.... Вѣдь изъ всѣхъ атамановъ я одинъ отъ тебя не сохну и почитаю тебя за товарища, а не за бабу... Вѣдь мнѣ, Устинья, лавать на красоту твою. Есть она, нѣту ее, мнѣ всѣ едино. А спроси въ Гоѣ про насъ, всякъ молвить что ты моя заноба, а я твой любезный.

Улыбается Заноза, и еще краше лицо ея.

— Какъ былъ я бѣгуномъ послѣ ящичкой похлебки, вымолвилъ снова атаманъ,—много исходилъ краевъ и городовъ, и нигдѣ вѣдь не видалъ сатаны такого какъ ты, проклятая.. Помнится, въ Литвѣ видѣлъ я одну ланну—не хуже тебя, да въ очахъ-то у нея не было того что у тебя.... Гляди, вѣдь и чортъ-искуситель я чай не такъ смотреть.... Что у тебя за

приворотъ въ очахъ.... Господь ли тебя благословилъ, ааь ты вѣдьма? А? молви-ка.

— Полно баласничать-то.... Не къ лицу тебѣ рѣчи-то эти медовыя. Скажи-ка что съ Польши-то по сю пору духу нѣтъ. А пора бы... Чика Зарубинъ навѣдывался сюда ужь другой мѣсяцъ будетъ. Кабы прождалъ онъ того-то... у насъ самого бы въ Яксаѣ къ бѣгунамъ причли.

— Кто жь его вѣдаетъ! сказалъ атаманъ помолчавъ.— Какъ былъ я тамъ посланцомъ, собрался онъ въ слѣдъ мой.

— Да ждать ли толку отъ того... Наша-то работа вѣрнѣе: загребай по Волгѣ..

— Нѣту, гаулая, стрясись на Яикъ здакое благословеніе, такъ тутъ не воровскою казкой, не алтынами залахнеть. Все брошу и пойду. Онъ намъ вольности яицкія вернетъ. Пойми, дѣвица, вольности войсковыя, обычаи дѣдовы, старыя, все, все что отняли телерь, съ увлеченіемъ выговорилъ Чумакъ. Я за это и все свое награбленное, и все что на Яксаѣ есть моего добра—все отдамъ....

Чумаковъ откинулъ назадъ свои черныя кудри съ просвѣдью. Лицо его озарилось дикою, львиною отвагой и взглядъ горѣлъ.

— Видала ты войсковаго атамана яицкаго Чумакова? Нѣтъ! Ну, увидишь.

— Ты вольности желаешь Яику, а атаманство себѣ. Это иное дѣло! А то мнѣ не въ домекъ было, тонко сказала дѣвушка.—Такъ.... А что онъ-то... красивъ?

— Какъ ему не быть красивымъ! Русый, съ синими очами. Малость на дѣвку смахиваетъ, вотъ бѣда! За то царскаго рода! сказалъ Чумаковъ и прибавилъ, разсмѣявшись звонко:— Коли не вретъ!

— А то нѣтъ! отозвалась Запоза задумчиво.—Да ври... не въ томъ сила!...—И помолчавъ она вымолвила вдругъ:—Холостъ онъ?

Чумаковъ пристально глянулъ въ глаза красавицы и разсмѣялся.

— Ахъ ты... воструха! Ишь что у нея на умѣ...

Лицо Запозы слегка зарумянилось.

— Ничего у меня на умѣ... а и было бы что, такъ убьли никому нѣтъ. Вотъ вольности казацкія съ атаманствомъ плохо

ладать. Кому, кому, — а тѣсно вмѣстѣ! насмѣшливо выговорила она.—А тутъ обиды....

— Ну, вѣтъ, родимая, прервалъ ее Чумаковъ.—Я тебя почитаю всей душой, а коли ты эдако колѣно вымыслишь, да занозишь мнѣ и этого молодца, то я первый противу тебя пойду. Любовное дѣло на всѣхъ другихъ дѣлахъ кататься норовить. Тогда молодецъ мой и почнетъ валяться у тебя въ ногахъ и всю нашу государскую затѣю провалъ возьметъ. Нѣту, не балуй, Заноза, а то повздоримъ.

Заноза глянула на Чумакова улыбаясь, но тотъ не шутилъ и лицо его было почти сурово.

„Ну! подумала красавица.—Ты, казакъ, еще со мной не тягался. Испробуй!“

Внизу между тѣмъ, въ большой, просторной горницѣ, сидѣлъ хозяинъ, здоровый и рослый казакъ съ лѣвшью во всю голову и съ большою бородой. За столомъ дождавъ кашу гость, лопъ въ рясѣ, но гладко остриженный. Наконецъ онъ всталъ, помолился и пересѣлъ отъ стола на другую лавку. Дождь съ новою силой захлесталъ по окнамъ.

— Да, времена! вымолвилъ лопъ.—Бывало во всемъ Царичинѣ мнѣ поклонъ отъ всякаго, а нынѣ вотъ иди въ скитъ, прячься. Люди разстригой зовутъ, разлопомъ.

— Перемелется, отецъ Касьянъ. Можетъ еще въ протоіереи выйдешь въ соборные. Бархатную ведерку налялишь на голову.

— Гдѣ тебѣ! Дай Богъ пріютиться.

— Филаретъ тебя нельзя лучше приметъ.

— То-то вотъ и иду къ нему. Авось....

Они смолкли на минуту.

— Чтой-то! вымолвилъ разстрига прислушиваясь вдругъ къ окну.

Вдали въ сторонѣ рѣчки слышался ясно протяжный и отчаянный крикъ: „По-мо-ги-те!“ Потомъ раздался выстрѣлъ и все стихло.

— Наши балуютъ, сказалъ Батъка спокойно.—Никакъ съ ними не справишься.

— Какъ то-есть? спросилъ разстрига.

— Вишь, въ эдаку темь... Своего могутъ, обманувшись, испортить, а то и убить. Вотъ и Устинья, дочь, не приказываетъ теперь въ близости Гоя на проѣзжихъ лѣзть, да не слушаются.... Мы поджидаемъ сюда гостя, такого гостя что

избави Богъ коли наши молодцы его исплакостятъ. Вотъ третій мѣсяцъ Устинья указала проѣзжателей не трогать.

— Пойдемъ, глянемъ, можетъ помочь нужна.

— Гдѣ тебѣ! Ужъ готово. Одного изъ нашихъ на свѣтѣ ужъ нѣтъ, да налевать, не противничай указу! рѣшилъ Батька.

— Почто полагаешь такъ?

— Слыхалъ. Пальнули и притихло. Наши палать токмо на Волгѣ когда судно берутъ, а на разбой мы имъ пороку не дадимъ, на то ножикъ да дубина. Пальнуль-то проѣзжатель, да видно не мимо. Коли сюда въ Гой, то ко мнѣ же заѣдетъ.

— А великое должно-быть губительство душъ у васъ тутъ!

— Каиновъ Гой! Вдешь, идешь—не зѣвай! Днемъ опасно, ну а ужъ ночью наши молодцы лучше дьявола! Его молитвой осадить всякій, а на нашихъ одна пуля силу имѣетъ. Слышишь... ко мнѣ и есть...

XI.

На крыльцо вбѣжалъ кто-то тяжелыми шагами и, обшаривъ въ темнотѣ дверь, послѣшно отворилъ ее.

Быстро вошелъ въ горницу незнакомецъ и вымолвилъ бойко:

— Чудомъ уцѣлѣлъ! Видно еще рано умирать!

Онъ снялъ и отряхнулъ шалку, перекрестился на образа, потомъ поклонился хозяину. За поясомъ его блестяли обмоченные дождемъ кинжалъ и пистолеть.

— Ты палцалъ на рѣчкѣ? Я чай услокошилъ? спросилъ Батька.

— Убилъ! Налѣзъ какой-то сзада, руки крутить, да наровить, лезъ, пырнуть въ шею ножичкомъ! А какъ выпалцалъ, еще трое выросли изъ-подъ земли, да гнались за спивой вплоть до домовъ. Чудомъ ушелъ... Ну, здорово! И вошедшій слова поклонился.

— Кто таковъ?

— Изъ бѣгуновъ!

— Откуда?

— Изъ войска бѣжалъ Донскаго... До Польши бѣгалъ. И въ острогѣ сидѣлъ въ Малыковкѣ, а тамъ въ Казани; да наши помогаи. Бѣжалъ лаки. И во, все бѣгаю. За крестъ мученье принялъ. Сказывали ты изъ согласниковъ, ну, къ тебѣ и зашелъ. Позволь остаться до зорьки. Умалася. А потомъ пойду на Иргизъ, къ Филарету.

— Антихристову лезать вахлать азь селиться!

— Имѣю ее. Справилъ законную на Добрянскомъ форпостѣ у границы Польской. А нынѣ къ селитьбѣ приступить хочу. Намааялся бѣгамши.

— Обѣляться ходилъ въ Польшу-то?

— Да. Помель донскимъ казакомъ, хорунжимъ, а вернулся куцомъ пензенскимъ.

— Какъ звать?

— Кулець Ивановъ, усмѣхнулся пришедшій.

— А свое-то прозвище токмо на утѣху писарской волокитѣ осталось! Ици-свищи! Ну, садись. Ты вѣдь кулець-то безтоварный. Да небось! И безъ денегъ ловѣсть дадимъ.

Вновь прибывшій былъ лѣтъ сорока на видѣ, невысокаго роста и слегка сутуловатъ. Маленькая голова на худой шеѣ точно будто ввалилась между широкихъ костлявыхъ плечъ. Темно-русые короткіе волосы, безъ пробора, лохматились надо лбомъ, гдѣ доспилось желтое лятно. Рѣдкая бородка съ просѣяью клиномъ торчала впередъ. Онъ былъ отчасти лѣнивъ и медлителенъ въ движеніяхъ и въ говорѣ, и только блестящій и быстрый взглядъ круглыхъ карихъ глазъ изобличалъ живой нравъ и не дюжину мысль.

— Ну иди, ловѣшь, кулець, сказалъ хозяинъ.—Какъ тебя во крещеніи лоль-то звалъ?

— Емельяномъ.

— Ну садись, Емельявъ. Не взыщи. Чѣмъ Богъ послалъ.

Кулець сѣлъ за столъ, и разломивъ хлѣбъ незамѣтно одѣлалъ имъ на столѣ особый знакъ. Хозяинъ всталъ съ мѣста и поклонился.

— Ну добро, человекъ!.. Садись куда довлѣетъ твоему здорью.

И Батъка передвинулъ прибывшаго лодъ образной уголъ, ради почета, а самъ съ любопытствомъ подсмѣлъ къ нему.

— Чтѣ несешь, кулець Ивановъ?..

— Все то же, Батъка. Тебя, слышь, такъ звать-то? У моря погодки ждетъ людъ православный. Либо преставленье свѣту будетъ вскорости, либо еще свѣтъ протянетъ малу толику... Вотъ сказываютъ лодъ Москвой ходилъ по небу нашъ крестъ объ осьми копчахъ... Всѣ видѣли!..

— Трубнога гласа не было, выѣшлася изъ угла разстрига Касьявъ.

— Нѣтъ. Трубному гласу на послѣдахъ быть.

— Ты телерь-то отколь? спросилъ хозяинъ.

— Съ Яика.

— Тамъ-то какъ? У насъ ужъ съ мѣсяць вѣстей нѣтъ.

— Да все то же, Батъка. Маются казаки. Старшинская рука неподобныя утѣсненія чинить; бьеть, грабить, окаянствуютъ, а войсковою руки молодцы крехтять. Чтò подѣлаешь...

— Мы вотъ сунулись, да и закаялись! вздохнулъ хозяинъ.— Слыхалъ, я чай, какъ въ Яицкѣ позпрошлый годъ, молодцы, не стерпя гоненія канцелярскаго, иконы побрали изъ собора да пошли на квартиру енераловъ Трубенбергина да Дурново, да поразвѣсили ихъ на перекладинахъ. Я тутъ былъ съ молодцами... ну а тамъ прибылъ къ намъ утѣшитель съ Москвы... енераль... какъ бишь звать-то... Все вѣдь не российскія прозвища-то...

— Фрейманъ?

— Такъ! Аль и ты вѣдаешь?

— Я всѣ яицкія печали вѣдаю. Чтò народу-то уходилъ онъ тогда!

— Страсть! махнулъ хозяинъ рукой.—Кого прочесали картечью, то ничего. Тѣ у Господа... А кто бѣжать-то пустился, къ переселенію, тѣмъ-то чтò было: переловили, судили, пытали, пристрачивали. Всѣ амбары, весь гостиный дворъ, да весь мѣнковой дворъ залрудили намъ, не было мѣста во всемъ Яицкѣ гдѣ бы не сидѣлъ народъ заключенный.

— Этакъ-то и у насъ въ Царицынѣ было, вмѣшался олять разстрига,—тоже великое число засадили. Какъ проявился у насъ самозванецъ. Изъ-за его чтò загибло....

Послышалось ржанье коня у воротъ. Хозяинъ вышелъ быстро, прислушался къ голосу на дворѣ и вернувшись поморщился.

— Таскается, лѣшій, не вѣстимо зачѣмъ. Олять наѣхалъ, надглядать....

— Кто такой? спросилъ неспокойно купецъ Ивановъ, кончая ужинъ.

— Съ нашей станицы, Яксайской, дѣдъ Макаръ. У него, вишь, сынъ войсковою руки и тоже въ бѣгунахъ на Иргизѣ, за Яицкое же сматеніе. А самъ-то онъ старшинскую руку таяеть. Хлопочеть сына вернуть въ Яксай. Вздить все, то сюда, то на Иргизъ, то олять въ Яицкѣ.

Дверь отворилась и вошелъ сѣдой какъ лунь казакъ.

— Здравствуй, Батъка, къ тебѣ, по грѣшности, отъ воды небесной спрятаться.

Казакъ сѣлъ за столъ ужинать, всѣ замолчали, въ избѣ стало тихо, только вѣшій стучалъ ложкой.

Погода начала проясняться, громъ гудѣлъ уже вдали и изрѣдка всплывалъ небосклонъ.

Купецъ Ивановъ и разстрига сидѣли поодаль и дремали, старикъ-казакъ у стола. Вдругъ кто-то подскакалъ къ нему, прямо на дворъ, бросилъ лошадь, и отворивъ дверь выговорилъ:

— Батька! Выдь на мало.

Хозяинъ вышелъ послѣдно на крыльцо.

— Атаманъ здѣсь? Зови живо! Бѣляна-то залоздала. Валить телерь. Большущая! Молодцы ужъ въ сборѣ ждутъ атамана! проговорилъ быстро и залыхавшись молодой малый. — Хорошо бы, Батька, лущку-то ухватить.

— Какъ атаманъ, дѣло его,—и хозяинъ пошелъ на верхъ къ дочери.

Черезъ минуту Чумаковъ вслѣдъ за нимъ спускался внизъ, одѣтый и вооруженный.

— Не входи въ большую горницу-то: Макаръ тамъ, говорилъ хозяинъ.

— Не съѣсть! презрительно отозвался Чумаковъ, и вошелъ въ общую горницу.

— Хлѣбъ-соль, дядя Макаръ Почто. къ намъ опять прибылъ? выговорилъ атаманъ подбоченясь и усмѣхаясь насмѣшливо.

— По дѣлу! сухо отозвался тотъ не глядя.

— По дѣлу.... Ты часто не навѣдывайся, чтобы головы не сняли. Мы народъ беззаконный. А васъ кровопийць старшинскую руку мы не жалуемъ. Изъ васъ кого ухлопать, сто грѣховъ отпустится.

— У меня тоже сабля есть. Опробованная. Сволочилась куча со всѣхъ краевъ міра и часть крѣпче ее вѣту, угрюмо отвѣчалъ Макаръ словно себѣ самому.

Атаманъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ за нимъ малымъ поскакалъ во весь опоръ. Въ степи было ясно и тепло, луна блестяла на небѣ и играла въ мокрой травѣ и ручьяхъ.

— Да, дѣдушка, говорилъ между тѣмъ хозяинъ,—не годное дѣло вы творите, старшинской руки казаки. Дождетесь вы опять бунту и передавать васъ всѣхъ.

— Мы ничего не творимъ, отвѣчалъ старикъ.—Войсковая

рука творить. Не нынѣ, завтра лаки всполошатся, и лаки ихъ уймуть пушками какъ два года тому; и лаки бѣгуны будутъ, какъ ты вотъ, Батяка. А порядку все будутъ тѣ же. Старого не вернешь, атаманами не бывать, и бесѣдѣ въ кругу не бывать, пока государыня Екатерина Алексѣевна на Руси править.

— Не вѣкъ ей править-то! горячо воскликнулъ молчаливый дотошъ Ивановъ.—Явись-ка Петръ Федорычъ на Русь, что будетъ?! А приди онъ на Яикъ, да кличь кликни... Солнце покоробить отъ войсковой руки подвиговъ.

— Съ того свѣту стало идти ему, батюшкѣ, сказалъ Макаръ.—Небылицы-то эти мы слышали! Я вѣдь въ Питерѣ былъ по наряду какъ государя-то хоронили. Самъ за гробомъ-то шелъ.... Враки-то эти токмо по Волгѣ ходятъ. А кто и вретъ-то, такъ не спроста!

— Вотъ у насъ въ Царицынѣ, вступился отецъ Касьянъ,—былъ одинъ въ прошлый годъ названецъ; Петромъ Федорычемъ сказывался, а самъ казакъ простой Богомолвъ. Много тоже увѣрвало. По сю пору, сказываютъ, доподлинно царь былъ, самъ Петръ Федорычъ.

— Да и былъ, сурово вымолвилъ Ивановъ.

— Похоже! усмѣхнулся старикъ Макаръ, разжевывая большой пельмень.

— Вотъ обожди, опять явится міру и не такъ Москвой-то тряхнетъ! отвѣчалъ Ивановъ.

— Да тѣ названецъ былъ, Богомолвъ, объяснилъ разстрига.—Его въ Сибирь угнали. Гдѣ жъ ему явиться-то?

— Богомолвъ ли, иной ли, а быть ему лаки явлену! сказалъ хозяинъ.—Придетъ кои на Яикъ. Енераловъ-то московскихъ всѣхъ передавать...

— Безъ тебя вѣдаю, грустно отозвался Макаръ.—Къ нашему Яику приди нынѣ первый проходимецъ, да крикни поздоровавѣ, и вся войсковая рука встанетъ какъ одинъ казакъ, на всякій грѣхъ. Что жъ хорошаго-то? А тамъ поидеть судъ, плети, дыбки... сироты, вдовицы... бѣгуны да раззоръ... Эхъ-ма! И я тоже, сказываютъ вотъ, старшинской руки... радъ бы и я въ рай.... Да вѣдь силкомъ-то и туда не попадешь... Эхъ!—Дѣдъ Макаръ вздохнулъ глубоко.—Прошла что ль гроза-то? Мнѣ бы лора; ночью поллуги отбыть можно.

На лѣстницѣ заскрипѣли ступени. Заноза спустилась тихо внизъ и вошла въ горницу. Гордо и смѣло окинула она всѣхъ

холоднымъ взоромъ и на поклонъ привставшихъ гостей кивнула молча головой.

— Ухъ! Горда ты, дѣвка, сказалъ Макаръ. — Гордѣи тебя и не сыщешь. А чѣмъ горда-то? красотой-то? Гляди, у насъ какія казачки есть на Яксаѣ. Хоть бы Груня, моя внучка...

— Коли лаче чаянїя выщешь кого глупѣе себя, того и учи разуму, а меня уволь, презрительно отвѣчала Заноза, и растворивъ окно, стала глядѣть на дворъ, повернувшись ко всѣмъ спиной.

— Кто такая будетъ, красавица-то? бойко спросилъ купецъ Ивановъ.

— Дочь! мотнулъ Макаръ головой на хозяина. — Отъ персидскаго султана родомъ вышла, а мать-то была Жаръ-Птица, изъ тѣхъ что жолуди подъ дубами щудтъ, да землю рыломъ пашутъ.

— Полно хвать-то! отозвался Батька лѣнливо. — Чтѣ тебѣ въ поясъ чтоль кланяться? За какія милости твои?

— Вѣстимо! прибавилъ Ивановъ. — Такая красавица однимъ глазомъ глянетъ, и за то спасибо! Кошь и не сутанова дочь, а царицей выглядить. Будь я султанъ какой, всего бы себя и все царство свое ей предалъ... только полюби, молъ...

Заноза обернулась, наклонивъ головку на бокъ и усмѣхаясь лѣстивыми словамъ, вскинула на гостя красивыя очи.

— Вотъ завоюю царство-то, вымолвила она ласково, — и приходи за мной. Полюблю.

— А на половинѣ не замиришьса? усмѣхаясь сказалъ Ивановъ заигрывая.

— На какой половинѣ?

— Меня возьми одного, а царство послѣ.

— Пожалуй и на половинѣ согласна. Дай царство, а себѣ-то послѣ....

Всѣ разсмѣялись. Макаръ сталъ собираться и вышелъ къ лошади.

— Да и намъ тоже неча сидѣть! сказалъ Ивановъ. — Ну прости, красавица. Долго ты мнѣ телерь въ глаза лѣзть будешь и во свѣ и на яву.

— Прости, не ломайвай лихомъ! слегка ломаясь отвѣчала Заноза.

— Зачѣмъ! Ну ты, батюшка, тожь къ Филарету. Вмѣстѣ пойдемъ, я тебя лутемъ-дорогой ухаю, да оберу, засмѣялся Ивановъ.

— Хлопай, братъ. У меня нынѣ въ карманахъ однѣ дыры, отвѣчалъ Касьянъ.

Они взялись за шалки. Заноза выглянула въ окно.

— Добрый вамъ путь! Вишь мѣсяцъ свѣтитъ. Телынь. Гроза-то далече. Ну прости ты, султанъ. Милости прошу, напредъ бывай, усмѣхнулась красавица.

Разстрига и кулець Ивановъ простились и вышли.

— Куда не казистъ! вслухъ вымолвила Заноза.—А чтой-то чудное есть въ глазу. Кто таковъ?

— Кулцомъ сказался, отвѣчалъ Батька.—Нашего согласья. И голова!

Вошелъ снова въ избу старикъ Макаръ, забралъ свои вещи, помолился на образа и вымолвилъ:

— Прости, хозяинъ! Денька черезъ два на обратномъ пути лаки заверну лереночевать. Ты будь въ спокоѣ, обернулся овъ къ хозяйкѣ:—я не развѣдчикъ да доноситель. Вѣдаешь зачѣмъ ѣзжу; сына изъ бѣды вытянуть. Я хоть и не вашей душегубской руки, а все жь донашивать не пойду.

— Донашивай! Не боимся! презрительно вымолвила Заноза отворачиваясь.—Къ намъ въ Гой съ розыскомъ и дуракъ не сунется. А мы къ вамъ когда соберемся, такъ не съ ловиною, дѣдушка, а за вашими старшинскими головами приѣдемъ...

Съдой Макаръ покачалъ головой и вышелъ бормоча:—Ну, дѣвка!...

XII.

Изъ глухаго мѣста вытекаетъ рѣчка Иргизъ. Быть бы ей большою рѣчкою, да разбрелась на болота и нѣсть конца этимъ болотамъ. Мѣстами л росли они густымъ лѣсомъ. И чаща и вода вмѣстѣ. Забредешь не вылѣзешь, но кто знаетъ луть, найти можетъ малую тропу что пробирается среди болотъ, по сухимъ мѣстамъ. Тропа вьется, заворачиваетъ позади елей и осинъ столѣтнихъ, и можетъ, по всему суду, привести только къ лѣшему въ лапы; но кто ужъ идетъ по ней, тотъ ужъ вѣдаетъ куда идетъ.

Средь лѣса и болотъ полянка небольшая, а на ней избушка, ветхая, чуть держится; въ избушкѣ сѣни, да двѣ горенки; въ крайней молельня. Это скитъ.

Давнымъ-давно проживаетъ здѣсь старецъ Ювъ, человѣкъ знаемый по всѣмъ россійскимъ скитамъ. Даже старцы Кер-

женскаго лѣса, не только старцы Узеней и Иргиза, знаютъ Іова и шлютъ-пересылаютъ къ нему людъ странный и безписьменный и всякаго горемыку что свѣта Божьяго бояться долженъ.

Старцу сему лѣтъ за 90. Самъ себѣ прозванье далъ онъ: Азъ Многогрѣшный! Великую элитимію наложилъ онъ на себя ради души спасенія. Вотъ уже годовъ десятка три не выходитъ онъ изъ лѣсу и не молвитъ ни слова, опричь имени Господа Бога до въздыханія: О! Азъ Многогрѣшный!

За что наложилъ на себя старецъ обѣтъ нѣмоты, не вѣдомо; сказываютъ иные старцы что въ годину грѣховную когда святую Русскую земаю окрестили антихристовымъ прозвищемъ *Емперіа*, да приалъ на себя русскій царь Петръ Алексѣевичъ таковое же грѣховное прозванье *Емператора*, то въ тѣ времена Іовъ былъ еще въ міру и тѣшилъ въ немъ дьявола, обѣта еще и не собирався давать, а проживалъ казакомъ на станицѣ.

При старцѣ Іовѣ живетъ послушникъ, шестой десятокъ ему, и званье ему отъ Іова нѣтъ иного какъ *Грѣхъ*.

Грѣхъ все трудится, день и ночь. На десятинѣ лашеть, свѣтъ и жнетъ. Зимой лалги лететь въ продажу. Всякій день хлопочетъ, хлѣбы печеть, дрова колетъ, молочню содержать въ чистотѣ. Онъ же за старца бесѣды ведетъ съ прохожими.

— Грѣхъ! молвитъ Іовъ и глянетъ ему въ очи. И Грѣхъ все что нужно старцу уразумѣть тотчасъ.

Такъ они живутъ, Богу служатъ и безбѣдствуютъ.

У самой калиточки во дворикъ избушки ветхой стоитъ лавочка, и день дельской цѣлую половину года сидитъ на ней старецъ грѣясь подъ солнышкомъ, пока Грѣхъ справляетъ свои дѣла. И вотъ сидитъ Іовъ, бѣлая борода по поясъ рясы черной, руки съ четками сложены недвижимо на колѣняхъ, и смотритъ старецъ на полянку и на олушку лѣса дремучаго, и молчитъ. Пятьдесятъ годовъ не видалъ онъ ничего кромѣ полянки, лѣса да избушки. А что за лѣсами? За лѣсами повсюду наводненіе и строеніе дьяволово и аггеловъ его.

Земаю Господню, Русскую, дьяволъ нарѣзалъ на клочки и прозвища имъ мерзкія надавалъ, и правять вездѣ аггелы его, и повсюду искушенія его губятъ души чловѣковъ. Братъ на брата идетъ, отецъ на сына, сынъ на отца, и былъ уже виденъ Ангелъ Господень и слышанъ былъ первый гласъ труб-

ный о кончинѣ свѣта окаяннаго, но не вяли ему челоуѣки сатаню ослѣвленны и прельщенны, и скоро, не нынѣ такъ заутро, прійдетъ часъ послѣдній въ онъ же возстануть вси мертви изъ гробовъ, и возседеть Господь судить живыхъ и мертвыхъ.

А великъ ли этотъ мѣръ грѣха и скорби? Великъ! Но каковъ онъ, позапамятовалъ Іовъ.

Вѣдомо старцу, чрезъ прохожихъ странниковъ, что за лѣсами гдѣ солнце восходитъ, села православныя, города большіе и малые, и кишить вездѣ людъ грѣховный, и чѣмъ дальше то больше грѣха и искушенія.

Не далечко—Волга рѣка и другія рѣки, гдѣ великое множество старцевъ отъ грѣха спасаются. Тамъ все скиты и обители вплоть до моря Хаспія, а за Хаспіемъ—Татарва, а за Татарвой—край земли. Оттуда обо всякое утро солнце выходитъ. А тамъ гдѣ солнце заходитъ, тоже русскіе города. За городами—три наибольшіе города: Кіевъ, Москва и Іерусалимъ, гдѣ угодники Божіи содрогаются глядя на окаяствующихъ и коснѣющихъ.

За сими городами врата адовы и мудреное да грѣховное имъ прозвище: *Самъ Пятитуркъ!* Тамъ пребываетъ самъ дьяволъ Туркъ съ лятю наибольшими аггелами. Со времени грѣховнаго царя богоотступника Петра Алексѣевича созданы сіи новыя адовы врата.

За Самъ-Пятитуркомъ нехристь и Нѣмецъ живетъ и вплоть до моря Окіяна. За Окіяномъ край земли. Туда солнце на ночь уходитъ.

А лѣсъ и болота и скитъ старца Іова, сказываютъ странники, какъ посередь міра, на самомъ, выходитъ, на пулѣ земли. Знать сподобилъ симъ Господь старца Іова. Оно и правда—солнышко въ полдень какъ разъ надъ скитомъ въ полнебѣ стоитъ.

И вотъ сидитъ старецъ на скамеечкѣ и глядитъ на полянку... Тихо все, солнышко грѣветъ; только муха жужжитъ да комаръ поетъ. Тихо. Совершилъ вдругъ Іовъ крестное знаменіе и вымолвилъ:

— Господи Боже!

Показался на полянкѣ конный. Лѣтъ съ десятокъ не видалъ Іовъ коня, и сердце стариково захолоуло. Начертанъ у него въ книгѣ священной точію такой всадникъ, только крыльевъ у этого нѣту какія у того написаны.

— Грѣхъ! возопилъ Іовъ.—Грѣхъ!

— Иду, иду. Водички что ль испить? Нѣтъ!

Глянулъ Грѣхъ въ очи Іова и перевелъ глаза на олушку лѣса.

— Конный гость прибылъ. Ну чего жь? Коль за нами прибылъ—сотворимъ молитву и предадимъ духъ Господу.

Много странныхъ перебиваетъ всегда въ годъ въ скиту Іова. Но конные никогда не заглядывали.

Красивый русый молодецъ, въ синемъ кафтанѣ, съ богатымъ оружіемъ за шелковымъ поясомъ, подъѣхалъ, слѣзъ, пустилъ коня на траву и не смѣло приблизился къ старцамъ, приковавъ глаза къ бѣлой бородѣ старика.

— Чего тебѣ отъ насъ? сказалъ Грѣхъ.—У насъ окромя Бога ничего нѣтъ, вертай въ люди.

— Сказывали, тутъ старецъ Іовъ проживаетъ? робко проговорилъ прѣзжіи.

— Вотъ онъ. Гляди! Отъ кого ты?

— Я изъ далеча. Мнѣ нужда до игумена Филарета.

— Ошибся путемъ, молодецъ, но отсюда не такъ-то далеко, и я тебя проведу. Токмо лѣшкомъ, а верьхи не пройдешь. Ты странный?

— Станный!

— По дѣлу ко святому отцу? Аль въ постриженьѣ? Откуда? Куда? Какъ звать? закидалъ старикъ прибывшаго.

Русый молодецъ поморщился, и неохотно, увертливо, отвѣчалъ на разспросы.

— Грѣхъ! Грѣхъ! возопилъ Іовъ.

— Какъ звать-то тебя? присталъ снова старецъ, прочитавъ что-то во взглядѣ Іова.

Молодецъ запнулся, но вдругъ вымолвилъ:

— Individuum vagum, и легкая усмѣшка скользнула по его лицу.

— Чудное прозванье, замѣтилъ старецъ.

Черезъ полчаса старецъ уже провожалъ молодца лѣсною чащей. Незнакомецъ велъ подъ уздцы своего коня съ диковиннымъ заморскимъ, а не казацкимъ сѣдомъ, съ двумя торбами по бокамъ.

Спустя часъ оба вышли на луговину, гдѣ Иргизъ, выбравшись изъ лѣсу и болотъ, протекалъ довольно широкою лентой среди очищенныхъ отъ камыша береговъ. Предъ незамкомцемъ появился деревянный храмъ съ колоколами подъ

навѣсомъ и нѣсколько изрядныхъ домиковъ стоящихъ среди лужайки кучкой. Среди всего высилась большая изба въ два яруса.

— Вотъ обитель святаго отца игумена! сказалъ старецъ подобострастно.—Ну, Богъ помочь. Прости. Я во свояси.

Незнакомецъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ черезъ луговину.

Скиты кишѣли народомъ. Вокругъ храма расположилось до полсотни странниковъ и богомолковъ, и все спало на мѣшкахъ своихъ въ ожиданьи вечерень и ужина. Инокъ сповали повсюду.

Вопросъ незнакомца: „Можно ль видѣть игумена Филарета?“ произвелъ еще большее движенье. Его оботулили, опрашивали и наконецъ повели къ большой избѣ. Онъ досталъ изъ кармана большой пакетъ и послалъ къ игумену. Черезъ мгновенье изъ горницы выскочило на крыльцо нѣсколько инокковъ, а за ними вышелъ въ сѣни благообразный старикъ, и пытливымъ взоромъ глянулъ на незнакомца, улыбаясь и протягивая руки. Русый молодецъ подошелъ подъ благословенье старца, а отецъ игуменъ обнялъ молодца, затѣмъ молча оба вошли въ горницу. Инокъ, перешелтываясь, рассыпался по домикамъ разнести новость. До снѣга навралась въ этотъ вечеръ святые отцы, гадаа и бесѣдуя о томъ: кто таковъ человекъ—русый молодецъ?

XIII.

Въ Каиновомъ Гоѣ прошли три дня безъ особенныхъ событий, Заноза и Батька были несложны. Атаманъ Чумаковъ все еще не возвращался съ разбоя и гонца отъ себя не присылалъ.

„Должно убить!“ думала Заноза. И пожалѣла что некому будетъ ей столько золота доставлять сколько Чумаку везить.

На третій день прѣхалъ опять старикъ Макаръ, мрачный, повидимому не устроившій своихъ дѣловъ.

Поздно ночью, когда оба казака уже спали на лавкахъ, къ избѣ Батьки подѣхалъ конный, вызвалъ хозяина и, отдавъ лошадь, вошелъ въ избу. Не крестясь и не снимая шапки сѣлъ онъ за столъ и спросилъ ужинать у Макара. Старикъ

неохотно отвѣчалъ что онъ не хозяинъ и убрался вонъ изъ избы на сѣноваль.

Черезъ минуту вошелъ Батька, и русый красавецъ удивилъ его своею щегольскою фигурой и замашками человѣка не простаго.

— Это Каиновъ Гой? спросилъ пріѣзжій.

— Онъ самый.

— Батька гдѣ живетъ?

— Я онъ и есть, сказалъ хозяинъ.—Батька самый.

— А. Не вѣдалъ... А гдѣ Заноза красавица?

Хозяинъ покосился недовѣрчиво на пріѣзжаго и вымолвилъ:

— На вышкѣ, позвать что ль?

— Веди меня къ ней. Да ну, не упирайся. Стало знаю что сказываю, добродушно сказалъ русый.

Хозяинъ повиновался, и оба они подвинулись ло дѣйствицѣ.

— Кто тамъ дѣзетъ? откликнулась Заноза.—Я спать собралась.

Она была въ постели.

— Обождешь спать! сказалъ русый входя и засмѣявшись притворилъ за собой дверь.

Хозяинъ остался за порогомъ и вернулся внизъ. Красавица оторопѣла и привставъ закрылась одеяломъ.

— Не укрывайся. Почто красавицамъ прятаться, старухой будешь, услѣдешь напираться, и ласково и бойко молвилъ русый.—Да полно! Ну! прибавилъ онъ подходя къ кровати и обнимая женщину.—Ну, красавица моя. Аль ты меня признать не хочешь? Аль не ждешь никого?

Заноза оторопѣла и глядѣла на молодца съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Дозволь встать, пріодѣться, выговорила она словно орбѣвъ въ первый разъ въ жизни.

— Почто? Такъ ты краше. Теперь я съ тобой побуду да потолкую; ты вѣдъ атаманша, всѣ дѣла вѣдаешь и все на Узеняхъ вершишь. А на утро давай проводника на Яксаи къ Чикѣ.

Долго болталъ незнакомецъ съ атаманшей и разспрашивалъ ее.

Черезъ два часа все стихло въ уметѣ. Русый молодецъ спалъ въ отдѣльной горницѣ ему заготовленной. Дѣдъ Маркаръ остался по уговору съ хозяиномъ до слѣдующаго утра чтобы проводить незнакомца къ себѣ въ станицу Яксаискую.

На разсвѣтѣ нѣсколько молодцовъ шагомъ подѣхали къ умету. Атаманъ Чумаковъ вошелъ въ горницу.

— Чтѣ? вскочилъ хозяинъ.—Покончили!

— Лихъ одинъ! Шестнадцать молодцовъ уходилъ. Насиду ушелъ, отозвался сердито атаманъ.—Сама барка-то словно одна большая пушка.... Подлетѣли мы на лодкахъ, а оттуда съ ружей дождило, дождило на насъ. Словно форпостъ какой. Насиду, говорю, самъ ушелъ.

— Эхъ горе!.... А у насъ гость ожидаанный. Ступай, Заноза разкажетъ.

— Врешь! вскрикнулъ Чумаковъ, и бросивъ шалку и пистолеты, быстро поднялся по лѣстницѣ къ Занозѣ.

— Ну, что-нибудь у нихъ да есть, про себя усмѣхнулся хозяинъ, укладываясь на лежанкѣ.

Ночью лунною вѣдутъ два казака на коняхъ. Уже давно они въ пути, давно выѣхали изъ Каинова-Гоя, и безъ конца степь необозримая, и все въ ней молчить, все притаилось. Межь небомъ и землею тишь чудесная, ни птицъ, ни звѣря, ни человѣка, ни единого волла или вздоха. Синяя степь, да лунное небо, да два казака на коняхъ.

— Богу Господу молиться тутъ важно! вымолвилъ старый, бѣлобородый Макарь.—Я сызмала въ храмахъ не охотникъ молиться, гдѣ народъ галдитъ. То ли дѣло въ стелу матушкѣ... А ты, молодецъ, какъ посудишь?

Молодой всадникъ трахнулъ головой.

— Старина! Тѣло твое захирѣло, въ гробъ просится, ну у тебя въ головѣ и молитвы. Молодому казаку въ стелу этой лодъ сгать проскакаться или лѣсеню лихую затянуть про краю свою, звонкимъ голосомъ сказалъ молодой русый.

— Крадю?

— Такъ молвятъ, старина, въ Литвѣ. Краля, аль казачка, зазноба дѣвица чтѣ плачетъ по тебѣ вспоминаячи.

— А былъ ты въ Литвѣ долгонько знать?

— Еще десять мѣсяцевъ накинъ—годъ будетъ?

— Ты, чаю, самъ-отъ Ляхъ, хоть и казацкая одежда на тебѣ.

Молодой шевельнулся, но только перебралъ поводъ въ другую руку....

— Изъ Литвы—такъ и Ляхъ! эхъ, старинушка!

— А коли нѣтъ, такъ скажись откуда родомъ.

— Изъ матери родимой!

— Не сказывай, Господь съ тобой. Ну, а луть твой каковъ, молодецъ? Не взыщи, званья тебѣ не вѣдаю.

— Званье мое: проходимецъ, а луть мой, старинушка, окольный; отъ батюшки-лѣса къ матушкѣ-степи съ поклономъ.

— Слышали мы такъ-то.

— Назвался языкомъ, ну и кажи мнѣ дорогу на Узени, а куда мнѣ съ конемъ луть лежитъ, да нелегкая несетъ, того, старина, вѣдать тебѣ можетъ не лодъ силу. Будь тебѣ годовъ поменьше, открылся бы я во всемъ, а въ старыхъ потребы нѣтъ. Одно любо мнѣ что вѣры ты старой.

Макаръ тоже шелохнулся и зорко глянулъ.

— А ло чемъ судишь, прохожій чѣловѣкъ?

— Отрицаешься ли?...

— Грѣха сего на душу не приму. Да лочто мнѣ и таить-ся? Степи наши ни разумомъ, ни окомъ не смѣришь, а тѣвскители и гонители степи не жалуютъ.

Замолчали всадники и проѣхали такъ не мало; только копыта коней стучали ло землѣ, да звѣздочки моргали съ неба.

— Подлинно ли бывалъ ты, старина, въ столицѣ?

— По наряду, службу несъ. Ходилъ противъ нехристей, бывалъ и въ столицѣ.

— И видалъ, сказываешь, государя покойнаго?

— Царство небесное ему батюшкѣ, самолично отвѣтствовалъ ему. Когда изволилъ окликнуть: „Съ какой стороны, молодецъ?“ „Съ Узней, ваше величество!“ крикнулъ я таково здорово!

— А много-ль на Узеняхъ кто видалъ государя?...

— Сказываю олять тебѣ: одинъ я... Посему и лочетъ мнѣ на дому великъ что одинъ я бывалъ въ столицѣ.

И снова смолкли всадники. И вплоть до зари не молвили ни слова.

Тихо подвигались кони ло степи, и въ дремотѣ одолеваящей очи, тихо покачивались на сѣдлахъ ѣздоки утомленные.

Сползъ тихонько съ неба на землю золотой мѣсяцъ, и за-краснѣвшисъ ушелъ въ землю за окраиной степи. Зардѣлась зря, алая, ясная. Вѣтерокъ пронесся свѣжій и шевель-

нуль стариковою бородою сѣдою, свистнулъ надъ ухомъ молодца, встряхнулъ полою его кафтана и стихъ, и умчался далече... знать къ морю Каспію, персидскія суда по волнамъ гонять ...

Скоро вспыхнула вся степь раздольная, словно пожаромъ краснымъ охватило ее. Глянулъ на концѣ земли царевичъ всесвѣтлый и пошелъ лодыматься, тихо и плавно, въ высокое небо, разкидывая лучи безчисленные по доламъ, рѣкамъ и дубравамъ; зарумянилась степь, горитъ, сіяетъ.... но все молчитъ недвижимо и безжизненно....

Загорѣлись алымъ огнемъ кони и всадники. Сялъ старикъ съ бѣлой головы шалку, и залпавивъ за ухо кудри сѣдыя перекрестился три раза.

— Новый денекъ Господь увидѣтъ сподобилъ. Чтѣ не лопишь шалки, молодецъ, прохожіи челоуѣкъ? Аль на твой обычай не гоже оно?!

Русый незнакомецъ только прищурился отъ луча яркаго чтѣ прыгнулъ ему въ лицо изъ-за края земли, и ощулавъ пистолы за кушакомъ, вздохнулъ тяжело.

— Басурманята люди нынѣ.... Господи батюшка! тихо прошепталъ Макарь.—А може онъ и Татаринъ.

Солнце красное было уже высоко когда незнакомецъ олять заговорилъ.

— Ну чтѣ же, старина, далеко ль Яксаи? Обнадеживалъ ты къ лодню будемъ...

— Ранѣе будешь. Всего верстѣ два десятка. Примѣчай, молодецъ. Вонъ на небѣ облачко, караваемъ выглядитъ.... Ну бери отъ него внизъ, да влѣво, къ стели. Вишь, свѣтленько малость?

— Вижу....

— То Яксаиская станица и хата Чики Зарубина. У него дружище его и кумъ, Чумаковымъ звать, разбойничаеъ въ округѣ. Я чаю, видѣлъ въ Гоѣ, у Батьки.

— Съ чего же свѣтъ такой?...

— А новая изба-то, лѣсина вся свѣжая, въ Троицу годовалая была. Все строење повешенько. Кумъ Чумаковъ, должно, ворованымъ почтуетъ. Грѣховный народъ!...

— Вѣрно ли сказываешь что то Чикинъ умеъ?

— Эва! Я родился въ Яксаи, такъ кому же знать!

Незнакомецъ словно вздохъ подавилъ въ себѣ, приостановилъ

было коня, натягивая поводья, и олять пустиль, но через полчаса олять остановилъ и оглянулся кругомъ. Въ немъ очевидно происходила борьба. И хоть робкій, смущенный, но не добрый взглядъ бросилъ онъ на сѣдаго казака....

XIV.

Среди синеватой дремлющей степи, межъ двухъ рѣчекъ, раскинулась большая Яксайская станица.

Хаты и задворки, бѣдная сожженная солнцемъ зелень садовъ и огородовъ, кой-гдѣ торчащія одиноко маленькія яблони, рябины почти безъ листа—все смотритъ уныло.

Солнце жаркое стоитъ середь чистаго неба и привлекаетъ...

Въ краю этомъ и сентябрь маемъ поглядываетъ. Однако дерева у храма и мурава окрестная осенью желтизной покрыты, и хоть тепло еще грѣетъ солнце, но теплынь эта бабьимъ лѣтомъ прозывается.

Скоро вездѣ гдѣ теперь жаворонокъ заливается или дрозды дробно перелетаютъ, гдѣ странники журавли отдыхаютъ на пути, скоро все заглохнетъ подъ глыбами снѣговыми, и пойдетъ гулять, да свистать, да завывать одинъ великанъ грозный, буранъ степной, замата снѣгомъ и зарывая все безъ разбора.

Станица тоже приуныла, мертво въ ней. Спать что ль казаки, или ушли куда? Одни спать въ полдень, другіе сидятъ по хатамъ сумрачные, потому что нечему радоваться. Недалече отъ нихъ бѣды сыпятся, дойдутъ можетъ и до нихъ ненарокомъ.

На улицѣ овцы кучатся у плетней, лоросята рысцою снуютъ и тыкаютъ мордами то заборъ, то кучу, то другъ дружку; куры снуютъ и лѣтухи важно расхаживаютъ и воюютъ. Кой-гдѣ лошадь слутанная подпрыгиваетъ и подбиваетъ травку что лосвѣжее да послаще. Кой-гдѣ корова лежитъ, жуетъ, пережевываетъ и глядитъ предъ собой не сморгнувъ, будто думу думаетъ.

Близъ хатъ, на крылечкахъ, а то и середь улицы, казачата сидятъ, или лежатъ, борются, скачутъ, кричатъ, кто въ кафтанѣ, кто въ рубашкѣ, а иной такъ совсѣмъ налегкѣ, въ чемъ мать родила.

Изрѣдка выгянетъ кто изъ взрослыхъ на крылечко, больше

старухи; иногда пробѣжить черезъ улицу казака; иная слѣзшитъ въ хату изъ огорода съ чѣмъ-нибудь въ подошѣ, или съ хворостомъ, другая съ ведрами выстулаетъ, локачиваясь. Вовъ направо у кладбища гдѣ логуче кусты, за плетнемъ, гдѣ и тихо, и темно, бѣваетъ что-то; то выгаляетъ, то проладетъ. Мимо храма пробѣжалъ къ кладбищу молодой казакъ, оглянувся и перемахнулъ ограду, увязъ было въ бурьянѣ да выдрался и пролазъ между кустовъ и могилокъ. Разговоръ тихій слышится тутъ, логомъ еще что-то чудное! Чего—чуднаго? Просто цѣлуются. И нашли же мѣсто, озорники!

Казакъ этотъ Максимъ Шигаевъ, по прозвищу Марусенокъ, первый красавецъ и озорникъ на станицѣ. Сказываютъ что онъ сынъ Чумакова, сказываютъ тоже что онъ сынъ Чуки Зарубина. Оба казака души не знаютъ въ Марусенкѣ. Можетъ оттого что покойницу его мать, Марусю, выкраденную изъ Украйны, оба любили крѣпко...

Въ новой хатѣ Зарубина въ образномъ углу свѣтлой горницы сидитъ русый малый. Онъ прѣхалъ уже дня съ три въ станицу и остановился у Чуки, но на улицу ни разу не выходилъ и помимо хозяевъ ни съ кѣмъ не видался.

Давно сидитъ онъ одинъ въ горницѣ. Казаки ушли, а бабамъ не дозволено входить къ нему. Русая голова его склонилась, синіе большіе глаза задумчиво смотрятъ на связки какихъ-то листьевъ что развѣшены сушиться по стѣнѣ, но ничего не видятъ эти глаза — ни стѣны, ни связокъ, ни горницы. Словно жизнь отлетѣла отъ нихъ и унеслась туда же гдѣ носится мысль его. А гдѣ? Далеко отъ станицы Яковской и стелей Яцкихъ.

Незнакомецъ видитъ хоромы съ зубчатыми башнями, какихъ и не грезилось казакамъ. Садъ столѣтній, большой и густой.... Народъ бродитъ тамъ, но не по-казачки одѣтый, и не по-русски. Вотъ морщинистое лицо старушки-тетки его, угрюмое, суровое, сильное волей желѣзною. Не жалѣетъ она роднаго, а ждетъ вѣсти—не доброй, а громкой!! Вотъ другое, молодое и красивое лицо. Оно въ слезахъ предъ разлукой, въ немъ любовь и боязнь. Сидѣть бы дома, говорить оно, мирно и счастливо, не играя своею жизнью.

На крыльцѣ застучали каблукъ, заскрипѣли стулени, и пожилой казакъ, невысокій, но плечистый, вошелъ въ горницу. Это былъ Чука Зарубинъ.

— Ну? ветерпѣливо вымолвилъ незнакомецъ.

— Скоро, государи! Въ сей часъ Донцы наѣхали. Кулець Ивановъ съ Твороговымъ и Лысовымъ. Да вотъ забота, Чумаковъ съ ними прилетѣлъ. Онъ уже давно въ бѣгахъ. Узнаютъ—бѣда, скрутятъ и прямо въ Яицкій острогъ, да въ Сибирь. Покуда ты Донцамъ откройся, государь. Они нашей руки, войсковой, и народъ вѣрный.

— Сегодня, сейчасъ? нерѣшительно вымолвилъ русый.

— Сейчасъ! Марусенокъ, крестникъ, за ними побѣжалъ, да что-то замѣшкался. У него, дурня, завсегда дѣло съ бездѣльемъ объ руку идетъ.

Незнакомецъ всталъ и нерѣшительно, медленно подошелъ къ окну, отошелъ снова, взялся за голову. Лицо его измѣнилось и поблѣднѣло. Долго молчали оба. Казакъ хозяинъ почтительно стоялъ у дверей.

Что думалъ молодой малый? Онъ молчалъ про себя. Дерзкое, трудное дѣло начиналъ онъ. Великій грѣхъ бралъ на свою совѣсть. А кто скажетъ: онъ ли отдастъ отвѣтъ Богу за послѣдствія его нынѣшняго перваго, главнаго шага; или отвѣтъ дадутъ невѣдомые лихіе люди что привыкли играть огнемъ что жжетъ не ихъ самихъ, а ихъ жертвы? Не отступить ли пока время! Зачѣмъ? Какъ знать что судилъ ему Богъ!... Бывали примѣры на Руси! Правда, въ иное время, полтора ста лѣтъ назадъ....

На крыльцо вбѣжалъ Шигаевъ, оправился и степенно вошелъ въ горницу.

— Ты опять съ Грунькой! шелнулъ Чика.—Долазиешь ты до бѣды.

Чего головой-то мотаешь. Кладбище-то отсель видать. Говору—долазиешь.

— Слышали! нетерпѣливо отозвался Марусенокъ и прибавилъ громче:—Макара привезли; убили въ стели.... Сейчасъ сюда будутъ казаки, государь.

Русый сильно измѣнился въ лицѣ при имени Макара.

— Кто убилъ его? Невѣдомо? спросилъ Чика.

— Пуля-то знаетъ, да не сказываетъ! усмѣхнулся Марусенокъ.

— Жаль дѣда Макара! обратился Чика къ незнакомцу.— Онъ въ Питерѣ бывалый и твое величество, я чаю, видывалъ. Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ, поблѣднѣлъ еще болѣе и отвернулся къ окну.

Казаки отошли въ уголъ и зашептались.

— Меня не послушаетъ, ты улриси. Пусть хоть на улицу не выходитъ, говорилъ Чика.—То бѣгунъ былъ, а то вдругъ можъ прилѣзъ.

— Увидить старшина Матвѣй, въ тотъ часъ колодки надѣ-
неть и въ Яицкѣ свезуть, отвѣчалъ Марусенокъ грустно.

Снова застучали на крыльцѣ и въ горницу вошелъ тотъ же купецъ Ивановъ, одѣтый теперь по-казацки и на видъ со-
всѣмъ другой человекъ. Войдя, онъ опустился на колѣна, поклонился русому до земли, и снова ставъ на ноги, прони-
цательно, остро глянувъ карими глазами въ лицо молодого незнакомца.

Сразу не полюбилось русому это лицо, съ пятномъ на лбу, и ястребиный взглядъ карихъ глазъ. Они поглядѣли другъ
другу въ глаза.... Словно мѣрились, выходя на поединокъ. Усмѣшка какъ будто скользнула по лицу казака и мновен-
но окрылась. Привѣтствіе ли, радость ли простаковъ сказа-
лись въ усмѣшкѣ той? Нѣтъ! Мысль прыткая, но затаенная, головы хитрой неволью отразилась на лицѣ.

Смутился слегка незнакомецъ отъ усмѣшки этой и отвелъ
глаза въ сторону.

„Не Зарубину чета — человекъ этотъ! Скверный глазъ у
него, подумаешь отъ.—Довѣриться ли ему? Да онъ уже знаетъ.“

— Ты Донецъ? Какъ звать тебя?

— Съ Дону, государь, казакъ. Но ты купцомъ зови Ивано-
вымъ. Слуга тебѣ по гробъ.

— Повѣдалъ тебѣ Зарубинъ о милости Господней и вели-
кой чести что вынѣ постигла войско Яицкое?

Казакъ не отвѣчалъ, но снова опустился на колѣна. Сно-
ва поклонился до земли, но все не потухали и сверкали ма-
лые каріе глаза его. Вошли еще трое Донцовъ: Лысовъ, Тво-
роговъ и Овчинниковъ.

Вечерѣло. Солнце зашло давно, а полъ неба все еще горѣ-
ло, словно пожаръ. На станицѣ слышались лѣсни, а отъ ка-
челей неся рѣзвый хохотъ и проносился по олободѣ. По
задворкамъ тихо крался казакъ, оглядываясь по сторонамъ, —
все тотъ же Марусенокъ, Максимъ Шугасвъ, любимецъ ата-
мана Чумакова, крестникъ и приемышъ Чики. Ему всего 20
лѣтъ, и въ станицѣ Яксайской онъ первый красавецъ и ум-
ница, первый мотыга и льяница. Товарищей подлюить, пе-
релить и набуянить; по оврагамъ да по рошицамъ съ ка-
зачками возиться, а ночью красться къ нимъ въ огороды,—

онъ тоже первый. И теперь — не даромъ Марусенокъ бѣжитъ на выгонъ; ждетъ его близъ рѣчки, подъ вазомъ, Груня, родственница старого и почитаемаго казака Матвѣя, что должность старшины править на станицѣ, и первая красавица изъ всѣхъ казачекъ станичныхъ.

Расцѣловалъ ее Марусенокъ въ десятый разъ, посадилъ на траву и гаянулъ пристальнѣе.

— Что ты въ печали? Аль бѣда какая!

— Дѣдуса моего нашли въ стелѣ. Привезли. Убитый! Груня заплакала.—Безъ него заѣдать меня. Одинъ заступникъ былъ.

— Эхъ-ма! Вѣдаю, да заламятовалъ что онъ тебѣ дѣдъ. У меня своя забота, Груня! Во кака! и малый показалъ на горло. Ну не кручинься, сладимъ твое горе.

Марусенокъ утѣшалъ казачку на всѣ лады, а она все тихо плакала, утираясь рукавомъ. Небось, не скажетъ казакъ что женится на сиротѣ, а пустословьемъ утѣшаетъ. Черезъ часъ казакъ прощался со смѣхомъ.

— Теперь не время мнѣ! Не вынѣ, завтра, такое на станицѣ будетъ. Только бы прицѣлиться намъ къ чему.... Ахти будетъ! Давно не бывало! Прости, голубка. На зарѣ навѣдаюсь къ тебѣ.

— У насъ же покойникъ!

— Ну что жъ. И пусть себѣ лежитъ. Мы въ огородѣ...

— Какъ можно, покойникъ-то... Дѣдусь.... Да и старшина сказывалъ: увижу еще Марусенка, застрѣваю саморучно.

— Небойсь. Выходи въ огородъ: не придешь, въ самыя сѣни прилѣзу. Прости.

И расцѣловавъ дѣвушку, Шигаевъ прилустился въ станицу. Долго глядѣла Груня въ полусумракѣ ему во слѣдъ, и когда онъ уже въ улицѣ, на бѣгу, обнялъ ради потѣхи проходившую съ ведрами казачку, дѣвушка тяжело вздохнула и тихо побрела домой.

Около полуночи. Спитъ Яксайская станица. Въ хатѣ Зарубина окна заставлены и завѣшаны, и въ главной горницѣ свѣтло какъ днемъ. За большимъ столомъ сидитъ русый молодецъ, въ свѣтло-синемъ кафтанѣ нараслашку, подъ которымъ видна тонкая шелковая рубаха.

Вокругъ него, за тѣмъ же столомъ размѣстились семь казаковъ: Чумаковъ, Чика, Шигаевъ, Ивановъ и трое Донцовъ: Лысовъ, Твороговъ и Овчинниковъ.

Давно уже совѣтъ держать они и теперь смолкали и лица ихъ стали угрюмы. Одинъ Ивановъ промолчалъ все время пытливо вглядываясь въ товарищей.

— Такъ, государь, вымолвилъ снова Чика.—Остеръ голоръ, да и сукъ зубастъ. Ничего не вымыслишь, Стулай до времени къ Чумакову; тамъ въ Каиновомъ Гоѣ всяка рука коротка, а здѣсь накроютъ, бѣда. А дождемся погодки, я за вами слетаю.

— Нѣту, кумъ, вымолвилъ Чумаковъ.—Я назадъ не поѣду. Буде атаманствовать.

— Свѣдается старшина, тебя и скрутятъ, да въ правленіе Ящкое.

— Небось! Живаго не свезутъ. Нѣту. Надо разсудить пока.

— Повѣщенье о легионѣ есть готовое, да этимъ однимъ не возьмешь....

— А еще нѣту ничего, разсуждалъ Чика.

— Деньгами, говорю, вымолвилъ русый.—У меня отъ Филарета тысяча рублей. А дослатъ, еще пришлетъ.

— Одними деньгами, государь, тоже болѣе десятка аль двухъ не сманишь, замѣтилъ казакъ Овчинниковъ и прибавилъ Иванову:—ты что молчишь?

— Слушаю, отозвался Ивановъ кратко.

— По мнѣ, зажги станицу съ угла, да и пусти что старшинская рука жжетъ, вымолвилъ Лысовъ.

Никто не отвѣтилъ на это, одинъ русый пожалъ плечами.

— А форлосты?... Хоть Кожихаровъ форлостъ для начала? спросилъ Чумаковъ.

— Что форлосты? Бударинскій нашъ, прямо голову кладу, отозвался Чика.—Да много-ль тамъ? Двадцать человекъ, да одна пушка.... Что жъ это? Съ Яксая треба хоть пять десятковъ казаковъ добрыхъ.

— На Бударинскомъ форлостѣ болѣе двадцати казаковъ! вымолвилъ Лысовъ, но снова наступило молчаніе и никто ему не отвѣчалъ.

— Вотъ что, государь, и вы, атаманъ: обождемъ дня три какія вѣсти придутъ отъ Ялай-хана. Коль заручимся сотней Татаръ, ну и смекнемъ тогда. Я еще останусь у Чики. Въ три дня много воды утечетъ, рѣшилъ Чумаковъ.

Русый всталъ, всѣ казаки тоже подвѣялись и вышли въ другую горницу. Скоро всѣ разлеглись тамъ спать по лавкамъ.

Русый оставшійся одинъ потушилъ огонь, отворилъ окно и выглянулъ, вдыхая вечерній воздухъ.

Ночь была свѣтлая и тихая, и высоко стояла въ небѣ луна, разливая свѣтъ. Стѣль, станицы, огороды и хаты, все плавало въ таинственной, серебристой синевѣ ночной. Узенькая и извилистая рѣчка ярко-бѣлою тесемкой вилась изъ станицы и уходила въ стѣль; кой-гдѣ черными лятнами стояли на ней островки камышевые. Затимъ чудное случилось на всю округность, и надо всѣмъ сіяла луна. Мимо нея бѣжали маленькія, желтоватыя облачка, изрѣдка набѣгали на нее, и она уходила и пряталась за нихъ, и меркла окрестность. Но вдругъ луна снова вылетала изъ-за нихъ и снова сіяла среди неба, а уходящая тѣнь скользяла по хатамъ и садамъ. Словно играла луна съ облаками, то прячась, то выглядывая.

„Изъ-за чего? думалъ молодой малый. Жить бы тихо и мирно, въ уголкѣ своемъ, не затѣвая погибельныхъ подвиговъ. Пожелала она много.... громче да славнѣе, и сгубить. А если... Если суждено и мнѣ....“

И чудная картина возставала на глазахъ его: Кремль златоглавый.... Звонъ колокольный.... Толпы несмытныя и огушительныя клики.... Стоить онъ на краю стѣны зубчатой, и у ногъ его кишить этотъ людъ.... Она около него, ея рука въ его рукѣ.... Но чтѣ это за огонекъ въ этой толгѣ, въ концѣ Кремля.... Нѣтъ! то не Кремль.... Огонекъ этотъ здѣсь, въ концѣ станицы? Это вѣрно хата старшины.... Всѣ окна растворены и освѣщены, черныя фигуры шевелятся подъ нима на улицѣ. Тамъ заулокная служба.... Тамъ лежитъ старый казакъ, измѣной убитый....

— Прости Господи и отпусти грѣхъ невольный, шелчетъ молодой человекъ.— Великому дѣлу малая быличка помѣхой была. Когда ломить моянія дубъ, по листочкамъ бѣжитъ! Онъ сказалъ умирая: *пожертъ и тебѣ окажню среди стѣны!* Безсмыслица! Злоба умирающаго. Иль гласъ пророческій? Нѣтъ, вздоръ! Поавно думать о стариковыхъ словахъ, рѣшилъ молодецъ.

Набѣжала снова тучка на луну. Тѣнь опять пошла по станицѣ. Скрипнула калитка у избы Чуки, шелеть слышится....

— Твороговъ, пойдемъ со мной. Я къ Грунькѣ, ты къ Манькѣ. Хаты рядомъ: — И два казака двинулись по улицѣ.

— Обида, луна торчмя торчить! Хоть бы вѣтеръ ударилъ да заволокъ ее облачищемъ; и видать и слышать какъ днемъ.

— Небойсь! Тамъ всѣ Богу молятся. А на зорькѣ.... мы....

— Ножъ, Марусенокъ....

— Не въ первой.... А то нѣтъ!... Гораздъ, братъ....

И смолкли голоса удаляясь по слободѣ.

„На свиданіе, подумалъ русый. Повсюду ты смотришь, луна: много-ль свиданій въ эту ночь на глазахъ твоихъ?... Марусенокъ.... Огоньки и черныя фигуры... Гораздъ, братъ!... Помереть и тебѣ окаянно!“

И молодой малый уже дремалъ у окна.

XV.

Красный кругъ опустился надъ лохматымъ деревомъ, спрятался за него, и сквозить вязъ большой, такъ что всѣ вѣточки видно на красномъ лянѣ: то луна уходитъ за край стелы. У храма зарумянилось небо, и скоро чернымъ столбомъ перерѣзываетъ колокольня уже алаящій небосклонъ. Вѣтерокъ пронесся, вздрогнули вѣтки и листья и перекаиваются задорно лѣтужи по всей сонной станицѣ. Скрыкнули ворота и стукнули тяжело. Какая-то густая кучка птицъ пронеслась черезъ улицу; донесся издали топотъ частый по землѣ. Скачетъ кто? Или можетъ кони казацкіе, вочеваявъ въ степи, поскакали гурьбой къ водою. И вотъ олять все стихло какъ мертвое. Знать еще малость вздремнуть захотѣлось станицѣ.... Но вотъ вдругъ что-то хлеснуло по воздуху, раскатилось во всѣ края и будто дробью посыпало по хатамъ и по стелы.

„Это выстрѣлъ!“ думаетъ молодой русый въ просонкахъ.

„Палать! Кому лалить телерь? думаетъ Чика въ другой горницѣ. Ишь атамаиы-то до страшнаго суда ради спаты!...“ Чика потягивается и зѣваетъ сладко глядя на спящихъ на скамьяхъ.

Топотъ слышенъ на улицѣ. Скачетъ кто-то.... Нѣтъ, то человекъ бѣжитъ залыхавшись.... Къ хатѣ бѣжить, вотъ ударился объ калитку... залерта! Здоровымъ кулакомъ треснулъ въ доски казакъ Твороговъ.

— Зарубинь!....

И снова ударилъ въ ворота и зачастилъ.

— Зарубишь! Зарубишь!

— Ори больше! Дурень! тихо отозвался Чика уже на дворе.—Разбудишь его.

— Зарубишь!

— Слышу! Да ну входи, оголтѣлый! ворчитъ Чика отпирая калитку.

— Зару...бишь!... задыхается Твороговъ и упирается руками въ грудь чтобы вымолвить хоть слово: — Марус... Мар...

— Ну?!

Твороговъ махнулъ рукой.

— Убить... Старшина...

Чика ахнулъ и бросился въ хату.

— Кумъ! Марусенокъ убить!! О-охъ! застоналъ онъ.

Казаки ловскакали, и черезъ мгновенье звѣрь заревѣлъ, вылетѣлъ на свободу и понесся къ хатѣ старшины. То Чумаковъ съ саблей мчится по станицѣ, Чика договяетъ кума.

Встрѣчные сторонятся, ахаютъ и крестятся. То не люди, а бѣсы залоздалые несутся въ полумракѣ зари.

— Чтѣ жь выдавать! за ними! воскликнулъ Овчинниковъ.

И еще трое пустились туда же и скоро были у хаты старшины.

Ужъ заварили кашу Чумаковъ съ Зарубинимъ.

— Грѣха-то чтѣ! О-охъ! вздохнулъ Овчинниковъ.

— Не замѣшкались молодцы, отозвался Твороговъ, оглядывая хату и дворъ.

Въ большой горницѣ лежалъ покойникъ во гробу на столѣ. Одивъ изъ высокихъ сандаловъ со свѣчой и аналой были повалены, а дьячокъ, выбѣжавъ съ Псалтыремъ во дворъ, дрожить какъ листъ и прячется за колодезь. Тутъ же баба старая тяжело сопить и крестится, а на крышѣ сарая слася и стоитъ казакъ съ ружьемъ. На порогѣ дома, около выставленной гробовой крышки, лежитъ безголовый старшина Матвѣй; голова скатилась съ крыльца къ ллетню, а кровь хлещетъ изъ трупа по ступенямъ и паръ идетъ отъ нея. Въ корридорѣ лежитъ раненый молодой казакъ и изрѣдка вскрикиваетъ.

— Атамакъ! Старшину... Помогите!

За ллетнемъ въ огородѣ лять казаковъ стоятъ и нагиба-

ются. Марусенокъ лежитъ на землѣ, кровь льется по его кафтану, и онъ стонетъ и захлебывается.

— На вылетъ! говоритъ Овчинниковъ.

— Неси домой, родимые, чуть не плачетъ Зарубинъ.

— Добро жь начали... покончимъ! кричитъ Чумаковъ.—Лысовъ на колокольню! Звони! Чика, мы съ тобой! Слодохъ!!

Солнце глянуло и позолотило все; зашевелилась станица; бѣжить съ просонокъ народъ отовсюду къ хатѣ старшинской.

— Войсковая рука! гремитъ зычный голосъ Чумакова.— Войсковая рука!! Оружайся! Не выдавай!!

И высоко машетъ Чумаковъ своею шашкой, и алая кровь еще калаетъ съ воя ему на кафтанъ.

А солнце равно золотитъ все: и крестъ на храмѣ сияетъ, и крышка гроба у крыльца, и лоднятая сабля Чумакова горитъ въ лучахъ. Даже галунь сверкаетъ на шашкѣ раненаго Марусенка, голова котораго безсильно колыхается межъ двухъ несущихъ его по улицѣ казаковъ.

Раздался протяжный, басистый и дробный ударъ на колокольнѣ станичнаго храма. Еще славшіе казаки проснулись теперь, и много лбовъ на станицѣ перекрестилось.

— Чтой-то? Нешто заутреня? Праздника нѣтъ.... Пожаръ можетъ?... Нѣту!... Нигдѣ не горитъ!? Чудно!...

Другой ударъ, сильнѣе, гуще, звучно пролетѣлъ надо всѣми хатами казацкими и улетѣлъ изъ станицы въ степь.

— Чудно. Пойти опросить! Може и то пожаръ.

Третій ударъ залоздалъ немного, и вдругъ съ гуломъ слово бросиася въ догонку за первыми, и затѣмъ разъ, два! разъ, два! загудѣлъ басисто колоколъ надъ всею окрестностью. Густыя, торжественно-протяжныя волны звуковъ то замирали, то гудѣли снова, и словно дрожа въ воздухѣ, локатились одна за другой изъ станицы во всѣ края онѣмѣлой и безлюдной степи. Только верстъ за десять отдышавшая стая журавлей прислушивалась лугливо къ этому гулу и расправляла крылья чтобы взмахнуть въ поднебесье...

— Чудно дѣло.... Аль слдохъ! Чтой-то у хаты старшинской. На ножи лѣзутъ. Аль бѣда?

— Ахти! Войсковая рука рѣжетъ! Чумаковъ душегубъ. Боже Господи!!

Зашевелилась станица. Колоколъ все гудитъ и все не-

сутся невидимкой черезъ станицу, словно догоняя другъ дружку, гульливый и звучный волны. Изъ всѣхъ хатъ выбѣгаютъ казаки и казачки на улицу. Кто ворочается, кто бѣжитъ далѣе, кто толчется на мѣстѣ, озирается и спрашиваетъ бѣгущихъ. Кучки казаковъ лѣзутъ черезъ плетни изъ огородовъ въ слободу. У всѣхъ хатъ слышатся голоса:

— Сполохъ! Чичу убили!

— Рѣжутся! Гослоди Ісусе! всхлипываетъ старуха у кадитки.—Свѣтопредставленье! Гдѣ Акулька-то?

— Запрай ворота! Буди батьку! Гдѣ жена?

— Чичу убили... Убери телка-то! Пришибуть.

Девяностолѣтній казакъ Стратилать, еще молодчина съ виду, вышелъ на крылечко, ахнулъ и сталъ креститься:

— Вонъ оно. Не стерпѣли. Слышь убили кого-й-то.

— Войска что ль съ лухками? спрашиваетъ здоровенная казачка, тетка Палаисадуха, выкатившись за ворота. Вся она въ сажѣ и изъ заткнутого подола сыплются уголья.

— Въ тебя что ль лалить! Дрофа! смѣется бѣгущій казакъ.— Ишь расписалась.

— Слышь убили! Касатушки, убили!

— Кого? Голубчикъ, кого?

— Кого?! О, дура!...

— Ехорухка? А Ехорухка! шамкаетъ бѣгущему изъ окошка сѣдая какъ лунь голова.— Не хорить ли?

— Горить... да не огонь. Сиди, дѣдусь Архилъ, въ хатѣ. Рѣжутся казаки!

Чика пронесся въ широкъ и выскочилъ вновь оттуда съ десяткомъ казаковъ, что еще съ вечера ночевали тамъ.

— Бочку выкачу, братцы! На вотъ, впередъ! и онъ бросилъ кошель на порогъ и бѣжитъ далѣе. Кучка изъ шайка рассылается съ гуломъ и крикомъ.

— Ого-го! Похлебка! Бѣжи хлебать...

— Атаманъ Чумаковъ проявился! Убить Марусенокъ!

— Шайку-то, шайку забылъ!

Со всѣхъ хатъ, со всѣхъ краевъ станицы, выкакиваетъ и сбѣгается народъ; кто шайку нахлобучиваетъ припускаясь рысью, кто на ходу шайку изъ ноженъ тащитъ, кто кафтанъ натягиваетъ держа листолеть въ зубахъ. Безоружные хватаются за дубье, за вилы, за что попало на дорогѣ, и крики безъ конца...

- Заржавѣла родимая безъ работы!
- Убирай робять! Притворись смутри!
- Гдѣ винтовка? У-у! Бабы! Винтовку?!
- Стой, брось ведро-то, давай коромысла. Все лучше!
- Марусенка убили! Марусенка убили!

Словно разоряемый муравейникъ кишить станица. Перепуганные нежданно, скотъ и лица мечутся по улицѣ отъ однихъ бѣгущихъ подъ ноги другимъ.

Въ воздухѣ все гудятъ невидимыя волны звуковъ, а по слободѣ черныя и бѣлыя людскія волны катятся къ хатѣ старшины, заливаютъ ее со всѣхъ сторонъ, а оттуда, тоже словно волны отбитыя скалой, рассылаются по станицѣ кучки казачковъ съ дикими криками.

— Вырѣзай старшинскую руку! Буде имъ людъ-то побѣдомъ ѣсть.

— Игнашка, вали къ Герасимову! Во отплачу я Захаркѣ!

— Ну жутко нонѣ будетъ старшинской рукѣ!

Гулъ раскатистый, возгласы, крики и въ иныхъ углахъ ярая схватка, выстрѣлы и стоны. Одурѣла станица, и скоро, очнувшись, оробѣетъ того что натворила.

Колоколь смолкъ. Тихо стало вдругъ въ воздухѣ. Да и на станицѣ тише. Вся толпа скучилась въ одномъ мѣстѣ среди станицы, близъ хаты, гдѣ цѣлую семью Герасимова, войсковою руки, а не старшинской, вырѣзали душегубы свои ради мести.

— Охъ, грѣхъ какой!

— Зарубины заварили. Чумаковъ бѣгунъ всему заводчикъ. Изволочить телерь всю станицу волокита приказная изъ Яицка!

— Старшинской руки двадцать человекъ зарѣзали и застрѣлили, а сколько ихъ на коняхъ телерь въ поле удрало, а кто прямо въ Яицкую канцелярію съ доносомъ. Не пройдетъ двухъ дней, нагрянетъ судъ войсковою.

— Братцы станичники! раздался надъ толпой голосъ Чумакова.— Атаманы-молодцы! Великій грѣхъ! Лихая бѣда стряслась! Богъ видитъ, не хотѣлъ я васъ въ бѣду вводить. Да не стерпѣла душа какъ Марусенка убили. Сами вѣдаете какія злобства чинилъ Матвѣй, какъ истомилъ злодѣй всю станицу безсудностью, извѣтами и ссылкой. Простите, атаманы, каюсь. Нагрянетъ телерь на станицу Яицкая расправа. Но вотъ что молваю я, атаманы. Коль заодно сгибать казаку,

такъ ужь лучше оружайся казакъ и сдавайся съ бою. Чья возьметъ...

— Оружайся!! кричатъ въ отвѣтъ. — Заодно сгинать. Еще чья возьметъ!

— Но не таковъ еще духъ нашъ какъ чаете вы, атаманы. Можетъ Господнею милостью и щедротой выручимся мы изъ бѣды и не пойдетъ станица въ отвѣтъ за грѣхъ свой. Отдохните мало по домамъ, а будетъ слолохъ, собирайся громада къ Чукиной хатѣ, на майданъ, на старый дѣдовъ ладъ. Въ кругъ казацкiй! А старшиной выбирай кого теперь же, Чуку? Любо?

— Любо! Любо! Чукѣ старшиной бытъ! орутъ подговоренные.

— Чукѣ! Зарубину! Зарубину! повторяютъ ближайшіе.

— И повѣдаетъ Чука вамъ вѣсть добрую. И разсудите въ кругу что предпріять. Любо-ль, атаманы?

— Любо! Любо! Майданъ!

— Назвался груздемъ пользай въ кузовъ!

И расходится понемногу толпа, по хатамъ, и многіе качаютъ головами.

— Охъ грѣхъ-то, грѣхъ какой!

XVI.

Было осеннее утро, свѣжее, свѣтлое, тихое. На небѣ ни облачка, въ степи широкой тишь да гладь. А люди вздорятъ. Бунтуетъ Яксайская станица, и уже часъ какъ снова по-вчерашнему гудитъ станичный колоколъ протяжно и густо и отовсюду валитъ казачество къ хатѣ Зарубина, гдѣ наставлены кругомъ лавки, скамьи и лустыя бочки стойкомъ. Будетъ майданъ, бесѣда въ кругу казацкомъ.

Густая толпа залила хату. Не за лустымъ дѣломъ сполошилъ Чумаковъ станицу. Такое дѣло что вымолвить боязно; а что? еще не вѣдомо никому, кромѣ него до новаго старшины Зарубина, и сказываютъ оба къ тому же что все даромъ съ рукъ соидеть войсковой руки казакамъ.

На крыльцѣ показалось лять казаконъ, впереди нихъ Зарубинъ и Чумаковъ. Всѣ вошли въ средину круга. Смолкъ звонъ колокольный, смолкъ и гулъ толпы.

— Будьте здоровы, атаманы молодцы! гаркнулъ новый старшина Чика.

— Спасибо!

— Благодарствуй!

— Здравствуй самъ многовѣчно! загудѣли голоса, такъ что рамы дрогнули въ хатѣ.

— Напредъ майдана, всѣмъ міромъ помолимся Богу и угодикамъ Божьимъ, снова крикнулъ Чика.

Толпа шевельнулась, обернулась лицомъ ко храму что бѣдѣлся въ концѣ станицы; поднялись десятки и сотни рукъ, доскидали шалки, и залестрѣлась вся темная куча русыми, черными и сѣдыми маковками.

Безмолвно заколыхалась толпа, совершая крестное знаменье и кладя земные поклоны; только шуршали кафтаны да салюги по землѣ. Словно лестрое море съ лестрыми волнами шумѣло и билось на мѣстѣ. Затѣмъ толпа снова безмолвно обернулась къ хатѣ. Мѣрный и зычный голосъ Чики прервалъ тишину.

— Старые заслуженные люди, молодцы-атаманы, малолѣтки и все честное казачество станичное, кланяюсь всѣмъ чинно и милости прошу: стань всѣ въ кругъ! Старые, бывалые и умные люди напередъ всѣхъ выходи! Кто хилъ аль присталъ, ло скамьямъ садись! Молодцы-атаманы ло нихъ выровнись! малолѣтки да выростки прислушивай, ума набирайся, въ майданъ не мѣшайся. Бабу глуую, и старуху и молодуху, гони вонъ! Совѣтъ да любовь, атаманы! Посудимъ-порядимъ! Господи, благослови!

Чика снова поклонился въ поясъ.

Толпа стала разбираться; старики были уже впереди. Чумаковъ, извѣстный прежній краснобай, взлѣзъ на бочку и оглянулъ толпу. Со стороны храма толпа раздвигалась и пропускала дряхлаго старика казака, который тихо плелся опираясь на молодого выростка.

— Пропустите дѣдушку Архила! тихо передавалось и предшествовало его проходу....

Нѣкоторые казаки шалки снимали предъ нимъ. Старикъ добрелъ до круга, снялъ шалку, помолился на храмъ, потомъ молча поклонился на всѣ четыре стороны и тяжело опустился на скамью. Чумаковъ и Зарубинъ переглянулись и поморщились.

— Помолчите мало, атаманы-молодцы, заговорилъ Чумаковъ

пріосаявиваясь.—Прислушайте рѣчи моеи. Коль согласно скажу я, спасибо молвите, коль не согласно, аль не любо, ахайте маломунаго. Посудимъ-порядимъ, и что повелите, на то я слуга вашего здоровья!!

Чумаковъ выждалъ чтобы майданъ стихнулъ совсѣмъ, и заговорилъ:

— Воспомянемъ, атаманъ, времена не далекия, былину великаго войска Яцкаго. Времена когда велися порядки дѣдовскіе; когда отважные выборные люди чинили судъ міромъ и расправа шла своя, безобидная, не розная, а всѣмъ равная и вертилася въ очію, предъ всѣмъ войскомъ, на майданѣ казакомъ, на свѣтъ Божьемъ, а не по избамъ старшинскимъ, не за затворами, не черезъ приказную волокиту что пристрачиваетъ, лытаеть, да изволочивъ, гонить въ Сибирь.

— Правда истинная! Сама она—правда! воркнула толла.

— Воспомянемъ славные подвиги дѣдовы; какъ хаживали они многотысячною доблестною ратію на Кайсаковъ иль къ морю Каспю, забирать корабли товарные, и во многіе цыне предѣлы далекіе. И ворочались домой съ добычей безчисленною, съ табунами коней и верблюдовъ, кои тащили въ кадушкахъ казну несметную, да вороха шелковъ, мѣха многоцѣнные, камни самоцвѣтные, да оружіе дорогое на воспоминанье и на похвальбу предъ выростками. И ходила молва славная во всѣ предѣлы вражескіе о великомъ и любѣдномъ войскѣ Яцкомъ. И устрашенные ханы Кайсацкіе, Крымскіе и Бухарскіе слали на Яикъ гонцовъ да посланцовъ просить честнаго мира и дружества. А везли тѣ гонцы обратно отвѣтъ атаманскій: „Не замирился во вѣкъ съ басурманомъ и нехристомъ! Не пригоже дружество съ логаными для воина православнаго! Будеть-де вамъ миръ и улокой вѣчный какъ башки лоспібаютъ вамъ атаманы.... Принесутъ де вамъ други-атаманъ объ весну предбудущую подарочки своискіе. Кто саблю, кто кинжалъ, кто турку, а кто сайдакъ калмыцкій со стрѣлами закалёнными.“ И чесались за ушами ханы басурманскіе и гадали какъ задобрить чорта-сосѣдушку, зубастаго и долгорукаго казака яцкаго. Слышали ль вы про сію былину? Позаламятовали безламятны! Отшибли вамъ память порядками новыми....

— Помнитса небойсь! загудѣла толла.

— Добро! А помните ль какое дружество велось искони съ царями Московскими? Какъ посланцы яцкіе ѣзжали въ

Москву и били челомъ государямъ добычей дорогою, товаромъ краснымъ, рыбой диковинною. „Прими де ты, надѣжа царь бѣлый, наше жертвованье: заморскія диковинки,—царевичамъ на утѣху, золотомъ—въ казну твою, на нужды многія, а насъ помилуй, заставъ за себя Бога молить, не вяжи намъ руки, не клади запретъ удали да волѣ атаманской. Дозволь, молъ, государь батюшка, гулять казаку по морямъ, по марчугамъ и сыртамъ, да крестить Татарву сталью кованою. А будетъ тебѣ потреба въ войскѣ богатырскомъ, токмо кличь клички; придетъ къ тебѣ весь Яикъ, и станетъ стѣной каменною супротивъ врага твоего. А одолѣетъ врагъ, то повалятся за тебя всѣ башки казацкія. А какъ послѣдняя свалится — казачата придуть!... И нѣсть на свѣтѣ врага лютаго, короля державнаго, хана, лыцаря, кой устоялъ бы супротивъ отважности ихъ!“ И милостиво слушали цари нуждушки и челобитье нашихъ посланцовъ и съ милостью отлускали домой, сказывая: „Гуляйте, дѣтушки, по морямъ, по стелямъ.... Только честь знайте, и полусту не дразните Татарву окаянную.“ И какъ, атаманы, были мы еще царемъ Михайломъ жалованы крестомъ старой вѣры, и красой-бородой, такъ и милостями всѣхъ государей понынѣ были сысканы, и въ вольностяхъ казацкихъ никогда не обижены.

Чумаковъ остановился, оглянулъ молчаливо внимательную толпу и крикнулъ:

— Вѣрно ли сказываю, атаманы?

— Вѣрно! Вѣрно! Искони велся оные порядки казацкіе!

— Еще долрежде царя Михайлы такъ-то было.

— Любо ли, атаманы, оное житье-бытье дѣдово? выкрикнулъ Чумаковъ.

— Любо! Ой, любо!...

— То ль житье наше повѣшнее. Ну-тка!

Загудѣла толпа—заволновалась, заревѣла.

— Памятуете ль, атаманы, чтѣ было по прошлый годъ въ Яикѣ? Памятуете ли генерала Фрейманова, да сотни побитыхъ, да сотни въ Сибирь погнанныхъ? По всему Яику то аукнулось!

— Туда трекаятымъ дорога! вымолвилъ тихо дѣдъ Архиль.

Ближайшіе казаки огрызнулись на него.

— Держи, старый, языкъ за зубами, благо забыли тебя надись успокоить!

— Вѣдомо вамъ тоже, продолжалъ Чумаковъ,—какіе нынѣ

порядку поведися въ Яицкѣ. Какъ дьяковъ московскихъ посадили расправу чинить.... Чтò же, атаманы? И намъ посиживать въ слокоѣ да ждать пушки къ себѣ?

— Почтò! Не гоже въ слокоѣ быть!...

— Досидишься до лиха!

— Вѣстимо досидишься, атаманы! продолжалъ Чумаковъ.— Пора намъ разсудить въ кругу, какъ славное дѣдово житье-бытье завести. Посудите, порадите, умные, бывалые люди и честные атаманы. На тотъ рядъ и слокохъ бить, на тотъ конецъ и рѣчь свою я завелъ! Чтò порѣшите, тому и быть. А я слуга міру!

Чумаковъ слѣзъ въ толлу. Толла загудѣла. Всѣ заговорили вдругъ.

— Золотыя твои рѣчи, Чумакъ! сказалъ молодой казакъ изъ ближайшихъ.

— Медь точешь, молодецъ! прибавилъ другой.

— Ишь загадѣли, замѣтилъ кто-то оглядываясь на толлу.—Набрешутъ гораздо, а разсудятъ: что калено желѣзо въ воду ткнуть, одинъ лшникъ!

Надъ толлой поднялся подсаживаемый молодцами на скамейку старикъ Стратилать.

— Гляди, старый вылѣзъ. Слухай дѣдушку.

— Гей, атаманы. Возьми угомонъ!

— Гей! Буде орать-то! Аль въ Кіевѣ не слышно! кричали со всѣхъ сторонъ.

Смолкла повемногу толпа. Стратилать поклонился всѣмъ и заговорилъ:

— Поведу я рѣчь, дѣтущки, съзначала, какъ разуму хватить... Вѣдомо всему станичному казачеству яко мнѣ годовъ много. Кто сказываетъ десятый десятокъ къ концу итеть, а кто, слышь, что давнымъ-де-давно вышла пора костамъ твоимъ на улокой. А я молваю: Чтò услѣю де, належуся еще въ достааь до суда-то Божьяго. А сколько де мнѣ годовъ, того я не вѣдаю, и житію чтò послааь мнѣ Господь счета не велъ, грѣха сего на душу не пріялъ и безумія, въ томъ Богу не дамъ...

— А ты не смазывай повозку-то, время не терпитъ! сказалъ старшина Чука.

— Проселками-то не води. Умаешь и себя и кругъ.

— Валай напрямки, дѣдусъ. Чтò кружить-то полусту!

— Не слѣши, люди православные... Не смазамшись, на дорогѣ сядешь.... А безъ луги напрямки скакать, такъ невѣдома куда прискачешь и придется тебѣ прохожаго человѣка опрашивать: Кѣда де занесла меня нелегкая и какъ званье мѣсту? И осмѣють люди... Коня де умаяль, а куда прискакаль не вѣдаетъ.

Нѣсколько казаковъ разсмѣялись, многіе заворчали.

— Невременное дѣло теперь смѣхоту заводить!

— Не гнѣвитесь, атаманы. Къ тому я о годахъ помянулъ своихъ чтобы свѣдали молодцы сколь многое давалось мнѣ видѣть на вѣку моемъ. Вѣдомо вамъ что совершилъ я многіе походы. И въ Полтавскомъ лобощѣ по своей охотѣ и безъ наряду былъ я, дѣтушки, и получилъ самоличное слаибо отъ Петра Алексѣвича, за то что съ охотниками полѣзъ было полонять Свейскаго королевича, и изъ сотни вернулся мы къ царю назадъ семеро. Такъ вотъ, молодцы, уходился я гораздо, разума не мало пособралъ, и смогу я нынѣ точно отвѣтствовать Чумаковой рѣчи, безъ урону чести моей... Вѣрно сказывалъ онъ о старомъ житьѣ итаманства Яцкаго... Время, подлинно, устрашенной доблести! Но къ тому я рѣчь сведу что времена тѣ не вернешь, да и не гоже вертать ихъ.

— Почто не гоже? Поясни! быстро отозвался Чумаковъ.

— Мало ль что бывало въ старину... Во всѣ-то вѣки свои норовы и порядки... Мните вы себя равными дѣдамъ силой и крѣпостью. Ой, молодцы, истинно сказываю: никакого подбоя нѣтъ! Нонѣ, на прикладъ возьмемъ, чуть малая стужа, морозится казакъ и дулится казачье рыло яко тыква. Захватить кого буранъ въ стелу, и ломинай его въ молитвѣ улокоенемъ.... А моего вотъ родителя, царство ему небесное, застигъ лѣшаго буранъ за полста верстъ отъ дому; улегся онъ подъ великій сугробъ, вздремнулъ отъ сумерекъ и до сумерекъ, а послѣ бурана яришелъ домой! А гляньте-ко тоже на кладбище, велико ли число могилецъ дѣдовыхъ, отцовыхъ, да и своихъ.... Дѣдовыхъ совсѣмъ мало, отцовыхъ болѣ, а вашинскихъ тьма тьмущая. А почто, скажите?

— Скажи самъ. Чего опрашивать-то!

— У дѣвовъ про обычай было сказать: пошелъ кувшинъ ло водичку, тамъ ему и натычка.... Почалъ выростокъ въ Татарву бѣгать, тамъ ему дѣдушкой и оставаться. И подлинно помянешь вотъ хоть бы моихъ кумовъ... Петра Косой—

въ Хивѣ загибѣ, Наумъ съ Андрюхой на Каспiи рыбу кормить мигнули топорамъ, изъ Стелана Кайсаки несказанное сотворили. Да и много множество иныхъ, кои воинскую смерть обрѣли въ предѣлахъ далекихъ....

— А дѣдушка Стратилать почто же уберегся? У храма лечь хочет! усмѣхнулся Чумаковъ, а за нимъ фыркнули нѣсколько ближайшихъ казаковъ.

— А по то, молодець, обернулся къ нему Стратилать,—чтобы предъ кончиной малоумныхъ внучать отъ худаго отвести, да въ нныя медовыя рѣчи на слолохѣ дегтя накласть, не во гнѣвъ будь сказано твоей чести.

И Стратилать, усмѣхаясь, поклонился Чумакову въ поясъ. Громкiй хохотъ прiободрилъ его, и онъ продолжалъ:

— Сказываю я, много перемѣнивъ свѣтъ.... Полагаете вы тѣ же ханы нынѣ и тѣ же силы ихнiя. Нѣтъ, дѣтушки! Ханы нынѣ тоже дурачество свое бросили, тоже ума набрались, и лощища ихнiя и числомъ больше и оруженны инако. У нихъ лоды и лущки есть не хуже государственныхъ. Истинно сказывалъ вамъ Чумаковъ и о дружествѣ съ царями Московскими, подлинно послаанцы наши ѣзжали съ подарками и казну возили. Да олять, дѣтушки, перемѣнились порядки. У царицы Катерины своей казны много и ей нѣтъ нужды въ вашихъ алтынахъ яццкихъ и подобаетъ ей содержать атамановъ въ смиревнiи, потому что состоить она нынѣ въ уговорѣ съ ханами, и не можно ей полустить васъ разбойничать въ ихъ предѣлахъ.... И времена, дѣтушки, другiя, и казаки Яццкiе не тѣ нынѣ. И вотъ сказываю я вамъ: безумiя Богу не давайте и на времена новѣшнiя не рошците.

— Чтѣ жъ, хороши новые-то порядки?

— Что отняли у насъ расправу-то круговую? Повадка сiя добрая, да вотъ чтѣ, дѣтушки, кругъ-то вашинскiй не подобенъ дѣдову. Мы живали въ несравненномъ съ вами согласiи, судили и радили безъ ехидства. А новѣ собери кругъ: онъ тебя лощице московской волокиты изволочить!

Ролотъ лошедъ ло всей толлѣ.

— Знамо всѣмъ что ты радъ бы старшинскую руку тянуть, огрызнулся Чумаковъ.

— Почто лущали стараго народъ блазнить? крикнули изъ толпы. — Долой его! Его на кладбищѣ черви ждуть не дождутся!

— Смекайте вотъ! усмѣхнулся Стратилать. — У дѣдовъ-то

на кругу что хсшь молви; коли любо тебѣ, такъ хоть за Татарву стой. А вы что? Онъ де блазнить! Долой де его! Стадо однимъ согласникамъ судить. Одни согласники добре не разсудятъ.

— Почто жь? Тебя не спросились!

Усмѣхнулся Стратилать, покачалъ головой и вымолвилъ:

— Скажу я притчей: Была у Софрощки телка. Утащили волки телку и сожрали. Пошелъ Софрощка въ стель и ключеть: собирайтесь атаманы-волки въ кругъ. Разсудите лихъ мой, пожрали вы мою телушку! Гожее ли дѣло? Собралися волки на майданъ и разсудили его. Сказываютъ отъ Софрощки поясокъ да шалка остались на майданѣ-то волчьемъ.

Чумаковъ заговорилъ что-то въ отвѣтъ старику, но гульливый раскатистый хохотъ заглушилъ его слова.

Чика влѣзъ на бочку и обратился къ Стратилату:

— Дѣдушка, ты гораздъ смѣшнить майданъ, а ты лучше молви что рѣшить казачеству. Кашу заварили, а разхлебывать не въ моготу.

— Сиди смирно, не сожалѣючи времянь прошлыхъ: вотъ что, бунтовой старшина! А за грѣхъ что натворили виновные отвѣтъ и дадутъ.

— Такъ что ль разсудите, атаманы молодцы? обратился Чика къ толгѣ.—Ждать розыску и виновныхъ выдавать въ Яицкъ на расправу?

Толла безмолствовала.

— Ну добро, погоди, атаманы! Коль поясницу отлежали, бабы бородатая, я васъ тряхону.

— Слухай повѣщенье! крикнулъ Чумаковъ.

— Како повѣщенье?

— Смирно! гаркнулъ Чика съ бочки.—Иная рѣчь теперь... старшинская! Слухай!—Чика откашлянулся и грознымъ голосомъ заговорилъ протяжно:—По указу императорскаго величества повѣщаю всему казачеству станичному въдомость изъ Яицкаго города. Поелуку росейскій государь Екатерина Алексѣевна въ войнѣ великой съ царьградскою Туркой и съ Ляхами польскими, то многіе свои полки уложила на сраженьяхъ лютыхъ.... По сему повелѣню выставить къ Рождеству въ Москву пять тысячъ казакъ съ Яика.

Гуль пошелъ повсюду.

— Укусило, бабы бородатая! злобно шепнулъ Чика.—

Смирно! Слухай до конца. Выставить пять тысячъ казакъ конныхъ, но не оружныхъ, потому не оружныхъ что завербуютъ ихъ въ московскій легіонъ на 25 лѣтъ, на подобіе некрутъ, и будутъ они сражаться не по-казацкому, а обучать ихъ воинскому подвигу по-гусарски. Слыхали! Надутъ дяки да писаря, такъ приводи кого сдавать въ легіонъ. Вотъ вамъ указъ! Нашли его молодцы въ хатѣ старшины покойнаго Матвѣя...

И Чука протянулъ ближайшимъ гербовую бумагу съ восковыми печатами на шнурахъ.

Словно море подъ вихремъ заволновался весь майданъ, словно зыбь морская покачиваются головы казачья. И какъ волны морскія бѣгутъ, растутъ и сыплются съ гуломъ на берегъ, такъ рѣчи дикія, безсвязныя и безразборныя росли въ толпѣ, бѣжали, гудѣли и сыпались на старшину.

— Морочить! Небывалое брешеть! Неслыханное слушать ведить!

— Не къ лицу казаку гусарская повадка.

— Почто не къ лицу? засмѣялся сердито Чука. — Не съ бородой казакъ будетъ гусаромъ. Бороды поведѣно брить.

Давно находили грозныя тучи на волнующееся море казацкое, давно глухо гудѣло оно.... и вотъ, за словами Чуки, грянулъ ударъ оглушительный. Даже самъ Чука олъвилъ.

— Чего брешеть, собака! Дави его! Бей! Чего морочить майданъ, свиное твое рыло!..

— Не гнѣвись на меня, честное казачество. Не моя вина. Я указъ ловѣщаю выисканный у Матвѣя. Чтò лорѣшите, тому и быть.

— Бѣжать! Бѣжать, атаманы! Въ Золотую мечеть! На Кубань!

— Нѣтъ! За Каспій плыть. За Каспиемъ раздолье!

— Къ Некрасовцамъ, атаманы! Идемъ къ Некрасовцамъ! Реветь звѣрь-тогала; ухмыляется одинъ Чука Зарубинъ въ руку, поглаживая усъ курчавый и мигая куму Чумакову.

— Помолчите мало, атаманы! вступается Чумаковъ. — Придикуеть ли православному въ кабалу идти челомъ бить собакъ-нехристю? Пригодно ли лобросать землю, хаты дѣдовы, родимый Яикъ? Нѣтъ, не гоже. Сказалъ бы я вамъ, лукаво вымолвилъ Чумаковъ, — какъ по моему разуму въ семь случаевъ поступаться слѣдъ....

— Сказывай! Сказывай!

— Налередъ надлежитъ мнѣ вѣдать доподлинно какое мнѣ число согласниковъ ждуть и какое число супротивниковъ, потому что есть межъ васъ и таковыя что сидѣть да ждуть порѣшили и виноватыхъ выдавать.

— Разстулися, братцы! Разбирайся!

— Чаятельно всѣ согласники!

Толла смѣшалась, и словно водоворотъ два тока съ ревомъ шли одинъ на другой. Человѣкъ двадцать, все болѣе свѣдородныхъ стариковъ, стали отдѣльно отъ громады казацкой. Въ числѣ несогласниковъ были и два дѣда: Стратилать, хитро ухмылявшійся, и Архиль, который косо оглядывался кругомъ. Худое, скуластое и желтое лицо его было озлоблено.

— Почто противничаешь, дѣдушка. Брось! заискивающе обратился Чумаковъ къ Стратилату.

— Кривдой меня не возьмешь, отвѣчалъ старикъ.—Смекаю я, у васъ съ Чикой на умѣ не доброе; вы заварили все, вы же совсѣмъ хотите народъ смутить... Про бороды тожъ вернули. Обождемъ и свѣдаемъ подлинно ли бороды скрести повелѣно: тогда разсудимъ что предпріять!

— Какъ найдуть, дѣдушка, бородобрѣи-то московскіе, не время будетъ рядить! крикнулъ голосъ изъ толпы.

— Садись да и жмурься!

— Тебя перваго оголать, дѣдушка! усмѣхнулся Чумаковъ.— Изъ стараго казака дѣвчонку спроворять!

— Ты не зубоскаль, вдругъ обидѣлся старикъ.—Ишь пристали что собаки. На вотъ, съ вами стану...

И старикъ перешелъ къ толлѣ.

— Любо! Любо! Ай-да дѣдушка! Одинъ ты полста стѣишь!

— Ну, а на этихъ плевать! сказалъ тихо Чика, показывая глазами на оставшихся несогласниковъ съ Архиломъ во главѣ.

— Ну, атаманы! крикнулъ Чумаковъ.—Великою милостью сподобилъ насъ Господь и несказанную судьбу судилъ намъ. Слушайте! Господи благослови!—Чумаковъ перекрестился и продолжалъ:—Слыхали вы что въ запрошлую весну проявился въ городѣ Царицынѣ государь что почитаютъ якобы покойнымъ, когда вѣдомо что онъ чудесно спасенъ Отцомъ Небеснымъ отъ ухищренья вражескаго!

Тишина безмолвная наступила кругомъ.

— Государя великаго, продолжалъ Чумаковъ,—захватили

окаянные и увезли было въ Сибирь, но онъ отецъ Всероссійскій ушелъ съ вѣрными слугами и проявился нынѣ на Яикѣ, чтобъ объявиться вѣрнымъ подданнымъ своимъ казакамъ Яицкимъ и лаки пріять правленье цдти на царство. Хотите ль въ службу цареву? Такъ укажетъ вамъ Чука гдѣ сыскать царя-государя.

— Хотимъ! Сказывай!! Всѣ пойдемъ! Гдѣ?

— Гдѣ? гаркнулъ Чука подымаясь, рядомъ съ кумомъ.— Принесите клятву страшную заслужить батюшкѣ-царю, помереть за него хоть за-утрова, коли треба будетъ. Давайте клятву! И не робѣйте тогда никакой волокиты, ни яицкой, ни московской.

— Всѣ даемъ! Предъ Господомъ!

— Свѣта не взвидѣть!

— Помереть всѣмъ нераскаянно!

— Сказывай! Сказывай! Гдѣ?! кричала громада въ одинъ голосъ и поваливъ скамейки напирала на Чуку.

— Здѣсь! Въ хатѣ! молвилъ Чука, указывая на свой домъ.

Онѣмѣла толпа, словно заколдовало ее это слово. Муха пролетитъ—слышно. Только тысяча глазъ горитъ и искрится на старшину. Всякое дыханье сперлось, словно боится всякій казакъ дыхнуть.... боится что отъ его вздоха исчезнетъ сразу все чтѣ зародилось у него на сердцѣ отъ чудеснаго слова старшины.

Долго длится гробовое молчанье.

Заколдованная тишина объяла все и всѣхъ.

— Трекляты черти!! пронзительно рѣзнуло по воздуху... Будто луля просвистала надъ всѣми головами...

Всѣ шевельнулись и подняли головы. На бочкѣ стоялъ, сторбившись и трясясь, старый казакъ Архиль, и придерживая накиннутый на бѣлой рубахѣ кафтанъ, поднимал костлявый кулакъ надъ толпой, злобно оглядывая ее мутными, ввалившимися глазами, надъ которыми какъ усы нависли лохматая сѣдая брови.

— Трекляты черти!! вскрикнулъ онъ снова, надсѣдаясь хриливо отъ ярости. Казалось душа его выскочить изъ тѣла съ этими словами.

— Эй, дѣдушка, баба-яга! Не мѣшайся! сказалъ Чука. — Уберите его, молодцы! Ишь остервенился.

Но никто изъ казаковъ не тронулся снимать дѣда, и всѣ глаза теперь уставились на старика; боязливо и трелетно

глядѣли всё на его бѣлыя губы и беззубый ротъ, будто боялись того что слетитъ съ нихъ сейчасъ.

— Черти трекляты! судорожно взвизгнувъ дѣдъ обращаясь на всё стороны съ искривленнымъ отъ злобы лицомъ.— Не уходились. За старое, лиходѣи! Трекляты! Кому заваривать? Бѣды кликать? По міру вдовицъ, сиротъ пустить? Трекляты! Самозванничать? Проявился царь? Здѣсь? Черти трекляты!— И дѣдъ задохнулся.— Трекляты!!— и опять задохнулся.— Трекля...—совсѣмъ задохнулся дѣдъ.

— Молодцы! Убирай его! крикнувъ Чика и потащилъ старика съ бочки.

Дѣдъ злобно отбивался, но вдругъ ослабѣвъ, повалился съ бочки и прохрипѣвъ тихо:—Трекляты!!

Нѣсколько выростковъ подхватили его и повели подъ руки, почти понесли домой.... Нѣсколько разъ останавливаясь дѣдъ въ слободѣ стараясь повернуть голову къ майдану и сжимая кулаки безсильные.

Тамъ на крыльцѣ стоялъ Чика безъ шалки предъ раскрытою настежь дверью и говорилъ громко:

— Выди, государь батюшка. Объявись вѣрнымъ слугамъ твоимъ!

— На колѣни! Ура!! крикнувъ Чумаковъ, бросая шалку и опускаясь на землю.

Безмолствуетъ, словно мертвая, вся толпа. Но вотъ передніе ряды опустились съ Чумаковымъ на колѣни, а за ними, озираясь и дивясь, колыхнулась и вся громада казачья!

XVII.

Поздно вечеромъ тотъ же дымъ коромысломъ на Яксаиской станицѣ.

Станичники отъ мала до велика хлопотали по хатамъ и по слободѣ. Казаки чистили и точили оружіе, прилаживали обрую сѣдальную. Казачата коней ловили по стелу и гнали въ станицу, къ рѣкѣ и къ кузнямъ, лить и ковать. Казачки мѣсили, лепили, жарили.... Ребятушки малыя присмирѣли и жаллись по угламъ, а старики и старухи охали и вздыхали. Всѣ переглядывались, перешелтывались; что-то особенное, не то страшное и недоброе, не то дивное и чудесное, облакомъ стояло надъ станицей, проникло въ воздухъ, въ людей, во

всѣ хаты, во всѣ углы хатъ, даже въ задворки и въ чащу садовъ.

Въ хатѣ Матвѣя, бывшей старшинской, ярко свѣтились окна; дѣдъ Макаръ былъ уже похороненъ, но на крылечкѣ вновь стояли телерь двѣ желтыя размалеванныя гробовыя крышки, а изъ ллетня перевѣсилъ къ нимъ и тянулся кустъ рябины, ярко освѣщаемый изъ окна. Въ горницѣ шла служба заулокотная, а въ гробахъ лежали старшина Матвѣй съ сыномъ. Мало тутъ было молящихся и то больше старичье. Въ углу сѣней, на мѣшкахъ съ овсомъ, забила красавица Груня, и плакала утираясь концами желтой косынки. По саду бродилъ кто-то укрываясь и прислушиваясь ко всему что дѣлалось и говорилось въ хатѣ.

У окошекъ маленькой и бѣдной хаты дѣда Архила толпилось человѣкъ съ десять и горячо толковали, поминая его имя. Старикъ лежалъ на полу горницы на подстилкѣ изъ сѣваго сѣна, въ безпамятствѣ.

— Ишь! Со злобы-то... что бываетъ! замѣтилъ кто-то. — Помретъ вѣдь.

Въ церкви стояла куча гробовъ, и нѣсколько бабъ выли, полулежа на лалерти, въ ожиданіи священника.

У Зарубина было всего люднѣе. Толпа казаковъ, бабъ и ребятшекъ издали глядѣли на освѣщенные и занавѣшенные окна. Нѣкоторые надвигались на хату, но ихъ гоняли.

Одна тетка Палисадуха два часа неутомимо лѣзла въ избу, на часовыхъ и на атамановъ, и таки добилась своего. Русый вышелъ къ ней въ сѣни. Она глянула на него и вымолвила:— ну вотъ я и видѣла! спокѣйная и довольная пошла домой.

— Государь! таинственно и восторженно ходило по толпѣ.

— Названецъ!! робко шелотомъ отдавалось кой-гдѣ, подавленное вздохомъ.

— Гослоди батюшка! Чтой-то будетъ!? раздавалось громче и смѣлѣе.

На крыльцѣ избы Чики стояли два казака на часахъ, съ саблями наголо. Въ отдѣльной горницѣ шла громкая, суелливая стряля; сѣрыми клубами валился дымъ изъ трубы дома и на безвѣтріи разстилался пеленой черезъ улицы станицы. Въ передней горницѣ тѣ же казаки держали совѣтъ. Два лисаря лисали въ углу, на большихъ листахъ. Два гонца лоскакали уже въ Каиновъ-Гой и къ Филарету.

Въ задней горницѣ лежалъ на подушкахъ Марусенокъ. Ояъ

едва слышно хрипѣлъ и метался въ бреду. Чика сидѣлъ надъ пріемышемъ, не шевелясь, ухвативъ голову руками и тяжело дышалъ. Чика любилъ своего крестника Марусенка какъ любить мать родная. Два знахаря станичные что-то готовили въ углу для больного.

За версту отъ станицы, по дорогѣ въ Яцкую крѣпость, спрятались у рѣчки въ высокихъ камышахъ съ десятокъ казаковъ съ конями въ поводу и выжидали въ засадѣ. Уже пятерыхъ доносчиковъ переловили они и утопили въ рѣкѣ.

Въ полночь они снова вылегѣли стрѣлой на проѣзжавшаго рысью стараго казака. Но этого двое молодцовъ скрутили на сѣдлѣ и повезли, держа лошадь за уздцы, къ хатѣ Зарубина.

— Срамъ, дѣдушка Стратилать! Срамота! И тебя бы въ рѣчку слѣдъ! говорили они по луту старику.—Своихъ выдавать! Вотъ погоди, будетъ тебѣ отъ государя!...

— Отъ названца-то?... Пуцай! Мнѣ и такъ еще не много житья. Вишь разыскали себѣ царя... изъ Донцовъ!...

— Изъ Донцовъ! усмѣхнулся одинъ изъ казаковъ.—И чего брехать?...

— Мнѣ неча брехать. Я не конѣ, завтра у Господа буду отвѣтъ давать и въ дѣлахъ и въ рѣчахъ. А я по христіанскому, по Божьему стало, васъ малоумныхъ остереечь хочу.... Подлинно вѣдомо мнѣ что этотъ самый названецъ донской казакъ есть.

— Ты, дѣдушка, охулки на душу свою не клади. Не морочь! вымолвилъ казакъ постарше.—Что намъ въ головахъ луты лутать, мы и такъ вишь нынѣ дѣлами-то войсковыми лутаны-перелутаны!

— Я не морочу, отвѣчалъ Стратилать.—Сказываю вамъ по моему христіанству. Вашему царю утрось и сыскъ былъ тайный. Пріѣзжалъ ряженный писарь изъ Яцка, да взять не лосмѣлъ. Я и писаря того видалъ. И званье онъ мнѣ названцово сказывалъ: Емельянъ Пугачевъ. А здѣсь онъ вѣстимо званье свое таить. И писарь сказывалъ что таить...

— И что ты, дѣдушка, тутъ набрехалъ. Вѣдь на сто рублевъ набрехалъ-то! выговорилъ казакъ качая головой.—Пугачевъ тутъ при царѣ состоитъ. Я тебѣ его хошь покажу. А онъ званье свое, правда, таилъ...

— Неча показывать. Меня не обморочить. Писарь-то ужъ

въ Яицкѣ и донесъ ужъ я чаю какъ Пугачевъ въ цари-то вышелъ у васъ... не за урядъ! сострилъ старикъ.

— Полно, мельница! взбѣсился наконецъ казакъ.— Вотъ я тебѣ сейчасъ же покажу и Батюшку, и Пугачева твоего донскаго.

Всадники подѣхали къ избѣ Чики и спѣшились.

XVIII.

Было 14е сентября 1773 года.

Солнце еще не поднималось надъ степью пустынною, гдѣ гулялъ одинъ вѣтеръ, а изъ улицы Якса я выѣзжала уже на коняхъ вереница вооруженныхъ казаковъ.

Русый молодецъ ѣхалъ впереди, близъ него Чика Зарубинъ и Чумаковъ, а затѣмъ Лысовъ, Твороговъ, Овчинниковъ и бывший кулець Ивановъ, предъ выѣздомъ назвавшій себя казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ.

На коняхъ казацкихъ развѣвались восемь бѣлыхъ знаменъ съ красными крестами-осьмиконечниками.

За десять верстъ отъ станицы ожидавшая въ степи кучка Татаръ и Калмыковъ пристала къ нимъ со своимъ атаманомъ Лай-Ханомъ.

Въ полдень приблизились они къ зданію обнесенному тыномъ и валомъ, то былъ Бударинскій форпостъ.

Всѣ форпостные казаки быстро вышли на встрѣчу съ одною пушкой и тоже присоединились... Конный отрядъ въ полтора ста человекъ пустился далѣе, по безлюдной, голой степи и двигался тихо, молчаливо, угрюмо... Только топотъ конный и трель копытъ по твердой землѣ, да звонъ и бряцанье збруи и оружія, только вѣтеръ свиститъ и играетъ роковыми знаменами. Бичъ Божій и за нимъ кровавая смерть выѣхали на грѣшную Русь! Облетитъ это знамя бѣлое, этотъ красный крестъ полъ-Руси крещеной, и залатитъ врукъ страшный долгъ дѣда и прадѣда!

Будетъ море разливанное крови людской и въ немъ — каля виноватой!..

(До слѣд. №)

ЕВГЕНІЙ САЛЯСЪ.

БОЛГАРІЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

На Дунаѣ.

Старый Дунай! проходятъ годы за годами, вѣка мнужутъ за вѣками, а ты все такой же какимъ былъ издавна—синій, мутный, ты плывешь все тою же дорогой изъ Нѣмецкой страны въ Черное Море, переносишь на своихъ водахъ произведенія Запада на Востокъ и Востока на Западъ. Твоя дорога битая, торная: кто по ней ходитъ, тотъ въ золото убирается, а кто тобою владѣетъ, тотъ властвуетъ надъ золотымъ царствомъ.

На твои берега Греки приходили съ непобѣдимую фалангой, Римляне высылали свои легіоны, съ Аттилой пришли Гунны-Болгары, а съ Арпадомъ Гунны-Мадьяры; Славяне-Сербы построили на твоихъ берегахъ Бѣградъ, Славяне-казаки постоянно устремлялись за Дунай. Теперь все влудъ Нѣмцы съ тюфяками и съ женами, и селятся по Дунаю.

* См. Русск. Вѣстн. №№ 6 и 7.

Каждому хочется быть владѣльцемъ придунайскимъ, подъ скипетромъ ли султана, подъ властію ли казаковъ, все равно, тольбы сидѣть на этой большой дорогѣ. Промышленность и торговля ворочаютъ телерь міромъ. Кто ближе къ большой дорогѣ, тотъ скорѣй разживается. Дунай съ своими синими и мутными водами драгоцѣннѣе самыхъ богатыхъ рѣчковъ золота и серебра. Старый Дунай первая рѣка Запада, узелъ будущей великой борьбы.

Никогда міръ не держался долго на берегахъ мутнаго Дуная: или бьются вооруженные люди, или хватаются за оружіе невооруженные и готовятся къ бою. Изъ всѣхъ славянскихъ и не-славянскихъ странъ, кому надоѣло домашнее slokoy-ство, кому немилы домъ и жена, кому не терпится схватить въ правую руку саблю, а лѣвую залустить въ золото, кому хочется разгульной воли, кому законъ суровая узда, кому хочется быть полнымъ себѣ господиномъ, кого прельщаетъ отвага, кому нравятся тайныя убійства, удивленія, отшельничество, кто ловецъ рыбы, звѣря или разношертой птицы, у кого на умѣ гульба, да музыка, да плясъ, кому хочется плясывать, колотить оборваннаго Жида, выплясывать съ разудалою дѣвкой голубца, или отхватывать съ молодымъ парнемъ трелака, кому хочется жить въ праздности, казачить, бурлачить, тотъ удираетъ за синій, мутный Дунай—и пошелъ дымъ коромысломъ.

Ни на какой рѣкѣ въ свѣтѣ, ни зимою, ни лѣтомъ, не бываетъ такъ шумно, бурно, приятно и весело, нигдѣ не найдешь столько разныхъ племенъ и не увидишь у нихъ столько свободы какъ на старомъ, синемъ и мутномъ Дунаѣ.

На румунскія минеральныя воды, на старомъ Дунаѣ, съѣхались болгарскіе комитеты уже не на совѣщаніе, а собрать войско и съ воеводами вывести его въ поле.

Между дунайскими притоками, въ прилѣвскихъ, кустахъ и камышахъ, расположились таборами болгарскіе *молмы*; * они ѣдятъ, льютъ и чистятъ оружіе. Воеводы считаютъ, считаютъ, и вмѣсто обѣщанныхъ тысячъ едва насчитываютъ сотню; стыдно и досадно, да дѣлать нечего: взяли задатокъ, даво слово, а отъ гайдучьяго слова отказаться нельзя.

Незримое правительство, какъ въ Польшѣ, пересчитало людей, назначило начальство, выбрало стратегиче-

* *Молмы* или *моланцы*—парки; ед. ч. *моланъ*.

скія дороги и тактическіе пункты, рослѣсало оружіе, одежду, обувь, запасы, аммуницію, словомъ, все до послѣдней мелочи, даже денежныя суммы, приложило печать невѣдомаго вида и скрѣпило что все вѣрно и такъ быть должно. Только все это было сдѣлано на бумагѣ, на дѣлѣ же оказалась едва сотая часть предназначенныхъ для войны средствъ. Незримое правительство такъ распорядилось и порѣшило; люди же ищи невидимку; кто приказовъ не исполнилъ?—ищи и найди выходъ изъ этого лабиринта. Такъ думаютъ про себя воеводы. Опытный и удалый Итъ-Оглу, Собачій Сынъ, смекаетъ что никакая сила не поможетъ выбраться изъ такого темнаго омута. Остается идти и сложить голову—надо сдержать данное слово.

Воевода Филиппъ Тотуй,* человекъ бывалый, который терся по всѣмъ угламъ, служилъ въ Венгріи солдатомъ, торговалъ въ Стамбулѣ, былъ въ Букурештѣ подьячимъ, яхтался съ боярами, банкирами и Жидами, зналъ господаря и даже былъ знакомъ съ консулами, рассказываетъ, для забавы и утѣшенія, что видѣлъ въ господарскомъ дворцѣ (ему случилось бывать и тамъ) географическую карту, разрисованную красными, зелеными, желтыми и голубыми разводами. На ней было изображено Дакское королевство, котораго корону возложить на себя Румунскій господарь и станетъ зваться королемъ; границы этого королевства доведутъ до самыхъ Балканъ; а если не вдастся, то по крайней мѣрѣ до Добруджи, то-есть заберутъ всю Добруджу по Змбиный валъ, который они зовутъ Трояновымъ. Стало-быть мы останемся въ Балканахъ или укроемся въ Добруджѣ. Карту рисовалъ для господаря какой-то Нѣмецъ, человекъ военный, офицеръ Нѣмецкаго короля. Самъ онъ, Филиппъ, видѣлъ сколько войска

---

* Воевода комитета, Филиппъ Тотуй, живетъ теперь въ Румуніи, въ Крайовѣ и въ Букурештѣ. Одни считаютъ его за обогареннаго Еврея, другіе за обогареннаго Мадьяра. По слухамъ, онъ велъ себя честно въ своихъ сношеніяхъ съ Румунами всѣхъ сословій и имѣлъ доступъ къ самымъ важнымъ лицамъ. Все сказанное о немъ вполнѣ вѣрно и основано на отзывкахъ людей знавшихъ всю его домашнюю и политическую жизнь. Въ 1848 году онъ служилъ поручикомъ въ гонведахъ, потомъ сдѣлаaes мадьярскимъ эмигрантомъ, жилъ въ Стамбулѣ, а подъ конецъ переехалъ къ гарибальдійцамъ, мадзинистамъ и мирославчикамъ, у которыхъ научился разнымъ революціоннымъ продѣлкамъ.

набрали полковникъ Кречулеско и полковникъ Майо, въ начальники вызвали генерала Македонскаго, чтобъ онъ насъ, Славянь, попригласкалъ и приучалъ понемногу къ Дакскому королевству. Понизивъ гонимъ, онъ присовокулилъ что ему не незримый, а человекъ котораго онъ видѣлъ своими глазами, сказалъ: „будьте благонадежны, идите сражаться, и мы къ вамъ подослѣмъ“.

Другіе воеводы не понимали всѣхъ этихъ политическихъ комбинацій.

Собацій Сынъ стоялъ на своемъ: когда слово дано, надо идти драться. На Румунъ нечего разчитывать; если суждено любить Турокъ, то прежде Румунъ любятъ ихъ Жиды.

Дышлія плятуть заславные глаза:

— Пускай только платятъ хорошенько, да сытно кормятъ и поятъ, отчего не служить хоть бы и невидимкѣ? Вѣдь служать же люди за деньги дьяволу, а этотъ невидимка. И понесъ воевода Пехливанъ такую несладкую въ которой мысли не вязались между собою.

Хаджи Дмитрій Кавгаджія* слушалъ и глаза его горѣли огнемъ не то что мимолетнаго увлеченія, но твердой рѣшимости.

— Намъ дають оружіе, а по Дунай нашъ край, наша земля, наше племя, наши семьи; положимся на Бога и на себя. Идемъ! Если наше дѣло справедливо, то Богъ благословитъ насъ, а если нѣтъ, то мы погибнемъ; наша смерть вмѣнится намъ въ заслугу предъ Богомъ, и подниметъ на ноги лучшихъ чѣмъ мы юнаковъ. Долго мы спали, долго мы теряли время въ праздности, и тяжело мы провинились предъ Богомъ и нашею отчизною Болгаріей. Нельзя ни желать, ни надѣяться чтобы пробуждающимся отъ сна все удалось сразу. Нужны жертвы, и Христосъ потерпѣлъ много мукъ прежде чѣмъ искупилъ родъ человѣчскій. Мы также должны принести много тяжкихъ жертвъ ради спасенія нашего отечества.

Хаджи Дмитрій еще не дожилъ тридцати лѣтъ, черноглазый и черноволосый, росту не высокаго и не малаго, а средняго, статный, прирожденный всадникъ, какъ греческій кентавръ; лицо у него смуглое, строгое, полное благородства и такое привлекательное что говорить: слушай меня, иди куда приказываю

* Кавга—война, Кавгаджія—военный. Этотъ воевода былъ единственнымъ славянскимъ юнакомъ, единственнымъ путнымъ человекомъ въ этомъ жакомъ и смѣшномъ восстаніи. Онъ родомъ изъ Славна.

и вѣрь мѣѣ. Онъ родился въ Балканахъ, но еще ребенкомъ былъ вывезенъ за Дунай и за Днѣпръ, въ дальніе края. Тамъ онъ выросъ и воспитался. Расказываютъ (самъ онъ о томъ молчалъ) что въ Кіевѣ онъ посѣщалъ университетъ, вмѣстѣ съ братьями Славянами, Русскими и Поляками. Онъ часто говорилъ о Кіевской лаврѣ, о пещерахъ, о Русскихъ и Полякахъ, объ ихъ ненависти и какъ она вредитъ имъ самимъ и всему славянскому племени. Звѣздіе изъ болгарскаго Бѣлградѣ кулцы сказывали что видѣли его въ драгунскомъ мундирѣ храбраго Нижегородскаго полка, въ чинѣ ротмистра и съ георгиевскимъ крестомъ на груди. Онъ часто вспоминалъ объ очаровательныхъ окрестностяхъ Ріона и Фаза, о свѣтломъ Эльборусѣ, о Чеченцахъ и объ Эчмиадзинскомъ монастырѣ. Въ Румуніи нѣкоторые Поляки увѣрили что видали его при Траугутѣ, въ польской чамаркѣ и въ конфедераткѣ надъ лѣвымъ ухомъ. О Польшѣ и Полякахъ онъ говорилъ мало, но много бесѣдовалъ о Польшахъ. Онъ ведачалъ ихъ земными ангелами и часто повторялъ: „еслибы наши Болгарки были такія какъ Польки, то съ нашими Болгарами Болгарія была бы независима“. По возможности онъ избѣгалъ сближенія съ чужими и со своими. Еще въ Букурештѣ принимали его за какого-то тайнаго выходца и дѣлали о немъ тысячу предположеній. Одни считали его сыномъ Милоша, рожденнымъ отъ нѣмецкой актрисы, другіе сыномъ Паскевича-Эриванскаго, прижитымъ съ Полькою. Благо никто не признавалъ его за цесаревича Константина Павловича, который, по мнѣнію старовѣровъ, духоборцевъ и сколцовъ, живъ и ѣздитъ то въ Добруджу, на Дунай, то въ далекіе заморскіе края, самъ же безсмертенъ, какъ королевичъ Марко Пригѣлскій, на Бабинской горѣ.

Съ своими подначальными Дмитрій встрѣтился здѣсь въ первый разъ. Вѣроятно его прислало незримое правительство, хоть онъ никогда объ ономъ не говорилъ. Дышала, когда подлилъ и посмотрѣлъ на его часы съ золотою цѣлочкой, на тонкое сукно его болгарской одежды, на оружіе, подумалъ и сказалъ: „можетъ-быть это онъ и есть самъ невидимка“.

Съ людьми отдавными ему подъ команду Дмитрій былъ откровененъ и добродушенъ, но строгъ; на все обращалъ вниманіе и ничему не лоблажалъ. Онъ съ ними не пилъ и не балагурилъ. Очевидно онъ зналъ должность начальника и привыкъ

къ ней. Онъ пробылъ только пять сутокъ съ людьми, а его уже любили и боялись.

Съ воеводою Филиппомъ онъ не побратался; по сердцу и по душѣ они были не одной вѣры; ихъ слова и дѣла звучали разнымъ тономъ, хотъ музыка была та же.

Дышлія его боялся, считая его за незримое правительство, которое можетъ удержать денежную дачу и лишить лайка, но по совѣсти онъ въ его глазахъ ничего не стоялъ и казался ему пустымъ хвастуномъ, потому что не объѣдался баницей и не оливался до положенія ризъ. „Хорошъ юнакъ, хотъ изъ числа невидимокъ! бормоталъ себѣ подъ носъ Дышлія“.

Но воевода Панайотъ сразу привязался къ нему своимъ болгарскимъ сердцемъ, убѣдился въ его превосходствѣ и охотно призналъ бы его начальникомъ, главнымъ вождемъ возстанія.

Марія видѣла въ немъ Болгарина который умѣетъ любить Болгарію и служить ей.

Сердце и душа этой дѣвушки пришли въ дивное настроеніе. Она полюбила юнака Болгарина, а не воеводу Панайота. Она знала какъ онъ любитъ жену свою Ярыню, и часто оживала въ немъ это чувство напоминая ему объ ней и о маломъ ребенкѣ. Онъ былъ для Маріи братомъ, любимцемъ души, а не милымъ сердца, и она была для него кровною сестрой, дочерью Болгаріи. Она была его лѣстуньей, его добрымъ духомъ, ниспосланнымъ благодію Божіей чтобъ очистить грѣшника отъ грѣховъ и вести его путемъ истины. Такъ онъ говорилъ о ней Хаджи Дмитрію и разказывалъ ему какъ она посвятила себя всею душой дѣлу освобожденія отечества, и сколько эта жертва придавала ей силы, отваги и прозорливости.

Хаджи Дмитрій часто по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Марьей. Онъ разказывалъ ей о неизвѣстномъ ей свѣтѣ, о невѣдомыхъ ей вещахъ, о Полькахъ, которыя есаибы были Поляками, то, по его мнѣнію, Польша уже была бы свободна, независима и славна между Славянами. Она слушала, ловила ухомъ каждое слово, и въ каждомъ ея замѣчаніи, въ каждомъ ея вопросѣ проявлялась такая горячая любовь къ отчизнѣ, что онъ, зная изъ какого источника истекали чувства ея сердца и души и чѣмъ они оживались, не рѣдко повторялъ:

— О лѣсна народная! ты истинная сокровищница чувства

народа, ты лучшая наставница въ любви къ отечеству! Въ тебѣ, благодареніе Богу, Болгарки начинаютъ черпать стремленіе къ правдѣ и къ патріотическимъ добродѣтелямъ! Когда у нихъ это настроеніе сдѣлается общимъ, тогда никто насъ не удержитъ. Мы снова поднимемъся какъ орды кентавровъ Аттиамъ; но копыта нашихъ коней не притопчутъ нивъ просвѣщенія и христіанства. Кентавры не возлюбятъ: Римъ, Римъ! не спалить пожаромъ и не опустошатъ столицу вѣры, искусства и науки; но гдѣ пройдутъ полки болгарской конницы по полямъ неволи и варварства, тамъ долго не выростутъ ни неволя, ни варварство“.

Такъ мечталъ Хаджи Дмитрій о своей Болгаріи и все поглядывалъ на свою сестру по любви къ отчизнѣ. О, какъ прекрасна казалась ему тогда Марія, у которой выступали на глазахъ слезы не скорби, не горя, не отчаянія, но какого-то душевнаго наслажденія располагающаго сладко заплакать съ радости, и по лицу которой, какъ дуновеніе вѣтра, пробѣгала легкая улыбка! Какъ онъ любовался ея блѣднымъ румянцемъ, золотыми развѣвающимися волосами и станомъ гибкимъ какъ вѣтка, наломанная скорѣе дрожащую оплуну чѣмъ величавый, но вытанутый тололъ! Въ какомъ чудномъ образѣ глаза и мысли рисовали ее въ его сердцѣ!

Онъ ей разказывалъ о славянскомъ Кіевѣ, о множествѣ его церквей, гдѣ не только молятся, но и колокола звонятъ по-славянски; о Днѣпрѣ съ его водами чистыми и прозрачными какъ славянское сердце, но такими быстрыми и подвижными какъ казацкая конница, эта чисто славянская кавалерія; о семи холмахъ и о храмѣ Святаго Андрея, съ котораго глазъ Славянина гуляетъ вдаль и вширь по славянской землѣ; о лаврѣ съ золотою кровлею, принесенною въ даръ казаками, и о пещерахъ, въ которыхъ можно дѣлать дальнія прогулки по славянскимъ подземельямъ. Онъ разказывалъ о Кіевлянахъ и Кіевлянкахъ; первыхъ не даромъ два Болеслава пожаловали изъ мѣщанъ въ шляхтичи, потому что они шляхта по сердцу и по роду; послѣднія своими прелестями побѣдили сперва королей, потомъ шляхту, а наконецъ казаковъ, и сдѣлали ихъ своими лѣвниками. Волшебницы высылали лѣвниковъ своей красоты противъ Татаръ и Нѣмцевъ, за короля и Посполитую Рѣчь, за казачество и за

гетманщину. О Кіевъ! Ты первый градъ славянскій, избранный градъ Божій!

Дѣвушка слушала и отъ восхищенія плакала горячими слезами.

Такъ проходили дни и недѣли, а комитеты во имя незримого правительства приказывали: ждать и выжидать!—Идутъ подкрѣпленія изъ Бѣлграда и изъ Кубая.—Изъ Добруджи плывутъ по Дунаю легкія суда, везутъ оружіе, порохъ и zásасы бочками; они уже въ Фокшанахъ, въ Ботушанахъ, въ Сочавѣ и на Моравѣ.—Черногорцы берутся за оружіе; Герцеговинцы хотятъ отомстить за смерть своего Столчевича; изъ Мостара высылаютъ лодки конницы съ Зулфикаромъ. Босняки не забыли Бабица; имъ тоже нужно отомстить за храбраго Мустая; они хотя мусульмане, но такіе же хорошіе Славяне какъ и христіане. Лука Вукаловичъ собирается пособить своимъ дунайскимъ собратьямъ, и самолюбивая Сербія не усидитъ спокойно; она давно уже стоитъ какъ всадникъ на бѣломъ холмѣ, чтобъ ее видѣли; она должна спуститься въ равнину чтобы Славяне не подумали что она окаменѣла или пошла куда-нибудь въ другое мѣсто искать славянскаго знамени; она выступить, должна выступить чтобы не презирали ея имя. Нужно ждать, да выжидать.

Такъ-то было и въ бѣдной Польшѣ. Шли Французы, шли даже Англичане, шли бѣлые Арабы, шли шлепа туплями Нѣмцы—шли, шли и не дошли, потому что не выходили изъ дому. Оружіе везли изъ Гамбурга, Страсбурга, Берлина и Лондона и не довели, потому что не вывозили. Несчастные повстанцы дрались колами или кулаками. Комитеты собирали деньги, комитеты подавали отчеты, а повстанье черта взяло. Таковъ всегда былъ и будетъ порядокъ вещей при демократическомъ незримомъ правительствѣ. Легче найти квадратуру круга и выдумать машину съ нескончаемымъ движеніемъ чѣмъ добиться правды и честныхъ дѣйствій отъ демократическаго незримого правительства. Богъ не благословляетъ демократію,— у Него Самого есть архангелы и ангелы, есть святые и блаженные; да и сатана не равноуженъ къ ней; онъ столько лѣтъ бьется за первенство, за старшее мѣсто въ іерархіи.

Когда же демократія съ незримымъ правительствомъ поистратитъ вдовьи колѣдки и спутается въ такіе расходы что ихъ не прокинешь и на русскихъ счетахъ, тогда, чтобы

какъ-нибудь развязаться съ дѣломъ, говорятъ довѣрчивому, обитому съ толку народу: стулай! бейся, руби, коли! Между тѣмъ агитаторы, зачинщики, комитеты и комиссары удирають за границу къ невидимому правительству и тамъ умываютъ руки во всемъ что случилось. Возбудивъ людей на поѣтъ битвы и бросивъ ихъ на погибель и смерть, они снова начинаютъ волновать умы, затѣваютъ новыя штуки. Таково нескончаемое движеніе политической демократіи. Она можетъ сказать себѣ: *эрика!* Потому что люди довѣряють и служить ей, служить вѣрно ея коварству, во вредъ человѣчеству.

Такъ было въ Польшѣ, такъ дѣлается въ Болгаріи, и то же самое повторится во многихъ другихъ мѣстахъ, потому что люди добродушны и легковѣрны. Человѣкъ правдивый и дѣятельный кажется имъ притѣснителемъ, аристократомъ, потому что онъ самъ себя терзаетъ для пользы другихъ. Царь для нихъ деспотъ, потому что управляетъ тѣми кто сами съ собою не умѣли бы справиться. Человѣкъ лукавый, побуждающій къ смутамъ, неспособный ни къ какому дѣлу, кажется имъ братомъ равенства, сыномъ свободы, потому что онъ ровня всѣмъ бездарнымъ, всѣмъ глупцамъ, и по своей охотѣ служить разнымъ интригамъ неправдѣ. Такъ было и будетъ пока свѣтъ не возвратится къ давнишнему порядку Божію, къ заповѣдямъ и вѣрѣ пророковъ Господнихъ, пока искренно не преклонитъ чела предъ избранными и не откажется отъ повинненія и угожденія недостойнымъ.

Разсчитывали что въ сборѣ наберется шесть тысячъ болгарскихъ момцевъ, вооруженныхъ игольчатыми ружьями и листовыми двустволками. Каждый изъ четырехъ воеводъ долженъ былъ имѣть по пятнадцати сотенъ воиновъ. У Тотуя оказалось ихъ дѣлыхъ шестьдесятъ, вооруженныхъ двустволками и одностволками, старыми листовыми и кремневыми ружьями. Ружья съ иголой не имѣлъ никто; есаи у кого и была игола, то развѣ для починки одежи.

У воеводы Кавгаджи было налицо не болѣе сорока пяти момцевъ, но статныхъ и вооруженныхъ двустволками, въ числѣ коихъ пять или шесть ружей старыхъ извѣстныхъ мастеровъ были передѣланы изъ кремневыхъ въ листовыя. У нихъ были пятиствольные револьверы, даръ незримаго правительства, изъ того огромнаго транспорта оружія который провезли чрезъ Румунію на безчисленныхъ возахъ и въ бродскихъ жидовскихъ бричкахъ, причемъ румынское правительство,

забывъ свои ленныя обязанности предъ Высокою Портою, смотрѣло сквозь пальцы и не мѣшало транспорту пролетѣть невидимою стрѣлой и невидимо вооружить всю Болгарію отъ Дуная до горы Родопа, отъ Добруджи до Македонскаго Вардара. То были чудесныя подвиги незримаго правительства, какъ доносили агенты и гласили газеты. Газеты напечатаны, стало-быть нельзя не вѣрить имъ, также какъ и бердичевскому календарю: печатныя слова дѣло великое. Въ это время дѣйствительно появилось около сотни американскихъ револьверовъ, доставленныхъ съ другаго полушарія.

У Дышліи былъ всего-на-все одинъ момакъ для прислуги, а ему и горя мало. Въ Зимницѣ жить не дурно: хорошо поить и кормить. Соберутся такъ пойдемъ, а нѣтъ такъ не тронемся. Онъ ладила съ комитетомъ и готовъ былъ ждать, лишь бы не голодать и не зябнуть.

Къ воеводѣ Панайоту должны придти момцы съ сѣрбской границы, изъ Лома, изъ Видина, изъ буйнаго Шаркіюля и изъ полусербскаго Ниша. Онъ воевода Сербской границы, Дышлія воевода Добруджи и Черноморья, Кавгаджія воевода Балканскій, а Филилъ—Дунайскій. Эта перемѣна послѣдовала потому что перемѣны возбуждаютъ людей, доказываютъ дѣятельность, осторожность и прозорливость комитетовъ. Кьючукъ Стефана, коннаго киседжію, нарекли вторымъ Аттилой, воеводой болгарской конницы. Ему самому и двумъ его момцамъ дали по лошади; остальныхъ лошадей онъ долженъ набрать въ Систовѣ, въ этомъ горнилѣ волнений, любимомъ градѣ Іована Шышмана, и въ Плевнѣ, гдѣ киседжіи кони водятся также какъ въ Дели-Орманѣ. Вызженныя кобылы сами приучаютъ жеребятъ къ киседжіи службѣ. Такой конь не покинетъ всадника, и съ труломъ его въ зубахъ примчится въ лѣса и горы; на враговъ онъ бросается бѣшено; если киседжія покажетъ ему кошелекъ съ золотомъ и заткнетъ его себѣ за поясъ, такъ и вѣтеръ его не догонитъ; на лоскутъ онъ прилетитъ какъ соколъ, простоятъ цѣлый день и не тронется съ мѣста. Когда всадникъ сѣзетъ съ сѣзда, онъ, по приказу, и брыкается и стоитъ какъ вколанный; горячій до того что чуть не лѣзетъ изъ шкуры, онъ по волѣ сѣдока становится смирнымъ какъ барашекъ. По горамъ, по скаламъ, черезъ проласта, онъ скачетъ какъ дикая коза; по долинамъ онъ бѣжитъ какъ рѣзвая борзая собака, по водѣ

онъ плыветъ какъ буйволъ; все это въ немъ природное, перепятое отъ матки. Такое плевненскій киседжітскій конь. Монахи Самоводскаго монастыря утверждаютъ что эта гуванская порода лошадей сохранилась чистокровною со времени бича Божьяго, Аттилы.

Время уходило въ ожиданіи.

Въ одно сумрачное утро Марія сидѣла предъ домою на завалинѣ, *шедаръ* испускалъ глухіе звуки подъ ея пальцами, а она плѣла золотую думу, съ начала до конца, о царѣ Лазарѣ, о султанѣ Мурадѣ, о семи братьяхъ Юговичахъ и о сербской дѣвицѣ; она плѣла о битвахъ, о переправѣ черезъ Далъ и о трясинахъ въ Ситницѣ; она плѣла, а оба воеводы, Кавгаджія и Итъ-Оглу, слушали и посматривали то на нее, то другъ на друга. Марія умокала.

Итъ-Оглу одѣлалось грустно.

— Милая сестрица, Богъ зоветъ насъ въ разные стороны, меня далеко на сербскую Мораву, Хаджи Дмитрія въ наши Балканы. Какъ мнѣ ни жаль тебя, сестрица, но ты иди съ воеводой. Каждый человекъ служить лучше на своей сторонѣ, тамъ онъ смѣлѣе, потому что дома. Иди съ нимъ, сестрица, веди его, помогай ему, заботься о немъ какъ заботилась обо мнѣ. Скажи моей Ярынѣ что живъ ея Панайотъ и наломни ребенку объ отцѣ гайдукѣ, теперь воеводѣ. Научи его, милая сестрица, любить болгарскую свободу и болгарскую вѣру какъ любишь ихъ сама: лучшаго наслѣдства я не могу ему завѣщать и оставить.

Марія тоже тоскуетъ, и ей жаль расстаться съ избраннымъ братомъ, съ которымъ она провела столько времени, такъ для нея памятнаго. Она легко привязывается, но понимаетъ что тамъ, на сербской границѣ, она будетъ чужая, принесетъ мало пользы, пожалуй будетъ въ тягость, противъ воли надѣлаетъ собою хлопотъ. А здѣсь, на своей землѣ, въ своихъ горахъ, на своихъ тропинкахъ, она можетъ служить проводницей; тутъ старый прадедъ, старая прабабушка; еще разъ повидаться бы съ ними и еще разъ поклониться бы имъ предъ смертію; она вспомнила Ярину и младенца. Все это быстро промелькнуло въ ея мысли.

— Твоя правда, побратимъ! Видно на то воля Божія чтобы наше побратимство повело насъ въ разные стороны. Если такъво Его воля, то я пойду съ воеводой, буду его побратимкой.

На ея лицѣ и въ ея глазахъ не было замѣтно той любезности которая располагаетъ къ признательности, вызываетъ благодарность. Печальная и задумчивая, она болѣе грустно чѣмъ приветливо взглянула на молодого воеводу и подала ему руку.

— Буду твоею побратимкой; хочешь, воевода?

— Отъ всего сердца, дорогая побратимка! отвѣчалъ онъ, прижимая къ губамъ ея руку.—Я твой побратимъ до смерти и лосѣ смерти, если на томъ свѣтѣ есть побратимство.

Молодой воевода за минуту вступалъ чужеземцемъ на землю своихъ отцовъ; онъ припомнилъ себѣ впечатлѣнія дѣтства и отыскалъ въ нихъ только смутныя воспоминанія о высокихъ горахъ и темныхъ лѣсахъ; теперь же у него есть побратимка, онъ не будетъ чужимъ на своей родинѣ и не останется одинокимъ въ какую бы ни зашелъ лустыню.

На Заладѣ показалась бы странною духовная связь побратимства между молодымъ человѣкомъ и дѣвицей. Еслибъ ее тамъ и ввели въ обычай, она непремѣнно бы кончилась если не супружествомъ, то по крайней мѣрѣ сердечною любовью. На Востокѣ, между Славянами, побратимство остается долгіе годы чисто духовною связью. Побратимъ женится на другой, побратимка выходитъ замужъ за другаго, а побратимство продолжается. На каждый зовъ побратима побратимка бросаетъ мужа и дѣтей и бѣжитъ къ нему на помощь; побратимъ тоже покидаетъ все чтобъ явиться на призывъ побратимки. Эта благородная связь между поломъ сильнымъ и поломъ слабымъ ведется у Славянъ съ глубокой древности; она вослѣвается въ сербскихъ лѣсняхъ и удержалась между Черногорцами и Болгарами во всей своей жизненной силѣ. Свобода и разгулъ воли осятели побратимство между Черногорцами, ускоками или выходцамъ; неволя сохранила его между болгарскими гайдуками и киседжіями. Оно служитъ великимъ пособіемъ для защиты, для возстанія и для всякой народной войны. Побратимцы сражаются въ битвахъ, а побратимки развѣдываютъ, приносятъ съѣстные припасы, распространяютъ между жителями вѣсти, ухаживаютъ за ранеными и больными. Какъ въ хозяйствѣ хозяйка дѣлаетъ все нужное для домашняго быта, а хозяинъ идетъ на работу, такъ на войнѣ побратимка обо всемъ заботится, все устраиваетъ, а побратимъ сражается въ битвахъ: они идутъ рука объ руку и всегда какъ бы дома. Вліяніе побратимства такъ силь-

во что въ славянскихъ краяхъ, между ускоками и гайдуками, дѣвица-побратимка служитъ залогомъ безопасности для чужеземнаго путника, хотя бѣ онъ несъ на себѣ всѣ сокровища Ротшильда или царицы Голкондской.

Къ вечеру прѣѣхали изъ Букурешта члены комитета и комиссары незримаго правительства, и роздали каждому воеводѣ особыя приказанія.

— Ты, воевода Дышля, съ разсвѣтомъ полывешь на пароходѣ въ Галацъ, а оттуда въ Тульчинъ, къ капитану Бегу. Тамъ тебя ждутъ момцы изъ Бѣлграда, изъ двухъ Чамураи * и Чабанъ-Казани, а изъ Градца и Башкіоя, ждутъ возы бурлацкіе. ** Ты быстро движешься къ Дели-Орману, а оттуда прямо въ Балканы, на Шуму. Тамъ начнется восстаніе. По примѣру Шумы поднимется вся окрестная страна. Ты ударишь массами на войско султана, раздавишь войско, отвинишь пушки и сформируешь восточную болгарскую армію.

Воевода Дышля покловился и отошелъ въ сторону, а комиссаръ обратился къ другому:

— Ты, воевода Панайотъ, сегодня же выѣдешь въ Каафать; почтовые лошади готовы. Оттуда, не теряя времени, отправись въ Видинъ и пойдешь къ Хаджи-Дашко, который ждетъ тебя; люди у него готовы. Возьмешь Видинъ, а послѣ Видина Исламъ и Паланку; прежде чѣмъ дойдешь до Ниша, въ твоей западно-болгарской арміи соберется много тысячъ войска.

Тебѣ, воевода Филиппъ, достанется первая битва и первая слава. Съ восходомъ солнца ты ударишь на Ситшовъ. Нашъ Ситшовъ поднимется какъ одинъ человекъ, а за нимъ вся окрестность. Черезъ Плевень, означая свой путь побѣдами, ты

* Большая и Малаа Чамураи, двѣ болгарскія деревни, въ которыхъ числятся до 3.000 Болгаръ. Онѣ богаты, имѣютъ хорошія школы и составляютъ болгарскій оазисъ среди селеній татарскихъ, казацкихъ, могайскихъ и черкесскихъ и стравно населенною Румунами.

** Въ Румуніи дѣлали повозки съ бойницами чтобы перевозить въ нихъ болгарскихъ повстанцевъ черезъ степи Добруджи въ Балканы и Дели-Орманъ. О нихъ токовали столько же сколько о повозкахъ съ косами генерала Мирославскаго; на устройство ихъ собирали дѣльные пожертвованія во всей Болгаріи; но такихъ повозокъ никто не видалъ ни въ Добруджѣ, ни въ Болгаріи. Пугали ими Турокъ, но Турки ихъ не боялись.

пойдешь на стольный градъ Тырновъ. Къочукъ Стефанъ со всюю конницею станетъ подъ твое начальство. Въ Тырновѣ ты провозгласишь свободу Болгаріи и призовешь всѣхъ Болгаръ къ оружію. Немедленно прибудетъ туда правительство, болгарскій патріархъ возсядетъ на Тырновскую кафедру, и тогда мы пригласимъ на тронъ предназначеннаго намъ государя.

— Ты, воевода Дмитрій, не вступая въ бой, но пользуясь битвами воеводы Филиппа, который займетъ непріятеля, пойдешь прямо въ Балканы, къ предгорію Шыбки. Габровъ, Драковъ и Геленка дадутъ тебѣ довольно юнаковъ для начала, а потомъ подоспѣютъ балканскіе горцы и мѣщане изъ Казанлыка, двухъ Зааръ и даже Сливна. Съ ними ты займешь всѣ проходы и станешь защищать ихъ противъ непріятеля чтобы дать намъ въ Тырновѣ время и возможность устроить предбалканскую Болгарію. Ночью переправься черезъ Дунай и утромъ приступи къ дѣлу.

Горсть самоотверженныхъ людей готовится къ битвамъ какъ большое войско, и думаетъ что она большое войско, потому что такъ провозгласило ей устами комиссара незримое правительство!

За Дунаемъ.

Газеты издаваемые въ Букурештѣ, этомъ маломъ Парижѣ народной политики, и въ красныхъ Яссахъ возвѣстили всѣмъ четыремъ странамъ свѣта о наладеніи болгарскихъ повстанцевъ на Оттоманскую имперію. Муза Гомера въ менѣ пышныхъ выраженіяхъ исчислила вождей дружины, силы и средства Грековъ которые шли взять Трою, чѣмъ тѣ въ какихъ газеты *Ромуль* и *Румынская Звѣзда* описывали могучія и несмѣтныя полчища Болгаръ слѣдившихъ, подъ сѣнію креста, полпуть дуноу. Газетные пѣснопѣвцы уже застали трулами болгарскія равнины, когда небольшая кучка мочевъ, въ Зимницкихъ дугахъ, поджаривала мамалыгу изъ кукурузовой муки. Залтіи и мусульманская конница давно рыскали по прибрежнымъ селамъ, накидывались на куръ, на банницы и на болгарское вино, но не на болгарскихъ повстанцевъ. Имъ столько разъ кричали: идуть! идуть! что имъ не вѣрится чтобы они когда-либо пришли. Эти дѣти продаж-

ной матери, проклятые гяуры, настоящие безрогие бараны, толковали между собою Турки, а собачьи дѣти *мегендизъ* * и телеграфисты бѣгають съ газетами къ нашимъ наибольшимъ и шелчуть имъ въ уши: тамъ баба обѣлась горохомъ, будетъ война, будетъ лалба; тамъ момакъ вѣдичъ на баранѣ, приучается къ войнѣ. Монахъ ли нальется льянъ какъ стелька, монахиня ли валяется въ грязи какъ бурлачка, по гяурской привычкѣ, они видять въ этомъ признаки войны чтобы стянуть съ насъ гроши на бакчипъ. Наибольше впрямь или въ шутку притворяются что вѣрятъ и не даютъ намъ, горемыкамъ, обогрѣть себѣ мѣстечко. Гайда сюда, гайда туда! такъ насъ обили съ толку что мы не знаемъ ни чего имъ хочется, ни что намъ дѣлать. Съ чего начать? Въ Добруджѣ говорятъ: скажи враже якъ ланъ каже—и дѣлу конецъ. Эхъ, проклятые! Молодка поднеси винца! Чорбаджія засылай лошадямъ ячменя вволю.

Такъ они сторожатъ на Дунаѣ.

Небо ласмурно, мѣсяца не видно. Небесная луна испугалась земнаго креста и спряталась за туманныя облака; только звѣзды кое-гдѣ заискрятся яснымъ окомъ и снова закроются облачнымъ яшмакомъ; онѣ тоже любопытны, но прячутся подъ покрывало какъ будто онѣ омусульманились въ гаремѣ мѣсяца. Неудивительно что надъ этою землей, подвластною мусульманскому скипетру, висится мусульманское небо, чтобы сохранить въ цѣлости все зданіе мусульманства—Исламъ Аллаха всемогущаго, Аллаха грознаго.

Дунай затихъ предъ утреннею зарей, птицы еще спать, а лѣвивья рыбы потягиваются на двѣ рѣки и поворачиваются съ боку на бокъ на мягкомъ пескѣ.

Отъ зимницкихъ береговъ отчалило нѣсколько лодокъ. Румунскіе милиціанты и пограничные стражники помогли людямъ сѣсть въ лодку и толкнули лодки въ воду. Полыло войско двухъ воеводъ и съ ними двѣца Мэрья. То была болгарская армада высланная невидимымъ правительствомъ противъ видимаго. Когда армада причалила къ отоманскому берегу, милиціанты и стражники выстрѣлили изъ карабиновъ, послѣ чего первые сѣли на лошадей и поскакали во весь озоръ въ Букурешть и въ Гюргевъ. Заиграли телеграфы: нападенье, нападенье на Отоманское государство, на землю

* Мегендизъ—инженеръ.

султана, леннаго владѣльца Румуніи! Вѣрные ленники не могли противостать такой мощной силѣ, не могли удержать ее, потому что у Румуновъ было только двѣ тысячи лѣхоты и конницы, съ двумя пушками и тремя полковниками. Не могли, а потому бунтовщики переправились;—набѣгъ ужасный! Но вѣрный и преданный князь господарь шлетъ вѣсти объ измѣнѣ, о такомъ неслыханномъ нападеніи въ Руцукъ и въ Стамбуль. Пусть султанскія войска сражаются, разгоняютъ и подавляютъ непріятеля, а они, Румуны, стануть на Дунай и будутъ дружески на то смотреть; когда же бунтовщиковъ разобьютъ и они обратятся въ бѣгство, тогда Румуны обѣщаются переловить по одиночкѣ всѣхъ бѣглецовъ и утопить ихъ въ великой рѣкѣ, въ доказательство тому какъ князь господарь уважаетъ Парижскій трактатъ и какъ Румунскій народъ поддерживаетъ своего господаря при всякой опасности угрожающей власти султана или вѣрѣ Ислама. Добрый Румунскій народъ и его господарь вѣрные ленники, готовые броситься въ огонь и противъ меча, какъ въ средніе вѣка. Они посылаютъ въ Стамбуль дары за дарами и шлютъ туда привѣтливыхъ бояръ и модныхъ боярынь, а Высокая Porta и всѣ турецкіе сановники имъ вѣрятъ, полагаются на нихъ какъ на самихъ себя, потому что за нихъ орудуютъ Армяне и Греки. Посланники и драгоманъ тоже ихъ поддерживаютъ: надо вѣрить Румунамъ, а не собакамъ Славянамъ. Славяне только кровь и жизнь свою могутъ отдать государству и султану, потомукъ Нѣманичей по женскому колѣну, въ жилахъ котораго течетъ славянская кровь; и служатъ они на колѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, подъ турецкимъ знаменемъ, въ казачкомъ строю, хотя ихъ отталкиваютъ и презираютъ потому что это желательно Грекамъ и Армянамъ, потому что австрійскій посланникъ называетъ ихъ псами Славянами.

Съ тоски и горя эти псы повзбѣсились и полетѣли на погибель. Не будетъ отъ того никому никакой пользы, развѣ только дьяволу или Нѣмцу.

Момцы, воеводы и съ ними дѣвица Марья вышли на берегъ, поцѣловали болгарскую землю и ударили ей челомъ. Поль прочелъ по-болгарски молитву, и они помолились. Встали и начали считать много ли ихъ; оказалось такъ мало что они устыдились. Не хватило бы ихъ на облаву бею, владѣльцу чифлика; съ такою горстью людей не вышелъ бы бей на

охоту, даже за зайцами. Такое одиночество ихъ олеачало; ни свой, ни врагъ не бѣжить и не идетъ къ нимъ на встрѣчу—словно свѣтъ отъ нихъ отрекся и обличалъ ихъ ничтожество. Сознаніе стыда и безсилія легло тяжелымъ камнемъ на ихъ сердце; они рады бы были вернуться, но широкій Дунай плыветъ какъ плыль, румунскихъ лодокъ нѣтъ, а Румыны стрѣляютъ съ другаго берега, и свинець хлещетъ по водѣ. Посмотрѣли въ поле, въ сторону шырманскаго Сиптова, на Балканы,—и тутъ ничего не доглядѣлись. Только воронъ летитъ по воздушной дорогѣ изъ болгарскаго Бѣлграда въ Бѣлградъ сербскій и каркаетъ о болгарскомъ позорѣ. Къючукъ Стефанъ поскакалъ въ степь на киседжійскомъ аргамакѣ; за нимъ поѣхали двое изъ болгарской конницы, понеслись, потерялись въ открытой степи и исчезли— снова уединеніе. Какъ нѣкогда украинская дѣвушка грустила о Татарахъ, зачѣмъ долго не ѣдутъ въ гости, такъ Марья въ душѣ своей желала чтобы скорѣе показались враги Турки и поглядывала на побратима; онъ стоялъ сумрачный и блѣдный, смотрѣлъ на дѣвushку какъ на раду, какъ бы желая вычитать въ ея глазахъ что тутъ творится и что съ ними будетъ. Въ отчаяніи онъ ухватился за рукоять ятагана и проговорилъ сквозь зубы:

— Намъ измѣнили, насъ выбросили и никто не идетъ насъ взять.

Воевода Тотуй сидѣлъ на муравѣ, пересчитывалъ изъ кошеля червонцы и опять ихъ туда всылалъ: жаль ихъ ему, нужно ихъ хорошенько запрятать, измѣна явная—бѣда намъ, бѣда!

Воевода Дмитрій говоритъ:—Поѣдемъ впередъ! ноги у насъ есть, земли предъ нами вдоволь, впередъ!— и устремляетъ глаза на Балканы.

Воевода Филиппъ возражаетъ:—Надо подождать—кто слѣшитъ, тотъ чорту угодить, а кто ждетъ, тотъ чего-нибудь да дождется.

Такъ они отдыхали когда въ степи показалась конница. Ѣдетъ одинъ всадникъ, не далеко за нимъ другой, и скачутъ они быстро: узнали своихъ. Оба воеводы спросили разомъ:

— Какія вѣсти? Гдѣ Къючукъ Стефанъ?

Оба всадника слѣзали съ лошадей въ полыхахъ.

— Вонъ тамъ у ручья черные бараны, при нихъ четыре

чабана, да двѣ собаки косматыя. Мы за ними—они бѣжать, мы хотимъ поймать ихъ за чубъ—они выбрались на дорогу, собаки хватала лошадей за ноги, такъ и ушли въ Сипшовъ, а мы не достали языка и вернулись—совсѣмъ съ панталыку сбились.

— А Кьючукъ Стефанъ?

— Полетѣлъ за караваномъ, вонъ туда подъ горы; мелькнулъ большой караванъ. Кьючукъ Стефанъ человекъ бывалый, знаетъ край и обычай, онъ тамъ свое возьметъ.

Изъ того что видѣли и рассказали всадники трудно вывести какое-либо заключеніе. Воеводамъ словно клинъ вбили въ голову. Они сидятъ молча, размышляютъ каждый самъ про себя, посматриваютъ другу другу въ глаза и не придумаютъ ничего такого о чемъ могли бы заговорить.

Побратимка стала посреди ихъ.

— Тебѣ, воевода Филиппъ, приказано ударить на Сипшовъ, гдѣ тебя ждутъ. Чабаны теперь вѣрно уже принесли вѣсть; не заставляй долго ждать, чтобъ не заждался. Надо ковать желѣзо пока горячо. Покуда человекъ не оправился отъ впечатлѣнія, онъ готовъ броситься въ огонь и въ воду, а какъ оправится, то одолеваетъ его страхъ и онъ лѣзетъ назадъ. Нужно идти. А ты, воевода Дмитрій, слѣши въ горы, туда тебѣ дорога, слѣши пока караванъ не спустился въ долину; кто знаетъ что это за караванъ. Слѣшите оба, не теряйте времени. Во имя Божіе, во имя Болгаріи, поднимайтесь и отправляйтесь.

Момцы встали, положили ружья на плечо и были готовы; каждый воевода сталъ предъ своимъ отрядомъ.

Они обрадовались что сжалился надъ ними Богъ и устами двѣицы сказалъ имъ: встаньте и идите! Идти — и душѣ не такъ скучно, и сердцу не такъ стыдно. Остановка, выжиданіе — смерть, а движеніе — жизнь. Двѣицой привѣтъ ободрилъ ихъ.

Первый тронулся Хаджи Дмитрій, задумчивый побратимъ; вслѣдъ за нимъ пошла побратимка, а за ними двинулись момцы-юнаки. Они шли большими шагами, угрюмые и печальные, погруженные въ глубокую думу; походили они больше на погребальное шествіе чѣмъ на отрядъ повстанцевъ-охотниковъ.

Собрался въ путь и Филиппъ съ своимъ войскомъ. Онъ бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Когда-то я читалъ въ Священномъ Писаніи что по изволенію Божію заговорилъ осліпа; по тому же изволенію, отчего не заговорить момѣтъ, да еще такой красивой, такой сметливой, такой разумной и гордой какъ дѣвица Марья? Счастливицкѣ Хаджи Дмитрій! Ни господарь, ни бояре никогда не повѣрятъ чтобы могло быть что-нибудь похожее на побра- тимство. Въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Бечѣ* и въ Лондонѣ они братались иначе. Охъ! не повѣрятъ они нашему побра- тимству, чистому, свѣтлому, безгрѣшному, проникнутому пра- отеческимъ духомъ. Можетъ-быть это глупо и смѣшно, но таково нашъ обычай. Можетъ-быть лучше бѣ было побра- таться съ букурештскимъ Галелемъ или съ молдавскимъ Ге- оргіемъ, тамъ любовь брѣнчить деньгами, можно набить кошель серебромъ и золотомъ!—Нѣтъ, мы Славяне.—Дудки! имъ нужны Нѣмцы, Нѣмцы съ ними и братаются; а намъ Славянамъ надо держаться старины, жить по-нашему.

Филиппъ человѣкъ бывалый, ѣдалъ онъ хлѣбъ не изъ од- ной печи, пивалъ венгерское въ мадьярскомъ Пештѣ, въ гостиницѣ Трехъ Королей, въ Вѣнѣ курилъ табакъ подъ ярлыкомъ Трехъ Королей и потягивалъ баварское пиво въ гостиницѣ Золотаго Барашка. Даже въ Царьградѣ онъ, вмѣ- стѣ съ Поляками, сиживалъ за столомъ у Тотфалуша, по- литикавилъ и ѣлъ свиные котлеты. Ясы, Букурешть и Гюргево онъ зналъ какъ свой карманъ, съ Братіанами, съ Голес- ками, съ Розе и Болякомъ онъ былъ за панибрата. Тикамъ, Стурдзамъ, Рибескамъ и Стирбелямъ онъ прислуживалъ сколько могъ, то лошадкой, то смазливимъ личикомъ, то золотомъ за увѣсистые проценты. Онъ бывалъ въ палатахъ у князя Ку- зы и даже у теперешняго господара. Жилось ему хорошо, но ему захотѣлось сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, вои- номъ, и онъ записался въ комитетъ, словно продалъ душу дьяволу. Онъ, правда, сталъ воеводой, но кто знаетъ не бу- деть ли онъ завтра возить воду въ Руцукской тюрьмѣ или болтаться на какой-нибудь висѣлицѣ. Онъ горько сожалѣлъ о своей судьбѣ, но шелъ въ Ситшовъ и шелъ съ войскомъ потому что обѣщанное нужно исполнить, да и задатокъ уже взять.

— Я поклялся Гѣргію честью что войду въ Ситшовъ, и войду.

* Вѣна по-славянски называется Бечъ.

Войско воеводы шли какъ идутъ болгарскіе жнецы Шолы* на жнитво; ружейные стволы блистали какъ серпы. Они шли тропою и разбрелись по обѣимъ сторонамъ дороги.

Въ Оштовѣ находилось тогда до пятидесяти лѣшихъ и конныхъ счастливецевъ залтievъ, которые наѣдались курами и банныцами и наливались дунайскимъ виномъ. Случайно, на походѣ, тамъ же ночевалъ полуэскадронъ румелийской кавалеріи съ векиль-юзбашей,** дерзкимъ и свирѣпымъ Джаферъ-агой, родомъ изъ Анатоліи, рожденнымъ въ Спартѣ, хотя и не лакедемонской, но тѣмъ не менѣе Спартанцемъ. Онъ слышалъ на разсвѣтѣ выстрѣлы за Дунаемъ, но не выслалъ на развѣдку своихъ кавалеристовъ чтобы не будить ихъ и не помѣшать отдыху лошадей; но онъ послалъ чауша къ каймакану и къ юзбашу залтievъ узнать что за переполохъ на румунскомъ берегу.

Каймаканъ отвѣчалъ:

— Румыны потѣшаются, шенникъ*** справляютъ; есть у нихъ лишній порохъ и лишнее оружіе; а какъ они трусы и не смѣютъ идти противъ людей, такъ и стрѣляютъ по воробьямъ; мы къ этому привыкли. Поздравь отъ меня векиль-юзбашу и скажи ему чтобы онъ спалъ спокойно на оба глаза и не тревожился.

Юзбашу залтievъ самъ пришелъ къ векиль-юзбашу кавалеріи. Послѣ привѣтствія и выкуривъ сигару онъ сказалъ ему:

— Они стрѣляютъ по уткамъ или по рыбѣ; теперь прилетѣли на рѣку стада утокъ и рыба гуляетъ, а Румыны больше охотники чѣмъ воины; бояться ихъ нечего. Толкують о какомъ-то сборѣ Болгаръ; да посмѣютъ ли эти скоты подняться противъ насъ? Они такіе же безрогіе бараны какъ Румыны, только поглупѣе. Одни зайцы бояться такихъ людей.

Такъ бесѣдовали между собою юзбашу и векиль-юзбашу. Выкуривъ сигары они стали лить кофе, не чернымъ, но со слив-

* Шолы—болгарскіе горцы изъ Родопа и съ южныхъ горъ, народъ добрый и трудолюбивый. Это болгарское племя ближе подходит къ Славянамъ чѣмъ къ Гуннамъ. Болгары равнины, отъ Дуная до сѣвернаго подножія Балкановъ, носятъ на своемъ лицѣ явные признаки гуннскаго происхожденія.

** Векиль-юзбашу—штабсъ-капитанъ, юзбашу—капитанъ.

*** Шенникъ—правдикъ, потѣха, съ падьбой и плаюминаціей.

ками, а потомъ привялись за ракію и усердно ее потягивали. Вдругъ вбѣжалъ залыхавшійся залтій:

— Аманъ, аманъ! Непріятель у города! Аманъ, аманъ! гайда! Что мы станемъ дѣлать?

Онъ весь дрожалъ отъ страха или отъ чрезмѣрнаго волненія. Едва допытались отъ него что четыре чабана видѣли большое непріятельское войско которое шло съ Дуная прямо на городъ, что теперь оно уже стоитъ предъ городомъ, а можетъ-быть и въ городѣ. Чабаны уже въ гукъюметѣ; * каймаканъ приказалъ связать ихъ какъ жертвенныхъ барановъ и засадить въ тюрьму; залтievъ же онъ не выслалъ на развѣдку и на защиту города, но приказалъ имъ арестовать и привести къ нему въ домъ всѣхъ богатыхъ и достаточныхъ торговцевъ, чорбаджievъ. Достанется ему хорошая пожива.

Векиль-юзбаши, Спартанецъ Джаферъ-ага, приказалъ скорѣе протрубить чтобы сѣдлали и мундштучили лошадей. Слава Богу, думаетъ онъ про себя, меджасъ въ гукъюметѣ еще не написалъ мазбату чтобъ я шелъ оборонять городъ; скорѣе убираться!

И выѣхалъ онъ, не строясь, ни эскадромъ, ни рядами, а по одиночкѣ, въ галоль, чтобы скорѣе выбраться изъ города и не встрѣтиться съ наладающими, но разойтись съ ними не выдавъ другъ друга. Увы! на этотъ разъ оправдалась старая поговорка что человекъ стрѣляетъ, а Богъ лули направляетъ. Только-что конница выѣхала изъ города, какъ она встрѣтилась носомъ къ носу съ войскомъ воеводы. Оба отряда остановились какъ вкопанные и переглядывались; вдругъ раздался выстрѣлъ изъ города, и оба военачальника въ одинъ голосъ скомандовали: назадъ, утекай!

Оба отряда повернули тыломъ и погнали, конница въ поле, а дружина воеводы къ рѣкѣ. Изъ города выскочили мусульмане и христіане, вооруженные кто ружьемъ, кто ятаганомъ или саблей, кто дубиной или топоромъ; они бросились на повстанцевъ и пошли ихъ рубить, колоть, стрѣлять, бить и въ рѣкѣ толпить. Ихъ перестрѣляли, перебили, перетопили и перехватили въ лѣвнѣ: ни одинъ не добрался до румынскаго берега чтобы дать случай прославиться румынскому войску, ни одинъ не убѣжалъ живой въ поле чтобы разказать о томъ что стало съ воеводскимъ войскомъ.

* Гукъюметъ—казенный домъ гдѣ помѣщается управленіе или живетъ чиновникъ.

Каймаканъ еще не закончилъ слѣдственнаго допроса торговцевъ и чорбаджіевъ когда привели къ нему въ домъ нѣсколько лѣвниковъ, а Спартанецъ со своимъ полувѣскадронномъ шумно вѣхалъ рысью во дворъ гукъюмета, какъ участникъ въ побѣдѣ. Онъ ругалъ Болгаръ, поносилъ ихъ отцовъ и матерей и ломаживалъ надъ гяурами саблей. О, какъ охотно овъ посрѣзвалъ бы имъ головы есаибы только позволили!

Мутасарифъ, извѣщенный телеграфомъ изъ Гюргева, изъ Букурешта и изъ Видина, примчалъ въ коляскѣ на почтовыхъ; за нимъ, въ коляскахъ и въ бричкахъ, пріѣхали консулы, чиновники и драгоманъ державъ подписавшихся и не подписавшихся подъ Парижскимъ трактатомъ. Экипажи сопровождала галопомъ и рысью цѣлая ватага разныхъ чубукчи, кафеджи, чамашырдовъ, гайвасовъ, саусовъ,* на лошадахъ, на мулахъ и на ослахъ, въ салогахъ и босикомъ, въ шароварахъ и безъ шароваръ, въ гуняхъ, въ челкинахъ и во франкскомъ платѣ. Приказано слѣшито чтобы захватить на дѣлѣ остальныхъ бунтовщиковъ.

Въ Ситтовѣ уже ожидали съ привѣтствіями и поздравленіями румунскіе полковники, майоры, капитаны и разные чиновники. Чтѣ за вѣрные денники эти Даки, и какіе они предусмотрительные! Они привели четверню высокихъ, ровныхъ какъ смоль лошадей, въ серебряныхъ шорахъ, не подъ султанскія лушки, а съ вѣнскимъ ландо, чтобы великій лама могъ объѣхать поле битвы. Это даръ князя господаря. Какой овъ вѣрный и усердный! Онъ стремится надежнымъ путемъ къ дакской коронѣ и доберется до нея.

Великій лама, вполнѣ довольный, чуть не долнулъ съ гордости что сласть государство отъ такой погибели.

Онъ сказалъ каймакану:

— Будешь за твои заслуги мутасарифомъ, и скоро.

Векиль-юзбаши:—Дослужись до мираала; не даромъ ты родиася въ Спартѣ.

Юзбаши залтіевъ:—Назначу тебя алай-бегомъ перваго новаго вилаета.

Похвалы и награды залтіямъ, бараны и пилавъ конкицѣ, а народу ничего, даже не сказали спасибо. Зачѣмъ овъ

* Чамашырда—хранитель платя, гайвасъ — поваръ, саусъ — котлетъ.

мѣшается не въ свое дѣло? безъ него управились бы еще лучше; на то есть низамъ, кануны * и танзимать.

Привели лѣвниковъ; ихъ было восемнадцать. Великій паша спросилъ:

— Кто изъ васъ Филиппъ Тотуй или Фотий?

Глухое молчаніе. Великій паша закричалъ:

— Гдѣ Филиппъ? говорите!

Одинъ изъ лѣвниковъ низко поклонился:

— Великій, свѣтлый паша, ладшахъ болгарскій! Филиппа нѣтъ въ живыхъ;—трулъ его лежитъ на днѣ Дуная.

— Какъ такъ?

— Я былъ при немъ. Онъ умиралъ отъ многихъ ранъ, и я собственными руками бросилъ его въ рѣку. Клянусь твоимъ саномъ, твоею свѣтлостію, что говорю правду, и въ доказательство кладу къ твоимъ столамъ знаки его воеводства, данные ему комитетомъ.

— Онъ положилъ на полъ предъ пашой золотую медаль и бумаги, а самъ растянулся на землѣ, лизалъ языкомъ и цѣловалъ устами прахъ изъ-подъ его ногъ.

— Встань, человѣкъ, и говори правду какъ до сихъ поръ. Знаешь ли всѣхъ кто былъ въ бандѣ изъ моего санджака?

— Знаю.

— Лѣвникъ высчиталъ всѣхъ убитыхъ, а потомъ началъ называть имена и прозвища такихъ людей которые никогда въ болгарской землѣ не жили и въ Болгаріи не были. Слова шлись у него рѣчкой, безъ остановки и заминки, а писаря торопились ихъ записывать какъ стенографы.

Великій паша улыбался.

— Согрѣшилъ, а человѣкъ хорошій, ничего не утаиваетъ, все говорить.

Его долго и обо всемъ допрашивали; онъ все разказывалъ.

Потомъ приступили къ допросу другихъ лѣвниковъ; эти упорно молчали, несмотря ни на толчки залтѣевъ, ни на угрозы и брань пашы; только нѣкоторые изъ нихъ произнесли: не знаю.

Великій паша пересчиталъ ихъ, подумалъ и сказалъ:

— Этихъ семнадцать тотчасъ ловѣсите на всѣхъ улицахъ Сихтова, а этого, который говорилъ правду, доставить въ Русукъ. Джаферъ-ага возьметъ его съ собою. Обращаясь къ лѣвнику, паша спросилъ:

* Кануны—устанъ, уложеніе.

- Знаешь ли ты руцукскихъ чорбаджіевъ?
- Знаю, свѣтлый паша!
- Увидимъ. Можетъ-быть испрошу тебѣ помилваніе; только говори правду.

Никто не вымолвилъ слова, хотя и стояли тутъ всѣ чины междиса и эфенди и духовенство; никто не заикнулся, потому что никого не спросили: стало-быть всѣ согласны. Даже консулы, съ калитуляціями и правомъ надзора, блюстителю Парижскаго трактата, хранили глубокое молчаніе. По-коробило только ихъ канцеляристовъ, потому что между ними были Болгары. Драгоманъ, по большей части Поляки, покрутили усы. Какъ католики они боролись съ панславизмомъ и панортодоксіей.

Великій паша самъ продиктовалъ донесеніе которое немедленно нужно было отправить съ мѣста событія. Въ донесеніи говорилось о томъ какъ многотысячныя банды напали на санджакъ, какъ каймаканъ переловилъ всѣхъ подозрительныхъ людей, а кавалерія изрубила и истребила банды; какъ запретили народу братья за оружіе, чтобы предотвратить внутреннія смуты; какою вѣрностію отличались ленники Румыны и какое рвеніе показалъ князь господарь. Паша не забылъ упомянуть о содѣйствіи консуловъ дружественныхъ державъ. Все было такъ устроено и написано чтобъ и воакъ былъ сытъ и коза осталась цѣла, а досталось бы только висельникамъ-Болгарамъ. Паша удостовѣрялъ что побѣда одержана великая, неслышанная, и доносилъ что десять тысячъ мятежниковъ ушли въ горы съ Хаджи Дмитриемъ; но что гражданскія и военныя власти двухъ вилаетовъ имъ о томъ предувѣдомлены и что ни одинъ бунтовщикъ не уйдетъ живымъ.

Такъ распорядившись паша со всѣми простился, всѣхъ поблагодарилъ, сѣлъ въ ландо и объѣхалъ всѣ висѣлицы на которыхъ болтались Болгары, а яотомъ отправился по дорогѣ въ Руцукъ.

Драгоманъ тутъ же написалъ статьи во всѣ европейскія и не-европейскія газеты, даже извѣстилъ орденъ Воскресенія изъ Мертвыхъ * въ Римѣ и самого папу что паша пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, сразу уничтожилъ панславизмъ и панортодоксію, и вѣчная имъ память.

* Орденъ основанный въ Римѣ польскими выходцами послѣ польскаго возстанія.

Пока совершалась эта расправа подъ Ситшовымъ, киседжія Кьючукъ Стефанъ и его киседжіи конь, почувявъ бакавскій вѣтеръ, такъ оба разгулялись что забыли Божій міръ и воеводское войско. Они подзадоривали другъ друга, быстро и рѣзво скакали вправо и влѣво, по полямъ и по дугамъ, и домчались до кустовъ и зарослей которые зовутся воачымъ лѣсомъ. Кьючукъ вѣхалъ на козмику и оглянулся кругомъ себя: назади тянулась равнина до самаго Дуная, а на ней чабаны пасли буйволловъ и овецъ.

Онъ посмотрѣлъ на горы и увидалъ на курганѣ двухъ всадниковъ. Глазомъ киседжіи онъ разомъ призналъ ихъ за двухъ кавалеристовъ низама; одолѣть двоихъ ему съ своимъ воронымъ конемъ не трудно: надо попытать счастья, на то онъ киседжія. Онъ отправился въ объѣздѣ знакомыми ему тропами. Всю эту околицу онъ зналъ лучше своего кармана, потому что собиралъ съ нея въ свой карманъ по-дать, въ доброе для киседжіи время, когда мурза царевалъ въ Болгаріи. Былъ этотъ мурза отцомъ для киседжіевъ, кротко, по-отцовски, увѣщевалъ ихъ и журилъ; журилъ и приговаривалъ: въ другой разъ не попадайся, достанется крѣпко. У Грековъ били не за воровство, а за то что краденаго добра не умѣли хорошенько припрятать. Ты христіанинъ, знаешь законъ: Божье Богу, а мнѣ, твоему владыкѣ, мое. Благодатная была пора! людей Божиихъ не вѣшали, и Моканъ меньше тѣснили, чтобъ они, распродавъ барановъ и лошадей, могли скорѣе возвращаться домой къ женамъ и дѣтямъ. Всѣ были довольны, и не приводилось гайдукамъ да киседжіямъ шлаться нищими и добывать себѣ хлѣба бунтомъ, какъ привелось мнѣ телерь.

Стефанъ предался такимъ размышленіямъ и положился влопавъ на смѣтливость своего коня. * Вороной началъ хралѣть и улпираться; онъ ударилъ его стремениами.

— Охъ ты кляча! Волковъ боишься, гаулая скотина? Волки вамъ братья; мы гоняемся за разною добычей и съ ними не лерегрыземся.

* Въ Делю-Орманѣ и на равнинахъ Плавны лошади такъ умны и повѣтаны что имъ не достаетъ только дара слова. Одни говорятъ что ихъ учатъ старые киседжіи поселившіеся въ Плавнѣ и въ Делю-Орманѣ, другіе, что ихъ приучаютъ матки, ходившія смолоду подъ киседжіями. Катырджіи, отдающіе въ наемъ муловъ, ѣздятъ не на жеребцахъ, а на ваахскихъ меринахъ или на кобылахъ, какъ Арабы.

Воровой шелъ; но хралѣлъ и высоко поднималъ ноги, какъ бы стараясь пріободриться съ испугу, а Стефанъ смотрѣлъ на двухъ всадниковъ на курганѣ. Они слѣзали съ лошадей и легли на мураву, не то спать, не то отдыхать.

Онъ уже отпустилъ поводья чтобы дать волю Вороному и вынималъ, по киседжійской привычкѣ, изъ-за пояса пистолеть, когда сзади раздался топотъ копытъ и шумъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ что нѣсколько десятковъ всадниковъ, вытянувшись въ рядъ, ѣдутъ на курганъ. Вороной умнѣ меня, подумалъ Стефанъ, но не растерялся. Онъ засунулъ пистолеть за поясъ и прямо поѣхалъ на курганъ, трепля по шее Вороного, какъ ни въ чемъ не бывало, и стараясь казаться совершенно спокойнымъ. Онъ остановился предъ спящими, связъ съ лошади и подошелъ къ нимъ когда они вставали. По галунамъ на рукавѣ, одному серебряному, другому золотому, онъ узналъ юзбашу. Поклонившись ему низко, онъ поцѣловалъ поду его платья.

Юзбаша протиралъ глаза.

— Что за человекъ?

— Цѣлую твои лоды. Я издаалека видѣлъ какъ вы ѣхали и послѣшилъ къ вамъ—не пригожусь ли на что-нибудь? Я старый казакъ низама изъ Дели-Ормана, а теперь киседжия, когда подвернется пожива во здравіе царя и во славу Ислама.

Юзбаша оглядѣлъ его съ ногъ до головы и закричалъ:

— Реджебъ чаушъ, лоды сюда!

Подошелъ усатый чаушъ съ двумя медалями на груди потертаго мушкетера. Онъ вытянулся, приложилъ ко лбу руку, откинулъ ее назадъ и сталъ какъ верстовой столбъ.

— Бывалъ въ Дели-Орманѣ съ казаками?

— Да, господи! Онъ опять поднесъ руку ко лбу и опустилъ ее къ ногѣ.

— Знаешь этого дѣтину?

Реджебъ водилъ глазами по Стефану, не говоря ни слова. Онъ искалъ незнакомца въ своей лампаты и не могъ его припомнить. Юзбаша вздумалъ ему пособить, и обращаясь къ Стефану спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Кьочукъ Стефаномъ.

Чаушъ вдругъ пересталъ стоять на вытяжкѣ.

— А Кьочукъ Стефанъ! бѣдовый молодець, знаю!

Стефанъ сталъ вспоминать о разныхъ набѣгахъ на Алфа-

тарь, на Бабокъ, на Айдымиръ, и о какихъ-то гусяхъ подъ Союджукъ, которыхъ бимбаши, Англичанинъ назначенный военнымъ инспекторомъ турецкой кавалеріи, принявъ за полки бѣлыхъ русскихъ кирасиръ, и отступилъ даже до Рахманъ-Ачиклара, а казаки подослѣли на выручку, переловили кирасиръ, сжарили ихъ на вертелѣ и съѣли.* Стефанъ разказывалъ, всѣ слушали, а добродушный чаушъ Реджебъ чуть не расплакался.

— Все правда—правду говорить—я за него ручаюсь какъ за себя.

Юзбаша, тоже человекъ добрый, посоветовался съ мулазимомъ ** и сказалъ:

— Ну ладно, ступай съ чаушомъ. Пойдешь съ нами до Руцукъ. Оттуда пустимъ тебя куда хочешь.

Кьючукъ Стефанъ поклонился и отошелъ въ сторону не сказавъ ни слова. Онъ ни о чемъ не просилъ, не позволялъ себѣ никакихъ увертокъ чтобы снова не навлечь на себя подозрѣнія, и продолжалъ разказывать о Дели-Орманѣ. По обычаю охотниковъ и солдатъ вспоминали бывалое и небывалое.

Юзбаша и мулазимъ замѣтили:—Кажется онъ честный и хорошій Болгаринъ, киседжія; но вѣдь толкуютъ о какихъ-то войскахъ и о войнѣ. Береженого Богъ бережетъ. Впрочемъ такъ слѣдуетъ по визаму и канузмъ.

Отрядъ конницы скоро пошелъ по дорогѣ въ Руцукъ. Это была вторая половина эскадрона такъ славно дѣйствовавшего подъ Сиптовымъ; начальникомъ отряда былъ старый юзбаша, пожизненный командиръ эскадрона. Шли длинною вереницей, а Кьючукъ Стефанъ ѣхалъ рядомъ съ чаушомъ Реджебомъ. Киседжія смотрѣлъ весело, но ему было стыдно, и вороной конь его стыдился за себя и за сѣдока. Старый воробей попался въ западню; киседжія посрамилъ свое ремесло

---

* Въ 1854 году, англійскій эскадронный начальникъ, присланный для обученія военному дѣлу турецкой кавалеріи, находясь въ Дели-Орманѣ, донесъ что на нѣтъ наступаютъ русскіе бѣлые кирасиры и самъ убѣжалъ съ двумя эскадронами турецкой конницы. Высланные на мѣсто казаки увидѣли, вмѣсто кирасиръ, стаи бѣлыхъ гусей. Птицъ переловили, сжарили и съѣли. Англичанина, по представленію лорда Редклифа и по приказанію лорда Пальмерстона, произвели въ подполковники.

** Мулазимъ—перучикъ.

и ласкается къ Туркамъ, какъ волкъ пойманный въ яму ластится къ людямъ.

Шли долго, долго, а Кьючукъ Стефанъ все разказывалъ о житьѣ-бытьѣ киседжіевъ, объ ихъ ремеслѣхъ и законахъ, о канунахъ, о низамѣ и о киседжіискихъ продѣлакахъ. Юзбашу и мулазумы къ нему подѣхали и слушали, а онъ все болталъ да болталъ.

Въ разстояніи четырехъ часовъ отъ Руцукъ остановились отдохнуть въ равнинѣ, подѣ небольшимъ дѣскомъ. Кьючукъ Стефанъ разказывалъ такіа чудеса о киседжіискихъ лошадяхъ что ему не хотѣли болѣе вѣрить. Разгоряченный увѣренностію что говорить правду и желаніемъ поддержать честь киседжіискихъ коней, онъ всталъ и сказалъ:

— Вотъ я вамъ покажу! Прикажи, юзбашу, двѣнадцати челоувѣкамъ сѣсть на лучшихъ лошадехъ отряда, вели имъ зарядить оружіе пулями, такъ чтобы видѣлъ мой Вороной, и дай имъ горсть серебра или золота, такъ чтобы видѣлъ мой Вороной; когда я вскочу на сѣдло, пусть твои люди меня окружать и стрѣляютъ на вѣтеръ—и тогда смотрите. Въ доказательство же что я не таю дурнаго замысла, я кааду предъ тобою мои листолеты и ятаганъ.

— Оставь ихъ при себѣ, да еще заряди двойными пулями. Двѣнадцать на одного! это былъ бы неслыханный срамъ! Я тебѣ вѣрю. Ну отходи! гей! на конь!

Двѣнадцать всадниковъ уже сидѣли на лихихъ лошадяхъ и заряжали оружіе, а Вороной смотрѣлъ на нихъ и хралѣлъ. Юзбашу отдалъ Стефану свой кошелекъ, все свое достояніе. Киседжіа далъ коню понюхать кошелекъ и побрячалъ монетами. Вороной ударилъ нѣсколько разъ копытомъ по землѣ, Стефанъ вскочилъ на Вороного и вѣхалъ въ середину всадниковъ. Раздались выстрѣлы, и Стефанъ, будто убитый, свалился съ Вороного. Вороной остановился, посмотрѣлъ, представилъ носдри къ лицу киседжіи, дышалъ ему въ ротъ, ходилъ кругомъ его какъ сторожъ, какъ кружится кобылица около своего больнаго жеребенка, и потомъ снова начиналъ его будить своимъ дыханіемъ. Видя что онъ не подаетъ признаковъ жизни, Вороной ухватилъ его зубами за гуно, тяжело приподнял, перенесъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, спустилъ на землю, снова слушалъ, будилъ, даже становился на колѣни, и снова отнесъ трулъ далѣе, повтора нѣсколько разъ такіа материнскія полеченія надъ своимъ киседжіемъ.

Всѣ были удивлены и въ восторгѣ: и люди и лошади вылучили глаза. Вдругъ съ быстротою молніи Стефанъ вскочилъ на Воронаго, помчался во весь опоръ и какъ молнія бросился въ поле. Всадники пустили за нимъ въ логоно и лошадей и пули; пули пролетѣли мимо, а лошади не догнали. Онъ ушелъ отъ нихъ какъ локій заяцъ отъ борзыхъ собакъ, и вотъ онъ исчезаетъ, исчезаетъ и пропадаетъ въ чистомъ полѣ. Турки поразѣвали рты: Проклятый гяуръ! сынъ продажной матери! А молодецъ киседжія, право молодецъ! Ну его съ Богомъ, видно на то Божья воля!— Полпрежнему одни проваживали лошадей, другіе курили трубку и отдыхали.

Въ то же время Джаферъ-ага велъ въ Руцукъ по шоссе свой побѣдоносный полуэскадронъ, и при его лошади, будто конюхъ, шелъ лѣтвнный Болгаринъ. Они шли тихо, ничего не опасаясь. Вдругъ нѣсколько всадниковъ закричали:—ишь летитъ словно вѣтеръ, какъ молнія!

Джаферъ-ага даже не оглянуся и громко скомандовалъ: маршъ, маршъ! Онъ самъ подалъ примѣръ, и весь полуэскадронъ поскакалъ за нимъ въ Руцукъ.

Лѣтвнный Болгаринъ остался среди дороги одинъ на волѣ, когда къ нему подѣхалъ киседжія. Они тотчасъ узнали другъ друга.

— Здорово, воевода Филиппъ!

— Слава Богу, Ключукъ Стефанъ!

Они скоро рассказали одинъ другому быстрый ходъ событий. Оба подумали: кому быть повѣшену, тотъ не утветъ, а кому толнуть, того не повѣсать. Нечего тутъ стоять и ждать. Ты куда, воевода?

— За Дунай, служить Дакскому царю; надоѣла мнѣ компата и Болгары. А ты, Стефанъ?

— Въ Балканы. Я не слуга чужимъ государямъ, буду служить только себѣ и свободѣ болгарской. Счастливыя пути! счастливыя пути! Оба разошлись, каждый въ свою сторону.

Два полуэскадрона встрѣтились подъ самымъ Руцукомъ и разговорились о своихъ пражюченіяхъ. Великій лама узналъ отъ одного Каракачана кто былъ болгарскій лѣтвникъ, но поздно.

Чуждыя дѣла творились, творятся и будутъ твориться въ Божьемъ мірѣ! Убитый, утопленный воскресъ и живетъ съ живыми!

(До слѣд. №).

ПИСЬМА О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

ВЪ ЮГО - ЗАПАДНОЙ РОССИИ

I.

Наша страна есть по преимуществу земледѣльская. Наше главное богатство хлѣбъ. Вопросъ о судьбѣ нашего хлѣбопашества есть безспорно вопросъ государственной важности, и конечно ни одинъ источникъ нашего богатства не имѣетъ большаго права на покровительство какъ хлѣбопашество. А между тѣмъ едва ли у насъ какая другая отрасль государственной производительности такъ брошена на произволъ судьбы какъ сельское хозяйство. Среди всеобщей ломки стараго, среди всеобщихъ улучшеній, дѣйствительныхъ или чуждыхъ, оно одно, сбитое со старой рутины, какъ будто позабыто.

Мы не имѣемъ въ виду входить въ разборъ причинъ такого положенія, возникшаго при быстромъ переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, но только представимъ по возможности полную картину того хаоса въ какомъ оно теперь находится на юго-западѣ Россіи, и скажемъ о тѣхъ мѣрахъ кои кажутся намъ наиболее дѣйствительными къ выводу сельскаго хозяйства на болѣе правильную дорогу.

Начинающій говорить о сельскомъ хозяйствѣ долженъ прежде всего сказать о системѣ его, такъ какъ обыкновенно отъ системы зависитъ все: отъ жареной курицы за обѣдомъ хозяина до свадьбы его дочери включительно. Но здѣсь, у насъ, собственно системы нѣтъ никакой. Въ удовлетвореніе своего самолюбія, назовемъ этотъ хозяйственный хаосъ системой трехпольною съ отдѣльными сѣнокосами. Какова эта система, сейчасъ увидимъ.

Въ трехпольной системѣ, какъ извѣстно, вся предназначенная къ пашиѣ земля раздѣляется на три равныя, по возможности, части: одна засѣвается хлѣбами озимыми, другая—яровыми, а третья оставляется отдыхать отъ двухлѣтнихъ посѣвовъ и называется толокою (на ней толчется скоть до середины юня) или паромъ, потому что со середины юня ее пахутъ, и оставляютъ вслаханною париться, то-есть приводить землю въ положеніе наиболее благопріятное для соприкосновенія съ воздухомъ и доступа свѣта, что ведетъ къ быстрому разложенію находящихся въ ней органическихъ остатковъ отъ прежнихъ посѣвовъ. Тутъ же разлагается и навозъ, оставленный гулявшимъ весной скотомъ. Слѣдовательно, удобреніе предоставляется усмотрѣнію самой природы. Такъ дѣлается и у крестьянъ, и у крупныхъ хозяевъ, но по двумъ разнымъ причинамъ.

Крестьяне попросту говорятъ что грѣшно марать Божью землю такою гадостью какъ навозъ. Помѣщики сылаются на практическую необходимость. Удобреніе навозомъ, говорятъ они, даетъ преимущественно ростъ соломы въ ущербъ колосу, а слишкомъ высокій хлѣбъ при первомъ вѣтрѣ легко полегаеъ, и тогда нельзя собрать и половины, а иногда и четверти урожая. Другія же удобренія, наиболее подходящія къ климату и почвѣ, напримѣръ кость, непомѣрно дороги и оттого не по карману. Впрочемъ мнѣніе это высказывается, кажется, только для очистки совѣсти, такъ какъ всякій знаетъ что если горячій навозъ для горячей почвы не годится, то лежалый, перегорѣлый, очень хорошъ. Колонисты даютъ навозу лежать годъ, и даже два, и затѣмъ уже употребляютъ въ дѣло. Мы не говоримъ о лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ Волынской и Кіевской губерній; тамъ, напротивъ, ходитъ общая поговорка: сколько *навозу* столько и *привезу*.

Что же касается дороговизны фосфорнаго удобрения на которую жалуются наши крупные хозяева, то мы должны

сказаться подробнѣе. Вопросъ этотъ рождаетъ въ насъ мысли весьма грустнаго свойства.

Послѣ отчужденія крѣпостнаго труда, непродуцительнаго уже по своей принужденности, у насъ, точно изъ-подъ земли, выросли рабочія руки существованія коихъ мы прежде и не подозревали. Та работа которую изъ-подъ нагайки прикащика сотня рукъ исполняла цѣлую недѣлю, теперь легко исполняется въ два, три дня: у одного свободнаго работника оказались четыре крѣпостныя руки.

Такое внезапное пріобрѣтеніе рабочей силы не могло не ослѣпить владѣльцевъ громаднхъ естественныхъ богатствъ, которымъ только и не доставало ея для того чтобы голыя степи, на которыхъ паслись полудикіе табуны дрянныхъ лошадей, превратить въ прекрасную пашню, вѣками скопившую въ себѣ громадную производительную силу. Широкія голыя степи зелено-сѣраго цвѣта залестрѣли правильными разноцвѣтными четьреугольниками.

Внутреннее богатство цѣлинныхъ земель оказалось такъ велико что, взямавъ ихъ, нѣсколько лѣтъ еще не рѣшились сѣять колосовыхъ хлѣбовъ изъ боязни черезчуръ высокаго роста ихъ, и прибѣгали сначала къ посѣву истощающихъ корнеплодовъ или льна, или такихъ толстостебельныхъ какъ просо, прежде чѣмъ посѣять пшеницу.

Наконецъ, не прошло и пяти лѣтъ послѣ открытія новой эры нашего сельскаго хозяйства, какъ бывшіе крѣпостные нарасхватъ стали брать ту самую землю по 6 и 8 р. за десятину которую пять лѣтъ назадъ нельзя было сдать и по 1½ р. Такое быстрое и непомерное увеличеніе доходности земель, конечно, не могло остаться безъ послѣдствій для крупныхъ хозяйствъ. Оно и перевернуло ихъ вверхъ дномъ. Прежде степи и скромные переологи гарантировали съ избыткомъ землю отъ возможности истощенія; теперь явилася неслыханный, соблазнительный для владѣльца, спросъ на нихъ. Отдавая эту землю въ наемъ подъ посѣвъ, онъ тѣмъ самымъ, выговаривая у наемателя въ счетъ наемной платы нѣсколько рабочихъ дней, пріобрѣталъ возможность увеличивать и собственные посѣвы, разчитывая при этомъ только на одно количество, на возможность при счастливомъ урожаѣ загрузить въ амбары лобольше зерна. О послѣдствіяхъ неразчетаиваго обращенія съ производительною силой земли думать было некогда; обогащеніе казалось слишкомъ близкимъ, слишкомъ легкимъ.

Послѣ можно было подумать и о приведеніи земель въ порядокъ.

И вотъ, не замѣчая послѣдовательности явленій, не замѣчая что увеличеніе съ каждымъ годомъ посѣвовъ влечетъ за собой неравномѣрное увеличеніе расходовъ обработки при уменьшеніи урожайности, что руки становятся вмѣстѣ съ произведеніями земли все дороже и дороже, что поэтому отсутствіе готоваго оборотнаго капитала становится все ощутительнѣе, они пришли къ горькому заключенію что хозяйничать становится трудно, что уже чувствуется необходимость освѣжить удобреніемъ быстро и безъ толку истощенныя земли. Вотъ причина жалобы на дороговизну удобренія. Безъ обремененія хозяйства, безъ особеннаго даже труда, каждый могъ бы по-немногу приняться за удобреніе: но что значитъ нѣсколько удобренныхъ десятинъ когда подъ посѣвомъ ихъ тысячи? Такимъ образомъ подесятинная отдача земель подъ посѣвъ, отчасти за деньги, отчасти за отработокъ на собственныхъ поляхъ владѣльца, даетъ себя чувствовать очень больно.

Какъ исключенія изъ общаго правила, у насъ бываютъ и отступленія отъ трехпольной системы, а именно: разведеніе свекловицы и льна, послѣ чего разчетливые хозяева даютъ землѣ два года отдыха, между тѣмъ какъ неразчетливые считаютъ это излишнею нѣжностью. Намъ случалось видѣть и полное отступленіе отъ принятаго сѣвооборота: въ одномъ имѣніи, на 500 десятинахъ, было ведено семь различныхъ плодоперемѣняемыхъ сѣвооборотовъ, — всѣ изобрѣтенія самаго хозяина и всѣ безъ травосѣянія, такъ какъ травосѣяніе невыгодно.

Но крестьяне строго держатся освященныхъ обычаемъ и мудрою старинною трехъ полей уже по той причинѣ что перейти имъ на другой сѣвооборотъ можно не иначе какъ всѣмъ міромъ, такъ какъ земля есть собственность не личная, а мірская.

Есть у насъ еще блаженной памяти и переложное хозяйство. Оно удержалось на казенныхъ земляхъ сдаваемыхъ въ долгосрочную аренду, съ обязательствомъ для арендатора вести переложное хозяйство.

Но объ этихъ арендахъ мы поговоримъ послѣ.

Самымъ типичнымъ хозяйствомъ, самымъ распространеннымъ притомъ является у насъ хозяйство частныхъ арендъ.

Это даже и трехпольнымъ назвать нельзя. Оно слыветъ у насъ подъ названіемъ арендаторскаго.

Долгосрочныя аренды не въ употребленіи; на нихъ смотрятъ косо. Обыкновенный срокъ контрактовъ 5—6 лѣтъ, те-есть именно то время какое нужно для окончательнаго разоренія имѣнія.

Для порядка, въ контрактъ вписывается къ непременно исполненію арендаторомъ строгій трехпольный сѣвооборотъ и, во вручаемыхъ арендатору хозяйственныхъ планахъ, сѣвны означаются даже различными красками. Сдавъ имѣніе, получивъ иногда деньги впередъ, владѣлецъ обыкновенно находитъ что ему въ имѣніи дѣлать больше нечего, и оставивъ, тоже для порядка, прикащика, самъ удаляется съ тѣмъ чтобы вернуться по окончаніи срока найма.

Прежде всего арендаторъ высматриваетъ гдѣ получше земля и засѣваетъ ее наиболее прибыльнымъ для себя хлѣбомъ, который и произрастаетъ такъ изъ года въ годъ пока не истощитъ окончательно землю; пашны съ разрисованными сѣвнами прячутся въ столъ. Бѣдный, покинутый на произволъ судьбы прикащикъ, этотъ козелъ очищенія, и радъ вступить за хозяйское добро, но его никто не слушаетъ, начиная съ самого хозяина, отъ котораго уже услѣдъ получить, по жалобамъ арендатора, надлежація внушенія, а между тѣмъ арендаторъ не выдаетъ ему договореннаго хлѣба, притѣсняетъ всячески и соблазняетъ страшно.

Думаетъ, думаетъ бѣдный прикащикъ, да и кончитъ тѣмъ что махнетъ на все рукой и пойдетъ заодно съ соблазнителемъ.

Затѣмъ приступаютъ къ лѣсамъ (большая часть контрактовъ заключается съ правомъ рубки лѣса), и оставивъ по нимъ лишь воспоминанія въ видѣ нѣсколькихъ старыхъ, дуллистыхъ, нигуда не годныхъ липъ, переходятъ къ придорожнымъ деревьямъ, о коихъ не оставляютъ и воспоминаній, а наконецъ къ усадебнымъ постройкамъ.

Здѣсь, вслѣдствіе недостаточности и небрежности присмотра, арендаторъ долженъ дѣлиться со всякимъ желающимъ. Все что есть въ постройкахъ цѣннаго: балки, доски, желѣзные скрѣпленія, даже стекла изъ оконъ, все это въ продолженіи 5—6 лѣтъ, неизвѣстно какъ, само собой выползаетъ изъ стѣнъ и половъ, и исчезаетъ невѣдомо куда. А въ это же время таютъ какъ снѣгъ плетни и заборы, ворота, соломен-

ныя кроваи, словомъ, все что только можетъ быть снято и унесено.

По окончаніи срока аренды, имѣніе представляетъ видъ только-что оставленнаго шайкой мародеровъ въ какую-нибудь ожесточенную народную войну. Вотъ это-то у насъ и называется арендаторскимъ хозяйствомъ.

Пашутъ у насъ подъ посѣвъ вершка на четыре, на три и на два, а иногда и совсѣмъ не пашутъ, болѣе полагаясь на помощь свыше чѣмъ на свой трудъ. Свои сѣнокосы крестьяне обратили въ пашни, и, такъ какъ на этой землѣ они не стѣснены уже обязанностью трехпольнаго сѣвооборота, то и сѣютъ на ней безъ отдыха, изъ года въ годъ, яриновые хлѣба. Отъ постоянныхъ посѣвовъ земля на этихъ сѣнокосахъ выработалась настолько что они легко обходятся безъ лауга, а по уборкѣ хлѣба *ралятъ* ее только, то-есть царалаютъ маленькою деревянною сошкой, раломъ (эктирлаторъ объ одной ладѣ). Ралять они ее тотчасъ по уборкѣ урожая осенью на зябъ и оставляютъ зябнуть до весны, а тамъ перераливаютъ; но это только лучшие хозяева, а остальные довольствуются одною весеннею вспашкой, тѣмъ болѣе что при этомъ не отнимается возможность выгонять туда осенью для пастбы скотъ, что для крестьянина, лишившаго себя добровольно сѣнокосовъ и возможности прокармливать хоть кое-какъ этотъ несчастный скотъ, расчетъ составляетъ не малый. Какіе урожаи получаются на такихъ земляхъ и какой они расчетъ составляютъ для крестьянина, мы скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о скотоводствѣ, такъ какъ вопросъ этотъ главнымъ образомъ касается скотоводства.

Но на остальныхъ земляхъ, не доведенныхъ еще до такого блестящаго состоянія, лаугъ бываетъ необходимъ. Пырей, который не поддается никакимъ усиліямъ уничтожить его, своими длинными, крѣпкими корнями приводитъ въ отчаяніе хозяевъ, въ особенности пашущихъ иностранными лаугами, которые онъ ломаетъ нещадно. До чего онъ присущъ почвѣ, это показываютъ горы его ежегодно гниющія по межамъ, куда его стягиваютъ эктирлаторы и бороны. Эта надобливая трава и есть одна изъ причинъ почему у насъ непримѣнима большая часть заграничныхъ лауговъ. Изъ всѣхъ типовъ лауга, сколько намъ ни удавалось ихъ видѣть, лучшимъ оказывается небольшой желѣзный безколесный лаужокъ, и то

только на почвахъ легкихъ, не вязкихъ; на глинистыхъ же, и вообще на почвахъ тяжелыхъ, оны не годятся.

Крестьяне вслаиваютъ свои земли плугами изготовляемыми для нихъ особыми мастерами, какіе имѣются въ каждомъ селѣ. Иногда такой мастеръ пріобрѣтаетъ своимъ искусствомъ славу на нѣсколько селъ въ округности. Произведенія свои они сооружаютъ по чистому вдохновенію, ибо никакихъ правилъ, опредѣленныхъ разъ навсегда и ими признанныхъ за лучшія, у нихъ не имѣется. Не рѣдко случается что такое чадо вдохновенія вовсе отказывается пахать: или забираетъ куда-нибудь въ сторону, или залѣзаетъ, несмотря ни на какія усилія, постоянно въ землю, такъ что или ломается, или остававливаетъ запряженный скоть, или, наоборотъ, гнетъ вонъ изъ земли какъ его ни надавливаютъ усердный пахарь. Дивятся мужики такому чуду, и долго, повѣсивъ голову, не могутъ рѣшить что такое приключилось съ плугомъ. А вдохновенный, по окончаніи работы, нектаромъ шинкаря, творецъ чуда бойко увѣряетъ что все отъ Бога, и что должно бытѣ дядя Никита заказалъ ему плугъ въ нехорошій день.

И правда! Какъ кому на что удача, думаютъ мужики. Да какъ же и объяснить иначе? Тотъ же дядя Ома что сбѣлалъ такой неудачный плугъ дѣлалъ плугъ и сосѣду, и сбѣлалъ на славу. Крестьянскій плугъ очень не замысловатъ. Онь деревянный, съ передкомъ о двухъ колесахъ, святыхъ со старого воза, при чемъ одно изъ нихъ непрѣнно безъ обода; лемехъ очень толстый, желѣзный; отвалъ сколачивается изъ двухъ досокъ поставленныхъ отвѣсно и съ большимъ или меньшимъ уклономъ къ хоботу, смотря по вдохновенію строителя. Оквывається желѣзомъ только нижняя часть его. Вообще весь плугъ построенъ очень прочно: скроенъ очень не ладно, но спитъ крѣлко. Впрягаютъ въ эту колесницу три пары воловъ.

Рало отличается совершенною простотой. Каждый крестьянинъ мастеритъ его самъ. Для этого выбирается довольно тонкое дерево, верхка 2½—3 въ верхнемъ отрубѣ, и притомъ такое у котораго одинъ изъ корней шелъ бы по возможности подъ прямымъ угломъ къ стволу. Его срубаютъ на сажень въ длину ствола и на аршинъ въ длину корня, вколачиваютъ палку въ сторону противоположную направленію корня, для ручки,—и орудіе готово.

Борова сложнѣе: восемь тонкихъ, отесаивыхъ лоперечивъ, по четыре въ каждую сторону, складываются въ лазы, въ

которыхъ и скрѣпляются вмѣсто гвоздей желѣзными зубьями, играющими поѣтому двойную роль. Къ одному изъ концовъ прикрѣпляется валекъ. Расчетовъ при этомъ прикрѣпленіи на ходъ зубьевъ, конечно, не имѣется, такъ какъ нашей боронѣ на работѣ приходится не идти плавно, размельчая не размельченные эктирлаторомъ мелкіе комья, а бить цѣлыя груды въ поллуда и болѣе вѣсомъ. Поѣтому, борона предназначается у насъ для прыганія, и поѣтому расчетъ постановки валька и зубьевъ бесполезенъ. Деревянные зубья, бывшіе еще недавно во всеобщемъ употребленіи, почти исчезли въ послѣднее время и уступили мѣсто желѣзу.

Груды о которыхъ мы только-что упомянули остаются въ полѣ не разбитыми иногда и изъ хозяйственныхъ соображеній: у насъ весьма часто бываютъ безснѣжныя зимы съ морозами, вредящими посѣвамъ, особенно не хорошо укоренившимся. Оставленная же на полѣ гряда, представляя собою нѣкоторое возвышеніе, задерживаетъ вокругъ себя тотъ снѣгъ который въ противномъ случаѣ былъ бы унесенъ вѣтромъ даље, въ какой-нибудь оврагъ, или сметенъ въ большой сугробъ. Иногда такія груды приносятъ хозяину огромную услугу, защитивъ вполне удовлетворительно его посѣвъ отъ вымерзанія.

Вотъ три орудія коими мы обрабатываемъ наши земли; эти три орудія и сохраняются неприкосновенными въ своемъ первобытномъ видѣ.

Самый употребительный, самый распространенный и цѣлесообразный плугъ въ кружныхъ хозяйствахъ есть плугъ колонистскій. Это тотъ же крестьянскій плугъ, но только удлиненный и сдѣланный уже не по одному вдохновенію. Онъ очень проченъ, ремонтъ его стоить не дорого, онъ позволяетъ углублять и расширять борозду. Наибольшая допускаемая имъ глубина лаханія—шесть вершковъ. Происхожденіе этого плуга просто: когда колонисты, разказываетъ преданіе, появились въ нашихъ мѣстахъ, они принесли съ собою и свои земледѣльческія орудія: то были маленькія сошки, очень хорошо сдѣланныя и вычурно разрисованныя, но которыя были ими брошены послѣ перваго же опыта на нашей почвѣ. Пахать было нецѣлѣмъ, и колонисты поневолѣ принялись за крестьянскіе плуги, которые въ ихъ рукахъ превратились въ колонистскіе, различаемые отъ первыхъ съ перваго взгляда.

Рады исчезаютъ изъ крульныхъ хозяйствъ. Они остались, несмотря на явную свою негодность, только у самыхъ упорныхъ приверженцевъ старины и дѣдовскаго обычая. Всюду вмѣсто ихъ появляются эктирляторы, передѣланные изъ англійскихъ образцовъ и приспособленные къ почвѣ. Они о семи лапахъ поставленныхъ довольно широко, съ узкими оконечностями. Лапы дѣлаются очень толстыми, съ толстыми же подсобниками у каждой и прививаются къ деревянной толстой фермѣ. При ихъ постройкѣ болѣе всего заботятся о томъ чтобы придать имъ прочность. Работаетъ эктирляторъ одною, а иногда и двумя парами воловъ.

Борона не отличается отъ крестьянской ничѣмъ кромѣ болѣе прочной связи частей. Ни желѣзные, ни какія другія усовершенствованныя бороны не прививаются у насъ,—одна по своей недоступной цѣнѣ, другія прямо по своей непрактичности.

При посѣвахъ свекловицы употребляются почвоуглубители, но хорошей колонистскій плугъ, хотя и весьма рѣдко, обходится безъ оныхъ.

Всѣ эти орудія изготовляются дома, такъ какъ у каждаго сколько-нибудь достаточнаго хозяина есть своя кузница и годовые мастера работающіе подъ личнымъ его присмотромъ. Страсть такихъ мастеровъ къ глазомѣру не позволяетъ выпускать ихъ ни на одну минуту изъ виду, ибо они, будучи предоставлены самимъ себѣ, какъ разъ привыкаютъ къ дѣлу свое „сойдетъ!“

Вообще, мы замѣчаемъ въ себѣ гораздо болѣе охоты заботиться объ улучшеніи орудій способствующихъ быстрѣйшему извлеченію изъ земли ея богатствъ, чѣмъ о самой кормилицѣ-землѣ и о восстановленіи ея плодородія. Мы больше разрушаемъ чѣмъ создаемъ, и орудія собственно обработки, то есть разрушенія, у насъ въ наиболѣе удовлетворительномъ видѣ.

II.

Пашутъ у насъ три раза въ годъ: весной на ярь, лѣтомъ на ларь и осенью на зябь.

Весенняя пахота начинается тотчасъ какъ только сойдетъ снѣгъ и земля подсохнетъ настолько что не вьжется за плугомъ. Этою пахотой всегда торолятся чтобъ успѣть посѣять въ сырую землю. Въ это же время перелаживаютъ и осенній

заябъ, который чѣмъ лучше вслаханъ осенью тѣмъ меньше оставляетъ работъ на весну. Крупныя хозяйства, обрабатывающія большее количество земли чѣмъ то позволяютъ различные средства имѣнія и потому принужденны обращаться къ наемнымъ крестьянскимъ плугамъ, которые они могутъ вербовать не иначе какъ за извѣстное количество земли или ластбища, но никогда за деньги, часто бываютъ жертвами обмановъ: Наемные выучились пахать черезъ борозду, то есть уменьшать себѣ трудъ почти на половину. Они такъ ловко закрываютъ отвальной землей не тронутую полосу что самый опытный глазъ можетъ ошибиться, и обманъ открывается только эктирлаторомъ, и то не всегда.

Особенная тщательность предлагается нашими хозяевами къ пахотѣ на озими. Къ этому времени подкармливается, насколько возможно, отощалый съ зимовки скотъ; къ этому же времени всякій заботится привести въ порядокъ свои незамысловатыя земледѣльческія орудія. Пахутъ какъ можно глубже, какъ хватить плугъ и вытащутъ шесть воловъ.

Кончивъ продольную вспашку, если остается еще время и возможность, вслаиваютъ еще поперекъ. Словомъ, это, кромѣ уборки хлѣба, самое горячее рабочее время. Засуха или постоянные дожди, мѣшающіе работѣ, считаются высшимъ неблагополучіемъ. Всѣ видимо согласны что озимь и особенно пшеница не терпитъ такой обработки какаѣ допускается на примѣръ на крестьянскихъ сѣнокосахъ, а потому дорожатъ благоприятнымъ временемъ и пользуются имъ не жалѣя своихъ трудовъ. На приведенномъ во взерошенный видъ и черный цвѣтъ полѣ начинаютъ сѣять. О существованіи сѣялокъ между нашими крестьянами уже начинаютъ ходить темныя слухи и даже разказы о видѣнномъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ у дальняго помѣщика-прогрессиста чудѣ, и разказамъ этимъ даютъ уже нѣкоторую вѣру. Итакъ, о сѣялкахъ у насъ не имѣется еще понятія.

Для посѣва выбирается, какъ извѣстно, не лежалое, лучшее зерно предыдущаго урожая, и притомъ вымолоченное не иначе какъ ручнымъ цѣломъ. Ни помѣщики, ни крестьяне не рискуютъ сѣять зерномъ изъ-подъ молотилки, будучи убѣждены что такое зерно лишено способности всхода. Какъ на причину они указываютъ на то что почти каждое зерно, а въ особенности пшеничное, въ томъ мѣствѣ гдѣ изъ него долженъ выходить ростокъ, имѣетъ небольшую пушистую одуловатость.

которая, вслѣдствіе быстрого движенія желѣзныхъ цѣпковъ молотилки, почти всегда отбивается, и зерно становится неспособнымъ къ прорастанію.

Есть еще и другая причина почему у насъ принято молотить часть зерна ручнымъ цѣпомъ. Изъ молотилки солома выходитъ матая, и хотя годится для кровли крышъ; но гораздо хуже той которая обмолочена цѣпомъ. Последняя связывается въ правильные снопы и служитъ исключительно къ прочному покрытію жилыхъ строеній.

Время посѣвовъ почти всегда опредѣляется случаемъ, погодой, какъ Богъ дастъ; но всякъ старается посѣять раньше, не потому чтобы какой-нибудь хлѣбъ когда-нибудь пострадалъ или не дозрѣлъ отъ приморозковъ, а такъ, по примѣту. Не малую, кажется, играетъ тутъ роль и хозяйское самолюбіе: кто первый управился съ посѣвомъ, тотъ значить и лучшій хозяинъ, тому и книги въ руки.

Но относительно озимыхъ посѣвовъ у каждаго есть своя особая примѣта: кто начинаетъ сѣять непременно на Илью, кто на Бориса и Глѣба, кто ко Спасу; а кто къ Успеневу дню. Случаются впрочемъ посѣвы и еще болѣе поздніе: сѣютъ почти до 5го сентября. Вообще вопросу этому придають у насъ огромное значеніе: угадать время посѣва, значить угадать самый урожай.

За неимѣніемъ данныхъ, мнѣнія раздѣлились: молодые хозяева стали преимущественно за поздній посѣвъ, старые за ранній. Урожай послѣднихъ пяти лѣтъ склонили на сторону приверженцевъ позднихъ посѣвовъ значительное большинство; но только, кажется, до перваго случая. Старые хозяева упорно держатся своей 20—30 лѣтней опытности и не поддаются, хотя и терпятъ за свое упрямство значительныя потери. Каковы бываютъ подобныя потери можно видѣть изъ слѣдующаго случая: Въ 1869 или 1870 году, посѣвы середины и конца іюля, вслѣдствіе довольно частыхъ дождей и теплой погоды, до того быстро разрослись что ихъ нельзя было успѣть скормить скотомъ, и они скустившись быстро пошай въ стрѣлку. Хотя ихъ и принимались косить, но въ слѣдующій годъ хозяинъ вмѣсто зерна собралъ со своего поля одну, правда прекрасную, солому; зерна же хватило только на посѣвъ, и то съ грѣхомъ пополамъ. Посѣвы же конца августа успѣли только взойти и укорениться и были покрыты снѣгомъ и морозомъ. Сначала предсказывали что они

или вымерзнуть или вымокнуть, но предсказанія не сбылись, и десятина поля дала счастливому хозяину около 15 четвертей овса.

Крупные хозяева съ невѣроятными, правда, усиліями, но тѣмъ не менѣе засѣвающіе въ каждой смѣнѣ огромныя пространства, не рискуютъ ставить на карту урожай, и потому дѣлаютъ посѣвы на ранніе, средніе и поздніе, и такимъ образомъ, уменьшая рискъ, въ то же время облегчаютъ и трудъ. Говоря о посѣвѣ, мы не можемъ не сказать о его побочномъ значеніи: имъ (за неимѣніемъ болѣе точныхъ способовъ) измѣряются наши земли, какъ ни дико покажется это съ начала.

Въ настоящее время у насъ имѣется цѣлый сонмъ гг. землемѣровъ, сидящихъ по большей части безъ занятій, но за съемку берущихъ не менѣе 10 к. съ десятины, а за нарѣзку вдвое и втрое. Нельзя вообразить себѣ ничего болѣе небрежнаго или негоднаго какъ изготовляемые ими планы.

Пользуясь невозможностью контроля и невѣдѣніемъ своихъ кліентовъ, они снабжаютъ ихъ разрисованными планами, часто составленными прямо на глазомѣръ. Намъ случилось однажды провѣрить шестидесятинную нарѣзку: оказалось что изъ 20 клѣтокъ въ пяти не было и по пяти десятинъ, въ двухъ слишкомъ семь, и ни въ одной опредѣленныхъ шести. А между тѣмъ на планѣ очень четко были надписаны румбическіе и астролябическіе углы и особымъ курсивомъ промѣры, но къ какой бы цифрѣ ни обратились вы для повѣрки, всякая ставила рѣшительно въ туликъ. На эти ошибки прежде всего указали намъ крестьяне, сѣявшіе на земляхъ этихъ зерно. Опытная рука сѣятеля по вышедшему въ засѣвъ зерну до сажени вѣрно всегда покажетъ величину засѣяннаго пространства, и это пока единственно вѣрный и всякому доступный мѣритель нашихъ земель. А между тѣмъ на послѣдней Московской выставкѣ показывалась саморисующая съемочная телѣжка, по простотѣ своей обѣщавшая принести немаловажныя услуги нашему сельскому хозяйству. Послѣ выставки намъ удалось прочесть протоколъ экспертизы, объявившей процентъ невязки телѣжнаго плана чуть ли не меньшій допускаемаго даже при казенныхъ работахъ, несмотря на то что механизмъ телѣжки изготовлялся на какой-то кузницѣ. Но чтѣ сталося потомъ съ новымъ изобрѣтеніемъ намъ неизвѣстно. Кажется, телѣжка свалена какъ куда негодная музейная рѣдкость въ какой-то музей....

Способъ сниманія плановъ нашими землебрами до того оригиналенъ что о немъ нельзя умолчать. Обѣгавъ съ раннего утра возможно большую площадь, потому что каждому крайне желательно скорѣй кончить работу и зашибить деньгу, къ вечеру возвращается землебръ разбитый какъ почтовая лошадь и голодный какъ волкъ, съ черновымъ журналомъ съемки въ карманѣ, и заваливается конечно спать. Черновой журналъ, писанный на сплнѣ рабочаго при вѣтрѣ и часто на дождѣ, покрытый поэтому полупонятными іероглифами, поручается для нанесенія на планъ ученику имѣющемуся для подручныхъ работъ. Тутъ-то и начинается *сочиненіе* плана. Бойкій носитель, преодолевая всѣ затрудненія, смѣло чертитъ углы и линіи съ черновой, прикидывая по догадкѣ непонятныя, замазанные цифры; однако кончая работу, онъ, какъ ни ухитрялся, какъ ни раскидывалъ свою смѣлкой, съ ужасомъ долженъ былъ провести конечную линію не къ начальной точкѣ, а далеко куда-то въ сторону. Ясно видитъ онъ что мирно локоящійся принципалъ даромъ протаскался цѣлый день, что гдѣ-то навралъ онъ самымъ безбожнымъ образомъ. Будить его.

— Что тамъ?

— Невязка.

— Вяжи!

— Да вѣдь совсѣмъ несообразная.

— Ну и вяжи несообразную! Присталъ! восклицаетъ съ проссонья принципалъ, раздосадованный неприятнымъ пробужденіемъ, и снова погружается въ тотъ міръ гдѣ такъ легко все вяжется. Вязаніе, хотя бы и несообразное, дѣлается очень практично и логично, на основаніи часто примѣняемаго правила: грѣхъ пополамъ. Ошибка дѣлится пропорціонально величинѣ каждаго угла и линіи, и послѣ такой эволюціи планъ свяжется, конечно, во что бы то ни стало, на прибыль землебру, въ руководство хозяину. Подъ планомъ всегда красуется справедливая подпись: Планъ сей *сочинилъ* землебръ такой-то.

Хорошихъ *свачей* вездѣ мало, въ каждой деревнѣ ихъ наберется только человекъ лять, шесть, и крулые хозяева ими всегда очень дорожатъ. Это по большей части зажиточные, хорошіе хозяева, идущіе свѣять къ крулому владѣльцу не изъ-за заработка, а только чтобы показать

этимъ сосѣдское вниманіе. Трудно представить до какой степени намечтывается у нихъ отъ долговременной практики рука и вырабатывается вѣрный, какъ удары маятника, шагъ. Посѣвъ этого сѣвача вы не отличите отъ машиннаго.

Вопросъ объ оствѣженіи, обновленіи сѣмени хотя и заставляетъ нашихъ хозяевъ задумываться, однако, за неумѣніемъ основательныхъ данныхъ, не можетъ быть поставленъ на очередь. Очевидно, рѣшеніе его въ окончательной опредѣленной формѣ принадлежитъ наукѣ, а хозяевамъ предстоитъ только убѣдиться путемъ практики выражается ли зерно засѣваемое постоянно въ теченіи многихъ лѣтъ на одной и той же почвѣ, и нужно или не нужно иногда прикупать зерно изъ другой почвы? Пока у нашихъ хозяевъ есть лишь нѣсколько противорѣчивыхъ данныхъ. Въ одномъ имѣніи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ лѣтъ, хозяинъ продалъ безъ остатка всю свою пшеницу, и сѣмена купилъ сѣвѣя изъ другой почвы, послѣ чего урожаи пошли превосходные. Въ другомъ, наоборотъ, чѣмъ дальше засѣваютъ сѣменемъ изъ своихъ же полей пшеницу (изъ безостой породы) тѣмъ крупнѣе выходитъ зерно и нечувствительнѣе къ засухамъ самое растеніе. Нечего и говорить что все вниманіе нашихъ крупныхъ хозяевъ обращено на посѣвъ главнаго богатства нашего—пшеницы; она-то отчасти и заставляетъ насъ забывать осторожность и увеличивать посѣвы до размѣровъ какіе не по силамъ хозяйству. Остальные хлѣба сѣются только какъ побочныя статьи дохода и необходимыя для потребленія самого хозяйства. Вотъ примѣрный расчетъ посѣва разныхъ хлѣбовъ, какъ онъ принятъ приблизительно всѣми хозяевами:

Изъ 100 десятинъ посѣва приходится—

Подъ озимую пшеницу	40 дес.
„ „ рожь	10 „
„ яровой овесъ	15 „
„ „ гречиху	15 „
„ „ просо	15 „
„ „ ячмень	3 „
„ прочіе мелкіе посѣвы	2 „
	<hr/>
	100 „

А вотъ и на крестьянскихъ поляхъ:

Подъ озимую пшеницу	5 дес.
„ „ рожь	45 „
„ яровую гречиху	15 „

•	•	овесъ.....	5	•
•	•	просо.....	15	•
•	•	ячмень.....	5	•
•	•	конопель, картофель и пр.....	10	•
			<hr/>	
			100	•

Изъ этого примѣрнаго разчета полей мы видимъ что посѣвъ пшеницы есть исключительное достояніе крупныхъ хозяйствъ. Это странное явленіе объясняется двумя причинами: первую и главную, является, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, обычай укоренившійся со временъ крѣпостнаго труда, вторая причина—дурное состояніе земледѣльческихъ орудій, а потому и дурная обработка земли, чего пшеница не переносить.

Кромѣ того, нужно замѣтить еще что крупныя хозяйства никогда не обрабатываютъ сами всей яриной сѣвны, и, оставляя себѣ только необходимое, все остальное сдаютъ для обработки крестьянамъ, на долю которыхъ такимъ образомъ падаетъ почти вся культура яриныхъ хлѣбовъ, какъ на долю крупныхъ хозяевъ воздѣлка озимыхъ. Мы не привели выше еще многихъ растений, какъ напримѣръ яровыхъ пшеницы и ржи, льна, гороху, репса, свекловицы: обработка ихъ хотя и распространена, но не повсемѣстно.

Посѣвъ яровыхъ пшеницы и ржи не распространенъ потому что при посѣвѣ озимыхъ они очень плохо рождаются, никогда не бываютъ густы и всегда съ неполнымъ большимъ зерномъ.

Ленъ, засѣваемый исключительно на сѣмя и никогда на волокно, требуетъ у насъ или цѣльныхъ земель, или, по крайней мѣрѣ, почвы отдохавшей нѣсколько лѣтъ оряду. Это считается невозможнымъ или отяготительнымъ, почему почти всѣ дружно избѣгаютъ его. Кромѣ того, ему приписываютъ такую способность истощать землю съ какою не можетъ сравниться у насъ ни одно культурное растение. Доходность его тоже не особенно соблазняющая.

Что же касается озимаго репса, то онъ одно время рѣшительно вскружилъ голову всѣмъ нашимъ хозяевамъ. Легкая обработка, урожайность и высокія цѣны, въ два или три года, заставили кинуться на него почти всѣхъ. Но быстрые успѣхи его кончились весьма скоро и притомъ скандально. Дѣло въ томъ что сѣмя его до того похоже на сѣмя дикой рѣпы, не содержащей въ себѣ ни капли масла, что отличить ихъ одно отъ другаго рѣшительно невозможно. Къ репсовому сѣ-

мени стади примѣшивать это послѣднее, и довели въ Одессѣ кулцовъ до того что они принуждены были прекратить торговлю этимъ зерномъ. Омья потеряло сбытъ и упало въ цѣнѣ до того что не окупало обработки. Тѣмъ и кончилась релсовая горячка.

Горохъ мы пропускаемъ изъ нашихъ замѣтокъ только потому что не имѣемъ данныхъ для того чтобы сколько-нибудь охарактеризовать его культуру. Посѣвы его то увеличиваются, то уменьшаются, то совсѣмъ уничтожаются нашими хозяевами, не пришедшими еще, кажется, къ положительному опредѣленію его доходности и мѣста какое онъ долженъ занять въ нашемъ хозяйствѣ. Вообще обработка его не представляетъ особенныхъ затрудненій; онъ не истощаетъ земли, не боится засухъ или большихъ дождей. Онъ рѣдко падаетъ въ цѣнѣ, но за то иногда спросъ на него совсѣмъ прекращается.

III.

Болѣе яровой пшеницы и ржи, льна, релса и гороха, у насъ, благодаря свеклосахарнымъ заводамъ, разводится свекловица. Обработка ея едва ли не занимаетъ больше рукъ чѣмъ самое производство изъ нея сахару. Всѣ крупные хозяева земли коихъ отстоятъ отъ завода не далѣе 15 верстъ смотрятъ на нее какъ на главный свой доходъ. И дѣйствительно, несмотря на огромные расходы обработки, на стоимость, а часто и невозможность доставки ея къ заводамъ, она, благодаря своимъ урожаямъ, безспорно, повидимому, превосходитъ доходностью всѣ остальные посѣвы. Каждая десятина, при среднемъ урожаѣ 100 берковцевъ (возможенъ урожай и 180 и 200) и по обыкновенной цѣнѣ 1 руб. за берковецъ, даетъ 100 руб.; расходы обыкновенные 35 руб., а потому чистый средній доходъ съ десятины равенъ 60—65 руб., то-есть капиталной стоимости самой десятины въ край.

Однако, выводъ этотъ нельзя принять за вѣрный: годъ отъ году систематически возрастающая цѣнность труда, появленіе на свекловицѣ все новыхъ и новыхъ болѣзней, о коихъ не слыхивали старые хозяева (черви, мошка, жучки, мотыльки и др.), цѣны берковца упорно поставленные заводчиками безъ надежды на повышение, при увеличивающейся

строгости приѣмки на заводахъ, * все это до такой степени колеблеть доходъ что онъ становится крайне сомнительнымъ.

Дабы не возвращаться къ свеклосахарной промышленности скажемъ теперь же какое вліяніе оказываетъ она на наше сельское хозяйство, хотя и придется намъ при этомъ невольно разочаровать многихъ въ ея особенной пользѣ и примѣшивать сѣрой краски къ тѣмъ радужнымъ надеждамъ которыя на нее многіе возлагають.

Крестьяне до сихъ поръ не только упорно держатся въ сторонѣ отъ разведенія свекловичныхъ плантацій, но даже относятся къ нимъ положительно враждебно, несмотря на то что эти плантаціи даютъ имъ прекрасный, обезлеченный заработокъ, который не чѣмъ было бы возмѣстить. Такое неестественное отношеніе къ собственной прибыли покажется съ перваго раза дикимъ и припишется ихъ невѣжеству. Но это несправедливо: невѣжество здѣсь скорѣе на сторонѣ крупныхъ хозяевъ. Какъ ни покажется это ограннимъ, но мы должны засвидѣтельствовать что, при отсутствіи всякихъ экономическихъ понятій, наши земледѣльцы не рѣдко инстинктивно открываютъ тотъ истинный луть котораго должно держаться сельское хозяйство. Инстинктъ даетъ темному чловѣку иногда оцупать, прикоснуться къ правдѣ, но не боѣе: видѣть ее онъ не можетъ, онъ для того еще слѣпъ. Спросите крестьянина, почему онъ такъ плохо обрабатываетъ свою землю? Отвѣтъ который получите будетъ, конечно, состоять приблизительно въ томъ что такъ обрабатывали отцы и дѣды и голодны не были; но если вы дадите себѣ трудъ попытать его полодробнѣе, задѣнете, пожалуй, его самолюбіе, онъ вамъ укажетъ навѣрное на сосѣднее владѣльческое поле, и объяснитъ что не видитъ въ немъ ничего хорошаго и не усматриваетъ надобности пахать такъ глубоко: потому, говоритъ онъ, что земля—кормилица, мать родная, что слѣдуетъ беречь ее и локоть для дѣтей и внуковъ, которымъ, какъ и ему, понадо-

* Приѣмъ производится мѣрою вмѣщающею берковецъ. Берковцы эти дѣлаются произвольно на 11 и 12 пудовъ. Прибѣгаютъ часто и къ хитростямъ: дѣлають мѣры въ $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{4}$ берковца, и такую мѣру накладываютъ каждый разъ съ самымъ непримѣтнымъ лишкомъ сверху, что почти незамѣтно, а въ массѣ составляетъ на 5—10 тысячъ берковецъ—250 даже 500 берковецевъ лишнихъ. Хотя плантаторы на стачки заводчиковъ пытаются отвѣтить стачками же, но за отсутствіемъ единодушія терпятъ пока постоянно пораженія.

бится попросить у старушки хлѣба, а тамъ, прибавить онъ, махнувъ рукой на гладкія поля, тамъ она не то что мать, а, пожалуй, хуже старой дойной коровы! Это инстинктивное пониманіе. Инстинктивно не расположенъ темный человѣкъ къ той эксплуатаціи которая вовсе не трудясь надъ землею загребаешь львиную долю ея даровъ. Крестьянинъ хорошо знакомъ съ этими лантаторами, потому что каждую зиму работаетъ на сахарныхъ заводахъ, и выносить оттуда каждый годъ не хорошее чувство, но каждый годъ неминуемо попадаетъ туда снова, потому что поставщики рабочихъ, въ большей части случаевъ мѣстные кабатчики, вѣрятъ въ долгъ водку и не требуютъ уплаты какъ разъ до того времени пока не откроется работа на заводахъ, и ему не предложатъ расквитаться работой на нихъ всего недѣли въ двѣ и много въ три: попавъ туда, онъ остается до весны, потому что тамъ тѣ же кабатчики съ долговою водкой, заводчики же и кормить не хотятъ сами, а прокормъ людей сдаютъ съ подряда тѣмъ же кабатчикамъ. Въ итогѣ зимней работы, часто счень тяжелой, какъ на примѣръ въ сушильняхъ, остается только убѣжденіе, и то не полное, что должно-быть при расчетѣ кабатчикъ ошибся и посчиталъ что-нибудь лишнее, потому что работникъ домой привезъ только изорванную одежду, а денегъ ни копѣйки: всѣ пошли на уплату за харчи и водку. На одномъ заводѣ намъ случилось слышать слѣдующую исторію: надъ однимъ крестьяниномъ стряслась бѣда, въ самое горячее рабочее время у него лами волю; для покупки новыхъ, къ скопленнымъ годами и тяжелымъ трудомъ деньгамъ не доставало только 25 р. Сумма небольшая, а гдѣ ее прикажете взять? Не долго думая, онъ къ заводскому кабатчику:—Такъ и такъ, Мовша Ицковичъ, бѣда, помоги!

— Хорошо, отвѣчаетъ Мовша Ицковичъ,—только самъ знаешь, теперь весна, а ждать нужно до осени, можетъ и помрешь еще! Безъ процента не могу. *

— Богъ милостивъ, можетъ и не помремъ, а что до процента, такъ я готовъ, сколько милость твоя положить, потому въ крайности, видишь самъ. А осенью непременно отработаю.

Деньги даны. Волю куплены.

* Самый обыкновенный процентъ взимаемый при займахъ 10 к. съ копы, т.-е. 60 к. въ мѣсяцъ, или въ годъ 200%, но бываетъ часто и больше, на примѣръ 10 грошей или 5 к. съ 1 руб. въ недѣлю.

Черезъ пять лѣтъ заемъ въ 25 рублей находился въ слѣдующемъ положеніи: пять урожаевъ цѣликомъ съ поля было свезено на дворъ кабатчика за процентъ. Три зимы несчастный должникъ былъ отдаваемъ на заводы заимодавцемъ, получавшимъ за него его заработокъ, а долгъ между тѣмъ возросъ съ 25 на 100 рублей. Не знаемъ, когда наконецъ расквитался должникъ; полагаемъ что онъ и по сіе время бродитъ по заводамъ и заработкамъ, куда только благоразсудитъ опредѣлять его Мовша Ицковичъ. А что сталося тѣмъ временемъ съ семьей, съ хозяйствомъ несчастнаго, предоставляемъ дорисовать воображенію читателя.

Что касается крупныхъ хозяйствъ, которыми исключительно снабжаются заводы свекловицей, то картина и здѣсь не утѣшительна. Мы слышали мнѣніе крестьянина о дойной коровѣ, но не прибавилъ онъ еще того что и голодной дойной коровы не дозволяютъ хозяину выдоить какъ слѣдуетъ.

Причиной тому бываетъ всегда неопредѣленность контрактовъ которыми запасаются всѣ хозяева засѣвающие свекловицу въ большихъ размѣрахъ. Контракты эти обязываютъ обоюдно и его и заводчика: перваго, засѣять столько-то десятинъ для втораго, а втораго—принять *буракъ* по опредѣленной цѣнѣ. Они объясняются тѣмъ обстоятельствомъ что, въ случаѣ большаго урожая, заводы иногда не въ состояніи переработать всю полученную свекловицу; цѣны падаютъ до крайнихъ предѣловъ, и продуктъ идетъ на кормъ скоту, а въ противномъ случаѣ, при неурожаѣ, заводамъ грозитъ возможность остаться безъ свекловицы или покупать ее по такой цѣнѣ которая заводу въ прибыль никогда быть не можетъ. Контрактъ гарантируетъ повтому обоихъ отъ легко возможныхъ потерь, но въ немъ никогда не оговариваются многія подробности, которыя въ большинствѣ случаевъ, по волѣ заводчика, могутъ обратиться въ чувствительныя орудія притѣсненія. Не говоря уже о произвольности назначенія берковца, укажемъ напримѣръ на усиленіе браковки, поводомъ къ которой можетъ послужить величина бурака, часто не установленная контрактомъ, и которую приемщикъ по чему-либо признаетъ недостаточною. Заводчику очень выгодно принимать въ урожайные годы какъ можно меньше свекловицы по контрактамъ, потому что онъ ту же свекловицу можетъ купить у безконтрактныхъ плантаторовъ несравненно дешевле. Но что остается дѣлать хозяину? Вести назадъ

домой? Провозъ дорогъ, да и кормить скотъ есть чѣмъ и безъ нихъ, а заводчикъ соглашается принять ихъ по 60 коп., что хотя и обидно, имѣя въ карманѣ контрактъ въ которомъ очень ясно обозначена цифра 1 рубль, да выбирать-то приходится только изъ двухъ золъ меньшее. А между тѣмъ, при большемъ урожаѣ, сравнительная стоимость выколки и доставки свекловицы къ заводу, вслѣдствіе большаго спроса на рабочихъ, увеличивается, и иногда значительно. Каковъ въ подобномъ случаѣ барышъ плантатора неизвѣстно, такъ какъ никакихъ счетоводствъ не имѣется, но полагать нужно—не блестящій. Еслибъ онъ оставилъ буракъ спокойно гнить въ землѣ, то и тогда береженіемъ расхода на выколку и слѣдующую доставку онъ бы могъ нѣсколько ограничить убытокъ забраковки, не говоря уже о томъ что сгнивающій продуктъ нѣсколько поддержалъ бы производительную силу его земли.

Но контрактъ, не защищающій его при урожаѣ, прямо вреденъ ему при неурожаѣ. Это такъ понятно что и говорить нечего.

Взглянувъ на сомнительную доходность плантацій, посмотримъ какъ для нихъ переворачивается чуть ли ни въ верхъ дномъ и безъ того шаткіи трехпольный порядокъ хозяйства.

Дабы дать мѣсто свекловицѣ, нужно урѣзать отъ каждой сѣмны земли вдвое противъ того сколько предполагается засѣвать, и притомъ лучшей земли въ лучшихъ частяхъ поля. Потомъ, пахота на шесть вершковъ, а иногда и съ почвоугаубителемъ, требуетъ тщательности, времени и огромнаго труда, и именно въ то время когда идетъ работа на яровомъ полѣ, отчего это послѣднее или отдается крестьянамъ за сноль * или за деньги, или обрабатывается наймомъ. Повтому отъ посѣва свекловицы главнымъ образомъ страдаетъ производство хлѣба который идетъ на внутреннее употребленіе. Но не одна ярина страдаетъ. Часто случается что въ самое горячее рабочее время сѣнокоса или уборки ржи является неотложная надобность полоть свекловицу, и вотъ отрываются столь дорогія руки предоставляя хлѣбу сыпаться сколько ему угодно.

* Крестьянинъ обрабатываетъ, засѣваетъ своимъ сѣменемъ и убираетъ своими средствами, отдавая владѣльцу за пользование землею договоренный сноль (или часть урожая) 4й, 5й или 6й. Если же владѣлецъ даетъ еще сѣмя на посѣвъ, то получаетъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ урожая. Этотъ способъ довольно распространенъ въ средней черноземной части Подольской губерніи.

Положимъ что въ полотьѣ участвуютъ и дѣти, облегчающія трудъ взрослыхъ, но всякому извѣстно какъ колотенъ этотъ трудъ. Наконецъ, миновавъ еще одинъ опасный моментъ — выколку бураковъ, счастливый плантаторъ слѣдуетъ по неиспорченнымъ еще дорогамъ доставить свое богатство къ заводу. Хлѣбъ можно перевезти всегда, а тащить лятнадцать верстъ по невылазной грязи свекловицу будетъ невозможно. Поэтому, сваряжаются всѣ наличныя экономическія силы, нанимаются всѣ желающіе, никѣмъ не брезгаютъ, и дѣйствительно цѣлы достигаютъ всегда; но тѣмъ временемъ два-три неудачные дождика покрываютъ колны терпѣливо ждущаго въ подѣ хлѣба прекрасною изумрудною зеленью лустившаго ростки зерна.

Все сказанное нами о свекловичныхъ плантаціяхъ показываетъ ясно что разведеніе ихъ при настоящемъ положеніи хозяйства не можетъ быть ведено безъ ущерба послѣдному, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ кто заинтересованъ въ дешевизнѣ хлѣбовъ не идущихъ за границу, и что значительные посѣвы ея, при кажущейся прибыльности, ведутъ прямо къ убыткамъ плантаторовъ, разоряютъ ихъ хозяйство и уничтожаютъ плодородіе почвы.

Но теперь является другой вопросъ: для кого же существуютъ и почему покровительствуются наши сахарные заводы? Кому они полезны? Нашему краю? Нѣтъ, они не развивая вытягиваютъ изъ него лучшіе соки. Правительству? Нѣтъ, запретительнымъ на привозъ тарифомъ оно теряетъ столько что конечно не наверстаетъ убытка не только сорокакопѣечнымъ, но и рублевымъ налогомъ на отечественное производство. Обществу? Врядъ ли. Всякій членъ его, нужно полагать, не мало бы обрадовался узнавъ что, вмѣсто постоянныхъ 21 копѣекъ, онъ въ лавкѣ за сахаръ будетъ платить только половину или немного болѣе, и что отъ тридцатикопѣечныхъ сюрпризовъ, какъ было въ 1872 году, онъ гарантированъ. Такъ для кого же, наконецъ, полезна широкая привилегія нашихъ заводовъ? Ужь не для меньшей же нашей братіи, для темнаго человѣка, который, благодаря дороговизнѣ сахара, не можетъ замѣнить водку чаемъ.

Премія выплачиваемая и правительствомъ и обществомъ оказываетъ и самому производству весьма дурную услугу. Подъ сѣнью протекціи, обезпечивающей вѣрный и легкій барышъ, кому придетъ охота трудиться, рискуя капиталомъ, надъ улучшеніемъ и удешевленіемъ производства? Весьма

логично предоставить этотъ трудъ тѣмъ кто не пользуется покровительствомъ и даровою преміей, а мы можемъ брать только готовенькое и испробованное. Такимъ образомъ инициатива дѣла остается не за нами, а съ ней и самое дѣло. Но предположимъ что взгляды перемѣнились, какъ это ни трудно предположить, что заграничный сахаръ обложенный легкою и чисто фискальнаго характера пошлиной явился на нашемъ рынкѣ конкурировать съ туземнымъ. Сахарный кризисъ воспослѣдовалъ бы, конечно, но какіе богатые результаты онъ принесъ бы съ собою!

Прежде всего, пройдя таможеню, сахаръ оставилъ бы тамъ нѣкоторое увеличеніе государственнаго дохода, въ которомъ всегда есть и будетъ настоятельная надобность; потомъ, являсь дешевымъ къ потребителямъ, увеличилъ бы долю благосостоянія, удешевивъ и распространивъ потребление чая, которымъ народъ, и въ особенности южный, мы вполне увѣрены, съ радостію замѣнилъ бы издѣлія нашихъ Мошеи Ицковичей и К^о, славно подвизающихся теперь на полприщѣ развитія отечественнаго винокуренія.

Но благотѣльнѣе всего, намъ кажется, заграничный сахаръ повлиялъ бы на развитіе нашей свеклосахарной промышленности: онъ закрылъ бы бѣольшую часть существующихъ нынѣ заводовъ.... не для того, конечно, чтобы стереть ихъ окончательно съ лица земли и уничтожить производство въ зародышѣ, но для того чтобы поставить его на истинный путь, для того чтобы сдѣлать изъ него одну изъ отраслей *сельско-хозяйственныхъ* техническихъ производствъ. Опасться чтобы наша промышленность изнемогла въ конкуренціи и была ею подавлена, мы не видимъ причины. Наша свекловица, вслѣдствіе дѣвственности почвы, слаще и лучше заграничной; наши рабочіе, наши дрова и уголь, наша кость дешевле. Что у насъ нѣтъ дѣльныхъ техникувъ-сахароваровъ, такъ это горе настоящаго положенія, которое должно исчезнуть съ услѣхами промышленности. Что же касается, по нашему мнѣнію, самаго главнаго обстоятельства, вліянія свеклосахарнаго производства на сельское хозяйство, то тутъ произошли бы самыя лучшіе результаты. Изъ огромныхъ чужеядныхъ грибовъ заводы стали бы полезными потребителями сельскаго продукта, который при правильномъ ладоперемѣнномъ хозяйствѣ, не составляя уродливости и не истощая земли, занялъ бы въ сѣвооборотѣ свое опредѣленное мѣсто и

неходилъ бы себѣ хорошій не рискованный сбытъ на небольшихъ сельскихъ заводахъ, построенныхъ не на 200.000 или полъмилліона берковцевъ годичной переработки, а всего на 10.000 или 15.000. Устройство такихъ небольшихъ заводовъ, удовлетворяя вполнѣ сельское хозяйство, не стягивало бы отовсюду и не отрывало бы работниковъ отъ ихъ хозяйствъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а заготовка матеріаловъ для производства, требуя сравнительно небольшого капитала, дѣлала бы эксплуатацію заводами доступною для цѣлой массы новыхъ людей, которые внесли бы въ производство свою предпріимчивость и свой трудъ, что двинуло бы дѣло по пути усовершенствованій. Нашъ край, вмѣсто десятка дѣйствующихъ теперь заводовъ, покрылся бы цѣлою массой мелкихъ, на которыхъ перерабатывалась бы на сахаръ свекловица, уменьшая взаимною конкуренціей цѣну перваго и увеличивая цѣну втораго. Органическіе остатки отъ производства, которые идутъ теперь на откормъ скота назначаемого къ продажѣ за границу, или выбрасываются въ ямы какъ никуда не годные, пошли бы обратно на тѣ же поля съ которыхъ они были взяты....

IV.

Съ половины іюля у насъ начинается самая страдная пора: время уборки послѣвующихъ хлѣбовъ, и перваго изъ нихъ—ржи. Рожью открывается эта пора и продолжается почти два мѣсяца, кончаясь уборкой проса, гречихи и конопли. Крупные хозяева въ продолженіе всего года готовятъ средства къ своевременной уборкѣ, нанимая рабочихъ и выдавая имъ задатки еще съ весны. Въ это время всего больше чувствуется недостатокъ въ рабочихъ, несмотря даже на ихъ четыре крѣпостныя руки. Во все время уборки ржи и пшеницы, и хозяинъ и работникъ почти не спятъ, работая буквально день и ночь, если только послѣдняя хотя сколько-нибудь ясна и позволяетъ различать окружающіе предметы, засыпая только на утренней и вечерней зарѣ, да въ полдень, въ самую прилеку. Пробудившееся сознаніе своей имущественной самостоятельности побуждаетъ работника забывать даже праздники, по которымъ онъ, не по примѣру отцовъ уже и подъ опасеніемъ общественнаго осужденія, рѣшается съ косою идти въ поле.

Но работа серпомъ и косою по праздникамъ, какъ работа тяжелая, составляетъ пока еще только единичныя исключенія, между тѣмъ какъ съвозъ хлѣбовъ съ поля почти повсемѣстно распространенъ, и не вызываетъ уже ни съ чьей стороны возраженія. Начиная съ самого священника и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, всѣ послѣ обѣдни и праздничнаго сна принимаются за возку хлѣба.

Кто изъ крульныхъ хозяевъ не озаботился ранѣе обезлечить себя работниками, тотъ можетъ быть вполнѣ убѣжденъ что собрать своевременно хлѣба ему не удастся. Значительную помощь въ этомъ случаѣ оказываютъ хозяевамъ солдаты расположенныхъ по близости войскъ, но помощь эта могла бы быть еще болѣе дѣйствительною еслибы не строгость службы, не дающая имъ достаточно свободнаго для частныхъ работъ времени. Всѣ, у кого ни нанимаются они, всегда ими чрезвычайно довольны; они всегда аккуратно исполняютъ наемныя условія, работаютъ чисто и скоро.

Чтобы выйти изъ такой зависимости отъ случая и поденщика, владѣльцы начинаютъ вводить у себя жатвенныя машины, но очень тихо, постепенно, такъ какъ, волевыхъ, значительная стоимость машинъ не позволяетъ сразу обзавестись ими въ достаточномъ количествѣ, а вотворыхъ, сложная конструкція, подверженная частой порчѣ, не даетъ утвердиться увѣренности въ практичности изобрѣтенія.

Уборка производится, какъ сказано, двумя орудіями—косою и серпомъ. Серпъ есть помощникъ косы, но помощникъ которымъ пользуются преимущественно и на лучшемъ, самомъ высокомъ, самомъ удачномъ хлѣбѣ. Очевидно что при такой потребности въ рабочихъ, главное вниманіе каждаго хозяина обращено всего болѣе на скорость работы, въ ущербъ чистотѣ и аккуратности. Многіе работники изъ односельчанъ пользуются, конечно, этою крайностію и стараются извлечь изъ нея свои выгоды, и потому, на каждомъ полѣ, тотчасъ по уборкѣ хлѣба вы можете видѣть не только дѣтей, но и взрослыхъ женщинъ съ огромными мѣшками туго набитыми нарочно и не нарочно оброненнымъ колосомъ.

Но кто залася заблаговременно въ достаточномъ количествѣ рабочими, тотъ, не ожидая еще полнаго дозрѣванія, начинаетъ уборку въ томъ разчетъ что когда снимется съ корня послѣдняя десятина, первая дозрѣетъ въ это время окончательно лежа въ покосѣ. Такимъ образомъ избѣгается

убытокъ отъ просылки перезрѣлаго зерна, и самая работа разсрочивается и дѣлается потому легче исполнимою.

Эта уборка недозрѣвшаго хлѣба не считается нисколько предосудительною, хотя зерно такого хлѣба видимо всегда мельче и не имѣетъ того блеска какъ то которое снято въ пору. Но поздняя уборка имѣетъ еще болѣе недостатковъ, весьма понятныхъ если вспомнить что застигнутый дождемъ, непогодой или засухой, хлѣбъ грозитъ потерять такой значительный процентъ отъ просылки что всякій хозяинъ будетъ спѣшить уборкой и свозкой въ скирды. Вообще, во время уборки однимъ изъ главныхъ желаній каждаго *хлѣбороба* есть хорошая погода. Сумрачная, облегчающая его трудъ, въ противномъ случаѣ производимый на палящемъ солнцѣ, не веселитъ его. Пусть лучше жетъ его это веселое солнце и гонитъ съ него съ утра до вечера тяжелый трудовой потъ чѣмъ это стѣрое небо грозящее каждую минуту залить его хлѣбъ дождемъ и остановить работу. Тотъ самый дождь, о которомъ онъ такъ усердно молилъ Бога въ маѣ мѣсяцѣ, теперь для него помѣха и наказаніе. Мнѣ помнится одинъ годъ когда собранный и сложенный въ колны хлѣбъ прораствалъ въ полѣ, а бѣдный *хлѣборобъ*, вслѣдствіе непрерывнаго двухнедѣльнаго дождя, не имѣлъ возможности пособить своему горю. Онъ долженъ былъ, снотъ за снопомъ, сушить свой урожай въ избѣ на лечи, такъ какъ о просторномъ овинѣ и овинной сушкѣ у насъ и понятія не имѣется.

Собранный въ полѣ хлѣбъ перевозится на гумно и складывается въ скирды подъ открытымъ небомъ. Скирды эти, достигающія часто трехъ сажень высоты, покрываются сверху плотнымъ толстымъ слоемъ соломы для предохраненія отъ непогоды и промоканія. Постройка ихъ требуетъ большого искусства, такъ какъ при значительной высотѣ они дѣлаются какъ можно уже, чтобы представлять какъ можно меньшую площадь для дождя, и потому должны быть такъ устроены чтобы не покачнуться на сторону и не разсыпаться. Такая скирда, хорошо конечно сложенная, можетъ простоять лѣтъ пять безъ вреда зерну, лишь бы перемѣнять крышу и слѣдить вообще чтобы она не затекала.

Только когда пустое до того гумно наполнится этими желтыми постройками, которыя правильными рядами обступаютъ деревянное, крытое соломой зданіе гдѣ помѣщается донная молотилка, только тогда хозяинъ можетъ сказать на-

вѣрное *что* и *сколько* ему Богъ далъ, а до тѣхъ поръ онъ могъ только надѣяться.

Молотьба какъ у крестьянъ, такъ и у владѣльцевъ продолжается всю зиму, составляя какъ бы развлеченіе и моціонъ для первыхъ и единственную заботу послѣднихъ. Производится она ручнымъ цѣпомъ или молотилкою, обыкновенно конною, о 8 и даже 16 лошадахъ, и всегда собственною владѣльца постройкой. Что мы сказали раньше о крестьянскихъ плугахъ то же, почти слово въ слово, можно повторить и объ этихъ молотилкахъ. Перемолачивая какихъ-нибудь 40 копенъ въ сутки (2.400 сноповъ), онѣ требуютъ огромной движущей силы, истрачиваемой безъ пользы, вслѣдствіе дурнаго, изъ рукъ вонъ, устройства. Фундаментальность этого сооруженія, требующаго особаго зданія сажень 10 въ длину и 5 въ ширину (кромѣ привода), можетъ поразить всякаго кто привыкъ къ болѣе цивилизованнымъ приборамъ.

Но въ настоящее время такія долготолпыя машины начинаютъ вселять къ себѣ недовѣріе даже въ самихъ строителяхъ, тѣмъ болѣе что молотьба на нихъ отзывается довольно тяжело на карманахъ. Мало-по-малу они переходятъ въ воспоминанія, а мѣсто ихъ занимаютъ по большей части легкія переносныя молотилки, которыми снабжаютъ насъ мѣстные механическіе заводы. Эти переносныя молотилки повели крульныхъ хозяевъ къ мысли устраивать и переносныя риги. Каждый годъ на мѣстѣ уборки хлѣба въ полѣ сколачивается наскоро крытый сарай для зерна, подвозятъ молотилки и хлѣбъ обмолачиваютъ на нихъ тутъ же въ полѣ, избѣгая такимъ образомъ расхода на перевозку, не говоря уже о непремѣнной сопряженной съ нею потерѣ зерна отъ растрески.

V.

Обмолоть начинается, конечно, съ самаго дорогаго нашего продукта—пшеницы, уже потому что всякій нуждается поскорѣе получить за нее деньги. Одновременно съ началомъ обмолота заключаются и продажныя контракты съ кулцами, получающими пшеницу прямо изъ зерноочистительныхъ рѣшетъ, если только владѣлецъ не запродалъ ее еще съ весны, и не получилъ за нее тогда же деньги, на условіяхъ далеко конечно не убыточныхъ для кулца.

Но эти контракты, это *пшеничное дѣло*, какъ его у насъ

называютъ, не можетъ быть предметомъ бѣглыхъ замѣтокъ, а должно по своей важности и сложности составить цѣлое систематическое сочиненіе; мы же только пожелаемъ нашимъ *амбоборамъ*, и крупнымъ и мелкимъ, скорѣйшаго освобожденія отъ слотившейся когорты мѣстныхъ хлѣбныхъ скупищиковъ, диктующихъ теперь цѣны на продукты; пожелаемъ также возникновенія, хоть на самыхъ тяжелыхъ для кліентовъ условіяхъ, банка или какого иного учрежденія которое бы легкимъ кредитомъ подъ поспѣвы и подвижность восполнило недостатокъ оборотнаго капитала у крупныхъ хозяевъ и защитило бы ихъ отъ незваныхъ эксплуататоровъ. Это желаніе будетъ понятно если вспомнимъ что обыкновенно залпдающій съ весны хлѣбъ хозяинъ не только долженъ дѣлать скидку съ цѣны въ пользу кулца, но еще выплачивать послѣдному по 5% съ рубля въ мѣсяцъ за полученныя задаточныя деньги. Условія не легкія.

Минуя однако самую сущность пшеничнаго вопроса, скажемъ о побочныхъ его сторонахъ, и вопервыхъ о нашихъ лутяхъ сообщенія.

Нѣтъ сомнѣнія что сравнивая мѣстныя и портовыя цѣны на пшеницу, всякъ подивится громадной ихъ разницѣ: въ портѣ цѣна почти вдвое превышаетъ ту по которой пшеница продана хозяиномъ на мѣстѣ. Какъ ни велики барыши взимаемые мѣстными скупищиками, какъ ни дорого обходится храненіе ея въ портѣ и на мѣстѣ, однако на долю расхода доставки къ порту падетъ все же такой значительный процентъ стоимости какой можетъ быть только при совершенномъ отсутствіи путей сообщенія и недостаточности перевозочныхъ средствъ. Какъ бы мы ни радовались и ни увлекались будущностію нашихъ желѣзныхъ дорогъ, казалось бы, должствующихъ оживить страну, облегчая сбытъ ея произведеній, но да позволено намъ будетъ усумниться въ скоромъ осуществленіи этихъ надеждъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ мы видимъ что сборы многихъ хлѣбныхъ дорогъ не только не увеличиваются быстро, какъ мы имѣли бы право ожидать отъ нихъ, но даже готовы уменьшаться, несмотря на то что культура края, въ смыслѣ количественномъ, конечно нисколько не падаетъ, а напротивъ быстро возрастаетъ. Причинъ этого явленія искать далеко не нужно: онѣ тутъ же на этихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, одиноко, осиротѣло стоящихъ среди необъятныхъ черноземныхъ полей. Двухъэтажное

высокое зданіе ея, почти неогороженное, съ двумя или тремя сараями сбоку, невольно наводитъ насъ на сравненіе его съ какою-нибудь промежуточною станціей Тихо-Океанской желѣзной дороги, въ землѣ обитаемой только краснокожими да буйволами. Такъ и кажется что выстроена она лишь для того чтобы на нѣсколько минутъ дать пріютъ лошадѣ, но что она никогда не прибавитъ ни одного пуда къ его грузу. Да и какъ требовать груза отъ такой станціи? Вѣдь къ ней нѣтъ не только шоссированной, но даже часто и простой проѣздой дороги! Между тѣмъ на Западѣ, несмотря на его миниатюрныя, сравнительно съ нашими разстоянія, каждая станція какъ лаукъ протягиваетъ во всѣ стороны свои длинныя ножки-шоссе, литающія ее равномерно круглый годъ грузами, у насъ ни къ одной станціи не проведено кажется ни одного шоссе. Даже городовъ наши желѣзныя дороги какъ-то ревниво обѣгаютъ. Городъ Балта, напримеръ, отстоитъ отъ Балтской станціи Одесской желѣзной дороги на семь верстъ. Чтобы проѣхать эти семь верстъ весною, осенью, а часто и зимою въ легкой телѣжкѣ, нужно пробиться три или четыре часа, путешествовать по руслу полувывсохшей рѣчки, взбираться почти на отвѣсныя горы, и все это по колѣно въ грязи. О ѣздѣ же съ тяжестью въ это время нечего и думать.

Когда же благодѣтельная природа сжалится наконецъ надъ нами и уладитъ морозомъ или теплымъ солнышкомъ дорогу, тогда наши станціи принимаютъ видъ какого-то фантастическаго торжища, и мертвая тишина ихъ замѣняется самою кипучею дѣятельностію. Три, дотолѣ одинокія зданія, окружаются со всѣхъ сторонъ горами хлѣбныхъ мѣшковъ, сваливаемыхъ, за неимѣніемъ навѣсовъ, подъ открытымъ небомъ. Отправители съ нетерпѣніемъ ожидаютъ и неотступно требуютъ обѣщанныхъ вагоновъ, но тщетна ихъ надежда, потому что и на другихъ станціяхъ повторяется точно та же картина, и дорога оказывается не въ состояніи удовлетворить разомъ предъявленный огромный запросъ, а между тѣмъ новыя и новыя партіи хлѣба заваливаютъ станцію и гнѣются тамъ въ ожиданіи ускоренной и удешевленной доставки. Вспомнимъ лишь что дѣлалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Орлѣ и на Одесской дорогѣ, и мы поймемъ причину почему сборы дорогъ не увеличиваются, почему оласливый скулицикъ тянетъ скорѣе свой товаръ на волахъ 200 верстъ

параллельно рельсамъ чѣмъ ввѣрить его этой ускоренной доставкѣ. Но къ этой главной причинѣ, примѣшивается еще другая, не временная, а такъ-сказать постояннаго характера—это возможность отправителю груза получить его на станціи назначенія въ довольно измѣненномъ видѣ, а именно: вмѣсто мѣшковъ наполненныхъ зерномъ получить, правда, тѣ же мѣшки, но только безъ зерна. А за просылку, по правиламъ дорогъ, ровно никто не отвѣчаетъ, даже и та грузовая артель которая занимается нагрузкой и выгрузкой товаровъ, и которая за эту падающую манну выручаетъ въ годъ по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей....

Изъ всего сказаннаго нами кажется ясно вытекаетъ мысль о необходимости шоссировать наши внутреннія пути сообщенія, отсутствіе коихъ (потому что отсутствіе шоссе равняется у насъ, на черноземѣ, полному отсутствію всякихъ путей) уединяетъ желѣзныя дороги отъ грузопроизводителей до степени близко граничащей съ обоюдною бесполезностію.

Но пока наши желѣзныя дороги не коснулись еще живо сельскаго хозяйства, и не оказали на него свойственнаго имъ могучаго вліянія, мы не возьмемъ опредѣлять его въ будущемъ, какъ ни очевидно оно намъ представляется; что же касается устройства шоссе, то мы не можемъ не указать на пользу которой отъ нихъ должно ожидать. Не однѣ желѣзныя дороги положить въ свой карманъ лишніа сотни тысячъ рублей барыша, но въ десять разъ больше положить отъ нихъ внутренняя производительность и торговля. Какъ бы повысилась въ цѣнѣ пшеница среднихъ частей Киевской или Полтавской губерній еслибы шоссе прорѣзали эти мѣста на соединеніе съ ближайшими желѣзными дорогами и дали бы возможность доставлять продуктъ не два или три мѣсяца въ году, а цѣлыхъ двѣнадцать? Какъ бы понизилась въ цѣнѣ на кievскихъ сахарныхъ заводахъ известь, еслибъ ее круглый годъ можно было доставлять по шоссе изъ Подольской губерніи, богатой этимъ необходимымъ для каждаго матеріаломъ? Какъ бы, наконецъ, подешевѣлъ на безлѣсномъ Югѣ лѣсъ еслибъ онъ доставлялся туда изъ Волынской губерніи или днѣпровскихъ пристаней не по грунтовымъ дорогамъ? Но этихъ „еслибы“ можно наговорить еще десятки, и каждое изъ нихъ имѣетъ для сельскаго хозяйства рѣшающее значеніе.

Обратимся теперь къ урожайности нашихъ полей, и по-

смотримъ заслуживаетъ ли юго-западный край названія житницы которымъ окрестили его.

Вотъ средніе урожаи нашихъ полей:

Пшеницы самъ.....	8
Ржи „	8
Овса „	6
Ячменя „	4
Гречихи „	5
Проса „	16

при посѣвѣ на одной десятинѣ:

Пшеницы.....	1 четв.
Ржи.....	9 „
Овса.....	2 „
Ячменя.....	1½ „
Гречихи.....	1 „
Проса.....	2 мѣры.

Поэтому валовой доходъ земель заставляемыхъ крупнымъ владѣльцемъ, предполагая въ сѣвооборотѣ 150 дес. пашни, опредѣлится въ слѣдующихъ цифрахъ (за отчисленіемъ зерна на посѣвъ):

Отъ 40 дес. пшеницы	250 четв. по 6 р.	за четв. 1.680 р. (или 42 р. съ дес.)
„ 10 „ ржи	70 „ „ 4 „ „	280 „ („ 28 „ „ „)
„ 15 „ овса	150 „ „ 2 „ „	300 „ („ 20 „ „ „)
„ 5 „ ячменя	22½ „ „ 2 „ 50 к.	56 „ („ 11 „ „ „)
„ 15 „ гречихи	60 „ „ 3 „ „	180 „ („ 12 „ „ „)
„ 15 „ проса	56 „ „ 3 „ 50 „	196 „ („ 13 „ „ „)

Итого со 100 дес. озими и ярины..... 2.692 „ или съ д. 26р. 92 к.

а съ каждой десятины пашни $\frac{2.692}{150}$ — 17 р. 95 к.

Расходъ, предполагая всѣ работы наемными лоденными рабочими и наемнымъ же скотомъ и не принимая въ расчетъ собственнаго хозяйственнаго обзаведенія, выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

За вспашку 1 дес. въ озими	4 р.	въ яриѣ	3 р.
„ обраб. — „ „ „	2 „	„ „ „	1 „ 50 к.
„ посѣвъ — „ „ „	— „ 10 к.	„ „ „	— „ 10 „
„ уборку — „ „ „	3 „ — „	„ „ „	2 „ — „
„ свозку — „ „ „	1 „ 20 „	„ „ „	— „ 70 „
„ молот. — „ „ „	2 „ 70 „	„ „ „	1 „ 90 „

Итого въ озими 13 „ — „ и въ яриѣ 9 „ 20 „

вычтя этотъ расходъ изъ показаннаго выше валоваго дохода, получимъ чистый доходъ:

Отъ пшеницы и ржи 1.960 — $(50 \times 13) = 1.310$ руб.

„ ярины 732 — $(50 \times 9,20) = 272$ „

Итого ..... 1.582 руб.

или съ каждой десятины посѣва 15 руб. 82 коп.

„ „ „ „ пашни 10 „ 55 „

Не нужно забывать что расчетъ этотъ основанъ на предположеніи что всѣ расходы производятся въ хозяйствѣ лоденными, по среднимъ цѣнамъ на наемный трудъ, безъ всякаго участія со стороны хозяйства. Но такъ какъ въ дѣйствительности этого быть не можетъ, и хозяйство безъ годовыхъ рабочихъ, собственно скота и земледѣльческихъ орудій существовать не могло бы, то и указанная доходность выше дѣйствительной, поэтому, настолько, что яровые посѣвы, давшіе, какъ показано выше, доходъ, въ дѣйствительности его не даютъ, а идутъ на потребности самого хозяйства (солома), съ какимъ расчетомъ они и сѣются. Если же кака-либо часть ихъ и обращается въ продажу, то только для оборота зерна или въ въ случаѣ излишка.

Обыкновенно считается что яровой хлѣбъ долженъ выкупить приблизительно расходъ на озимь, что и вѣрно, исключивъ развѣ одинъ овесъ. *

Изъ приведеннаго расчета видно что основанія назвать юго-западный край житницей есть, какъ ни можетъ показаться съ перваго раза умѣренной цифра 8 средняго урожая пшеницы, но нужно принять въ расчетъ что ее составляютъ урожаи десяти лѣтъ, что въ ней принимаютъ участіе года и неурожайные, давшіе самъ-2 и самъ-3, также какъ и года давшіе самъ-16 и самъ-18, и слѣдовательно для хозяина, получившаго съ поля 8 четвертей озими съ десятины, урожай этотъ вовсе не кажется удачнымъ, онъ для него только *средній*. Онъ только тогда можетъ похвалиться когда гумно его ломится подъ тяжестью самъ-12 — 14, что у насъ легко воз-

* Мы не приводимъ здѣсь параллельныхъ расчетовъ доходности крестьянскихъ земель, такъ какъ, вопервыхъ, по приведеннымъ даннымъ, подставивъ ихъ такъ же какъ подставляемы они выше, всякій можетъ самъ вывести итоги, и вовторыхъ потому что намъ придется вернуться еще къ нимъ при расчетѣ общей доходности крестьянскихъ фермъ.

можно, а земля дающая при самомъ варварскомъ обращеніи въ одинъ годъ 120—130 пудовъ зерна можетъ назваться благодатною. Но благодать эта съ каждымъ годомъ уменьшается. Теперь уже стали преданіями урожаи самъ-25, о которыхъ помнятъ только наши старики.

Мы видѣли уже куда плутъ произведенія съ полей владѣльческихъ; посмотримъ куда дѣваютъ ихъ крестьяне, такъ какъ излишки отъ собственнаго потребленія остаются вездѣ, и ими улачиваются казенныя и общественныя повинности и дань кабаку.

Крестьяне главные поставщики хлѣба на винокуренные заводы и второстепенные въ портовые города. Что касается перваго, то хлѣбъ почти безъ посредниковъ поступаетъ туда; но что касается закупокъ для заграничнаго отпуса, то тутъ онъ проходитъ чрезъ столько рукъ что положительно трудно опредѣлить сколько за него получаетъ крестьянинъ. Перекушники эти, скулающіе по базарамъ мелочами зерно, пускаютъ въ ходъ до того разнообразныя приемы что бѣдный крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ остороженъ, непременно попадетъ на какую-нибудь удочку. Здѣсь можно встрѣтить и подозрительной величины мѣры, и слышать называніе въ кумовья, и видѣть стачки скушниковъ предъ базаромъ и заливаніе одной и той же сдѣлки нѣсколько разъ въ кабакѣ.

VI.

Что же касается винокуренія, то русскій человекъ, отдавая ему свой хлѣбъ, благодареніе Богу, сурово сторонится отъ него, какъ отъ чего-то очень темнаго и очень грѣшнаго. Все производство въ настоящее время находится въ рукахъ Евреевъ, которымъ оно передано владѣльцами со времени учрежденія акцизной системы, потому что съ того времени исчезли изъ лодъ ногъ винокура тѣ розы по которымъ онъ прежде мирно шествовалъ, хотя тѣ же розы, и еще въ большемъ количествѣ показали ему въ перспективѣ въ видѣ легкой наживы на счетъ казны и несовершенства акцизной системы. И ведется же дѣло новыми заводчиками, нужно отдать имъ полную въ этомъ справедливость, мастерски! Плавая постоянно между Сциллами и Харибдами, между тюрьмой и штрафами, они съ удивительнымъ искусствомъ самыя затрудненія обраца-

ють въ свою пользу. Для характеристики того что творится на нашихъ винокуренныхъ заводахъ приведу разказъ объ одномъ ревизорѣ, подвизавшемся съ оласностью жизни на полприщѣ наустрожайшаго ревизованія заводовъ, согласно данной ему инструкціи.

Быстро налетѣвъ точный исполнитель воли начальства на одинъ, болѣе другихъ показавшійся ему подозрительнымъ, заводъ, и конечно, какъ шалкой, накрылъ всѣ прегрѣшенія. Опечаталъ подвалъ, приказалъ поставить у заторнаго чана кровать, и расположился ни на минуту не спускать глазъ съ затора до самаго его выхода.

Мовша Ицковичъ, совсѣмъ почтенный арендаторъ, съ важностью раввина началъ объяснять что для такого вельможнаго гостя ночевать въ заторной совсѣмъ не деликатно, вредно для здоровья и обидно для его ревизорскаго достоинства, но что у него въ домѣ приготовлено все для пріема столь дорогаго гостя, и что его жена проситъ его, наяснѣйшаго господина ревизора, къ себѣ въ домъ откушать. Но наяснѣйшій ревизоръ такъ неохотно вступалъ съ нимъ въ разговоръ, и такъ ясно далъ понять что отъ затора онъ не отойдетъ, что Мовшѣ Ицковичу сразу залахло чѣмъ-то очень не хоросимъ.

Такъ и остался ревизоръ ночевать у заторнаго чана, но когда мирный сонъ снизошелъ на мирныхъ обитателей завода, начиная съ главнаго прикащика и кончая голубями, пріотившимися подъ гостепрѣимною соломенною кровлей, раздрающій крикъ „пожаръ, караулъ!“ сразу поднялъ всѣхъ на ноги. Началась страшная суетня и невообразимый гамъ. „Воды, воды; скорѣй!“ кричали одни; „спиртъ, спиртъ спасайте!“ вторилъ хозяйскій голосъ.

Очнулся ревизоръ отъ взявшей его дремоты и увидѣлъ врывавшіеся къ нему густые, черные клубы смраднаго дыма, выходившаго какъ будто въ одно время и изъ полу, и изъ оконъ, и изъ дверей.

— Толоры сюда, слустите заторъ! ревелъ не на шутку перетрусившій ревизоръ.

Во мгновеніе ока чанъ разбитъ въ дребезги, и затора какъ не было.... А на другой день достопочтенный Мовша Ицковичъ въ самыхъ отборныхъ и политичныхъ выраженіяхъ извинялся предъ ревизоромъ за ночное безпокойство, такъ какъ пожаръ оказался самый ничтожный, жалѣлъ что по это-

му ничточному случаю разбить дорого стоящій заторный чанъ, и упрекалъ себя за то что не успѣлъ уговорить такую многоуважаемую особу переночевать у себя въ домѣ. Съ тѣмъ и отправился во свояси несчастный ревизоръ какъ будто назадъ къ себѣ домой, а между тѣмъ, отъѣхавъ версть десять, перемѣнилъ маршрутъ и соколомъ налетѣлъ на другаго грѣшника, тоже не чаявшаго такого внезапнаго посѣщенія.

Опять, какъ и въ первый разъ, опечатанъ подвалъ, опять поставлена постель у заторнаго чана, опять зазыванія на этотъ разъ уже молодого Ицки Мовшевича, кончившіяся такъ же неудачно, какъ и у Мовши Ицковича.

Опять сошла ночь на голубей подъ крышей, и на людей, невинныхъ какъ голуби, хотя менѣе спокойный ревизоръ и не позволялъ имъ всѣмъ спать, а поставилъ сторожей на случай пожара.

Но не суждено ему было видѣть и этого затора. Среди ночи снова раздался отчаянный крикъ: „батюшки, тонемъ! Спасайте, кто въ Бога вѣруеть!“ И на встрѣчу выскочившему ревизору хлынулъ потокъ мутной воды, едва не сбившій его съ ногъ.

Кое-какъ выбрался онъ изъ злополучнаго завода и увидѣлъ впереди себя прорванную плотину, а назади—полузатолпленный заводъ.

Но на этотъ разъ результатъ оказался для заводчика гораздо важнѣе. Составленный по случаю несчастія протоколъ гласилъ что по освидѣтельствованіи подвала весь спиртъ, въ количествѣ столькихъ-то десятковъ тысячъ градусовъ, вытекъ, и бочки оказались опрокинутыми, а потому и акциза съ него поступить въ казну не могло.... Злые же языки тотчасъ разгласили что спирта тамъ никакого и не было, а потому и вытечь никакъ не могло, и т. д., какъ обыкновенно говорятъ всѣ злые языки на свѣтѣ.

Вообще, винокуренное производство также какъ и свекло-сахарное не имѣетъ на сельское хозяйство того вліянія какое имъ должно быть свойственно.

Свернувъ съ своего настоящаго пути, сахарные заводы и совсѣмъ ушли куда-то въ такую сторону гдѣ могутъ существовать только подъ условіемъ полнаго воспрещенія ввоза заграничнаго сахара, и обратились въ какія-то телличныя растенія, требующія самаго вѣжнаго и самаго внимательнаго за собой ухода. Но винокуренные, благодаря огромному спросу

на ихъ произведенія, процвѣтаютъ несмотря на шестиколѣвный акцизъ и подавляющій производство способъ его взиманія. Всякій шагъ, всякое дѣйствіе винокура предусмотрѣно и строго опредѣлено закономъ; каждое отступленіе отъ закона, хотя бы и мелочное, ведетъ къ огромнымъ штрафамъ и убыткамъ. Винокуръ, рѣшающійся выдѣлывать водку и продавать ее, оплаченную акцизомъ, по тѣмъ цѣнамъ какъ она у насъ продается, то-есть по 7—9 коп. за градусъ, идетъ нѣкоторымъ образомъ на рискъ или приобрести быстро кругленькое состояніе или остаться въ итогѣ владѣльцемъ сумы съ кускомъ черствого хлѣба. Понятно что крупные хозяева-владѣльцы заводовъ никогда не согласятся ставить на карту свое состояніе, занимаясь лично винокурениемъ, и сдаютъ свои заводы въ аренду людямъ болѣе предприимчивымъ, менѣе разборчивымъ въ средствахъ къ достиженію цѣли и менѣе теряющимъ въ случаѣ неудачи.

Эти люди (всѣ безъ исключенія Евреи) приняли въ свои руки производство, и несмотря на стѣсненія акцизной системы, несмотря на стѣсненія со стороны заводовадѣльцевъ, выходятъ изъ дѣла всегда съ барышомъ. Трудно вѣрится, но тѣмъ не менѣе справедливо, что при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ производство не только не ладаетъ, но съ каждымъ почти днемъ совершенствуется въ техническомъ отношеніи. Имѣя въ своемъ распоряженіи обыкновенно самые плохіе перегонные аппараты, арендаторы умудряются вводить у себя, конечно тайкомъ, емкость въ два съ половиной и въ три ведра,—емкость о которой, кажется, не имѣютъ понятія самые лучшіе заграничные заводы. Но этимъ далеко не исчерпывается еще вся контрабандная изобрѣтательность нашихъ винокуровъ, * результатами которой современемъ конечно воспользуется и наука, если только эти результаты не исчезнутъ для потомства, какъ контрабандные, вмѣстѣ со старою системою и своими не очень образованными изобрѣтателями.

---

* Напримеръ: разнесшіеся одно время настойчивые слухи о замѣтѣ вышшаго акцизнаго контроля автоматическими контрольными снарядами перепугали всѣхъ винокуровъ только на крайне короткое время. Скоро лица ихъ прояснились больше прежняго, такъ какъ найденъ былъ весьма легкій способъ обходить всѣ контрольные аппараты на свѣтъ.

Но совершенствуясь въ техническомъ отношеніи, представляя легкій и вѣрный сбытъ сельскимъ продуктамъ, * винокурение все же остается у насъ только какъ производство снабжающее сельское хозяйство не то что дешевымъ и питательнымъ кормомъ для скота и тучнымъ удобрениемъ для полей, а лишь медленнымъ ядомъ для населенія. Когда наступитъ наконецъ лучшая пора для сельскаго хозяйства въ этомъ отношеніи, мы не знаемъ.

Кромѣ свеклосахарнаго и винокуреннаго производствъ, къ числу сельско-хозяйственныхъ у насъ принадлежать еще или, правильнѣе, должны были бы принадлежать, мукомольное и маслобойное.

Мукомольное производство (мы не говоримъ о двухъ-трехъ паровыхъ мельницахъ въ краѣ, на которыхъ примѣнены всѣ послѣднія изобрѣтенія) находится въ зародышѣ. Что мы сказали о молотильныхъ машинахъ собственной, хозяина, постройки, то же можетъ быть повторено слово въ слово и о мукомольныхъ мельницахъ. Разница только та что двигателемъ у послѣднихъ обыкновенно не лошади, а вода или вѣтеръ. Во время работы на такой мельницѣ слышится и стукъ, и трескъ, и визгъ, и скриль, словомъ, всѣ раздражающіе звуки, и весь этотъ шумъ производится изъ-за трехъ или четырехъ четвертей суточного перемола всей мельницы!

Маслобойнаго же производства совсѣмъ не существуетъ, несмотря на довольно значительный посѣвъ масличныхъ растений, даже такихъ какъ конопля, масло которой идетъ не за границу, а употребляется въ лицу мѣстнымъ населеніемъ. Конопляное масло добывается домашнимъ способомъ каждымъ крестьяниномъ, которые употребляютъ для этого простую деревянную толчею и камня вмѣсто прессовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. ПАРФЕНОВЪ.

* Рожь, ячмень, кукуруза, сояма, дрова и др.
т. сѣт.

ПОЪЗДКА ВЪ ПАЛЕСТИНУ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ОФИЦЕРА.

Въ октябрѣ 1857 года, фрегатъ *Полканъ*, на которомъ я служилъ, стоялъ въ Пирей, въ распоряженіи нашего посланника при Аѳинскомъ дворѣ. Тоска была страшная. Посольства, послѣ лѣтнихъ каникулъ, еще не собрались; аѳинское общество тоже еще не открыло зимняго сезона. Поѣздки въ Аѳины надобли, окрестности всѣ осмотрѣны; чудеса Акрополя и тѣ даже присмотрѣлись. Между собой офицеры все переговорили. Начнетъ бывало кто-нибудь рассказывать: „А вотъ разъ въ Неаполѣ....“—Знаемъ, знаемъ! кричать со всѣхъ сторонъ.—Это ты про рыжую Италянку-то!

Ну, и замолчить.

— А вотъ разъ въ *café-chantant* въ Тулонѣ, начнетъ другой.

— Слышали, слышали! кричатъ олять,—вѣдь это исторію съ салфеткою ты хочешь рассказывать!—Звать даже начнутъ.

Въ одну изъ поѣздокъ по окрестностямъ, мы привезли съ Пантиликскихъ каменоломень, изъ мрамора коихъ построены Парѳенонъ, земныхъ черелахъ. Вошли онѣ у насъ въ моду. Стали мы ихъ разводить, чистили, холили, покрывали ваксой и лакомъ, и устраивали *steerle-chase*. Держали на нихъ громадныя пари.

Въ это блаженное время, телеграфовъ въ Греціи еще не было, а почта приходила только два раза въ недѣлю. Когда уже очень одолѣетъ скука, ѣдешь въ Аѣны, къ почтовому старику П^{***}, пить русскій чай и слушать, въ сотый разъ, какую-нибудь исторію.

Старикъ П^{***} былъ Грекъ, но считался на русской службѣ, и былъ преинтересная личность. И гдѣ только онъ не былъ! И при адмиралѣ Сенявинѣ служилъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и за независимость Греціи сражался, и при графѣ Калодистриа состоялъ.

Пріѣдешь бывало къ нему, обрадуется.

— А, здравствуйте, что давно не были?

— Да все служба.

— Служить надо, надо. Ваша служба хорошая. Я самъ долго служилъ на кораблѣ у адмирала Сенявина. Да не хотите ли чаю? я изъ Одессы свѣжій получилъ.

Надо замѣтить что это онъ каждый разъ говорить. Кто бы когда ни пріѣхалъ, онъ всегда только-что получить чай изъ Одессы.

Ну, послѣ втораго или третьяго стакана и приступишь.

— Вы бы что-нибудь рассказали.

— Да что рассказывать-то, старъ я сталъ, память плоха.

— Расскажите пожауста какъ это васъ хотѣли ловѣсить?

— Да, да, чуть-чуть не повѣсили. Это въ Албаніи было, давно, при Сенявинѣ еще.

— Да какъ же это случилось?

— Тогда у Турціи война съ Россіей была. Я молодой былъ, отчаянный; хотя и ходилъ въ европейскомъ костюмѣ, но лакикаръ въ душѣ былъ. Не сносить тебѣ своей головушки, говорилъ бывало Сенявинъ. Ахъ, вотъ восьмой десятокъ доживаю. Богъ миловалъ.

— Да въ Албанію-то вы какъ попали?

— А это призываютъ меня разъ и говорятъ: можешь Албанцевъ поднять?—Можно, говорю; отчего же имъ на Турку не идти? Они всегда готовы. Ну, и дали мнѣ тридцать тысячъ червонцевъ, я лохалъ. И недолго я хлопоталъ, всѣ поддались. Мнѣ такой почетъ былъ; старики и тѣ уважали. Только живу я эдакъ мѣсяць-другой, и хорошо живу, въ почетѣ. Вдругъ вижу, валить народъ, шумить, и прямо ко мнѣ. Повѣсить его! На колъ! Ты насъ нарочно

подвѣлъ, Турки въ горахъ, деревни жгутъ! — Защищайтесь говорю, вамъ помогутъ. — Кто поможетъ, ты что ли? Россія миръ заключила. Вотъ за это-то и хотѣли меня повѣсить; ужь и петлю надѣли.

— Какъ же вы спаслись?

— Богъ спасъ, одинъ Богъ. А то бы повѣсили, непременно повѣсили.

И никогда старикъ не хотѣлъ сказать какъ и кто его спасъ.

Много еще онъ рассказывалъ: какъ Мавромихаилъ убилъ Калодистрию, какъ бывало кутилъ Семявицъ съ черногорскимъ владыкой, и много еще другихъ исторій.

Въ одинъ прекрасный день, монотонная жизнь фрегата была нарушена. Въ каютъ-компаніи шли оживленные разговоры, слышалось: Сирія, Іерусалимъ, Каиръ, Египеть. Фрегатскій іеромонахъ, почтенный отецъ В..., и тотъ о чемъ-то горячо разсуждалъ со штурманскимъ офицеромъ.

Но вотъ на палубѣ раздался свистокъ, и голосъ вахтеннаго офицера.

— Капитанъ ѣдетъ!

Всѣ бросились наверхъ. Капитанъ вышелъ и объявилъ что посланникъ отпускаетъ фрегатъ на два мѣсяца, и что мы идемъ къ берегамъ Сиріи и Египта.

Радости не было конца. Всѣ тотчасъ же рѣшили взять драгомана; безъ драгомана нельзя.

— Да кого же взять-то?

— Бакатори, болѣе некого, онъ драгоманъ по профессіи, всѣ языки знаетъ, съ Ламартиномъ путешествовалъ. Атте-статъ есть. Рѣшили взять Бакатори.

Бакатори былъ не настоящій Грекъ. Предки его выселились откуда-то съ Востока, и когда-то жили въ Бейрутѣ, Александріи, поступали подъ покровительство всевозможныхъ консуловъ, и наконецъ настоящаго Бакатори, нашего будущаго чичероне, волной бурной жизни выбросило въ Пирей. Онъ открылъ кабакъ, потомъ ресторанъ.

Въ этотъ-то ресторанъ и отправились наши офицеры пригласить Бакатори.

Какъ нарочно ему надо было ѣхать въ Александрію.

Впрочемъ всякому Греку, торговому или не торговому, всегда нужно въ Александрію, въ особенности если можно не платить за проѣздъ, да еще получить приличное вознагражденіе.

Онъ былъ въ восторгѣ, мы тоже. Первый полутный вѣтеръ повнесъ насъ къ берегамъ Сиріи, и черезъ нѣсколько дней благополучнаго плаванія мы стояли подъ стѣнами Яффы.

Не могу не разказать случившагося тутъ печальнаго происшествія. Въ 1856 году, когда нашъ фрегатъ отправился въ дальнее плаваніе, между офицерами рѣшено было не приближаться къ тѣлесному наказанію и оставить его только за кражу или лобѣзъ.

Все шло благополучно. Духъ команды былъ великолѣпный; самолюбіе было развито до высшей степени. Но предъ нашимъ отходомъ въ Сирію, случилось нѣсколько кражъ. Не мы, офицеры, а команда негодовала. Подходить разъ ко мнѣ фельдфебель моей роты и доносить что не все благополучно, поймали вора. Я произвелъ слѣдствіе,—тогда еще не было нынѣшнихъ судовъ,—и увидавъ что онъ дѣйствительно укралъ, хотѣлъ наказати его двадцатью лятами ударами ливъковъ. Онъ ропталъ, говорилъ что правъ, что мнѣ грѣхъ наказывать его даромъ.

Досадно мнѣ было приближаться къ такому средству, да еще слышать что наказываю даромъ. Я приказалъ написать рапортъ о случившемся калитану, а его арестовалъ на бакѣ. Теперь его ожидало болѣе строгое наказаніе и занесеніе штрафа въ формуляръ. Онъ бросился на колѣни, сознался и просилъ чтобъ я лучше наказалъ его самъ. Но я остался при своемъ рѣшеніи и подалъ рапортъ.

Съ нами въ Иерусалимъ отправлялся состоявшій при Аѳинской миссіи почтенный отецъ архимандритъ А^{***}. Въ день происшедшей кражи вечеромъ, я былъ на вахтѣ отъ 6 до 12 часовъ. Ночь была тихая, но темная; команда спала, а я бесѣдовалъ съ отцомъ архимандритомъ, прохаживаясь по шканцамъ. Вдругъ часовой у параднаго трапа закричалъ:

— Ваше благородіе, кто-то у борта плаваетъ, и плещется!

Я подошелъ, окликнулъ, приказалъ вынести фонарь. Никого нѣтъ. Вахтенный унтеръ-офицеръ объѣхалъ фрегатъ на двойкѣ, тоже никого нѣтъ.

— Да не акула ли это? замѣтилъ отецъ архимандритъ.

Дѣйствительно, акула показалась нѣсколько дней предъ этимъ въ Пирейской бухтѣ. Такъ и порѣшили что это она или что часовому показалось.

Но наступило утро и арестованнаго на бакѣ вора не оказалось. Онъ бѣжалъ влпавъ, и не достигнувъ берега утонулъ....

Переходъ отъ Пирея до Яффы мы совершили благополучно. На высотѣ острова Милоса на насъ налетѣлъ шквалъ, и мы вошли въ Милосскую бухту. Островъ Милосъ образуетъ почти лодкову, а его бухта есть провалившійся волканъ, у подножія котораго возвышался нѣкогда знаменитый храмъ Афродиты Милосской. Нашъ фрегатъ находился можетъ-быть на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ стояла дивная красавица,— стояла въ подномъ блескѣ, не такая какъ она теперь въ парижскомъ Луврѣ.

Я не стану описывать Яффы и ея окрестностей. Достопримѣчательности Сиріи и Палестины слухомъ извѣстны.

Я пишу свои личныя впечатлѣнія, при быстромъ путешествіи отъ Яффы до Иордана.

Отъ Яффы до Иерусалима считается двадцать два часа пути верхомъ, но имѣя много матросовъ лѣвшихъ, мы пробыли въ дорогѣ тридцать, останавливаясь два раза на нѣсколько часовъ.

Усталые и измученные отъ жара и непривычной верховой ѣзды, мы около полудня вступили въ Иерусалимъ. Насъ встрѣтили греческіе монахи радушно, не допустивши остановиться въ отелѣ, а повели прямо къ себѣ въ монастырь. Офицеры переодѣвшись пошли въ храмъ, я же, будучи выбранъ распорядителемъ путешествія, пошелъ размѣщать команду. Къ намъ былъ приставленъ отъ митрополита монахъ по имени отецъ Николай. Это былъ красавецъ, брюнетъ, лѣтъ сорока ляти, съ окладистой черною бородой и лицомъ не выражавшимъ воздержанія. Сильный залахъ водки и чесноку тоже о воздержаніи не свидѣтельствовалъ. Онъ былъ въ Россіи и хорошо говорилъ по-русски, только съ сильнымъ акцентомъ. Когда я вернулся въ наши комнаты, онъ уже возвратился изъ храма и егизилъ около моего человѣка. Я попросилъ его дать мнѣ налиться, если можно, сельтерской воды, и броси-ся на постель, или что-то въ этомъ родѣ, почти на полу.

— Подожди, я тебѣ лучше дамъ.

Съ этимъ словомъ святой отецъ скрылся, но не прошло и пяти минутъ какъ онъ вернулся таща въ одной рукѣ тазъ и кувшинъ, а въ другой бутылку и стаканъ.

— На-ка, попробуй.

Съ этими словами онъ бухнулъ мнѣ лодный стаканъ, щелкнулъ языкомъ и повелъ рукой по горлу, какъ дѣлаютъ Греки оцѣщая особенное удовольствіе.

Въ стаканѣ оказалось великолѣпное кипрское вино; я съ наслажденіемъ отхлебнул нѣсколько глотковъ и продолжалъ отдыхать.

Отецъ Николай, поболтавъ шепотомъ съ человѣкомъ, обратился ко мнѣ:

— Допивай же бутылочку, да пойдемъ поклониться Гробу Господню.

Я всталъ и началъ одѣваться. Монахъ продолжалъ егозить около меня, обдавая залахомъ водки. Просто мочи нѣтъ.

— Батюшка, вы бы пошли да приказали приготовить воды окатиться, ужь очень жарко.

— Чтò ты, родной? Какъ это можно, въ нашемъ климатѣ это вредно, страна не та. А вотъ вечеркомъ я тебя въ баню свожу, это хорошо.

Я попросилъ его проводить меня въ храмъ.

Храмъ произвелъ на меня грустное впечатлѣніе; Турокъ съ трубкой, собирающій за входъ, недостроенный куполъ, завѣшанный цыновками и полотномъ въ лохмотьяхъ; бѣгающіе и ругающіеся монахи разныхъ сектъ. Все это поражаетъ и глубоко оскорбляетъ непривычнаго поклонника. Наконецъ мы подошли ко Святому Гробу. Я попросилъ услужливаго отца Николая оставить меня одного, и слустился въ пещеру. Тутъ только я провелъ единственныя отрадные минуты въ Иерусалимѣ. Кругомъ меня было тихо; старикъ монахъ читалъ у Гроба молитву на греческомъ языкѣ, я молился...

Когда я вышелъ и отправился поклониться остальнымъ святымъ мѣстамъ, я уже помирился съ печальною обстановкой. Но недолговременно было мое религиозное настроеніе...

По дорогѣ мнѣ показали путь земной и расщелину скалы Голговы, откуда слышны стоны грѣшниковъ во адѣ. Монахъ даже самъ нагнулся и послушавъ объявилъ что сегодня не такъ слышно, а то ужасно стонуть. Я ушелъ изъ храма; но не до конца была выцита чаша.

При выходѣ меня обступила толпа русскихъ бабъ и мужиковъ; они плакали и выли, прося взять ихъ въ Россію.

Многіе были тутъ еще съ 1852 года, и не имѣли съ чѣмъ вернуться. *

---

* Теперь этого болѣе нѣтъ. Въ Одессѣ иначе не выдаютъ билетовъ какъ съ оборожомъ.

Что они перенесли, чѣмъ жили, знаетъ одинъ Богъ. Мнѣ было ихъ жаль, очень жаль, я страдалъ за нихъ, но страдалъ и за себя. Около меня, скрививши рты, стояли два рыжіе туриста. Дорого бы я далъ чтобъ ихъ не было.

Офицеры собрались только къ обѣду. Намъ подали похлебку изъ лука съ чеснокомъ, баранину съ чеснокомъ, курицу съ рисомъ и всевозможными пряностями, конечно тоже съ чеснокомъ, курицу жареную на оливковомъ маслѣ и разныхъ лироговъ и леченій приготовленныхъ на томъ же маслѣ. Кофе я вышелъ пить на воздухъ; въ комнатѣ было невыносимо. Послѣ обѣда начали осматривать города. И что это за городъ! идешь по улицѣ, вдругъ очутишься на чьей-нибудь крышѣ. Какъ тутъ быть? Но въ углу есть лазейка: спустишься и попадаешь прямо на базаръ.

Насъ провели по страстному пути, показали домъ на мѣстѣ котораго стоялъ дворецъ Пилата. Накупивъ крестовъ, четокъ и другихъ вещей, мы отправились въ монастырь отдыхать, такъ какъ православная обѣдня начинается въ полночь.

Боже мой, что это была за ночь! Я ворочался, чесался, приходилъ въ изступленіе и наконецъ въ изнеможеніи уснулъ.

Не проспавъ я и часа, будить къ обѣдѣ отецъ Николай. Гляжу на него и вижу что онъ уже навеселѣ. И когда это онъ успѣваетъ.

- Отецъ Николай, меня блохи съѣли.
- И полно, какія теперь блохи?
- Да помилуй, отецъ Николай, я весь искусанъ.
- Это значить клопы, а блохъ теперь нѣтъ. Да ты не бойся, клопъ хорошей крови не трогаетъ, онъ только дурную высасываетъ.

Послѣ обѣда митрополитъ пригласилъ насъ въ патриаршую комнату, тутъ же въ храмѣ. Подали кофе, раки* и неизбѣжные на Востокѣ чубуки. Побесѣдовавъ съ нимъ полчаса, мы отправились олять спать.

Должно-быть во мнѣ не осталось дурной крови, я спалъ до восьми часовъ какъ убитый.

Въ девять часовъ капитанъ, въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ, отправился къ лашѣ съ визитомъ. Бакатори выступалъ важнѣе всѣхъ; онъ былъ взятъ какъ офиціальный переводчикъ.

* Раки—водка.

Цѣль нашего визита была, помимо удовольствія видѣть ясныя очи паша, и выхлопотать позволеніе осмотрѣть мечеть Омара построенную на мѣстѣ храма Соломона.

У воротъ дома паша насъ встрѣтилъ его секретарь, провель чрезъ нѣсколько комнатъ, набитыхъ разною вооруженною челядью, и наконецъ у дверей пріемной насъ принялъ самъ паша. Посмотрѣли на него и ахнули. Вылитый Тамберликъ въ молодости.

Сѣли. Подали, конечно, кофе, раки и олять чубуки. Паша лю-французски освѣдомился о здоровьи калитана; калитанъ спросилъ о здоровьи паша. Оба оказались здоровы. Такъ какъ тема разговора была исчерпана, помолчали. Наконецъ калитанъ въ залутанныхъ фразахъ пояснилъ ему что помимо удовольствія видѣть его превосходительство, ему бы хотѣлось получить позволеніе осмотрѣть мечеть Омара.

Паша отказалъ наотрѣвъ. Но калитанъ не отставалъ, сначала просилъ, потомъ косвенно погрозилъ что напишетъ нашему послу. Паша все не сдается, говоритъ что народъ у нихъ глупъ; фанатики вѣрятъ де что если хоть одинъ глуръ вступить въ мечеть, она станетъ христіанскимъ храмомъ. Чернь де можетъ подняться, и ему, пашѣ, будетъ де очень прискорбно если что случится съ такими дорогами, высокими гостями.

Такъ и ушаи ничего не добившись. На обратномъ пути въ монастырь, насъ провожала цѣлая ватага разнаго народа. Рельефнѣе всѣхъ выдѣлялась фигура одного индивидуума въ европейскомъ платьѣ и засаленной фуражкѣ. Посмотрѣвъ на него, можно было безошибочно сказать что кости его праотцевъ покоятся тутъ же гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ. Онъ подошелъ къ намъ и заговорилъ по-русски, примѣшивая французскія слова.

— Я говорилъ господину команданте *сто паса ницего не мозетъ, не послушалъ*, а теперь мы бы *уже все видѣли*.

— Что видѣли?

— Да *моекетъ* Омара.

— Какже паша говоритъ что нельзя?

— Это *паса* говоритъ, а я говорю *можно*.

— Да ты кто такой?

— Я Дукать, *муръ ву зервиръ*.

— Гдѣ ты по-русски выучился?

— Я въ Молдавіи былъ, русскимъ баяръ заужилъ, князю.., графу... *можетъ* знакомы вамъ? И много офицеровъ зналъ; бароновъ и простыхъ. *Сто* же, пойдете смотрѣть *мокетъ*?

Калитанъ не совѣтовалъ довѣряться Еврею, но любопытство одолѣло благоразумные совѣты. Нѣсколько офицеровъ и я пошли съ Дукатомъ.

Громадное зданіе мечети Омара обнесено обширною оградой къ которой съ сѣверо-восточной стороны примыкаетъ казарма турецкой регулярной пѣхоты. Прямо въ эту-то казарму насъ и повелъ Дукать.

Только-что мы подошли, къ нему подбѣгаетъ офицеръ и начинаетъ кричать. Еврей, тихо отгрызаясь, полѣзъ въ карманъ и сунулъ ему что-то въ руку. Офицеръ видимо смягчился, но продолжалъ шумѣть. Слезилъ Дукать еще въ карманъ; офицеръ ублажился, мы пошли далѣе.

У дверей сидѣлъ на корточкахъ часовой, поставивъ ружье къ стѣнѣ; когда мы съ нимъ поравнялись, онъ схватилъ его, брякнулъ на крауль и протянувъ руку, громко произнесъ:

— Бакшишъ, кавадзе. *

Далъ Дукать и ему какой-то турецкой трухи. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ и подъемовъ мы очутились на крышѣ, и предъ нами стояла величественная мечеть Омара.

— Какъ Дукать, только-то!

— *Дего* же вамъ *болше*, *въ Англичане* отсюда смотрять. А тамъ внутри и смотрѣть *нечего*.

— Ну спасибо и на этомъ.

Съ этой минуты Дукать считалъ себя въ правѣ постоянно находиться при насъ. Бѣгалъ по разнымъ порученіямъ и исполнялъ всевозможныя комиссіи. Когда черезъ полтора года, командуя конвоемъ Великой Княгини Александры Иосифовны, я опять былъ въ Иерусалимѣ, я имѣлъ несчастіе откомендовать Дуката нашему извѣстному писателю Д. В. Гр—чу. Мало того что Еврей укралъ у него деньги и чемоданъ, но стащилъ даже записки которыя писались чуть не цѣлый годъ.

Въ этотъ день мы обѣдали рано, такъ какъ въ три часа рѣшено было ѣхать на Иорданъ. Туда на Виселемъ, монастырь Св. Саввы и Мертвое Море, а обратно на Иерихонъ и Виванію.

* * На водку, господимъ.

Капитанъ съ нами не поѣхалъ, у него занемогла жена, и онъ остался въ Иерусалимѣ. Намъ было дано только полтора дня; въ это время мы должны были обскакать всѣ вышеупомянутыя мѣстности.

Папа непремѣнно желалъ чтобы мы взяли конвой. Какъ мы на отговаривались, онъ все твердилъ свое: что скажутъ въ Стамбулѣ если что приключится съ такими высокими, дорогими путешественниками?

Когда нѣтъ войны между кочующими около Иордана племенами, то опасности нѣтъ никакой. Про бедуиновъ нельзя сказать что они въ душѣ разбойники, но у нихъ ужъ такой обычай. Напримеръ ѣдутъ четыре человѣка и встрѣчаютъ одного: вѣдь глупо же въ самомъ дѣлѣ его не ограбить.

И ограбленный никогда не бываетъ въ претензіи; поѣдетъ и онъ когда-нибудь въ компаніи, ну и возьметъ реваншъ.

Да Европейцевъ они вообще не любятъ трогать. Ограбъ своего брата бедуина, ничего; а тронь Франка,* и не оберешься хлопотъ. Вступятся консулы, пойдутъ поборы, сажаютъ въ тюрьму праваго и виноватаго. Да и сами-то Франки народъ опасный: вѣчно съ пистолетомъ о шести выстрѣлахъ. Пожалуй въдесятеромъ одного не одолѣешь.

Несмотря на всѣ наши отказы, конвой все-таки явился. Ровно въ три часа, восемь башу-бузуковъ вѣхали на дворъ монастыря. И что за вооруженіе было на нихъ! Кто съ самопаломъ, кто съ ликою, времянъ крестоносцевъ, у кого на животѣ цѣлый арсеналъ и съ боку сабля согнутая чуть не въ полкруга. Лошади были у всѣхъ хорошия.

— Monsieur Бакатори, зачѣмъ они намъ? Дайте имъ бакшишъ и отпустите.

— M. le lieutenant, оно конечно ихъ не надо, тѣмъ болѣе что если что случится они первые убѣгутъ, но ихъ нельзя отпустить, le pacha a fait des frais, онъ уже схватилъ на базарѣ двухъ шейховъ и засадилъ.

— Тѣмъ лучше, Monsieur Бакатори, если есть заложники, мы значить безопасны.

— M. le lieutenant, оно конечно такъ; но вы лишаете нашу дохода, а на это есть такса. Конвойные только получаютъ бакшишъ.

— Ну, лускай ѣдутъ.

* Франкомъ на Востокъ зовутъ всякаго Европейца.

Насъ было семь человекъ офицеровъ, фрегатскій іеромонахъ, пять матросовъ, Бакатори и отецъ Николай.

Провизія была отправлена на ослѣ, прямо въ монастырь Св. Саввы, который отъ Іерусалима въ двѣнадцать верстахъ.

Шумною кавалькадой мы выѣхали въ Виелеемскія ворота и спустились въ долину. Направо была видна Яффская дорога и Рама, налѣво немного впереди гора и монастырь Св. Иаки. До Виелеема только два часа луги. Наши конвойные Арабы начали джигитовать, офицеры поскакали тоже, я хотѣлъ послѣдовать за ними, какъ услышалъ за собой отчаянный вопль. Обернувшись, вижу нашъ фрегатскій іеромонахъ, держась обѣими руками за гриву, балансируетъ на конѣ, который не хотѣлъ отставать отъ своихъ товарищей. Я предложилъ ему вернуться, онъ наотрѣвъ объявилъ что предпочитаетъ лучше разбиться въ дребезги чѣмъ упустить случай побывать на Іорданѣ. Мы поѣхали шагомъ.

Наконецъ показался Виелеемъ и знаменитый святой храмъ, ключи къ которому еще такъ недавно были однимъ изъ яредлоговъ пролитія столько крови.

Когда я преклонился предъ звѣздой съ латинскою надписью кругомъ: „*Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est*“, * я помолился за падшихъ моихъ севастопольскихъ товарищей.

Не разсѣдывая лошадей, мы осмотрѣли храмъ и поскакали къ монастырю Св. Саввы.

Поздно вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы прибыли въ святую обитель. Монастырь Св. Саввы стоитъ въ какой-то трещинѣ, окруженный дикими голыми скалами. Офицеры пошли въ храмъ, я остался распорядиться ночлегомъ и отдать приказанія на завтрашній день. Когда я вошелъ во храмъ, ко мнѣ подошелъ свѣдой инокъ и кроткимъ голосомъ сказалъ:

— Сынъ мой, скинь свое оружіе.

Я вернулся на палерть, сбросилъ саблю и револьверъ и попросилъ монаха отслужить молебень.

Онъ началъ облачатся и обернувшись спросилъ меня:

— За кого молиться, какъ тебя зовутъ?

— Аркадій, батюшка.

Вмѣсто того чтобы начать службу, онъ взялъ меня за

* Здѣсь отъ Дѣвы Маріи родился Іисусъ Христосъ.

руку и подвелъ къ серебряной ракъ, въ которой лежало три черепа и кости.

— Поклонись, сынъ мой, вотъ мощи твоего патрона.

Другіе два черепа принадлежатъ прелодобнымъ Ксенофонту и Симеону. Отслуживъ молебень, я пошелъ осматривать храмъ; ко мнѣ подбѣжалъ отецъ Николай.

— Аркадій Дмитриевичъ, пооди сюда. Экое тебѣ счастье! Я чуть было не забылъ. Вѣдь тутъ мощи твоего патрона. Хочешь молебень отслужу?

— Благодарю, батюшка, я только-что отслушалъ.

— Ну не надо, пойдемъ ужинать, пора.

Обитель Св. Саввы одна изъ самыхъ строгихъ; трапеза бываетъ только разъ въ день, и то очень скудная. Говорятъ въ посты монахи принимаютъ пищу только два раза въ недѣлю; и то эту пищу привозятъ изъ Иерусалима. Окружающія голыя скалы не производятъ ничего.

Послѣ нашего ужина, къ намъ вошли два монаха: одинъ съ кружкой, другой съ двумя книгами для записыванія за здравіе и за упокой. Меня монахъ по ошибкѣ записалъ въ заупокойную книгу. Я просилъ перелисать, онъ вычеркнулъ, а потомъ все-таки записалъ за упокой раба Божія Аркадія. Я болѣе не сталъ спорить, такъ вѣроятно меня и поминаютъ до сихъ поръ за упокой.

На другой день еще до разсвѣта мы, отслушавъ утреннюю службу, пустились далѣе.

Дорога къ Мертвому Морю идетъ черезъ дикія Іудейскія горы, спадающія грядами. Подымешься на высоту, Мертвое Море кажется рукой достать можно, только перевалить черезъ ближайшую гряду, а подымешься на нее, олять та же исторія. Наконецъ поднявшись на послѣднюю возвышенность, мы очутились предъ дивною, величественною картиною.

Впереди каменистыя груды Аравіи, съ лѣвой стороны вилась серебряная лента Іордана, окаймленная густою, яркою зеленью. Направо, какъ расплавленный свинецъ въ котлѣ, Мертвое Море. Сзади насъ фантастически нагроможденныя скалы Іудейскихъ горъ.

Все это освѣщалось волшебнымъ свѣтомъ съ невѣроятными переливами.

Мы быстро стали спускаться къ морю. Дѣйствительно, онъ мертвое: ни растительности возлѣ, ни птицы надъ нимъ, ни плеска на водѣ отъ рыбы! Тишина мертвая.

Долго я стоялъ на берегу и любовался окружавшею меня картиной. Вся библейская исторія промелькнула у меня въ памяти. Тамъ, далеко, Аравійская пустыня, тутъ Обѣтованная Земля. Налѣво Иорданъ и мѣсто гдѣ крестился Спаситель, направо безжизненные воды поглотившія Содомъ и Гоморру. Голосъ отца Николая прервалъ мои думы.

— Ступай завтракать, я ужъ и кофе приготовилъ.

Я вернулся къ нашему бивуаку.

Всѣ рѣшили не оставаться тутъ долго, а ѣхать прямо къ Иордану, до котораго только полтора часа, и тамъ сдѣлать привалъ.

Мы ѣхли на лошадей, и по почвѣ пролитавной селитрой и разными солями, лѣхали шагомъ къ Иордану.

Подъѣзжая къ кустамъ окаймляющимъ Иорданъ, наши конвойные баши-бузуки выправили свои винтовки, взвели курки и держа ихъ наготовѣ, осторожно въѣхали въ чащу.

— *Monsieur* Бакатори, развѣ есть какая опасность?

— Да вотъ конвойные говорятъ что одно заиорданское бедунское общество угнало у іерихонскихъ полу-осѣдлыхъ Арабовъ стадо барановъ и козъ, ждутъ военныхъ дѣйствій. Но для насъ, *M. le lieutenant*, опасности вѣроятно нѣтъ.

Мы лѣхали далѣе. *

Чѣмъ болѣе мы приближались къ Иордану, тѣмъ болѣе проявлялась во всемъ жизнь. Зелень становилась гуще и ярче, насккомыя и мошки, и наконецъ птицы въ родѣ нашихъ сорокъ и горлицъ.

Но вотъ открылся Иорданъ. Нашъ фрегатскій іеромонахъ выѣхалъ впередъ, поднялъ крестъ и закричалъ: *Спаси Господи люди Твоя*. Мы молча, снявъ шапки, лѣхали ко святому берегу.

Въ томъ мѣстѣ гдѣ мы остановились, рѣка была довольно широка, съ теченіемъ незамѣтнымъ, но правѣе она суживалась и текла между камнями, почти порогами.

Былъ полдень и жаръ страшный. Мы начали купаться. Я изъ первыхъ бросился въ воду и легъ на спину, съ наслажденіемъ впитывая въ себя прохладу струй. Уши у меня были въ водѣ, я хотя и слышалъ какой-то шумъ, но не обращалъ вниманія.

* Черезъ десять дней послѣ насъ, пришелъ въ Яффу бригъ *Филометра*, и офицеры не могли ѣхать на Иорданъ. У бедуновъ началась война, и пошлн свои Гравеласты и свои Седаны.

Вдругъ ударъ въ лопатку заставилъ меня перевернуться. Я былъ въ лорогахъ. Попробовалъ стать на ноги—сбило те ченіемъ, ухватился за камень—тащить. Я поплылъ по теченію, придерживаясь немного къ берегу. Не знаю съ какой стати я придерживался лѣвому берегу, а не тому на которомъ мы раздѣвались. Только-что я подплыву къ крутому берегу и хочу ухватиться за нависшую вѣтку плакучей ивы, меня опять отнесетъ, или вѣтка оборвется. Я сталъ изнемогать; записка за улокой неволью пришла мнѣ на мысль. Вдругъ кто-то ухватилъ меня за волосы и за руку, и вытащилъ на землю. Я очутился лицомъ къ лицу съ тремя бедуинами. Не сообразивъ еще своего положенія, я обернулся на шумъ и гвалтъ на противоположной сторонѣ, и что же вижу: мои товарищи, безъ костюмовъ, съ револьверами и ружьями, бѣгутъ по берегу, кричатъ и цѣляютъ въ бедуиновъ. Тѣ знаками ихъ усложнили, изъявляя полную покорность, схватили меня за руки, отнесли къ тому мѣсту противъ котораго мы остановились, и влავъ прибуксировали къ моимъ товарищамъ.

Я далъ имъ нѣсколько золотыхъ и не зналъ какъ отдѣлаться отъ ихъ благодарности.

Отецъ Николай и тутъ нашелся вернуть саовдо.

— Хорошій ты человекъ, Аркадій Дмитриевичъ, но много далъ. Ну зачѣмъ этимъ бестіямъ разбойникамъ деньги? Лучше бы на монастырь что-нибудь удѣлилъ.

Отдохнувъ въ тѣни тамариновъ, мы въ четыре часа отправились въ луть въ Иерихонъ.

При закатѣ солнца мы подъѣхали къ развалинамъ римской башни, на томъ мѣстѣ гдѣ нѣкогда былъ Иерихонъ. Остатковъ отъ города разрушеннаго звукомъ трубъ нѣтъ никакихъ. Но владычество Рамлянъ и слѣды ихъ цивилизациі видны и теперь. Налѣво отъ башни, по направленію Иудейскихъ горъ, красовались величественные водопроводы. Направо первобытные шатры бедуиновъ, до которыхъ, со времени Авраама, еще не коснулось цивилизациа. Да и зачѣмъ она? Намъ было такъ хорошо, мы съ платформы башни любовались дивною картиной которая не измѣнилась со времени Иисуса Навина.

Пастухи-бедуины гнали стада овецъ и козъ, дочери ихъ принимали, жены разводили огни и готовили ужинъ. Весь образъ ихъ жизни остался тотъ же съ библейскихъ временъ

Одѣя вивтовки за плечами нарушали общую гармонію. Природа кругомъ величественная, воздухъ улоительный. Не будь они бестіи и разбойники (какъ выражается отецъ Николай), такъ бы и поселился тутъ.

Мичману К^{***} пришла фантазія непременно достать молока. По какимъ-то личнымъ соображеніямъ, отецъ Николай отказался наотрѣзъ идти хлопотать. К^{***} отправился самъ, поклявшись достать молока, если не отъ шейха, то отъ *madame sa femme*.

Шейхъ принялъ его торжественно, посадилъ на коверъ между собой и старшею женой, и началъ угощать.

Послѣ обычного кофе и нарگیле, К^{***} по-арабски назвалъ молоко. Тотчасъ же одна изъ женъ вышла, и принесла большую асфальтовую чашу молока. Шейхъ досталъ огромный кусокъ сахару, окунулъ его въ чашу, пососалъ и передалъ К^{***}, приглашая его сдѣлать то же самое, и передать далѣе. Когда сахаръ былъ обсосанъ всѣми женами и всѣми грязными ребятшками, и вернулся къ патріарху шейху, онъ опустилъ его въ молоко, началъ давить его большимъ пальцемъ. Когда сахаръ разошелся, онъ ломѣшалъ окончательно пальцемъ и съ низкимъ поклономъ подалъ чашу гостю. Тотъ напелся, принялъ ее съ благодарностію и чрезъ Бакатори объяснилъ что сначала отнесетъ офицерамъ которые старше его. Откалялся шейху и его дамамъ и принесъ намъ молоко. Охотниковъ до него не нашлось. Положено было отправиться далѣе въ 11 часовъ, когда встанетъ луна. Осталось не много времени. Я сладко дремалъ.

— Вставайте, ваше благородіе, луна взошла, лошади осѣдлааны.

Грустно отозвались эти слова разбудившаго меня матроса. Я полюбовался еще разъ, и послѣдній, восхитительною картиной. Полная луна освѣщала ее волшебнымъ свѣтомъ. Я вскочилъ на лошадь, и крупною рысью повелъ караванъ. Дорога къ Вианіи пролегла опять дикими ущельями Іудейскихъ горъ. На протяженіи пяти часовъ, ни жилица, ни растительности, ничего. Одѣя мрачныя скалы и мертвая тишина, нарушаемая только копытами нашихъ лошадей и изрѣдка отдаленнымъ воемъ шакаловъ.

Въ 5 часу мы подѣхали ко грудѣ беспорядочно набросанныхъ камней. Это Вианія.

Остановиться намъ было нельзя, рано утромъ мы должны

были быть въ Иерусалимѣ. При свѣтѣ факеловъ осмотрѣвъ пещеру, похожую на колодезь, гдѣ совершилось чудо воскресенія Лазаря, мы сѣли на лошадей и поскакали далѣе. Заря только-что занималась, когда мы чрезъ Иосафатову долину подѣхали къ стѣнамъ Иерусалима. Ворота были еще залерты, и мы воспользовались временемъ чтобъ осмотрѣть храмъ Усленія Богородицы, Геосиманскій садъ и Элеонскую гору.

Въ 8 часовъ мы уже были въ Греческомъ монастырѣ, гдѣ калитанъ насъ дожидался слушать заказную обѣдню. Послѣ литургіи, мы пошли откланяться митрополиту. Онъ благословилъ насъ и далъ каждому грамоту „въ отпущеніи грѣховъ“. Мы пошли собираться въ обратный путь. Накуливъ еще четокъ и крестовъ, вернулись домой укладываться. Влопыхахъ прибѣжалъ отецъ Николай.

— Чтò вы надѣлали, а я это и забылъ предупредить. Вѣдь вы все рублями на серебро платили?

— Да, а чтò?

— А тутъ все на ассигнаціи считаютъ. Чтò бы меня ранѣе спросить?

Меня дѣйствительно удивило что иногда при торгѣ, если два рубля покажется дорого, покажешь лять франковъ, торговецъ тотчасъ же соглашался и схватывалъ монету отдавая вещь.

Теперь оставалось заллатить монастырю. Офицеры поручили мнѣ дать 40 золотыхъ монастырю и 10 отцу Николаю, но прежде попытать послѣдняго довольно ли будетъ?

Я вышелъ въ другую комнату и пригласилъ его съ собой.

— Отецъ Николай, чтò же мы вамъ должны?

— Какъ, за чтò? Ну не ожидалъ я этого отъ тебя, А. Д., право не ожидалъ. Мы-то съ васъ деньги станемъ брать! Обидно даже. Все чтò ни видишь тутъ, все ваше. Мы и живемъ-то только одною матушкой Россіей. Рады-радехоньки что хоть разъ Богъ привелъ вамъ отплатить. Ужь это ты напрасно, право не ожидалъ.

Руками даже замахалъ и хотѣлъ уйти. Я сконфузился.

— Отецъ Николай, хотя на монастырь-то примите что-нибудь.

— Ну это дѣло другое, я тебѣ сейчасъ кружку пришлю.

Не прошло и минуты, вошелъ монахъ съ кружкой, помолвившись, поклонился и сталъ въ смиренную позу. Я опустилъ

одинъ за другимъ 40 полуимперіаловъ, монахъ присѣдая кланялся, вздыхалъ и что-то шепталъ—должно быть молитву.

Онъ вышелъ, вошелъ другой, тоже съ кружкой.

— Это куда же, батюшка?

— На украшеніе храма,—олять поклоновъ.

Я олустилъ въ кружку золотые приготовленные отцу Николаю, безсознательно, машинально.

Вошелъ третій — и олять съ кружкой. Я сконфузился и ушелъ къ офицерамъ объявить что вышелъ изъ бюджета.

— Сколько же дать въ третью кружку?

— Да ты узнай нѣтъ ли еще, отвѣчали мнѣ. — Дали еще денегъ, я вышелъ и спросилъ отца Николая.

— А еще есть кружки?

— Не знаю, родной, вѣдь я этимъ дѣломъ не занимаюсь.

— Такъ потрудитесь посмотрѣть, и если есть еще, пришлите ихъ всѣ разомъ.

Вошло еще пять кружекъ!

И какого тутъ не было сбора! Пришлось одѣлать всѣ восемь кружекъ. Но за то отцу Николаю сбавили и дали только по золотому съ человѣка, итого семь. Но онъ остался въ восторгѣ.

— Мнѣ хотя вашихъ денегъ и не надо, но полюбилъ я васъ очень. Я васъ иначе не лущу въ путь какъ отслужу молебень на Гробѣ Господнемъ. По-русски отслужу, вотъ какъ.—И зачмокалъ, ловодя рукой по горлу. Пошли.

Столпившись въ предверьи входа ко Святому Гробу, мы стояли на колѣняхъ, отецъ Николай служилъ молебень, и очень не твердо. Дойдя до эктеньи онъ уломянулъ весь царствующій російскій домъ, и вслѣдъ за симъ всѣхъ офицеровъ по имени и отчеству.

Выслушавъ еще всевозможныя пожеланія отъ святыхъ отцовъ, мы пошли садиться на лошадей. Караванъ тронулся.

Я остался назади чтобы пропустить всю команду. Вдругъ слышу шумъ въ концѣ монастырскаго двора.

Отправляюсь туда, и вижу нашего старшаго машиниста Янкеля, изъ Евреевъ, бушующаго съ Арабомъ, погонщикомъ мула.

— Янкель, что у тебя?

— Да вотъ, ваше благородіе, я ему и деньги впередъ отдалъ до Яффы, онъ не хочетъ везти моей клажи.

Я посмотрѣлъ на мула, и ахнулъ. Около десяти мѣшковъ

вистало на его спинѣ, онъ же стоялъ неподвижно отъ давившей его тяжести.

— Янкель, что у тебя въ мышкахъ?

— Земля, ваше благородіе.

— Какая земля?

— Иерусалимская, самая чистая.

— Да зачѣмъ она тебѣ?

— У насъ въ законѣ, ваше благородіе, если Еврей умираетъ, ему раввинъ кладетъ на лобъ щепотку іерусалимской земли. Только у нихъ не совсѣмъ настоящая, а разбавленная, а это цѣльная. У меня и свидѣтельство есть отъ раввина, сколько фунтовъ. Я большія деньги возьму.

— Ну такъ возьми еще осла.

— Сказано Жидъ, механикъ. Сердито проворчалъ нашъ старшій боцманъ Тарасъ Егоровичъ. Черезъ четверть часа мы догнали караванъ.

На послѣдней высотѣ, откуда скрывается Иерусалимъ, мы свѣзли съ лошадей и послѣдній разъ поклонились святому городу.

Отъ Иерусалима до Рамны дорога идетъ ущельями, и нигдѣ нѣтъ жилья. Развалины Эммауса и деревня Абугошъ, резиденція шейховъ Абугошей, властителей Иудейскихъ горъ, остаются лѣвѣе. Мы рѣшились сдѣлать недолгій привалъ около Эммауса, ѣхать прямо до Рамны, и тамъ ночевать въ греческомъ монастырѣ.

Уже совсѣмъ смерклось когда мы вѣзхали въ дефилей Бабель-Буадъ. Тутъ чуть не погибло все войско Ибрагима-паша. Но не до историческихъ мнѣ было воспоминаній. Я былъ утомленъ, у меня начиналась лихорадка. Я спалъ съ открытыми глазами, мнѣ мерещились миражи. По лятнадцати часовъ въ сутки проводимыхъ въ сѣдлѣ, при возможности уснуть въ сутки не болѣе пяти часовъ, это отозвалось на моемъ здоровьи. Въ Рамнѣ меня сняли съ лошади и я едва дошелъ до постели. Пять часовъ отдыха, хотя и не покойнаго, и свѣжій утренній воздухъ поправили мои силы. Мы тронулись въ путь. Очаровательная картина представляется вамъ когда вы чрезъ Саронскую долину подъѣзжаете къ Яффѣ. Впереди на горизонтѣ голубое Средиземное море, сливающееся съ такимъ же небомъ; ближе Яффа утопающая въ роскошныхъ садахъ; налѣво, вдали, лусыня; направо остатки Саронскихъ лѣсовъ, волшебныхъ лѣсовъ воспѣтыхъ Тассомъ.

По нашемъ прибытіи на фрегатъ, вторая половина офицеровъ отправилась въ Иерусалимъ. Что было въ эти дни, я положительно не помню. Вахта и какой-то летаргическій сонъ, и олять вахта. Только чтобы не стѣснять офицеровъ я не сказывался больнымъ. Но какъ только прѣехала вторая половина, я подалъ рапортъ о болѣзни.

Фрегатъ *Полканъ*, при тихомъ вѣтрѣ, снялся съ якоря, и пройдя мимо развалинъ Аскалона, направился къ берегамъ Египта...

А. САТИНЪ.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XIII.

Новые друзья.

Повѣдка въ Іоксамъ состоялась вскорѣ послѣ посѣщенія графа. Много совѣщаній было въ домѣ ректора-священника прежде чѣмъ Ловелл рѣшили какъ сдѣлать приглашеніе. Графъ полагалъ что оно должно быть адресовано матери. Противъ этого съ жаромъ возсталъ священникъ, все еще считавшій возможнымъ не признавать титула графини пока не будетъ рѣшено окончательно что графъ женится на ея дочери. Мистрисъ Ловелл полагала что если дочь будетъ признана леди Ловелл, то и мать должна быть признана графиней, и что если ужъ дѣлать, то дѣлать какъ слѣдуетъ. Но благоразумная тетушка Джюлія держала сторону брата, хотя и не раздѣляла его ненависти къ графинѣ.

— Мы дадимъ понять что приглашаемъ дочь, а не мать,— и такъ какъ еще очень возможно что нашъ планъ окажется неисполнимымъ и что придется продолжать тяжбу, то чѣмъ

* См. *Русск. Вѣсти.* №№ 5, 6 и 7.

менѣе мы уступимъ тѣмъ лучше. Графъ объявилъ что тяжба не возобновится ни въ какомъ случаѣ сколько это зависитъ отъ него.

— Но, милый мой Фредерикъ, это зависитъ не отъ тебя одного. Италіанка продолжающая называть себя графиней можетъ предъявить свои притязанія лишь только ты откажешься отъ своихъ, и если она будетъ имѣть шансы на успѣхъ, тебѣ придется войти въ соглашеніе съ ней. Вотъ мое мнѣніе. Этотъ взглядъ на дѣло, принадлежавшій миссъ Ловель, былъ такъ ясенъ что взялъ верхъ, и письмо написанное мистрисъ Ловель было адресовано леди Аннѣ. Ее приглашали пріѣхать погостить нѣсколько дней въ Іоксамъ. Она могла если хотѣла привезти съ собою свою горничную, но во всякомъ случаѣ горничная мистрисъ Ловель къ ея услугамъ. Письмо звучало сухо, хотя писавшая его подписалась „любящая васъ“, и было адресовано: „Гг. Гоффу и Гоффу, Грей-Инъ, съ передачей леди Аннѣ Лсвель“.

Леди Аннѣ позволено было прочесть его первой, но въ присутствіи матери, которой она тотчасъ же и передала его. Лицо графини омрачилось и взглядъ ея принялъ почти гнѣвное выраженіе.

— Оно не нравится вамъ, мама? спросила дочь.

— Оно гармонируетъ съ цѣлымъ, другъ мой, но это не бѣда. Побѣда дается не легко и нельзя ожидать чтобы любведенные сложили оружіе съ довольнымъ видомъ. Но со временемъ все уладится. И не нужно также обращать вниманія на то что они вовсе не хотятъ знать меня. Я не искала ихъ расположенія.

— Я не поѣду, мама, если они неучтивы съ вами.

— Ты должна ѣхать, другъ мой. Они такъ глупы что считаютъ возможнымъ признать твои права отвергая мои, но это не бѣда. Ты должна ѣхать и поѣдешь какъ прилично дочери графа Ловеля.

Намекъ о горничной былъ сдѣланъ невпопадъ. Намѣреніемъ мистрисъ Ловель было вывести дѣвушку изъ затрудненія сказавъ ей что она можетъ пріѣхать безъ прислуги, и она сдѣлала это фамиллярнымъ тономъ пожилой женщины съ молодой родственницей, но графиня, которая безъ этого намека не подумала бы о служанкѣ, теперь объявила что дочь поѣдетъ со всѣмъ комфортомъ приличнымъ дочери графа, и леди Анна, подъ диктовку матери, написала слѣдующій отвѣтъ:

„Виндгамъ-Стритъ, 3го августа 183—

„Дорогая мистрисъ Ловель.

„Съ удовольствіемъ принимаю ваше доброе приглашеніе, но не могу воспользоваться имъ раньше 10го. Въ этотъ день я выѣду изъ Лондона въ Йоркъ въ почтовомъ дилижансѣ. Можеть-быть вы будете такъ добры что вышлете кого-нибудь встрѣтить меня въ то мѣсто гдѣ останавливается дилижансѣ. Пользуясь вашимъ позволеніемъ, я привезу съ собою свою горничную.

„Любящая васъ,
„Анна Ловель.“

— Но мнѣ не нужна горничная, мама, сказала дѣвушка, никогда не имѣвшая горничной и часто оправлявшая сама постель своей матери и свою.

— Тѣмъ не менѣе ты поѣдешь съ горничной, и чѣмъ скорѣе ты начнешь мѣнять свои привычки тѣмъ легче тебѣ будетъ отстать отъ старыхъ.

Графиня отправилась немедленно къ мистеру Гоффу чтобы достать денегъ на поѣздку дочери. Она объявила ему что Анна ѣдетъ къ своимъ новымъ друзьямъ, мистрисъ Ловель, миссъ Ловель и маленькимъ Ловедамъ, ѣдетъ въ качествѣ законной дочери покойнаго лорда Ловеля и невѣсты молодого графа, и должна быть экипирована прилично своему положенію. Мистеръ Гоффъ дѣлалъ возраженія, по обыквенію стряпчихъ, но кончилось тѣмъ что графиня получила нужную ей сумму. Господа Гоффъ и Гоффъ и Нортонъ и Фликъ сдѣлали одновременное заявленіе хранителямъ состоянія покойнаго графа о необходимости помочь графинѣ, и деньги были выданы. Мистеръ Гоффъ намекнулъ что можно пока не тратить на наряды молодой особы такую большую сумму какую желала получить графиня. Она улыбнулась и отвѣчала:

— Вы не имѣете понятія, мистеръ Гоффъ, до какой нужды мы дошли. Если я скажу вамъ что вотъ это платье единственное въ которомъ я могу прилично выйти изъ дома, вы можеть-быть не повѣрите мнѣ.

Мистеръ Гоффъ былъ тронутъ и далъ удовлетворительную сумму. Онъ надѣялся что тяжба будетъ рѣшена въ пользу графини, и что расчетъ совершится безъ всякихъ затрудненій. Въ противномъ случаѣ онъ могъ включить забрацанные ею деньги въ счетъ своихъ издержекъ на ея дѣло. Онъ рисковалъ бѣльшимъ для кліентовъ далеко не столь значительныхъ какъ графиня и ея дочь.

Графиня указала на свое платье, но она не истратила на себя ни одного шиллинга изъ денегъ выданныхъ мистеромъ Гоффомъ. Она думала только о томъ чтобъ Анна могла отправиться въ Йоксамъ какъ прилично дочери графа Ловеля. Большия свертки, адресованные леди Аннѣ Ловель, посылались ежедневно изъ лучшихъ лондонскихъ магазиновъ въ Виндгамъ-Стритъ. Двѣ швеи были заняты исключительно приготовленіемъ ея нарядовъ. Все это смущало бѣдную дѣвушку, но она растерялась окончательно когда пришла горничная, на видъ настоящая леди и одѣтая такъ хорошо что леди Анна могла бы позавидовать ей въ былое время.

— Я не знаю даже какъ говорить съ ней, мама, сказала она.

— Научись въ два дня если захочешь примѣниться къ своему положенію, отвѣчала графиня, которая, снабжая дочь этою дорогою наперсницей, имѣла въ виду что чѣмъ болѣе Анна познакомится съ прелестью комфорта аристократической жизни тѣмъ труднѣе покажется ей подчиниться грубой обстановкѣ жизни съ Даніелемъ Твейтомъ, портнымъ.

Графиня проводила дочь въ дилижансъ, налутствуя ее многими совѣтами.

— Держи голову выше когда будешь у нихъ. Это твой долгъ. По крови ты благороднѣе ихъ всѣхъ. И не забывай также что ты въ сущности и богаче ихъ всѣхъ. Ты будешь, конечно, учтива и ласкова съ ними, это въ твоемъ характерѣ, но не позволяй себѣ ни на минуту считать себя ниже ихъ.

Леди Анна, не придававшая большаго значенія своему титулу который до сихъ поръ былъ для нея болѣе помѣхой чѣмъ преимуществомъ, вспомнила о своей жизни въ Комберландѣ и о своемъ долгѣ благодарности сыну портнаго. Но въ то же время противъ ея воли вспомнилась ей и невыразимая привлекательность молодаго графа котораго она видѣла только разъ.

— Держи голову выше и требуй должнаго тебѣ почтенія, сказала графиня.

На дворѣ Йоркской гостиницы леди Анну ждалъ экипажъ, а въ экипажѣ миссъ Ловель. Въ послѣднюю минуту, въ домѣ священника, рѣшено было что Анну встрѣтитъ умнѣйшая женщина въ семействѣ. Какова-то окажется дѣвушка которую они примутъ къ себѣ въ качествѣ леди Анны Ловель, дѣвушка жившая съ дѣтства въ обществѣ портныхъ, у матери которой они до послѣдняго времени приписывали всевозможные недостатки? Этотъ вопросъ безпокоилъ Ловелей.

Молодой графъ говорилъ что она не только хороша собой, но и женственна, со скромными манерами, и во всѣхъ отношеніяхъ леди. Но графъ былъ молодъ и могъ быть ослѣвленъ красотой, а дѣвушка была можетъ-быть настолько умна что сумѣла сыграть роль порядочной женщины. Они слышали о ней такъ много дурнаго что не могли сразу повѣрить хорошему. Какъ бы то ни было, но миссъ Ловель способна была разгадать ее въ теченіи часа ѣзды, и на семейномъ совѣтѣ рѣшено было что навстрѣчу къ леди Аннѣ отправится миссъ Ловель. Она не вышла изъ экипажа, но выслала на помощь гостя лакея.

— Очень рада видѣть васъ, другъ мой, сказала она.—О, вы привезли съ собой служанку! Мы этого не ожидали. Сзади есть мѣсто куда она можетъ сѣсть.

— Мама сочла нужнымъ чтобъ я взяла съ собою горничную. Надѣюсь что это не стѣснитъ васъ, мистрисъ Ловель?

— Я забыла представиться вамъ. Я миссъ Ловель; юксамскій священникъ мѣ братъ. Служанка насъ не стѣснитъ ни мало. Она вѣроятно долго жила у васъ, и вы привыкли къ ней.

— О, нѣтъ! Она поступила къ намъ только третьяго дня.

Миссъ Ловель поняла для чего была взята горничная.

Леди Анна дорогой говорила мало, но миссъ Ловель успѣла передать ей многое. Молодой графъ былъ въ отсутствіи. Онъ уѣхалъ съ однимъ другомъ въ Шотландію, но къ двадцатому возвратится. Два мальчика проводили вакаціонное время дома, но черезъ двѣ недѣли должны были отправиться въ школу. Для Минни Ловель, дочери, въ домѣ жила гувернантка. Домъ священника былъ просторенъ и удобенъ. Лордъ Ловель провелъ въ немъ дѣтство, но въ послѣднее время бывалъ рѣдко. Онъ считалъ нужнымъ провести часть осени въ Ловель-Гренджѣ.

— Вы конечно видѣли Ловель-Гренджъ?

— Нѣтъ, никогда.

— Неужели? Но вы жили близко отъ этого мѣста.

— Не очень близко; на разстояніи пятнадцати миль или около того. Я родилась въ Ловель-Гренджѣ, но была увезена оттуда ребенкомъ.

— О! такъ вы родились тамъ. Вы конечно знаете что теперь Ловель-Гренджъ принадлежитъ лорду Ловелю. Не могу сказать чтобъ ему нравилось его помѣстье; хотя мѣстоположеніе

великолѣпное, но онъ не считаетъ нужнымъ проводить тамъ хоть часть года. Вы видѣли моего племянника?

— Да, онъ былъ у насъ однажды.

— Надѣюсь что онъ понравился вамъ. Намъ онъ кажется очень привлекательнымъ, но для насъ онъ все равно что сынъ. Имѣете вы обыкновеніе посѣщать бѣдныхъ?

— Мнѣ никогда не приходилось посѣщать бѣдныхъ, отвѣчала леди Анна.

— О, Боже!

— Мы сами были всегда очень бѣдны и нуждались въ помощи.

Миссъ Ловель поняла свою ошибку, но сумѣла опрѣнить непритворную искренность дѣвушки. Она начинала думать о ней лучше.

— Надѣюсь что вы станете посѣщать съ нами бѣдныхъ. Мы будемъ очень рады. Иоксамъ большой приходъ, съ разбросанными лачугами. Тамъ много дѣла. Промышленность начинаетъ развиваться у насъ, и мы имѣемъ уже мельницу въ Иоксамскомъ шлюзѣ. Мой братъ принужденъ держать двухъ помощниковъ. Вотъ мы и пріѣхали, другъ мой, и надѣюсь что вамъ будетъ пріятно у насъ.

Прибытіе горничной не понравилось мистрисъ Ловель, а мистера Ловеля привело было въ негодование. „Я слышалъ въ Лондонѣ что у нихъ буквально нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію“, говорилъ онъ. Но дѣлать было нечего, и горничная была конечно принята.

Дѣтямъ вѣдѣно называть гостью леди Анной если только они не услышатъ что мать опускаетъ титулъ; въ такомъ случаѣ и они должны будутъ перестать употреблять его. Дѣти были не такъ малы чтобы не лопять ожесточенныхъ насмѣшекъ отца надъ претензіями графини, и такая перемена въ поведеніи старшихъ привела ихъ въ недоумѣніе. „Они можетъ-быть дѣйствительно то чѣмъ называютъ себя“, сказалъ священникъ,—„и если это такъ, то избави насъ Богъ не отдавать имъ должнаго“. Послѣ этихъ словъ дѣти, разсуждая между собою, рѣшили что леди Анна имъ не родственница, а „самозванка“. Однако когда они увидали ее, сердца ихъ смягчились и дочь встрѣтила ее ласково, а сыновья учтиво.

— Пала, сказала Минни на слѣдующій день,—надѣюсь что она намъ родственница.

— Я тоже надѣюсь, другъ мой.

— Мнѣ кажется что она должна быть нашею родственницей. Она такая хорошенькая.

— Быть хорошенькою еще не достаточно, другъ мой. Ты должна любить людей хорошихъ.

— Но я не желала бы чтобы всѣ хорошіе люди были моими родственниками, пала. Старая вдова Граймъ очень хорошая женщина, но я не желала бы имѣть ее своею родственницей.

— Ты рассуждаешь, другъ мой, о томъ чего не понимаешь.

Но Минни была въ этомъ дѣлѣ лучшимъ судьей чѣмъ ея отецъ. Для въ три или четыре она убѣдилась что гостья ихъ достойна любви, родственница она имѣ или нѣтъ, и что она воспитана такъ что ее не стыдно признать своею родственницей. Все семейство называло ее леди Анной, но Минни рѣшила что она можетъ начать называть ее иначе.

— Я предпочла бы звать васъ просто Анной, сказала она сидя въ спальнѣ гостья и склонивъ голову на ея плечо.

— О, какъ я была бы рада! Я такъ не люблю когда меня называютъ леди.

— Но вѣдь вы леди Анна, не правда ли?

— А вы миссъ Мери Ловель, но вамъ не было бы пріятно еслибы всѣ въ домѣ называли васъ такъ. Къ тому же я слышала такъ много толковъ о моемъ титулѣ всю мою жизнь что онъ опротивѣлъ мнѣ. Я была бы очень рада еслибы ваша мама не называла меня леди Анной.

На это миссъ Минни благоразумно отвѣчала что за свою мама она ручаться не можетъ, но что сама она не будетъ болѣе называть друга своего леди Анной, развѣ только въ присутствіи пала.

Но Минни сдѣлала болѣе чѣмъ обѣщала.

— Мама, сказала она на слѣдующій день,—знаете ли что она терпѣть не можетъ чтобъ ее называли леди Анной?

— Почему ты такъ думаешь?

— Я знаю, она сама сказала мнѣ. Ей такъ много толковали объ ея титулѣ съ самаго рожденія что онъ уже надоѣлъ ей.

— Но, душа моя, мы должны называть людей принадлежащими имъ именами. Если она имѣетъ дѣйствительно право на титулъ, она не должна ненавидѣть его. Я понимаю что можно ненавидѣть имя присвоенное незаконно.

— Я миссъ Мери Ловель, но мнѣ было бы непріятно еслибы

всѣ въ домѣ называли меня такъ. Слуги называютъ меня миссъ Мери, но еслибы лапа или тетушка Джюлія называли меня миссъ Мери, я подумала бы что они бранятъ меня.

— Но леди Анна не дочь лапа.

— Она его родственница. Не правда ли, мама? Мнѣ кажется что родственницу не слѣдуетъ называть леди Анной. Я уже общалась не называть ее такъ. Кузенъ Фредерикъ признаетъ ее своею родственницей. Какъ будетъ онъ называть ее?

— Не знаю, другъ мой. Къ тому времени мы всѣ узнаемъ ее лучше.

Мистрисъ Ловель однако послѣдовала примѣру дочери, и съ этого дня леди Ловель сдѣлалась Анной для всего семейства кромѣ самого ректора. Онъ замѣтилъ переимену и хотѣлъ поступить какъ другіе, но никакъ не могъ заставить себя назвать ее Анной. Онъ предпочелъ бы чтобъ она оказалась обманщицей, онъ предпочелъ бы чтобъ ея вовсе не было на свѣтѣ. Ему не было дѣла до ея красоты, его не трогало ея простодушіе. Имѣть ее своею гостьей было для него большою непріятностью. Онъ согласился ради племянника принять ее, но не могъ полюбить ее и продолжалъ мечтать что какая-нибудь счастливая неожиданность сдѣлаетъ бракъ ненужнымъ. Онъ готовъ былъ согласиться съ женой и сестрой что дѣвушка невинна, но его убѣжденіе что ея мать интриганка было непоколебимо. Какъ будетъ жаль что они приняли къ себѣ эту дѣвучку, думалъ онъ, если въ концѣ концовъ обнаружится что мать ея обманщица. Ему неловко было называть ее леди Анной съ тѣхъ поръ какъ другіе перестали употреблять ея титулъ, но онъ сумѣлъ жить съ ней не называя ее по имени.

Между тѣмъ Анна навѣщала бѣдныхъ съ Минни и съ тетушкой Джюліей и заслужила общее одобреніе. Она была женственна, кротка, почти смиренна, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладала юморомъ, обнаруживавшимся когда она чувствовала себя евободно. Ей нравилась ея жизнь въ Іоксамѣ. Она наслаждалась зеленью полей, воздухомъ, казавшимся восхитительнымъ послѣ духоты лондонскихъ улицъ, прекраснымъ садомъ, богослуженіемъ въ сельской церкви, наслаждалась и комфортомъ богатаго, благоустроеннаго дома. Въ этомъ отношеніи ожиданія ея матери оправдались. Мягкость, деликатность, обходительность людей окружавшихъ ее нравились ей день ото

дня, часъ отъ часу все болѣе и болѣе. Праздное времяпрепровожденіе въ гостиной, съ музыкой, книгами и разговорами, было въ числѣ другихъ наслажденій. Сходить утромъ къ завтраку одѣтою въ яркія ленты и свѣжую кисею и знать что въ теченіи дня не придется дѣлать ничего такого что могло бы испортить нарядъ, потомъ переодѣваться къ обѣду въ шелкъ и дорогія украшенія, не знать заботъ тяготившихъ ее у матери, такая жизнь казалась ей жизнью среди розъ и благоуханій. Ласки Минни Ловель успокоивали и согрѣвали ея сердце, и она охотно пошла бы рѣзвиться съ мальчиками еслибы знала что тетушка Джулія не увидитъ ея. О, еслибы они были ея братья!

Но среди всего этого ея не покидала мысль что впредѣ ея ждутъ большія непріятности. Она знала что жизнь которую она вела у Ловелей не можетъ быть ея жизнью. Графъ, этотъ юный Алеллонъ, пріѣдетъ и будетъ опять предлагать ей сдѣлаться его женой. Она знала что это невозможно. Она знала что Ловели пригласили ее къ себѣ для того чтобъ она отдала имъ все состояніе которое должно достаться ей. Когда она откажется отъ брака, они выгонятъ ее изъ своего пріятнаго дома, и она должна будетъ возвратиться къ своей прежней жизни и сдѣлаться женой Давіея Твейта, отказавшись навсегда отъ многого что украшало ея жизнь въ Іоксамѣ.

Г Л А В А XIV.

Г р а ф ъ п р і ѣ з ж а е т ъ .

Въ концѣ второй недѣли, мальчики были отправлены въ школу, и въ тотъ же день долженъ былъ прибыть къ обѣду графъ Ловель. Въ домѣ замѣтна была нѣкоторая суета, такъ какъ графъ есть графъ даже въ домѣ своего дяди. Священникъ былъ много богаче своего племянника, но племянникъ былъ главою фамиліи и имѣлъ въ виду громадное состояніе. Всѣ деньги графовъ Ловелей, обращенныя въ банковые паи, акціи индійскихъ дорогъ, въ билеты русскихъ займовъ и въ угольные коды, должны были, по мнѣнію ректора, такъ или иначе сдѣлаться собственностью Фредерика Ловеля. Ректорской кухаркѣ приказано было развить все свое искусство. Хозяинъ раскулорилъ свой лучшій портвейнъ и марго. Въ то время люди еше пили портвейнъ, и шампанское не было

необходимою принадлежностью обѣда въ сельскихъ домахъ. Чтобъ отдать справедливость іоксамскому ректору надо сказать что онъ сдѣлалъ бы то же самое для главы семейства еслибы графъ не имѣлъ въ виду никакого богатства. Всѣ Ловели, за исключеніемъ отца леди Анны, были всегда преданы другъ другу.

Но если пріѣздъ графа волновалъ ректора и жену его, каково должно было быть состояніе леди Анны? Она видѣлась съ нимъ только разъ, но видѣлась наединѣ, и въ теченіи этого краткаго свиданія между ними установились наилучшія отношенія. Онъ говорилъ съ ней голосомъ показавшимся ей божественною музыкой, онъ ласкалъ ее, но эти ласки были такъ чисты что не оставили по себѣ никакого дурнаго воспоминанія. Онъ смутилъ ее, но только на минуту. Онъ сказалъ ей что любитъ ее, что будетъ всегда преданъ ей, но это признаніе не оскорбило ея, хотя она знала что не можетъ отвѣчать ему такою любовью о какой онъ говорилъ. Это свиданіе было такъ хорошо что она вспомнила о немъ съ наслажденіемъ, и могла бы вспоминать всегда какъ о свѣтломъ явленіи въ своей жизни еслибъ оно было первымъ и послѣднимъ. Но теперь ей предстояло увидѣться съ графомъ опять, и впечатлѣніе должно было или возобновиться, или разсѣяться навсегда. Увы! Она предчувствовала что случится послѣднее. Она опасалась что свѣтлое впечатлѣніе разсѣется даже безъ всякаго усилія съ ея стороны. Если онъ встрѣтитъ ее какъ встрѣтили ее Ловели, оно разсѣется тотчасъ же. Она отчасти понимала что во время перваго свиданія необходимость заставляла его быть съ ней льстиво-нѣжнымъ. Еслибъ онъ дѣйствительно любилъ ее, или хотѣлъ любить, думала она, онъ не былъ бы такъ долго въ отсутствіи зная что она гоститъ въ домѣ его родственниковъ. Но она старалась увѣрить себя что была довольна его отсутствіемъ, довольна потому что знала что сближеніе между ними было бы бесполезно. Даніель Твейтъ увѣрялъ ее что братская любовь которую предлагалъ ей графъ была обманомъ, что такая любовь невозможна между ними. Развѣ братья женятся на своихъ сестрахъ? А графъ уже выразилъ желаніе жениться на ней. Такъ думалъ Даніель Твейтъ, который былъ не только ея возлюбленный, но и ея властелинъ. Она должна руководиться его мнѣніемъ, она останется вѣрна ему, рѣшила она. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она ждала пріѣзда графа какъ

восхода солнца, какъ событія которае должно было освѣтить и украсить ея жизнь.

И онъ пріѣхалъ наконецъ. Все семейство вышло встрѣтить его въ прихожую, и Анна осталась одна въ библіотекѣ, гдѣ Ловели имѣли обыкновеніе собираться предъ обѣдомъ. Онъ пріѣхалъ въ восьмомъ часу, когда всѣ были уже готовы къ обѣду. Ему осталось только четверть часа чтобы переодѣться, и Анна ожидала что онъ увидетъ немедленно въ свою спальню и что она увидится съ нимъ только когда онъ сойдетъ внизъ переодѣтый, слыша вести тетку къ обѣду. Она слышала суету въ прихожей, здорованья, крѣпкій поцѣлуй которымъ Минни встрѣтила своего возлюбленнаго кузена и громкое привѣтствіе ректора.

— Гдѣ же Анна? спросилъ графъ. Это были первыя слова которыя онъ произнесъ, и она слышала ихъ, слышала совершенно ясно. Тотъ же знакомый голосъ, мягкій, добродушный, мужественный, не имѣвшій, какъ казалось ей, подобнаго себѣ по своей пріятности.

— Ты увидишь ее когда переодѣнешься, сказала мистрисъ Ловель вполголоса, но настолько громко что Анна слышала его отвѣтъ въ своемъ уединеніи.

— Я увижу ее прежде чѣмъ пойду переодѣваться, возразилъ графъ, подойдя къ отворенной двери библіотеки.—А, такъ вы вотъ гдѣ! Какъ я радъ что вижу васъ. Я далъ слово ѣхать въ Шотландію когда еще не былъ знакомъ съ вами и не зналъ что вы пріѣдете сюда. Отказаться потомъ не было никакой возможности. Вы можетъ-быть осуждаете меня за то что я не вернусь раньше?

— Нисколько, милордъ.

— Такъ вы еще не знаете какой страшной карѣ подвергается всякій кто назоветъ меня лордомъ въ этомъ домѣ. Не правда ли, тетушка Джулія? Однако я вижу что дядя томится въ ожиданіи обѣда.

— Я провожу тебя на верхъ, Фредъ, сказала Минни, не выпуская руку своего кузена.

— Сейчасъ. Я могу теперь сказать вамъ только что мнѣ очень, очень пріятно видѣть васъ въ этомъ домѣ.

Съ этими словами онъ вышелъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ которыя онъ употребилъ на переодѣваніе, въ библіотекѣ не было сказано ни слова. Ректоръ былъ недоволенъ восторженнымъ тономъ которымъ графъ поздоровался

съ Анной, хотя и не видѣвъ причины почему ему не быть восторженнымъ если онъ намѣренъ былъ жениться на ней.

— Прошу пожаловать, леди Анна, сказалъ священникъ предлагая ей руку чтобы вести ее къ обѣду. Такое обращеніе плохо гармонировало съ тономъ племянника. Молодой человекъ задержалъ тетку на минуту въ библиотекѣ.

— Неужели вы все еще въ такихъ церемонныхъ отношеніяхъ съ ней? спросилъ онъ.

— Твой дядя старомоднѣ тебя, Фредъ. Въ его время сближались не такъ скоро какъ теперь.

Вечеромъ графъ уѣхалъ рядомъ съ Анной на двумѣстномъ оттоманѣ, и она должна была отвѣтить ему на множество вопросовъ. Хорошо ли ей было въ Локсамъ? Нравится ли ей мѣсто? Что она дѣлала? Такъ вы уже знакомы съ мистрисъ Граймъ? Она смѣясь отвѣчала что знакома. Мистрисъ Граймъ львица въ Локсамъ. По общему мнѣнію, она вынесла всѣ несчастія какимъ подвержено человечество и обладаетъ всеми его добродѣтелями. Сошлись ли вы съ Минни? Она здѣсь мой первый министр. Воображаю какъ вамъ надобѣдали мальчики!

— Нисколько, они мнѣ очень нравились. Я рада была познакомиться съ ними, лордъ Ловель.

— И они, безъ сомнѣнія, дали вамъ знать себя. Но они славные, добрые мальчики, по словамъ ихъ матери. Не говорите ихъ отцу что я такъ отзываюсь о нихъ. Нравится вамъ здѣшняя мѣстность?

— Очень.

— Да, здѣсь хорошо тѣмъ что много лѣсовъ, но это не лучшая часть Йоркшира. Не знаю удастся ли намъ съѣздить въ Варфскую долину и посмотрѣть Больтонское Аббатство. Надо постараться устроить это. Намъ придется провести одну ночь въ гостиницѣ, но это придастъ еще болѣе прелести прогулкѣ. Гостиница тамъ одна изъ лучшихъ въ Англіи. Тетушка Джулія, не съѣздить ли намъ въ Больтонское Аббатство?

— Далекъ, Фредерикъ.

— Тридцать миль или около того. Въ Йоркширѣ такое разстояніе ничего не значитъ. Мы возьмемъ въ Йоркѣ почтовыхъ лошадей и помѣстимся всѣ въ одной коляскѣ. Надо вамъ сказать что дядя очень бережетъ своихъ лошадей, полагая что праздность, порокъ пагубный для молодыхъ людей.

очень полезенъ домашнимъ животнымъ. Но мы устроимъ эту лодку и вы перепрыгнете Стридъ.

И онъ разказалъ ей какъ тамъ утонулъ юноша и какъ ролтали монахи, легенду о бѣлой Райльстонской лани и нѣсколько другихъ, и описалъ ей видъ Аббатства въ давнопрошедшее время.

Анна, для которой все это было ново, слушала его съ большимъ удовольствіемъ. Священникъ, продолжавшій дуться, ушелъ въ свою комнату. Минни послали спать, а тетюшка Джюлія и тетюшка Дженъ остались и, слушала, время отъ времени вставляя краткія замѣчанія. Вопросъ о лодкѣ былъ рѣшенъ въ пользу графа. Надо же было въ самомъ дѣлѣ дать ему возможность сблизиться съ дѣвушкой на которой онъ долженъ былъ жениться. Покойной ночи, милая моя, сказалъ онъ когда она уходила въ свою комнату. Она хорошо разслышала послѣднія слова и знала что они были сказаны такъ что его не слышалъ никто кромѣ ея. Она не могла въ эту минуту сказать ему что онъ не долженъ называть ее такъ, хотя сознавала что это слово съ его стороны показалось бы Даніелю Твейту такъ же неумѣстно какъ и его поцѣлуй въ первое свиданіе съ ней. Надо будетъ дать ему понять такъ или иначе что она не можетъ быть и никогда не будетъ его женой.

Она получила отъ матери два письма съ тѣхъ поръ какъ разсталась съ ней. Оба письма были полны наставленіями какъ дочь должна дѣйствовать. Августъ былъ въ половинѣ, а къ ноябрю бракъ долженъ быть дѣломъ рѣшеннымъ, писала графиня. Мистеръ Гоффъ и мистеръ Фликъ имѣли свиданіе и пришли къ соглашенію относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій. Если графъ и леди Анна будутъ помолвлены съ общаго согласія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, то въ день назначенный для судопроизводства генераль-солиситоръ объявитъ въ судѣ что графъ Ловель отказывается отъ своихъ притязаній и сержанту Блюстону останется только предъявить доказательства законности брака графини. Генераль-солиситоръ въ то же время объяснитъ судьямъ что графъ Ловель и леди Анна вступаютъ въ бракъ и что это соглашеніе разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Но для того чтобъ это было возможно, заключала графиня свои инструкціи, надо чтобы къ ноябрю бракъ былъ уже дѣломъ рѣшеннымъ. Мистеръ Фликъ ручался мистеру Гоффу что его партія имѣетъ сильныя

доказательства въ пользу того что первая жена графа была жива во время его вторичной женитьбы, хотя они сами не вѣрятъ Итальянкѣ называющей себя графиней. Какъ бы то ни было, была ли еще жива первая графиня или нѣтъ, но если возможно доказать что она была жива во время второй женитьбы графа, эта женитьба будетъ признана законною и Анна лишится всѣхъ своихъ правъ. Но сама по себѣ итальянская партія безсильна, и задуманное соглашеніе рѣшило бы всѣ затрудненія. Надо только чтобы къ ноябрю оно было дѣломъ рѣшеннымъ. Въ противномъ же случаѣ нельзя будетъ избѣжать судопроизводства, и одному Богу извѣстно чѣмъ оно кончится. Все это графиня объясняла очень подробно въ своихъ письмахъ и умоляла дочь спасти мать, себя и всю семью.

Леди Анна отвѣтила на первое письмо, или лучше сказать послала взамѣнъ его другое, въ которомъ о графѣ не было сказано ни слова кромѣ того что онъ еще не пріѣхалъ. Все письмо состояло изъ описанія подробностей ея всендневной жизни и заключалось желаніемъ всего лучшаго милой маме. Тонъ втораго письма графини былъ строгъ. Она спрашивала Анну почему она не намекнула ни однимъ словомъ на единственный предметъ который въ настоящее время можетъ интересоватъ ея мать, почему она не дала никакого обѣщанія, не сказала ничего усложительнаго. Графиня умоляла дочь усложнить ее и сказать что она расположена поощрить сватовство графа. Когда графъ пріѣхалъ, это письмо было въ карманѣ Анны, и она перечла его послѣ того какъ онъ назвалъ ее своею милой.

Она рѣшила отвѣтить матери на слѣдующее утро до завтрака. Ловели завтракали въ десять часовъ, а она вставала въ восемь. Ложась въ постель она намѣревалась посвятить всю ночь обдумыванію этого письма. Можетъ-быть будетъ лучше, думала она, открыть матери всю правду, сказать ей наконецъ что она уже обѣщалась Даніелю Твейту и не можетъ взять назадъ свое слово. Но мало-по-малу неотвязчивыя мечты, мечты которыхъ никогда не суждено было осуществиться и героемъ которыхъ былъ не Даніель Твейтъ, дали ей мыслямъ другое направленіе. Она увѣряла себя что рисуетъ себѣ картину не дѣйствительной и возможной жизни, но неосуществимую иллюзію. Сколько людей сдѣлала бы она счастливыми еслибы имѣла право дать понять графу,

этому юному Фебу, полусловомъ или взглядомъ, что она согласна быть его женой. Ея заботливая, измученная мать могла бы наконецъ успокоиться. Какъ приятно было бы принимать ее въ своемъ собственномъ счастливомъ домѣ и доставить ей счастье котораго она никогда не знала! Какъ были бы довольны всѣ юристы! Какъ стали бы они хвалить ее утверждая что она спасла отъ гибели благородную фамилію! Она сама начала уже сочувствовать фамиліи которая была для нея чужою пока она не пріѣхала къ Ловелямъ. И еслибъ она дѣйствительно могла доставить счастье молодому Фебу! Онъ такъ достоинъ счастья! Даниель Твейтъ утверждалъ что графъ человекъ корыстолюбивый, лживый и глупый, но Даниель Твейтъ не понималъ и не могъ понять натуру Ловелей. Что же касается ея самой—какъ поддѣйствовала бы такая перемѣна на нее? Она уже отдала свое сердце Даниелю Твейту и не могла отдать его никому другому. Еслибы не это, какъ охотно любила бы она этого кудряваго юншу! Она поняла теперь что есть два рода жизни. Даниель говорилъ ей что жизнь людей богатыхъ въ высшей степени предосудительна. Но онъ вѣроятно не зналъ говоря это какъ много дѣлается даже такими людьми какъ Ловели для бѣдныхъ. Что дурнаго въ томъ что человекъ кротокъ, спокоенъ, красивъ, что онъ наслаждается благоуханіями, сидитъ на мягкой мебели, ѣсть съ изящнаго китайскаго фарфора, если при всемъ этомъ онъ никому не вредитъ и многимъ помогаетъ? Даниель Твейтъ, сколько она знала, никогда не ходилъ въ церковь. У Ловелей каждое утро происходила общая молитва, и каждое воскресенье они ходили въ церковь два раза. Ей очень понравилось ходить въ церковь и предаваться самоугодаивой набожности которою было проникнуто семейство священника. Скамьи въ Иоксамской церкви были широки и удобны, съ мягкими подушками для колѣнопреклоненій. Нѣтъ, Даниель Твейтъ безъ сомнѣнія ошибался.

Въ такихъ размышленіяхъ она заснула не обдумавъ своего письма къ матери.

Но на слѣдующее утро она написала его. Она должна была написать его и написать раньше чѣмъ Ловели встанутъ и своимъ присутствіемъ сдѣлаютъ ее неспособною къ такому усилію. И вотъ что она написала:

„Локсамъ. Пятница.

„Дорогая мама.

„Благодарю васъ за ваше письмо которое я получила третьяго дня. Вчера сюда прѣѣхалъ лордъ Ловель, и это помѣшало мнѣ отвѣтить вамъ. Его здѣсь повидимому боготворять и онъ такъ добръ со всѣми. Мы всѣ отправимся въ Болтонское Аббатство и проведемъ одну ночь въ гостиницѣ, и я увѣрена что эта поѣздка доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что мѣсто, говорятъ, очень хорошо. День еще не назначенъ.

„Я была бы очень рада, милая мама, еслибы можно было избѣжать судебного процесса. Я желала бы чтобъ были признаны ваши права на титулъ и на вашу долю состоянія, а остальное пусть возьметъ себѣ лордъ Ловель, какъ глава фамиліи. Это было бы хорошо, и я не вижу причины почему не сдѣлать такъ. Вашей доли было бы достаточно для васъ и для меня. Я не могу сказать вамъ ничего о томъ что вы желаете знать. Онъ не говорилъ объ этомъ, и я надѣюсь что и не будетъ говорить. Не думаю чтобъ, я могла согласиться на это и чтобъ юристы могли требовать чтобъ я согласилась. Мы чужіе другъ для друга, и я почти увѣрена что никогда не могла бы сдѣлать то чего онъ хочетъ. Я не думаю чтобъ было хорошо вступать въ бракъ изъ денежныхъ расчетовъ.

„Не сердитесь на меня, дорогая мама. Вашъ гнѣвъ убьетъ меня. Я здѣсь очень счастлива, и никто не сказалъ еще ни слова о моемъ отъѣздѣ. Не спросите ли вы мистера Бьюстона нельзя ли раздѣлить состояніе такъ чтобы не было болѣе никакихъ тяжбъ. Мнѣ кажется что онъ могъ бы устроить это съ мистеромъ Гоффомъ и другимъ повѣреннымъ.

„Остаюсь, милая мама,
„любящая васъ дочь ваша
„Анна Ловель.“

Когда минута настала и перо было въ ея рукахъ, у нея не хватило духа написать о Даніелѣ Твейтѣ. Она знала что рано или поздно придется сдѣлать страшное признаніе, но теперь она старалась утѣшить себя мыслью что Даніель самъ просилъ хранить ихъ отношенія еще нѣкоторое время въ тайнѣ.

ГЛАВА XV.

Варфская долина.

Понедѣльникъ и вторникъ были назначены для поѣздки въ Аббатство, и въ понедѣльникъ утромъ, послѣ ранняго завтрака, Ловели пустились въ путь. Общество состояло изъ тетушки Дженъ, тетушки Джюліи, леди Анны, Минни, графа и

мистера Кроссо, одного из куратовъ, помощниковъ ректора. Самъ ректоръ не поѣхалъ, объявивъ что приходскія дѣла не позволяютъ ему отлучиться на эти два дня. Но женѣ и сестрѣ онъ признался что прогулка въ обществѣ леди Анны не можетъ доставить ему удовольствія. Одному Богу извѣстно что можетъ случиться, говорилъ онъ. Было ясно что онъ не хочетъ отворить свое сердце для леди Анны пока еще не рѣшено женится ли на ней графъ.

Всѣ усѣлись въ одну коляску запряженную четверней почтовыхъ лошадей, подъ управленіемъ двухъ взрослыхъ форейторовъ въ бѣлыхъ шляпахъ, синихъ камзолахъ и желтыхъ брюкахъ. Минни и мистеръ Кроссъ сѣли на козлы, а на заднемъ мѣстѣ помѣстился слуга. Въ гостиницѣ были заказаны комнаты и вообще все дѣло устроено на графскую руку. День былъ ясный, и Анна, не получавшая въ послѣдніе дни писемъ отъ матери, намѣрена была веселиться. Доѣхавъ до Больтонъ-Бриджа, позавтракавъ и заказавъ обѣдъ въ гостиницѣ, общество отправилось гулять.

Въ Больтонскомъ Аббатствѣ замѣчательнѣе всего конечно само Аббатство. Какъ развалина, настолько впрочемъ сохранившаяся что въ одной изъ ея частей устроена церковь, оно само по себѣ прекрасно, но главнымъ его украшеніемъ служить огибающая его рѣка, со своими гористыми и лѣсистыми берегами. Такихъ богатыхъ ластбищъ, такой роскошной растительности, такой чистой воды, такихъ разнообразныхъ причудъ природы поддержанныхъ искусствомъ и вкусомъ человѣка, не найти во всей Англіи. Леди Анна, сроднившаяся съ величавою красотой природы на своей родинѣ, пришла въ восторгъ. Ничто не можетъ быть живописнѣе Аббатства, ничто не можетъ быть прекраснѣе Варфа, говорила она. Нельзя ли перейти на другой берегъ и побродить по гористымъ лѣсамъ? Графъ объявилъ что они непременно переправятся на другой берегъ, что иначе и нельзя добраться до Стрида, который она должна перепрыгнуть.

Но рѣка возлѣ самаго Аббатства переходитъ по камнямъ лежащимъ на разстояніи поларшина одинъ отъ другаго, числомъ около сорока, плоскимъ и удобнымъ, но опаснымъ по своему множеству. Для женскихъ непривычныхъ ногъ такая переправа кажется полною опасностей. Мистрисъ Ловель, давно знакомая съ мѣстомъ, объявила что она ни за какія блага въ мѣрѣ не пойдетъ по камнямъ. Тетушка Джулія

предложила перейти рѣку по мосту, находившемуся на разстояніи полмили отъ Аббатства. Но графъ рѣшилъ перевести Анну по камнямъ. Минни и мистеръ Кроссъ также не хотѣли смышать о мостѣ. Минни успѣла любить на другомъ берегу и возвратиться пока шли переговоры. Тетунка Джюлія, ноги которой были такъ же тверды какъ и умъ и которой мистеръ Кроссъ обѣщаль всевозможную помощь, наконецъ согласилась перейти по камнямъ. Мистрисъ Ловель успѣлась немного поодаль чтобы смотрѣть на переправу, и лордъ Ловель пошелъ первый, взявъ за собой Анну и останавливаясь на каждомъ камнѣ чтобы помочь ей.

— О, какъ страшно! сказала она пройдя около дюжины камней.

Темная вода быстро бѣжала подъ ея ногами, камни становились все меньше въ ея глазахъ, разстояніе между ними все больше.

— Не глядите на воду, Анна, сказалъ графъ.—Идите скорѣе.

— Я не могу идти скорѣе. Я не перейду. О, Фредерикъ!

Въ это утро она дала обѣщаніе называть его по имени. Даже Даніель Твейтъ, думала она, не могъ бы найти ничего предосудительнаго въ томъ что она называетъ по имени своего родственника.

— Довольно, Фредерикъ. Я не могу ступить на этотъ камень. Онъ кривой. Воротимся.

— Назадъ воротиться нельзя, Анна. Здѣсь вода по колѣна, еслибы вы и упали. Всѣ другіе камни гладки. Вы должны идти впередъ. Иначе тетунка Джюлія догонитъ насъ. Послѣ двухъ или трехъ разъ вы перестанете бояться. Теперь осталось не болѣе полдюжины камней. Вотъ мы и перешли. Не правда ли, какъ здѣсь хорошо?

— Я думала что никогда не перейду. Но здѣсь очень хорошо, и я очень благодарна вамъ что вы привели меня сюда. Мы можемъ вернуться по другой дорогѣ?

— О, конечно! Но теперь мы пойдемъ въ гору. Дайте мнѣ руку.

И они пошли рука въ руку по узкой, извилистой, крутой тропинкѣ и быстро скрылись изъ виду для тетунки Джюлія, Минни и мистера Кросса.

Анна радовалась и восхищалась, но сознаніе большой опасности не покидало ее. Графъ шелъ съ нею въ качествѣ ея жениха призваннаго всѣми кромѣ ея самой; но она не могла

имѣть никого своимъ женихомъ кромѣ человѣка который въ это время трудился въ одной изъ мастерскихъ Лондона. Она должна была сказать этому изящному графу что онъ не можетъ быть ея женихомъ, и идя съ нимъ вдвоемъ она все время думала какъ сказать это ему когда настанетъ время. Но въ это утро, въ теченіи всей прогулки, онъ не сказалъ ей ни одного слова которое по ея мнѣнію могло бы дать поводъ къ объясненію. Онъ звалъ ее нѣжными, ласкательными именами. „Анна, милая дѣвушка, моя прелестная кузина“ и такъ далѣе. Онъ держалъ ея руку вдвое долѣ чѣмъ сталъ бы держать руку той или другой изъ своихъ тетокъ когда помогалъ ей въ какомъ-нибудь затрудненіи, и подавалъ ей помощь когда она вовсе не нуждалась въ помощи. Онъ говорилъ съ ней объ ежедневныхъ предметахъ словно между ними были родственные интересы, онъ говорилъ съ нею о мистрѣ Ловелѣ такъ какъ будто она была для него существомъ еще болѣе близкимъ чѣмъ дядя. Все это она понимала и чувствовала что онъ обращается съ нею какъ женихъ, но успокоивала себя тѣмъ что онъ не говорилъ ничего такого чего не могъ бы сказать родственникъ. Осеннее солнце светило ярко, рѣка журчала, легкій вѣтерокъ слускался съ горъ, послѣдніе осенніе цвѣты еще красовались въ лѣсу, и Анна мало-по-малу забыла о своихъ затрудненіяхъ, перестала думать о Даніелѣ Твейтѣ и стала смотрѣть на своего родственника какъ на лучшаго друга какого когда-либо посылала ей судьба.

Такъ дошли они до Стрида, дошли вдвоемъ, ибо тетушка Джюлія, при всей крѣпости своихъ ногъ, не могла поспѣть за ними. Стридъ есть узкая рывина, промытая водою въ горахъ, шириною въ пять или шесть футовъ, но суженная сверху нависшимъ утесомъ, преграждавшимъ въ бывшее время теченіе ручья, пока средняя, менѣе твердая часть камня не отломилась, преградивъ часть русла ниже. Есть преданіе что сынъ одного горнаго вождя, гоняясь за оленемъ во время разлива водъ и прыгая съ утеса на утесъ, оступился, былъ увнесенъ теченіемъ и разорванъ на части утесами. Лордъ Ловель, сидя съ Анной у потока, разказалъ ей эту исторію и затѣмъ предложилъ ей прыгнуть съ одного края утеса на другой.

— Нѣтъ, я не могу, право не могу, отвѣчала дѣвушка содрогаясь.

— Но вѣдь это одинъ только шагъ, сказалъ графъ перепрыгивая назадъ и впередъ.—Я увѣренъ что вы перепрыгнете если попробуете.

— А я увѣрена что остулюсь. У меня сердце замираетъ глядя на васъ когда вы прыгаете.

— Вы перепрыгнули бы вдвое большее разстоянiе на ровномъ мѣстѣ.

— Такъ я буду прыгать на ровномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, мнѣ такъ этого хочется. Неужели вы думаете что я предложилъ бы вамъ это еслибъ была хоть малѣйшая опасность?

— Вы хотите сдѣлать меня предметомъ новой легенды?

— Я хочу скрыться отъ тетушки Джюли, что намъ конечно удастся если вы только перепрыгнете.

— О, но я не могу дать утопить себя потому только что вамъ хочется уйти отъ тетушки Джюли. Идите одни, а я подожду ее здѣсь.

— Это не советъ то что мнѣ нужно. Будьте умницей. Прыгните.

Она встала и подошла къ краю утеса крѣпко держась за его руку. Какъ приятно было подвергаться опасности имѣя при себѣ такого защитника! Расщелина казалась ей зияющею бездною, внизу шумѣлъ темный и быстрый потокъ. Но онъ просить ее перепрыгнуть, и она перепрыгнетъ. Чего не сдѣлала бы она по его просьбѣ?

— Видите, я почти прикасаюсь къ вамъ, сказалъ онъ стоя на противоположной сторонѣ и протянувъ ей руку.

— О, Фредерикъ, мнѣ кажется что я не перепрыгну.

— Перепрыгнете если только рѣшитесь.

— Разстоянiе такъ велико!

— Только три фута. Я держу пари что тетушка Джюли согласилась бы перепрыгнуть еслибъ я общалъ ей за это десять шиллинговъ на богадѣльню.

— А я дамъ десять шиллинговъ если вы освободите меня отъ прыжка.

— Я не освобожу васъ, и потому лучше прыгайте не медля.

Она постояла съ минуту содрогаясь и обративъ къ нему умоляющій взглядъ. Она рѣшилась прыгнуть и была бы огорчена еслибы тетушка Джюли подошла въ это время и помѣшала ей. Да, она прыгнетъ въ его объятiя. Она была увѣрена что онъ поймаетъ ее. Въ эту минуту воспоминанiе о

Даниель Твейтъ было въ душѣ ея слабо какъ послѣднее мерцаніе вечерней зари. Она закрыла глаза, потомъ взглянула на его лицо и прыгнула. Стуливъ на противоположную сторону, она ударилась ногой о выдающійся край утеса и хотя перепрыгнула большее разстояніе чѣмъ было нужно, споткнулась и упала въ его объятія. Стараясь подняться, она ушибла лодыжку.

— Вы ушиблись? спросилъ онъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ.

— Нѣтъ, я не ушиблась; можетъ-быть немного. Я такая неловкая.

— Я никогда не прощу себѣ если вы ушиблись.

— Вамъ нечего прощать себѣ. Я посижу немного. Я сама виновата, я такая трусиха. Но это вздоръ. Я знаю теперь въ чемъ дѣло. Я ушибла себѣ лодыжку.

— Это очень больно.

— Нѣтъ, не очень, это скоро пройдетъ. Я наткнулась на что-то ногой. Если вы будете смотрѣть такимъ печальнымъ, я встану и прыгну опять на ту сторону.

— Я очень огорченъ, дорогая моя.

— Но вы не должны...

Эти слова могли быть приняты за возраженіе на эпитетъ, и совѣсть ея была удовлетворена. Онъ наклонился къ ней, посмотрѣлъ съ безпокойствомъ на ея лицо, морщившееся отъ боли, и поцѣловалъ ея руку.

— Не надо, тихо сказала она отдергивая руку.— Вотъ и тетюшка Джюлія. Что же вы не скрываетесь?

Но не появленіе тетюшки Джюлія смутило ее, а образъ Даниеля Твейта, возставшій въ эту минуту предъ ея умственнымъ взоромъ.

— Развѣ что-нибудь случилось? спросила миссъ Ловель, подошедшая къ ручью въ сопровожденіи Минни и мистера Кросса.

— Она ушибла ногу прыгая черезъ Стридъ и не можетъ идти, отвѣчалъ графъ.— Мистеръ Кроссъ будетъ можетъ-быть такъ добръ что сходить въ гостиницу за экипажемъ. Дорога только на разстояніи четверти мили выше, и мы могли бы какъ-нибудь довести Анну до экипажа.

— Можно ли быть такимъ неосторожнымъ, Фредерикъ? Зачѣмъ ты заставилъ ее прыгать? сказала тетка.

— Теперь дѣло не въ моей неосторожности, а въ томъ чтобы привести экипажъ для Анны, отвѣчалъ графъ.

Мистеръ Кроссъ тотчасъ же отправился обратно въ гостиницу, перепрыгнувъ Стриду, чтобы поспѣть на кратчайшій путь. Минни, желая утѣшить Анну, также прыгнула на другую сторону, а тетюшка Джюлія, оставшись одна, постояла немного и пошла назадъ по дорогѣ къ мосту.

— Сильно она ушиблась? спросила Минни.

— Боюсь что очень сильно, отвѣчалъ графъ.

— Минни, милая моя, это такіе лустяки что и говорить не стоить, сказала Анна, награждая своего юнаго друга ласками съ которыми не могла обратиться къ старшему.—Я увѣрена что я могла бы дойти до дома въ нѣсколько минутъ, мнѣ теперь лучше. Такіе ушибы проходятъ почти мгновенно. Я попробую встать, Фредерикъ.

И она встала съ его помощью и объявила что нога ея почти не болитъ, но тотчасъ же сѣла опять, продолжая опираться на его руку.

— Не попробовать ли намъ довести ее до дороги, Минни? Или подождать пока не возвратится мистеръ Кроссъ?

Леди Анна объявила что она не нуждается ни въ какой помощи, тѣмъ болѣе въ помощи мистера Кросса, и что она дойдетъ подъ руку съ Минни. Они посидѣли еще съ полчаса, почти не разговаривая, бросая въ потокъ сухія палочки оставшіяся на камняхъ послѣ послѣдняго разлива и каждый думая какъ хорошо сидѣть и мечтать прислушиваясь къ шуму воды. Затѣмъ леди Анна хромая дошла до проѣзжей дороги, опираясь на руку болѣе сильную чѣмъ рука друга ея Минни.

Въ гостиницѣ не обошлось конечно безъ хлопотъ. Прикладывали примочки, предлагали послать за докторомъ, въ гостиницѣ была устроена постель для того чтобы бѣдная страдалица могла обѣдать не удаляясь въ свою комнату.

ГЛАВА XVI.

Н и к о г д а .

На слѣдующее утро бѣдная страдалица чувствовала себя совершенно здоровою, но все еще служила предметомъ сочувствія и сожалѣнія. Двѣ теткушка покачали головой когда она выразила желаніе сходить еще разъ къ каменной переправѣ, но она увѣряла ихъ что ноги ея нисколько не болятъ и что

разстояніе не велико. Не пойдетъ ли Минни лобродить съ ней по развалинамъ до отъезда? Отъездъ былъ назначенъ въ два часа.

— Пойдемъ гулять, Минни, сказала графъ.—Только не слѣдуй за мною и Анной. Одна можешь ходить гдѣ тебѣ угодно.

— Почему же не съ вами?

— Не твое дѣло, ты должна слушаться.

— О, я тебя понимаю! Ты будешь любезничать съ кузиной Анной.

— Ты дерзкая дѣвчонка.

— Я очень рада, Фредерикъ, потому что я очень люблю ее. Я увѣрена что она намъ дѣйствительно родственница. Не правда ли что она очень, очень красива?

— Не дурна.

— И только?

— Не приставай ко мнѣ, или я не возьму тебя опять къ Стрду.

Такъ случилось что лордъ Ловель и леди Анна спустились одни по луку къ рѣкѣ и прошли берегомъ до каменной переправы. Онъ перешелъ на другую сторону и она послѣдовала за нимъ не сказавъ почти ни слова. Ея сердце было такъ полно что въ немъ не было мѣста для страха. Она послѣдовала бы за нимъ куда бы онъ ни повелъ ее, но у нея было предчувствіе что они не возвратятся домой такими друзьями какъ вышли.

— Мы не пойдемъ въ гору; это могло бы повредить вашей ногѣ. Мы посидимъ здѣсь на луку, сказала графъ опускаясь на траву.

— Я всегда считала это мѣсто однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Аббатствѣ.

— Тутъ вездѣ хорошо. Это какая-то волшебная страна. Герцогъ никогда не лишаетъ лублику удовольствія бывать здѣсь?

— Никогда, сколько мнѣ извѣстно.

— Онъ вѣроятно очень добрый человекъ. Знаете вы его?

— Нѣтъ, никогда не видалъ.

— Для меня самое слово герцогъ звучитъ какъ-то страшно.

— Со временемъ вы свыкнетесь съ нимъ. Что же вы не садитесь?

Она опустилась на траву, немного поодаль отъ него, но онъ тотчасъ же подвинулся къ ней.

— Пога не болитъ? спросилъ онъ.

— Нисколько.

— Я нѣсколько минутъ думалъ что случилось что-нибудь ужасное и не зналъ какъ бранить себя за то что уговорилъ васъ прыгнуть. Что еслибы вы сломали ногу, какъ вынесли бы вы такое несчастіе?

— Вѣроятно какъ выносятъ другіе?

— Вы были бы очень сердиты на меня?

— Надѣюсь что нѣтъ, конечно нѣтъ. Вы старались доставить мнѣ удовольствіе. Мнѣ кажется что я не сердилась бы на васъ ни мало. Развѣ можно сердиться на людей къ которымъ чувствуешь искреннее расположеніе?

— А вы чувствуете расположеніе ко мнѣ?

— Да.

— И только?

— Развѣ этого недостаточно?

Она отвѣтила на вопросъ какъ будто была дѣвушка свободная, имѣвшая право играть его любовью и намѣреваясь принять ее. Это было самымъ легкимъ отвѣтомъ, но сердце ея сжалось отъ боли, и еслибы она могла остановить его дальнѣйшую рѣчь какимъ-нибудь жесткимъ, грубымъ словомъ, она сдѣлала бы это. Но она не могла сказать ему что-нибудь грубое. Онъ заслуживалъ чтобы все что она говорила ему было учтиво и ласково. Она считала его честнымъ, добрымъ, великодушнымъ и любящимъ. Все дурное что говорилъ о немъ Даніель Твейтъ изгладилось изъ ея памяти. Въ его намѣреніи воспользоваться ея состояніемъ она не видѣла уже ничего безчестнаго. Онъ графъ, и состояніе Ловелей должно было бы принадлежать ему. Виновата въ этомъ случаѣ была скорѣе она, виновата тѣмъ что мѣшаетъ ему пользоваться этимъ состояніемъ. И еслибы она могла принять отъ него все что онъ предлагалъ ей, его умъ, его сердце, его домъ, все его личныя преимущества, во сколько разъ получила бы она больше чѣмъ могла дать ему! Она была бы не въ силахъ еказать ему что-нибудь грубое, хотя, увы! настало время открыть ему истину.

— Нѣтъ, милая моя, недостаточно.

Можно ли винить его за то что въ это время онъ былъ уже увѣренъ въ любви ея? Она была всегда такъ кротка, такъ ласкова, такъ уступлива въ обращеніи съ нимъ, такъ очевидно довольна его обществомъ и его услугами что онъ не

могъ думать иначе. Она сказала ему въ Лондонѣ что никогда не будетъ его женой. Но могла ли дѣвушка отвѣтить иначе человѣку явившемуся къ ней въ первый разъ и въ качествѣ жениха? Ему самому не было бы пріятно еслибы она дала согласіе прямо, безъ всякой женской застѣнчивости, безъ слова противорѣчія. Если любовь не встрѣчаетъ на пути своемъ никакихъ препятствій, она теряетъ всю свою поэзію и половину своей прелести. Но теперь они узнали другъ друга, такъ по крайней мѣрѣ казалось ему, женская застѣнчивость сдѣлала свое дѣло, время для противорѣчій прошло. Онъ съ своей стороны чувствовалъ что любить ее искренно. Она не была ни груба, ни вульгарна, она не имѣла никакихъ дурныхъ манеръ и привычекъ, вообще не была такою какъ можно было ожидать и какою считали ее друзья его. Что она была очень хороша собой, признали даже ея враги, и въ этомъ онъ былъ совершенно согласенъ съ ними. Онъ чувствовалъ что никакая тѣнь не омрачала бы его торжества еслибы она согласилась быть его женою. О сынѣ португальца, хотя его предупреждали и объ этомъ, онъ не думалъ. Онъ считалъ это клеветой, оскорблявшею не только леди Анну, но и всю фамилію. Изъ всѣхъ женщинъ какихъ онъ зналъ въ своемъ кругу, леди Анна, его милая кузина, казалось ему, была менѣе всѣхъ способна узнать себя такою любовью.

— Не сочтите меня слишкомъ послѣднимъ, милая Анна, если я заведу опять рѣчь о томъ что уже говорилъ вамъ однажды.

Онъ повернулся на локтѣ такъ чтобы быть еще ближе къ ней, чтобы смотрѣть ей прямо въ лицо и въ случаѣ успѣха взять ея руку.

— Мы такъ недавно узнали другъ друга, продолжалъ онъ.

— О, да! очень недавно.

— И я еще не знаю каковы ваши чувства,—но что касается моихъ, я могу сказать, по чистой совѣсти, что люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Еслибы не было никакихъ постороннихъ обстоятельствъ обличающихъ насъ, я увѣренъ что любилъ бы васъ все такъ же.

Она, бѣдвое дитя, вѣрила его словамъ какъ самому отрадному откровенію, и онъ самъ вѣрилъ себѣ. Сердце его было можетъ-быть слишкомъ податливо, но онъ не лгалъ. Онъ заботился о своемъ общественномъ положеніи, но не былъ

корыстолюбивъ. Еслибъ она не нравилась ему, онъ отказался бы отъ женитьбы на ней несмотря на ея богатство. Но она нравилась ему и онъ желалъ взять ее столько же какъ и ея деньги, и еслибъ она согласилась быть его женой, ему никогда не пришло бы въ голову, онъ никогда не повѣрилъ бы что женился на ней изъ-за денегъ.

— Вѣрите вы мнѣ? спросилъ онъ.

— О, да, я вамъ вѣрю.

— И вы даете согласіе?

Она сидѣла смотря въ сторону, но послѣ послѣднихъ словъ медленно повернулась къ нему. Не измѣнить ли ей своему обѣщанію и не воспользоваться ли представлявшимся счастьемъ? Она могла бы написать Даніелю и напомнить ему объ его обѣщаніи освободить ее если она пожелаетъ. Она никогда не увидала бы его послѣ этого. Она сказала бы ему что старалась научиться смотрѣть на вещи какъ смотрѣлъ онъ, и не сумѣла. Она признала бы себя виновною предъ нимъ и попросила бы у него прощенія, но не отступила бы отъ своего рѣшенія, не отказалась бы отъ того что признала за лучшее для себя. Все это было бы возможно еслибъ она могла только убѣдить себя что это было бы хорошо. Но когда она подумала объ этомъ, совѣсть дала ей такое сильное предостереженіе что она не могла поддаться искушенію. Можетъ ли она обмануть человѣка который былъ всегда относительно ея такъ безпредѣльно добръ, который отдалъ все что имѣлъ ей и ея матери, вся жизнь котораго была борьбою за ея права, человѣка который былъ единственнымъ товарищемъ ея дѣтства и котораго она любила всѣмъ сердцемъ? Онъ предостерегалъ ее противъ соблазновъ которыми она готова была поддаться, и теперь, въ минуту опасности, она будетъ помнить его предостереженія.

— Вы согласны, повторилъ лордъ Ловель протянувъ къ ней руку.

— Я не могу согласиться, отвѣчала она.

— Не можете!

— Не могу, лордъ Ловель.

— Не можете теперь, или вы хотите сказать что никогда не будете въ состояніи согласиться?

— Никогда, отвѣчала она.

— Я знаю что мое предложеніе сдѣлано слишкомъ послѣшнью и внезапно, сказалъ онъ умышленно не обративъ вниманія

на ея послѣдній отвѣтъ, — и я понимаю что вы имѣете право сердиться на меня за увѣренность о которой ловидному свидѣтельствуется такая послѣднность. Но въ этомъ вопросѣ, дорогая моя, замѣшано множество интересовъ, сомнѣній и опасеній, отъ рѣшенія его зависитъ благосостояніе многихъ и будущее поведеніе всѣхъ нашихъ друзей, и я думала что вы извините то что въ другомъ случаѣ было бы неизвинительно. (Еслибы не Даніель Твейтъ, какъ благородно, какъ благоразумно, какъ лестно показалось бы ей все что онъ говорилъ!) Но, продолжалъ онъ, — если вы не можете полюбить меня....

— О, лордъ Ловель, пожалуста не спрашивайте меня.

— Я обязавъ, ради всѣхъ насъ, узнать истину.

Послѣ этихъ словъ она быстро встала и остановилась предъ нимъ съ измѣнившимся осанкой и измѣнившимся лицомъ.

— Я обѣщала быть женой Даніеля Твейта, сказала она.

Онъ тоже всталъ и молча остановился предъ ней. Она призналась ему въ томъ о чемъ предупреждали его всѣ, но чему онъ такъ улорно не хотѣлъ вѣрить. Она прочла въ его глазахъ болѣе чѣмъ онъ могъ прочесть въ ея глазахъ. Она увидѣла себя въ его мнѣніи, а потеря его уваженія была для нея едва ли не тяжеле потери его любви. Въ теченіи трехъ послѣднихъ недѣль, въ семействѣ Ловелей, она чувствовала себя дочерью графа Ловеля. Теперь этому насталъ конецъ. Хотя бы процессъ былъ рѣшенъ въ ея пользу, хотя бы всѣ деньги достались ей, и ея права на титулъ который она такъ долго ненавидѣла были официально признаны, ея милый родственникъ, графъ Ловель, уже никогда не будетъ смотрѣть на нее какъ на равную. Минни никогда не бросится ей на шею увѣряя что ей все позволено съ ея милою кузиной. Двѣ тетки графа никогда не признаютъ ея леди Анной. Обаяніе знатности, только-что почувствованное ею, было утрачено навсегда.

— Я не сказала вамъ этого раньше, продолжала она, — потому что это еще тайна, но теперь вы можете открыть ея кому нужно.

— О, Анна!

— Я говорю правду.

— О, Анна, какъ мнѣ больно, за васъ и за себя, если это правда!

— Что же касается денегъ, они будутъ ваши если достанутся мнѣ.

— Такъ вы думаете что мнѣ нужны были деньги?

— Они нужны вашему положенію, и я это вполне понимаю. Что же касается меня и моей матери, вы едва ли поймете въ какомъ мы были положенію когда я была ребенкомъ. Вы презираете мистера Твейта потому что онъ портной.

— Я знаю только что онъ не лара леди Аннѣ Ловель.

— Когда леди Анна Ловель не имѣла во всемъ мірѣ ни одного друга кромѣ его, онъ далъ ей пріютъ и истратилъ всѣ свои сбереженія на ея защиту. Онъ не измѣнилъ ей когда весь свѣтъ обратился противъ нея. Что было бы съ мамою и со мною еслибы мистеръ Твейтъ не помогъ намъ? Онъ былъ нашимъ единственнымъ другомъ, онъ и отецъ его. Они были все что мы имѣли. Въ дѣтствѣ я не слышала никогда добраго слова ни отъ одного ребенка кромѣ его. Могла ли я отказать ему когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Онъ не долженъ былъ дѣлать вамъ такое предложеніе, возразилъ графъ хриплымъ голосомъ.

— Почему? Развѣ онъ не имѣетъ на это такое же право какъ и вы? Онъ ничѣмъ не хуже всякаго другаго человека. И если я могла повѣрить вашей любви послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, могла ли я не повѣрить его любви послѣ двадцатилѣтней дружбы?

— Вы знали что онъ ниже васъ.

— Онъ никогда не былъ ниже меня. Напротивъ. Когда мы были бѣдны, онъ имѣлъ деньги, и мы ими пользовались. Онъ могъ давать, а мы могли только брать. Онъ былъ силенъ, а мы слабы, онъ покровительствовалъ намъ. И какое понятіе могла я получить о различіи въ общественныхъ положеніяхъ живя подъ покровительствомъ его отца? Мнѣ говорили что я леди Анна Ловель, и дѣти дразнили меня моимъ титуломъ. Моя мать называла себя графиней и я ей вѣрила, но ни для кого титулъ и знатность не были никогда такимъ бесполезнымъ бременемъ какъ для нея. Какъ вы думаете, лордъ Ловель, могла ли я при такихъ обстоятельствахъ полюбить мою знатность?

— Теперь вы научились цѣнить ее.

— Да, я научилась цѣнить ее, но къ лучшему ли это, я еще сомнѣваюсь. Есть ученіе которое достается легко, и есть другое которое говоритъ что первое есть ученіе дьявола. Я

должна забыть то что узнала, лордъ Ловель, вы же должны забыть меня.

Онъ не зналъ теперь какъ говорить съ ней, не зналъ слѣдуетъ ли ему убѣждать ее сдѣлаться его женой послѣ того какъ она призналась что обѣщала быть женой портнаго. Его волненіе внушало ему сомнѣнія которыхъ онъ не въ состояніи былъ разрѣшить. Можетъ ли онъ обнять дѣвушку которая уже была въ такихъ вульгарныхъ объятіяхъ? Можетъ ли онъ принять сердце которое было обѣщано портному? Развѣ весь свѣтъ не сказалъ бы что онъ женился на ней только изъ-за денегъ, еслибъ она и согласилась выйти за него? Но потерпѣть неудачу въ такомъ предпріятіи, отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ, отказаться отъ такого удобнаго способа обогатиться! Онъ вспомнилъ свое обѣщаніе не продолжать тягбу, обѣщаніе которое далъ въ полной увѣренности что эта дѣвушка законная наслѣдница Ловелей и не подозревая что она уже обѣщала быть женой портнаго.

Все что они могли сказать другъ другу въ эту минуту было сказано, и они возвратились въ гостиницу молча.

(До слѣд. №).

ПАДЕНИЕ СЪЧИ

И

ЗАПОРЖСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ НОВОМОСКОВСКЪ.

I.

Запорожская съча была уничтожена императрицею Екатериною какъ бесполезная, даже какъ вредная. Но въ свое время это оригинальное учрежденіе принесло не мало пользы Русской землѣ. Еще и наканунѣ своего уничтоженія, въ Турецкую войну кончившуюся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, оно сослужило свою послѣднюю службу. Услуги Запорожцевъ признавались правительствомъ, и Запорожское войско не разъ получало именованъ царскимъ благодарность отъ русскихъ полководцевъ, отъ Миниха, Ласси, князя Долгорукаго-Крымскаго, Румянцева, Панина; съчевые старшины (Калышевскій, Павелъ Головатый, Иванъ Гюба, Сидоръ Бѣлый, Андрей Порохна, Бурюга, Ногай, Коллакъ и др.) были награждаемы особыми *именными* медалями. Знаменитые русскіе люди и иностранцы, даже сами раззорители Съчи, Потемкинъ и князь Прозоровскій, считали честью вступать и вступили въ ея братство: Потемкинъ—подъ именованъ Грицька Нечосы.

Когда Крымъ, готоваясь къ полному присоединенію, отдался намъ подъ покровительство, Запорожье могло только вредить новымъ отношеніямъ.

— Крымцы теперь сдѣлались изъ враговъ друзьями. Противъ кого жь стоять здѣсь Запорожью? говорили враги его.— И чѣмъ теперь жить ему? Хлѣбъ оно стало сѣять чуть не со вчерашняго дня; къ оспѣлости неспособно, жило всегда только грабежомъ сосѣдей.

Одно изъ главныхъ обвиненій выставлявшихся противъ Запорожцевъ было обвиненіе въ неспособности къ гражданственности. Дѣйствительно Запорожье по самому составу своему не могло имѣть обыкновеннаго государственнаго строя. Это былъ передовой военный постъ оспѣлости противъ кочевниковъ; это были Малороссійскіе казаки, засѣвшіе по началу на нижнемъ Днѣпрѣ за порогами. Они отреклись отъ семьи, отъ человѣческаго жилья, отъ собственности (до 1760 года), отъ всѣхъ радостей земныхъ, жили въ землянкахъ, въ болотахъ, подъ открытымъ небомъ, питались чѣмъ Богъ послалъ. Была поговорка: Запорожцы какъ дѣти, и мало дай—будутъ сыты, и много дай—все поѣдятъ. Они довольствовались въ военное время самою суровою пищей—толокномъ и толчеными сухарями, безъ горячаго варева, потому что кровь отъ враговъ не разводили огня; даже ржать конямъ не давали. Ихъ безпрестанно тревожилъ не дремлющій непріятель, обмѣниваясь съ ними то лулей, то кинжаломъ; часто невидимый для нихъ, въ котораго они въ свой чередъ мѣтили иногда ужъ не глазомъ, а только ухомъ и слухомъ; иногда этотъ врагъ заносилъ къ нимъ и чуму. Ихъ жалили гады, ихъ мучили летучія насѣкомыя, мошки, комары, эти крылатыя иглы тамошнихъ омутовъ. Въ пору цвѣтенія камышей, среди которыхъ они жили, нападали на нихъ перемежающіяся лихорадки, ожесточенныя горячки. И вся эта жизнь полная отреченія и мученія была принята на себя добровольно Запорожцами для того чтобы защищать свою родину, милую Украину, защищать и великую Русь и Польшу, и все христіанство отъ татарскихъ наѣздовъ. Холостая община запорожская пополнялась пришельцами со всего свѣта и открывалась всѣмъ бездомнымъ, „и стиглому и сбѣгаому“. Сюда пробирался дорогою сиротскою, издавна знакомою крестьянству, и русскій помѣщичій людъ изъ сѣверныхъ областей, и польскій хлопъ съ правобережья Днѣпра; тутъ были

польскіе разгудные шляхтичи, оральные московскіе дворяне и просто люди любившіе военное ремесло; были тутъ иногда и проливившіеся или скучавшіе наукою малороссійскіе школяры. Залорожье принимало въ свое братство даже изъ среды тѣхъ противъ кого вооружалось, изъ Татаръ и Турокъ. Ему дѣла не было до происхожденія, до прежней жизни пришельца; оно только требовало—принятія греческой вѣры, послушанія батькамъ - атаманамъ и обязанности сражаться со врагами христіанства; во всемъ остальномъ всякъ былъ вольный казакъ. Какъ охранитель вѣры Христовой, залорожскій военный орденъ считалъ своею покровительницею Божію Матерь, оттого и церковь въ Залорожской Свѣчи была во имя Покрова Богородицы. Когда въ церкви происходило чтеніе Евангелія, все присутствующее Залорожье вынимало изъ ноженъ до половины свои сабли, знаменуя тѣмъ готовность защищать благовѣствуемыя въ немъ истины во всякое время. И вотъ это пестрое товарищество, сначала въ самомъ ничтожномъ числѣ, имѣло отвагу стать противъ многочисленныхъ и многомошныхъ враговъ, противъ Крымскаго ханства, со многими его ордами, и противъ Турціи. Само собой что при такомъ неравенствѣ силъ и способовъ, оно должно было и борьбу вести особеннымъ образомъ. Зная въ совершенствѣ дикую мѣстность имъ занимаемую, свою безпредѣльную степь, гдѣ, словно въ сухомъ морѣ, не было ни дороги, ни тропы, ни слѣду, Залорожцы при нападеніи враговъ разбѣгались по тернамъ, бурьянамъ, чагарникамъ, по балкамъ, водорослямъ и оврагамъ, въ рассыпную, направляясь днемъ по солнцу, по скруткамъ исподивскихъ травъ да по мѣткамъ и нарубкамъ на кустахъ или по курганамъ, а ночью по звѣздамъ, по теченію рѣкъ да по вѣтру, который по тому откуда вѣялъ такое и названіе носилъ: былъ вѣтеръ москаль, былъ бесерменскій, донской, ляхскій вѣтеръ. Не то, имѣя скрытые човны, Залорожцы расплывались въ лавняхъ, камышахъ и болотахъ Днѣпровскаго побережья, или уходили на Днѣпровскіе притоки, на „рѣчки низовья помощницы Днѣпровья“, а ихъ всѣхъ, по словамъ казачьей думы, „съ устья Днѣпра до вершины семьсотъ рѣчекъ и четыре“. При малѣйшемъ вѣроятіи удачной борьбы, все это мгновенно сосредоточивалось въ колонны, либо въ батавы (каре) и дѣйствовало. Иной постоянной осѣдаости, кромѣ землянокъ Свѣчи или боеваго табора Гуляй-города, Залорожье

не могло имѣть: „не строй свѣтлицы на границѣ“, была пословица въ Сѣчи; заниматься при этомъ оно только и могло рыбною да звѣриною ловлей. Всякая пахать, елибѣ и была она заведена, была бы истреблена первымъ татарскимъ наѣздомъ.

Но когда съ одной стороны собственные усилія Залорожцевъ, съ другой — общія дѣйствія всего Русскаго царства отбили у Татаръ и Турокъ Черноморское лукоморье, тогда и въ Залорожьи явились признаки перерожденья, завелась недвижимая собственность. На залорожскихъ земляхъ стали быстро развиваться начатки гражданственности: устойчивая осѣдлость, хлѣбопашество, скотоводство и т. п., а торговля черноморская и на Русь, и въ Польшу только и шла тогда черезъ Залорожье. И всему залорожскому хозяйству велась уже образцовая отчетность подъ названіемъ: „секреты Залорожскаго войска“. Осѣдлости Залорожья послужили потомъ, когда вошли въ общія границы государства, ядромъ къ образованію его городовъ. Губернскіе города Екатеринославъ, Херсонъ и почти всѣ уѣздные города Новороссійскаго края возникли на мѣстахъ налѣченныхъ Залорожцами: изъ ихъ селъ, зимовниковъ и хуторовъ. А до какой степени быстро овладѣвало здѣсь степью поле, то-есть лашня, можно заключить изъ слѣдующаго факта. Не больше какъ за двадцать лѣтъ до паденія Сѣчи, кошевой Григорій Федоровъ, по прозванію Лантухъ (большой мѣшокъ), писалъ въ Петербургъ что Залорожью кормиться нечѣмъ, что оно хлѣба не свѣтъ, а между тѣмъ при паденіи Сѣчи въ залорожскихъ земляхъ по Самарѣ, по Волчѣй, по Орелу и въ другихъ мѣстахъ были уже безконечныя нивы рослыхъ хлѣбовъ, многозернистыхъ колосомъ, тяжеловѣсныхъ зерномъ какимъ можетъ дарить только черноземная новь; паслись безчисленные табуны породистыхъ лошадей и необозримыя стада рогатаго скота и овецъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка бывшее *посполитъ* Залорожской Сѣчи, въ Чернечинѣ, въ Песчанкѣ, вспоминая о такой быстрой пережвѣ въ ихъ хозяйствѣ, говорили: „Какъ былъ кошевой *Лантухъ*—нечего было класть въ *лантухъ*, а когда сталъ *Каланышъ* — пошли и лашницы, и коржъ, и кнышъ“. Залорожское хлѣбопашество дало основу нынѣшней новороссійской житницѣ, питающей Европу. Скотоводство Зало-

рожья также было разсадникомъ настоящаго обширнаго отдѣла промышленности въ нашемъ Южномъ краѣ. Теперешніе черкасскіе быки, имѣющіе такую высокую цѣнность на столичныхъ рынкахъ, самымъ названіемъ своимъ показываютъ свое залорожское происхожденіе, такъ какъ Запорожцы, подобно Днѣпровскимъ казакамъ вообще, назывались и Черкасами. А что кошоводство не малое уже было при Запорожьи судить можно по тому что какъ-то кошевой Калнышъ продалъ разомъ до четырнадцати тысячъ штукъ лошадей, а у полковника Колпака увели Татараы при набѣгѣ до семи тысячъ головъ.

Упрекали Запорожцевъ безсемеиною жизнію. За безсемеинность Запорожцевъ честили официально „составителями особливаго, страннаго и намѣреніямъ Творца въ размноженіи челоѳтчества противоборствующаго политическаго союмища“. Но положеніе Запорожья оправдывало и необходимость безженства. Не даромъ кошевой Сагайдачный, какъ поется въ сѣчевой пѣснѣ,

Промѣнялъ женку
На тютюнь да люлюку.

Съ перемѣной жизни, сомнѣнья нѣтъ, и Запорожцы обзавелись бы женами, какъ это сдѣлали Яицкіе казаки.

Подъ вліяніемъ того что распускалось въ свое время какъ поводъ къ уничтоженію Запорожья, а также подъ впечатлѣніемъ разказовъ нашихъ талантливыхъ художниковъ, которые большею частію изображали Запорожье съ комической или фантастической стороны, наконецъ, по преданіямъ часто смѣшивающимъ запорожскихъ необузданныхъ гультаевъ съ настоящими сѣчевиками, у насъ составилось мнѣніе что Запорожцы были только головорѣзы да пьяницы. Да, Запорожцы были отчаянные удалцы, но этого и требовало дѣло въ которомъ видѣли они свой долгъ. Ремесло ихъ была война, и если въ наше гуманное время, въ своихъ международныхъ сношеніяхъ мы не можемъ обойтись безъ argumenta baculina, безъ игольчатыхъ ружей, безъ круповскихъ пушекъ, то право войны съ ея жестокостями тѣмъ болѣе имѣло силы въ тотъ суровый вѣкъ. Въ этой школѣ выработались они въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ. Горсть ихъ подчасъ наводила грозу на Крымъ, на все Ту-

рецкое государство, которое было такъ могуче что поглотило Византийскую имперію и многія славянскія царства. Въ случаѣ нужды, Запорожецъ бывало змѣей подползеть ко врагу, щукой-рыбой подплыветъ, налетитъ орломъ, срѣжетъ подошвы у супостата. Разъ Татары, ограбивъ Русь, возвращались домой; преслѣдовать ихъ было некому. Самарскій житель, Никита Лебеденко, съ четырьмя казаками бросился за ними. Высмотрѣвъ съ высокой могилы (съ кургана) что ихъ человекъ до трехсотъ собралось въ Холодной Балкѣ, онъ подкрался къ нимъ ночью и выарканилъ четырехъ лошадей изъ самаго стана. Потомки Запорожцевъ, Черноморскіе пластуны, показали такую же удалъ и въ наше время, въ Крыму, подъ Севастополемъ. Съ собственною своею заповѣдью: „разъ родила мати, разъ и умирати“, они бросались въ пламя боя и дѣлали чудеса. Дѣвпръ-Славути научилъ Запорожцевъ владѣть весломъ, демеюмъ (рулемъ) и *стерножъ*, * и тому кто проплывалъ противъ теченія черезъ страшные Дѣвпрскіе пороги, валъ Чернаго Моря былъ не горе, а пологоря. Напрасно султаны Турецкіи приказывалъ хранить отъ нечестивыхъ гяуровъ Черное Море „яко нѣкую чистую и непорочную дѣвицу“; напрасно Турки лугали всѣхъ Европейцевъ бѣдою черноморскихъ волненій: „не даромъ дано ему имя Черное, говорилъ Колычи-баша между прочимъ московскому послу Украинцову; въ бурѣ Чернаго Моря дѣлаются черными сердца человѣческія“; напрасно входы въ Черное Море въ устьяхъ Дѣвпра замыкались дѣлами, загораживались крѣпостями, обстрѣливались пушками. Запорожцы рвали дѣли, проходили крѣпости и подъ выстрѣлами все-таки врывались на своихъ утлыхъ чайкахъ въ Черное Море, не глядя ни на какую хуртовину (бурю), хозяйничали въ немъ и знали всѣ закоулки его какъ свою кишению (карманъ). Есть Запорожская дума о черноморской бурѣ. Какъ на Черномъ Морѣ, на бѣломъ камнѣ, ясный соколъ уныло кричалъ, предчувствуя бурю, какъ въ этой бурѣ готовились утонуть казацкія суда, какъ одинъ изъ казаковъ просилъ чтобъ его бросили въ море, говоря что грѣхъ его одного тянетъ всѣхъ ихъ ко дну, и какъ, по мѣрѣ того какъ онъ исповѣдывалъ предъ товарищами свои грѣхи и давалъ обѣтъ

---

* Стерно—или опачина или потесь, у Бѣлорусовъ трепло—большое весло у барки вмѣсто руля, который неудобенъ въ Дѣвпрскихъ порогахъ.

исправленія, буря постепенно стихала и ихъ къ землѣ прибывала....

Залорощы, по народному повѣрью, были *характерники* (чародѣи). Стрѣла ихъ не стрѣляла, луля не брала, сабля не рубила; они не чувствовали никакихъ мукъ. И такъ точно можно было подумать, зная какъ умиралъ Залорощецъ и какъ безпечно переносилъ всякія страданія. Жестокіе враги съ него съ живаго кожу сдирали, а онъ говорилъ: „вотъ разказывали будто больно, а оно точно комашки кусаютъ“. Иной разъ попавшись въ лѣвнѣ, осужденный на казнь, онъ просилъ себѣ какъ милости чтобъ его не вѣшали, не рубили, а на „палю“ (на колы) посадили, то-есть желалъ самой ужасной и продолжительнѣйшей смерти. „Этакъ, говорилъ онъ, умеръ и ланъ-отецъ, царство ему небесное! и покойный дѣдусъ—улокой его Господи!“ Такъ и ему хотѣлось, по примѣру ихъ, умереть.

Мудрено ли что, закалясь въ жестокостяхъ войны, не находя пріятности въ роскоши до такой степени что добытыя бездѣйныя турецкія шали, англійскія дорогія сукна, дамасскія матеріи и т. п. зачастую изъ молодечества и презрѣнія къ нимъ топтались въ грязь, бросались въ деготь, Залорощы находили удовольствіе только въ полуйкахъ. Полуйки эти однакожь были въ пору бездѣйствія; Боже сохрани въ военное время: смерть.... Они и дѣвились настойками: голова болить—съ лерцемъ горѣлки, гостецъ ломить (ревматизмъ)—съ лерцемъ горѣлки, животъ болить—ченчибельной, * да горшокъ на животъ; лихоманка трясеть—тютюнквой или полынной. Между тѣмъ среди этихъ беззавѣтныхъ гулякъ и лервыхъ при удобномъ случаѣ женскихъ подлипалъ, были личности и высокой чистоты, которые свято хранили рыцарскій обѣтъ цѣломудрія, были по жизни совершенные дѣвственники, прілежные ко святому писъму, къ церковному лѣвню и богослуженію. Они этимъ не хвастались, потому что объ руку съ такими характерами идетъ скромность. И Залорощы такихъ людей цѣнили и уважали. Когда умиралъ ихъ товарищъ гуляка, то ему въ гробъ ставили штофъ горѣлки, съ которою опускали его и въ могилу, а надъ могилою трезваго товарища выставляли бѣлый флагъ, эмблему безукоризненной чистоты отжившаго витязя.

* Настойка на цѣлабухъ.

Залорожцевъ обвиняли еще въ разбояхъ, но это вина отдѣльныхъ лицъ. Не забудемъ что разбойничество было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ ту эпоху. Не было оно диковиной и въ другихъ областяхъ Русскаго царства: тогда разбойничали на Волгѣ Заметаевъ, Кулага; на переволокѣ между Волгою и Дономъ—Брагинъ, Зубакинъ; то же было на южной границѣ Курской губерніи; въ Муромскихъ лѣсахъ зло не переводилось; между Коломною и Рязанью, по Окѣ, въ Зарайскомъ уѣздѣ, наводилъ ужасъ злодѣйствами Веревкинъ; въ Орлѣ разбойничали Давыдовъ, сирота Зервинъ, лускавшій красныхъ пѣтуховъ; о нѣкоторыхъ городахъ Орловской губерніи были и поговорки: Елецъ—всѣмъ ворами отецъ, Ливны—всѣмъ ворами дивны и т. п. Нѣкоторые постоянные дворы имѣли дурную славу разбойничьихъ притоновъ. Въ южной Россіи и теперь разказываютъ о какомъ-то Малороссѣ-крамарѣ. Поѣхалъ де онъ со своими товарами въ Великую Русь и попалъ въ одну такую западную на ночлегъ. Извѣстно что постоянные дворы во глубинѣ Россіи нерѣдко и нынче строятся съ крытымъ дворомъ, въ видѣ огромнаго сарая, такъ что попавшій въ такой дворъ находится въ немъ какъ бы поглощенный во чревѣ китовомъ; одинъ только выходъ — это ворота, но онъ немедленно за нимъ по вѣздѣ запираются, и тогда ему нѣтъ ни шагу со двора если этого хозяинъ не желаетъ. Крамарь по нѣкоторымъ темнымъ примѣтамъ сталъ подозрѣвать что онъ не въ благополучномъ мѣстѣ: ужиналъ онъ не ужиналъ, помолился Богу, легъ въ избѣ и притворился спящимъ. Черезъ нѣсколько времени вошелъ въ избу хозяинъ и началъ точить большой ножъ. Скоро потомъ вѣжалъ мальчишка лѣтъ пяти; онъ, дергая отца за рукавъ, просилъ: „тятка, а тятка, зарѣжь хохла, люблю какъ хохоль трепещется!“ Ребенокъ, какъ видно, не однимъ ужъ хохломъ любовался въ такомъ видѣ. Хозяинъ, вѣроятно, находя что еще не пора, въ подголоса пригрозилъ мальчишкѣ: „поди прочь, чертенокъ!“ ребенокъ со слезами убѣжалъ изъ избы. Вдругъ входитъ въ избу сама мать, держа мальчишку за руку: „что ты, старый лещъ, кричить она хозяину, обижаешь ребенка: зарѣжь хохла, потѣшь дитя!“ — „Уйдите къ лѣшему!“ отвѣчаетъ онъ сердито, сквозь зубы, указывая глазами на крамаря; „полъ не услѣлъ обѣдни отлѣтъ, а вы хотите и шалку надѣтъ.“ Хозяйка поняла что еще рано и увела ребенка изъ избы. Крамарь лежалъ ни

живъ, ни мертвъ. Сталь онъ однакожь думать какъ бы спастись. Слуста немного, какъ ушаа хозѣйка, сдѣлалъ онъ видъ что проснулся. „Уфъ, какъ я крѣпко спалъ, сказалъ онъ, вставая на ноги, совсѣмъ забылъ про лошадокъ, пойти поглядѣть, не сбили ли корму.“ И подъ этимъ предлогомъ вышелъ изъ избы. Тутъ онъ бросился по двору во всѣ углы, сталь искать выхода и не находилъ нигдѣ ни щели. Тогда онъ взялъ возжи, забросилъ ихъ за одну изъ балокъ и добрался на возжахъ до крыши. Крыша была соломенная. Съ усиліями, какія могли только родиться при страхѣ смерти, онъ прорвалъ солому и этимъ путемъ бѣжалъ изъ разбойничьяго вертела, бросивъ и лошадей, и всѣ свои товары... Замѣчательно что русскіе гайдамаки: харцизы, лучари, сучики, гультаи, самосбройцы, размножились особенно по разореніи Сѣчи. Много недовольныхъ Запорожцевъ выселились въ Турцію, оставшіеся въ Россіи покорились своей участи, сдѣлались мирными гражданами, хлѣборобами, скотоводами, чабанами, рыболовами, пасѣчниками, держали шинки, торговали, занялись каботажнымъ судоходствомъ, принялись за ремесла, кто во что гораздъ, а иные, довѣрчивые, поселившись на земляхъ новыхъ помѣщиковъ, попали потомъ и въ крелосгь. Но была запорожская голода, которая ничѣмъ не хотѣла или не умѣла заняться, и вотъ она-то, предавшись лѣни, пролюю и неудовольствію на правительство, и начала лошаливать.

Въ Новороссійскомъ краѣ, въ особенноти на земляхъ Запорожской Сѣчи, населеніе было и есть малороссійское. Въ первые годы по паденіи Сѣчи, разные колонисты, если не считать Сербовъ, составляли почти незамѣтную его долю. Малороссы, преимущественно сосѣди „Пялавци“, еще при Запорожьи подвигались въ стель разными хуторами и выселками, что также отнесено было къ винѣ Запорожцевъ: „они де переманиваютъ къ себѣ послолитыхъ (крестьянъ) изъ Гетьманщины“. Все это сочувствовало Запорожцамъ, думая какъ и они что земли Сѣчи обобраны не по праву. Когда являлись гайдамаки и говорили: „мы обижены“, жители понимали эту обиду и принимали бродягъ. Новороссійскій поселянинъ самъ кормилъ, поилъ ихъ, давалъ имъ излишекъ, и заботился только о томъ чтобы какъ-нибудь не попасть въ бѣду за укывательство.

Бѣжала ли валака (обозъ) чумаковъ въ Крымъ за солью

или на Донъ „по рыбу“, гайдамакъ ставилъ колье среди дороги и требовалъ окула, и окульное, хлѣбомъ, лпшеномъ, саломъ, приносилось къ ратищу, хотя чумаки сами казаки и сами имѣли въ возахъ колья: двадцать ихъ, такихъ дюжихъ молодцовъ, сто разъ по косточкамъ, еслибы хотѣли, разметали бы бродягу.

Даже туземное мелкое начальство, состоявшее все почти изъ Малороссовъ, которые прежде всѣхъ, какъ сосѣди, нахлынули сюда на службу по вызову и безъ вызова, и оно смотрѣло на гайдамаковъ сквозь пальцы и иногда парализовало самую кару которая ихъ постигала. Старики помнили такой случай: разбойника приговорили къ кнуту на мѣстѣ преступленія; при всемъ участіи къ нему мѣстнаго начальства не исполнить указа высшей власти не было возможности; но вдругъ пришли слухи что преступникъ де великій характерникъ (знахарь, колдунъ), а въ народѣ есть повѣрье что колдуны тогда только чувствуютъ наказаніе когда ихъ съкутъ не по тѣлу, а по тѣни.... Ну, и стегали его по тѣни, и должно-быть дѣйствительно ему было больно: онъ кричалъ немилосердно. Что *гаруизы* сильны были не столько сами по себѣ сколько пособіемъ того населенія въ кругу котораго они дѣйствовали, что народъ имъ мирволил, предостерегалъ ихъ, и даже укрывалъ, это доказывается разбоями извѣстнаго Гаркуши. Вся чудесность его дѣлъ блѣднѣетъ если узнаешь офиціальное о немъ дѣло: это былъ сильный, до дерзости смѣлый разбойникъ, ловкій наѣздникъ, находчивая голова, но дѣйствія его были далеко не такъ романичны какъ шла о нихъ молва; его и сообщниковъ его прятали въ луцахъ, въ Зимовникахъ за Самарью, у разныхъ крамарей, шинкарей; онъ былъ въ связяхъ съ запорожскимъ полковникомъ Забіякой, капитаномъ Пискачемъ, эсауломъ Сербаномъ. Гайдамаки скрывались въ вотчинѣ Шамшева, который былъ „панъ обстоятельный“, „людямъ былъ радъ и ихъ не выдавалъ“. Такихъ „обстоятельныхъ пановъ“ которые людямъ были рады и ихъ не выдавали жило много въ Новороссійскомъ краѣ; они составили себѣ порядочныя вотчины, населивъ ихъ Иванами непомятыми и Домнами бездомными.

Нѣкоторые гайдамацкіе нравы еще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія пародировались въ Новороссійскомъ краѣ даже между мелкимъ чиновнымъ людомъ. Въ Екатеринославѣ существуетъ и нынче наллавной мостъ черезъ Дѣлпръ. Были

тамъ чиновники которые наслѣдовали отъ Свѣчиковъ не только мѣстность гдѣ тѣ жили, но и ихъ беззавѣтное лянство. Ихъ долго терпѣли, наконецъ исключали изъ службы. Вотъ они бывало на Днѣпровскомъ мосту и разлягутся полерекъ. Ёдетъ ли конный, телѣга ли, кто-нибудь въ акилажъ—давай давай, а не то переѣзжай черезъ нихъ. Ну, смѣясь и шутя, давали и платили. Тамошнее правленіе снисходительно относилось къ этимъ шалостямъ, потому что это все были товарищи, и можетъ-статься лучшіе товарищи, но которыхъ погубило то зло отъ котораго такъ много погибаетъ хорошихъ людей во всѣхъ концахъ нашей доброй Руси.

II.

Когда Свѣчики узнали что готовится что-то грозное противъ нихъ „въ Петенбурси“, то послали туда довѣренныхъ людей развѣдать: что такое? Повезли туда нужнымъ лицамъ презентовъ - гостинцевъ: турецкихъ и персидскихъ шалей, ковровъ, дамасскихъ матерій, вина, фруктовъ, мѣховъ, вязиги и т. п., повезли малороссійской свинины, въ разныхъ видахъ, колбасъ, сала и многое другое, балыковъ, шамаи, рыба, знаменитой зимней свѣжепросоленной днѣпровской щуки, повели выносливыхъ украинскихъ коней, захватили съ собою немного и турецкихъ червонцевъ.... Но дѣло сначала велось въ такой тайнѣ что петербургскіе милостивцы и сами ничего хорошо не знали, а одинъ наисильнѣйшій и наивельможнѣйшій изъ нихъ, свой же Полтавецъ или Черниговецъ, хотя и зналъ, хотя и могъ, но какъ и слѣдуетъ „щирому“ Малороссу, въ бѣдѣ ни въ чемъ не помочь. Такова ужъ натура нашего брата Украинаца...

Обезкураженные посланцы о пребываніи своемъ на лервыхъ поряхъ въ Петербургѣ доносили между прочимъ въ Запорожье: „Тутъ умѣютъ брать и червонцы, но всѣ намъ говорятъ: ничего не знаемъ, ничего не можемъ; всѣ сидятъ въ *Потемкахъ*. Орламъ прибурканы крылья; Панинъ у великой пани не въ великой милости; *Зубъ* еще маленькій—не выросъ.“*

* О Зубовѣ — анахронизмъ: Запорожцы не могли къ нему обратиться; онъ былъ во время уничтоженія Свѣчи восьмилѣтнимъ мальчикомъ; но когда же онъ попалъ въ случай, его именемъ, какъ казакъ-буромъ, дѣйствительно играли и Потемкины, и общество того времени.

А нашъ Безбородко, даромъ что безъ бороды, на московскомъ смальцѣ * такой выкохалъ себѣ хвостъ что вертитъ имъ и туда и сюда какъ добрая лисица, такъ что не поймашь ни съ какою собакой. Были мы на смотре нахъ и у *царскаго бѣльма*. ** Тожъ и *царское бѣльмо* глядитъ на насъ въ *потемкахъ*. Ведутъ къ тому, слухъ идетъ, чтобы наши палестины раздѣлить между петербургскими вельможными панами, какъ по писанію: „Раздѣлиша ризы и меташа жребіи!“

Князь Вяземскій, по должности генераль-прокурора, имѣлъ значеніе царскаго ока; политическіе его противники за то что онъ представлялъ государынѣ дѣла, по ихъ мнѣнію, не въ настоящемъ свѣтѣ, прозвали его не глазомъ, а царскимъ бѣльмомъ.... *** Залпорожскій кошъ поручилъ своимъ посланцамъ явиться къ Вяземскому съ просьбой о помощи; но онъ дѣйствовалъ въ видахъ Потемкина, за что, при раздачѣ залпорожскихъ земель, получилъ изъ нихъ на свой лай сто тысячъ десятинъ. Нѣкоторымъ Залпорожцамъ, говорятъ, удалось проникнуть въ Царскосельскій дворецъ. Это было еще до той депутации во главѣ которой были Логинъ Мощенскій, Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый; тогда Залпорожцы за жалованьемъ часто ѣздили въ столицу. Вѣроятно тогда еще дѣло не созрѣло чтобы высказать его вполнѣ: императрица ихъ не приняла, и предубѣжденная противъ Залпорожья передала имъ свое неудовольствіе. Впрочемъ, не относя гнѣва своего за вину всей общины къ отдѣльнымъ лицамъ, она приказала пріѣзжихъ старшинъ угостить царскою хлѣбомъ-солью. Поэтому имъ приготовленъ былъ столъ во дворцѣ. Но ужъ придворные знали немилость государыни къ Залпорожью и преслѣдовали Залпорожцевъ насмѣшками. Смѣялись надъ ихъ языкомъ, надъ ихъ обычаемъ носить оселедецъ на стриженной головѣ, издѣвались надъ своеобразностью ихъ платья съ откидными назадъ рукавами, образчикъ котораго частію сохранился доселѣ у придворныхъ лѣвчицъ.

И вотъ, говоритъ преданіе:

Когда посадили ихъ за столъ, подали имъ огромныя ложки съ ручками въ аршинъ длины, заранѣе торжествуя: какъ-

* Смалець — гусиный жиръ.

** Намекъ на князя Вяземскаго.

*** *Русская Старина* 1872, майская книжка, стр. 767, но и прежде печаталось объ этомъ нѣсколько разъ.

то эти хохлы будутъ ухищряться носить ими себѣ суль
ко рту.

— Эге, панове! говорили Залорожцы межъ собой, показывая на ручку: *дерѣжално чи мале!* А ну, панебрате, ты мене, а я тебе: агу, маленькій! сказали они сосѣдъ сосѣду за столомъ. И продолжая насмѣшку сами надъ собой, чѣмъ самая насмѣшка обезсиливалась, стали кормить другъ друга какъ кормятъ матери иногда своихъ ребятъ.

— И гдѣ этотъ гаулый народъ водится? спросилъ кто-то по-французски, думая что депутаты не поймутъ.

— Гдѣ? разумѣется въ ихъ тамъ дикой Хохландіи, былъ отвѣтъ другаго придворнаго.

Пародируя этотъ разговоръ межъ собой, одинъ Залорожець сказалъ какъ бы съ удивленіемъ, продолжая вѣсть похлебку:

— Ай, ай, ай! сколько пановъ!

Другой замѣтилъ:

— Да все какіе великіе, да разумные!

— И гдѣ эти ланы родятся? спрашивалъ первый.

— Родятся въ Петенбурси, та въ Москви.

— А гдѣ они умирають?

— Въ Сиберіи та въ Камчатци.

Насмѣшники прикусили языкъ и не посмѣли наладать больше на умирающихъ львовъ.

Уничтоженіе Сѣчи, какъ извѣстно, было дѣломъ князя Потемкина; онъ поручилъ его исполнить генералу Петру Абрамовичу Такелію, родомъ Сербу; поэтому говорили: *два раза Петръ уничтожалъ Сѣчь*. Войска стянулись тайно со всѣхъ сторонъ и стали предъ Сѣчью; они сосредоточивались около этихъ мѣстъ съ самаго наступленія 1775 года, подъ предлогомъ кордонной службы—обереганья границъ. Залорожцы такъ были безпечны и довѣрчивы что ихъ артиллеристовъ войска взяли сонными со всѣми пушками и снарядами. Залорожье закипѣло, заволновалось, требовало отъ своихъ вождей битвы. Объ одномъ изъ богатырей залорожскихъ, знамени- томъ Васюринскомъ, лѣсна поетъ:

Васюринскій, казачина, все льетъ да гуляетъ,
Атамана кошеваго батькомъ называетъ.

— Позволь, батька, нашъ атаманъ, чмъ на башнѣ стати,
И назадъ гостей незваныхъ саблею прогнати.

Не позволяшь стати намъ съ саблею—позволь съ кулаками.

Не пропала бъ наша слава между казаками.

Къ счастью, Текелій, какъ остался о немъ слухи и показывало дѣло, былъ не большой храбрець: онъ, говорятъ, трусилъ *Запорожниковъ*, какъ называлъ онъ ихъ по своему сербскому словопостроенію. Онъ оставался въ обложеніи; это дало время простыть жару и задору въ осажденныхъ. Намѣстникъ свѣчевыхъ церквей, архимандритъ отецъ Владиміръ Сокальскій, напомнилъ „товариству“ о единовѣрїи съ Русью; кошевой—о единокровїи и единоподержавїи; сами они наконецъ *розмірковали* (міромъ обсудили), какъ ни горько имъ было, что не приходится имъ руку поднимать на силу бѣлой царицы.

Не будь этого, произошла бы ужасная рѣзня. Недовольнымъ оставалось одно: уйти внизъ по Днѣпру. Тяжело имъ было покидать Днѣпръ-Славуту, своего казацкаго батька. Много лѣтъ назадъ, въ жизни Запорожья былъ такой замѣчательный случай: разъ упрямыя чубы разсердились за что-то на своихъ старшинъ и грозились оставить Свчъ. Силою остановить ихъ не было возможности, урезонить ихъ, когда они въ горячкѣ, разумнымъ доводомъ и подавно. Тогда кошевой или гетманъ Томиленко обратился къ нимъ съ такою рѣчью: И вы, братеки, оставите Свчъ? и вы бросите Днѣпръ? Да есть ли другой такой Днѣпръ? Да вы, какъ рыба безъ воды, не можете быть безъ Днѣпра, да гдѣ найдете вы новую такую славную рѣчку чтобы вамъ такъ служила, чтобы васъ такъ кохала! Да вы знаете, хлопци, что нашъ старый Днѣпро—прямою шляхъ и въ Татарскій Крымъ, и въ Натолїю (Анатолю), и на самый Царь-Городъ, который въ нечестивыхъ рукахъ. Никто васъ не смѣетъ и не можетъ удерживать, да сами вы удержитесь и скаменитесь (оломнитесь), товарищи мои прелюбезныя! Да куда это васъ нелегкая несетъ? Христось съ вами!

Когда Запорожцамъ заговорили о Днѣпрѣ, вдругъ волненіе между ними заглохло. Вслѣдъ затѣмъ эти суровые, закаленные витязи, которые, когда имъ кожу сдирали, чувствовали это не больше какъ укушеніе комаровъ, давай одинъ по одному плакать...

— Да и въ правду мы дурни! говорили они, всхливая какъ дѣти,—куда это насъ въ самомъ дѣлѣ чортъ тащить? не измѣнимъ Днѣпру-батькови! Не бросимъ Свчи матери! вдругъ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Одинъ какой-то голосъ, можетъ-быть изъ собственныхъ

выгодъ, желая поддержать прежнюю горячность въ казакахъ бѣжать изъ Сѣчи, кричалъ:

— Да вѣдь Крымскій ханъ обѣщаетъ намъ на своей землѣ всѣ льготы, всѣ вольности!

— Да цуръ ему, собакѣ! Аспидъ съ никъ! былъ отвѣтъ.

— А Турокъ даетъ цѣлые мѣшки золота! добавилъ тотъ же голосъ.

— А стонадцать ему чертей и съ тобою, паршивою овцою! гаркнуло сто голосовъ съ ожесточеніемъ.—Остаемся!

Итакъ, то чего не сдѣлала бы никакая сила въ мірѣ, сдѣлало одно воспоминаніе о любимой рѣкѣ.

Но теперь было другое дѣло, другое время. Недовольные, одни уплыли Днѣпромъ на сандалкахъ (турецкихъ судахъ) и дубахъ, избравъ атаманомъ своимъ Ляха, другіе, отпросясь у Такелія на рыбные промыслы, ушли сухимъ путемъ. И тѣ и другіе искали убѣжища у „Высокаго Порогу“—въ Турціи, и поселены были ею на Дунаѣ. Народная память насчитываетъ ихъ всѣхъ за сорокъ тысячъ. По донесеніямъ разорителей Сѣчи, имѣвшихъ интересъ сокращать цифру, за границу ушло не больше 10.000 человекъ. Потемкину не многихъ удалось обратить въ ненавистныхъ Запорожцамъ ликенеровъ.

Уничтоженіе Сѣчи послѣдовало 5го іюня 1775 года.

— Пропала наша Сѣчь ни за цалову душу! На вѣки вѣчные сердечная провалилась! Московская *Нора* теперь въ ней завелась! такъ говорили Запорожцы о полковникъ *Норостъ*, который въ первое время послѣ уничтоженія коша оставленъ былъ начальникомъ въ этихъ мѣстахъ.

При уничтоженіи Сѣчи, главнаго войскового старшину, Петра Ивановича Калнышевскаго (Калныша), войскового судью Павла Фроловича Головатого и войскового писаря Ивана Яковлевича Глобу, Такелій подъ арестомъ отправилъ въ Петербургъ. Дальнѣйшая судьба ихъ долго была тайной. Была казачья лѣсня намекавшая иносказательно что Калнышевскій на Дону; было въ Батуринской церкви Евангеліе пожертвованное Головатымъ, судя по надписи на немъ, уже послѣ арестованія и отправки запорожскихъ старшинъ въ столицу. Какъ оно могло туда попасть? Все это сбывало соображенія, путало догадки.

Нынѣ извѣстно что всѣ они были сосланы въ монастыри, гдѣ и кончили свое существованіе: Глоба — въ Бело-зерскомъ, Головатый — въ Тобольскомъ, а Калнышъ — въ

Соловецкомъ монастырѣ. Калнышевскій, въ отвѣтъ, содержался очень строго въ подвалахъ монастыря до самаго конца Екатерининскаго царствованія; при Павлѣ Петровичѣ положеніе его было облегчено, потому предоставлена была ему свобода, но онъ ею не воспользовался: постригся въ монахи, и былъ въ послѣднее время своей жизни іеромонахомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ показывали и могилу его.

III.

„Любимецъ фортуны“, „великолѣпный князь Тавриды“, покинувшій съ Залорожемъ, сдѣлалъ много полезнаго для Россіи, и потому мы немного умалимъ его заслуги если скажемъ и о нѣкоторыхъ его не совсѣмъ удачныхъ распорядахъ.

Потемкинъ устраивалъ Новороссійскій край, но устраивалъ его имѣя въ распоряженіи неограниченныя средства. Милліоны цѣлой Имперіи во всѣхъ казначействахъ были въ его распоряженіи. Они отпускались ему по письменнымъ требованіямъ, отпускались по личнымъ словеснымъ приказаніямъ, отпускались даже наконецъ по приказаніямъ переданнымъ черезъ посланцевъ.

Разъ одинъ такой посланецъ явился отъ него въ Екатеринославскую казенную палату и требовалъ его именованія огромныхъ суммъ. На ту пору казначеемъ былъ какой-то Ома невѣрующій.

— Безъ предписанія не могу дать, отвѣчалъ казначей.

Посланный уходитъ, но возвращается снова безъ бумаги и говорить:

— Свѣтлѣйшій сердится, ему не досугъ, велитъ безъ всякихъ предписаній отлустить.

— Надо жъ намъ имѣть при дѣлѣ основаніе на какомъ мы выдадимъ деньги, говорятъ въ палатѣ.

Посланный ничего знать не хотѣлъ.

Тогда въ палатѣ придумали написать князю наипочтительнѣйшій и всеижайшій залросъ въ родѣ этого: Адыютантъ вашей свѣтлости явился съ требованіемъ такого-то капитала, но безъ ордера. Изволите ли приказать дать?

И они съ тѣмъ же лицомъ получаютъ на измаранномъ до skutъ бумаги грозный отвѣтъ собственной руки князя:

— Дать, дать, дать, черти бъ взяли вашу мать.

Тогда казначей произвелъ требуемый отпускъ денегъ, а лоскутъ какъ ордеръ приобщилъ къ дѣлу. Онъ и теперь хранится въ одномъ изъ Екатеринославскихъ архивовъ. * Потемкинъ завелъ даже въ Херсонѣ свой монетный дворъ; на немъ впрочемъ не довелось чеканить никакой монеты; за то недавно вышедшія тогда ассигнаціи доставлялись ему въ безчисленномъ количествѣ; онѣ переплетаемы были для него въ видѣ книгъ и составляли огромную своего рода библиотеку.

Многое что устраивалъ и предпринималъ Потемкинъ не заключало въ себѣ жизненности и не прочнымъ оказалось въ будущемъ. Многое было въ основѣ своей въ родѣ тѣхъ декораций: деревень, городовъ и замковъ, которыя ставилъ онъ въ пустыхъ мѣстахъ по берегамъ Днѣпра, когда Екатерина II плыла по немъ въ Тавриду.

Потемкинъ построилъ Херсонъ, крѣпость въ немъ, верфь, казармы, и правда: въ глазахъ самой императрицы спущено было съ этой верфи нѣсколько кораблей, а о казармахъ она писала въ Петербургъ что онѣ лучше чѣмъ въ Петербургѣ. Но потомъ открылось что пристани въ Херсонѣ негодны, верфь надо было перевести въ другое мѣсто, а прекрасныя, но пустыя казармы или истлѣли сами собой безъ всякой надобности въ нихъ, или по частямъ растасканы мѣстными жителями на домашнія подѣлки. Самая крѣпость оказалась бесполезною.

Потемкинъ построилъ Екатеринославъ, нѣсколько разъ пересаживалъ его съ мѣста на мѣсто, съ такими видами и предположеніями какъ будто готовилъ ему судьбу и значеніе сѣвернаго Царьграда. По его желанію заложенъ былъ здѣсь двѣнадцатипрестольный храмъ Преображенія, тотъ храмъ о которомъ, какъ гласитъ преданіе, императоръ Іосифъ II, когда ему какъ почетному гостю предоставлена была честь положить основный камень при закладкѣ, сказалъ: „Полагаю первый и послѣдній камень“, что въ свое время сочтено было завистью. Потемкинъ избралъ для будущаго Екатеринославскаго университета и предполагаемой музыкальной консерваторіи профессоровъ, и путешествовавшіе въ обществѣ Екатерины II иностранцы съ восторгомъ отозвались

* Мы не удаюсь его видѣть, и потому не ручаюсь за буквальную точность выраженія.

о будущемъ образованіи Юга Россіи. Потемкинъ завелъ въ Екатеринославѣ обширныя фабрики; фабрики эти, въ бытность государыни, поднесли ей, какъ свое издѣліе, великолѣпнѣйшіе шелковые чулки, которые были такой невѣроятной нѣжности и лаутинной тонкости что укладывались, какъ въ футлярѣ, въ скорлупѣ простаго орѣха, и путешествуя съ императрицею дворъ ея былъ въ восхищеніи отъ этого произведенія. Никто не видѣлъ ироніи въ такомъ микроскопическомъ результатѣ здѣшнихъ огромныхъ мануфактуръ; никто не догадывался что если можно было послать въ Парижъ фельдъегеря за башмаками, то не было прелатства послать и другаго за чулками, или, по крайней-мѣрѣ, за мастеромъ ихъ. И что жь? великолѣпная церковь, съ такимъ блестящимъ торжествомъ зачатая, едва черезъ полвѣка была отстроена, но отстроена уже въ скромныхъ размѣрахъ, и не двѣнадцати, а трехъ-престольнымъ храмомъ. Самое окончаніе ея надо отнести къ усиленному вліянію родни Потемкина, бывшей тогда во главѣ управленія здѣшнимъ краемъ. Огромнѣйшія фабрики должны были закрыться; профессора университета и консерваторіи такъ и остались *профессорами не у дѣлъ*, потому что ни университетъ, ни консерваторія на самомъ дѣлѣ не выросли. Блистательный Екатеринославъ также далеко не оправдалъ своихъ надеждъ.

Что Залорожье отжило свой вѣкъ въ тѣхъ формахъ въ какихъ оно существовало, что Залорожье очутилось не на мѣстѣ, что не могло быть особаго государства въ государствѣ, противъ этого нѣтъ и рѣчи. Уничтоженіе Залорожья было дѣломъ государственной необходимости. Но нельзя ли было, какъ говорили защитники Сѣчи, „сдѣлать то же, да не такъ“?

Еще до Потемкина введенъ былъ хитростью въ Залорожскую Сѣчь комендантъ, введенъ на время, подъ видомъ пособія, и остался навсегда.

По этому случаю Сѣчевики говорили: „Сѣла намъ московская болячка въ самую печеньку“.

Взято было изъ ихъ владѣній множество земель, въ томъ числѣ огромное пространство ихъ по Самарѣ, гдѣ поселенъ Молдавскій гусарскій полкъ, названный Самарскимъ.

Взяты были у нихъ въ войну съ Турками главные мосты, переправы, соленыя озера въ Прогнояхъ на время, и остались въ казнѣ навсегда. Отобраны были у нихъ подлинныя грамоты

и польскихъ и русскихъ государей на ихъ права и вольности, и взаимныя выданы имъ копия; когда же Залорожцы стали этими копиями доказывать свои права на земли коими владѣли, онѣ не признаны доказательствомъ, а о подлинныхъ актахъ былъ отвѣтъ что таковыхъ въ архивахъ не имѣется.

Развитіе края пошло быстрымъ, но едва ли правильнымъ ходомъ; оно усилено было внѣшними средствами, средствами цѣлой Россіи. Самую печальную сторону дѣла представляетъ закрѣпощеніе свободнаго люда: въ зимовникахъ и хуторахъ залорожскихъ, мальцами, новиками, молодчиками, да наймитами, не развивался свободный, благотворный трудъ, а пошла вялая, горькая работа крѣпаконъ.

Съ другой стороны, въ Залорожцахъ ушедшихъ въ Турцію Россія лишилась важной военной силы, но Турція только въ первое время подданства могла заставить Залорожцевъ воевать съ нами, и то въ ничтожномъ числѣ; въ послѣдующіе годы они рѣшительно отъ этого отказались, иначе Залорожцы могли бы причинить намъ еще большую бѣду чѣмъ передавшіеся въ Крымъ русскіе Некрасовцы (Игватъ-казаки). Тѣ были гвардіей Крымскаго хана; въ набѣгахъ Крымцевъ на Россію Некрасовцы всегда шли впередъ, указывали знакомый путь, выискивали скрывавшихся въ знакомыхъ мѣстахъ жителей, были самыми злѣйшими нашими врагами: зеленые ихъ знамена носились всегда въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ проливалось больше русской крови, гдѣ болѣе было пожаровъ и болѣе забиралось плѣнниковъ. Наконецъ съ удаленіемъ Залорожцевъ на Дунай пострадали также экономическія силы Россіи: степи обнажились, границы открылись; для защиты ихъ нужно было усилить рекрутскіе наборы, оторвать десятки тысячъ рукъ отъ сохи, потому что тамъ гдѣ достаточно было сотня Залорожцевъ, мало было и тысячи мовыхъ, свѣжихъ людей: Залорожцы знали въ степяхъ каждый оврагъ гдѣ можно сдѣлать засаду, каждую могилу, каждый курганъ, съ которой удобно сторожить непріятеля, всякаго овражка въ норкѣ, всякую утку въ гнѣздѣ. Объ этой неощущимой способности Залорожцевъ знали еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и графъ Минихъ, и генераль-инженеръ Вейсбахъ, и на этомъ они и гетманъ Данило Павловичъ Аlostоль основали ходатайство свое о возвращеніи въ Россію изгнанныхъ при Петрѣ Великомъ. Почувствовалъ это потомъ и самъ Потемкинъ когда открылась война съ Турками въ 1787 году.

Тогда онъ отчасти исправилъ ошибку: сталъ вызывать олять всѣхъ Залорожцевъ на службу со значительными льготами и привилегіями въ составленный имъ въ это время „кошъ вѣрныхъ казаковъ“, который существовалъ впрочемъ не долго въ этомъ видѣ, и если не воротилъ ушедшихъ въ Турцію, то по крайней мѣрѣ собралъ тѣхъ что притаились на Украинѣ по лѣсамъ, озерамъ, ласекамъ, въ куреняхъ по баштавамъ и въ чумачествѣ. И они вновь славно поработали Россіи. Послѣ того даны были имъ и земли на Тамани и по Кубани, но это было уже черезъ семнадцать лѣтъ по уничтоженіи Сѣчи. Изъ этого коша вѣрныхъ казаковъ составились Черноморскіе казаки, которые такъ прославились подъ именемъ плавтуновъ въ наше время, въ минувшую Крымскую войну. Нынче Черноморцы носятъ названіе Кубанскаго войска.

Иная была судьба Залорожцевъ ушедшихъ въ 1775 году въ Турцію. Уходя при разореніи Сѣчи на чужбину съ ущемленнымъ сердцемъ, каждый изъ нихъ однакожь пожелалъ сохранить у себя вѣчное воспоминаніе о дорогой родинѣ, и каждый изъ нихъ, какъ святыню, унесъ съ собою въ ладоукъ на груди приднѣпровской земли.

Когда Залорожцы перешли на оттоманскія земли, турецкое правительство приказало греческому или болгарскому священнику, подданному Порты, привести ихъ, по греко-россійскому закону, къ присягѣ. Тогда, сказывали дѣды, Залорожцы посылали изъ ладоукъ родной земли въ свои чеботы-сальянци (сафьяновые салоги), обулись въ нихъ и дали такую клятву: „на чьей землѣ стоимъ, тому и служить будемъ вѣрою, правдою, рукою и головою“.

У нихъ, какъ видно, еще въ самомъ началѣ была тайная надежда на возвратъ на родину; сбылось это однако только черезъ полвѣка. Они не разъ лорывались уйти въ Россію, но Турки, посредствомъ круговыхъ порукъ, держали ихъ крѣпко у себя. Въ войну 1828 года имъ наконецъ представился случай заслужить себѣ прощеніе: Турки перекрестнымъ огнемъ своихъ батарей не давали Русскимъ навести мостъ чтобы перейти черезъ Дунай; явились Залорожцы; сотни легкихъ судовъ ихъ быстро переправили нѣсколько русскихъ полковъ на другую сторону, и правый берегъ Дуная былъ завоеванъ. Одна залорожская лодка, управляемая залорожскимъ кошевымъ Осиломъ Ивановичемъ Гладкимъ, перевезла самого

государя Николая Павловича, бывшаго тогда при войскахъ. Такимъ подвигомъ и послѣдующими своими дѣйствіями въ этой войнѣ Залорожцы купили себѣ возвратъ на свою родину... Да, великое дѣло родина! мила она, что ни говори, какъ ни гнѣвайся на порядки ея, на недостатки въ ней: да и гнѣ ихъ вѣтъ? Не напрасно князь Курбскій, осыланный почестями на чужбинѣ, тосковалъ о невозможности возврата въ отечество. Не даромъ молодые агитаторы нашего времени, одинъ по одному, добровольно возвращаются назадъ, „съ того берега“ и молятъ о пощадѣ. Вотъ и свѣтлая, но горячая голова Садыкъ-паши (Чайковского), такого же Украинца какъ и Залорожцы, оскорбленнаго своевоіемъ въ отношеніи къ нему когда-то въ Россіи низшихъ властей, искалъ нынче, и не безплодно, милости на порогѣ родины: онъ понялъ наконецъ что месть была лаче обиды, что наносилъ удары не коню, а оглоблямъ. Но только тогда какъ сѣдины охладили эту горячую голову, дошелъ онъ до такого сознанія: трудно мстить родинѣ, горе поднимающимъ руку на отечество. Великій знатокъ человѣческаго сердца, Шекспиръ, раскрылъ эту поражающую истину.... Привѣтствуемъ тебя, возвращающійся братъ! Лучше поздно чѣмъ никогда!... Но благо и милующему, и прощающему!....

Возвратившіеся изъ Турціи Залорожцы поселены въ Екатеринославской губерніи при Азовскомъ морѣ и названы Азовскимъ казачьимъ войскомъ. Николай Павловичъ кошеваго Гладкаго пожаловалъ въ генералы, а сына его, еще мальчика, въ офицеры. Гладкій-сынъ воспитывался потомъ въ Екатеринославской гимназій, и въ торжественные дни, бывши гимназистомъ, надѣвалъ эполеты; учился превосходно, вышелъ первымъ съ золотою медалью. Въ 1865 году Азовское войско упразднено, и его казаки обратились въ мирныхъ гражданъ.

Будемъ справедливы къ Залорожью. Взглянемъ на Залорожцевъ въ пору паденія ихъ Сѣчи не какъ на буѣныхъ подданныхъ, а только какъ на упорныхъ и твердыхъ защитниковъ того что считали они своимъ правомъ. Снимемъ съ нихъ позорныя имена грабителей и льяницъ, данныя подъ вліяніемъ неудовольствія за неподатливость видамъ общегосударственнаго русскаго слоченія и объединенія. Сама Екатерина Великая отдавала нѣсколько разъ справедливость ихъ доблести. Кромѣ похвальной ея грамоты всему Залорожскому

войску, кромѣ почетныхъ медалей его старшинамъ, отчеканенныхъ особо на имя каждаго изъ нихъ, въ самомъ манифестѣ объ ураздненіи Сѣчи, исчисляя проступки Запорожцевъ, послужившіе въ глазахъ ея поводомъ къ уничтоженію Коша, она не скрыла и ихъ заслугъ. „Правда“, писала она, „въ послѣднюю войну они (Запорожцы) оказали отличные омыты мужества и храбрости“, и оговорила при этомъ тѣмъ что Сѣчевики послѣ того начали совращаться съ истиннаго пути.

Вотъ незабвенныя заслуги Запорожья:

Они отбили Новороссію отъ Татаръ и Турокъ, по крайней мѣрѣ расхатали зубъ, ослабили врага до легчайшей возможности вырвать его; они первые заселили здѣшніе кровавые пустыри своими заимками (колоніями), зимовниками, хуторами, селами, которые обратились потомъ въ города; они первые бросили многоплодное зерно въ благодарную здѣшнюю землю, которая нынче литааетъ своимъ хлѣбомъ всю Европу; они своею гребною флотиліей послужили первою основою знаменитому Черноморскому флоту; они посредствомъ своего послодительства (подданныхъ) дали первые начатки южно-русскаго каботажнаго судоходства.

Роль ихъ кончена, они сошли со сцены, дѣло ихъ сдѣлано; они послужили ему головою, и если ошибались, если спотыкались, то можетъ ли настоящее похвастаться предъ прошедшимъ въ безупречности своихъ дѣлъ и стремленій? Опѣнимъ въ Запорожцахъ то что было въ нихъ честнаго и великодушнаго.

Исторія отдастъ имъ справедливость. Это были наши восточные рыцари, и не только сами себя они такъ называли, — рыцарями называли ихъ и польскіе и шведскіе короли, въ томъ числѣ и великій Густавъ - Адольфъ, и знаменитые Баторій и Собіескій; титулъ витязей христіанства давали имъ также и наши московскіе цари. Они были во всемъ своеобразны и самостоятельны, не хотѣли особенно блистать внѣшностью, потому что презирали роскошь, любили простоту. Они устранили женщину изъ своего общества въ ихъ суровой жизни она была бы помѣхой, боялись „обабиться“, „размякнуть“; но они уважали женщину. Для Запорожца не было въ мірѣ существа выше матери; „материнская молитва“ со дна моря спасааетъ, глѣли они въ своихъ чудныхъ думкахъ. Удаляя женщину изъ Сѣчи, Запорожецъ не чуждался ея когда былъ въ оублности, въ Гетьманщинѣ и вообще тамъ

гдѣ текла семейная украинская жизнь. И въ ожесточенны войны Залорощы не рѣдко уважали женщину даже во враждебномъ станѣ. Разъ къ славному залорощскому рыцарю, кошевому Сѣрку, въ самый разгаръ кровавыхъ стычекъ съ Татарами, прокралась бѣдная Татарка съ жалобой: Залорощы разорили татарскій аулъ, угнали весь скотъ и увели вмѣстѣ съ нимъ и ея посаѣдную корову.

— Дѣти маленькія, говорила она со слезами:—кормиться мечьмъ, помрутъ съ голоду. Отдай, бачка, коровку.

И Сѣрко отдалъ, не посмотрѣвъ и на гнѣвъ гетмана Самойловича за поблажки недругамъ.

IV.

Въ тревожномъ существованіи своемъ Залорощы не дослали до полнаго гражданскаго устройства, не проявили свою дѣятельность мирными памятниками искусствъ, но оставили по себѣ чудныя лѣсны и думы и одну замѣчательную по своеобразности архитектуры церковь, которая стоитъ и въ наше время.

Лѣсны ихъ, впрочемъ, принадлежать всему Днѣпровскому казачеству, всей Украинѣ, всему южно-русскому народу, но Залороще внесло въ нихъ свой значительный вкладъ, въ особенности историческими думами. Въ этихъ лѣсныхъ-думахъ вослѣвуются ихъ подвиги. Это ихъ исторія: славная смерть въ бою, откуда вывозили ихъ изрубленными, изобченными, покрытыми „червоною китайкой“, заслугою казачкой; смерть въ лѣну, въ которомъ, въ пору гоненія за вѣру, ихъ жгли, колесовали; смерть въ бѣгствѣ изъ лѣна, когда одинъ братъ умираетъ въ пустынѣ съ голоду, а остальныхъ двухъ рубятъ басурманы; погребеніе героя въ полѣ товарищами, которому для могилы его суходолъ саблями колпал, въ память его изъ ружей стрѣляли, въ трубы играли. Поется о враждебной степи, погубяющей голодомъ и жаждою лѣвника бѣжавшаго изъ чужбины, поется о томъ какъ глаза его вынимали и выпивали орлы-чернокрыльцы, кости его разнимали и разносили волки-сѣроманцы; поется взволнованное Черное Море, готовое поглотить Сѣчевиновъ, и раскаянны исповѣдника усмирившее это волненіе; прославляются герои Серпяга, Свиговскій, Хмільницкій, Палѣй, Горляенко и другіе.

Изъ множества, вотъ на примѣръ содержаніе одной казачьей пѣсни о боевомъ товарищѣ, вѣрномъ другѣ—конѣ. Конь ударился объ закладъ съ орломъ: кто изъ нихъ быстрее; мѣстомъ куда они должны прибыть назначенъ стелной колодезь. При проигрышѣ—конь лишился ногъ, орелъ—крыльевъ. Началось соперничество: орелъ летитъ напрямикъ; конь бѣжитъ огибая овраги, взбираясь на курганы, перелывая ручьи, пробиваясь сквозь кусты и дѣса, долженъ сворачивать безпрестанно то за тѣмъ, то за другимъ, то въ ту, то въ другую сторону (представлена мѣтко схваченная картина украинской степи). Орелъ летитъ, перо у него звенитъ (какъ вообще при чрезвычайныхъ усиліяхъ у большихъ птицъ: лебедя, дравы и т. п.), и все-таки конь прискакалъ къ колодезю прежде орла, и еще нѣсколько времени поджидалъ его. Орелъ проигралъ и долженъ былъ по добровольному условію лишиться своихъ крыльевъ. Но запорожскій конь прощаетъ орла и оставляетъ ему проигранныя крылья...

Пѣсни эти чаруютъ не одною поэзіей словъ, чаруютъ и поэзіей голосовъ. Независимо отъ содержанія ритмической рѣчи или „кованого слова“, пѣсни эти, какъ отзываются о нихъ мастера гармоніи, * поразительны по лѣвучести, по сердечности общаго тона, по хрустальной прозрачности звуковъ, простотѣ въ сочетаніяхъ аккордовъ, дѣтскому простодушію.

Замѣчательная по своей красотѣ и оригинальной архитектурѣ запорожская церковь находится въ городѣ Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи. Новомосковскъ при запорожскомъ владѣніи былъ попеременно городкомъ Самарой, селомъ Саморчукомъ, мѣстечкомъ Новоселицей, слободою Новоселовкой. Мѣстные и окрестные жители, да и всѣ проходящіе изъ Малороссіи на югъ косари и чумаки и теперь Новомосковскъ называютъ Самарью. Онъ и стоитъ на рѣкѣ Самарѣ, или вѣрнѣе, на рукавѣ ея Самарчукѣ. Во время Запорожья, Новомосковскъ принадлежалъ Самарской ихъ паланкѣ. Запорожье раздѣлено было въ послѣднее время своего существованія на восемь паланокъ, родъ уѣздовъ или военныхъ округовъ; изъ нихъ Самарская паланка была самая богатая. Въ нее входили земли нынѣшнихъ уѣздовъ Новомосковского и частію Павлоградскаго и Александровскаго; главное населеніе преимущественно было по Самарѣ. Рѣка

* Въ томъ числѣ и М. Н. Сѣровъ въ *Осень* 1861 года.

Самарь, или Самара, долго была южною границей Украйны, а послѣ ея соединенія съ Россіей, и южная граница всего Русскаго государства подвинулась отъ Бѣлгородской черты также до Самари и верховьевъ Кааміуса. Она судоходна только въ устьѣ, но въ 1864 году одно судно пробралось и въ городъ Новосмоковскъ. Еще въ первую половину XVII вѣка, Французъ Болланъ, описывая Украйну, замѣтилъ что окраины Самары чрезвычайно богаты, какъ едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ, медомъ, воскомъ, дичиною, строевымъ лѣсомъ, что сама Самарь очень обильна рыбой, и что казаки называли ее *святою* рѣкой. Недостатокъ былъ только въ соли, такъ что рыбаки пересыпали свою рыбу золою, или сушили для сбереженія. Самарскій лѣсъ шелъ тогда на постройки въ крѣпости Койдакъ. Послы царя Федора Алексѣевича, Тякинъ и Никита Зотовъ, проѣзжая въ 1680 году въ Крымъ, нашли за Самарой выѣзженную степь, великія озера и были здѣсь въ опасности отъ воровскихъ казаковъ, Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ и Калмыковъ. Когда Хмельницкій началъ войну съ Польшею, отсюда шли къ нему дикіе лугари или лѣсные гайдамаки.

Названіе Самара и Самарчикъ часто встрѣчается въ разныхъ концахъ свѣта; въ житіи нѣкоторыхъ христіанскихъ подвижниковъ (въ житіи сорока двухъ Амморейскихъ мучениковъ, въ житіи Павла Аѳонскаго и другихъ) упоминается большой сарацннскій городъ Самара на Евфратѣ. Св. Кириллъ, просвѣтитель славянства, ѣздилъ въ Самару для преній съ магометанами. Съ Ермакомъ имѣлъ бой и погибъ въ битвѣ одинъ изъ отдѣльныхъ вождей въ Сибири, остякскій князь Самара. Самара есть особый утесъ-отрогъ или возвышенность на Аѳонской горѣ. Губернскій городъ Самара за Волгой на рѣкѣ Самарѣ находится въ степяхъ принадлежавшихъ прежде разнымъ инопордцамъ монгольскаго племени. Рѣка Самарчикъ была также и въ Крыму.

Очевидно, это слово было далеко распространено у разныхъ племенъ тюркскаго и татарскаго происхожденія. По-турецки, *Самара* значитъ воловье ярмо. Судя по этому, можно полагать что здѣсь въ Присамарьи, на поляхъ новосмоковскихъ, издавна занимались хлѣбопашествомъ: волъ въ ярмѣ и лашья сродни межъ собой. Дѣйствительно, историки говорятъ что еще Скифы занимались на здѣшнемъ черноземѣ хлѣбопашествомъ.

шествомъ и разведеніемъ знаменитыхъ бѣлыхъ (царскихъ) коней.

Прошедшее Посамарья, во время Запорожья, было несчастно и кроваво: хроника замѣтила черныи 1688 годъ и 1760—годы чумы; 1772—годъ наводненій; 1639 и 1769—годы набѣговъ и мѣстнаго лѣвна. Здѣсь, какъ и теперь, шель чумацкіи шляхъ (дорога) и пролегаль большой трактъ изъ Крыма на Русь. Онъ верстѣ на восемьдесятъ длиннѣе прямого пути на Екатеринославъ и Никополь, но имъ избѣгаютъ двухъ переправъ черезъ Днѣгръ и екатеринославскихъ лесковъ. Поэтому степняки, дѣлал набѣги на Русь, зачастую пробирались этимъ путемъ, и оттого здѣсь были не одинъ разъ кровавыя стычки. Здѣсь бывало нерѣдко дикій кочевникъ тащилъ нанизанными на шесть, продѣтомъ сквозь связанные руки, несчастныхъ русскихъ и польскихъ лѣвняковъ, погоняя ихъ нагайкой, и они слезами и кровью обливали послѣдній рубежъ родной земли какимъ была тогда Самара. Здѣсь въ XI вѣкѣ Мстиславъ Изяславичъ съ Черныи Клобуками разбилъ Половцевъ (Комановъ), и многихъ хрестіанъ избавилъ отъ неволи. Здѣсь знаменитый украинскій гетманъ Конашевичъ Сагайдачный въ 1616 году жестоко побилъ Татаръ грабившихъ Украйну. Вызванный съ береговъ Дуная и Днѣстра, гдѣ онъ одерживалъ тогда побѣды надъ Турками, кошевымъ Дурдилюю, которому не подъ силу была борьба съ Крымцами, Конашевичъ Сагайдачный подстерегъ ихъ при возвратѣ изъ Самары, на разсвѣтѣ. Въ таборѣ ихъ было множество русскаго ясыру (лѣвняныхъ); лѣвняные, пользуясь случаемъ, развязывали другъ друга, схватывали колья и сабли татарскія, уставленные на ночь въ кучи, и такимъ образомъ помогли истребить всѣхъ Татаръ до единого. Здѣсь Крымскій ханъ Магометъ въ 1655 году напалъ со всею своею ордой на наказнаго гетмана Томилаенка, который въ этой несчастной битвѣ и сложилъ свою голову. При царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ здѣсь шель на Крымъ князь Голицынъ; ему, въ оба похода его туда, Самарь послужила роковою гранью; въ первый, въ 1687, Крымцы неожиданно зажгли сухой ковыль и камыши въ безконечныхъ степяхъ за Самарью, испортили воду мертвечиной и заставили такимъ образомъ его вернуться назадъ съ урономъ въ людяхъ и лошадахъ по недостатку воды и кормовъ; во второй походѣ, въ 1689 году, когда онъ дошелъ уже до Перекола, Крымскій ханъ Селимъ

подкупалъ его, склоняя къ миру, далъ ему цѣлый *бурдюкъ* червонцевъ (на половину фальшивыхъ) и протянулъ время въ переговорахъ, а когда Голицынъ, отъ недостатка въ провиантѣ, съ изнуренными войсками поворотилъ назадъ, Татары преслѣдовали его до самой Самары. Въ войну Турціи съ Россіей, въ 1737 году, здѣсь Фети-Гирей разорилъ всѣ самарскія села. 6го сентября 1769 года Татары, прорвавшись сквозь порубежную стражу, ложили здѣсь запорожскіе зимовники, лугали пожары по стели, полавшихся жителей захватили въ плѣнъ, а ликинерамъ-стражникамъ уши, икры и подколки рѣзали.

Но несмотря на минувшую, часто печальную судьбу Поса-марья, въ южно-русскихъ думахъ и вообще въ народѣ Самарь осталась навсегда завѣтною, желанною рѣчкою. Самарь изъ числа тѣхъ любимыхъ Запорожьемъ рѣкъ которыя назывались:

„Рѣчки лизовыя,
Помощицы Днѣпровыя.“

Сюда, поется въ украинскихъ лѣсняхъ, стремились казаки бѣжавшіе изъ турецкаго и татарскаго плѣна на рѣчку Самарку, къ высшимъ стелямъ самарскимъ, къ славной запорожской Савурь-могилѣ. Есаулъ Федоръ Безродный, умирая изрубленный, избѣченный, просить своего джуру (оруженосца) сходить къ рѣчкѣ Самаркѣ взять воды, согрѣть и промыть его смертельныя раны. Въ одной лѣснѣ отецъ спрашиваетъ:
„Гдѣ твоя, сынъ, доля:

— А чи въ Суачи, чи въ Самари, чи въ тихимъ Дунаѣ?

Въ другой поется:

Ой ты Дмире, ой ты батьку мій,
Скажи правду да самарскую.

На Самари есть одно мѣсто близко парома, въ Новомосковскѣ; оно называется *Чернече пекло*. Давно когда-то нѣсколько монаховъ переправлялись черезъ Самарь въ лодкѣ; набѣжалъ вихорь, лодка опрокинулась, и они всѣ пошли ко дну. Народъ на своемъ образномъ языкѣ назвалъ это мѣсто Чернечимъ пекломъ.

Поселенія на Самари довольно древни. Существовала грамота короля польскаго Стефана Баторія данная Запорожью; въ ней были обозначены дарованныя имъ и предшественникамъ его Запорожцамъ земли: отъ Буга черезъ Днѣпръ до Дона, и

въ гору, по Бугу—до Синюхи, по Днѣпру—до Орели, а внизъ—до степей Очаковскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ. Въ этой грамотѣ Баторія, которая дана была еще въ 1570 году (20го августа), упоминается уже старинный залорожскій городъ Самарь. Въ войну Россіи съ Крымомъ, при царевнѣ Софіи, въ 1688 году, построена Неллюевымъ, при владеніи Самары въ Днѣпръ, вблизи его пороговъ, на урочищѣ Сорокъ Боераковъ, Богородицкая крѣпость; она же и Усть-Самара. На эту мѣстность, какъ на важный военный пунктъ, указали русскому правительству Тяпкинъ и Зотовъ, замѣтившіе ее при проѣздѣ своемъ въ Крымъ. Постройка Богородицкой крѣпости, несмотря на увѣренія русскаго правительства что крѣпость эта служить для защиты Россіи, въ томъ числѣ и Залорожья, отъ Крымцевъ и для опоры при будущихъ противъ нихъ военныхъ дѣйствіяхъ, очень взволновала Сѣчевиковъ: они видѣли въ ней больше грозу противъ себя. Кошевой ихъ Иванъ Гусакъ сильно за то вознегодовалъ на Мазелу, такъ какъ тотъ за полученіе гетманства допустилъ ея постройку. Кошевой по этому случаю написалъ гетману отъ имени Коша такую писулю что тотъ въ отвѣтъ хотѣлъ послать на Сѣчь свои полки, и только потому не послалъ что тамъ открылась чума. Послѣ неудавшагося похода Голицына въ Крымъ и можетъ-быть вслѣдствіе неудовольствія Сѣчи, Богородицкая крѣпость вѣроятно не поддерживалась, но Петръ I возобновилъ ее. Въ Шведскую войну Залорожцы настоятельно требовали у Петра уничтоженія этого и другихъ укрѣпленій. Получивъ отказъ, они съ кошевымъ Гордѣенкомъ передались Карлу XII. Но вслѣдъ затѣмъ по Прутскому миру земли южнаго берега Самары уступлены Туркамъ, и тогда (въ 1711 году) и самарскіе городки разорены. По уходѣ Залорожцевъ съ Гордѣенкомъ къ Туркамъ, самарскія вольности причислены были къ Малороссіи, къ ея Миргородскому полку. За годъ до перваго возвращенія Залорожцевъ въ Россію (изъ подданства Крыма), Татары занимали Усть-Самарскій ретраншаментъ, то-есть Богородицкую крѣпость (1733). Возвратясь въ Россію, Залорожцы приступили къ устройству лапанокъ (1734). Тогда они поселились между прочимъ попрежнему и на Самарѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ устья ея. Въ то же время возобновленъ ими перевозъ черезъ Самару и древній войсковой Пустынно-Николаевскій монастырь; онъ находился здѣсь среди прекраснаго

вѣковаго дубоваго лѣса. Залорожцы вѣздили въ этотъ монастырь говѣть, нѣкоторые ихъ старшины доживали въ немъ свой вѣкъ. Нынче монастырь обращенъ въ загородный домъ екатеринославскихъ архіереевъ и находится въ бѣдномъ положеніи. Въ слѣдующую затѣмъ Турецкую войну, начиная отъ монастыря до устья Самары, построено (въ 1736 году) армією Миниха нѣсколько редутовъ и возобновленъ ретраншаментъ Усть-Самарскій, вѣроятно разоренный и оставленный Татарами. Въ 1742 году Усть-Самара входитъ въ число восемнадцати крѣпостей, связанныхъ цѣпью 140 редутовъ, что все вмѣстѣ составило Старую или Украинскую линію. Въ началѣ второй половины прошлаго вѣка, по Самарѣ, на 25ти-верстномъ ея протяженіи, вверхъ отъ ея устья, были: Усть-Самара, Старая Самара и Песчаная Самара. * Усть-Самара осталась крѣпостью, и по упраздненіи Украинской линіи.

Мѣстечко Новоселица, надо полагать, было выселокъ Песчаной Самары и называлось на официалномъ языкѣ Новоселицей, въ народѣ же носило имя Самари и Самарчука. Въ 1769 году, по приказанію графа Панина, назначенъ былъ здѣсь, кромѣ другихъ мѣсть, военный постъ или ликетъ (по-залорожски бекетъ) для наблюденія за непріателемъ днемъ на курганахъ, а ночью—зажигая маяки (фигуры) изъ смоляныхъ бочекъ. По упраздненіи Залорожья, Новоселица вошла въ Екатеринославскій уѣздъ, Азовской губерніи, подъ именемъ слободы Новоселовки, а позднѣе называлась военнымъ селеніемъ Новоселицей, когда была здѣсь непремѣнная штабъ-квартира Полтавскаго пикинернаго полка. Въ 1794 году переведенъ сюда уѣздный городъ Новомосковскъ, который сперва находился выше, при впаденіи Кильчени въ Самарѣ, гдѣ теперь пролагается Лозово-Севастопольская желѣзная дорога и гдѣ прежде былъ Екатеринославъ первый.

Новомосковскъ въ настоящее время городъ самъ по себѣ незначительный; жителей въ немъ до десяти тысячъ, но въ эту цифру вошли и жители примыкающихъ къ нему селеній Вороновки и Животиловки. Народонаселеніе малороссійское съ примѣсью около шести процентовъ Евреевъ. Черезъ него идетъ большая почтовая дорога изъ столицъ въ Одессу, въ Крымъ и особая чумацкая также на Крымъ, на Донъ и къ Азовскому морю. Устройство Новомосковска общее всѣмъ уѣзднымъ горо-

* Какъ показано на картѣ Дебоскета.

дамъ; уѣздное училище существуетъ въ немъ съ 8го ноября 1807 года, при немъ приходское училище, и заведена съ 1866 года публичная библиотека. Кроме того, имѣется еврейское казенное училище перваго разряда и нѣсколько частныхъ еврейскихъ школъ содержимыхъ медами. Постройки въ Новомосковскѣ деревянныя; каменныхъ не больше десяти. Онъ потерпѣлъ отъ двухъ сильныхъ пожаровъ, въ коихъ сгорѣло: 6го июня 1845 года—53 дома и 77 разныхъ хозяйственныхъ построекъ, и 24го августа 1863 года—63 дома и 16 лавокъ, безъ малаго на 312.000 рублей. Пожаръ 1863 года, какъ слухи носились, начался отъ палиросы; ее будто бы курилъ мальчикъ въ лавкѣ; завидя издали хозяина, онъ ее запряталъ въ испугѣ въ хлопчатую бумагу, а потомъ и позабылъ. Новомосковскѣ имѣетъ салотоленные, воскобойные и кожевенные заводы. Общая сумма ихъ производства за 200.000 руб. въ годъ. Одинъ кожевенный заводъ Гаревскаго вырабатывалъ на пятнадцать тысячъ. Славится Новомосковскѣ въ окрестностяхъ своею Спасовскою ярмаркой; народъ называетъ ее столичною, потому что главный предметъ продажи на ней—скоть для столицъ и лошади для ремонта войскъ, что составляетъ сумму до трехсотъ тысячъ рублей.

Какъ память бывшей въ Новомосковскѣ Самарской залорожской паланки, остались двѣ высокія могилы казенныхъ по ея суду преступниковъ: одна въ самомъ городѣ, у еврейской синагоги, какого-то Джигиря; и другая, въ полуверстѣ отъ Новомосковска, по Екатеринославской дорогѣ, у еврейскаго же кладбища—Каленикова могила. Каленикъ, отъ котораго могила получила названіе, былъ на ней посаженъ на *гостру палю* (острый коль).

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были еще въ Новомосковскѣ старые люди которые сами видѣли въ дѣтствѣ казнь Каленика и такъ разказывали о ней:

Прежде Каленика, за день или за два, повѣшенъ былъ здѣсь какой-то знатный залорожскій старшина, по прозванію Сторчай, человекъ богатый и холостой. Когда его вели на казнь, по немъ, какъ по мертвомъ, звонили въ колокола; священники сопровождали его съ крестами и хоругвями, останавливались нѣсколько разъ, читали Евангеліе, совершали литію, и онъ каждый разъ подходилъ и подклонялъ голову подъ Евангеліе. Предъ висѣлицею онъ раскланялся во всѣ стороны, просилъ у всѣхъ прощенія и именемъ Бога покаялся въ своей

невинности. Дѣйствительно, только-что его повѣсили, при-скакалъ гонецъ съ объявленіемъ что онъ невиненъ и съ при-казаніемъ освободить его, но Сторчай уже былъ мертвъ.

Каленикъ, посаженный на колъ, три дня былъ живъ, и все просилъ лить, но никто не смѣлъ подать ему воды. Тѣло его оставалось въ такомъ положеніи шесть недѣль и до того высохло, такъ сдѣлалось легко что при небольшомъ вѣтрѣ вертѣлось на колѣ какъ дѣтская мельница.

Несмотря на то что правительство запретило Залорожскому кошу смертныя казни, онѣ случались въ немъ и въ его паланкахъ до самаго паденія Сѣчи.

Въ Самарской паланкѣ, кромѣ Каленика, Джигиря и Стор-чая, казнены были: въ 1746 году казакъ Сухій, который за воровство кіями до смерти забить, и Павло Щербина, который былъ повѣшенъ. Были, конечно, и другіе, имена коихъ до насъ не дошли.

Въ пяти верстахъ отъ Новомосковска находился войско-вой залорожскій мостъ; черезъ него прежде шли чумаки въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ показывали его сваи; теперь уже, кажется, и сваи не видно. Близъ этого мѣста также наказывали преступни-ковъ.

Разказываютъ о какомъ-то несчастномъ священникѣ: сынъ его учился въ Киевской или Переяславской семинаріи и былъ чуть ли не въ богословіи. Но тутъ онъ вздумалъ вкусить разгудной жизни и бѣжалъ, какъ часто это водилось тогда, на Залорожье; дорогой встрѣтился онъ съ гайдамаками, и не зная промысла ихъ, присталъ къ нимъ, потому что они назвались Сѣчениками и обѣщали привезти его въ Сѣчь. Вдругъ ихъ схватили и присудили за разные убійства къ смертной казни, въ томъ числѣ, какъ сообщника, и бѣднаго молодого человѣка. Отецъ его, бывшій священникомъ Киевской епархіи, узналъ чрезъ кого-то объ этомъ. Но въ то время далеко не было тѣхъ средствъ сообщенія какія теперь существуютъ; пока онъ собрался, пока онъ пріѣхалъ, наступилъ день казни: горемычный отецъ бросился къ кошевому и обливая ноги его слезами, разказалъ о невинности сына. Кошевой ту жь минуту послалъ съ казакомъ свой перначъ (булаву) приостановить казнь юноши, но было уже поздно: отецъ получилъ съ висѣлицы еще теплый трупъ сына.

Другому отцу выдала еще ужаснѣйшая доля: на него

возложили собственноручно повѣсить на желѣзный крюкъ, за ребро, своего сына. Несчастный дрожалъ, плакалъ и не рѣшался приняться за дѣло.—Прорѣжь тутъ, старая собака, да и надѣнь на крюкъ! говорилъ ему ожесточенный сынъ-разбойникъ, указывая на свой бокъ:—не умѣлъ учить сызмала добру такъ *кашуй* (казни) свое нарощенъе.

Было въ обычаѣ Запорожья иногда давать преступнику, который приговоренъ къ смертной казни, прощенье, если какая-нибудь изъ мѣстныхъ дѣвушекъ рѣшалась выйти за него замужъ. Сохранился разказъ о томъ какъ однажды въ Новомосковскѣ, когда въ немъ была Самарская паланка, вели Запорожца на висѣлицу; его встрѣчаетъ дѣвица подъ бѣлымъ покрываломъ, и всенародно объявляетъ что хочетъ выйти за него замужъ. Преступникъ подымаетъ у ней покрывало, смотреть и опуская его назадъ, сказалъ: „чѣмъ такую рябую къ вѣнцу вѣсть, лучше на висѣлицѣ вѣлетлю полѣзть!“ И велѣлъ вести себя для исполненія приговора.

Церковей въ Новомосковскѣ три, деревянныя (четвертая, кирпичная, оканчивается). Замѣчательнѣйшая, о которой здѣсь идетъ рѣчь, носить наименованіе Свято-Троицкаго собора. Этотъ оригинальный памятникъ запорожскаго усердія къ вѣрѣ находится на Большой базарной площади.

Церковь состоитъ изъ девяти золотоглавыхъ башенъ, каждая о четырехъ ярусахъ; башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда, и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ, и изъ среднихъ центральная, главная, еще выше. Все это въ общемъ составило фигуру изъ девяти конусовъ до того правильную что съ какой бы вы точки ни глядѣли на нее, она отовсюду представляетъ замѣчательную гармонию. Самое соединеніе этихъ башенъ заслуживаетъ вниманія: сложенныя изъ сосновыхъ и частью дубовыхъ брусель, въ отрубѣ отъ шести до десяти вершковъ, ~~и~~ нигдѣ не скрѣпленныя гвоздами, онѣ служатъ одна опорой другой на основаніи равновѣсія угаданнаго съ замѣчательною вѣрностью. Никакихъ поддерживающихъ колонъ, никакихъ подставъ и подпоръ внутри нѣтъ, извнѣ — тоже. Высота ея за тридцать, а окружность около пятидесяти восьми сажень; фундаментъ кирпичный Колокольня построена послѣ, совершенно отдѣльно, на значительномъ разстояніи. Все это обведено оградой. Маковки собора и колокольни были выкрашены зеленою краскою,

но въ тридцатомъ и тридцать первомъ годахъ, при починкѣ, вызолочены всѣ главы. При этомъ единъ мастерской поллатился жизнью улавъ съ самой вершины церкви. Иконостасъ былъ сначала съ фестонами, завитками, со всѣми хитростями столярнаго искусства. Образа хорошаго лисьяма; нѣкоторые писаны были на золотомъ фонѣ въ византийскомъ вкусѣ. Нынѣ всѣ мѣстныя иконы олавлены въ серебряныя и золотыя оклады, или, по здѣшнему выраженію, *шаты*.

Была здѣсь икона и нѣсколько церковныхъ вещей пожертвованныхъ еще во время Запорожья; икону представляющую соборъ Апостоловъ пожертвовалъ казакъ Иванъ Батуриискій Терещенко въ 1774 году; Евангеліе въ зеленомъ бархатѣ въ серебрѣ пожертвовано казакомъ Лаврентіемъ Плихою въ 1750 году. Риза зеленой парчи, съ бархатнымъ оплечьемъ, обложенная золотымъ газомъ съ подбоемъ изъ краснаго кумача, пожертвована въ 1761 году. Серебряная чаша съ пестрою позолотой, отъ казака—Федора Колотнечи, въ 1766 году. По отзыву отца Оранскаго, были въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка еще кой-какія старинныя вещи.

Изъ новыхъ вещей церковь имѣеть плащаницу цѣнной работы, богатыя облаченія и разную церковную утварь приличной отдѣлки. *

Въ прежнее время мѣстныя иконы на латой недѣлѣ Великаго Поста (на Похвалу) живописно убирались разноцвѣтными шелковыми платками. Сложенные въ видѣ головной лязки одинъ на другомъ, они составляли изъ себя ярко-пестрые столбы обрамливавшіе образа, на подобіе витыхъ, такъ-называемыхъ соломоновскихъ колонокъ въ иконостасахъ.

Въ соборѣ три престола: средній—Св. Троицы, правый—Апостола Петра и лѣвый—Трехъ Святителей.

Постройка Новомосковскаго собора вообще съ иконостасомъ и прочими работами, какъ показывала опись, стоила 16.785 р. 71 к.

Колокольня съ колоколами составила особую цѣнность. Изъ колоколовъ самый большой въ 262 луд. 24 ф.; онъ одинъ цѣнился въ 7.220 руб. Въ дѣтствѣ, слышала я отъ кого-то что одинъ изъ этихъ колоколовъ пожертвованъ Потемкинымъ, но потомъ ни отъ кого нигдѣ не случилось мнѣ слышать подтвержденія этого.

* Можетъ-статься все это въ настоящее время перенесено уже изъ этой церкви въ новую, каменную.

Новомосковскѣ, въ то время какъ начать здѣсь постройкой Троицкій соборъ (это было за два года до паденія Сѣчи), назывался, какъ упоминаюто выше, мѣстечкомъ Нсвоселицей; тамъ находилось тогда паланочное управление съ канцеляріей Самарской паланки и жилъ начальникъ ея, полковникъ, иначе сердюкъ. Гербъ Самарской паланки: левъ лодъ короною на заднихъ лапахъ, который держалъ въ передней правой лалѣ колье—эмблема мужества на сторожѣ. Позже, въ 1770 году, на печати Самарской паланки было слѣдующее видоизмѣненіе этого герба: левъ стояцій на заднихъ лапахъ, упирающійся передними на столъ, на которомъ корона; къ столу приставлены съ одной стороны двѣ крестомъ связанныя стрѣлы. Послѣ, когда Новомосковскѣ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, ему дали нынѣшній гербъ: щитъ раздѣленный пополамъ; въ верхней части, въ голубомъ полѣ, звѣзда, на половину вышедшая изъ-за горизонта, а въ нижней, въ красномъ полѣ, половины изломанной сабли на крестъ положенныя. * По толкованію указа о гербѣ: звѣзда знаменовала возникающее благоденствіе страны, а переломленная сабля—прекрещеніе кровавыхъ запорожскихъ смуть.

До постройки нынѣшняго Троицкаго собора, на мѣстѣ его, была уже здѣсь небольшая церковь, крытая сначала, скорѣе по обычаю чѣмъ по недостатку, очеретомъ (камышомъ), и только лодъ конецъ покрыли ее драбью; она пришла въ совершенную ветхость.

Задумали Запорожцы построить здѣсь храмъ Божій достойный ихъ усердія и средствъ. Купили нѣсколько сосѣднихъ домовъ, сломали ихъ и ветхую церковь, открыли большую площадь и собрались къ татарю (ктитору), тоже Запорожцу, Якову Андреевичу Легкому, на совѣтъ: какъ приступить къ самой постройкѣ. Тутъ былъ самъ начальникъ Самарской паланки съ паланочными старшинами, полковой асаулъ и подъасаулій, писарь и подписарій, шафарь съ Самарскаго перевоза, былъ здѣшній протопопъ, всѣ мѣстные священники, нѣсколько почетныхъ парафіянъ (прихожанъ), содѣйствовавшихъ своими средствами постройкѣ. Приглашенъ былъ дать добрый совѣтъ и сосѣдъ начальникъ Самарскаго монастыря, іеромонахъ Іессей. Въ числѣ священниковъ находился Иванъ Леонтьевичъ Ковалевскій, лицо замѣчатель-

* Гербъ Новомосковска утвержденъ 29го іюля 1811 года.

ное. Еврей по происхожденію, родившійся въ польской Украйнѣ, онъ въ малолѣтствѣ крещенъ былъ матерью, которая также приняла христіанство, служилъ въ Запорожьи войсковымъ старшиной, а потомъ поступилъ въ полкъ. Послѣ, по упраздненіи Запорожья, лѣтъ черезъ двѣнадцать, числясь настоятелемъ этого собора, онъ опредѣленъ былъ и въ образовавшійся тогда „кошъ вѣрнаго войска казаковъ“ и отличился въ истребленіи прицѣмъ Пассау и контръ-адмираломъ Поль-Джонсомъ турецкаго флота въ Днѣпровскомъ лиманѣ, лодъ Очаковомъ; тутъ онъ съ крестомъ въ рукахъ, на лодкѣ-сандалкѣ, указывалъ впереди путь казакамъ для сожженія непріятельскихъ кораблей.

Хаты въ Новоселицѣ въ то время были все мазанки, крытыя камышомъ, или соломой, съ узенькими поднимающимися окнами; душно въ нихъ и тѣсно было, и потому общество собралось въ саду, въ холодкѣ, подъ яблонями и тополями. Раскинуты были дорогіе персидскіе и турецкіе ковры, которыхъ много было добыто хозяиномъ во время оно въ походахъ, домашніе *килемы* и *коуи*, постлали *посты* (войлоки), и все собраніе помѣстилось на нихъ, — кто по-турецки, поджавъ ноги обутыя въ сальянці, кто на боковеньку, опершись на локоть.

Порѣшивъ сообща дѣло о матеріалахъ, о деньгахъ, о томъ кому вѣхать за разрѣшеніемъ на постройку, сердюкъ спросилъ, хлебнувъ изъ чашки душистой, дымящейся вареной (варенухи), самаго почетнаго угощенія въ казацкомъ семействѣ:

— Кто жь намъ выстроитъ церковь?

— Кто? Я знаю кто, отвѣчалъ одинъ прихожанинъ.

— Ну, скажи.

— И скажу. Былъ я недавно въ Меревѣ; * тамъ поставлена теперь славная церковь о пяти верхахъ; въ ясный день кресты на ней горять точно ланикадила. Христіанская душа не нарадуется глядя на нее.

— Кто жь ее строилъ?

— И то скажу. Строилъ ее человекъ изъ Водолагъ, а прозывается онъ Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ, рѣшило собраніе.

— Вздить нечего, я его привелъ.

* Село въ Харьковской губерніи.

— Врѣжій сыну Якиме, крикнулъ онъ улыбаясь, по направлению къ хатѣ, — а иди сюда.

Явился Акимъ Погребнякъ, по преданію, рыжій, высокаго роста человекъ.

— Ты можешь построить намъ церковь? спрашивали батьки-старшины.

— *Можу*, дайте только силы да плоти, а поставитъ поставимъ.

— Какой тамъ тебѣ еще силы да плоти?

— Плотниковъ-работниковъ, да дерева, да кирлица, вѣстимо.

— Ну, гдѣ тебѣ такому „непоказному“ выстроить Божій храмъ! подсмѣивались Запорожцы.

— Ей, батьки, выстрою, а коли хотите, я вотъ намалюю какую вамъ церковь поставлю.

— Ну, намалюй.

Онъ поднялъ щелочку, и тутъ же, на садовой дорожкѣ, на пескѣ, начертилъ фасадъ церкви съ лятью куполами.

Старшины посмотрѣли и сказали:

— Да, церковь намалевана славная, но каково-то ты ее построишь?

— Строить намъ не первина; я еще и не такую сумѣю выстроить: я сдѣлаю церковь съ девятью банями (куполами).

— Ну, казаче, отозвался на это одинъ изъ батьковъ съ полнымъ недоумѣемъ:—и я, какъ малымъ былъ, то также *брегавъ*, только меня не разъ кормили за то березовою кашей.

— Могу! отвѣчалъ не смущаясь Погребнякъ:—я вамъ ее и намалюю коли хотите.

— Намалюй.

— Тутъ будетъ больше малеванья. Гей, отецькая дочка! (Богъ бы тебя любилъ!) обратился онъ къ прислуживавшей дѣвушкѣ, въ красныхъ монистахъ, съ вызолоченымъ докачемъ (медальйономъ), и велѣлъ подать доску и мѣлу.

Дѣвчина принесла.

И Погребнякъ начертилъ на доскѣ церковь, но уже съ девятью куполами внѣшняго собора.

Запорожцы какъ увидѣли, такъ и ахнули: церковь имъ очень понравилась.

Одного они не могли понять сначала:

— Какъ же это, спрашивали создатели храма у будущаго

строителя,—ты говоришь церковь будетъ на девяти баштъ (башень)?

— Такъ тому быть, отвѣчалъ Погребнякъ.

— По три башты въ рядъ?

— Вѣрно, панове.

— И со всѣхъ четырехъ сторонъ по три?

— Да.

— Такъ это выйдетъ двѣнадцать?

— Нѣтъ, вельможные батьки, будетъ только девять.

— Да считай самъ: въ одинъ рядъ—три, въ другой рядъ—три, въ третій и четвертый—по три, замѣтилъ полковой асаулъ,—стало двѣнадцать.

— Нѣтъ, будетъ девять.

Запорожцы лжимали плечами въ недоумѣнны.

Погребняку трудно было имъ объяснить расчетъ на основаніи котораго ювелиръ одной Византійской императрицы, дѣлая ей крестъ, умудрился украсть изъ него нѣсколько данныхъ ему драгоценныхъ камней. Онъ ихъ расположилъ такъ что число ихъ, считая по продольной и поперечной части креста, по каждой порознь, и потомъ сложившее вмѣстѣ, выходило вѣрно, а на самомъ дѣлѣ, было меньше.

Здѣсь четвертая сторона церкви состояла изъ тѣхъ башень которыя были уже въ счету въ первыхъ трехъ, оттого, имѣя со всѣхъ четырехъ сторонъ въ каждой по три башни, церковь на дѣлѣ должна была имѣть только девять башень.

Когда это было понято, приступили къ торгу, рѣшили дѣло за 2.000 рублей, и, какъ слѣдуетъ, заключили контрактъ. Когда магарычъ залили, Погребнякъ сказалъ:

— Ну, батьки, я также хочу пожертвовать на храмъ Божій,— и изъ договорной цѣны уступилъ еще 24 рубля. Такимъ образомъ за „издѣлку“ этой церкви, какъ значитъ въ аттестатѣ, заплачено 1.976 рублей. *

Новомосковскій Свято-Троицкій соборъ закладывалъ славянскій архіепископъ Евгеній Булгаричъ въ 1773 году. При закладкѣ присутствовали его вельможность, панъ кошевой,

---

* О построеніи Новомосковского Троицкого собора помѣщено мною въ воспоминаніи о Новомосковскѣ (*Основа* 1862 года). Нынѣ печатаю подробнѣе, такъ какъ я послѣ того имѣлъ случай слышать еще нѣсколько разказовъ объ этой церкви. Тамъ же помѣщенъ и аттестатъ Акима Погребняка.

и нѣкоторые куренные атаманы. Народу собралось — яблоку негдѣ было уласть.

Владыка, по закладкѣ и закускѣ, уѣхалъ, а старшины угощаемы были потомъ изряднымъ обѣдомъ у одного изъ ктиторовъ (ихъ было два) и забавляемы архіерейскими лѣвчими.

Погребнякъ, какъ только совершилась закладка, вдругъ неожиданно исчезъ. На другой день его нѣтъ. Начали безлокоуться объ его отсутствіи. Ктиторъ, Павелъ Федоровичъ Коржевскій, принявшій на себя надзоръ за работами, нашелъ на строеніи какого-то работника который очищалъ тутъ разный хламъ.

— Гдѣ майстеръ? спросилъ его ктиторъ.

— Не знаю.

— И ничего никому не говорилъ, уходя?

— Ни.

— Да не куликаеть ли онъ?

— Не такой человекъ.

— А что?

— Воды въ ротъ не возьметъ, пока служба святая не отойдетъ.

Ктиторъ не зная что послѣ этого подумать и только сказалъ:— Пришли его ко мнѣ какъ вернется.

На третій или на четвертый день, только-что Коржевскій хотѣлъ послѣ обѣда, по старосвѣтскому обычаю, уснуть, дверь въ его хатѣ скринула и вошелъ Погребнякъ.

Ктиторъ собирался его пожурить, и вдругъ, взглянувъ на него, съ удивленіемъ остановился на первомъ словѣ.

Лицо мастера точно преобразилось какою-то внутреннею красотой; глаза его особенно сіяли; на ввалившихся щекахъ выступалъ горячечный румянецъ. Не говоря „добрыдень!“ не извинясь въ отсутствіи, подъ напругеніемъ одной думки, Погребнякъ сказалъ ктитору отрывисто, какъ будто продолжая прерванный при торгѣ о постройкѣ церкви разговоръ:

— Ну, вотъ она вамъ, вся тутъ.... Ну вотъ, берите ее, глядите, со всѣхъ четырехъ боковъ по три башты, а всѣхъ-таки девять, девять, а не двѣнадцать.

И подалъ ктитору небольшую церковь.

Ктиторъ взялъ ее, поставилъ на столъ и съ изумленіемъ началъ разсматривать со всѣхъ сторонъ.

Модель была искусно сдѣлана изъ *оситлягу* (осоки).

— Вижу, вижу, Господь тебѣ помогати!— Все оно такъкакъ

ты говорилъ, отвѣчалъ ктиторъ, покачивая головой и поворачивая модель то въ ту, то въ другую сторону.—Гдѣ жь ты это былъ, Божій человекъ? спросилъ его наконецъ Коржевскій, глядя на него почти съ умилениемъ.

Тутъ открылось что зодчій изнемогъ было подъ собственною мыслию, и испугался что не будетъ въ силахъ выстроить такую церковь какую обѣщалъ, и бѣжалъ....

— Бѣжалъ я, разказывалъ онъ,—въ наши самарскіе камыши, и залегъ въ нихъ, а думка моя точно спорила сама съ собой: то выстрою, то не выстрою, безпрестанно вертѣлась у меня въ головѣ. Подумаю: доведу вотъ, кажется, до самыхъ верховъ, смотришь какой-нибудь сучокъ либо задоринка и останавливаютъ; пройдешь то и другое, дойдешь почти до крестовъ—кроква въ крокву (стропилы) не приходится, одно гнетъ, другое претъ, того гляди все полетитъ стремглавъ книзу. Я совсѣмъ ослабъ и душою, и тѣломъ, измучился одною только думкой, точно Богъ знаетъ какую великую тяжесть ворочалъ на плечахъ. Лежалъ я въ очередяхъ, въ палестинахъ нашего Николаевского монастыря, и вотъ, обратясь лицомъ къ монастырю гдѣ обрѣтается престоль святителя Николая, помолился я святому Николаю, и такъ крѣпко какъ будто изъ меня разомъ всѣ мои сокрушенія вылились въ одно мое прошеніе и моленіе. Послѣ молитвы я заснулъ, и спалъ, помню, долго: заснулъ чуть не въ пору обѣда, а проснулся—солнце было только на два дуба надъ землей. И вѣрно угодникъ Божій услышалъ грѣшную мою молитву: во снѣ видѣлъ я святаго Николая Чудотворца сѣдымъ старчикомъ, и святой Николай указывалъ мнѣ какъ строить этотъ храмъ Божій, да такъ ясно какъ будто телерь его вижу предъ очами. Я всталъ бодрый и свѣжій и сталъ, какъ во снѣ указано мнѣ было, лести эту церковку изъ оситнягу, и вотъ и сдѣлалъ какъ видите.

— Ну, будь тебѣ сила святая въ помощь! сказалъ ктиторъ, все это выслушавъ.—Начинаешь ты, Господь съ тобою, какъ-то необычайно, дай-то тебѣ Богъ такъ и кончить.

Модель церкви сохранялась до 1812 года, но потомъ разсыпалась.

Залорожскому кошу не суждено было видѣть Самарскаго собора достроеннымъ: въ эпоху упраздненія Свчи, въ храмовой праздникъ этой церкви, въ Троицынъ день, 1775 года, церковь выведена была ло окна, но кончена наружно въ

то время когда мѣстечко Новоселица уже сдѣлалось слободой Азовской губерніи, Екатеринославскаго уѣзда, Новоселовкой, какъ свидѣтельствуемъ аттестатъ выданный Акиму Погребняку 10го января 1779 года. Освящена она въ 1781 году протоіереемъ собора Григоріемъ Порохнею. На постройку ея богатые вклады внесли, между прочимъ, Антонъ Головатый и Челига, бывшіе въ послѣдствіи въ Черноморскомъ войскѣ, Головатый — судьей, а Челига — вторымъ по времени кошевымъ.

Украинскій зодчій не придавъ своему храму никакихъ наружныхъ украшеній, Новомосковскій соборъ—простая плотничная работа; достоинство его въ необыкновенномъ изяществѣ общихъ очертаній и въ смѣлой до дерзости постановкѣ. Надо взглянуть на эту церковь днемъ, ѣдучи по Харьковской дорогѣ изъ Константинограда, съ той горы откуда въ первый разъ открывается Самарская долина и городъ Новомосковскъ: это что-то въ родѣ Смольнаго монастыря въ Петербургѣ, но гораздо своеобразнѣе. Надо посмотрѣть на нее въ ясный лѣтній вечеръ, съ берега Самари, когда нельзя распознать изъ какого матеріала она построена: тогда представится на горѣ, въ розовомъ отблескѣ потухающей зари, величественный, монументальный девятикупольный силуэтъ ея, который поспоритъ красотой рисунка со многими знаменитыми и богатыми храмами.

Въ текущемъ 1873 году совершается ровно сто лѣтъ со времени закладки этого храма. Въ Новомосковскѣ уже почти окончена нынче кирпичная церковь. Вѣроятно, заботы и пожертвованія прихожанъ послѣ этого раздѣлятся между старою и новою церковью; на долю старой, конечно, менѣе пойдетъ отъ дѣлъ благотворителей, а между тѣмъ, по самому ходу времени, она требуетъ теперь большей помощи, большаго попеченія чѣмъ прежде.

Новомосковскій Свято-Троицкій соборъ во многихъ отношеніяхъ драгоценная русская святыня.

Онъ дорогъ какъ послѣдняя, написанная зодчествомъ, страница исторіи Запорожья. Онъ дорогъ съ художественной стороны какъ оригинальный, въ высшей степени смѣлый и красивый памятникъ. Онъ дорогъ наконецъ и просто какъ деревянное зданіе простоявшее само собою цѣлыхъ сто лѣтъ при тѣхъ опасностяхъ какимъ подвергаются его высокія башни отъ малора вѣтра и ударовъ молній.

Многіе любители отечественной старины и исторіи были бы благодарны Археологическому Обществу еслибъ оно, въ столѣтнюю годовщину основанія Новомосковскаго Троицкаго собора, приняло мѣры къ дальнѣйшему, по возможности, сохраненію этой церкви, и поручило бы кому-либо изъ спеціалистовъ-архитекторовъ приготовить виды ея, въ особенности видъ внутренности (фотографически, впрочемъ, снятой), по которому можно было бы имѣть понятіе и о связяхъ, и о сводахъ ея башень, такъ какъ ихъ внутренній складъ закрытъ, кажется, обшивкою. *

ГРИГОРІЙ НАДХИНЪ.

---

* Источники на которыхъ эта статья основана: *Исторія Новои Стчи Скальковскаго. Разказы Запорожца Коруба; Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; Украинскія народныя пѣсни Максимовича; Записки о Южной Россіи Кулиша; Исторія Малороссіи Маркевича*; также нѣкоторые журналы; дополнено преданіями, лично добытыми авторомъ на мѣстѣ.

ВЪ ЛѢСАХЪ *

LXX.

Правду говорилъ удѣльный голова Алексѣю:—Раньше трехъ дѣнь Паталъ Максимычъ гостей не лусталъ. И кумъ Иванъ Григорычъ съ Груней и Михайло Васильчъ съ женой и матушка Манефа съ келейницами и московскій посолъ Василій Борисычъ волей-неволей гостили у него три два и три ночи.

— Тому дѣлу нельзя быть чтобы раньше трехъ дѣнь гостей отлустить.... Сорочины что имячины—до троихъ сутокъ отлуску нѣтъ, говорилъ Паталъ Максимычъ на неотступныя просьбы тосковавшаго по перелеламъ Михаила Васильча.

— Уѣхали жь городецкіе, отлустилъ ты и городскихъ гостей, молилъ голова гостепріимнаго своевольника, — яви Божескую милость, отлусти и меня съ женой.

— Гость гостю рознь—инаго хоть брось, съ другимъ радъ бы вѣкъ свѣковать, отвѣчалъ на тѣ слова Паталъ Максимычъ.—Съ двора съѣхали гости дешевые, а вы дорогіе — ложись, умирай, а раньше трехъ дѣнь отлуска нѣтъ.

— Повѣрь же Богу, Паталъ Максимычъ, вздумалъ про-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 3, 5 и 8ъ 1871, №№ 1, 3, 6 и 8ъ 1872, №№ 2 и 5ъ 1873.

должать удѣльный голова. — Нужныя дѣла по приказу есть, непременно мнѣ надо домой послѣдовать.

— Пустыхъ рѣчей говорить тебѣ не приводится, отрѣзалъ тысячникъ. — Не со вчерашняго дня хлѣбъ-соль водимъ. Знаешь мой обычай — задурять гости да вздумаютъ супротивъ хозяйскаго хотѣнья долой со двора, найдется у меня запоръ на ворота.... И радъ бы полетѣлъ, да крылья подлѣшены. * По лустому разговаривать нечего: сиди да гостѣй, а на счетъ отъѣзда выкинь изъ головы.

И должны были гости покориться волѣ Патала Максимыча. Было бъ напраснымъ трудомъ спорить съ нимъ. Не родился тотъ на свѣтъ кто бы переспорилъ его.

И томился тоской Михайло Васильчъ, поглядывая на плававшія въ воздухѣ длинныя пряди тенетника и на стоявшіе густыми столбами надъ хлѣбомъ и покосами толкунцы. ** Тянуло его къ свѣтамъ и лудочкамъ — хоть бы разокъ полежать въ озимяхъ до Нефедова дня.... Но что подѣлаешь съ своеобычнымъ пріятелемъ? Хоть волкомъ вой, а гостѣй до трехъ днѣй у Чалурина.

Иной выливаетъ горе слезами, другой топить его въ зеленѣмъ винѣ, Паталъ Максимычъ думалъ размыкать печаль свою въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями. Не было къ нему ближе людей Ивана Григорыча съ Михайлой Васильичемъ — то были други вѣрные, пріятели извѣданные, позналъ ихъ Чалуринъ и въ горѣ, и въ радостяхъ, и въ счастіи, и въ печаляхъ. И хотѣлось ему съ ними развѣять мрачныя думы, душу свою отвести хотѣлось ему.... Новый знакомецъ тоже по нраву пришелся.... Но Василій Борисычъ человекъ молодой, да къ тому жъ за скиты и за всяко духовное дѣло стоитъ черезъ мѣру, оттого и тѣшился надъ нимъ Паталъ Максимычъ, оттого и поддразнивалъ его затѣйными разказами про житье-бытье старцевъ и келейницъ лѣсовъ Чернораменскихъ и Керженскихъ.

Шутить Чалуринъ веселыя шутки, трунить надъ Васильичемъ Борисычемъ; добродушное лицо его сіяетъ сердечною радостью.... Но нѣтъ, нѣтъ, а вдругъ отколы ни возмись налетитъ на него хмара темная — потускнѣетъ ясный взоръ отца горе-

* Подлѣшить — сдѣлать птицу лѣшею посредствомъ обрѣзокъ крыльевъ.

** Толкунцы или токачи — рои мошекъ.

мычнаго, замѣветъ говорливый языкъ, и смолкнетъ Паталъ Максимычъ, всломиная красотку свою неагаглядную, покойницу Настю-голубушку, и слеза что хрусталь засверкаетъ на рѣсницахъ его.... Смолкнуть и други-пріятели, глядя на хозяйина, потупяте очи веселыя, зная чѣмъ повѣяло на душу Патала Максимыча.... По недолгомъ времени ровно ото сна воспрянетъ онъ; оляте за шутки, оляте за издѣвки надъ Васильемъ Борисычемъ. Про скиты рѣчь поведетъ, про Бѣдую-Кривцу, зачатъ путемъ, сведетъ на смѣховде дѣло, пойдетъ балагурить на счетъ бѣлаго священства да австрийскаго архіерейства, на счетъ келейнаго житія, уставовъ, повѣрій, преданій... Паталъ Максимычъ былъ истый Великорусъ: набожникъ, богомолецъ ревностный къ вѣрѣ отцовъ, но въ то же время великій суесловъ; а какъ расходится да разгуляется, не прочь и отъ кощунства.... Сидя въ соседней боковушѣ, въ ужасъ приходила мать Аркадія слыша какъ потѣшался онъ надъ Васильемъ Борисычемъ... Въ душевномъ смятеніи читала она въ полголоса псаломъ Давида:

Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ.

Василій Борисычъ разумѣется въ слоры. — Нельзя же московскому послу оставаться безъ отвѣта, слушая такіа рѣчи; нельзя не показать ревности по древнему благочестію. Но съ Паталомъ Максимычемъ слорить не то что съ другимъ— много надо ума и умѣнья чтобъ свое защитити и ему поворовити. Другой словъ бы не нашель для разговоровъ съ Чалуринымъ, но Василій Борисычъ на обхожденъе съ такими людьми былъ ловокъ, умѣлъ къ каждому подладиться и всякое дѣло по-своему обработать.... Оставшись подросткомъ по смерти сначала зажиточныхъ, а потомъ разорившихся родителей, онъ круглый, безродный сирота обширной начитанностью, знаньемъ церковнаго устава и пѣнія обратилъ на себя вниманье рогожскихъ поповъ, уставщиковъ и полечителей часовни.... И въ самомъ дѣлѣ былъ онъ великій начетчикъ, старинныя книги какъ свои пять пальцевъ зналъ; умѣя же острую память многое изъ нихъ цѣлыми страницами зналъ наизусть, такъ бывало и рѣжетъ.... Но читая старыя книги и новыми не брезговалъ Василій Борисычъ, не отрещивался отъ нихъ, какъ большая часть старовѣровъ, напротивъ любилъ ихъ читать и подчасъ хорошее слово изъ нихъ въ рѣчь свою вставить. Сильные своимъ влияньемъ тузы московскаго старообрядства дорожили такимъ человѣкомъ и уважали Василья

Борисыча за острый умъ и обширныя познанья... Не разъ извѣдавъ его ловкость стали его посылать въ разные мѣста по духовнымъ дѣламъ, и куда бывало ни пошлютъ, всюду порученье исполнить на славу. Это ему, бѣдному человѣку, давало не только хорошій хлѣбъ, но доставило даже возможность купить въ Сыромятникахъ * хорошенькій домикъ и сколотить себѣ маленькій калиталець. Большое богатство онъ могъ бы пожалуй скопить, но страстишка въ немъ завелась—возлюбилъ карты..... Ни трынка, ни горка, ни новоявленная макао не везли Василью Борисычу... А какъ былъ онъ по словицѣ „не счастливъ въ игрѣ, да счастливъ въ любви“, такъ и на это счастье деньги надобились и бывало изъ кармана какъ по вешней водѣ улывали.... А все-таки въ довольствѣ жилъ, никогда ему бѣдовать не доводилось.... Главное — съ людьми ужиться умѣлъ.... То затѣйникъ, то балагуръ, то скромникъ и строгій постникъ, то бабій прихвостень и дѣвичій угодникъ, былъ онъ себѣ на умѣ: съ кѣмъ ни повстрѣчается, ко всякому въ душу безъ оглобелъ вѣдетъ, съ кѣмъ бесѣду ни начнетъ, всякаго на свою сторону поворотить....

Съ перваго взгляда насквозь онъ Патала Максимыча узналъ, понималъ что это за человѣкъ и разомъ сумѣлъ подладиться къ нему. Замѣтивъ что не жалуетъ онъ лотаковниковъ, а любитъ поспорить съ умнымъ, знающимъ встрѣчникомъ,* охотно лускался съ нимъ въ споры, но спорилъ такъ чтобъ ему угодить и себя не унизить. Послушаетъ бывало мать Манефа либо которая изъ ея келейницъ какъ ведетъ онъ рѣчи съ Паталомъ Максимычемъ, сердцемъ умилится, на радоваться не можетъ.... А Паталя Максимычъ тоже радъ и доволенъ. Ласково поглядываетъ онъ на Василья Борисыча, самодовольно улыбаются, а самъ про себя думаетъ: „Вотъ такъ человѣкъ!... Изъ мододыхъ да ранній—на все гораздъ: и себя огородить и старшему поноровить!... Опять же и книжень. Такихъ начетчиковъ мало мнѣ встрѣчать доводилось. По всему старообрядству такихъ разъ-два обчелся.“

Но не все же шутить да балагурить—надобѣсть. Дѣ сыта натѣшившись надъ скитами и старою вѣрой, на иное Паталя

* Одна изъ отдаленныхъ частей Москвы, по близости Рогожскаго кладбища. Въ Сыромятникахъ живетъ не мало старообрядцевъ рогожскаго согласія.

** Встрѣчникъ—противникъ въ спорѣ, иногда врагъ.

Максимичь бесѣду свель, съ Иваномъ Григорьичемъ да съ удѣльнымъ головой пошла у него разговоры про торги да промыслы. Василиій Борисычь и тутъ лицомъ себя въ грязь не ударилъ. Увидѣлъ Паталъ Максимичь что по торговому дѣлу былъ онъ столько же свѣдущъ какъ и въ книжномъ писаньи. Исходивъ много странъ, многое на вѣку своемъ Василиій Борисычь видѣлъ, все на памяти держалъ, и обо всемъ имѣть могъ сужденье. Московскія фабрики, ржевскія прядильни, гуслицкіе ткачи, холуйскіе богомазы, офени-коробейники, ростовскіе огородники, шуѣскіе шубники, вичужскіе салфетчики, саложники-Кимряки, пряничники Вязьмичи, вдоль и поперекъ были ему извѣстны. Куда ни заносила Василья Борисыча непосѣдная жизнь, вездѣ дружилъ онъ съ зажиточными старообрядцами. А тѣ по многимъ мѣстамъ держать въ рукахъ торговлю и промышленность. Оттого московскому послу и было сподручно такъ извѣдать торговое дѣло какъ не всякому другому удастся.

Когда повелись толковые, дѣловые разговоры, Василиій Борисычь въ какой-нибудь часъ времени разказалъ много такого чего ни Паталу Максимичу, ни куму Ивану Григорьичу, ни удѣльному головѣ Михайлѣ Васильичу и на умъ до того не всладало.

Про то разговорились какъ живетъ-можетъ русскому челоуѣку на нашей привольной землѣ. Михайло Васильичъ, дальше губернскаго города сроду нигдѣ не бывавшій, жаловался что у нихъ въ лѣсахъ за Волгой земли холодныя, неродимыя, лашни и локосы скудныя, хлѣбныя недороды частыя. По его словамъ выходило что крестьянину-Заволжанину житье не житье, а одна тяга; не то чтобы деньги копить, лодати исправно платить нечѣмъ.

— А промысла, жаловался онъ,—что слоконы вѣка здѣшній народъ поили-кормили рѣшатся одинъ за другимъ. На что ни оглянись все подъ гору катится, все другими леребито. На что славна была по всѣмъ мѣстамъ наша горянщина, и ту изобидѣли: Крещане * у токарей, Юрьевцы да Кологривцы у ложкарей отбиваютъ работу. Въ прежніе годы изъ нашей Чѣщи ** валенокъ да шляпа на весь

* Жители Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

** Чѣщею называется безлѣсная полоса вдоль лѣваго берега Волги шириною верстъ на двадцать, двадцать пять и больше.

крещеный міръ шап, а телерь катальщики чуть не съ голоду мрутъ... Угрозидо крещеныхъ у Нѣнца картузь перенять!... Отъ саратовскихъ колонистовъ тотъ картузь по Русіи пошелъ и дѣдовскую шляпу въ корень извелъ... Прежде въ Чищѣ для каждой стороны особую шляпу работали: куда шлилѣкъ, куда верховку, куда кáпникъ, * а телерь почитай и валеть разучились.... Шляпа хизнула, остались салогі съ валенками, и тѣ Кинешма съ Рѣшмой перебиваютъ, а за Кинешмой да Рѣшмой Калязицы. ** Красную Рамень взяли: прежде на всю Россію вѣсовыя коромысла работала, телерь и этотъ промыселъ сталъ подходить... Нѣтъ, плохое житье стало по нашимъ лѣсамъ!..

— Гнѣвить Бога вамъ нечего, возразилъ Василій Борисычъ.— Посмотрѣли бѣ какъ по другимъ мѣстамъ люди живутъ, не стали бы хаить да хулить свою сторону..

— Сторона наша плохая, хлѣба недороды, иной годъ до Рождества своего хлѣба не хватаетъ, возражалъ удѣльный голова.

— А посмотрѣтъ бы вамъ, Михайло Васильчъ, каково народъ по тѣмъ мѣстамъ живетъ гдѣ цѣлу зиму на гумнѣ стоятъ скирды немолоченныя, сказалъ на то Василій Борисычъ.— По вашимъ лѣсамъ послѣдній бѣднякъ челоѣкомъ живетъ, а въ стелныхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ и достаточный хозяинъ заодно со свиньями да съ овцами.

— Ужъ ты наскажешь! Только послушать! сказалъ Михайло Васильчъ.—Какъ же возможно съ овцами да со свиньями жить?... Не во гнѣвъ твоей милости будь: того и въ посмѣшныхъ лѣсныхъ не поютъ и въ сказкахъ не сказываютъ.

— Въ сказкахъ не сказываютъ, и въ лѣсныхъ не поютъ, молвилъ Василій Борисычъ, — а на дѣлѣ такъ. Посмотрѣли бѣ вы на крестьянина въ хлѣбныхъ безлѣсныхъ губерніяхъ... Онъ домосѣдъ, знаетъ одѣвъ свои курныя грязныя избенки. И еслибъ его на коврѣ - самолетѣ перенести сюда въ ваши лѣса, да поставить не у васъ, Патагъ Максимычъ, въ дому, а у любого рядоваго крестьянина, онъ бы подумалъ что къ царю во дворецъ попалъ.

* Разные виды русскихъ поярковыхъ шапъ.

** Городъ и большое село на Вогаѣ въ Костромской губерніи. Калязинъ—городъ Тверской губерніи тоже на Вогаѣ.

— Ну ужъ и къ царю! самодовольно улыбувшись молвилъ Патазь Максимычъ.

— Истинную правду вамъ сказываю, рѣшительно отвѣтилъ Василю Борисычъ.—Посмотрѣли бѣ вы на тамошній народъ, посравнили бѣ его со здѣшнимъ, сами бы то же сказали.... Любо-дорого здѣсь посмотрѣть какъ крестьянинъ живетъ, у самого послѣдняго бѣдняка изба большая, крѣпкая, просторная, на боку не лежитъ, вѣтромъ ее не продуваетъ, зимой она не промерзаетъ, крыта дранью, топится по-бѣлому, дровъ пали сколько хочешь; у каждаго хозяина чисто, опратно, и все прибрано по-хорошему.... А тамъ избенка малая, низкая, курная, углы морозомъ пробиты, несетъ изъ нихъ, а печку-то навоземъ либо соломой топятъ... Поль-оть въ избѣ земляной, стѣны да потолокъ чѣ твой уголь. Вмѣстѣ съ людьми и овцы съ ягнятами, и свиньи съ поросятами, и всякая домашняя птица... Корову въ избѣ же доятъ и корму ей тамъ задаютъ...

— Быть того не можетъ! вскрикнулъ удѣльный голова.— Въ жизнь не повѣрю чтобъ корова въ избѣ была и всякая скотина и птица.

— Побывайте въ стеляхъ, посмотрите, молвилъ Василю Борисычъ.—Да... Вотъ чѣ я вамъ, Михайло Васильчъ, скажу, продолжалъ онъ возвыся голосъ:—когда Христось на землю сошелъ и принялъ на себя зракъ рабѣй, восхотѣлъ Онъ, Владыко, бѣдность и нищету освятить. Того ради избралъ Онъ для рождества своего самое бѣдное мѣсто какое было тогда на землѣ. И родился Царь Небесный въ тѣсномъ, грязномъ вертелѣ среди скотовъ безсловесныхъ... Поди теперъ въ наши стели—чѣ ни домъ, то вертелъ Виоелемскій.

— Отъ чего жъ это такъ? въ недоумѣннѣ спросилъ Михайло Васильчъ.

— А отъ того что земля тамъ родима, что хлѣба тамъ доволь, отвѣтилъ съ улыбкой московскій посолъ.

— Понять не могу, разводя врозь руками молвилъ Михайло Васильчъ.—Хлѣбъ всему голова: есть хлѣбъ—все есть; а нѣтъ—ложись, помирай.

— Не всегда и не вездѣ такъ бываетъ, сказалъ Василю Борисычъ.—Если же въ тѣхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ три, четыре года сряду большіе урожаи случатся, тогда ужъ совѣмъ народу бѣда.

— Какъ такъ? спросилъ Паталя Максимычъ. Удивился и онъ рѣчамъ Василя Борисыча.

— Да, очень просто, отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Промыслу тамъ нѣтъ никакого, одно земледѣлство... Хлѣба-то въ волю, да мужику однимъ хлѣбомъ не изжить, и на то, и на другое деньги ему надобны: и соли кулить, и дегтю, и топорь, и заступь, и серпы, и косы, да мало ли еще чего... У церковниковъ попу надо дать какъ съ празднымъ придетъ, за исповѣдь, за сватбы, за крестины, * за похороны; винца тоже къ празднику надо, а тамъ подати, оброки, разные сборы, и все на чистоганъ. А чистогана опрочь какъ хлѣбомъ достать нечѣмъ. А хлѣбъ - то вези на базарь, версть за двадцать, за тридцать. — Сколько тутъ прохарчить надо, сколько времени эти поѣздки возьмутъ, а дорогѣ-то осенью, да и лѣтомъ, коли много дождей, не приведи Господи! Черноземъ-то какъ разведеть, телѣга по ступицу грузнетъ, лошаденка насилу тащить ее.... Чтѣ тутъ мааты, чтѣ убытковъ!... Хорошо вонъ теперь желѣзны дороги лочали строить, стелняку отъ нихъ житье не въ примѣръ будетъ лучше прежняго, да не ко всякой вѣдь деревнѣ чугуанку подведутъ.... Хорошо еще коли хлѣбъ въ цѣнѣ; тогда и приметъ мужикъ мааты, а все-таки управится, и деньги у него будутъ въ мошавъ. А какъ большіе-то урожаи да каждый годъ, да какъ цѣна-то на хлѣбъ упадетъ!... По хлѣбнымъ мѣстамъ такая намолвка идетъ: переродъ хуже недороду.

— Поди вонъ оно дѣло-то какое! удивился Михайло Васильичъ.

— А лѣсу ни прѣта, продолжалъ Василій Борисычъ.— Избы чуть не изъ лутошекъ, по мѣстамъ и битыя изъ глины въ чести, а топливо—солома, бурьянъ да кизякъ... ** Здѣсь лѣтомъ всѣ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, тамъ и лѣто, и зиму въ однихъ родныхъ лалоткахъ, да еще не въ лычныхъ, а въ веревочныхъ. По здѣшнимъ мѣстамъ мясное-то у мужика не переводится, да и рыбы довольно—Волга-то подъ бокомъ, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ свѣжину только въ Свѣтло Воскресенье вѣдятъ, да развѣ еще въ храмовые праздники....

* Крестины.

** Кизякъ—сухой навозъ обдѣланный въ форму кирпичя.

— Чудное дѣло!... дивилася Михайло Васильичъ.

— По вашимъ-то мѣстамъ, щипъ съ наваромъ, крыты жиромъ что ихъ не видать, а въ хлѣбныхъ мѣстахъ—щипъ хоть кнотомъ хлещи—пузырь не вскопичить... продолжалъ Василий Борисычъ.— Рыбнаго тоже нисколько, рѣченки тамъ мелкія, маловодныя, опричь лискаря да головая ничего не водится. Бываетъ коренная, да везена та рыба изъ дальнихъ мѣстъ и оттого дорога.... Гдѣ ужъ крестьянину деньги на нее изводить—развѣ поѣсть немножко на Масляницѣ чтобы только законъ справить.... Хлѣба ѣшь не хочу, брага не переводится, а хоть сыты живутъ, да въ сласть не ѣдятъ, не то что по вашимъ мѣстамъ. Вотъ каковы они, хлѣбныя-то мѣста, Михайло Васильичъ!...

— Мудрены дѣла Твои, Господи! молвилъ удѣльный голова и задумался. И малое время помолчавъ спросилъ онъ Василья Борисыча:

— Перепеловъ лоди чай сколько въ хлѣбѣ-то!

— Этого добра вдоволь, отвѣтилъ Василий Борисычъ,—тъма тьмуца!

— Голосисты? спросилъ голова.

— Бѣда! молвилъ Василий Борисычъ.

— Эка благодать!... вскрикнулъ Михайло Васильичъ. — Сотнями чай кроютъ....

— Оно и выходитъ что хлѣба много—лѣсу нѣту, лѣсу много—хлѣба нѣту, вставилъ въ бесѣду свою рѣчь кумъ Иванъ Григорычъ.

— Не въ лѣсѣ сила, Иванъ Григорычъ, а въ промыслахъ, сказалъ ему на то Василий Борисычъ.— Будь по хлѣбнымъ мѣстамъ, какъ здѣсь, промысла, умирать бы не надо....

— Отчего жъ не заводятъ? Кажись бы не хитрое дѣло, спросилъ Иванъ Григорычъ.

— Оттого и не заводятъ что хлѣбныя мѣста, отвѣтилъ Василий Борисычъ.— Промысла отъ безхлѣбья пошла, безхлѣбье ихъ породило... Въ разныхъ странахъ доводилось мнѣ быть: чуть не всю Россію объѣхалъ, въ Сибири только не бывалъ да на Кавказѣ, въ Австрійскомъ царствѣ съ блдокриницкими отцами до самой Вѣны доѣзжалъ, въ Молдавѣ былъ, въ Турчинѣ, Гробу Господню поклонялся, въ Египетскую страну во славный градъ Александрію ѣздилъ.... И вездѣ, гдѣ ни бывалъ, одно видѣлъ: чѣмъ лучше земля, чѣмъ больше ее благодатью Господь надѣлилъ, тѣмъ хуже народу живется. Смотришь бывало, не надивуешьсяя: родить земля

всякаго овоща и хлѣба обильно, вино и масламы и разные плоды, о какихъ здѣсь и не слыживали, а народъ бѣденъ... Отчего? Оттого что промыслу нѣтъ никакого.... Земля-то щедра, всего родить вдоволь, уходъ за ней не великій, человѣкъ-отъ и обильнася; только бѣ ему на боку лежать, промысла и на умъ ему не приходять. А какъ у насъ на Святой Руси холодъ да голодъ пристукнуть, радъ бы полѣнился да некогда... И выходить: гдѣ земля хуже тамъ человѣкъ досужѣй, а отъ досужества, извѣстное дѣло, все: и достатки и богатство....

— А это вѣдь такъ, это онъ дѣло сказываетъ, кивнулъ Паталъ Максимычъ куму Ивану Григорьичу. — Говорится же вѣдь что всяко добро отъ Божьяго ума да отъ человѣчьяго труда.

— Да, подтвердилъ Василій Борисычъ.—Все трудомъ да потомъ люди отъ земли взяли... Заловѣдъ такая отъ Господа была человѣку дана: „въ потѣ лица съѣси хлѣбъ твой“.... И вотъ какво благъ, какво премудръ Отецъ-отъ Небесный: во гнѣвѣ на Адама то слово сказалъ, а сколько добра отъ того гнѣвнаго слова людямъ пришло.... И наказуа милуетъ родъ человѣчскій!...

— Извѣстно.... На то Онъ и Богъ, молвилъ удѣльный голова.

— А скажи-ка ты мнѣ, Василій Борисычъ, какъ по твоѣму замѣчательно?... Можно ли хлѣбнымъ мѣстамъ промысла развести, али нельзя? спросилъ у него Паталъ Максимычъ?

— Можно-то можно, люди бы только наплись, отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Самому крестьянству на промыслы сразу подняться нельзя.... Зачинать ново дѣло русскій человѣкъ не охотникъ, надо ему ко всякому дѣлу долпрежь приглядѣться.

— Какъ же завести-то, какъ? съ нетерпѣньемъ спросилъ Паталъ Максимычъ.

— А вотъ какъ, отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Человѣку съ достаткомъ приглядѣться къ какому ни на есть мѣсту, узнать какое дѣло сподручѣе тамъ завести, да приглядѣвшись и зачинать съ Божьей помощью. Годъ пройдетъ, два пройдутъ, можетъ-статься и больше... А какъ приглядятся мужики къ работѣ, да увидятъ что дѣло то выгодное, тогда не учи ихъ—сами возьмутся.... Всякій промыселъ такъ зачинался.

— Фабрику, значитъ, поставитъ, либо заводъ какой, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Нѣтъ, возразилъ Василій Борисычъ.—Нѣтъ, глѣтъ, оборони Боже!... Пуцай ихъ по городамъ разводять: фабричный

человѣкъ столичный—урви ухо, * гнилая душа, а мужикъ что куколь: сверху сѣръ, а нутромъ бѣлъ... Грѣшное дѣло фабриками его въ развратъ приводить.... Да и то сказать что на фабрикахъ-то крестьянскими мозолями сытъ одинъ хозяинъ... А другое дѣло еще то что фабрика безъ Нѣмцевъ не стоитъ, а отъ этого народа крещеному человѣку надо подальше.

— Самое истинное дѣло, согласился Паталъ Максимычъ.

— Ты ему води на вершокъ, а онъ глядь и всѣмъ заволодѣлъ, вставилъ свое слово Михайло Васильичъ.

— Не фабрики, кустарей по какому ни на есть промыслу разводить—вотъ что надобно, сказалъ Василий Борисычъ.—И примѣръ съ нихъ скорѣе возьмутъ, и вѣры въ тотъ промыселъ будетъ побольше... Да вотъ къ примѣру хоть Вичугу** взять, отъ здѣшнихъ лѣсовъ не больно далеко, и тамъ земля не родима... До французскаго года*** ни одного ткача въ той сторонѣ не бывало, а теперь по тремъ уѣздамъ у мужиковъ только и дѣла что скатерти да салфетки ткать. И фабрики большія завелось, да рѣчь не объ нихъ.... По цынымъ деревнямъ что ни домъ, то станъ.... Забихожіе**** круглый годъ за работой; тяглицы, какъ не въ полѣ, тоже за станомъ стоять.... И что денегъ тѣмъ мастерствомъ добываютъ!.. Какъ живутъ!.. А какъ дѣло-то зачиналось?... Выискался смышленый крестьянинъ съ хорошимъ достаткомъ, нашего согласія былъ, по древлему благочестью христіанинъ, Миндовскимъ онъ прозывался. Завелъ небольшое ткацкое заведеніе, съ легкой руки его дѣло пошло да пошло.... И разбогатѣлъ народъ и живетъ теперь лучше здѣшняго.... Да мало ль такихъ мѣстовъ по Россіи.... А вездѣ доброе дѣло однимъ зачиналось!.. Побольше бы Миндовскихъ у насъ было—хорошо бы народу жилось.

— Да, промолвилъ Паталъ Максимычъ и крѣпко задумался.

И когда расходились гости на сонъ грядущій, не сказалъ никому ни единого слова, но трижды молча расцѣловался съ Васильемъ Борисычемъ.

А уйдя въ боковушу долго ходилъ взадъ и впередъ, закинувъ за спину руки.

* Пауль.

** Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи.

*** 1812 годъ.

**** Забихожій—лишній въ семьѣ.

„Слышалъ и я про Миндовскаго, думалъ оъ самъ про себя. Добромъ поминаютъ его по всему околотку, по всемъ ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ... Можно про такого человека сказать: „свѣялъ добро, посыпалъ добромъ, жалъ добро, одѣлялъ добромъ, и стало его имя честно и памятно въ родъ и родъ“.... Гододнаго накорми, слабому пособи, неразумнаго научи какъ добро наживать трудомъ праведнымъ, нѣтъ тѣхъ дѣлъ святѣ передъ Богомъ, честнѣй передъ людьми.... Отъ людей вѣчный поминъ, отъ Господа грѣховъ отлученье... И въ Писаніи сказано: „блаженъ“... Что каменны палаты въ Петербургѣ?... Что желѣзныя дороги да расчистка волжскихъ перекаатовъ—Миндовскаго дѣла превыше всего.... И капитала потребуется много меньше.... Смогу!... А смышляеъ этотъ Василій Борисычъ!... Изъ себя маленекъ, годами молоденекъ, а разумомъ и стараго за поясъ заткнетъ.... Сынка бы такого разумаго!... Не привелъ Господь!... Что дѣлать?... На волю Божью не подашь просьбу.... А этотъ лучше того долговазаго!... Острый разумъ!... И угораздило жь его въ эти бабы дѣла ввязаться!... Кельи да старицы, уставы да архіереи!... Все едино что вздѣнь сарафанъ да съ дѣвками въ хороводы.... Послѣднее дѣло!“

LXXI.

Утромъ третьяго дня сорочинъ Паталъ Максимычъ опять бесѣдовалъ съ гостями. Въ ожиданьи обѣда Никитина въ передней горницѣ закуски имъ стоговила: икры зернистой, балыка донскаго, сельдей переславскихъ и вяленой розанѣжской * стерляди поставила. Хрустальныя графины съ разноцвѣтными водками длиннымъ рядомъ стояли на столѣ за тарелками.

— Дивлюсь я тебѣ, Василій Борисычъ, говорилъ ему Паталъ Максимычъ.—Столько у тебя на всякое дѣло умѣнья, столь много у тебя обо всемъ знанья, а вѣкъ свой корпиль надъ крюковыми книгами ** да надъ келейными уставами, шатаешься по бѣлу свѣту съ рогожскими поручѣн-

* Розанѣже—село на лѣвомъ берегу Волги выше Васильурска. Здѣсь весной во время водопоя ловятъ много маломѣрныхъ стерлядей и вялятъ ихъ.

** Пѣвчія книги. Крюки—старинныя русскія лоты, до сихъ поръ необходимыя у старообрядцевъ.

востями. При твоємъ остромъ разумѣ не съ келейницами возиться, а торги торговать, деньги наживать и тѣмъ же временемъ бѣдному народу добромъ послужить.

— Всякому человѣку отъ Бога свое дѣло положено, молвилъ ему въ отвѣтъ Василій Борисычъ.—Кто чему обученъ, кто чему навывъ, тотъ тому дѣлу и долженъ служить. Да и можно ли мнѣ въ торговлю пуститься? Ни привычки нѣтъ, ни своровки.

— Такъ говорить не моги, перебилъ его Паталъ Максимычъ.—Мы, стары люди, подальше тебя видимъ, больше тебя разумѣемъ. Птичка ты невеличка, да ноготокъ у тебя востеръ. По маломъ времени въ люди бы вышелъ, тысячникомъ бы сталъ богачомъ.

— Чтò есть и того довольно съ меня, молвилъ Василій Борисычъ.—Не въ богатствѣ сила, въ довольствѣ.... Я, слава Богу, доволенъ.

— Доволенъ! усмѣхнулся Паталъ Максимычъ.—И лягушка довольна пока болото не пересохло.... А ты человѣкъ, да еще разумный. Чтò въ Писаніи-то сказано о невѣрномъ рабѣ чтò данный отъ Бога талантъ закопалъ? Помнишь?

— Дѣло-то опасное, немного подумавъ, молвилъ на тѣ рѣчи Василій Борисычъ.—Батюшка родитель былъ у меня тоже человѣкъ торговый, дѣла велъ большія. Былъ разчетливъ и бережливъ, въ дѣлахъ опытенъ и смѣтливъ.... А подошелъ черныи день, прибылъ съ убылью смѣшались и лошади бѣда за бѣдой. Въ два года въ домѣ-то стало хоть шаромъ покати.... А мнѣ куда передъ нимъ?.. Чтò я супротивъ его знаю?.. Нѣтъ, Паталъ Максимычъ, не съ руки мнѣ торговое дѣло.

— Напрасно такъ рассуждаешь, возразилъ Паталъ Максимычъ.—Добра тебѣ желаючи прошу и совѣтую развяжись ты съ этими дѣлами, налью на своихъ архіереевъ да на нашихъ келейницъ.... Ну ихъ къ шути!... На такія дѣла безъ тебя много найдется.... Повелъ бы торги, и себѣ добро и другимъ польза.

— Нѣтъ, Паталъ Максимычъ! молвилъ Василій Борисычъ.—Такой ужъ не смѣлый я человѣкъ—всего опасюсь, всего боюсь, олятъ же привычка.... А привычка, не истопка, * съ ноги не сбросишь.... Боюсь, Паталъ Максимычъ, очень мнѣ боязно за непривычное дѣло приняться....

* Источки—пашоженные аалти.

— Волка бояться — отъ бѣлки бѣжать, сказалъ на то Паталь Максимычъ. — Не ты первый, не ты будешь и послѣдній... Знаешь пословицу: „Смѣлому горохъ хлѣбать, робкому пустыхъ щей не видать“? Бояться надо отлѣтому дураку да непостоянному человѣку, а ты не изъ таковскихъ. У тебя дѣло изъ рукъ не вывалится... Вотъ хоть бы вечеръ про Миндовскаго ты помянулъ.... Чтò бѣ тебѣ дѣломъ заявншнсь другимъ Миндовскимъ стать?.. Сколько бы тысячъ народу день и ночь за тебя Бога молили!..

— Такого дѣла мнѣ не снести, молвилъ Василій Борисычъ.

— Отчего? спросилъ Паталь Максимычъ.

— Не къ лицу пироги разбирать коли хлѣба нѣтъ, Паталь Максимычъ, молвилъ Василій Борисычъ.— Торги заводить да промыслы, надо хорошій достатокъ имѣть, а у меня, прибавилъ онъ усмѣхаясь, — двѣ лоды, обѣ голы, да и тѣ не свои — подаренныя.

— Нѣтъ капитала, въ долю бы шелъ, сказалъ Паталь Максимычъ. — Такого какъ ты всякій съ радостью приметъ.

— Въ сулрядкахъ не пряжа, въ складчикѣ не торгъ, отозвался Василій Борисычъ.

— Это такъ точно, съ довольною улыбкой подтвердилъ Паталь Максимычъ. — Самъ тѣхъ же мыслей держусь. Складчина послѣднее дѣло.... Нѣтъ того лучше какъ всякій Тутъ за себя стоитъ?... А эти новѣшнн акціи, да компаніи, да еще пестъ ихъ знаетъ какія-тамъ нѣмецкія штуки — всѣмъ имъ одна цѣна: палевать.

— Значить ты и артели порочишь, вступился удѣльный голова.

— Кто ихъ порочить! съ малою досадою возразилъ Паталь Максимычъ.— Артель порочить нельзя, артель та же братчина, заведеніе доброе; тамъ всѣ другъ по другѣ, голова въ голову, оттого и работа спора.... Я про новѣшннн компаніи помянулъ, ихъ не хвалю. Тутъ нажива тому одному кто дѣло къ рукамъ умѣетъ прибрать.... А другимъ ладчикамъ одна обида.... Нѣтъ, я такъ совѣтую тебѣ, Василій Борисычъ, шелъ бы ты въ долю къ какому ни на есть богатому да хорошему человѣку: его бы деньги, твое бы умѣнье.... Говорилъ ты намеренн что по разнымъ городамъ у тебя большое знакомство ведется... Неужто не сыщется кто бы деньгамъ тебѣ пособилъ....

— Какъ не сыскаться, молчалъ Василій Борисычъ. — Есть дѣрохотовъ довольно.

— Чтò жь ты?

— Просить вѣтъ охоты, сказалъ Василій Борисычъ.

— А ты попробуй—безъ просьбы нельзя: дитя не плачетъ, мать не разумеетъ, сказалъ Паталь Максимычъ.—Ну попробуй а ты....

— Искушеніе! въ полголоса проговорилъ Василій Борисычъ, смиренно поникнувъ головою.

— Чтò жь сталь?... Пробуй! упершись въ колѣнки руками и наклонясь къ Василью Борисычу сказалъ Паталь Максимычъ:

— Не могу я просить, Паталь Максимычъ, языкъ не воротится.

Плюнулъ съ досадою нашъ тысячникъ.

— Сами что ли деньги-то въ карманъ тебѣ придуть? крикнулъ онъ выпрямясь во весь ростъ.—Сорока что ли ихъ тебѣ на хвостѣ принесетъ?... Мямая ты этакой, рохля!... Могъ бы на весь свѣтъ загремѣть, а онъ по скитамъ шляется да съ дѣвками по крикамъ поетъ!... Бить-то тебя некому!

— Искушеніе!... съ глубокимъ вздохомъ полупелотомъ молвилъ Василій Борисычъ.

— Ему добро кажутъ, на широкую дорогу хотятъ вывести, шумѣлъ Паталь Максимычъ, — а онъ ровно кобыла съ коровомъ, ни туда ни сюда.... Сказывай, непуть этакой, много ль денегъ требуется на разводъ промысловъ гдѣ-нибудь по близости?... Ну хоть на горахъ * что ли?

— Охъ искушеніе! глубже прежняго вздохнулъ Василій Борисычъ. Сроду не случалось ему бывать въ такомъ передѣлѣ....

А Паталь Максимычъ такъ зашагалъ по горницѣ что зазвенѣла стоявшая на горкахъ посуда.... Вдругъ сталь онъ передъ Васильемъ Борисычемъ и взялъ его за плечѣ.

— Получай деньги, Васильюшка, сказалъ онъ ему,—брось, голубчикъ, своихъ чернохвостыхъ келейницъ да посконныхъ архіереевъ, наплюй имъ въ рожи-то!.. Васильюшка, дубезный ты мой, удружи!... Богомъ тебя прошу сдѣлай по-моему!... Утѣшь старика!... Возлюбилъ я тебя....

— Нѣтъ ужъ увольте меня, Паталь Максимычъ, собравшись

* На горахъ, на правомъ берегу Волги.

съ духомъ молвилъ Василий Борисычъ.—Не надо—не могу я вашихъ денегъ принять....

— Дуракъ! крикнулъ вскипѣвшій гнѣвомъ Паталя Максимычъ и лорывисто вышелъ изъ горницы, хлопнувъ дверью такъ что всѣ окна въ горницѣ задрожали.

— Чтѣ жь ты тревожишь его? говорилъ Василью Борисычу кумъ Иванъ Григорычъ.—Видишь какъ расходился! Далеко улорствуешь? Не перечь... покорись, возьми деньги.

— Не къ рукамъ мнѣ деньги его, отвѣтилъ Василий Борисычъ.—Какой я кулець, какой торговецъ? Олять же не къ тому я готовилъ себя.

— Про это не думай, внушительно сказалъ ему удѣльный голова.—Паталя Максимычъ лучше тебя знаетъ, годишься ты въ торговое дѣло, аль нѣтъ?.. Ему виднѣе... Онъ маху не даетъ, каждаго человѣка видитъ насквозь... И тебѣ бы, Василий Борисычъ, ему не противничать, отъ счастья своего не отказываться.

— Охъ искушеніе! руками даже всплеснулъ Василий Борисычъ. А самому бѣжать бы, такъ въ пору.

— Нѣтъ ужь ты не прекословь, Василий Борисычъ, продолжалъ уговаривать его кумъ Иванъ Григорычъ.—Потѣшь старика, пожалѣй—добра вѣдь желаетъ тебѣ.

— Да толкомъ же я говорю: не могу того одѣлать, чуть не со слезами отвѣтилъ Василий Борисычъ.—Заводить торговое дѣло, никогда у меня на умѣ не бывало, во сняхъ не случилось... Помилуйте!..

— Экой ты человѣкъ неуклончивый! хлопнувъ руками о полы вскрикнулъ Иванъ Григорычъ.—Вотъ ужь лоистилъ: въ коробъ нейдетъ, изъ короба не лѣзетъ и короба не отдастъ.... Дивное дѣло!... Право, дивное дѣло!..

— Старога человѣка надо уважить, молвилъ Михайло Васильичъ.—Изъ-за чего ты въ самомъ дѣлѣ разстроилъ его?.. Ну и впрямь чтѣ за охота тебѣ съ келейницами хороветись?.. Какая прибыль?.. Одно пустое дѣло!..

Подъ эти слова дверь быстро распахнулась и Паталя Максимычъ вошелъ въ горницу. Лицо его лылало, потъ крупными каплями выступалъ на высокомъ челѣ, но самъ онъ нѣсколько стихъ противъ прежняго.

— Слушай, сказалъ онъ подойдя къ Василью Борисычу и положивъ ему руки на плечи. — Чего торговъ боишься? Думаешь не сладить?.. Такъ что ли?

— Ну, ладно, хорошо, сказалъ Паталь Максимычъ. И обнявъ Василья Борисыча трижды цѣловалъ его со щеки-на-щеку.

— Никитишна! крикнулъ онъ маленько отворивъ сѣвную дверь.

Кума-повариха вошла въ горницу.

— Ставь-ка намъ, кумушка, смолѣу головку холоденькую, молвилъ ей повеселѣвшій Паталь Максимычъ.

Кумушка скоро воротилась неся на желѣзномъ тагильскомъ подносѣ бутылку шампанскаго съ четырьмя стаканчиками.

— Съ новымъ прикащикомъ! поздравляя Патала Максимыча удѣльный голова.

— Съ новымъ торгомъ! подхватилъ кумъ Иванъ Григорычъ.

И скорымъ дѣломъ бутылку локончили.

И Василій Борисычъ лилъ, но задумавшись.

LXXII.

Сѣли обѣдать. То былъ послѣдній обѣдъ сорочинъ.

Полобѣда не прошло, а на дворѣ бубенчики забрежчали, колокольчикъ сталъ позвякивать: удѣльному головѣ лошадей залрягали. Не терпѣлось ему. Изъ-за стола прямо въ тарантасъ, и во весь опоръ, какъ ѣздить только исправники, покати въ Кляюкино, чтобы съ вечера въ осимяхъ залечь съ дудочками... Только свалить жаръ собрался ѣхать кумъ Иванъ Григорычъ съ Груней; съ солнечнымъ закатомъ хотѣла въ луть отправляться и матушка Манефа со старицами, съ бѣлицами и съ московскимъ посланникомъ Васильемъ Борисычемъ. Паталь Максимычъ и Парашу не надолгое время въ Комаровѣ отпускала, позволяя даже ей съ матерями въ лѣса на богомолье съѣздить и невидимому граду Китежу въ ночь на Владимірскую * поклониться... Девька черезъ три поѣдетъ изъ Осилковки и Аксинья Захаровна. Поѣдетъ она напередъ къ Грунѣ, а повремена, какъ только мать Манефа изъ Шарлана съ праздника воротится, къ ней погостить при-

* Июля 23го.

ѣдетъ. Не сидѣть дома одному Патапу Максимычу, и онъ собирается въ Красную-Рамень на мельницы, а оттолѣвъ въ городъ на приставъ.

За обѣдомъ развеселый Патапъ Максимычъ всѣмъ объявилъ во услышанье что къ первому Сласу * новый прикащикъ у него будетъ, и что съ нимъ онъ новыя торгемы дѣла на горахъ заведетъ. И указалъ на Василья Борисыча.

Молніей сверкнули черныя очи Манефы... Переглянулись бѣлицы и старицы, съ недоумѣньемъ взглянула на мужа Аксинья Захаровна, вздохнула и покорно опустила глаза... Ни съ того ни съ сего зардѣлась Прасковья Патаповна, а бойкая, разудалая Фленушка, взглянувъ на нее, а потомъ на склонившагося надъ тарелкой Василья Борисыча, улыбнулась лукавой улыбкой... На этотъ разъ Устинья Московка за тѣмъ же етоломъ обѣдала, сидѣла рядомъ съ игуменьей. Какъ громомъ оглушили ее слова Патапа Максимыча, багрецомъ подернулись щеки ея, поблѣднѣли губы алыя, заблестѣли очи искрами палючими и слезинки что росинки засверкали на длинныхъ рѣсницахъ ревнивой красавицы. Никто ни слова, никто ни звука... Любо было Патапу Максимычу что всѣхъ озадачило вѣстью неожиданною. Повелъ онъ разговоры:

— По новѣшнимъ временамъ человѣку съ достаткомъ и стыдъ и грѣхъ на печи сложитъ руки сидѣть.... Не по-старому жить приводится, не въ кубышку деньги колить, не зарывать ее въ подпольѣ либо подъ угломъ избы.... Ходъ да просторъ возлюбили новѣ денежки.... Къ тому же и Господь повелѣлъ, себя помня, ближняго не забывать.... Телерь по милости Божіей вокругъ по околотку сотня другая людей отъ меня кормится, и я такое возымѣлъ желаніе чтобы нѣжитаго трудами капитала не умалая, сколь можно больше народу работою кормить, довольство бы по бѣднымъ людямъ лошло и добрая жизнь... Благословилъ бы только Господь....

— Господь повелѣлъ богачу нищей братиѣ имѣнье раздать и по Немъ идти, истово и учительно, но рѣзко, сказала Манефа, пріосаясь и величаво взглянувъ на брата.

— Ту заловѣдъ и держу въ помышленьи, молвилъ Патапъ Максимычъ.

— „Нищія всегда имате съ собою“ рекъ Господь, продол-

* Августа 1го.

жала игуменья обливая брата сдержаннымъ, но строгимъ взглядомъ.— Чѣмъ на горахъ ихъ искать, вокругъ бы себя оглянулся... По близости посмотрѣлъ бы нѣтъ ли такихъ на кого бы излить свои милости... Недалѣко ходить, найдутся люди что постомъ и молитвой низведутъ на тебя и на весь домъ твой Божіе благословеніе, умолятъ о вѣчномъ спасеніи души твоей и всѣхъ твоихъ присныхъ.

— Никакъ ты на своихъ чернохвостницъ мекаешь? насмѣшливо молвилъ Паталь Максимычъ.— Нѣтъ, сестрица, шалишь - мамонишь— съ жиру взбѣситесь!... Колѣйки не дамъ!

— Вольному воля! понизивъ голосъ отвѣтила Манефа.— Господь призритъ на нища и убога— и безъ твоихъ милостей проживемъ.

— Ну и живите, только другихъ не корите, молвилъ Паталь Максимычъ, и обратясь къ Ивану Григорычу и удѣльному головѣ прибавилъ: — Эка подумаешь какая бездонная кадка эти келейницы!... Засыль кормомъ ловерхъ головы, одно волять: „мало, еще подавай!“

— Не суесловъ, безумный! возвысила голосъ Манефа.— Забылъ что всякое праздное слово на судѣ взывается?

— Много же тебѣ съ твоими келейницами отвѣтовъ придется давать, усмѣхнулся Паталь Максимычъ.— Вѣдь у вашей сестры что ни слово, то вранье, либо слетня какая...

— Безумное слово, нечестивая рѣчь!.. вспыхнула мать Манефа, но тотчасъ же стихла. Не слышать ея голоса больше.

И не внимая усерднымъ подчиваньямъ Аксиньи Захаровны, не вкушала она отъ сладкихъ брашенъ, сготовленныхъ на славу Никитишной. Глядя на матушку и старицы и бѣлицы стали воздерживаться отъ ястія и литія, хоть это и было имъ за великую досаду. Только Фленушка съ Марьюшкой, какъ не ихъ дѣло, кушали во славу Божію... Устинья Московка не ѣла, рвалоъ и килѣло въ ней сердце, мутился разумъ. Чужа недоброе, глазъ не спускала она съ Василья Борисыча и зорко стерегла не взглянетъ ли онъ на хозяйскую дочь... Но московскій посланникъ сидитъ ровво къ смерти приговоренный... Молчить потуля очи и тоже ни единой яствы не касается.... Собравшись съ духомъ спросила у мужа Аксинья Захаровна что за дѣла вздумалъ онъ на горахъ заводить. Не отвѣтилъ Паталь Максимычъ. Не взглянулъ даже на сожительницу.

LXXIII.

Проводили удѣльнаго голову, проводили и Груню съ Иваномъ Григорьичемъ. Манефа стѣшно въ луть снаряжается. Узелкамъ да коробкамъ, укладочкамъ да сундучкамъ у келейницъ ни счету, ни конца нѣтъ: у каждой старицы, у каждой бѣицы свой дорожный обиходъ. Олричь леринъ и подушекъ надо весь скарбъ собрать и въ повозки покласть... А тутъ подоспѣли Парашины сборы. Въ одинъ чемоданъ всего не убрать, другой прихватили... Одною платьемъ что брала.... Платки левантиновые, двѣ шали турецкія, лентъ въ косу десятка два, передники всякіе, рукава, сарафановъ полторы дюжины: ситцевые для прохлады, шерстяные для обиходу, шелковые для наряду—въ часовню али при гостяхъ надѣтъ. Нельзя Парашѣ безъ дорогихъ нарядовъ—не простая дѣвица въ скиты ѣдетъ,—одна единственная дочь Патала Максимыча.

Сидя въ бывшей Настинѣ свѣтлицѣ молча глядѣла Манефа какъ Фленушка съ Устиньей Московкой укладывали пожитки ея въ чемоданы. Вдругъ распахнулась дверь изъ сѣней и вошелъ Паталъ Максимычъ, одѣтый по-домашнему: въ широкой рубахѣ изъ алаго канауса, олоясанной шелковымъ поясомъ, вытканнымъ въ подарокъ отцу покойницей Настей. Поглядѣлъ онъ на укладыванье, поглядѣлъ на Манефу, почесалъ слегка голову и молвилъ сестрѣ:

— Ну ты, спасѣна душа, подь-ка ко мнѣ въ боковушу....

И медленно вышелъ вонъ изъ свѣтлицы.

Еще того медленнѣй подвинулась съ мѣста мать Манефа и не промолвивъ ни слова неслѣпшою поступью пошла вслѣдъ за братомъ.

— Садись а ты. Чего стоять-то? Не выростешь, сказалъ вошедшей въ боковушу игуменъ сидѣвшій за столомъ и раскладывавшій по пачкамъ деньги Паталъ Максимычъ.

Сѣла напротивъ брата Манефа. Оба ни слова.

— Сколько съ тобой старецъ? спросилъ онъ.

— Уставщица мать Аркадія, да мать.... начала было Манефа.

— Счетомъ сказывай, перервалъ сестру Паталъ Максимычъ.

— Три, сказала Манефа.

— Бѣлицъ?

— Двѣнадцать. Фленушка тринадцатая.

— Чортова дюжина! усмѣхнулся Патаць Максимычъ отсчитывая деньги. — Сколько телерь у тебя въ обители всего на все стариць и сколько бѣлицъ?

— Тридцать четыре старицы, безъ одной лятьдесять бѣлицъ, отвѣчала Манефа.

— Сколько во всемъ Комаровѣ васъ живеть? Огуломъ говори, сказалъ Патаць Максимычъ отсчитывая новую лачку.

— Лицевыхъ * семьсотъ двадцать лять, да двѣсти не лисавныхъ, отвѣчала Манефа.

— Бѣглыхъ по-просту сказать. Чтò мало? усмѣхнулся Патаць Максимычъ.

— Всякая съ лачпормомъ, только что въ спискахъ не значится. У родныхъ гостять, молвила матушка Манефа.

— Знаемъ какъ онѣ гостять, опять усмѣхнулся Патаць Максимычъ, и отложивъ другую отсчитанную лачку, спросилъ сестру: — Много ль обителей по другимъ скитамъ?

— Въ Улангерѣ двѣнадцать, въ Оленевѣ... начала было Манефа.

— Чохомъ говори, перерывалъ ее братъ.

— Дай срокъ съекнуть, молвила Манефа и посчитавъ въ умѣ сказала: — лятьдесять обителей.

Патаць Максимычъ слать сталъ деньги считать. Оба молчали.

Затѣмъ подвигая къ сестрѣ лачку за лачкой, сталъ говорить:

— Старицамъ чтò здѣсь съ тобой по синеи, бѣлицамъ по зеленой, эту красную особо Фленушкѣ дай, да безъ огласки смотри... Въ твою обитель по зеленой на старицу, по лолутора цѣлковыхъ на бѣлицу. А эта красная на твоихъ обительскихъ трудниковъ... Вотъ тебѣ еще лятьсотъ цѣлковыхъ въ раздачу на Комаровскія обители. Слшкъомъ по полтигѣ серебра на душу придется, раздавай какъ знаешь, въ кою обитель больше, въ кою меньше, тебѣ лучше знать... Это на комаровскихъ евроть, а это на другіе скиты. Тутъ лятьсотъ, по десяти цѣлковыхъ на обитель, продолжалъ Патаць Максимычъ. — Куда больше, куда меньше, твое же дѣло... Да смотри. Настасью бы поминать не лѣшались... Приласовъ кой-какихъ завтра съ

* То-есть записанныхъ въ полицейскіе списки.

работникомъ пришаю.... Вотъ сто рублей на Прасковьяны гостинны. Ей не говори что дадь.... А это тебѣ, прибавилъ Паталь Максимычъ придвигая пять сотенныхъ къ матери Манефѣ.

— Благодарю покорно, молвила игуменья вставъ и низко поклонившись брату.—Дай-ка мнѣ бумажку да перышко, залышу сколько куда ты назначилъ. Не то забуду... Послѣ болѣзми ламатью что-то стала я хуже.

Не говоря ни слова придвинулъ Паталь Максимычъ къ сестрѣ бумагу, перо и чернилицу, а самъ зачалъ мѣрить горницу крупными шагами. Манефа медленно записывала раздачу.

Кончивъ запись подвела она голову и молвила брату:

— Можно съ тобой путемъ потолковать, Паталумка?

— Говори, отрѣзалъ Паталь Максимычъ, и не взглянувъ на сестру продолжалъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

— На самую на Троицу не добрыя вѣсти до насъ дошли, начала Манефа. — Пишутъ Дрябины изъ Питера: бѣда грозить обителямъ.

— Рѣшать думаютъ? молвилъ Паталь Максимычъ.

— Такъ лишутъ благодѣтели, подтвердила Манефа.—Шлютъ слышь изъ Питера самыхъ наибольшихъ чиновниковъ, стануть де они перелисывать Оленевски обители не строены ль которы послѣ воспрещенья. И которы найдутъ новыми, тѣ тутъ же и порѣшать—залечатають....

— А найдется такихъ? спросилъ Паталь Максимычъ.

— Какъ не найдись? отвѣтила Манефа. — Воспрещенью-то теперь болѣ тридцати годовъ, а какъ поль-Оленева выгорѣло и лятвадцати не будетъ.... Новыхъ-то, послѣ пожару ставленныхъ, обителей чуть не на половину.... Шарпанъ тоже велѣно осмотрѣть, а онъ тоже новый, тоже послѣ пожара строенъ. Казанскую Владычицу изъ Шарпана-то велѣно слышь отобрать.... И по всѣмъ де скитамъ такая же будетъ переборка, а которы не лицевыя, тѣхъ всѣхъ слышь по своимъ мѣстамъ откуда пришаи разошлютъ....

— Слышалъ и я про то. И мнѣ писали.... Дѣло и въ прямь не ладное.... Опять же на грѣхъ подъ это самое время отецъ Михаилъ съ воромъ Стуколовымъ подвернулся.

Потулила очи Манефа и торопливо олустила на нихъ флеровую наметку.

— Видно куда ни кинь вездѣ клинъ; продолжалъ Паталь

Максимичь подоѣда къ окну и зорко приглядываясь къ чернѣвшей вдали олушкѣ лѣса. — Такія строгости, какихъ не бывало!.. А все сами виноваты. Жили бы смиреннѣе, никто бы васъ не тронулъ.... А то вздумали церковниковъ къ себѣ залучать да безпаспортныхъ, архіерея выдумали, съ чужестранными царствами сносятся зачали.... Вотъ и нажили бѣды, попали въ перекрестную, что нидохнуть, ни гловуть.... Съ одной стороны вы ужъ больно пространно жить захотѣли, а съ другой начальство-то ровню муха его укусила.

— Съѣздить бы тебѣ, Паталушка, къ губернатору, попросить бы у него милостей.... молвила брату Манефа.

— Ничего тутъ губернаторъ не подѣлаеть, отвѣтилъ Паталь Максимичь. — Былъ у меня съ нимъ на счетъ этого разговорець. Со всякимъ бы, говорить, моимъ удовольствіемъ, да не могу, власти, говорить, такой не имѣю.... Ну извѣстно хоть и губернаторъ, а тоже подъ начальствомъ живетъ, и его по головкѣ не погладятъ коли не сдѣлаеть того что съ верху приказано.

— Можетъ потянулъ бы въ нашу пользу коли бы ты хорошенько поклонялся, молвила Манефа.

— Да какъ же ему въ вашу-то пользу таяуть, когда самому за то отвѣтъ придется давать? сказалъ Паталь Максимичь. — Когда можно было—въ просьбахъ мѣ не отказывалъ.

— Охъ, Владычица, Царица Небесная! вздохнула игуменья.

— И про то пыталъ я у губернатора, продолжалъ Паталь Максимичь,—нельзя ли вамъ какъ-нибудь съ тѣми чиновниками ловидѣться чтобы, знаешь, видѣли не видали, слышали не слышали.... И думать, говорить, про то нечего, не такіе люди.

— Полю, Паталушка, всѣ одного кустика вѣтка, всѣхъ однимъ дождичкомъ мочить, однимъ солнышкомъ грѣть, сказала мать Манефа.—Можетъ и съ ними лезя по доброму да по хорошему сладиться. Я бы, кажись, въ одной свиткѣ осталась, со всѣхъ бы иконъ ризы сняла, только бы на старомъ мѣстѣ дали вѣкъ свой дожить.... Другія матери тоже ничего бы не пожалѣли... Олять же и благодѣтели нашлись бы, она бы не оставили...

— Пустое городишь, перервалъ ея рѣчи Паталь Максимичь.—Не исправникъ къ тебѣ въ гости собирается, не становой станетъ келья у тебя осматривать. То вспомни: куда эти литерекіе чиновники ни прѣвзжали, вездѣ послѣ нихъ часовни и скиты зорили.... Ирگیзъ возьми, Лаврентьевъ мона-

стырь, Стародубскія слободы.... Тутъ какъ ни верти, а ужъ видно дошелъ чередъ и до здѣшнихъ мѣстъ.... Что же ты сдѣлала, какъ распорядилась на всякій случай?

— Да я казначею мать Таифу на другой же день въ Москву и въ Питеръ послала, отвѣчала Манефа.—Дрябину Никитѣ Васильичу писала съ ней чтобы Громы всѣми мѣрами постарались отвести бурю, поклянялись бы хорошеаько высшимъ властямъ; Громы ко всѣмъ вельможамъ вхожи, съ министрами хлѣбъ-соль водятъ.

— Ничего тутъ и Громы не подѣлаютъ. Не такое время, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Охъ ужъ и Никита-то Васильичъ твои же рѣчи отлысываетъ, горько вздохнула Манефа.—И онъ пишетъ что много старанія Громы прилагали, два раза обѣдами самыхъ наибольшихъ генераловъ кормили, праздникъ особенный на дачѣ имъ дѣлали, но ни въ чемъ успѣха не получили. Все, говорятъ, для васъ ради сдѣлать, а на счетъ этого дѣла лучше и не просите, такой дескать строгій о старовѣрахъ указъ вышелъ что теперь никакой министр не посмѣетъ ни самой малой ослабы сдѣлать...

— Вотъ видишь, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Не за чѣмъ бы и Таифу посылать.... Въ Москву-то что съ ней наказывала?

— А послала я съ нею въ Москву главную нашу святыню: пять иконъ древнихъ, три креста съ мощами, десятка четыре книгъ, которыя порѣдкостяи.

— Чѣмъ такую даль ѣхать, ко мнѣ бы могла свезти, и у меня бы сохранны были, сказалъ Паталъ Максимычъ.

— Думала про то, Паталушка, думала. Чего бы ближе какъ не къ тебѣ, родной, да вотъ чего признаться поустрашилась. Какъ пойдутъ, думаю, переборы да обыски, хотъ и узнаютъ что святыня въ Москву отправлена, все-таки не достигнутъ ее—Москва велика, а кому отдана святыня знаетъ только я да матушка Таифа, да вотъ тебѣ еще на смертный случай поѣдаю: Гусевымъ... А чтобы къ тебѣ свезти, того поопасилась—люди узнаютъ, совсѣмъ вѣдь скрыть этого невозможно; да грѣхомъ литерскіе чиновники отъ какой-нибудь болтуны провѣдаютъ, такъ чего добраго и къ тебѣ пожалуй съ обыскомъ нагрянуть.... Самъ посуди...

— Что дѣло то дѣло. Распорядки твои хороши, молвилъ Паталъ Максимычъ.—А на счетъ себя какъ полагаешь, если разгонять васъ?

Манефа не отвѣчала.

— Хотя мы съ тобой вѣкъ бранимся, а уголъ тебѣ у брата готовъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Бери заднюю, и моленная въ твоей значить будетъ власти, поколь особаго дома на задахъ тебѣ не поставлю. Егозу свою привози, Фленушку-то, еще кого знаешь человѣкъ съ лятокъ прихвати. Авось сыты будете.

— Много благодарна за твои милости, Патапушка, отвѣтила Манефа.—Только ужъ я, не поставь во гнѣвъ, на этотъ счетъ маненько не такъ распорядилась. Въ Иргизѣ и по другимъ мѣстамъ гдѣ начальство святыхъ обители разорло, всѣхъ тамо жившихъ разсылали по тѣмъ мѣстамъ гдѣ по ревизии они приписаны и изъ тѣхъ мѣстъ имъ всѣмъ выѣздъ былъ заказанъ. Какъ было тамъ, такъ надо плагать и у насъ будетъ. А вѣдь я, и Фленушка, и другія кое-кто изъ нашей обители въ мѣщанство нашего городка приписаны. Ходу значить намъ изъ него до смерти не будетъ... Потому и приискала я въ городу мѣстечко дворовое и думаю тамъ строиться... Кожевниковыхъ домъ чать знаешь, крайній къ солянымъ амбарамъ, его покулаю, да по сосѣдству четыре мѣстечка еще желательво прикулить: на имя Фленушки одно, на имя матери Таифы другое, третье Виринеюшкѣ, а четвертое не то Софьи думаю купить, не то Устивьюшкѣ, что за мной теперь ходить.

— Значить ты въ городу новый скитъ расподить хочешь? умѣхнулася Патапъ Максимычъ.

— Ну ужъ ты, батька, и скитъ! Чего не скажеть! тоже улыбнувшись молвила мать Манефа.—Сиротское дѣло, Патапушка, по-сиротски и жить будемъ.... А ты ужъ на-ка лоди: скитъ!

— Ну заводись, заводись, стройся, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Дозволять чай скитское-то строенье въ городъ лере-везти?

— По другимъ мѣстамъ дозволяли, отвѣтила Манефа.

— Стало-быть только мѣсто купить да лютыкамъ за работу отдать!

— Только, подтвердила Манефа.

— Чтѣ за мѣста-то лросяты? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да за всѣ-то за лять мѣстъ больше тысячи цѣковыхъ.

— Счетомъ сказывай.

— Да тысячу двѣсти, сказала Манефа.

— Вотъ тебѣ тысяча двѣсти, сказалъ Патапъ Максимычъ, подвигая къ сестрѣ деньги.—Скорѣй покупай; мѣста, знаю, хорошія, землі довольно. А строиться зачнешь скажи, плотникамъ я заплачу... Только старый уговоръ не забудь: ни единому человѣку не смѣй говорить что деньги отъ меня получаешь.

— Помню, родной, помню... молвила Манефа, пряча деньги въ карманъ.

— Ну теперь дѣлу, шабашъ, стулай укладывайся, сказалъ Патапъ Максимычъ.—Да смотри у меня за Прасковьей-то въ оба, больно-то бадоваться не давай. Дѣвка тихоня, спать бы ей все, да на то полагаться нельзя—дѣвичій разумъ что хранина непокровенна, со всякой стороны вѣтру мѣсто найдется... Дѣвка молодая, кровь играетъ—отъ грѣха на вершокъ, лотому за ней и гаяди.... Въ лѣсахъ на богомольѣ луцай побываетъ, луцай и въ Китежъ съѣздить, только чтобъ олричь старицъ никого съ ней не было, изъ молодцовъ то-есть...

— Василиій Борисычъ со старицами въ лѣса да въ Китежъ располагалъ съѣздить, молвила мать Манефа.

— Этотъ ничего... сказалъ Патапъ Максимычъ.—Василиій Борисычъ человѣкъ иной стати.—Его опасаться нечего. Чтобъ, московскихъ скосырей да саратовскихъ хахалей тутъ не было вотъ про что говорю. Они къ тебѣ зачастую слышь наѣзжаютъ...

— Благодарители.... молвила Манефа.

— То-то благодарители!.. Чтобы духу ихъ не было пока Прасковья у тебя будетъ гостить, строго сказалъ игуменьѣ Патапъ Максимычъ.

— Будь спокоенъ, Патапушка, будь спокоенъ, ухраю, уберегу, увѣрала она его.—Да вотъ что еще хотѣла я у тебя спросить... Не прими за обиду мое слово, а по моему разсужденью грѣхъ бы тебѣ отъ Господней церкви людей отбивать.

— Это кого? спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да хоть бы того же Василья Борисыча, сказала Манефа.—Служить онъ всему нашему обществу со многимъ усердіемъ, гдѣ какое дѣло случится, все онъ да онъ, все его да его куда надо посылають. Сама матушка Пульхерія пишетъ что вѣтъ у нихъ другаго человѣка ни изъ старыхъ ни изъ молодыхъ.... А ты его смаивать вздумалъ!... Грѣхъ чинить обиду Христовой церкви!.. Знаешь ли къ кому церковный насильникъ причитается?...

— Къ кому? слегка улыбувшись спросилъ Паталъ Максимычъ.

— А вотъ къ кому слушай, молвила Манефа и медленно, немного на раслѣвъ прочтала: „Аще кто хитростію преобидѣти восхоцеть церкви Божіи: аще грады или села, или лугове, или езера, или торжища, или одрины, или люди куленные въ дома церковные, или виноградъ, или садове, и вся каковѣ суть отъ церковныхъ притяжаній“...

Манефа приостановилась.

— Чтò стала? дочитывай, молвилъ Паталъ Максимычъ. Не въ первый разъ приходилось ему слушать читаемыя сестрой статьи изъ *Устава* или *Стоглава*.

— „Первѣе: еже Святыя Троицы милости, егда предстанемъ страшному судищу, да не узреть, продолжала Манефа смотря въ упоръ на Патала Максимыча,—второе же: да отпадетъ таковой христіанскія части, яко же Иуда отъ дванадесятаго числа апостоль; къ сему же и клятву да приметъ святыхъ и богоносныхъ отецъ.“

— Значить по-твоему Василий Борисычъ куленный рабъ? молвилъ съ усмѣшкой Паталъ Максимычъ.—Кто же его покупалъ?

— У тебя, Патапушка, все смѣху да шутки. Безъ издѣвокъ ты ни на часть... Ты ему дѣло, а онъ шутки да баламутки, на отвѣтъ сказала Манефа.

— А ты, сласѣна душа, не отлынивай, держи отвѣтъ на то про чтò спрашиваютъ. Это вѣдь ты изъ *Стоглава* мнѣ вычитала, знаемъ и мы тоже маненько книжное-то писаніе.... Тамъ про куленныхъ людей говорится... Сказывай же по ряду: кто купилъ Василия Борисыча, у кого, и какая цѣна за него дадена? продолжала шутить Паталъ Максимычъ.

— Въ *Стоглавѣ* не про однихъ куленныхъ въ церковные дома людей говорится... Тамъ сказано: „и вся каковѣ суть отъ церковныхъ притяжаній“, сдержанно, но съ досадою, молвила Манефа.

— Притяжаніе-то чтò означаетъ? спросилъ Паталъ Максимычъ.—То же чтò стяжаніе, имущество значитъ... Такъ развѣ онъ не человѣкъ по-твоему, а имущество, вотъ какъ этотъ столъ, алы эта рубаха, али кони да коровы, не то деньги.... Крещеный человѣкъ развѣ можетъ притяжаніемъ быть?... Не дѣло толкуешь, сласенница.

— Съ тобой, батяка, не сговоримъ. У тебя ужъ нравъ та-

кой, молвила Манефа.—А что отбивая Василья Борисыча отъ церкви чинишь ей обиду—въ томъ сумленья не имѣй. Дашь отвѣтъ передъ Господомъ!.. Увидишь!..

—Ладно, хорошо. Это ужь мое дѣло, сказалъ Паталя Максимычъ.—Авось отмолимся, васъ же найму грѣхи-то замашивать.

—Суесловъ! недовольнымъ голосомъ сказала Манефа, вставая со стула. — Я ужь пойду, собираться надо, пора ѣхать. Благодаримъ покорно, примолвила она, низко поклонясь брату, и съ этимъ словомъ вышла изъ боковуши.

Оставшись одинъ, долго взадъ и впередъ ходилъ Паталя Максимычъ. „Ишь какое слово молвила, думалъ онъ... Церковное притяжаніе!... Чего только эти келейницы не вздумаютъ!... Человѣка къ скоту, а къ вещи какой бездушной примѣнила!... А губа не дура — понимаетъ каковъ онъ есть человѣкъ... Дорожить... Жаль отпустить... На Москвѣ-то какъ взбѣсятся!... То-то начитаютъ мнѣ!... И въ самомъ дѣлѣ пожалуй къ церковнымъ татамъ причтутъ!... Да ну ихъ совсѣмъ!... Не дѣтей крестить... Чтò мнѣ Москва?... Плаваты!... А съ Васильемъ такихъ дѣловъ надѣлаемъ что всѣмъ станеть за удивленье!... На горахъ новы промыслы разведемъ, Божьему народу хлѣбъ-соль дадимъ!... Дò вѣку не забудутъ Патала Чалурина!... Какіе же бы промыслы-то?... Приглядѣться надо, говорить, чтò будетъ сподручѣе... Ну да это дѣло его—его пошлю на горы... Выдумывай тамъ!... А умель, песь на него лай!... Вотъ сынокъ-отъ будетъ, такъ ужь сынокъ!... — Не Алешкѣ чета.... А что-то онъ сердечный?..“

LXXIV.

Жаръ свалилъ. По вечерней прохладѣ двинулись келейные гости изъ Осоловки. Въ восьми повозкахъ ѣхали, въ каждой по двѣ, въ иной и по три келейницы помѣстилось. Всѣхъ впереди мать Манефа съ Васильемъ Борисычемъ ѣхала, за ними Параша съ Фленушкой, потомъ Марыюшка головница съ уставщицей Аркадией, потомъ другія матери и бѣлицы, сзади всѣхъ мать Лариса съ Устивьей Московкой. Не разговорчива была съ дѣвцами и къ тому же сонлива мать Лариса, а Устивья молчала со злости и досады на то что ѣдетъ въ скитъ Прасковья Паталовна, что поѣдетъ она на богомолье

съ Васильемъ Борисьчемъ, и что мать Манефа съ ними ее не пускаетъ.

За то въ двухъ переднихъ ловозкахъ разговоры велись не-смолкаемые. Фленушка всю доро́гу тараторила, и все больше про Василья Борисьча. Любила послать Прасковья Патаповна, но во всю доро́гу глазъ не свела—любы казались ей разговоры Фленушкины. И много житейскаго тутъ узнала она, много такого чего прежде и во снѣ ей не грезилось.

Мать Манефа всю доро́гу съ Васильемъ Борисьчемъ про-бесѣдовала. Говорили больше про намѣренье Патала Макси-мыча взять московскаго гостя къ себѣ въ прикащики.

— Чтѣ жь, Василій Борисьчъ? Неужто и въ самомъ дѣлѣ покинешь ты дѣло Божіе? спрашивала его мать Манефа.

— И самъ еще не знаю, матушка, отвѣтилъ Василій Бори-сычъ.—Силомъ вырвалъ онъ изъ меня слово... Допрежь того никогда и на умъ мнѣ не прихаживало чтобы торговыми дѣлами займаться.... Такъ пристаю, такъ пристаю что самъ не знаю какъ согласье далъ.... Ровно я въ туманѣ въ ту пору былъ.

— Онъ хотъ кого отуманить. Его на то взять, молвила Манефа.—Любаго заговорить, и не хочешь, а согласье дашь. Такой ужъ человѣкъ, Господь съ нимъ, уродился.... Какія жь твои мысли на счетъ этого будутъ, Василій Борисьчъ? по-правляясь на луховикѣ, сказала Манефа.

— А право еще не могу теперь никакого вѣрнаго слова сказать, отвѣтилъ Василій Борисьчъ.—Шесть недѣль—вре-мя.... Услѣю обдумать.

— Конечно, шести недѣль достаточно, сказала Манефа.— Однакожь по теперешнимъ-то твоимъ мыслямъ куда больше склоняешься, въ котору сторону?

— Не знаю какъ вамъ доложить, матушка, уклончиво ото-звался Василій Борисьчъ.—И Патала Максимыча оскорбить не желательнѣ, потому что по всему видно человѣкъ онъ доб-рый, хотъ и востеръ на языкъ бываетъ, да и московскихъ не хочется въ досаду ввести — Петра Спиридоныча, Гусевыхъ, Мартыновыхъ.... А ужъ отъ матушки Пульхеріи чтѣ доста-нется, такъ и вздумать нельзя!...

— Ты людей поминаешь, о Богѣ-то хотъ маленько поду-малъ бы, сказала на то Манефа. — Передъ Богомъ-то право ли поступишь какъ церковныя дѣла покинешь?... Вотъ о чемъ

вспомаяи; о душевномъ своемъ спасеніи, а Гусевы да Мартины что?... Сила не въ нихъ.

— Очень ужъ вы меня возвышаете, матушка, лаче мѣры о моихъ кой-какихъ церковныхъ послугахъ заключаете, послѣ недолгаго молчанія отвѣтилъ Василій Борисычъ. — На эти дѣла много людей смышленѣй да поумнѣй меня найдетса.

— Этого не говори. Намъ виднѣс, сказала Манефа. — За смиренныя рѣчи хвалю, а помяну что уничиженіе бываетъ лаче гордоети.

— Охъ искушеніе! воскликнулъ Василій Борисычъ.

— Вотъ хоть телерешню твою порученность взять: на счетъ владимірскаго архіепископа, продолжала Манефа. — Напередъ про новаго владыку не стану ничего говорить — принимать его аль не принимать — въ Петровъ день на собраньи собща обсудимъ и отвѣтъ тебѣ дадимъ.... А телерь вотъ объ чемъ хочу спросить я у тебя, Василій Борисычъ, назови ты мнѣ хоть одинаго человекъ который бы лучше тебя могъ это дѣло устроить? Кто лучше тебя можетъ церковный миръ водворить, смятенія и несогласія утишить, всякаго на истинный путь направить? На перечеть знаю всѣхъ рогожскихъ уставщиковъ и другихъ книжныхъ людей. По имени намъ называть не стану, осуждать не годится, а прямо тебѣ скажу что врядъ ли можно кому такое дѣло прелоручить. Иной книженъ и начитанъ, да слабостью одержимъ — испиваетъ. Другой разумень и дѣло церковное пожалуй не хуже твоего сумѣеть обдѣлать, да утроба не сытая, за хорошія деньгу не токмо церковь, самого Христа продасть.... У иного вѣтеръ въ головѣ, ради женской красоты и себя и дѣло забудеть... А иной правомъ не годится: либо высокоумень и слѣсивъ не въ мѣру, либо крутъ и на языкъ не воздержень.... Правду аль вѣтъ говорю, Василій Борисычъ?

— Охъ искушеніе! молвилъ московскій посланникъ. — Не смущайте вы меня, матушка.... Неужто и въ самомъ дѣлѣ свѣтъ клиномъ сошелса, неужто во всѣхъ нашихъ обществахъ только и есть одинъ я пригодный человекъ? Найдутса, матушка, много лучше меня.

— Да гдѣ они, гдѣ? съ жаромъ возразила Манефа. — Укажи, назови хоть одного. Нынче, другъ мой Василій Борисычъ, ревностныхъ-то по Божѣ людей мало — шатость по народу лошада.... Не Богу, Маммонѣ всякъ больше служить, не объ душѣ, о корванѣ больше радѣеть... Воистину какъ Израиль

въ Синайской пустыни—, сотвориша тельца изъ золота агаро и рекоша: сей есть богъ“.

Не отвѣчалъ Василиій Борисычъ на Манефины рѣчи. А она помолчавъ продолжала:

— И что ты дѣлаешь у Патала станешь? Промыслы на горахъ, говоритъ онъ, хочу разводить... А какіе промыслы самъ не знаетъ. Правомъ-то онъ у насъ больно упрямы, забересть что въ голову, дубиной не вышибешь. И что ему больше перечить, то хуже. Такъ вотъ и теперь... Вздумалъ что-то несодѣянное, да не обсудивши дѣла ну людей смущать, отъ Божьяго дѣла отвлекать... Я, Василиій Борисычъ, отъ міра хоща и отреклась, но близкихъ по родству и по крови людей, грѣшница, не забываю. Потому о пользахъ брата радѣю, всякаго успѣха ему въ дѣлахъ желаю и завсегда о томъ Бога молю... Если же онъ ради житейскихъ стяжаній вздумалъ теперь нужныхъ для церкви людей къ себѣ переманивать, тутъ я ему не послѣшница и не молитвенница... Потому и совѣтую тебѣ и Богомъ тебя прошу: не прельщайся его словами, не ломай совѣсти—пребудь вѣренъ дѣлу тебѣ данному; не промѣняй церкви Божіей на Патала.... О душѣ подумай, о вѣчномъ спасеніи.

— Все это, матушка, я очень хорошо и самъ могу понимать, сказалъ Василиій Борисычъ. — Чего того лучше какъ Господу служить? Но вѣдь я, матушка, высоко о себѣ не полагаю и никакъ не могу вмѣнить въ правду твоихъ обо мнѣ словъ будто я церкви ужъ такъ надобенъ что безъ меня и обойтись нельзя... Это вы только по добротѣ своей ко мнѣ говорите.... А Патала Максимыча оскорбить мнѣ тоже не хочется, хотъ и онъ обо мнѣ тоже больно ужъ высоко думаетъ, чего я и не стою.... А по душѣ, признаться, тебѣ, матушка, откровенно вамъ доложить, и боязно мнѣ огорчить его.... По всему видно что это за человѣкъ, другаго такого мнѣ еще не приводилось и видѣть. — Не оставь онъ втуть, если полерекъ его воли пойдешь, а я человѣкъ маленькій, къ тому же не смѣлый, обидѣть меня не то что Патала Максимычъ, всякій можетъ.

— Тебѣ нечего его бояться, возразила Манефа. — Сегодня здѣсь, завтра уѣхалъ—гдѣ онъ тебя возьметъ?

— Э, матушка! молилъ Василиій Борисычъ.—У Патала Максимыча рука долгая, на двѣ морскомъ доставеть.

— Да вѣдь ты не беззаступень! сказала Манефа.—Гусевы, Мартыновы, Досуевы въ обиду не дадутъ.

— Не дадутъ! горько улыбнувшись молвилъ Василий Борисычъ. — Мало вы знаете ихъ, матушка, московскихъ-то тузовъ нашихъ!... Какъ мы изъ Бѣлоф-Кривицы прѣѣхали, что они тогда?... Какую заступу оказали?.. Въ вѣкъ того не забуду....

— А что такое? съ любопытствомъ спросила Манефа.

— Да вотъ что, началъ свой разказъ Василий Борисычъ.— Въ самое то время какъ мы за границу ѣздили, въ Москвѣ проживалъ Бѣлокривицкаго монастыря настоятель отецъ архимандритъ Геронтій. За оборомъ въ Россію былъ посланъ, деньги на постройку соборнаго храма, утварь всякую церковную, облаченія, иконы древнія собиралъ отъ христіанцевъ для митрополіи.... Провѣдали о немъ, и вѣдно было его взять какъ только онъ изъ Москвы со всемъ своимъ сборомъ выѣдетъ. Такъ и сдѣлали: за Серлуховымъ на первой станціи жандармы его остановили и въ Петербургъ отвезли... А мы ѣдемъ себѣ обратно, ничего не вѣдаемъ и совершенно спокойны.... Въ Тулѣ узнали что Геронтій взять подъ караулъ, а по Москвѣ идутъ строгіе розыски на счетъ переліски съ митрополіей.... Слышимъ, всѣ старообрядцы въ тревогѣ.... Мы конечно испугались, думали не ѣхать въ Москву, а напередъ написать да спроситься что дѣлать, какъ поступить въ такомъ положеніи.... Послали письмо съ надежнымъ человекомъ, отвѣту не дождались, а на словахъ тотъ человекъ сказалъ намъ отъ имени тѣхъ что посылали насъ: „отнюдь ничего не лишите, а дѣлайте что хотите, — мы васъ никуда не посылали, ничего вамъ не поручали, знать васъ не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“. Вотъ оно каково положеніе-то!... Подумали мы, подумали — что дѣлать, что предпринять?.. И положились во всемъ на волю Божию: что будетъ то и будь — поѣхали. А подѣзжая, въ сторону взяли на Коломенское да на Кожухово, и не заѣзжая въ Москву прямо на Рогожское кладбище прѣѣхали. Сдали конторщику муро и другую святыню что привезли изъ митрополіи, а сами въ городъ. Къ тому придемъ, къ другому, кто насъ посылаалъ-то, а они сторонятся, ровно чуму мы съ собой завезли. „Нашац, говорятъ, время когда воротиться! До васъ ли теперь? Не смѣйте и къ домамъ нашимъ близко подходить, мы васъ никогда не знали и никуда не посылали. На

улицъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ встрѣтимся, и кланяются не смѣйте намъ—знать васъ не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!“ Такъ вотъ они каковы заступники-то!... Вотъ какова надежда на нихъ!...

Негодование разлилось по строгому лицу Манефы. Молчала она. Нечего было сказать ей въ отвѣтъ на слова Василья Борисыча. Онъ продолжалъ:

— Когда мирно, да тихо, и отъ правительства ослаба— тогда высоко они мостятся, рукой не достанешь, глазомъ не вскинешь. „Мы-ста, да мы-ста!... Мы обчество!... Первосотейные!“ А чуть лонахмурилось— оовсѣмъ цыне стаянуть: подберуть брызжи, подождмутъ хвосты, что воакъ на псаря!... И тогда у нихъ только о самихъ себѣ забота— ихъ бы только чѣмъ не тронули, о другомъ и заботы нѣтъ; все тони, все гори— лальцемъ не двинуть!... Эхъ, матушка, мало вы ихъ знаете!... Петръ апостоль трижды отъ Христа отрекся, а они по тридцати разъ на дню отъ вѣры во время невзгодъ отрекаются!... Да и не токмо во время невзгодъ, завсегда то же дѣлають!... Знакомство съ господами имѣють, жизнь проводятъ по-ихнему, и когда тѣ спрашиваютъ ихъ: „зачѣмъ де вы, люди разумные, въ своей старой вѣрѣ пребываете?“ имъ отречься нельзя; всякъ знаетъ чего держатся, такъ что жъ они дѣлають?... Смѣются надъ древнимъ-то благочестіемъ, глупостью да бабьими враками обзываютъ его. „Мы де потому старой вѣры держимся что это по нашимъ торговымъ дѣламъ необходимо“... А другой молвить: „давно бы оставилъ я эти глупости, да покаместъ нельзя, старики живы—дяди тамъ какіе, аи тетки.— Наслѣдства де могутъ лишить“.. Вотъ какъ они поговариваютъ.. А это вѣдь, матушка, сторицею хуже чѣмъ Петровски страха ради іудейска Христа отречься!...

— Неужто въ правду ты говоришь, Василій Борисычъ? взволнованнымъ голосомъ спросила Манефа.

— Какъ передъ Богомъ, матушка, отвѣтилъ онъ.—Что мнѣ? Изъ-за чѣго клепать на нихъ стану?.. Мнѣ бы хвалить да защищать ихъ надо отъ всякихъ навѣтовъ; такъ и дѣлаю вездѣ, а съ вами, матушка, я ужъ по всей откровенности—вся душа моя передъ вами какъ передъ Богомъ раскрыта. Потому вижу я въ васъ по вѣрѣ великую ревность и многія добродѣтели!.. Мало теперь, матушка, людей съ кѣмъ и потужить-то объ этомъ, съ кѣмъ и поскорбѣть-то о ладеніи вѣры и благоче-

стія... Вы ужь простите мена Христа ради что я своими разговорами васъ пріпечалилъ...

— О Господи долготерпѣливый и многомилостивый! вздохнула Манефа.

— Вы думаете, матушка, что устроая церковныя эти дѣла, вотъ хоть на счетъ архіерейства что ли, или на счетъ другаго чего, они изъ ревности къ вѣрѣ такъ поступаютъ? продолжалъ Василій Борисычъ.—Нисколько, матушка, о томъ они не думаютъ... Изводятъ большія деньги и много на себя хлопотъ принимаютъ изъ одного славолюбія, изъ-за одной суетной и тщетной славы. Чтобы значить передъ людьми повыситься.... Не вѣра имъ дорога, а хвала и лочести. Изъ-за нихъ только и ревнуютъ... Ваше же слово молваю: Маммонѣ служить, златому тельцу поклоняются... Про нихъ въ Писаніи сказано: „Богъ ихъ—чрево“.

Скорбныя думы о ладеніи благочестія въ тѣхъ людяхъ которыхъ жившая въ дѣсахъ Манефа считала незыблемыми столпами старой вѣры и крѣпкими адамантами, до глубины всколебала ея душу... Не говорила она больше ничего Василью Борисычу на счетъ поступленья его въ прикащики къ Паталу Максимычу. Ни отговаривала, ни уговаривала. Замолила она, не заговаривалъ и Василій Борисычъ съ ней.... Молча доѣхали въ самую полночь до Комарова.

„И что это, что это съ нами будетъ? думала Манефа, выйдя изъ лозки и взглянувъ на чернѣвшую въ ночномъ сумракъ часовню. Извѣтъ бѣды, бури и напасты; внутри нестроеніе, раздоры и крайнее ладеніе вѣры!... О Господи!... Ты единая надежда въ печаляхъ и озлобленіяхъ.... устрой вся во славу имени Своего, устрой, Господи, не человѣческимъ мудрованіемъ, но имъ же вѣси путями.“

Потомъ, прощаясь съ Васильемъ Борисычемъ, у входа въ свою келью, тихонько шепнула ему:

— Ты, Василій Борисычъ, никому не говори про что мы съ тобой бесѣдовали... Зачѣмъ смущать?

— Вполнѣ понимаю, матушка, отвѣчалъ онъ также шепотомъ.—Какъ можно?... Слава Богу не маленькій.

— То-то, смотри, поостерегись, медлила Манефа, и пожедавъ гостя спокойнаго сна, вязко поклонилась ему и отправилась въ келью... Было ужь поздно, не желала игумена говорить ни съ кѣмъ изъ встрѣтившихъ ее старицъ. Всѣхъ

отосава до утра. Хотѣла ей что-то сказать мать Виринея, но Манефа махнула рукой, примолвивъ: „лосаѣ, лосаѣ“. И покорно пошла Виринея въ свою келарюю.

LXXV.

На другой день по утра, когда мать Манефа сидѣла за самоваромъ съ Василиемъ Борисычемъ, Парашей и Фленушкой, дошла до нея еще одна неприятная вѣсть. Было ужъ довольно поздно, а окна въ домикѣ Марьи Гавриловны не отворялись. Замѣтивъ это Манефа подивилась и спросила что бѣ это значило.

— Да вѣдь она вѣчеръ съѣхала, матушка, молвила добродушная Виринея, вошедшая подъ это слово въ келью ловидаться съ возвратившейся игуменьей.

— Какъ съѣхала?... Куда?... быстро спросила удивленная Манефа.

— Не могу этого доложить тебѣ, матушка, не знаемъ куда съѣхала Марья Гавриловна, отвѣчала мать Виринея.—Никому не сказала куда поѣхала и надолго ль.

— Что у васъ тутъ безъ меня за чудеса творились? вспыхнула Манефа и вставъ съ мѣста засучила рукава и скорыми шагами стала ходить по кельѣ.

— Ужъ и подлинно, матушка... Святые твои слова—„чудеса“!... Да ужъ такія чудеса что волосы дыбомъ... Всѣ, матушка, диву дались и наши и по другимъ обителямъ... Она хоть и важнаго роду и богатая, а кажись бы не пригоже было ей такъ уѣзжать.... Хоть въ счету обительскихъ се-стеръ не была, а все же въ честной обители житіе проводила... Не хорошо, не хорошо она это сдѣлала — надо бы и стыда хоть маленько имѣть, пересылала свою рѣчь добродушная мать Виринея.

— Да что ты тарантишь, старая! съ сердцемъ молвила остановясь передъ ней Манефа.—Вертитъ языкомъ что вертеномъ, важетъ, лутаетъ, мотаетъ да лутаетъ—понять невозможно. Сказывай толкомъ; все по ряду говори.

— Ну, вотъ видишь ли, матушка, начала Виринея.—Хворала вѣдь она, на волю не выходила, мы ее почитай недѣли съ три и въ глаза не видали какая есть Марья

Гавриловна. А на другой день послѣ твоего отъѣзда оздоровѣла она, матушка, всѣ болѣсти съ нея какъ рукой сняло, и веселая такая стала и проворная, ходитъ а сама полпрыгиваетъ: лѣсни даже мирскія лѣла, матушка. Вотъ грѣхъ-то какой!...

— Какъ такъ? Быть того не можетъ, удивлялась Манефа.

— Уѣхали-то вы, матушка, по утру, а вечеромъ того же дня гость къ ней наѣхалъ, весь вечеръ сидѣлъ съ ней, ужъ солнышко взошло какъ отъ нея пошелъ. По утру опять долго у ней сидѣлъ и обѣдалъ, а послѣ обѣда куда-то уѣхалъ. И какъ только уѣхалъ, стала она въ дорогу сряжаться, пожитки укладывать... Сундуковъ-то что, сундуковъ-то!... Болѣ дюжины. Теперь въ домикъ ея опричь столовъ да стульевъ нѣтъ ничего, все свезла...

— Да куда жь, куда я тебя спрашиваю? съ нетерпѣнiемъ спрашивала Виринею мать Манефа.

— А ужъ сказывала я тебѣ, матушка, что не знаю, такъ и не знаю... Черезъ два дня тотъ гость опять прiѣхалъ, лошади съ нимъ, тройка въ тарантасѣ, туда сами сѣли, Танюшу съ собой посадили, а имѣнiе на подводы сложили. На ляти подводахъ повезли, матушка.

— Чтѣ же это за гость такой? Кто онъ, откуда? Братъ что ли ея? Залетовъ? нетерпѣливо спрашивала Манефа.

— Какое братъ, матушка! Помнишь въ Радунцу отъ Пятала Максимыча прикащикъ прiѣзжалъ, ночевалъ еще у тебя въ свѣтелкѣ... Алексѣемъ зовутъ... Онъ самый и прiѣзжалъ...

Всѣхъ озадачили слова Виринеи... Манефа хотѣла что-то сказать, но слова съ языка не сходили... Фленушка съ Парашей изумившись межъ собой переглядывались. Одинъ Василій Борисычъ оставался спокоенъ и равнодушенъ.

— Алексѣй!... Ахъ ты, Господи, Господи!... всплеснувъ руками, вскрикнула игуменья.

— Такъ точно, матушка... съ нимъ съ самымъ и сѣхала... Вѣстѣ съ собой въ тарантасъ посадила его, и Танюшу тоже, свое твердила мать Виринея. — И ужъ такая она, матушка, на послѣдяхъ-то была развеселая, такая умильная, что вотъ сколько ужъ времени жила у насъ, а такую я ее не видывала... Ровно козочка какая, такъ и полпрыгиваетъ, да туритъ все, туритъ Танюшу-то укладываться! А уѣзжая всѣхъ одарила, матушка, старицамъ по зелененькой, а бѣлицамъ которой рубль, которой два, опять же платъевъ чтѣ раздала своихъ... Никого не забыла... Только вотъ чего еще не сказала

я тебѣ, матушка. Вотъ это такъ ужъ истинно чудо... Дѣло-то все, какъ видится, у нихъ дѣлалось нѣ спроста.

— Что такое? спросила Манефа.

— А на другой день послѣ того какъ гость-отъ увѣхалъ отъ нея за конями-то знаешь, глядимъ мы, пошла она, этакъ передъ самыми вечернями, разгуляться за околицу.... Тяюшу взяла.... Сидимъ мы этакъ у келарни на крылечкѣ съ матушкой Евсталией, да съ матушкой Филаретой, смотримъ на нее, глядь а она въ Каменный Вражекъ, мы къ околицѣ, переговариваемъ межъ собой куда дескать это она пошла. И что же, матушка?... Къ Елфимову обѣ. Мы подаѣвъ пошли, въ кусточкахъ сѣли, смотримъ что у нихъ тутъ будетъ. Видимъ Тяюша въ Елфимово таково скоро пошла, бѣгомъ почитай побѣжала, а Марья Гавриловна во Вражкѣ-то присѣла... Прошло времени эдакъ съ полчаса, а пожалуй и болѣ, глядимъ идетъ Тяюша да не одна, матушка... Вотъ грѣхъ-то какой!.. Вотъ оно, матушка, какое дѣло-то вышло... Съ кѣмъ связалась-то!.. Господи, Твоя воля!

— Да съ кѣмъ же, съ кѣмъ? Не томи, сказывай скорѣе, съ горячимъ нетерпѣніемъ спрашивала Виринею Манефа.

— Съ колдуньей, матушка... Съ Егорихой!.. сказала Виринея и перекрестясь молвила: — Прости Господи моя согрѣшенія!..

— Съ колдуньей! какъ лодотно побѣдѣвъ прошептала Манефа.—Отъ часу не легче!.. Что жь это такое!.. Что съ ней сдѣлалось?..

— Сѣли онѣ, матушка, во Вражкѣ, съ первоначалу всѣ трое, а потомъ Тяюша въ сторону пошла.... Марья-то Гавриловна вдвоемъ съ Егорихой осталась... И что-то все толковали, да таково горячо, горячо, матушка... Больше часу онѣ сидѣли да разговаривали.... Посидятъ, посидятъ да походятъ во Вражкѣ-то, потомъ опять сядутъ... А на разставаньи, матушка, цѣловалась Марья-то Гавриловна съ ней, съ колдуньей-то. И Тяюша цѣловалась... Поганились, матушка, поганились—не солгу, сама своими глазами видѣла... Вотъ и матушку Евсталию спроси и Филаретушку, не дадутъ солгать... Такъ вотъ какія дѣла-то у насъ безъ тебя были, матушка!.. Вотъ какія дѣла!.. До чего дошла, подумаешь!.. Чего тутъ дивить что съ молодымъ ларнемъ сбѣжала, чего дивить?... Видимо дѣло что вражія сила тутъ дѣйствовала.... Она окаменная, треклятая эта Егориха!.. Никто больше какъ она...

— Ну, хорошо, молвила наконецъ Манефа.— Ступай съ Богомъ, Виринеюшка... Доливайте чай-то, дѣвицы, да Василья Борисыча, гостя нашего дорогаго, хорошенько подчуйте, а я въ боковушку къ себѣ пойду... Ахъ Ты Господи, Господи!.. Какія дѣла-то, какія дѣла-то!..

— Ахъ, матушка, забыла я тебѣ доложить, воротясь изъ сѣней сказала Виринея.— Какъ имъ коней-то заложили да ложитки-то всѣ положили, стала прощаться со всѣми Марья Гавриловна, да прощаясь молвить тебѣ наказывала, ждала бы ты, матушка, по скорости отъ нея письма, она де обо всемъ тебѣ извѣститъ.

— Гм!... Кликните Устюшу, молвила Манефа и ушла въ боковушу.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГІЯ ВЪ РОМАНѢ

Бѣсы, романъ Федора Достоевскаго. Въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ, 1873.

Въ образованіи гражданскихъ обществъ, какъ и во всякомъ историческомъ процесѣ, неизбеженъ извѣстный осадокъ въ которомъ скопляются единицы выдѣляющіяся изъ общихъ формъ жизни, такъ точно какъ въ химическомъ процесѣ осѣдаютъ на стѣнкахъ сосуда частицы неспособныя къ химическому соединенію. Объемъ и злокачественность такого осадка обыкновенно увеличиваются въ періоды общаго броженія, когда предложенныя къ рѣшенію задачи колеблютъ общественную массу и нарушаютъ спокойное равновѣсіе въ которомъ она пребывала многіе годы. Въ такіа эпохи, подъ видимыми, исторически образовавшимися общественными слоями, накопляется особый подпольный слой, обыкновенно враждебно расположенный къ устроившемуся надъ нимъ общественному организму, и во всякомъ случаѣ совершенно чуждый историческимъ формамъ жизни подлѣ которой онъ накопился во мракѣ, представляя собою патологическій наростъ на живомъ тѣлѣ.

Общественное подполье о которомъ мы говоримъ образуется не изъ какого-либо опредѣленнаго и однороднаго матеріала. Оно составляется изъ всѣхъ сословій; въ немъ ско-

дятся люди всякаго разбора зараженные недугомъ полубразованія. „Полунаука, говоритъ авторъ соціального романа заглавіе котораго приведено нами впереди этой статьи, самый страшный бичъ челоѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука — это деспотъ какихъ еще не приходило никогда. Деспотъ имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ до сихъ поръ невыслышимъ, предъ которымъ трепещеть даже сама наука и постыдно потакаетъ ему.“

Полунаука, полубразованность, есть именно та сила которая выбрасываетъ изъ гармоніи жизни отдѣльныя единицы, и вмѣстѣ служитъ связующимъ звеномъ, объединяющимъ эти единицы въ форму общественнаго подполья. Чтобы раз навсегда ясно опредѣлить предметъ нашей рѣчи, мы должны сказать что подъ общественнымъ подпольемъ мы разумѣемъ именно *подполье нашей интеллигенціи*, наносный слой созданный у насъ пролетаріатомъ полубразованности и вербующій свой контингентъ среди осадковъ образованныхъ классовъ. Все что потеряло связь съ установившимися формами жизни; что враждебно имъ, что не находитъ себѣ мѣста въ гармоніи историческаго порядка, уходитъ въ подполье, провизываетъ народный организмъ злокачественными элементами, непримѣтно, но дѣятельно содѣйствующими его разложенію. У насъ, при извѣстной рыхлости нашего общественнаго порядка, выдѣленіе наноснаго слоя происходитъ внѣ всякихъ соціальныхъ причинъ, и есть всего чаще — простое искривленіе мысли пораженной недугомъ полубразованности. Нашъ умственный пролетаріатъ возникаетъ не изъ того чтобъ обиліе интеллигентныхъ силъ превышало у насъ запросъ предъявляемый на нихъ жизнью, а изъ внутренней несостоятельности нашего образованія. Такъ точно у насъ есть мѣстности въ которыхъ рабочее сословіе поражено безысходною нищетой — не потому чтобъ эти мѣстности страдали излишествомъ рабочихъ рукъ, но вслѣдствіе собственной несостоятельности рабочаго класса, пораженнаго отсутствіемъ трезвости, экономіи и образованія.

Въ этомъ смыслѣ, подполье нашей интеллигенціи есть явленіе вполнѣ паталогическое, порожденное безлочвенностью нашей цивилизаціи отъ вчерашняго числа и язвою полубразованности. Каждый новый моментъ нашего развитія

отзывается глухимъ броженіемъ и нерѣдко приводитъ къ тѣмъ сатурналіямъ мысли съ которыми намъ приходится знакомиться на страницахъ нашей уголовной лѣтописи, и которыя съ такою художественною глубиною раскрыты и изображены во многихъ романахъ г. Достоевскаго. Самые дикіе силлогизмы, самыя уродливыя искаженія мысли и морали находятъ себѣ мѣсто въ этой больной средѣ, приводя мало-помалу къ окончательному извращенію ума и человѣческой природы...

Писатель котораго мы назвали и послѣднему произведенію котораго предполагаемъ посвятить эту статью, по свойствамъ своего оригинальнаго таланта особенно чутокъ къ этимъ болѣзнямъ ума, къ этимъ психическимъ недугамъ нашего страннаго времени. Подпольный міръ интеллигенціи шагнулъ въ немъ своего сатирика-поэта, соединившаго глубину наблюдающей и анализирующей мысли съ замѣчательною силою художественнаго изображенія. Никому изъ нашихъ беллетристовъ не близко до такой степени этотъ уклонившійся отъ нормальныхъ путей жизни міръ нашего общественнаго подполья, эти больныя натуры, которыхъ, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа *Бѣсы*, „сѣлая идея“ и которые съ своимъ психическимъ недугомъ стоятъ на чертѣ отдѣляющей здороваго человѣка отъ ломѣшаннаго. Душевная патологія этой категоріи людей изучена г. Достоевскимъ въ совершенствѣ и составляетъ ему одному принадлежащую область въ нашей беллетристикѣ, его литературную собственность. Свойства таланта этого писателя таковы что нормальная, здоровая жизнь, ежедневная дѣятельность, обыкновенно исчезаютъ изъ сферы его наблюденій, заслоняясь изображеніями и анализомъ ненормальныхъ явленій, въ чемъ онъ особенно силенъ. Талантъ такого рода долженъ чувствовать себя совершенно въ своей области какъ скоро онъ спускается въ наше умственное подполье, куда почти не проникаетъ ясный дневной свѣтъ, гдѣ всѣ предметы представляются при блѣдномъ, искусственномъ, полужантастическомъ освѣщеніи. Особенная нервность и лихорадочность присущая таланту г. Достоевскаго какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ искаженностью этой жизни. Свою силу въ этой, совершенно особенной, области г. Достоевскій обнаружилъ еще въ романѣ *Преступленіе и Наказаніе*, прочитанномъ всею Россіей и столящемъ совер-

ленно уединенно въ нашей литературѣ. Мастерское и полное глубины изображеніе нравственнаго недуга приводящаго героя этого романа къ безсмысленному преступленію, которое онъ въ послѣдствіи искушаетъ раскаяніемъ и возраждается къ новой жизни—обнаружило въ авторѣ особенную чуткость къ болѣзненнымъ явленіямъ духа носящимся въ воздухѣ какъ бы въ видѣ какой-то новой эпидеміи и поражающимъ слабыя субъекты недугомъ тенденціознаго полудумѣшательства.

Въ новомъ романѣ г. Достоевскій раздвинулъ рамки своихъ наблюдений, и отъ анализа больной человѣческой натуры перешелъ къ анализу больного общества, обобщая паталогическія явленія до степени *болѣзни отъка*. Идея этого новаго романа (*Бѣсы*) прозрачно выразилась въ знаменательномъ эпиграфѣ, взятомъ авторомъ изъ Евангелія отъ Луки:

„Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней, и бросило стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, любѣжали и рассказали въ городѣ и въ селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее, и пришедши къ Іисусу нашли человѣка изъ котораго вышли бѣсы сидящаго у ногъ Іисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.“

„Это точь въ точь какъ наша Россія—объясняетъ одинъ изъ героев романа.—Эти бѣсы выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней—это всѣ язвы, всѣ мiazмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіяся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка. Но великая мысль и великая воля освѣтятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже можетъ-быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui, и я можетъ-быть первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіяся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и „сядетъ у ногъ Іисусовыхъ“.... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ“....

Такою аналогіей авторъ, оканчивая свой романъ, объясняетъ идею и внутренній смыслъ произведенія. Идея эта приводитъ романъ въ связь съ общимъ направленіемъ нашей современной беллетристики, задавшейся разработкой обще-

ственныхъ темъ и изученіемъ нашего положенія съ отрицательной стороны его. Мы уже имѣли случай указывать въ предыдущихъ статьяхъ что наша такъ-называемая художественная беллетристика, вопреки завѣреніямъ петербургской критики, будто бы для нея еще со временъ Пушкина „общественные и нравственные интересы стали совершенно безразличны“, постоянно обращается къ общественнымъ темамъ и пытается освѣтить наше современное положеніе, такъ что новый художественный романъ есть въ то же время и романъ социальный. Эта завѣдомо лгущая критика, привѣтствовавшая какъ нѣчто небывалое и новое романъ г. Эмиля Золя: *Ругонъ-Маккарты*, въ которомъ она нашла (впрочемъ по буквальному указанію самого автора) „естественную исторію семейства“ и якобы еще невѣдомую форму социального романа, могла бы найти въ русской литературѣ совершенно выработанные образцы этой вовсе не новой формы. Болѣе искреннее и близкое отношеніе къ русской литературѣ помогло бы петербургской критикѣ усмотрѣть что приемы приписываемые ей молодому французскому романисту давно уже практикуются нашими талантливыми беллетристами съ неменьшимъ искусствомъ и, смѣемъ думать, съ болышею глубиной мысли и содержанія. Мы уже рассмотрѣли въ предыдущей статьѣ рядъ произведеній общественнаго характера принадлежащихъ перу г. Писемскаго и видѣли какъ полно и живо отразилась въ нихъ одна изъ отрицательныхъ сторонъ нашего положенія. Романъ *Бѣсы* исчерпываетъ другую сторону той же литературно-общественной задачи. „Всѣ язвы, всѣ мязмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи“ это въ сущности почти то же что „вся ложь русской жизни“, отразившаяся въ *Взбаломученномъ морѣ* и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ г. Писемскаго. Но талантъ г. Достоевскаго, въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположный таланту г. Писемскаго, подошелъ къ предмету своей художественной сатиры съ совершенно другой стороны. Для такого крайняго реалиста, каковъ авторъ *Тысячи душъ* и *Взбаломученнаго моря*, ложь современной русской жизни, или, лучше сказать, движенія охватывающаго наше общество съ шестидесятыхъ годовъ, представилась въ практическихъ отклоненіяхъ отъ здраваго смысла и морали, и эти отклоненія онъ воспроизвелъ въ живыхъ, реальныхъ типахъ, взятыхъ имъ въ ихъ житейскихъ столкновеніяхъ.

Г. Достоевскій, съ его способностью наблюдать и анализировать преимущественно болѣзненные явленія человеческой души, задался выслѣдить роковое вліяніе новыхъ идей на слабый умъ и тѣ нравственные изъязвленія какія извращеніе этихъ идей производитъ въ жалкихъ, внутренно несостоятельныхъ натурахъ пораженныхъ безсиліемъ и бесплодіемъ полуобразованности. Его романъ представляетъ полное изученіе любопытнаго психологическаго вопроса, поставленнаго въ связи съ нашимъ социальнымъ положеніемъ и со всею суммою нравственныхъ недуговъ которыми заражена извѣстная часть нашего общества.

Фабула романа *Бѣсы* отчасти какъ будто заимствована изъ пресловутаго Нечаевскаго дѣла. Оговоримся что для цѣли предположенной нами въ настоящей статьѣ, это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія. Авторъ воспользовался своимъ матеріаломъ совершенно художественно, взявъ изъ него то что подходило къ его литературной задачѣ и обработалъ эти крупныя детали сообразно идеѣ и плану своего произвед. Выборъ фабулы Слэдъ конечно подсказанъ ему тою очевидностью въ какой Нечаевское дѣло представлялось самымъ характернымъ дѣломъ нашего подполья, наиболее отразившимъ на себѣ роковыя искаженія мысли и человеческой натуры и всѣ симптомы нравственнаго недуга которымъ пораженъ этотъ темный міръ. Нечаевцы, безъ сомнѣнія, дѣлакомъ шли изъ подполья нашей интеллигенціи и могутъ быть признаны самыми яркими его представителями, по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ его существованія въ какомъ оно было застигнуто судебнымъ процессомъ.

Прежде однако чѣмъ ввести насъ въ эту подпольную среду, авторъ знакомитъ насъ съ личностью по художественной рельефности изображенія представляющею одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ въ нашей литературѣ, и принадлежащею къ иной средѣ и иному поколѣнію. Степанъ Трофимовичъ Верховенскій—человѣкъ сороковыхъ годовъ. Онъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ заколошившагося кругомъ него подполья, хотя читатель чувствуетъ что есть нѣкоторая внутренняя связь между этимъ человѣкомъ и молодыми героями романа. Связь эта весьма знаменательна и не ограничивается однимъ только кровнымъ родствомъ съ главнымъ вожакомъ подполья, существуетъ еще несомнѣнное внутреннее родство между безтолковостью и безпринципностью этого смѣшнаго старика, воплотившаго въ себѣ отрицательную сторону движенія

сороковыхъ годовъ. и сатурналіями умственными и нравственными молодаго подполья. Указывается такимъ образомъ нѣкоторая преемственность въ развитіи идей, и между двумя поколѣніями кладется мостикъ, на которомъ нѣкоторые крайніе представители того и другаго могутъ удобно подать другъ другу руку. Указанія эти весьма знаменательны, такъ какъ въ значительной степени обнаруживаютъ воззрѣнія автора на источникъ изъ котораго вышли самыя дикія движенія новѣйшаго времени. Степанъ Трофимовичъ, отчасти презиравъ сгруппировавшееся подлѣ него подполье, отчасти втайнѣ ему сочувствуя (настоящее отношеніе его къ подполью есть вопросъ его личнаго самолюбія), поставленъ авторомъ надъ молодымъ поколѣніемъ въ качествѣ нѣкакого *paterfamilias*, весьма смѣшнаго въ глазахъ молодежи и совершенно ею пренебрегаемаго, но родство съ которымъ послѣдняя тѣмъ не менѣе все-таки признаетъ. Это, такъ-сказать, старый бѣсъ, данный въ прародителю бѣсовской мелюзгѣ выросшей подъ сѣнью его сѣдинъ.

Внутреннее родство Степана Трофимовича съ молодыми героями романа знаменательно во многихъ отношеніяхъ. Важнѣе всего конечно то что Степанъ Трофимовичъ—тоже *полунаука*, хотя и занималъ въ сороковыхъ годахъ каяедру въ одномъ изъ университетовъ. Но, при извѣстныхъ недостаткахъ нашего университетскаго устройства, полунаука могла пріютиться на профессорской каяедрѣ такъ же удобно какъ и въ редакціи журнала. Въ сороковыхъ годахъ въ нашихъ университетахъ несомнѣнно встрѣчались люди полу-науки, возмѣщавшіе такъ-называемыми „высшими взглядами“ отсутствіе серіозной эрудиціи и пользовавшіеся благодаря тому же приему замѣтною репутаціей. Степанъ Трофимовичъ принадлежалъ именно къ этой категоріи. Продержался онъ на каяедрѣ очень не долго, вслѣдствіе нѣкоторой незначительной неосторожности, по поводу которой отъ него потребовали объясненій. Онъ услѣлъ прочесть всего только нѣсколько лекцій, „и кажется объ Аравитянахъ“, и вообще въ наукѣ сдѣлалъ „не такъ много и кажется совсѣмъ ничего“. Услѣлъ онъ также защитить нѣкоторую затѣливую диссертацию, ловко и больно уколловшую тогдашнихъ славянофиловъ, да еще напечаталъ въ одномъ передовомъ журналѣ „начало одного глубочайшаго изслѣдованія — кажется о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей

въ какую-то злоху, или что-то въ этомъ родѣ“. Глубокое изслѣдованіе это такъ и осталось не оконченнымъ, будто бы вслѣдствіе запрещенія, а въ сущности просто потому что авторъ подвинулся его окончить. Имѣлась еще въ бумагахъ Степана Трофимовича поэма „въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Увѣряли будто эту поэму сочли въ свое время опасною“. „Я въ прошломъ году предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать—разказываетъ лицо отъ котораго авторъ ведетъ свое повѣствованіе—за совершенною ея въ наше время невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось.“ И вдругъ эту поэму печатаютъ въ заграничномъ революціонномъ сборникѣ, безъ вѣдома Степана Трофимовича...

„Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяць; но я убѣждаю что въ таинственныхъ изгибахъ сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хотъ ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло.“

Степанъ Трофимовичъ послѣдшилъ увѣрить себя что карьера его разбита на всю жизнь „вихремъ обстоятельствъ“ и потому рѣшился посвятить остатокъ дней своихъ — впрочемъ двадцатилѣтній — на то чтобы стоять предъ отчизной „воплощенною укоризной“, по выраженію поэта:

Воплощенной укоризною
Ты стоялъ передъ отчизною,
Либераль-идеалистъ!

Впрочемъ, позированье Степана Трофимовича нисколько не помѣшало ему пристроиться на благородныхъ условіяхъ приживальцемъ къ богатой вдовѣ, генеральшѣ Варварѣ Петровнѣ Ставровиной, у которой онъ и прожилъ безмятежно цѣлыхъ двадцать лѣтъ, до той самой поры когда засталъ его рядъ катастрофъ давшихъ содержаніе роману.

Вся суть Степана Трофимовича, какъ родоначальника *бл-совъ*, заключается именно въ томъ что онъ былъ полнѣйшимъ

представителемъ полунауки сороковыхъ годовъ, отъ которой современная полунаука естественно ведетъ свое происхождение. Въ этомъ качествѣ челоѣка полунауки, Степанъ Трофимовичъ привилъ къ своей невиннѣйшей душѣ нѣкоторое количество гражданскихъ мотивовъ, въ силу которыхъ не только безъ всякой основательной причины бросилъ университетскую карьеру, но и сохранилъ на всю жизнь увѣренность въ своемъ совершенномъ превосходствѣ надъ людьми своего поколѣнія, а также хотя презрительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ заискивающее отношеніе къ молодежи, отъ которой онъ все ждетъ какого-то призыва: вы молъ, Степанъ Трофимовичъ, нашъ отецъ и руководитель, придите къ намъ и ведите насъ. Ожиданіе какой-то телеграммы, о которомъ иронически замѣчаетъ авторъ, осталось у стараго чудака на всю жизнь. Онъ несомнѣнно принадлежитъ къ категоріи тѣхъ „старыхъ безстыдниковъ“ которые никакъ не могутъ забыть своего либеральничанья сороковыхъ годовъ и все ждутъ отъ молодого поколѣнія признанія ихъ гражданскихъ заслугъ. Одни изъ этихъ людей, подобно выведенному въ романѣ знаменитому писателю Кармазинову, продолжаютъ до конца вслѣдски заискивать у молодого поколѣнія, не подозревая что давно уже сдѣлались въ глазахъ его шутами; другіе, какъ Степанъ Трофимовичъ, глубоко оскорбляются тѣмъ что гражданскія заслуги ихъ списаны со счетовъ, начинаютъ брюзжать и порою даже прорываются до такой степени что сами торжественно провозглашаютъ разрывъ съ новымъ движеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, отношенія этихъ людей къ новому времени и новому поколѣнію составляютъ вопросъ личнаго самолюбія; убѣжденіями эти представители идеалистической полунауки предшествовавшаго періода вообще не богаты, и вздумай молодое поколѣніе хоть немножечко помянуть ихъ на свою сторону—они бросятся на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Они инстинктивно сознаютъ что между ними и „новыми людьми“ есть дѣйствительная связь—и они не ошибаются.

Со Степаномъ Трофимовичемъ такъ и случилось—его помянули, и онъ бросился съ распростертыми объятіями. Это случилось въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда на минуту вспомнили о всѣхъ вообще либеральныхъ репутаціяхъ предшествовавшаго тридцатилѣтія. Степанъ Трофимовичъ къ тому времени сильно захандрилъ, мучась мыслью что его забыли,

что онъ никому не нуженъ, поэтому и на все тогдашнее движеніе онъ смотрѣлъ въ высшей степени высокоумно, именно съ той точки что „его забыли“. И вдругъ въ это-то самое время о немъ вслomniaли, въ заграничныхъ листкахъ и въ Петербургѣ. Въ газетахъ явилось даже извѣстіе что онъ умеръ, и кто-то обѣщаль напечатать его некрологъ....

„Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосадился. Все высокоуміе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, выскнуть лично, и если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ что дѣло дошло до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокоумнѣе....“

Несмотря однако на то что Степана Трофимовича явно поманили, ему не только не удалось „примкнуть всецѣло къ движенію“, но даже случилось быть скандально осмистаннымъ.... Исторія поѣздки его въ Петербургъ и перваго столкновенія съ „новыми людьми“ такъ мастерски изображена г. Достоевскимъ что мы позволимъ себѣ привести здѣсь эту страницу собственными словами автора:

„....Варвара Петровна бросилась было всецѣло въ „новыя идеи“ и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ привоидилъ другаго. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они тѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ, туда откуда управляли движеніемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя конечно никто изъ нихъ ничего о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того что онъ „представляетъ идею“. Онъ до того маневрировалъ около нихъ что

и ихъ раза два зазывалъ въ салонъ Варвары Петровны, не смотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серьезны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись, но очевидно было что имъ некогда. Явились и двѣ три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но къ удивленію ея эти дѣйствительныя и уже несомнѣныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а цыны изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и лозорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и стали выставлять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздалось неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минуту лять. Его заставили подписаться подъ двумя или тремя коллективными протестами (противъ чего, онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписаться подъ какимъ-то „безобразнымъ поступкомъ“, и та подписалась. Впрочемъ, большинство этихъ новыхъ людей хотъ и пощипали Варвару Петровну, но считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и съ нескрываемою насмѣшкой.... Ясно было что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенничковъ, но несомнѣнно было что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, не смотря на нѣкоторыя все-таки удивительныя отгѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности....“

Журналъ такъ и не состоялся: кончилось тѣмъ что къ Варварѣ Петровнѣ явились въ одно прекрасное утро пятеро литераторовъ и объявили ей „со строгимъ видомъ“ рѣшеніе; чтобъ она, основавъ журналъ, тотчасъ же передала бы его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи: сама же уѣзжала бы въ деревню, захвативъ съ собою и Степана Трофимовича, „который устарѣлъ“. Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей шестую часть чистаго барыша: „Всего трогательнѣе было то, замѣчаетъ авторъ, что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя „общаго дѣла“.

Съ самимъ Степаномъ Трофимовичемъ тоже приключилась

неудача: онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства. Для новыхъ людей смѣшнѣе ничего не могло быть. „Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живаго.“ Она успокоивала его лавровишневыми калдями и повторяла: „вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ оцѣнятъ.... въ другомъ мѣстѣ“. Но, увы! Степану Трофимовичу не удалось до конца жизни оправдать на себѣ предсказаніе Варвары Петровны....

Разрывъ этотъ разомъ и окончательно опредѣлялъ отношенія Степана Трофимовича къ молодому поколѣнію и ко всему такъ-называемому „движенію“. Старый бѣсъ, сидѣвшій въ немъ, не простилъ молодымъ бѣсамъ недостатка уваженія и сохранилъ навсегда оскорбленное и уязвленное чувство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Степанъ Трофимовичъ нисколько не сомнѣвался въ серіозности всего того дикаго вздора который началъ на его глазахъ совершаться въ воображаемомъ губерньскомъ городѣ, куда авторъ переноситъ разказъ вслѣдъ за петербургскимъ fiasco. „Движеніе“ осуждалось Степаномъ Трофимовичемъ единственно въ силу того что его самого при этомъ забыли; но въ сущности онъ даже любитъся имъ, такъ точно какъ любитъся своимъ сыномъ, которому однакожъ не можетъ простить презрительнаго съ нимъ обращенія. Въ губерньскомъ городѣ этомъ, пока не основало въ немъ своего пребыванія настоящее „подполье“, кружокъ Степана Трофимовича занимался „самою невинною, милою, вполнѣ русскою, веселенькою, либеральною болтовней“. Изъ этой болтовни Степанъ Трофимовичъ почерпалъ сознаніе что „онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей“. Высокомѣріе все-таки, несмотря на петербургскую неудачу, заставляло его смотрѣть на себя какъ на нѣкотораго рода центръ котораго гдѣ-то опасаются; онъ даже не сомнѣвался что находится подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ давно уже стоитъ на заднемъ планѣ, оттертый новыми дѣятелями, одинъ за другимъ наѣхавшими въ городъ и образовавшими въ немъ тотъ своеобразный кружокъ которому всего болѣе приличествуетъ наименованіе *подполья нашей интеллигенціи*.

Кружокъ этотъ и есть именно та среда въ которой развивается дѣйствіе послѣдняго романа г. Достоевскаго и который самъ по себѣ составляетъ очень выукласе лятно на

воспроизведенной имъ картинѣ. Среда эта еще очень мало разработана нашею литературой, и г. Достоевскій едва ли не первый обособилъ ее въ своихъ наблюденіяхъ и изучилъ ее въ той замкнутости, въ томъ уединеніи среди волнуемой кругомъ нея обыденной, практической жизни, которая и составляетъ главную особенность этого общественнаго слоя. Задача была не легкая; только углубляясь вмѣстѣ съ авторомъ въ темныя дебри этого подполья, чувствуешь сколько трудностей приходилось преодолѣть чтобы помощію художественнаго освѣщенія заставить выступить изъ мрака самаго темнаго извилина этого подпольнаго міра. Сначала странныя, неестественныя краски которыми авторъ рисуетъ избранную имъ среду, криволинейность изображеній, рѣзкіе тоны, напоминающіе фантасмагорію — ставятъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе. Кажется будто авторъ ошибкою взялъ фальшивый тонъ, и опасается за правильность раздвигающейся дальше и дальше перспективы. Но чѣмъ болѣе подвигается дѣйствіе романа, чѣмъ болѣе накопляется на полотнѣ самыхъ удивительныхъ красокъ и контуровъ, тѣмъ яснѣе начинаешь сознать что въ этомъ случаѣ сама жизнь, въ ея подпольныхъ извилинахъ, нарядилась въ противоестественныя краски и изломала свои нормальные луги и очертанія. Мало-помалу убѣждаешься что тонъ дѣйствительно взятъ нестерпимо-фальшиво, но не въ романѣ, а въ самой жизни, выступившей изъ своихъ законныхъ формъ и безмѣрно удалившейся отъ своего обычнаго русла. Чувствуешь все безобразіе этой жизни, все уродство этихъ недужныхъ, нравственно искалѣченныхъ организацій, и сознаешь что тѣмъ не менѣе авторъ изображаетъ дѣйствительность, только дѣйствительность подпольную.

Главный характеристическій признакъ этой среды, даже вся ея суть заключается, мы сказали, въ ея совершенномъ удаленіи отъ нормальныхъ лугей жизни. Въ кружкѣ который описываетъ авторъ собрались единицы изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ: тутъ и сынъ аристократки Варвары Петровны, и сынокъ Степана Трофимовича, и вышедшій изъ крѣпостнаго званія Шатовъ, и инженеръ Кириловъ, и отставной калитанъ Лебядкинъ, и молоденькій офицерикъ Эркель, и неизвѣстно изъ какого званія и состоянія вышедшіе Толкаченко, Шигалевъ, Виргинскій. Но есть нѣчто общее, родовое, роднящее ихъ всѣхъ до такой степени что даже всѣ

они говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ, именно языкомъ полуобразованнаго подполья, какимъ кромѣ ихъ не говорить ни одинъ живой человѣкъ. Эта, повидимому, второстепенная черта составляетъ однако весьма существенный признакъ этой среды, и очень послѣдовательно выдержана авторомъ. Только въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни, въ полуобразованномъ захолустьи, въ всякихъ общественныхъ связяхъ и соприкосновеній, могъ выработаться этотъ жаргонъ отчасти носящій на себѣ отпечатокъ нѣкотораго, впрочемъ весьма умѣреннаго, обращенія съ книжною литературою, и въ то же время своею грамматическою неряшливостью какъ бы выражающій величавое презрѣніе подпольной среды къ выработаннымъ формамъ... русскаго синтаксиса. Совершенная негривычка къ такъ-называемому обществу выразилась въ этой чертѣ такъ же рельефно какъ и во всемъ складѣ подпольнаго міросозерцанія и житья-бытья. Синтаксическая неряшливость подпольнаго языка чувствуется даже самими обитателями подполья, такъ что они безпрестанно поправляютъ другъ друга въ разговорахъ, подсказываютъ выраженія—какъ бы не сознавая что поправившій одно нецѣлое выраженіе за минуту предъ тѣмъ сказалъ другое столь же нецѣлое. Разъ одинъ изъ индивидуумовъ этого кружка даже спросилъ другаго, Кирилова: не оттого ли онъ такъ странно выражается что долго жилъ за границею? — И Кириловъ, удивленный такимъ вопросомъ, отвѣчаетъ въ раздумьи: „нѣтъ, не потому что за границей. Я всегда такъ; я привыкъ.“ А задавшій такой вопросъ и не подозреваетъ что самъ онъ выражается ничуть не лучше Кирилова. Эта особенность подпольнаго языка, пестрящаго всѣ страницы романа и вредящая индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, нагоняетъ на читателя значительную скуку; но вмѣстѣ съ тѣмъ она много помогаетъ тому почувствованью изображенной среды которое непременно выносится изъ романа. Среда эта тѣмъ и отличается что при неизбѣжномъ различіи характеровъ, удаленіе ихъ отъ обычныхъ нормъ жизни кладетъ на всѣхъ чрезвычайно яркій специфическій отпечатокъ.

Въ неряшливости рѣчи отпечатывается не только неряшливость мысли, но и весь практической складъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже въ низшихъ подонкахъ человѣческаго общества найти столько нравственнаго и житейскаго разгильдяйства сколько заключается его въ жизни и нравахъ интел-

лигентнаго подполья. Эта дикая богема, раскинувшая свой шатеръ на стогнахъ губернскаго города, чуждается самыхъ элементарныхъ законовъ общежитія. Потасовки и пощечины сопровождаютъ чуть не каждую встрѣчу членовъ этого союза, причѣмъ получившій оплеуху и давшій ее смотрятъ на эту маленькую случайность такъ точно какъ еслибъ одинъ изъ нихъ высморкался въ носовой платокъ. Они говорятъ другъ другу „мерзавецъ“ и „подлецъ“ такъ же спокойно какъ другіе говорятъ „здравствуйте“; но при этомъ щелетильны и обидчивы до послѣдней степени, и въ душѣ страстно ненавидятъ и презираютъ другъ друга. Они ведутъ самую свинскую жизнь, съ какимъ-то сладострастіемъ погружаясь въ грязь, которой не только не замѣчаютъ, но скорѣе даже находятъ въ ней „новую, вчера лишь открытую красоту“. Тѣ изъ нихъ которые по своему происхожденію принадлежатъ къ болѣе порядочному обществу почти съ наслажденіемъ и словами, и поступками стараются доказать что разорвали всякую связь съ этимъ обществомъ, и ежеминутно какъ бы хвастаются своимъ переселеніемъ изъ болѣе верхнихъ ярусовъ въ подполье. И они правы, потому что въ той зараженной средѣ въ которой и ради которой они дѣйствуютъ, нравственное и общественное паденіе человѣка прिवѣтствуется какъ величайшее торжество надъ историческими предрасудками. Эти недужныя организаціи находятъ какое-то сладострастное наслажденіе въ полрзаніи всего того что выше зауряднаго, плоскаго уровня. Грязь выступаетъ поразительнѣе когда ея касаются бѣлыя руки. „Ставрогинъ, вы красавецъ!“ восклицаетъ въ *Бьсагъ* молодой Верховенскій въ какомъ-то улоеніи: „знаете ли что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ: Я на васъ часто сбоку, изъ-за угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы должно-быть страдаете и страдаете искренно отъ того простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну, а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрелать по плечу. Вы ужасный аристократъ. *Аристократъ, когда идетъ въ демократію, обаятеленъ!*“ Такъ устами одного изъ своихъ героевъ

авторъ высказываетъ чрезвычайно тонко подмѣченную черту—одинъ изъ тѣхъ позорныхъ инстинктовъ развращенной природы который играетъ не послѣднюю роль въ сдѣленіи человѣческихъ единицъ населяющихъ подполье... Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще яснѣе заставляетъ звучать этотъ самый мотивъ въ психологической гаммѣ которую онъ разыгрываетъ въ своемъ романѣ. „Правда ли что вы, спрашиваетъ Шатовъ у Ставрогина, принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли что маркизъ де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда ли что вы заманивали и развращали дѣтей? ...Правда ли, будто вы утверждали что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвою жизнію для человѣчества? Правда ли что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?“ Шатовъ переходитъ затѣмъ къ женитьбѣ Ставрогина на полоумной, хромой сестрѣ калитана Лебядкина: „Знаете ли, почему вы тогда женились, такъ позорно и подло? Именно потому что тутъ позоръ и безсмыслица доходила до гениальности! О, вы не бредите съ краю, а смѣло летите внизъ головою. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызениямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервзый надрывъ... Вызовъ здравому смыслу былъ уже слишкомъ прельстителемъ! Ставрогинъ и люгавасъ, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали? Праздный, патающийся барченокъ, чувствовали?“

Еслабы порокъ въ его обыкновенной формѣ былъ исключительною дѣйствующею силой въ этихъ подпольныхъ натурахъ, еслабы грязь въ которой они копошатся съ какимъ-то почти сладострастнымъ упоеніемъ, была результатомъ нищенства, этотъ подпольный міръ мало отличался бы отъ обыкновенныхъ трущобъ, въ какихъ скопляются отребья человѣческаго общества. Но это особый продуктъ нравственнаго и умственнаго недуга который и есть настоящій герой романа. Не Ставрогинъ, не Верховенскій, не Шатовъ и не Кириловъ выражаютъ собою идею послѣдлагаго произведенія г. Достоевскаго. Настоящій герой его есть, какъ мы сказали, психическая гангрена заразившая весь этотъ подпольный муравейникъ, всѣ эти недужныя организациі. Еще

въ романѣ *Преступленіе и Наказаніе*, Раскольниковъ убиваетъ и грабитъ старуху не для того чтобы на разграбленныя деньги доставить себѣ извѣстную сумму личныхъ удовольствій, матеріальнаго комфорта; онъ совершаетъ преступленіе потому что мечтаетъ осуществить этимъ способомъ идею общаго блага, потому что эта *идея стала его*—какъ выражается одно дѣйствующее лицо въ новомъ романѣ того же автора. Въ этомъ смыслѣ Раскольниковъ есть истинный родоначальникъ Шатовыхъ, Кириловыхъ, Шигалевыхъ, всѣхъ этихъ малыхъ бѣсовъ свившихъ свое гнѣздо подлѣ стараго бѣса, Степана Трофимовича. Ихъ всѣхъ *затла идея*, и про каждаго изъ нихъ можно сказать то самое что сказано авторомъ про Шатова: „Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ которыхъ вдругъ поразить какая-нибудь сильная идея, и тутъ же разомъ точно придавить ихъ собою, иногда даже на вѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а утврждаютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ.“ Эти-то корчи подъ раздавившею ихъ „идеей“ и производятъ ту изумительную умственную и нравственную сатурналію которая составляетъ внутреннее содержаніе романа. Всѣ эти Ставрогины, Верховенскіе, Кириловы, Шигалевы постоянно носятся съ извѣстною идеей, пребываютъ въ непрерывномъ процессѣ умственной работы, въ страстномъ напряженіи мысли, приводящемъ однихъ къ умопомѣшательству, другихъ къ отвратительному преступленію. Что-то, когда-то, очень давно залало въ ихъ мозгъ и непрерывно дѣйствуетъ тамъ и держитъ ихъ въ состояніи умственной придавленности. У Кирилова эта напряженная, изнурительная возня съ идеей приводитъ къ нелѣпнѣйшей философской системѣ; у Шигалева она создаетъ социально-политическую теорію требующую для своего осуществленія миллионъ головъ: Ставрогина и Верховенскаго она бросаетъ въ сладострастіе разврата, низводитъ ихъ на ту послѣднюю ступень скотства когда въ человѣкѣ пробуждается совершенно животная жажда крови; Шатова она совершенно измочаливаетъ, превращаетъ въ глубоко несчастное существо, одичавшее и человѣко-ненавидящее, и вмѣстѣ способное растаять отъ малѣйшей ласки. Предъ читателемъ проходитъ рядъ лицъ въ одинаковой степени сдѣлавшихся жертвою нѣ-

посильной умственной задачи, фанатиковъ идеи, кривыми путями ввѣдрившейся въ слабосильный мозгъ. Читатель какъ бы присутствуетъ въ клиникѣ нравственныхъ и душевныхъ болѣзней и читаетъ надъ изголовьями лаціентовъ ихъ скорбные листы.

Самые безлокойные изъ этихъ больныхъ—конечно главные дѣйствующія лица романа, Ставрогинъ и Петръ Степановичъ Верховенскій. Ихъ болѣзнь постоянно грозитъ принять острый характеръ, и по особой подвижности и страстности своей натуры, они наиболее способны переходить отъ мысли и слова къ дѣйствию. Ставрогинъ даже вообще мало говорить: у него болѣзнь сидитъ болѣе въ крови чѣмъ въ мозгу; и вмѣсто того чтобы создавать системы à la Шигалевъ или Кириловъ, онъ предпочитаетъ удивлять прямо своими поступками. Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ извѣстно уже въ чемъ авторъ видитъ сущность его натуры. Это зараженная кровь въ той же степени какъ и зараженный мозгъ. Еще при самомъ вступленіи въ свѣтъ, онъ вдругъ какъ-то дико закутилъ. „Не то чтобы онъ игралъ или очень лилъ; разказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысачами людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамою хорошаго общества, съ которою онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее лублично. Что-то даже слишкомъ ужъ откровенно-грязное было въ этомъ дѣлѣ.“ Разжалованный въ солдаты и очень быстро вновь выслужившійся, онъ опять появляется въ Петербургѣ, но уже въ совершенно другомъ обществѣ. „Доискались что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсаложными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, льяницами, посѣщаетъ грязныя ихъ семейства, дни и ночи проводить въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался, и что стало-быть это ему нравится.“ Вотъ въ этомъ-то *стало-быть ему нравится* и заключается единственная причина и единственное объясненіе всѣхъ его поступковъ, заставившихъ Петра Степановича предполагать въ немъ „необыкновенную способность къ преступленію“. Отсутствіе въ мозгу всякихъ сдерживающихъ рефлексовъ, органическая порча крови, болѣзненная развращенность, которая „въ обоихъ полюсахъ находитъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія“;

собственно политической закваски въ этой натурѣ нѣтъ никакой, и онъ остается очень равнодушенъ къ дѣлу въ которое всею силою тянетъ его молодой Верховенскій. Когда послѣдній объясняетъ ему планъ политической организаціи и программу тайнаго общества, Ставрогинъ дѣлаетъ замѣчаніе которое заставляетъ Верховенскаго воскликнуть: „О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ, будьте поглупѣе!“ Дѣйствительно, Ставрогинъ умнѣе подпольныхъ дѣятелей, хотя онъ на поминку помѣшанный человѣкъ; его преимущество въ томъ что его заразила не политическая и не социальная идея. Въ политикѣ онъ настолько трезвъ что когда Петръ Степановичъ развиваетъ предъ нимъ изумительный планъ дѣйствія революціоннаго общества, онъ серьезно задаетъ себѣ вопросъ: „если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться?“—„Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ!“ восклицаетъ съ уныніемъ Верховенскій, когда тотъ рѣшительно отказывается отъ предложенной ему роли Ивана-царевича.

Петру Степановичу рѣшительно непонятно какъ это можетъ не быть охоты: „Врете вы, дрянной, блудный, изломанный барченокъ, не вѣрю, аллетить у васъ волчій!“—восклицаетъ онъ злобно вслѣдъ уходящему Ставрогину. Его искренно поражаетъ какъ можно съ такими задатками, съ этою разнузданностью страстей, съ этою необычайною „наклонностью къ преступленію“—не обратиться къ подпольной политической дѣятельности. Онъ самъ съ собою давно уже рѣшилъ утилизировать изумительную натуру Ставрогина для своей политической дѣла, какъ порѣшилъ это относительно Кирилова. Въ этой дѣлѣ у него все сошлось; онъ самъ откровенно опредѣляетъ себя какъ политическаго мошенника. Природа снабдила его такимъ излишествомъ юркости и подвижности что онъ не можетъ шагу ступить безъ того чтобы чего-нибудь не налутать, чѣмъ-нибудь не сынтриговать. Онъ агитаторъ по натурѣ, даже не изъ честолюбія, такъ какъ главную роль охотно уступаетъ Ставрогину. Занятый организаціей тайнаго общества, которое имъ же и сочинено, онъ находитъ время страстно лутаться во всѣхъ городскихъ сплетняхъ, подготавливать скандалы, ссорить и ставить въ ложное положеніе самыхъ близкихъ людей—безъ всякой даже дальнѣйшей дѣла, просто по зависти своего характера и совершенной своей безпринципности. Онъ даже поминутно самъ себѣ затрундываетъ достиженіе своей главнѣйшей агита-

торской цѣли; устраивая разные пакости Ставрогину, тому самому Ставрогину на эксплуатаціи котораго онъ основалъ весь успѣхъ своей революціонной миссіи. „Аппетитъ у васъ волчій“, замѣчаетъ онъ про Ставрогина, и недоумѣваетъ какимъ образомъ подобный аппетитъ можетъ быть устремленъ не въ политическую сторону?

Чѣмъ далѣе романъ забирается въ извилины подпольнаго міра, чѣмъ далѣе дѣйствующія лица его отстоятъ, по связямъ родства и воспитанія, отъ такъ-называемаго „общества“, тѣмъ замѣтнѣе нравственный обликъ ихъ принимаетъ совершенно специфическій оттѣнокъ интеллигентнаго подполья. Въ Ставрогинѣ, несмотря на его полу-помѣшательство, еще виденъ избалованный барченокъ; молодой Верховенскій воплощаетъ въ себѣ такъ-сказать международный типъ агитатора и революціонера, довольно искусно однакожъ прировнившійся къ условіямъ русской жизни и недурно понимающій слабыя стороны нашего общества, безпринципность и распущенность котораго онъ слѣдуетъ утилизировать для политической цѣли. Онъ не только не чуждается губернскаго общества, но постоянно находится среди него, какъ самый юркій и дѣятельный членъ, и съ замѣчательною наглостью старается играть въ немъ роль. Онъ овладѣваетъ довѣріемъ и симпатіями губернаторши, Юліи Михайловны фонъ-Лембке, играетъ какъ лишней ея скудоумнымъ мужемъ, прилутывается ко всѣмъ городскимъ интересамъ, слетнѣетъ и скандаляетъ. Его вліяніе на губернское общество скоро чачинаетъ сказываться ощутительнымъ образомъ. „Странное, разказываетъ авторъ, было тогда настроеніе умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе, и нельзя сказать чтобы мало-по-малу. Какъ бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайно развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу чтобы всегда пріятное. Въ модѣ была нѣкоторый безпорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, очень многіе сначала вслухъ хвалили новую губернаторшу за то что умѣетъ соединить общество и что стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужъ была виновата Юлія Михайловна; но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому.“ Невидимая рука

Петра Степановича ясно чувствуется въ этомъ „беспорядкѣ умовъ“ и „легкомыслии дамскаго общества“... Съ теченіемъ времени начавшееся „легкомысленное“ движеніе усиливается, такъ что цѣлое губернское общество, незримо направляемое и агитируемое молодымъ Верховенскимъ, совершенно измѣняетъ свой видъ, и серьезныя элементы его мѣняются мѣстами съ какимъ-то наплывшимъ отовсюду сбродомъ.

Во всякое переходное время, рассказываетъ объ этомъ обстоятельстве авторъ, подымается эта сволочь, которая есть въ каждомъ обществѣ, и уже не только безо всякой цѣли, но даже не имѣя и признака мысли, а лишь выражая собою изо всѣхъ силъ безлокоиство и нетерпѣніе. Между тѣмъ эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подладается подъ команду той малой кучки „передовыхъ“ которые дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью, и та направляетъ весь этотъ соръ куда ей угодно, если только сама не состоитъ изъ совершенныхъ идиотовъ, что впрочемъ тоже случается. У насъ воть говорятъ теперь, когда уже все прошло, что Петромъ Степановичемъ управляла Интернационалка, а Петръ Степановичъ Юліей Михайловной, а та уже регулировала по командѣ всякую сволочь. Солиднѣйшіе изъ нашихъ умовъ дивятся теперь на себя: какъ это они тогда вдругъ ослѣпали? Въ чемъ состояло наше смутное время и отъ чего къ чему былъ у насъ переходъ—я не знаю, да и никто, я думаю, не знаетъ—развѣ воть нѣкоторые посторонніе гости. А между тѣмъ, дряннѣйшіе людочки получили вдругъ перерывъ, стали громко критиковать все священное, тогда какъ прежде и рта не смѣли раскрыть, а первѣйшіе люди, до тѣхъ поръ такъ благополучно державшіе верхъ, стали вдругъ ихъ слушать, а сами молчать; а иныя такъ позорнѣйшимъ образомъ подхихиваютъ. Какіе-то Лямшины, Телятниковы, помѣщички Тентетниковы, доморощенные солляки Радищевы, скорбно, но надменно улыбающіеся Жидашки, хототуны затвѣіе путешественники, посты съ направлениемъ изъ столицы, посты взаимнѣ направляющіе и таланта въ поддевкахъ и смазныхъ салогахъ, майоры и полковники смѣющіеся надъ бессмысленностью своего званія и за лишній рубль готовые тотчасъ же снать свою шлагу и улізнуть въ лисаря на желѣзную дорогу; генералы перебѣжавшіе въ адвокаты; развитые посредники, развивающіеся кулчики, безчисленныя семинаристы, женщины пзображающія собою женскій вопросъ,—все это вдругъ у насъ взяло полный верхъ, и надъ кѣмъ же? Надъ клубомъ, надъ почтенными савонниками, надъ генералами на деревянныхъ ногахъ, надъ строжайшимъ и неприступнѣйшимъ нашимъ дамскимъ обществомъ“...

На Петръ Степановичъ, такъ незримо и искусно взбаломутившемъ губернское общество, обрываются звенья соединяющія подпольный міръ съ лежащими поверхъ него общественными слоями. Далѣе идетъ уже совершенная подпольная глушь и дичь, которая вся ушла въ свое уединенное, болѣзненное прозябаніе. Выступаютъ на сцену личности на одиномъ звеномъ не соединяемыя съ общественнымъ организмомъ и даже едва ли когда-либо встрѣчавшіяся лицомъ къ лицу съ тѣмъ что называется обществомъ въ обширномъ смыслѣ — длинноухій социалистъ Шугалевъ, малякъ Кириловъ, сынъ крѣпостнаго Шатовъ, нѣкто Токаченко — „страшная личность, человекъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ (впрочемъ не для одного изученія народнаго) и цѣголявшій между нами дурнымъ платьемъ, смазными салогамъ, прищуренно-хитрымъ видомъ и народными фразами съ завиткомъ“. Психическая болѣзнь поражающая обитателей подполья входитъ во всѣ свои права, недѣльное безлутство мысли овладѣваетъ своими жертвами и размырывается мало-по-малу одна изъ самыхъ дикихъ сатурналій какія когда-либо видѣлъ образованный міръ. Жертвы этого печальнаго недуга заслуживаютъ чтобы мы внимательно заглянули въ ихъ внутренній міръ и увидѣли болѣзнь въ ея остромъ состояніи.

Остановимся прежде всего на Шатовѣ, которому въ романѣ выпала самая страдательная роль, и индивидуальность котораго разработана авторомъ съ особеннымъ мастерствомъ.

Шатовъ до извѣстной степени стоитъ въ сторонѣ отъ пресловутой „кучки“ сгруппированной Петромъ Степановичемъ въ губернскомъ городѣ. По своимъ убѣжденіямъ онъ даже въ полномъ разрѣзѣ съ подпольными революціонерами. Въ ранней молодости и онъ стоялъ въ ихъ рядахъ, и даже эмигрировалъ безъ всякой основательной причины. За границей женился онъ на бойкой русской барышнѣ, изъ губерналокъ; „прожили они вдвоемъ недѣли съ три, и потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди, тоже и по бѣдности“. Жена вскорѣ затѣмъ сошла съ Старогинымъ, а мужъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ бѣдствовалъ вмѣстѣ съ Кириловымъ года три. Тамъ онъ рѣзко измѣнилъ свои убѣжденія изъ атеиста и революціонера сдѣлавшись человекомъ вѣрующимъ. Впрочемъ, жизнь до такой степени изломала его что

онъ потерялъ характеръ и сталъ неспособенъ ни къ какой дѣйствующей роли. Камень придавилъ его, по выраженію автора, и вся послѣдующая жизнь его должна проходить въ корчахъ подъ этимъ камнемъ. Онъ застрялъ на распутіи жизни въ мучительной борьбѣ здравомыслія съ безхарактерностью и безволіемъ, отличающими русскихъ людей этого типа. Разорвавъ съ эмиграціей и революціей, онъ однако не могъ пристать ни къ какому дѣлу, ни къ какой установившейся формѣ жизни, и остался въ подпольѣ, измученный, страдающій, одинокій, сознающій всю мерзость среды и не находящій изъ нея выхода. Обстоятельства толкнули его въ кучку; но внутренно онъ давно разорвалъ съ нею, и однако лаетъ подлѣ нея, единственно потому что въ ея нѣтъ ничего къ чему бы онъ могъ приткнуться. Открытая, широкая жизнь идетъ мимо него какъ нѣчто совершенно чуждое: вышедшій изъ подполья, одичалый, неспособный ни къ какому практическому дѣлу, онъ видитъ себя замкнутымъ въ заколдованномъ кругѣ, среди трагической необходимости жить съ людьми которыхъ искренно, убѣжденно презираетъ. „Я слышалъ, говорить онъ своей женѣ, что ты будто бы презирала меня за перемѣну убѣжденій. Кого жъ я бросилъ? Враговъ живой жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, болящихся собственной независимости; лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая середина, самая мѣщанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство безъ собственного достоинства, равенство какъ сознаетъ его лакей или какъ сознавалъ Французъ 93 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!“ Въ этой неотвратимости — жить въ средѣ такъ искренно презираемой заключается весь трагизмъ людей вышедшихъ изъ подполья и внутренно съ нимъ разорвавшихъ.

И вотъ въ ту минуту когда заколдованный кругъ готовъ совсѣмъ замкнуться вокругъ несчастнаго Шатова, когда неестественное положеніе его между „кучкой“ и надпольною жизнью должно окончательно изломать и придавить его, судьба неожиданно указываетъ ему выходъ. Жена его, брошенная за границей Ставрогинымъ, возвращается къ нему чтобы подъ его нищенскимъ кровомъ дать жизнь чужому ребенку. И Шатовъ до того измученъ, до того придавленъ что въ этомъ столкновеніи видитъ спасительный выходъ къ возрожденію.

деню. Мотивъ этотъ съ такою теплотой, съ такимъ художественнымъ мастерствомъ разработанъ авторомъ что мы позволимъ себѣ напомнить здѣсь эту лучшую во всемъ романѣ страницу:

„...Онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей никакъ нельзя было его видѣть. Но не прошло и минуты, она подошла къ нему и брезгливо попросила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смотрѣла въ стѣну.

„— Не такъ, охъ, не такъ... Чтò за руки!

„Шатовъ поправилъ еще.

„— Нагнитесь ко мнѣ, вдругъ дико проговорила она, какъ можно стараясь не глядѣть на него.

„Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

— Еще... не такъ... ближе, — и вдругъ лѣвая рука ея стремительно обхватила его шею, и на лбу оноемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влажный ея поцѣлуй.

„— Marie!

„Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и засверкавъ глазами проговорила:

„— Николай Ставрогинъ подлецъ!

„И безсильная, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарывавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

„Съ этой минуты она уже не отгласкала его болѣе отъ себя, но потребовала чтобъ онъ сѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ точно обратилась въ какую-то дурочку. Все какъ будто переродилось. Шатовъ то плакалъ, какъ маленькій мальчикъ, то говорилъ Богъ знаетъ чтò, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ уловиемъ, можетъ-быть и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшую рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими. Онъ говорилъ ей о Кириловѣ, о томъ какъ теперь они жить начнутъ „вновь и навсегда“, о существованіи Бога, о томъ что всѣ хороши.... Въ восторгѣ олять вынули ребеночка посмотрѣть.

„— Marie, вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка, — конечно со старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной! Давай трудиться, и на новую дорогу, втроемъ, да, да!“

Но ему не суждено было выступить на новую дорогу: естественныя отношенія его къ „кучкѣ“ привели къ кровавой катастрофѣ которою оканчивается романъ.

Совершенно другой нравственно-патологическій типъ представляетъ Кириловъ. Авторъ не объясняетъ подъ какими вліяніями образовалась эта эксцентрическая натура. Мы знаемъ только что Кириловъ съ Шатовымъ „долго лежали

вмѣствѣ“ въ Америкѣ, и конечно много выстрадали. Онъ выступаетъ въ романѣ уже съ сформировавшею психическою болѣзнию, съ выработанною философскою системою, которая, при всей своей неаѣлости, есть результатъ умственного усилія, продуктъ мысли, болѣзненно, но сильно напряженной. Онъ еще болѣе чѣмъ Шатовъ придавленъ идеей и корчится подъ тяжестью ея; это маньякъ, съ задатками эпилептика. При недостаткѣ вѣры, столь обыкновенномъ въ людяхъ нашего вѣка, у него нѣтъ индифферентизма, и въ этомъ все его несчастье. Онъ не можетъ остановиться на одномъ легонькомъ отрицаніи; въ немъ есть потребность убѣжденнаго невѣрія, отрицательной вѣры, какъ для другихъ бываетъ настоящая потребность положительной вѣры. Отправляясь отъ отрицанія, онъ напряженно выслѣживаетъ въ своемъ воспаленномъ мозгу рядъ силлогизмовъ которые приводятъ его къ мысли о самоубійствѣ. „Если Богъ есть, разсуждаетъ Кириловъ, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие. Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволия—это убить себя самому.“ Конечно, никогда болѣе дикая религиозно-философская система не рождалась въ человѣческомъ мозгу; но дѣло не въ системѣ. Важно то что въ лицѣ Кирилова мы видимъ человѣка который въ нашъ практический и индифферентный вѣкъ, когда философскіе и религиозные вопросы занимаютъ почти однихъ специалистовъ, израсходовалъ всю свою жизнь на эти вопросы, изсушилъ надъ ними свой мозгъ и наконецъ пустилъ себя пулю въ лобъ единственно для того чтобы поставитъ послѣднюю точку къ своей теоріи.... Насколько такое явленіе годится для обобщеній къ какимъ прибѣгнулъ авторъ въ концѣ своего романа, насколько оно выражаетъ собою дѣйствительную болѣзнь своего вѣка—это другой вопросъ, къ которому мы еще обратимся. Впрочемъ, въ самомъ романѣ практическія требованія вѣка какъ бы возстаютъ противъ идеализма Кирилова: самоубійство изъ-за идеи представляется чѣмъ-то до того неестественнымъ, неправильнымъ что знаменитая „кучка“ смѣшитъ утилизовать его для своихъ практическихъ цѣлей, убѣдивъ Кирилова въ предсмертной запискѣ принять на себя убіеніе Шатова и прочія преступленія революціонной пятерки.

Самъ Кириловъ вовсе не принадлежитъ къ революціонному

тилу; онъ слишкомъ равнодушенъ ко всякимъ практическимъ результатамъ для того чтобъ увлекаться соціальною перестройкой общества. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ нервнымъ, идеальнымъ натурамъ которыя сосредоточиваются всецѣло на напряженной дѣятельности духа. Ему открываются „минуты вѣчной гармоніи“; онъ склоненъ къ галлюцинаціи и эпилепсіи. „Есть секунды, объясняетъ онъ Шатову, ихъ сразу приходитъ всего пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то что оно небесное, а про то что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо пережиться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: да, это правда, это хорошо. Это... это не умиленіе, а только такъ, радость.“ Въ этомъ состояніи эпилептической прозрачности духа, Кириловъ чувствуетъ бремя земной оболочки; по его мнѣнію человѣкъ долженъ переродиться физически для того чтобы достигнуть предназначеннаго ему состоянія высшаго счастья, вѣчной гармоніи. „Если болѣе пяти секундъ, повторяетъ онъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдаю всю мою жизнь, потому что стоить. Чтобы выдержать десять секундъ, надо пережиться физически. Я думаю, человѣкъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ.“ Шатовъ замѣчаетъ ему на это:

„— Берегитесь, Кириловъ, я слышалъ что именно такъ ладучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точно такъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ что болѣе нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ не успѣвшій пролиться пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. Кувшинъ—это тѣ же пять секундъ; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонію, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кириловъ, ладучая!“

Такія исключительныя натуры какъ Кириловъ могутъ быть только случайнымъ матеріаломъ въ рукахъ дѣйствительныхъ революціонеровъ. И Кириловъ въ самомъ дѣлѣ случайно

столкнулся съ Верховенскимъ, случайно присталъ къ тайному обществу, отъ котораго когда-то лопользовался материальной помощью. Онъ соглашается прикрыть своею смертию ихъ гаусное дѣло только потому что ему *все равно*. На минуту онъ даже возмущается мерзостью преступленія, но опять приходится къ тому призрачному равновѣсію духа въ которомъ человѣку *все равно*. Настоящіи революціонный матеріалъ представляютъ такія личности какъ Эркель и Шигалевъ. Эркелю хотя предоставлена въ романѣ весьма второстепенная роль, но индивидуальность его отмѣчена авторомъ очень ярко. Это былъ „дурачокъ“, но такой у котораго только главнаго царя не было въ головѣ, а маленькаго подчиненнаго толку было довольно, „даже до хитрости“. „Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, мало-разсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ натуры“. Чувствительный и даже добрый, дѣлвшійся со старушкой матерью своимъ скуднымъ жалованьемъ, онъ „быть-можетъ былъ самымъ безчувственнымъ изъ убійцъ Шатова, и безъ всякой личной ненависти, не смигнувъ глазомъ, присутствовалъ бы при его убіеніи“. Авторъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ что „еслибы онъ встрѣтился съ какимъ-нибудь преждевременно развращеннымъ монстромъ, и тотъ подъ какимъ-нибудь соціально-романическимъ предлогомъ подбилъ его основать разбойничью шайку, а для пробы велѣлъ убить и ограбить перваго встрѣчнаго мужика, то онъ непременно бы пошелъ и послушался. „Подобные фанатики „послушанія“, беззавѣтно подчиняющіеся всякой чужой волѣ, достаточно нахальной чтобъ имплоровать имъ, въ такой же степени составляютъ пригодный революціонный матеріалъ, какъ и фанатики крови и рѣзни, подобные Шигалеву. Петръ Степановичъ сразу оцѣнилъ послѣдняго: „Шигалевъ гениальный человѣкъ!“ восклицаетъ онъ, стараясь увлечь Ставрогина въ свои планы.

„У него хорошо въ тетради—у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносить. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а главное равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности

не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ. Колерниту выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями, мотъ шигалевщина! Рабы должны быть равны: безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ шигалевщина! Ха-ха-ха! Вамъ страшно? Я за шигалевщину!”

Система такимъ образомъ найдена. Она до такой степени соответствуетъ міросозерцанію подполья что Петръ Степановичъ, глава и коноводъ всего подпольнаго міра, самый практическій и дѣятельный человѣкъ въ своей средѣ, не находитъ нужнымъ вставить въ программу революціонной организаціи свое собственное слово, и безусловно принимаетъ „тетрадку“ длинноухаго Шигалева, котораго даже въ подпольномъ кружкѣ считаютъ шутомъ или помѣшаннымъ.

Дѣйствительно, шигалевщина составляетъ послѣднее слово отвратительнаго безумія къ которому можетъ привести болѣзнь подпольнаго міра въ ея самой острой формѣ—квинтъ-эссенцію дѣйствующихъ во тьмѣ стремленій и инстинктовъ. Петръ Степановичъ находитъ что Шигалевъ—геній въ родѣ Фурье, только смѣлѣе и сильнѣе. И дѣйствительно, шигалевщина имѣетъ то великое преимущество что регулируетъ не одну только внѣшнюю сторону будущей организаціи человѣчества, разрушаетъ не одну только матеріальную силу стараго общества, но бьетъ по его нравственнымъ силамъ, опрокидываетъ тотъ творящій факторъ дѣйствіемъ котораго создалась историческая жизнь. Что такое для Шигалева петролеумъ? Матеріальное разрушеніе не составляетъ для него конечной цѣли. Въ западной Европѣ, гдѣ революціонные элементы вышли изъ экономическаго и социальнаго неравенства, подпольная агитація можетъ удовлетворяться политическимъ равенствомъ, уничтоженіемъ дворянскихъ привилегій, организаціей труда, разрушеніемъ частной собственности. Но Петръ Степановичъ не удовлетворится этимъ. Что ему, напримѣръ, въ уничтоженіи дворянскихъ привилегій, когда онъ самъ дворянинъ, и слѣдовательно нисколько не страдаетъ отъ политическаго неравенства? Неравномѣрное распредѣленіе капиталовъ также не сильно его озабочиваетъ: онъ самъ наслѣдовалъ извѣстную собственность, онъ не нуждается въ дневномъ пропитаніи, присутствіе въ обществѣ крупныхъ собственниковъ не слѣшкомъ его шокируетъ. Есть въ

этомъ старомъ, культурномъ, историческомъ обществѣ другаго рода неравенство котораго онъ не въ состояннн перенести, противъ котораго сосредоточена вся его ненависть, и не его только, но болѣе или менѣе всѣхъ противообщественныхъ и недовольныхъ элементовъ. Это—неравенство духовное, присутствіе въ обществѣ высшихъ способностей, высокаго уровня науки, образованности и таланта. И потому-то онъ такъ безусловно стоитъ за шигалевщину, что она выражаетъ собою, въ самой рѣзкой и острой формѣ, непримиримую вражду противъ духовнаго неравенства, отвѣчая тайнымъ, можетъ-быть даже не всѣми и не всегда сознаваемымъ вождельніямъ интеллигентнаго подполья. Цицерону отрѣзать языкъ, Копернику выколоть глаза, Шекспира любить камнями—вотъ что можетъ насытить раслутное самолюбіе Петра Степановича...

Дойдя до этой точки, большая мысль Петра Степановича уже не предъ чѣмъ не останавливается. Онъ понимаетъ что современный порядокъ созданъ именно тѣмъ творящимъ факторомъ который онъ называетъ присутствіемъ въ человѣческомъ обществѣ высшихъ способностей. Слѣдовательно прежде всего надо устроиться такимъ образомъ чтобы въ новомъ обществѣ этимъ высшимъ способностямъ не было мѣста. Мысль его доходить до сатурналии, до бѣснованія. „Не надо образованія, довольно науки! восклицаетъ онъ. И безъ науки хватить матеріалу на тысячу лѣтъ... Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, слетки, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ во младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство... Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ. Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое...“

Это очень похоже на бредъ сумашедшаго, но и сумашедшіе въ фантастическихъ построеніяхъ своей мысли отправляются отъ извѣстныхъ данныхъ которыя они принимаютъ за положительныя. Петръ Степановичъ тоже наблюдаетъ данныя; онъ чувствуетъ что въ воздухѣ носится нѣчто чадное,

пьяное, какая-то безпринципность, какой-то „безпорядокъ умовъ“. Онъ находитъ что время близится, что почва достаточно подготовлена. Въ шутку, подсмѣиваясь надъ легковѣріемъ „знаменитаго писателя, Кармазинова, создавшаго себѣ, изъ своего прекраснаго далека, фантастическое представленіе о положеніи дѣлъ въ Россіи, Петръ Степановичъ увѣряетъ его что *все* кончится къ Покрову; но подсмѣиваясь надъ Кармазиновымъ, онъ и самъ наполовину вѣритъ своей шуткѣ.

„Знаете ли (говоритъ онъ Ставрогину) что мы ужъ и теперь ужасно сильны? Наши не тѣ только которые рѣжутъ и жгутъ, да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются. Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понижаю. Я вѣдь мошенникъ, а не социалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью уже нашъ, Адвокатъ защищающій образованнаго убійцу тѣмъ что онъ развитіе своихъ жертвъ и чтобы денегъ добыть не могъ не убить, уже нашъ. Школьники убивающіе мужика чтобы испытать ощущение наши. Присяжные оправдывающіе преступниковъ словомъ наши. Прокуроръ трепещущій и въ судѣ что онъ недостаточно либераленъ, нашъ. Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ. Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздвѣлены лузеры съ желчью, вездѣ тщеславіе раздѣровъ непопѣрныхъ, аллетитъ звѣрскій; неслышанный... Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: „двѣсти розогъ, или тащи ведро“. О, дайте взрости локопльнию! Жаль только что некогда ждать. а то пусть бы они еще польянѣе стали!“

Мы заранее отклоняемъ всякое обвиненіе въ преднамѣренной группировкѣ психологическихъ и общественныхъ наблюденій, какими богатъ романъ г. Достоевскаго; мы не дѣлаемъ никакихъ аналогій и обобщеній и остерегаемся всякихъ послылокъ къ нашему времени и къ нашему современному положенію. Вопросъ о злокачественности и распространенности въ нашемъ обществѣ психической болѣзни наблюдаемой въ романѣ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ цѣлей настоящей статьи. Существованіе болѣзни естественно предполагаетъ существованіе общихъ причинъ изъ которыхъ она возникаетъ и среды въ которой она вербуетъ свои жертвы; но среда хотя и несетъ отвѣтственность за выдѣляемая ею болѣзненные аномальности, еще не должна считаться зараженною. Тѣмъ не менѣе связь между отдѣльными явленіями и общими признаками времени непременно существуетъ, и

въ этомъ конечно смыслъ слѣдуетъ ловимать всё тѣ обобщенія какія читатель найдетъ въ романахъ г. Достоевскаго.

Мы указали въ началѣ нашей статьи самое круткое, самое существенное изъ такихъ обобщеній. „Видите, это точно-точно какъ наша Россія“, говоритъ въ заключеніе романа старый, умирающій, невинный бѣсъ Степанъ Трофимовичъ:— „Эти бѣсы выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней— это всё язвы, всё миазмы, вся нечистота, всё бѣсы и всё бѣсеяла, накопившіеся въ великомъ и милкомъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка!“

Вѣрно ли это? Дѣйствительно ли тотъ психологическій недугъ который съ такимъ мастерствомъ анализовалъ авторъ въ лицѣ многочисленныхъ героевъ его романа представляетъ преобладающій недугъ нашего времени и нашего общества? Дѣйствительно ли *эти* и не другіе бѣсы живутъ въ нашемъ общественномъ стадѣ?

Мы видѣли что дѣйствіе романа происходитъ въ особой средѣ, въ особомъ мірѣ, снабженномъ многими специфическими признаками, — мірѣ который мы назвали подпольемъ нашей интеллигенціи. Мы преднамѣренно отдѣлили этотъ міръ отъ совокупности всей нашей общественности, потому что въ той же степени онъ уединенъ отъ нея и въ дѣйствительной жизни. Что же мы нашли въ этой средѣ? Болѣзнь раздраженной, но не развитой мысли, доходящая до безлутства, до сатурналіи, состояніе умственной и нравственной придавленности подъ бременемъ непосильной идеи, болѣзненная и страстная работа мозга, отравленнаго неломѣрнымъ тщеславіемъ, фанатизмъ мысли. Люди живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ какъ бы внѣ условій времени и общества, сосредоточенные въ себѣ и въ фантастическихъ построеніяхъ своего воспламеннаго мозга. Шатовъ не можетъ сбросить съ себя узъ подпольнаго существованія только потому что внѣ подполья не видитъ для себя никакого мѣста; Кириловъ жертвуетъ жизнью для того чтобъ оправдать придавившую его философскую идею; Ставрогинъ пораженъ физиологическимъ недугомъ, сладострастною жадной преступленія и мучительства; Шигалевъ расходуетъ жизнь на сочиненіе системы, которая „сильнѣе и смѣлѣе Фурье“. Если мы влпомнимъ что огромная масса современнаго общества отличается замѣчательнымъ равнодушіемъ къ *идеѣ*, что практическіе, матеріальные интересы пріобрѣтаютъ надъ нимъ все болѣшую и болѣшую власть, то и этого будетъ

достаточно чтобъ убѣдиться въ невозможности всякой прямой послышки отъ „бѣсовъ“ г. Достоевскаго къ современному обществу en-gros, въ оласности всякихъ положительныхъ выводовъ и обобщеній.

Авторъ какъ бы самъ чувствуетъ что обобщеніе тѣхъ исключительныхъ явленій которыя онъ наблюдаетъ въ своемъ романѣ не дастъ вѣрнаго представленія о нравственной болѣзни нашего поколѣнія. Онъ проводитъ вокругъ дѣйствующихъ лицъ своего романа нѣсколько твердыхъ чертъ, которыми какъ бы устанавливается извѣстная связь ихъ съ современною общественностью въ широкомъ значеніи этого слова. Сконцентрированный воздухъ подполья какъ бы проникаетъ въ разрѣженные верхніе слои атмосферы, въ которыхъ авторъ даетъ почувствовать присутствіе кое-какихъ общихъ элементовъ безпринципности и безпорядка. Состояніе этой верхней атмосферы особенно ясно отразилось на большомъ публичномъ праздникѣ въ пользу губернатокъ, предшествующемъ заключительной катастрофѣ, которою развязываются всѣ затронутыя романомъ отношенія и столкновения. Безпорядочный сбродъ „разныхъ людишекъ“, взявшій мало-малу въ губернскомъ обществѣ верхъ надъ болѣе серьезными его элементами, и направляемый опытною въ интригахъ рукою Петра Степановича, производитъ нелѣпый скандалъ съ цѣлю усилить въ обществѣ тотъ милый „безпорядокъ умовъ“ которому такъ рады коноводы подполья. Это преобладаніе „разныхъ людишекъ“ надъ обществомъ, легкость съ которою они забираютъ въ свои руки заправленіе всякимъ общественнымъ начинаніемъ, вовсе не случайное явленіе, но одинъ изъ тѣхъ признаковъ которыми характеризуется наше безпринципное время и наша рыхлая, лишенная упругости сопротивленія, общественная среда.

На этомъ пунктѣ романъ *Бтсы* очень близко соприкасается съ послѣдними произведеніями г. Писемскаго, которымъ мы посвятили нашу предыдущую статью („Практической нигилизмъ“, *Русскій Вѣстникъ*, июль). Оба писателя изобразили намъ двѣ различныя стороны того умственного и нравственного броженія которое воцарилось въ нашемъ обществѣ какъ результатъ извѣстнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Мы видѣли темное подполье, съ „послѣдними корчами подъ свалившимся и наполовину предавившимъ камнемъ“, и широкую арену практической жизни, усвоившую изъ нигилистической

доктрины то что наиболѣе оказалось съ руки матеріальнымъ стяжаніямъ и житейской безпринципности. Какъ ни далеко разошлись между собою, ловидимому, эти течения, оба писателя согласно указываютъ ихъ точку отправленія. „Вѣкъ безъ идеаловъ, безъ чаяній, безъ надеждъ“, говоритъ г. Писемскій въ заключительныхъ строкахъ комедіи *Вааль*. „Не надо науки, не надо образованности, не надо вышнихъ способностей!“ восклицаетъ Петръ Степановичъ въ романѣ *Бѣсы*. И тамъ, и здѣсь, отсутствіе идеаловъ, ненависть къ идеаламъ, протестъ противъ духовнаго неравенства, протестъ ординарныхъ умовъ противъ болѣе развитыхъ организацій— вотъ исходный пунктъ броженія грозящаго обществу общимъ пониженіемъ интеллектуальнаго и нравственнаго уровня. Дѣйствительно, подъ видимыми успѣхами того матеріальнаго прогресса которымъ такъ кичатся ординарные, средніе умы, наше время таитъ въ себѣ симптомы внутренняго упадка. Наиболѣе опаснымъ изъ этихъ симптомовъ слѣдуетъ почитать то что самое пониманіе положенія вещей все болѣе и болѣе утрачивается, что теряется сознаніе различія между матеріальными результатами цивилизаціи и внутреннею, движущею ея силою. Недавно намъ случилось прочесть въ одной газетѣ описаніе безобразнаго явленія въ Египтѣ, порожденнаго варварствомъ и религіознымъ фанатизмомъ; статья оканчивалась словами: „И это совершается въ странѣ гдѣ существуютъ желѣзныя дороги и телеграфы!“ Ни газетчику, ни редакціи очевидно и въ голову не пришло усомниться дѣйствительно ли желѣзныя дороги и телеграфы представляютъ нѣчто такое что исключаетъ варварство и фанатизмъ. Среднимъ умамъ нашего времени кажется что достаточно послать въ страну оберъ-кондукторовъ и телеграфистокъ чтобы пересадить въ нее цѣликомъ европейскую старую, историческую, культурную цивилизацію. Внѣшній, матеріальный фактъ, механической результатъ творящаго и цивилизующаго духа, сплошь и рядомъ принимается за самый духъ, прогрессъ матеріальный, такъ сказать мануфактурный — за духовное развитіе; не только идеалы, но и элементарные принципы теряютъ свой кредитъ, утрачивается увѣренность въ ихъ обязательности. „Въ Европѣ, замѣчаетъ г. Достоевскій устами „знаменитаго писателя“ Кармазинова, въ Европѣ царство каменное, тамъ еще есть на чемъ опереться. Сколько я вижу и сколько судить могу, продолжаетъ онъ, вся суть русской революціонной

идеи заключается въ отрицаніи чести. Мнѣ нравится что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это-то и набросятся. Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременемъ, во всю его исторію. Открытымъ правомъ на безчестье его скорѣй всего увлечь можно.“

Умирающій Стеланъ Трофимовичъ выражаетъ болѣе оптимизма. „Великая мысль, говоритъ онъ, и великая воля осѣлять ее (Россію) свьше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загвоившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже можетъ-быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша, et les autres avec lui, и я можетъ-быть первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но большой испѣлится и сядетъ у ногъ Иисусовыхъ.... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ....“

Стеланъ ли Трофимовичъ окажется правымъ, или „знаменитый писатель“ Кармазиновъ, озирающій Русь изъ своего прекраснаго далека?

Съ тѣхъ поръ какъ мы предприняли въ *Русскомъ Вѣстникѣ* рядъ критическихъ обзорѣн литературныхъ и общественныхъ явленій, петербургская печать не оставляетъ насъ своимъ вниманіемъ. Каждая статья наша вызываетъ съ ея стороны крики злобы и глумленія, особенно дружныя со времени появленія послѣдняго нашего очерка: *Практическій нигилизмъ*.

Мы никогда не сомнѣвались что проводимыя нами мнѣнія глубоко ненавистны петербургской печати. Во имя идеаловъ и философскаго духа ололчаясь противъ мелкихъ и пошлыхъ интересовъ властвующихъ современною журналистикой, противъ тенденціозной лжи и либеральной формалистики, мы били по самой чувствительной струнѣ нашей печати, и ждали отъ нея самыхъ рѣзкихъ нападений. Но мы все-таки не думали что эти рѣзкія нападенія будутъ въ такой степени безсодержательны и что петербургская печать, беззубо глумясь надъ нами, такъ неосмотрительно владеть въ самыя комическія обмолвки и такъ наивно выдастъ призрачность руководящихъ ею началъ.

Мы говоримъ, конечно, не о новомъ фельетонистѣ *Голоса*, для котораго печатный матеріалъ — предметъ настолько незнакомый что онъ даже не умѣетъ отличить собственныя наши слова отъ цитатъ изъ разбираемыхъ нами авторовъ. Не удивительно что онъ не понялъ сказаннаго нами по поводу двухъ выраженій Елены (въ романѣ *Въ водоворотѣ*): „умѣе, но не либеральнѣе“ и „женщина не любви, а политики“; но весьма удивительно что онъ принялъ эти выраженія за наши собственныя. Во всякомъ случаѣ бесѣда съ фельетонистомъ которому еще надо подучиться читать разбираемыя имъ статьи была бы дѣломъ совершенно празднымъ.

Гораздо интереснѣе то что мы почерпнули изъ фельетонновъ г. Z., обозрѣвающаго въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* текущую журналистику. Этотъ рецензентъ настолько опытенъ въ письменности что не смѣшиваетъ нашихъ цитатъ съ нашими собственными сужденіями и выводами. Взвѣсивъ того онъ изъ собственной безпокойной фантазіи извлекаетъ цѣлыя критическія мнѣнія которыя безъ всякой почвы приписываетъ намъ — съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ вычиталъ ихъ въ нашихъ статьяхъ. Напримѣръ, изъ фельетона г. Z. мы узнаемъ что мы открыли въ гг. Стебницкомъ, Авсѣнко и Маркевичъ преемниковъ Пушкина—хотя въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* упомянутые писатели даже не названы. Приѣмъ, впрочемъ, далеко не новый для г. Z. Такъ какъ еще недавно разбирая романъ г. Авсѣнко: *Изъ-за благъ земныхъ*, онъ цитовалъ изъ него такія фразы которыхъ тамъ никогда не было, а г. Маркевичу приписалъ заимствованія изъ Ореста Сомова какія тому и не случилось, въ чемъ и былъ своевременно печатно изобличенъ.

Но главная суть не въ этомъ, и не отъ г. Z. позволительно ожидать улучшенія нашихъ литературныхъ нравовъ. Любопытнѣе всего то что г. Z. останавливаясь на нашихъ словахъ и безыдеальности и безпринципности нашего времени, возражаетъ намъ слѣдующимъ образомъ: „Конечно, г. А. не поспѣетъ утверждать что Павелъ Ивановичъ (Чичиковъ) не имѣетъ принциповъ, что онъ стремится къ свободѣ отъ исторически-сложившихся общественныхъ и нравственныхъ узъ. Принципы благонамѣреннаго гражданина, полезнаго члена общества и добраго семьянина весьма сильны въ Павлѣ Ивановичѣ, а тѣмъ не менѣе онъ плутъ и мошенникъ.“

Такимъ образомъ культурные идеалы, отсутствіе которыхъ мы относимъ къ самымъ печальнымъ показателямъ нашего интеллектуальнаго и нравственнаго уладка, найдены въ Чичиковѣ. Не въ правѣ ли мы сказать послѣ того что если не въ современномъ обществѣ, то въ современной журналистикѣ отсутствуютъ не только идеалы и принципы, но даже самое понятіе о томъ что должны заключать въ себѣ эти выходящія изъ употребленія слова?

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ

(НЕКРОЛОГЪ.)

Мы давно знали о безнадежномъ положеніи въ которомъ находилось здоровье Ф. И. Тютчева послѣ постигшаго его удара, но къ мысли о его смерти трудно привыкнуть тѣмъ кто зналъ его лично...

Покойный Тютчевъ принадлежалъ къ людямъ которыхъ цѣнятъ не столько за то что они сдѣлали сколько за то чѣмъ они были. Это была избранная, высоко одаренная натура, душа чуткая и открытая для впечатлѣній духовнаго свойства. Не знавшіе его лично имѣютъ свидѣтельство о немъ въ удѣлѣвшихъ и подобранныхъ родными и друзьями поэтическихъ произведеніяхъ которыя выливались неволью изъ его души, безъ всякой мысли о публикѣ, и которыя такъ и остались въ своемъ выраженіи частью его внутренняго міра. При изяществѣ, которое дѣлаетъ ихъ столь цѣннымъ достояніемъ нашей литературы, они исполнены искренности внутренняго слова души возбужденной и затронутой въ своемъ существѣ. Федоръ Ивановичъ скончался на 70 году жизни; но онъ до конца, подъ своими сѣдинами, оставался юнъ

душою. Это благородѣйшее свойство людей отличенныхъ драми духа, которое съ такою убѣдительною говоритъ намъ о неустойчивой жизнени души человѣческой созданной для безсмертія. Общество было для него необходимою; онъ постоянно былъ въ людяхъ. Но онъ также постоянно умѣлъ быть одинъ и въ шумной толпѣ. Онъ въ обиліи принималъ впечатлѣнія извнѣ, но они подчинялись теченію его мысли. Въ разговорахъ, возникавшихъ случайно, онъ поражалъ яркими протѣвтами разумнія которые вдругъ озаряли цѣлые горизонты. Рѣчь его, оживляясь, сыпала искрами. Выраженія удивительныя по мѣткости, остроумію и верѣдко глубинѣ, поражавшія мгновенно рядъ яркихъ мыслей и живыхъ настроеній въ слушателяхъ, вырывались у него такъ неожиданно, такъ внезапно, такъ добровольно. Душа его отзывалась на все. Удивительное дѣло,—такъ много лѣтъ, и притомъ лучшихъ въ жизни провелъ онъ въ чужихъ краяхъ, а русское чувство теллилось въ немъ неугасимо; оно проникало до тайниковъ его души, и сказывалось свѣжо и сильно при всякомъ возбужденіи. Онъ былъ исполненъ пламеннаго патріотизма, и мы никогда не забудемъ Тютчева какимъ являлся онъ намъ въ памятную эпоху 1863 года....

Воспроизводимъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* біографическія свѣдѣнія о покойномъ:

Ф. И. Тютчевъ родился 1803 года ноября 23го, въ родовомъ помѣстьѣ Бранскаго уѣзда (село Овстугъ). Учился онъ первоначально дома. Его воспитателемъ былъ извѣстный знатокъ классической поэзіи древнихъ и переводчикъ Тасса и Аріоста, Семеновъ Николаевичъ Раичъ, прожившій у Тютчевыхъ въ домѣ семь лѣтъ. Еще ребенкомъ Тютчевъ поражалъ всѣхъ своими блестящими дарованіями. Поэтическія наклонности и дѣтская живость не мѣшали ему учиться чрезвычайно серіозно и прилежно. Въ 1817 году (когда Тютчеву было 14 лѣтъ), Раичъ представилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности переводы въ стихахъ Тютчева изъ Горация. Переводы точно хороши. Общество напечатало ихъ тогда же въ своихъ *Трудахъ* и избрало Тютчева въ члены-сотрудники. Пятнадцать лѣтъ Тютчевъ сталъ посѣщать университетъ (куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Раи-

чемъ), былъ очень любимъ Мерзляковымъ, и блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата. Въ 1821 году онъ поступилъ въ Петербургъ на службу въ Иностранную Коллегію, и въ этомъ же году (Тютчеву было 18 лѣтъ) его родственникъ, извѣстный графъ Остерманъ-Толстой, увезъ его за границу, гдѣ и опредѣлялъ его на службу при посольствѣ въ Мюнхенѣ.

Съ 1821 года по 1844 Тютчевъ оставался за границей, съ восемнадцатилѣтняго возраста по 41 годъ. Онъ былъ обласканъ Гёте, коротокъ съ Гейне и вообще былъ близокъ всѣмъ свѣтлымъ мысли и науки, по преимуществу въ южной и средней Германіи. Въ 1838 или 1839 году онъ былъ переведенъ въ русскую миссію въ Туринъ, гдѣ и служилъ до 1840 года. Въ тогдашнемъ Туринѣ дѣлать было нечего, и однажды Тютчевъ, увлекшись желаніемъ отправиться въ Швейцарію, заперъ посольство, и положивъ ключъ въ карманъ, отлучился изъ Турина. Тютчевъ былъ исключенъ изъ службы и лишенъ камергерскаго званія. Изъ Турина онъ возвратился въ Мюнхенъ, гдѣ и жилъ до 1844 года. По ходатайству Великой Княгини Маріи Николаевны, Государь простилъ его, и онъ опять былъ принятъ на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и восстановленъ въ званіи камергера.

Въ теченіе 23лѣтняго пребыванія своего за границей, **Э. И.** Тютчевъ ѣздилъ въ отпускъ въ Россію, но изрѣдка, и однажды только провелъ въ ней всю зиму (въ 1826—27).

Въ первый разъ стихотворенія его появились въ печати въ *Современникѣ* Пушкина. Одинъ русскій путешественникъ (князь Иванъ Гагаринъ), познакомясь съ Тютчевымъ и узнавъ что онъ пишетъ стихи, *подобралъ* нѣсколько лиесъ имъ написанныхъ и доставилъ ихъ Пушкину, который тотчасъ оцѣнилъ ихъ по достоинству. Тютчевъ, обладавшій высокимъ поэтическимъ даромъ, всегда небрежно относился къ своимъ стихотвореніямъ; онъ писалъ ихъ на клочкахъ бумаги, никогда не сохранялъ ихъ, и для русской литературы, къ сожалѣнію, потеряно множество его стихотвореній. Только въ послѣдствіи, когда его собственное семейство стало подбирать эти доскутки, его поэзія сдѣлалась извѣстною свѣту. Въ 1854 году **И. С.** Тургеневъ взялъ на себя трудъ собрать по возможности стихотворенія Тютчева, и сколько могъ собралъ ихъ и напечаталъ разомъ цѣлою тетрадью въ журналѣ *Современникѣ*. Въ 1868 году, одинъ изъ родственниковъ Тютчева предпринялъ новое изданіе его стиховъ, болѣе полное; но и

туть не могли убѣдить его заняться пересмотромъ стихотвореній, изъ коихъ нѣкоторыя были доставлены издателю въ искаженныхъ спискахъ.

Въ 1852 году Тютчевъ напечаталъ въ *Revue des Deux Mondes* замѣчательную статью о латинской церкви, противопоставляя ей православную; онъ написалъ еще нѣсколько статей на французскомъ языкѣ, изъ коихъ двѣ напечатаны въ *Russische Archiv* нынѣшняго года: статьи эти посвящены вопросамъ современной политики иностранной и вопросу о цензурѣ.

31го декабря минувшаго года, его поразилъ ударъ и парализовалъ ему одну руку и ногу. Онъ скончался 15го июля. Послѣдніе дни были безъ страданій. Дѣятельность мысли и остроуміе не покидали его до послѣднихъ дней, равно какъ и живое участіе въ политическихъ судьбахъ Россіи. Хивинскій походъ и затѣмъ борьба государства съ церковью въ Германіи въ особенности занимали его въ послѣдніе мѣсяцы.

Предполагается собрать и издать его письма къ разнымъ лицамъ; это будетъ обширный сборникъ, обильный самыми блестящими мыслями, дальновидными соображеніями и остроумѣйшими выраженіями.

Онъ былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ остались дѣти: отъ перваго три дочери, отъ втораго изъ двухъ сыновей и дочери остался въ живыхъ одинъ сынъ.

ПОПРАВКА.

Встрѣчающееся нѣсколько разъ въ романѣ графа Салъса ошибочно напечатанное собственное имя *Камносъ Гой* слѣдуетъ читать *Камносъ Гай*.

При семъ № предлагается прейсъ-курантъ отъ торговаго дома О. А. КОРЕЩЕНКО.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М Ъ С Т О Ш Е С Т О Й .

І Ю Л Ъ .

Стр.

Курскіе порубежники. Историческій романъ. Часть третья. Окончаніе. <i>В. Е. Маркова</i>	5
Ученіе Дарвина о происхожденіи міра органическаго и челоуѣка. Философско-критическіе этюды. Гл. I—VI. <i>А. П. Лебедева</i>	118
Болгарія. Славянская повѣсть. <i>М. С. Чайковскаго</i> (Садкѣ-лаши). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.	168
Махонинъ. Изъ моихъ воспоминаній. Окончаніе. <i>Н. Ч.</i>	216
Впечатленіе военнаго врача въ Крымскую кампанію. <i>И. Л—скаго</i>	259
Леди Анна. Романъ. Антони Тролопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XII.....	296
Казанская учительская семинарія по отношенію къ мѣстному населенію. <i>Е. Н. Воронца</i>	319
Словенѣы. Изъ путеыхъ воспоминаній. <i>В. Макушева</i> ..	345
Русская художественная литература. <i>П. А. Висковатого</i> .	368
Практическій нигилизмъ. <i>А.</i>	389

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И :

Кенельмъ Чилдингги его приключенія и мѣвнїа. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. XIV—XV и книга вторая. Гл. I—VIII.

А В Г У С Т Ъ.

	<i>Стр.</i>
Ученіе Дарвина о происхожденіи міра органическаго и челоуѣка. Философско-критическіе этюды. Окончаніе. <i>А. П. Лебедева</i>	429
Бѣгуны. Часть первая. Гл. I—XVIII. <i>Графа Е. А. Сальаса</i>	510
Болгарія. Славянская повѣсть. <i>М. С. Чайковскаго</i> (Садыкъ-лаши). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.	605
Письма о сельскомъ хозяйствѣ въ юго-западной Россіи. <i>П. Д. Парсенова</i>	634
Повѣдка въ Палестину. Изъ записокъ черноморскаго офицера. <i>А. Б. Сатина</i>	670
Леди Анна. Романъ. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XIII—XVI.....	689
Паденіе Свѣчи и Запорожская церковь въ Новомосковскѣ. <i>Г. П. Наджима</i>	718
Въ Лѣсахъ. Разказъ. Гл. LXX. — LXXV. <i>Андрея Печерскаго</i>	759
Общественная психологія въ романѣ. <i>А.</i>	798
Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. (Некрологъ)....	834

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Кенелмъ Чиллингви его приключенія и мнѣнія. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга вторая. Гл. IX—XVI.

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ПОЛНЫЙ КУРСЪ
НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ
ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНЯ.

ИЗЪ ПЯТИ ОТДѢЛОВЪ: МЕХАНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ, ЗВУКЪ,
ТЕПЛО И СВѢТЪ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНЕТИЗМЪ,
ОБЩАЯ ФИЗИКА.

Профессора Н. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 политипажамъ въ текстѣ, задачами, репетитори-
умомъ и вопросамъ для упражненій.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи
и у книгопродавцевъ.

въ наставникѣ, это потому что до сихъ поръ, повидимому, тебя нельзя было увлечь съ истиннаго пути женскими прелестями. Могу ли я спросить, въ числѣ другихъ наукъ какія ты изучалъ не была ли и та которую человекъ до сего времени не могъ постичь вполне,—познаваніе женщины?

— Разумѣется. Вы позволите мнѣ любить еще форель?

— Такъ ты изучалъ женщинъ. Я бы никогда не подумалъ этого. Когда же и гдѣ началъ ты знакомиться съ этою областью знанія?

— Когда? Начиная съ десяти лѣтъ. Гдѣ? прежде въ нашемъ домѣ, потомъ въ коллегіи. Пойдите! клюнула, — и другая форель, покинувъ свою родную стихію, поплава прямо на носъ сэръ-Питеру, откуда была перенесена въ корзинку.

— Въ десять лѣтъ и въ моемъ домѣ. Эта щеголиха, вертушка Дженъ, горничная....

— Дженъ! Нѣтъ. Памела, миссъ Байронъ, Кларисса—женщины въ Ричардсонѣ, которыя, какъ говоритъ докторъ Джонсонъ, „учатъ страсти повиноваться велѣніямъ добродѣтели“. Надѣюсь, ради васъ, что докторъ Джонсонъ не ошибся въ своемъ увѣреніи, ибо я находилъ всѣхъ этихъ женщинъ nochю въ вашихъ собственныхъ комнатахъ.

— О! сказалъ сэръ-Питеръ, только-то.

— Только что я припоминаю, возразилъ Кенелмъ.

— А у мистера Велби и въ коллегіи, продолжалъ сэръ-Питеръ нерѣшительно,—ты былъ знакомъ съ женщинами такого же рода?

Кенелмъ покачалъ головой.

— Гораздо хуже, особенно въ коллегіи.

— Такъ и есть. Чего можно ожидать отъ нихъ хорошаго когда столько ловѣсь за ними гоняются.

— Очень не многіе изъ моихъ товарищей гонялись за женщинами о которыхъ я говорю, еще менѣе кто сознавался въ этомъ.

— Тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, батюшка, тѣмъ хуже; безъ близкаго знакомства съ этими женщинами мало пользы быть въ университетѣ.

— Объяснись пожалуйста.

— Пирра и Лидія, Гликерія и Коринна, и многія другія въ томъ же родѣ; потомъ женщины у Аристофана, что вы скажете о нихъ?

— И это только съ женщинами которыя жили 2.000 или 3.000 лѣтъ тому назадъ, или еще вѣроятнѣе, вовсе никогда не жили, ты сводилъ знакомство? Не восхищался ли ты когда-нибудь настоящею женщиной?

— Настоящія женщины! Я никогда ни встрѣчалъ ни одной которая не была бы фальшивою, фальшивою съ той минуты какъ ее похвалятъ; она начинаетъ скрывать свои чувства, и во взглядѣ ея ложь когда она не говоритъ лжи. Но если мнѣ слѣдуетъ изучать ложную жизнь, полагаю что я долженъ начать со дживыхъ женщинъ.

— Не потерялъ ли ты неудачи въ любви что говоришь съ такою горечью о женщинахъ?

— Я не говорю съ горечью о женщинахъ. Но испытайте женщину въ ея клятвахъ, и она покажетъ вамъ что она жива, всегда была таковою и всегда будетъ, и гордится этимъ.

— Я радъ что твоя мать не слышитъ тебя. Со временемъ ты будешь думать иначе. А пока, возвратимся къ другому поду: вѣтъ ли молодого человека твоего сословія съ кѣмъ бы тебѣ пріятно было путешествовать?

— Разумѣется вѣтъ. Я ненавижу ссоры.

— Какъ хочешь. Но нельзя же тебѣ вѣхать совершенно одному; я найду тебѣ хорошаго слугу для путешествія. Сегодня я напишу въ городъ касательно приготовленій, и черезъ недѣлю или около того, я надѣюсь, все будетъ готово. Денегъ на расходы ты будешь получать сколько самъ назначишь: ты никогда не былъ расточителемъ, и, дитя мое, я люблю тебя. Развлекайся, веселись, и возвращайся измѣчившись отъ своихъ странностей, но сохранивъ свою честь.

Сэръ-Питеръ наклонился и поцѣловалъ сына въ лобъ. Кенелмъ былъ тронутъ; онъ всталъ, обнявъ отца и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Если когда-нибудь мнѣ встрѣтится искушеніе поступить низко, для меня довольно будетъ вспомнить чей я сынъ — это спасетъ меня.

Сказавъ это онъ опустилъ руку и пошелъ одиноко вдоаръ ручья, не заботясь о дорогѣ.

Г Л А В А XIV.

Молодой человекъ продолжалъ идти по берегу ручья пока не достигъ ограды парка. Здѣсь на грубомъ возвышеніи поросшемъ травой, одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ, общительнаго характера, построилъ родъ бельведера, откуда открывался прекрасный видъ на пролегавшую внизу большую дорогу. Наслѣдникъ фамиліи Чиллинггау машинально взобрался на возвышеніе, вошелъ въ бельведеръ, сѣлъ и задумчиво подперъ рукой голову. Зданіе это рѣдко было посѣщаемо человекомъ; обычными его обитателями были пауки. Эти искусныя насѣкомыя образовали тамъ многочисленную колонию. Паутина, потемнѣвшая отъ пыли и украшенная крыльями, ногами и остовами множества злополучныхъ путниковъ, густо застилала уголъ и подоконникъ, слускалась фестонами къ хромоногому столу, на который молодой человекъ положилъ свои локти, образовала геометрическіе круги и ромбонды между полосками изъ коихъ состояли спинки старинныхъ стульевъ. Одинъ большой черный паукъ, — который былъ можетъ-стать старѣйшимъ обитателемъ и завладѣлъ лучшимъ мѣстомъ у окна, готовый предложить предательское гостепріимство всякому крылатому страннику который соблазнясь прохладой и отдохновеніемъ свернетъ съ большой дороги, — выскочилъ при входѣ Кенелма изъ своего внутренняго убѣжища и остановился неподвижно въ срединѣ своей сѣтки, глядя на него во всѣ глаза. Казалось онъ не былъ вполнѣ увѣренъ слухомъ великъ пришлецъ или нѣтъ.

— Вотъ удивительное доказательство мудрости Провидѣнія, сказалъ Кенелмъ, — что когда значительное число его твореній составляютъ общество или классъ, тайный элементъ разединенія входитъ въ сердца особей составляющихъ общину и лишаетъ ихъ возможности совместно дѣйствовать съ усердіемъ и пользою для общаго интереса. „Мухи могли бы стащить меня съ постели еслибъ онѣ были единомышленны“, сказалъ великій г. Корренъ, и нѣтъ сомнѣнія что еслибы всѣ пауки составляющіе здѣшнюю республику

дружно напали на меня, я лалъ бы жертвою ихъ соединенныхъ усилій. По лауки, несмотря на то что живутъ въ одномъ мѣстѣ, принадлежать къ одной породѣ, одушевлены одинакими инстинктами, не соединяются даже для нападенія на бабочку; каждый заботится о собственной пользѣ, а не о пользѣ всей общины. Жизнь каждаго творенія сходна въ этомъ отношеніи съ кругомъ, который не можетъ соприкасаться съ другимъ кругомъ болѣе чѣмъ въ одной точкѣ. Я сомнѣваюсь даже прикасаются ли они и въ ней,—между атомами есть всегда разстояніе—Я всегда себялюбиво. Между тѣмъ есть знаменитые учителя въ Академіи Новыхъ Идей которые хотятъ увѣрить насъ что всѣ рабочіе классы цивилизованнаго міра могли бы отрѣшиться отъ всякаго различія происхожденія, исповѣданія, умственнаго развитія, индивидуальныхъ наклонностей и интересовъ, для соединенія въ одинъ союзъ заботящійся о наполненіи общественной кладовой!

Здѣсь бесѣда его съ самимъ собой прекратилась, и наклонясь за окно, онъ сталъ смотрѣть на большую дорогу. Это была прекрасная дорога, прямая и гладкая, содержащая въ превосходномъ порядкѣ сторожами при шлагбаумахъ на каждаыхъ одиннадцати миляхъ. Веселыя луговины окаймляли ее съ каждой стороны, а внизу бельведера одинъ изъ благожелательныхъ средневѣковыхъ Чиллингги устроилъ небольшой фонтанъ для освѣженія прохожихъ. Около фонтана стояла грубая каменная скамья, оственная густою ивой. Съ высокаго пригорка на которомъ она стояла открывался пространный видъ на хлѣбныя поля, луга и далекія горы, облитыя мягкимъ свѣтомъ лѣтнаго солнца. Вдоль дороги двигались то колымага наполненная пассажирами сидящими на соломѣ—старая женщина, красивая дѣвушка, двое дѣтей; то толстый фермеръ отправляющійся на базаръ въ своей телѣгѣ; потомъ три легкіе экилажа пронеслись на ближайшую станцію желѣзной дороги; потомъ красивый молодой человѣкъ верхомъ, рядомъ съ нимъ молодая дѣвушка, позади грумъ. Не трудно было угадать что молодой человѣкъ и молодая дѣвушка были влюбленные. Это видно было по его блестящимъ глазамъ и серіознымъ губамъ, которыя шептали что-то слышное лишь ей одной, видно было по ея потупленнымъ очамъ и разгорѣвшимся щекамъ.

„Увы! безлечные къ своей судьбѣ“, прошепталъ Кенелмъ,

„сколько тревогъ эти *маленькія жертвы* готовятъ для себя и своего потомства! Еслибъ я могъ снабдить ихъ сочиненіемъ Децима Роча *О приближеніи къ Ангеламъ!*“

Дорога оставалась нѣсколько минутъ пустынною; вдругъ справа послышался веселый голосъ, среднее между гвнїемъ и говоркомъ, съ такимъ отчетливымъ произношеніемъ что слова явственно достигали уха Кенелма. Они были слѣдующія:

Черный Каръ изъ дверей своей хаты глядѣлъ,
 Онъ глядѣлъ въ зеленѣющей боръ;
 А дорогою внивъ идетъ рыцарь Нирстейнъ
 И собаки его впереди.
 И поетъ онъ, поетъ, беззаботно поетъ;
 Идетъ рыцарь Нирстейнъ, внивъ дорогой идетъ
 И собаки его впереди.

Слыша гвнїю по звукамъ англійскую, по содержанію нѣмецкую, Кенелмъ сталъ внимательно вслушиваться, и взглянувъ внизъ на дорогу увидѣлъ выходящую изъ тѣни березъ сбнѣявшихъ ограду ларка фигуру которая не влолнѣ гармонировала съ понятіемъ о рыцарѣ Нирстейнѣ. Фигура была тѣмъ не менѣ довольно привлекательна. Незнакомецъ былъ одѣтъ въ лоношенное зеленое платье, съ высокою тирольскою шляпою на головѣ; за плечами у него былъ заброшенъ дорожный мѣшокъ и его сопровождала бѣлая померанская собака, очевидно хромоногая, но съ претензіей казаться искусною в охотѣ: она ковляла нѣсколькими шагами впереди своего хозяина и обнюхивала около плетня ища крысъ или мышей или тому подобной мелкой дичи.

Видѣвъ съ окончаніемъ гвнїи гвншеходъ достигъ фонтана и привѣтствовалъ его радостнымъ восклицаніемъ. Сбросивъ съ плечъ мѣшокъ, онъ наполнилъ желѣзный ковшъ привязанный къ фонтану; кликнувъ собаку, называя ее Максомъ, и поднесъ ей ковшъ чтобъ она напилась, и только когда животное утолило жажду, хозяинъ его сталъ утолять свою. Потомъ, снявъ шляпу и обмывъ себѣ виски и лицо, прохожій сѣлъ на скамью, а собака угнѣздилась на лужайкѣ у его ногъ. Послѣ небольшой остановки, прохожій началъ снова, но болѣе тихимъ и медленнымъ голосомъ, гвнть свою гвнїю, и продолжалъ съ небольшою заминкой прибирать стихи второго куплета. Видно было что онъ или старался припомнить забытое или сочинялъ самъ, послѣднее казалось вѣроятнѣе и было болѣе похоже на работу ума.

— Что лѣшкомъ, не верхомъ, рыцарь Карлъ, скакать онъ,—
Не на сѣрой лошаdkѣ своей?

Сѣрой лошаdkѣ.... гм! своей. Такъ будетъ хорошо!

„Въ самомъ дѣлѣ хорошо! Онъ немногимъ доволенъ“, про-
бормоталъ Кенельмъ. „Но такіе лѣшеходы не каждый день про-
ходятъ по дорогѣ. Потолкуемъ съ нимъ.“ Говоря такъ, онъ
тихонько вылезъ изъ окна, сошелъ съ возвышенія и выйдя
на дорогу чрезъ непримѣтную калиточку, безшумно остановил-
ся позади прохожаго лодъ развѣсистую ивой.

Незнакомецъ былъ погруженъ въ молчаніе. Можетъ-статься
онъ утомился стихами, или же механизмъ стихосложенія смѣ-
нился тѣмъ мечтательнымъ состояніемъ которое свойственно
характеру занимающихся стихотворствомъ. Красота окру-
жающей природы приковала его взглядъ къ лѣсистому ланд-
шафту уходившему вдаль ко грядѣ горъ, въ которыя, ка-
залось, упиралось небо.

— Я бы желалъ слышать окончаніе этой нѣмецкой баллады,
внезапно послышался голосъ.

Путникъ вздрогнулъ и оглянулся. Кенельмъ увидалъ предъ
собою человека зрѣлыхъ лѣтъ, съ волосами и бородой густаго
роскошнаго каштановаго цвѣта, съ блестящими голубыми
глазами и замѣчательною необъяснимою прелестью въ очер-
таніяхъ лица и въ выраженіи, очень веселомъ, очень откры-
томъ, и съ оттѣнкомъ благородства, внушавшаго уваженіе.

— Простите что я обезлокоилъ васъ, сказалъ Кенельмъ
приподнимая шляпу,—но я подслушалъ ваше лѣніе, и хотя
мнѣ кажется что ваши стихи переведены съ нѣмецкаго, я
однакожь не помню чего-нибудь подобнаго у тѣхъ народныхъ
нѣмецкихъ поэтовъ которыхъ мнѣ случалось читать.

— Это не переводъ, сэръ, возразилъ прохожій.—Я просто
пытался связать нѣсколько мыслей которыя пришли мнѣ въ
голову въ это прекрасное утро.

— Значить вы поэтъ? сказалъ Кенельмъ, садясь на скамью.

— Я не смѣю сказать поэтъ; я стихослагатель.

— Я знаю, сэръ, что въ этомъ есть разница. Многіе совре-
менные поэты, которыхъ считаютъ очень хорошими, необык-
новенно дурные стихослагатели. Что касается меня, то я
охотнѣе бы считалъ ихъ хорошими поэтами есдибъ они вовсе
не писали стиховъ. Но не могу ли я услышать окончаніе
баллады?

— Увы! Окончаніе баллады еще не готово. Предметъ ея довольно обширенъ, и мои вдохновенія очень коротки.

— Тѣмъ лучше и тѣмъ меньше это похоже на модныхъ поэтовъ. Вы вѣроятно не здѣшній. Далеко ли вы держите путь съ вашею собакой?

— Телоръ у меня праздничное время, и я проброжу все лѣто. Я уйду далеко, потому что буду путешествовать до сентября. Весело живется посреди полей въ лѣтнюю пору.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Кенельмъ съ большою наивностью.—Я бы подумала что гораздо раньше сентября вамъ наскучать и поля, и собака, и вы сами. Но у васъ есть развлеченіе, вы сочиняете стихи, а это, какъ кажется, очень пріятное занятіе для тѣхъ кто посвящаетъ себя ему, начиная отъ нашего стараго друга Горація, который претворялъ выработанные алкаики въ медъ, бродя лѣтомъ по орошеннымъ лѣсамъ Тибура, до кардинала Ришелье, который пописывалъ французскія вирши въ промежутки рубки дворянскихъ головъ. Кажется при этомъ все равно хороши или дурны стихи, лишь бы самъ стихотворецъ былъ доволенъ; ибо Ришелье такъ же любилъ это занятіе какъ и Горацій, хотя стихи его разумѣется были вовсе не Гораціевы.

— Безъ сомнѣнія въ ваши годы, сэръ, и при вашемъ очевидномъ образованіи....

— Говорите культурѣ; это въ настоящее время модное слово.

— Хорошо, при вашей очевидной культурѣ, вы должны были сочинять стихи.

— Латинскіе стихи—да, и изрѣдка греческіе. Я долженъ былъ дѣлать это въ школѣ; это не занимало меня.

— Попробуйте англійскіе.

Кенельмъ покачалъ головой.—Гдѣ мнѣ. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

— Въ такомъ случаѣ оставимъ стихотворство; не находите ли вы большое удовольствіе въ уединенныхъ лѣтнихъ прогулкахъ когда вся природа предъ вами, когда вы можете подмѣчать малѣйшія измѣненія въ ея лицѣ— ея смѣхъ, ея улыбку, ея слезы, ея нахмуренное чело!

— Полагая что лодъ природой вы разумѣете механическую послѣдовательность внѣшнихъ явленій, я отвергаю вашъ способъ говорить о механизмѣ какъ будто бы это было существо женскаго рода: ея смѣхъ, ея улыбка и т. д. Это такъ

же невозможно какъ говорить о смѣхѣ и улыбка паровой машины. Возвратимся ко здравому смыслу. Я допускаю что есть удовольствіе одиноко бродить въ хорошую погоду посреди разнообразныхъ мѣстностей. Вы говорите что пользуетесь праздничнымъ путешествіемъ; изъ этого я заключаю что у васъ есть и практическія занятія которыя поглощаютъ ваше время не посвященное праздникамъ?

— Да; я не всегда лѣнюсь. Я иногда работаю, хотя не такъ много какъ бы долженъ былъ. „Жизнь есть трудъ“, какъ говорятъ поэты. Однако и я и собака моя уже отдохнули, и такъ какъ у меня впереди еще длинный путь, то я долженъ проститься съ вами.

— Я боюсь, сказалъ Кенелмъ съ серіозною и мягкою вѣжливостію въ тонѣ и манерѣ, которую онъ могъ обнаруживать по временамъ и которая, отличаясь отъ обыкновенной условной вѣжливости, производила впечатлѣніе,—я боюсь что оскорбилъ васъ вопросомъ который могъ показаться вамъ притязательнымъ, можетъ-быть даже назойливымъ; прошу васъ простить меня; рѣдко приходится мнѣ встрѣчать человека который бы интересовалъ меня, а вы меня заинтересовали.

Говоря это онъ протянулъ руку, которую прохожій пожалъ съ чувствомъ.

— Я былъ бы негодяемъ еслибы вашъ вопросъ оскорбилъ меня. Скорѣе меня можно обвинить въ назойливости что я, пользуясь превосходствомъ моихъ лѣтъ, рѣшаюсь подать вамъ совѣтъ. Не презирайте природу и не смотрите на нее какъ на паровую машину; вы найдете въ ней очень пріятнаго и разговорчиваго друга если захотите сблизиться съ нею. А я не знаю лучшаго способа достигъ этого въ ваши годы и съ вашими крѣпкими ногами, какъ закинуть котомку за плечи и сдѣлаться подобно мнѣ лѣтнимъ странникомъ.

— Благодарю васъ за вашъ совѣтъ, сэръ. Я надѣюсь что мы встрѣтимся еще разъ и обмѣняемся мыслями относительно той вещи которую вы называете природою, вещи на которую наука и искусство никогда, кажется, не смотрятъ однимъ и тѣми же глазами. Если для артиста природа имѣетъ душу, почему не имѣть ея и паровой машины? Искусство снабжаетъ душою всякій предметъ который оно созерцаетъ; наука обращаетъ все что было прежде снабжаемо душою въ матерію. Прощайте, сэръ.

Кенелмъ быстро отвернулся, а прохожій продолжалъ свой путь молча и задумчиво.

Г Л А В А XV.

Кенелмъ направился къ дому подъ тѣнью своихъ старыхъ наслѣдственныхъ деревьевъ. Можно было подумать что его путь посреди зеленѣющихъ луговъ, по берегу журчащаго ручья, былъ пріятнѣе и болѣе располагалъ къ мирнымъ мыслямъ чѣмъ широкая, пыльная дорога по коей побрелъ странникъ котораго онъ только-что оставилъ. Но человѣкъ преданный мечтамъ творить свои ландшафты и налагаетъ краски на собственное небо.

— Странное всегда было у меня желаніе, рассуждалъ Кенелмъ самъ съ собою,—выйти изъ самого себя, войти въ кожу другаго человѣка и внести немножко разнообразія въ свои мысли и чувства. Свое Я всегда одно и то же Я; вотъ почему я такъ часто зѣваю. Но если я не могу войти въ кожу другаго человѣка, самое лучшее вслѣдъ за тѣмъ что я могу сдѣлать, это стать сколько возможно не похожимъ на самого себя. Посмотримъ что такое я. Я—Кенелмъ Чиллинггау, сынъ и наслѣдникъ богатаго джентльмена. А человѣкъ съ котомкой за плечами, спящій въ придорожныхъ лостоялыхъ дворахъ, вовсе не похожъ на Кенелма Чиллинггау, въ особенности если у него очень мало денегъ и онъ можетъ остаться безъ обѣда. Можетъ-статься этому человѣку достуденъ болѣе свѣтлый взглядъ на вещи: болѣе мрачнаго онъ имѣть не можетъ. Смѣлѣе, мое Я, — мы можемъ только попробовать.

Слѣдующіе два дня Кенелмъ казался противъ обыкновенія веселымъ. Онъ зѣвалъ не такъ часто, гулялъ съ своимъ отцомъ, игралъ въ ликетъ съ матерью и былъ больше похожъ на другихъ людей. Сэръ-Питеръ былъ въ восторгѣ; онъ приписывалъ эту счастливую переѣмну приготовленіямъ какія онъ сдѣлалъ для приличнаго путешествія Кенелма. Гордый отецъ велъ дѣятельную переписку со своими значительными лондонскими друзьями, стараясь получить для Кенелма рекомендательныя письма ко всѣмъ дворамъ Европы. Чемоданы со всѣми новѣйшими приспособленіями были заказаны; опытный курьеръ говорившій на всѣхъ языкахъ и готовившій французскія блюда когда понадобится былъ приглашенъ объявить свои условія. Короче, всевозможныя

приготовленія приличествовавшія вступленію молодого патриція въ большой свѣтъ были на всемъ ходу, когда Кенелмъ Чиллинглі врезаяно исчезъ, оставивъ на столѣ въ библіотекѣ сэръ-Питера слѣдующее письмо:

„Дражайшій батюшка,—Повинуясь вашему желанію, я отправился на поиски дѣйствительной жизни и дѣйствительныхъ лицъ или наилучшаго подражанія имъ. Простите меня, умоляю васъ, если я начинаю эти поиски по-своему. До сихъ поръ я видѣлъ довольно господъ и госпожъ: они должны быть всѣ схожи между собою во всѣхъ частяхъ свѣта. Вы желали чтобъ я позабылся. Я хочу попробовать возможно ли это. Леди и джентльмены не занимательны; и чѣмъ болѣе они похожи на господъ и госпожъ, тѣмъ вѣстепимѣе я нахожу ихъ. Дорогой батюшка, я отправляюсь искать приключеній какъ Амадисъ Гальскій, какъ Донъ-Кихотъ, какъ Жиль Блазъ, какъ Родерикъ Рандомъ, какъ, словомъ, единаственныя реальныя лица искавшія дѣйствительную жизнь,—лица кои никогда не существовали кромѣ какъ въ книгахъ. Я иду лѣшкомъ, иду одинъ. Я залася большею суммой денегъ чѣмъ могу издержать, ибо каждый человекъ долженъ покупать опытность, и первая плата особенно дорога. Итакъ, я положилъ пятьдесятъ фунтовъ въ мой бумажникъ, а въ кошелекъ пять sovereignовъ и семнадцать шиллинговъ. Этой суммы должно хватить мнѣ на годъ, но можетъ-статься неопытность лишитъ меня ея въ одинъ мѣсяць, такъ что мы не будемъ ея считать ни во что. Вы сказали чтобъ я самъ назначилъ себѣ содержаніе, я буду локорнѣе просить васъ начать мнѣ выдачу сго теперь же впередъ, приказавъ вашему банкиру уплачивать по моимъ чекамъ въ пять фунтовъ, дѣлая это каждый мѣсяць, всего на шестьдесятъ фунтовъ въ годъ. Съ этою суммою я не умру съ голоду, а если мнѣ понадобится больше, мнѣ будетъ пріятно заработать. Прошу васъ, не посылайте за мной, не начинайте розысковъ, не безпокойте домашнихъ и не давайте повода къ толкамъ сосѣдей, а потому не упоминайте ни о моемъ рѣшеніи, ни о вашемъ изумленіи по поводу его. Я буду писать вамъ время отъ времени.

„Вы сами обсудите что лучше сказать моеи дорогой матушкѣ. Если вы скажете ей правду, что разумѣтся сдѣлалъ бы я есдибы говорилъ ей что-нибудь, то мое намѣреніе будетъ совершенно разрушено и я сдѣлаюсъ предметомъ толковъ всего графства. Я знаю что вы не считаете ложъ безнравственною когда она необходима, какъ въ настоящемъ случаѣ.

„Я надѣюсь пробить въ отсутствіи годъ или одиннадцать мѣсяцевъ; если затѣмъ я буду продолжать свое путешествіе, то буду продолжать его такъ какъ вы предполагали. Тогда я займу свое мѣсто въ лоценомъ обществѣ, буду просить васъ уплачивать всѣ расходы, и буду лгать на свой собственный счетъ въ такихъ размѣрахъ какъ потребуеть сей міръ фикціи который населенъ иллюзіями и управляется ложью.

„Богъ да благословить васъ, дорогой батюшка; будьте увѣрены что если мнѣ встрѣтится затрудненіе при коемъ понадобится помощь друга, я обращусь къ вамъ. Въ настоящее время я не имѣю другаго друга на землѣ, и съ осторожностію и осмотрительностію я надѣюсь избѣжать вліянія другихъ друзей.

„Всегда преданный вамъ

„Кенелмъ.“

„P. S. Дражайшій батюшка, открываю письмо въ вашей библіотекѣ чтобъ еще разъ написать: Богъ да благословить васъ, и сказать съ какимъ чувствомъ я цѣловалъ ваши старыя бобровыя перчатки которыя нашелъ на столѣ.“

Когда сэръ-Питеръ дошелъ до этого лостскриптума, онъ снялъ очки и вытеръ ихъ—они были совсѣмъ мокры.

Затѣмъ онъ впадалъ въ глубокое раздумье. Сэръ-Питеръ былъ, какъ я уже говорилъ, ученый человѣкъ; онъ былъ также относительно нѣкоторыхъ предметовъ чувствительный человѣкъ; онъ глубоко сочувствовалъ юмористической сторонѣ острого характера своего сына. Но что слѣдовало сказать леди Чиллинггаи? Эта матрона была неловинна ни въ какомъ грѣхѣ который бы могъ лишить ее довѣренности мужа въ чемъ-либо касающемся ея единственнаго сына. Она была добродѣтельная матрона, съ достоинствомъ въ манерахъ; воплощенное баронство. Видя ее въ первый разъ всякій инстинктивно называлъ бы ее „*Your ladyship!*“ Можно ли было устранить такую матрону въ какомъ бы то ни было благоустроенномъ домашнемъ кругу? Совѣсть сэръ-Питера громко отвѣчала: „Нѣтъ“. Но когда, спрятавъ совѣсть въ карманъ, онъ смотрѣлъ на вопросъ съ точки зрѣнія послѣдствій какъ свѣтскій человѣкъ, сэръ-Питеръ чувствовалъ что сообщить леди Чиллинггаи содержаніе письма сына было бы величайшею глупостію какую онъ только могъ сдѣлать. Еслибъ она узнала что Кенелмъ пренебрегъ фамильнымъ достоинствомъ вложеннымъ въ самое его имя, никакой авторитетъ мужа, кромѣ развѣ такого злоупотребленія властью которое есть преступная жестокость и ведетъ къ разводу, не помѣшала бы леди Чиллинггаи собрать всѣхъ грумовъ и разослать ихъ по всѣмъ направленіямъ со строжайшимъ приказаніемъ возвратитъ бѣглеца живаго или мертваго; стѣны были бы облѣдены объявленіями „скрылся изъ своего дома“ и пр.; изъ города въ городъ стали бы разсылаться телеграммы къ полиціи съ подробными наставленіями;

злословіе преслѣдовало бы Кенелма всю жизнь, съ серіозными намеками на порочныя наклонности и сумашедшія галлюцинаціи; на него всегда бы указывали въ послѣдствіи какъ на „человѣка который скрывался“. А скрыться и вернуться назадъ вмѣсто того чтобъ быть убитымъ—самая ненавистная вещь какую человѣкъ можетъ сдѣлать; всѣ газеты будутъ лаять на него; во имя общественной нравственности потребуются точныя объясненія касательно непристойнаго факта его нахождения въ живыхъ, и никакое объясненіе не будетъ принимаемо; жизнь спасена, но репутація утрачена.

Сэръ-Питеръ схватилъ свою шляпу и вышелъ, не для того чтобы рѣшить солгать или не солгать подругѣ своего сердца, но для того чтобы придумать какого рода ложь скорѣе всего могла бы проникнуть въ сердце его подруги.

Нѣсколько концовъ взадъ и впередъ по террасѣ были достаточны для того чтобъ избранная ложь созрѣла,—доказательство что сэръ-Питеръ былъ опытный лжець. Онъ вошелъ въ домъ, прошелъ въ комнату гдѣ обыкновенно бывала миссисъ и сказалъ съ безлечною веселостью:

— Мой старый другъ герцогъ Клервиль отправляется путешествовать по Швейцаріи со всѣмъ семействомъ. Младшая дочь его, миссисъ Дженъ, прехорошенькая дѣвушка и была бы недурною партией для Кенелма.

— Миссисъ Дженъ, младшая дочь съ прекрасными волосами, которую я послѣдній разъ видѣла очаровательнымъ ребенкомъ съ прекрасною куклой подаренною ей императрицей Евгеніей. Разумѣется, это хорошая партія для Кенелма.

— Я радъ что ты согласна со мною. Не было ли бы шагомъ къ этому союзу и вообще хорошимъ дѣломъ для Кенелма еслибъ онъ посѣтилъ континентъ въ обществѣ герцога?

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ ты одобришь что я сдѣлалъ: герцогъ выѣзжаетъ послѣзавтра, и я отправилъ Кенелма въ городъ съ письмомъ къ моему старому другу. Ты простишь что это обошлось безъ прощанья. Ты знаешь что Кенелмъ превосходный сынъ, но онъ страннѣйшій малый, и такъ какъ я говорилъ съ нимъ объ этомъ, то и послѣдшилъ ковать желѣзо пока горячо, пославъ его сегодня съ экстреннымъ повѣдомъ въ

девять часовъ утра; я боялся что если допустить отсрочку, онъ отговорится отъ путешествія.

— Ты хочешь сказать что Кенелмъ уже уѣхалъ? Боже мой!

Сэръ-Питеръ лотихоньку вышелъ изъ комнаты и позвавъ слугу сказалъ:

— Я послалъ мистера Чиллинггаи въ Лондонъ. Уложите платье которое онъ желалъ имѣть, такъ чтобы можно было выслать его тотчасъ какъ онъ о томъ напишетъ.

Такимъ образомъ, благодаря благоразумному нарушенію правды со стороны отца, примѣрный правдивецъ Кенелмъ Чиллинггаи спасъ честь своего дома и свою собственную репутацію отъ скандала и розысковъ полиціи. Онъ не сдѣлался „человѣкомъ который скрылся“.

К Н И Г А П.

Г Л А В А I.

Кенелмъ Чиллинггаи покинулъ родительскій домъ на разсвѣтъ, прежде чѣмъ кто-либо изъ домашнихъ проснулся.

— Несомнѣнно, сказалъ онъ идя вдоль лустынного луга,— я начинаю знакомство со свѣтомъ какъ поэты начинаютъ съ своею поэзіей,—какъ подражатель и заимствователь. Я подражаю прохожему стихотворцу, какъ, безъ сомнѣнія, и онъ началъ подражая какому-нибудь другому слагателю стиховъ. Но если во мнѣ есть что-нибудь, оно выработается само въ оригинальную форму. Да наконецъ и стихотворецъ не есть изобрѣтатель идей. Пѣшеходныя приключенія уломинаются еще во времена баснословія. Геркулесъ, напримѣръ, — этимъ способомъ достигъ неба, какъ лѣшеходъ. Какъ лустыненъ міръ въ этотъ часъ! Не потому ли это самое прекрасное время!

Онъ умолокъ и оглянулся кругомъ. Была самая середина лѣта. Солнце только-что восходило надъ красивымъ отлогимъ пригоркомъ. Каждая росинка на изгороди блестяла. На небѣ не было ни облачка. Изъ зеленой чащи колосьевъ взлетѣлъ одинокій жаворонокъ. Голосъ его разбудилъ другихъ птицъ. Еще нѣсколько минутъ, и веселый концертъ начался. Кенелмъ благоговѣнно снялъ шляпу и склонилъ голову въ безмолвномъ умиленіи и славословіи.

Г Л А В А II.

Около девяти часовъ Кенельмъ вошелъ въ городъ отстоявшій миль на двѣнадцать отъ дома его отца и къ которому онъ съ намѣреніемъ направилъ свой путь, ибо въ этомъ городѣ онъ едва ли былъ извѣстенъ, и могъ сдѣлать необходимыя покупки не обративъ на себя ничего вниманія. Изъ своего дорожнаго туалета онъ выбралъ охотничье платье, самое простое и менѣе выдававшее его какъ джентльмена. Но даже въ самомъ покровѣ его было нѣчто отличавшееся, и каждый встрѣчный крестьянинъ прикладывалъ руку къ шляпѣ. Да и кто носить охотничье платье въ срединѣ юня, или вообще охотничье платье если то не ловчій или не джентльменъ собирающійся охотиться.

Кенельмъ зашелъ въ магазинъ готоваго платья и купилъ себѣ пару какую могъ носить по воскресеньямъ владѣлецъ маленькой усадьбы или фермеръ арендующій небольшой клочокъ земли, — толстаго грубаго сукна верхнее платье, полу-сюртукъ, полу-пальто, съ жилетомъ подъ пару, толстой бумажной матеріи шаровары, щегольской ирландскій шейный платокъ и небольшой запасъ нитяныхъ и шерстяныхъ носковъ подходящихъ къ остальной одеждѣ. Онъ купилъ также кожаный ранецъ такой величины чтобы туда могъ уложиться весь этотъ гардеробъ и пара книгъ, которыя вмѣстѣ съ гребнями и щетками онъ несъ въ карманахъ. Въ числѣ его чеходановъ дома не было ранца.

Сдѣлавъ эти покупки и расплатившись, онъ послѣдно прошелъ чрезъ городъ и остановился у скромной гостиницы въ предмѣстьѣ, къ коей привлекла его вывѣска: „Отдохновеніе для людей и животныхъ“. Онъ вошелъ въ небольшую комнату усыпанную пескомъ, которую въ этотъ часъ онъ имѣлъ всю въ свое распоряженіе, спросилъ завтракать, и съѣлъ добрую половину хлѣба въ четыре пенса и два крутыя яйца.

Подкрѣпившись такимъ образомъ, онъ вышелъ и зайдя въ густой лѣсъ въ сторонѣ отъ дороги, перемѣнилъ платье въ которомъ вышелъ изъ дому на то которое купилъ, и съ помощью одного или двухъ большихъ камней утопилъ снятое въ небольшомъ, но глубокомъ озеркѣ, которое по счастью нашлось въ заросшей кустами долинкѣ, изобильной гаршнелами въ зимнее время.

„Теперь, сказалъ Кенелмъ, я начинаю думать что я пересталъ быть самимъ собою. Я въ кожѣ другаго человѣка; ибо что такое кожа какъ не одежда души, и что такое одежда какъ только приличная кожа? Своей собственной кожи всякая цивилизованная душа стыдится. Это высшая степень неприличія для всякаго, кромѣ дикаря стоящаго на самой низкой стелени, показывать ее. Еслибы самая чистая душа существующая вѣнѣ на землѣ, душа римскаго папы или архіепископа кентерберійскаго, прошла по Странду въ кожѣ которую природа дала ей, обнаженною до глазъ, она была бы привлечена къ суду, преслѣдуема Обществомъ Пресвѣченія Преступленій и посажена въ тюрьму какъ язва общества.

„Рѣшительно я теперь въ кожѣ другаго человѣка. Кенелмъ Чиллинггаи, я не остаюсь болѣе

Вамъ преданный;

Но я имѣю честь быть,

съ глубочайшимъ уваженіемъ,

вашъ вселокорнѣйшій слуга.“

Легкими шагами и съ горлою осанкой преобразившійся такимъ образомъ странникъ выскочилъ изъ лѣсу на пыльную дорогу.

Онъ шелъ около часа, встрѣчая мало прохожихъ, какъ вдругъ онъ услышалъ справа громкій, пронзительный молодой голосъ кричавшій: „Помогите, помогите! Я не пойду, говорю вамъ не пойду!“ Какъ разъ предъ нимъ, возлѣ высокими рѣшетчатыхъ воротъ, стояла задумчиво сѣрая лошадка залпаянная въ чистенькую одноколку. Вожжи были заброшены на шею лошади. Животное очевидно привыкло стоять смиренно когда ему прикажутъ и было радо этому случаю.

Крики „помогите, помогите!“ возобновились въ перемежку съ громкими звуками грубаго голоса, звуками гнѣвными и угрожающими. Голосъ этотъ принадлежалъ очевидно не лошади. Кенелмъ взглянулъ черезъ ворота и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на лугу, хорошо одѣтаго мальчика въ ожесточенной борьбѣ съ дюжимъ среднихъ лѣтъ человѣкомъ который съ силою тащилъ его за руки.

Рыцарская природа мгновенно воспрянула въ тѣхъ великодушнаго сэръ-Кенелма Дигби. Онъ перепрыгнулъ черезъ ворота, схватилъ толстаго человѣка за шиворотъ и закричалъ:

— Стыдъ какой! Что вы дѣлаете съ бѣднымъ мальчикомъ? Пусти его!

— Съ какого чорта ты вмѣшиваешься? вскричал дужій человекъ. Глаза его засверкали и губы покрылись лѣной отъ ярости.—А, ты-то и есть негодяй?—Такъ, несомнѣнно. Я тебѣ задамъ, обезьяна!—И удерживая мальчика одною рукой, толстякъ направилъ другою ударъ Кенелму, отъ коего только ловкость ученаго бойца и природное проворство юноши подвергнувшись столь внезапному нападенію могли защитить его глаза и носъ. Дужему человеку самому пришлось плохо; ударъ былъ отшарпированъ и возвращенъ Кенелмомъ ловкимъ движеніемъ правой ноги по корвалійскому образцу, и *proscumbit humi bos*—толстякъ лежалъ растянувшись на спинѣ. Мальчикъ, освобожденный такимъ образомъ, схватилъ Кенелма за руку и таща его за собою по полю, закричалъ:

— Пойдемте, пойдемте пока онъ не всталъ! Спасите меня! спасите меня!

Кенелмъ не успѣлъ еще оломяться отъ изумленія какъ мальчикъ подтащилъ его къ воротамъ и вскочивъ въ одноколку, простоналъ:

— Садитесь сюда, садитесь. Я не умѣю править; садитесь и правьте вы. Скорѣе! Скорѣе!

— Но, началъ было Кенелмъ.

— Садитесь, или я съ ума сойду.

Кенелмъ повиновался. Мальчикъ далъ ему вожжи, а самъ схватилъ бичъ и началъ усердно погонять лошадь. Лошадь понеслась.

— Стой, стой, стой, воръ! Негодяй! Караулъ! воры, воры, воры! Стой! слышался голосъ сзади. Кенелмъ неволью повернулъ голову и увидѣлъ дужаго человека сидѣвшаго на воротахъ и свирѣло махавшаго руками. Но это было только на мгновеніе. Бичъ снова началъ работать; лошадь понеслась бѣшенымъ галопомъ; одноколка трясла, колотилась и покачивалась, и не прежде какъ цѣлая миля отдѣляла ихъ отъ толстяка, Кенелму удалось овладѣть бичомъ и удержать лошадь такъ что она пошла благоразумною рысью.

— Молодой человекъ, сказалъ тогда Кенелмъ, — можетъ-статься вы будете такъ добры что объяснитесь.

— Послѣ; повзжайте; онъ добрый, вамъ хорошо заплатятъ за это, хорошо и щедро.

Кенелмъ сказалъ съ важностью:

— Я знаю что въ дѣйствительной жизни плата и услуга естественно идутъ рука объ руку. Но я откладываю

въ сторону плату пока вы не скажете мнѣ въ чемъ должна состоять услуга. И прежде всего, куда мнѣ везти васъ? Мы подъѣхали къ мѣсту гдѣ встрѣчаются три дороги; которую изъ трехъ выбрать?

— Ахъ, я не знаю! Тамъ есть столбъ съ надписями. Я хочу вѣхать... но это секретъ; вы не выдадите меня? Общайтесь, покланяйтесь.

— Я никогда не произношу клятвы кромѣ случаевъ когда бываю раздраженъ, что, къ сожалѣнью, случается очень рѣдко; я никогда не даю обещаній пока не узнаю что я обещаю; я не увожу также бѣглыхъ мальчиковъ въ чужихъ одноколкахъ пока не узнаю что везу ихъ въ безопасное мѣсто гдѣ ихъ отцы и матери могутъ найти ихъ.

— У меня нѣтъ ни отца ни матери, сказала мальчикъ печально, и губы его задрожали.

— Бѣдный мальчикъ! Я думаю что это грубое животное вашъ школьный учитель, и вы убѣжали изъ страха чтобы васъ не высѣкли.

Мальчикъ расхохотался; прекрасный, серебристый, веселый смѣхъ этотъ насквозь проникалъ Кенелма Чиллинггаи.

— Нѣтъ онъ не собирался съѣчь меня; онъ не учитель; онъ еще хуже этого.

— Возможно ли? Что же онъ такое?

— Дядя.

— Гм! Жестокость дядей вошла въ поговорку; такъ было въ классическія времена, и Ричардъ III былъ единственный ученый въ своей фамилии.

— Э! Классики и Ричардъ III! сказала мальчикъ въ смущеніи и посмотрѣлъ внимательно на задумчиваго возницу.— Кто вы? Вы говорите будто джентльменъ.

— Простите. Я не буду больше дѣлать этого если смогу удержаться.

Рѣшительно, думалъ Кенелмъ, я начинаю забавляться. Что за благодать быть въ чужой кожѣ и въ чужой одноколкѣ. Онъ прибавилъ вслухъ:

— Вотъ мы подъѣхали къ почтовому столбу. Если вы убѣжали отъ своего дяди, пора удостовѣриться куда вы бѣжите.

Мальчикъ перегнулся изъ одноколки и сталъ смотрѣть на почтовый столбъ. Потомъ радостно захолопалъ въ ладоши.

— Отлично! Я такъ и думалъ — „Въ Торъ-Гадамъ, одиннадцать миль“. Вотъ дорога въ Торъ-Гадамъ.

— Вы хотите сказать что я долженъ везти васъ всю эту дорогу—одиннадцать миль?

— Да.

— А къ кому вы ѣдете?

— Я послѣ скажу вамъ. Побѣжайте, побѣжайте пожалуста. Я не умѣю править, никогда въ жизни не правилъ, иначе бы я не просилъ васъ. Прошу васъ пожалуста не покидайте меня. Если вы джентльменъ, вы не оставите меня; если же вы не джентльменъ, у меня въ кошелькѣ десять фунтовъ, и я вамъ отдамъ ихъ когда мы благополучно прибудемъ въ Торъ-Гадгамъ. Не отказывайтесь; отъ этого зависитъ моя жизнь! И мальчикъ снова началъ рыдать.

Кенелмъ повернулъ голову лопи по направленію къ Торъ-Гадгаму, и рыданія мальчика прекратились.

— Вы добрый, милый человекъ, сказалъ мальчикъ вытирая глаза.—Я боюсь что отвлекаю васъ слишкомъ далеко отъ вашего лугу.

— У меня нѣтъ никакого опредѣленнаго лугу, и я такъ же охотно отправлюсь въ Торъ-Гадгамъ, котораго никогда не видалъ, какъ и во всякое другое мѣсто. Я просто скиталецъ по лицу земному.

— У васъ тоже нѣтъ ни отца ни матери? А вѣдь вы не старше меня.

— Маленькій джентльменъ, сказалъ Кенелмъ съ важностью,— я совершеннолѣтній, а вамъ, я думаю, не больше четырнадцати лѣтъ.

— Что за шутки! вскричалъ мальчикъ быстро.—Вѣдь это шутка?

— Это не будетъ шуткой если меня приговорять къ каторжнымъ работамъ за воровство дядюшкиной одноколки и похищеніе у его малолѣтняго племянника десяти фунтовъ. Кстати, этотъ вашъ вспыльчивый родственникъ вѣроятно думалъ избить кого-нибудь другаго когда ударилъ меня. Онъ спросилъ: „вы-то и есть негодяй?“ Скажите пожалуста кто такой этотъ негодяй? Вы какъ видно его знаете.

— Негодяй! Онъ самый честный, самый умный.... Но теперь говорить объ этомъ. Я васъ представляю ему когда мы придемъ въ Торъ-Гадгамъ. Ударьте лошадь; что она лозеть!

— Здѣсь въ гору; хорошій человекъ жалѣетъ своихъ животныхъ.

Никакое искусство, никакое краснорѣчіе не могло заставить его молодого спутника объяснить болѣе чѣмъ Кенелмъ узналъ до сихъ поръ. Продолжая путешествіе и приближаясь къ концу его оба впади въ глубокое молчаніе. Кенелмъ серьезно разсуждалъ о томъ что его первый день изученія дѣйствительной жизни въ чужой кожѣ подвергалъ опасностямъ его собственную. Онъ сбиль съ ногъ человѣка очевидно почтеннаго и уважаемаго, увезъ его племянника и самовольно распорядился его имуществомъ и движимостью, то-есть однок олкой и лошадыю. Все это могло быть удовлетворительно разъяснено предъ мировымъ судьей, но какимъ образомъ? Слѣдовало олять войти въ свою прежнюю кожу; признаться что онъ Кенелмъ Чиллинггау, отличенный университетскій медалистъ, наслѣдникъ благороднаго имени и около десяти тысячъ фунтовъ годоваго дохода. Но тогда какой скандалъ! А онъ всегда гнушался скандаловъ; въ просторѣіи говоря, что за „говъ!“ а онъ отрицалъ самое слово „говъ“, которое не было освящено ни однимъ классическимъ авторитетомъ въ англійскомъ языкѣ. Ему пришлось бы объяснять почему онъ былъ найденъ переряженнымъ, тщательно переряженнымъ въ такой костюмъ какого не надѣвалъ ни одинъ старшій сынъ баронета, развѣ бы этотъ сынъ баронета отправлялся на золотые прииски. Могъ ли наслѣдникъ Чиллинггау, знаменитаго рода, чей гербъ, Три Рыбы въ лазури, восходитъ къ самымъ раннимъ временамъ достовѣрнаго періода англійской геральдики при Эдуардѣ III, стать въ такое положеніе не причинивъ величайшаго безчестья холодной и древней крови Трехъ Рыбъ?

Но и помимо Трехъ Рыбъ, какое униженіе для него самого. Кенелма! Онъ отвергъ сдѣланныя его отцомъ лышныя приготовленія для вступленія въ дѣйствительную жизнь; онъ упрямо избралъ свой путь на свой страхъ; и вотъ не прошло половины перваго дня, а въ какую адскую путаницу онъ попалъ! И чѣмъ могъ онъ оправдаться? Ничтожный мальчикъ, который рыдалъ и хохоталъ поочередно, оказался настолько уменъ что могъ намотать Кенелма Чиллинггау себѣ на палець; его, человѣка который считалъ себя гораздо умнѣе своихъ родителей, человѣка который съ отличіемъ кончилъ курсъ въ университетѣ, человѣка съ солиднѣйшимъ характеромъ,

который имѣлъ столь превосходное критическое направленіе ума что не было закона въ искусствѣ и въ природѣ въ которомъ онъ не подмѣтилъ бы недостатка, и онъ попалъ въ эту кашу. Даже подумать объ этомъ было по меньшей мѣрѣ неутѣшительно.

Мальчикъ, когда Кенелмъ взглядывалъ на него время отъ времени, казался какимъ-то оборотнемъ. То онъ громко хохоталъ про себя; то безъ причины плакалъ потихоньку; то не смѣялся и не плакалъ, а казался погруженнымъ въ размышленіе. Дважды, когда они приближались къ городу Торъ-Гадгаму, Кенелмъ толкалъ мальчика локтемъ и говорилъ: „Душа моя, я долженъ поговорить съ вами“, и дважды мальчикъ отвѣчалъ задумчиво:

— Постоите, я размышляю.

Такимъ образомъ они въѣхали въ городъ Торъ-Гадгамъ, на совершенно измученной лошади.

Г Л А В А Ш.

— Теперь, молодой человекъ, сказалъ Кенелмъ спокойнымъ но рѣшительнымъ тономъ,—теперь мы въ городѣ, куда же мнѣ везти васъ? Во всякомъ случаѣ я долженъ проститься съ вами.

— Нѣтъ, не прощайтесь. Побудьте со мной еще нѣсколько времени. Я начинаю чувствовать страхъ, я совершенно одинокъ;—и мальчикъ, не допуская прежде малѣйшаго прикосновенія со стороны Кенелма, взялъ его подъ руку и нѣжно прижался къ нему.

Я не знаю какого мнѣнія были мои читатели до сихъ поръ о Кенелмѣ Чиллингаи, но среди всѣхъ уклоненій и изгибовъ его причудливаго нрава былъ одинъ луть который велъ прямо къ его сердцу: стоило только быть слабѣе его и просить его покровительства.

Онъ быстро обернулся; онъ забылъ всю странность своего положенія, и отвѣчалъ:

— Послушайте, малелькій звѣрокъ, пусть меня разстрѣляютъ если я локину васъ въ затрудненіи. Но нужно быть со-страдательнымъ и къ лошади. Изъ жалости къ ней скажите гдѣ намъ остановиться.

— Увѣрю васъ что я не могу сказать этого; я никогда

прежде не былъ здѣсь. Поѣдемте въ хорошую, спокойную гостиницу. Поѣзжайте тихонько и будемъ ее отыскивать.

Торъ-Гадгамъ былъ большой городъ; онъ не былъ столицею графства по имени, но по торговому значенію, суматохѣ на улицахъ и жизни былъ настоящею столицею. Большая улица, по которой лошадь ѣхала такъ тихо какъ будто везла триумфальную колесницу на Священную Гору, представляла оживленное зрѣлище. Магазины были съ красивыми фасадами и цѣльными стеклами въ окнахъ; на тротуарахъ было оживленное движеніе, очевидно не только по дѣламъ, но и для удовольствія, ибо большая часть прохожихъ были женщины, нарядно одѣтыя, многія были молоды, нѣкоторыя красивы. Полкъ гусаръ ея величества за два дня предъ тѣмъ вступилъ въ городъ, и между офицерами этого счастливаго полка и прекраснымъ поломъ этого гостеприимнаго города возникло естественное соревнованіе, при чемъ многіе могли быть убиты и ранены. Прибытіе этихъ героевъ, по ремеслу занимающихся уменьшеніемъ враждебныхъ и умноженіемъ дружественныхъ населеній, дало толчекъ ластавщикамъ тѣхъ удовольствій какія приносить съ собою молодые люди—митинговъ для стрѣльбы въ цѣль, охотѣ, концертамъ, баламъ, о коихъ объявленія были наклеены на доскахъ и на стѣнахъ и выставляемы въ окнахъ магазиновъ.

Мальчикъ разсѣянно смотрѣлъ по сторонамъ, присматриваясь въ особенности къ этимъ объявленіямъ; наконецъ онъ радостно воскликнулъ:

— А, я не ошибся, это здѣсь!

— Что здѣсь? спросилъ Кенелмъ.—Гостиница?

Слугчикъ его не отвѣтилъ, но Кенелмъ, слѣдуя за глазами мальчика, замѣтилъ огромную афишу:

ЗАВТРА ВЕЧЕРОМЪ ОТКРЫТІЕ ТЕАТРА.

РИЧАРДЪ Ш. МИСТЕРЪ КОМПТОНЪ.

— Спросите гдѣ находится театръ, сказалъ мальчикъ шепотомъ, оборачивая голову.

Кенелмъ остановилъ лошадь, спросилъ, и ему указали ближайшій поворотъ направо. Черезъ нѣсколько минутъ представился портикъ безобразнаго ветхаго зданія посвященнаго драматическимъ музамъ, на углу печальнаго, пустыннаго переулка. Стѣны были облѣплены афишами, на коихъ имя Комптона было напечатано круливѣйшими буквами. Мальчикъ подавилъ вздохъ.

— Теперь, сказалъ онъ, поищемъ гостиницу здѣсь вблизи, самую ближайшую.

Однако ни одной гостиницы получше маленькихъ подозрительнаго вида трактировъ не было видно; только въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ театра, въ красивомъ, старинномъ и пустынномъ скверѣ стоялъ чистый заново выбѣленный домъ съ вывѣской большими черными буквами погребальнаго вида: „Гостиница Трезвости“.

— Пойдите, сказалъ мальчикъ,—не думаете ли вы что это годится для насъ, она кажется такою тихою.

— Не могла бы казаться тише еслибъ была могильнымъ камнемъ, отвѣчалъ Кенелмъ.

Мальчикъ взявъ въ руки вожжи и оставивъ лошадь, которая была въ такомъ состояніи что малѣйшаго прикосновенія было достаточно чтобъ остановить ее. Она обернула голову нѣсколько печально, какъ бы сомнѣваясь не воспрещены ли сѣно и овесъ правилами Гостиницы Трезвости. Кенелмъ слѣзъ и вошелъ въ домъ. Опрятно одѣтая женщина вышла изъ-за стекляннаго буфета предъ которымъ былъ прилавокъ, только безъ утѣшительныхъ налитковъ неразлучныхъ съ идеаломъ прилавка; вмѣсто того, на немъ стояло два большіе графина съ холодною водою, со множествомъ стакановъ, и различныя блюда съ тонкими бисквитами и губкообразными пирожными. Женщина вѣжливо освѣдомилась что можетъ быть ему пріятно.

— „Пріятно“, отвѣчалъ Кенелмъ съ обычною своею важностію,—не то слово которое бы я выбралъ. Но не можете ли вы облагодѣять мою лошадь, я хочу сказать *эту* лошадь, стойломъ и порціей овса; а этого молодого человѣка и меня отдѣльною комнатою и обѣдомъ?

— Обѣдомъ! отозвалась хозяйка.—обѣдомъ!

— Тысяча извиненій, сударыня. Но если слово *обѣдъ* вамъ не нравится, я беру его назадъ и готовъ сказать вмѣсто того „чего-нибудь ѣсть и пить“.

— Пить! Это Гостиница Трезвости, сэръ.

— О, если вы не ѣдите и не пьете здѣсь! воскликнулъ Кенелмъ съ сердцемъ, ибо онъ былъ голоденъ:—то желаю вамъ добраго утра!

— Пойдите, сэръ. Мы и ѣдимъ и пьемъ здѣсь, но мы простые люди. Мы не допускаемъ спиртныхъ налитковъ.

— Ни даже стакана пива?

— Только инбирное пиво. Алькоголь же строго воспрещенъ. У насъ есть чай, кофе и молоко. Но большая часть нашихъ обычныхъ поспѣтителей предпочитаетъ чистую воду. Что же касается вѣды, сэръ, то что вы прикажете изъ скромныхъ блюдъ.

Кенелмъ покачалъ головой и хотѣлъ уйти, когда мальчикъ, соскочившій съ одноколки и подслушавшій ихъ разговоръ, воскликнулъ съ живостію:

— Что это значитъ? Кто желаетъ спиртныхъ напитковъ? Воды очень достаточно. Что же касается обѣда, то что можно сдѣлать. Пожалуста, сударыня, покажите намъ отдѣльную комнату; я такъ усталъ.

Послѣднія слова были сказаны ласковымъ голосомъ и такъ мило что хозяйка сразу перемѣнила тонъ и прошептала: „бѣдный мальчикъ!“ и потомъ еще тише: „какое у него красивое лицо“, кивнула головой и повела ихъ вверхъ по чистой старомодной лѣстницѣ.

— А лошадь и экипажъ, гдѣ ихъ помѣстить? сказала Кенелмъ, съ тяжестью на сердцѣ при мысли какъ дурно до сихъ поръ были приняты лошадь и ея хозяинъ.

— О! что касается лошади и экипажа, сэръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда вы найдете Джюксу конюшню гдѣ отдадутъ лошадей на прокормъ: у нашихъ обычныхъ поспѣтителей рѣдко бываютъ лошади: но вы можете отлично устроить ее у Джюкса.

Кенелмъ отвелъ лошадь въ указанную конюшню, дождался пока ее выводили чтобъ она остыла, потомъ хорошенько вытерли и задали полмѣрки овса—Кенелмъ Чилдингли былъ сострадательнъ къ животнымъ—затѣмъ онъ возвратился съ неломѣрнымъ апетитомъ въ Гостиницу Трезвости и былъ проведенъ въ маленькую комнату, съ маленькимъ кусочкомъ ковра въ серединѣ, шестью маленькими стульями съ плетеными сидѣньями, картинами на стѣнахъ изображавшими разнообразныя дѣйствія опляняющихъ напитковъ на различныхъ представителей человеческого рода—нѣкоторые были похожи на духовъ, другіе на чертенятъ и всѣ имѣли видъ нищенскій и потерянный; имъ противопоставались картины Счастливыхъ Семействъ—улыбающіяся жены, дородные мужья, розовыя дѣти, эмблемы благосостоянія членовъ Общества Трезвости.

Но столъ съ чистою скатертью и двумя приборами привлекаетъ особое вниманіе Кенелма.

Мальчикъ стоялъ у окна и казалось разсматривалъ помѣщенный тамъ маленькій аквариумъ содержащій въ себѣ обычныя разновидности маленькихъ рыбокъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, пользовавшихся удовольствіями трезвости въ своей родной стихіи, поѣдая разумѣется при случаѣ и другъ друга.

— Что они дадутъ намъ поѣсть? спросилъ Кенелмъ.— Могутъ сказать что усталъ!

При этомъ онъ порывисто дернулъ колокольчикъ. Мальчикъ отошелъ отъ окна, причемъ Кенелмъ былъ пораженъ граціей его осанки и его красотой, теперь когда онъ былъ безъ шляпы и когда отдыхъ и умыванье освѣжили отъ жара и пыли вѣжнѣйшій цвѣтъ его лица. Это было безспорно замѣчательно красивый мальчикъ и вырастая онъ могъ разбить многія женскія сердца. Съ милостивымъ величіемъ не всегда свойственнымъ даже королевскому сану, и съ видомъ превосходства по лѣтамъ, молодой человекъ приблизился къ задумчивому наследнику фамиліи Чиллингга, протянулъ руку и сказалъ:

— Сэръ, вы держали себя превосходно, и я очень вамъ благодаренъ.

— Ваше королевское высочество очень снисходительны говоря это, отвѣчалъ Кенелмъ; кланяясь низко; — но заказали ли вы обѣдъ, и что они дадутъ намъ ѣсть? Никто кажется не откликается здѣсь на зовъ. Такъ какъ это Гостиница Трезвости, то вѣроятно всѣ слуги пьяны.

— Почему они могутъ быть пьяны въ Гостиницѣ Трезвости?

— Почему! Потому что это общее правило: люди которые стараются казаться чѣмъ-нибудь всегда составляютъ противоположность того чѣмъ они стараются казаться. Человекъ выдающій себя за святаго навѣрное грѣшникъ; а человекъ который похваляется тѣмъ что онъ грѣшникъ, навѣрно имѣетъ маленькую, ничтожную частичку святости достаточную чтобы сдѣлать его хвастуномъ. Мужественный и правдивый человекъ, будь онъ святой или грѣшникъ, никогда не выставляетъ себя ни святымъ, ни грѣшникомъ. Представьте себѣ святаго Августина выставляющаго себя святымъ, или Роберта Борнса грѣшникомъ; и хотя вы, маленький мальчикъ, вѣроятно не читали поэмъ Роберта Борнса и навѣрно не чи-

тади *Исповѣди* Св. Августина, вѣрьте моему слову, оба они были хорошіе люди; и съ нѣкоторою разницей въ учености и олытности Борнсъ могъ бы написать *Исповѣдь*, а святой Августинъ поемы. Силы небесныя! Я умираю съ голоду. Что вы заказали къ обѣду и скоро ли онъ появится?

Мальчикъ, открывшій до необычайной величины отъ природы большіе глаза, пока его рослый спутникъ въ бумазейныхъ шароварахъ и ирландскомъ шейномъ платкѣ, говорилъ такимъ покровительственнымъ тономъ о Робертѣ Борнсѣ и святомъ Августинѣ, отвѣчалъ съ умоляющимъ и сконфуженнымъ видомъ:

— Я очень сожалѣю что не подумалъ объ обѣдѣ. Я не позаботился объ васъ какъ бы долженъ былъ позаботиться. Хозяйка спросила меня чего мы желаемъ. Я сказалъ „что хотите“, и хозяйка пробормотала что-то про.... (здѣсь мальчикъ залулся).

— Про что же? Бараньи котлеты?

— Нѣтъ. Цвѣтную калусту и рисовый пуддингъ.

Кенеамъ Чиллинггау никогда не произносилъ проклятій, никогда не приходилъ въ бѣшенство. Когда грубые люди начинали клясться или выходить изъ себя, неудовольствіе проявлялось у него столь патетично-меланхолическимъ и печальнымъ выраженіемъ лица что оно могло смягчить гирканскаго тигра. Онъ обратился къ мальчику и пробормотавъ: „цвѣтная калуста! голодная смерть!“ олустился на плетеный стулъ и добавилъ тихо:

— Такова-то человѣческая благодарность!

Мальчикъ очевидно былъ пораженъ въ самое сердце упрекомъ сказаннымъ съ такою кроткою горечью. Слезы задрожали въ его голосѣ когда онъ проговорилъ залинаясь:

— Прошу васъ простите меня, я былъ неблагодаренъ. Я обѣгаю внизъ, посмотрю что тамъ есть. И сопровождая слова дѣйствіемъ онъ исчезъ.

Кенеамъ остался неподвиженъ; онъ впалъ въ мечтательность или скорѣе былъ поглощенъ внутреннимъ духовнымъ бытіемъ, чего, какъ говорятъ, достигаютъ индійскіе дервиши продолжительнымъ постомъ. Аллетить людей съ сильнымъ мускульнымъ развитіемъ далеко не можетъ быть удовлетворенъ скромнымъ количествомъ цвѣтной калусты и рисоваго пуддинга. Во свидѣтельство этого можно привести самого Геркулеса, котораго жадность къ животной пищѣ была постояннымъ

предметомъ насмѣшекъ классическихъ повтовъ. Я не знаю могъ ли бы Кенелмъ любить Фивскаго Геркулеса или съѣсть больше его; но если ему приходила охота драться или когда онъ бывалъ голоденъ, Геркулесу пришлось бы напрячь всѣ свои силы чтобы не потерлѣть пораженія.

Послѣ десятиминутнаго отсутствія, мальчикъ возвратился съ сіяющимъ лицомъ. Онъ потрелалъ Кенелма по плечу и сказалъ весело:

— Я велѣлъ изрѣзать цѣлый бараній бокъ на котлеты, кромѣ цвѣтной калусты и рисоваго луддинга и еще ячницы съ ветчиной. Радуйтесь! Черезъ минуту будетъ подано.

— А-я! сказалъ Кенелмъ.

— Они хорошіе люди, и вовсе не думали заставить васъ голодать; но бѣольшая часть ихъ обычныхъ поѣтителей, какъ кажется, питаются только растительною и мучною пищею. Здѣсь есть общество основанное на этихъ началахъ; хозяйка говоритъ что они философы.

При словѣ „философы“ Кенелмъ гордо вспрянулъ какъ опытная охотничья собака при крикахъ: „ату, ату его!“

— Философы! сказалъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ философы! О *игноражусь*, не знающіе даже строенія человѣческаго зуба! Видите ли, маленькій мальчикъ, еслибы ничего не осталось на землѣ отъ настоящаго человѣческаго рода, какъ по увѣренію великаго авторитета должно современемъ случиться—и ужъ какъ бы это было хорошо!—еслибы ничего, говорю я, не осталось отъ человѣка кромѣ ископаемыхъ остатковъ его зубовъ и его большаго пальца, философъ той высшей расы которая имѣетъ послѣдовать за человѣческимъ родомъ будетъ имѣть возможность по этимъ остаткамъ судить о характерѣ человѣка и всей его исторіи; сравнивая его большой палецъ съ когтемъ орла или тигра или съ копытомъ лошади, онъ скажетъ: тотъ кому принадлежалъ этотъ палецъ долженъ былъ быть царемъ другихъ созданій обладавшихъ когтями и копытами. Вы скажете что обезьяны имѣютъ также большой палецъ. Правда; но сравните палецъ обезьяны съ пальцемъ человѣка—могли ли пальцы самой крупной обезьяны построить Вестминстерское Аббатство? Впрочемъ, пальцы человѣка ничтожное доказательство его превосходства сравнительно съ его зубами. Взгляните на его зубы!—При этомъ Кенелмъ раскрылъ свой ротъ до ушей и обнаружилъ два полукруглые ряда такихъ превосходныхъ зубовъ

что искусство величайшаго артиста между дантистами не могло бы сдѣлать ничего подобнаго.—Взгляните, говорю я, на его зубы!

Мальчикъ невольно отодвинулся.

— Развѣ это зубы презрѣннаго потребителя цвѣтной капусты? или единственно благодаря мучной пищѣ владѣлецъ такихъ зубовъ занялъ мѣсто полноваастнаго гослодина твореній? Нѣтъ, маленькій мальчикъ, нѣтъ, продолжалъ Кенелмъ, закрывая свои челюсти, но приближаясь къ ребенку, который при каждомъ его шагѣ отступалъ къ акваріуму,—нѣтъ; человекъ сдѣлался властителемъ міра оттого что изъ числа всѣхъ сотворенныхъ существъ онъ потребляетъ наибольшее число самыхъ разнообразныхъ тварей. Его зубы свидѣтельствуютъ что человекъ можетъ жить во всякомъ климатѣ, отъ знойнаго пояса земнаго шара до ледянаго, потому что человекъ можетъ ѣсть все чего другія животныя не могутъ. И строеніе его зубовъ доказываетъ это. Тигръ можетъ ѣсть дичь—человекъ также можетъ; но тигръ не можетъ ѣсть угря, а человекъ можетъ. Слонь можетъ ѣсть цвѣтную капусту и рисовый пуддингъ—человекъ тоже можетъ; но слонъ не можетъ ѣсть бифтекса, а человекъ можетъ. Итакъ, человекъ можетъ жить повсюду, потому что можетъ ѣсть все благодаря устройству своихъ зубовъ! заключилъ Кенелмъ, быстро шагнувъ къ мальчику.—Человекъ, когда у него нѣтъ ничего другаго, ѣсть себѣ подобныхъ!

— Довольно; вы пугаете меня, сказалъ мальчикъ.—Ага! захопалъ онъ радостно въ ладоши, чувствуя облегченіе,—вотъ несутъ бараньи котлеты!

Удивительно чистая, хорошо умытая, именно хорошо умытая, среднихъ лѣтъ служанка появилась неся блюдо въ рукахъ. Поставивъ блюдо на столъ и снявъ съ него крышку, служанка сказала вѣжливо, но робко, подобно существу которое питается только салатомъ и холодною водою.

— Хозяйка очень сожалѣетъ что заставила васъ дожидаться, но она думала что вы Овощники (Vegetarians).

Положивъ своему юному другу баранью котлетку, Кенелмъ подождилъ и себѣ, и отвѣчалъ съ важностію:

— Скажите вашей хозяйкѣ что еслибъ она дала намъ только овощей, а бы съѣлъ васъ. Скажите ей что если человекъ животное отчасти травоядное, то главнѣйшимъ образомъ онъ

плотоядное животное. Скажите ей что хотя свинья ѣстъ кашу и тому подобное, но если она найдетъ ребенка, то она съѣстъ и ребенка. Скажите ей (за третьей котлетой) что ни у одного животного органы пищеваренія такъ не похожи на свиньи какъ у человѣка. Спросите ее нѣтъ ли въ домѣ ребенка; если есть, то будетъ безопасно для ребенка если она пришлетъ намъ еще котлетъ.

Даже проникательный наблюдатель рѣдко могъ распознать шутить ли Кенелмъ или говорить серьезно: служанка постояла съ минуту, потомъ попробовала улыбнуться блѣдною улыбкой. Кенелмъ опустил свои черные глаза, невыразимо грустно и задумчиво, и сказалъ жалобнымъ голосомъ:

— Мнѣ будетъ жаль ребенка. Принесите еще котлетъ.

Служанка исчезла. Мальчикъ положилъ ножъ и вилаку и смотрѣлъ пристально и вопросительно на Кенелма. Кенелмъ съ безлечнымъ видомъ положилъ послѣднюю котлетку на тарелку мальчика.

— Не надо больше! вскричалъ тотъ лорывисто и положилъ котлетку назадъ на блюдо.—Я уже пообедалъ, съ меня довольно.

— Маленькій мальчикъ, вы ждете, сказалъ Кенелмъ;—вы не имѣли довольно для подкрѣпленія души и тѣла. Ыщите эту котлетку, или я васъ люблю; когда я говорю что-нибудь, я такъ и дѣлаю.

Такъ или иначе мальчикъ утихъ; онъ молча съѣлъ котлетку; опять взглянулъ въ лицо Кенелму и сказалъ самъ себѣ: „я боюсь“.

Въ это время вошла служанка со свѣжимъ запасомъ котлетъ и блюдомъ яичницы съ ветчиною, за коей скоро послѣдовалъ рисовый пуддингъ на оловянномъ блюдѣ въ количествѣ достаточномъ для насыщенія благотворительной школы. Когда обѣдъ былъ конченъ, Кенелмъ повидимому забылъ объ опасныхъ свойствахъ плотоядныхъ животныхъ, и лѣнливо потягиваясь предавался невиннымъ размышлениямъ подобно самому домашнему изъ травоядныхъ животныхъ.

Тогда мальчикъ сказалъ болѣе покойно:

— Могу я просить васъ о другой услугѣ?

— Побить другаго дядю или украсть еще одноколку съ лошадыю?

— Нѣтъ; это очень просто: узнать только адресъ одного моего друга, и узнавъ передать ему записку отъ меня.

— Это порученіе очень слѣшное? „Пообѣдавъ отдохни“, говоритъ пословица; а пословицы такъ мудры что никто не можетъ угадать ихъ автора. Полагають что это остатки допотопной философіи которые дошли до насъ завернутые въ радугу.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ мальчикъ серьезно.—Какъ это интересно! Нѣтъ, мое порученіе потерлито часть или около того. Думаете ли вы, сэръ, что до логота была драма?

— Драма! Безъ сомнѣнія. Люди которые жили тысячу или двѣ лѣтъ имѣли достаточно времени чтобъ изобрѣсть и усовершенствовать всякую вещь; и представленіе могло имѣть тогда свою естественную продолжительность. Тогда не было необходимости нелѣпнымъ образомъ скомкать цѣлую исторію Макбета, съ юныхъ лѣтъ до старости, въ трехчасовое представленіе. Изображая этого интереснаго Шотландца актеръ не можетъ представить ни одной черты вѣрно человѣческой природы, ибо актеръ изображаетъ Макбета на сценѣ какъ бы онъ былъ тѣхъ же лѣтъ въ моментъ убіенія Дункана какъ и на закатѣ жизни, когда онъ былъ пораженъ Макдуфомъ.

— Вы думаете что Макбетъ былъ молодецъ когда убилъ Дункана?

— Разумѣется. Человѣкъ никогда не совершаетъ перваго преступленія жестокаго характера, какъ убійство, послѣ тридцати лѣтъ; если онъ начнетъ раньше, то можетъ продолжать во всякомъ возрастѣ. Но юность это то время когда начинаютъ тѣ ложные расчеты которые основаны на неразумныхъ надеждахъ и ощущеніи физической силы. Такимъ образомъ вы видите въ газетахъ что люди убивающіе своихъ возлюбленныхъ бываютъ обыкновенно отъ двадцати двухъ до двадцати шести лѣтъ; а тѣ что совершаютъ убійства изъ другихъ лобужденій нежели любовь—изъ мести, скражничества, самолюбія—бываютъ большею частію около двадцати восьми лѣтъ,—года Яго. Двадцать восемь лѣтъ обыкновенно есть срокъ въ который перестаютъ дѣятельно избавляться отъ своихъ ближнихъ; призовые бойцы прекращаютъ свои занятія въ это время. Я полагаю что Макбету было около двадцати восьми лѣтъ когда онъ убилъ Дункана, и отъ сорока четырехъ до шестидесяти когда онъ началъ плакаться на безутѣшность старческаго возраста. Но можетъ ли зритель лопать эту разницу въ годахъ смотря на трехчасовое представленіе; или можетъ ли

актеръ разчитывать произвести надлежащее впечатлѣніе на зрителя и казаться двадцати-восемью-лѣтнимъ въ первомъ актѣ и шестидесятилѣтнимъ въ пятомъ?

— Я никогда не думалъ объ этомъ, сказалъ мальчикъ, очевидно заинтересованный.—Но я никогда не видалъ *Макбета*. Я видѣлъ *Ричарда III*. Правда что это превосходно? Любите вы театр? Я люблю страстно. Чтò за славная жизнь должна быть жизнь актера!

Кенелмъ, который до сихъ поръ говорилъ скорѣе самъ съ собою чѣмъ со своимъ юнымъ слутникомъ, теперь обратилъ на него вниманіе, посмотрѣлъ пристально на мальчика и сказалъ:

— Я вижу что вы помѣшаны на сценѣ. Вы убѣждали изъ дому чтобы сдѣлаться актеромъ, и я вовсе не удиваюсь если то письмо которое вы мнѣ дадите окажется адресованнымъ къ содержателю театра или къ его компаньонамъ.

Молодое лицо на которое устремились темные глаза Кенелма вспыхнуло, но оно выражало рѣшительность и недвѣріе.

— А еслибъ это было такъ, вы бы не отдали его?

— Чтò! Помогать ребенку вашихъ лѣтъ, убѣждавшему изъ дому, поступить на сцену, въ противность желанію его родственниковъ, разумѣется нѣтъ.

— Я вовсе не ребенокъ; но нечего толковать объ этомъ. Я не желаю поступить на сцену, по крайней мѣрѣ безъ согласія лица которое имѣетъ право распорядиться моими дѣйствіями. Письмо мое адресовано не къ содержателю театра и не къ одному изъ его компаньоновъ, но къ джентльмену который согласился играть здѣсь нѣсколько вечеровъ, настоящему джентльмену, великому актеру, моему другу, единственному другу какого я имѣю на свѣтѣ. Я говорю откровенно что убѣждалъ изъ дому чтобы доставить ему это письмо, и если вы не передадите его, кто-нибудь другой передать.

Мальчикъ поднялся говоря это и стоялъ выпрямившись около развалившагося Кенелма, губы его дрожали, въ глазахъ блестяи подавленные слезы; но онъ имѣлъ видъ рѣшимости и опредѣленности. Очевидно было что если онъ не пробьетъ себѣ дороги въ жизни такъ не по недостатку воли.

— Я отнесу ваше письмо, сказалъ Кенелмъ.

— Вотъ оно; отдайте его прямо въ руки тому кому оно адресовано—мистеру Герберту Комптону.

ГЛАВА IV.

Кенель отправился въ театръ и освѣдомился у швейцара о мистерѣ Гербертѣ Комлтонѣ. Служитель этотъ отвѣчалъ что мистеръ Комлтонъ не играетъ сегодня, и что его нѣтъ въ театрѣ. На вопросъ гдѣ онъ живетъ, швейцаръ указалъ на комоніальную лавку на другой сторонѣ улицы и сказалъ:

— Вонъ тамъ, позвоните.

Кенель сдѣлалъ какъ ему было указано. Грязная служанка отворила дверь и въ отвѣтъ на вопросъ о хозяинѣ сказала что мистеръ Комлтонъ дома, но за ужиномъ.

— Мнѣ очень жаль обезлокоить его, сказалъ Кенель, возвышая голосъ, потому что онъ слышалъ стукъ ножей и тарелокъ въ соседней комнатѣ сѣва,—но по моему дѣлу мнѣ нужно его видѣть немедленно.—И оттолкнувъ служанку онъ тотчасъ вступилъ въ прилежащую столовую.

За блюдомъ вкуснаго соуса, сильно отзывавшагося лукомъ, сидѣлъ спокойно разваливъ, безъ сюртука и галстука, человекъ положительно красивый собой, съ коротко-стриженными волосами и гладко выбритымъ лицомъ, какъ подобаетъ актеру, имѣющему въ своемъ распоряженіи парики и бороды всѣхъ возможныхъ формъ и цвѣтовъ. Онъ былъ не одинъ; противъ него сидѣла дама, немного помоложе его, нѣсколько отцвѣтшая, но все еще не дурная, съ приличными для сцены чертами лица и густыми бѣлокурыми локонами.

— Мистеръ Комлтонъ, я полагаю, сказалъ Кенель съ важнымъ поклономъ.

— Меня зовутъ Комлтонъ; не съ порученіемъ ли изъ театра? Чтò вамъ отъ меня угодно?

— Мнѣ ничего, возразилъ Кенель, и настроивъ свой и безъ того печальный голосъ на тонъ зловѣщій и трагическій, продолжалъ: — Вотъ это объяснить вамъ кому до васъ есть дѣло! И вслѣдъ затѣмъ положилъ въ руки мистера Комлтона письмо которое ему поручено было передать, и вытянувъ руки и сложивъ пальцы въ позѣ Таальмы въ роли Юлія Цезаря, прибавилъ:—*Qu'en dis tu, Brute!*

Можетъ-быть мрачный видъ и страхъ внушающая декламация, или упокриси, посланника, а можетъ-быть и знакомый почеркъ адреса, привели въ омуценіе мистера Комлтона,

но его рука оставалась неподвижною, не рѣшаясь вскрыть письмо.

— Не безпокойся, мой милый, сказала дама съ бѣлокуроми локонами, тономъ жеманной любезности,—прочти твое *billet-doux*; не заставляя же, душа моя, ждать молодого человѣка!

— Чтѣ за вздоръ, Матильда! Какое *billet-doux*! Вѣрнѣе что просто счетъ отъ лортнаго, Извини меня, милая, что я выйду на минуту. Пожалуйте сюда, сэръ, и вставъ и не опуская засученныхъ рукавовъ своей рубашки, онъ вышелъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь, провелъ Кенеама въ небольшой кабинетъ по другую сторону корридора, и тамъ при свѣтѣ висѣвшей газовой лампы бѣгло пробѣжалъ глазами письмо, которое, хотя повидимому, весьма не длинное, вызывало у него разныя восклицанія: „Великій Боже! Какъ это негѣло! Ну чтѣ тутъ дѣлать?“ Затѣмъ, сунувъ письмо въ карманъ панталонъ, онъ устался въ Кенеама своими блестящими черными глазами, которые, однако, опустившись предъ твердымъ взглядомъ этого печальнаго искателя приключеній.

— Вы повѣренный лица писавшаго это письмо? спросилъ мистеръ Комптовъ, все еще нѣсколько смущенный.

— Я не повѣренный его, отвѣчалъ Кенеамъ,—но въ настоящее время я его покровитель.

— Покровитель?

— Покровитель.

Мистеръ Комптовъ снова оглядѣвъ посланнаго, и на этотъ разъ хорошо разсмотрѣвъ гладиаторскіе размѣры физическихъ формъ мрачнаго незнакомца, поблѣднѣлъ и невольнo отодвинулся къ шнурку колокольчика.

Послѣ небольшого молчанія онъ сказалъ:

— Авторъ письма проситъ меня повидаться съ нимъ. Если я это сдѣлаю, могу ли я разчитывать что нашему свиданію никто не помѣшаетъ?

— Насколько меня касается,—да, но съ условіемъ что вы не сдѣаете попытки увести это лицо изъ дому.

— Конечно нѣтъ, конечно нѣтъ; совершенно напротивъ! восклицалъ мистеръ Комптовъ съ неподдѣльнымъ оживленіемъ.—Скажите что я зайду черезъ полчаса.

— Я исполню ваше порученіе, сказалъ Кенеамъ съ вѣжливымъ поклономъ,—и извините меня если я вамъ напомню что я называюсь покровителемъ вашего корреспондента, и что при малѣйшей попыткѣ воспользоваться юностью и неопытностью

этого корреспондента или при малѣйшемъ поощреніи плановъ побѣга изъ дому и отъ друзей, театръ лишится своего украшенія, и Гербертъ Комптокъ исчезнетъ со сцены.

Ошеломивъ актера этими словами, Кенелмъ вышелъ на улицу, натолкнулся на мальчика съ коробкой и едва не опрокинулъ его.

— Глупецъ, закричалъ мальчикъ,—не видишь куда идешь? Передай вотъ это мистрисъ Комптокъ.

— Я заслужилъ бы данное тобой названіе еслибы даромъ взялся за дѣло за которое тебѣ платять деньги, сказалъ Кенелмъ вправоучительно, уходя быстрыми шагами.

ГЛАВА V.

— Я исполнилъ ваше порученіе, сказалъ Кенелмъ, возвращаясь къ своему товарищу по путешествію. Мистеръ Комптокъ сказалъ что будетъ черезъ полчаса.

— Вы видѣли его?

— Конечно; я обѣщаль передать ваше письмо въ его собственныя руки.

— Онъ былъ одинъ?

— Нѣтъ, онъ ужиналъ съ своею женой.

— Съ женой? Что это значитъ, сэръ? Жена! У него нѣтъ жены.

— Наружность обманчива. По крайней мѣрѣ онъ былъ съ дамой которая называла его милымъ и душевнѣйкой такимъ тономъ какъ будто она была его жена; а когда я вышелъ на улицу, столкнувшійся со мной какой-то мальчишка просилъ меня передать коробку мистрисъ Комптокъ.

Мальчикъ поблѣднѣлъ какъ смерть, шатнулся назадъ на нѣсколько шаговъ и олустился на стулъ.

Подозрѣніе уже мелькавшее въ наблюдательномъ умѣ Кенелма, во время его отсутствія, получило теперь сильное подтвержденіе. Онъ тихо приблизился, поставилъ стулъ рядомъ съ товарищемъ котораго ему навязала судьба, и сказалъ вѣжливимъ шепотомъ.

— Это волненіе не свойственное мальчику. Если вы были обмануты или введены въ заблужденіе и я могу въ чемъ-либо посоветовать или помочь вамъ, то разчитывайте на меня

какъ женщина при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ разчитывать на мушкетера и джентльмена.

Мальчикъ вскочилъ на ноги и зашагалъ по комнатамъ неровными шагами, тщетно стараясь окрыть волненіе страсти на своемъ лицѣ. Потомъ вдругъ остановившись, онъ схватилъ руку Кенелма, судорожно сжалъ ее и проговорилъ, подавая рыданія:

— Благодарю васъ,—благодарю отъ всей души. Оставьте меня теперь. Пусть никого не будетъ здѣсь когда я встрѣчу этого человѣка. Можетъ-быть еще тутъ есть ошибка. Уйдите.

— Общаете вы не выходить изъ дому пока я не возвращусь?

— Да, общаю.

— И если подозрѣнія мои оправдаются, вы мнѣ позволите тогда поговорить съ вами и подать вамъ совѣтъ.

— Кому же другому мнѣ довѣриться? Стулайте—уходите!

Кенелмъ снова очутился на улицѣ, освѣщенной смѣшаннымъ свѣтомъ газовыхъ фонарей и лѣтнаго мѣсяца. Онъ шелъ бессознательно пока не достигъ окраины города. Тогда онъ остановился и сѣлъ на дорожный столбикъ, предался слѣдующимъ размышленіямъ:

„Кенелмъ, другъ мой, ты попался въ худшее затрудненіе чѣмъ я полагалъ часъ тому назадъ. Теперь очевидно что у тебя на рукахъ женщина. Ну что-то ты станешь съ нею дѣлать? Бѣглянка, думавшая убѣжать съ кѣмъ-то другимъ,—таковы превратности и противорѣчія человеческой судьбы,—убѣжала вмѣсто того съ тобой. Какой смертный можетъ почитать себя безопаснымъ? Выходя сегодня утромъ, я менѣе всего думалъ чтобы прежде чѣмъ кончится день мнѣ могли приключиться хлопоты о женщинѣ. Еслибъ я еще былъ влюбливаго темперамента, то судьба могла бы имѣть нѣкоторое оправданіе устройвъ для меня эту ловушку; но нѣтъ, для этой старой суеживой дѣвы нѣтъ никакого оправданія. Кенелмъ, другъ мой, какъ ты думаешь, можешь ли ты когда-либо влюбиться? И еслибы ты влюбился, какъ ты думаешь, можешь ли ты быть большимъ гаульдомъ чѣмъ теперь?“

Кенелмъ еще не разрѣшилъ этого труднаго вопроса въ бесѣдѣ съ самимъ собой какъ до его слуха донеслись слабые и нѣжные звуки музыки. Это были звуки струннаго инструмента и они показались бы жидкими и дребезжащими еслибы не ноч-

ная тишина и спокойствіе воздуха, имѣющія особенное свойство придавать полноту музыкальнымъ звукамъ. Потому послышался въ отдаленіи и голосъ поющій подъ акомпанементъ инструмента. Это былъ мужской голосъ, звучный и густой, но Кенелмъ не могъ слышать слова. Машинательно направился онъ къ мѣсту откуда слышались звуки, потому что Кенелмъ имѣлъ влеченіе къ музыкѣ, самъ хорошенько не сознавая этого. Онъ увидѣлъ предъ собою зеленую лужайку, на которой стоялъ одинокій вязъ и подъ нимъ скамейка для лутниковъ. Лужайка эта была въ срединѣ покатоности окаймленной въ видѣ широкаго полукруга отчасти лавками, отчасти чайными садиками красивой таверны въ видѣ коттеджа. За столиками разставленными въ садикахъ сидѣли степенные гости, очевидно изъ класса мелкихъ торговцевъ или зажиточныхъ рабочихъ. Они имѣли весьма приличный и почтенный видъ и внимательно слушали музыку. Много также людей стояло въ дверяхъ лавочекъ и видѣлось въ окнахъ верхнихъ этажей. На лужайкѣ, немного впереди дерева, но въ тѣни его, стоялъ музыкантъ, и въ немъ Кенелмъ узналъ странника въ разговорѣ съ коимъ ему пришла мысль о лѣтней экскурсіи, которая услѣла уже привести его въ весьма неловкое положеніе. Инструментъ на коемъ лѣвецъ акомпанировалъ себѣ была гитара, и онъ имѣлъ очевидно любовный романсъ, хотя Кенелмъ не вполнѣ могъ ловить его содержаніе, такъ какъ лѣвнѣ приближалось къ концу. Изъ того что онъ слышалъ онъ могъ впрочемъ замѣтить что въ словахъ не было по крайней мѣрѣ пошлости обыкновенно отличающей уличныя баллады, и что они были однако достаточно просты чтобы нравиться весьма неприспособленнымъ слушателямъ.

Когда лѣвецъ кончилъ, ему не аплодировали, но очевидно слушатели были тронуты, какъ бы чувствуя что прекратилось нѣчто доставившее всѣмъ удовольствіе. Тотчасъ же бѣлая померанская собака, скрывавшаяся до сихъ поръ подъ скамейкой у вяза, выступила впередъ съ небольшою металлическою тарелочкой между зубами, и осмотрѣвшись кругомъ, какъ бы выбирая между слушателями кого почтить почетомъ сбора, съ важностью приблизилась къ Кенелму, встала на заднія лапы, устремила на него взглядъ и протянула тарелочку.

Кенелмъ бросилъ туда шиллингъ, и собака, повидимому удовлетворенная, направилась въ чайные садики.

Приподнявъ шляпу, такъ какъ Кенелмъ былъ въ своемъ родѣ очень учтивый человекъ, онъ приблизился къ лѣвцу, и полагая что вслѣдствіе перемѣны его одежды, онъ не будетъ узнавъ незнакомцемъ съ которымъ всего однажды встрѣтился, онъ сказалъ ему:

— Судя по немногому что я слышалъ, вы очень хорошо поете, сэръ. Смѣю спросить васъ, чьею сочиненія слова этого романса?

— Они моего сочиненія, отвѣчалъ лѣвецъ.

— А нагѣвъ?

— Также мой собственный.

— Поздравляю васъ. Надѣюсь что эти плоды вашего творчества доходны.

Лѣвецъ, до сихъ поръ бросившій лишь бѣглый взглядъ на сельское одѣяніе собесѣдника, теперь взглянулъ пристально на Кенелма и сказалъ улыбаясь:

— Вашъ голосъ изобличаетъ васъ, сэръ. Мы съ вами уже встрѣчались.

— Правда, но тогда я не замѣтилъ вашей гитары, и хотя тогда же познакомился съ вашимъ поэтическимъ дарованіемъ, но не полагалъ что вы прибѣгаете къ этому первобытному способу для ознакомленія съ нимъ публики.

— И я не ожидалъ удовольствія встрѣтить васъ снова въ роли Гобнеля. Тс! не будемъ выдавать тайнъ другъ друга. Меня здѣсь не знаютъ иначе какъ подъ названіемъ „бродячаго менестреля“.

— Я къ вамъ и обращаюсь какъ къ менестрелю. Если только это не будетъ дерзкимъ вопросомъ, не знаете ли вы лѣвца въ которой говорилось бы о чемъ-либо другомъ?

— О чемъ другомъ? Я не понимаю васъ, сэръ.

— Пѣсня слышанная мною кажется восхваляла притворство называемое любовью. Какъ вы думаете, не могли ли бы вы сгнѣть что-нибудь болѣе новое и болѣе вѣрное чтобы заклеить заслуженнымъ презрѣніемъ это заблужденіе разсудка?

— Нѣтъ; тогда я не покрою моихъ путевыхъ расходовъ.

— Неужели это безуміе такъ популярно?

— Развѣ не говоритъ вамъ этого ваше собственное сердце?

— Ни мало, скорѣе напротивъ. Ваши телерешніе слушатели, какъ кажется, люди живущіе трудомъ и ищущіе мало времени для подобныхъ праздныхъ фантазій, потому что „любовь порождается правдою“, какъ вѣрно замѣтилъ Ови-

дѣй, поэтъ много писавшій объ этомъ предметѣ и претендовавшій на самое основательное знакомство съ нимъ. Не можете ли вы слѣть чего-нибудь въ похвалу хорошаго обѣда? Всякій кто много работаетъ имѣеть аппетитъ къ ѣдѣ.

Пѣвецъ снова устался на Кенелма своимъ испытующимъ взглядомъ, но не замѣтивъ и сѣвда юмора на серіозномъ лицѣ его, нѣсколько затруднялся отвѣтомъ и потому промолчалъ.

— Я вижу, возобновилъ рѣчь Кенелмъ,—что мои замѣчанія васъ удивляютъ; но удивленіе ваше исчезнетъ по нѣкоторомъ размышленіи. Другимъ поэтомъ, болѣе рефлексивнымъ чѣмъ Овидій, было сказано что „свѣтъ управляется любовью и голодомъ“. Но голоду конечно принадлежитъ львиная часть власти, и еслибы поэты дѣйствительно дѣлали то что говорить про себя, то-есть изображали природу, то большая часть ихъ лѣсенъ должна бы быть обращена къ желудку.

При этомъ, увлекаясь своею темой, Кенелмъ фамиллярно положилъ руку на плечо музыканта, и голосъ его принялъ тонъ близко подходящій къ восторженному.

— Вы согласитесь, продолжалъ онъ,—что при нормальномъ состояніи здоровья человѣкъ не влюбляется ежедневно. Но при нормальномъ состояніи здоровья онъ чувствуетъ голодъ каждый день. Мало того, въ тѣ ранніе годы когда, по словамъ поэтовъ, человѣкъ болѣе всего склоненъ къ любви, онъ въ особенности такъ чувствителенъ къ голоду что долженъ ѣсть не менѣе трехъ разъ въ день чтобъ удовлетворить свой аппетитъ. Можно запереть человѣка на цѣлые мѣсяцы, годы, даже на всю его жизнь, съ дѣтства до любаго возраста какого только сэръ-Корввалъ Луисъ дозволитъ ему достигнуть, и тогда онъ вовсе не будетъ влюбляться. Но попробуйте запереть его на недѣлю не давая пищи для его желудка, и по истеченіи срока вы найдете его мертвымъ.

Пѣвецъ, постепенно отступавшій предъ энергическимъ напоромъ оратора, наконецъ сѣлъ на скамью подъ вязомъ и сказалъ патетически:

— Сэръ, ваши доводы весьма убѣдительны. Не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать выводъ изъ вашихъ разсужденій?

— Выводъ мой таковъ что на одного человѣка занятаго любовью вы найдете тысячу способныхъ оцѣнить прелести обѣда; и если вы хотите быть популярнымъ пѣвцомъ или трубадуромъ нашего вѣка, то взывайте, сэръ, къ природѣ; бросьте

всѣ эти избитыя ралсодіи о розовыхъ щечкахъ и настройте вашу лиру на тему бифтекса.

Собака, которая уже нѣсколько минутъ возвратилась къ своему хозяину и стояла на заднихъ ногахъ, держа въ зубахъ тарелочку изрядно наполненную мѣдными монетами, справедливо огорченная невниманіемъ такъ долго остававшимся ее въ неестественномъ положеніи, выронила тарелочку и заворчала на Кенеэма.

Въ то же время изъ чайныхъ садиковъ посылались нетерпѣливые призывы слушателей. Они требовали новой пѣсни за свои деньги.

Пѣвецъ всталъ, повинувшись призыву.

— Извините меня, сэръ; но меня приглашаютъ...

— Олять лѣтъ?

— Да.

— На предложенную мной тему?

— Ну нѣтъ.

— Какъ, олять о любви?

— Должно-быть такъ.

— Ну такъ желаю вамъ добраго вечера. Вы кажется человѣкъ хорошо образованный, и тѣмъ стыднѣе для васъ. Можеть-быть мы встрѣтимся еще разъ въ нашихъ скитаніяхъ, и тогда основательнѣе побесѣдуемъ объ этомъ вопросѣ.

Кенеэмъ приподнял шляпу, и повернулъ назадъ. Прежде чѣмъ онъ достигъ улицы, до его слуха снова донесся нѣжный голосъ лѣвца; но на разстояніи онъ слышалъ только одно слово, звучавшее въ концѣ прилѣва; это слово было: любовь.

— Ай люли, сказалъ Кенеэмъ.

Г Л А В А VI.

Когда Кенеэмъ возвратился въ улицу украшенную зданіемъ Гостиницы Трезвости, фигура красиво драпированная пелавскимъ плащомъ быстро промелькнула мимо него, но не такъ быстро чтобъ онъ не могъ узнать въ ней трагика.

— Гм! пробормоталъ Кенеэмъ: я не думаю чтобъ это лицо имѣло очень торжествующій видъ. Должно-быть ему досталось.

Мальчикъ—если нужно еще продолжать называть такимъ образомъ спутника Кенеэма—стоялъ прислонясь къ камину

когда Кенелмъ вошелъ въ столовую. Его небрежная поза и томные глаза выражали глубокое уныніе.

— Милое дитя мое, сказалъ Кенелмъ, его грустный голосъ звучалъ необычайною мягкостью,—не повѣряйте мнѣ того что вамъ тяжело будетъ разказывать, но позвольте мнѣ надѣяться что вы оставили навсегда мысль поступить на сцену.

— Да, былъ едва слышный отвѣтъ.

— Теперь остается только вопросъ: что дѣлать?

— Право я не знаю и не забочусь.

— Значить вы предоставляете мнѣ знать и заботиться, и допуская на мгновеніе какъ фактъ то что есть величайшая ложь въ этомъ живомъ свѣтѣ—именно что всѣ люди братья, вы будете смотрѣть на меня какъ на старшаго брата который заботится и направляетъ свою неосторожную юную сестру. Я хорошо вижу какъ было дѣло. Такъ или иначе вы, восхищаясь сначала мистеромъ Комптономъ какъ Ромео или Ричардомъ III, познакомились съ нимъ какъ съ мистеромъ Комптономъ. Онъ не разубѣждалъ васъ въ мысли что онъ холостой человѣкъ. Въ минуту увлеченія вы убѣждали изъ дому съ цѣлю поступить на сцену и сдѣлаться мистрисъ Комптонъ.

— О, начала дѣвушка (такъ какъ настоящій полъ ея долженъ быть теперь обнаруженъ),—о, воскликнула она со страстнымъ рыданіемъ,—какъ я была глупа! Только не думайте обо мнѣ хуже чѣмъ я заслуживаю. Этотъ человѣкъ обманулъ меня; онъ не ожидалъ что я поймаю его на словѣ и послѣдую за нимъ сюда, въ противномъ случаѣ его жена не появилась бы. Я бы вовсе не знала что онъ женатъ; и... и...

Голосъ ея былъ подавленъ рыданіями.

— Но теперь вы узнали истину. Будемъ благодарить небо что вы избавились отъ стыда и несчастія. Я долженъ послать телеграмму вашему дядѣ; дайте мнѣ его адресъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Никакое „нѣтъ“ невозможно въ настоящемъ случаѣ. Ваша репутація и будущность должны быть спасены. Позвольте мнѣ объяснить все вашему дядѣ. Онъ вашъ защитникъ; здѣсь нѣтъ выбора. Вы можете ненавидѣть меня теперь за то что я привуждаю васъ, въ послѣдствіи вы будете благодарить меня. Послушайте, молодая особа; вамъ тяжело встрѣтиться съ вашимъ дядей и слушать его упреки, но всякая вина должна быть наказана. Муже-

ственныя природы переносятъ наказаніе съ удовольствіемъ, какъ начало примиренія Вы мужественны. Смиритесь, и въ смиреніи возрадуйтесь!

Въ голосѣ и манерѣ Кенелма было что-то столь нѣжное и вмѣстѣ поведительное что своенравная природа той къ кому онъ обращался уступила. Она дала ему адресъ своего дяди: „Джонъ Бовиль эсквайръ, Окдель, близъ Вестмира.“ Давши его, она устремила свои грустные глаза на своего юнаго совѣтника и проговорила съ увлеченіемъ и горечью:

— Будете ли вы теперь больше уважать или вѣрнѣе меньше презирать меня?

Столько молодого, даже дѣтскаго было въ ея взглядѣ когда она говорила это, что Кенелмъ почувствовалъ отеческое желаніе взять ее на руки и высушить поцѣлуями ея слезы. Но онъ благоразумно побѣдилъ это желаніе и сказалъ съ меланхолическою полуулыбкой:

— Если человѣческія существа могутъ презирать другъ друга за молодость или неразуміе, то чѣмъ скорѣе мы будемъ истреблены тою вышею расой чтѣ должна явиться послѣ насъ на землѣ, тѣмъ будетъ лучше. Прощайте до тѣхъ поръ пока пріѣдетъ вашъ дядя.

— Какъ! Вы оставляете меня здѣсь—одну?

— Но если вашъ дядя найдетъ меня подъ одною крышей съ вами теперь когда я знаю что вы его племянница, вы думаете онъ не будетъ имѣть права выбросить меня изъ окна? Позвольте мнѣ самому послѣдовать той осторожности которую я проповѣдовалъ вамъ. Пошлите за хозяйкой чтобы она показала вамъ комнату вашу, заперитесь въ ней, лягте въ постель и постарайтесь не плакать.

Кенелмъ забросилъ за плечи ранецъ, который войдя онъ положилъ въ углу комнаты, спросилъ гдѣ телеграфное бюро, послалъ телеграмму мистеру Бовиллю, взялъ комнату въ Коммерческой гостиницѣ и заснулъ бормоча слѣдующія знаменательныя слова:

— Рошфуко былъ какъ нельзя болѣе правъ говоря: „очень немногіе стали бы влюбляться, есaubъ они меньше слышали толковъ о любви“.

Г Л А В А VII.

Кенелмъ Чиллинггаи по обыкновенію всталъ съ солнцемъ и направился къ Гостиницѣ Трезвости. Всѣ въ этомъ умѣренномъ домѣ, казалось, находились еще въ объятіяхъ Морфея. Онъ повернулъ къ конюшнѣ гдѣ оставилъ сѣрую лошадку, и съ удовольствіемъ увидѣлъ какъ чистили утомленное животное.

— Вотъ это хорошо, сказалъ онъ конюху,—я радъ видѣть что вы рано встаете.

— Да, отвѣчалъ конюхъ,—джентльменъ которому принадлежитъ этотъ пони разбудилъ меня въ два часа утра, и онъ былъ очень радъ увидѣвъ свою лошадь на свѣжей соломѣ.

— А, стало-быть онъ прибылъ въ гостиницу? Толстый джентльменъ?

— Да, довольно толстый и горячій джентльменъ. Онъ прискакалъ на парѣ курьерскихъ. Постучался въ Трезвость, потомъ постучалъ ко мнѣ чтобы взглянуть на лошадь, и вышелъ изъ себя что не могъ получить грогу въ Трезвости.

— Я думаю. Я бы желалъ чтобъ онъ получилъ свой грогъ; это бы могло привести его въ лучшее расположеніе духа. Бѣдняжка пробормотать Кенелмъ уходя;—я боюсь что ей сильно досталось. Я думаю теперь близка и моя очередь. Но должно-быть онъ добрый малый если тотчасъ же прискакалъ къ своей племянницѣ въ глубокую ночь.

Около девяти часовъ Кенелмъ снова пришелъ въ Гостиницу Трезвости, и спросилъ мистера Бовиля. Опрятная служанка провела его въ гостиную, гдѣ онъ нашелъ мистера Бовиля сидящаго дружелюбно за завтракомъ съ своею племянницей, которая, разумется, была все въ томъ же мужскомъ платьѣ, за неимѣніемъ другаго подъ руками. Къ великому облегченію Кенелма мистеръ Бовиль всталъ изъ-за стола съ сіяющимъ лицомъ, и протягивая ему руку сказалъ:

— Сэръ, вы джентльменъ; садитесь, садитесь и будемъ завтракать.

Потомъ, когда служанка вышла изъ комнаты, онъ продолжалъ:

— Мнѣ все разказано о вашемъ прекрасномъ поведеніи съ этою простушкой; могло выйти гораздо хуже, сэръ.

Кенелмъ кивнулъ головой и молча подвинулъ къ себѣ хлѣбъ. Потомъ вспоминая что слѣдовало извиниться предъ собесѣдникомъ, онъ сказалъ:

— Я надѣюсь что вы простите мнѣ это несчастное недоразумѣніе когда....

— Когда вы сшибли меня, или лучше сказать подшибли. Все забыто. Эльзи, налей джентльмену стаканъ чаю. Хорошенькая плутовка, не правда ли? и добрая дѣвушка, несмотря на свое неразуміе. Это была моя ошибка позволить ей пойти въ театръ и познакомиться съ миссъ Локкитъ, глаулою старою дѣвкой помѣшанною на сценѣ, которой слѣдовало бы прежде подумать чѣмъ надѣлать ей столько хлопотъ.

— Нѣтъ, дядя, вскричала дѣвушка рѣшительно; — не обвиняйте ни ее и ни кого кромѣ меня!

Кенелмъ одобрительно взглянулъ своими темными глазами на дѣвушку и увидѣлъ что губы ея плотно сжаты; лицо ея выражало не стыдъ и не огорченіе, а сдержанную рѣшительность. Но когда ея глаза встрѣтились съ его, лицо ея тотчасъ смягчилось и щеки покрылись румянцемъ до самаго лба.

— А! сказалъ дядя:—это похоже на тебя, Эльзи; всегда готова взвалить чужую вину на свои плечи. Хорошо, хорошо, не будемъ больше говорить объ этомъ. Теперь скажите мнѣ вы, мой молодой другъ, что заставляетъ васъ совершать лѣтшеходныя странствованія? Причуды молодого человѣка?

Гогоря это онъ очень пристально глядѣлъ на Кенелма, и взглядъ его былъ взглядъ умнаго человѣка привыкшаго наблюдать лица тѣхъ съ кѣмъ онъ говоритъ. Рѣдко можно было встрѣтить на биржѣ или на базарѣ болѣе ловкаго дѣловаго человѣка чѣмъ мистеръ Бовиль.

— Я путешествую лѣтшкомъ для своего удовольствія, сэръ, отвѣчалъ Кенелмъ быстро и недовѣрчиво взглянувъ на него.

— Разумѣется такъ, вскричалъ мистеръ Бовиль съ веселымъ смѣхомъ.—Но кажется что вы не отказываетесь и отъ экилажа и ложи когда можете получить ихъ даромъ, ха, ха! Простите, это шутка.

Тутъ мистеръ Бовиль, все съ тѣмъ же добродушіемъ, быстро перевелъ разговоръ на общіе предметы: услуги земледѣлія, виды на будущій урожай, хлѣбную торговлю, биржевыя

дѣла вообще, политику, состояніе націи. Кенелмъ почувствовалъ что онъ дѣлаетъ это чтобы заставить его проговориться и выпытать, и давалъ на все односложные отвѣты говорившіе о его невѣжествѣ во всѣхъ затронутыхъ вопросахъ; въ заключеніе, есаубы философскій насмѣдникъ фамиліи Чуаллинггау имѣлъ обыкновенія удивляться, онъ былъ бы пораженъ когда мистеръ Бовиль всталъ, потрепалъ его по плечу и сказалъ съ видомъ величайшаго удовольствія:

— Точь въ точь какъ я думалъ, сэръ; вы ничего не смыслите во всѣхъ этихъ предметахъ; вы родились и воспитаны джентльменомъ; ваша одежда не можетъ скрыть этого, сэръ. Эльзи была права. Другъ мой, оставь насъ на нѣсколько минутъ; мнѣ нужно кое о чемъ поговорить съ нашимъ молодымъ другомъ. Ты можешь пока приготовиться ѣхать со мной.

Эльзи встала изъ-за стола и послушно направилась къ двери. Тамъ она остановилась, обернулась и робко взглянула на Кенелма. Онъ естественно всталъ съ своего мѣста когда она встала и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ какъ бы для того чтобы отворить ей дверь. Ихъ взгляды встрѣтились. Онъ не могъ объяснить себѣ этого болезливаго взгляда; онъ былъ нѣженъ, въ немъ была и мольба, и смиреніе, и защита; человѣкъ привычный къ побѣдамъ надъ женщинами могъ бы подумать что въ немъ было нѣчто болѣе, нѣчто въ чемъ былъ ключъ ко всему. Но это *нѣчто болѣе* было неизвѣстнымъ языкомъ для Кенелма Чуаллинггау.

Когда мушкетеры остались одни, мистеръ Бовиль сѣлъ и указалъ Кенелму сдѣлать то же.

— Теперь, молодой человѣкъ, сказалъ онъ,—мы съ вами можемъ поговорить на свободѣ. Это ваше вчерашнее приключеніе можетъ сдѣлаться самымъ большимъ счастьемъ для васъ какого только вы могли ожидать.

— Я дѣйствительно счастливъ что могъ быть полезенъ вашей племянницѣ. Но ея собственное благоразуміе могло быть ея хранителемъ еслибъ она была одна и узнала, какъ узнала теперь, что мистеръ Комптовъ, сознательно или нѣтъ, обманулъ ее заставивъ думать что онъ не жевать.

— Къ чорту мистера Комптона! Мы съ нимъ покончили. Я человѣкъ откровенный, и прямо пристулю къ дѣлу. Вы увезли мою племянницу; съ вами она прѣехала въ эту гостиницу.

Теперь когда она разказала мнѣ какъ вы превосходно держали себя, и что вашъ разговоръ и обращеніе были джентльменскіе, я чрезвычайно обрадовался. Я очень хорошо догадываюсь кто вы такой; вы сынъ джентльмена, можетъ-быть студентъ, не слишкомъ обремененный капиталами; вы поссорились съ отцомъ, и онъ не даетъ вамъ денегъ. Не перебивайте меня. Теперь, Эльзи добрая дѣвушка, красивая дѣвушка и можетъ быть хорошею женой; наконецъ, замѣьте это, у нея 20.000 фунтовъ приданаго. Стало-быть положитесь на меня, и если вы не хотите чтобы ваши родители знали объ этомъ до свадьбы, такъ что имъ осталось бы только простить и благословить васъ, вы можете жениться на Эльзи прежде чѣмъ проговоритъ Джекъ Робинсонъ.

Въ первый разъ въ жизни Кенелма Чиллингги объялъ ужасъ, ужасъ и изумленіе. Челюсти его дрожали, языкъ охмѣлъ. Если волосы становятся когда-нибудь дыбомъ, то его волосы стали дыбомъ. Наконецъ со сверхъестественнымъ усиліемъ онъ вымолвилъ слово:

— Женитесь!

— Да, женитесь. Если вы джентльменъ, вы обязаны сдѣлать это. Вы компрометировали мою племянницу—уважаемую, добродѣтельную дѣвушку, сэръ,—сироту, но не беззащитную. Повторяю, вы вырвали ее изъ моихъ рукъ съ жестокостію и насиліемъ; убѣждали съ нею; а что бы сказалъ свѣтъ еслибъ узналъ объ этомъ? Повѣрилъ бы онъ вашему осторожному поведенію? поведенію которое можно объяснить единственно уваженіемъ какое вы чувствовали къ вашей будущей женѣ. И гдѣ вы найдете лучше? Гдѣ вы найдете дядю который захочетъ разстаться съ своею племянницей и двадцатью тысячами фунтовъ не спросивъ даже есть ли у васъ сикспенсъ? И дѣвушка влюблена въ васъ—я вижу; развѣ бы она разсталась такъ легко съ этимъ актеромъ, еслибъ вы не похитили ея сердца? Неужели вы разобьете это сердце? Нѣтъ, молодой человекъ, вы вовсе не годящійся. Дайте мнѣ вашу руку.

— Мистеръ Бовиль, сказалъ Кенелмъ, возвращаясь къ своему обычному слоконствію,—я несказанно польщенъ честью которую вы мнѣ предлагаете и не сомнѣваюсь что миссъ Эльзи достойна лучшаго мужа чѣмъ я. Но я имѣю непреодолимые предубѣжденія противъ брачнаго состоянія.

Человѣку съ такимъ взглядомъ на вещи, если онъ джентльменъ, какъ удостоили вы назвать меня, вовсе не слѣдуетъ жениться. Что же касается упрековъ противъ миссъ Эльзи, то даже въ телеграммѣ которую я послалъ вамъ я просилъ васъ прибыть къ молодому человѣку въ здѣшнюю гостиницу, такъ что настоящій полъ ей не извѣстенъ здѣсь, развѣ вы сами пожелаете открыть его. И...

Кенелмъ былъ прерванъ взрывомъ ярости со стороны дяди. Онъ затопалъ ногами, губы его покрылись пѣной, онъ сжалъ кулакъ и поднесъ его къ лицу Кенелма.

— Сэръ, вы смѣтаетесь надо мной: Джовъ Бовиль вовсе не такой человѣкъ чтобы надъ нимъ можно было смѣяться такимъ образомъ. Вы женитесь на этой дѣвушкѣ. Я не хочу тащить ее съ собой чтобы она отравляла мою жизнь своими причудами и капризами. Вы увезли ее, и пусть она останется у васъ, а не то я переломлю вамъ всѣ кости!

— Переломайте, сказалъ Кенелмъ рѣшительно, но въ то же время остывая и становясь въ оборонительную позицію, что сразу охладило его противника. Мистеръ Бовиль опустился на стулъ и ударилъ себя по лбу. Кенелмъ послѣдовалъ воспользоваться достигнутымъ результатомъ и тихимъ голосомъ продолжалъ разсуждать:

— Когда вы усложнитесь и будете въ состояннн разсуждать съ обычнымъ благоразумиёмъ, вы увидите къ какимъ ошибочнымъ заключенiямъ привело васъ весьма простительное желанiе устроить счастье вашей племянницы, и смѣю добавить, ваше желанiе вознаградить меня за то что вамъ угодно было назвать прекраснымъ поведенiемъ съ моей стороны. Вы ничего не знаете обо мнѣ. Можетъ-быть я обманщикъ и лгу; можетъ-быть я имѣю всевозможныя дурныя качества; а вы довольствуетесь моимъ увѣренiемъ, или лучше сказать собственной вашею догадкой что я прирожденный джентльменъ чтобы отдать за меня вашу племянницу съ 20.000 фунтовъ. Это временное заблужденiе ума съ вашей стороны. Позвольте мнѣ оставить васъ дабы вы успокоились.

— Стойте, сэръ, сказалъ мистеръ Бовиль, быстро перемѣнивъ тонъ, — я вовсе не такой сумасшедшiй какимъ вы считаете меня. Но я слишкомъ послѣдовалъ и былъ слишкомъ грубъ. Тѣмъ не менѣе факты именно таковы какъ я ихъ выставилъ, и я не могу лгать какимъ образомъ, будучи

честнымъ человѣкомъ, вы не женитесь на моей племянницѣ. Что вы увезли ее, это было безъ сомнѣнія невиннымъ недоразумѣніемъ съ вашей стороны; но вѣдь это было, и въ случаѣ если это дѣло поступитъ къ мировому судѣ, для васъ и для вашего семейства можетъ-быть много неприяностей. Только женитьбой можно поправить это. Позвольте, позвольте, я знаюсь что поступилъ черезчуръ дѣловымъ образомъ приступая прямо къ дѣлу, и я теперь уже не говорю: женитесь на моей племянницѣ сейчасъ же. Вы видѣли ее переодѣтой и въ ложномъ положеніи. Сдѣлайте мнѣ визитъ въ Оксфордъ, прогостите у меня мѣсяць, и если черезъ мѣсяць она не будетъ вамъ нравиться настолько чтобы вы могли сдѣлать ей предложеніе, я отпущу васъ, и ни слова больше объ этомъ.

Пока мистеръ Бовиль говорилъ это, Кенелмъ не видѣлъ и не слышалъ какъ дверь безшумно отворилась и Эльзи стояла на порогѣ. Прежде нежели Кенелмъ собрался отвѣчать, она вышла на средину комнаты, выпрямилась во весь ростъ, щеки ея горѣли, губы дрожали, и она воскликнула:

— Дядя, какой стыдъ!

Потомъ обращаясь къ Кенелму проговорила съ отчаяніемъ:

— О! вѣрите что я ничего не знала объ этомъ! Она закрыла лицо обѣими руками и ошмѣла.

Все что Кенелмъ получилъ рыцарскаго при крещеніи воспріянуло въ немъ. Онъ быстро приблизился къ ней, опустился на колѣни и взявъ ее за руку, проговорилъ:

— Я такъ же увѣренъ что слова вашего дяди были сказаны безъ вашего вѣдома какъ и въ томъ что вы женщина съ чистымъ сердцемъ и высокимъ умомъ, дружбою коею я долженъ гордиться. Мы еще увидимся.

Потомъ, опустивъ руку, онъ обратился къ мистеру Бовиллю:

— Сэръ, вы не достойны того чтобы имѣть поличеніе о вашей племянницѣ. Въ противномъ случаѣ она не сдѣлала бы неосторожности. Если у нея есть женщины родственницы, передайте имъ обязанность заботиться о ней.

— Есть! Есть! вскричала Эльзи:—Сестра моей покойной матери; отпустите меня къ ней.

— Женщина которая содержитъ школу! сказалъ мистеръ Бовиль насмѣшливо.

— Почему же бы не такъ? спросилъ Кенелмъ.

— Она никогда не хотѣла туда отправиться. Я предлагалъ ей годъ тому назадъ. Дѣвчонка не хочетъ идти въ школу.

— Теперь я хочу, дядя.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я тебя отправлю сейчасъ же, и надѣюсь что тебя посадятъ на хлѣбъ и на воду. Глуула! гаула! ты сама испортила свое счастье. Мистеръ Чилаингау, теперь когда миссъ Эльзи сама не желаетъ себѣ добра, я могу сознаться что я не такой сумашедшій какииъ вы считаете меня. Я былъ на праздникъ въ зѣмкѣ въ день вашего рожденія: мой братъ одинъ изъ арендаторовъ вашего отца. Я не узналъ васъ съ перваго раза вслѣдствіе внезапности нашей встрѣчи, и видя васъ въ этомъ платьѣ; но когда я шелъ домой мнѣ показалось что я васъ видалъ прежде, а сегодня, когда вы вошли въ комнату, а сразу узналъ васъ. Между нами вышла ссора и вы побили меня, и все благодаря этой идиоткѣ! Еслибъ она теперь не помѣшала мнѣ, она могла бы сдѣлаться миледи. Теперь прощайте, сэръ.

— Мистеръ Бовиль, вы предлагали мнѣ пожать вашу руку, дайте теперь руку и общайтесь честнымъ словомъ которое даетъ одинъ боецъ другому что миссъ Эльзи тотчасъ же будетъ отвезена къ своей теткѣ, содержательницѣ школы, если она желаетъ этого. И послушайте, другъ мой (это онъ проговорилъ на ухо мистеру Бовилю): Мущина никогда не можетъ управлять женщиной. Пока женщина не выйдетъ замужъ, благоразумный человекъ оставляетъ ее на попеченіи женщины; когда же она будетъ замужемъ, она будетъ управлять своимъ мужемъ.

Кенемъ вышелъ.

— О, мудрый молодой человекъ, прошепталъ дядя.—Эльзи, другъ мой, какъ же намъ ѣхать къ твоей теткѣ когда ты въ этомъ платьѣ?

Эльзи вздрогнула какъ бы очнувшись отъ столбняка, глаза ея были устремлены по направленію двери въ которую вышелъ Кенемъ.

— Въ этомъ платьѣ, сказала она пренебрежительно,—вмѣсто этого платья можно достать другое въ магазинѣ.

— Да, бормоталъ мистеръ Бовиль,—этотъ юноша второй Соломонъ; если я не могу управлять Эльзи, она будетъ управлять своимъ мужемъ, если у нея когда-нибудь будетъ мужъ.

Г Л А В А VIII.

„Силы покровительствующія невинности и безбрачію, разсуждалъ самъ съ собою Кенелмъ, спасли меня отъ большой опасности. Будь это земноводное существо въ женскомъ платьѣ вмѣсто мужскаго когда она внезапно явилась подобно божеству въ драмѣ древнихъ, плохо пришлось бы рыбагъ моего герба. Хотя трудно предположить чтобы молодая дѣвушка по уши влюбленная въ мистера Комптона вчера могла обратить свои чувства на меня сегодня. Между тѣмъ она смотритъ такъ какъ будто бы она могла, что доказываетъ что никогда не слѣдуетъ довѣрять ни женскому сердцу, ни женскому взгляду. Человѣкъ никогда не долженъ замедлять свое удаленіе отъ женщинъ если онъ хочетъ достигъ „приближенія къ ангеламъ.“

Кенелмъ разсуждалъ такимъ образомъ когда вышелъ изъ города въ коемъ подвергался такимъ искушеніямъ и испытаніямъ, и, направивъ свой одинокій путь по тропинкѣ извивавшейся между полями и лугами, прошелъ три мили по направленію къ каедральному городу, гдѣ полагалъ ночевать.

Онъ шелъ уже нѣсколько часовъ, и солнце стало склоняться за голубыми холмами на западъ когда онъ приближился къ свѣжему ручейку освѣженному лиристыми ивами и серебристыми италянскими тополями съ дрожащими листьями. Соблазнясь тишиной и прохладою этого прекраснаго мѣста онъ расположился на берегу, вынулъ изъ своего ранца нѣсколько корокъ хлѣба, коими предусмотрительно запасся, и обмакивая ихъ въ прозрачную воду протекавшую по кремнистому руслу, наслаждался однимъ изъ тѣхъ блестящихъ удовольствій приправленныхъ аппетитомъ молодости на которые эликсиры промѣняли бы свои лиричества. Потомъ склонясь на берегу и обрывая дикій тимьянъ, который растетъ роскошно и ароматно подъ дѣсистымъ покровомъ, лишь бы въ оосѣдствѣ была вода, озеро или ручеекъ, онъ погрузился въ то состояніе среднее между мыслями и сновидѣніями которое называютъ мечтами. Въ нѣкоторомъ разстояніи слышны были тихіе звуки косъ, воздухъ вѣявшій ему въ лицо былъ напоенъ сладкимъ благоуханіемъ свежескошеннаго сѣна.

Легкій ударъ по плечу заставилъ его очнуться. Обернувъ

дѣшнво голову онъ увидѣлъ веселое привѣтливое лицо на богатырскихъ плечахъ и услышалъ пріятный голосъ который сказалъ:

— Молодой человекъ, если вы не очень устали, не хотите ли помочь намъ убирать сѣно? У насъ очень мало рукъ, а я боюсь что скоро пойдетъ славный дождь.

Кенелмъ всталъ, отряхнулся, посмотрѣлъ съ важностію на говорившаго и сказалъ съ обычною своею сентенціозностію:

— Человекъ рожденъ для того чтобы помогать своимъ ближнимъ, въ особенноти же убирать сѣно пока свѣтитъ солнце. Я къ вашимъ услугамъ.

— Вотъ такъ славный малый! Я вамъ очень благодаренъ. Видите ли, я разчитывалъ на артель кесцовъ, но ихъ нанялъ другой фермеръ. Вотъ сюда,—и пробираясь сквозь кустарникъ онъ вышелъ, сопровождаемый Кенелмомъ, на обширный лугъ, одну треть котораго еще косили, остальное же пространство было занято лицами обоого пола которыя ворошили и раскидывали уже скошенную траву. Къ послѣднимъ присоединился Кенелмъ, и раздѣвшись до рукавовъ рубашки, началъ ворошить и раскидывать подобно другимъ, съ обычнымъ ему видомъ меланхолической покорности судьбѣ. Сначала онъ неловко владѣлъ непривычнымъ орудіемъ, но занятіе всевозможными атлетическими упражненіями развило въ немъ ловкость, и вскорѣ онъ превзошелъ другихъ въ усердіи и чистотѣ съ какими исполнялъ свою работу. Что-то, можетъ-быть его наружность, можетъ-быть то обстоятельство что онъ былъ пришлецъ, привлекло къ нему вниманіе работавшихъ женщинъ, и одна очень красивая дѣвушка, бывшая къ нему ближе другихъ, попробовала начать разговоръ.

— Это ново для васъ, сказала она улыбаясь.

— Ничто не ново для меня, отвѣчалъ Кенелмъ грустно. — Но позвольте мнѣ замѣтить что дабы дѣлать дѣло хорошо, нужно дѣлать заразъ только одно дѣло. Я пришелъ сюда убирать сѣно, а не разговаривать.

— Вотъ какъ! изумленно проговорила дѣвушка и отвернулась кивнувъ своею хоршенькою головкой.

„Пожалуй у этой тоже есть дядя“, подумалъ Кенелмъ.

Фермеръ, принимавшій также участіе въ работѣ, находясь то тамъ то здѣсь чтобы присматривать за всѣмъ, съ большимъ одобреніемъ замѣтилъ добросовѣстное стараніе

Кенелма, и когда дневная работа кончилась, онъ пожалъ ему руку, оставивъ въ его ладони двухшillingовую монету. Наслѣдникъ Чиллингви посмотрѣлъ на полученную плату и перевернулъ монету между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки.

— Или мало? сказалъ фермеръ язвительно.

— Извините, отвѣчалъ Кенелмъ. — Сказать правду, это первыя деньги которыя я заработалъ своимъ трудомъ, и я смотрю на нихъ съ любопытствомъ и уваженіемъ. Но если это не оскорбитъ васъ, я бы попросилъ вмѣсто денегъ дать мнѣ поужинать, такъ какъ я не ѣлъ ничего кромѣ хлѣба и воды съ самаго утра.

— Вы получите и деньги и ужинъ, сказалъ фермеръ весело. — А если захотите остаться и помогать намъ пока мы уберемъ все сѣно, я думаю что моя добрая жена найдетъ для васъ лучшую постель чѣмъ вы можете получить на постояломъ дворѣ въ деревнѣ, если только тамъ можно получить какую-нибудь.

— Вы очень добры. Но прежде чѣмъ я приму ваше гостепріимство, позвольте мнѣ одинъ вопросъ: есть у васъ племянницы?

— Племянницы! повторилъ фермеръ, машинально опуская руки въ карманы шароваръ какъ бы ища чего тамъ, — племянницы! Что вы хотите сказать? Можетъ-быть такъ называется по-модному мѣдъ?

— Не мѣдъ, а можетъ-быть мишура. Я говорилъ безъ всякой метафоры, я вообще избѣгаю племянницъ вслѣдствіе отвлеченнаго принципа подтвержденнаго опытомъ.

Фермеръ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза и подумалъ что умственные способности его новаго друга не находятся въ такомъ же добромъ здоровьи какъ физическія. Однакоже онъ отвѣтилъ съ усмѣшкой:

— Успокойтесь. У меня только одна племянница, да и та замужемъ за желѣзнымъ торговцемъ и живетъ въ Экстерѣ.

Войдя въ домъ хозяинъ провелъ Кенелма прямо въ кухню и закричалъ обращаясь къ красивой среднихъ лѣтъ женщинѣ, которая вмѣстѣ съ толстою служанкой занималась приготовленіемъ кушанья:

— Послушай, старуха! Я привелъ къ тебѣ гостя который отлично заработалъ себѣ ужинъ; онъ работалъ за двоихъ, и я обѣщалъ ему также дать постель.

Жена фермера быстро обернулась.

— Ужинать милости просимъ, а насчетъ постели, сказала она съ сомнѣнiемъ,—я право не знаю.

Въ то же время глаза ея остановились на Кенелмѣ. Натурность его такъ мало походила на то что она ожидала встрѣтить въ захожемъ косцѣ что она невольно присѣла и прибавила измѣнивъ голосъ:

— Джентльменъ можетъ помѣститься въ комнату для гостей, только нужно нѣсколько времени чтобы привести ее въ порядокъ: ты знаешь, Джонъ, что вся мебель покрыта чехлами.

— Ну, для этого будетъ довольно времени, вѣдь онъ не пойдетъ на нашестъ до ужина.

— Разумѣется нѣтъ, сказалъ Кенелмъ, ощущая прiятный запахъ кушанья.

— А гдѣ дѣвочки? спросилъ фермеръ.

— Онѣ были здѣсь минутъ пять тому назадъ, и пошли наверхъ переодѣться.

— Какія дѣвочки? залпулся Кенелмъ отступая къ двери.— Вы кажется сказали что у васъ нѣтъ племянницъ.

— Но я не говорилъ что у меня нѣтъ дочерей. Развѣ вы и ихъ боитесь?

— Серь, отвѣчалъ Кенелмъ вѣжливо и ловко отклоняя этотъ вопросъ,—если ваши дочери похожи на свою мать, вы не можете сказать чтобъ онѣ не были опасны.

— Вотъ какъ! воскликнулъ фермеръ, между тѣмъ какъ жена его улыбалась и краснѣла;— это такъ складно сказано какъ будто бы вы исходили все графство. Я догадываюсь что должно-быть не между косцами вы учились обращенiю, и можетъ-быть я слишкомъ свободно держалъ себя съ высшимъ.

— Какъ! сказалъ любезно Кенелмъ:—вы хотите сказать что поступили слишкомъ свободно съ вашими шиллингами? Простите меня пожалуйста, но я думаю что вы не получите назадъ вашихъ шиллинговъ. Я меньше вашего видалъ въ жизни, но опытность моя учить что когда человекъ разстанется со своими деньгами, будь это для высшихъ или для низшихъ, ему ужъ не случается увидеть ихъ опять.

При этомъ афоризмѣ фермеръ чуть не лопнулъ со смѣха; жена его захохотала и даже служанка-на-всѣ-руки захихикала. Кенелмъ сохраняя свою невозмутимую важность сказалъ самъ себѣ:

— Остроуміе заключается въ эпіграматическомъ выраженіи ходячихъ истинъ, и самое ничтожное замѣчаніе о достоинствѣ денегъ можетъ разчитывать на такой же услѣшный пріемъ какъ и ничтожное замѣчаніе о недостаткахъ женщинъ. Слѣдовательно я, самъ не замѣчая этого, обладаю остроуміемъ.

Въ это время фермеръ дотронулся до его плеча—дотронулся, а не ударилъ его по плечу, какъ бы сдѣлалъ это десять минутъ назадъ—и сказалъ:

— Не будемъ мѣшать хозяйкѣ, не то останемся безъ ужина. Я пойду заглянуть подъ навѣсъ на коровъ. Вы знаете толкъ въ коровахъ?

— Да, коровы доставляютъ сливки и масло. Лучшія коровы тѣ которыя при наименьшихъ издержкахъ даютъ лучшія сливки и масло. Но какимъ образомъ сливки и масло могутъ быть производимы такъ дешево чтобы появляться за завтракомъ бѣдныхъ людей, это вопросъ предстоящій рѣшенію реформированнаго парламента и либеральной администраціи. А пока не будемъ откладывать ужина.

Фермеръ и его гость вышли изъ кухни на дворъ фермы.

— Вы совсѣмъ чужой въ этихъ мѣстахъ?

— Совершенно.

— Вы даже не знаете моего имени?

— Нѣтъ; я слышалъ только что жена называла васъ Джономъ.

— Меня зовутъ Джонъ Сондерсонъ.

— А! Значитъ вы происходите изъ сѣверныхъ провинцій. Потому-то вы такой умный и ловкій. Имена оканчивающіяся на *son* (сынъ) большею частію принадлежатъ потомкамъ Датчанъ, которымъ король Алфредъ, Господь ему прости, мирно уступилъ только шестнадцать англійскихъ графствъ. А когда Датчанинъ называется такого-то сынъ, это означаетъ что онъ былъ сыномъ такого-то.

— Вотъ какъ! Я никогда не слышалъ этого прежде.

— Еслибъ я думалъ что вы слышали, я бы не говорилъ этого.

— Теперь я сказалъ вамъ какъ меня зовутъ, а васъ какъ?

— Умный человекъ задаетъ вопросы, а глухой на нихъ отвѣчаетъ. Предположите на минуту что я не глухъ.

Фермеръ Сондерсонъ почесалъ голову и казался больше

сбитымъ съ толку нежели подобало потомку Датчанина во двореннаго королема Алфредомъ на сѣверѣ Англіи.

— Бросимъ это, сказалъ онъ наконецъ,—но я думаю что вы также Йоркширецъ.

— Человѣкъ, самое разумное изъ всѣхъ животныхъ, приписываетъ одному себѣ преимущество думать, осуждая другихъ животныхъ на низшія механическія дѣйствія называемыя инстинктомъ. Но такъ какъ инстинкты безошибочны, а мысли по большей части бываютъ ложны, то человѣку нечѣмъ особенно похвалиться, согласно его собственному опредѣленію. Когда вы говорите: я думаю, и считаете достовѣрнымъ что я Йоркширецъ, вы то ошибаетесь: я не Йоркширецъ. А довѣрившись инстинкту не можете ли вы угадать когда мы будемъ ужинать? Коровы, которыхъ вы собираетесь навѣстить, угадываютъ время когда ихъ будутъ кормить.

Фермеръ сказалъ съ чувствомъ превосходства предъ гостемъ которому онъ дѣлаетъ одолженіе ужиномъ:

— Черезъ десять минутъ.

Потомъ помолчавъ онъ прибавилъ заискивающимъ тономъ, какъ бы боясь чтобъ его не сочли слишкомъ простымъ человѣкомъ:

— Мы ужинаемъ не въ кухнѣ. Мой отецъ дѣлалъ такъ и я тоже пока не былъ женатъ; но моя Бессъ, хотя лучшая фермерская жена изъ всѣхъ что когда-нибудь носили кожаные башмаки, была дочь кулца и воспитана иначе. У нея, видите ли, было не мало денегъ; но еслибъ этого и не было, я не хотѣлъ бы чтобъ ея родные говорили что я унижилъ ее,—такъ что мы ужинаемъ всегда въ комнатѣ.

Кенелмъ отвѣчалъ:

— Прежде всего важно чтобы вообще имѣть ужинъ. Если же ужинъ есть, то человѣкъ можетъ больше преуспѣвать въ жизни если онъ ужинаетъ въ комнатѣ нежели въ кухнѣ. А пока я вижу здѣсь колодезь, тѣмъ временемъ какъ вы сходите посмотреть коровъ, я останусь здѣсь и вымою себѣ руки.

— Послушайте. Вы, какъ я вижу, острый малый и далеко не глухой. У меня есть сынъ, добрый парень, но слишкомъ много о себѣ думаетъ и хочетъ быть выше другихъ. Вы бы сдѣлали мнѣ большое одолженіе и ему также еслибъ послали съ него слѣси.

Кенелмъ, который въ это время занялся умываньемъ,

вмѣсто отвѣта кивнулъ только головой. Но такъ какъ онъ рѣдко упускалъ случай размышлять, то сказалъ самъ себѣ умывая лицо изъ-подъ жолоба:

Нечего удивляться что всякій маленькій человѣкъ съ удовольствіемъ думаетъ какъ бы пособить того кто больше его, когда отецъ проситъ чужаго человѣка принизить его сына за то только что тотъ не считаетъ себя маленькимъ. Отъ этого свойства человѣческой природы происходитъ то что критика благоразумно оставляетъ свои претензіи быть наукою анализа и становится прибыльнымъ ремесломъ. Она разчитываетъ на удовольствіе испытываемое читателями когда принижаютъ человѣка.

ГЛАВА IX.

Домъ фермера былъ красивый, славный домъ, какой можетъ хорошо поддерживаться при двухъ или трехъ стахъ акровъ довольно хорошей земли, довольно хорошо обрабатываемой арендаторомъ стараго покроя, который хотя и не употреблялъ жатвенныхъ машинъ и паровыхъ плуговъ и не производилъ химическихъ опытовъ, но положивъ достаточный капиталъ на свою землю получалъ съ этого капитала хорошіе проценты. Ужинъ былъ накрытъ въ просторной хотя не высокой комнатѣ, со стеклянною дверью, отворенною настежь, также какъ и рѣшетчатая окна выходившія въ садъ, наполненный тѣми старыми англійскими цвѣтами которые въ настоящее время вытѣсняются изъ садовъ цвѣтами съ большими претензіями и бесконечно менѣе душистыми. Въ одномъ углу была бесѣдка освѣщенная жимолостью, супротивъ ея стоялъ рядъ ульевъ. Комната имѣла видъ удобства и того изящества которое свидѣтельствуешь о женской заботливости. Полки были подвязаны къ стѣнѣ голубыми лентами и наполнены маленькими книжками въ красивыхъ перелетахъ; на окнахъ стояли горшки съ цвѣтами; въ углу маленькое фортепiano; стѣны были украшены частью портретами магнатовъ графства и призывныхъ быковъ, частью вышитыми шерстями рамками въ коихъ помѣщались стихи нравственнаго содержанія и имена и дни рожденія бабушки фермера, его матери, жены и дочерей. Надъ каминомъ было небольшое зеркало, а надъ нимъ висѣли трофеи охоты за лисицей; въ одномъ изъ угловъ комнаты помѣ-

щался стеклянный буфетъ наполненный старымъ китайскимъ, индiйскимъ и англiйскимъ фарфоромъ.

Общество состояло изъ фермера, его жены, трехъ пригожихъ дочерей и блѣднаго худоцаваго парня лѣтъ двадцати, единственнаго сына, который имѣлъ отвращенiе къ хозяйству: онъ получилъ воспитанiе въ грамматической школѣ и былъ высокаго мнѣнiя объ успѣхахъ умственнаго развитiя и прогрессѣ настоящаго времени.

Кенелмъ, будучи солиднѣйшимъ изъ смертныхъ, былъ однако же менѣе всего застѣнчивъ. Въ самомъ дѣлѣ, застѣнчивость обыкновенно есть признакъ сильно развитаго самолюбiя; а этого качества у молодаго Чиллингви было едва ли болѣе чѣмъ у Трехъ Рыбъ его герба. Въ этомъ обществѣ онъ чувствовалъ себя совершенно какъ дома; стараясь только чтобъ его вниманiе было одинаково распредѣлено между всѣми тремя дочерьми, дабы избѣгать подозрѣнiя въ исключительномъ предпочтенiи одной изъ нихъ. „Въ числахъ спасенiе“, думалъ онъ, „особливо же въ нечетныхъ. Три Грации никогда не выходили замужъ, равно какъ и девять Музъ.“

— Я догадываюсь что молодыя особы любятъ музыку, сказала Кенелмъ взглянувъ на фортелиано.

— Да, я очень люблю музыку, сказала старшая, отвѣчая за другихъ.

Фермеръ, накладывая на тарелку гостя вареной говядины съ картофелемъ, сказалъ:

— Теперь ужъ далеко не то что было когда я былъ мальчикомъ; тогда только самые значительные арендаторы учили дочерей на фортелиано и посылали сыновей въ хорошия школы. А теперь и мы, маленькiе люди, стараемся подвинуть нашихъ дѣтей ступеньки на двѣ повыше на той лѣстницѣ гдѣ стоимъ сами.

— Учитель за границей, сказалъ сынъ, съ выраженiемъ мудреца вносящаго оригинальный афоризмъ въ сокровищницу философи.

— Несомнѣнно что въ настоящее время культура распредѣляется болѣе равномерно чѣмъ въ прошломъ поколѣнiи, сказалъ Кенелмъ.—Люди всѣхъ сословiй произносятъ одни и тѣ же общiя мнѣста совершенно въ томъ же синтаксическомъ построенiи. И по мѣрѣ того какъ распространяется демократизацiя разумнiя—одинъ мой прiятель докторъ говорилъ мнѣ что болѣзни составлявшiя прежде исключительную принад-

лежность того что называется аристократіей (хотя я право не знаю что бы значило это слово на чистомъ англійскомъ языкѣ) теперь распространяются также между простыми гражданами — *Tic-douloureux* и другія нервныя болѣзни появляются въ изобилии. И человѣческая порода, по крайней мѣрѣ въ Англіи, становится болѣе слабою и извѣженной. Есть басня о человѣкѣ который доживъ до чрезмѣрной старости превратился въ кузнечика. Англія очень стара и очевидно приближается къ степені развѣтїя кузнечика. Можетъ-статься мы ѣдимъ не такъ много мяса какъ наши предки. Смѣю просить васъ дать мнѣ еще ломтикъ?

Замѣчанія Кенелма превосходили пониманіе его слушателей. Но сынъ фермера, принимая ихъ за оскорбленіе просвѣщенному духу времени, вслыхнулъ и сказалъ нахмуривъ брови:

— Надѣюсь, сэръ, что вы не врагъ прогресса.

— Это смотря по тому; на примѣръ я предпочитаю оставаться здѣсь, гдѣ мнѣ хорошо, чѣмъ идти далѣе, чтобъ было хуже.

— Славно сказано! воскликнулъ фермеръ.

Не удостоивъ обратитъ вниманія на этотъ перерывъ, сынъ въ отвѣтъ на возраженія Кенелма сказалъ насмѣшливо:

— Вы кажется хотѣли сказать что будетъ хуже если идти вмѣстѣ со временемъ.

— Я боюсь что тутъ нѣтъ выбора, приходится идти вмѣстѣ со временемъ; но когда мы дойдемъ до того что идти далѣе значить приближаться къ старости, мы вѣроятно не послѣдовали бы на время еслибъ оно благоволило приостановиться; и всѣ хорошіе доктора совѣтуютъ не торопить его.

— Въ нашей странѣ нѣтъ признаковъ старости, и благодаря Бога мы не стоимъ на мѣстѣ.

— Кузнечики никогда не стоятъ на мѣстѣ; они всегда скачутъ и прыгаютъ, совершая то что они считаютъ прогрессомъ, до тѣхъ поръ (если разумѣется не поладать въ воду и не будутъ преждевременно съѣдены карпомъ или лягушкой) пока умрутъ отъ истощенія, естественнаго послѣдствія скаканья и прыганья. Смѣю ли просить васъ, мистрисъ Сондерсонъ, положить мнѣ кусочекъ рисоваго луддинга?

Фермеръ хотя и не вполнѣ понялъ метафорическій способъ доказательствъ Кенелма, но былъ въ восторгѣ что его мудрый сынъ казался еще болѣе представленъ въ туликъ чѣмъ онъ самъ, и воскликнулъ весело:

— Бобъ, сынъ мой — Бобъ! гость нашъ немножко мудренъ для тебя!

— О нѣтъ, сказалъ Кенелмъ скромно. — Я искренно увѣренъ что мистеръ Бобъ былъ бы еще гораздо болѣе умнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, и былъ бы гораздо дальше отъ состоянія кузнечика, еслибъ меньше думалъ и больше вѣлъ людцага.

Послѣ ужина фермеръ предложилъ Кенелму глиняную трубку набитую табакомъ, которую этотъ искатель приключеній принялъ съ обычною готовностью покоряться всѣмъ невгодамъ жизни; и все общество, исключая мистрисъ Сондерсонъ, разбрелось по саду. Кенелмъ съ мистеромъ Сондерсономъ помѣстались въ бесѣдкѣ изъ жимолости; дѣвушки и защитникъ прогресса остались въ цвѣтничкѣ. Ночь была тихая и прекрасная, освѣщенная полною луной. Фермеръ сидѣлъ глядя на свои ауга и мирно локуривая трубку. Кенелмъ послѣ третьей затяжки отложилъ трубку въ сторону и взглянулъ украдкой на трехъ грацій. Онѣ представляли красивую груллу собравшуюся близъ замоакшихъ ульевъ; младшія сидѣли на травѣ окоймлявшей цвѣточные куртины, положивъ руки на плечи другъ другу; старшая стояла позади, и лунный свѣтъ мягко скальзилъ по ея каштановымъ волосамъ. Молодой Сондерсонъ безлокойно бродилъ взадъ и впередъ въ сторонѣ по дорожкѣ усыпанной гравіемъ.

„Странная вещь, разсуждалъ Кенелмъ, на дѣвушекъ приятно посмотрѣть когда ихъ нѣсколько, двѣ или три вмѣстѣ; но если отдѣлать одну изъ нихъ отъ общей груллы, окажется что она безобразна какъ ладка. Желалъ бы я знать считаетъ ли этотъ буколическій кузнечикъ помѣшанный на прыжкахъ и скачкахъ которые онъ именуется прогрессомъ, считаетъ ли онъ общество мормоновъ въ числѣ доказательствъ преуспѣванія цивилизаціи. Многое можно сказать въ пользу цѣлой толпы женъ также какъ и за локулку цѣлой кучи дешевыхъ бритвъ. Нѣтъ ничего невозможно что изъ дюжины найдется одна хорошая. Кромѣ того цѣлый букетъ разнообразныхъ цвѣтовъ съ поблекшимъ листомъ тамъ и сямъ гораздо пріятнѣе для глазъ чѣмъ монотонное зрѣлище одной и той же жены. Но можетъ-быть эти размышленія дурны, перемѣнимъ ихъ.“

— Фермеръ, сказалъ онъ вслухъ,—я думаю что ваши красавицы дочки слишкомъ пѣжны чтобы помогать вамъ много. Я не видалъ ихъ на свѣнокосѣ.

— Нѣтъ, онѣ были тамъ, только въ сторонѣ, въ задней части луга. Я не желаю чтобъ онѣ были вмѣстѣ съ другими дѣвушками; многія изъ нихъ пришли издали, и хоть я ничего не знаю про нихъ дурнаго, но какъ не знаю ничего и хорошаго, то я счелъ за лучшее отдѣлать моихъ дочерей къ сторонкѣ.

— А по-моему было бы благоразумнѣе держать вашего сына въ сторонѣ отъ нихъ. Я видѣлъ его въ толпѣ этихъ нимфъ.

— Я не думаю, сказалъ фермеръ задумчиво и вынимая изо рта трубку,—чтобы малообразованныя дѣвушки могли больше повредить парню чѣмъ благовоспитаннымъ дѣвушкамъ, по крайней мѣрѣ моя жена не думаетъ этого. Отдѣляя хорошихъ дѣвушекъ отъ дурныхъ, говоритъ она, и хорошія дѣвушки никогда не испортятся. И вы согласитесь съ этимъ когда будете имѣть своихъ дочерей.

— Не дожидаясь этого времени, которое, надѣюсь, никогда не придетъ, я могу признать мудрость замѣчанія вашей превосходной жены. Мое мнѣніе что женщина можетъ легче дѣлать зло другимъ женщинамъ, если, разумѣется, она не можетъ существовать не дѣлая зла тому или другому.

— И добра также, сказалъ весело фермеръ, стукнувъ по столу.—Что бы мы были безъ женщинъ?

— Я думаю было бы гораздо лучше, сэръ. Адамъ былъ чистъ какъ золото, и не имѣлъ никакого искушенія ни въ умѣ, ни въ желудкѣ, пока Ева не соблазнила его съѣсть сырое яблоко.

— Молодой человекъ, ты былъ обманутъ въ любви. Теперь я вижу это. Потому-то ты и смотришь такъ грустно.

— Грустно! Видали ли вы человекъ обманутаго въ любви который смотрѣлъ бы менѣе грустно чѣмъ я когда я вѣлъ луддингъ?

— Да! про тебя можно сказать что ты славно владѣешь ножомъ съ вилокѣй.

При этомъ фермеръ сталъ внимательно всматриваться въ Кенелма, послѣ чего сказалъ болѣе почтительнымъ тономъ:

— Знаете что вы ставите меня въ затрудненіе?

— Очень можетъ быть. Я знаю что я самъ себя затрудняю. Скажите въ чемъ дѣло.

— Глядя на ваше платье, и...

— И вспомяная два шиллинга что вы дали мнѣ? Ну...

— Я принялъ васъ сначала за сына скромнаго фермера въ родѣ меня. А теперь, судя по вашему разговору, я думаю что вы студентъ, пожалуй джентльменъ. Не такъ ли?

— Дорогой мистеръ Сондерсонъ, я началъ путешествіе, что было очень недавно, съ твердымъ намѣреніемъ не лгать. Но я сомнѣваюсь можетъ ли человѣкъ долго прожить на семъ свѣтѣ не убѣдившись что способность лгать вложена въ него природою какъ необходимое средство самохраненія. Если вы будете предлагать мнѣ вопросы обо мнѣ, я убѣжденъ что я солгу. Итакъ можетъ-быть лучше для насъ обоихъ если я откажусь отъ лоскута которую вы предложили мнѣ и переночую гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

— Вотъ еще! Я вовсе не желаю знать о чужихъ дѣлахъ больше того что мнѣ скажутъ. Оставайтесь и кончайте уборку сѣна. А вотъ что я вамъ скажу: я очень радъ что вы не обращаете вниманія на дѣвушекъ; я видѣлъ какъ одна очень красивая пробовала покетничать съ вами, и еслибы вы не были осторожны, она могла бы ввести васъ въ большую бѣду.

— Какъ? Развѣ она хочетъ убѣжать отъ своего дяди?

— Дяди! Богъ съ вами; она живетъ не у дяди. Она живетъ у отца, и не слышно чтобъ она хотѣла убѣжать. Джесси Уайльзъ — ее такъ зовутъ — славная дѣвушка и всѣмъ нравится, можетъ-быть немножко черезчуръ; но она знаетъ что она красавица и позволяетъ за собой ухаживать.

— Такъ дѣлаютъ всѣ женщины, будь онѣ красавицы или нѣтъ. Но я все-таки не понимаю какимъ образомъ Джесси Уайльзъ могла бы ввести меня въ бѣду.

— Дѣло въ томъ что здѣсь есть одинъ огромный молодецъ который съума сошелъ по ней; и если онъ замѣтитъ что кто-нибудь слишкомъ къ ней внимателенъ, онъ избьетъ того человѣка до полусмерти. Вотъ, молодой человѣкъ, отъ чего вы избавились.

— Гм! А что говорить дѣвушка о такихъ доказательствахъ привязанности? Любитъ ли она больше этого человѣка за то что онъ бьетъ другихъ обожателей до полусмерти?

— Бѣдное дитя! Нѣтъ, она его видѣть не можетъ. Но онъ поклялся что она ни за кого другаго не выйдетъ замужъ. А если сказать правду, я подозреваю что Джесси слишкомъ свободно держится съ другими чтобъ отвлечь подозрѣнія этого

буяна отъ одного человѣка, котораго, я думаю, она любитъ: бѣдный молодой молодой человѣкъ, который искалъчился по несчастному случаю и котораго Томъ Боульзъ можетъ убить однимъ мизинцемъ.

— Это поистинѣ интересно! воскликнулъ Кенелмъ обнаруживая что-то похожее на оживленіе.—Желалъ бы я познакомиться съ этимъ ужаснымъ влюбленнымъ.

— Это очень легко, сказалъ фермеръ насмѣшливо.—Стоитъ вамъ только прогуляться съ Джесси Уайльзъ послѣ солнечнаго заката, и вы узнаете Тома Боульза настолько что не забудете въ цѣлый мѣсяцъ.

— Очень вамъ благодаренъ за ваше сообщеніе, сказалъ Кенелмъ мягкимъ и задумчивымъ голосомъ.—Надѣюсь воспользоваться имъ.

— Ладно. Только мнѣ жалко будетъ если съ тобою случится бѣда; когда Томъ Боульзъ разозлится съ нимъ такъ же опасно встрѣчаться какъ съ бѣшеннымъ быкомъ. А теперь, такъ какъ намъ завтра надо рано вставать, я пойду загляну въ конюшню и сейчасъ же спать. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же.

— Благодарю васъ что напомнили. Дочери ваши какъ видно ужъ ушли. Покойной ночи.

Проходя чрезъ садъ Кенелмъ встрѣтилъ молодаго Совдерсова.

— Я боюсь, сказалъ защитникъ прогресса,—что вы наши хозяина страшно отсталимъ. О чемъ вы толковали съ нимъ?

— О дѣвушкахъ, сказалъ Кенелмъ,—предметъ всегда страшный, но вы всегда отсталый.

— О дѣвушкахъ, хозяинъ толковалъ о дѣвушкахъ! Вы шутите.

— Я бы желалъ шутить, но я никогда не могъ съ тѣхъ поръ какъ явился на свѣтъ. Даже въ люлькѣ я чувствовалъ что жизнь очень серьезная вещь и никогда не позволялъ себѣ шутить. Я очень хорошо помню мой первый приемъ кастороваго масла. Вы, мистеръ Бобъ, также безъ сомнѣнія извѣдали это предвкушеніе сладостей жизни. Углы вашихъ губъ, опущенные къ низу, съ тѣхъ поръ сохранили строгое выраженіе. Также какъ и я вы обладаете степеннымъ характеромъ и не имѣете склонности къ шуткамъ. Энтузіазъ прогресса по необходимости становится человѣкомъ въ высшей степени не-

довольнымъ настоящимъ порядкомъ вещей; а постоянное недовольство исключаетъ минутное увлеченіе шуткою.

— Перестаньте молоть вздоръ пожалуйста, сказалъ Бобъ густымъ и наставительнымъ тономъ, — и скажите мнѣ прямо, не говорилъ ли отецъ чего-нибудь особеннаго обо мнѣ?

— Ни слова; единственный мужчина о которомъ было говорено въчто особое это Томъ Боульзъ.

— Какъ, о забіякѣ Томѣ который приводитъ въ ужасъ всю окрестность! А, я догадываюсь, старики боятся чтобы Томъ не поссорился со мною. Но Джесси Уайльзъ вовсе не стоитъ чтобъ изъ-за нея ссориться съ этимъ животнымъ. Это воплющій стыдъ для государства...

— Что! Государство должно было поощрять его героизмъ или удерживать его излишнюю пылкость?

— Вздоръ! Стыдъ для государства что оно не принудило его отца послать его въ школу. Еслибъ образование было всеобщимъ....

— Вы думаете что тогда не было бы скотовъ въ частности. Можетъ-быть и такъ, но въ Китаѣ образование всеобщее, также какъ и битие палками. Мнѣ кажется впрочемъ вы упомянули о заграничномъ учителѣ и сказали что посвященіе въ настоящее время въ полномъ ходу.

— Да, въ городахъ, но не въ отсталыхъ земледѣльческихъ округахъ; и это мое несчастіе. Я чувствую себя здѣсь потеряннымъ, одинокимъ. Во мнѣ есть кое-что, но это можетъ обнаружиться только при встрѣчѣ съ одинаково развитыми умами. Сдѣлайте мнѣ одно одолженіе; сдѣлаете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Растолкуйте хозяину чтобъ онъ не надѣялся что окончивъ ученіе я стану пахать землю или пасти свиней. Манчестеръ вотъ мое мѣсто.

— Почему Манчестеръ?

— Потому что у меня есть тамъ родственники которые доставятъ мнѣ мѣсто клерка, если хозяинъ согласится. А Манчестеръ управляетъ Англіей.

— Мистеръ Бобъ Сондерсонъ, я постараюсь исполнить ваше желаніе. Мы живемъ въ свободной странѣ, гдѣ каждый можетъ избирать для себя дорогу, и если человѣкъ въ конецъ пропадетъ, его не будетъ тяготить мысль что другой довелъ его до этого противъ его собственной воли. Ему некого будетъ упрекать кромѣ самого себя. А это, мистеръ

Бобъ, большое утѣшеніе. Если полавъ въ затрудненіе мы упрекаемъ другихъ, мы безсознательно становимся несправедливы, злобны, безжалостны, даже мстительны. Мы предаемъ чувствамъ которыя могутъ испортить характеръ. Но если мы упрекаемъ только себя самихъ, мы становимся скромны и ощущаемъ раскаяніе. Мы снисходительны къ другимъ. И поистинѣ самообвиненіе есть полезное упражненіе совѣсти которому хорошій человѣкъ предается ежедневно въ теченіе своей жизни. А теперь не покажете ли вы мнѣ комнату гдѣ я могу уснуть и забыть на нѣсколько часовъ что я существую,—самое лучшее что можетъ случиться съ нами въ семь свѣтъ, дорогой мистеръ Бобъ! Нѣтъ ничего пріятнѣе въ нашей жизни какъ забыть о ней совершенно положивъ голову на подушку.

Молодые люди вошли въ домъ дружелюбно, рука въ руку. Дѣвушки удалились еще прежде, но мистрисъ Сондерсонъ дождалась чтобы проводить своего гостя въ комнату для гостей, хорошенькую комнату которая была отдѣлана двадцать два года тому назадъ по случаю женитьбы фермера, отдѣлана на счетъ матери мистрисъ Сондерсонъ на случай ея пріѣзда. Комната съ каніфасными занавѣсками на окнахъ и клѣтчатыми обоями смотрѣла свѣжо и ново будто только вчера отдѣланная и меблированная.

Оставшись одинъ, Кенелмъ раздѣлся и прежде чѣмъ лечь въ постель обнажилъ свою правую руку и согнувъ ее съ важностію разсматривалъ ея мускульное развитіе, проводя лѣвою рукой по той выуклости въ верхней части руки что въ просторѣчьи называется пирогомъ. Будучи повидимому доволенъ размѣрами и твердостію этого важнаго для бойцовъ мускула, онъ прошепталъ съ кротостію:

— Боюсь что мнѣ придется любить этого Тома Боульза.

Пять минутъ спустя онъ уже спалъ.

ГЛАВА X.

На слѣдующій день локось былъ оконченъ и большая часть сѣна была уже свезена и убрана въ стоги. Кенелмъ работалъ такъ же усердно какъ и прежде когда заслужилъ одобреніе мистера Сондерсона. Но вмѣсто того чтобы избѣгать какъ прежде знакомства съ миссъ Джесси Уайльзъ, около ло-

лудня онъ подошелъ поближе къ этой опасной красавицѣ и заговорилъ съ нею:

— Я боюсь что я былъ немного грубъ вчера и прошу васъ простить меня.

— О, отвѣчала дѣвушка, говоря просто и разумно, что чаще встрѣчается въ настоящее время у деревенскихъ жителей чѣмъ можно полагать читая многихъ народныхъ писателей,—напротивъ, я должна просить у васъ прощенья за то что рѣшилась заговорить съ вами. Но я думала что такъ какъ вы здѣсь всѣмъ чужой, то это будетъ любезно.

— Я увѣренъ что вы такъ думали, возразилъ Кенельмъ, любезно убирая при этихъ словахъ ея сѣно вмѣстѣ со своимъ;— и я бы желалъ чтобы мы были добрыми друзьями. Скоро наступитъ время обѣда, а мистрисъ Сондерсонъ наполнила мои карманы съѣстными припасами, которыми я буду очень радъ подѣлиться съ вами, если вы не откажетесь пообѣдать со мной здѣсь, вмѣсто того чтобы идти обѣдать домой.

Молодая дѣвушка колебалась; потомъ покачала отрицательно головой.

— Вы боитесь что ваши сосѣди дурно объ этомъ подумаютъ?

Джесси презрительно сжала губы и сказала:

— Я не очень забочусь о томъ что скажутъ другіе, но вѣдь это не хорошо.

— Ни мало. Позвольте мнѣ васъ усложнить. Я пробуду здѣсь всего день или два; можетъ-быть мы никогда больше не встрѣтимся; но прежде чѣмъ уйти отсюда я былъ бы радъ еслибы могъ оказать вамъ небольшую услугу.

Говоря это онъ прекратилъ работу, оперся на грабли и въ первый разъ внимательно устремилъ глаза на красавицу.

Да, она была рѣшительно красавица, рѣдкая красавица. Ея блестящіе темнорусые волосы были тщательно подобраны и прикрыты соломенною шляпкой, безъ сомнѣнія собственной работы, ибо вообще деревенскія дѣвушки для своего украшенія особенно изучаютъ искусство плетенія соломы. У нея были большіе, мягкіе голубые глаза, нѣжныя, тонкія черты лица, и здоровый румянецъ ея былъ болѣе нѣженъ чѣмъ вообще у деревенскихъ красавицъ подъ вліяніемъ вѣтра и солнца. Она улыбнулась и слегка покраснѣла когда онъ глядѣлъ на нее, и поднявъ глаза взглянула на него такимъ милымъ

и доврчивымъ взглядомъ что онъ могъ очаровать философа и обольстить повѣсу. Кенелмъ, съ тѣмъ инстинктивнымъ пониманіемъ характеровъ которое часто бываетъ тѣмъ безошибочнѣе чѣмъ менѣе возмущено сомнѣніями и ухищреніями пріобрѣтеннаго знанія, почувствовалъ сразу что кокетство этой дѣвушки, можетъ-быть безсознательное, было столь же невинно какъ кокетство ребенка. Онъ склонилъ голову и потупилъ глаза, почувствовавъ къ ней такую же нѣжность какъ еслибъ она была ребенокъ пріобрѣтшій къ его защитѣ.

„Несомнѣнно, сказалъ онъ самъ себѣ, я долженъ любить Тома Боульза; однакожь подождемъ, можетъ-быть еще онъ ей нравится.“

— Но, сказалъ онъ вслухъ,—вы не знаете какимъ образомъ я могу быть вамъ полезенъ. Прежде чѣмъ объяснить это, позвольте спросить, который изъ работающихъ на лугу Томъ Боульзъ?

— Томъ Боульзъ! воскликнула Джесси тономъ изумленія и отчаянія, и поблѣдѣла, послѣдно оглядываясь кругомъ:—Вы ислугали меня, сэръ, но его здѣсь нѣтъ; онъ не работаетъ въ полѣ. Но какимъ образомъ узнали вы про Тома Боульза?

— Будете обѣдать со мною, тогда скажу. Взгляните, вонъ тамъ тихое мѣстечко, въ томъ углу подъ терновникомъ, около ручья. Смотрите работа кончается; я схожу за кружкой пива, а потомъ позвольте мнѣ присоединиться къ вамъ.

Джесси помолчала съ минуту какъ бы все еще сомнѣваясь; потомъ взглянувъ еще разъ на Кенелма и усложившая его серьезнымъ и добрымъ видомъ, вымолвила едва слышное согласіе и направилась къ терновымъ кустамъ.

Когда солнце стояло прямо надъ головами и стрѣлка часовъ деревенской колокольни возвышавшейся изъ-за живой изгороди показывала первый часъ по полудни, работа прекратилась и все мгновенно умолкло; нѣкоторыя дѣвушки ложили по домамъ; оставшіяся собрались вмѣстѣ, особо отъ мужчинъ, которые направились въ тѣнь высокихъ дубовъ у изгороди, гдѣ ихъ ждали боченки съ ливомъ и кружки.

ГЛАВА XI.

— Теперь, сказалъ Кенемъ, когда молодые люди кончивъ свой скромный обѣдъ сидѣли подѣ терновыми кустами на берегу ручья, окаймленнаго съ этой стороны высокимъ камышомъ, который приятно шелестѣлъ, колеблемый легкимъ дѣтнимъ вѣтеркомъ:—теперь потокуемъ о Томѣ Боульзѣ. Правда ли что вамъ не нравится этотъ храбрый молодой человѣкъ? говорю молодой, считая это за достовѣрное.

— Нравится? Я ненавижу его.

— Всегда ли вы ненавидѣли его?... Вѣроятно было время когда вы подали ему поводъ думать иначе?

Дѣвушка вздрогнула и не отвѣчала, но сорвала цвѣтокъ царскихъ кудрей и безжалостно разорвала его въ куски.

— Я боюсь что вы находите удовольствіе поступать съ вашими обожателями такъ же какъ съ этимъ несчастнымъ цвѣткомъ, сказалъ Кенемъ съ нѣкоторою строгостью въ голосъ.—Но вы можете встрѣтить иногда скрытое въ цвѣткѣ пчелиное жало. Я вижу по выраженію вашего лица что вы не говорили Тому Боульзу что ненавидите его до тѣхъ поръ когда уже было поздно предупредить его сумашествіе отъ васъ.

— Нѣтъ; я не поступала такъ дурно, сказала Джесси, немного застыдившись, — но я была глупа и легкомысленна, я сознаюсь въ этомъ; и когда онъ въ первый разъ обратился на меня вниманіе, мнѣ было это пріятно и я хорошенько не подумала объ этомъ, потому что, видите ли, мистеръ Боульзъ (съ удареніемъ на словѣ мистеръ) по своему положенію выше бѣдной дѣвушки какъ я. Онъ торговецъ; я просто дочь пастуха, хотя на самомъ дѣлѣ мой отецъ скорѣ помощникъ мистера Сондерсона чѣмъ простой пастухъ. Но я никогда не считала это серіознымъ и не подозрѣвала что онъ думаетъ иначе, то-есть въ началѣ.

— Итакъ Томъ Боульзъ торговецъ. Чѣмъ онъ торгуетъ?

— Онъ кузнецъ, сэръ.

— Я слышалъ что онъ очень красивый молодой человѣкъ.

— Не знаю какъ сказать: онъ очень высокъ.

— А за что стали вы ненавидѣть его?

— Прежде всего я возненавидѣла его за то что онъ оскорб-

лялъ моего отца, а онъ очень тихій и добрый. Томъ Боульзъ грозилъ ему, я не знаю чѣмъ, если отецъ не заставитъ меня видаться съ нимъ. Заставитъ меня! А Томъ Боульзъ опасный, злой, жестокій человѣкъ, и—не смѣйтеся надо мной, сэръ—я разъ видѣла во снѣ что онъ убилъ меня. И я думаю что онъ сдѣлаетъ это если останется здѣсь; такъ же думаетъ его бѣдная мать: она прекрасная женщина и желала бы чтобъ онъ ушелъ отсюда; а онъ не хочетъ.

— Джесси, сказалъ Кенелмъ,—я говорилъ вамъ я хочу чтобы мы были друзьями. Можете вы быть моимъ другомъ? Я никогда не могу быть ничѣмъ болѣе какъ только другомъ, но этого я бы желала. Можете ли довѣриться мнѣ какъ другу?

— Да, сказала дѣвушка сдержанно, и когда она подняла на него глаза, взглядъ ихъ былъ чистъ отъ всякаго подозрѣнія въ кокетствѣ—невинный, искренній, благодарный.

— Нѣтъ ли другаго молодаго человѣка который любитъ васъ нѣжнѣе чѣмъ Томъ Боульзъ и котораго вы дѣйствительно любите?

Джесси искала вокругъ цвѣтка царскихъ кудрей и не найдя ни одного, удовольствовалась голубымъ колокольчикомъ, который она не разорвала на кусочки, но ласкала нѣжною рукой. Кенелмъ устремилъ глаза на ея прекрасное лицо, и въ этомъ взглядѣ было нѣчто рѣдко появлявшееся въ немъ—нѣчто необъяснимо и невыразимо нѣжное, для чего философы его школы не имѣютъ извиненія. Еслибъ обыкновенный смертный, въ родѣ насъ съ вами, заглянулъ въ эту минуту сквозь листья терновника, онъ вздохнулъ бы или нахмурился, сообразно собственному характеру; но всякій бы сказалъ, со злобой или завистью: „счастливые любовники!“ и всякій бы жестоко ошибся говоря это.

Между тѣмъ нельзя отрицать того факта что красивое лицо пользуется незаслуженными преимуществами предъ безобразнымъ. И, что служить къ уменьшенію достоинства Кенелмовой филантропіи, можно основательно сомнѣваться, будь Джесси Уайльзъ курносая или съ косыми глазами, предлагалъ ли бы Кенелмъ столь охотно свои дружескія услуги и не отложилъ ли бы онъ битву съ Томомъ Боульзомъ для ея защиты.

Но ни малѣйшаго признака зависти или ревности не было въ его голосѣ когда онъ сказалъ:

— Я вижу что кого-то вы любите такъ что вышли бы за него замужъ, и въ этомъ отношеніи вы дѣлаете большое различіе между царскими кудрями и голубымъ колокольчикомъ. Кто и что такое молодой человѣкъ котораго представляетъ колокольчикъ? Прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ.

— Мы долго росли вмѣстѣ, сказала Джесси не поднимая глазъ и разглаживая листики голубаго колокольчика. — Домъ его матери былъ рядомъ съ нашимъ; моя мать очень любила его и отецъ тоже; когда мнѣ еще не было десяти лѣтъ, они постоянно смѣялись что Уиллъ называлъ меня своею жонкой. — Слезы наполнившія глаза Джесси закапали на цвѣтокъ. — А теперь отецъ не хочетъ слышать объ этомъ, и этому не быть. Я пробовала полюбить кого-нибудь другаго, но не могу. Теперь я сказала вамъ всю правду.

— Но почему же? Онъ сдѣлался дурнымъ человѣкомъ? — негодяемъ или пьяницей?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: онъ самый лучший человѣкъ въ свѣтѣ. Но... но...

— Но что же?

— Онъ теперь калѣка, и я еще больше люблю его поэтому. При этомъ Джесси зарыдала.

Кенелмъ былъ сильно тронутъ и не говорилъ ни слова пока она нѣсколько не успокоилась; потомъ на свои участливые разспросы онъ узналъ что Уиллъ Сомерсъ, прежде здоровый и сильный малый, шестнадцати лѣтъ упалъ со стройки и такъ сильно разшибся что былъ тотчасъ же отправленъ въ больницу. Когда онъ вышелъ оттуда, какъ отъ ушиба такъ и отъ продолжительной болѣзни онъ не только остался калѣкой на всю жизнь, но здоровье его стало такъ слабо что онъ не могъ уже переносить тяжелой работы въ поляхъ и суровой жизни селянина. Онъ былъ единственный сынъ вдовой матери и его помощь ей была очень не надежна. Онъ выучился самоучкой плести корзины; и хотя, говорила Джесси, работа его была очень красива, однако на нее находилось очень немного покупателей въ окрестности. И еслибы даже отецъ Джесси согласился отдать свою дочь за бѣднаго калѣку, какъ бы онъ сталъ содержать жену?

— И, сказала Джесси, — я все-таки была счастлива прогуливаясь съ нимъ въ воскресные вечера или сидя съ нимъ и съ его матерью, потому что мы оба молоды и можемъ ждать. Но теперь я не рѣшаюсь на это, такъ какъ Томъ Боульзъ

покаялся что онъ изобьетъ его при мнѣ; а Умалъ очень великодушень, я не перенесу если съ нимъ случится изъ-за меня какое-нибудь несчастье.

— Не будемъ пока думать о мистерѣ Боульзѣ. Но если Умалъ будетъ въ состояніи содержать себя и васъ, будетъ ли вашъ отецъ запрещать вамъ или вы сами захотите ли выйти за бѣднаго кааѣку?

— Отецъ не откажетъ ему; а я, еслибъ это не значило ослушаться отца, я бы вышла за него завтра же. Я могу работать.

— Теперь пора идти на сѣнокосъ; но когда кончимъ работу позвольте мнѣ идти съ вами и покажите мнѣ домъ Умала и лавку или кузницу мистера Боульза.

— Только вы ничего не говорите мистеру Боульзу. Онъ не повѣритъ что вы джентльменъ, что я вижу теперь; а онъ страшный, ахъ какой страшный! и такой сильный.

— Не бойтесь ничего, отвѣчалъ Кенелмъ, съ усмѣшкой приближавшейся къ той какою онъ съ самаго дѣтства не смѣялся;—а когда мы освободимся, подождите меня нѣсколько минутъ вотъ около тѣхъ воротъ.

Г Л А В А XII.

Кенелмъ не говорилъ болѣе съ своимъ новымъ другомъ на сѣнокосѣ, но когда дневная работа была окончена, онъ пошелъ искать фермера чтобъ извиниться что не можетъ присоединиться немедленно къ семейному ужину. Не найдя однако ни мистера Сондерсона, ни его сына, которые были заняты въ сѣнномъ сараѣ, и довольный что избавился отъ извиненія и разспросовъ къ которымъ оно могло дать поводъ, Кенелмъ надѣлъ сюртукъ и присоединился къ Джесси, поджидавшей его у воротъ. Они послѣдовали вдвоемъ за толпой поселянъ, которые медленнымъ шагомъ шли домой. Селеніе къ которому они приближались было патріархальное англійское селеніе, не украшенное фантастическими и образцовыми коттеджами, но за то говорившее о зажиточности и домовитости его обитателей. На красномъ фонѣ заката возвышалась сѣрая готическая церковь, окруженная церковною землей и полувидною усадьбой священника. За церковью

разстилаясь общественный выгонъ, съ красивымъ зданіемъ школы, далѣ тянулась длинная улица опрятныхъ коттеджей, потонувшихъ въ зелени небольшихъ садиковъ.

Когда они подходили къ деревнѣ, луна выплыла во всемъ своемъ великолѣпнн и освѣтила ихъ путь своимъ серебристымъ свѣтомъ.

— Кто здѣсь сквайръ? спросилъ Кенелъ.—Онъ долженъ быть хорошій человекъ и притомъ человекъ съ хорошимъ состояніемъ.

— Сквайръ здѣсь мистеръ Траверсъ; онъ дѣйствительно отличный джентльменъ и, говорятъ, очень богатый. Но его усадьба далеко отъ деревни. Вы можете увидеть ее если останетесь здѣсь, потому что онъ даетъ въ субботу ужинъ по случаю окончанія сѣнокоса, и мистеръ Сондерсонъ и всѣ арендаторы лобдуть туда. У сквайра прекрасный паркъ, а миссъ Траверсъ такъ хороша что стоить пойти только для того чтобъ увидеть ее. Ахъ, какъ она хороша! продолжала Джесси съ непритворнымъ восхищеніемъ, ибо женщины не такъ равнодушны къ красотѣ другъ друга какъ полагаютъ мужчины.

— Такая же хорошенькая какъ вы?

— О, нѣтъ, къ ней не идетъ слово хорошенькая. Она прекрасна. Она въ тысячу разъ лучше меня.

— Гмм... пробормоталъ Кенелъ сомнительно.

Нѣсколько времени оба шли молча. Джесси вздохнула.

— О чемъ вы вздыхаете? скажите мнѣ.

— Я думала что иногда очень немного можетъ сдѣлать человека счастливымъ, а между тѣмъ оно не достижимо какъ будто что-нибудь чрезвычайное.

— Умно сказано. У каждаго есть что-нибудь такое о чемъ онъ мечтаетъ, но за чтѣ другой не далъ бы соломенки. Но чтѣ такое это немного о чемъ вы вздыхаете?

— Видите ли вы тамъ лавку? Она принадлежитъ мистрисъ Ботри, но мистрисъ Ботри становится стара и болѣзненна, и охотно продала бы ее еслибы нашелся покупатель. Еслибы Уильямъ могъ купить эту лавку, а мнѣ бы торговать въ ней... но объ этомъ нечего и думать.

— О какой лавкѣ вы говорите?

— Вонъ тамъ!

— Гдѣ? Я не вижу никакой лавки.

— Но вѣдь лѣто авка, — вонъ тамъ возаѣ почтовой конторы. Единственная лавка въ деревнѣ.

— А! тамъ гдѣ на окнахъ виситъ что-то въ родѣ красныхъ платковъ. Чтò же тутъ продается?

— Все чтò угодно—чай, сахаръ, свѣчи, шали, платья, платки, мышеловки, почтовая бумага. Мистрисъ Ботри покупаетъ также корзины бѣднаго Уылла и продаетъ ихъ съ большимъ барышомъ.

— Домъ ловидимому хорошъ, съ полемъ и съ фруктовымъ садомъ.

— Да. Мистрисъ Ботри платитъ восемь фунтовъ въ годъ аренды, но лавка приноситъ ей гораздо больше.

Кенелмъ не сказалъ ни слова. Оба шли олять нѣсколько минутъ молча и достигли уже середины деревни когда Джесси, поднявъ глаза, вскрикнула, съ испугомъ отступила назадъ и остановилась какъ вколанная.

Кенелмъ взглянулъ въ сторону куда были устремлены ея глаза и увидалъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, на другой сторонѣ дороги, небольшой красный кирпичный домъ, съ примыкавшимъ къ нему соломеннымъ навѣсомъ, среди большого двора. У калитки, облокотясь на нее, стоялъ мущина съ короткою трубкой въ рукѣ.

— Это Томъ Боульзъ, прошептала Джесси и инстинктивно взяла руку Кенелма, но тотчасъ же, какъ бы опомнясь, выпустила ее и прибавила все еще шепотомъ: — идите назадъ, сэръ, идите.

— Нѣтъ, я не пойду назадъ, сказалъ Кенелмъ,—я хочу познакомиться съ Томомъ Боульзомъ.

Въ ту же минуту Томъ Боульзъ бросилъ свою трубку и направился медленнымъ шагомъ къ мѣсту гдѣ они стояли.

Кенелмъ смотрѣлъ на него внимательно. Томъ былъ необыкновенно сильно сложенный человекъ, не такой высокій какъ Кенелмъ, но выше средняго роста, съ геркулесовскими плечами и грудью и ногами не пропорциональными съ верхнею частью тѣла,—тяжелый, неповоротливый увалень. Лунный свѣтъ падалъ на его лицо; оно было красиво, съ правильными чертами и со свѣжимъ румянцемъ. Онъ шелъ безъ шляпы, чтò давало видѣть его свѣтло-каштановые курчавые волосы. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать шесть или двадцать семь. Но благоприятное впечатлѣніе которое онъ произвелъ на Кенелма издали ослабѣвало по мѣ-

рѣ того какъ онъ приближался, ибо выраженіе лица его было свирѣлое, угрожающее.

Кенелмъ и Джесси продолжали идти впередъ пока Томъ не преградилъ имъ дорогу. Онъ грубо схватилъ одною рукою руку дѣвушки, повернулся лицомъ къ Кенелму и съ угрожающимъ движеніемъ другою рукою сказалъ глухимъ голосомъ:

— Кто вы?

— Выпустите эту дѣвушку и тогда я скажу вамъ кто я.

— Еслибы вы не были здѣсь чужой, не одобровать бы вамъ послѣ вашихъ словъ, сказалъ Томъ, очевидно сдерживая порывъ ярости.—Но вы можетъ-быть не знаете что я Томъ Боульзъ и что я не позволяю чтобы дѣвушка которая мнѣ нравится проводила время съ другимъ мужчиной.

— А я не позволю никакому мужицѣ обидѣть дѣвушку которая идетъ со мной не сказавъ ему что онъ неучъ и что когда обѣ его руки будутъ свободны, я покажу ему что онъ имѣеть дѣло не съ несчастнымъ калѣкой.

Томъ Боульзъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Изумленіе на минуту заглушило въ немъ всѣ другія чувства и онъ машинально выпустилъ Джесси, которая воспользовалась свободой такъ же послѣшно какъ выпущенная на волю птичка. Но она очевидно думала болѣе объ опасномъ положеніи своего новаго друга чѣмъ о своемъ спасеніи, ибо вмѣсто того чтобы скрыться въ коттеджъ своего отца, она побѣжала къ группѣ поселянъ остановившихся у трактира и съ этими союзниками возвратилась къ мѣсту гдѣ оставила двухъ мужчинъ. Всѣ крестьяне очень любили ее, и надѣясь на превосходство своихъ соединенныхъ силъ преодолѣли свой страхъ къ Тому Боульзу и рѣшились идти спасать неповиннаго не, знакома отъ грозившей ему опасности.

Между тѣмъ Боульзъ, оломившись отъ перваго изумленія и продолжая держать правую руку протянутою къ мѣсту гдѣ стояла Джесси, какъ бы не замѣчая что она уже убѣжала, быстрымъ размахомъ поднималъ лѣвую руку въ уровень съ лицомъ Кенелма и прорывалъ презрительно:

— Съ тебя довольно и одной руки.

Но какъ ни быстро было нападеніе, Кенелмъ схватилъ поднятую руку выше локтя, такъ что ударъ потерялся въ воздухъ, и поднимая въ то же мгновеніе правую ногу, ловко подшибъ своего неуклюжаго противника и повалилъ его на спину. Это было сдѣлано такъ быстро, пораженіе было такъ

же сильно въ нравственномъ отношеніи, какъ и въ физическомъ, что прошло болѣе минуты прежде чѣмъ Томъ Боульзъ рѣшился встать. И вставъ онъ стоялъ съ минуту глядя на своего противника съ чувствомъ близкимъ къ лавическому ужасу. Ибо замѣчено что какъ бы ни былъ человекъ, и не только человекъ но и дикій звѣрь, свирѣль и безстрашенъ, но если тотъ и другой знакомы только съ побѣдой и торжествомъ и никогда не встрѣчали противника сильнѣе себя, то первое впечатлѣніе пораженія, въ особенности отъ презираемаго противника, потрясаетъ, почти парализуетъ всю нервную систему побѣжденнаго. Но по мѣрѣ того какъ Томъ возвращался къ сознанію собственной силы и припоминалъ что она была побѣждена только хитрою уловкой соперника, а не въ рукопашномъ бою, онъ становился опять самимъ собою.

— Такъ ты вотъ на какія штуки пускаешься, сказалъ онъ.— Мы здѣсь не деремся лятами, какъ какіе-нибудь канатные плясуны или обезьяны; мы деремся кулаками, любезный; и если хочешь попробовать что это такое, я угощу тебя.

— Провидѣніе привело меня въ эту деревню, отвѣчалъ Кенелмъ торжественно,—собственно для того чтобы я поблизъ Тома Боульза. И это есть особая милость къ тебѣ Провидѣнія, съ чѣмъ ты самъ когда-нибудь согласишься.

Опять лавическій трепетъ, нѣчто подобное тому что долженъ былъ почувствовать демагогъ Аристофана предъ смѣлымъ колбасникомъ, обучалъ мужественное сердце Тома. Ему очень не понравились зловѣщія слова Кенелма и мрачный тонъ какимъ они были произнесены. Онъ рѣшился продолжать борьбу съ нѣкоторыми предосторожностями о коихъ сначала не думалъ, и съ важнымъ видомъ снялъ свою толстую бумазейную куртку и жилетъ, засучилъ рукава рубашки и медленно приблизился къ своему противнику.

Кенелмъ, съ своей стороны, съ видомъ еще болѣе важнымъ снялъ сюртукъ, тщательно сложилъ его, какъ новый и единственный, положилъ его подъ изгородь и, обнаживъ руки, худощавая, почти тощія въ сравненіи съ объемистымъ противникомъ, но твердыя и упрugia какъ заднія ноги оленя, установился въ ожиданіи нападенія.

Въ эту минуту крестьяне, созванные дѣвушкой, прибыли къ мѣсту боя и готовы были вмѣшаться между бойцами, но Кенелмъ сдѣлалъ имъ знакъ отступить и сказалъ спокойнымъ, внушительнымъ голосомъ:

— Станьте вокругъ насъ, добрые друзья мои, сдѣлайте кругъ, и будьте свидѣтелями что бой съ моей стороны будетъ честенъ. Я увѣренъ что онъ будетъ честенъ и со стороны мистера Боульза, который достаточно силенъ чтобы насмѣхаться надъ слабыми. Но прежде чѣмъ мы начнемъ, мистеръ Боульзъ, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ въ присутствіи вашихъ сосѣдей. Будьте увѣрены что я не скажу ничего неучтиваго. Если вы нѣсколько грубы, то это потому что человѣкъ не всегда владѣетъ собою, какъ я слыжалъ, когда думаетъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ о хорошенькой дѣвушкѣ. Но, хотя я видѣлъ ваше лицо только при лунномъ свѣтѣ и хотя выраженіе его въ настоящую минуту довольно сурово, я увѣренъ что вы въ душѣ честный малый и что давъ обѣщаніе вы сдержите его. Правъ я или нѣтъ?

Двое или трое изъ слушателей поддакнули, остальные тѣснились въ безмолвномъ изумленіи.

— Къ чему всѣ эти разглагольствія? сказалъ Томъ съ нѣсколько растеряннымъ видомъ.

— Вотъ къ чему: я прошу васъ обѣщать въ присутствіи вашихъ сосѣдей что если я люблю васъ, вы никогда ни словомъ, ни дѣломъ не побезлокайте миссъ Джесси Уайльзъ.

— А! прервалъ Томъ. — Не потому ли что она нравится вамъ?

— Хотя бы поэтому. Я съ своей стороны обѣщаю что если вы любите меня, уйду изъ этой деревни лишь только буду въ силахъ, и никогда не приду олять. Какъ! Вы колеблетесь? Вы боитесь что я люблю васъ?

— Вы! Я разотру въ порошокъ доживу такихъ какъ вы!

— Если такъ, то вы можете дать обѣщаніе ничѣмъ не рискуя. Я предлагаю вамъ хорошее условіе. Не правда ли, друзья?

Подкуленные добродушнымъ тономъ Кенелма и уступая чувству справедливости, присутствующіе отвѣчали единогласными криками одобренія.

— Слушай, Томъ, сказалъ одинъ пожилой человѣкъ, — джентльменъ совершенно правъ, и мы всѣ будемъ думать что ты струсилъ если ты не примешь условія.

Лицо Тома свидѣтельствовало о внутренней борьбѣ, но наконецъ онъ сказалъ:

— Хорошо, я обѣщаю... конечно только въ такомъ случаѣ если онъ любеть меня.

— Отлично, сказала Кенелмъ.— Вы все свидѣтели, друзья, и Томъ Боульзъ не осмѣлится показать вамъ свое красивое лицо если нарушитъ обѣщаніе. Ударимъ по рукамъ.

Томъ неохотно протянулъ руку.

— Прекрасно, сказалъ Кенелмъ.— Вотъ это по-англійски. Подайтесь назадъ, друзья мои, дайте намъ мѣсто.

Зрители отступили. Когда Кенелмъ занялъ свое мѣсто, его непринужденно свободная поза сразу выказала всю гибкость и нервную силу его тѣла, и широкоплечій Томъ въ сравненіи съ нимъ казался тяжелымъ и неуклюжимъ.

Два бойца съ минуту смотрѣли другъ на друга съ пристальнымъ вниманіемъ. Кровь Тома начинала воспламеняться, и Кенелмъ, при всемъ своемъ наружномъ хладнокровіи, уже ощущалъ гордое бѣненіе сердца возбуждаемое свирѣлымъ наслажденіемъ боя. Томъ замахнулся лервый; ударъ былъ отларированъ, но не возвращенъ; еще ударъ и еще были также отларированы и не возвращены. Кенелмъ, дѣйствуя очевидно только оборонительно, пользовался всѣми преимуществами большей длины своихъ рукъ и гибкостью тѣла. Томъ, раздраженный тѣмъ что удары которые могли бы сбить съ ногъ быка пропадали даромъ, и смутно сознавая что цмѣветъ дѣло съ какимъ-то таинственнымъ искусствомъ которое обращало въ ничто его грубую силу и могло истощить ее продолжительностью борьбы, пришелъ къ быстрому заключенію что чѣмъ скорѣе онъ дастъ почувствовать противнику эту грубую силу тѣмъ для него будетъ выгоднѣе. Вслѣдствіе этого, послѣ трехъ стычекъ въ которыхъ онъ не нанесъ никакого вреда пртивнику, но получилъ отъ него нѣсколько шуточныхъ щелчковъ по носу и по губамъ, Томъ отступилъ назадъ, и какъ сыкъ, съ наклоненною головой и двумя кулаками замѣняешими рога, бросился на противника. Остановившись, онъ очнулся въ положеніи человека полавшаго въ *мельницу*. Я считаю несомнѣннымъ что всякій Англичанинъ который можетъ назвать себя мужчиной, то-есть вслкій человекъ который былъ англійскимъ мальчикомъ и, какъ таковой, принужденъ былъ упражнять свои кулаки, знаетъ что значитъ *мельница*. Но я пишу не только для мужчинъ, а также для женщинъ. Итакъ, милостивыя государыни, выраженіемъ „поласть въ мельницу“ на техническомъ языкѣ боксеровъ, который я употребляю неохотно и съ презрѣніемъ къ самому себѣ, хотя онъ пользуется благосклонностью дамскихъ писателей и зна-

комъ современнымъ дѣвушкамъ лучше Муррея,—попасть въ мельницу,—обращаюсь не къ дамскимъ писателямъ и не къ современнымъ дѣвицамъ, а къ невиннымъ барышнямъ и къ иностранцамъ знакомымъ съ англійскимъ языкомъ только по Аддисону и Маколею,—выраженіемъ попасть въ мельницу означается такой случай когда въ благородной встрѣчѣ кулака съ кулакомъ голова одного изъ бойцовъ попадаетъ подъ мышку лѣвой руки противника и въ этомъ положеніи, безпомощная и незащитная, подвергается опасности быть избитою до неузнаваемости правымъ кулакомъ противника. * Грубая сила иногда попадаетъ въ такое положеніе и рѣдко встрѣчаетъ пощаду со стороны превосходства искусства. Кенелмъ уже поднимая правый кулакъ, но подумавъ съ минуту вылустилъ своего лѣвника и дружески потрепавъ его по плечу обратился къ зрителямъ и сказалъ тономъ извиненія:

— У него красивое лицо; жаль было изуродовать его.

Опасное положеніе Тома было такъ очевидно для всѣхъ, а пренебреженіе своимъ преимуществомъ со стороны противника показалось такимъ великодушіемъ что поселяне крикнули *ура*. Томъ же чувствовалъ что съ нимъ поступили какъ съ ребенкомъ, и къ своему несчастью повернувшись и оправляясь увидалъ лицо Джесси. Губы ея были полуоткрыты отъ ужаса, ему же показалось что она смѣется надъ нимъ. Томъ разсвирѣлѣлъ какъ быкъ и рѣшился или побѣдить или умереть.

Если Томъ дрался первый разъ съ человѣкомъ учившимся у призоваго бойца, то и Кенелмъ въ первый разъ мѣрился силою съ человѣкомъ который не могъ одолѣть его только по недостатку такого же обученія. Кенелмъ не могъ болѣе дѣйствовать оборонительно, не могъ шутить кулаками тяжелыми какъ кузнечные молоты. При всей его ловкости, удары падали на его грудь какъ на наковальню, и онъ чувствовалъ что онъ погибнетъ если они обратятся на его голову. Его же удары въ грудь противника были очевидно такъ же безвредны какъ удары тросточкой по шкурѣ носорога. Онъ разгорячился, ноздри его раздулись, глаза засверкали, Кенелмъ Чиллингга пересталъ быть философомъ. Оглушительный ударъ, вовсе не похожій на размашистые удары Тома, прямой какъ стрѣла и сосредоточивавшій въ себѣ всю силу

* Выше такимъ же образомъ вѣроятно не совѣтъ точно, объявленъ нами другой терминъ бокса.

нервовъ, мускуловъ и расчета, палъ прямо въ переносицу Тома, а за первымъ мгновенно послѣдовалъ другой, болѣе сдержанный, но не менѣе сильный, въ то мѣсто гдѣ лѣвое ухо сходится съ горломъ и челюстью.

При первомъ ударѣ Томъ Боульзъ зашатался, при второмъ онъ поднималъ руки, подпрыгнулъ какъ прострѣленный въ сердце и тяжело рухнулъ на землю.

Зрители въ ужасѣ обступили его. Они думали что онъ убитъ. Кенелмъ опустился на колѣни, быстро ощутилъ ротъ, пульсъ и сердце Тома, всталъ и сказалъ смиренно, какъ бы извиняясь:

— Увѣряю васъ честью что еслибъ онъ не былъ такимъ великолѣпнымъ созданіемъ, я не рѣшился бы на второй ударъ. Перваго было бы достаточно для человѣка не такъ щедро одареннаго природой. Поднимите его потихоньку и спешите домой. Передайте его матери мой поклонъ и скажите что я навѣщу его завтра. Постоите, скажите мнѣ не льетъ ли онъ слишкомъ много лива?

— Случается, отвѣчалъ одинъ изъ поселянъ.—Томъ умѣетъ лить.

— Я такъ и думалъ. Слишкомъ много мяса въ мускулахъ. Надо сходить за ближайшимъ докторомъ. Вы хотите идти, любезный? Хорошо; такъ идите же скорѣе. Опасности никакой, но можетъ-быть понадобится лустить кровь.

Четверо сильнѣйшихъ изъ присутствовавшихъ поселянъ осторожно подняли Тома и понесли домой. Онъ не проявлялъ никакихъ признаковъ сознанія, лицо его было блѣдно и очень спокойно, на губахъ его выступило немного пѣны.

Кенелмъ опустилъ рукава рубашки, надѣлъ сюртукъ и обратился къ Джесси.

— Теперь, молодой другъ мой, укажите мнѣ коттедж Уылла.

Дѣвушка подошла къ нему блѣдная и дрожащая. Она не смѣла заговорить. Незнакомецъ сдѣлался новымъ человѣкомъ въ ея глазахъ. Онъ повидимому внушалъ ей теперь такой же страхъ какъ Томъ Боульзъ въ прежнее время. Но она проводила его скорымъ шагомъ до конца деревни. Кенелмъ шелъ рядомъ съ ней, разсуждая вполголоса съ самимъ собою, и хотя Джесси слышала его, но къ счастью не понимала, ибо онъ повторялъ одинъ изъ горькихъ упрековъ какими избилуютъ классическіе писатели, ея полу какъ главной причинѣ ссоръ, кровопролитій и разныхъ другихъ неприяностей. Разогнавъ свой слухъ этимъ обращеніемъ къ наставленіямъ древ-

вихъ, Кенемъ обратился къ своей безмолвной слутницѣ и сказалъ ей ласково, но серьезно:

— Я взялъ обѣщаніе съ мистера Боульза и теперь считаю себя въ правѣ попросить обѣщанія у васъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Подумайте какъ легко такая дѣвушка какъ вы можете сдѣлаться причиной смерти мущины. Еслибы мистеръ Боульзъ нанесъ мнѣ такой ударъ какой я нанесъ ему, никакая помощь хирурга не спасла бы меня.

— О, простовала Джесси содрогнувшись и закрывъ лицо обѣими руками.

— И кромѣ этого примите во вниманіе что мущина можетъ быть такъ же смертельно пораженъ въ сердце какъ и въ голову, и что женщина которая не думаетъ сколько несчастій можетъ причинить одно ея неумѣстное слово, одинъ неумѣстный взглядъ, беретъ на свою душу большую отвѣтственность. Подумайте объ этомъ и обѣщайте мнѣ что будете ли вы женой Уылаа Сомерса, или нѣтъ, вы никогда не дадите никому мущинѣ повода думать что онъ можетъ пріобрѣсть вашу любовь если только ваше собственное сердце не скажетъ вамъ что это возможно. Обѣщаете ли вы это?

— Обѣщаю, обѣщаю... голосъ бѣдной Джесси былъ заглушенъ рыданіями.

— Послушайте, дитя мое. Я не прошу васъ не плакать, потому что знаю женщины любятъ плакать, и въ настоящемъ случаѣ слезы могутъ дѣйствительно привести вамъ облегченіе. Но мы уже дошли до конца деревни. Гдѣ же домъ Уылаа?

Джесси подняла голову и указала на маленькій уединенный коттеджъ.

— Я попросилъ бы васъ войти и представить меня, но это было бы слишкомъ похоже на насмѣшку надъ бѣднымъ Томомъ Боульзомъ. Прощайте и простите мнѣ мое правоученіе.

Г Л А В А XIII.

Кенемъ постучалъ въ дверь коттеджа. Слабый голосъ отвѣчалъ: „войдите“.

Онъ наклонилъ голову и перешагнувъ порогъ.

Послѣ встрѣчи съ Томомъ Боульзомъ, симпатія его перешла къ этому отвергнутому обожателю; любивъ человека

естественно полюбить его. Кенелмъ былъ рѣшительно противъ того что Джесси предпочла большаго калѣку.

Но когда его испытующій взглядъ встрѣтилъ мягкіе, блестящіе, темные глаза и умное лицо съ тою неопредѣленною нѣжностію которую часто придаетъ лицамъ, въ особенности молодымъ, слабое здоровье, сердце его тотчасъ же передалось на сторону этого солерника. Умыль Сомерсъ сидѣлъ предъ очагомъ въ которомъ несмотря на теплый лѣтній вечеръ горѣлъ слабый огонь; возлѣ него стоялъ небольшой столъ грубой работы, на которомъ, рядомъ съ открытою книгой, лежали ивовые прутья и бѣлыя очищенныя палочки. Онъ держалъ въ своихъ блѣдныхъ, худыхъ рукахъ небольшую, полуоконченную корзинку. Мать его прибирала чайную посуду съ другаго стола стоявшаго предъ окномъ. При входѣ посетителя Умыль всталъ съ учтивостію благовоспитаннаго поселянина; вдова обернулась и поклонилась съ удивленіемъ. Это была маленькая, худенькая женщина, съ отпечаткомъ кротости и терпѣнія на лицѣ.

Коттеджъ отличался крайнею чистотой, что не рѣдко замѣчается въ сельскихъ домахъ гдѣ распорядается женщина. На основномъ поставѣ противъ двери красовался дешевый фарфоръ; чисто выбѣленные стѣны были увѣшаны раскрашенными картинками, съ сюжетами взятыми преимущественно изъ Новаго Завѣта, какъ напримѣръ возвращеніе блуднаго сына, въ голубомъ сюртукѣ, желтыхъ невыразимыхъ и башмакахъ.

Одинъ уголъ комнаты былъ заваленъ корзинами разныхъ формъ и величинъ, въ другомъ стояла этажерка съ книгами, — украшеніе встрѣчающееся въ деревняхъ несравненно рѣже раскрашенныхъ картинокъ и блестящей посуды.

Все это Кенелмъ конечно не могъ замѣтить сразу, но такъ какъ умъ привычный къ обобщенію быстро составляетъ правильное сужденіе тамъ гдѣ умъ привыкшій обращать вниманіе только на подробности не можетъ составить никакого сужденія или составляетъ ошибочное, то Кенелмъ разсудилъ правильно когда сказалъ себѣ: „я въ домѣ простыхъ англійскихъ поселянъ, но по той или другой причинѣ, не зависящей отъ количества заработковъ, эти люди принадлежатъ къ лучшимъ представителямъ своего класса“.

— Прощу извинить мое позднее посѣщеніе, мистрисъ Сомерсъ, сказалъ Кенелмъ, знакомый съ поселянами съ дѣтства

я знавшій какъ они цѣнятъ уваженіе къ ихъ домашнимъ богамъ и какъ оскорбляетъ ихъ недостатокъ его.—Но я зашелъ въ ваше селеніе на самое короткое время и не хотѣлъ уйти не выдавъ работы вашего сына, о которой я много слышалъ.

— Вы очень добры, сэръ, сказалъ Уылль съ лицомъ просіявшимъ довольно улыбкой.—Но я держу у себя только самую обыкновенную работу. Вещи лучше я дѣлаю только на заказъ.

— Да, сэръ, подтвердила мистрисъ Сомерсъ.—Красивыя работы корзинки и тому подобное берутъ много времени и сбываются не скоро, если только дѣлаются не на заказъ. Но потрудитесь сѣсть, продолжала она подавая гостю стулъ, а я сбѣгаю на верхъ за рабочею корзинкой которую сынъ сдѣлалъ для миссъ Траверсъ. Завтра ее надо будетъ отнести, и я ее спрятала подальше чтобы какъ-нибудь не испортить.

Кенелмъ подвинулъ стулъ ближе къ Уыллу, сѣлъ и взялъ со стола полуоконченную корзинку.

— Какая красивая, отчетливая работа, сказалъ онъ;—и форма корзины будетъ такъ изящна что ее охотно купитъ всякая леди.

— Я дѣлаю ее для мистрисъ Лезбриджъ, отвѣчалъ Уылль.— Ей нужна корзина для храненія картъ и писемъ; я взялъ фасонъ ея изъ книги съ рисунками которую прислалъ мнѣ мистеръ Лезбриджъ. Знаете вы мистера Лезбриджа, сэръ? Онъ очень добрый джентльменъ.

— Нѣтъ, не знаю. Кто онъ?

— Нашъ священникъ, сэръ. Вотъ книга.

Къ удивленію Кенелма книга оказалась описаніемъ Помпей, съ рисунками утвари, орнаментовъ, мозаикъ и фресковъ найденныхъ въ этомъ достопамятномъ городѣ.

— Вотъ вашъ оригиналъ, сказалъ Кенелмъ.— Это то что называется *patena* и образчикъ довольно замѣчательный. Вы копируете такъ мастерски, замѣняя бронзу плетеніемъ изъ прутьевъ, какъ я не считалъ возможнымъ. Не замѣчаете ли вы что красота этого кубка много зависитъ отъ двухъ глубоковъ посаженныхъ на краяхъ? Этого украшенія вы конечно не можете скопировать.

— Мистрисъ Лезбриджъ придумала было посадить на корзину двухъ чучель канареекъ.

— Неужели! Праведное небо! воскликнулъ Кенелмъ.

— Но мнѣ это не понравилось, продолжалъ Уылль,—и я рѣшился высказать ей свое мнѣніе.

— Почему же это не понравилось вамъ?

— Я самъ не знаю почему, но мнѣ кажется что камареечныя чучелы тутъ не у мѣста.

— Вы совершенно правы; это было бы очень некрасиво и испортило бы вашу работу, и я постараюсь объяснить вамъ почему. Вы видите здѣсь на слѣдующей страницѣ изображеніе прекрасной статуи. Эта статуя есть конечно воспроизведеніе природы, по природы идеализованной. Вы не понимаете этого мудренаго выраженія, — идеализованная природа, и очень не многіе понимаютъ его. Оно означаетъ воспроизведеніе искусствомъ чего-нибудь существующаго въ природѣ, но воспроизведеніе сообразно съ представленіемъ которое это что-нибудь оставило въ душѣ человѣка. Это что-нибудь должно быть конечно изучено во всѣхъ подробностяхъ прежде чѣмъ человѣкъ будетъ въ состояніи создать нѣчто что было бы его вѣрнымъ воспроизведеніемъ. Ваятель, напримеръ, который сдѣлалъ эту статую, долженъ былъ знать хорошо пропорціи человѣческаго тѣла. Онъ долженъ былъ изучить его по частямъ: голову, руки, ноги и такъ далѣе, а потомъ соединить всѣ свои отдѣльныя знанія въ одно новое цѣлое, олицетворившее представленіе которое осталось въ его душѣ. Слѣдите вы за мной?

— Слѣжу, сэръ, но все еще не совсѣмъ понимаю.

— Конечно, но вы поймете когда подумаете хорошенько о томъ что я говорю. Теперь вообразите что желая придать еще болѣе натуральности этой статуи, я надѣлъ на нее парикъ изъ настоящихъ волосъ. Развѣ вы не почувствовали бы тотчасъ же что я испортилъ ее, что парикъ на ея головѣ, какъ вы выразились, не у мѣста? И что вмѣсто того чтобы сдѣлать статую натуральнѣе, я сдѣлалъ ее до смѣшнаго кнатуральнойю, насильственно представивъ зрителю контрастъ между дѣйствительнымъ міромъ, представляемымъ парикомъ изъ настоящихъ волосъ, и міромъ искусства, представляемымъ идеей волощенною въ металлѣ или мраморѣ? И чѣмъ выше произведеніе искусства, то-есть чѣмъ выше волощенная въ немъ идея какъ новое сочетаніе подробностей взятыхъ изъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе унижается и портится оно попыткой придать ему реальность средствами не гармонирующими съ улотребленнымъ на него матеріаломъ. То же самое

правило приложимо и ко всякому другому искусству, хотя бы самому скромному, и пара канареечныхъ чучель на краю плетеной копи греческаго кубка была бы такъ же неумѣтна какъ парику изъ настоящихъ волосъ на головѣ мраморной статуи Апполона.

— Понимаю, сказалъ Уылъ опустивъ въ раздумьи голову,— по крайней мѣрѣ мнѣ кажется что я понимаю, и я очень благодаренъ вамъ, сэръ.

Мистрисъ Сомерсъ давно возвратилась съ рабоцею корзинкой, и не смѣя прервать джентльмена слушала его разсужденія съ такимъ же невозмутимымъ терпѣниемъ и полнымъ непониманиемъ съ какими слушала полемическія проповѣди о ритуализмѣ которыми мистеръ Лесбриджъ въ торжественные дни удостоивалъ своихъ прихожанъ.

Окончивъ свою лекцію, изъ коей цѣны новаторы, старающіеся окарикатурить искусство своими попытками надѣть парику на головы мраморныхъ статуй, могли бы извлечь нѣсколько полезныхъ мыслей если бы благоволили подумать, чего трудно ожидать,—Кенелъ замѣтилъ мистрисъ Сомерсъ, взявъ изъ ея рукъ корзину, которая была дѣйствительно очень красива и изящна, и расхвалилъ ее по достоинству.

— Миссъ Траверсъ хочетъ отдѣлать ее сама лентами и подбить атласомъ, сказала мистрисъ Сомерсъ съ гордостью.

— Ленты въѣд не испортятъ ее, сэръ? сказалъ Уылъ полувопросительно.

— Нисколько. Вашъ собственный вкусъ говоритъ вамъ что ленты идутъ къ солому и къ такимъ легкимъ плетенымъ вещамъ какъ эта, но вы не привязали бы лентъ вовсе къ тѣмъ грубымъ кузовамъ и охотничьимъ корзинамъ. Здоровая веревка, напротивъ, пристанетъ къ нимъ какъ нельзя болѣе. Такъ и поэтъ понимающій свое искусство лишаетъ изысканными выраженіями поэмы которая предназначается для великосвѣтскихъ гостиныхъ, и тщательно избѣгаетъ ихъ, но употребляетъ выраженія соответствующія грубымъ веревкамъ въ тѣхъ произведеніяхъ которымъ предназначается жить долго не страдая отъ частаго употребленія. Однако вы можете работать такими вещами гораздо болѣе чѣмъ подневною работою.

Уылъ вздохнулъ.—Только не въ этой мѣстности, сэръ. Въ городѣ я можетъ-быть могъ бы заработать болѣе.

— Такъ почему же вы не перевьдете въ городъ?

Молодой человекъ покраснѣлъ и опустилъ голову.

Кенелмъ обратилъ вопросительный взглядъ къ мистрисъ Сомерсъ.

— Я охотно переселилась бы въ любое мѣсто гдѣ моему сыну было бы лучше, но....

Она не договорила и слеза медленно потекла по ея щекѣ.

Уыллъ продолжалъ болѣе веселымъ тономъ:

— Впрочемъ я мало-по-малу приобретаю извѣстность, и со временемъ буду имѣть выгодную работу. Надо только имѣть терпѣніе.

Кенелмъ не считалъ удобнымъ и учтивымъ навязываться на откровенность Уылла съ перваго свиданія, притомъ и глухая боль отъ ударовъ полученныхъ имъ въ послѣдней дракѣ, и утомленіе слѣдующее за длиннымъ лѣтнимъ днемъ проведеннымъ въ полевой работѣ, давали чувствовать себя все сильнѣе, и Кенелмъ простился сказавъ что ему было бы пріятно приобрести нѣсколько образчиковъ искусства Уылла и что онъ зайдетъ сказать, или напишетъ о подробностяхъ.

Когда, возвращаясь на ферму мистера Сондерсона, Кенелмъ приближался къ дому Тома Боульза, онъ увидѣлъ какого-то человека который садился на лошадь привязанную у воротъ и уѣзжая обмѣнялся нѣсколькими словами съ почтеннаго вида женщиной. Онъ проѣхалъ мимо Кенелма не замѣтивъ его, но этотъ странствующій философъ остановилъ его сказавъ:

— Если не ошибаюсь, сэръ, вы докторъ. Не очень плохъ Томъ Боульзъ?

Докторъ покачалъ головой. — Я не могу еще сказать ничего. Онъ получилъ гдѣ-то скверный ударъ.

— Какъ разъ подъ лѣвымъ ухомъ. Я не мѣтилъ нарочно въ это мѣсто; но Боульзъ по несчастію отклонился немного въ сторону въ моментъ удара, можетъ-быть вслѣдствіе неожиданнаго пораженія въ переносицу: вотъ какимъ образомъ онъ получилъ этотъ скверный ударъ. Но если это излѣчить его отъ привычки давать скверные удары другимъ которые менѣе въ состояніи переносить ихъ, то можетъ-быть это послужитъ къ его пользѣ, какъ безъ сомнѣнія, сэръ, говорилъ вашъ учитель когда свѣкъ васъ.

— Боже мой! Такъ это вы тотъ человекъ что дрался съ нимъ, вы? Это невѣроятно.

— Почему?

— Почему! Сколько я могу судить по виду, вы хотя выше ростомъ, но Томъ Боульзъ долженъ быть тяжеле васъ.

— Томъ Спрингъ былъ первымъ бойцомъ Англии; а какъ видно изъ протоколовъ его взвѣшиванія сохранныхъ въ историческихъ архивахъ, Томъ Спрингъ вѣсилъ меньше чѣмъ л.

— Развѣ вы призовой боецъ?

— Не больше чѣмъ другое что-нибудь. Но возвратимся къ Тому Боульзу. Нужно было пустить ему кровь?

— Да; онъ былъ безъ памяти, или почти безъ памяти когда я пришелъ къ нему. Я выпустилъ нѣсколько унцовъ крови, и теперь могу съ удовольствіемъ сказать что онъ пришелъ въ себя; но ему нуженъ совершенный покой.

— Безъ сомнѣнія; но я надѣюсь что завтра онъ настолько поправится что я могу повидаться съ нимъ.

— Я тоже надѣюсь; но не могу еще сказать положительно. Ссора изъ-за дѣвушки—а?

— Не изъ-за денегъ. А я полагаю что еслибъ не было на свѣтѣ ни денегъ, ни женщинъ, не было бы и ссоръ, и было бы очень мало докторовъ. Доброй ночи, сэръ.

— Вотъ что странно, сказалъ Кенелмъ отворяя садовую калитку на фермѣ мистера Сондерсона,—я цѣлый день ничего не ѣлъ кромѣ нѣсколькихъ жалкихъ сэндвичей, а между тѣмъ не чувствую ни малѣйшаго голода. Такой пріостановки заковной дѣятельности пищеварительныхъ органовъ никогда не случалось со мною прежде. Въ этомъ должно быть что-нибудь роковое и зловѣщее.

При входѣ Кенелма въ комнату, хотя ужинъ былъ уже давно конченъ, все семейство еще сидѣло вокругъ стола. Завидя Кенелма всѣ встали. Молва о его подвигѣ опередила его. Въ отвѣтъ на поздравленія, комплименты и вопросы которыми засыпалъ его добродушный фермеръ, онъ меланхолически воскликнулъ:

— Но я потерялъ аппетитъ! Никакая слава не можетъ возмѣстить его. Позвольте мнѣ мирно отправиться въ постель; можетъ-статься въ волшебной странѣ снова природа подкрѣпитъ меня виднѣемъ ужина.

ГЛАВА XIV.

Кенелмъ всталъ рано утромъ чувствуя себя вялымъ и не совсѣмъ здоровымъ, но достаточно укрѣпленнымъ чтобъ ощущать смертельный голодъ. По счастью, одна изъ молодыхъ дѣвушекъ завѣдывавшая молочною была уже вставши и снабдила голоднаго героя миской молока съ хлѣбомъ. Потомъ онъ отправился на сѣнокосъ, гдѣ работы оставалось очень мало и кромѣ него работало всего нѣсколько человѣкъ. Джесси тамъ не было. Кенелмъ былъ радъ этому. Къ девяти часамъ работа была кончена, и фермеръ съ рабочими занимался на дворѣ пополющеніемъ стоговъ. Кенелмъ ушелъ не будучи никѣмъ замѣченъ, намѣреваясь сдѣлать нѣсколько посѣщеній. Прежде всего онъ направился въ лавку содержащую мистрисъ Ботри, которую указала ему Джесси, и вошелъ подъ предлогомъ покупки пестраго шейнаго платка. Скоро, благодаря своей обычной вѣжливости, онъ свелъ близкое знакомство съ хозяйкой лавки. Это была маленькая хворая старушка; голова ея тряслась, какъ бы разбитая параличомъ, она была немного глуха, но еще проворна и смѣтлива, сдѣлавшись таковою механически, вслѣдствіе долгаго навыка въ проворствѣ и смѣтливости. Она сдѣлалась счень общительна, разказала о своемъ желаніи сдать лавку и провести остатки дней съ сестрой, тоже вдовою, въ сосѣднемъ городѣ. Со времени смерти ея мужа, поле и фруктовый садъ кот. рыми она владѣла вмѣстѣ съ лавкой перестали приносить доходъ и причиняли ей много хлопотъ и безпокойства; да и хозяйничанье; въ лавкѣ становилось утомительно. Но оставалось еще двѣнадцать лѣтъ аренды взятой ея мужемъ на двадцать одинъ годъ, и она желала бы передать ее съ выгодой и найти покупателя на лавку съ товаромъ. Кенелмъ скоро выведалъ отъ нея что за все она желала бы получить сорокъ пять фунтовъ.

— Вы не думаете ли сами приобрести ее? спросила она, надѣвая очки и внимательно оглядывая его.

— Можетъ-быть и такъ если она можетъ доставлять средства жить прилично. Ведете вы книгу приходо-расходную?

— Конечно, сэръ, сказала она съ гордостью.—Я вела книги еще при покойномъ мужѣ, а онъ могъ бы замѣтить еслибы тамъ былъ просчитанъ хоть одинъ фартингъ, потому что онъ смолоду служилъ въ конторѣ юриста.

— Почему жь онъ промѣнялъ службу въ конторѣ юриспрудента на содержаніе маленькой лавочки?

— Да онъ былъ сынъ фермера здѣсь по сосѣдству и всегда имѣлъ желаніе жить въ деревнѣ, и кромѣ того....

— Чтò же?

— Я скажу вамъ всю правду. Онъ пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ; но онъ былъ хорошій молодой человекъ и хотѣлъ отстать отъ этого; онъ обязался клятвенно къ трезвости, но это было очень тяжело для него, потому что онъ не могъ отдѣляться отъ товарищей которые приучили его къ вину. Однажды, онъ былъ въ нашемъ сосѣдствѣ, придя къ роднымъ на рождественскіе праздники; тутъ я ему понравилась; вскорѣ мой отецъ, который служилъ у сквайра Траверса, умеръ оставивъ мнѣ нѣсколько денегъ. Такимъ образомъ я стала его женою; мы сняли этотъ домъ и землю у сквайра на очень умѣренныхъ условіяхъ. Мужъ мой былъ очень хорошо образованъ и прілеженъ; онъ уже потомъ совсѣмъ не пилъ, и занимался разными дѣлами. Мы держали коровъ, свиней, куръ, и жили очень хорошо, тѣмъ болѣе что милосердый Богъ не далъ намъ дѣтей.

— А чтò приносила лавка въ годъ когда вашъ мужъ былъ еще живъ?

— Сами можете судить. Не хотите ли просмотрѣть книги и потомъ взглянуть на землю и яблонныя деревья? Но они стались безъ призора съ тѣхъ поръ какъ мой мужъ умеръ.

Черезъ минуту наследникъ фамиліи Чиллингга сидѣлъ въ чистой небольшой задней комнатѣ, съ прекраснымъ хотя ограниченнѣмъ видомъ на садъ и покрытый травой откосъ позади его, и просматривалъ книги мистрисъ Ботри.

Въ это время нѣсколько покупателей желавшихъ получить сыра и ветчины пришли въ лавку, и старуха оставила Кекеамъ продолжать свои занятія. Хотя они были непривычны ему, но онъ принялся за дѣло съ тою ясностью мысли и способностью схватывать главнѣйшіе пункты которая пріобрѣтается людьми прошедшими школу дисциплинирующую умъ и привыкшими извлекать сущность изъ многихъ книгъ о многихъ предметахъ. Результаты оказались удовлетворительны: беря среднюю цифру за послѣдніе три года оказалось что чистый доходъ отъ одной лавки можетъ простираться до сорока фунтовъ въ годъ. Закрывъ книгу онъ вышелъ чрезъ окно въ садъ, а оттуда въ прилежащее

поле. И то и другое были дѣйствительно очень залущены: деревья нуждались въ очисткѣ, земля въ удобреніи. Но почва была очевидно хорошая, а плодовые деревья достигли зрѣлаго возраста, могли давать хорошій сборъ и имѣли здоровый видъ несмотря на небрежный уходъ. Съ быстрымъ чутьемъ чловѣка который родившись и вырастая въ деревнѣ безсознательно набрался сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, Кенелмъ убѣдился что земля, при тщательной обработкѣ, съ избыткомъ могла покрыть арендную плату, подати десятины и всѣ случайные расходы, оставляя доходъ отъ лавки чистымъ барышомъ арендатора. И безъ сомнѣнія при содержаніи лавки молодыми способными людьми доходъ ея могъ еще увеличиться.

Не считая пока нужнымъ возвращаться къ мистрисъ Ботри, Кенелмъ направилъ свой путь къ Тому Боульзу.

Дверь его дома была залерта. Когда онъ постучался, ее отворила высокая, полная, замѣчательно красивая женщина; по виду ей было лѣтъ пятьдесятъ, и годы эти не тяготили ея могучія плечи. Одѣта она была очень прилично въ черное; волосы ея были просто залетены и прикрыты скромно убраннымъ челцомъ. Черты лица были орлиныя и очень правильныя; во всей фигурѣ ея было что-то величавое и наломившее Корнелію. Она бы могла послужить моделью для изображенія этой римской матроны, за исключеніемъ развѣ англо-саксонской свѣжести лица.

— Что вамъ угодно? спросила она холоднымъ и нѣсколько строгимъ тономъ.

— Сударыня, сказалъ Кенелмъ снимая шляпу,—я пришелъ повидаться съ мистеромъ Боульзомъ, и радъ бы былъ узнать что онъ чувствуетъ себя достаточно хорошо чтобы принять меня.

— Нѣтъ, сэръ, онъ еще не настолько поправился; онъ лежитъ въ своей комнатѣ и ему нуженъ покой.

— Смѣю ли просить васъ сдѣлать одолженіе влустить меня. Я бы желалъ сказать нѣсколько словъ вамъ, его матери, если не ошибаюсь.

Мистрисъ Боульзъ помолчала съ минуту какъ бы сомнѣваясь. По обращенію Кенелма она не замедлила открыть что онъ принадлежалъ къ высшему слою общества чѣмъ можно было думать судя по его платью, и полагая что его посѣщеніе могло имѣть отношеніе къ ремеслу ея сына, она раство-

рила пошире дверь, отодвинулась чтобы пропустить его пройти, и когда онъ остановился на срединѣ комнаты, пригласила его сѣсть, и чтобы показать ему примѣръ сѣла сама.

— Сударыня, сказала Кенелмъ,—не сожалѣйте что впустили меня и не думайте обо мнѣ дурно когда я скажу вамъ что я былъ злополучною причиною несчастія вашего сына.

Мистрисъ Боульзъ поднялась съ испугомъ.

— Вы человекъ который избилъ моего сына?

— Нѣтъ, сударыня, не говорите что я избилъ его. Онъ не избить. Онъ такъ мужественъ и силенъ что легко побилъ бы меня еслибъ я по счастью не сбилъ его съ ногъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать это. Прошу васъ, сударыня, сядьте и послушайте меня терпѣливо нѣсколько минутъ.

Мистрисъ Боульзъ, испустивъ вздохъ негодованія изъ своей Юновинской груди, съ величаво-надменнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое очень шло къ его орлинымъ очертаніямъ, повиновалась.

— Согласитесь, сударыня, продолжалъ Кенелмъ,—что это не первый случай, и что мистеръ Боульзъ многократно дрался съ другими. Правъ ли я говоря это?

— У моего сына очень вспыльчивый нравъ, возразила мистрисъ Боульзъ запинаясь,—и не должно раздражать его.

— Значитъ вы допускаете фактъ? сказалъ Кенелмъ невозмутимо, но съ вѣжливымъ наклоненіемъ головы.—Мистеру Боульзу часто случалось имѣть подобныя встрѣчи, и во всѣхъ этихъ случаяхъ почти несомнѣнно что онъ самъ всегда бывалъ зачинщикомъ, потому что вамъ должно быть извѣстно что онъ вовсе не такой человекъ которому другой рѣшился бы дать первый ударъ. Когда при этихъ случаяхъ мистеръ Боульзъ до полусмерти избивалъ человека, вѣдь вы не чувствовали злобы противъ этого человека? Скорѣе, еслибъ онъ нуждался въ уходѣ, вы пошли бы и стали ухаживать за нимъ.

— Не знаю стала ли бы я ухаживать, сказала мистрисъ Боульзъ, начиная понемногу смягчаться;—но разумѣется мнѣ было бы очень жаль его. Что же касается Тома—хотя мнѣ бы не слѣдъ говорить—у него злобы не больше чѣмъ у ребенка: онъ лезлъ и помирился бы съ человекомъ, къ кѣ бы жестоко ни избилъ его.

— Я такъ и думалъ; а еслибы человекъ продолжалъ злиться, и мириться бы не сталъ, Томъ назвалъ бы его дурнымъ человекомъ и готовъ былъ бы поколотить его опять.

На лицѣ мистрисъ Боульзъ появилась величественная улыбка.

— Такъ вотъ, продолжалъ Кенелмъ,—я только смиренно подражаю мистеру Боульзу, и пришелъ помириться съ нимъ и пожать ему руку.

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ! воскликнула мистрисъ Боульзъ, тихимъ голосомъ и любѣднѣвъ.—И не думайте объ этомъ. Дѣло, не въ ударѣ, это бы онъ легко перенесъ; но здѣсь оскорблена его гордость; и если онъ васъ увидитъ, это добромъ не кончится. Но вы здѣсь чужой и уйдете отсюда; уходите же поскорѣе, не стойте на его дорогѣ, уйдите!—И мать сложила руки.

— Мистрисъ Боульзъ, сказалъ Кенелмъ, и голосъ и наружность его измѣнились: и голосъ и наружность его сдѣлались такъ серьезны и выразительны что она умокла и содрогнулась:—Вы не хотите помочь мнѣ спасти вашего сына отъ опасности въ которую могутъ увлечь его вспыльчивый нравъ и злая гордость. Развѣ вы никогда не слышали объ ужасныхъ преступленіяхъ вакущихъ за собою страшныя наказанія; не слышали что противъ грубой силы управляемой дикими страстями общество обезличиваетъ себя галерами и висѣльцами?

— Сэръ, какъ вы смѣете....

— Постойте! Если человѣкъ убьетъ другаго въ минуту неуправляемой ярости, то хотя это есть преступленіе строго наказываемое совѣстью, но законъ смотритъ на него снисходительно, называя его непреднамереннымъ убійствомъ; если же побудительная причина преступленія—какъ на примѣръ ревность или мщеніе—можетъ быть обнаружена, и не найдется свидѣтелей которые бы удостовѣрили что преступленіе не было обдуманно заранѣе, тогда законъ не называетъ его уже непреднамереннымъ убійствомъ, а убійствомъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ. Не эта ли мысль побудила васъ воскликнуть умоляющимъ голосомъ: „Уходите скорѣе; не стойте на его дорогѣ“?

Женщина не отвѣчала, но опустилась снова на стулъ и глубоко вздохнула.

— Нѣтъ, сударыня, сказалъ Кенелмъ кротко;—разсѣйте ваши опасенія. Если вы мнѣ поможете, я увѣренъ что буду въ состояніи спасти вашего сына отъ такихъ несчастій, я толь-

ко о томъ и прошу чтобы вы позволили мнѣ сласти его. Я убѣжденъ что у него добрая, честая природа, и что онъ стѣ-
итъ того чтобы сласти его.

Говоря это онъ взялъ ее за руку; она не противилась и съ
своей стороны отвѣчала пожатіемъ; гордость ея смягчилась,
и она начала плакать.

Наконецъ, когда она снова могла говорить, она сказала:

— Все это изъ-за этой дѣвушки. Онъ не былъ такой по-
ка она не обманула его, и сдѣлала его полудумѣшаннымъ. Съ
тѣхъ поръ онъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ, мой бѣдный
Томъ!

— Знаете ли вы что онъ далъ мнѣ слово при всѣхъ крестья-
нахъ что если будетъ пораженъ, онъ никогда больше не
будетъ беспокоить Джесси Уайльзъ.

— Да, онъ самъ сказалъ мнѣ объ этомъ; и это теперь боль-
ше всего тяготитъ его. Онъ все думаетъ, думаетъ и шепчетъ
и не можетъ успокоиться; и я боюсь что онъ задумываетъ
отомстить. Я еще разъ прошу васъ не становитесь на его
дорогѣ.

— Онъ думаетъ не о томъ чтобы отомстить мнѣ. Положимъ
я уйду и не возвращусь никогда; увѣрены ли вы въ душѣ
что жизнь этой дѣвушки не будетъ въ опасности?

— Какъ! Мой Томъ убьетъ женщину!

— Развѣ вы никогда не читали въ газетахъ что люди уби-
ваютъ своихъ возлюбленныхъ или дѣвушекъ которыя не хо-
тятъ отвѣчать на ихъ любовь? Во всякомъ случаѣ вы
сами не одобряете этихъ неистовыхъ его преслѣдованій.
Если мнѣ справедливо передавали, вы хотѣли удалить То-
ма на нѣкоторое время изъ деревни, пока Джесси Уайльзъ,
скажемъ, выйдетъ замужъ или устроится гдѣ-нибудь въ дру-
гомъ мѣстѣ.

— Да, это правда, я желала этого и много разъ просила его,
для ея и для его пользы. И по правдѣ сказать я не знаю
что мы будемъ дѣлать если онъ останется, потому что онъ
совсѣмъ пересталъ заниматься своимъ дѣломъ. Сквайръ ото-
бралъ у него работу, многіе изъ фермеровъ тоже; а какъ хо-
рошо шла работа при его покойномъ отцѣ! Если же онъ рѣ-
шится уйти отсюда, то его дядя, ветеринаръ въ Лоскомбѣ, взялъ
бы его къ себѣ компаньйономъ; такъ какъ у него нѣтъ своихъ
дѣтей, и онъ знаетъ что Томъ очень способенъ: никто луч-
ше его не знаетъ все что касается лошадей и коровъ тоже.

— А если Лоскомбъ большое мѣсто, занятія тамъ должны приносить больше чѣмъ можно получить здѣсь, даже въ томъ случаѣ если Томъ снова примется за свое дѣло?

— О, конечно! Въ пять разъ больше еслибъ онъ только согласился; но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ.

— Мистрисъ Боульзъ, я вамъ очень благодаренъ за вашу откровенность и увѣренъ что теперь все хорошо устроится. Я не хочу больше настаивать на свиданіи. Я полагаю что Томъ не выйдетъ сегодня изъ дому до вечера.

— О! сэръ, онъ кажется вовсе не хочетъ выходить изъ дому, развѣ рѣшится на что-нибудь ужасное.

— Не бойтесь! Я зайду олятъ вечеромъ, тогда вы позволите мнѣ войти въ комнату Тома и остаться тамъ пока мы съ нимъ не сдѣлаемъ друзьями, какъ съ вами теперь. А пока не говорите обо мнѣ ни слова.

— Но...

— „Но“, мистрисъ Боульзъ, есть слово которое охлаждаетъ многіе горячіе порывы, уничтожаетъ многія добрыя мысли, убиваетъ многія братскія желанія. Никто никогда не любилъ бы своихъ ближнихъ какъ самого себя еслибъ онъ слушался всѣхъ „Но“ какія могутъ быть сказаны если смотрѣть на дѣло съ другой стороны.

Г Л А В А X V.

Кенелмъ направилъ свой луть къ дому священника. Приближаясь къ церковной землѣ онъ встрѣтилъ джентльмена, по одеждѣ несомнѣнно духовное лицо, тогда онъ остановился и сказалъ:

— Я имѣю честь говорить съ мистеромъ Лесбриджемъ?

— Это мое имя, сказалъ священникъ пріятно улыбаясь.— Могу я что-нибудь сдѣлать для васъ?

— Да, очень многое, если вы позволите поговорить съ вами о нѣкоторыхъ изъ вашихъ прихожанъ.

— Моихъ прихожанъ! Простите, сэръ, но вы совершенно неизвѣстны мнѣ и я думаю также прихожу.

— Приходу извѣстенъ, я тамъ совершенно дома, и я искренно

убѣжденъ что въ вашемъ приходѣ не бывало такого хлопотуна который бы такъ вмѣшивался въ частныя дѣла.

Мистеръ Лесбриджъ изумился и помолчавъ сказалъ:

— Я слышалъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ который живетъ у мистера Сондерсона и теперь дѣйствительно служить предметомъ толковъ всей деревни. Вы....

— Этотъ молодой человѣкъ. Увы! да.

— Хотя, сказалъ мистеръ Лесбриджъ кротко,—я не могу какъ служитель алтаря одобрить ваше ремесло, и еслибъ могъ, постарался бы отклонить васъ отъ него; но такъ какъ этимъ избавлена бѣдная дѣвушка отъ самыхъ ужасныхъ преслѣдованій и данъ урокъ дикому животному которое долгое время было язвою и ужасомъ всей окрестности,—то я не могу искренно осуждать васъ. Нравственное чувство общины по большей части безошибочно: вы заслужили одобрение цѣлой деревни. Во всякомъ случаѣ я присоединяю къ нему и мое. Вы проснулись въ это утро и увидѣли себя знаменитымъ. Не вздыхайте же и не говорите „увы“.

— Лордъ Байронъ проснулся однажды утромъ и увидѣлъ себя знаменитымъ; послѣдствіемъ было то что онъ провздыхалъ „увы“ всю остальную жизнь. Если есть вещи которыхъ мудрый человѣкъ долженъ избѣгать, то это слава и любовь. Богъ да сохранить меня отъ того и другаго!

Священникъ опять изумился; но будучи сострадательнаго свойства и имѣя склонность снисходительно смотрѣть на человѣческія слабости, онъ сказалъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Я всегда слышалъ что въ Америкѣ кругъ образованной и читающей публики гораздо шире чѣмъ у насъ: но слыша какъ Американецъ принадлежащій къ званію не высоко уважаемому у насъ по умственному развитію и нравственной философіи цитируетъ лорда Байрона и высказываетъ чувства несогласныя съ лыжкостью неопытной юности, но заслуживающія всякаго одобренія въ глазахъ мыслящаго христіанина убѣжденнаго въ ничтожествѣ вещей наиболѣе пріятныхъ человѣческому сердцу, я изумленъ. О, юный другъ мой, при вашемъ образованіи вы могли чѣмъ-нибудь лучшимъ снискивать себѣ пропитаніе!

Въ числѣ убѣжденій Кенелма Чиллингъ было то что разумный человѣкъ никогда не долженъ давать застигнуть

себя врасплохъ; но теперь онъ совершенно олъвшиль, и спуская до уровня обыкновенныхъ умовъ проговорилъ:

— Я васъ не понимаю.

— Я вижу, сказалъ священникъ, спускательно покачивая головой,—какъ и всегда думалъ, что въ хваленомъ американскомъ воспитаніи самыя элементарныя христіанскія понятія о добрѣ и злѣ находятся въ большемъ пренебреженіи чѣмъ въ образованіи нашихъ низшихъ классовъ. Да, мой юный другъ, вы можете цитировать поэтовъ, можете изумлять меня замѣчаніями о ничтожествѣ человѣческой славы и человѣческой любви почерпнутыми изъ языческихъ поэтовъ, и въ то же время не понимать съ какимъ состраданіемъ—человѣкъ болѣе строгаго образа мыслей сказалъ бы съ какимъ презрѣніемъ,—смотреть на человѣческое существо посвятившее себя вашей профессіи.

— У меня есть профессія? сказалъ Кенельмъ.—Я очень радъ слышать это. Въ чемъ же состоитъ моя профессія? И почему я долженъ быть Американцемъ?

— Почему? Я увѣренъ что меня не обманули. Вы тотъ Американецъ, я забылъ его имя, который прибылъ сюда чтобы состязаться на призъ съ первымъ бойцомъ Англійи. Вы молчите; вы опускаете голову. Ваша наружность, длина вашихъ рукъ и ногъ, важное выраженіе лица, ваше очевидное образованіе свидѣтельствуютъ о вашемъ происхожденіи. Ваше удалство обнаружило вашу профессію.

— Прелодобный сэръ, сказалъ Кенельмъ съ обычною своею невозмутимостью, — я путешествую съ цѣлью отыскивать истину и сражаться съ ложью, но подобной жи къ какой я самъ подалъ поводъ я еще не встрѣчалъ. Помяните меня въ вашихъ молитвахъ. Я вовсе не Американецъ и не призовой боецъ. Я уважаю въ первомъ гражданина великой республики старающагося изо всѣхъ силъ осуществить опытъ управленія въ которомъ то самое благосостояніе къ которому онъ стремится рано или поздно разрушить этого опытъ. Я уважаю втораго потому что сила, мужество и трезвость существенныя свойства призоваго бойца, а эти качества служатъ лучшимъ украшеніемъ царей и героевъ. Но я самъ ни то, ни другое. Я могу сказать о себѣ только что я принадлежу ко многочисленному классу обыкновенно называемому англійскими джентльменами, и что по рожденію и воспитанію я имѣю право положить вамъ руку какъ равному.

Мистеръ Лесбриджъ изумился снова, приподнявъ шляпу, поклонился и подалъ руку.

— Теперь вы мнѣ позволите поговорить съ вами о вашихъ прихожанахъ. Вы принимаете участіе въ Уэллѣ Сомерсѣ; а также. Онъ уменъ и талантливъ. Но здѣсь повидимому нѣтъ достаточно спроса на его работу, и безъ сомнѣнія ему было бы лучше въ какомъ-нибудь городѣ. Почему онъ не хочетъ переселиться?

— Я боюсь что бѣдный Уэлль умретъ съ тоски если ему придется разстаться съ этою красивою дѣвушкой изъ-за которой вы вступили въ такую рыцарскую борьбу съ Томомъ Боульзомъ.

— Бѣдный мальчъ, значитъ онъ и въ самомъ дѣлѣ любитъ Джесси Уайльзъ? Вы думаете что и она также любитъ его?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— И будетъ ему хорошею женой?

— Хорошая дочь обыкновенно бываетъ и хорошею женой. А въ здѣшней деревнѣ едвали найдется отецъ у котораго была бы лучшая дочь чѣмъ Джесси. Она поистинѣ рѣдкая дѣвушка. Она была лучшею ученицей въ нашей школѣ, и моя жена очень привязана къ ней. Но у нея есть нѣчто высшее чѣмъ хорошія способности; у нея превосходное сердце.

— Ваши слова подтверждаютъ мое собственное впечатлѣніе. А отецъ дѣвушки не имѣетъ другихъ причинъ отказывать Уэллу Сомерсу кромѣ боязни что Уэлль не будетъ въ состояніи содержать жену и семейство?

— Онъ не можетъ имѣть другихъ причинъ кромѣ развѣ той которая одинаково можетъ относиться ко всѣмъ женамъ. Я хочу сказать что онъ боится чтобы Томъ Боульзъ не сдѣлалъ ей зла если узнаетъ что она выходитъ за кого-нибудь другаго.

— Значитъ вы думаете что мистеръ Боульзъ совершенно дурной и опасный человѣкъ?

— Совершенно дурной и опасный; и сдѣлался еще хуже съ тѣхъ поръ какъ началъ пить.

— Я полагаю что онъ не пилъ пока не сошелъ съ ума по Джесси Уайльзъ?

— Нѣтъ, я думаю что не пилъ.

— Но не пробовали ли вы, мистеръ Лесбриджъ, употребить ваше вліяніе на этого опаснаго человѣка?

— Разумѣется пробовалъ, но получалъ только оскорбленія. Онъ безбожное животное и уже нѣсколько лѣтъ не бывалъ въ церкви. Онъ кажется набрался нелѣпыхъ ученій которыя попадаются въ безбожныхъ сочиненіяхъ, и я сомнѣваюсь даже есть ли у него какая-нибудь религія.

— Бѣдный Полифемъ! Не удивительно что его Галатея избѣгала его.

— Старикъ Уайльсъ ужасно боится и просилъ мою жену найти для Джесси мѣсто служанки гдѣ-нибудь въ дали. Но Джесси не можетъ помириться съ мыслью оставить деревню.

— По той же причинѣ какая привязываетъ Уылла Сомерса къ родной почвѣ?

— Жена моя думаетъ что такъ.

— Думаете ли вы что еслибы Тома Боульза не было здѣсь, а Джесси и Уыллъ были бы мужемъ и женой, они могли бы жить достаточно на мѣстѣ мистрисъ Ботри, при доходѣ который Уыллъ выручалъ бы отъ своей работы въ дополненіе къ тому что доставляетъ лавка и земля?

— Достаточно! разумѣется. Они были бы почти богаты. Я знаю что лавка приносила всегда большой доходъ. Старуха теперь не очень много занимается дѣлами, но все-таки получаетъ достаточно.

— Уыллъ Сомерсъ кажется слабаго здоровья. Можетъ-статься еслибы онъ былъ лучше обезпеченъ въ жизни и не боялся потерять Джесси, здоровье его поправилось бы?

— Его жизнь была бы слаба, сэръ.

— Итакъ, сказалъ Кенелмъ съ глубокимъ вздохомъ, и лицо его вытянулось какъ у провожающаго похоронную процессію, — хотя я самъ глубоко сожалѣю о томъ нарушеніи умственного равновѣсія которое извѣстно подъ именемъ *любви*, и хотя я вовсе не желалъ бы увеличивать заботы и огорченія которыя бракъ причиняетъ своимъ жертвамъ—я не говорю уже о несчастіяхъ составляющихъ удѣлъ тѣхъ кого браку прибавляютъ къ населенію, и такъ уже чрезмѣрному—я боюсь что мнѣ придется послужить средствомъ соединенія этихъ двухъ любящихъ птицъ въ одной клеткѣ. Я готовъ купить для нихъ лавку съ принадлежностями при условіи что вы примете на себя трудъ получить согласіе отца Джесси на этотъ бракъ. Что же касается моего храбраго друга Тома Боульза, то я озабочусь освободить ихъ

и всю деревню отъ этой широкой натуры, требующей болѣе обширнаго поприща для своей энергіи. Простите что я не даю вамъ вставить слова. Я не кончилъ еще всего что хотѣлъ сказать. Позвольте спросить васъ, сплетничаютъ ли въ этой деревнѣ?

— Сплетничаютъ. Разумѣется; гдѣ только у женщины есть языкъ, тамъ не обойдется безъ сплетень.

— И замѣчая что Джесси очень красива и что я встрѣтился съ Томомъ Боульзомъ идя съ нею вмѣстѣ, не можетъ ли какая-нибудь сплетница сказать, покачивая головой: „Не изъ одного чувства благотворительности этотъ пришлецъ былъ такъ великодушенъ къ Джесси Уайльзъ.“ Но если деньги за лавку будутъ заплачены мистрисъ Ботри чрезъ васъ и вы милостиво примете на себя всѣ сопряженныя съ этимъ хлопоты, тогда нечего и не о комъ будетъ сплетничать.

Мистеръ Лесбриджъ съ изумленіемъ взглянулъ на торжественное лицо предъ собою.

— Сэръ, сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, — я не знаю какъ выразить мое удивленіе щедрости столь благородной, столь разумной, и сопровождаемой такою деликатностью и мудростью которая... которая...

— Прошу васъ, дорогой сэръ, не заставляйте меня стыдиться самого себя еще болѣе чѣмъ я стыжусь теперь по случаю своего вмѣшательства въ любовныя дѣла, совершенно противорѣчація моимъ убѣжденіямъ о лучшемъ способѣ достичь „приближенія къ ангеламъ“. Чтобы покончить это дѣло я думаю лучше всего передать вамъ сумму въ сорокъ пять фунтовъ стерлинговъ, за которую мистрисъ Ботри согласилась передать аренду и находящійся въ лавкѣ товаръ. Но разумѣется вы никому ничего не скажите объ этомъ пока я не уйду вмѣстѣ съ Томомъ Боульзомъ. Я надѣюсь что буду въ состояніи взять его съ собой завтра; но сегодня вечеромъ я узнаю навѣрное когда онъ отправится, и до его ухода мнѣ придется остаться здѣсь.

Говоря это Кенелъ вынулъ изъ своего бумажника и передалъ мистеру Лесбриджу банковый билетъ на упомянутую сумму.

— Могу ли я по крайней мѣрѣ узнать имя джентльмена который почтилъ меня своимъ довѣріемъ и сдѣлалъ столько добра моимъ прихожанамъ?

— Я не имѣю никакой особенной причины не называть моего имени, но не имѣю также причины назвать его. Помните совѣтъ Талейрана: „если вы сомнѣваетесь написать письмо или нѣтъ—не пишите“. Совѣтъ этотъ приложимъ ко многимъ сомнѣвающимъ въ жизни кромѣ писанія писемъ. Прощайте, сэръ.

— Необыкновенный молодой человекъ, пробормоталъ священникъ смотря на удаляющуюся фигуру высокаго незнакомца. Потомъ тихо покачавъ головою добавилъ: — Совершенный оригиналъ!—Онъ удовольствовался такимъ разрѣшеніемъ загадки. Читатель можетъ послѣдовать его примѣру.

Г Л А В А XVI.

Послѣ семейнаго обѣда, во время коего гость фермера обнаружилъ болѣе обыкновеннаго свой аппетитъ, Кенелму послѣдовалъ за фермеромъ къ складу сѣна и сказалъ:

— Дорогой мистеръ Сондерсонъ, хотя ужь у васъ нѣтъ для меня работы и я не долженъ бы злоупотреблять долѣе вашимъ гостепріимствомъ, но еслибъ я могъ остаться у васъ денекъ-другой я былъ бы вамъ очень благодаренъ.

— Другъ мой, воскликнулъ фермеръ, уваженіе коего къ Кенелму безмѣрно увеличилось послѣ любвіи его надъ Томомъ,—вы можете оставаться у насъ сколько пожелаете, и мы всѣ будемъ жалѣть когда вы уйдете. Но во всякомъ случаѣ вы должны пребыть у насъ до субботы, потому что вы пойдете съ нами къ сквайру на ужинъ. Тамъ есть на что посмотреть, и мои дочери разчитываютъ танцовать съ вами.

— Суббота будетъ послѣзавтра. Вы очень добры; но вселиться не мое дѣло, и я думаю что буду уже въ дорогѣ прежде чѣмъ вы отправитесь на ужинъ къ сквайру.

— Нѣтъ! вы должны остаться; и если вамъ нечего больше дѣлать, я дамъ вамъ работу которая будетъ какъ разъ по вашей части.

— Что такое?

— Поколотите моего работника. Онъ нагрубилъ мнѣ сегодня утромъ, а онъ самый здоровый малый во всемъ графствѣ, въ родѣ Тома Боульза.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

511167

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

120 (186)

1873

І Ю Л Ъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ✓ I. КУРСКІЕ ПОРУБЕЖНИКИ. Историческій романъ. Часть третья. Окончаніе. В. Е. Маркова.
- ✓ II. УЧЕНІЕ ДАРВИНА О ПРОИСХОЖДЕНІИ МІРА ОРГАНИЧЕСКАГО И ЧЕЛОВѢКА. Философско-критическіе этюды. Гл. I—VI. А. П. Лебедева.
- ✓ III. БОЛГАРІЯ. Славянская ловѣсть. М. С. Чайковскаго (Садкы-паша). Переводъ съ польскаго. Продолженіе.
- ✓ IV. МАХОНИНЫ. Изъ моухъ воспоминаній. Окончаніе. Н. Ч.
- ✓ V. ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВОЕННАГО ВРАЧА ВЪ КРЫМСКУЮ КАМПАНИЮ. И. Л.—скаго.
- ✓ VI. ЛЕДИ АННА. Романъ. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XII.
- ✓ VII. КАЗАНСКАЯ. УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРІЯ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ МѢСТНОМУ НАСЕЛЕНІЮ. Е. Н. Воронца.
- ✓ VIII. СЛОВЕНЦЫ. Изъ путевыхъ воспоминаній В. Макушева.
- ✓ IX. РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. П. А. Висковатова.
- ✓ X. ПРАКТИЧЕСКІЙ НИГИЛИЗМЪ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ. Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. XIV—XV и книга вторая. Гл. I—VIII.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ П. ЮРГЕНСОНА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
ПЕТРОВКА, № 6, ВЪ МОСКВѢ.

ПРЕЙСЪ - КУРАНТЬ ФАБРИКИ ГАРМОНИУМОВЪ Э. КРАУСА

получившихъ большую серебряную медаль на Политехнической
выставкѣ 1872 года въ Москвѣ.

ГАРМОНИУМЫ ИЛИ ФИСГАРМОНИКИ

№№	(ОРЪХОВАГО ДЕРЕВА).	Цѣны на рубли.
1	Въ 1 игру, 4 октавы, 3 регистра (концертина)	100
2	. 1 игру, 4 октавы, 3 регистра.	115
3	. 1 игру, 4½ октавы, 3 регистра	125
4	. 1 игру, 5 октавъ, 5 регистровъ . . . . . Сурдина, выраженіе, тремоло, два форте. (Forte).	140
5	. 1½ игры, 5 октавъ, 8 регистровъ . . . . . Сурдина, англійскій рожокъ, выраженіе, небесный голосъ, тремоло, 2 форте.	165
6	. 2 игры, 5 октавъ, 10 регистровъ . . . . . Сурдина, Бурдонъ, англійскій рожокъ, общій ре- гистръ (Grandjeu), выраженіе, флейта, кларнетъ, не- бесный голосъ, тремоло, 2 форте.	185
7	. 2½ игры, 5 октавъ, 11 регистровъ . . . . . Сурдина, Бурдонъ, англійскій рожокъ, общій ре- гистръ (Grandjeu), выраженіе, флейта, кларнетъ, небесный голосъ, тремоло, 2 форте.	200
8	. 3 игры, 5 октавъ, 12 регистровъ . . . . . Сурдина, Клеронъ, Бурдонъ, англійскій рожокъ, об- щій регистръ (Grandjeu), выраженіе, флейта, клар- нетъ, флажолетъ, тремоло 2 форте.	225
9	. 4 игры, 5 октавъ, 14 регистровъ и 2 пружины для коляны . . . . . Сурдина, Бассонъ, Клеронъ, Бурдонъ, англійскій рожокъ, общій регистръ (Grandjeu), выраженіе, флейта, кларнетъ, флажолетъ, гобой, небесный го- лосъ, тремоло, 2 форте.	325
10	. 5 игръ, 5 октавъ, 16 регистровъ, 2 пружины для коляны . . . . . Сурдина, человѣческой голосъ, Бассонъ, Клеронъ, Бурдонъ, англійскій рожокъ, общій регистръ (Grand- jeu), выраженіе, флейта, кларнетъ, флажолетъ, гобой, небесный голосъ, тремоло, 2 форте.	350
11	. 5 игръ, 5 октавъ, 17 регистровъ, 2 пружины для ко- ляны, двѣ клавиатуры . . . . . Регистры тѣ же какъ у предыдущаго, съ прибав- леніемъ регистра (Correl) соединяющаго обѣ кла- виатуры.	400
12	. 5½ игры, 5 октавъ, 18 регистровъ, 2 пружины для коляны и 2 клавиатуры.	

* Всѣ эти инструменты съ роскошною оправой изъ серебра и съ рѣз-
бою, отъ 25 до 50 руб. дороже прочихъ.

Въ Конторѣ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), въ Москвѣ,
на Страстномъ бульварѣ, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступи-
ла въ продажу книга:

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ЛОМОНОСОВА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА,

ИСПОЛНЕННАГО ГЕЛЮТИПШЕЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Н. ЛЮВИМОВА,

профессора Московскаго Университета.

Цѣна 1 рубль.

Содержаніе этой книги слѣдующее:

I и II. Дѣтство Ломоносова.—Бѣгство въ Москву.—Ученіе въ Спасской школѣ.—III. Вызовъ въ Академію Наукъ.—IV и V. Пребываніе за границею.—VI. *Ода на взятіе Хотина* и *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*.—VII. Возвращеніе въ Россію и вступленіе въ Академію.—VIII и IX. Первые академическіе труды Ломоносова.—X и XI. *Риторика* Ломоносова.—*Вольфианская экспериментальная физика*.—XII и XIII. Духовныя стихотворенія и похвальныя оды.—XIV и XV. Похвальныя слова Ломоносова.—XVI и XVII. Ломоносовъ и Пушкинъ какъ выразители народнаго сознанія по отношенію къ Петру Великому.—Поэма *Петръ Великій*.—XVIII и XIX. Рѣчи Ломоносова ученаго содержанія.—Наблюденія Рихмана и Ломоносова надъ электричествомъ облаковъ.—XX и XXI. Смерть Рихмана.—Академическій актъ 1753 года.—XXII. Разборъ рѣчи Ломоносова *О леленіяхъ воздушныхъ*.—Общія замѣчанія о его ученыхъ заслугахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе вызвано желаніемъ доставить воспитанникамъ старшихъ классовъ Лицея Цесаревича Николая и вообще учащемуся юношеству пособіе при изученіи эпохи въ исторіи нашего образованія отмѣченной трудами Ломоносова. Наши отцы высоко чтили произведенія перваго русскаго поэта, ученаго и оратора, и носили въ своей памяти его возвышенную рѣчь, его стихи, мѣткія и остроумныя выраженія, обороты слова и мысли, всегда оригинальные и сильныя, нерѣдко вдохновенныя. Желательно чтобъ это доброе преданіе сохранили и наши дѣти. Для поддержанія его, быть-можетъ, не будетъ лишнею книга въ которой,—набрасывая очеркъ поучительной жизни и стараясь сдѣлать правдивую оцѣнку трудовъ Ломоносова, безъ фальшиваго освѣщенія и безъ преувеличеній, но съ сознаніемъ ихъ истинно великаго для насъ значенія, — составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду извлечь изъ произведеній Ломоносова и пояснить то что составляетъ вѣчный вкладъ, внесенный имъ въ умственный капиталъ своего народа. Наиболѣе оригинальную часть книги представляетъ разборъ ученыхъ трудовъ Ломоносова какъ натуралиста, по сравненію съ трудами другихъ ученыхъ его эпохи.

Въ обзорѣ произведеній авторъ придерживался хронологическаго порядка, соединяя, впрочемъ, вмѣстѣ разборъ однородныхъ сочиненій. Обзорѣніе трудовъ ученаго содержанія въ настоящей части доведено до 1754 года. Выдавая ее въ свѣтъ до полнаго окончанія сочиненія, авторъ руководился отчасти тѣмъ обстоятельствомъ что она представляетъ уже значительную долю труда, а отчасти желаніемъ выдать ее въ настоящую минуту, когда повсюду въ нашемъ отечествѣ только-что отпраздновано двухсотлѣтіе рожденія Петра. Есть много похвальныхъ словъ великому Преобразователю. Но едва ли не краснорѣчивѣйшее изъ нихъ—самъ Ломоносовъ. Сынъ обновленной Россіи, онъ живое похвальное слово обновителю. Наконецъ, имя Ломоносова связано съ именемъ Петра еще и тѣмъ что Ломоносовъ и Пушкинъ есть истинные выразители народнаго сознанія о Петрѣ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1873 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 1873 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 75 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—17 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—18 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—19 р. 50 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Баумова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Баумова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1873 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1873 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей сер.; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки четырнадцать рублей; съ доставкой и пересылкой семнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

